М. М. ПРИШВИН

Дневники

1940

1941



Москва
РОССПЭН
2012

УДК 882
ББК 84Р7-4
П77

Издано при финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Пришвин М. М.
П77 Дневники. 1940–1941 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 880 с.

ISBN 978-5-8243-1599-8

Книга М. М. Пришвина «Дневники. 1940–1941» продолжает публикацию дневника писателя (1905–1954), едва ли не самого масштабного и неожиданного произведения в истории русской литературы первой половины XX в. В эти годы жизнь и творчество Михаила Пришвина определяются двумя событиями: любовь и война. В дневнике воссоздается нравственно-философская парадигма представителя той части русской интеллигенции, которой в течение четверти века начиная с 1917 г. удалось выжить и не сломиться, продолжая вопреки всему культурное освоение новой жизни. Огромный интерес представляет дневник первых трагических месяцев войны – свидетельство писателя о перевороте в народе и армии и превращении войны в Отечественную.

При оформлении форзаца и нахзаца
использованы фотографии М. М. Пришвина

УДК 882
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-8243-1599-8

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1940

1941

1 Января. Собрались мои инвалиды, Чувиляевы, Разумник, Зиминкины, Петя, Павловна и здоровые только Лева с Галиной. Жгли в кумирне арчу[1] и загадывали, у меня в загаде вопрос: «Крестик» или «Приди!» И мгновенно, как на охоте стрельба по взлетающей птице, я сказал: «Приди!»

В Марте надо перезаказать газеты еще на три месяца (а на журналы даже и вовсе не принимают подписки). «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва». «Правда» и «Вечерняя Москва» – в Москву, «Известия» и «Комсомольская правда» в Загорск.

Поди, разбери-ка «Войну и мир», как песню «Приди!». А между тем и это непременно... или... взять Тургенева, там все только и есть, что «Приди».

Ждали 10-го номера трамвая целый час и не дождались, Павловне пришлось остаться в Москве до утра[2]. Тем и кончился праздник наш, и в последний раз мы поели пельменей и улеглись.

2 Января. Установилась зима. Работа над «Неодетой весной»[3] вошла в берега, и теперь уже наверно знаешь, что выйдет, и уже ясно видишь конец: «Живая ночь»: «Приди!», выражающая *песню* всей моей жизни.

Решил пригласить К.[*], чтобы документировать мою работу, начиная с последней – «Неодетая весна».

Сегодня продвинул до «Ящериц» и можно будет после описания «говорливой ночи» (Бубнило, Звонило, Говорун) взять-

---

[*] К. – Клавдия Борисовна Сурикова, сотрудница Литературного музея.

ся за «Уток и охоту». «Утиная охота» переходит в лосей и от лосей «Живая ночь».

Аксюша ходила с Боем на улицу, видела там много детей, играющих в войну и сказала:

– Будет война!

И так объяснила мне о <*зачеркнуто*: войне детей>. В прежнее время, бывало, старики заговорят о войне и детям до того становится страшно, что долго не могут уснуть. Тогда старики начинают детей успокаивать: война пойдет, но к нам не придет, нас война побоится. Мало-мальски успокоят, и уснут дети, и все-таки снится страшное и не хочется войны.

– А теперь, – сказала Аксюша, – дети играют в войну и так охотно, стреляют чем-то друг в друга, падают, будто раненые, их поднимают, уносят. И все в охотку. И если детям не страшна война, то значит будет война.

Жалко мне этих писателей, которых вы разложили по кирпичикам.

3 Января. Вчера в разгаре работы мне стало совершенно ясно, что весь труд, который я положил на все предыдущие вещи, входит в состав этого моего труда: не будь того – не было бы и этого. Отсюда я сделал заключение, что если бы кто-нибудь со стороны сейчас вошел в мою лабораторию, то он понял бы всего меня, и не только с тех пор, как я начал писать, а даже и с тех пор, как я родился: ведь я именно таким и родился, какой я есть теперь. Какой легкий, какой интересный труд был бы для такого исследования написать жизнь Пришвина.

Мало того! ведь я, не говоря о размере своего таланта, совсем настоящий поэт, чистая валюта, следовательно, по мне можно будет потом разбирать и других. И даже откроется новый метод исследования творчества, именно, чтобы начинать исследовать самые последние вещи и, по возможности, в процессе их созидания. Мне казалось, что я сделал открытие и, вспомнив о милой женщине – Суриковой, позвонил к ней и назначил встречу, уверяя ее, что это очень важно, и мы с ней приступим к работе по новому методу.

– По какому же новому? – спросила она меня деловито.

– Будем исследовать, – ответил я, – не сначала, как все, а с конца.

Теперь я не сомневаюсь, что она ничего не поняла и ответила мне:

– Ну, хорошо, мы об этом поговорим при встрече.

Все шло дальше прекрасно, я лег спать в отличном настроении, и вот, снится мне, будто я, переходя перекресток или площадь, упал без сознания, и бобровая моя шапка соскочила, и ветер ее покатил. А когда очнулся – шапки моей не было.

– Где моя шапка? – спросил я милиционера, и проснулся.

И тут вдруг в ужасе вспомнил, что пригласил Клавдию Борисовну, совсем не знакомую мне женщину, исследовать интимнейшую свою жизнь. Казалось, будто во сне слетела с меня шапка-невидимка, и я стал наконец видим сам для себя.

«Что же мне теперь делать, что говорить, когда она придет?» – спрашивал я себя со стыдом. И вспомнил, что она обещала позвонить в 4 дня. Позвонит, решил я, и я под каким-нибудь предлогом откажусь от встречи. Вот что бывает с такими дураками, как я, и как это верно сказано, что горбатого только могила исправит. И горб мой, узел, которым завязано все мое существо, есть эта непонятная тяга к женщине, которую я не знал и не могу знать, и мне недоступную. И самое непонятное в этом, что и будь она доступна, я стал бы сам создавать из нее Недоступную и утверждать в этом ее реальность. В этом же и состоял мой роковой роман на всю жизнь[4]: она сразу согласилась, а мне стало скучно, и она это заметила и отказала. Я настаивал, и после борьбы она соглашалась за меня выйти. И опять мне становилось скучно быть женихом. Наконец она догадалась, и, умница, отказала мне наотрез, навсегда, и когда сделалась тем самым Недоступной, узел завязался надо мной на всю жизнь, и я стал Горбатым.

Не остается теперь никакого сомнения, что комическая просьба по телефону к незнакомой женщине и есть какая-то форма того основного романа с Недоступной.

Начало дружбы с К. Б. Суриковой.

– А у вас есть чувство природы? – спросил я.

Она подумала и меня спросила:

– А что это?

И я не мог ей ответить ясно.

– Каждый день, – сказала она, – я хожу по набережной на работу и смотрю на реку, и каждый день она бывает разная. Без чувства не было бы внимания: не в этом ли чувство природы.

– Во внимании? – спросил я.

– Ну да.

И я ей рассказал как внимателен весенний солнечный луч на опушке, как он проникает в старую листву, как вызывает букашек.

Оказывается, Станиславский учил ее постоянно вниманию[5]. Так что мое родственное внимание происходит от Солнца: описать горячий луч весной на опушке.

6 Января. Сочельник. 8.35 еду в Загорск.

– Смотрю я на вас, – сказала Аксюша, – вы как в 20 лет живете, таких людей бывает из тысячи один.

Я же ей на это ответил:

– Аксюша, не годы – талант, дар такой душе дан, цветы последние милей роскошных первенцев полей[6].

– Это правда, – сказала она, – это бывает, но все-таки в эти годы надо быть осторожней.

И она известную басню о лягушке и чурбане передала мне в этом смысле, что если не будешь осторожным, лягушка на тебя залезет, как на чурбан.

– Аксюша! – с отвращением сказал я, – цветы последние милей роскошных первенцев полей.

– Надо беречься, – настаивала она, – это соблазн.

– Как же бороться с соблазном?

– Надо вооружиться двумя орудиями: молитвой и постом.

– Значит, я, живой человек, должен просить Господа, чтобы он сделал меня чурбаном?

– Да, нужно быть как дерево или камень, и тогда соблазн не коснется.

– Понимаю, – ответил я, – если по молитве твоей Господь дает бесчувственность, то если на тебя и заберется лягушка, тебе ничего не будет: тогда ты ничего не почувствуешь, по молитве своей ты не живой человек, ты – чурбан.

И тогда в третий раз я ей сказал:
– Цветы последние милей роскошных первенцев полей.

7 Января. (25 Дек.) Рождество. −25°. Все завалено снегом. Разумник принялся за архив[7]: они с Бончем хотят меня хоронить. Я же, не будь дураком, архив-то архивом (это ведь тоже деньги), а жизнь – жизнью: Клавдию-то Борисовну все-таки у них отобью, будут помнить, как они хоронили кота Пришвина.

Прошлый год еще «Комсомольская правда» имела лицо, а теперь кончено: все газеты одинаковы. И этот процесс уравнения, обезличивания шествует неумолимо вперед, и параллельно ему каждое живое существо залезает в свою норку и только там, в норке, в щелке, в логове, о всем на свете позволяет себе думать по-своему.

Среди своих ранних писем нашел я такое письмо, из которого ясно видно, что в то время я был именно тем самым безлико-общественным существом[8], какое сейчас обслуживает зверя Левиафана[9]. И вот этот процесс «олевиафанивания» жизни пошел без меня, я же, благодаря любовной катастрофе прозрел и забрался в нору. И все писательство мое как борьба за личность, за самость развилось в этой норе.

Мало того! я тогда еще предвидел, что со временем и каждый войдет в свою нору. И вот это теперь совершается. И в этой всеобщности моего переживания и заключается секрет прочности моих писаний, их современности и успеха не казенного, а органического.

8 Января (ночью). Я думал: любить женщину – это значит открывать в ней девушку. И только тогда женщина пойдет на любовь, когда ты в ней это откроешь: именно девушку, хотя бы у нее было десять мужей и много детей.

– Кто ее муж? – спросила Аксюша.
– Не спрашивал и не интересуюсь.
– Напрасно, я бы спросила.
– Твое дело, но мне совсем это не нужно. (Разговор с Аксюшей.)

Можно жить в духе, не пользуясь духовенством.

Чем больше будет «болеть» Павловна, тем мне надо быть к ней более внимательным.

Нарушение девственности не всегда связано с физическим сближением. Сущность «нарушения» в том, что нечто более высокое подменяется более низменным.

С этого у нас и началось, что исследование своей жизни я предложил делать не с года моего рождения, а с настоящего дня, в котором содержится все мое прошлое. Когда же мы приступили к делу, то настоящего уже не было: оно прошло, а будущее не наступило. Момент настоящего, как мы ни бились, от нас ускользал (дальше я сочиняю).

– Дайте мне руку, – сказал я.

И когда я взял к себе на колени ее руку, в этот момент я понял, почему вошло в обычай, когда люди хотят остановить мгновение, выражать это словами «прошу вашей руки» <*приписка*: мне нравится это «прошу»>.

В тот момент, когда я взял ее руку, текущее мгновение остановилось и предстало перед нашим сознанием как вечность. И так мы нашли желанное мгновение, и я понял, чего я хотел, когда предложил исследование своей жизни не с далекого прошлого, а с настоящего, в котором содержится все прошлое.

Разговор с N.[*] о его сочувствии английской демократии. – А японцам, – сказал я, – в 1904 году? [Никогда] японцам, – сказал он, – я тогда не японцам сочувствовал, а ненавидел царизм. – А в 14 году – помните? Как вы сочувствовали немцам? – Тоже из ненависти. – В таком случае, как же не подумать, что теперь англичанам сочувствие – тоже из ненависти? – А вам разве нравится? Нет, но я русский человек, люблю русский пейзаж, люблю язык и народ его творящий. Я за это стою, а не из любви к Сталину[10], впрочем, Сталин... в высшей степени подходящий ко времени человек.

[*] Имеется в виду Иванов-Разумник.

9 Января. Снилось мне, будто я плавал в замерзающей воде, над которой струйки пара перебегали, как сейчас на Москве-реке.

И следовало бы так поплавать, вся бы дурь сразу прошла.

Не забыть «Живая ночь», «Чутье»: пусть Сват поймал стойку через мысль о том, что у человека нет чутья.

Литературный музей превращается у меня теперь постепенно в Кащея Бессмертного, у которого я должен отбить свою невесту.

Дорогой Владимир Дмитриевич, <*зачеркнуто*: в договоре, который вы заключили с Р. В. Ивановым относительно описи моего архива, по-моему, пропущен один пункт, касающийся лично меня>. По Вашей инициативе и личной поддержке меня, я приступил к описи своего архива. Вследствие этого считаю своим долгом в дополнение к договору вашему с Р. В. Ивановым настоящим письмом заявить, что я беру на себя обязательство этот архив по снятии копий с дневников предоставить в распоряжение Литературного музея на обычных условиях <*зачеркнуто*: за обычное вознаграждение> на тех условиях, какие предоставлял Музей другим писателям <*зачеркнуто*: дает Музей для подобных архивов. В случае же смерти моей...>

Вспомнишь то время, когда я готовился сдавать лесоводство по Турскому[11], и, чтобы отбиться от мешающей мне мысли о «ней»[12], ставил черточку на полях каждый раз, как приходило на ум что-нибудь о ней. Какое же это было мученье!

Подробности сна: Провожаю я будто бы Кл. Бор. через 3-й мост и чувствую: кто-то за нами шагает тяжелым шагом, вроде Командора[13]. И когда я проводил ее и вернулся, он встретил меня на мосту и только меня коснулся – я полетел с моста в мерзлую воду, по которой от стужи ходят дымки. И плаваю я, и спрашиваю вверх Командора: – Долго ли мне плавать тут? – Нет, – отвечает он, – вода холодная, как дурь у тебя из головы выйдет, так все и кончится.

Сговорился с Огневым на консультацию фильма «Грызуны» на 11-е в 5 вечера, с Клавд. Бор. на 12-е вечер.

Вечером приходил кум* и мы с ним вели долго неумолкаемый юношеский разговор о женщине-богородице. Я теперь вспоминаю свое и смирение, и молчание, и непонятность утраты своей личности, и упование на будущее, как на беременность. И сейчас время именно такой всеобщей беременности. Вот и надо бы дать то же, что в «Жень-шене», только в отношении к женщине.

10 Января. –36.

Когда моя новая сотрудница ушла от меня, Аксюша спросила: – А кто у нее муж? – Не знаю, – сказал я, – не все ли нам равно, какой у нее муж.

В следующий раз тем не менее мне почему-то захотелось спросить у нее, кто у нее муж, но мне было совестно спросить, я не спросил. В этот раз она мне очень понравилась, и я решил ее проводить. Теперь мне уже очень хотелось ее спросить о муже, и вопрос этот на мосту чуть не слетел с моих губ. Он замер, когда я услышал за собой тяжелые шаги. Мне уже не хотелось обертываться, как будто я уже знал: это шел позади Командор, ее муж. Я проводил свою даму и, когда вернулся к мосту, мне стало страшно: Командор стоял на моем пути. И только я с ним поравнялся, он тронул меня пальцем, и я полетел с моста в студеную черную воду, дымящуюся от стужи. И я плавал. – Долго ли мне тут плавать? – спросил я Командора. – Нет, – ответил он, – не долго, вода холодная, как дурь твоя пройдет, так все и кончится.

И я проснулся.

11 Января. Мороз сломило (–15). Жим погиб.

Катастрофа с продовольствием в Москве очень напоминает 1917 год. Но тогда хотелось бунта, теперь это, как смерть личная: теперь не пережить. А впрочем: «что будет, то будет».

– Боюсь я вашего Музея, вы в нем всегда с дельной головой, а у меня голова всегда шальная.

– Плохо вы о мне думаете, – сказала К. Б. (Кабэ).

---

* Речь идет об А. М. Коноплянцеве.

Такой ли мой талант, чтобы мог заменить молодость, такая ли женщина, чтобы могла удовлетвориться талантом?

В первом не сомневаюсь: кому-то он может заменить, но та ли это женщина – неизвестно. Очень близко, но не знаю. Если бы это было так, моя жизнь получила бы полнейшее поэтическое оформление.

Сегодня в 6 утра по радио сказали, наконец, об угрозе со стороны Швеции и Норвегии[14]. Сразу же объяснилась нехватка хлеба вследствие расстройства транспорта.

Борьба с очередями должна быть такой же как борьба с самым лютым врагом, пораженческие идеи именно тут-то и возгораются.

Говорят о Резиновой Горе, по которой немцы стреляют и бомбы в немцев и возвращаются. Говорят о самострелке[15] и о кооператоре, который хочет растратить и попасть под суд вместо того, чтобы попадать на войну.

В ту войну с Германией во время царя...

Телефонные переговоры с К. Б. (завтра придет).

Любовь и поэзия – это одно и то же; размножение без любви – это как у животных, а к этому поэзия – вот и любовь (у религиозных эта «любовь», именно эта, есть *грех*, и тоже они не любят и не понимают поэзии).

Психологический материал всех романов разделяется на две группы:

1) переживание любовное вместе друг с другом и 2) в разлуке.

13 Января. <*Зачеркнуто*: Дорогая Клавдия Борисовна>, теперь стало ясно, что из работы над моими дневниками у нас ничего не выйдет. Мало того! Моя «Неодетая весна» по всем швам, видно, затрещала. <*Зачеркнуто*: еще немного и я>. Очевидно, что поезд подошел к моей станции и приходится выходить из вагона. <*Зачеркнуто*: Желаю Вам счастливой и благополучной жизни и счастлив, что имел возможность искренне сказать Вам

свое восхищение>. Уношу от нашей чудесной встречи новую уверенность, что Марья Моревна существует на свете[16], и мой колобок недаром бежит по земле.

Конечно, посылать письмо это незачем, это ведь только предлог для возобновления. Все кончено: против Командора невозможно идти. Рассказом о Командоре так все и кончилось и не нужно ни письма посылать, ни креста надевать. Да! не нужно ни письма посылать, ни креста надевать, все прошло как неважная репетиция.

Весь роман продолжался три недели и состоял из четырех свиданий: первого случайного в Литмузее, второго у меня с Маминской комиссией и двух свиданий у меня на дому, каждое часов по шесть. 12-го вечером все кончилось «Командором» (написал рассказ за час до последнего свидания). Конец.

6 вечера по пути в Загорск.

Не страшно, что будут судить, а страшно, что может быть при общем смехе меня оправдают. (Не страшно, что будут судить, а страшно, что при общем смехе еще и оправдают.)

В 7 вечера приехал в Загорск. Павловна сразу же ни за что накинулась на меня, как зверь: вот какая болезнь, что человек звереет.

Эта боль не от того, что не нашлось мне ответа – это старые раны я растравил и сам себе вскрыл. Теперь буду зализывать их.

15-го послать с Разумником письмо: «Мне захотелось работать немедленно и быстро над своими дневниками, чтобы месяца через три все закончить и сдать в Музей вместе с тем, что приготовит Раз. Вас. Нужен человек, могущий работать у меня часов восемь в день. Если знакомая Бориса Дмитр. никуда еще не поступила, то прошу Вас направить ее ко мне.

<*Зачеркнуто*: Вы меня извините>. Причины, по которым пришлось перейти на спешку, тут я не буду Вам излагать. Вы мне поверьте на слово, что делаю это ни в коем случае не в оби-

ду Вам: ведь спешная механическая работа – это совсем не то, о чем мы с Вами думали*. Всего Вам доброго».

14 Января. Ходили с Петей на лисиц. Трудно гонять: и холодно (–20), и снег слишком глубок. Свету заметно прибавилось, и свет не тот: вечером Голубой стоит у окна[17].

Я сознательно работаю над собой и освобождаюсь от своего плена. Чудо это тем объясняется, что это не вновь, а открываются старые раны: болезнь всей моей жизни. Победа моя состоит не в том, что я зализал рану, а в том, что воспользовался этой болью и написал, и, мало того! прочитал и тем объяснился: вот, мол, какого рода моя любовь: я, мол, не для себя только (эгоистически), и не для вас, а я для всех люблю, эта любовь есть победа над таким собой.

В этом опыте я как в зеркале увидел всю свою жизнь, как я из боли своей сделал радость для всех. Я увидал весь свой путь к свободе *от себя*, к выходу из себя и утверждению прекрасного мира вне себя.

Но позвольте! разве во всей-то природе не к тому же самому приводит любовь, чтобы выйти из себя, т. е. родить, и, значит, начать нечто новое в мире?

И вот она, весенняя песня «Приди!» – это призыв к творческому страданию, к необходимости принять его в себя, чтобы создать нечто новое в мире. И это страдание состоит в утверждении «Я» и его преодолении (бой петухов – явление «Я»). Самка, получив семя, несет яйцо и *садится*, самец, окончив песню, *линяет*.

15 Января. В ту войну, 1914 г. у нас, у каждого в личном своем деле брала оторопь, мы думали, что наше личное дело надо бросить, а ход великих событий потом укажет, что нам делать. Теперь же, напротив, каждый в личном своем деле от хода событий не ждет перемен и держится за свое личное дело, как за последнюю реальность.

Вот почему Разумник разбирает в Москве мой архив.

* Имеется в виду В. Бонч-Бруевич.

На завтра на юбилее Новикова назначил встречу с новой сотрудницей вместо отступившей К. Б.

16 Января. –43° с ветром. Устроил «смотрины» (ее зовут Валерия Дмитриевна)[18]. Посмотрели на лицо, посмотрим на работу (19-го).

В свете этом опять встала боль с такой силой, что почти всю ночь не спал.

Задумал выступление в комиссии по изучению Мамина:

1) Любовь к отечеству: «Слово о полку Игореве» или Мамин: будут знать «Слово» – «Слово» не скажет о Мамине, но Мамин скажет о «Слове».

2) Почему тянет <*зачеркнуто*: посмотреть> «поглядеть» на писателя (простой народ: еда – материя; поглядеть – это дух. В этом таится стремление к «настоящему». Руку поцеловать женщине («просить руки») = материализоваться.

3) Исследование писателя с чего-то наиболее нам близкого (настоящего).

4) Романтизм (белая барышня).

У Мамина чудесно изображена бесследно проходящая юность[19]. Куда-то исчезла «Белая девушка», и это еще что, взамен пустоты настоящего создается мечта.

Я болею, я мысленно пишу:

– Из меня вот вышел этот рассказ, и люди говорят о [рассказе] и будут долго говорить: «Это очень хорошо!» Но почему из Вас навстречу этому ничего не вышло, и Вы <*зачеркнуто*: не только> даже не пожали мне руку, даже забыли у меня на столе подаренную Вам рукопись? Почему же именно Вы, ради которой это и было написано, ничем не ответили мне. Неужели то лучшее, что я открыл и взял себе для рассказа, уже стало моим, и Вам нечем мне ответить?

18 Января. Голодный повар – как это может быть? А вот бывает же: <*зачеркнуто*: голодный повар – это поэт> поэт похож на голодного повара, он, создающий из жизни обед для других, сам остается голодным.

Черты из жизни Пепко – это поэма о голодном поваре жизни. И что ужасно: как будто оно в отношении писателя так и быть должно <*приписка*: мои первые книги>: сытым писателем так же трудно быть, как голодным поваром. Сытые писатели – все-таки есть, голодные повара.

К записанному 15-го/I: в 14 году крестьяне стремились к помещичьей земле и видели в этом выход из малоземелья. Ныне крестьянин едва ли верит в возможность...

Моя первая запись жизни была в 1902 году в Марте (или Апреле?) в поезде из Парижа в Берлин. На клочке бумажки, обливая ее слезами, я записывал этапы моей первой любви[20] к девушке, с которой почему-то решил навсегда расстаться. Этот клочок бумажки приблизительно такого содержания: 1) Встреча и розы. 2) Розы в холод не пахнут. 3) Розы в комнате запахли и т. д. – этот клочок и был моим первым произведением. И самое замечательное в этом романе, это что я сам по собственному желанию сделал ее Недоступной для себя, как будто эта недоступность необходимо нужна мне была для того, чтобы сделаться настоящим писателем, о чем, конечно, в то время я вовсе не знал. Стремление выйти <*зачеркнуто*: из себя путем> из мучительного состояния путем записи было совсем бессознательным, совсем «ни для чего».

Материалист не тот человек, кто утоляет свой голод, поедая хлеб, а тот, кто голодный, не имея куска хлеба, понимает <*зачеркнуто*: солнечную природу> солнечную материю хлеба.

Писатели из дома на Лаврушинском живут во много раз [в] лучших условиях, чем писатели из дома в Нащокинском пер., но пишут-то в Лаврушинском ничуть не лучше, чем в Нащокинском.

А между тем я сам помню, когда шла жестокая борьба у писателей за квартиру в Лаврушинском, в одном из таких бурных собраний выступили два друга. Один, выступая в защиту своего права на квартиру в Лаврушинском, перечислил свои заслуги в отношении составления сценария одному знаменитому кино-

режиссеру. И когда он кончил, выступил его друг и рассказал, в каких ужасных [квартирных] условиях этот его друг пишет свои работы. И закончил: – Можете себе представить, какую творческую деятельность разовьет мой друг, если получит приличную квартиру в Лаврушинском переулке.

Поэзия документа (Бонч-Бруевич).

Победа будет: я знаю, что для этого надо. Для этого надо вперед исключить себя от обладания благами этой победы: я не для себя побеждаю...

19 Января. –20 (потеплело).

«Дурь» проходит окончательно и показывается дно души, похожее на дно мелкой городской речки: среди камешков лежит чайник без носика, эмалированная кастрюля с дырочкой, разбитый урыльник и всякая дрянь. И когда это показывается, то и мучительная «дурь» становится так хороша! И эта дурь и дно с урыльником и составляют всю «любовь».

Самое близкое мне повествование Мамина – это «Черты из жизни Пепко», где описывается «дурь» юности, и как она проходит, и как показывается дно жизни, похожей на мелкую городскую речку с ее разбитым чайником и дырявыми кастрюлями и всякой дрянью. И как, когда показывается дно, является оторопь от жизни и хочется вернуть себе «дурь». Делают серьезные усилия, и «дурь» становится действующей силой, поэзией писательства. В «Пепко» вскрывается внутренняя двигательная сила всего написанного Маминым; «Пепко» есть свидетельство, что Мамин – настоящий поэт, независимый от внешних условий.

20 Января. Мороз сломило (–15).

Напряжение на полюсах на + и –, угрожающее разрядом большой силы, от которого, вспыхнув, гаснет свет (короткое замыкание). Корректив спасительный – «Неодетая весна».

Вчера читал «Весну» Разумнику и был доволен собой.

Как «недоступность» является составной частью поэтической любви, так точно и «неизбежность расставания» заполняется перипетиями. Неизбежность расставания не устраняется, даже если влюбленные живут в одной комнате: когда это понадобится, влюбленные надуются и не будут между собой говорить.

Валерия Дмитриевна в тот мороз отморозила себе ноги и не пришла на работу: вот не везет с дневниками. Не утопить ли их в Москве?

Не надо закрывать глаза, что В. Д. и мое выступление относятся к «неизбежным» маневрам романа.

И то относится к «неизбежности», что «плюс» читает мысли «минуса», питается и сладостью догадок и горечью внезапно освещающего сознания, что «минус» совсем ничего не чувствует.

Говорят, что Мамин – это русский Золя, и в этой книге он так и назван по шкале Золя: писатель-натуралист. Натурализм: это берется золото – лирическое волнение, к нему прибавляется механическая лигатура. А у Мамина: блудный сын из богемы, больной, измученный, возвращается к отцу на родину и восстанавливает родственную связь со своим краем.

Каждый из нас в лице своем гений, единственный в своем роде: один раз пришел и в том же лице больше никогда не придет. В лице своем каждый гений, но трудно добиться, чтобы лицо это люди узнали. Да и как его узнать, если не было на земле еще такого лица.

И вот почему критики, если появляется на свете оригинальный писатель, прежде всего стараются найти его родство с каким-нибудь другим, похожим на него писателем. Бывает, удачно сравнение, бывает совсем хорошо, если критик того или другого гения будет измерять силой изображения чего-нибудь для них общего. Более неудачного определения Мамина как русского Золя я не знаю. Мне грозит лицо Тургенева, Чехова...

Почему же у нас Мамина не узнали в лицо? Я отвечу: потому не узнали, что смотрели все в сторону разрушения, а не утверж-

дения родины. Тогда патриоты были не нужны и даровитому русскому писателю наклеили чужое лицо французского писателя. В то же время как писателю почти что французу наклеили русское лицо (Тургенев).

И теперь же из настоящего: патриотизм.

Заключение: исследование от настоящего, потому что в настоящем содержится все прошлое. Если писатель жив и движется, надо брать его последнее лучшее и освещать им прошлое. Если он умер, но живет в своих произведениях, то в настоящих [и] надо искать смысл... Не надо гоняться за Александром Невским и притягивать, все это есть в Мамине: [откроют] книги Мамина, о Невском и Игоре сами поймут.

Не верь, что свободен от этого ненужного чувства, если даже обнажится самое дно души: это временное, а душа снова наполнится. Сегодня впервые только показалось равнодушие – и вот это есть начало настоящего конца и начало обычной свободы.

Только вижу по этому примеру, как же мало взял я у жизни для себя, как дал этому чернильному червю насквозь иссосать свою душу.

Это была женщина не воображаемая, не на бумаге, а живая, душевно-грациозная и внимательная, и я понял, что настоящие счастливые люди живут для этого, а не для книги, как я, что для этого стоит жить и что о нас говорят, потому что мы себя отдали, а о тех молчат, потому что они жили счастливо: о счастье молчат.

И вот захотелось с этого своего мрачно-высиженного трона сбежать...

Как прыжок косули в лесу, – прыгнет и не опомнишься, а в глазу это останется и потом вспоминаешь до того отчетливо, что взять в руки карандаш и нарисовать. Так вот и пребывание этой женщины в моей комнате: ничего от нее как женщины не осталось, это был прыжок. Но... как же счастливы те, кто не пишет, кто этим живет. А и вполне возможно, что это «соблазн», что это путь не к себе, а от себя.

Газета. Кино: Новосибирская киностудия. Сегаль Семен Яковлевич.

Революционеры все это хорошее – любовь к отечеству (Мамин), откладывали на будущее, а Мамин был в настоящем. А символисты связаны с революционной интеллигенцией отрицанием: те [революционеры] – боги, эти: я – бог!

Мамин же был органически здоровый человек, был «дома», а не искал его: дом у него был.

К началу лекции: в 14 году жизнь за перевалом, а не здесь: перевалим и жить будем. Теперь дальше идти некуда, и лучшее разовьется из того, что есть, что под ногами и вырастет из-под ног, как трава. Мамин же и тогда стоял на своих ногах, на своем уголке земли, на Урале.

Почему Мамин не сомкнулся с движением новой литературы и почему Ремизов, Окулич, все сошлись с революцией?

21 Января. И вот еще со мной как бывает, что я хочу поступить как все и начинаю так, но по пути оказывается, что я и не могу «как все» и что это худо и стыдно мне. Одним словом, что о себе я думаю хуже, чем я сам.

Иные люди о себе думают хуже, чем они есть и, рассудив, что в чем-нибудь все поступают вот так-то, начинают делать «как все». И тогда оказывается, что натура им не дозволяет поступать как все, и они со стыдом отступают. (Мать моя, и во мне есть страх перед этим.)

Подлинная любовь не может быть безответной, и если все-таки бывает любовь неудачной, то это бывает от недостатка внимания к тому, кого любишь. Подлинная любовь прежде всего должна быть внимательной, и от силы этого родственного внимания зависит сближение.

Интеллигенция и Мамин: Мамин дома, и я – блудное дитя.

Писатель должен обладать чувством времени, когда он лишается этого чувства, он лишается всего, как продырявленный

аэростат. Это чувство времени входит в состав его таланта. Как это ни странно, а часто бывает, что люди очень близкие к жизни бывают несовременными...

Мамин чувствовал органичный строй русской жизни, от которого уходят и к которому возвращаются блудные дети его[21]. Это чувство и отличает его от интеллигенции и писателей, кроме Льва Толстого.

N. сказал: – Если бы можно было всех сделать умными, то можно бы сделать и всех сытыми, а как умных немного, то всех дураков и не накормить.

22 Января. Мой выбор: интеллигенция – это вожди, и народ. Как писатель, я народ. И мой народ без народничества.

О Мамине и себе: писатель и народ.

Вчера была вторая встреча с новой сотрудницей: Валерия Дмитриевна, фамилии не знаю.

23 Января. Загорск. –22.

К. Б. Сурикова – ее характерная черта, что она побаивается высказываться и всегда что-то прималчивает.

Нас пугали в юности эстетизмом.

Культ отца у Мамина. Уезжая от родных мест, становился меньше. А я становился себя больше. ...

24 Января. Есть писатели, у которых чувство семьи и дома совершенно бесспорно, другие, как Лев Толстой[22], испытав строительство семьи, ставят в этой области человеку вопрос, третьи, как Розанов, чувство семьи трансформирует в чувство поэзии[23], и четвертые, как Лермонтов, являются демонами семьи[24], разрушителями (Гоголь)[25], и наконец – я о себе так думаю – остаются в поисках Марьи Моревны, всегда своей недоступной невесты.

Только двух писателей, для которых чувство семьи бесспорно, можно назвать: это Аксаков[26] и Мамин-Сибиряк.

Из разговоров с Петей о том, как люди живут. Его рассказ о ветвраче, который 20 лет грел мечту построить себе дом и освободиться от казенной жилплощади. Пока занимал казенную квартиру – все дрожал, что откажут от места и лишат жилплощади. А теперь, как только выстроил, переехал даже в мороз, живет без печей, и от службы отказался. Из Мамина, воспоминание о том времени, когда каждому в конце концов можно было «уйти в мужики» и сказать: «не чужой хлеб ем».

Вся страна сейчас сидит на картошке, кроме армии, новостроек и служащих. Живет впроголодь и мечтает о своем угле.

Петя еще говорил о типах женщин в совхозе, простых девок, которые ничего для себя сделать не могут и, получая все продукты, ходят в столовую и болеют животами («Белозорки»): обезличиние.

Но есть ли где-то в глубине еще люди? По-видимому, есть. Из Рязанского края приходят торфушки[27] в домотканой одежде, бородачи со своим выражением.

Вал. Дм. говорила, что время – это нечто несуществующее, и человек сам по себе остается неизменным от времени.

И автомобиль, и хорошая квартира в каменном доме хороши сами по себе и против этого ничего невозможно сказать. Плохо только, что когда ездишь в машине, то отвыкаешь понимать пешехода, а когда живешь в каменном доме не чувствуешь, как живут в деревянном... Тогда остается владельцу машины и каменной квартиры жить с владельцами, а не с пешеходами, не с теми, кто в стужу прозябает в деревянном сквозном домике.

По моей вине разговор о Вашей работе у меня прекратился (очень горевал и себя упрекал). Но работу делать надо, и я через Удинцева пригласил ту женщину (Вал. Дм., фамилии не знаю), когда был у Вас. Считаю своим долгом известить Вас об этом и уверить, что архив будет сделан вовремя. Переговоры о работе Вашей у меня прекратились сами собой. Значит, так надо.

Через Бориса Дмитриевича[28] я пригласил его знакомую Валерию Дмитриевну. Она сразу же крепко взялась за работу, и можно быть уверенным, что архив будет приведен в блестящий порядок. Об этом я считаю своим долгом Вас уведомить*.

25 Января. Политика вместе с самим государством, по общему мнению, является неизбежным злом. Но политика в отношениях личных между людьми является просто злом и может быть устранена.

Валерия Дмитриевна Лебедева. Я ей признался в чувстве своем, которого страшусь, прямо спросил:

– А если влюблюсь?

И она мне спокойно ответила:

– Все зависит от формы выражения и от того человека, к кому это чувство направлено, человек должен быть умный.

Ответ замечательно точный и ясный, я очень обрадовался. После того я попросил ее посмотреть на купленное сегодня мною сукно. Она отняла из куска одну ниточку и размотала: в одной нитке оказалось две, одна шерстяная, другая бумажная.

– Очень плохое сукно, – сказала она, – и вы заплатили втридорога.

Мы с ней пробеседовали без умолку с 4 ч. до 11 в. Что же это такое? Сколько в прежнее время на Руси было прекрасных людей, сколько было в стране нашей счастья, и люди и счастье проходили мимо меня. А когда мы все стали несчастными, измученными, встречаются двое и не могут наговориться, не могут разойтись. И наверно не одни мы такие.

26 Января. Ночь плохо спал. Встал, как пьяный, но счастливый тем, что дурь мою вышибло так основательно, что как будто ничего и не было. Если вправду выйдет, как мы сговорились, то работать буду во много раз больше...

Ко мне пришла новая сотрудница.

* Имеется в виду К.Б. Сурикова.

27 Января. Чарушин, наблюдая и зарисовывая движения животных[29], очень хорошо понимает, что чем зорче глаз его, чем быстрее ум и чувство вместе сойдутся, чем наблюдатель больше будет самим собой, тем и в изображении животных будет больше индивидуального. А это и есть анималисту вся его задача, чтобы показать нам животное, не как делают ученые, в его общих признаках, а найти в каждой мухе ее отличие от другой, соседней мухи.

Не могу сказать, чтобы все удавалось Чарушину, слишком трудно... чтобы не уклониться в сторону классификации [натуралистов], с одной стороны, и антропоморфистов, с другой. Но, во всяком случае, путь его верный. В большинстве рисунков много движения и у животных их общее выражено.

В литературе, напротив, вместо того, чтобы тоже стремиться быть самим собой...

Шампанское с хреном. Мы собрались трое измученных жизнью людей, и мы встрече нашей обрадовались и на время стали счастливы. Мне, хозяину, захотелось их угостить, и я побежал купить что-нибудь в Дом Правительства*. Оказалось, никакого вина, кроме шампанского, и в огромном количестве, и никакой закуски, кроме хрена. И тем не менее, было в магазине много народу, и все покупали хрен и шампанское. И мы вечером трое, на радость нашей встречи, пили шампанское с хреном.

Валерия Дмитриевна, копаясь в моих архивах, нашла такой афоризм: «У каждого из нас есть два невольных греха, первое, это когда мы проходим мимо большого человека, считая его за маленького, и второе, когда маленького принимаем за большого». Ей афоризм этот очень понравился, и она раздумчиво сказала вслух:

– Что же делать, у меня теперь своего ничего не осталось[30], буду этим заниматься (работой над архивом) как своим.

40-й год начался у меня стремительным пересмотром жизни, что даже и страшно: не перед концом ли?

---

* Имеется в виду гастроном в здании кинотеатра «Ударник» и Дома правительства, ныне известного как «Дом на набережной».

Старец благословил ее на целомудренную жизнь[31], и Разумник Васильевич считает, что этим и создал этой женщине несчастье.

28 Января. Загорск. Меня эта мысль, что мы к концу подошли, не оставляет. Наш конец есть конец русской бездомной интеллигенции. Не там где-то за перевалом (за войной, за революцией) наше счастье, наше дело, наша подлинная жизнь, а здесь, и дальше идти больше некуда, тут, куда мы пришли, ты и должен строить свой дом.

Знамение конца: появление женщин и девушек, не умеющих изготовить пищу и шить («Белозорка»).

Разумник Васильевич сделал *открытие*, что все яства, о которых объявлено на витринах продовольственных магазинов всегда и везде отсутствуют. Из этого он сделал заключение, и оно стало открытием, что в «гастрономах» именно и объявляется то, чего нет.

Ко мне подходит то, что есть у всех и считается у всех за обыкновенное, и потому они этого не замечают. А мне это приходит, как счастье.

Так было у меня с желудком, что 40 лет я курил и нервные узлы, управляющие желудком, были закупорены. А когда я бросил курить, то узлы откупорились, и организм стал действовать на старости лет как у юноши.

То же самое происходит теперь и с душой: моя душа открывается...

«На весах своей совести...» (Как это хорошо!)

Так вот я именно и жил и о Боге не думал (Бог был в моей совести). <*зачеркнуто*: и мне кажется теперь, что я шел правильно>.

В моей сумке всегда лежит необходимая тяжесть, и потому я никогда для здоровья не прибегаю к спорту. Здоровье у меня в сумке и Бог – в совести.

Я сказал своему секретарю:

– Мое самохвальство вас дергает...

Она ответила:
– Нет, я начинаю уже привыкать.

Буржуазный индивидуализм кружка Мережковского против индивидуального «Я – бог»[32], «Ты – мой возлюбленный!»[33] – вехи Зинаиды Гиппиус. «Мы» – хотел Мережковский[34].

Тут все было хорошо, правильно, и плохо одно, что все это бумага, что не кровью истекала природа, а словами[35].

Мамин умирал, но в этой кузнице, для меня хотя бы ковалась та вера, которая держит меня и сейчас, и [это счастье][36].

Эти книги читать с конца можно.

Душа моя в разливе за соблазн: ни у кого нет «козы», все это мираж...

Конец жизни Мамина является началом моей литературной дороги. Как и Мамин, с детства я был окружен теми святыми народниками[37], от нравственных пут которых меня спас мой временный, но очень страстный марксизм[38]. Но время сказывалось, и что умирающему Мамину казалось отвратительным – символизм, то для меня было соблазном[39], открывающим пути во все стороны. Давили святые народники и святые марксисты [давили] меня своей нравственностью – хочу быть самим собой.

29 Января. Лева, Петя, я и Разумник съехались у Павловны в Загорске. Пробовали гонять, но снег без осадки собаке по уши, а заяц не проваливается, и лисица, если не скачет, тоже держится на совершенно рыхлом снегу.

Разглядывая фигуры в заваленном снегом лесу, вспоминал, как в молодости Она исчезла и на место ее, в открытую рану, как лекарство, стали входить звуки русской речи и природа. Она была моей мечтой[40], на действительную же девушку я не обращал никакого внимания. И после понял, что потому-то она исчезла, что эту *плоть* моей мечты я оставлял без внимания. И вот за то я стал глядеть вокруг себя с родственным внимани-

ем, стал собирать Дом свой в самом широком смысле слова. И, конечно, «Павловна» явилась мне тогда не как личность, а как часть природы, часть моего Дома. Вот отчего и нет в моих сочинениях «человека» («бесчеловечный писатель»)[41].

<*Зачеркнуто*: Женщина, рождая живое существо, является *причиной* и в этой «причине» заключаются корни религии. А в поэзии рождается Образ. Вот отчего все религиозные люди не очень ценят поэзию; почему лейтенант у женщин предпочитается писателю. Эта грубая ошибка произошла от замены истиной религии бытовой поповской практикой.>

30 Января. Закончил главу о глухарином токе («Неодетая весна»).

Приходила моя обезьяна[42] – я же сам только в обезьяньем виде. И я почувствовал, что перед кем-нибудь, стоящим духовно выше меня, я, претендующий на какую-то роль через свой талант, тоже являюсь подобной же обезьяной. Не тем ли и обыкновенная человекообразная обезьяна так неприглядна нам? Именно тем, что перед внутренним сознанием своим настоящего человека, мы все более или менее обезьяны. (Вспомнилось, как дергалась Вал. Дм., когда я хвастался своим мастерством.)

31 Января. «Неодетая весна» вступила в последний фазис: еще 1½ листа – и конец. Боюсь за переработку деталей: слишком густо будет.

С разных сторон слышу, что «Кащеева цепь» плохо читается и мало-помалу отходит в историю. Для новых людей в ней описано то, что стало теперь за спиной и так близко еще, что и не видно.

Любовь и стыд.
Любовь стыдливая.
Любовь бесстыдная.
Родственное внимание создает на земле святую плоть.

1 Февраля. Пришла В. Д. = Веде = Веда и сразу, одним взглядом определила, что я со времени нашего последнего свидания

духовно понизился. Она очень взволновалась и заставила меня вернуться к себе и даже стать выше, чем я был в тот раз. Это забирание меня в руки сопровождается чувством такого счастья, какого я в жизни не знал.

– У вас была с кем-нибудь дружба? – спросила она.

– Нет, – ответил я.

– Никогда?

– Никогда, – и самому даже страшно стало.

– Как же вы жили?

– Тоской и радостью.

Аксюшу она тоже сразу покорила, и так мы отправились путешествовать в неведомую страну вечного счастья. Теперь все пойдет по-другому, и я знаю твердо, что если и тут будет обман, я умру.

А впрочем, позвольте, кто и когда меня в жизни обманывал?

– Уверчив, – сказала Аксюша. Но как же иначе, как не на риск можно было в моем положении выбиться в люди? Рыба и та в поисках выхода тукается о сетку и, бывает, находит выход. Я тукался множество раз, и мне было иной раз очень больно, но какой же другой путь был для меня, как «не уверяться»? И вот я дотукался, вышел на волю и, не веря открытой воде, говорю о возможности обмана и смерти. Какой же вздор! Смерти нет, я не умру.

– Аксюша, – сказал я, – ты знаешь, я обещался во всем открываться (Веде). – И хорошо сделали, она вас приведет к хорошему. – Но за что мне такое счастье? – Это Бог делает за вашу правду, за ваше добро Господь ее к вам прислал.

2 Февраля. Изучая письмо Веды, нашел, что логика ее не покидает ни на мгновенье: очень умная, а я совершенный дурак («уверчив»). Но вот выступает контролер доверия Разум и спрашивает: «А если?» И какая кутерьма поднимается, и «сладкий недуг» исчезает в одно мгновенье, и все лучшее, чему я радовался в «сладком недуге» становится доказательством обратного. И вот как посмотришь «с холодным вни-

манием»[43] (не родственным) так сразу и становится ясным, что то мое одиночество, на которое жаловался я новому другу, и было и есть средство моего спасения, и разгадка для всех удивительного, что такой мог сохраниться в Советском Союзе.

Получена машинка и удивительное совпадение, что машинка явилась, и вместе с ней и Разум пришел с его вопросом: «а если?»

3 Февраля. Странно вспоминать эту самую Веду, когда она, в первый раз увидев меня, предложила свою дружбу и когда я ей ответил: «Давайте лучше говорить о работе, а не о дружбе». Я ли это был тогда?

Теперь же она предлагает Разумнику распространить «Погорельщину»[44]. И Разумник откланивается и потом мне говорит: «А если?»

– Но разве, – говорю я, – вы не видите, какая она?

– Вижу, да, но все-таки: «а если?»

– Но так ведь, если думать всегда о «если» – с места нельзя двинуться.

– Почему же, вот Аксюша: она несомненно не «если».

Когда же она явилась, то неописуемый ужас охватил меня за себя, за возможность из-за какой-то химеры пропустить свое счастье: из-под «если» ведь уж больше никогда не встанешь, тогда жизнь останется лишь как «и прочее время живота моего»[45]. Ночью ужас от такой возможности охватил меня, и я написал «Мое рождение».

Как же не понять, что такой человек и должен быть со странностями, и должен из себя выпрыгивать навстречу «хорошему» человеку.

Она сказала: возраст тут ни при чем, это своего рода паспорт. И еще в другой раз сказала о дружбе, что слово употребляется иногда, как отрицание чего-то, и что наша дружба не в смысле отрицания.

А, по-моему, первое правило – это что любовь надо найти и путь к этому дружба, что же касается всех прочих сомнений, то это лишь другая форма «а если?».

Часто ей говоришь, кажется, что-то очень значительное, а она слышит – не слышит: это значит – она слышала это от кого-нибудь раньше.

Замирает в серьезной задумчивости, спросишь о чем-нибудь, и она словно придет откуда, засмеется открыто и от своего же смеха покраснеет.

5 Февраля. Мое рождение (1873 г.)

Гебурстаг. <Зачеркнуто: Договор.>

После каждой новой встречи Вы чем-нибудь возвышаетесь в моих глазах, и чем-нибудь я перед самим собой становлюсь все ниже. Не только архивы мои, дневники и т. п. теряют былую значимость, но и книги мои написанные падают в моих глазах и последние остатки вкуса к славе исчезают. Предвижу, что на этом пути Пришвин, каким он был, может и вовсе кончиться. В присутствии Вашем я лишаюсь даже последнего своего дара остроумно и весело говорить, самоуверенность моя исчезает.

Напротив, все что Ваше в моих глазах вырастает и даже некоторые, раньше, казалось, некрасивые внешние черты лица преображаются и становятся для меня дороже красивого (родинка отцовская).

Мне бы хотелось эту любовь мою к Вам понять, как настоящую молодую любовь, самоотверженную и бесстрашную, и такую бескорыстную. Могу ли? Я хочу понять возвышение Ваше в моих глазах, как силу жизни, которая может воскресить меня. Я хочу быть лучшим человеком и начать с Вами путешествие в неведомую страну не когда-нибудь и в чем-нибудь на поезде или в самолете, а завтра же и не уходя никуда. Мы обдумаем вместе радостно путь нашего путешествия, обсудим все его детали и уговоримся выполнять все, что надо, неуклонно и строго.

В Вашем существе выражено мое лучшее желание, и я готов на всякие жертвы, чтобы сделать Вам все хорошее и тем самому выше подняться и [вырасти] в собственных глазах. Все, о чем я говорю, вышло от Вас, и я не хочу лицемерить и спрашивать Вас о том, согласны ли Вы со мной путешествовать в неведомую страну. Это не от меня идет, это я Вам отвечаю, что я

согласен и пишу это Вам, как выражение обязательств со своей стороны. И я подписываю договор.

Автор «Корня жизни». Михаил Пришвин, в день своего рождения (23-го Января* 1873 года).

7 Февраля. Веда превратила мой Geburtstag в день именин. Но водицы (холодной), о которой писал в «Командоре» я все-таки изрядно хватил. Чего стоит одно то, что вскоре после моего взволнованного чтения она сказала о возможности проверки моего чувства тем, что будет призван 3-й секретарь, и, если при этом опять возникнет роман, то и окажется, что хотя моя любовь и возвышенна, и героична, и все что угодно, только безлика. Это не только «вода холодная» – это раскрытие всей моей любви, изображенной в «Кащеевой цепи». Похоже даже, что она не только холодной водой окатила, но вытащила из меня на солнечный свет какую-то старую залежалую шубу, повесила на забор и принялась выхлестывать из нее моль. Сознание, как молния, простегнуло меня сквозь всю жизнь, но она была расположена принять меня всего, каким я у нее за это время сложился. И потому никакого стыда я не почувствовал, напротив! Проще самого простого она позволила себя поцеловать, и самое главное, рассказала мне о себе все самое сокровенное. Больше дать нечего: все! И все так просто и ясно, и в то же время «Geburtstag» был разгромлен до конца. (Припоминаю, что после разгрома «Geburtstag'a» я даже пролепетал в полном смущении о своем «приданом», что я не с пустыми словами пришел к ней, а принес и талант и труд всей жизни, что талант этот мой идет взамен молодости. «А я разве этого не знаю? Я первая обо всем этом сказала и сразу пошла навстречу».)

Вообще похоже было, что экзамен я сдал на 3 (удовлетворительно), но она сумела уверить меня, что это же и слава Богу, что может быть тройка-то и к лучшему, и жить с ней по нашему-то времени может быть и лучше будет, чем с пятеркой. Замечательно, что в этом любовном объяснении деятельное участие принимала Аксюша, что самое предложение («Geburtstag»)

* 23 января по старому стилю.

было прочитано предварительно Аксюше! Вообще же введение Аксюши в роман меня как-то высоко поднимает над тройкой, этим я горжусь и выправляюсь. А когда мы все трое, с Аксюшей во главе, на радостях хватили водки и стали весело хохотать, мой стыд совершенно кончился. Так мы все трое смеялись и радовались, все трое в чем-то чрезвычайно похожие и близкие: и глупенькие, и пьяненькие, и замечательные. Самое же главное, что до того был предрассветный час, и мне чудилось, а теперь на рассвете нашей дружбы стало показываться все, как есть, и жить захотелось больше, чем раньше.

К 7-му Февраля

Когда я Аксюше сказал, что Веда мне сильно нравится, и прочитал ей «Geburtstag», она мне так ответила:

– Помните, эта женщина прислана Вам, М. М., и она Вас приведет, куда следует: за вашу доброту она Вам прислана. Почему мы знаем, может быть наступает страшное, трудное время, и душа Ваша становится на место.

Дни 3–4 Февраля были самыми трудными, я ужасно страдал. Разумник рассказал мне о женщине, которая вышла замуж за человека, подлежащего исследованию, 8 месяцев спала с ним, все выведала и предала. И под влиянием рассказа, не видя Веды, я поставил вопрос «а если?». И когда 4-го она спросила Разумника о «Погорельщине», тот ей не ответил. – Почему? – спросил я. – А если? – ответил он. Ночью под 5-е я в ужасе проснулся: я представил себе, будто спросил ее об «а если?», и она от меня ушла. И ничем уже стало невозможно исправить малодушие: ушла, не придет никогда, и мне останется «и прочее время живота». Вот тут-то все во мне закричало: «Спасать, немедленно спасать!» И я написал тут «Geburtstag». И как мне казалось это хорошо, и легко, и верно, будто «Да воскреснет Бог!»[46] прочитал. И как я люблю в себе это чувство покаяния, из которого воскресает мой настоящий человек. Надо было бы ей к себе, в свой счет поставить это покаяние: как мог я дойти до такого покаяния, если не полюбил бы ее как единственную. Она же забыла это, когда выслушала «G» и сказала о «третьем секретаре».

9 Февраля. Она пришла желтая в лице: ночь не спала точно так же, как и я ночь на 7-е, и тоже из-за того же «а если?». И мне-то, мне, после всего, принесла доказательство своей невиновности[47]. И опять 9 часов в обнимку, душа к душе. Что касается работы, то раз такой...

9 Февраля, ночь. Есть научная отвлеченность – это решето, в которое проливается жизнь, и остаются на решете одни книжки. А то есть и поэтическая отвлеченность с ее Прекрасной Дамой и рыцарством. Тут ничего не поделаешь, это в существе самой поэзии. «Гебурстаг» именно и есть чистый продукт поэзии, и вот отчего при встрече с жизнью возник юмористический образ 3-го секретаря. В сущности, и у Олега была та же поэзия, только по молодости с неблагополучным концом, в результате чего появился тоже в своем роде «третий секретарь».

Как бы там ни было, а Гебурстаг и его реализация 7-го Февраля есть самое замечательное событие в моей жизни, день огромной силы, поднимающей на своих могучих плечах все годы моей жизни с того детского дня, когда появилась Марья Моревна.

Надо вспомнить всю задумчивость, все выражения, все реплики «мастера любви» после чтения Гебурстаг. Это будет исходным моментом для глубочайшего проникновения в душу женщины.

– Скажите же, «мастер любви», чем отличается поэзия от любви, не есть ли это одно и то же, поэзия – с точки зрения мужчины, любовь со стороны женщины? Так что мужчина всегда в существе своем поэт, женщина – всегда любовь. Радость – при встрече того и другого, боль от подмены.

Трагедия Олега в том, что поэзия лишила его необходимой силы внимания, у нее же сил не хватило ждать. Сущность любви и состоит в ожидании, «мастер любви» учит ждать.

Психология поцелуя: со стороны женщины конец ожиданию, со стороны мужчины – стремлению. Дон-Кихот должен прийти в себя исключительно лишь от поцелуя: она поцеловала, и все кончилось – проехало – началась жизнь.

Надо запомнить о том, что я признался в своей ревности, она же ответила, что верно мне это предстоит пережить.

– Не вас ли, – спросил я, – придется мне ревновать?

– Нет, – ответила она, – просто, по-бальзаковски я не могу, а такого существа... на свете нет.

Не знаю, любит ли она, как мне Хочется, и я люблю ли ее как Надо, но внимание наше друг к другу чрезвычайное, и жизнь духовная продвигается вперед не на зубчик, не на два, а сразу одним поворотом рычага во всю зубчатку.

(Одно уже то, из-за чего я чуть не умер: отказался крестик надеть для охраны себя[48], здесь разрешается одной ее фразой: «Вам надо это сделать, чтобы со всеми быть: все хорошие люди так делают». Что может быть прекрасней этой духовной простоты такого совета. И я, конечно, это сделаю.)

Близкое в чем сходимся – это разбивать условные формы и находить настоящее, неизменное, вечное. Только на этом пути и создается новая радостная вера в настоящую жизнь, а не только в будущее, как у большевиков, не только в прошлое, как в религии «упокойников».

Словом, больше и больше о здравии, чем за упокой, довольно отдали прошлого, довольно страдали за будущее, будем жизнь брать настоящую, жить и строить Дом жизни. (Хорошо бы вложить это чувство в песню торжествующей любви, которой закончится «Неодетая весна».)

Я говорил ей, что мы будем вместе создавать современную литературу. Она же:

– Но почему же непременно писать, хорошо, например, тоже в море искупаться (это против литературщины, интеллигентщины и т. п.).

И не там где-то вдали, в делах, в будущем и т. п., а здесь: наши добрые отношения дороже доброй книги.

Ее высота, предъявляемая мужчине, такая, что они ее не достигают, и эта игра с претендентами на трон бабам кажется русалочьей игрой.

Вкусив той высоты с Олегом, она и не может найти себе пару.

– Вы, мастер любви, скажите, пройдет ли когда-нибудь эта острая тревога?

– Она и проходит.

– А дальше?

– Останется, конечно, подъем.

10 Февраля. Читал в Литературном музее о Мамине. В зале было чисто чрезвычайно и бездушно. К. Б. была похожа на моль, высокая, без форм, лицо простовато... Куда что девалось? Читал и чувствовал полное отсутствие слушателя: музей как музей. Но я хорошо отдохнул от «пьянства»: «сладкий яд» мало действует, в голове дятел долбить перестал. Но тем сильнее поднимается в душе «Песнь Песней» и стоит закрыть глаза, как появляется Валерия с ее вечной задумчивостью, обрываемой улыбками.

11 Февраля. Сегодня еду в Загорск и пробуду там всю шестидневку. (19-го вернусь.)

Какое же это счастье быть избранным: ведь много-много разных людей проходило, и напрашивалось, и, узнав свое «нет!», уходило в Лету. Но я пришел, и мне ответили «да», и среди множества званых я один стал избранным[49]. А сколько тоже и их проходило и прошло, и только единственная получила мое «да» и стала избранной, и мы оба избранные без вина напиваемся и блаженствуем в задушевных беседах.

Ваши письма в бисерном мешочке мне очень дороги. Когда начинаешь мыслью блуждать и согласно этому неверно придумывать, стоит только поглядеть, и этот талисман и обыкновенная жизнь в священном ее выполнении становится заманчивой, и самому начинает хотеться сделать свою поэзию такой же простой и значительной, как жизнь дочери, посвященная матери[50], и как все такое, настоящее.

Аксюша говорила, что у нас любовь не духовная, когда духовная, то становится от нее всем хорошо, а от этой – от этой, сказала она, только вам двоим.

Вы меня тогда только полюбите по-настоящему, когда узнаете во мне своего Олега. Подумайте только о дорогом существе,

которое Вы утратили, и пусть перед Вами бы стало, что он может вернуться к Вам изуродованным, горбатым, старым. С какой бы радостью Вы тогда вернули его к себе, с какой любовью обходились бы с ним и горбатым, и старым. Какое дело Вам до этих уродств внешних, если он сам, находится внутри этого урода! И вот я жду, что когда Вы узнаете его во мне, то и полюбите меня по-настоящему и навсегда. И меня тогда вовсе не будет стеснять, что я старый урод, а Вы молодая и прекрасная.

Я будто живую воду достаю из глубокого колодца ее души и от этого в лице я нахожу, открываю какое-то соответствие той глубине, и лицо для меня становится прекрасным. От этого тоже лицо ее в моих глазах вечно меняется, вечно волнуется, как звезда.

Я всегда чувствовал и высказывался вполне искренно, что она выше меня, и я ее не стою. Соглашалась ли она с этим – не знаю, во всяком случае она ни разу не отрицала этого соотношения. В последний же раз, наконец, во время ожидания трамвая на улице Герцена, она стала вдруг очень ко мне нежной, очень даже (она ночь не спала, а я стал ей говорить о дятлах, как они усыпляют песней детей, и еще ей сказал о будущем нашем, когда мы всем «бабам» покажем, кто мы). Что ей понравилось, какую мою песенку она себе выбрала, но когда я ей в этот раз сказал, что я просто смиренный Михаил, а она моя госпожа, то она вдруг мне ответила: – Не говорите мне этого, мы равные люди (т. е. друг друга стоим).

Форма рассказа:

Я ее провожаю. Ждем номер 26 у остановки. Прислонились к стене. Уютно: улица стала Домом. Содержание беседы:

Приходит трамвай.

– Давайте пропустим!

– Давайте.

Содержание 2-й главы:

И еще приходит трамвай, и еще.

– Пропустим?

И как сказки Шахерезады.
А конец: больше трамвая не будет.
И пошли пешком.

12 Февраля. Загорск.

Не было на моей памяти собрано столько людей, заменяющих друг друга, как в Литературном музее десятого февраля и комиссии Мамина. Не было еще такой внешней и внутренней пустоты. В этой пустой чистоте зала среди заменяющих друг друга людей невидимо присутствовала Незаменимая.

От собачьего лая В. Д. перед носом Аксюши закрыла дверь. Аксюша не поняла и обиделась, и так говорила, жаловалась мне: – Если бы это любовь была духовная, то зачем же закрываться: духовная любовь не стыдится, нас у о. Н. (старца) было 200 девушек, и мы не стыдились друг друга. – Хорошо, Аксюша, – ответил я, – ты права, любовь духовная не стыдится, не уединяется, но кто же нам запретит [утешаться] любовью друг к другу.

Мы говорили о будущей нашей литературной работе.

– Почему мы, – сказала она, – говорим о работе?

– О работе радостной, – сказал я, – работе в наслаждение.

– Хорошо, – возразила она, – но почему же непременно видеть радость в занятиях литературой: можно, например, в море искупаться, и это будет, по-моему, еще радостней.

Так взрослая женщина говорила со студентом, но так же точно она бы говорила и с Олегом, если бы она могла вернуться к нему: «не только молиться уединенно, а на радость тому же Господу Богу искупаться в море».

И я, когда написал ей последнее письмо свое о том, что лучшее средство борьбы с действием сладкого яда есть уединенное писание Песни Песней в память Олегу, я, конечно, рассуждал, как монах. И все мое писание, в том числе и «Жень-шень» есть монашеское дело. И неспроста она мне тогда сказала о морском купанье во славу Господа.

И вот это Аксюшино возражение против уединенной любви, что духовная любовь есть любовь всех и что эта любовь ничего не боится и не стыдится, – разве не эта же любовь создавала «Жень-шень»? И «Гебурстаг», конечно, тоже написан монахом. Но откуда же у меня, у признанного всеми «Пана» явился монах?

Во всяком случае, я раньше его в себе не сознавал, а явился он вполне отчетливо лишь теперь, при сближении, значит... в этом сближении что-то (пережитое) противопоставляется чему-то новому. Отсюда вывод: хочешь мариноваться и заниматься собственными консервами – занимайся и достигай Мавзолея, хочешь жить и обогащаться – прими ванну морскую во славу Господа.

И случилось, у нее как раз в эту минуту с поджатой ноги соскочила туфля и мягко шлепнулась на ковер...

Сколько надо переговорить, передумать, сколько с той и другой стороны должно обменяться, смешаться, чтобы возможно было без стыда и по праву поцеловаться.

NB. А вот, если удастся записать за собой все – это и может стать новой, небывалой Песнью Песней. Почему нельзя одновременно и жить и сознавать: день прожил – день записал?

Спор о том и другом возможен лишь на материале переживаний данной личности: хочется тебе купаться или надо петь – можно спорить. Но если говорить о человечестве, то и Песня Песней и Ванна Морская одинаково святы перед лицом Господа.

А ведь для того же и была моя Песня Песней на протяжении 30 лет, чтобы *она* пришла. 30 лет я ее звал, и когда она пришла, и я увидел: она самая! Ее замечание о Ванне во славу Господа есть доказательство ее совершенной откровенности и пренебрежения к мещанской морали.

Нужно всегда помнить и то, что я самый свободный в стране человек, и мне с жиру можно думать о Песне Песней, она же наряду со всеми находится в неволе, и надо еще удивляться,

что из-под тягости повседневного труда она еще находит силу взывать к Господу о Ванне Морской. Помочь такому человеку полегче вздохнуть – вот что не стыдно назвать любовью, а Песня Песней есть просто эгоизм монашеский. Надо принять ее письма к матери и – поучиться: вот это любовь! Так и себя надо, и если это сумеешь найти в себе, то все остальное, и Песня Песней, и Ванна Морская, само собой приложатся.

Лес завален снегом, но я не вижу фигурок снежных и, главное, не чувствую той прелести пустыни, как я это обычно чувствовал. У меня гвоздь в голове, вокруг которого и складывается моя душа.

На одну только снежную фигуру, похожую на эмбрион животного, я обратил внимание, фигура висела на телеграфной проволоке. И когда я ее сбил, оказалось, что на проволоке в этом месте была сшивка, и эта маленькая неровность и была причиной образования далеко заметной формы.

Так вот, и в душе моей тоже какая-то неровность, и благодаря ей нарастает и разрастается всезаполняющая форма.

Я помню в далекие времена, когда расстался с «Иной»[51], собранная в одну точку мысль долбила мою душу, как дятел дерево, но мало-помалу в больное место, в пустоту стала собираться пустыня с деревьями, цветами, полями, лесами, морями. И я привык этим жить.

Так точно и сейчас вошло в мою душу нечто новое, и я старого не вижу, а к новому не привык.

13 Февраля. И в лесу не с лесом, и ночью не со своей «Песнью Песней»! Только уж когда сяду за стол и беру перо в руку, начинаю писать и как будто пишу лучше и голова крепче держится. Главная же перемена – это на сердце: там теперь как будто мастер пришел, все смазал, все подвинтил, вычистил бензином, спиртом, там теперь ничего не стучит, не хлябает. Самоуважение возрастает с двух сторон, первое, конечно, что та любимая душа только мне одному открывается, второе, что я в свои-то годы способен так чувствовать. И у меня даже растет уверенность, что все будет к лучшему и никаких провалов не будет, потому что я ее насквозь чувствую, и все в ней мне

отвечает, так что я всегда могу предупредить все свое лишнее и ненужное, с ее же стороны ничего [лишнего] и быть не может.

Та моя душа одинокая с Песней Песней теперь закупорена, прямо даже чувствую пробку счастья. Но это временное состояние, движение какое-то происходит и довольно быстрое. Всего несколько дней тому назад я писал ей о спасении от «сладкого яда» на путях Песни Песней. Каким кажется это вздором теперь! И кому я об этом «сладком яде» пишу! Все мое чувство для нее раскрытая книга, и она все время справедливо держится, как Старшая. И проблема «сладкого яда» скоро тоже разрешится так же просто и хорошо, и честно, как разрешил мой напыщенный «Geburtstag» самый простой поцелуй. Так и помнить надо, что весь порочный аскетизм начинается с того момента, когда «сладость» понимается ядом, и от него ждут спасения. Аскетизм является целомудренным, пока он есть пантеизм.

Почему это, когда для себя пишу, все выходит умно и хорошо, а когда ей пишу и хочется написать как можно умней, как можно лучше – потом диву даешься: очень уж глупо выходит. Я думаю – это оттого, что приходится мудрить над тем самым, что по существу своему просто и требует молчания.

Оставим буйным шалунам
Слепую жажду сладострастья.
Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.

(*Баратынский*)[52]

14 Февраля. Попов (один из претендентов на трон) спросил меня, доволен ли я своим секретарем.

– Очень доволен, – ответил я.

– Умна? – спросил он.

– Умна, – ответил я.

И больше мы друг другу сказать ничего не могли.

Между тем даже это «умна» было высказано очень поразному. В моем смысле «умна» – это не логикой умна, а тем,

что в мыслях своих она всегда исходит из личного переживания, напрягая свои силы не на то, чтобы высказать «умное», а на то, чтобы достигнуть чуда: сделать свое личное понятным для всех.

Этим и только этим умом я тоже силен и, правда, на разных материалах жизни, но по существу так-то мы, как натуры, и сходимся.

Вот откуда и появилась эта моя «пробка счастья»: раньше надо было куда-то прорваться, чтобы кому-то сказать, а теперь-то препятствие исчезло, теперь я все могу ей сказать. И вот почему в лесу теперь я мало вижу, вот почему ночью не о работе думаю: зачем все это, если прямо с ней и можно обо всем говорить. Трудность одна только в том, чтобы дождаться свидания. Мне прежнее «творчество» теперь мало того, что невозможно, оно и совершенно не нужно. И если теперь оно опять начнется, то от нас двух: нам двум будет мало нас двух... Впрочем, я тут еще ничего не понимаю.

Мне кажется, я почти в том уверен, что в скором времени она меня будет любить так же сильно, как и я ее: натура такая же поэтическая и в том же нуждается.

Боже, но как же трудно нам таким достаются на земле поцелуи! И как обидно устроено в природе, что там все так просто сводится к продолжению рода. Вот из этого-то может быть единственно по всей правде (по себе самому) и можно понять величие на земле человека – в любви, независимой от продолжения рода. В романах («Крейцерова соната») часто убивают жену, противопоставляя родовой любви какую-то духовную христианскую или «свободную». Но мне кажется, нет таких романов, чтобы с таким же (не христианским) волнением, с той же страстью и поэзией в такой любви не родовой создавался человек как личность, и не бумажная, а в смысле: «слово – плоть бысть».

Когда ей становится со мной так хорошо, что она почти готова сказать себе самой: «вот это да, вот это пришло настоящее», она отстраняет от себя возможность обмана (сколько раз

он был!) и ставит вопрос: не сама ли я так его настроила, что он говорит моими мыслями, желаниями, словами.

Читатели создали мне какое-то второе «я», которого я не замечаю, с внешней стороны не придаю никакой цены, а между тем если бы всерьез устранить его, то это все равно, что раздать богатство свое нищим, тогда бы ведь и она, может быть, не узнала меня и не пришла. Но я этого моего никогда не раздам, в этом есть и моя мужская сила, без этого я скопец, и если это отдать, борода моя вылезет.

Так у меня от читателей, а у нее, наверное, тоже сложилось второе «я» от поклонников: она тоже тем сильна... как я читателей, привлекает к себе поклонников, через них она и устанавливает свою женскую силу, и проверяет ее на каждом шагу. К счастью, кажется, так же мало пользуется ею, как и я своей славой.

Книгу о любви, конечно, нужно написать, но только при этом всегда надо быть готовым к тому, что если станет вопрос, книга или горячий поцелуй, то без малейшего колебания бросать книгу в печку. Только при этом условии книга может удаться, и при втором – чтобы мы создавали ее вместе, как живого ребенка создают муж и жена: я – отец, она – мать. И ничего тайного моего, отдельного, – вот это будет книга, вот это будет любовь. По-моему, такого романа на свете еще не было и такой книги, чтобы книгу вместо ребенка родить, еще тоже не было. Впрочем, можно и не рожать. Во всяком случае все должно быть радостно, весело и ненавязчиво.

−25°, но яркое солнце: весна света. В первый раз снимал в лесу. И моментами мое основное чувство природы пересиливало новое чувство, и я узнавал и себя, и лес, и все.

Каждый «Он», конечно, стремится на первых порах возвысить «Ее» и отдать себя, и умалиться для того, чтобы тем привлечь ее к себе, а потом завладеть. И каждая «Она» встречает это с недоверием и даже если от него ей поступает и нечто определенно хорошее, «Она» спрашивает себя: не есть ли это лишь плод моего воображения?

И до чего они в своем недоверии могут быть жестоки, – пример: ведь все было рассказано, и о бессонной ночи с «а если?», и героическое преодоление мое с чтением документа. И после такого-то мученья вдруг холодное, как нож, замечание: «это чувство легко можно бы проверить, если бы пригласить 3-го секретаря». Только серьезная готовность вместе переживать это чувство могло дозволить ей высказать столь циничное замечание...

При небольшой ссоре с Павловной из-за пустяков (по обыкновению) впервые после встречи с В. Д. почувствовал тоску. Сразу же меня, как узлом всего связало, оно и понятно: ведь я теперь в борьбе с характером Павловны не прежний, я-то теперь «счастливый», и боль, которую я причиняю, возвращается в меня с большей силой, чем раньше.

NB. Разрешил тоску тем, что дал ей по своему почину 3000 р. купить корову и еще купил кур, гусей, уток. Когда наладит хозяйство и получит власть над цыплятами, заживет.

Смотрю на себя со стороны и ясно вижу, что это чувство мое ни на что не похоже: ни на поэтическую любовь, ни на стариковскую, ни на юношескую. Похоже или на рассвет, или на Светлое Христово Воскресенье, каким оно в детстве к нам приходило.

Москва, 8 ч. вечера.

Химера.

Подхожу к своему дому и думаю: «Вот раньше всегда приходил и не думал ни о чем худом, а сейчас волнуюсь, – не случилось ли чего? Какое-то злое предчувствие».

Пришел, в квартире нет никого: Аксюша во всенощной. И ни малейшего следа пребывания Валерии. Тогда вдруг мое письмо к ней представилось мне во всей невозможной и оскорбительной глупости. Я вообразил себе, что она оскорбилась и не пришла...

Тогда великая скорбь охватила меня, что я почувствовал неправду моего романа: так влюбляться нельзя, это уж и до смерти. И тут-то стали понятны эти типы «сверхчеловеков» вроде

Печорина: после такого обмана жизни остается одно удовольствие – обманывать самому и мстить.

– Но ведь она же со мной так крепко связана, у меня ее письмо, такое письмо, что почти она сама.

Тогда я встал и пошел посмотреть на ее письмо, открыл ящик, и там оказалось пусто. Значит, она была и письмо взяла. Если же была, то с Аксюшей объяснилась, а письмо взяла, потому что и надо же было ей взять.

Такой глупости, какая вышла с К. Б., с этой не может быть: слишком умна и серьезна. Но все-таки я поставил себе нож к сердцу, и какой-нибудь случай, самый даже малый, – и все будет кончено. Нельзя наверно сделать и то, что я хотел: бросить все, и жить, и писать для нее. Союз может быть только во имя прочего, а не нас самих, иначе непременно явится химера...

15 Февраля. Когда я рассказал Аксюше, что понял болезнь Павловны: болезнь в том, что власть ее отошла, не над кем и не для кого ей жить – властвовать, Аксюша согласилась. А когда я рассказал ей, что дал ей 3 тысячи, чтобы купить корову, кур, гусей, много навоза купил для огорода и что в наступающее голодное время с этим хозяйством она будет и сыновей кормить и внуков, Аксюша процвела. И тут я понял, что в душе она уже стоит на стороне Павловны и что это произошло от недоверия к В. Опять она стала уверять меня, что если бы В. пришла с духовной любовью, то не закрыла бы дверь: духовная любовь распространяется на всех.

– Не духовная, – сказал я, – а человеческая: есть животная любовь и есть человеческая, а есть духовная любовь человеческая.

– Как это вы понимаете?

– А так понимаю, что не сидеть на месте, а вперед двигаться...

Да, конечно, если у Валерии это религия, а не богоискательство, не авантюра, то это религия жизни (движения), а у Аксюши религия смерти (покоя). Так она, бедная, и сказала:

– И чего вы ищете: в Загорске у вас покой, корова будет, куры...

На том согласились, что я все меры приму, чтобы Аксюшина душа не стала полем борьбы, но и она, чтобы вовсе отстранилась от вмешательства в мою жизнь.

Замечательно проходили дни нашего «пьянства», когда в особенности мы переписывали рассказ «Фацелия», и так не могли его окончить, и не окончилось бы никогда это мученье, если бы, к счастью нашему, не испортилась машинка. В то же самое время, ничего не делая, мы были глубоко убеждены в том, что заняты чем-то гораздо более серьезным, чем дело.

Она работать может прекрасно и будет мне делать все лучше других, но, как и все такие люди верхних этажей жизни, не упирается в работу: они работают, не делаясь рабами дела.

Правила:

1. Не думать обо мне со стороны.

2. Помнить «осадное положение».

Эти правила продиктованы мне 15/II, причем поведение мое названо глупым, был вздох со словами: «Трудно же с вами!» и рекомендовано на некоторое время разойтись. Под таким давлением просидел с 3 ч. до 9 в. = 6 часов. И вечером пришел во время веселого представления Разумник. «Мой архив» в состоянии отчаяния. Мне стало очень стыдно за все, что я писал ей, за весь роман, до слез стыдно и унизительно. Центр обиды исходил от нее: выболтала мне свою жизнь и теперь мучит меня обязательствами, открыто сомневается, что я сохраню тайну, и даже Аксюше об этом болтала. Какой эгоизм и какая куриная слепота: вообразила по книгам во мне своего героя, а настоящий мой, действительно героический путь не видит и даже высказывает: «читала дневник и... какой это человек его пишет, так какой-то...»

Соединив все, почувствовал впервые возвращение тоски и ночью написал ей письмо.

Она мне сказала: как трудно с Вами, и я сейчас думаю: как мне трудно с ней.

Начинаю понимать, почему, выходя из-под Вашего прямого влияния, я и возвращаюсь к Вам не тем, каким был. Это потому, что Вы меня совершенно не любите. Вы любите во мне

воображаемого Вами человека, сочиненного Вами отчасти при помощи героя «Жень-шеня». Ваша любовь к «герою» ничем не отличается от любви большевиков к будущему человеку: все в будущем, а настоящего нет.

Если бы любили меня, каков я есть действительно, Вы бы приняли к сердцу и то, на что я отдал свою жизнь, на мое художество. Вы не только по человечеству, Вы по должности своей секретаря вовсе невнимательны к моему делу и смотрите на мое заветное дело снисходительно. Даже то немногое, что Вы прочли из мною написанного, Вы прочли под давлением моим и Разумника. В горе своем, в нужде, в тоске по любимому человеку я создал себе из таланта на утешение привлекать к себе людей и во множестве детей. Вы это последнее утешение бедного человека отнимаете благодаря своему рассеянному вниманию.

Чего Вы ищете? Я с самого начала сказал Вам... я вел себя в отношении Вас все время как ребенок: вспомните, я начал с того, что просил Вас вместе с Вашей мамой переехать ко мне и т. д. и т. д. вплоть до «героического» письма. Из всего этого Вас тронуло одно «а если?», так тронуло, что закрыло глаза на все хорошее. Это потому так, что Вы не видите меня и не хотите меня, а хотите героя своего, т. е. себя.

<*Зачеркнуто*: Вот Вы мне обещаете женщину живую, настоящую во плоти, но я чувствую опять, что она в будущем.>

Я чувствовал от Вас в себе счастье, какого никогда не знал, но теперь понимаю, что я не как мужчина жил, обрадовался и вел себя от радости как ребенок. Вы и это мое состояние не поняли и откровенно назвали его глупостью. <*Зачеркнуто*: с самого начала, как Вы стали критиковать меня как политика, Вы ошиблись во мне.> Где же ваше «будьте как дети»[53], самое священное, самое великое для меня в Евангелии? Я думаю, ищу, не сплю ночь и не нахожу. Нет, ничего нет, ничего не нашли, [не] взяли Вы себе из того лучшего моего, что я так недавно с такой безумной расточительностью развернул перед Вами. Вы приходите, и я начинаю бояться Вас: чувствую, вот сейчас мне за что-то достанется. Ваша какая-то тайная тревога, отдельная, смущает меня, и очень боюсь, что эта тревога относится только к себе. Вы трусите, что ошиблись и отдались в ненадежные руки.

Слушаю Вас как божество, старшую, тружусь, спрашиваю благоговейно, и Вы мне отвечаете: «Трудно с Вами». И мне трудно с Вами. Я перестаю любить Ваш «ум» и удивляться ему: это Вам хорошо, а мне это не нужно, у меня своего глупого ума хватит. Я не надеюсь пробудить в Вас в отношении себя и женщину: я не могу прийти к этому, когда нет простоты, и не хочу [выхода] искать в сожалении. Но я люблю Ваше страдание, оно трогает меня, влечет, я не мог бы расстаться с Вашей задумчивостью. И мне очень нравится Ваша улыбка. Должно быть все-таки я Вас люблю. <*Зачеркнуто*: Но я хочу жить, а не разговаривать.> А глупости своей, так и знайте, я не боюсь, и писем рвать не буду, не Вы <*зачеркнуто*: так люди> оцените ребячье мое чувство, так оно само по себе сделает что-то хорошее. Так и знайте, «правила» Ваши не принимаю, думать [как выполнить] правила не стану, буду какой я есть, и это гораздо лучше того, что Вы хотите из меня сделать.

16 Февраля. Написал Валерии Дмитриевне письмо, несколько смягчив написанное в дневнике, но такое же энергичное. Написанное в «героическом» письме, оказывается, было правдиво написано, особенно там, где сказано, что когда самоунижение дойдет до конца, то начнется возрождение.

И оно дошло до конца: в тоске я несколько раз подумывал о своем привычном: «не пора ли исчезнуть»? И, во всяком случае, хотел уничтожить все, для нее написанное. Но тут же начало процесса возрождения: 30 лет с Ефр. Павл. это ведь было воистину 30 лет в детской комнате, и при такой личной скудости жизни, сколько радости дано мною людям. Весь мой подвижнический путь представляется мне строго по заповеди «будьте как дети!» И я до того выносил в совести своей своего Бога, что ничего мне не нужно, мне стоит только пойти с Аксюшей туда, куда надо[54], и меня сразу же примут там, как своего.

И вот если бы она была настоящая женщина, внимательная, любящая, она бы, выслушав меня, стала бы восстанавливать того человека по дневникам, и меня бы подняла на высоту, какой я заслуживаю, и себе бы нашла высокое удовлетворение, и людям бы надолго оставила пример достойной и независимой жизни.

Но у нее в голове торчал не настоящий, а какой-то, скажем, принципиальный герой, созданный частью по моим же книгам и по Гамсуну, зацементированный опытом богоискательства. Этого [созданного ею] «настоящего» человека она и ставит в основу наших отношений и старается подогнать меня к нему, как старшая.

<*Зачеркнуто*: Она убеждена наивно, идеалистически, что если мы будем с ней сидеть на диване и целыми днями говорить, то и откроем друг в друге «настоящих» людей. Но сама цель создания атмосферы без цельного гипнотического влияния: человек взят для чего-то, а когда выходит из-под влияния, то, конечно, становится тем, каким он был и понятно: ничем же материальным не закреплено влияние...>

17 Февраля. С каждым часом крепну в себе и готовлю этой бедной женщине обвинительный акт.

1) Цветной карандаш на рукописи свидетельство ее малокультурности, отвечающей ее времени (то же что и мои дети), как дернулся Разумник.

2) До нее не запирал ящиков, потому что знал, что ни Разумник, ни Аксюша никогда не полезут в те ящики, в которые им не указано. Я спрятал конверт нарочно в тот ящик, куда всем запрещено, где лежит светочувствительная бумага. Она и в тот ящик пробралась и там нашла. И еще меня упрекала, что я не запираю. Следствием этого было то, что я велел починить замки. Я ей точно написал, в каком ящике ей взять дневник, зачем же ей было лазить по всем ящикам, откуда она взяла себе право контроля над всей моей интимной жизнью? Это явление бытового нигилизма тоже отвечающее эпохе.

3) Безобразное бумажное хозяйство портит весь вид кабинета. Я посвятил утро приборке. Входит Разумник:

– Это она прибрала? – Нет, это я. – Очень жаль! А на письма ответила? – Нет. – Что же она у вас делает?

Я сказал, что мы пишем вместе рассказ. А мне был вопрос Разумника неприятен, мне хотелось бы перед людьми гордиться своим секретарем. Она же хочет владеть моей душой – это важно, а то все – мелочи.

4) Не могу назвать, как это скверно: сама по личному почину жизнь свою мне рассказала, а теперь, не скрывая, взвешивает

меня, – могу ли я, достоин ли я хранить ее тайну, и жалуется даже Аксюше, что вот, кажется, ошиблась. Это у нее от травмы: психоз.

18 Февраля. Совет царя Берендея: 1) Дорожите своей работой в школе. 2) Сознавайте значительность Вашей работы возле мамы. 3) При работе у вашего нового друга помните, что Бог его любит, больше чем Вас, и он больше Вас подготовлен к тому, в чем Вы его наставляете. Выбросите из своей головы горделивую мысль устроить его душу. Он нуждается в любящей руке, внимании к своему делу, в читателе, который взялся ему помогать, сказать бы сразу – в женщине, если бы это слово не было так же многосмысленно, как любовь, дружба и т. п.

Вчера я сказал Яловецкому: – Все вокруг меня шепчут: «будьте осторожнее». А я просто дивлюсь, чего это они мне говорят? Ведь если скажут мне: Сталин или Царь? Я выберу по совести Сталина. Если, напр., спросят, кого желаю Сталина или своего друга Иванова-Разумника, я скажу, конечно, Сталина, и не дай Бог Разумника. И если к этому еще: почему же не Разумника? Потому, скажу, что Разумник завернет еще круче, и людей еще больше погибнет. Спросят, желаю ли я победы Красной армии[55], я, не колеблясь ни на мгновенье, скажу: на всех фронтах желаю победы. Тогда в чем же дело? Чего мне бояться, остерегаться?

Кроме того, ведь в форме своей «будьте как дети» я любовь проповедую, и мне в этом ничуть не мешают: во всех букварях на весь многомиллионный народ печатается заповедь любви царя Берендея. Так что, повторяю, бояться мне вовсе нечего: меня Бог любит.

Я из интеллигенции единственно уважаю В. А. Фаворского, которого на чистке спрашивали: – Что вы сделали для антирелигиозной пропаганды? И он на это ответил: – Как я могу что-либо сделать, если я в Бога верую? За эти слова Фаворскому ничего не было, а того, кто спрашивал, посадили.

– Почему же других мучат за веру, а Фаворскому можно?

– Потому что Ф-го, как и меня, тоже Бог любит.

А В. Д. мученица и трусиха за то, что Бог создал ее для любви, а она полной любви предпочла полулюбовь. За то, вот, и

мучится, и все ждет, бедная. Ее пожалеть надо, помочь, поласкать, а никак не ругать и не сердиться на нее, бедную. Это она ведь из мучительного плена вырвалась, и оттого наговориться не может: говорит, говорит...

Нет, нет, – пусть вздор говорит, надо терпеть. Хорошая она, буду любить, пусть не как хочется, ради счастья; и с тоской можно любить.

В каком тяжком и глупом положении должен быть тот, о ком она подумала: не он ли? Единственное средство для такого, это убедить ее, что, конечно же, он – не Он, но что и не Он – тоже не плохо, если от него исходит ласковое внимание и уход. Только такой Берендей и может ее удовлетворить, потому что настоящий Он есть Христос.

Продолжался под влиянием тоски перебор критический, но все-таки явственно определилось, что это не конец, а новая фаза отношений. Она отличная хозяйка внутреннего двора и Sexus у нее подчинен руководству на внутреннем дворе. Вот откуда и стремление настойчивое к обороне внутреннего двора и как будто странный и болезненный страх за откровенность. Причина понятна, но форма выражения противна, что-то вроде беспричинной ревности.

Она столько перебрала причин моих провалов, из которых будто бы меня ей надо вытаскивать («ох, трудно с вами»), но самое главное забыла: при этих кипучих переживаниях я ведь пишу, заканчиваю трудную вещь, и чувство, которым пишется, совершенно противоположно тому, которое относится к ней. Происходит борьба за себя одного, за свое одиночество, и когда художник бывает освобожден, то отношение к другу становится внешним. Тогда пишешь ей часто от ума, хотя кажется, будто сделал все самое хорошее. Вскоре, когда кончишь писать, и опять захочется друга, как лучом осветит умную глупость написанного, но бывает поздно, стыд охватывает, страх, и она приходит злая, холодная и начинает «вытаскивать». И так вытащит, что дня три не можешь писать. В то же время, конечно, и сознаешь, что ее-то дело вытаскивать, конечно, больше моего.

Писать, значит, прежде всего это отдаваться всему целиком, в полном смысле душой и телом, выражая: «да будет воля Твоя». И когда найдешь таким образом точку равновесия, тогда-то начнется воля моя. Все делается обыкновенно, привычно, ежедневно, как у верующих молитва. Теперь же я не могу это сделать сразу: я несколько раз повторяю молитву «да будет воля Твоя и потом моя», меня перебивает воля другая, с большой бы радостью бросил работу на время, а бросить нельзя: все расползается и журнал теребит.

А она со своей мудростью ничего этого не понимает и думает, что вытаскивать меня – дело душеспасительное. Жду часа, когда можно будет ее вразумить и, пожалуй, смирить это «ох, трудно с вами». Трудно мне с тобой, моя матушка, а не тебе со мной.

Какая же это сила влечет меня в сторону от себя самого, от своего художества, сбивает меня с того пути, на котором меня Бог так полюбил, на этом пути: будьте как дети?

Было бы совершенной глупостью думать, что все сводится к греховному влечению, куда-нибудь, только в сторону, только не на свой огород. Все, конечно, есть вплоть до самого простого, но главное в чем-то другом, быть может, в стремлении к большей уверенности в большей прочности бытия, чем какое получается у меня в одиночестве. Вот и надо строго проверять себя, и не судить себя по низшей линии, отчего собственно и становится «стыдно».

А электричество в туче все больше и больше скопляется...

Разве могу я слепо отдаться этой силе, влекущей меня в сторону будто бы лучшего с моего простого и прекрасного пути? И разве не прав я в своих сомнениях, когда она, получив доступ к моим дневникам, где записаны этапы моего подвига, признается мне, что автор этих записей ей не кажется значительным человеком: «так что-то». Легкомысленной она быть не может, и говорит, очевидно, что-то зная с какой-то высшей, чем моя, точки зрения. Я должен строго проверить, не та ли это точка зрения, которая увела и Гоголя и Толстого от их художества[56], и эти гении стали, как все? Не к тому ли это все сводится, чтобы

личного человека ввести в общий путь... вместо пути, на котором приходится все лично самому прокладывать, повести на путь, где все готово, где все идут.

Но самому уйти назад и отказаться от нее ради своего художества, покоя, привычек становится все более и более невозможно без нарушения согласия с ее стороны. Самой лучшей гигиеной в этом положении будет считать, что тебя *взяли*, и уйти тебе никуда невозможно, и надо претерпеть все до конца.

Надо быть готовым и к тому, что она почему-нибудь раздумает и уйдет. Тогда все, что было, буду считать поводом для создания какой-нибудь небывалой вещи или жизни в ином месте, среди новых людей. Но это лишь в том случае, если отступится она.

19 Февраля. Весенний солнечный луч ведь из хлама же выводит живых существ. Так вот и ко мне весна пришла и сколько нужно греть лучам мой залежалый хлам, чтобы из-под него вышла зеленая трава!

На этом мы и порешили, что все эти мои муки, подозрения, все – хлам!

И как вот не видишь самого-то себя: все думалось, что я, как ребенок чистый и готовый на жертву и полюбить. Так был уверен в том, так уверили меня самого читатели: царь Берендей. А когда стал проверять, не Берендей, а человек из подполья[57] какой-то. Но милостивая пришла и помиловала. Но погрозилась, что если так все и будет проходить в сценах, то придет такой день, когда она и не помилует.

Как легендарная резиновая гора в Финляндии[58], в нее стреляют, а пули от нее летят назад и будто бы тех, кто стрелял, убивают, – так и все слова против Валерии возвращаются в меня самого.

И точно так же, все мои тайные и хитрые, какие-то купеческие помыслы и разные надумки от «большого ума» – все это она возвращает мне и прямо показывает.

Можно бы умереть от стыда, получая такие подарки, но в то время как я получаю эти щелчки и просто вижу, какой я дурак,

она в моих глазах становится такой большой, такой любимой, что все обращается в радость, и такую, какой в жизни своей я не знавал.

Я не знаю сейчас в себе и вокруг себя такого, чему бы я мог ее подчинить и сказать: «слушайся, то выше тебя». Даже Солнце!

Я ведь и Солнце боготворил только за то, что оно согревало, освещало, ласкало лучами своими мою бедную душу.

Но если душа моя и без того прыгает и трепещет, переполненная радостью, то зачем я буду искать себе какое-то Солнце.

Когда ее не было, Солнце меня учило обращать внимание к поднимаемой им жизни и любить ее. Теперь не Солнце, теперь учит меня женщина.

Зачем же теперь мне нужно Солнце?

Была у меня Поэзия, и я плел свои словесные кружева и привлекал к себе сердца многих людей.

Так что же, если не Солнцу, то подчинить ее Поэзии?

Нельзя подчинить ее и Поэзии: она выше и, напротив, я должен самую Поэзию ей подчинить.

Она выше всего в мире, и я молчу лишь о том, что выше самого мира.

Господи, помоги мне ее больше любить, чтобы она питалась моей любовью и была ею здорова и радостна.

Я смотрел на ее волосы каштановые, пронизанные сединками и странно, что, целуя их, думал: «Ничего, ничего, милая, теперь уже больше не будет их, этих сединок». Смысл же слов теперь разгадываю так, что вот раньше ты ведь все мучилась и сединки росли, а теперь мы встретились, горе прошло, и они больше не станут показываться. Или может быть в это время, как тоже бывает, я почувствовал вечность в мгновении: движения в этой вечности не было, и волосы больше седеть не могли. Или и так может быть, что в этот миг любви рождалось во мне чувство бессмертия и, может быть, даже и магии: было так ведь, что это как будто во мне заключена сила остановить мгновение и больше не дать седеть волосам.

Если думать о ней, глядя ей прямо в лицо, а не как-нибудь со стороны или «по поводу», то все, что думаешь, является

мыслью непременно поэтической, и тогда даже видишь сплав чувства с двух сторон: с одной – это любовь, с другой – поэзия. И хотя, конечно, нельзя поэзией заменить всю любовь, но без поэзии любви не бывает, и, значит, это любовь порождает поэзию.

Гигиена любви состоит в том, чтобы не смотреть на друга никогда со стороны и никогда не судить о нем вместе с кем-нибудь. До тех пор, пока я не умел пользоваться этими правилами, я то время теперь чувствую себя, как будто не было у меня ни мыла, ни полотенца, и я ходил неумытым.

И тоже похоже было, с нею боролся и между нами был резиновый щит, мои нехорошие слова били в резину и, отскакивая, ранили меня самого.

В чувстве любви есть и свой земной шар, летящий с огромной скоростью в бесконечном пространстве. Шар летит, а ты вовсе на это не обращаешь внимания и живешь так, будто все происходит на плоскости.

Люблю – это значит: «Мгновенье, остановись!»[59].

Раньше в природе я, как в море, плыл на корабле, и меня природа окружала. Теперь в городе я стою, как у берега моря и берег мой – это мой друг.

20 Февраля. Заруби же себе навсегда на носу, Михаил, что ни думать тут не надо много, ни догадываться, а единственно быть всегда уверенным, что желание всей моей жизни исполнилось, что это именно и пришла та самая, кого ты ждал. Долой, Михаил, все мучения, все сомнения, будь радостен и прост: покупай хороших каленых орехов и отправляйся в кино.

Какая же тупая голова! Как не мог я сразу понять, что о своем и еще таком бесконечно дорогом человеке думать можно только впрямую, а не забегать мыслями со стороны, не подсматривать. И если уже не отвяжешься от какой-нибудь соблаз-

няющей мысли – то почему же не спросить? Как я долго не мог такого простого понять!

21 Февраля. Читал свою «Любовь» Валерии. И ни малейшего отзвука на все не было, хотя в то же время я знаю, что она ко мне относится, может быть, даже и более серьезно, чем я могу относиться к ней. Она мне даже призналась, что когда она что-то проверит в себе, в чем-то убедится, то откажется от чего-то своего «женского», откроется, и тогда мы станем с ней друг другу оба как «настоящие».

Приносила карточки родителей: понял отца, мать – нет. Ходили вечером с Валерией к ее маме. Душе моей было почему-то тесно. А когда вышли с В. к трамваю, то через шубу ее чувствовал дрожь всего ее тела, как будто все тело ее вскипало или газировалось, как шипучая вода. Может быть это было и от усталости, а может быть от напряжения, которое она переживала во время моей беседы: я может быть вел себя не как надо. Но я не мог себя иначе вести: мне ведь нужно было привлечь к себе сердце старушки, очаровать ее. Но она умная, воспитанная, сдержанная и осторожная нелегко поддавалась. Встречи не вышло, но, может быть, она и не могла выйти. Только почему же В. дрожала?

Валерия открыла в дневниках нового Пришвина. Это произошло так неожиданно. Она остановила трещотку машинки и вдруг сказала:

– А вы, оказывается, вовсе не такой глупый, как я думала.

И принялась читать, и я дивился, узнавал в ее словах нового писателя.

Как же это странно, что я не зная ее, а только обращаясь к неведомому другу, писал ее мыслями, ее словами, ее чувствами. Как будто оба мы, настрадавшиеся в напрасном ожидании друга до последней степени напряжения, встретились.

Интересно было раз, она вошла очень серьезная, напряженная, внутри взволнованная, извне окаменелая, села на стул и сказала:

– Вы дурак.

И повторила:

– Совершенно глупый и наивный человек.

После первого ошеломления, услыхав «наивный» я спохватился:

– А может быть, – сказал я, – вам это нравится, что я такой, дурак, а не умный?

– Очень нравится – сказала она тем тоном, что ей нравится, – но как же вы могли с такой глупостью жить на свете.

22 Февраля. Разве это не дело: складывать две жизни в одну?

Всю жизнь ждал свою Невесту, и вот она ко мне пришла. Не веришь и спрашиваешь себя, где же это, во сне или на том свете? А когда здесь, – то может разве здесь быть она, как настоящая? Вот из этого-то вопроса и родилась та неурядица, с которой я недавно покончил, и отвечаю твердо себе: да, это она, настоящая.

Аксюша думает так: если эти отношения есть духовная любовь, то почему же и она тоже не Она, почему перед ней закрываются двери, и они уединяются? Вчера я прочел выбранные рукой Валерии места из дневника Разумнику в присутствии Аксюши. Очень понравилось Аксюше, а я ей сказал:

– Это выбрала Валерия, ты бы ведь этого не могла бы сделать?

– Нет.

– Вот.

Но я жульничал. Сущность же в том, что отношения мои с В. не духовные в смысле Аксюши или, вернее, не только духовные. Мы в этих отношениях допускаем все, лишь бы мы, странники жизни, очарованные, продвигались дальше по пути, на котором сходятся отдельные тропинки в одну. Разница с Аксюшиной верой у нас в том, что мы сами участвуем в созидании жизни, она же выполняет готовую и расписанную по правилам жизнь. И тот же самый Бог, а пути разные: наш путь рискованный, у нее верный. Ей легче: она молится готовыми молитвами,

мы же и молитвы свои должны создавать и, если даже берем готовые, то...

Самое же главное, что у нас религия Начала жизни, у нее религия Конца, мы о здравии, она за упокой, у нас подснежники и одуванчики, у нее же гиацинты и бессмертники, у нее Старое, у нас Новое и Небывалое.

Вчера взял тетрадь дневника с отметками Валерии цветным карандашом. По этим отметкам я читал написанные мною отрывки и сам удивлялся, как это я мог написать так хорошо. Мне казалось это чтение таким интересным, что и на всю ночь хватило бы у меня бодрости читать. Но вышло так, что когда отметки кончились и не осталось никакой надежды увидеть на своих страницах руку моего друга, вдруг такая скука меня охватила от себя одного, что я лег в кровать и в 9 часов вечера заснул и так основательно, что проснулся лишь утром в 5. Этот случай может служить живой иллюстрацией...

Как ни чудесно это чувство, а в то же время бывает и страшновато перед неизведанным. В любви, как и в поэзии, есть свое хозяйство, вот и думаешь, как бы ни сделать в этом хозяйстве ошибки, не соблюсти меры. Эта тревога, наверно, происходит от того, что мы в этом чувстве не дошли до чего-то неопровержимого, после чего...

24 Февраля. Мы опять с 3-х до 10 вечера душа в душу, так что и оторваться больше наверно и нельзя. Сегодня она сказала, что приготовилась в наших отношениях к тому, чтобы исключить женское лукавство. Она что-то нашла вчера в «Кащеевой цепи» такое, из-за чего и пришла в этот выходной день.

За ужином я увидел ее не такой, как всегда, стал в нее вглядываться и вспоминать, кого я в ней вижу так ясно. И вдруг вспомнил:

– Джиоконда!

– А что это, лукавство? – спросила она.

– Нет, – говорю, – это: своя мысль.

– Верно, – ответила она, – и с вами у меня это очень редко: с вами я бываю всегда с вами.

Я рассказал ей все, что узнал о турецком фронте, о предстоящих этим летом переживаниях, возможно подобных Евгению (в «Медном всаднике»)[60]. Ей было все это не ново и она сказала:

– Я каждый день и теперь живу, будто англичане под Москвой[61].

Меня поразило сегодня, что все прочитанное ею в дневниках моих она так помнит, будто сама пережила. Я ей это высказал, а она мне:

– Вижу, как всякую мелочь во мне вы хотите возвеличить.

Я человека нахожу в ней такого, какого не было нигде, и я впервые это увидел. И оттого, когда смотрю на ее лицо, то вижу прекрасное.

Она вообще готова всегда. Провал с Бончем (слух о том, что он отстранен) произвел на нее совсем обратное действие, чем я думал:

– Вот и хорошо, – сказала она, – значит, дневник к ним не попадет.

Она считала ненужным и рискованным передачу дневника в Музей.

Замечательно, что при всей высоте ум и самый практический не покидает ее: «практический» не в смысле использования чего-то или кого-то (совсем этого нет), а в смысле устройства помощи в данном положении или «выхода из положения». Ее вообще ничто не ставит в тупик, потому что от пустяков она не зависит.

Моя любовь к ней есть во мне такое «лучшее», какое в себе я и не подозревал никогда. Я даже в романах о такой любви не читал, о существовании такой женщины только подозревал. Это вышло оттого, что никогда не соприкасался с подлинно религиозными людьми: ее любовь ко мне (едва смею так выразиться) религиозного происхождения.

Она готова любить меня, но она еще не все установила, не все проверила и не всему поверила, что к ней от меня пришло. Наверно, я должен еще заслужить. На этом пути очень помогают мне книги и дневники: все это написанное было путем к ней. Не понимая – она бы не пришла. Вот теперь только я начинаю понимать, для чего я писал: я звал ее к себе, и она пришла.

Как бы я ни восхищался ею, что бы такого не говорил ей в глаза, все самое лучшее, она не станет отвергать, ведь сознавала, что все лучшее в ней есть – раз, и второе, что она сделала ошибку. Эта ошибка – ее замужество[62], за это она себя винит.

Я сказал ей, что хочу ей подарить «Жень-шень». – Можно? – спросил я. И она ответила: – Подумаю.

Если бы не умер Олег, то она бы вывела его в жизнь[63] и для этого применила бы силу женского лукавства.

Мне же она хочет обязаться этим лукавством никогда в отношении меня не пользоваться. А я этот подарок принял с радостью, потому что мое чувство должно быть совершенно свободным: «если потребуется» – пусть! а может быть и обойдется без этого, – и хорошо! Отсутствие посторонней силы (лукавства) расширяет границы и возможности моего «люблю». Я от чистого сердца в ответ на подарок могу сказать: «Люблю и да будет воля Твоя!»

Рассказ ее из эпохи Института Слова и «Школы радости»[64]. И все в нее влюблены.

Настоящим писателем я стал впервые, потому что я впервые узнал, для чего я писал. И может быть в этом я единственный: все другие писатели отдают себя и ничего не получают кроме глупой славы. Я же своим писанием, своей песней привлекал к себе не славу, а любовь (человека). Таких счастливых писателей никогда не бывало на свете. Никто из них в мои годы не мог воскликнуть от чистого сердца, от радости переполняющей душу: Люблю и да будет воля Твоя.

Часто про себя думаешь что-нибудь вроде того: придет страшное, голодное время, и я ей отдам свой последний кусок хлеба. Кажется, так много! А когда ей скажешь об этом, она едва обратит на это даже внимание: в ее глазах это так мало. И через это я становлюсь выше и начинаю любить высоту.

Учусь жить на высоте.
Учусь любить высоту.
Ее воля, мое послушание.

– Если меня, создающего что-то хорошее, убьет упавшая с крыши сосулька, сделает кто-нибудь мою работу?

Задумалась.

– Если бы, – сказала она, – так было все случайно, то не было бы вещих снов.

И рассказала свой сон (целовала живых, как мучеников)[65].

25 Февраля. Спрашивает: – Любите?

Отвечаю: – Люблю!

Она: – А я этого вам не могу сказать. Со мной совершается Небывалое, и нет на свете человека, кто бы мне был так близок и кому я так открылась, как вам. Но я все-таки не могу сказать: «люблю». Ведь у меня же долги, если я люблю, то долги сами собою уплачены. А сейчас я не чувствую в Вас того *настоящего*, ради кого я должна то все бросить: я сейчас еще вся в долгах. Но я надеюсь, что когда-нибудь вас полюблю. Но что Вы меня любите, я знаю.

(Это больше, чем я заслужил.)

Необычайный человек д-р Раттай Александр Николаевич, я думаю, что этот полоумный человек и меня может полюбить, как их. Я же его почти полюбил за Валерию.

Когда ее ссылали, и она сидела на вокзале за решеткой[66], то среди людей на перроне мелькнул и Раттай, и он сам за себя боялся, и пришел, и плакал, не видя ее, не зная, что она на него смотрит из-за решетки.

Надо быть более осторожным и больше беречь сено от огня, для того беречь, чтобы больше-больше-больше было у нас нео-

детой весны... Но она любит лето, и тут она... сама того не знает. Я буду беречь ее... но...

Беда с Аксюшей: влюблена! Очень, очень я жалею ее, но, слава Богу, пока помогла Валерия. Плохо, что едва ли можно их сладить.

И к этому, в тот же день Клавдия Борисовна. Не хватает Павловны. Вот болото!

Полное недоразумение: у нее любовь на высокой горе, на снежной вершине, а они там, внизу целуются, и тоже называют это любовью. И она сходит в долину, она идет к ним, и они ей: люблю, люблю...

Так бывает, снег от тепла ручьями в долину бежит, а у женщины ее настоящая любовь расходится слезами.

Неужели теперь под ее влиянием сложится из всего моего хаоса настоящий человек?

Если он есть во мне, то да.

Но может быть и нет?

Всего этого-то она и боится и ей временами так трудно.

Дела на 26/II.

1) Пионер: договор.

2) Детиздат: выяснить возможность издания книги.

3) Чагин в Гослитиздате: выяснить возможность издания V тома и VI.

4) Взять 6500 из Мол. Гвардии, чтобы осталось там 3000.

Я хотел ей подарить Минеи[67].

– Эх, вы! – сказала она.

Положила книги в шкаф. И после того:

– Эх, вы! не понимаете. Книги эти наши, а вы их хотите мне подарить.

Доведу любовь свою до конца и найду в конце ее начало бесконечной любви переходящих друг в друга людей. Пусть наши потомки знают, какие родники таились в эту эпоху под скалами зла и насилия.

На этом пути я сделаюсь самым современным – мировым писателем.

И как ужасно, что «бабы» вмешиваются со своей «любовью» в эту нашу любовь (родники рода и разливы личности).

Было и то, о чем писать нельзя, и если написать...

Раз допускается даже в самой ничтожной дозе между нами то, о чем не пишут, то мысленно можно допустить, что как-нибудь случится – дойдешь до конца. И не зарекайся, не зарекайся! И пусть! и отчего же: очень хорошо, но при одном непременном условии. Нужно, чтобы она оставалась неизменно прекрасной невестой моей, какою ждал я, стоя голыми ногами на железной сковороде, какою встретил и какою хочу сохранить в себе до конца. На эту невесту ничто не должно влиять и если она сохранится, то можно все допускать, и вот именно «допускать», но не думать, не умничать.

И первое, самое первое, чтобы не по себе равняться, а по ней: она должна быть счастлива, если ей это нужно, а я же и без того пьян.

С охотой, наверно, придется расстаться, потому что, если вплотную сойдусь с ней, то вся моя жизнь полностью переменится, и понятно: тогда будет не «я», а «мы». Чувствую, что из меня много будет выброшено «для своего удовольствия». И пора, и пора!

Гражданин с 3-мя женами, которые все его страстно любят. Это как распад христианского брака. К этому и обратное: Валерия входит в мой дом, и другие женщины разбегаются.

Пионер:	Март –	2 000
	Апрель –	4 000
	Май –	4 000
	Июнь –	4 000
		14 000

Написать договор.

На устройство фермы-кормилицы в Загорске – 6000 руб.

К июню продать часть архива, скажем, письма тысяч за 25 – и хватит до зимы. Так что успокойся, Михаил, и помни завет друга: «Деньги? на что так много?»

26 Февраля. Запретная комната.

Загадки она мне загадывала про то, о чем не говорят. И то ли голова болела у меня, то ли она мудрит и перемудрила, то ли «умалчивает» о чем-то по своему праву, но я ее не понял. Борис Дмитриевич пришел, перебил, и у меня в душе стала темнота и закрыла все, и связь моя с ней потерялась до того, что хоть плачь. Так вот она мне высказала о ее сомнениях в добротности моей души.

– А это что? – спросил я.

– Вот, например, я изменила Олегу, и когда пришла к нему, он не придал этому никакого значения. Дальше следовало молчаливое: «А вы?» Этот вопрос был для меня труден, потому что еще вчера я по глупости своей понял вопрос в противоположном смысле: могу ли я быть, как все. От этого завился во мне вихрь, и она закрылась, а я был в себе ущемлен как-то и потерял уверенность в себе, храбрость и самость, и у меня самого явилось сомнение в добротности своей души, т. е., что хуже всего: я от нее до сих пор уверялся в своей силе, в возможности роста. Так исчезла простота и явилось неравенство, похожее на распадение связи с моей невестой: графиня, а я «купеческого происхождения». И ядовитый вопрос со стороны: «а зачем тебе надо замучиваться?» И самое последнее сомнение в себе: неужели же все было «поэзия», и на проверку – сон: видел то, чего нет.

Всего же неприятней, что когда я сказал ей об исчезновении простоты и здоровья, она сейчас же, как ни в чем не бывало, начала говорить о том, что эта раздвоенность очень реальна и она всегда и во всем может быть такой, как была, какой мне хочется ее видеть.

Как она не хочет понять, что если человеку дать дом с тысячью комнат и сказать, что одна комната запрещенная, то он непременно полезет в запрещенную.

Не знаю, как и выйти мне теперь из положения: нарочно сам себе глаза не завяжешь и не вернешь себе прежней наивно-

сти, прежнего наивного состояния, в котором не было запрещенной комнаты.

Путь Олега был в таких случаях – отойти подальше в пустыню, очистить ее образ в себе. И я тоже так могу: моя пустыня – мое писательство. Стоит мне туда отойти, и вихрь Иродиады[68] исчезнет, и она будет ясная, и я еще приду к ней с чистой совестью, и не устрашусь, если она мне и повинится, как Олегу. Это и есть монашеский аскетический путь, и я об этом думал, когда говорил ей о том, что могу быть в отношении ее бескорыстным. И могу, и могу!

Мелькает, однако, вопрос: не есть ли такой уход в монашеский мир – по существу явлением не силы, а слабости: там готовая, Богом данная свобода, чистота, поэзия, тут – необходимость *взять*, значит, выпить сосуд со всякими гадами, выпить и звезду сохранить. Нет никакого сомнения в том, что Олегову «добротность» я могу показать и верно уже показал перед всеми (собрание сочинений), но могу ли доказать добротность на другом пути при постоянном Всевидящем оке монахини – тут без особой *милости со стороны* ничего сам не сделаешь, в этом надо смириться до конца, и своей возлюбленной, испытующей добротность души своего друга, сказать: Милая! не знаю, могу ли, но верую, и ты помоги моему неверию, и вникни милостиво в мои слабости, и укрепи там, где надо, и побрани, где не надо, а главное, помири меня с собой, и поцелуй, и как хочешь сама назначь: идти по-прежнему к звезде или, как мне хотелось бы, строить вместе жизнь возле себя, простую и радостную.

Так вот и пойдет теперь переживаться «запрещенная комната», как испытание моего бескорыстия. Теперь ясно, что раз поставлен вопрос – войти непременно придется, а если вошел, то тебя насквозь просветят, какой ты есть.

Ни разу не видал я ее такой взволнованной, с такими красными пятнами в лице, когда она говорила о «запрещенной комнате». И ты не думай, что обойдешь вопрос и спасешься работой.

Вакханка или монахиня: вот я, бери, если хочешь, но только тогда уж я посмотрю на тебя и тебя проверю насквозь, и узнаю, какой ты настоящий-то, ну-ка, целуй еще!

Что «люблю» – это [конечно], это заключено в образе, можешь беситься, проклинать, убегать – и не убежишь: образ будет везде с тобой. Значит, *люблю – это твердо*.

А дальше, как второй этаж этого «люблю», – бескорыстие, совершенная преданность и растворяемое в смирении эгоистическое самолюбие. Надо в этом положении добиваться в себе бескорыстия точно такого же, как я писал «Жень-шень». Мог же я там, почему не могу здесь? И там были принципы неверные, я их уничтожил, и здесь, если будет, – уничтожу.

Огорчительный сюрприз «запрещенной комнаты», наверно, очень велик, если она покрывается красными пятнами и загадывает о добротности моей души.

Надо меньше, как можно меньше говорить: частые слова неуместны, портят ритм.

И еще надо больше пользоваться правом перерыва в беседе.

Не Гамлет, не психическая болезненная двойственность («я здорова»), а что-то «очень конкретное, очень реальное». Если бы то, о чем я думаю... и вообще, если бы от нее осталась бы только душа, которую можно бы носить с собой в замшевом мешочке около сердца, то как бы я был счастлив, как бы я эту душу любил и берег, и советовался бы с ней, и шутил.

Буду ждать: она скажет. И будь спокоен, Михаил: ты это выдержишь.

Мне представилось, будто мне дали дворец, чудесный как в арабской сказке, и все в дворце было для меня, только одна комната была под запретом: в нее входить мне было нельзя. Как и в сказке, тоже и тут меня это стало мучить. Я стал думать, почему нельзя мне войти в эту комнату, я мучился долго всякими догадками и вдруг догадался, и все стало понятно, все... Казалось, мне было так легко отказаться, и я совсем не хотел пользоваться той комнатой. Этот вздор о запрещенной комнате вышел из недоговоренности ее... Но главное, все из моего самолюбия, желания уколоть: т. е. из того же источника.

27 Февраля. И опять, как только я увидел ее, так мгновенно исчезла «запрещенная комната». Происхождение таких химер находится в недоговоренности. Сегодня же, целуя ее, я сказал:

– Вы не сомневаетесь больше в том, что я вас люблю?

– Не сомневаюсь!

– И я не сомневаюсь, что вы тоже немного меня любите.

– Немного люблю.

Я подпрыгнул от радости:

– Правда?

– Правда: скучаю без вас.

И поцеловала в самые губы.

И я сказал:

– Не совсем, но моя.

И она:

– Да.

После этого она и ушла, в то же время осталась, и голубь с нами был и прыгал у меня в груди, проснусь ночью – голубь трепещет, утром встал – голубь.

– Ну, – сказала она, – конечно, надо сделать так, чтобы другие от нас меньше страдали, но если жизнь скажет свое слово, что надо...

– Если будет надо, я возьму вашу руку, выйду из своего дома и больше не вернусь. Я это могу.

Она вспомнила, что все главное у нас вышло от дневников: в них она нашла настоящее, собственное свое, выраженное моими словами. И вот отчего, а не потому что боюсь, не отдам никогда я эти тетрадки в Музей: это не мои тетрадки, это наши.

И так все пошло переделываться в наше.

Самое главное – это надо поскорее устроить ей возможность более спокойно и уверенно жить, иначе просто совестно разводить романы...

Весь смысл внутренний наших бесед, догадок в том, что *жизнь есть роман*. И это говорят люди, в совокупности имеющие более 100 лет: и говорят в то время, когда вокруг везде ки-

пит война и только урывками можно бывает достать себе кое-какое случайное пропитание.

Никогда не была так ясна самая сущность жизни, как борьба с Кащеем. Никогда в жизни моей не было такой яркой схватки с Кащеем за «роман». В этом романе схватка за жизнь, борьба не на жизнь, а на смерть и на жизнь. И она все это знает и очень готова, да только все еще не совсем уверена во мне, все спрашивает, допытывается, правда ли я ее полюбил не на жизнь, а на смерть...

Никогда в жизни не было мне такого испытания – это карта на Всего человека.

Я где-то в дневнике записал, как страдает глухарь в своей любовной песне, и потом указав, что все животные переживают любовь, как страдание, указал на человека: только человек сделал из любви себе «удовольствие». Напомнив мне это, она сказала о наших бессонных ночах, разных других мучениях и сказала: – Хорошее удовольствие!

28 Февраля. Ни разу за 30 лет не поцеловал жену в губы со страстью, ни одной ночи не проспал с ней и ни одного часу не провел с ней в постели: всегда на 5 минут – и бежать. Близко к любви были поцелуи «Невесты» (2 недели) и больше ничего. Так что можно сказать: никакой любви у меня в жизни не было. Вся моя любовь перешла в поэзию, которая обволокла всего меня и закрыла в уединении. Я почти ребенок, почти целомудренный. И сам этого не знал, удовлетворяясь разрядкой смертельной тоски или опьяняясь радостью.

И еще прошло бы, может быть, немного времени, и я бы умер, не познав вовсе силы, которая движет всеми людьми. Но вот мы встретились...

Вчера я уверял ее опять, что люблю и люблю, что если останется последний кусок хлеба, я его ей отдам, что если она будет больна, я не буду отходить от нее, что...

Много всего такого я назвал, и она мне ответила:

– Но ведь все же делают так.

И я ей:

– А это же мне и хочется: как все. Об этом же я и говорю, что наконец-то испытываю великое счастье не считать себя человеком особенным, а быть как все хорошие люди.

29 Февраля. Объяснение с Аксюшей до конца и ее готовность идти к Павловне на переговоры о том, что М. М. жизнь свою меняет. Теперь остается слово за Валерией.

К Чагину предложить: т. 5 Неодетая весна, Серая Сова, Лисичкин хлеб.

Согласие дал Чагин.

Стеснение Аксюшиной души.

Она: – Если старца спросить, то он скажет – это искушение, и велит вернуться к старой жене.

И смысл этого объяснила тем, что от *свое*й любви надо отказаться – откажешься от своей и будешь любить *всех*. В этом и есть смысл церковного аскетизма. И мой «пантеизм» этого же происхождения: вместо *своего* человека – любовь ко *всему*. И все это радость.

А если у тебя стесненность, то поезжай к Павловне и скажи ей про нас, стараясь говорить так, чтобы та меньше расстраивалась. Тогда твоя стесненность пройдет.

Аксюша никогда не станет на сторону Валерии, потому что всегда будет судить по себе: она по приказу своего старца отказалась от любви, значит, по ее мнению, и другие христиане должны отказаться.

Все сильнее, огнем, пожаром охватывает желание войти в запретную комнату. Кажется, войдешь – и будешь обладать настоящим, и настоящее это пройдет, и, может быть, весь дворец исчезнет. Или не войти и сохранить Дворец во всей красе.

Настоящее вступило в жестокую борьбу и с Будущим, и с Прошлым. Прошлое – это наше прошлое, с того дня, как она отморозила себе ногу. Будущее – это наше будущее от разлуки до встречи в 1-й и в 3-й дни шестидневки.

И надо выбросить из головы все придумки, подставки, замены: любовь это все, и если это есть у тебя, то все, что взамен – теперь отбрасывается. Только любовь.

Все думал, что это можно: она будет на моей жилплощади, а я с ней тогда могу как с сестрой. Я хотел ее с чистым сердцем позвать, а сейчас думаю, что отказаться *не могу* уже. И значит, если она придет, то будет *моя*.

Женщине дана такая сила и такая власть над людьми[69], больше которой на земле нет ничего. И как же глупо они эту силу растрачивают. В мире до тех пор счастья не будет, а только война, пока не научится женщина управлять своей силой.

Разумник Васильевич рассказал мне, что Сологуб как-то моими же вот этими словами сказал то же самое о женщине: «Ей дана сила, а она поступает как цыган: “Что бы ты сделал, спросили его, если бы стал царем? – Я бы, ответил цыган, украл сто рублей и убежал”».

1 Марта. Написал для серии «Фацелия» рассказ «Любовь»[70], может быть самое замечательное из всего, что я написал.

Валерия не приходила: мать больна. В отношениях к В. прибавилось много ясности и спокойствия. Теперь надо лишь сдерживать себя и ждать.

2 Марта. Навестил Валерию (мать больна). Видел Раттая. Она проводила меня и у меня провела вечер. В этот вечер из моего рассказа «Любовь» ей вдруг открылось, что я не только ее понимаю, но что через меня и она себя сразу поняла. Это было так радостно, что целовали друг друга, и она, целуя, говорила: мы подходим к настоящей любви, я начинаю верить, – мы к ней придем.

– Почему вы такой печальный? – спросила Аксюша. И потом:

– Вы никогда ее не достигнете. Она вас поманивает, а жить с вами не будет.

– Почему?

– Если она правильно духовная, то не пойдет против закона.

Овечка Божья мне серьезно начинает мешать.

Холод пронизал (монах), пустота. Она создала Олега.

И меня таким, как я сегодня ей открылся – таким я стал от нее.

Она стоит у силы и хочет этой силой управлять: в этом у нее все.

С двух сторон смерть, и опять две стороны в возможностях: постриг, любовь.

Она сегодня сказала:

– Долго так продолжаться не может.

Ее верный совет: вовсе не думать о практическом, как нам устроиться: надо в основном сойтись.

Сегодня я так далеко забежал вперед, что как будто вернуться пришлось назад к ней, и уже не она, как всегда, говорит мне новое, а я принес ей весть, и она воскликнула изумленная: – Думала ли я когда-нибудь, что здесь найду объяснение главного поступка в своей жизни.

После того мне стало так, будто я кругом открыл всю ее душу, и она мне стала, как своя душа. В то же время чья-то суровая рука не дозволяет со страстью любить ее тело, хотя чувствую, что она не стала бы сопротивляться.

Но, видно, все-таки ей передалось, и она сказала:

– Хорошо, что вы такой цельный человек.

3 Марта. Ночь почти не спал, переживая то самое, что переживает каждый, закупоривая страсть свою в пределах собственного тела. Огнем горел, но соблазняющих мыслей не было, приходили, но я их легко отгонял. Я так привык презирать себя, как любовника, что теперь, будто все это не я, а какой-то очень хороший герой. И жена моя, и дети, вся моя Берендеева затея лесного брака стали казаться шалостью и, сожалея обо всем этом, я повторял: «Зачем это я делал, зачем тратил на забаву или самообман драгоценную и короткую человеческую жизнь!»

Вчера она читала мне «Погорельщину» с таким выражением, с такой любовью, и так была она при этом прекрасна, что «практические намерения» этих дней (устроиться жить с ней

под одной крышей) вдруг явились мне во всем своем ничтожестве, я просто струсил за себя, но мало-помалу преодолел себя, и уже начал было пьянеть от поэзии, парить в музыкальном тумане, как вдруг в дверь постучались и вошел Раттай...

Вспоминаю, как она *«вытаскивала»* меня с предупреждением, с назиданием и мало-помалу заставила меня поумнеть, думать о ней всегда возвышенно и поверить в себя и в большую любовь. Так же точно она сама преобразила Олега. Эта властная любовь, эта требовательность к настоящему чувству есть ее основная черта.

Вторая черта – это смелость в отношении быта: наверно, она не побоится швырнуть в печку икону, если она ей мешает молиться. Однажды не испугалась сказать: «эта церковь у черта на куличках».

Третья черта, чтобы в поступках своих быть «по-своему», это вера в право свое жить и думать по-своему и не спрашивать у других.

И еще: прямота в борьбе за любовь и точное знание, где кончается большое и начинается малое: лукавство, дипломатия и т. п.

И еще самое главное – то, что сказано в моем рассказе «Любовь», – это ее любовь изображена. Так что если я буду в этом году причащаться, то через нее посмею причаститься на эту любовь.

И еще: она женщина без перегородок: все отделы ее существа находятся в постоянном обмене. Редчайшее в женщине гармоническое сочетание религиозности, просвещенности и натуры.

Бежала моя лошадка, бежала, и вот чья-то рука завернула ее на другую дорогу, и побежала моя лошадка в другую неведомую сторону.

Несколько дней тому назад я почувствовал, что для меня ничего не «жалко», и ясно представил возможность исчезновения между нами «мое и твое». Вчера я предложил ей это.

– Скучно будет, – ответила она, – жить без подарков.

Хожу и ахаю: – Ах, каким дураком я провел свою жизнь, чего я не знал, от чего отказывался! И жил без примера высоты, сохраняя в себе почему-то дремлющие возможности. Надо внушать детям какими-то яркими примерами чувство безграничной радости в жизни и высоты.

Для меня было ново быть вместе и без устали говорить часов девять подряд. Смешно вспомнить, как я страдал за «Неодетую весну», не понимая, какой мелочью станет «Неодетая весна» перед тем, что мне через месяц откроется. Она совсем даже не подозревала, что я так мучаюсь за какую-то «Неодетую весну». Я теперь ей рассказываю, и она смеется.

«Стать перед фактом»: вперед заказать ничего нельзя, но можно *действенно ждать*, причем действие должно относиться к *охране* засеянного поля, а ждать нужно тоже действенно, т. е. быть *внимательным*.

По широте, по щедрости, по неутомимой жажде любви, возможно, она преувеличила мое лучшее. Меня утешают общие сны: если я видел нечто, не зная ее, и она видела то же, не зная меня, то значит мы имеем основание для веры друг в друга.

Сейчас мы летим и остановиться больше нельзя, летим и каждый день открываем что-нибудь новое.

– Так долго длиться, – сказала она вчера, – это не может.

И вот как радостно, и вот как мучительно страшно, – как бы нам не попасть в руки Кащея.

Два клапана: М (Мысль) и Ж (Жизнь).

4 Марта. Загорск. Со стороны Москвы по шоссе подходил к Загорску, и в свете вечерней зари необычайной красотой сияла Лавра с древними башнями, церквами...

Я вспомнил красивое письмо монаха, навеянное ему любовью женщины, которую я сам теперь полюбил.

Я подошел ближе к Лавре и увидел колокольню без колоколов[71], вспомнил всю мерзость запустения и море злобы, кипящей вокруг древних стен. То, что мне было красотой, в жизни возбуждало злобу, служило источником зла.

Как это могло случиться, что подвиг любви к Богу преп. Сергия стал источником зла среди людей? Раздумывая об этом, я опять вспомнил письмо монаха и растерзанную страданием женщину, из души которой он черпал свою любовь к Богу. И теперь я люблю ее, эту ограбленную...

Но что это злоба вокруг древних стен? Мне стоит к любому из этих людей подойти, стоит чуть-чуть его обласкать, как откроется, что он жалкий невольник зла, и стоит ему протянуть руку, он схватится за нее, чтоб выбраться.

Так чего ж мне скорбеть о внешней церкви, обращенной в мерзость запустения, если внутренняя жизнь с ее церковью, с ее Богом здесь налицо передо мной, и небо тоже, и наступающая весна...

И эти письма... Что мне в них, если источник их со мной! Я обладаю самим источником красоты.

Никогда я не чувствовал так, никогда не был в состоянии священного ожидания. Мне кажется, я построил прекрасную хорому, и долгожданная вошла в нее, и я сказал ей «люблю», и она мне сказала свое «люблю», и мы ждем, чтобы кто-то третий пришел и благословил нас, и убедил, и уверил нас, что мы видим, сами видим любовь, а не только нам это видится...

А это же и есть музыкальная тема души этой женщины:

– Вижу, или мне это видится?

Нет, я не поеду искать дупло, в котором спрятана рукопись[72], я сам напишу о том же и по-своему.

Помни 3-е Марта!

Тут вышло так, что все: вот оно все! И чего-то, какого-то «чуть-чуть» нет, и это «все» без чуть-чуть есть ничто. В этом «чуть-чуть» и есть вся власть женщины, и своим внешним «все» – она только приманивает, а внутренним таинственным «чуть-чуть» заманивает и туда может заманить, где каждый потеряется, она же и посмеется.

– Милая, – сказал я ей, – брось ты это со мной, твое «чуть-чуть» никогда меня не заманит, и я всегда сумею его удержать.

– Чем? – спросила она.

– Я напишу поэму: ты будешь плакать и забудешь «чуть-чуть».

Она согласилась.

А я в этот месяц перешел красный накал, перешел белый и после превратился в настоящее животное в его брачное время. Никогда не думал, не подозревал в себе этого. И вот настал день, я чувствовал его наступление и на всякий случай Аксюшу услал.

Я трепетал, мне было страшно, что животное мое взбесится и я, какой-то настоящий «Я» будет уложен и пленен и посажен в конуру на цепь, как собака. Я слегка намекнул ей на мое состояние. И она кротко сказала:

– Нужен ум!

Вечерело. Мы забились в угол дивана, и я стал слушать, как билось ее сердце: не симфония, а весь мир как симфония. И вот, один за другим и нога...

– Подождем, – сказала она.

И я послушался. И вместо того мы стали обмениваться словами: на той осинке, на этой почве вырастет слово.

– Ну, и что же? – сказала она. – Вот вы ласкаете мою ногу, целуете грудь и вам ничего не делается? Поймите же, что ведь это же все, и грудь Психеи, и нога газели, и все такое, все чепу-ха!

– А что же не чепуха? – спросил я.

– У вас редкий ум, – сказала она, – вы сейчас единственный, с кем я себя не считаю себя выше, и у вас сердце, какое у вас сердце! И вы единственный, кому я открылась вся и кого я желаю. И все-таки я не вся с вами. Если вы догадаетесь о том, что не чепуха, я отдам вам всю жизнь: отгадаете?

Эх, ты, Берендей! как ты глуп, как наивен. Ты за чистую монету принимал ее рассказ о чисто детской любви на Кавказе. Но ведь именно там она и научилась этой управляемой любви. Увы! Бедная, в клапан Мысли ушло все ее лучшее, и когда открыла клапан Жизни – все пошло из него. И это детская любовь! Разделение на клапаны и есть настоящее убийство детской любви.

Но опустошенное ведро к счастью попало под желоб, и когда пришла весна и закапала капель, оно снова наполнилось.

Вот и хочется теперь понять, в чем тут ошибка, и чему бы тут поучиться.

В такой форме и вернулась музыкальная тема ее души: *вижу или мне все это видится!* Хочу видеть, кажется, вижу? но подхожу и мне это лишь видится.

Я думаю, что это возможно, если мне самому потрудиться, забежать вперед ее и осветить общий путь. Я должен быть сильным в любви.

И все так просто: *если хочешь, чтобы тебя полюбили – полюби сам*. (Но другой говорит: я полюблю, если меня полюбят.) Женщина говорит: действие любви выходит, наверно, из внимания, и надо быть внимательным особенно к тому, что ее озабочивает. Надо освободить ее от «долгов» и, если бы это возможно было, самому бы ее долги заплатить. Как? – я не знаю.

Я не знаю, когда это будет и как именно совершится, только знаю, что это будет как свет: тихий свет придет, и мы что-то вместе поймем и вдруг бросимся друг к другу и навсегда.

Или, может быть, я напишу для нее такое сильное и прекрасное, что мужскою силой своей разгонит все ее сомнения, и ее вечная травма «вижу или мне видится» – закроется.

Без брома спал и встал бодрым и сильным больше, чем раньше. Однако до тех пор, пока мы с Лялей* не будем вместе, – этим средством пользоваться не буду. Надо *честно* отнестись, всерьез, к простейшему: не по-монашески, без клапанов и т. п. В знак этого обещаюсь быть с Лялей только в рабочих отношениях. Мне чудится, будто я и должен и могу внести новое, здоровое начало в жизнь этой женщины, попавшей в заколдованный круг. Как будто солнечный луч пронизал мне сейчас эту колдовскую паутину, и я должен во всем разобраться до конца. (Читать письма.)[73] И необходимым условием стало решение: до тех пор, пока она не войдет ко мне в дом – ничего. Пусть это обещание соберет мою силу в сторону достижения цели – быть настоящим и единственным мужем этой женщины. Подозреваю, яд ее прежней любви от самого начала был в компромиссе («два клапана»), теперь

* Ляля – детское домашнее имя Валерии Дмитриевны.

этому конец: вся моя, в моем доме, и я весь ее, и хозяин, и работник.

5 Марта. Загорск 3 ч. у. Чтобы к Церкви прийти, надо уйти от нее, и она сама должна разрушиться и стать мерзостью запустения, как наша Лавра. И вот тогда-то внутренний человек везде и всюду, весь собранный не монахом, а самим Богом человек, сразу станет как Церковь.

В свое время Церковь из верующих создала свое церковное животное вроде Аксюши. Как и всякое животное, Аксюша послушна.

Аксюша послушна,
Аксюша смиренна,
Аксюша вполне совершенно глупа!

Вот в этой точке, в отсутствии полнейшем и в признании необходимости Мысли и происходит отталкивание их друг от друга. Аксюша подозревает в Валерии мысль, и это теснит ее душу.

Валерия же старается скрыть, но она просто брезглива к существу безмысленному, к церковному животному.

Аксюша сейчас переживает искушение, на нее вдруг находит и тогда разговаривать с ней невозможно.

– Ты у меня служишь?

– Служу.

– Какое же дело тебе до моих отношений к людям?

– Но зачем же она теснит мою душу?

– А мне-то какое дело? Спроси своего духовника, а я твой хозяин и спрашиваю с тебя дело только. Оставь в покое моих гостей, друзей, знакомых.

– Но зачем же она теснит мою душу?

Я начинаю беситься, угрожаю ей прогнать ее, и она угрожает мне...

Я ухожу со скандалом. А через несколько минут этот человеческий бунт с нее сходит, и прежнее смиренное церковное животное стоит в моих дверях и монашеским условным голоском мне докладывает о мелочах нашего хозяйства.

«Церковное животное» во множестве его разновидностей сыграло значительную роль в разрушении церкви.

Сколько всего у нас уже было, а все еще я не могу себе представить в ее существе такое пятно, от которого когда-нибудь могла бы мне показаться угроза моей любви. В том, конечно, она права, что моя поэтическая любовь требует проверки «прозой», но я до сих пор никак не могу заметить даже крупинки какой-нибудь прозы, которая хлещет у всех. Не веришь сам такому счастью.

Любовь дает такое обострение зрения, такой необычайный слух, что почти невозможно о всем [замеченном] друг в друге высказать. Кое-что остается и уносится в свое одиночество и там разрабатывается.

А то, что я думал сделать сейчас, – отказаться от сближения, жить в деловых отношениях до тех пор, пока она не переедет ко мне, это нельзя сделать: неизвестно, когда она уплатит «долги», а между тем именно теперь, и только теперь, когда всякую вину ей прощаешь, и все хорошее возвеличиваешь, когда соберешь в себе как можно больше, если только не все, с тем, чтобы потом в неизбежной «прозе» меньше проходило всего огорчительного.

3-го Марта какой-то перелом совершился в моей душе, какая-то преграда рушилась на пути моего теперь совершенно свободного чувства.

Встаю радостный, каким бывал только мальчиком утром св. Христова Воскресенья. И как будто ищу глазами подарки. Спрашиваю себя: «Отчего таким прекрасным мне кажется сегодняшний день?» И обежав, ощупав свою радость со всех сторон, ответил себе: «Это все только оттого, что завтра я увижу ее».

Пошел в лес. В полной силе весна света, и голубеют на белом снегу следы зверьков, и спускаются легкие пушинки между зеленым стволом, и уже не «пинь-пинь», а брачным голосом

везде распевают синицы, и овсянки тоже запели. Лучше ничего в мире природы для меня не было, и я так любил это время, что создал свой образ, и теперь все кругом называют это моими словами: весна света. Но теперь больше не завлекает меня неведомая сила идти вперед по голубым следам. У меня теперь есть такое большое, в чем весна света сияет, как милая подробность. И все боги мои, которые весенней порой прилетают с южных морей: голубые, синие, зеленые – все эти боги в ней. И если бы я был там, откуда исходит мой свет, и строгий голос какого-то сурового и самого великого бога велел бы мне отойти, я бы не послушался и ответил: – Отойди от меня, Сатана, настоящий единственный Бог живет в сердце моей возлюбленной.

Потенциал любви. Откуда что берется! И физическая и душевная дряблость миновали, чувствую себя сильнее, чем в молодости. Особенно заметно появление такой уверенности в своем праве на любовь, что не побоялся вступить в бой с Павловной и разбил ее вдребезги.

Павловна услыхала – я сказал Рузумнику, что было взято 3 билета на концерт, а если он не пойдет, мы пойдем вдвоем. Она вдруг накинулась на меня бешено: «Знаю, знаю, не погуляешь, все разрушу и ляпну в самое место» и т. п.

Разумник Вас. был изумлен: «В 60 лет!» И сказал: «Это нервы». После Разумника нападение возобновилось. И вот тут-то я и выказал такую твердость, что истеричка в слезах просила у меня прощенья. Итак, мои условия: она – мать и до гроба к ней мое внимание и благодарность. А если у меня связь – я ей откроюсь.

6 Марта. Когда кто-нибудь с маленького дела переходит на большое, то ему кажется, будто неведомо откуда приходят к нему силы, так что он и сам себя не узнает и дивится, откуда это у него все взялось. Точно так же делает с человеком любовь: с малого дела он попадает на самое большое, влюбленный больше царя.

Вчера купил у Оранского четыре семьи кавказских пчел. Мои четыре семьи живы и червят. Это вклад в мою фенологию:

начало марта, на дворе вьюга, снежные заносы, а в темном омшанике матка пчелиная червит.

Чувствую, как потупел несколько в своем чувстве жалости к людям, и с большой пользой: я слишком много жалел, пора и за себя постоять.

И вот это «постоять за себя», наверно, тоже пришло все от той же причины, от самости.

Замечаю, как она резко схватывает и не забывает ничего из моих рассказов о себе: это делается силой родственного вниманья. И я тоже не по дням, а по часам усваиваю ее во всех подробностях. В этом и состоит любовь, и это приводит к телесному сближению... к тому, что у всех. И с этим простым результатом никогда не может мириться поэзия монашеская (Олег), а только поэзия и религия рода (Ляля). И тут с Лялей мой Египет: святая природа[74].

С тем, что теперь переживаешь и записываешь, странно даже сравнивать первые записи и особенно письма. Улучшение от внимания: тогда хотелось любви и я писал, думая о себе и только предполагал корреспондента («2-й секретарь»). Теперь появилось живое лицо, и я начинаю в него всматриваться и кое-что понимать и даже отгадывать. Так что время работает на нас. Надо ждать. «Подождем!» – сказала она.

Есть в ней что-то «свысока» (возможно, по праву, есть налет пренебрежения, аристократизма духовного и намек на деспотизм).

Объяснение в любви

– Вы меня любите?

– Люблю. Вы верите?

– Верю. Но я вас не люблю.

– Как же быть?

– Мы люди подходящие, и я знаю, что могу вам быть бесконечным источником, неисчерпаемым. Но вы для меня можете исчерпаться. Я вам ничего обещать не могу.

– Что же делать?
– Если любите, берите, какая есть: рискните.
– А вы?
– Я тоже рискну.

Опасность риска: она так презирает быт, так слаба в борьбе, что я не могу себе вообразить ее любящей, если придется столкнуться не только с Аксюшей, но и с Павловной. Я ее боюсь. Мои жертвенные усилия бросить весь свой старый уклад без уверенности, что ей это не станет противно. Без настоящей любви невозможно.

Она это может высказать! А если я разложу жизнь на планы и отнесу ее слова к грубейшему: она молода – я старик, придет время – она может, я не... и... «обещать не могу».

С другой стороны, да нет, как ни кинь – все очень трудно.

И в ответ ей мне тоже хочется сказать: «я тоже ничего обещать не могу».

А между тем...

...я чувствую.

С ее точки зрения.

Худеть можно и от одного ущемления девственной гордыни гордости, и мало ли отчего, и это вовсе ничего не говорит о любви.

И можно считать за правду: она действительно не любит меня так, как это соответствует ее достоинству. Своего рода высокомерие, что-то вроде любви барыни к кучеру: поиграть можно, а признать нельзя, а в ответ на кучерское «люблю» ее барское «не люблю» и не обещает.

Она жаждет любви и чувствует себя неисчерпаемым источником и спрашивает: «такой ли он, каким я хочу его?» И, конечно, того, кого ей надо, и такой любви во мне не может увидеть и говорит: не люблю, но «подходящий».

Если б она любила меня просто и как надо, чего бы ей стоило, увидев мое смущение, сказать: «Михаил Михайлович, затворите дверь!» И потом: «Ну что с вами, милый?»

Она же холодными, изучающими и презирающими глазами глядела на меня и нарочно заставляла пугаться и нарочно мучила. Это жестокость, а не любовь, но, может быть, жестокая любовь (кому хочется, пришпилила и приятно).

Никто и не может вынести ее требований к любви, и если ей отдаться, как «подходящей», возможно, она и полюбит, но, возможно, меня, старика, просто замучит.

Весь ее расчет на простоту моей любви, что я вынесу, выпью сосуд, и она примирится, и эта жизнь со мной ей будет путем в мир. Но я вижу сейчас, что если сразу, то мне этот переворот будет так дорого стоить (вплоть до смерти Павловны), что я потом не удержусь от упрека, а упрек – смерть всему.

Три росстани.

1) Сейчас же разорвать с семьей и поселиться с ней.

2) Развивать любовь «потихоньку», не думая о большой любви: к чему мы и подошли.

3) Заняться делом, закрепить любовь потихоньку, изучать друг друга в спокойных беседах, имея в виду путь к большой дружбе, большой настоящей любви, равной с обеих сторон.

Нам обоим до смерти хочется любить, и от этого мы ужасно спешим и «выпрыгиваем» как рыба из воды. Мученья, бессонница и все такое связано исключительно с неестественным «темпом».

Единственный выход – сделать отсрочку, имея в виду особенно для Ляли, что в наших отношениях может родиться момент (для нее) такого неиспытанного, что все рассуждения о Большой любви полетят невесть куда. Я это по всему чувствую, и ее «не люблю» понимаю как последнее сопротивление разума.

Избежать этого я считаю преступлением против жизни. Эта наша «связь» должна для нее стать связью с землей, она должна почувствовать примирение с тварью, и милость, и страстную радость милующего внимания.

Этот священный момент (мы должны сделать, чтобы он был священным) при условии полнейшего разгрома моего

быта, из-за спешки может не только не сделаться священным, а изуродовать все наше чувство. Вот почему «отсрочка» сейчас необходима и самое лучшее, если она будет проведена в деловой работе интересной и дружной. Кроме того, надо умно работать над созданием возможности жить вместе и без помехи. «Ум» же должен сказаться в ритме: не надо спешить, но и не прозевать.

Роковая ошибка может произойти из того, что мы оба думаем о Психее и упускаем, что Психея в этом чувстве переродится и будет другая, себе самой неведомая. Из этой Психеи может вырваться настоящая, какая-нибудь Вавилонская блудница и тоже по-своему как-то святая.

N. рассказывал мне, что у С. П. добился любви, и когда они вышли на улицу, она ему сказала: «Откуда ты взял? Ничего не было». В другой раз опять то же самое, и она хохотала: «Какая чепуха! не было ничего». И случилось, он куда-то уехал и не скоро вернулся. Они опять сошлись, и ему было почти как тогда, он ровно ничего не заметил. «Опять не было?» – спросил он. Она ничего не сказала, и было темно: ничего не мог разглядеть. А оказалось, она, женщина 40 лет, с двумя сыновьями, в тот раз впервые только узнала и поняла любовь. Он так ничего и не понял и не узнал. А через 20 лет она, 60-ти лет, старушкой нашла его и открыла ему, что тот «раз» было все в ее жизни, что так она с этим состарилась и ни до того, и ни после того с ней такого не было, и 60 лет ей не мешают иногда ночью проснуться так, будто он тут был.

А Психея боится... Ее надо просто по голове погладить и сказать: много ты, милая, говоришь, но ничего-ничего не понимаешь в любви.

Я ей еще давно задавал этот вопрос, и она отрицала: если, мол, и родилось бы «физическое», то где она найдет духовный эквивалент, а без эквивалента не может.

Не может Психея, и в кого она разовьется невозможно сказать.

Итак, мне во всех отношениях выгодно не послужить подходящим ключом от Психеи, а или создать настоящую любовь без колебаний и домыслов («люблю и баста»), или же возвратиться к тому, с чего началось: просто работать.

7 Марта. Прочитал Ляле «весну света»[75] и получил награду: «Нет, нет, я вас полюблю, не бросайте меня!»

Мне пришло счастье настоящее, о каком только снится и то снится только немногим. Разгадка моих «выпрыгиваний».

Она в постоянной борьбе с бытом за Христа. До того в борьбе с пошлостью, что повторяемые слова, даже «Бог», называет с оговоркой в смысле «так называемый».

Неужели же вся любовь моя к неодетой весне питалась именно тем и тому соответствовала, что в любви к женщине была у меня одна только неодетая весна?

Когда же я пришел в себя, и захотелось что-то сказать, я сказал:

– А вдруг мы умрем?

– И хорошо, мой милый, – сказала она. – Так бы и умереть...

Не стыд, а мужская робость перед тем, как надо бывает разбудить спящую красавицу.

Все произошло так, будто мы были на горной высоте и постепенно в течение месяца опускались в долину. И когда мы сошли в долину, где уже все цвело, ни малейших укоров совести у нас не было: вокруг все было прекрасно, а прошлое – эти снежные вершины были над нами...

И по всему было похоже, как он переходит от весны света к воде, и потом неодетый лес одевается.

Наше «путешествие». 3 и 7/III – последний этап нашего пути. Куда мы двинемся дальше и при достижении «счастья»

что будет двигать нас с нарастающей силой, как было до сих пор?

Христа я понимаю со стороны и как хорошее начало чувствую по детству. Но как живую личность я Его не чувствую: это у нее Он, как живой. И я могу воспринять Его только через нее. Сильнее и сильнее любя ее, я могу приближаться к Нему. И вот это-то и может служить двигателем в дальнейшем нашем путешествии. Сила же любви во внимании: надо быть к ней внимательней.

Чувство полной уверенности, что в мою жизнь послан ангел-хранитель с бесконечным содержанием внутренним и неустанным стремлением вперед. И самое удивительное, что сама она лучше меня это сознает.

Мои глубокие и позорные провалы чувства заключены в безвыходности нарастания «корневой силы»: эта сила давит и автоматически приводит в движение болезненные явления точно так же, как при неудачах нарастает злоба и порядочные натуры становятся злобными неудачниками. Довольно одного взгляда Ляли, чтобы ущемленность превращалась в радость, а ласка сразу создает как бы разлив души.

8 Марта. Ее заветная мечта: «рай плоти». И вот именно из-за того, что это самое ее желанное – ей оно и не давалось. И вот эта «ошибка» с Александром Васильевичем и ее вздохи: «Ах, зачем я это сделала». И, вероятно, уже надумав себе выход из положения, она воскликнула во время часа нашей близости, указывая на свое тело: «Вот чепуха!» (т. е. плоть без души «чепуха»).

Что-то вот она скажет, если наше чувство, столь блестящее введение в «рай плоти», разовьется на всю высоту. Не будет ли ей эта «жалость» противна?

Она ненавидит размазывать разговор по телефону: говорит только, что нужно. И вот звонок: «Не приду 9-го, не выпускайте Аксюшу в Загорск». Написал ей письмо в тревоге, мне кажется, это письмо настоящее.

– Не надо ничего рвать (о письмах), – говорит она. А когда я ей дал одно свое не отправленное к ней письмо, сказала возмущенно: – Разорвите.

Не забыть о ее предупреждении о том, что «чувство портится», если много клапанов мысли.

Ее задушевная мысль – это поэтическое оформление эротических отношений, что для выполнения акта любви нужен тот же талант, как для поэмы.

На свете мало таких озорниц, и как раз мне такая нужна!

9 Марта. Масленица. Вычитал из писем Олега, что ее возмущает даже самая постановка вопроса о применении аскетических приемов против опасности любви.

То и замечательно, что в этом их романе пики острейшие двух разных миров стали друг против друга.

И то же самое думаю о нашем романе теперь, что два подобных желания или мысли среди миллионов разных людей жили в двух, и этим двум суждено было встретиться и этой встречей увериться, что это не сон, не поэзия, а так оно и есть, может быть и должно.

Наше общее то, с чем родился человек на свет: я вижу это и узнаю по себе. Это что не можешь сходиться без большой любви. В конце концов и ей и мне это пришлось сделать, но настоящего ничего не было. Вот и отсрочилось «настоящее» на теперь...

Тревога моя вот в чем – что 7-го вечером за ужином после вина она прошептала: «Нехорошо!» И я только сейчас это понял: нехорошо, что я отпускаю ее, что.... («Охотник, охотник, отчего ты не схватил ее за копытце».)[76] А после того, на другой день, взамен пропущенного мгновения – рассуждение. А там пост, – вот и...

Тревога из-за трусости своей или из-за нахальства... то и другое бывает... Тревога за то, что «уйдет». Эта тревога находится в самом же чувстве, потому-то и она, когда обрадовалась «Весне света», сказала вся в слезах: «Не бросайте меня». Тревога эта противоположна и противопоставлена «счастью», т. е. в приятности остановки после достижения. Так что средство спа-

сения от слепой тревоги – это вечная борьба с удо-вольствием за радость.

Подозреваю, что эта редкая у людей радость (будто взыграется что-то в душе), радость, не забиваемая ни годами, ни нуждой, ни оскорблениями, – эта радость, живущая в составе моей крови, и у нее тоже эта же самая радость, только по-иному получившая свое выражение, – вот эта радость и соединила нас. И отсюда общая ненависть к удо-вольствию, заменяющему радость: т. е. удо-вольствие вместо радости. Я подозреваю, что радость в ней органическая, с тем родилась. И у меня точно то же, и мы нашлись двое таких. Верно ли?

У нее была борьба на два фронта за радость: 1) борьба против удо-вольствия жизни, 2) против «аскетической» любви (монашеской).

И еще вот как рождается у меня тревога. Прожитая жизнь научила меня на все смотреть с двух сторон и не верить ничему начисто. Вот отчего, когда моя не-удовлетворенность (утомление) доходит до последней степени, я хватаюсь за «темную сторону» жизни и навязываю ей то, чего в ней нет. И когда она появляется, то вся эта дрянь мгновенно сгорает, и от раскаяния я ее возвеличиваю. Но замечательно, что воз-величивая, я ни разу не сделал ни одной ошибки, а...

Приехал Раз. Вас. и рассказал, что Павловна знает о «письме Аксюши» Валерии. Вот она, Аксюша-то! И вдруг стало ясно, почему В. позвонила вчера и не пришла, и не велела Аксюшу пускать в Загорск. Так что Аксюша всем насолила: мне, Павловне, Валерии, и стала главной героиней романа. Поймал ее с поличным, покаялась, поклонилась в ноги, обещалась дальше превратиться в камень или уйти (конечно, если бы меня стали теснить – я имею право жить на своей площади, но добровольно если – уйду). Но через несколько часов сообразила, что я узнал о ее болтовне не от Павловны, а от Разумника, набросилась со слезами на Разумника.

Пробовал говорить с Разумником о том, что св. отцы снисходительно относятся к искусству и т. д. Я стал ему возражать и сам себе удивился, что говорю точно словами Валерии: откуда что взялось! и забил Разумника. Когда же он стал хвалить В. и сравнивать с женой Белого Клавдией Николаевной, но сказал об общем их недостатке, что будто бы обе в канонах, одна антропософка, другая православная[77], но я так стал за Валерию, что Разумник глаза вытаращил.

А из всего вынес, чтобы записать это обещанье: даже всякий намек о том, что мы говорим о чем, никому никогда не давать. Абсолютная тайна. Вот, когда только я понял то, с чего она начала мне внушать.

10 Марта. И вот, поди тут! Написал «обещание» и прямо после этого Разумнику рассказал о своем намерении писать «Песнь Песней», в смысле том сказал, что новым человеком собираюсь жить и на старом ставлю +. Прочитал ему «Весну света», он, кажется, хорошо понял: «Очень сильная вещь!». Но через некоторое время говорит:

– Март, апрель – в мае будет готово?

– Что такое? – спросил я.

– А Песнь Песней.

Набрав в себя воздуху, говорю:

– Как бы хорошо я ни написал «Песнь Песней», она ведь будет даже в самой лучшей удаче не больше как свидетельство того, что *человек* ее спел, важен сам-человек, а не его песня.

Тогда Разумник вдруг понял меня и стал говорить: да, да... Я же его наставлял дальше о том, что вот в этом-то смысле и должна расходиться церковь с искусством, т. е., что если на чаше весов сам Бог, а на другой Его изображение – что тяжелее? Был бы Бог – Рублев явится, а нет Бога – и Рублева не будет.

Странно, что даже Разумник не может отделаться от этой многовековой борьбы верующих и неверующих художников с попами за свободу искусства.

Для чего?

1) Так угодно Валерии (т. е. для духовной связи с ней и через нее со всем миром хороших людей).

2) Обрести свободу от предрассудков интеллигенции в отношении церкви, равно как и от предрассудков церкви в отношении живого настоящего искусства. Словом, чтобы мне самому ни с той, ни с другой стороны не мешали.

3) Ознаменовать этим мой переход к новой жизни.

Самое большое, что я до сих пор получил от Валерии – это свободу в отношении «физического» отношения к женщине, т. е. что при духовном сближении стыд исчезает и, главное, уничтожается грань между духовным и плотским. Раньше мне казалось это возможно лишь при сближении с примитивными женщинами, где «духовное сознание» становится ненужным: «пантеизм»: она – самка (честная, хорошая), а в духовной деятельности, как писатель, напр., я один: ей – кухня и семья, мне – кабинет. А теперь мы с ней равные, и мне думается, что вот именно вследствие этого равенства, постоянного обмена и происходит рождение чувства единства духовного и телесного.

Есть опасность в том, чтобы сейчас разделиться хотя бы на время поста: тогда я могу предаться писанию, увлечься этим и так нарушить здоровый ход нашего сближения.

Раз. Вас. сказал, что положение в Загорске такое: если я скажу, что ничего нет у меня, то все будет по-старому; если же иначе – двери в Загорск мне будут закрыты. Теперь остается сговориться с Валерией (сегодня в 7 в.). Чуть-чуть страшно: еще бы немного пожить... Но, может быть, и довольно.

Раз. Вас. говорит, что положение матери для Павловны неприемлемо: она отдала всю жизнь и с этим расстаться не может. И даже хотела драться, – словом, зверь собственности во всей красе, и оттого жалости во мне нет.

Прощеный день. В Павловне, какая она есть собственница, я виноват: я распустил ее, я смотрел, как на ребенка, не переломил, не воспитал и не расстался, когда надо было расстаться. Аксюшу я тоже распустил, создал ей соблазн, и она «сдуру» наделала всем беды.

А почему, такой [неверный] старый дурак, я так делал? А вот как это вышло: я лишен способности принуждать людей и даже дипломатически проводить свою мысль в отношениях. Я могу быть с людьми только равным, считая равными всех. Мне противны педагоги, дипломаты, политики и всякого рода хитрецы и насильники. «Будьте как дети» – есть моя природа.

Виноват ли я, что так создан? И кому было плохо от этого? Всем было хорошо. Кто же виноват?

Могу ли я винить и того, кто пришел ко мне, действительно, как равный, вытащил меня из детской комнаты на достойное меня место, а дети, лишенные друга, завопили и обнажили не лучшую, а худшую, собственническую сторону своей природы. К заповеди «будьте как дети» не хватает какого-то прилагательного к «детям».

Прощеный день.

Письмо Ляли к Аксюше и мне. В. Д. пришла в полдень и вручила мне свою «дипломатическую» («люблю») ноту. Так закончился период неодетой весны нашего романа.

Начало его: выписано из дневника:

16 января. Смотрины (Ее зовут Валерия Дмитриевна). Посмотрели на лицо, посмотрим на работу (19-го)

19. Отморозила ноги.

21. Была встреча с новой сотрудницей, Валерией Дмитриевной.

25. «А если влюблюсь?» (с 4 до 11 в.)

27. Шампанское с хреном.

Итак, с 16 Января по 10 Марта = 1 мес. 23 дня = без недели два месяца.

11 Марта. 1-й день Великого поста.

В письме Ляли к Аксюше интересно, что «привязливость» мужчины к женщине понимается, как повод сближения и раскрытия души в большой любви. Такая пошлая и вредная дрянь, какая-то «привязливость» при удаче может превратиться в любовь.

После ее ухода ночью 11 Марта.

Малодушие... Как будто ко всему, чем я жил до сих пор, к этому «Я» приставили «не» и существо мое внутреннее, каким

я знал его до сих пор, стало «не-Я» = равняется мыльному пузырю = равняется поэту.

Вслед за появлением отрицания «я» с отчетливостью явилась мысль о конце: покончить с собой.

Правда, что мне теперь остается? Вернуться к такому эфемерному «я», каким я жил до сих пор – невозможно: тот Я, как поэт, пережит.

Поставлен вопрос о том, что стояло за поэзией, и оказалось, что там-то меня вовсе и нет, и если все-таки я там, то в состоянии как бы куколки или прицепного вагона.

Это пришла смерть моего «Я», притом всего, без остатка.

Она постепенно с удивлением вглядывалась в меня и открывала во мне беспомощность: не знает, где идет, на каком трамвае надо ехать, как ответить с достоинством нападающим бабам, как занять положение в борьбе с женой и т. п.

– Да ведь я же устроил эту квартиру, я то, другое, третье, все я один делал!

– Это счастье, – сказала она, – это само делалось.

И это да: я писал, а делалось все само собой.

А чтобы писать, надо быть одному, и в конце концов получается то же самое, что и было с Олегом, только там его поэтическое «я» одевается в религиозные формы, здесь... а по существу «я как поэт», тот же монах.

И все пойдет по тому же пути: в плену у нее я буду вечно мечтать о своей пустыньке, о том, что с точки зрения «мы» – есть баловство, ребячество.

12 Марта. От этих двух месяцев напряжения, в котором были отражены земля и небо, без удовлетворения, нервы расшатались до того, что теперь больше совсем не похож на себя, а на бабу. Какая-то неудовлетворимая женщина, вроде русалки: щекочет, а взять нельзя. И не она не дается, а как-то сам не берешь: заманивает дальше.

А, в сущности, оно и должно так быть, если уж очень хочется любить и с желанием своим забегаешь вперед.

Для оздоровления и жизни надо просто начисто бросить эту любовь, а делать что-нибудь чисто практическое, благодаря чему можно создать близость и привязанность, из которых

сама собой вырастет, если мы достойны, настоящая и долгая любовь.

Практический план. В обмен на свою комнату она берет две мои передние и селится с матерью. В ее же комнате селится Аксюша, охраняющая Петину комнату. Таким образом достигается хотя бы такая скромная реальность, что мы соседи. Благодаря такому простому соседству тревога «любит – разлюбит» значительно смягчается; если он-она разлюбят – вот ее половина, вот – его. В то же время и для всех нет никакой видимости для судачества: квартира была моя, почему бы не занять ее двум дружественным семьям. И покончены внешние обстоятельства и помехи.

С другой стороны, если у нас пойдет все хорошо, то наши отношения могут постепенно развиваться. И все мои привычки остаются со мною, и все ее мечты о литературной работе тут: переходи в кабинет и работай.

Кроме того, мне будет легче им помогать, когда наступят черные дни, а они наступят.

Так что люби – сколько хочешь!

И поругаемся – ты к себе, я к себе. Идеально, а глупые люди говорят, что любовь не зависит от внешних условий.

И так надо сделать, иначе наше чувство испортится: на нервах долго не проживешь. И вообще как-то глупо и несовременно до крайности, и нехорошо: люди умирают от голода, а мы – от любви.

Не надо думать, однако, что выход из стесненного положения получится именно через «практику»: нет, сама эта практика есть ни что иное, как фазис чувства в таком его выражении: любишь кататься – люби саночки возить. И вот именно «люби!», потому что, если по правде любить, то любя и тащишь санки вверх.

Никак не могу представить Лялю за «делом», упорно достигающей какой-нибудь цели. Из ее рассказов видишь ее в состоянии постоянной затеи, вроде «школы радости» и тоже в постоянном романе. Но это, конечно, взгляд со стороны: ведь точно так и мне говорили, пока я не стал на свою полочку и не

стал всех удивлять, потому что во мне признали человека, к которому никакие обычные мерки не применимы. Так и у нее: не любит, а меня, старика, возьмет и полюбит, не может служить, а таким секретарем сделается...

13 Марта. Первый раз видел Лялю во сне. В торжественном зале я лежал на диване. Входит она, берет меня за руку.

– Вставай! – приказывает.

Я встаю, и мы под руку с ней куда-то идем.

Или что я нездоров сейчас, или, может быть, так этому и быть: прошло как будто это напряжение и небывалое в моей жизни состояние беспрерывного «хочется», все 24 часа и днем и ночью пожар в теле. Немножко грустно, но зато проходит тревога, и рождается свет тихой радости. Тогда все время было «люблю», теперь: «люблю ли ее – я не знаю[78], но кажется, что я люблю».

Хотя она и кичится передо мной своей практической рассудительностью, но по существу так же, как и я, в порывах своих расточительна, щедра до «все или ничего». Взять хотя бы эти письма, которые она мне пишет: в них «все» и ни малейшей осторожности.

«Неодетая весна» – распределяется по редакциям. Перечитав ее, убедился, что Михаил и в таких условиях вышел победителем. А вот чего стоила эта весна: два месяца напряженнейшего, меняющего всю мою жизнь в корне романа. И так было, что «Неодетая весна» писалась против романа (работать головой, когда сердце в небе, а ночью стучать головой по стене). И, наконец, развязка: «Неодетую весну» взял, Валерия сдалась; после Валерии битва с Павловной. После такой-то войны можно и поплакать минуту, и ничуть не стыдно, а даже и хорошо так.

13-е Марта вышло знаменательным днем. Ляля сожгла все свои корабли, все долги, вся жалость полетела к чертям. Любовь охватила ее всю насквозь, и все преграды оказались фанерными: все рушится. Аксюша стала первою жертвой: мы объявили

за ужином, что мы муж и жена. Аксюша с виду была спокойна и обещалась хорошо служить. Но когда я, проводив Лялю, вернулся домой, бедный Вася рыдал в истерике. Взглянет на Боя и зарыдает, взглянет и зарыдает. И у Боя глаза стали красные, что-то понимает по-своему, тоже мучится. Я ухаживал, мочил голову, давал валерьянку, а сам внутри ничего не чувствовал: я связан личным чувством и правом. Мало того! случись ужасное несчастье с Е. П. – все равно и это меня с места не стронет: я прав.

Завтра иду к Наталье Аркадьевне, матери Л., во всем повинюсь и попрошу ее благословения.

Ляля рассказывала, что когда матери призналась, та ее спросила, думала ли она о возрасте, что если выйдет какой-нибудь новый «перевал», то она-то по молодости вынесет, а ему-то конец. Л. ответила, что думала: что это любовь ее последняя и в ней все.

Последняя тайна (предпоследняя – муж: трагедия жалости). Два года жизни[79] у хорошего, чистого и молодого человека и даже красивого. И все – ни да, ни нет (то, чего я боялся: заманивает). И вот теперь: нет! Так и сложилось у всех мнение, что она русалка, и на вот!

Л. Толстой – писатель душевной жизни.

Отец и мать моей Ляли любили друг друга до конца и все сильней и сильней.

Если бы Ляля ушла от меня, или бы она умерла у меня на руках, как это легко, как это богато в сравнении с тем, что ушла!

Мы оба любим друг друга, но я просто люблю, а она что-то знает в любви. Самое главное, что она знает, это что любовь рождается в сердце: там самое главное, а остальное все второстепенное.

Отступление.

– Все, все говори до конца!

– Если до конца, то вот этой ночью было мне худо от мысли, что могу ли я теперь, как было раньше, стать с глазу на глаз с природой – я один и природа! – и сказать: «Да будет воля Твоя!»

Услыхав это, Ляля упала на ковер и, рыдая, стала со мной прощаться. Насилу-насилу-то удалось привести ее в себя.

И она права, в моих словах выражался мой страх перед новой жизнью и больше ничего. Как же иначе? Вся моя поэзия была как призыв: приди, приди! И вот она пришла, та самая, какую я звал и по глубокому моему убеждению лучше «той самой» прошлой женщины с какой-то неведомой планеты. Так зачем же теперь-то мне обращаться к пустыне и вызывать оттуда помощь – поэзию: она со мною теперь, поэзия, я достиг своего...

Но как же мне было и не отступить? До 10-го Марта она не говорила мне ни да, ни нет: ее можно было целовать – это не да, «любишь?», она отвечала «нет», но и это не было «нет»: жди же, она разъясняла, что «нет» относится к ее личному, глубокому, небесному пониманию земной любви, а с точки зрения земной любви, то отчего же, она почти готова...

И вот, имея одно только это «почти», я из-за глупости Аксюши вступил с Е. П. в борьбу за свободу и нанес ей почти смертельный удар. Мое положение было очень трудное. Я почти, почти был на пути русалочьем: идти без конца... И вдруг под влиянием Аксюшиного письма (не могу выяснить, чем это письмо подтолкнуло) крепость моя хотя и не пала, но стала моей крепостью, вошла в состав моей крепости, и оба мы с ней твердыни в борьбе с жалостью.

В связи с этим вопрос: как же *нам-то* быть?

И пошли они, вопросы жизни, один за другим как вагоны.

Л. Толстой пишет в одном плане душевной жизни, а в «Жень-шене» земной соперничает с небесным (в смысле: дух веет, где хочет). И сразу стало понятно, чем мой детский роман отличается от толстовского.

14 Марта. Сегодня в 4 д. иду к Наталье Аркадьевне. И мне идти почти удовольствие: ведь к *ее* же матери иду, ведь почти что к Ляле самой...

Аксюша всю ночь рыдала, всю ночь не спала, и когда я в 6 у. завел радио, вошла ко мне вся в слезах и сказала:

– Она колдунья.

– Ты с ума сошла!

– А что, вы думаете, ее любите?

– Так люблю, что уйди – выброшусь из окна, скажут: она вернется, постой на горячей сковороде, и я постою.

– Ну, конечно, околдовала. И какой человек возьмет к себе тещу: зачем вам старуха?

– Валерия любит мать, и я буду любить, все что ей дорого, будет и мне дорого.

– Вот и околдовала. И я знаю, когда околдовала.

– Когда же?

– А вот, когда она вам лимончик подарила, в этом лимончике и было все.

И опять реветь, рыдать, и опять несчастный Бой глядит ей в глаза своими печальными глазами, красными. И она это видит, принимается обнимать его и лить слезы на его рыжую шерсть.

Бедная Аксюша, она и не знала, что так любит меня.

С точки зрения ее собственнической любви, как и Ефросиньи Павловны, другая любовь – колдовство.

Ляля – колдунья, и всем, даже лично незаинтересованным «матерям», Ляля – русалка.

А между тем все они в любви рядовые, Ляля же в любви гениальна. У тех любить – движение в род, у нее – в личность, в поэзию.

– Колдунья, колдунья! – повторяла Аксюша.

Ничем не мог я унять ее и, наконец, рассвирепел:

– Пусть колдунья! – сказал я,– что же из этого?

– А то, что вся эта любовь на миг один, на минуту.

– Пусть на минуту, – сказал я, – на миг, ты же ведь, девушка, ты этого не испытала.

– Чего?

– Что этот миг один с такой прекрасной колдуньей покажется больше столетия жизни с порядочной церковной женщиной.

– Тьфу! – плюнула старая дева и удалилась, убежденная, что все началось от лимона.

Мало ли какое сомнение приходит в голову ночью, когда не можешь заснуть... А при объяснении у нас положено ведь все говорить, и такие мы сами, что все стараемся больше и больше на себя худого взвалить: пусть знает такого, пусть любит такого, а хорошего-то всякий полюбит.

Вот я и выпалил вчера, что мне может будет одиночество необходимо для поэзии: нельзя же, например, молиться вдвоем.

Она так была ужалена этим, что залилась слезами, съехала с дивана на ковер, повторяя «Старик, старик! Десять лет тому назад надо бы нам сойтись, не понимаешь, старик...» Удар мой пришелся ей прямо в сердце: она же и есть сама муза моя, она сама поэзия, и это надо видеть, и кто не видит – тот слепой или старик.

Мне пришлось спуститься с дивана самому на ковер и потом очень скоро...

Когда мы заговоримся, и я устану, и спохвачусь, то начинаю говорить не изнутри, а вне себя, и тогда непременно в помощь себе пускаю руку в ход, и делаю жест рукой в помощь слову, как на кафедре. Она терпит мою внешнюю речь до тех пор, пока я не сделаю жест рукой. Тогда она хватает мою руку и говорит:

– Милый, тут никого нет, кому это ты говоришь и жестикулируешь даже?

Тогда я возвращаюсь к себе и целую несколько раз ее улыбку.

Какое счастье, какое торжество жизни!

Я счастлив и чувствую в праве себя и знаю, что заслужил.

15 Марта. Разговор с Натальей Аркадьевной был итогом борьбы двухмесячной за свое счастье. И мне после того стало спокойно на душе, как победителю: право на счастье оправдано. И какие бы стоны и вопли не были вокруг, если есть в душе чувство этого права на счастье, то жалость больше не мучит.

Есть такое право на счастье у всех живущих на земле существ, без которого сама жизнь земная становится бессмыс-

лицей. И даже еще больше, бессмыслицей становится и самая небесная жизнь, и вера в Бога и в бессмертие. Без дрожжей такого счастья в мире остаются только страдание и жалость с обманом.

План: 15, сегодня: 1) Разумник привезет весть из Загорска. 2) Поездка в Загорск 16-го. Страшный суд. 3) 17-го возвращение и в 12 д. ожидание звонка Ляли.

Все планы разбились. Свидание у Третьяковской галереи (дома нельзя – Аксюша). Пока так и будет до поселения в доме отдыха. Тревожно стало после снисходительного тона ее к матери. Видно, что все это мое сватовство в ее настоящей душе носит полукомический характер. Так оно и быть должно, только мне чуть-чуть страшновато и вспоминаются ее слова: «Я для вас неисчерпаема, а вы для меня можете исчерпаться». Разговаривали об Александре Васильевиче, что неудовлетворенность свою в отношении к ней он прикрывал интересом к математике и нашел в этом удовлетворение, и что-то сделал большое, и пусть ноет, страдает, а на самом деле ему просто хорошо.

Вот что еще, на что я обратил внимание, что наше решение (люблю=люблю) как будто чуть-чуть уже покрывается пылью. Она, напр., сейчас уже брезгует атмосферой Аксюши и не хочет идти в мою квартиру. Впрочем, оно и понятно: отношения пережили форму и могут продолжаться только в иной форме.

Во второй половине дня Кожевникова (очевидно, вызванная Е. П.) с Павловной: привезла больную лечиться в Москву. Остроумный выход: под предлогом болезни явиться и все расстроить. Собрались сыновья, Разумник: Диккенсовская картина.

Самое страшное в этом, что Ляля до того измучена жизнью, что боишься нагружать на нее пошлость в столь огромной дозе – так, а может быть, эта боязнь оттого, что мы с ней еще мало сжились и боишься на нее опереться – это самое страшное: боюсь, что не вынесет она пошлости.

Мелькнула страшная роковая безвыходность.

Позвал к себе на кровать Петю, который мучится над тем,

являться ему в Военкомат или полудезертирствовать. Я и начал с этого, и Петя мне сказал, что воевать не хочет, что его товарищ убил финна и бородка мертвого человека, осталась у него в глазах.

– А я бы с ума сошел от бородки, – сказал Петя.

После того я и перешел к своей беде.

– Петя, – сказал я, – у меня создается трудное положение.

Молчит.

– Хочешь, расскажу?

– Нет.

– Может кончиться бородкой финна.

Молчит.

– Ну?

– Решайте сами.

Я понял, что дружба наша в этот момент окончилась.

С Левой и говорить нечего.

Итак, единственная опора Ляля: она, как надежда.

16 Марта. Ездил на Тишинскую площадь, проверил: все правильно. И составили план действий. Все казалось хорошо, но вечером Лева выступил защитником матери и орал на меня:

– Ты не отец, а ты негодяй, мы не позволим так поступать с нашей матерью!

– Как?

– Так оскорбительно, что твоя новая женка будет ее называть мамой. (Это сделано из моей просьбы у Павловны отпустить меня к женщине, которую я полюбил, а ее я буду считать, как мать, и до гроба буду относиться к ней, как к матери и беречь ее больше, чем жену).

– А ты, двуличник, берегись! – кричит он на беднягу Разумника Васильевича.

Еще кричал Лева мне и ругал, что лишил сыновей близости.

– Чем же я лишил?

– Тем, что завел женку и мыслимо ли нам, после честной своей матери быть в обществе какой-то... Погоди, мы с тебя ордена снимем, а женку твою отнимем, через НКВД.

17 Марта. Мое поражение.

Деточки за матушку постарались!

С благословения самой Павловны деточки за матушку постояли. Один ход их заставил меня отступить: этот ход: «мы твою женку от тебя через НКВД оторвем». Из-за этого я полчаса стоял на коленях перед ее кроватью, повторяя: «Прости меня!» Она (Е. П.) рыдала и говорила:

– Боже мой! Большой человек и на коленях стоит.

А я знай, твержу:

– Прости, разреши!

– А позор-то какой...

– Прости, разреши, до гроба буду любить.

– Да ведь я же сама люблю тебя...

– Нет, ты больше люби, разреши, уступи!

А она:

– Тогда надо ведь их опять собрать...

(Значит, тут весьма организованно.)

Общее впечатление: сладко ей и трудно, жалко меня, и готова простить, но не допустить.

1) С их точки зрения – это родовое-народное, вся простая Русь такова.

2) С моей точки... это личность.

Моя победа.

Чувство такое, будто с тебя, живого, сдирают шкуру.

Зашел к Е. П., разговорились, и оказалось, что она согласна теперь на мою жизнь с Валерией.

– Прощай, – сказала она.

– Здравствуй, – ответил я. И мы крепко расцеловались.

У Чувиляевых. Ни то, ни се.

Мое поражение.

К вечеру выяснилось, что и Аксюша имеет претензию на комнату, и Павловна, и Петя, и нам с Валерией надо идти вон, и что Загорск тоже не мой, что я гол, как сокол.

18 Марта. Ночь опять мало спал. Но утром почему-то встал с мирным настроением, хорошо поговорил и с Аксюшей, и с Павловной и почувствовал, что если в этом тоне действовать, то все можно устроить по-хорошему.

В 12 д. встретились с Валерией в Третьяковке и пошли обедать к дяде Косте. Историю вчерашней борьбы я ей передал, как было: т. е. что я, услыхав из уст Левы угрозу ей, бросился на колени умолять Е. П. – простить и отпустить меня. Вся история потрясла ее.

Помнить надо, что только сейчас есть время закрепить за собой право...

Решили в начале апреля уехать в дом отдыха, а когда вернемся, то предложить Павловне комнату Нат. Арк., а Петю оставить у себя.

19 Марта. Весна приостановилась, –10. Павловна утром встретилась в коридоре и, увидав меня, зарыдала, и долго мы с Аксюшей не могли ее унять. От жалости В. закрывается туманом, и ее чувствуешь вроде как бы категорическим императивом: «Надо!» – и больше ничего.

Так идем мы, влюбленные.

– А я в вас не влюблена.

– Нет?

– Нет, я люблю.

Было же время, когда она была склонна сказать «влюблена» (она это называла «немножко» люблю).

Просто не верится и страшно становится, как такой серьезный человек меня, дурака, полюбил. Или, может быть, я не дурак, а только до сих пор никто не обратил на меня внимания.

Обмолвилась.

– Так вот, – сказала она, – если мы решили жить вместе...

Я глаза вытаращил.

– Да разве вы не решились?

– Нет, у меня решено, я же сказал вам, что у меня решено и все кончено.

Значит, обмолвилась.

Без сомнения она мучится и колеблется, страдает, но в то же время однажды что-то поняла (что может перейти через долги и должна) и затвердила, и это стало у нее категорическим императивом.

Решено, что мы уезжаем в Дом отдыха.

А куда? – на север – хорошо, и на юг – хорошо. Нам везде хорошо. А жить будем в одной комнате.

Я могу ее любить до тех пор, пока в ней будет раскрываться для меня все новое и новое содержание. И мне кажется, что это будет, что она глубока без конца... Это она и сама сознает, она уверена в этом и в свое время говорила мне, что не может любить меня: она для меня неисчерпаема, а я – исчерпаем. «Я вас любить не могу», – говорила она тогда. Но почему же теперь повторяет «люблю»? Это надо так раскрыть: стихийно она и тогда любила меня, но только не считала это любовью. А когда ей стало ясно, что за свое чувство можно постоять, можно не посмотреть на страдания ее близких, что она имеет право на любовь и что без этого права была бы жизнь бессмысленной, то тут она и сказала «люблю».

Сколько раз я повторял в своих писаниях, что я *счастлив*. И они теперь меня об этом допрашивают, не понимая того, что своим заявлением «я – счастлив», я отказываюсь от дальнейших претензий на личное счастье, что я в нем больше не заинтересован, я ничего не домогаюсь, мне развиваться в счастье не надо: я достаточно счастлив. Отрекаясь от этого личного счастья, я движусь духовно в творчество: мое творчество и есть замена моего «счастья»: там все кончено, все стоит на месте, я «счастлив»; здесь в поэзии все движется... Я самый юный писатель, юноша, царь Берендей, рождается сказка вместо жизни, вместо личной жизни – сказка для всех.

И вот тогда, при отказе от себя, возникает любовь ко всякой твари. Что же, разве это не путь человеческий, прекрасный? Скольким тысячам я указал путь любви. Но почему же пришла *она*, и то стало болотом, и все мои зайцы поскакали к ней, и птицы полетели, и все туда, туда! И мне стало все равно куда ехать, на север, на юг, везде хорошо с ней: она причина радости и на севере, на юге.

20 Марта. Письмо посылаю Ляле, считая 19 марта (Ляля больна) днем нашего брака. Теперь все поведу, не очень посвящая ее в подробности.

В 10 утра сам отвез письмо и деньги. Ляля была в постели. Мать вышла. Договор был принят.

21 Марта. Иду по мосту, смотрю на Кремль в первых солнечных лучах и вспоминаю твои слова: никогда не устаю смотреть на Кремль. Я тоже смотрю и не устаю думать о тебе и в согласии с тобой приводить себя в порядок. Сегодня я почему-то считаю себя хорошим человеком, похожим на того сапожника, который пожалел Ангела[80] при невольном воплощении в человека.

Помнишь тот чудесный свет в этом чудесном рассказе, когда Ангел преобразился и оставил человеческий образ?

Подал в Литфонд заявление на две путевки в Малеевку. Какое счастье: кажется в моей жизни весна! Хочется всем радости, а тут рядом у меня такие несчастные, и надо быть к ним жестоким, и это так надо: это война!

Любовь так материализовалась, так упростилась, что сразу же стало как у всех («хочется»). И в то же время это самое не просто «хочется» как у всех, и трудность в том, что теперь-то уже ничем не докажешь, что твое «хочется» – святое, что война эта священная.

Замечательно, что самая воинственная у нас теперь Валерия, которая похожа на дух любви, милосердия, жалости, воплотившийся для войны за любовь.

И тоже становится понятным, почему иной любящий втыкает нож в своего любимого: это тоже из войны, вроде того, когда на войне взрывается собственный крейсер с тем, чтобы он не достался врагу.

Звонил Ал. Мих. Коноплянцев, который, несмотря на Левину передачу, высказал мне сочувствие. Весть эта как первая ласточка из того мира, где все стоит за мою любовь.

Павловна, поплакав сильно, пришла в себя, села к окну. Я поцеловал ее в лоб, она стала тихая, и мы с полчаса с ней посидели рядом.

Все может кончиться тем, что Валерия всех их покорит, и они, может быть, через нее смутно поймут, какая любовь настоящая.

Свет весны всю душу просвечивает и все, что за душою – и рай, и за раем, дальше, в такую глубину проникают весенние лучи, где одни святые живут...

Так значит, святые-то люди от света происходят, и в начале всего, там где-то, за раем только свет, и свет, и свет.

...и любовь мою никто не может истребить, потому что любовь моя – свет. Как я люблю, какой это свет!

Я иду в этом свете весны, и мне вспоминается почему-то свет, просиявший в подвале сапожника, хорошего человека, приютившего Ангела. Когда просиял Ангел, просиял и сапожник.

Но почему же мне в свете весны теперь приходит в голову этот свет в подвале сапожника?

Перебрав все мое внутреннее содержание, я его вдруг увидел все, как бы просиявшим в направленном на нас свете и понял, что я – это, как сапожник, хороший человек, приютивший Ангела, и этот свет мне за то, что я тоже хороший человек и тоже приютил у себя Ангела, и помог ему, когда он страдал от воплощения в человеческий образ... как он ужасно страдал. И я пожалел его и приютил, и за это дана мне эта любовь, этот свет. Кто может отнять от меня этот божественный свет?

22 Марта. Написал утром 3-е письмо с брачного дня (19).

Как будто на острие ножа, воткнутого в сердце[81], мне привили тебя, так что когда поднимается там боль, то мне кажется, она у нас вместе: не я один. И еще похоже, как будто бы шестикрылый серафим на перепутье мне явился, и я с тех пор читаю в сердцах людей страницы злобы и порока[82]. Рожи... в невероятной тоске... душевный отврат. И никаким отдыхом, сном, гигиеной тела и духа тут не возьмешь, это новая женщина и крест мой, и чем все кончится нельзя предсказать...

Утром было –20. А потом вскоре капель. Давно бы уж время грачам и даже жаворонкам, но не видно грачей и жаворонков не слышно. Только один воробей токует: чирик-чирик! да синички: пик-пик! А в сущности и я тоже, если упростить мою философию до последней крайности, повторяю, как птица: «Ля-ля, Ля-ля».

Был у попа-пчеловода моих лет, Иван Ивановича. Посмотрел на него, посмотрел в зеркало на себя – и страшно стало: а вдруг как он через свое поповство прозрит, что я в своем возрасте, в своем положении повторяю в душе своей одно только «Ля-ля»? Еще я думал, глядя на него: «Да невозможно же представить себе также, чтобы молодая женщина страстно могла полюбить такого попа!» Тоска вошла ко мне в сердце, стало ужасно стучать с повторением: «Что ты наделал, что ты наделал!» Когда же я пришел домой, отдохнул, пообедал, побрился, вымылся и поглядел в зеркало, то сразу все прошло: я никак не похож на попа.

Ляля при разговоре все обычные понятия, даже такие высокие, как Бог и любовь, непременно берет в «кавычки». Делать это можно разными способами, она как-то по-своему.

Еще у нее есть черта ярко выраженная, это сознание своего достоинства. Скажешь, например, ей:

– Это сделать почти невозможно, кто за это возьмется, разве Ляля?

И она ответит:

– Да, Ляля.

Ляля вошла в трамвай в самую давку и начала это все хвалить: будто бы приучает к самодисциплине. Очень это понимаю и отношу к категории «расстановки вещей». Всегда делается почему-то хорошо, когда прибираешь вещи, разложишь на места рукописи. Замечал, что эта расстановка на места часто от вещей переходит в область душевную, и тогда наступает спокойствие.

Вот я сейчас побрился, и стало мне хорошо, и даже показалось, что, в сущности, все сделано необходимое внешнее для переустройства жизни, что трагические волнения происходят изнутри, и должно быть от Ляли: это от нее в меня передается, и робость охватывает от жизни вдвоем, по-настоящему вдвоем, днем и ночью без перерыва. Ведь это одно – приходить и расходиться, и совсем другое – быть вместе всегда.

Все-таки надо добиться мира со старой семьей, полного спокойствия в переговорах, как бы ни была возмутительна для меня их «любовь».

Был на вечерней прогулке, и такая меня тоска охватила, и впервые так был безучастен в природе: на закате месяц выходил бледный, большой и словно отворачивался, и так все-все, облака, снег, следы зверей даже чем-то противны: столько лет занимался и такой глупостью! А дома патроны, ружья, – нужно же было на детскую шалость тратить столько времени. И так все от меня отвертывается, или я сам отвертываюсь. Вся жизнь собралась в одной единственной точке, и раз я от нее оторвался, то вокруг нет ничего, и я сам, будто сосланный.

А поди я с Лялей, как бы он запрыгал, заиграл, бессовестный месяц!

Роль поэзии в этом сближении: приманивает, заманивает и отдает и передает куда-то на съедение. Замечательно и необыкновенно, что в нашем случае вовсе не было грани между Эросом и Полом. Есть поэзия (Эрос) – действует пол; нет – и пола нет. И когда пол действует – поэзия (Эрос) светит.

Все-таки много-много отняли у меня Ефр. Павл. и Лева, отчасти и Петя: тяжело это перенести, их глупое, эгоистическое горе. Тяжело думать, что всю жизнь провел в детской комнате, и дети ничего-ничего хорошего от меня не взяли. Это конец всему: черта – и кончено, с точкой.

23 Марта. Все еще держится весна света, но мороз сегодня всего −10 и солнце. Месяц, почти полнолуние, вчера посмел от меня отвернуться.

– Погоди, погоди, – говорю я, – вот придет 25 число, посмотрим, как ты запляшешь, когда я покажу тебе Лялю.

Лялю я как-то от всего отбил, надо ее устроить: напр., подарю и оформлю этот подарок – мой архив, – она и работать будет над ним и верное обеспечение.

Послал 3-е письмо из Загорска о месяце (в природе мы обвенчаны).

24 Марта. И еще один морозно-солнечный день. Хотя внутри все повертывается по-разному, но средняя линия – это полная уверенность в своей правоте и совершенное спокойствие: без этой встречи моя жизнь была бы непонятной.

Теперь в моей жизни было две звезды – звезда утренняя (29 лет) и звезда вечерняя (67 лет) и между ними 36 лет ожидания. 40-й год загад: крест или «приди!», и она пришла, и жизнь моя стала прозрачной и ясной.

«Жень-шень» – это о звезде утренней, теперь должно возникнуть нечто о звезде вечерней: «Звезда вечерняя моя»[83].

Священный блуд («а когда сама полюбила, то больше не могу»). Вот так и все, и везде, и во всем: когда «сам», то лишаешься способности жертвовать.

Жить надо, как живу, погружаясь в ее душу: она неисчерпаема. «А вы исчерпаетесь», – сказала она когда-то. Это возможно... Только когда еще это будет и будет ли когда-нибудь?

Вчера читал, что к монаху пришла любящая девушка и соблазняла его «раем плоти» (письма Олега). Наша любовь и есть рай плоти...

Если она неисчерпаема и если я люблю ее, то как могу я исчерпаться?

С 8 до 12 шел в лесу по дороге и не мог никуда в сторону свернуть: по сторонам проваливается снег больше чем на полметра. Увидал пень, согретый солнцем, долез до этого пня, уселся лицом против солнца и замер.

Как волнуется жизнь моя! Если я устал, то к усталости присоединяется угнетающая мысль: «как же ты такой будешь ободрять свою подругу?» А когда является бодрость, то сейчас же является сильное желание к ней дотянуться.

Из ее чувства, выражаемого на бумаге, надо много отбросить лишнего. Так было, мы сели на постель ее матери, чтобы прочитать мучительное письмо. И от радости встречи долго не могли прочесть его, и нашли его уже долго спустя...

Какая наша страна теперь стала голодная, ободранная, безнадежно скучная, как и во всем-то мире стало скучно, до того скучно, что не ждешь даже и никакой катастрофы. Оказалось, что длительность событий, захватывающих время больше человеческой жизни, и является сильнейшим оружием против

личности. И вот зато в своей-то личной затаенности до чего же хочется пустить все к черту и самому, несмотря ни на что, сорваться с цепи и жить-жить-жить напропалую, как хочется.

Была святая блудница и ей ничего не стоило жертвовать собой для чьей-то любви: «Чепуха все это!» Но вот пришло время, и она сама полюбила, и больше не могла собой жертвовать, и поняла значение своей «чепухи» для себя, т. е., в сущности, она себя поняла: что «чепуха» для себя годится. С этого момента в девушке этой зачалась женщина, влекомая слепой судьбой к жизни рода, чтобы родить и сделаться собственницей своего ребенка, эксплуататором для него своего мужа, организатором своего дома и т. д. Вот это сейчас и происходит с Валерией, воспитанной на идеях истинного христианства. Она теперь похожа на церковь, ставшую перед необходимостью считаться с рождением плотского человека, а не только духовного. В силу своей духовности, воспитания в нигилистическом отношении к материи, она теперь будет как-то иначе относиться ко всему материальному. А то, было, скажешь: «Вот я сегодня нахалтурил денег!» Я радуюсь, а она: «Для чего это нужно?» Или вот я хотел квартиру сменять, а ей противно этим заниматься в то время как любовь в самом разгаре.

Читал письма Олега и дивился возвышенной силе его творческого самосознания. Чем он отличается от самого Бога в своем построении вселенной? И вот такой-то творец бежит просто от девочки, рискнувшей ему предложить «рай плоти». Не бежать он должен был, а или взять ее в свой горний мир для со-творчества, или самому с ней сойти в долину любви человеческой и на некоторое время, как наказанный ангел, стать *как все*. Он ни того, ни другого не сделал и через этот корректив девочкой жизни вскрыл свое люциферовское происхождение.

Вот когда понял я, за что она так грубо накинулась на меня («Вы старик, вам надо было сойтись со мной десять лет тому назад!»), когда я сказал, что страшусь нашего вечного «вместе», что для поэзии, кажется, необходимо одиночество. От моих слов она прямо упала на ковер, стояла на коленках и ры-

дала, рыдала как ребенок. Между тем я это сказал не о существе дела, а о привычке бытия. По существу, вся суть, вся [глубина] этого переворота, что в противоположность Олегу, я соединяюсь с ней, как равной в духе и теле: я *все* ей отдам, как и она *все* мне отдает.

Основная особенность в этом чувстве, что думаешь только о ней. Избегать этой вечной думы не надо, от этого будешь еще сильнее расстраиваться. А вот именно и надо это принять, думать непременно и нужно о ней, потому что нет во всем мире сейчас более важного, чем она. Напротив, хорошо бы теперь в это переходное время выработать привычку думать о ней. А мне, как писателю, кроме всего главного, можно «думу о ней» взять на службу своему писательству.

«Бог любит не всех одинаково, но каждого больше» (Валерия).

Вот чудесно-то!

Вечером появился Разумник и провалил Малеевку: невозможное положение для Валерии[84]. Невозможно и в своей квартире быть с Валерией, потому что Ефр. Павл. всегда может явиться с погромом. Остается пока снять дачу. Переговорить с А. М. Коноплянцевым. Гараж.

Чтобы с какой-нибудь тварью в лесу, воробьем, мышонком, елочкой установить родственную связь, нужно всего себя со всем целым миром привести в связь.

Мать с ребенком – явление собственности, почему же это принято, как явление духа? (Тема Валерии.)

Не забыть, как она меня стариком изругала и как плакала на коленках, когда я сказал ей, что со страхом думаю об утрате одиночества, что одиночество необходимо для поэзии. Это ее ужаснуло, потому что и Люцифер покинул ее из-за этого.

Ты страдаешь за Олега, помни: только за него. Он тебя не любил, не замечал даже и вспоминал лишь, когда ты ему говорила что-нибудь в путь.

Чем опаснее общее положение мира, чем ближе катастрофа, тем больше жить хочется, и человек в своей страстной жажде просто жить затаивается...

Скоро 12 часов ночи 24-го, а завтра 25-го согласно намеченному в твоем письме плану я должен дать ответ полный и окончательный и решительный, могу ли я совершенно отрешиться от своей семьи и если ты потребуешь: или ты, или они, то сказать: только ты.

Ну вот, я все обдумал, все взвесил. Моя повадка относиться к людям попросту, исходя из того, что Бог любит всех одинаково, – эта повадка, признаю, больше мне не годится. Через мою любовь к тебе вскрылась бездонная пошлость моего бытия, основанного на этом: «Бог любит всех одинаково». Не говоря здесь в какой форме, я порываю связь с семьей и на вопрос, они или ты, решительно говорю: ты, с твоей заповедью: «Бог любит не всех одинаково, а каждого больше».

<*Зачеркнуто*: Со всей решительностью я отвергаю эту свою легкомысленную жизнь и, не говоря о характере необходимой при этом дипломатии, обещаюсь жить по твоему завету: «Бог любит не всех одинаково, а каждого больше» Из этого само собой вытекает, что для меня только ты.>

Но это не все – это обязательство с моей стороны. Я прошу тебя дать обязательство в свою очередь. Если ты убедишься, исчерпав все свои силы, что друг твой не в состоянии устроить ту жизнь, которую мы оба желаем, то ты должна сделать все, чтобы и он, как и ты, предстали, перед той самой дверью, о которой ты мне писала.

Знаю хорошо, что с точки зрения всех (когда Бог любит одинаково) соблазнителен путь возвращения к привычному укладу, но меня это даже не соблазняет, я просто не могу больше! Меня не страшит даже полнейшее отречение от счастья перед той дверью, лишь бы остаться с тобой.

Дать тебе такой ответ мне стоило недешево, и едва ли хватит у меня сил жить без тебя. Вот почему прошу тебя, если наши враги не дадут нам устроиться, как мы оба хотели, и ты решишь исполнить свой обет, то я – с тобой, и ты меня подготовишь.

Скоро 12 часов ночи 24-го, завтра я должен дать тебе ответ, правда ты не ставила ультиматума, но я чувствую, что так надо сделать и сам себе ставлю такой ультиматум от твоего имени: «Я или они?»

Отвечаю тебе так: не могу «они», как все равно и ты чего-то не можешь после того, как полюбила меня. Любовь моя к тебе раскрыла застоявшуюся пошлость моего окружения, и я теперь сознаю, откуда она исходила. Она исходила от моего наивного и обычного в русском народе верования, что будто бы *Бог любит всех*. Отсюда и произошел мой мезальянс, по словам Герцена, посеянное несчастие[85]. Теперь я думаю по-другому: *Бог не всех любит, но каждого больше*. И я перехожу на сторону автора этого выражения решительно, без компромиссов и навсегда. На вопрос: «я или они?» – отвечаю: конечно, ты. Это и да будет исходной точкой моей попытки создать нам обоим как будто бы и заслуженное удовлетворение, вроде счастья. Если же попытка моя не удастся, то я тоже, куда ты пойдешь, тоже пойду, и мы будем вместе.

От духа к материи – общий путь, и обратно: хотели счастья, а вышел крест.

25 Марта. От духа к материи, от материи к духу.

Провожу перед свиданием лишние минуты.

Дела: 1) Свидание с А. К. 2) Договор с Гослитиздатом. 3) Дача. 4) Английская газета. Адрес. 5) Дом отдыха. 6) Халтура и письма.

За три месяца до встречи моей с невестой моей поэзии в Париже родилась настоящая невеста моей жизни Валерия.

Александр Васильевич. Не то Каренин, не то Чертков, и до того дуб, что удовлетворялся самой грубейшей «конструкцией». Их отношения состоят в том, что она, не находя ни в ком из своих поклонников опоры в любви и единства (вечно колеблется), чувствуя от этого «грех», прислоняется к внешней силе его единства и верности. Она, как бы вечная художница любви, при нехватке устойчивого чувства в трудные минуты хватается за своего Черткова. И даже отдавшись любви как

будто бы уже и настоящей, на всякий случай обеспечивает себя обещанием: «А не удастся, вернусь к Черткову». Секрет наших отношений, что «художница» попала на своего рода художника с ярким лучом внимания к ней самой, а не к «принципу», как этот Каренин. Ему дела нет до нее, ему важен принцип христианской любви, в глубине которой таится личная потребность уверенно заниматься чем-то своим, не имеющим никакого отношения к жизни.

Рай плоти. Мне хотелось выразить ей свое чувство вечности в моей любви к ней в том смысле, что мы сейчас дерзкие, все вокруг себя разрушили в достижении сближения, и мы добились, мы *вместе*. Но придет время, придется, быть может, нам повернуть, и мы тогда не врозь пойдем в лучший мир, а тоже *вместе* (вечность).

Когда мы сидели за столом, и я ей это говорил, она не понимала меня. А когда корабль наш начал отплывать, я сказал ей или шепнул:

– Как же ты не понимаешь, вот мы с тобой отплываем в какой-то чудесный мир.

– А он же это и есть настоящий мир, настоящая жизнь.

– Ну да, это я понимаю, я думал о том, другом мире, другого блаженства за той дверью, перед которой вы стояли с Олегом...

– Как же ты не понимаешь, – сказала она, – мы же и сейчас в него идем: настоящий мир един и вовсе не разделяется.

Не знаю, были ли на свете такие любовники, чтобы во время самого выполнения акта любви не переставали мыслить и, мысля, не переставали любить.

Эта непокоренная страстью мысль была похожа на руль, которым мы направляли корабль свой в Дриандию[86], страну свободы и блаженства, где всякая грубейшая чувственность просветляется мыслью и всякая мысль рождается и подпирается чувством.

Небывалое и единственное переживание мой философ оборвал словами: – Ну, довольно, поплывем обратно.

Мой загад писать ей поэмы так, чтобы они шли не в поэзию, а в любовь, на этот раз провалился. Она почуяла в них писателя

и значит – это чистый провал. Но один раз в рассказе мною было достигнуто единство, она тогда заплакала и повторяла мне: «Не бросайте меня, я вас полюблю». Так что надо дерзать, а не бросать: раз философия у нас в столько раз увеличивает чувство любви, то почему же не сделает того же поэзия? Ведь поэтическая мысль есть тоже мысль.

Я сделал такое предположение, что, может быть, ее охватит такое страстное чувство, что повлечет и ее всю за собой.

– Нет, – сказала она, – я так вообще не могу отдаться, чтобы бросить мысль и чтобы меня повлекло вслепую. Я не могу любить, как ты меня любишь.

– Как? – спросил я.

– А глупо, – ответила она.

И весело смеялась, разогретая мною, румяная на белой подушке.

Я тоже смеялся, целуя ее, глупостью своей я гордился, понимая тоже свой какой-то независимый от ее влияния старый ум, что только благодаря этой-то глупости и она...

И еще в те разы она твердо говорила: «люблю», теперь же раз проговорилась: «буду любить». Но это все равно, пожалуй, она сейчас и не может сказать это «люблю», если мы почти не имеем в этом опыта (любовь набегом – какая это любовь!). Не «люблю» надо сказать, а «решилась любить». Нельзя сказать ничего, нельзя предвидеть, но так интересно, что стоит рискнуть. Я надеюсь, что меня в этом величайшем испытании личности спасет моя чуткость, гордость и талант: я никогда на ней не повисну, сего да не будет! Кроме того, к моей глупости в любви присоединяется мой талант, у меня скопится возле ее образа скоро такое большое хозяйство, что ей от него не уйти. И еще ее удержит моя вечная способность к игре. В этой способности вникать и сохранять я неисчерпаем, и если она, как сама думает, неисчерпаема, то жить мы будем.

Мать моя народила кучу детей и, наверно, имела какое-то чувственное удовлетворение. Но когда мы выросли, она повторяла нам при всяком случае, что отца не любила. Что, если бы

она могла сказать это моему отцу? А Валерия, когда пришло время, так и ляпнула Александру Васильевичу: «Не любовь, а конструкция». Чрезвычайно жестоко, и нельзя было говорить именно потому, что сама же пошла за ним.

Я ей говорю, что я ее люблю больше всех, а она мне отвечает: «Так все говорят».

Если женщину постепенно трогать и дойти до какой-то точки, то она вдруг как бы удивится и как бы остановится... А Валерию можно остановить точно так же какой-нибудь новой мыслью, она схватится, уйдет в себя и станет похоже, будто ты ее схватил.

О друзья! гениальность моя состоит в готовности на совершенно глупое действие, открывающее моему настоящему и скрытому от общего взора уму.

26 Марта. Позвонил Акимыч и вдруг мелькнула мысль о Бронницах. Назначил разговор об этом в 4 (приготовиться).

Приходил Петр Акимыч, и вопрос о даче почти решен, и Аксюша рассказала, что Павловна тоже пришла в себя и мирится. Вечером с Левой покончу и буду считать, что с этого дня начинается перевал: острота пережита.

Пройдет немного времени и пусть друг Валерии «Умный пьяница»* (умен тем, что, ухаживая за В., знает меру, а не то, что я, феноменальный дурак) тогда поглядит. А то ведь, когда Валерия сказала ему (не утерпела!), как все завершилось ужасно и в каком я плену, то он изрек: «Вот и хорошо: выйдет он из плена или не выйдет, человек скажется, и будет ясно, за кого идете». Верно со стороны, но для любящего человека чересчур уже жестоко. Ладно! Сегодня протру очки Леве, а потом дойдем и до «Умного пьяницы».

---

* Имеется в виду Птицын, преподаватель математики в школе, где работала В. Д.

С 8 до 10 у Чувиляевых разговор с Левой, который состоял в том, что я по пунктам разобрал его письмо и, прочитав обвинение меня в каком-нибудь моем преступлении в отношении матери, спрашивал, откуда он взял факт. Благодаря Чувиляевым он был так приперт к стене, что ему оставалось только подавать реплики бессмысленного сопротивления. Чувиляевы, наконец, поставили вопрос: почему и кто может иметь претензию на квартиру, если она дана писателю для работы. Под конец я ему напомнил его слова: «А женку твою мы уберем через НКВД».

– НКВД – я не говорил.

– А у меня записано.

Тут Лева замолчал надолго...

27 Марта. Утром зашел к Чувиляевым. Уверили, что Лева не ходил в НКВД.

Пока я ходил к Чувиляевым, Лева шмыгнул к Ефр. Павл. И когда я пришел домой, Е. П. была в слезах. Видно, что на фронте идет какая-то подготовка. Пробовал говорить с Е. П., ничего не выходит: – Никого, – говорит, – мне не нужно, я сама найду свой путь.

Пришел вечером к Валерии. Тут высшее напряжение. В. моментом начала нашей жизни считает момент нашего с ней отъезда.

Явился вопрос, где же нам сейчас устроиться, в Бронницах или в Малеевке.

Ляля, рассказывая о своей детской попытке вместе с Олегом перестроить вселенную, была мне прекрасна, как снежная вершина. Но она тоже глядела в мою долину с любовью. Так, наверно, самой вершине своя высота не в радость, и чем выше гора, тем с большей силой она желает долины.

Лева взял деньги и через Разумника передал желание занять в Загорском доме мой кабинет.

28 Марта. Ляля была во вдохновенно-философском состоянии («парение мысли»), и я весь вечер любовался ею, как

вершиной снежной горы. Я чувствовал, что и она в своей высоте наслаждается долиной моего существования. Так это и бывает в природе: на что нужна высокой вершине ее высота? Она смотрит оттуда в зеленую мирную долину и ей хочется спуститься в эту долину...

А из долины так хочется подняться на высоту и разбежаться мыслью по [горизонту].

В своем физическом существе я давно уже чувствую и ее тело, как свое, и через это, самое главное, в беседе с ней как бы прорастает зеленая новая трава через прошлогодний хлам. Так вот она высказала известное мне с детства «Аз есмь истина». В ее высказывании, однако, явилась моя собственная излюбленнейшая идея о необходимости быть самим собой, и дальше эта основная идея моей жизни превратилась в деталь этого «Аз есмь истина». И я впервые понял сущность этого изречения.

Второе пришло мне при разговоре о разрушении мира. Я вспомнил свою детскую веру в прямолинейный прогресс, и как потом эта прямая линия превратилась в движение по кругу: получилось похожее на буддизм. Теперь же через Лялю меня вдруг насквозь пронзила мысль о прогрессивности и творческом оптимизме при разрушении мира: в этом разрушении и рождается для человеческого сознания Царство Божие. И что такое сознание не есть, как мне думалось ранее, идея вообще христианского сознания, а, напротив, идея нашей повседневной жизни. Взять хотя бы даже эту нашу любовь, это чувство радости, рожденное в страдании разрушения привычной мне жизни в своей старой семье.

Я любовался бесконечно своей подругой и повторял потом про себя: Ляля знает, что делает.

29 Марта. Весна воды в полном разгаре. Грачи, но ни жаворонков, ни скворцов еще нет. Ездил снимать жилище для нашей весны и нашел такую прелесть, о какой и не мечтал. Переживая вместе с весной вчерашний обмен мыслей с Лялей, утверждался все больше и больше в своем праве на это счастье и обязанности своей его достичь и охранять...

30 Марта. Ночью бежала вода, утром опустилось к нулю. Мало сочувствую страданиям Ефр. Павл.: жутко думать, что человек за 60 лет жизни и за 36 лет жизни со мной не может найти в себе что-нибудь, смягчающее такую примитивную боль. Мне тяжело не от ее страдания, столь простого, а от соседства моей сложнейшей любви, от которой должно родиться нечто не только для моего личного удовлетворения, а, может быть, и еще для кого-нибудь, – соседства этой любви со страданием впустую...

Итак, пусть воюют, пусть запрягают науку для истребления людей, пусть больше и больше воздух жизни наполняется смрадом зла – все это бедствие происходит от большой войны за любовь. Точно так же, как на войне, теперь надо знать себя, свое устремление и не оглядываться на падающих людей.

«Остров спасения» («Рай плоти» и «Песня Песней»).

Резиновые сапоги. Керосин. Матрасики. Керосинка. Термос. Пирамидон. Элект. фонарик. Ружье 24 кал. Ящик патр. Лекарства. Бритва. Бумага. Договор Гослитиздат. V том: Лисичкин хлеб, Падун и проч. с собой. Пиш. машинка. Чернила. Письма Олега. Лейка. Темная комната.

Финансы: 1) октябрь – 8 тыс. 2) Пионер – 12 т. 3) Дружные ребята – 3. Гослитиздат – 27. Итого возможны 50 тыс.

Значит, можно долго ничего не писать.

Чемодан с замком (фото).

Дневник: такая же весна, как всегда, но только все в отношении к Ляле (я ей все показываю) к ее детской идее: «*рай плоти*». Будем идти к этому, а если это нельзя, то в опыте будет ясно, почему нельзя.

Мое: физический плен и освобождение через Лялю, только через Лялю, потому что с другой, пусть разумной, но невдохновенной, нельзя и нельзя в одиночество (искажение духа).

На остров спасения попадает только то, что на Страшном суде не сгорит.

Разумник нашел запись в 1916 г. о том, что я построю дом в Хрущеве и покину эту семью[87] (так и сделал в 18 г., но на стороне ничего не нашел и вернулся). Разумник нашел в 16 г. запись о фацелии[88] (26 лет вертелось, как бы написать рассказ).

Пройдет скоро время, когда все мое любимое от меня побежало к ней, скоро мы с ней вместе выйдем к ним, и они опять будут как прежде, только мы теперь двое и все покажется поиному. Вот в этом-то и будет один из планов «Острова спасения»: мир глазами одинокого Адама и глазами, какие открылись у Адама, когда Бог создал ему жену.

Сегодня Ляля наконец-то поверила в меня и написала мне об этом, что поверила, и на этом основании предлагает теперь строить дом нашей брачной жизни. «Прими же теперь, – пишет она, – мою веру, как раньше принял любовь, и с этого дня я считаю себя твоей женой». Так что на мое предложение брачного договора она ответила согласием через десять дней.

Удинцев, узнав о нашем романе, сказал, что я из Ляли сделал себе кумира, после чего наше равенство будет нарушено и Л. опять будет не удовлетворена.

Эта мудрость, однако, не имеет никакого значения, потому что на второй же день знакомства с Лялей она мне сказала, что Удинцев знает ее 20 лет, а даже такого разговора, какой был у нас на другой день знакомства, с ним она не могла бы иметь.

Оба мы вчера признались друг другу, что к своим близким людям, с которыми теперь нам предстоит прекратить отношения, в смысле жалости к ним – чувствуем себя чурбанами.

Она не могла полюбить никого после Олега, потому что не находила никого себе равного. Только меня она познала, как равного, и полюбила «навсегда и до конца». Основа любви нашей – равенство.

Снежная вершина – моральная чистота и моральная красота, и моральная воля, – вот перед чем я робею немного, отступаю первый момент, но, подумав, опять подхожу как равный к своей снежной вершине и говорю себе: «Я не оттого робею, что

не могу подняться до нее – я могу. Но я робею лишь потому, что я постоянный житель долин, и мне трудно подниматься на высоту снежной вершины. Но сил у меня много, и поднимусь, и мы поравняемся».

Е. П. беседует с Аксюшей о хозяйстве... Все это показывает начало выздоровления. Лева покорен, но не окончательно, и думает лишь о том, как бы ему устроиться на мое место в Загорске. Совершается то, что есть и быть должно: я уже давно живу сам по себе и к ним только езжу. Вместе с тем мне возвращается спокойствие и сознание победы, самой большой в своей жизни, больше чем все мои добрые дела, больше чем «Жень-шень» и все рассказы остальные и даже для детей.

Ляля говорит, что, не пережив смерти близкого человека нельзя приобщиться к духовной жизни, что, напр., мне надо пережить ее смерть. На это я ответил, что прежде, чем смерть пережить, надо полюбить и что если сильно полюбить, то можно обойтись и без смерти: при такой любви мне, может быть, довольно ее увидеть в горе или просто усталой, чтобы вообразить себе полную утрату. Нет, для духовной жизни нужна не смерть, а только любовь.

Разумник Вас. нашу пару сравнивает с парой Бугаевых (Андрея Белого). Борис Николаевич и Клавдия Николаевна (антропософы «большого чина»). Но я думаю, что мы – Калерия-Валерия и я с ней – мы ни с кем несравнимы и, главное, мы без чинов.

31-го 1) Гослитиздат: договор. 2) Узнать в «Октябре» о переводе денег. 3) Взять деньги в «Мол. гвардии» 4) Гараж. 1–2/IV – Загорск. Машина. 3/IV – Москва.

Наши чувства собрать в отношении нас двух и в этом наше все: мы стремимся друг к другу через всякие препятствия, – человек это, или пусть даже бог, – это не бог, если он нам мешает, и не человек. Наш настоящий Бог и наш настоящий человек мешать нам не будут, потому что наше дело правое, на этом вся

жизнь стоит, и без этого вся жизнь на земле просто бессмыслица.

Начинаю себя чувствовать в этой любви как сахар в горячей воде или как воск на огне. Чувствую, что весь как-то плавлюсь и распускаюсь. Так, наверно, еще много будет всего, пока все во мне переплавится и выкристаллизуется.

В ее «брачном письме» от 30/III выставлено обвинение против того, что можно любить всех (Пан), безлико (напр., просто бабу, самку). Она же сама любить может только личность. На самом деле она жила не с «личностью», и моя беда от несознания, ее же беда от сознательного преступления. Теперь мы сошлись равные, но в прошлом оба жили с неравными, и я ее упрекать могу много больше, чем она меня.

31 Марта. Сегодня к вечеру врач, лечивший Е. П., вызвал меня... Когда же я рассказал историю агрессии Е. П. и причину «травмы», он сказал, что необходим психиатр, который установит возможность ей жить и работать, или же... так или так. Осталось пока впечатление от слов врача, что может быть здесь и тяжелое заболевание, а может и симуляция.

1 Апреля. Созерцая Ладин живот («Неодетая весна»), я растворяю свою личную тоску в общей радости жизни, как египтянин радуется о священном быке Аписе.

Ляля, представляя себя в положении Лады, возмущается этой радостью, питающейся исчезновением личности в Ладе-Ляле. Она этого не испытывала, потому что не любила мужа, не испытывала сладость расставания (умирания, жертвы) с личностью своей ради Целого. Напротив, она уничтожала свое радостное производящее жизнь начало и сохраняла тем самым «личность» обезжизненную, потому что для сохранения этой личности она должна была плоть свою (священную) вывести из священной связи Целого и сказать о ней «чепу-ха!»

Выходит так, что я, лишенный естественного общения с женщиной, увидал эту женщину в священно-жертвенном состоянии мира (плоть). Напротив, она, как естественная жен-

щина, лишенная естественного общения с мужчиной, увидела это мужское личное начало (побеждающее сознание).

Итак, мужчина возвеличивает женственное жертвенно-производящее начало, а женщина мужское личное.

Вступая теперь в брак, мы вернемся на свои естественные места: я возвращу ей природу, она вернет меня к человеку. Мы разменяемся.

Вчера доктор, взглянув на меня, сказал: «А вы тоже больны, нельзя не быть больным в этих условиях!» Буду лечиться своим способом, т. е. бороться за близость с Лялей. На этом пути помогают силы природы. Я уже чувствую, что могу быть жестоким как надо: война так война!

Ефр. Павл. довела свой накал злобы до последнего: вот-вот и что-то случится. Она притворяется, лжет, когда говорит, что отпускает меня и скоро уедет. Она сознательно хочет и ведет к тому, чтобы разрушить мою жизнь и, может быть, довести до суда. Теперь все зависит от того, как скоро удастся отправить ее в Загорск.

И еще в этом романе выдался убойный день и такой трудный, такой тяжелый. Самое плохое было то, что, вспоминая в то время о друге своем, из-за кого и происходит у меня эта война, я чувствовал, что и у нее на груди нельзя мне отдохнуть. Мне ведь и прошлые разы было стыдно, что я заставляю мать и дочь переживать эту подавляющую грязь. Я еще тогда дал себе слово следующий раз промолчать... И в то же самое время думаешь и так: а какой же это друг, если стесняешься поделиться с ним своей бедой! Хочешь, не хочешь, а так оно есть: друзья мы, конечно, большие! – оба расписались в состоянии брака. А в то же время так мало жили и во всем у нас больше хочется, чем есть.

Еще было во время этого бедственного дня, – вдруг мелькнула мне во время езды где-то на бульваре березка. Тогда из человеческого мира, в котором сейчас я живу и так страдаю, через березку эту я перенесся в мой прежний мир поэзии природы, и мне поэзия эта показалась бесконечно далекой от меня, и мне удивительно было представить себя снова, как

прежде, мальчиком, играющим в охоту, фотографию. Похоже стало, как было на войне: увидел я во время боя какие-то деревья, обитые, умученные снарядами, и вся красивая природа для меня исчезла.

Я очень мучился и особенно, когда убедился, что и болезни-то нет никакой, а все симуляция.

Из всего этого видно, какая это у них «любовь», какие это «любящие». Следовательно, надо оградить себя от таких вторжений и, если придется судиться, – суда не бояться. План действий: дождаться ее отъезда, стараясь не раздражать ее... А после, в течение лета ликвидировать отношения и добиться свободы жить и работать в своей квартире.

Настоящая война и такая же разрушительная сила, и такая же очистительная. И так же, как при войне – и воевать-то не хочется и тоже вовсе не хочется вернуться к спокойствию порядка до войны.

Вся эта война, все это разрушительное переживание входит в состав того сложного чувства любви к Валерии. Это настоящий переворот, переход от «счастливой» и глупой, застоявшейся жизни к серьезной. Пусть от всего переживания останутся только муки, – эти муки лучше мне, чем то прошлое счастье. Пусть даже и смертью все кончится – эта смерть моя войдет в состав моей любви, значит, не смерть, а любовь.

Весь этот последний период нашего замечательного и быстрого романа будет называться *Война за Валерию*.

Я чувствую, как весь во всем своем простодушном составе переделываюсь в этой войне за Валерию. Поэтическая лень, страх перед возможным беспокойством, особенно чего-нибудь вроде суда и многое такое меня теперь оставили. Когда поднимается в душе неприятность, я вспоминаю, за кого война, и снова возбуждаюсь, как бедный рыцарь, поражая мусульман.

Неправда это, что Валерии нельзя всего говорить и что речь идет о чем-то внешнем, если приходится утаивать. Ничего внешнего, в смысле причины, для нее не существует: пусть буду я даже гол как сокол. И нет ничего тайного, что ей нельзя было бы открыть. Единственное нельзя в отношении к ней, это нельзя приходить к ней с душою смятенной, вялой и пораженной,

к ней приходить надо с победой. Ай-ай-ай, как хорошо написалось!

Вижу, я не угас, отрешаясь от былого обожания природы: все, что было прекрасного в этом моем чувстве природы, теперь пойдет на чувство к Валерии и останется в нем навсегда. И гигиеной этого чувства будет правило, что к Валерии приходить можно только с победой.

За что ты меня сколько-то еще и тогда – как давно это кажется! – могла полюбить, такого глупого и беспредметно рассеянного в счастливом благодушии писателя. Вот только теперь, во время войны, собранного для жестокого и умного действия, ты меня полюбишь и...

2 Апреля. Куй железо пока горячо: сговориться с Дмитриевым о гараже. Письмо сыновьям.

Аксюша вгляделась утром в меня и сказала:

– М. М., вы теперь стали не таким, как прежде.

– Каким же?

– А детство свое потеряли.

– Как так?

– И глаза у вас не такие, как прежде, и сердце ожесточенное. Теперь вы не будете как раньше любить природу.

– Довольно, Аксюша, природы: вот она, матушка, сама видишь, как она наколошматила, еле жив остался. То время прошло, теперь я иду к душе человека.

– Я знаю. Только если бы не Валерия Дмитриевна, вы, может быть, так бы в простоте и прожили, и хорошо, сам Господь сказал: будьте как дети.

Сердце мое сжалось от этих слов и... Но таков путь сознания, хочешь двигаться вперед, расставайся с пребыванием в детстве. И, во всяком случае, «будьте как дети» есть движение сознания к идеалу детства, но не покойное в нем пребывание.

Теперь я, кажется, разгадал план Е. П., внушенный ей Кожевниковой. План состоит в том, чтобы дом в Загорске продать, внедриться в мою квартиру, получать от меня пособие и с деньгами от продажи дома спекулировать. Немедленно

найти поверенного и предупредить. А что зло засело в ее голове...

6-го к 11 у. в Загорск приедет Дмитриев за «Мазаем»[89].

Разговор с Чувиляевым. Переговоры с адвокатом Орловским.

Вызвал А. М. Коноплянцева. Е. П. ответила ему: «В Загорск не поеду. Как я могу допустить, чтобы *она* вошла в эту квартиру и всем моим завладела: я жила 30 лет и все мое, а не ее».

3 Апреля. Ночью проснулся с отвращением. Я и так-то иногда ненавидел созданное рукою губернаторши мещанство своего ампира. Теперь же эта война за мебель с человеком, прожившим со мною долгую жизнь, возбудила во мне дремлющее отвращение к чужим вещам красного дерева. Острая боль пронзила меня насквозь, и первой мыслью моей было освободить землю от себя. Но я перечитал письмо Валерии и отказался от мысли освободить всех от себя: сделать это – значит, обмануть Валерию (она мне сказала: «прими мою веру»); сделать это, значит, обрадовать всех претендентов на мои вещи (красное дерево).

Я залежался в кровати при открытых дверях. Е. П., проходя по коридору, вдруг завернула ко мне, поцеловала в лоб и сказала: «Прощай!». И ушла. Через несколько минут она повторила это, и я понял, что хочет мириться. Пил с ней чай, согласилась, что она уедет в Загорск, будет получать от меня 500 р. в месяц, а комнату получит от Раттая. Я сразу выздоровел, но Аксюша мне шепнула: «М. М., не уверяйтесь, это хитрость». Разумник тоже: «Очередной обман?». Но я не думаю, потому что ей же, если она нормальна, больше и выхода нет.

Вечером был у Ляли. Почти решено уезжать 10-го. Маленькая ссора непонятно из-за чего. Но когда мать вышла и 15 минут за дверью грела чайник, мы успели помириться. Фазис войны за Валерию подходит к концу.

В нашем романе интересна та часть, в которой любящий человек должен превратиться в жестокого воина. И как в первой

части состояние влюбленности самый организм переменяет, точно так же, как организм всех животных ко времени тока, так во второй части тот же организм готовится в драку вступить.

Чувствую, что на основе пережитого можно понять идею *происхождения войны*.

И еще можно написать 2-ю книгу «Жень-шень» о том, что пришла *настоящая* женщина.

Вспомнил обвинение меня в том, что я столько лет возле семьи без любви... А вот А. М. Коноплянцев служит в Наркомате Легпрома, и вообще все люди, кроме горсти счастливых, разве тоже не привязаны и не живут без любви? Я хотел разделить участь всех людей...

Заметить: в этой войне за Валерию сама Валерия мало-помалу при ожесточенном сердце превращается в *принцип*. Если бы не наши свидания, восстанавливающие живую связь, то, может быть, после войны и не узнал бы ее, и не захотел, и подивился: из-за чего же кровь проливал?

Проследить у Ляли борьбу черного бога аскетов с богом светлым и радостным (а имя тому и другому Христос).

Первый вопрос – «святая блудница».

Ляля скажет «люблю» не в порыве: вот пришло и охватило всю. Нет! она скапливает чувство, и когда бывает довольно, то усилием воли заключает его в форму и уже не то, что есть, а то, что должно быть говорит «люблю» или «верю».

Я сказал:

– Она (Ефр. Павл.) дала мне народность.

– Ничего этого нет, – ответила Ляля, – все вздор: есть лицо, но не народ.

4 Апреля. Вечером после чая иду к Чувиляевым, от них в 8 веч. к юристу (хотя как будто и не нужно, а все-таки лучше узнать о своих правах). 5-го утром в Загорск, 6-го обратно в Москву.

Дела: 1) Пионер. 2) Трусову. 3) Детиздат «Неодетая весна».

У юриста (Николай Петрович Орловский): «Плохо вы дела свои устраиваете, но я сам, юрист, всем устраиваю, а себе не могу, вот сейчас дачу строю: если бы вы знали, как я ее строю, не пошли бы со мной советоваться».

И как глубока эта примета-поговорка, что «сапожник без сапог» и т. д.: словом, что производитель не делается потребителем своего товара. Писатель в особенности является производителем не для себя: написал и больше книга не нужна, и написанная книга его не интересует. Его интересует лишь книга ненаписанная. Вот на этой отчужденности производителя от потребления лично для себя своего товара возникла и семейная драма Л. Толстого, равно как и моя. На фоне этого разделения «духовного» (интерес к производству) и «материального» (потребления и заботы о будущем) и появляются такие существа, как Соф. Андр. или Ефр. Павловна.

5 Апреля. Загорск. Складываю вещи, налаживаю машину, увожу «Жень-шень», покидаю Загорск, семью, быть может, и навсегда. А весна задержалась так сильно, снег и лед, холодный ветер. Нет-нет, и рванет тоска, но тут сейчас же встает Ляля во всей своей внутренней красоте, и тогда показывается Е. П. – это дитя в 60 лет, огорченное, с атавистической жаждой мщения и захвата, и опять ожесточается сердце.

Представляю себе, как счастлива будет Ляля, как наполнится ее жизнь, если нам удастся так полюбить друг друга, чтобы явилось на свет дитя – не случайное, а желанное. При ее уме она не стала бы самкой-собственницей, и в то же время вся ее психология и половина мыслей, стремящихся сгустить мысль в плоть, получат иное назначение.

Александр Васильевич абсолютно бездарен в любви.

Дай Бог мне не остановиться на чем-то своем... и любить с вниманием, потому что любить значит быть внимательным. Впрочем, виновата сама Валерия, после небесной любви к Олегу христианская любовь к А. В. была чистейшим падением и отсюда вытекает все дальнейшее. Вот теперь только и стало понятно, почему, не разделавшись с прошлым, она не смела сказать мне «люблю». Потому что в ее «люблю» входит и самое

дело любви, но как любить-делать, если руки связаны, если душа в плену.

Со мной это часто бывает, что от всего сердца хочешь чем-то обрадовать, а потом, когда сделаешь что-нибудь, как задумал, вдруг поймешь, как я это сделал неловко, и чем больше проходит времени, тем становится стыднее вспоминать. Так вот я, предлагая свой брачный договор, написал, что беру обязанности по обеспечению средств существования – это еще ничего, – но вот «чего»: тут же предложил 500 р. на переезд! Это уже, конечно, из далеких купеческих недр: купчик влюбился и швыряет деньгами. Ляля чуть-чуть дернулась, чуть-чуть сконфузилась, но взять не отказалась, чтобы не пристыдить меня. Сейчас вспомнишь и покраснеешь. Одно утешает: пусть смешно, да не худо, и самое главное, что я сознаю. А вот когда, как у Ефр. Павл. из древней глубины ее крестьянского рода, приходит хищник-собственник кремневой эпохи и при том во всей натуре и без всякой поправки сознания – вот худо!

Новый документ из любви Ляли и Олега мне прочелся, как глава из романа о нерожденном младенце и мадонне без младенца Христа на руках. Но «Песни Песней» тут нет и быть не может, потому что «страсть бесстрастная» не может ее напитать.

Ночь на 6-е Апреля. Все рассказал Яловецкому и ужаснул его, и он, как все хорошие люди, схватился за мое здоровье.

– Разве не видите вы, – сказал я, – что я выгляжу лучше?

– Вижу, вы стали на вид совсем молодым.

Яловецкий открыл мне, что собственническое чувство на отца вообще присуще детям, и потому объединение вокруг матери сыновей, с точки зрения психологии людей кремневого века, вполне понятно. Это собственническое объединение прикрывается заботой обо мне, как бы я не попал в руки такой же собственницы, как они.

Какая же это революция – наш советский свободный брак!

Человек, построивший себе дом (в Рыбной слободке), и адвокат, плохо построивший дачу себе. Так вот тот-то, кто по-

строил *для себя* дом, и есть образ капиталиста, а тот, адвокат, работающий для всех, – коммунист. Отсюда раскрывается война капитализма против коммунизма. Все, что для других, – это серьезно, все, что для себя, – решается легкомысленно.

6 Апреля. Снега крепко лежат. Морозно-солнечный день.

Анализ: «уверчив» (может быть очень хитрым приемом аванса, с тем чтобы лучше подсмотреть за человеком). С другой стороны, «уверчив» бывает и действительно при слишком поспешных действиях, и часто в смысле «авось».

Яловецкий требует удаления Аксюши (нельзя доверяться).

С утра работаю и разрушаю все без сожаления и без упрека себе и даже без грусти: пришло время.

Собственники. Если бы они могли, эти «любящие», личность мою, как источник их благополучия, захватить, то они бы взяли и превратили во вьючного осла. Но они личность мою не могут забрать и потому хватаются за вещи. Комната в квартире, однако, ближе всего к личности и потому прежде всего надо захватить комнату.

Юрист сказал о Е. П.:

– Есть люди, которые, ничего не признавая, бросаются в бой по прямой. Некоторое время их движение невозможно остановить никакими средствами.

– И так невозможно бывает предупредить преступление?

– Как вы его предупредите? Конечно, невозможно.

– У нее сильный склероз, она может умереть во время борьбы.

– Пусть! У нас не домострой и в советскую эпоху каждый может начать новую жизнь.

В 4 д. приехал на «Мазае» в Москву.

Завтра узнать в ЗАГСе технику развода и сроки выполнения, после того командировать П. А. в Талдом добыть удостоверение о браке 1923 или 1924 г.

До своего отъезда 10-го или 12-го ни в коем случае не срываться.

После того, как развод совершится, надо Ефр. Павловне послать письмо, в котором все будет изложено по пунктам[90].

А что теперь делает, что думает, как живет Ляля? Неужели придет время, когда она *всегда* будет со мной? Неужели сумеет она так обработать мое дикое чувство, что оно так и останется навсегда в моей душе? Надежда, нет! – вера моя в нее, вера, что она это сделает и так чудесно сделает, что плена своего я никогда не буду чувствовать.

7 Апреля. Вечером был у Ляли. Она мне говорила о своей любви ко мне, как вступившей в ее душу постоянной тревоги за меня, и что это настоящая, большая любовь. Я говорил ей тоже, что не вижу в ее существе ни одного «слепого пятна».

– Никто мою душу не мог понять – только ты, – говорила она.

И оба мы были уверены, что будем любить все больше и больше и что конца нарастания нашего чувства нет.

– А счастье? – спросил я. – Счастье, – сказала она, – зависит от тебя, это как ты хочешь и можешь. «Могу», – подумал я.

Мне было так, будто Кащеева цепь, которую принял я в жизни, как Неизбежное, на этот раз разорвалась, и я вкусил настоящей свободы.

Надолго ли! Ничего не знаю, но если это Ангел смерти прислан за моей душой, и я хоть завтра умру, то и такое короткое счастье свое перед концом сочту за лучшее во всей своей жизни…

Как ни корявы ее письма, но они гораздо лучше моих поэтических, в которых искусно замаскирована цель – писать красиво. Первое правило в письмах – это чтобы писать их сразу начисто и никогда не переписывать с черновиков.

9 Апреля. Это в глазу, кажется, есть слепое пятно, я же искал такие слепые пятна в существе Ляли. Я искал, не веря в такую возможность, чтобы человек, женщина пришла бы ко мне, и я бы не мог в ней найти слепого пятна. И я до сих пор не могу найти и удивляюсь.

Она писала мне письма, не думая о том, хорошо ли они написаны или плохо. Я же старался из всех своих сил превратить свое чувство к ней в поэзию. И если бы наши письма судить, то окажется (теперь уже оказалось), что мои письма прекрасны, а ее письма на весах тянут больше, и что я, думая о поэзии, никогда не напишу такого письма, как она, ничего о поэзии не думающая. Так, оказывается, есть область, в которой при всем таланте к поэзии, ничего не сделаешь: и есть «что-то» значащее больше поэзии. И не только я, но и Пушкин, и Данте, и никакой величайший поэт не может вступить в спор с этим «что-то».

Всю жизнь я смутно боялся этого «что-то» и много раз давал себе клятву не соблазняться «чем-то» большим поэзии, как соблазнился Гоголь. Я думал, что в этом соблазне поможет мне смирение, сознание скромности моего места, любимая моя молитва: «Да будет воля Твоя! (а я – скромный художник)». И вот, несмотря ни на что, я подошел к роковой черте между поэзией и верой.

Вот тут-то и мнится мне, и показывается «слепое пятно» не у нее, а у меня: слепое пятно на моем творчестве. После нее не захочется мне описывать своих собак, птиц, животных. Вот эта ее сладость духовная, поддержанная небывалой во мне силой телесного влечения, делает все остальное, включая художество, славу, имя и пр., чем-то несущественным, на всем лежит слепое пятно.

И в то же время – это не Чертков и не о. Матвей[91]. Смелость в критике бытовой церкви у нее не меньше, чем у неверующих, она в религиозном деле так же свободна, как я в поэзии.

Итак, если с точки зрения поэтического производства в ней и есть будто бы слепые пятна, то они объясняются моим недопониманием, и надо иметь в себе достаточно смелости, чтобы войти внутрь ее духовной природы, постигнуть ее до конца, обогатиться по существу (не поэтически) и потом с достигнутой высоты начать новое творчество по большому кругозору. И так будет: писать теперь не «красиво», а как она – по существу: тем самым и должно получиться восхождение и такое именно, чтобы ступать за ней след в след, не ослабляя внимания.

В последнем своем признании она заявила, что нашла во мне такое, что не встречала ни у кого: нашла во мне интерес к

ней самой, готовность полную к пониманию ее души и стремление отдать это понимание ей в слове. Вот из этого и получается вечный и как будто неисчерпаемый обмен мыслей в словах и такой сильный, что как будто происходит самое рождение Слова, как будто у нас в задушевной беседе Бог воплощается в Слово. Это началось у нас давно – такой обмен, – а возникшее телесное влечение ускорило и превратило в любовь. И то, о чем я сейчас говорю, о слепом пятне моей поэзии, уже было в нашем опыте. Помню, когда я ей сказал, что для моего творчества необходимо одиночество, она в слезах, рыдая, упала на колени перед моим диваном: «Уходи, уходи от меня, нам надо было встретиться лет десять тому назад, ты для меня старик (устарел)». К счастью, талант во мне оказался так велик, что я преодолел старость, косность, рутину, омолодился и вернул ее к себе, убежденную в моем росте и силе. И мне сейчас даже кажется, что не видно конца моему восхождению.

NB. При моем последнем докладе Ляля сквозь обычное свое недоверие к моим словам в борьбе с без-образием снисходительно и чуть-чуть удивленно и радостно улыбалась моим «победам».

Наталья Аркадьевна при этом решилась даже сказать:

– Как же ты не понимаешь, Ляля, что Михаил Михайлович сильный человек.

Услыхав это «сильный человек», Ляля дернулась и вдруг поглядела на меня, как на ребенка с такой любящей материнской улыбкой, будто заглянула в колыбельку и шепнула себе: «Вот так силач!»

Сегодня утром говорил с Аксюшей о Павловне, как о враге. Но Аксюша сказала, что она вовсе не безнадежна, что в ней искра есть, и она может быть приведена к Богу, и что она не шла в Церковь из-за меня: я туда не ходил и ей того не нужно было. Еще А. говорила, что Е. П. теряется теперь: ведь если самой не взяться за работу, никаких средств не будет довольно, ей всегда всего кажется мало, потому что нет меня самого, неисчерпаемого источника. На старости лет основа подорвана. А за комнату она держится, чтобы угрозой не пустить молодую жену, держать меня в повиновении и страхе.

Так оформляется две политики: 1) Валерия за то, чтобы действовать решительно, без обещаний излишних и компромиссов: отрезать и кончено. 2) Аксюшина политика: вдумываться в положение и, повторяя «не знаю, не знаю», отпускать самую жизнь молоть своими жерновами, а перемелется – из всего мука будет.

Обе эти политики соединяются в личной мудрости, которую, слушая советы людей, можно найти только в себе самом. И этой мудрости, этой «кривой» я и буду следовать, всегда помня, что: 1) надо быть готовым к резкому действию, 2) надо быть внимательным к противнику и, выжидая, заставлять работать жизнь на себя.

Вчера у Чувиляевых мелькнула мне мысль о том, чтобы купить себе где-нибудь в Бронницах домик, как в Загорске, и жить в нем с Лялей, наезжая в Москву. Тогда борьба за квартиру станет борьбой за «люстру» и вообще чепухой.

Аксюша мне сказала, что при моем возрасте всем представляется, будто Валерия бьется «из-за куска».

– Они, – ответил я, – другой жизни, как не из-за куска, и не знают, они животные, но ты-то, верующая, ты видишь Валерию, неужели ты не можешь понять, что это не Валерия, что это Ангел прислан подготовить мою душу.

– И очень просто! – ответила А., – вот посмотрю, правда ли будете говеть, если правда – поверю, это бывает.

Был у Ставского, раненного еще в Декабре. Теперь он еще в постели: нога болит. Когда он увидел меня, то стал восхищаться моей книгой «Жень-шень».

– Разве вы только теперь прочли?

– Я десять раз прочел, – сказал Ставский, – но теперь только понял.

– Что же вы поняли?

– Сейчас я понял книгу, как мучительный призыв, чтобы пришла настоящая женщина...

Тут я остановил его и сказал, что он верно понял и он не один так понял: одна женщина, для меня самая прекрасная во всем мире, прочтя «Жень-шень», пришла ко мне узнать, есть

ли во мне живом хоть что-нибудь от того, который описан в книге. И вот она узнала *меня* во мне, и я узнал в ней ту, которую всю жизнь ожидал. И узнав друг друга, мы соединились, и я объявил своей старой семье состояние войны:

– Вот как войны-то начинаются!.. И так вот в свои-то годы я начинаю новую жизнь...

Ставский был потрясен моим рассказом. И мне очень понравилось у него, что когда я потом намекнул ему, с каким мещанством встретился я, воюя со старой семьей за новую жизнь, он поправил меня:

– Это неправда, что они мещане, просто это огорченные люди.

«Откуда это у него?» – подумал я. И только подумал, вошли дети Ставского, почти взрослая девушка и совсем маленькие. И оказалось, что дети от трех, сменяющих одна другую, женщин. «Так вот, – понял я, – откуда у него взялось сочувствие к огорчению покидаемых женщин».

Когда мы расставались, то он сказал мне, что, если надо будет в чем-нибудь помочь – он поможет.

– Да мне-то, – сказал я, – едва ли...

– Я думал не о вас, – ответил он, – а о вашем новом друге.

Сегодня, когда я шел к Ставскому по Крымскому мосту, моросил теплый весенний дождик, первый дождик, «серые слезы весны». Я мечтал о том блаженстве, когда я через несколько дней буду вводить Лялю в свои владения и называть ей невиданных ею и неслыханных птиц, и показывать зверушек, и следы их на грязном снегу, и что это будет похоже на рай, когда Адам стал давать имена животным. И тут вспомнилось грехопадение и в отношении себя протест: не может быть грехопадения. И, во всяком случае, раздумывал я, мы столько намучились и так поздно встретились, что нам *надо* обойтись без греха, и, может быть, именно грехом-то и преодолеем «грех». И, во всяком случае, нам дана возможность длительного нарастающего в радости своей сближения. Мы сами, конечно, можем где-то ошибаться, но людей в нашем положении легко можно представить себе преодолевающими обычные разочарования друг в друге и последний последующий плен.

Может быть, я сделаю эту ошибку? Нет! я-то не сделаю. Вот разве она? Ну, уж только не она!

И я погрузился в раздумье о ее замечательных письмах и ее необыкновенно глубокой прекрасной любви, и девственной, и умной, и жертвенной, и обогащающей.

За что же это мне достается такая женщина? Подумав, я за себя заступился: «Ты же, Михаил, не так плохо воевал за нее».

И, вспомнив все муки пережитого в этой войне за Валерию, повторял: «не плохо, не плохо».

Ставский сказал, поднимая стакан с водкой: – От чистого сердца за вечную юность: этот ваш новый друг есть величайшее ваше достижение и самое дерзкое. За вечную юность!

На это я отвечал: – Вы говорите, даже не видев, но если бы вы могли видеть, какая прекрасная пришла ко мне женщина!

– Разыщу и увижу! – ответил он.

10 Апреля. Ляля, конечно, замечательная женщина, но ведь и я тоже, наверно, замечательный, если в своем возрасте могу так любить. Но вот чего не хватает у меня против нее: не хватает сознания своей значительности, я вообще похож на царя Аггея[92], который покинул свое царство, чтобы поглядеть на жизнь народа, и когда увидел, то не захотел возвращаться на трон.

История нашего сближения. Я все хватал из себя самое лучшее и дарил ей, и все обещался, и обещался. Она принимала эти подарки очень спокойно и раздумчиво, уклоняясь от своего «да» и своего «нет».

Поэзия – это же и есть та самая «страсть бесстрастная», о которой писал Олег: если углубляться в сущность ее, то и поймешь, почему это во всей мировой литературе отмечено, что лейтенант у женщин предпочитается поэту (дуэль Пушкина). Единственное исключение из правила это, конечно, Валерия.

Когда себе что-нибудь скажешь твердо «так надо», то тем самым себе и отрежешь путь в стороны, и сомнения возника-

ющие тоже гасишь. Я это знаю по себе и потому внимательно следил за Лялей, когда она сказала сначала «люблю», а потом «верю», – не замечу ли я у нее борьбу с соблазном отказаться. Ничего я заметить не мог.

Когда я Ставскому рассказал, как гнусно я чувствовал себя на войне в качестве писателя[93] и как я спасся от гнуса бездействия санитарной работой, он ответил, что не совсем согласен со мной. И рассказал, что психология воюющего очень проста: постепенно в нас разгорается ненависть к врагу, страстное желание с ним покончить.

Ходил на Бахметьевскую (переехали), увидел Лялю без подготовки к моему приходу и ахнул: до чего она извелась! И мать извелась! А я ходил и не замечал. Мать хотела на кумыс ехать, осталась, боится за дочь. Дочь хочет ехать со мной – боится мать оставить. Ляля сказала мне:

– Напрасно резиновые сапоги покупал, я теперь могу только лежать, и только этого хочется – лежать и лежать.

И почему не я помогал при переезде, а «Умный пьяница»?

Все произошло оттого, что в жизни своей никого не любил, и вот теперь попал в огонь...

Ну и что же? Если Ляля слабая, надо ей помочь, не сумею помочь... я буду любить ее... Мне кажется, что я так люблю ее, что любовь эта от болезни ее сильнеет у меня и спасет ее.

11 Апреля. Аксюша спросила меня:

– Вы сознаете, М. М., что в свое время ошибку сделали?

– Какую?

– Да что сошлись с Е. П.

– Сознаю.

– А если сознаете, то должны ошибку поправить и дожить с ней до конца.

– Это, значит, и себя погубить и мою любимую женщину, и мать ее.

– Вы же веруете в Бога?

– Верую, но считаю того бога, которому жертва нужна, как ты говоришь, Сатаной. Я же тому Богу служу, который творит любовь на земле.

Вопрос: Почему эта любовь поднимает во мне неведомые жизненные силы и радостный трепет перед будущим достижением в оправдание мук настоящего?

И почему она, несомненно, тоже любя, изводится и всякую радость закрывает безнадежностью? Ее как будто ведешь на страдание, на Голгофу. И почему она не хочет принимать никакого участия в этой борьбе? Пусть бы тоже, напр., через своего «Умного пьяницу» взялась бы достать хорошего юриста и мало ли какую помощь бы дала в борьбе. Пора бы бросить стыд перед тем, что «люди скажут» и поймут ее борьбу не за мое спокойствие, а за свое личное счастье.

Это все оттого, что измучена она жизнью и преследованием Страдающего бога: не хочет верить счастью – и чувствует, что заслужила его.

Ездил к Ляле с предложением взять с собой Наталью Аркадьевну. Что же касается Нат. Арк., то она для этого очень устала и им хочется отдохнуть друг от друга.

Вообще они были искренно растроганы, и Ляля говорила матери: – Ну как же такого-то и не любить!

Да, тут у меня на Лялю поставлена жизнь, и если тут провалится (только это не может быть), то мне остается уйти в странничество, жить ради Христа, и тут возможна радость такая, какой я не знавал. Вообще, главный источник радости является, когда жизнь бросается в смерть, и эта добровольно принимаемая смерть уничтожает в сознании страх и зло физической смерти (смертию смерть поправ)[94].

У Ляли душа столь необъятно мятежная, что лучшие зерна большевистского мятежа в сравнении с ее мятежом надо рассматривать под микроскопом.

Я давно это понял, и, наверно, это было главной силой души, которая меня к ней привлекла! Это революционер в священном смысле движения.

Как это ни смешно, а впервые я это в ней почувствовал, когда на вопрос мой: «А где эта церковь, где мы будем говеть?» – она ответила: «Эта церковь у черта на куличках».

Как же ей противно, как должна она была мучиться, какому испытанию подверглось ее чувство ко мне, когда Ефр. Павл. открыла войну из-за своей личной огорченности.

В сущности, она содержит в себе весь нигилизм и атеизм русской интеллигенции, поднимаемый на защиту истинного Бога против Сатаны, именуемого тоже богом, против Антихриста. В этом я ей по пути.

12 Апреля. Легкий утренник с солнцем. Сегодня в 3 ч. дня наша брачная пара садится в «Мазай» и отправляется в Дриандию. Вот уж заслужили, до того заслужили, что еще бы немного, и я повез бы не Валерию, а какую-то желтую тыкву.

А еще, кроме склонности к мятежу, у нас с ней общая черта, это «будьте как дети», и склонность к игре глубокая, внутренняя и непобедимая.

Это замечательно, что когда свобода любви (была давным-давно) в государстве стала законом, в обществе, испуганном бытовой формой выражения этой свободы, среди лучших и умных людей в подсознательной области души еще долго сохранялась старая, злейшая брачная косность. И так у нас на Руси во время революции складывался консервативный класс людей. Все наши знакомые, хорошие люди, большей частью такие консерваторы.

А Лев Толстой. В том-то и дело, что в огромном большинстве Начала не сходятся с Концами, точно так же, как Рождение (счастье) не сходится со Смертью (несчастье). Между тем, во всяком творчестве основа – это единство Начала и Конца («любовь одна»). В этом оправдании Конца перед Началом, быть может, и есть весь смысл творчества и весь смысл культуры. И вот самое замечательное в нашем романе с Лялей, что в нем таится эта идея единства и оправдание: у нее это прямо биографически выражено... да и у меня тоже перекидывается ясно арочный мост к Единственной моей юности.

В 3–4 часа дня «Мазай» приехал на Бахметьевскую. Ляля сидела на стуле желтая, измученная до «краше в гроб кладут», и, как после оказалось, готовая к отказу мне (расстаться на вре-

мя равносильно отказу). Нат. Арк., смущенная, отстранилась в этот раз от сочувствия мне. И когда Ляля сказала мне так: «Не верю тебе!» – мать безучастно смотрела на меня, будучи в полной зависимости от Ляли. В этот момент представилось мне, как я полчаса перед этим в пальто вошел к Ефр. Павл., положил перед ней деньги, и она мне сказала: «А комната моя, комнату никому», и я ответил холодно и резко: «О комнате решит суд». И вышел. И вот теперь: там все сгорело, и тут «не верю». Я почувствовал в себе холод, начало злого решительного действия... Однако холод как-то не стал распространяться по телу, замер, и пришла слепая точка души, когда все делаешь механически, не сам, каким сейчас бываешь, а каким был перед тем. И она тоже механически отдала свой чемодан Акимычу. Ехали в раздражительном состоянии, я вовсе не понимал, в чем я виноват, за что она меня мучит (она же мучила меня за себя и отчасти из ревности к Ефр. П.: что я мучусь).

19 Апреля. Прошла с 12-го неделя почти сплошь солнечная, неделя движения березового сока неодетой весны. Тогда 12-го Ляля из «Мазая» глядела на пустую землю и говорила: «Не знаю, что ты находишь хорошего в неодетой весне, какая-то пустая земля». Теперь она говорит: «Мне теперь с тобой живется, как с Олегом, я тебя люблю больше мамы, а неодетая весна, признаю, лучшее время года».

Прошли дни, которых нельзя было записать. Но счастье в том, что дни эти не только не прошли, а и не могут пройти, пока мы живы: дни остаются, и если не записаны, то можно о них написать.

В природе была неодетая весна, у людей незаписанная любовь.

Сегодня Ляля уезжает на какой-то день-два, много три, но мы прощаемся, как будто расстаемся на три года. Она меня перекрестила и велела себя перекрестить. И когда я руку свою, меряя по себе, провел справа налево, она поправила и помогла вести от меня слева направо. Это вышло у меня оттого, что, крестясь иногда, я думал только о себе и впервые подумал о другом.

Взялся, по ее совету, утром вставая и ложась вечером, креститься с молитвой Иисусовой: «Госп[оди], И[исусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], помилуй меня». Внешне все делаю и усиливаюсь думать в то время о ней, но чувство не загорается. Сегодня же попробовал к молитве прибавить от себя и стало хорошо: «Госп. И. Х., С. Б., помилуй меня и сохрани до конца жизни нашу любовь». Так вот и буду молиться по-своему и каждый раз к новому повторению молитвы Иисусовой приращивать что-то свое. Это будет у меня называться – молитва о любви. Я буду каждое утро добавлять новое, отвечающее характеру движения чувства данного отрезка времени, после молитвы буду записывать, а на вечерней молитве повторять. Самое главное в этих молитвах должно быть живое чувство в своем движении и мысленном обогащении и расширении. Стоя на молитве, надо вспоминать и собирать мысли. Вот, напр., отмечаю наш разговор сегодня о любви. Она сказала:

– Бог есть любовь.

Я: – Не только любовь.

– А что же еще?

– Я чувствую Б. часто как Целое, и мне радостно бывает в целом занять свое место и сказать: «Да будет воля Твоя!» Когда же я займу свое место, сердце мое открывается, и начинается мое любовное внимание к твари. Так что у меня сначала бывает: «Да будет воля Твоя», а потом приходит и Бог как Любовь.

С этим она не спорила, и, наверно, это нельзя и оспаривать, мне дано понимание жизни через творчество, ей прямо через любовь.

Я пошел проводить ее в Кривцы, перед этим, оставляя комнату, мы долго прощались, и, казалось, невозможным одному остаться в этой комнате...

Автобуса не поймали, вернулись домой до вечера. Сидели на лавочке, пошел теплый дождь, я обрадовался, она же дождя испугалась, она не привыкла. Свистели скворцы, гуси летели: весна воды в полном разгаре.

Запомнить для описания любви, что любящие, развиваясь движением чувства, непременно возвращаются к пережи-

тым этапам и, вспоминая, обсуждают прошлое в новом понимании.

Любопытно еще, как наши родные, ее отец, мать и ее знакомые разные и мои тоже родные, знакомые постепенно входят в общую нашу жизнь и начинают с нами жить: это своего рода воскрешение мертвых[95].

Воспоминание из страстной ночи с 17-го на 18-е, когда оба мы почувствовали какую-то царапинку в чувстве.

– Ты чувствуешь царапинку в чувстве?

– Да, чувствую, но мне хорошо, я наслаждаюсь состоянием единства в полном безмыслии. В этом плане так и надо.

– Так надо, конечно, до какой-то степени, а потом надо усилием учиться поднимать чувство выше.

– Туда, где мысль начинается?

– Ну, да, где мысль и новое единство в различии: каждый по-своему, и оба в единстве. Понимаешь?

И когда я ушел к себе, то она и заключила:

– Ну, теперь могу спокойно уснуть, теперь опять начну любить!

Так она боится и борется с единством любви при безмыслии. По-видимому, в этом и есть ее призвание – отвоевать мысль из страстного единства, быть акушером новорожденной мысли. Ново в ней и, может быть, единственно, что, отстаивая мысль, она ни капельки не делается умной женщиной...

Вера складывается в борьбе столь различных элементов ее, что Ляля, по-моему, вмещает в себя весь атеизм и нигилизм русской интеллигенции, а что остается в натуре ее или в заработной части личности, то и есть ее вера. Так вот в память отца, она каждую Вербную должна соединиться с матерью. Но если она сейчас любит – эта любовь живая больше прошлого, покойники могут подождать, а милый ждать не может. И она, отбросив все пред-рассудки, идет к милому.

Около 6 веч. мы вышли в поле. Оба согласились, что двум стоять в ожидании автобуса, когда одному ехать, другому оставаться, – нехорошо. И она пошла полем в Кривцы, я в лес на

тягу. Долго мы оглядывались, пока она не скрылась за хвостиками леса. Я почти не почувствовал утраты, потому что душа ее прилетела ко мне и сопровождала мой путь в лес.

Дождик теплый на глазах вызывал из земли зеленую траву, обмывал почки. Я, чтобы не вовсе промокнуть, стал под большой сосной, ружье положил на землю, руками назад обхватил дерево и стоял два часа в ожидании вальдшнепов точно в таком со-стоянии с деревом, как с Лялей, тоже вихрем вырвались из сладкого единства мысли разные, как протуберанцы из солнца, а глаза в то же время спокойно и безучастно следили, как по веточкам у почек сбегались светлые капельки, росли, тяжелели и падали, как прилетела маленькая птичка – хохлатый Королек, и в двух шагах удивленно глядела на меня...

Раньше мне всегда казалось, будто я вхожу в природу как бы с краю, и дальше она постепенно меня охватывает и покрывает собой меня, как покрывает лес высокий всех своих маленьких существ, и я оттуда, из недр природы взываю к Целому миру, как ничтожная часть его: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»[96]. Теперь же я, обнимая сосну, как будто всю природу обнимаю и заключаю в себя, и все совершится если не прямо во мне, то где-то близко, где-то у меня на дворе. И это все, весь этот переворот, происходит только потому, что я теперь не один и со-гласен в чувстве величайшей благодарности с другим существом. Раньше мне надо было смиряться до твари, взывая из темного леса: «Да будет воля Твоя!», теперь, как в раю, тварь приходит к нам, теперь мы и ее раз-личаем и каждому лицу даем свое имя.

Вальдшнепы сильно тянули, но старыми патронами рассеянно и плохо стрелял.

За два часа в со-стоянии с сосной перебирал этапы движения моего чувства «незаписанной любви» и все старался распределить материал пережитого в нарастающих кругах развития одной и той же мысли о единстве материального и духовного мира, плоти и духа. И мне казалось, что если бы удалось мне на глазах у людей раскрыть эту завесу, разделяющую мир духа и плоти, то мне удалось бы создать полный распад всего того, что люди называют ценными устоями жизни. Тогда бы Мысль человека была всегда в своем происхождении из чувства любви, и

любовь бы стала одна во всем мире для всех людей, как родина Мысли, Слова и Со-гласия.

Наша Святая неделя пришлась на шестой неделе поста от 12-го вечера и до вечера 19-го.

Хрустальная ночь. Ляля прочла мне какое-то письмо; переживая его, я уснул у нее на руке возле груди в каком-то легком хрустальном сне, и когда проснулся, увидел ее над своим лицом в необычайном радостном возбуждении. Она была счастлива тем, что я спал у нее, что я был для нее в этом сне, как ребенок, и она, как мать: и у нее наяву от этого были тоже хрустальные сны. И все три-четыре дня ее запрета у нас были такие сны, золотые, хрустальные и после вечерних молитв сон гусиный о том, что гуси летят не по одной только радости, а и по долгу (нудятся), и что это гусиное «нудится» является вторым, черным ходом в природу. После этих хрустальных снов кончился запрет, и то, что было и страшно, и стыдно, явилось в необычайной простоте, невозможной для записи. Только можно записать, что она твердила: «Ты мой муж». Я же твердил: «Ты моя жена». И тут же она поясняла, что мужа своего теперь мужем не считает и вообще думала, что мужа у нее и быть не может.

После того как мы дошли в любви до конца, я, удовлетворенный, стал пить чай. Она осталась в постели. Я почувствовал, что не надо бы ей после этого одной оставаться. Ее в кровати охватила ревность за идею, она подумала, что, может быть, я и совсем отошел от нее, что я «достиг». Ее же идея в том, что нет достижения, и всякий момент любви, духовной или чисто плотской, равноправен в движении. К вечеру после чая она стала мрачнеть и сердито затаиваться. Во время приготовления ужина я поцеловал ее в локоть, она подумала, что я хотел этим поцелуем маскировать отсутствие чувств и отодвинулась к окну. Я же подумал, будто я ей надоел. Так мы поужинали, и я лег в кровать. Она тоже легла с отчаянной мыслью, что вся любовь пошла прахом.

– Ты о чем думаешь? – спросила она.

– Я думаю о лужицах, по которым мы сегодня ходили, – ответил я.

– Врешь! – сказала она. – Прощай! – и замолчала.

– Прощай! – ответил я и замолчал.

Через некоторое время она сказала:

– Ты что же это, значит, не придешь ко мне?

– Разве можно? – удивился я и бросился к ней. И долго, долго, уже несколько часов спустя, был у нас разговор (про царапинку в чувстве).

Я вышел из дома, месяц светил, звезды. Почему-то я вдруг почувствовал себя старым, немытым, небритым, неинтересным, а ее блестящей кокеткой в светском обществе. И мне стало жалко себя до слез. Вернулся я с мутными глазами.

– Ревность! – удивилась она, – вот ты выдумал, ревность к женщине, которая собиралась постричься[97] и приняла эту любовь, как отсрочку смерти перед смертью.

– Глупо, конечно, – ответил я, – но ведь и всякое отклонение от основного русла жизни кажется глупым, разве ты не можешь полюбить кого-нибудь?

– А если так будет, ты представь мне мое письмо, как документ.

– Умная женщина, а говоришь о документе в любви. Ты сама написала мне, что веришь мне и считаешь себя женой, а 12-го сказала: «не верю», несмотря на документ. Любовь свободна, и я готовлюсь сжечь все документы... Я ведь только перед месяцем и его звездочкой выказал свою тревогу и тебе сказал лишь на основе нашего договора о правде. Это не у тебя, не у меня, а в составе самой любви заложено чувство ревности, но как человек я готовлюсь к жертве на случай необходимости. На это она ничего не сказала. Я же ей напомнил Олега:

– Что мог сделать Олег, когда ты пошла за другого? А я разве не могу попасть в его положение? Только я должен на случай приготовиться и не упрекнуть. Так и буду любить тебя и буду готовиться к тому, что ты меня бросишь, готовиться облегчить не свою, а твою боль обо мне.

Ничего нет, и трудно подумать о возможности, но как хороший хозяин я готовлюсь теперь, когда все есть, к невозможному.

Я подошел к ее постели и до того спокойно, уверенно открыл одеяло, что сам себе удивился, и она, как призналась,

тоже очень удивилась себе, как спокойно и радостно дозволяет хозяину – мужу войти к себе.

– Не избаловать бы, – сказала она.

– Пожалуй, – согласился я.

– Пожалуй, – сказала она, – это уже и совершилось: ты избалован.

Кто для кого?

– Ты же для литературы существуешь...

– Нет, я существую для Валерии, а Валерия существует для литературы.

– Нет, Валерия для тебя, а ты через Валерию – в литературу.

В «Крейцеровой сонате» сказалась вся сила изуверства в презрении к плоти посланника Сатаны. И через это раскрываются глаза на всю культуру этого разделения: так все и нужно это раскрыть, нужно всем глаза раскрыть на это (мысль Ляли).

20 Апреля. Вербная суббота. С утра туман и теплый дождь, первое начало позеленения на дорожках, в первый раз после Святой недели в отсутствии Ляли берусь за перо. Настолько сильно чувствую Л. возле себя, что от разлуки не страдаю, и мне хорошо. В сторону же Ефр. П. и сыновей ни малейшего чувства, кроме ожидания какой-то неприятности с их стороны. Замечательно, как успокоилась Ляля относительно Лаврушинского, когда уверилась в нашей любви. Очевидно, все споры со мной были из недостатка доверия.

Дорвался до работы и до вечера писал. Наметилась «Брачная ночь» и, кажется, замечательно. На тяге в отношении охоты опять было мало страсти, и все думал о своем.

Раньше в природе я как в море плыл на корабле, и меня природа окружала, как на корабле. Теперь же в природе я стою, как у берега моря, и этот берег – мой друг.

Еще я думал на тяге о справедливости разрушающей силы всего Нового Большого, идущего против Старого Маленького и сокрушенного. И что есть милые, прелестные существа и соз-

дания, обреченные на гибель. Но есть в этом всеобщем исполнении закона развития непонятные исключения: в этом Малом, обреченном, открывается такая сила сопротивления, что на его сторону становится само Будущее. Так мы знаем все, что в «Медном всаднике» будущее не за Петром, а за Евгением. Так и борьба этой девочки Ляли за себя, за свой любимый мир...

21 Апреля. Вербное воскресенье. Сегодня удалась моя утренняя молитва. Я просто, как друг, попросил Иисуса Христа помочь мне уберечь Лялю с собой до конца жизни. И в ответ на эту просьбу получил уверенность в том смысле, что: «Все зависит от тебя самого, если ты будешь со Мной, она неизменно будет с тобой». После того я увидел ее как бы окруженную тем паром или дымкой, которые исходят от земли в Апрельские дни, через которую смотреть – все видимое колышется и преображается. Мне она была и как обыкновенная женщина, и как еще нечто, чего у всех нет. Странно было, что через это мне открылось правило чисто практическое, правило отношения к ней. Ни в коем случае не надо мне влиять на нее в отношении литературной помощи чисто практической, кроме того, что если самой захочется. Еще надо искать в отношении внутренней помощи, что же касается внешней, то она этим и так по существу своему преисполнена во всех отношениях слишком достаточно. Надо, напротив, стараться дать ей самой пожить хорошо: она это заслужила, и вот этим именно усиленным вниманием и можно удержать ее навсегда. И это в своих руках: любишь – и будешь держать, разлюбишь – уйдет.

Когда чего-нибудь в жизни ждешь со всей страстью, то в ожидании сама-то страсть ведь не расходуется. Так я всю жизнь свою ждал ту женщину, которая была у меня в юности. Я ждал ее, и когда она через мое ожидание пришла, то я все сохранил у себя для нее и встретил, не чувствуя приближения старости. Но удивительно мне было в то время оглянуться на людей, как они все пошли против священного огня, сохраненного в золе жизни от юности, и все упрекали меня в старости, и потихоньку над этим смеялись, и судили о моей любви «с физиологической точки зрения». Глупенькие, не понимают, что даже и

с этой стороны я был сильнее их. Мне было трудно, конечно, бороться с ними внешними средствами, но я внутреннюю силу свою глубоко сознаю и за свою любовь в бой вступил, и, отбросив жалость, так называемые привязанности и другие рабские чувства, вступил в бой, готовый на все жестокое даже, без чего не бывает войны.

После обеда явилась из Москвы Клавдия и сказала, что в Лаврушинском ее встретила «небольшая плотная женщина». Этого довольно было. Не уехала! И на сколько счастья прошло за неделю, на столько здесь злобы. Теперь я уж больше ни видеть ее, ни говорить с ней больше не в состоянии. Очевидно, что жил перед отъездом на нервах только, и когда оправился, полученный шок при напоминании режет душу. Вот отчего тот или иной человек «ни с того, ни с сего» вдруг дергается, мигает, таращит глаза, кривит рот и т. п.

1) Дождаться Лялю. 2) Связь с Аксюшей. 3) Срок ультиматума. 4) Развод и суд.

Лично ни в чем не участвовать, работать и беречь Лялю.

Тужить теперь не надо: самое главное, чего тогда не было, теперь со мной. Это что Ляля со мной, что она зажжена не менее моего, и для двух все пустяки.

Извращенная любовь – это от слабости духа, и это есть не «поднимать» любовь, а опускать. Все это она понимает, как губительство всего святого. Пишу сейчас лишь для того, чтобы унять поднявшуюся тоску от вести о Ефр. Павл.

Собирая том «Дневника», читаю свои искренние записи и даже в этих чисто художественных вещицах чувствую упрек своей жизни. Так вот описывается, что приходит тоска, и так об этом говорится, будто она неизбежна. Между тем, с тех пор, как знаю Лялю, нет этой тоски. И так вот жизнь эта отшельническая по существу только эгоистическая, по существу духовная с аскетическим презрением к самой жизни. И это в глазах чудаков имело вид «Пана», и сам я... охотник! Ай-ай-ай, выходит аскетизм-то был предпринят ради литературы о Пане. Из-за этого призрака замариновал себя в банку и так провел жизнь,

как наконец все оборвалось и захотелось страстно получить то, что есть почти что у каждого.

Бывало в этом романе и самого факта нет, а я делаю вывод из мнимого факта, как из настоящего. Взять, напр., поцелуй. Кажется, нет ничего более обманчивого: поцелуй может и совсем ничего не значить, а покажется Бог знает чем.

22 Апреля. Ночью призывал к себе Лялю и постепенно к утру, на молитве понял, что любовь моя к Ляле – *вся любовь*: что это чувство, сосредоточиваясь в Л., обнимает весь мир, преходящий и вечный. Эта собранная любовь (вся любовь), поднимаясь во мне, потому стремит меня к молитве, что нуждается в вечности. Продумав это, я уверился окончательно в правде своей при борьбе с Ефр. П. и ненависть к ней, которая вчера поднялась, перестал испытывать. Она получает то, что заслужила.

По-моему, Л. полюбила меня по-настоящему именно в те минуты, когда я уснул в постели на ее руке, тут что-то ей пришло от «спи, дитя мое», от ее призвания. Проснувшись, я изумился на нее: Мадонна, и даже свет от лица...

Анализ ее слов: «мне кажется, я люблю тебя больше мамы». А, между тем, сказала после очень чувственной ночи. Любовь же к маме у нее вышла из любви к Богу... Этой любовью она сама удовлетворяется... Не в состоянии анализировать, надо спросить у нее.

Предисловие к «Дневнику».

Эти мои заметки в дневниках.

В отношении движения сердца своего во время работы над литературными произведениями я вижу три пути:

первый путь – это писать для прояснения или радования своего собственного сознания, это, значит, писать для себя;

второй путь – это писать для всех,

и третий – писать для определенной личности, любимого человека.

Огромное большинство всего написанного мною пишется для себя, а потом из этого выбирается для создания вещи для всех, часто под предлогом обращения к «другу».

Писать для определенного лица, любимого человека мне мало приходилось, потому что даже при отражении искреннего чувства в письмах этих я ловил в себе литератора. И думаю, что, может быть, этот третий путь личного обращения есть не литературный путь и не поэзия, а просто жизнь.

Из двух же оставшихся путей, для себя и для всех, путь «для себя», по-моему, имеет решительное право на существование, как надежнейший путь питания литературы «для всех».

Желая эту мысль развить в примерах, я хотел, было, свою новую вещь «Неодетая весна» представить, как она собиралась из этюдов, написанных для себя. Эта работа, однако, так меня увлекла, что я вышел из сезона «Неодетой весны» и собрал написанное для себя и про осень, и про другие сезоны.

Огромное большинство записей мгновенны и так неожиданны для сознания в своем явлении, что писатель еще не успел излукавиться, как это бывает почти всегда в крупном произведении. Миниатюра, как искреннее...

После обеда явилась из Москвы Ляля, полуживая, с кашлем, с гриппом. Рассказывала о свидании с Аксюшей, о том, что Павловна не сдается... 5-го Мая назначено свидание с юристом. Даю обещание больше одну Лялю не отпускать в Москву.

Наше свидание после 3-х дней разлуки было такое радостное, такое бурное, будто год в разлуке прошел.

Хлебнув нового горя, Ляля как будто возвращается в свою привычную стихию мук и радость минувшую хоронит.

23 Апреля. Ночь любви, на которую не всякого и молодого-то хватит, дала мне только счастье, и утром я встал бодрый и бесконечно благодарный моей подруге.

Если, лежа возле Ляли, с ее рукой под головой, уснуть невинным сном ребенка и потом открыть глаза, то окажется, что она не спит, а глядит на тебя с глубокой нежностью и счастьем. Во время этого сна окажется, она жила какой-то своей отдельной жизнью... В этот раз я спросил ее, какая во время сна моего

у нее бывает любовь, та ли, как было перед тем. – Перед тем, – сказала она, – была у меня любовь к тебе, как к мужу, теперь я люблю тебя материнской любовью. Но этой материнской любовью я люблю не одного тебя и могу любить многих.

Мне пришло в голову, что в этой любви «к мужу» таится, конечно в преображенном виде, то собственническое чувство, которое Ефр. Павл. называет тоже любовью и ради этой собственности способна уничтожить меня самого. Напротив, в той любви Ляли, как она говорит «материнской», таится ее сокровенное желание достигнуть радости «умереть прежде смерти».

Есть во всем образе Ляли что-то ребячье, как у меня в такой же степени мальчишеское, и в этом «будьте как дети» мы находим себе соединение той любви и другой.

Вечером перед сном мы вместе молились, она перед образницей на коленях, я – из-за печки. Не знаю, можно ли назвать это состояние собранности в любимом молитвой, но мне делается очень спокойно на душе и рождается уверенность в том, что я сохраню чувство свое к Ляле до конца.

После молитвы, лежа в спокойном состоянии с Л., я сказал ей:

– Мне кажется иногда, что источником моей любви к тебе служит мое особенное со-чувствие к твоему страданию: мое со-страдание. И подчеркиваю как странность для меня: чужое страдание мою природу отталкивает, а твое, напротив, служит источником даже и моей природной мужской любви, – как это понять?

– Это понять надо, – ответила Л., – что ты любишь меня по-настоящему и что я тоже тебя люблю по-настоящему, и твоему желанию я отвечу, мне кажется, если даже буду сама умирать.

Ходили на тягу с Акимычем, и он по пути рассказал мне, что Ефр. П. в крайне возбужденном состоянии советовала ему сушить сухари на дорогу в Сибирь вместе с Лялей, что она, жена орденоносца, постарается сделать им это удовольствие... Мне она еще грозила стрихнином...

Надо понимать, что по существу Павловна находится в безумии, но действует она в стиле крестьянской мелкособственницы: ее сознание мечется между убийцей и собствен-

ницей, и оттого-то она показывается то так, то по-другому. Двухмесячная борьба с ней породила во мне такую травму, что сил для спокойного тактичного разговора с нею у меня больше нет, и я вынужден действовать через юриста. К этой туче присоединилась другая: необходимость в очень скором брачном оформлении Ляли[98].

24 Апреля. Холодно, мороз, ветер.

Медовый месяц в разгаре, и все хорошо: разговор без умолку.

Чтение письма Олега о постриге...

Ляля сказала, что в ней все начинается от меня и ничего по своей инициативе, что «своя инициатива» в этих отношениях ей кажется бесстыдством. Между тем вокруг нее складывалось представление о «русалке».

25 Апреля. Великий Четверг. Читали последнее письмо Олега, и его страданья вызывали образ Христа распятого. Мне было особенно близко заполнение его душевного мира скорбью об утраченной душе Ляли: в мире больше ничего не осталось, ни людей, ни природы, ни искусства, кроме этой скорби об утрате Ляли.

Мне было близко лишь это заполнение своей души другой душой, но основное чувство, конечно, обратное. Мне теперь складывается все так, что цельный физически-духовный образ Ляли целиком сливается с тем, чего я достигал своим писанием. Смысл моего будущего искусства, его назначение заключается в том, чтобы привязать Лялю к земной радости, с тем чтобы она побыла с нами. Я, конечно, и раньше бессознательно точно так же относился ко всему искусству, мне всегда хотелось своими силами удержать на земле переходящее мгновенье. Теперь это мгновенье перемещается в сердце Ляли, и судьба моя, как писателя, совершенно сливается с моей судьбой, как мужа: сколько мне удастся удержать Л. рядом со своей душой, столько же удержусь и я, как писатель.

Приблизительно половину времени нашего трехмесячного романа Ляля со вздохом и скорбью время от времени

повторяла в паузах наших бесед: «Ах, зачем, зачем я это сделала!»

Она думала о браке своем с Александром Васильевичем. Вторую половину времени, когда отпала тяжесть долгов, она говорила о том, что скоро напишет ему отказ. И не могла написать. И, наконец, теперь, когда наши брачные отношения стали таким фактом, что и говорить об этом нечего, она решилась написать. Письмо это было до того дипломатическое, до того двусмысленное, что я затужил. Она написала другое, еще хуже. Тогда я стал резко спорить с ней и даже вызвался, как это ни трудно мне было, сам написать. После того вдруг она что-то поняла, просветлела, обрадовалась, стала целовать и благодарить меня и отчасти упрекать в том, что я не посоветовал ей раньше этого сделать.

– Ты ведь должен выводить меня на правдивую жизнь, как же это ты, понимая все, унижал меня худым помыслом и не решился прямо сказать?

Я ответил ей, что не смел. После того она быстро написала ясное, решительное и правдивое письмо о том, что нашла во мне человека, близкого к Олегу, и надеется, что с ним она выйдет на правдивый путь. После этого письма сгорела одна из последних разделявших нас перегородок, и сильно окрепла моя решимость идти с ней до конца.

На ночь читала она мне Евангелие. Знакомые с детства священные слова как-то особенно благородно упрощали мне сущность жизни, и сама Л. в своем стиле до того сливалась с Евангельским стилем, что ясно-ясно открывался мне путь жизни моей – понимать и принять Х[риста] без раздумья, и Лялю любить просто такой, как она есть. После вечерней молитвы вместе с ней душа моя переполнилась чувством такой безгрешной любви, что долго не мог оторваться от ее груди, и даже утром, когда проснулись и встали, все как вчера наслаждался простотой и благородством то ли ее самой в ее чувстве ко мне, то ли прочтенными страницами Евангелия.

26 Апреля. Спокойное солнечное утро. Ляля, время от времени покашливая, спит за печкой. Не сомневаюсь, что скоро,

очень скоро вернется ко мне. Скоро с Лялей, как с природой, будет сливаться моя душа и в радостном сознании Целости мира, нас обнимающего, я с большей силой вернусь к своей работе. Нам остается стряхнуть с себя последние «долги» и потом так «умириться» с оставленными людьми, чтобы сердце не болело и не мешала эта боль...

Ляля сегодня говорила, что не любит что-нибудь у Бога просить, что ей это выпрашивание не по душе: какая-то торговля с Богом. – А выпросить, – сказала она, – видимо, можно. Александр Васильевич говорит прямо, что он меня у Бога выпросил.

– Почему ты думаешь, – сказал я, – что это он тебя у Бога выпросил?

Она изумилась вопросу и ответила:

– Да, я думаю то верно, что он не у Бога выпросил.

Момент искушения в жизни Ляли был, когда отец был в опасности, и она молилась горячо, как никогда в жизни, чтобы Бог спас отца. И Бог не спас.

– Как же ты в это время не бросила Бога?

– Могла бросить, но не бросила. Только страшно бывает иногда подумать, что никому это – ум – во мне неинтересно, а требуют, чтобы я была им женой, любовницей и т. д.

Ляля вместе с хозяевами готовила Пасху и куличи. Я помогал и восхищался ласковой формой обращения Ляли с простыми людьми. Первую женщину вижу возле себя, которая хозяйствует без раздражения, напротив, хозяйствуя, как бы всех нас ласкает.

– Ты что же, Ляля, – спросил я, – неужели никогда не сердишься, никогда не споришь?

– С неравными людьми никогда, – ответила она, – спорю и раздражаюсь только с равными.

Получен ответ Левы, холодно расчетливый и без конца циничный, похоже было, будто я, величественный дуб, был повален ветром, и люди смотрели на мои вывернутые корни и говорили: «Вот и все».

Ляля отнеслась к письму до крайности спокойно и даже меня успокоила: ей теперь совершенно все равно, где жить, в Лаврушинском в 4-х комнатах, или где-нибудь в двух. Выясняя причину такой перемены, пришел к заключению: теперь она окрепла и очень спокойна.

Я был очень спокойно и радостно настроен, как оказалось, исключительно волею Ляли. Как только загасили огонь, и я остался наедине с одним самим собой, началась во мне глухая тоска, связанная с мыслью о недостоверности всего моего прошлого. А мое прошлое состояло в подвиге ради поэзии.

Вот теперь представил себе столь волновавшие меня раньше явления природы и удивляюсь себе теперь, – как могли они меня волновать? Мало того! не могу вспомнить ничего написанного мною, что оставалось бы теперь, как прочное основание моего самоутверждения. Все кажется теперь легкомысленным по существу и тяжким по исполнению. Лучше бы уж родиться бы просто каким-нибудь гусаром что ли, вроде В. С. Трубецкого. И та достоверность, что меня читают маленькие дети и учатся добру, – тоже не удовлетворяет: мне-то что самому, и разве существо мое в детях, и чем они заслужили того, чтобы я отдал себя для них, а и вовсе даже я и не отдавал себя, а все добро восходило из моей потребности писать хорошо, все – от артиста.

Недостоверность всей моей жизни охватила меня, и в напряжении устремления глаз в темноту корка земли, земного шара стала коробиться, пухнуть, лопаться пузырями, как тесто. Тогда я почувствовал, что к этому состоянию духа подвела меня Ляля и что уйти мне от этого страшного испытания больше уже невозможно, потому что вся душа моя теперь заполнена ею. Оставалось теперь только, чтобы сама Ляля оставила меня, чтобы, как у Олега, душа моя попала в такое страдание. Когда же я так подошел к границе, разделяющей мир здешний и загробный, то живой наивный человек пробудился во мне с большой силой, и – вот смешно! – я вдруг нашел себе «достоверность»: 1) необходимость добыть паспорт для Ляли, 2) достать ей квартиру, 3) поставить на литературную работу. На этом с жизнью я помирился и заснул до утра.

27 Апреля. Приехала к нам жить Нат. Арк. Встреча матери с дочерью вышла хорошая, и я был очень доволен, потому что я же все устраивал.

По случаю гриппа у Ляли в церковь ночью не пошли, но Л. перед образницей при лампаде прочитала пасхальные молитвы. Во время чтения я думал, очень довольный, что вот какой беспорядок был у меня в жизни, какой хаос в душе, сколько путаницы в голове, а пришла Л., и вера приходит, и мысль, и постепенно все вокруг становится на свои места. И я теперь думаю, что, наверно, так должно быть у всех, если придет настоящая женщина. Только очень трудно, очень много или сильно надо жить, чтобы дойти до этого настоящего. На приход такой женщины надо смотреть почти как на Страшный Суд для тебя лично: все лишнее должно сгореть, чтобы осталось в тебе одно настоящее, и ты этим настоящим своим мог бы встретить настоящую женщину.

На 3 Мая назначил я приезд сюда Аксюши, хочу ее взять сюда, но боюсь, что она уже решила совсем уйти от нас. Как бы там ни было, но с ней уйдет от меня что-то очень хорошее. Трудно монашке в таком, как возникло у нас, положении, но по существу она очень хорошая. И тоже надо помнить о Пете, что он любит меня. Если разобрать поступок Ефр. Павл., ее слепое нападение на меня во имя какой-то ее «любви» и последующее снижение до блокады моей квартиры и крестьянской материализации своих требований, то все ее поведение до крайности напоминает взрыв наш революционный в 17 году и порочное снижение идейное. Надо полагать, если заплатить ей тысячу р. в месяц, она удовлетворится Бахметьевской улицей.

Начинаю до крайности ясно разбираться в судьбе Ляли. Попади она только на путь искусства, – была бы она интересная большая артистка, и никто бы слова упрека не сказал бы за ее многообразную любовь. Но случилось из-за революции, что из-за катастрофы в ее биографии она вступает на путь искания «достоверного» и заключается в сфере любви в самом широком смысле слова. Тогда через высокие требования любви и жажду любви настоящей, все искусство, весь быт человеческий

и даже вся земная жизнь в ее сознании попадает в сферу недостоверности. Будь она «чудачка», так бы она и жила чудачкой, но она интересная, жила нормальной жизнью, и вот из-за этого она летала в жизни, как ласточка над водой: ласточка касается воды крылышком – внизу кружок на воде, Ляля коснется жизни – роман.

28 Апреля. Светлое Христово Воскресенье. Холодно, чуть зеленеют лужайки, медленно одевается земля, мало поют птицы. Утром далеко ходил в лес и у Ляли этим возбудил подозрение – не потому ли я начинаю в лес ходить, что приезд ее мамы и суета возле праздника ослабили мою любовь к ней? Вечером в постели долго об этом беседовали.

С этого дня, или с приезда Нат. Арк., начинается какая-то новая фаза моего романа: спокойствие брачных отношений в собственном смысле слова, рост потребности закрепить свои позиции в более глубоких очагах ее души, ясность зрения в сторону необходимости самого дела любви, какой-то черной работы для этого.

Ляля решила завтра взяться за работу – и хорошо.

29 Апреля. Валил снег, валом валил. Тучи ходили громадные, мрачные, и вдруг переменилось лазурно, и опять солнце показывалось, и снег так валил при солнце, будто там, на крыше неба все дворники разом взялись за лопаты. Через каждые десять минут менялось небо и расцвечивалось и синим, и красным, и розовым, и зеленым. Даже Ляля сказала мне: – Представь себе такую нелепость: у меня есть платье голубое и с розовым.

30 Апреля. Утренняя запись. Не люблю дачников за то, что они живут так, будто природа существует только для их здоровья. Но если Нат. Арк. ждет тепла и зеленой травы, то это совсем другое: столько перестрадав, человек имеет право ждать от природы, требовать и брать ее лучшее. Но не только от природы, и от вещей человеческих нужно ждать, чтобы они тоже служили тем, кто настрадался до того, что они стали ему при-

стойны. Казалось бы, на этой почве и возникло это восстание пролетариев, и на этой почве права измученного человека на материальную жизнь создалась эта идея счастья человека на земле. Но почему же идея так исказилась, что это «счастье» всякому порядочному человеку теперь стоит как кость поперек горла? Ответ из моей книги «Журавлиная родина»: «Потому что в советской власти вечности нет»[99].

Наша идея («НИ») между прочим содержит в себе эту идею насыщения голодных и утоления жажды всех страждущих. Только исходит из глубочайших основ духа и бытия, где совершается все творчество жизни. А советская идея – только из претензии покидаемой духом материи. «НИ» происходит не от нас только, но наше участие в ее развитии должно состоять в том, что мы заключим в нее современность, что мы из области философии переведем ее в жизнь.

28 вечером 1-го дня Пасхи, когда уже было и «можно», я с огорчением не нашел в себе желания. Сегодня нет-нет я об этом вспоминал, и вечером опять у меня желания не было, и тем ласкам моим Ляля не отвечала. Я хотел было это свалить на нее, но оказалось, что Ляля вообще отвечает лишь моему желанию, и что, значит, причина во мне. Ничего тут нет особенного, и зависит не от нас, и не относится прямо к делу нашей любви, и наладится непременно: дня три разлуки – и все. Но я принял в себя через это неправильную тревогу за нашу любовь и ничего Ляле не сказал. Она же все прочла в моих мыслях и потребовала от меня постоянной искренности, постоянной правды в наших отношениях, именно в том, что у нас общее. Тут не должно быть ни малейшего уклонения. Мы не властны в своей чувственности, но мы властны в деле нашего душевного отношения к нашему общему делу и обо всем должны друг другу открываться. Она так долго, так страстно долбила и вдалбливала в меня эту свою мысль о необходимости полнейшей искренности, что, наконец, меня проняло, и я обещался ей вступить на этот путь полнейшего контроля своих отклонений. Потом и ночью было это, вероятно, во сне, что-то во сне, как в земле совершилось, и утром, когда я пробудился,

вырос в душе моей какой-то чудесный цветок, и мне ясно, как в это ясное морозно-белое утро был виден весь путь мой в любви до далеко вперед: я понял, что путь мой был через сердце Ляли к Богу и что мое отношение к ней должно быть точно таким же простым и собранным, как стало получаться у меня на молитве в отношении к Богу. Так поднялся из моей ночи в это светлое утро из души моей цветок, и, чувствуя его в душе своей, я принес из колодца ведро свежей воды, поставил самовар и умылся, и взял молитвенник Олега, и читал утренние молитвы так, чтобы они проходили к Богу через сердце Ляли.

Избушка Толстого.

С тех пор как Ефр. П. начала меня невыносимо пилить, а это было, когда жила у нас Зоя (в 1932 году), я стал усиленно искать себе где-нибудь в глуши избушку, чтобы купить ее и поселиться в ней одному. Много я пересмотрел везде избушек, уединенней всех и красивей была изба в д. Спас на Нерли. Только случайно я не купил ее, и потом все так обернулось, что желанная «избушка Толстого» превратилась в квартиру в Москве. Предусмотрительно я выбрал квартиру себе так высоко, чтобы Е. П. не могла в ней жить (на советские лифты нельзя же надеяться). И так я устроился, и дал Е. П. дарственную на Загорск, и стал жить в этой «избушке» хорошо, собирая в нее родных с Е. П. во главе два-три раза в год. И вот налетела буря и разнесла созданное мною с таким трудом уединенное жилище. Я снова очутился в деревенской избе, но со мной теперь была Эль, и я понял, что не избушку я искал, а большую любовь. И ясно-ясно увидел я бедного Толстого, не знавшего любви, не понимавшего, что ему сердце нужно было, а не избушка.

Есть огонь, в котором сгорит все недостоверное, как на Страшном Суде, и никому нет спасения от этого огня. Этот суд приходит людям, когда они становятся друг перед другом в отношении к Истине. И вот, чтобы Толстому достигнуть бы заветной избушки, ему нужно было бы стать к другому человеку в отношении к Истине, тогда бы сгорел Лев Толстой со всеми своими претензиями, и остался бы не вздутый реформатор, а сам Толстой, какой он есть.

После чтения записи.

Ляля, когда я прочитал ей запись, очень растрогалась, радовалась, что я открыл секрет постоянства нашего чувства, говорила, что с Олегом у них было точно так, и только предупредила меня, что это очень трудно, и могу ли я...

Ляля вышла на прогулку после гриппа, мы наслаждались березами, полными сока, и когда я говорил, что пахнет березовым соком, она вдыхала воздух, догадывалась и говорила: – Я все знаю в природе, мне все знакомо, только я не знаю, что от чего происходит и как называется. Я рада, что ты со мной и все знаешь.

После утреннего большого подъема любви Ляля стала мне как будто беременной, и я вел ее под руку осторожно с редкими словами. Я не очень верю ей, что она, если то или другое, перестанет любить меня: она сама не знает, что будет, *если*... И самое «если» возникнет не как реальная угроза, а как физиологические условия развития чувства.

Мы шли по березовой роще, нам иногда мешали сучки под ногами и неосторожные слова, как сучки, и раз даже я чуть-чуть не упал. А то было, она покачнулась на мостике из бревна, и я успел поддержать ее. Путь наш был не проторенный, не дорожками...

Аксюша прислала хорошее письмо, и если это не очередная дипломатия, то она у нас будет служить и будет очень хорошо.

Наша работа над дневниками в полном ходу, и материалы притекают по трем руслам: 1. Большой дневник, как форма нашей идеи. 2. Малый дневник для «Нового мира» и для 5-го тома. 3. Рассказы, «Фацелия» и «Календарь».

Вечером пришла моя страсть, и я жил, и ни малейшего не было в чем-нибудь мне упрека за нижний этаж.

1 Мая. Ночью в перерыве объятий и неотрывных поцелуев она что-то вспомнила и не ответила мне на мою ласку.

– Вспомни, – сказала она, – что за все время нашей любви ты не принес мне цветка.

– А ты вспомни, – ответил я, – до цветочков ли было тогда: сколько мучений.

– Я не меньше мучений испытывала, а хорошо помню, что у тебя на сером костюме на рукаве не было пуговицы и носок на пятке был протерт...

– При чем же тут цветок?

– Не цветок нужен, а внимание... я видела, что ты живешь без ухода, мне становилось тебя жалко, мое внимание открывало брошенного человека, и мне хотелось помочь тебе, хотелось одеть тебя, вымыть. А ты не хотел заметить во мне женщину, чтобы принести ей цветок, как делают все.

– Миллионы женихов твоих, – ответил я, – не могли бы написать таких писем-поэм, какие писал и приносил я тебе вместо цветов. Ты с этим согласна?

– Согласна. И все-таки я тоскую сейчас, что ты, мой любимый, не сделал как все, не принес мне цветок.

– Позволь же, – сказал я, – вчера же утром, когда ты встала, я рассказал тебе о том, что этой ночью во сне, как в земле раскрылось брошенное тобой в мою душу семя, и за ночь из него вырос цветок необычайной красоты, и я понял секрет нашей дружбы до гроба: что надо быть правдивым с тобой до конца и ничего не таить. Помню, как ты плакала от радости на моем плече и благодарила за мой цветок. Это ли не цветок, не лучший подарок тебе?

– Давно, – ответила она, – один юноша, неземной, может быть, и святой, обрадовал меня так же, как ты. А теперь так никто бы не мог, ты мой единственный...

– Единственный, я это знаю, но так почему же ты, понимая, какой цветок я тебе подарил, вспоминаешь о каком-то обыкновенном ничтожном цветке?

Она долго молчала. Но потом собралась с духом и ответила:

– Я это знаю, что ты единственный мой, и цветок твой единственный, и чудесны поэмы твои для меня тоже единственные: ты мне доказал себя, как единственного, душа твоя мне открыта. Но ты забываешь, что я женщина, и каждый принес бы мне обыкновенный цветок. Но ты на это мало обращаешь

внимания, и мне грустно, что ты не принес мне, как сделал бы каждый, обыкновенный цветок, что лучшее в мире, то, из-за чего длится жизнь на земле, то, что в тайне души все ждут и на что надеются, наша страстная и святая любовь, у нас с тобой прошла без цветов.

Погрустив немного с подругой своей о цветке обыкновенном, мы вспомнили, что сегодня первое Мая и в лесах теперь есть наверно много первых цветов.

– Не нами, милая, – сказал я, – созданы эти мучения, из-за которых я забыл обыкновенные оранжерейные цветы, воспитанные людьми. Признаюсь, что за время революции, за 23 года, я потерял форму воспитанного человека. Не вини меня, не нами созданы эти мучения. Но в леса теперь для нас послано много цветов, мы скоро будем ходить по цветам, как по коврам.

Ляля сидела за столом возле зеркала и выписывала из моего дневника ценные мысли. Я сидел за тем же столом напротив, занятый той же работой. Я любовался ею как всегда и радовался, когда она находила в моих писаниях что-нибудь ценное. Вот я заметил в ней перемену на лице и какую-то мою мысль, прошедшую через ее сердце в глаза.

– Какой умница ты, – сказала она, – это ты заметил меня и понял.

Я понял, что она мысль нашла какую-то, такую, наверно, что мы оба разными путями к ней подошли, и через эту мысль оба соединились в одно существо.

Я это понял и ожидал ее откровенного признанья. Но, блуждая где-то далеко своей мыслью, она заметила бумажку, приколотую булавкой к стене под зеркалом. Заметив эту бумажку, она быстро карандашом сделала на ней отметку.

– Что это, – удивился я ей, – ты записала какую-то мысль?

– Нет, – ответила она, – я вспомнила, что хозяин отвесил нам сегодня 12 кило картофеля и хозяйка дала 3 кружки молока: я записала.

– Но ведь ты же перед этим сказала, что тебя поразила какая-то мысль?

– Милый мой, – ответила она, – я тебя так люблю, и мысль моя такая большая, что запись о картофеле ничуть не помешала.

Я ее понял и ответил:

– Я тоже никогда не расстаюсь с большой любовью к тебе, когда целую твои колени.

Вдруг мне блеснуло, что Александр Вас. поповского происхождения, и вся беда в его романе с Лялей, требовал от нее только семейственности и труда, не возвышаясь до искусства, до поэзии. Мне вспомнилось, как Розанов на это мне говорил, не то где-то написал о том, что духовенство наше бездарно в отношении поэзии[100].

Когда я об этом сказал Ляле, она вспомнила одну свою рубашечку ночную, столь изящную, что мужу своему Алекс. Вас. она так и не посмела показать: перед ним ей было стыдно.

Оторопь перед спящей красавицей, охватившая Ивана-Царевича перед тем, как ему надлежало ее разбудить, есть и у животных, и очень возможно, человек из этого момента физиологической любви сделал всю человеческую любовь, и на этом возникла культура целомудрия.

Ляля очень обрадовалась моей мысли, поддержала ее, и я продолжал:

– Ты по существу женщина той первой природы, охватывающей в то же время и все фазы земной любви, а от тебя муж твой требовал только семейственной любви, родовой.

2 Мая. Ясно. Мороз. Позеленение лужаек. Сухо. Нет никаких цветов. Вчера на солнце, когда хорошо разогрело, везде в лесу растаял накануне выпавший снег. Только не успевало скоро растаять в тенях, падавших от деревьев: в лесу везде в это солнечное утро от деревьев падали белые тени.

Это было тому назад недели две, когда в лесу было много снега. Было как-то зимой, по лесной опушке глубоко осаживался рыхлый снег, прошел наверно с большим трудом человек. Эти следы сильно расширились при таянии снега, после

того, как весь снег вокруг растаял, оледенелые огромные остались тумбочки по всей опушке леса. Следы гигантского человека еще стояли по всей опушке, когда уж и бабочка-лимонница зашевелилась под старой листвой, когда прилетели трясогузки и зяблики. Одна трясогузка даже уселась на след и с одной ледяной тумбы зачем-то перелетела на другую.

– А что, – сказал я, – сам-то человек может быть и умер давно?

– Очень может быть, – ответила моя спутница. – Сам человек умер или жив, в том и другом случае не знает ничего о своих следах и не интересуется ими.

– Вот, – сказал я, – только тем писатель отличается от всех, что интересуется своими следами.

Ляля сказала мне ночью, что я заметно глупею. В ее шутке всегда в основании правда и ложь – затем, конечно, и шутка. Но сам я пока ничуть не замечаю следствий медового месяца. Напротив, чувствую большое скопление писательской охоты. Некоторая же видимость поглупения относится к привыканию. Мы так начинаем все привыкать друг к другу, что даже угнетенная Нат. Арк. стала петь и шутить.

Внезапно прибыла Аксюша, как мы хорошо поняли, с поручением от Ефр. Павл. Предлагает уехать в Загорск и не возвращаться в Москву, если я на Лаврушинском буду жить один. Я ответил, что дело кончено, я развожусь, и если она не выедет и не согласится добровольно уступить, подаю в суд.

Аксюша в слезах топила своего необходимого в таком деле плута, растрогала слезами моих дам, они жалели ее, уговаривали жить остаться с нами, обещались навсегда принять в семью. Все налаживалось, но затем разговор о том, что Лева и Петя ездят на моей машине на охоту и вообще весело живут.

– Не унывают, – сказал я.

– А что же, вы не охотитесь?

– Не до охоты мне, я удивляюсь им!

– А какой вы были свободный, – выпалила Аксюша, – помните прошлый год в это время мы встречали весну на Нерли?

– Теперь того нет.

– Паутиной опутали вас, – сказала А.
– Кто же меня смеет опутать?
– Паук!

Этой шутки не выдержала Ляля, бросилась из дому, я за ней, искал в неверном направлении. Когда же вернулся, она была дома.

В общем, конечно, в нравственном смысле Аксюша наших дам перехитрила, но к суровому моему ответу очень приходится этот соус гуманности. Л. рассматривает приезд Аксюши, как их капитуляцию. Я для этого приезда и поведения Аксюши нахожу два решения, либо 1) Аксюша колеблется, потому что ей хочется жить с нами, а там обещают ей отстоять комнату, и она займется, напр., шитьем одеял. 2) В плане идеальном, возможно, Аксюша поставила Е. П. на религиозный путь и на этом пути обрела к ней привязанность и убеждение в ее справедливом пути. Это я на всякий случай так думаю, без идеального плана скучно и жить на земле, и мыслить.

3 Мая. У Ляли бронхит такой сильный, что она часами подряд кашляет. И чем сильнее она болеет, тем больше возбуждает у меня к себе любовь...

На тяге. Надо так писать, чтобы радовался не только сочувствующий, но чтобы и мыслящий говорил: хорошо.

Все лучшее, чем Ляля доказывает Аксюше, как низшей, с высоты своего действительно высшего существа, падает перед Аксюшиным сознанием, как ложь, обман и хитрость. Христианство Аксюши располагается, как и у Ляли, возле человека, но люди у Аксюши разделяются резкой чертою на *своих* (родных, кровных) и *чужих*; и христианство у Аксюши служит именно в отношении своих и близких. Эта религия рода, кажется, является самой сущностью поповства, общей сущностью своей с [еврейством] (Ветхий Завет). Напротив, Ляля оставляет *своих*, и если тоже и любит *своих*, то лишь поскольку в своих видит человека. Аксюша в своих аргументах опирается на кровь, Ляля – на слово. Вот почему, глядя со стороны, видишь, как Ляля рассуждает и доказывает, в то время как Аксюша заливается

слезами, не имея слов в ответ, не веря словам. Слезы у Ляли возбуждают чувство, она все любовней и любовней доказывает и целует, в то время как Аксюша, прикрытая слезами, взвешивает слова и поцелуи, как хитрость, обман, и, наверно, ненавидит это, и точит ум. К счастью, по доброте и глупости она проваливается и обнажается, а вот Ефр. Павл., та стоит на крови, умная и решительная. У них союз на крови, у нас в духе.

Еще на тяге.

Существует ли Бог?

На такой вопрос я всегда отвечал «да», и в том смысле, что если шансы «за» и «против» одинаковы, то надо обращать их в пользу подсудимого. И оттого я всегда при неясном вопросе, существует ли Бог, отвечал: да, существует. Что же касается себя самого, ставлю я сам перед собой и для себя этот вопрос, я отвечаю, что никогда не ставил и обходился, как думаю, в жизни с Богом, не спрашивая о Нем и не называя Его. Теперь же, когда я полюбил Лялю, то на вопрос о том, существует ли Бог, отвечаю: раз Ляля существует, то, значит, и Бог существует. Я могу еще и лучше ответить на этот вопрос: раз я в любви своей к Ляле чувствую вечность, значит, Бог существует.

Соответствие наших этажей этажам группового сознания, напр., по крови и по слову.

Первый расцвет ранней ивы. В полной тишине услыхал разговор каких-то людей, наверно, охотников, среди которых кто-то очень басил. Через некоторое время я пошел в ту сторону, и, сделав несколько десятков шагов среди серых кустов, мне как видение стала ранняя ива в желтых цветах. И что я думал издали «басили охотники» – это, оказалось, вблизи гудели шмели.

4 Мая. В 6 в. поехал с Лялей в Москву. «Сядем или не сядем?», – довольно этого, чтобы Ляля волновалась, трепетала. Два вывода: 1) надо быть к ней внимательным, 2) женщина так же изменчива, как природа: изменчивость лучшее свойство женщины, измена – худшее. Приехали на Бахметьевскую, по-

ужинали и вдруг как из пушки: Павловна уехала вчера (3 мая). Капитуляция или НЭП?

В 11 вечера мы на Лаврушинском и возвращаемся к тому времени, когда мы были на «вы» и становилось неловко говорить «ты»: середина романа выпала. Ночью мы середину выпавшую так заполнили, что утром 5-го встали более близкими, чем были в деревне. И, несмотря на все бывшее ночью, смотрели друг на друга ясными глазами.

– А если бы, – говорила она, – делали что-нибудь против природы и Бога, то как бы я теперь могла прямо глядеть на тебя?

5 Мая. Утром сходили в ЗАГС, и я подал заявление о разводе. Устраивали вместе литературные дела. В Кремлевской аптеке администратор оказалась моим читателем, и когда я об этом сказал Ляле, то она вдруг накинулась на меня: «Так отчего же ты у нее не попросил порошки?» Она объяснила это моим невниманием, привычкой жить для себя и ни о ком не думать. (Аксюша: Каким свободным вы были человеком, Михаил Михайлович, как ребенок!) Я же подумал с ужасом о душевном состоянии столь гордой женщины, столь достойной этой гордости собой, сознания собственного достоинства и вынужденной практически использовать внимание сочувствующих ей людей (друзей). Горько стало мне думать о себе. Она же мне сказала:
– И я была точно такая же, как ты, но пришлось ухаживать за мамой и выучить себя жить не для себя.

Вечером были юристы, Попов Валентин Филимонович, поклонник Ляли, и другой. Попов берется устроить развод и раздел. Ездили в Загорск. Ляля сказала, что я имел измученный вид и до того, что она страдала за меня и любила – как маму? – «Нет, та любовь от страдания, эта от радости». Мне же в этот вечер вспомнилась Валерия, какой я встретил ее в обществе, и себя за столом в первый раз. Она до того всегда внутри себя, что при соприкосновении с обществом нервы ее не выдерживают, и она «выходит из себя». Состояние до того мне знакомое, что я смотрел в нее и понимал как себя. Зато внешний вид ее, как пережившую глубокое чувство и борьбу, был прекрасный,

она была охвачена тем лучшим в женщине, что хочу назвать изменчивостью, за что я и люблю неодетую весну: изменчива не по дням, а по часам, но неизменна в общей радости.

Любовь – бремя и любовь – понимание.

6 Мая. Радуница (вторник после Пасхи). Поминовение усопших.

Развод через ЗАГС.

Как ездил Валентин Филимонович Попов к Ефр. Пав. и как он попал в положение Разумника: «положение грозное».

14 Мая. Я правил машиной. Ляля сидела рядом. Кошка перебегала нам путь.

15 Мая. 1-й день после Москвы в Тяжине. Ясный путь наш: Ляля после своей жизни, полной страданий и долга, должна оформиться в стремлении *быть собой*, жить для себя, в эгоизме, подобном корешку дерева, пробивающему себе путь в каменистой земле. Утрачиваемое ею должен усвоить я, и тем дать ей возможность мириться со своей совестью. Получено письмо от Александра Васильевича и написано бедному Михаилу Сергеевичу.

Зимними морозами убило все сады, и вот когда все кругом зеленеет, наша деревня стоит в неодетых черных садах.

На опушке, в незакрытой зеленью сухой листве в солнечных лучах сверкнула сороконожка, и живая быстрая понеслась с листа на листок, то скрываясь, то снова сверкая.

– Сороконожка и та сверкает, – сказала Ляля, – а я почему-то должна всю жизнь ходить в сером среди серых людей!

16 Мая. Нат. Арк. оживает не по дням, а по часам, и это идет мне в заслугу. Наша жизнь вообще начинает *складываться*. Впервые я в семье, впервые за мною *ухаживают*, и я впервые *по себе*, а не по чужому примеру понимаю любовную связь между людьми. Все оказывается просто, любовь проста, как

хлеб, и мы, как не сытые о пище, мечтаем о любви и принимаем всякую дрянь за любовь.

Ляля почти ничего не знает в природе и впервые даже соловья слышит, но она как-то, не зная названий, не интересуясь тем, что это поет, летит, ползет, чувствует это все вместе и бывает охвачена чувством. Это оттого, что она вся внутри себя, человека, и редко выглядывает...

Мы сегодня втроем между клейкими листочками берез, тополей обошли наш большой круг.

Ляля за это время почувствовала как никогда нормативное значение христианских истин и поняла, какое искажение они получают в церковной практике при категорическом требовании их выполнения.

Аксюша рассказывала о расчете Е. П., – вот как расчетлива, что выложила себе как на ладони: если рассчитывать на пожизненную пенсию, то через год я могу умереть, и она останется ни с чем, если же сейчас взять половину, то ей хватит на много лет.

И есть полное основание думать, что вся борьба у них идет за наследство: «вместе наживали», и вся ненависть обращена к Ляле, как к возможной наследнице. И так вот она столько лет жила с примерно бескорыстным человеком и наживала себе корысть, и человек этот еще жив, а они уже делят вещи его и страх его физический перед пошлостью их принимают за трусость. И все это мне приходит, как расплата за безбожное равенство, в котором они росли и воспитывались.

17 Мая. Приехал Мих. Серг. Успенский (в 7 утра). Пришла встревоженная Нат. Арк. и сказала: «Новый фронт!» Пришла Аксюша: «Прощайтесь, Михаил Михайлович с Валерией Дмитриевной – теперь он ее от вас отобьет».

Перед Богом, конечно, все равны, но если равняться со всеми без Бога...

Ляля ушла в лес с «девственником» и когда вернулась, то он пошел к «теще» объясняться, считая ее «сводницей», а Ляля – ко мне. Он сказал ей, что она существо лживое и порочное, что человека в моем возрасте она любить не может и замуж выхо-

дит исключительно из материальных соображений. Изложив все это, она спросила меня, верю ли я, что она выходит за меня не из-за материальных соображений. На это я ответил, что если бы не верил в ее любовь, как она мне ее сама открывала, то тут же бы и застрелился, и если живу, то значит и верю.

18 Мая. Вчерашний день надо понимать, как предупреждение. Ляля клялась при матери и мне клялась здоровьем матери, что теперь навсегда ее опыты кончены, что я буду единственным, кому она будет принадлежать. Уверен, что так она клялась и перед лесным крестом. Но я, лежа с ней в постели, просил ее не связывать себя клятвой, уверял ее, что при ее связанности она потеряет лучшее свойство женщины, свою изменчивость. И пусть она несвязанная, вечно изменчивая, предоставит мне самому позаботиться о том, чтобы уберечь ее от измены, худшего, что только есть в человеке и женщине.

– Лесной крест, – шептал я ей, неустанно целуя, – есть твое суеверие, твой страх перед твоим величайшим долгом быть собой, утверждаться в себе, быть вечно изменчивой и не изменять.

Нужно «зарубить себе на носу», чтобы взять Лялю в железную дисциплину относительно литературной работы. Меня очень тревожит, с одной стороны, то, что она готова всегда проводить время в «праздномыслии», с другой, в суетливой заботе о ближнем. По-прежнему буду жить без чулок и наволочек, но ее воспитаю в работе. Этим воспитательным методом должно быть отношение к жертвам нашей любви, как к издержкам своим: надо осмысленной работой возместить и оправдать эти издержки.

Клятва есть посеянная измена.

Мих. Серг. в ответ на просьбу Ляли прочесть Евангелие, назвал все это гнилью.

– Гниль, – ответила Л., – это неплохо, это все равно, что навоз земле: без навоза не родит земля и мысль не родится, если что-нибудь в себе не умрет, не сгниет.

Ляля начала работу. Привезли дров из лесу. По-прежнему очень сухо. Лес кишит комарами. Ночь лунная, прекрасная,

поют соловьи. Ляля встала с постели, подошла ко мне послушать. И так я почувствовал, что не доходит до нее песня соловья и нет в ней ответного чувства.

– Неважно поет, – сказал я. Она засмеялась. – Как все переменилось в моей жизни, – сказал я. – Вот был знаменитый охотник, а теперь ни разу не был на охоте.

– Ты, – сказала она, – будешь на охоте, только не так часто, милый мой, у нас с тобой столько всего более [важного], более ценного.

– А природа?

– Глупенький, разве ты не чувствуешь, природа была где-то, а я тут: теперь я твоя природа.

И вот эта «природа» обняла меня, и мы легли, и я обнял ее, и мы слились, оставляя луну светить для кого-то, и соловьев петь кому-то.

Через какое-то время я спросил ее:

– А путешествие? После того, как мы с тобой сошлись, я перестал думать о путешествиях.

– Но разве сейчас мы с тобой не путешествуем?

И это была такая правда!

– Мы каждый день изменяемся, – говорила она, – в путешествиях этого достигают, передвигая себя физически. Мы же не такие с тобой дураки, мы путешествуем в природе самого человека.

Перед нашими окнами показались бутоны сирени, значит, скоро конец весне. В это время обыкновенно я теряю свою страсть к природе. Но Лялю люблю все сильней и так, что глаз не свожу с нее и любуюсь ею весь день, а ночью прижимаюсь к ней и все на свете забываю.

19 Мая. Бутоны сирени вызвали мысль о конце весны и напомнили о возможности конца любви, и разговор об этом в постели, когда проснулась Ляля привел к... После того молитва у креста КВ[*] в лесу (Ляля читает, а мне хорошо): березки мягко шумят. Она предложила «откровение помыслов», чтобы это я

[*] Вырезанные на стволе березы буквы «ХВ» В. Д. сначала приняла за «КВ» – Калерия-Валерия.

взял на себя, и она иначе ведь не может утвердиться в мысли о моем постоянстве, как мужа. Подумав об этом, я сказал, что с моей стороны помыслы все мои я ей открываю ежедневно без обета: зачем мне обет, зачем крест и венец, если я люблю ее и если в живом чувстве все это и содержится. Точно так же я верю, что она меня любит, и я слабостью, страхом перед самим собой считаю, что она хочет прибегнуть для охраны своего чувства к чему-то внешнему. Так я и свел все ко вчерашнему разговору об измене и об изменчивости.

– Нечего клясться и обещаться, – сказал я, – если мы будем друг друга любить, то само собой будем открывать друг другу свои помыслы. А если ты разлюбишь меня и закроешься, то ответ за твою измену я беру на себя. Будь спокойна и бесстрашна, я буду охранять наше чувство, я беру это на себя, и если изменишь – я за это отвечу.

Свободная любовь без обетов и клятв возможна лишь между равными, для неравных положен брак – как неподвижная форма. Но благословения на брак, на любовь, на откровение помыслов испрашивать... и мы сегодня ночью пойдем к нашему кресту КВ и там в лесу вместе помолимся.

Сегодня она мне говорила о возможности через меня оправдаться во всех своих «блудных» грехах*. Больше! я мог бы ее поднять из этого и, во всяком случае, все разобрав, оправдать. На это я ответил, что если я люблю ее, то тем самым и оправдываю (почему бы и не заняться всерьез этим анализом отношений «Магдалины»?)

Начало письма: Уважаемый Мих. Серг. По уговору с Валерией Дмитриевной я взял нелегкую задачу на свою совесть оправдать ее поступки, имеющие с внешней стороны характер преступлений. Скажу Вам больше, у меня есть тайный и дерзкий замысел представить эту женщину в своем искании земной любви, как святую. (Царственная любовь и страдальческая.)

---

* В машинописи приписка рукой М. М. Пришвина: «Блудницей я считаю тебя в смысле, какой дает глагол ”блуждать”, а никак не “блудить”» (1952 г.).

Полнолуние. В березовом лесу мы с Лялей продолжали разговор о нашей свободе в том смысле свободы, чтобы нам исходить из наличия нашего чувства и мысли, а не из форм, клятв, обетов и обещаний, которые созданы великими людьми для воспитания маленьких.

– Мы должны быть свободны, – сказал я, – как те великие люди, почему не можем мы жить и мыслить, как равные им? Можем?

– Конечно, можем.

– Вспомни всех великих, включая Ленина, все они жили полным *настоящим* в своем творчестве, и все они, живущие полным настоящим, сулили маленьким людям счастливое *будущее.* Мы должны сделать наоборот, мы должны обещанное будущее сделать настоящим. И давай это делать сейчас же и не раздумывая. Вот этот загадочный крест на березе с твоими инициалами КВ. Давай этот клятвенный символ сделаем живым нашим крестом в лесу.

В это время луна достаточно высоко поднялась, и стемнело настолько, что от деревьев легли тени. Мы нашли без труда березу с нашим крестом. Ляля вслух читала вечерние молитвы, и я, отвечая ее душе, тоже, как мог, присоединился к вечному.

После молитвы, этого усилия испросить благословение у Бога нашей любви, мы, сосредоточенно думая, возвращались домой и вспоминали, что Олег любовь Ляли называл царственной любовью, значит, любя, она царствовала, и только такая любовь могла ее удовлетворить. При этом вспомнили и то, что с самого начала я в отношении к Ляле, ее любви, ее делу – взялся быть служителем, и был таким, и пребываю. С большой радостью напомнил я, что, благодаря только этому свободно-служебному состоянию, достиг сегодня просветленного ответа на предложение «откровения помыслов», а именно: если мы любим друг друга, мы это будем делать без обета и всякого принуждения.

А еще, возвращаясь домой, мы говорили о том, что едва ли бы сошлись, узнали, поняли друг друга, если бы встретились ранее определенного судьбою времени. – Я бы, – сказал я, – не мог бы узнать тебя из-за своей личной заинтересованности в

тебе, любя, я не мог бы не создать из тебя собственности, как другие, составляющие хвост в движении твоей кометы, пересекающей традиционные орбиты обыкновенных светил. В молодости я, как все, не был свободен, и мое движение тогда, тоже как у всех, определялось силой всемирного тяготения.

20 Мая. Любовь от мысли.

Когда выскажешь новую мысль и Ляля поймает ее, то вдруг останавливается с расширенными глазами, узнает в этой мысли что-то свое, радуется и со страстью принимается обнимать и целовать, благодарить. Так бывает у нее это прямо из мысли, как дождь из облака, родится любовь.

Ляля работала много над моими дневниками.

Цветет черемуха всем цветом, так хорошо поет соловей, как Ляля никогда еще не слыхала. Загоревал было я, что один в лесу, а Ляля работает и не знает сейчас, как много в лесу цветущей черемухи, как хорошо поет соловей. Счастье мое, однако, было так велико, что я скоро повеселел и сказал себе: «Пусть она работает и ничего не знает, я так расскажу об этом, что слова мои полюбятся ей больше, чем песнь соловья».

Вдыхаю аромат клейких листиков, черемухи, ландышей, слушаю соловья, иволгу, горлинку и думаю, не устаю думать и при таком счастье.

Неужели, думаю я, стал бы я заниматься зверями, птицами, собаками и шататься по свету, если бы знал, что на том же самом земном шаре, в той же самой стране, в той же самой Москве, где-то возле Тишинского рынка живет моя Валерия! Да знай я, что она где-то живет и ожидает меня, я бы к каждой интересной женщине подходил и в опыте с ней узнавал, не она ли Валерия. Но не буду горевать о том, что жизнь свою продремал: ведь множество же людей, и не таких глупых, как я, хорошо знают о существовании где-то своей Валерии, растрачивают силы свои на чужих и не находят свою. Я же, как ребенок, очарованный игрушками и сказками, сберег свои силы, и Валерия сама пришла ко мне, пусть старому, но юному душой и сильному.

21 Мая. Страшная сушь продолжается. Ляля начала заниматься фотографией и дневником своим (прибираю ее к рукам).

Вечером при восходящей огромной луне гуляли, и, перебирая пережитое, закрепляли нашу любовь. И у меня исчезало все мое лично отдельное, даже мои друзья становились ее друзьями. И так в будущем жизнь моя делалась не моя, а наша, и так все у нас, все наши воспоминания и надежды, и мысли сходились в одно, как будто мы находились на слиянии рек и одна река вливалась в другую, и дальше текла одна река – широкая и полноводная.

При луне в лесу Ляля говорила, что не любит мистику, как слабосильную подмену религии. И то же она находит во мне, и говорит, что это нас тоже соединяет. Я же думал о том, что любовь настоящая бывает непременно на слиянии рек.

22 Мая. «Имущему дается, у неимущего отнимется»[101], это евангельское изречение Ляля применила к себе, как к имущей (дух) и получившей счастье во мне, то же самое она применила и ко мне, как к «очарованному страннику»[102], не соблазненному внешним успехом.

В природе угрожающее состояние засухи. И жутко думать, что какое резко противоположное значение имеет один и тот же образ «безоблачного неба», если обратить его к засухе или к состоянию наших душ с Лялей.

Наш хозяин Сергей Матвеевич говорит, что и «облака погорелые».

– А барометр, – спросил он, – действует по-прежнему, его-то это не коснулось?

После обеда Ляля ушла одна в поле. Я нашел ее сидящей на клевере с выставленными на солнце коленками. Она говорила мне, что к ней вернулось сейчас то детское состояние, когда никого не нужно, нет никаких обязанностей и вообще «я сама по себе». – А где же я? – спросил я. – Ты, – сказала она, – сам по себе и тоже отдельно.

Я очень радовался ее счастью, и мне было на душе легко: независимо от любви моей выходило и простое доброе дело.

Наличие настоящего и небывалого счастья не дает мне еще возможности раскинуться поэтической мыслью, как, бывало, раскидывался Олег. Но я знаю, что это счастье дается для того, и надеюсь твердо прийти к тому не путем утраты (как Олег), а, напротив, осознания своего счастья.

23 Мая. Приехал Раттай. Уехала Аксюша за провизией. Все обошли «мамин круг», и Раттай нам рассказал о превращении Александра Добролюбова[103].

Наш ночной разговор о романе моем с Козочкой[104] (впервые понял отказ мой от физич. любви)[105].

Говорили о материнском чувстве женщины в общем чувстве любви и так добрались до самой Валерии, насыщенной материнской любовью. И тогда оказалось, что это не мужья у нее были, а дети, и самый любимый из них – это я.

Вот это новое понимание и этот необыкновенный опыт надо влить в мое понимание старое своего пути: «будьте, как дети».

24 Мая. Составляем «дневник», как букет. Разумнику больше всего понравился рассказ «Альпинист и осел»[106]. На Лялю Разумник произвел самое тяжелое впечатление выражением своей полнейшей уверенности в собственном каком-то знании.

– Невозможно, – говорила она, – поднять разговор ни о чем спорном, потому что спор поднимать с ним все равно, что с забором или стеной; приходится говорить лишь о бесспорном, и это до крайности скучно.

– Самое же главное, – ответил я, – мне кажется, что в нем даже и нет объективной уверенности, а вечное мучительное сознание ослиного содержания в имени Разумника само собой создало эту оборонительную форму уверенности.

«Постель» – тема с эпиграфом из Мопассановой «Постели»[107]. Наша постель – это место, где душа сливается в одно. Утром на рассвете я просыпаюсь от мыслей, и один, как ни бейся, заснуть не могу, но стоит мне перейти на постель спя-

щей Ляли, положить руку на ее тело, и я засыпаю, и просыпаюсь вместе с ней бодрый и сильный. Перед сном, на постели мы с ней *все* говорим – мы супруги. (Если о любви писать, о ее *оправдании*, то нужно прежде всего постель оправдать).

28 Мая. Вчера при случайной покупке в каком-то магазине Ляля перекинулась улыбкой с ей незнакомой бухгалтершей. И эта улыбка двух женщин выражала затаенную внутреннюю сокровенную силу, двигающую людьми.

Узнал, что А. А. Мейер, предназначенный быть вечным «ослом», умер, и при конце своей жизни к нему пришла женщина и сняла с него его вечное дьяконство, его книжность, его ненужность. У меня мелькнуло, что любовь такая во искупление страданий, глупости, никчемности и всего такого обычного «как у всех» действительно существует на свете и, может быть, чаще всего приходит на склоне лет. Вот эту любовь и надо мне вскрыть для людей, в этом мой подвиг.

Еще было: в ожидании трамвая Ляля отломила себе кусок калача, и когда стоящий рядом красноармеец сказал: «Вкусно?», дала и ему кусок калача. Тогда красноармеец внезапно процвел. После того мы говорили о прелести таких случаев и о возможности такого путешествия.

27-го появление Левы: мирные переговоры.

29 Мая. Мои дамы с утра показывали Леве Бахметьевскую, и тот, как ягненок, восхищался и любезничал с Лялей. Вот как все перевернулось. Не от Ставского ли все вышло?

Вечером были у Ставского, я сидел, как в корсете, Ляля врала[108], как сукина дочь (научилась!).

Разумник привез из Можайска от Александра Васильевича нужную бумагу для Ляли.

Вчера, часов так в одиннадцать дня, наконец-то я достиг того, с чего и надо было начать эту борьбу с женщиной: развелся и стал свободным человеком. И замечательно, что тут же после обретения желанной свободы поссорился с другой жен-

щиной только из-за того, что по ее рассеянности не мог тут же после развода отдать ей свою свободу и тут же немедленно в том же ЗАГСе заключить с нею брачный договор.

30 Мая. Чем лучше у нас дело идет, тем тяжелее у Ляли на душе от мысли о брошенном Александре Васильевиче. С утра просит: «Утешь меня!» И я утешал ее, вспоминая брошенных мной революционеров, когда я стал служить художеству. Ей доставило удовольствие, что Разумника Васильевича я сравнил с «ослом» (рассказ «Альпинист»), а Александра Васильевича с верблюдом.

Сегодня все существенное в той борьбе было закончено, Ляля получила развод, мы «расписались» с ней, и в милиции при получении нового паспорта она расписалась «Валерия Пришвина». Вернулись домой, она без каблука, а у меня украли часы.

Достигнув всего, Валерия впала в мрачное состояние, с одной стороны, из-за мысли об Ал. Вас., с другой, о том, что мать ее, Александр Николаевич, Магницкая и многие такие будут обрадованы и что их радость – возвращает ее к страданию, что радость отравлена, ее радость.

Вечером появился литфондовский юрист Сергей Иванович Ш., после него Попов, и все предано мирному ходу.

Утром дали Ставскому знать, что все кончилось благополучно. И оно действительно кончилось. Так совпало, что с брачной записью и паспортом Валерии началась действительно брачная жизнь.

– В любви один царствует, другой служит. Ты с этим согласна?

– Я согласна.

– Ты царствуешь?

– Царствую.

– И я служу. Я нахожу себе счастье в таком служении.

– Это хорошо, только помолчи, дорогой, ведь это все хорошо в мечте, потому надо мечтать, но надо помнить, что сейчас мы живем и мы в жизни не всегда будем на своих местах, и трудно думать даже о том, что тому, кто должен царствовать, можно было бы только лишь царствовать.

Ляля теперь состоит в двух браках, в церковном с Ал. Вас. и в гражданском со мной. Она знает, что не в ЗАГСе и не в милиции утверждают любовь, а в Боге, и что Ал. Вас. держится за церковный брак, «что Бог соединил и пр.» и поступает как паук, жаждущий крови.

Вчера она мне напомнила о необходимости мне говеть. Зная, что она со мной почему-то не может вместе, я спросил: – А ты? – Для этого нужна подготовка. – Ну, – сказал я, – так давай же подготовимся. – Давай, – ответила она. И я думаю, что за это надо взяться немедленно и через это войти в такую милость у Бога, чтобы Он благословил нашу жизнь в настоящем, и теперь наша благословленная жизнь будет бесспорной и для таких, как Ал. Вас.

Нелегко Лебедевой вдруг сделаться Пришвиной – вот совесть грызет за Ал. Вас. – в этом и есть грусть. Но это пройдет...

<*Зачернуто*: Вчера после уже получения паспорта, т. е. величайшего за 10 лет в жизни события, у Ляли вырвалась фраза: «Кажется, я в тебя не влюблена». Между тем, в труднейший момент, когда мысль цепляется за светильный газ, она говорила мне много раз: «Я в тебя влюблена». Теперь же при «счастье» она не влюблена, потому что переменила фамилию Лебедева на мою и горюет о несчастном покинутом А. В.>

Врожденная духовность Ляли, поддерживаемая лиловым цветом ее платья и скромной прической, нервный подъем, сдерживаемый привычным усилием, создали из нее очаровательное существо. И когда я вошел, и увидел это, и понял, Ставский сказал мне: – Любуюсь!

Сейчас я переживаю любовь в ее стадии обладания, особенного, незнакомого мне состояния, когда все, что раньше было для будущего, теперь стало настоящим, все *воплотилось*, и плоть стала негреховной. Мне стало теперь понятным, что людей берут в плен властные люди обещанием будущего их

торжества, что настоящее, заключенное в надежду или чаяние посредством властных людей, перекидывается в будущее. Но сам властный человек, конечно, живет настоящим. И власть именно и есть уворованное посредством обещаний настоящее.

Ни Разумник Васильевич, ни Александр Васильевич врать не могут, им это непристойно, и соври они хоть раз – им смерть. А мы с Лялей можем врать сколько нам влезет и нам от этого хоть бы что, и, в конце концов, к окончательной правде, возможно, мы гораздо ближе, чем эти поборники правды. Почему это? (Церковь и живое искусство.)

Разум человеческий есть сила распоряжения всеми силами природы. А в Боге есть сила распоряжения разумом, и осуществляется это через Личность (Христа), и каждый, кто действует именем Христа, получает личное выражение. Большевики дальше признания разума в человеке, как высшей силы, не пошли.

Дни от 31 до 3 июня.

Первая крупная ссора. Вышло из-за Левы, который пришел как ни в чем не бывало и предложил посмотреть найденную им квартиру. Когда после его ухода Ляля начала опять укорять меня в «слабости характера», я указал на ее слабость с Мих. Серг. После того слово за слово наговорил ей дерзостей, и самое главное вышел из сферы ее влияния. Это было, как будто из леса или цветущего сада я вышел на какую-то голую холодно-каменистую землю, на которой ничего не растет, не живет. После того Ляля, не торопясь, стала меня уговаривать и столь разумно, столь сдержанно, убедительно, что я во всем раскаялся и вернулся к ней, и она приняла и обняла меня любовью своей материнской, великодушной и неколебимой.

После того потихоньку от нее я не спал всю ночь и разбирался в наших отношениях. Я увидел с несомненностью, что в глубине души она любовь нашу вечно, как море скалу, омывает сомнениями и вопросами: «Да любовь ли это, не прихоть ли это легкомысленного поэта?» По ее сокровенному убеждению всю эту «любовь» нам предстоит оправдать жизнью, и она еще

очень сомневается, сумею ли я «оправдать», не останется ли эта любовь у меня только поэзией.

В моем мучительном раздумье не раз вставала вопросом вся моя жизнь, как счастливого баловня в сравнении с ее жизнью, и ее добро укоряло мою поэзию. Чтобы при работе над этим вначале не забываться, бросаю курить и соединяю память о папиросах. При постоянной поддержке Ляли, при наличии любви победа обеспечена. И вообще, все передумав за ночь, о всем переболев, я уверился, что свой поэтический дар я могу направить в ее глубину и рано или поздно прославить любовь, как никто из современных поэтов теперь не может ее прославить. На этом пути я увлеку за собой Лялю с такой силой, что она сделается в глубочайшем смысле моим соавтором.

– За то я тебя и люблю, – ответила она мне, – что ты подвижный человек и не останавливаешься в преодолении преград своего ума и неясной совести.

Она расточала дары своей любви больше, чем раньше, я попрежнему как баловень счастья принимал эти дары, но больше уж не терял из виду, что за этими ее дарами и далеко за пределами этой любви в ней таится еще какое-то существо с тревогой и мыслью, издали, с высоты глядящее на этот поток любви. И с этой высоты, из этого далека материнского наши мужские претензии, наши права собственников кажутся детскими капризами, а наши поэмы – детской игрой.

Поняв это, я с постели тихонько перебрался на пол, босыми ногами ушел в кухню и там сидел до утра на стуле, и встретил рассвет, и понял на рассвете, что Бог создал меня самым счастливым человеком, и поручил мне прославить любовь на земле.

2 Июня. Передумав вместе решение мое ехать к Е. П., отправил Аксюшу к Е.П. с предложением поселиться им на Бахметьевской. Мы побоялись, что время человеческих отношений еще не пришло и мое свидание не удастся.

Ловушка Мих. Серг., наглость Левы, борьба за какую-то глупую «жилплощадь», отсутствие осмысленной работы, чтения, недосыпание, муть в голове, пребывание – мое-то? – летом в городе создали во мне как бы провал сознания.

– Это не провал, – возразила Ляля, – это жизнь.

– Там будет жизнь, – возразил я, – когда приедем в Тяжино.

– Нет, – ответила она, – это есть та же самая жизнь, без этого невозможно и то, куда ты стремишься.

3 Июня. «Дорогая Е. П! Поздравляю тебя с нашим праздником, но приехать в этом году лишен возможности: ты сердишься, сыновья нанесли мне столько оскорблений, сколько в жизни я ни от кого никогда не имел. Повторяю, что совесть моя совершенно чиста, так как я сделал для тебя все, что мог, но любовь, которую я к вам имел всегда, вашими собственными руками до того глубоко засыпана землей, что никак не дает мне приехать к празднику: не могу – земля во рту. Но не для того я пишу, чтобы огорчить тебя к празднику, а для того, чтобы уверить тебя и сыновей: если они сумеют загладить зло своих дерзких и бессмысленных выступлений против меня, если ты сумеешь опять вернуть мне свое уважение, понимание и доверие, то я со своей стороны всегда готов простить причиненное мне зло и иметь к тебе внимание и заботу».

Вечером Вал. Филим. принес весть, что юрист Литфонда собирается через Президиум Союза писателей подвести долгое сожительство со мною Ефр. Павл. под «соавторство».

Решение о мирной политике, послать 800 р. и проч. (не запираться).

Мастер любви.

Я принес ей доказательство моих добрых дел. На это она:

– Так бы на твоем месте сделал всякий порядочный человек.

И это верно было, да! Я принес ей поэзию.

– Ты поэт, – ответила она, – твое дело и счастье такое, чтобы сочинять и славиться. Разве *наше-то* дело в этом?

– Наше дело, – ответил я, – любовь, я люблю тебя...

– А может быть, – сказала она, – вся эта любовь истекает из твоей поэзии, что это не любовь, а прихоть, игра.

– Но разве мое духовное возгорание при соприкосновении с тобой не любовь?

– Мне кажется иногда, что это ты под меня подделываешься.

– Под тебя, но ты-то кто?

– Я – гений любви.

И когда я спрашиваю ее, как она это знает о себе, на чем это знание у нее основано, она отвечает вопросом:

– А на чем у тебя основано убеждение в том, что ты писатель и даже в какой-то области такой мастер, какого не бывало, и что ты единственный в своем роде. И я согласна, – ты мастер слова, и ты должен понять, что я – мастер любви.

4 Июня. Я долго думал, что прямолинейность Ляли в отношении моей борьбы с Ефр. Павл. исходит из ее рационального морализма, соединенного с молодой неопытностью Валентина Филимоновича. Теперь думаю, что ее настойчивость истекала из страха перед жалостью, которая губила ее: она боялась, что в этой жалости к Е. П. я погублю нашу любовь.

Сегодня был опять рецидив нашего спора, и в этот раз я бойко защищался, не выходя ни из себя, ни из нее. Был очень доволен собой и уверился, что в состоянии преодолеть свои *тупики* (idola).

«Нижний этаж» для Ляли не имеет никакого значения. Но она мало считается с тем, что для мужчины он значит гораздо больше, чем она думает. И оттого потом с их стороны претензии, а с ее стороны жалость-слабость-терзание.

О борьбе с раздражительностью: выходит из себя, она мне сегодня говорила так, что победила себя в этом страданием: билась, билась и вдруг поняла средство превращать свое волнение в мысль и этой мыслью управлять и побеждать. И так из этого ясно выходит, что сознание начинается в страдании, что на страдание надо идти, что через это страдание обеспечивается мысль и воздействие на людей и возникает радость уверенности в жизни вопреки животному страху перед смертью.

Только зачем это «идти на страдание», по-моему, надо понимать так, что «не уйти от страдания» – вот это так. И еще, что страдание само приходит и к этому надо быть готовым.

Главное, не надо прикрываться страданием, что-то делать из этого, что-то надстраивать. Надо лишь знать о страдании, как неизбежности, сопровождающей всякое движение вперед. И вот, я думаю, не страданию именно надо приписывать развитие своего сознания, а стремлению к лучшему с преодолением препятствий, нужно думать о *любви*, как о движении, преодолевающем смерть.

Победа Ляли и появление Раттая с тортом.

Визит мой к Герасимовой: нет любимого человека, ребенок не утешение: любите и держитесь за любовь свою.

Раскрылись замыслы Сергея Ивановича: установить через Президиум соавторство Ефр. Павловны. Караваева и Герасимова называют все «кулацким походом».

После визита к Герасимовой почувствовал, какую прошел я школу любви и какое множество людей страдает так же, как я, и каким был я замаринованным счастливцем.

5 Июня. (23 мая, Михаил)[109]. Принялся было что-то писать о Ляле, но ничего не мог и, погрустив, решил, что лучше пойти к ней и поцеловать.

6 Июня. Вознесенье.

Аксюшина крепость пала: она выписана за 5000 р. Нам всем от этого было так, будто не мы дали деньги, а нам дали. Показался конец операции, начатой 26-го Мая (лифтерша вручила письмо от нотариуса), конец – сдача Аксюши. За время этой борьбы чувство наше с Лялей возросло до того, что в прошлом, кажется, мы даже и не понимали, как мы можем любить. И сейчас кажется, будто росту этого чувства никогда не будет конца.

– Как это *они*, – сказал я, – не могли оценить твоей нежности.

– Нежность, – ответила она, – они ценили, а вот что-то другое не могли увидеть и понять.

– Что же это другое?

– То, чего я всю жизнь свою ждала и на что у каждого спрашивала ответа. Они брали мою нежность и не давали ответа. Я их спрашивала, они же мой вопрос и нежность за любовь

принимали. Ты же мне ответил на вопрос, и я больше не спрашиваю.

– А что это за ответ?

– Словом этот ответ нельзя выразить: ты знай, что живая любовь не только по существу своему беззаконна, но даже не заключается в словесную форму и не заменяется даже поэзией. Я люблю тебя и никого до тебя не любила. А ты любишь меня?

– Люблю.

– Ну вот, вот это самое, в этом понимании и заключается ответ на тот вопрос.

Любовь у человека не исчерпывается рождением детей: у человека любовь не только *в этом*. И вот именно из этого «не только» развиваются все бездетные теории любви (вроде как в «Крейцеровой сонате»), монашеский аскетизм.

7 Июня. Назначен в 4 часа дня отъезд в Тяжино. В 10 ½ идти в Детиздат и в Гослитиздат. После того написать Молотову (о машине)[110].

В метро я спускался по эскалатору, вспоминая то время, когда я увидел это метро в первый раз: тогда я видел метро и думал о метро. Теперь я думаю о другом, а метро – это не входит в сознание. И мне было так, что в собственном смысле живут люди только те, кто живет в удивлении и не могут наглядеться на мир. Вот эти люди живут и ведут сознание, остальные же люди живут в бессознательном повторении. И вот это бессознательное повторение, возведенное в принцип, и есть так называемая цивилизация.

Перед вечером были с Лялей в лесу, и в поле, и в саду. За две недели все разрослось и стало неузнаваемым. И главное, все кругом благоухало. Мы шли как победители. Ляля думала о смерти, что смерти нет, и это благоухание приходит не из здешнего мира.

– Ты-то, – говорила она, – более сильный, тебе хорошо и неодетой весной, а я слаба, и меня теперь все поддерживает и мне хорошо.

Мысль об «удивлении» (у меня «первый глаз») – это в сознании Ляли мост между мной и Олегом. Теперь во время мировой катастрофы ясно видно, что гибель – это есть гибель цивилизации, гибель людей, вовлеченных в процесс бессознательного повторения (механизации). Какая-то страшная эпидемия охватила род человеческий, эпидемия, называемая цивилизацией (болезнь состоит в повальной зависимости людей от вещей). Спасение же рода человеческого, его выздоровление начнется *удивленностью*.

Трудно было нам в городе, но эта трудность была необходимостью, и восторг наш при встрече с природой опирался на эту преодоленную нами необходимость, мы *заслужили* свое удивление и радость.

Вспоминаю, каким бархатным голосом Лева поздравлял меня с днем ангела, который они отпраздновали в Загорске. Мне теперь было радостно, что они приходят в себя и даже что-то там празднуют. Надо так и держаться все лето, а к осени уехать.

Раздумывая о том, что какие же мы сходные, вспомнили мы, что оба питаем отвращение к *приказанию*, что оба созданы для жизни среди *равных* и оба страдаем только от того, что не можем найти себе общество равных.

Если все мое сближение с природой и мое искусство исходят из утраты любимой женщины, из клятвы: «в этот раз поступить так, чтобы не упустить радость творчества как женщину», то что будет с творчеством, если эта женщина нашлась? Ответ: когда женщина эта нашлась, то для жизни с ней стало необходимым самоусовершенствование и движение, т. е. как раз то, что требуется для искусства.

8 Июня. Ляля подсчитала наши расходы и вывела minimum траты помесячной. Тогда я почувствовал, что в этой семейной коммуне я связан, и мне теперь нельзя тратить деньги, как мне захочется. Об этом я сказал Ляле, и она удивленно мне ответи-

ла: – Но так же все порядочные люди живут, не как хочется, а как можно. От этих слов мне до того стало приятно, т. е. оттого, что я тоже буду жить, как все хорошие люди живут, до того это было мне по-хорошему ново, что я с большой радостью отказался от свободы в личной трате.

Капал дождь в лесу, теплый как парное молоко. На некоторых упавших листочках, березовых, ольховых, осиновых собралась каплями дождевая вода. Мы осторожно поднимали такие листики и угощали друг друга, капли были очень вкусные, с березовых листьев пахло березой, с ольховых – ольхой, с осиновых – осиной. После такого угощения мы спустились к Нищенке, сели на пни возле речки и слушали соловья. Когда соловей кончил, я протанцевал польку-мазурку. Ляля до того закатилась от смеха, что я даже испугался. Потом мы вместе протанцевали. Прилетела золотая птица иволга. Ляля впервые ее увидала и была крайне изумлена.

– Правда золотая! – сказала она.

Потом прискакал верховой и спросил, не видали ли мы рыжую лошадь.

Отдаваясь настоящему золотому, какое только возможно на земле, своему счастью, время от времени, однако, мы возвращались к покинутым и вместе обдумывали, как бы им облегчить расставание.

9 Июня. Стоят холода, но травы растут, перемежаются дожди. Мы начали продолжать работу. Жизни наши складываются и мы счастливы сознанием, что и нам достается то самое, из-за чего люди так держатся за жизнь. А что это? Мне думается, это «чем люди держатся», так называемая любовь – это есть оправдание или вернее стремление к оправданию земной жизни. Кажется, пусть светопреставление, пусть «провались все», но мы все-таки будем жить и будем жизнь прославлять. Любовь такая не эгоизм, и напротив, жизнь потому гибнет, что она – эгоизм, а любовь – свидетельство возможности жизни иной на земле, это есть каждый раз попытка осуществления *своими средствами* человеческих возможностей обнять собой небо и землю. Сейчас в раннеутренний

час моя любимая спит, и я один думаю, но я знаю, что я не один, что мне стоит подойти к ее постели, разбудить, и она проснется и подтвердит действительность того самого, что в моем одиночестве исходило бы тоской или в лучшем случае сказкой.

Вчера кукушка нам прокуковала жить 20 лет с половиной. И мы вообразили себя стариками (ей 60, мне 87), радовались, что помним себя молодыми, как теперь (я-то, я-то!), этой памятью живем, и внешняя жизнь не оказывает на нашу любовь никакого влияния.

Семейные воробьи затрещали в беспокойстве возле своих гнезд. Луга покрылись одуванчиками.

10 Июня. Речка Нищенка и Ляля-нищенка (основное: презрение к авторитету).

Человек иногда высказывает совершенно обратное тому, что сам в глубине своей переживает.

Сегодня мы пришли в бор, я положил голову свою ей на колени и уснул. А когда проснулся, то она сидела в той же позе, когда я засыпал, глядела на меня любящими глазами, и я узнал в этих глазах не жену, а мать, такую настоящую мать, какой у меня никогда не было.

– Моя мать, – сказал я, – была деловая, она за нескольких делала мужскую работу, и я ее, как мать, как женщину, не чувствовал. Я впервые в тебе чувствую мать.

– А я же и есть мать, знаю по чувству своему ко многим, только каждый хочет быть собственником. И это отравляет мне жизнь.

Иногда я думаю, глядя на Лялю, что она гораздо больше того, что я способен открыть в ее существе. Сегодня, когда я лежал у нее на коленях, мне стало вдруг очень понятно: это существо в ней больше моего охвата и больше всего и лучше всего мне известного, это существо – мать.

Новая вещь будет называться «Теплая капель».
Березовый сок. Зерна, Посев, Семена, Следы.
«Капель» – слово Лялино, «теплая» – мое.

Сердце не успевает остыть, пока бывает оформлено значение падающей из души капли полного чувства. Всегда эта капля, это проходящее мгновение отвечает действительности, всегда оно – правда, но не всегда верна бывает заключающая ее форма: сердце не ошибается, но мысль должна успеть оформиться, пока еще сердце не успело остыть. Чуть опоздал и потом не можешь понять, хорошо ли написано или плохо.

Я долго учился записывать за собой прямо на ходу и потом записанное дома переносить в дневник. Все написанное можно потом складывать по записям, но только в последние годы эти записи приобрели форму настолько отчетливую, что я рискую с ней выступить. Я не первый, конечно, создатель этой формы, как не я создавал форму новеллы или романа, поэмы. Но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник стала, быть может, больше моей формой, чем всякая другая.

Знаю, что не всякого читателя заинтересует моя «Теплая капель», и в особенности мало она дает тому, кто в словесном искусстве ищет обмана, забвения от действительной жизни. Но что делать, всем не угодишь, я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает оттого, что сам не в силах схватить их.

Закончился период внешней борьбы и начинается внутреннее строительство. Бывает, теперь берет оторопь, спрашиваешь в тревоге себя: а что если это чувство станет когда-нибудь остывать и вместо того, как теперь все складывается по нашему сходству, все будет разлагаться по нашим различиям? Я спросил ее сегодня об этом и она:

– Не хочу думать, отбрасываю. Если мы не остановимся, мы никогда не перестанем друг друга любить.

– Да и намучились мы, – сказал я, – довольно намучились, чтобы искать чего-нибудь на стороне.

Раньше душа ее была в том, чтобы вечно ждать и вечно искать кого-то по сторонам. Теперь ей довольно, больше она не ждет никого.

11 Июня. Прохладно, ясный и безветренный день. В бору Ляля работала, я дремал у нее на коленях – вот жизнь! Ляля изменилась в лице и стала отсутствовать. Как я ни пытал ее, ничего не добился, уверяет в любви, ссылается на то, что ей слишком хорошо: много ест, много спит. После обеда прочитала страничку из Исаака Сириянина и выправилась.

Приехал Разумник (прописался в Тяжине), в первый раз понял его через себя обиженным (где-то что-то я написал в дневниках). И через это понял всю его обиду от всех. Он почти 40 лет знает меня и дальше «Пана» во мне не ушел. Ляля знает 4 месяца и куда дальше идет. Почему это?

Очень тревожусь весь день за Лялю, что много, много еще придется мне за нее испытать, много испытаний выдержать и перемен. Самое же главное, это надо быть всегда готовым, всегда мобилизованным к борьбе с косностью как в себе, так и в ней.

Немцы подошли к Сене. Мне почему-то приятно, а Разумнику неприятно, и Ляля тоже перешла на его сторону. Разумник потому за французов (мне кажется), что они теперь против нас, как в ту войну стоял за немцев – что они были против нас (хуже нас никого нет). А Ляля потому против немцев теперь, что они победители, и ей жалко французов. Я же, как взнузданный, стоял за Гитлера. Но в сущности я стоял за Гитлера по упрямству, по чепухе какой-то. На самом деле единственное существо, за кого я стоял, – это Ляля. Я дошел в политике до этого: «за Лялю!». И мне вовсе не совестно, потому что довольно было всего – будет, пора! не за Гитлера, не за Англию, не за Америку – за одну единственную державу стою, за Валерию.

12 Июня. Исаак Сириянин и солнечная ванна в лесу. В достижениях детства пустынник может дойти до того, что позволит

себе перед причастием наесться мяса, и это не будет грехом. Ляля, читая, нашла себе оправдание, и ей стало легко. Так точно в детстве у меня было, врожденная потребность почитать и тем успокоиться. Работали в лесу до обеда: начали материалы разбирать по отделам. Но вечером долго далеко бродили в лесу и постановили о молочных и мясных днях. Возвращались по лесной дороге, и я думал о нашей жизненной дороге – куда она приведет нас.

Пока немцы были в опасности и все говорили, что за Гитлера нельзя ставить карту, Ляля стояла в политике за немцев. Когда же немцы подошли к Парижу[111], то стала жалеть французов и одергивать меня, когда я радовался немецким победам.

13 Июня. В лесу Ляля на солнечной полянке работала голая над моими рукописями, и я увидел в ней девочку лет 16-ти и мне открылся весь секрет ее прелести: она эти мечты 16-летней девочки сохранила в себе до 40 лет в полном соответствии с грудью своей девичьей.

Уловил во время телесного сближения момент, когда показалось лучше душою к душе прижаться, чем... и в этот момент произошло переключение чувства.

Никому не изменял, но записал в дневнике, что готов изменить интеллигенции, даже той, которая в тюрьмах и ссылке, готов примкнуть к делу Сталина, значит – к делу воссоздания России. Разумник нашел эту запись и о ней сказал Ляле с просьбой не говорить мне. Интересно бы узнать, с какой целью он сепаратно перешепнул Ляле обо мне, с его точки зрения, не совсем лестное для меня признание?

Разумник так абсолютен, что Ляля воздерживается при нем высказываться вовсе: как можно высказываться при человеке, всем своим образом утверждающем абсолютную истину? Удивительно в этом, что Раз., по существу, ни во что не верит сам, а только боится не верить, и на людях лишь делает вид такой, такого неопровержимого сознания истины. И Ляля это знает хорошо, и ее это бесит немного, что знает она, что он ничего не знает и что сама она бессильна это высказать!

Свистели иволги где-то за нашим бором.

– Иволга, – сказал я, – золотая птица, вот погляди.

Она увидела пролетающую удивительную птицу и очень удивилась.

– Она беспокойная, она, – сказал я, – революция.

– А кукушка? – спросила она.

– Кукушка загадочная, это оракул. Давай загадаем, сколько нам жить. Насчитали 20 ½ лет (ей будет 60, мне 87). Поговорили о нашей старости и заключили: – Нам это не страшно, мы будем тогда помнить друг друга, какими мы были, мы будем это хранить.

– А это, слышишь, это что?

– Это горлинка, мирная птица, она поет о мире и о доме.

Ляля страдает пороком рационального выражения своих впечатлений. Это у нее оттого, что она много имела дела с учеными мужчинами. Я ей об этом сказал, и она сразу поняла этот свой недостаток.

Какими бы ни были мы бездомниками и очарованными странниками жизни, но горлинка сейчас нам верно воркует: сейчас мы именно в доме, и некуда и незачем нам ехать, сейчас мы друг друга нашли. И вот именно это удовлетворение и не дает мне силы оценить поэтически во всем значении этапы нашего чувства.

– Самое дорогое, – говорит она, – мне в этом чувстве, что оно есть продолжение любви к Олегу, «страсть бесстрастная».

– Но ты же испытывала страсть?

– Она перешла в любовь. Конечно, я делаю только вид, как будто и я женщина, и жена, и хозяйка, и я одеваюсь как все, и веду себя как все. Но это все лишь для показа. На самом же деле все во мне сводится к ребенку, к игре. Можно ли на этом основаться двум? Не знаю, как другие, а у меня с тобой сейчас это выходит. И это основание есть страсть бесстрастная.

Много сегодня говорили об *удивлении* (то, что я называю «первым глазом»). Удивленным и очарованным прохожу я свой путь, и вот она, дорога, по которой мы теперь идем вдво-

ем. Дорога загибает в лес и там теряется, и опять находится, засыпанная прошлогодней листвой, и опять мы идем, и не знаем, куда она выведет нас.

Боже мой! какая чудесная долина открылась нам, и окутанная ольхой, в зеленой этой долине бежала речка Нищенка. Вскоре мы пришли к зарослям сосен с побегами, похожими на канделябры, и в тех зарослях нашли новые заросли, среди которых была беседка из акаций и сирени. Тут в темноте зарослей сирень, везде отцветшая, только-только распустилась. Среди беседки лежал единственный уцелевший столбик когда-то служивший ножкой скамейке. Кто сидел тут на этой скамейке? Сирень всей своей ароматной силой старалась нам напомнить, но сколько мы не нюхали, вспомнить ничего не могли.

– Возможно, – сказала Ляля, – люди были плохие, возможно, и хорошие, но все равно, если плохие – то среди них, наверно, были и хорошие, и кто-нибудь из хороших приходил на эту скамеечку... А тебе приходит в голову, что земля – это мы, или вернее – в значительной мере – это мы?

– Непременно мы, – ответил я, – ведь все животные, все растения – это мы, а почва...

– Печь любви нагревает душу, для того она и горит, чтобы в душе что-то рождалось.

– А если только дети?

– Если только дети рождаются, то это еще не говорит о душе.

Ложась в кровать перед сном, не менее часу, обняв друг друга, вплотную (первый раз понял, что значит в-плоть-ную), мы не менее часу точно так же прислоняемся и душа к душе. В этот раз мы путешествовали по Кавказу, приехали по Военно-Осетинской дороге к Сурамскому перевалу...

14 Июня. Ходили прописать Разумника в Велино и проводили его в Бронницы. Летний, но прохладный дождь. Раз. шпынял меня за дневник, я едва терпел, меня в нем стало все раздражать, и что главное, его тупая убежденность в том, чего нет...

В своих обнажениях тела Ляля совсем ничего не стыдится и в то же время она не «бесстыдная». Дело в том, что она *показывается* не с целью завлечения, а как бы предупреждает: бери, если нравится, но помни, что это еще не любовь... Возьми, но я жду не этого.

Можно ли веровать в Бога, если не веришь чудесам? Я думаю, что это невозможно. Вот мое *удивление*, что это значит иное, как не ожидание чуда: удивление, как *предчувствие* чуда, а самое чудо есть свидетельство о Боге. Вот появление Ляли у меня я считаю за чудо, и со времени ее появления считаю себя верующим в Бога и, по всей вероятности, христианином.

А впрочем зачем мне *говорить*, что я верующий? Почему это «верующий» не оставить про себя до необходимости начать священную войну? Тогда в разрешении войны оно само собой скажется: верующий я или неверующий. Вот сейчас я выдержал св[ященную] войну за Валерию и могу назвать себя верующим. Но это не конец, человек, пока жив, готовится к новой и новой св[ященной] войне, в этой готовности постоять за свое лучшее и состоит религия, а не в том религия, что...

Никогда я Разумника не любил и не был, и не мог быть с ним откровенным. Но он вошел в мою жизнь непрошенный и занял в ней какое-то неподвижное положение, вроде энциклопедического словаря.

Раз мне известна история ее души, то надо всегда сознавать настоящее время, т. е. что прошлое было как необходимость для создания настоящего и что если я *в настоящем*, это значит, я – ее единственный и в отношении ее прошлого. Что же касается будущего, то оно в руках Божиих, и, значит, тем самым *в наших* с ней руках, в собственных.

Она лишь кажется слабой в своей жалостливости, на самом деле слабость эта есть ее сложность. Но как только из этих колебаний родится принцип, идея – она идет за идеей с беспощадностью и может идти до конца. Собственно говоря, ее

искания «равного» на этом и основаны: она ищет равенства в духе, и таким равным был у нее только Олег.

Чудо уже в том, что до 40 лет в женщине могла сохраниться девочка Ляля. Эта сохранность детства и есть источник ее привлекательности и свежести. Напротив, практичность женщины нас отталкивает...

В таком же соотношении находятся культура и цивилизация.

Надо очень помнить, однако, что мое разбирательство жизни Ляли имеет не литературную цель (хотя цель эта не исключается), а цель самой жизни моей.

Истинная религия не любит мистики, принимая, наверно, ее за колдовство. Но когда Ляля увидала в лесу на березе крест с инициалами КВ, то приняла это как явление личного креста, пусть даже лишь как символическую случайность. Целых два месяца она ходила молиться к этому кресту. Но когда пришел Разумник и полуслепыми своими глазами разглядел, что буква К при зарастании надреза образовалась из Х, что первоначально надпись была ХВ (Христос Воскресе), а не «Калерия-Валерия», лесной крест потерял над ней свою власть, и она перестала молиться в лесу.

15 Июня. Ляля встала в 6 у. и утренние два часа провела в лесу одна. Пришла в восторге и записала в дневник, что теперь у нее *каждое* утро будет такое. Я, вспоминая себя в таких случаях, обратил внимание на это «каждое», понимая это «каждое утро» подобным ритмически расходящимся кругом на воде после удара чем-нибудь о поверхность, или же как расходятся электрические волны по воздуху (радио).

И мне представилась наша человеческая жизнь тоже так в своем происхождении: какое-то начальное, высшее существо дает удар в человеческой среде, и вот начинаются повторения, перекаты, круги; и так вся огромная масса людей и в данный момент, и в истории повторяет, переживая какое-то начальное действие очень немногих людей.

И, несомненно, не я один так понимаю развитие *духовного* мира, т. е. движение от высшего к низшему (волны-круги все

меньше и меньше); поражает, однако, при возвращении к физическому миру, что там принимается обратная теория – развитие от низшего к высшему (происхождение человека от обезьяны).

Лялина мысль, осуществляемая практически, состоит в том, что любовь, если она развивается, в себе же самой находит спасение от греха, потому что низшая («греховная») ступень находит свое оправдание на высшей ступени.

Любовь, обращенная ко времени и пространству, является нам, как размножение. Любовь, направленная вовнутрь, порождает личность (сознание). Чувство греха («я виноват») есть момент зарождения личности, сознание греха есть момент рождения личности (сознания).

Все дальнейшее сводится к смирению («да будет воля Твоя»), приводящему к чувству *личной свободы* и последующему *разумному* со-действию, преобразующему мир.

Участие же свое или со-действие преображению мира (творчество) непременно сопровождается радостью. И потому *радость* не является целью, но она есть показатель личного содействия преображению мира. Вот сокровенная сущность нашего брака (союза) с Лялей. И вот почему так неприятно бывает, когда люди низшего сознания заключают для них совершенно недоступные цели в свои бедные бытовые понятия...

С какой-то другой точки зрения, напротив, не только понятия муж и жена, брак и т. п. вплоть до записи (ЗАГС), до постели в Лаврушинском, до «генеральской рубашечки» меня радует в своем достижении, в осуществлении самого потаенного желания *«быть, как все»*, в смысле своего воплощения (я *рад* тому, что и я тоже, как все). Так, что сущность брака (творческая, созидающая) есть воплощение. Эту радость воплощения (чудесной материализации) я чувствую, сравнивая лучшие свои достижения в деле словесного воплощения с этим воплощением человеческим: это неизмеримо полнее, с этим *ничто на свете не может* сравниться.

Почему мои загорские «ближние» бранят мой характер, а Ляля слов не находит, чтобы его похвалить? Потому что там

не любят и не понимают меня, а здесь любят. Через это понимание любовь и поднимает, и отдает, и возвышает тебя в собственных глазах.

В своих опытах любви Ляля узнала цену себе. Я, напротив, единственно только в писаниях знал цену себе. Завоеванием Валерии, однако, горжусь и уважаю себя, и устанавливаюсь как победитель. Это первый мой шаг после писательского самоутверждения. И в этом я доволен собой.

16 Июня. Троица. Такое движение вперед, такое сближенье, такая любовь: разве каких-нибудь пар десять сейчас любят... Но бывает изредка, будто дунет кто-то на любовь, и туман рассеется, и нет ничего. Тогда тревожно спрашиваем мы: «Любишь ли ты еще меня?» И уверяем и доверяемся, и опять приходит новая волна и сменяется новой. Как будто цветистый поток бежит, уходит и вечно сменяется новой водой.

Были мы в лесу утром, везде видели молодых птенцов, глупенькие сидят на сучках, на изгородях, на железных проволоках, и возле них мечутся в страхе родители.

«Вода – стихия самая близкая к душе. Вода, – я не знаю, что это за сила целебная. Бывает, на совесть что-нибудь ляжет, оботрешься – и как будто получил прощение» (Ляля).

Заброшенная мною фотография мгновенно возродилась, как только я начал сознательно снимать одну только Лялю: на место природы стала она. И так, я думаю, сосредоточиваясь вокруг нее, возродятся все мои навыки.

Когда сам лично выступаешь со своей жизнью на вид и тебе уже нет отступления, и весь исход борьбы зависит только от того, какой ты есть сам, тогда ты только и увидишь, как мал еще человеческий опыт на земле, как нажитое человечеством мало дает опоры в личной борьбе. Так вот теперь я испытал любовь и вижу ясно, до чего смущены любовью все поэты и во все времена, в том числе даже и автор «Песни Песней».

17 Июня. Во время прогулки мы с Эль сели на поваленное дерево, в тишине лесной гурковала горлинка. Я говорил ей о том, что до того сейчас я с ней, что мое одиночество не нарушается.

– Какое одиночество?

– Хорошее, мое одиночество, когда я слышу вот как теперь, например, голос горлинки, и мне это как голос от всего мира, и я через это как-то самоутверждаюсь. Ты это знаешь?

– В детстве знала, а потом страдания все разрушили[112], и в пустынном одиночестве теперь я чувствую только любовь, понимаешь, не к букашкам, таракашкам, горлинкам, а переполняющую мою душу любовь…

– И я тоже не к таракашкам чувствую, а через таракашек к целому миру, который ты назвала бы Богом. Пусть не совсем как у тебя, но это поэтическое чувство входит в состав религиозного, как чувство личности, как самоутверждение.

– Знаю, знаю, это было у меня.

– Главное тут удивление, как будто очнулся и увидал невиданное. Помнишь, как Олег говорил о таком удивлении, что оно свойственно девочкам, что это св. София чертит свои узоры…[113]

– Возможно, я к этому вернусь. Я утратила это в страданиях, любовь это пересилила и закрыла. Но, возможно, я к этому вернусь…

Прошло некоторое время. Мы встали, в молчании прошли по тропинке, удивились красивой форме ее и всех тропинок, выбитых человеческой ногой. Переходя овражек, она повернула мое лицо к себе, спросила:

– Скажи, что ты любишь меня.

– Люблю, но скажи мне, что за этим вопросом скрывается, ведь он порожден сомнением?

– Это возникло, когда ты говорил, что я не мешаю твоему одиночеству. Я возревновала тебя к твоему одиночеству.

И потом стала мне говорить, что ничего она так не боится, как равнодушия в довольстве.

– Этого, – спросил я, – ты боишься с моей стороны?

– Как с твоей, – ответила она, – так и со своей.

– Бывает разве у тебя так, что возникает сомнение в себе?

– У меня на дне бывает тысячи всяких перемен, но я держусь твердо решения быть с тобой до конца в единстве.

«Лесная капель» – материал собран[114], остается разбить по отделам, один лучший отдел: «Фацелия».

Почему это, когда о пустяках думаешь, чувствуешь, что умнеешь, а когда натужишься на умное, – бывает, хватишься: до чего же я поглупел!

Семейная жизнь и женское дело.

Об этом всем интимном и недоступном для холостого мужчины обыкновенно думаешь, что тут все совершается по каким-то неизменным предвечно установленным путям, вроде как бы по орбитам планет. А когда войдешь сам в этот мир, то тут-то и понимаешь, наконец, что и орбитные пути изменчивы, что и тут совершаются постоянные нарушения и что нет вообще нигде в свете ничего постоянного, предвечно-упорядоченного и неизменного.

18 Июня. Разговор начал я, сравнив свое положение с нашим хозяином: тоже вот старик молод и мог бы тоже найти себе молодую и умную, а живет со старой и глупой.

– А где ему найти по себе? – сказала Ляля. – Это очень, очень трудно, почти чудом находит один человек другого по себе, вот так, как мы. Ты-то вот не в деревне, а в городе живешь, почему ты не мог найти по себе?

Она была права: огромнейшее, преогромнейшее большинство людей живет в неравных парах. Найти по себе до крайности трудно, и, значит, вот почему Церковь затрудняет развод, оставляя эту свободу только для избранных.

Надо бы на Лялю приналечь в иных случаях, чтобы получше писала да пораньше вставала... Но как подумаешь, кто она мне, кого я в ней нашел, на что с ней надеюсь и как она настрадалась, – станет совестно принуждать, и простишь ей: «спи, милая, больше, пиши как-нибудь, а я за тебя не посплю и за тебя попишу с наслаждением».

Меня задевало чем-то и непонятно было, откуда взялось у нее, столь робкой, такое самоутверждение, когда иногда мне говорила: «Вы еще не знаете, какая я и что я могу». Или: «Мало таких женщин на свете, как я, и даже может быть я одна». – «Такая умная, – думал я, – и так хвалится!» Несколько месяцев длилось мое недоумение, как вдруг я все понял: это с такой страстью она ждет любви, что, представляя себе возможного любимого, видит себя той, какой могла бы она быть, если бы она его дождалась.

20 Июня (св. Валерия). После многих лет без праздников у Ляли первые именины. Подарок мой: целый день не напишу ни одного слова, вот почему и пропало 19-е число (а помню, надо было записать, что наша «пустыня» (т. е. чувство, которое приходит к человеку, когда он остается в природе один), это чувство определяет и нас в быту: раз Бог – Любовь, то Ляля и жаждет близости с человеком, воплощения этой любви божественной, и раз у меня «я – сам» как фокус Целого, то я в быту писатель, природовед, искатель.

Предсказанье о приезде Александра Николаевича с тортом. И появление его точно по предсказанию.

Обучение Ляли фотографии.

21 Июня. Наш спор начался с критики «Дом в Загорске». Обвинение: я такими хорошими сделал членов моей бывшей семьи, что Ляле остается принять на себя вину разрушения «счастья». Такая критика, исходящая из ревности, меня рассердила, и так пошло: я защищал художника, она нападала на человека.

Утром в лесу спор дошел до того, что я стал защищать художество, как создание новой лучшей реальности, как воплощение. На это она возразила делами Олега: он тоже стремился создать новую реальность, но не мог, и «плоть» не досталась ему. На это я возразил тем, что О. был молод и не владел в достаточной мере силой родственного внимания: не понял ее. А если бы понял, то стал бы жить с ней, как я, появились бы дети, и он узнал бы... Так в споре мы подошли к реке Нищенке. Тут на

берегу стояла старая седая кобыла, возле нее на траве валялись два гнедых жеребенка, ее дети, годовалый и новорожденный. Мы видели, как кобыла, наклонясь, коснулась губами своего жеребенка. Так в молчании у лошадей совершалось то самое, о чем люди говорили и не могли договориться всю ночь и утро. Это молчание было земным полюсом достижений святых: то же молчание при достижении полноты (Целого, Бога).

Одно, главное обвинение Ляли, что будто бы я не выношу критики себя, как писателя, не выдерживаю даже прикосновения к своему делу, как к ране. Я же видел, что она не о моей работе думает, а о себе, оскорбленная рассказом о доме в Загорске.

Религиозный человек, имеющий постоянное общение с вечностью, в малых земных делах должен быть образцом для всех маленьких людей, лишенных дара чувства вечного в мире. Вероятно, это до крайности трудно, и вот отчего пустынники жили в пустыне, а художники создали себе особый растрепанный вид и обстановку «художественного беспорядка». Современные художники, однако, забросили это и стремятся внешним своим видом нисколько не отличаться от прочих людей. Наверно, так будет и с религиозными людьми, они забросят пустыню внешнюю, не будут никуда уходить, а, оставаясь на месте особенным усердием и поддержкой внешнего порядка «в малых делах», создадут себе непроницаемую для постороннего взгляда пустыню. Будущий пустынник будет иметь свой автомобиль, самолет и окружит себя разными техническими усовершенствованиями, и особенно обратит внимание на свой костюм.

22 Июня. Святая «бесстыдница» (блудница).

Нет ничего хуже того «стыдно» условного, через которое воспитывается страсть к запретному телу: именно тем, что худо, приучают к безликому удовлетворению похоти! Приучают к тому, чтобы только дорваться, а там под прикрытием плоти все равно был бы хоть кто. Из этого и создается проституция: обыкновенная «любовь» за деньги. Ляля не имеет в себе того «стыда» и в короткое время воспитала меня:

я теперь больше уже не чувствую той отдельности своей от женского тела, в которой разгорается плоть. Напротив, мне удавалось для удовлетворения добиться через близость тела прикосновенности к душе, чтобы плоть моя не выходила из меня, а растворялась в моей крови. За счет этого растворения получается постоянное любовное состояние, постоянная мысль обо всем через друга (от этого получается не удовлетворение, а со-творение, т. е. творчество в сообществе с Целым).

...Вывелись все птицы. На пашнях старые грачи кормят червями молодых, и те, трепеща крылышками, принимают от старых червей. Зацветает рожь. Полк за полком, каждый день прибывая, выходят цветы на луга, и в тех овражках, где неодетой весной бежали ручьи, теперь, заполняя бывшее дно и все склоны, бегут реки цветов.

Она такая неряха в делах, а никаким деловитым существом нельзя заменить ее безделья, она такая ненадежная любовница, а никакой самой надежной ее нельзя заменить, такая обманчивая, но обман ее слаще, умнее и надежнее правды.

Вечером мы простились с ней до 26-го. На обратном пути Наталья Аркадьевна мне говорила о трех вещах: первое, что над Лялей должно быть твердое руководство, второе – она очень трудная и ее надо претерпеть и третье, что нельзя тоже и не давать ей воли и не доверять.

На это я ответил, что руководства вообще я не беру на себя и совершенно к нему не способен, пока я настолько верю сейчас в себя и в нее: она не должна сама по себе поступать самовольно, а только как надо.

На второе (претерпеть) ответил, что я уже претерпеваю, но пока мне всякое лишение свободы сладостно, мне даже иногда кажется, что мог бы ради нее не писать, хотя очень возможно, что в этом обманываюсь.

А на третье, о предоставлении ей свободы, ответил, что свобода в ее руках, но глаз мой: пока люблю – глаз своих с нее не спущу, пусть мне это даже будет стоить моего таланта. Впро-

чем, я глубоко верю, что, растворяя талант свой в любви, я себе что-то наживаю.

– А что это значит «глаз не спущу»?

– Это значит, – ответил я, – что любовь есть движенье и надо, двигаясь вперед, самому следить глазами за другом.

В этом движении есть две опасности. Первая состоит в удовлетворении каким-нибудь достижением и возникновении чувства собственности: эта опасность приводит к слепоте: при остановке из-за собственности друг исчезает из глаз.

Другая опасность, что в собственность обращаются ценности, взятые не из души друга, а из собственной души: иногда увлекает свое, только свое, хотя бы даже такое великое, что кажется самому, будто оно исходит от Бога. И вот если ты хочешь вместе с другом к Богу идти, то не закрывай глаз и тут: не верь звезде своей, откажись от этого бога, разыщи своего друга, чтобы вместе идти. Помни всегда, что эта опасность страшнейшая, что это весы, на которых взвешивается и проверяется вера твоя и вера твоей возлюбленной. Это испытание, в котором ты отказываешься от своего бога с тем, что, если Он Бог настоящий, Он больше бы полюбил тебя и на твой путь поставил твою возлюбленную. Это испытание, в котором ты своему обманчивому прежнему богу говоришь: – Отойди от меня, Сатана, мой единственный Бог живет в сердце моей возлюбленной.

Весна в этом году запоздала недели на две и вдруг принялась догонять: только-только развернулась береза и заблестели ее клейкие листики, как уже смолкла брачная песня самцов и самки сели на яйца.

После знойного дня наступил вечер не прохладный, а только не жарко. И такая тишина! Мне кажется, я никогда не слыхал такой тишины, – ни одной птички и только изредка жук прожундит.

А давно ли, давно ли была еще такая ужасная борьба Солнца с Морозом, и как тогда, после победы Солнца бросилась вся тварь на свою «любовь». Теперь же вечером в этом молчании было так, будто их бог вполне удовлетворенный сел у реки покурить, и дым его туманом поднимался над рекой. Ему теперь осталось только курить, самки его все уже сели на яйца.

Мы осмерклись, сидя на изгороди, как куры на шестке. Вместе с природой я чувствовал удовлетворение и тоже покуривал, как бог у реки. Так мне ясно было теперь, почему у животных их акт размножения совершается всегда целомудренно, и в слова «животное чувство» мы, люди, вложили свой грех: вся тварь совершает свой жизненный акт бессознательно, а грех человека состоит в разделении души на плоть и дух в их борьбе.

Не отсюда ли происходит и все сознание с тем, чтобы все разделить, и потом, поставив все на свои места, спрыснуть все живою водой творчества жизни, и воскресить в единстве и радости?

Вот моя подруга рядом сидит со мной на шестке.

– О чем ты думаешь, милая?

– Я думаю, – отвечает она, – что ты прав: чтобы десять кур прокормить, нам нужно в месяц не меньше двух-трех пудов зерна, а мы за полгода для себя едва достали три пуда ржи. Овес же еще трудней доставать. Давай кур променяем на масло и только двух курочек оставим себе для забавы: на двух у нас хватит.

– Придется кормить трех, – сказал я, – необходимо оставить себе петуха.

– Ах, как же это я забыла про петуха, но как ты думаешь, может быть, петуха овсом не надо кормить?

– А чем же?

– Картофельными очистками: ведь ему же легче жить, ему не надо яйца нести.

Мы весело посмеялись, и я подумал, что, пожалуй, на всем свете единственная хозяйка, Ляля, могла думать о такой экономии зерна: всю жизнь, бедная, имела дело с бесполезными петухами: она привлекала их к себе дразнящими бедрами, а сама в них искала души. Так и сохранилась эта женщина до сорока с лишком лет с девственной грудью Психеи и бедрами самки.

Вся жизнь прошла, как самая жестокая борьба за Психею, и улей ее оставался без меду, усыпанный трупами убитых трутней...

Разве я-то сам не самец, разве не дразнило меня при встречах с женщинами чувственное изображение и не влекло меня за собой? Но почему-то с ней даже при первой встрече меня впечатлила только душа ее, и в этом первом соприкосновении душ не впечатлялось изображение женщины?

Значит, бывает же так у людей и только у людей так, что вначале обнимаются только души, соединяются, проникаются и начинают медленно облекаться в животную плоть, и так происходит не совокупление, а воплощение. Я могу припомнить, как у моей Психеи создавались ее прекрасные глаза, как расцветала улыбка, блестели и капали слезы радости, и поцелуи, и огненное прикосновение, и весь огонь, в котором единился в одно существо, разделенный грехом человек. Мне было тогда, будто древний Бог, наказавший человека изгнанием, возвращал мне свое благоволение и передавал в мои собственные руки продолжение великолепного творчества мира, прерванное грехом человека.

23 Июня. Нат. Арк. рассказала о детстве Ляли, что вот как ее баловали: пылинки сдували.

Чувствую, что уловил колебание весов, на которых перед Всевидящим Оком взвешиваются наши дела. И я знаю, что когда Ляля говорит о любви, о молчании твари и святых, чаша склоняется в ее сторону. А когда она говорит о простой радости от созерцания природы, о художестве, детстве, чаша склоняется в мою сторону. На моей чаше лежит детство, игра, искусство и все другие лучшие желания человека – жить как хочется. На ее чаше добро как любовь, и молчание, и обязанность человека жить, как надо.

– Когда-то давно и я тоже наедине с природой оставалась, и была как ребенок, и Бог мне показывал земную тварь, как игрушку. Теперь я не могу так: я измучилась, и когда остаюсь с природой наедине, Бог мне указывает на подвиг любви, на добро.

– Значит, Ляля, Бог-то все-таки один, и зачем нам с тобой спорить: мне Он дарит мир, как игру, тебе – как добро и любовь.

– А как же иначе?

– Так оно и есть, и если человеку надо жить на земле, то вовсе не надо тебе трудиться, чтобы оторвать меня от игры.

– Как ты ошибаешься и не хочешь понять меня? Я хочу показать тебе, что жизнь не только игра, но и любовь.

– А любовь – ты сама говоришь – явилась к тебе через страдание, и это страдание тоже и лишило тебя игры. Вот я и боюсь, дорогая, что, приняв через тебя любовь, я потеряю, как и ты, охоту к священной игре.

– Что за вздор! Если я в защите себя нашла против страданий как целебное средство любовь – мне ли защищать самое страдание? Но если я не могу играть как ребенок, я любуюсь игрой и оберегаю игру, и хожу за ребенком. Любовь – это мой путь к радости. Я защищаю игру от любви – что за бессмыслица! Разве любовь не больше всего, разве может добро любви восставать на добро жизни, на детскую игру, разве не входит в любовь задача священная поддержать радость игры и рост детей.

Но какой разговор может быть о первенстве в чем-то, если с первого шага я отказался от собственности и все имущество передал невесте. Только в одно я верю и знаю, что чем больше я, любя другого, буду отдавать ему и раздавать тем, кого он любит, тем больше чего-то самого дорогого будет оставаться со мной.

В основе любви есть неоскорбляемое место полной уверенности и бесстрашия. Если случится в этом с моей стороны посягательство, то у меня есть средство борьбы против себя. Я отдаю всего себя в полное распоряжение друга, и через это узнаю, в чем я прав, в чем виноват. Если же я увижу, что друг мой посягнул на святыню мою, я проверю его, как себя. И если случится самое страшное и последнее: друг мой станет равнодушным к тому, чем я горю, то я возьму палку свою дорожную и выйду из дома, и святыня моя останется все равно непоруганной.

Бедный Олег! он по юности видел препятствие в том, чего нет, и, уходя в путь, не заметил то место, куда ему рано или поздно придется вернуться.

Разве так не бывает, что жизнь в основе своей сложная и что-то забудут сложить, и оно останется на случай беды. Тогда оно покажется, и это нечто несущественное примут за причину разлада. У нас это нечто есть неверное понимание меня

в отношении моего таланта. Мне кажется, я совсем свободен от тщеславия и сержусь лишь, когда меня не понимают. Она же зарубила себе на носу, что я самолюбец, и при случае будет меня этим колоть.

24 Июня. Ранним утром от шести часов сижу голый в бору, вокруг воркуют горлинки, с пером в руке молюсь по-своему и думаю с любовью об отсутствующей Ляле. Мне сейчас становится ясно, как никогда не было, что Ляля – это самое лучшее, что я в своей жизни встречал, и всякое раздумье о какой-то личной «свободе» надо отбросить как нелепость, потому что нет свободы большей, какая дается любовью. И если я всегда буду на своей высоте, она никогда меня не разлюбит. В любви надо бороться за свою высоту и сим побеждать. В любви надо самому расти и расти.

Так тяжело было расставаться, а когда расстались, то больше увидел и больше полюбил. Зачем же тогда бояться последнего расставанья? – тоже ведь расстанешься – и больше увидишь и больше полюбишь.

Если бы я убедился в предпочтении ею кого-либо, доходящем до меня через равнодушие, то я взял бы палочку и вышел из дома неизвестно куда, и постарался бы так замести следы за собой, что так бы никто и не узнал, куда я ушел.

А если бы попал в положение Мих. Сергеевича и остался бы один, то вступил бы с самим с собой в смертельную борьбу за свободу от недоброжелательства к ней.

Надо быть самодовольным собственником, чтобы отказаться от возможности такой встречи с ее стороны, что я буду обойден. Но все, что возможно сделать человеку для защиты другого любимого от такой беды, она сделает.

Какая бы радостная она ни была, стоит ее оставить одну, как уголки губ ее опускаются, лицо удлиняется, обостряются на лице косточки, глаза уйдут неизвестно куда, и радостная солнечная женщина становится монашкой.

А может быть тот внимательный уход за собой, который я получаю теперь от нее, как Божью милость, есть самое обык-

новенное у всех любящих друг друга людей, о чем только не говорят, что само собой разумеется, если...

Через Лялю мне стало дорого все, чем я бранился: лето, дача, жара, загорание, уход за телом и т. п., все, чем все живут, чему радуются, что для всех является желанной целью, о чем все плачут, если этого нет. Через Лялю я получил то, что у всех, но, конечно, от этого не стал как все.

Многое в мастерстве любви у Ляли я принимаю за действие любви, на самом же деле она, как мастер любви, умеет это делать для всех. Самая любовь же тогда только и есть любовь, когда она вызвана впервые мною и для меня единственного. И это состояние единственного точно так же опасно, как успех и слава для художника. В успехе голова художника кружится, и художник перестает быть бескорыстным, и часто в корысти своей лопается, как дождевой пузырь. А в любви через признание «единственным» он делается собственником женщины, и через это любовь, как и талант, погибает.

«Почему же ты не сказал?» – это обычная фраза у Ляли в таких случаях, когда *сказать* бывает и невозможно, и никто не говорит словами, когда бьются на кулаках. Вот и замечательна эта вера ее в слово, в человека, защищающего себя словами, и, пожалуй, умеющего в слове выразить то, что обычные люди решают кулаком.

Вот горе, что вся гордость моя опирается на то, что Я, среди множества пузырей славы, направляю все свои моральные силы на охрану «единственного», я в искусстве, как самая чистая девушка, а Ляля иногда принимает это за самовлюбленность, бахвальство и пр. И пусть не всерьез, но даже и в шутку нельзя так думать обо мне.

Дело Гитлера для меня тем предпочтительнее дела союзников, что у них «все куплю», а у него «все возьму»[115].

Почему бы тоже не вспомнить Л. Н. Толстого: разве в прошлом мало получил он от Софьи Андреевны хорошего, разве

не человеческое это дело, расставшись навсегда с человеком, вспомнить теперь полученное от него добро. Я в свое время получил от Ефр. Павл. понимание и признание за лучшее во мне: детскую простоту моей души. Она это ценила по тому глубоко народному русскому чувству, собиравшему вокруг старцев верующих людей. За это я все в ней терпел, все прощал, до тех пор пока не увидел, что это чувство в ней умерло, и, напротив, явилась жестокость, злость, эгоизм. Я бы и это готов был перенесть, и перенес бы, если бы не ее чудовищное выступление против меня с угрозой доноса на Лялю.

Хорошо понимаю теперь, чем особенно дорога мне Ляля. Тем, что именно ценит во мне ту же самую детскость души, как и Павловна ценила, но готова и может участвовать в развитии, в расширении этого дара и быть в живом общении со мной до конца. Не потому Ляля *имеет право* на меня и может быть спокойной за разрушение моей семьи, [не то] что они дурные люди и мне плохо жилось, а потому, что движение мое с ними вперед остановилось и что они восстали с хулою на Духа: они терпят именно за это свое наказание.

Получая от нее заботу, внимание, ласку, каких в жизни я не имел ни от одной женщины, я думаю иногда, что это так у всех любящих ее, так бывает от культуры, и что это она дает *всем* или у нее это заготовлено только для меня, и она так любит только меня? В особенных случаях я даже не выдерживаю и ее спрашиваю, и она обыкновенно отвечает, что так у нее в первый раз. Теперь я больше ее не спрашиваю, какое-то особенное чутье подсказывает мне теперь, что у нее *для меня* и что у нее было *для всех*.

Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо[116].

Влияние всех и всего на себя испытываю в огромной степени, ко всякому влиянию отношусь с благоговением, смирением, почтением. Я доверяю всем, как большая река доверяет влиянию в себя рек болотных с черной водой, с берегами в ядовито-ярких желтых цветах, рек малых с голубой водой, с песчаными берегами и незабудками и рек, отравленных фабричными отбросами. Большая река все принимает, и большой

реке от этого становится не лучше, не хуже: у нее своя вода, свое устремление все воды, прибегающие к ней, донести в океан. В этом отношении я счастлив тем, что, не хвастаясь, могу сказать о себе: я, как большая река, принимаю в себя с готовностью всякое влияние. И больше! в этой готовности принимать влияние я вижу и основную силу своего русского «рода и племени».

25 Июня. Весь день без Ляли работал над «Лесной капелью», а вечером долго беседовал с Нат. Арк. о Ляле. Вышло впечатление такое, что как бы она себя ни заверяла, что Ляля на мне поставила точку своим романам, в глубине души она не уверена ни в ней, ни во мне. Выспрашивая, как представляет теперь себе Н. А. нашу жизнь с Лялей, я докопался, как она ее себе представляет, – это вроде как бы два фейерверка соединились, чтобы блеснуть. Но что это не настоящая жизнь, не настоящие люди, а два чудака. И тот (Раттай) и другая глубоко верят в гениальность Ляли, в исключительное призвание к литературе, вернее, к «чему-то» в литературе, и, не встречая выражения этого, оба томятся.

– Почему же именно в литературе должна выразиться ее гениальность? – спрашиваю я. И она ссылается на какой-то ее блестящий доклад о Блоке, когда ей было 20 лет!

– А впрочем, – сказала Нат. Арк., – Ляля за что ни возьмется, везде у нее все выходит блестяще.

– Вот этого, – ответил я, – именно этого, я больше всего в ней и боюсь, что во всем, за что она ни возьмется, все у нее выходит блестяще, и только одно не блестяще: серьезно она ни за что не возьмется.

Тогда Нат. Арк. вспомнила, как об этом теми же словами сказал ее брат. Одним словом, я был малодушен и допустил вовлечь себя в этот круг ограниченных людей, любящих Лялю и томящихся в напрасном ожидании общественного выражения ее гениальности. Грустным ушел я к себе, раздумывая о каком-то неизбежном и страшном «легкомыслии», вмещенном как нечто постороннее в ее душу, и точно так же в мою. Вот, вспомнилось, она пишет письмо А. В. и *читает его мне*, пишет, что если М. М. умрет и она останется одна, то не клянется, но,

может быть, вернется к нему. Между тем накануне я как раз нечаянно так и думал, что она об этом думает, и на вот, прямо в глаза мне, пожилому человеку.

– Лялечка, ну, разве так можно?

– Ах! – спохватилась и принялась резинкой вытирать слово «умрет».

Еще было, рассказывала Нат. Арк., она сказала ей однажды в Колпашеве, что лучше бы желала ее видеть мертвой, чем живой.

– Слова, слова ее иногда ранят, не подумает и скажет. А вы как думаете?

Я думаю, ответил я, что слово у нее действительно иногда опережает мысль, но я привыкаю догадываться о ее мысли. В этом случае мысль ее была о том, что после смерти человек только и получает постоянный образ, который можно постоянно без колебаний «люблю – не люблю» любить. В самой большой любви нет дня, когда бы человек не сомневался, не спрашивал себя: люблю – не люблю. Только после великого расставания эта борьба бывает закончена и навсегда можно сказать: я люблю. Вот в этом смысле и сказала Ляля, что она мучится земной любовью несовершенной и предпочитала бы любить ее совершенной любовью.

Так я очень, очень утешил старушку.

Ушел, думая, что никогда, никогда бедной Лялечке не доказать этим людям чего-то...

Порядочные люди имеют простую, ограниченную, но трогательную и действенную живую мораль: *«Помирать собирайся – рожь сей»*. А Ляля беспорядочная, помирать вечно собирается и через это никак не хочет даже и глядеть на рожь: зачем эта рожь, если подохнем? Из-за любви своей к Ляле ограниченные порядочные люди признают, что она права, она может так говорить, потому что она гениальна, они же, обыкновенные, должны сеять рожь. И так они ждут, ждут свидетельства ее гениальности, а сами по скромности своей сеют и сеют рожь.

NB. Обдумать мотивы восстания Личности против заповеди Берендея: «Помирать собирайся – рожь сей», собрать все «за» и «против».

Тема: обманы «гения», т. е., что каждый из круга морали «Помирать собирайся» при соприкосновении с моралью «гения» попадает в обман (Настасья Филипповна из Достоевского)[117]. Спасение гения в *форме*.

26 Июня. Ждем Лялю. Какая она – не знаю. Одно знаю, что она есть проба на всего меня: не в ней дело, а во мне. Борьба за Валерию только в самом начале, победу буду праздновать когда... Когда?

Ограниченный человек, но упрямый до геройства Ал. Вас. тайный план имел, чтобы *зажать* Лялю чем-нибудь. Пробовал силою пола – ей надоело. Ученостью, дружбой – можно ли удержать ученою дружбой? Осталась мораль церковного брака – она разбила мораль и ушла от него. Он пугал ее как муж, освященный церковью, жизнью загробной. Она же ему отвечала, что *там* не женятся и не выходят замуж.

27–28 Июня. Жара. Жили у ручья в сосновом лесу. «Лесная капель» развивается.

29 Июня. Отвез «Мазая» в Москву. Получаю М-1[118]. Вернулись ночью с Дмитриевым.

30 Июня. Есть еще надежда на то, что «тяжино» сегодня скажется. Но если... пусть! Мы оба готовы.

С 12 Апр. по 1 Июля два с половиной месяца брачная жизнь. Страстная чувственность *перешла* в спокойную любовь (из 1-го во 2-ой этаж). И теперь я больше понимаю Лялю в отношении к своим жертвам. Долго она не может оставаться в 1-м этаже, ей это становится ненужным и скучным занятием. А дальше у них нет движения – и она уходит.

1 Июля. У Ляли «тяжино». Дождь. После вчерашней грозы жара прервалась. «Тяжино» – не очень-то нас обрадовало, мы подготовились:

– Ты знаешь, сколько мук мною испытано, мало радости к этому прибавить еще, но ты будешь радоваться, ты узнаешь такое счастье, какого не знал, и тогда я тоже буду рада.

Так вот оправдалась моя догадка о том, что радость жизни безмерна в глубину. Странно, что принимаешь эту радость как то самое, чем *все* люди живут, что *всем* доступно. Когда же это узнаешь и оглянешься вокруг, то оказывается, что не только все не живут как мы, а только редчайшие из них, и что *как мы* делаем то, что доступно и назначено всем, – совсем как будто никто не делает. От этого кажется, будто охватываешь чувством весь человеческий мир.

По себе смотрю на *всего* человека и чувствую не со-страдание, а досаду на *закрытую дверь*, возле которой они стоят и не могут войти.

Слегка побранились с Лялей, она била «дятлом», я же пилил и по обыкновению говорил вне себя и после немного подулся. Но между нами споров не должно быть, и я признал себя виноватым в том, что допустил, после чего и она признала в себе «дятла». Дал клятву никогда не опускаться до спора, никог-да! И в то же время тоже никогда и не таить про себя неудовольствия.

2 Июля. Мы до того стали известны в Тяжине, что мальчишки Ладу Лялей зовут, а Лялю иногда называют Ладой.

Если бы такую любовь, какую дарит мне Ляля, можно было бы на деньги прикинуть, то денег бы на земле не хватило, и если бы перед Богом назначить состязание и погибель того или другого, то деньгам пришел бы конец. Но ведь Ляля-то не одна на земле! Сколько же тогда скрыто от денежных людей богатств на земле и сколько возможностей будет открыто для людей, когда они станут ценить все отношения между собой и все вещи не на деньги, а на любовь?

Приехал Глеб Удинцев, чистый мальчуган, свидетельство морального равновесия семьи Удинцевых.

– Любят они друг друга? – спросил я Лялю.

– Нет, – ответила она, – у них не наша любовь, но они муж и жена, и все другие из себя выходят, чтобы друг другу помочь.

– Как же такие чувства назвать?

– Тоже, конечно, любовью.

– А если бы у нас были дети, то и у нас было бы тоже так хорошо, как у Удинцевых?

– Конечно!

– В таком случае мы любовью богаче их?

– Конечно, богаче, мы и без детей можем жизнь свою наполнить любовью. И почему непременно дети свои, почему нельзя любить чужих детей, почему «свой ребенок» должен быть мерилом моральным? Напротив, раз если заметили свой, это уже пахнет собственностью, а собственность есть остановка движения, а любовь есть движение.

Второй прохладный день. Рожь и все злаки в полном цвету. Все грачи в полях.

Поднялся спор об охоте с трех точек зрения: 1) Нат. Арк. осуждала убийство на охоте, а есть убитую дичь разрешила. 2) Я стоял за охоту: убить можно. 3) Ляля же такое загнула, что раз убивают – можно убивать, раз едят – можно есть, что отдельное выступление против убийства или против потребления – ничего не значит.

– А кто же начнет изменять, – спросил я, – это «все убивают и все едят»?

– Никто, – ответила Ляля, – это неизменяемо, что же касается того, убивать или не убивать, есть или не есть, это дело личного вкуса, и не имеет ни малейшего общего значения.

– А личность?

– Личность отвечает лишь Богу, и если Богу ответ понравится и Ему будет угодно, то Он может повлиять и на *всех*, и тогда может быть люди не будут убивать и не будут убоину есть.

Иные ответы Ляли в вопросах отношения личности к обществу кажутся с первого раза почти циничными в смысле равнодушия к жизни общества, но стоит ввести кроме личности и общества третье понятие, Бог, как вся ее «пассивность» исчезает:

тогда оказывается, что отношения личности и общества должны быть просто любовными, что капитал и война сами по себе неизменны и неизменяемы теми же средствами, т. е. войной и капиталами; напротив, изменяющая сущность человеческих отношений есть любовь, а любовь невозможна без Бога.

В семье N. за Гитлера стоит единственный Дима, советский мальчик, несоветские элементы семьи все за англичан (европейскую демократию). Так странно выходит, что кто за фашизм, тот и за коммунизм, и за отечество, и, конечно, верит в перемену к лучшему от победы коммунизма-фашизма.

Ляля стоит, конечно, ни за то, ни за другое, потому что перемена в обществе может быть лишь через Бога. Меня же, при всем понимании Ляли, при всем сознании легкомыслия наших спорщиков, почему-то тянет к Гитлеру, и я чувствую даже, как от глупости своей у меня шевелятся уши, и все-таки радуюсь его победам и даже радуюсь, что СССР теперь вступает в границы старой России.

Мне спорить невозможно против демократии, потому что в моем багаже нет ни одного умного слова за Гитлера. И если самому себе добраться до своего окончательного и неразложимого мотива, то это будет варварское сочувствие здоровой крови, победе и т. п. и врожденная неприязнь к упадничеству как пассивному, так и нашему активно-интеллигентскому в смысле сектантских претензий на трон. Отчасти я не люблю интеллигенцию именно за эту упадническую претензию, отчасти, как Ляля, за подмену Бога человеком, отчасти за скрытый лицемерно в ней самой «большевизм» (ныне почти пережитый)...

Возможно, мое «за Гитлера» есть мое отрицание нашей сектантской интеллигенции, но, возможно, и как результат веры моей, что Бог не совсем равнодушен к человеческой крови и сочувствует крови здоровой.

3 Июля. У Ляли основной мотив жизни – это обет целомудрия и с ним в постоянной борьбе неудержимое стремление к близости с человеком. И потому жизнь складывается в жажду любви и к совершенству любви, к целомудрию плоти. Лялино

целомудрие, вероятно, есть совершенство и, наверно, уже рождается в человеке не от одного безбрачия.

Говорил с Лялей о личности в женщине, той *личности*, которая смущается перед бездной, в которую она должна броситься и раствориться, принимая деторождение. Я при этом вспомнил состояние оглупения, через которое проходит художник, создавая что-нибудь новое (рожая).

– Ты пойми, мой милый, раз навсегда, что в любви нашей ты *начинаешь*, а я иду за тобой, и мне хочется почти всегда, когда тебе захочется, если же не захочется, все равно я пойду.

Ляля до того женственна, что при начале всякого дела ее надо насиловать, и даже, чтобы она вовремя встала, с нее надо стащить одеяло.

4 Июля. Телеграмма Левы с назначением дня обмена квартиры и пр. расстроила меня, и я думал о Finish, том страшном, когда он зачеркивает и все предыдущее хорошее. Так вот и Ефр. Павл., и Лева своим последним выступлением перечеркнули всю прошлую жизнь с ними, и от прошлого у меня остались только книги и ничего для себя. В этом же и есть весь ужас смерти, и с этим борется христианин.

И вот почему я стал на путь с Лялей.

Ляля почувствовала некоторое охлаждение с моей стороны и, желая проверить, сказала мне при обычных вопросах «любишь – не любишь», что теперь она любит меня, но за будущее обещаться теперь не может и только одно обещает, что не будет обманывать. Я ушел от нее с больной головой и то ли от головы, то ли от слов ее не мог всю ночь уснуть. Расставаясь со мной, она сказала: «Перекрестись», но я назло ей не стал креститься и отдал всю мою святую Лялю на растерзание сомнений. И когда мой идол был растерзан и я остался один в пустоте на погибель, то вдруг почувствовал, что пустоты нет, что кто-то со мной. Тогда я перекрестился, как велела мне Ляля, и почувствовал радость. Ляля вернулась ко мне. И я открыл окно, стал на колени, прочитал «Отче» в свете утренней зари. И когда на-

стало утро, лег в постель Ляли, все ей рассказал, и она уверила меня, что любовь ее ко мне связана с обетом Богу.

Приехала Нат. Дм. Удинцева для переписки «Лесной капели». Работаем втроем. Жара.

5 Июля. Утром в постели мирились.

6 Июля. Под вечер в ожидании А. М. Коноплянцева с Лялей и Нат. Дм. Удинцевой пошли в далекий бор, и у нас с Лялей начался во время грозы спор. Ляля налетела на меня со своей злой диалектикой, я – просто орал на нее. Этот спор продолжался всю ночь, и помирились мы только на рассвете. (В споре мы расставались друг с другом, а когда помирились, то любви от этого расставания прибавилось.) После оказалось, что весь сыр-бор загорелся из-за того, что я рассказал Нат. Дмитриевне о непонимании друг друга Нат. Аркадьевны и Аксюши. При этом я, как показалось Ляле, ядовито, с раздражением изобразил Нат. Арк. (сорока), ее непонимание природы-народа и сочувственно отнесся к Аксюше. Спасаясь от ревности возмущенной Ляли, я убегал из плана в план, чтобы выяснить чистую идею, но Ляля налетала во все планы и, раздражая меня, сбивала и путала мои мысли. Под утро только Ляля, очень страдая, пришла в то свое состояние спокойного отчаяния и ясного раздумья, когда я, покоренный, отдаюсь полной любви к ней. Есть, я знаю, такая Ляля, с которой спорить нельзя, но эта Ляля страдающая.

В этом споре выяснилось, что моя «природа» (и народ) похожи на фашистского бога-идола, что я до конца одинок, что я не знаю страдающего Бога, что чувство природы возможно без знания имен существ. Эту тему о моей природе и народе моем и о чувстве природы городского человека, никогда не выезжающего за черту города, надо в ближайшее время глубоко продумать.

7 Июля. День провели с А. М. Коноплянцевым.

Спор – это война. Если бы можно было всегда говорить правду друг другу и в то же время поддерживать царственное

состояние души, то споров бы не было. Но чтобы предупредить спор (поломку, ремонт), нужно знать, а горе в том, что чувствуешь раньше знания, и только чувствуя – ничего не можешь сказать. Сейчас я думаю, что глубочайшая причина нашего спора была не совсем в том, что Ляля была задета...

8 Июля. Записывая сегодня 7-е, поглядел на Лялю, и оказалось, она не спит. Я рассказал ей о «профилактике», спorе-войне и пр., и она ответила, что все неверно, а верно только, что на время спора любовь подменяется каким-то своим личным идолом. А профилактика должна быть в памяти о нашей любви, о том, что если к *любящему* обратиться – тот всегда поймет, и спора не будет. И его не должно быть никогда.

Я отвык от курения недавно, пользуясь силой самовнушения, точно так же надо воспользоваться силой самовнушения для прекращения споров. Начинаю это внушение и буду повторять его, как молитву, считая, что это *самое главное*.

Написав рассказ, я сказал, не думая о читателе, а только о себе, как мне самому показалось, я сказал с восхищением: «Хорошо!». Другой же не о себе думает, а о детях, для которых написан этот рассказ, и тоже с точки зрения читателя говорит: «Хорошо!» Никогда я не думал о читателе, а мне часто говорят: «Вы должны знать, для кого вы пишете». Странно, что я, не думая о читателях, гораздо меньше ошибаюсь, чем те, кто о них думают. Почему?

Послана с Аксюшей «нота» Леве и Павловне о раздельных делах и обмене жилплощади. Впервые не скребло на душе.

«Лесная капель» в переписке.

9 Июля. Дождливо, пасмурный день. Благополучие в полях. «Лесная капель» переписывается. Раз. Вас. очень хвалит «Капель», а там кто ее знает.

Постепенно вхожу в строй жизни порядочного человека и кончаю с одиночеством. В отношении сыновей пришел в совершенную ясность: долой торговлю – им-то какое дело. Буду

просто гнать и диктовать свои условия. Охоту и всякие причуды одиночества и самовольства бросаю. Ляля – моя охота, и в ней все, и к ней все, начиная от первого сознания, потому что всякий порядочный человек должен отдавать всю свою добычу в распоряжение жены. Моя же личность именно и должна остаться в любви. Надо помнить на этом пути, что есть еще множество такого, чего я не понимаю вследствие своего долгого одиночества.

10 Июля. Величайшая гроза. Проливной дождь. Четверо нас работает над «Капелью» (Разумник, Нат. Дмитр., Ляля и я). Чтение «Фацелии» покоряет Наталью Аркадьевну, до этого она имела только религиозное влияние, теперь литературное. «Значит, я жила как Александр Николаевич, то есть за черту своего кругозора не выходила». Радость Ляли.

Когда из народничества выпала скорбь о несчастном (о мужике), то оно превратилось в эсерство, т. е. вышло из сферы моральной и вошло в политическую аморальную сферу.

Александр Васильевич, Александр Михайлович – особый тип и единственный по устойчивости в нашей культуре. И странно, что когда догадаешься: это попович! бывает то же самое, как когда догадаешься: это еврей! (Общее в том, что те и другие в прошлом имеют за собой религию, и в настоящем это свое превосходство используют для практики, т. е. выгодная подмена.)

11 Июля. Разумника проводили в Москву. Как хорошо остаться одним. Но ничего не вышло: Ляля начала игру «любишь – не любишь», и слово за слово: «Если ты уйдешь в пустыню – я уйду к Александру Васильевичу». Но особенно плохо было, когда на мою претензию какую-то на что-то, она дала мне понять, что с этой претензией я просто смешон. Она это хорошо поняла и всеми средствами старалась меня уласкать и унежить. Ничего у нее не вышло: горб мой все рос и рос. О, этот горб проклятый...

12 Июля. Петров день. Вышел рано чуть-чуть огорченный в «пустыньку». Старик удил карасей, и мне вспомнилось время,

когда я тоже по утрам рыбу ловил, и понял, у Ляли эта «пустыня» единственная соперница и представил себе, что может быть Ляля не конец моей пустыни, а только оазис...

Вечером слово за слово о том, что она «не хозяйка» («я – хозяйка»), и пошло, и пошло.

После часу ночи она повела меня под расстрел, и на рассвете при звезде утренней мы восстановили любовь и потом, вернувшись, зазябшие, мокрые от росы, залегли греться в постель. Тогда я впервые почувствовал возбужденье через мысль: это сверху исходящее чувство плоти, а не снизу.

13 Июля. В 9 ч. приехали сыновья, и мы холодно написали соглашение.

Вечером после дождей парная субтропическая природа. Восхитительная любовная прогулка, купанье. Приезд Попова.

15 Июля. Сегодня едем в Москву подписывать обязательство.

Не забыть о «расстреле», что (под звездой утренней, и пониже маленькая, а земля брачная, парит, и аромат, и теплое дыханье, и когда рассвет – туман над оврагом теплый, и первая птичка и последняя, кукушка) после *того* состояния дома страстное желание быть ближе к ее телу, и когда стал ближе, то тело в руках плавится и подается в глубину, и страсть сверху, как бы от духа, как бы совсем другое в сравнении с тем, что бывает от похоти. И эта верхняя страсть зажгла и ее. Значит, она вообще загорается только от такой высшей страсти, исходящей из идеального чувства: и тут она есть она, а без этого она – «священная проститутка».

Валентин Филимонович спросил ее, как она терпит, что приходится всегда быть вдвоем и не испытывает ли она одиночества. Она ответила, что чувство одиночества является теперь реже, чем когда-либо, а что вдвоем, то это мы угадываем, когда кому надо остаться одному.

Психология «расстрела»: 1) страх от возможности утраты и через это пропади весь этот спор, и пусть я во всем виноват, и

даже если она виновата и у нее дурной характер – пусть! я это беру на себя.

NB. Ее вина в том, что она пустяки возводит в принцип и начинает этим принципом бить в душу. Она виновата, но от ударов душа освобождается от оболочки, и тогда становится широко, и всякая вина, ее или моя, становится мелочью. В этом и есть сущность «расстрела», что становится больше не страшно, что «не в том дело».

Счастье в том мое, что Ляля это мое состояние хорошо понимает, что сама с проклятием бросает оружие, всю себя земную и сливается со мной: убивающий как бы сам себя убивает, чтобы соединиться с душою убитого. И вот после того как бы с неба приходит страсть и возвращается любовь с силой необычайной. Так было в спорах: 1) Ванна. 2) Гроза (как на полу сидели друг против друга) и 3) Расстрел.

Наши споры.

Психология спора: истоком спора всегда бывает упадок любви, сомнение в ней, вздох о свободе, одиночестве и вообще в измене «Мы» и возвращении «Я», и в этом взгляде на нее со стороны: «вот она какая». Так что спор, вытекая из этого, находит повод, питающий особенную лживую диалектику.

Вчера ночью «улица» собралась под окнами и на просьбу Ляли сказать им уйти – я не мог. Это страх перед деревенской массой, что охают и засмеют, какой-то древнерусский страх.

Мысок в цветах на Нищенке, и ольха в папоротниках, будто в пальмах.

Когда ее душа приходит ко мне со своей ощутимостью, то это становится больше природы, и звезда детства под нами, и аромат земли и росы, и туманы, – все внизу. И вот это она и хочет мне доказать, что то все хорошо, но то *детское* (художество), игра священная – это же небо и Бог.

Она носит в себе постоянное *знание*. И хочется спросить: «Ты-то ведь знаешь?» Она ответит: «Не знаю, но когда наступает время, знаю, как поступить».

Она говорила своему другу, что я пришел к ней в оправдание ее, пришел, все понял, и она пошла за мной в оправдание.

16 Июля. Полугодие нашей встречи (16/1–40).

Прождали до 12 дня, беседуя с Разумником. Скандал с Ильей Андреевичем по поводу Аксюшиной выписки. В кино с Разумником, «Большой вальс» (Штраус). Ночное путешествие на такси в Тяжино.

17 Июля. Третий день стоит пасмурная теплая погода и милует нас. Любовь моя к Ляле все нарастает. В Москве было, она спала под простыней, я же не спал, и смотрел, как от ее дыхания колышется простыня, и от этого было во мне, что «какой-то ведь это же человек, ведь это живой человек и возле меня человек, и мой человек – продолжение меня!» Другой же раз было при возвращении на пути от Велино в Тяжино, она впереди меня шла, несла тяжесть в левой руке, и от этого правое бедро выставилось, округлилось. Тут я опять подумал, что и я несу тяжесть, и она несет, и мы вместе несем что-то друг для друга, и каждый для друга, как для себя.

Мне вспомнилось, как мы в последний раз с ней купались в Нищенке, голые, не чувствуя ни малейшего стеснения этим, сели друг возле друга, и я сказал: – Мы самые с тобой счастливые люди, и у нас в стране нашей, может быть, таких счастливых еще и нет, и мы с тобой единственные. – Вот еще что, – ответила она, – нас таких довольно. Я знаю даже и таких, что за одно слово, – сказать его или не сказать, могли бы решить судьбу свою в ту или другую сторону, и они решались сказать и умирали за слово с великой радостью, и мы со своей радостью им не годимся в подметки.

После того оказалось для меня, что сознание моего счастья было нелепое: я по наивности полагал его просто на таланте, на честности своей, на победе. А оказалось, я потому считал себя единственным, что сравнивал себя с несчастными, между тем, как мне надо было сравнивать себя с теми счастливцами, кто за веру стояли свою до конца, и таких было много, много... (По-

койный о. Даниил в пустыне своей сказал Ляле с восторгом: «мы – цари!»)[119]

Продавать или беречь архив? Беречь, если знать, что ты движешься вперед и вместе с тем есть уверенность в возрастании цены архива. Продавать, если нет уверенности. Я уверен и не хочу продавать. Но если бы я тогда отказался от Ляли и вернулся бы к Ефр. Павл., то, наверно бы, не мог и верить в будущую ценность архива.

Надо выучиться в совместной жизни иногда оставаться с самим собой, быть одному, не отрываясь от друга.

Накануне Петрова дня – Самсон, и если на Самсона дождь, то всю уборку будет дождь. Так сказал нам хозяин Сергей Матвеевич, и так оно и вышло: каждый день дождь.

Разговор с Аксюшей окончился обещанием ее прописаться в другое место, и так рушится последняя вражеская крепость.

Так скоро исчезнет все внешнее, и мы останемся наедине.

У Нат. Арк. есть прием логического рассуждения с уверенностью, иногда надменной, что если она рассудит, то из этого должна выйти правда. Но часто бывает, что она судит о такой области, в которой ничего не понимает, напр., политика, и [тогда] тон ее вызывает досаду. Это у нее не то от дворянства, не то от немцев. Не дай Бог мне когда-нибудь ее огорчить.

18 Июля. Итак, 16-го (1-я встреча 16 января) исполнилось полгода со дня нашей встречи, и теперь рушились все препятствия, и за 35 лет жизни с Ефр. Павл. мы не узнали с ней того, что открыло сближение за шесть месяцев. Сколько мучений, сколько радости и чего-то нового, неведомого. Как будто, прихватывая рукою больное сердце, я полгода поднимался изо дня в день на гору, с мучением, и радость от новых кругозоров превозмогала мученье. В этом путешествии на гору талант мой слился с любовью, и я теперь знаю, что если иссякнет любовь моя – иссякнет талант, и если будет любовь возрастать, будет

возрастать и талант. И так путешествие мое на гору все продолжается.

– Я видел очень томительный, очень мучительный сон...

– Расскажи!

– Видел я, будто в лесу собираю грибы, а их нет.

– Ну?

– Вот и все.

– Почему же сон томительный и мучительный?

– Потому что грибов нет.

Староверов Гаврила, старик, хранитель православия, безупречный нравственно, единственный, кто против нашего брака и разрывает отношения с Лялей за то, что она оставила Александра Вас. Единственный его порок и грех, что не учитывает современности, что, значит, мертв. Но с мертвых и спроса нет, значит у него ни греха, ни порока: безгрешный и беспорочный старик. Неподвижная фигура.

Цветет мята. В тени лесной есть еще крупная земляника, малина поспела. Кукушка смолкла, но горлинка еще гуркует. Мы с Лялей собираем грибы. За три месяца 2-й действенный день. Мы с Лялей очень сближаемся, становится похоже на связь неразрывную (а там – тьфу, тьфу...).

19 Июля. Все еще прохладно и пасмурно. Народ валит за грибами. Сегодня (пятница) наши (Ляля и Нат. Арк.) едут в Москву, чтобы меняться с Павловной жилплощадью и переехать с Бахметьевской на Лаврушинский. Этим кончается наша борьба с Е. П. и начинается борьба органическая, без которой невозможно движение к лучшему.

В 5 дня я проводил их, и в этот раз даже в первый день не был обрадован своим одиночеством. Мне даже стало чуть-чуть не по себе от мысли, что я как будто больше уже не могу удовлетворяться одиночеством. Вот когда она стала по-настоящему моей женой. И это удивительно, до чего она именно *жена*, хотя это имя, произнесенное со стороны, совершенно для нее непереносимо. Впрочем, она ненавидит всякую форму без живого содержания, называемого ею *любовью*. Так вот, обычная

«жена» ей ненавистна, как категория брака, ее же собственная, т. е. она сама, как жена, происходит из материнской любви. И все ее схватки с матерью происходят от ненависти к форме.

Ей нравится мужская воля, решительное логическое поведение. Но истина любви ее в материнстве.

На «Хочется» и «Надо» сейчас можно весь мир разделить: Англия – Америка, бывш. Франция – это все Хочется. Германия и все, что позади ее к востоку, и весь восток – это все Надо. Мало того! «Хочется» заключено в чисто капиталистических странах, «Надо» – в тех, где возможен социализм.

Читаю «Мой дом» и ясно вижу, что именно я-то и посвятил свое писание делу преображения и оправдания плоти и всей вообще твари земной. Странно, как Ляля сразу этого не поняла и так долго учила меня тому самому, о чем я всю жизнь твердил так выразительно. И ее война за «мысль» в любви, за оправдание «нижней» любви мыслью («поднимать любовь») – разве я-то не делал это всю жизнь свою, подходя с такой страстной мыслью к тварям в природе и «воскрешая» их для людей?

NB. Не забыть святой чувственный восторг и полное оправдание совокупления («искупление» греха) после сцены «расстрела».

Разумник Вас., закончив мой архив, поставил интересный вопрос, почему у меня нет переписки с писателями? Я думаю, это объясняется моим нравственным одиночеством, моей стыдливостью к постороннему глазу, условиями моего дикого быта (много еще чего-то – к этому надо вернуться). Между прочим, все препятствия к сближению с обществом после сближения с Лялей рушились, и только теперь я стал таким *как все*. Ляля непосредственно прямо даже и заставляет меня писать хорошим людям (Зое, Коноплянцеву). Одним словом, только с ней я перестал быть отщепенцем и почувствовал себя в обществе (рассказ «Любовь» замечательный).

20 Июля. Вчера своих проводил, сегодня первый день на холостом положении, но письмишко успел написать:

«Неустанно думаю о тебе, День прекрасный, и богатею тобой».

Собираю белые грибы, занятие, похожее на управление автомобилем, тоже на коротком поле зрения напрягаешь глаза.

Ересь гнушения браком[120] (Олег и Ляля). Сущность творчества есть преображение, и художник есть преобразитель.

Ляля иногда говорит: «Я люблю тебя, как маму». Это значит, у нее любовь не очень страстная, почти евангельская, в смысле преодолеваю к такому-то лицу чувства недобрые, трудности характера, и так очищаю дух любимого: так можно любить и врага. А то бывает, Ляля говорит: «Люблю больше мамы». И действительно, чувствуешь, что любит более страстно. И когда она хочет сказать, что любит всем своим существом, как больше уже и невозможно любить, она говорит: «Люблю, как папу».

Когда я на бумаге ставлю «Я» и веду от него рассказ, то, конечно же, это не мое индивидуальное «я», это «Я» употребляется в том же самом значении, как царь говорил в своем манифесте свое «Мы». Но мои молодые подражатели, принимая это «Я» за индивидуальное, иногда пишут по наивности начисто от себя.

21 Июля. Поправил «Мастерскую дятла». Ходил за грибами. После обеда телеграмма от Ляли, что переезжают в пятницу, а приедут в субботу или воскресенье.

Тезис-антитез.: Государство для Личности (Англия).
Личность для государства (Германия).

Синтез в бесконечности, значит, компромисс неизбежен. Скорее всего Англия пойдет на уступки, и тогда мы станем «сферой влияния» Германии на долгое время.

22 Июля. Я стою за победу Германии, потому что Германия это народ и государство в чистом виде и, значит, личность в своей сущности остается нетронутой, тогда как в Англии государство принимает во внимание личность, ограничиваемую

возможностями современности. От этого, конечно, удобнее жить в Англии, но теперь вопрос идет не об удобствах, а о самом составе личности, о явлении пророков, вещающих сквозь радио и гул самолетов. Я больше верю в появление таких личностей там, где личность целиком поглощена, а не 95% + 5% свободы: цельность – есть условие появления личности.

Пустынник Исаак Сириянин мог чуть ли не один только день пробыть епископом и сбежал в свою сладчайшую пустыню. Это общий грех св. отцов: удаляясь в сладость пустыни, в «не от мира сего», они наивно не понимали эгоизма такого ухода. Каким счастьем показалась бы теперь возможность такого ухода современным пленникам цивилизации!

Нет, ни в церкви, ни в социализме, ни в искусстве и ни в науке, и ни в чем и нигде не видно ясных путей для освобождения пленников цивилизации. И все, что мы можем делать, это готовиться к приятию нового чего-то – чего? Мы должны очистить свою душу для восприятия, чтобы живыми быть и современными, не остаться как вот та старая барыня под единственной и чужой липой и с ненужными французскими словами в барском русском языке.

«Всякую вещь красит мера» (Исаак Сириянин).

До нового брака я был хозяином и собственником. У меня просили денег. Я покупал по усмотрению своему вещи. И Лева говорил даже, что я «прижимистый». Но когда я сошелся с Лялей, вдруг оказалось, что личного у меня, кроме способности писать, ничего нет, и все у нас в семье общее. Никто меня к этому не принуждал, все вышло само собой из любви, и от этого мне стало много лучше во всех отношениях. Вот это и надо для общества, чтобы создать коммуну: нужна любовь.

Грибов много, но и людей, охотников за грибами, тоже много, утром сорвут, а те, кто опоздал, ходят с пустой корзиной. Но один грибник, старый человек, никогда рано не ходит, а всегда приносит полную корзину. Сегодня он мне открыл свой секрет:

«они глядят, куда все глядят, а я, куда никто не заглядывает, – в кустик гляжу, под колодинки».

Вот и все! глядит, куда никто не хочет глядеть. А люди о нем говорят, будто он с чертом знается.

Моя любовь к Ляле не есть добродетель, это просто счастье и талант. И потому не добродетель, что я от этой любви получаю не меньше, чем сам даю. Любовь же Ляли к маме это почти, а, может быть, и совсем добродетель, впрочем, возникающая из потребности, свойственной Ляле. Конечно, если Ляля заболеет, и я ничего от нее получать не буду, все равно я буду ее любить, но эта любовь не будет добродетелью. Вероятней всего, я совсем не обладаю чувством настоящей любви, которой любят врагов.

23 Июля. Татьяна любила Онегина: это любовь. Но... она любила и Гремина[121], по-настоящему любила, «как маму», «как папу», и даже больше, значит, и это любовь. Будем же такую любовь считать как добродетель, а к Онегину – любовь для себя. Как бы я ни любил для себя, ни жертвовал всем, включая самую жизнь, все это не будет добродетелью, все это любовь для себя, и хвалиться тут нечем. Но любящему так «героически» представляется, будто он выходит из себя и не для себя живет, и через это наполняется великой гордостью, не подозревая, что он сам живет больше чем когда-либо для себя.

Можно допустить и обратное. Пусть Ляля, мастер любви, рождена для любви-добродетели, и эта любовь есть ее самая сущность, поддержанная церковью и средой. И пусть такой «мастер» грезит и жаждет воплощения такой любви, и освоения, и олицетворения.

Вот она находит и начинает для него расточать свою любовь-добродетель, и тот очарован, он добродетель принимает как следствие необычайной к нему любви, лично к нему, и, конечно, ищет чувственного эквивалента, и не находит. Она же, встречая голую чувственность вместо любви, разгадывает обман своей любви-добродетели и отстраняется.

Тогда любовь-добродетель ущемленная счастливой целесообразностью, сгущается до крайности, до свечения, и этот свет

падает на старого, некрасивого, пусть даже горбатого и делает любимым и единственным. Пусть будто так, спрашивается: если моя Ляля такой мастер любви в действительности и сама создала свою любовь, то есть ли для меня такого рода «обман» огорчительный факт? Конечно, нет, я только с удивлением ширю глаза свои, и буду по-прежнему жить с ней, и любить ее, и сживаться. Но почему же все-таки, разобрав, что жена моя любит меня не любовью для себя, а любовью-добродетелью, я чувствую себя преодолевающим не то обиду, не то ущемленность в своей самости или обделенности природой?

Итак, вот скелет повести: он любит большой самоотверженной любовью и понимает как явление *Целого*, всего мира, обнятого его любовью, пусть даже и Бога, создавшего всю тварь. И так он убежден, что он любовью своей выражает возможное лучшее на земле. На самом же деле даже и такая любовь есть *любовь для себя* (эгоизм), а не добродетель.

Она же знает лишь любовь как добродетель, и стремится любить для себя, и добивается воображением уверенности в том, что это есть действительно любовь для себя, хотя на самом деле это любовь-добродетель. Так что оба обманываются и вместе молятся разным лицам Троицы: он – Отцу, она – Сыну.

Трагедия правительства, которое для блага народного должно бежать из своей страны. Конечно, оно бежит, сохраняясь не для себя, а для народа: оно ведь дух народа, не может оно отказаться от себя.

Мать моя была очень добрым человеком, но не добродетельным, и я точно такой же, чувствую, уважаю любовь-добродетель и страдающего Бога, а сам стою на своем и, как нравственно-здоровый человек, боюсь усиливать естественное стремление в ту сторону и «сладчайшие» чувства доставить себе в*е*дением, а не всей жизнью.

Страстная радость жизни, выражаемая не греховными «страстями», а любовью для себя и поэзией, – почему это не от Бога, и даже просто не чудо явления Бога? Почему радостью жизни нельзя постигать Бога, а непременно только страданием?

Ответ?

Однажды в ночном шепоте, совершенно беспорядочном, случайном и даже иногда бессмысленном вышло так у меня, будто какие-то внешние мои достоинства, вернее, отчасти и внешние привлекли ее ко мне. Явная дрожь презрения ко мне пробежала у нее по телу: и это была судорога любви-добродетели. На самом деле нет ни малейшего безобразия в моем лице, но ей хочется, чтобы я был безобразен и уродлив, – тут-то бы она и впилась в меня своей любовью. Но я бы не вынес ее любви-добродетели, если бы в таланте своем не чувствовал себя мужчиной, способным любить для себя, и привлекать к себе, и показывать молодым и красивым кукиш.

А может быть, и ничего нет в ней того, что я подозреваю, и нет этой любви-добродетели, и я тоже не заключен в любви для себя, может быть, эти любви являются только образами выражения мужского и женского, мужчине соответствует любовь для себя, женщине – любовь-добродетель, и в той же мере мужчине – широкий Бог радости и непосредственного восприятия, а женщине – страдающий Бог.

Встал с кровати после полуденного сна, и вдруг все-все стало ясно и открылся короткий смысл моих длинных домыслов: Христос рождается от Девы, – вот и все: Ляля моя для меня богородица.

24 Июля. Вчера вечером от Ляли письмо из Москвы, пишет как любящая жена, и это так ново для меня и так радостно, будто детство вернулось. В сравнении с этой радостью пустяками показалось, что Петя грубил Ляле и что он вообще после поражения Левы, как будто хочет выступать в его роли. Нехорошо и что отпуск машин прекращен, и если «Мазай» продан, я остаюсь без игрушки. Впрочем, с Лялей можно жить и без игрушек хорошо: поедем путешествовать.

Думаю, уверен, что Ляля любит меня для себя, а не из добродетели и удивляюсь тому, что если выбирать любовь для себя и любовь-добродетель, то отпихнешь добро обеими руками. И почему любовь есть источник добра, но не добродетель? Потому что любовь есть дар, как талант, а в добре участвует воля;

потому что любишь сам, а добро делаешь для Бога. Чтобы не отпихнуть любовь-добродетель, нужно Бога любить больше себя, и тут опять...

Молюсь нецерковными молитвами неведомому Богу, но кому какое дело, как и Кому я молюсь.

Нужно помнить об этом и не поддаваться соблазну аргументировать перед кем-то счастливым браком и доказывать его необходимость. Надо помнить, что в моем возрасте редко бывает любовь, и редчайшие только люди могут это понять. Всеми средствами надо скрывать это личное событие и не вводить лишних людей. И это очень строго!

Америка соединяется с Англией, и Галифакс в ответ Гитлеру подтвердил продолжение войны и указал на необходимость соблюдения права малых народностей на *самоопределение*. Известно, как бедняк самоопределяется, пребывая должником богатого... Но дело в споре силы злата и булата. Англия стоит за силой принципа капитала... Германия, как и Россия вынуждены были выйти из этого принципа купли, и от этого капиталистическое равновесие нарушилось.

Начинаю понимать истоки моего пристрастия к современности – это есть стремление к установлению своей личности в безликом ходе событий. Так было тоже в эпоху войн – св. Франциск с цветочками был современнее драчунов.

Вечером появилась на одну ночь Ляля. Ордера получены, переезд в пятницу. Привезли с собой шофера-татарина, и разговор у нас был о том, почему любой инородец кажется культурней нашего великоросса? Ответ: потому что великорусское племя было всегда господствующим, организующим и у власти исхамилось.

25 Июля. В 7 д. Ляля уехала кончать переезд. В субботу утром хочет вернуться, а 1-го мы вместе поедем и кончим с Аксюшей. Ляля ночью дала мне мысль для раздумья о том, что

в основе жизни стоит женщина, и, напр., путь Серафима Саровского – это путь возвращения к женщине (соответствующая перемена и в самом лике). Отсюда: дело мужа...

26 Июля. Мысли ночью.

1) Надо поглубже разобраться в том, почему новый строй моей семейной жизни (коммунальное расходование заработка) является для меня таким большим и радостным (!) событием, как будто раньше я был невольником своей воли. 2) У меня талант писать, у Ляли талант любить, наши грехи (сходились с неравными) являются результатом нашей свободы, обеспеченной талантами: мы могли так делать. И мы отвечаем за легкомыслие в отношении ближних. 3) Моя специальная вина: это «будьте как дети» в отношении низших существ, например, своих детей. «Будьте как дети» справедливо в отношении высших (старших), но не в отношении низших и в особенности своих детей. Мне нужна была заповедь: «Будь как старший». 4) Mea culpa*: я потому жалок и бессилен теперь в отношении к моей бывшей семье и Аксюше, что всякая их грубость открывает рану моей вины (mea culpa) и поражает личность мою, потому что не могу я им объяснить, что виноват в своей же доброте. На их ступени сознания эта доброта есть слабость, трусость. 5) Принципиально автомобиль надо исключить из нашего хозяйства, потому что это прихоть и не отвечает нашим доходам и всему новому строю жизни.

Ляля слышала от Анны Дмитриевны, что А. М. Коноплянцев сказал: «Не будь Ефр. Павл. – не было бы и Пришвина».

– Что ты на это скажешь? – спросила Ляля.

– Скажу, что не будь пустыни, не было бы Пришвина.

– Это Ефр. Павл. – пустыня?

– Нет, она верблюд, на котором я ехал через пустыню.

В мое время писатель было высокое звание, возможное лишь для избранных: всякому помыслить нельзя было, чтобы сделаться писателем. Теперь же именно *всякий* пытается сделаться и считает

---

* Mea culpa (*лат.* – моя вина) — формула покаяния и исповеди в религиозном обряде католиков с XI в.

это дело более легким, чем всякое другое, общественное. Теперь писатель – это удел счастливцев, ускользающих от контроля государства и общества. Вот почему и стала так плоха литература.

Ляля в обществе выпрыгивает из себя, срывается и после огорчается сама на себя, на то, что говорит лишнее. Бывает, только начнешь говорить, она сорвется и перебьет. Точно такие же дикие углы свойственны и мне, и, я думаю, это происходит от вынужденного сдержанного молчания и жажды общения.

Моя высококвалифицированная теща. Мать и Дочь. У матери остались только формы старого мира, беспощадная дочь в эти старые меха наливала новое вино. Одна из самых мучительных историй.

Сегодня закончена книга: *Мой дом*[122].

Книга сделана при близкой помощи Ляли, закончена в пятницу 26/VII в день обмена жилплощади с Ефр. Павл., т. е. точно в день нашей победы.

27 Июля. Утро после грозы и ливня с градом, серое и прохладное. Жду приезда Ляли.

Вчера читал Исаака [Сириянина] о его наставлениях в отношении простоты обращения к Богу и борьбе с «в*е*дением», которое стремится подменить собою чувство к Богу. Вспомнилось, что эта борьба за простоту с «в*е*дением» была мною проделана очень добросовестно и этому была посвящена жизнь моя с Павловной. Искусство мое писать явилось именно при переходе от в*е*дения к простоте. Вот почему и теперь на пути сознания надо мне отнестись к этому по-детски, без всякого умствования и вообще «про себя».

Ефр. Павл., Лева и Петя, даже Аксюша вовсе не дурные люди, как думает Ляля, но я их разбаловал, мой грех в том, что не вел себя с ними, как Старший, не утруждал этим себя...

Быть внутри себя «как дети» – это *надо*, но с детьми также *надо* быть Старшим, и заповедь «будьте как дети» в отношении

взрослых людей к детям должна быть выражена: «Будьте с детьми как Старшие». Эта заповедь, конечно, относится не только к детям «маленьким», а вообще к людям, стоящим в отношении духовного развития какими-то ступенями ниже тебя. Нельзя быть с такими людьми «запанибрата», и грех этот не меньший, чем обратный, т. е. быть заносчивым и гордым с низшими.

Любовь это не добродетель, а совершенно такой же талант, как всякое художество, и тоже связана, как и искусство, с искушением обмана.

Искусство и любовь это самый край бездны, на котором бьются между собой Конец и Начало[123].

Я обладаю талантом в искусстве, Ляля, несомненно, обладает талантом любви. Она тоже, как и я, может своим талантом пользоваться и может обратить его к Богу. Но и Бог тоже не обрадуется, если талант возвращается, каким был дан. Между тем, чтобы увеличить дар, надо подвергнуть себя борьбе...

Наша любовь с Лялей дается нам в оправдание прошлого. В сущности, мой талант писать есть форма любви, а у Ляли талант любви есть форма искусства. На борьбу за оправдание прошлого у нас поставлено все на карту, вот чем мы держимся: все.

Поэзия – это форма любви (для себя).

Давно ли это было, она сказала мне, что не любит меня, что если бы она любила, так могла бы бросить свои «долги».

– Я напишу поэму, – ответил я, – и вы бросите свои долги.

– Это может быть, – ответила она.

И не прошло недели после этого, я написал нечто, и она пришла, и я целый вечер не решался ей написанное прочитать, все равно как влюбленный не сразу же решится обнять возлюбленную. И вот я решился, прочитал. И она плакала и говорила мне:

– Ну вот, вот, я плачу, вот и все, – не бросай меня, помни, что я тебе во всем, во всем пригожусь.

Тут вот я узнал, что поэзия – это форма любви.

В 4 вечера появилась Ляля, бесконечно усталая, но довольная тем, что, во-первых, приехала *домой* и что война наша кончилась: мы победили.

– Ты, – сказал я, – рада, что домой приехала, разве тут твой дом, а не на Лаврушинском?

– Наш дом, – ответила она, – везде, где мы вместе.

Никогда наша любовь не была на такой высоте ясности, уверенности и полноты. Меня только чуть-чуть смущало, что наши чувственные отношения потеряли прежнюю заманчивость, как было неодетой весной. Я спросил об этом, и она мне так ответила:

– А как же иначе? Тогда мы были телом разные, и нас влекло телесное чувство, чтобы слиться в одно. А теперь мы достигли всего, я твоя совершенно, и ты мой. Теперь стало, если заниматься тем, что было Неодетой весной, – это заниматься с самим собой. Разве ты не чувствуешь, что нам теперь *так* хорошо лежать, просто быть?

Рассказ о Мих. Серг., о том, как она надеялась перевоспитать его, соблазненная его чистотой, как еще до сближения где-то на лавочке вдруг ее насквозь *пронзило*, что это не то, что она ошиблась. Как создалась неизбежность этого шага из-за его доброго поступка и пр.

Рассказ о невозможности жить с Александром Вас. просто потому, что захочется иметь от нее детей, она же от него детей не хочет.

– Но разве нельзя взять с него обещание?

– Можно, но только он будет мучиться на моих глазах, и мне это будет невыносимо: из-за чего мучиться? Мне – тьфу, а ему мука: невыносимо.

Одна из замечательных черт Ляли, если не самая главная: это что она, в глазах большинства чуть ли ни блудница, всегда, везде сознает в себе замечательную женщину, осужденную на муки за жажду настоящей любви. В этой жажде она перепробовала достаточно колодцев, и все они оказывались исчерпаемыми до того, что ведро ее не могло погрузиться и забрать для утоления жажды довольно воды. Сила ее в том, что она сохранила в себе ясное сознание того, что они для нее все исчерпаемы, а она для них неисчерпаема, и что она с ними в вечном неравенстве.

Вот так точно я чувствовал себя в поэзии тоже неисчерпаемым родником, и когда оказалось, что моя поэзия есть лишь форма любви и сразу при встрече с Лялей превратилась в любовь, притом в единую и единственную, тогда-то Ляля и стала моей, т. е. решилась реализовать свою всегда ею сознаваемую женщину с неисчерпаемыми дарами.

Самая главная трудность в любви, как и в поэзии, – это удержать ее, когда получается первое признание, чрезвычайно похожее на дьявольское искушение. Только уж самые жалкие не получают ответа на свой первый поцелуй, но в огромном большинстве случаев с этим поцелуем они и уходят, потому что соблазняются, превращаются в собственников, претендентов на трон и тем ограничивают, даже исчерпывают свое чувство.

28 Июля. По случаю «тяжина» сидит дома за детскими рассказами, а на улице деревня справляет годовой праздник Кирика и Улиты.

Этот гражданин утверждал, что новый закон о рабочем дне[124], этот новый «Юрьев день» является благодетельным: «пролетариат» будто бы (он называл это «обезьяной») и надо держать в узде, раз ему дана свобода всему научаться, а для человека верующего нет никаких препятствий: верующие повелевают горами. Он говорил еще, что Победоносцев ясно понимал «фабрику обезьян», но не имел в распоряжении своем средств фашистов и большевиков.

Птицын спросил Лялю: – Знает ли М. М., с кем он дело имеет, кто Вы?

– Знает, – ответила Ляля.

Но мне самому уже давно кажется, будто я не совсем знаю и только узнаю постепенно. Я ничего не узнаю плохого, узнаю только хорошее, и так Ляля все растет и растет.

29 Июля. Единственная женщина, с которой могу я сравнить Лялю, это Маша (Марья Моревна). Ляля мне говорила при засыпании, что в любви своей ко мне быстро движется вперед.

– Чем же это кончится?

– Это не может кончиться... впрочем, смертью, конечно. И все от Господа.

Ляля не рожала детей, не воспитывала, но если бы пришлось родить, она знает вперед, как надо быть, и знает, как будет выхаживать и воспитывать. Мать ухаживала когда-то за ней – и это она помнит, и она ухаживала за матерью. И отсюда знание.

30 Июля. В 4 ч. вышли из дома, а сели в автобус в половине 8-го и в 10 в. приехали в Москву, и были встречены Нат. Аркад. в переоборудованной квартире. Аксюша уходит.

31 Июля. *Perpetuum mobile.*

Нат. Арк.: – Вот ты нашла же человека по себе.

Ляля: – Но все равно я не жена, какая я жена, если... Если он остановится, я его брошу. А настоящая жена... Возьми Долли, или Трубецкую, или...

Дела: 1) Составить V том и отдать в Госиздат. 2) Устроить в журнал «Мой Дом». 3) В Советский писатель «Мой Дом». Через 5 дней 4) Машину получить. Составить книгу т. V «Мой Дом» – 10 лист. Серая Сова – 11. Неодетая весна – 7. 28 лист. Лисичкин хлеб – 1. Дом в Загорске – 1. 30 лист.

Аксюша уносит последние вещи и превращается в ласковую, святую: «Вы чудесная, Наталья Аркадьевна»... церковный хамелеон (обнажение: 2–3 тысячи – обидливые деньги! – А пять? и пр.). Персонаж для «Падуна» и к ней пара (симпатичная) та, которую мы видели в автобусе. (Так начинается Падун, возвращение к «Падуну»[125].)

Были у старшего нотариуса: все стало ясно: «обязательство» не есть обязательство. Передал Чувиляеву для передачи Леве, и все кончено. Совершенно! Вот счастье! До того хорошо, что и писать вовсе не хочется.

1 Августа. Сдал в Госиздат «Мой Дом». Посылал Аксюшу к Павловне за велосипедом. Не дала. Завтра Аксюше отдаю деньги – и конец старой жизни и борьбе за новую. Ночью впервые после 16 января (наша встреча) явилась тоска, вечный спутник старой жизни. Что же это? Последний привет старого, или же новая, став действительностью, включает в себя и тоску? Передумал о Ляле все возможно-плохое ее характера, ее привычек, вычел из нее все это, и получилась все-таки замечательная женщина, замечательный человек. Когда утро настало, и она проснулась, я перешел к ней в постель с обычной любовью и неколебимой уверенностью в нашем хорошем будущем. Что же касается наших разногласий, неровностей характера, то это в наших руках и ничего серьезного из этого выйти не может.

2 Августа. 4 веч. Москва. За эти дни передана рукопись «Мой Дом» 1) В Советский писатель (Замошкину), 2) в Гослитиздат V том, 3) В «Новый мир», 4) 6 рассказов в «Дружные ребята».

Вот был у нас утром в 6 ч. спор. Она видела меня во сне очень нехорошо и была очень огорчена этим сном. А снилось ей, будто меня тянет в Загорск, в свой домик, где растут огурцы и виноград теперь обвил всю веранду.

– Ты остарел, тебя тянет на печку, – сказала она, – а меня тянет путешествовать.

– Вздор, – ответил я, – это в тебе ревность поднимается, а я вовсе не хочу на печку, и путешествовать могу лучше тебя, и никакой старости, ты сама знаешь, я не чувствую.

С этого начался разговор и перешел в обычный спор, сущность которого в том, что для нее Бог есть любовь, а для меня Бог есть больше, чем любовь, а Бог есть Творец, и между прочим в творчестве есть и любовь.

– Но любовь есть единственное свойство Божье, посредством которого человек может постигать Бога.

– Какая любовь? – спросил я.

Тут мы еще немного поспорили и поняли: это любовь, как творчество: творческая любовь.

Среди вещей нашлась резиновая куколка, та самая, с которой Ляля играла девочкой. Куколка была отброшена без внимания.

– Можно ли так обращаться с такими драгоценными вещами?

– Я отравлена жизнью, – ответила Л., – я не могу к детству вернуться (это один из мотивов ее бытия).

А земля, разве и земля живет не по тем же законам, как любовь и талант, разве не для всех она служит, и в то же время разве тоже не дерутся из-за нее и не...

5 Августа. У Ляли два осознанных и непреодоленных порока: 1) раздражительность и 2) лень. Начал борьбу против ее выходок с матерью, и она этому рада безмерно. Вот уже и все медовые месяцы прошли, нет уже у нее от меня никаких тайн, не остается ничего неизведанного, и все не могу надивиться чудесному сочетанию ее душевных свойств «как раз для меня», и не вижу никаких преград, могущих остановить наш общий душевный рост.

Лева привез велосипед, сидел у нас за обедом, и мы с трудом находили тему для разговора. Узнал, что Левины дети живут как раз против Ефр. Павл., что у Пети 15 Августа отпуск, и он будет жить с матерью, охотиться. Я почувствовал, что в общем им хорошо, и то, чем мы с Лялей живем, из-за чего и боремся, им вовсе не нужно. Видел во сне в ночь на 6-е, будто приехал я в Загорск с собаками и вижу, что возле нашего дома стоит самовар, налитый водой, и угольки насыпаны, и лучинки лежат, и коробок спичек – только поджечь. Но я не стал поджигать лучинок и в дом войти не решился, а пошел по липовой аллее. Оказалось, моя детская липовая аллея из Хрущева перешла както в Загорск, и я шел, шел, и мне становилось все более и более неприятно идти в дом к Ефр. Павл. Так я вернулся назад. Самовар с лучинками стоял по-прежнему, но я решил ехать назад, не повидавшись с Ефр. Павл., и егерю велел собак увезти обратно.

Самое замечательное, что я нашел в Ляле, это ее религиозность и как раз в той форме, в том тоне и напряженности, какая

соответствует моему идеалу. Благодаря этому соответствию я сам признал себя человеком верующим и стал на этот путь. Вся разница в нас, что я чувствую Бога больше как Творца видимых и невидимых, она же – как Бога человеколюбца. И замечательно, как соответствует то и другое понимание полу мужскому (творчество) и полу женскому (собственно любви).

Ощутимость факта жизни сейчас у меня столь велика, что параллельный процесс сознания приглушен и кажется не очень-то нужным: мне очень хорошо! Вот и все.

6 Августа. Утром приходила прислуга наниматься, Марья Васильевна, самая настоящая.

В «Смене» с восторгом приняли мой рассказ «Лесной ручей» и «Фацелия».

Примерили костюм и назначили 2-ю примерку на 15-е. И тоже на 15 назначили приезд Диноры*.

Просматривал материалы к «Падуну» – великолепно!

Говорили о Кристи: тетерева и утки от поздней весны запоздали. Охота на тетеревов трудна из-за множества грибников: распугивают. Заказали на завтра в 4 веч. машину в Тяжино.

Итак, за этот приезд, за неделю: 1) Вручение Леве обязательства. 2) Уход Аксюши. 3) Найм новой прислуги. 4) Распределение «Мой Дом» по журналам, издательствам. 5) Выход «Октября» с «Неодетой весной».

Сегодня отыскался Александр Вас. Выслушав от Бор. Дмитр. всю историю нашего романа, он сказал: «Надо признать факт совершившимся». И будто бы повеселел.

В этот приезд Ляля показала, как она может обходиться без прислуги. Я понял происхождение ее комически приказательного тона в отношении нас: это происходит из того, что она больше всех делает и как-то чисто матерински печется о своих. Понял я еще, что Ляля богата душой, что полюбить ее и уйти

* Динора – кличка новой собаки.

от нее никому невозможно. И если бы случилось такое невозможное, что тот, кого она полюбила по-настоящему, оставил бы ее, – она бы умерла. Я сегодня мысленно вводил ее в круг моих лучших людей: мамы моей, Дунички и др., и как-то плохо выходило, но когда я представил ее в Шамордине с Марьей Николаевной Толстой, Хрущевой, Ростовцевой, то это было как раз.

При чтении Иоанна Лествичника об отречении от мира и плоти, как скверны, Ляля предложила мне это психологически и в личности, даже в себе: «Без твоего полного отречения, – сказала она, – от жены, сыновей ты не мог бы во мне найти себе новый путь».

Такое замечание мне очень помогло освободиться от обычного протеста аскетизму, навеянного всеобщей борьбой человечества с церковным аскетизмом начиная с эпохи Возрождения.

7 Августа. Зову Лялю Балдой за то, что она, как Балда в сказке Пушкина, все делает, и рассказы мои подсочиняет, и корректуры правит, и в очередях стоит, и белье стирает, – настоящий Балда. Я же, как поп, ожидаю щелчка.

В 6 в. выехали и в 8 в. приехали в Тяжино. Проезжая мимо церкви в Кривцах, вспомнили, как я провожал сюда Лялю неодетой весной, и дивились силе влечения, способного вести вместе незнакомых людей.

За неделю нашего отсутствия успели сжать рожь. И этот сбор урожая вполне соответствовал нашему душевному состоянию, мы тоже теперь собираем, – все, все закончено.

8–9 Августа. Ляля в Москве переутомилась, простудилась, охрипла. Но здесь по-прежнему работает: и рассказы мои выправляет, и готовит, и стирает, и пуговицы пришивает, и смотрит за мною, чтобы я выспался, вымылся, не забыл бы гимнастику и т. д. Я прозвал ее Балдой, который все делает попу за три щелчка.

Больную Лялю привел в лес, расстелил зипун, усадил ее и рассказал, наконец, содержание «Падуна». Так я, создав из

материалов «Падуна» «Неодетую весну», завоевав Валерию, вернулся к своей теме. Буду Лялю посвящать ежедневно в свою работу, и вот увидим, возможно ли при наличии любви ее соавторство. Верю, очень верю, что так будет.

– Знаешь ли ты хоть кого-нибудь, кто бы хоть приблизительно жил, как мы с тобой?

– Нет, я не знаю.

– Как это удивительно мне, что 30 лет сожительства с Е. П. и детьми ничего во мне теперь не оставили и все стало мне теперь как пустырь, на котором с трудом находишь следы жилья человека: там кирпич, там уголек. Быть может это оттого, что все мое в тебя перекинулось?

– А как же? ведь я-то одна у тебя, назови хоть кого-нибудь, одна я у тебя...

Так, беседуя о «Падуне», мы уговорились в том, что искусство есть форма любви и в любви человеку можно и нужно трудиться, что любви человеческой не бывает без труда и страданий. Но форма любви, искусство, зависит исключительно от таланта, значит, от Бога («Дух веет, где хочет»), и вот отчего истинное творчество сопровождается чувством свободы и радости.

Поэты юные исходят от удивления, старые от мудрости. Но бывает наоборот, что юный питается мудростью (Лермонтов), старый же удивлением (Пришвин).

День прекрасный! думаю все о тебе и все богатею тобою!

Она была так измучена и так ей надо было любить, что, казалось, я тут был ни при чем. Но теперь, когда, дивясь своему счастью, я говорю, не понимаю, за что мне это пришло, она отвечает, заслужил, наверно.

В Москве встретился Вальбе, я знал, что он ненавидит Гитлера, он же робел передо мной, возможно, подозревая во мне сочувствие Гитлеру. Чтобы сделать ему приятное как-нибудь, я сказал:

– В этих событиях надо нам разбираться по вечным ценностям. Идет борьба государственно-общественного начала (Германия) с личным (Англия). Поскольку необходимо государство – победит Германия, поскольку личное – победит Англия. Без личного начала человеку тоже ведь и незачем жить на земле.

– Совершенно верно! – воскликнул Вальбе, очень обрадованный, – возьмите детей, жену, дом: человеку всякому хочется вернуться в свой дом, к своим детям, к жене...

Так и раскрыл Вальбе все корни свои: в этом вся сила разложения еврейства и есть («Другой уют, другая крыша[126], и тот же самый человек выходит на голову выше» (Уткин), через этот «уют», возможно, произошла и вульгаризация материализма, инквизиция РАППа).

Везде и всюду в материализме, и в коммунизме, и всяком возможном «изме» еврей есть скрытый индивидуалист. И даже эта всеобщая подмена личного индивидуализмом есть дело чисто еврейское.

В Союзе писателей вывешен лист с перечислением разных экскурсий, в том числе была «экскурсия за *белыми* грибами».

10 Августа. В лесу собирал грибы. Застала гроза. Теплый дождь.

Мы с Лялей теперь достигли такой степени сближения, когда «удивление» (от первого глаза) больше уже не открывает друг в друге нового, но зато и нет больше тревоги за то, что из-за чего-нибудь весь союз разлетится и все сближение окажется ошибкой. Мы вступили в тот фазис, когда найденное в друге каждому становится необходимостью для существования, входит в привычку, в повседневную потребность. Ничто во внешней форме каждого, красивое или некрасивое, больше не влияет на отношения. Мало-помалу складывается такое постоянство, как в планетах и их спутниках, способных до конца жизни вращаться друг вокруг друга не в силу очарования видом, а силой тяготения. Можно без всякого первичного очарования, влюбленности, удивления, а просто так сойтись, чтобы

потом уже жить не по любви, а по закону этого тяготения. Но я думаю, что при первичной удивленности друг другом, любви закон тяготения будет служить воле вошедших в союз, тогда как в другом случае он станет привычкой... и, может быть, в ней будут жить бессознательно до тех пор, пока что-нибудь извне их не оторвет, и они не увидят, что жили не по любви (свободе), а по привычке.

11 Августа. Ляля внезапно выздоровела и тем открылось, что болезнь ее от переутомления в городе: такая натура – то зарывается в работе, то ленится. Это я знаю: такая работа с перекалом целиком происходит от лени. Но как бы там ни было, Ляля работать может во всех отношениях, и я напрасно боялся...

Твердо решено писать «Канал» всю зиму до весны света 1941 года...

Хотел написать Пете письмо-обвинение, но Ляля не советует пока, потому что в ответ на мое письмо напишет скорее всего письмо хулиганское. И вообще время возобновления какихлибо отношений еще не пришло.

12 Августа. Ездил на велосипеде в неведомый лес и промахнул мелкими дорожками всего верст 20. После того Ляля училась ездить и с успехом.

– Хороший ты человек, очень хороший, только сильно запущен и зарос бурьяном.

Ляля говорила сегодня, что как бы она не поступала, не делала, хорошо или дурно, внутри ее остается существо, особо думающее... У меня это тоже *есть*.

Ляля напомнила мне о послушании, порождаемом любовью (это они с Олегом придумали). В этом естественном послушании я теперь и нахожусь. Через эту мысль о естественном послушании, о естественной любви и природе понял происхожде-

ние у Руссо и Толстого их мыслей о природе, как существе всего человека[127]: все есть в природе и нет только сознания и что сознанием своим человеку не очень-то надо гордиться и им отделяться от природы... Так «природа» стала убежищем свободно верующих, но биологизм пробрался сюда и подточил Руссо и Толстого.

В учении о. [И.] Брянчанинова есть указание, что в наше время нельзя подчинять свою волю другому, потому что в наше время люди измельчали и без риска нельзя никому доверяться. В этом интересен учет современности, сознания движения жизни, необходимости изменять правила.

Старчество держится на совете: старец дает совет, но не приказание...

Ляля говорила, что счастливым в любви своей она сделала меня одного. – А я счастлив, – ответил я, – тем особенно, что ты со мной отдохнешь.

Во всем мире наступает эпоха последнего изживания идей революции и восстановления идей государственных. Идеи революции, как паразитирующее растение, лианой опутали когда-то здоровый капиталистический индивидуализм, и так создалась «демократия». Вот и это теперь рушится. Начинается всемирная реакция под началом Германии. Хуже всего от этого евреям.

Приехал Петр Акимыч и рассказывал, что там, в Москве, они с Алексеем С. Новиковым-Прибоем болтали обо мне, как «революционере брака в 70 лет». И этого довольно было, чтобы и я, и Ляля расстроились. Вечером в кровати Ляля высказала свою ревность к Ефр. Павл. через «Домик в Загорске», и я ее успокоил тем, что «Домик» не очень мне нравится, и я его сниму. Обменялись резкостями с обеих сторон и помирились.

Думаю о ревности, что бывает ревность как усиленная любовь и ревность как себялюбие. Но спрашиваю себя: бывает ли ревность не как себялюбие и не включает ли в себя любовь и

преодоление ревности, и не будет ли справедливо сказать: «Какая это любовь, это ревность: чистое себялюбие».

13 Августа. Собираемся сегодня в Москву с тем, чтобы 15-го с прислугой и Динорой, может быть, и на собственной машине вернуться домой. Предстоит узнать ответ о «Мой дом», распределить рассказы: 1) В «Натуралист», 2) «На море и на суше», 3) «Молодой колхозник». Надо бы сделать для рассказа фото, примерка, купить спирту.

О, дорогая моя, прости меня, что допустил в душу свою сомнение по ревности, по самолюбию и малодушию. Буду просить Бога каждый день, чтобы это искушение не входило больше никогда в мою душу.

Только в 7 ч. вечера мы собрались в Москву. По пути стало невыносимо, мы сели в копну сжатой ржи и объяснились. Зародыш этого объяснения был еще в самые наши первые встречи, когда, бывало, надумаешь о ней *со стороны*, когда же она появится сама, то все это надуманное исчезает, как туман при появлении солнца. Этот мотив проходит через весь наш роман.

В Москву мы так и не уехали, а вернулись домой, и как всегда после ссоры Ляля почувствовала желание восстановления единства. Это единство было в раю, а после грехопадения человек разделился на мужчину и женщину. Только в первое время нашего романа Ляля испытывала чувственное влечение, а когда через любовь было достигнуто единство, она перестала испытывать чувственность... Когда же мы ссоримся и, значит, расходимся, то надо бывает вновь сойтись, и она вновь испытывает страсть...

14 Августа. В 10 у. выехали в Москву. Хорьками порылись в продуктах Гастронома, кое-что добыли, состряпали сами обед.

Вечером ходил с Лялей в кино смотреть «молодежную» пьесу «Закон жизни»[128], и я понял, что Ляля по юношеской чистоте

своего понимания любви есть комсомолка, т. е. базис ее остается таким, и над этим основанием надстроилось сложнейшее и гениальное здание любви. Отчасти и я тоже такой, мы с ней в этом чудесно сошлись.

– Вот увидишь, – сказала она, – нас когда-нибудь поймут и оценят...

15 Августа. Разнос моего «Дома» у Ставского[129]. Задержка в Москве из-за Марьи Васильевны (прислуги). Собаки не приехали.

16 Августа. «Мой Дом» развалился: «Фацелия» стала поэмой. Весь день работали. Был Замошкин.

17 Августа. Дмитриев поехал в Горький за «Машей». «Фацелию» направили в «Новый мир». Работаю над «Лесной капелью». Ляля со мной работает, и наша дружба растет, и любовь наша святая, чистая растет, и создается новое детство и настоящий «Дом». Даже поэзия стала на второй план, как «хлеб наш насущный» в смысле совершенного смирения (а Бог даст, будет и не только хлеб).

Ляля говорит, что «Ручей» – это произведение «бессмертное»[130], и пусть! и это все-таки «хлеб».

18 Августа. Ляля рассказывала об одной старушке, которая ищет случая ухаживать за страдающими и в этом видит свое призвание и оправдание. Это один из этических уклонов христианства, принесших много вреда христианству. «Не ищите мученичества», справиться у Павла[131]. Из этого уклона выходит борьба христиан с красотой, а может быть, и всего того течения, направленного против всякой земной страсти, плохой или хорошей. По-настоящему же страсть, если она может быть благодетельной силой для человека, во Христе должна процвести: пример любви моей к Ляле, и, надеюсь, и искусство тоже, как любовь, будет примером.

Пришел человек и принес книгу, написанную моим другом[132], а подпись на книге была посвящена другу Ляли. И тот

человек принес, ничего не зная, а только чтобы продать ее и помочь бедному.

Розанов боролся на два фронта, один фронт ему была безбожная интеллигенция, другой – суеверие церковное[133].

Из разговора со Ставским почувствовал ограниченность обычной своей аргументации сократовским «познай самого себя» или «будь самим собой»[134]. (Ведь враги советской власти аргументируют тем же.) Вообще, надо пересмотреть все коммунистическое как «веру».

Был доктор Раттай, и мы обошлись хорошо, и вспомнилось, что и со Ставским обошлось хорошо, и мелькнуло, что, может быть, я навсегда освобожусь от дураков, пользуясь методом Ляли, и что если так будет, исчезнет мой труднейший враг – дурак.

Зашли к Иоанну Воину (всенощная, завтра Преображенье). Думал, что это нечто неподвижное, как Петр (камень) есть наша общая смерть – страдание и разлука наша, и что это и есть то, на чем создается Церковь... И как это просто! Точно так же просто и беспрерывное движенье, рост живых существ, всего живого...

Ляля впервые увидела самолет в Парке Культуры, и, как я ни просил ее, не прошла под крылом огромной машины, и не стала ей удивляться.

Что же это?

Война, конечно, война «камня» с безудержным, бесчеловечным и безбожным движением (цивилизация).

Камень и самолет в отдельности, однако, бездейственны, то и другое получает смысл во взаимном проникновении.

Ляля обратит внимание на самолет, когда он будет предназначен для строительства дела любви. Тогда она с благоговением посмотрит на него и перекрестится. Теперь же самолет и не должен возбуждать ее удивление.

Еще я думал о дивной этой находке: как мы друг друга нашли и теперь не перестаем думать друг о друге, хотя все дни нахо-

димся вместе... Я подготовлен самой природой, чтобы создать «Песнь Песней», я теперь больше ничего настоящего и написать не могу, как только «Песнь Песней», но это будет истинное чудо, если я ее напишу...

19 Августа (6 Авг.). В обедне: пре-ображение: свет до света... (о. Даниил, молясь, записывал мысли свои на стене угольком).

Встреча на Пятницкой с Е. Н. Карасевой: рассказ о Семашко, встреча Евгении с Валерией (человек из того же мира страданий, только у них без *окошечка*). В. Фигнер 88 лет, а в Бога все не верит. Через Евгению смотрел на Валерию и видел, что наша любовь не исключение, а все так, и «любовь» моя (рассказ) – это самая суть любви. И что я очень богат, как поэт, я могу теперь людям *показать* то, чем они живут.

В этой любви нет устали, и когда станет трудно, то поглядишь на друга и подумаешь со скорбью: «друг мой устал». Так свою усталость на него переведешь, а когда справишься, то оказывается, он оттого побледнел, оттого у него глаза стали большие, что тревожился за меня: не устал ли я.

Евг. Ник. баловала детей, росли баловниками, но когда явилось всем им страдание (Вас. Серг. опять взяли), то баловство переменилось на любовь, за баловство дети благодарили мать любовью. И сама Евг. Ник., избалованная благополучием, свое баловство сама переменила в любовь: так вот теперь она работает, как каторжная, смысл работы своей видит в том, что пролетариям теперь жить стало лучше, чем раньше.

Исчез мой дорогой фотоаппарат, сколько я с ним нянчился, сколько времени потратил, чтобы наладить его, и так и не успел с ним поработать в природе. Я ли не заслужил этого права обладания своим инструментом, и вот он не у меня. Почти не остается надежды на то, что я сам отдал его кому-нибудь на сохранение.

Вся моя поэзия вытекала из утраты, но теперь, когда «Ина»*

---

* «Ина» – имя главной героини автобиографического романа «Кащеева цепь», прототипом которой была Варя Измалкова, первая любовь Михаила Пришвина.

эта нашлась, из каких же родников будет являться поэзия? Я думаю, из благодарности, из жажды славить жизнь и ее возможности. Это будет песнь песней, всех песней, бывших на земле до сих пор.

«Фацелия» сдана в «Новый мир», как поэма на 2 ½ листа, остальное переделывается в дневник: «Лесная капель».

Не аппарат, а подозрение мучит, и гадко становится. Но + в ту сторону: я туда умер, испытав нечестивые похороны.

И еще о фотоаппарате: вещь дорогая, тысяч десять стоит, а когда вспомнишь, что все из-за Ляли, то и обрадуешься: ведь из-за Ляли все, даже мое искусство и, значит, вся моя жизнь, если должно ей пропасть, то пусть!

20 Августа. С 16 января (7 месяцев!) я прошел большой путь, мне было и мучительно и сладко. Теперь оглядываюсь, далеко, далеко позади осталось прошлое (от слова «прошел»). Смотрю на себя того и понимаю в себе язычника, и так теперь ясно вижу, что это чувство целостного мира, а радость от этого есть чисто языческое чувство.

Умирают только безбожники, в Боге живущие не умирают, а присоединяются к действующему прошлому, составляют основание, благодаря которому и заметно движение мира...

Евг. Ник. Карасева рассказала нам, что муж ее Вас. Серг. догадывался о том, что я в семье своей несчастлив, но что я умею виду не показывать, и за то он меня уважал (кажется, это был единственный, понимавший меня человек). Сила же моя была в том, что я свое горе скрывал сам от себя. Последний самообман был «Домик в Загорске».

21 Августа. Собрались и после обеда переехали в Тяжино. С нами Марья Васильевна, заместительница Аксюши. Узнав о пропаже фотоаппарата, она помолилась Ивану Воину, и я сейчас же нашел аппарат в секретере, где хранится запас чая. И так на всякий жизненный трудный случай у Мар. Вас. есть какой-нибудь святой:

прямо к Богу она не всегда смеет обращаться, но у святого попросить всегда можно. Ляля думает, что Марья Васильевна и сама святая. Не ошибиться бы ей, бедной, как ошиблась в Аксюше.

Сколько было друзей, сколько времени было у них всмотреться в мою жизнь, и вот до чего невнимательны люди! За 35 лет только один Василий Сергеевич Карасев понял, что я играю только в счастливого человека. Последняя игра моя была: «Домик в Загорске». Ревность помешала даже и Ляле понять мою горькую игру...

И вот самообман: конечно, временами я и сам верил, что у меня хорошо и во всяком случае не хуже, чем у людей. Это лишало меня зрения на человеческое счастье и отводило глаза на природу, где я находил соответствие тому, чего был лишен.

Но тогда почему бы и это отношение к природе – не самообман?

И моя поэзия?

И что же есть не самообман?

Ляля – не самообман: она – желанная женщина, которую ждал я всю жизнь.

Пришел влюбленный в Лялю, как в святую Деву, некий Петр Иванович (лагерь Коми) и радовался о том, что Ляля прочно устроилась.

– На земле ничего нет прочного, – ответила Ляля.

– Совершенно верно, – сказал я Петру Ивановичу, – все относительно, и все-таки скажите, камень прочен?

– Конечно, – ответил Петр Иванович.

– А железо прочнее камня?

– Прочнее.

– А сталь крепче железа?

– Крепче.

– Ну, так будьте же спокойны за Лялю: Михаил Пришвин крепче стали.

Меня трогает, что этот П. И. вполне серьезно подозревает, что Ляля не человек, – это прекрасное чувство. Я сам часто догадываюсь, что она не совсем человек. Во всяком случае, я чув-

ствую, что там, где всякий человек ограничивается и является как бы замурованным в иную материальную среду, от которой нельзя спрашивать ничего человеческого, у Ляли вовсе нет никакого ограничения. Без всякого эгоистического смирения человеческой сущности, она как бы разрежается и расходится постепенно на нет...

Как человека обычного я ее знаю только в ее ревности, да еще во второй половине ночи, когда разоспится до того, что толкается, задевает руками, ногами и прижимает к стене. Еще она бывает человеком, когда ссорится с матерью. Но даже и эти мелочи надо принимать с оговоркой, что все это происходит где-то на поверхности.

22 Августа. У Л. «тяжино». Разговор о девочке и о том, что настоящий мужчина всегда ждет мальчика. «Девочка» – признак духовности.

Намечен план на будущее: 12 Сент. – 12 Окт. для Нат. Арк. – «Узкое», мы до 1 Окт. или раньше в Лавруш. До 1 Сент. закончить «Лесную капель». С 1-го Сент. по 1 Окт. (переезд), приближение «Падуна». С 1 Окт. по 1 Апр. 1941 г. жизнь в Лаврушинском и работа над «Падуном». С 1 Апр. мы вдвоем в Малеевке по 1 Мая. С 1-го Мая втроем по 1 Июня на «курсовке». С 1 Июня путешествие на Кавказ по 1 Ноября 1941 г.

Теперь посмотрим, сойдется ли хоть сколько-нибудь наш личный план с судьбой.

Сегодня Нат. Арк. сказала нам с Лялей: «Ваша жизнь только начинается». А Евгения Ник. тоже, увидав нас, сказала: «Это медовый месяц». Нам же самим кажется, будто мы давным-давно живем вместе...

23 Августа. От неопределенного страха молятся Михаилу Архангелу, чтобы вещь нашлась потерянная или человек пришел из разлучения – Ивану Воину, от избавления от уныния – просят Богородицу. Это все знает Марья Васильевна и ничего не боится на свете: не всегда посмеет прямо Бога просить, но святые заступники за нее всегда попросят.

Вспоминаю весь героический путь Ляли при достижении своей любви (со мной), ее силу воздействия на меня с первых дней, ее настойчивость в проведении своей идеи во время споров – все теперь кажется как путь восхождения на гору.

И тоже Ляля в любви своей к матери, и Алекс. Вас. – тоже любовь, но только издали; жизнь вместе с «любимыми» – томление, унижение, скука. Так что повседневная близость – вот корректив любви. И когда эта близость совершается не по *личному* влечению, а по влиянию любви-добродетели, вот тут-то и появляются *язвы*, к которым так тяготеет христианское сердце. В любви по влечению *язвы* исчезают незаметно для любящего, когда любишь, то все хорошо в любимом. Когда же любишь только издали, то язвы вблизи преодолеваются лишь особым самовоспитанием.

Разрешение проблемы состоит в том, чтобы любовь христианскую поставить на корень любви по влечению и признать настоящей святою любовью только любовь по влечению в свете христианского сознания любви...

Так что *корень любви* есть любовь естественная (по влечению), а листики, получающие для всего растения питание от света, – листики дерева христианские. Условие святости – цельность (целомудрие), источник греха – разделение на плоть и дух.

...существо целомудрия при настоящей любви по влечению может сохраняться, укрепляться и расти в браке и переходить на детей, как спасение.

Может быть, в том и есть путь спасения: в охране и восстановлении целомудрия. Возможно, и желанную сущность художественного творчества следует понимать, как человеческую деятельность, направленную к восстановлению целомудрия и связанной с ним красоты.

Тот путь, о котором я писал вчера, наш путь [героический], изнутри должен быть как путь к целомудрию: через нее, и она через меня (это надо подробнее записать).

Тайны творчества.

24 Августа. – Что мне твои уверения в любви, если во всех твоих доказательствах нельзя разобрать, действует ли в тебе любовь-пристрастие или любовь-добродетель? Ты можешь сказать, что рядом со мной любишь Ал. Вас.

– Это верно!

– А завтра сойдешься еще с кем-нибудь и будешь его уверять, что больше всего на свете любишь меня...

– Нет, я ни с кем не сойдусь, – это до самой смерти.

Ночью мне снилось, будто она опутывала меня шелковой нитью, и я постепенно превращался в кокон.

Языческая любовь с поэзией, страстью и собственностью создает *иллюзию* красоты и счастья, а христианская любовь-добродетель приводит к мукам и язвам (развить).

Выправляя «Лесную капель», вздумал перечеркнуть один кусочек двумя чертами накрест и двумя параллельными. При этом вдруг мне пахнуло чем-то знакомым и бесконечно милым. Так часто бывает, но догадаться, чем пахнуло, обыкновенно не успеешь: пахнет чем-то милым из детства и тут же забудется. Но в этот раз из черточек накрест и двух параллельных сложился мне змей, как я клеил его, бывало, сам из деревянных планочек и листа белой бумаги. Так вот милый запах сейчас – это был мне запах клейстера из пшеничной муки, каким я обыкновенно тогда змея клеил. И было это тому назад больше полстолетия. Вот как помнится, вот как влияет на жизнь нашу то, что с нами в детстве бывает. И сама-то вот «Лесная капель», разве не есть это все пережитое мною с детства: цветы, [запахи], птицы...

Германия идет, *как один* человек (так говорится, чтобы выразить силу: *все как один*). И этот *один* называется Гитлер. В этом и есть основание монархии: все как один. Напротив, основание социализма, демократии: один как все.

Итак, монархия – все как один, коммунизм: каждый как все.

Ночью Лева привез Динору с дочкой. С машиной окончательно неладно.

Ляля переносит поправки, и с «Лесной капелью» будет покончено. Приступаю к «Падуну».

25 Августа. С этих страниц, написанных полторы тысячи лет тому назад[135], веет таким осязательным добром человеческой натуры, такой любовью и такой силой духа, что наше время является как несчастье, вызывающее глубокое сострадание, – до чего пал человек!

Машина не пришла – и ничего: так – хорошо, и нет – не заплачу. Да так вот и устанавливается в себе ко всему так, кроме Ляли: этого одного нельзя лишиться, остальное все – пусть! И вот тут острие борьбы, кончик иглы, направленный в сердце...

Все игрушки отошли, и все внимание на кончике иглы...

На ночь читали опять авву[136], и опять я наблюдал во время чтения оживление Ляли, доходящее почти до границы чувственного, когда одинаково, с той и с другой стороны, бывает, приходишь к тому же самому, с одной стороны, снизу – это пол, сверху – потолок.

Думали вместе, да, мы теперь много думаем вместе.

Мы думали вместе о таланте, как характере самовыражения. В этом смысле я, как художник слова, мало чем отличаюсь от Марьи Васильевны, нашей домработницы. Молясь, Мар. Вас. создает свою личность в доброте (то есть красоте), точно так же как и я, конечно же, я не книгу создаю, не славу, признание и т. п., а себя самого выражаю, мне самому в творчестве только это и дорого, чтобы выразить себя самого, создать через книгу, через дело, через творчество свою личность. Итак, ссылка на талант, как на преимущество перед всеми, неверна и лжива на поверке: талант в смысле характера нравственного самовыражения, находится в распоряжении каждого нормального человека.

Мы думали вместе о том пути вдохновения, по которому проходили порознь. Теперь эти пути пересеклись, и мы вместе пошли. Но этот путь вместе не похож на тот путь вдохновения,

это путь труда человеческого, это путь, на котором ты вечно думаешь о другом, а не только о себе самом...

– Как бы там ни было на этом новом пути, – сказала она, – тебе на старый путь стать уже после этого невозможно.

Я вспомнил Загорск, семью, игрушки и ответил:

– Да, невозможно.

Мне бывает, будто чья-то рука опутывает меня тончайшей шелковой ниточкой, и мало-помалу в этом клубке я становлюсь не только неподвижным, но мне даже вовсе и не хочется вылезать из клубка. Со стороны Ефр. П., сыновей, охотников и всяких любителей жизни это, как смерть: человек постепенно *отходит*. Но изнутри это путь к свету и радости.

Спросил Лялю о «думаем вместе», и она ответила, что единомыслие и есть главная цель литургии.

Для сыновей я как будто умер, и они умерли для меня. Теперь можно решить вопрос, существует ли загробная жизнь: едва ли существует, если так умирают, как мы; и существует, если смерть преодолеть, т. е. если друг друга любить.

26 Августа. Какой урожай огурцов! и какие огурцы! И до того много, что девать некуда, не хватает бочек, и наши хозяева предлагают брать огурцов, сколько нам пожелается.

Глядя на горы зеленых свежих огурцов, я сказал Ляле:

– В тебе так много содержится душевных богатств, так много, мне кажется, из них могло бы родиться талантов, что я со своим талантом чувствую себя бедным, и мне иногда думается, что я не в силах тебя удовлетворить.

– Нет, мой милый, – ответила она, как всегда, – с тобой я чувствую себя удовлетворенной, но это правда, во мне много, очень много того, о чем ты говоришь. Зато у тебя совесть чистая и до того чистая, что ты большую часть времени можешь играть чем-нибудь, как ребенок. А я не могу, у меня совесть нечиста.

– Вздор! – сказала Нат. Арк., – у тебя совесть тоже совершенно чистая: ты сделала шаг, который оправдывает все твое поведение.

– Ал. Вас. меня мучает, это человек, с которым я неразрывно связана, которого я люблю.

– Любишь, а жить не можешь.

– Не могу жить и не могу быть спокойной, не могу играть...

Она стала на путь возвращения к мужу, понимая это возвращение, как отречение от личной жизни. Возможно, такое отречение не помешало бы родить ей, не для себя, а для мужа. Случись, умри тут ее мать, она, может быть, в таком «отречении» нашла бы себе полную замену утраты. Еще бы лет пять, и в морщинках стареющей женщины, может быть, и трудно было бы узнать мятежную Лялю: она бы стала, как все порядочные женщины, и Ал. Вас. был бы счастлив. Но встретился я, личная жизнь вспыхнула со всей своей силой, множество нераскрытых душевных дарований нашли себе применение, личность получила яркое выражение, и путь определился...

Вздохи же о нечистой совести, возможно, появляются и от удовлетворенности, возможно, и при некотором упадке чувства.

Вечером отдыхали на копне сена и продолжали разговор о Нат. Арк., о «выживании из ума» и о преодолении склероза способом, который описан у Иоанна Лествичника.

Каждое утро собираюсь на охоту и не могу оторваться от Ляли. Можно бы, конечно, и ее утащить с собой в природу, но как-то не могу тащить, она же сама к этому до последней степени неспособна. Так и выходит, или она, или природа. Но думаю, что это не от ее неспособности, потому что с самого начала природа стала меня отталкивать. Очевидно, выход мой из природы был необходим для собирания моего единства в ней: это так надо. Придет, я думаю, время (и скорей всего – это придет на Кавказе), когда мы к природе придем *вместе* (для этого надо пройти школу *единомыслия*).

27 Августа. По пути в Москву. Дума в окошко. Вспомнилось, что вот самое время охоты, и с 30 лет (т. е. 37 лет) не было ни одной осени, и осенями этими почти не было дня без охоты, –

а теперь вот совсем не охочусь. А Ляля даже и вообразить себе не может – чего я лишился!

Ведь моя вся жизнь была организована, как непрерывная охота, в эту жизнь, как нечто подсобное, входила и моя семья. Эта моя охотничья жизнь была построена по форме своей строго эгоистически: я со своей затеей, как «enfant terrible»* стоял на вершине пирамиды, и все было для меня. В такой бедно-эгоистической форме было большое богатое содержание, почти целиком уходившее не на меня, а на всех. Семья моя видела только форму моей жизни, и когда содержание мое вышло из формы, то все мои «любящие» бросились спасать ненужную мне больше форму, совсем даже не обращая никакого внимания на меня самого.

Особенно странно было, когда они справляли именины мои без меня и тоже вот отбили у меня машину, и ездили на охоту в то время, как я сам не мог и смотреть на ружье. Так, может быть, и в космосе была какая-то форма: она разбилась когда-то, и обломки, как бледные спутники, освещаемые горящим живым светилом, вращаются вокруг него. Может быть, оттого иным так неприятно бывает смотреть ночью на восходящий месяц...

Смотрю на бедных этих своих людей, по-своему как-то любивших меня, и чувствую свою вину и одновременно и не-вину, потому что мне надо было выйти из пережитой формы, и если бы я не вышел из нее, то погубил бы все свое содержание.

Моя форма стала их содержанием (эгоизм), а содержание моей формы им было недоступно, они его не поняли и упустили. Содержание же мое, личность, они понимали как форму и сводили ее к материи. И вот почему борьба за меня была борьбой за имущество.

28 Августа. Москва. Как на море в тишину было на душе этой женщины, в ней было все: и небо, и берег, и цвета, и глубина. Не было одного того, от чего начинается движение. На море появляется ветер – вода приходит в движение и тогда силою своей действует. Для этой женщины то же самое нужно было, какое-то мысленное начало со стороны, чтобы мысль всего ее

* enfant terrible (*франц.*) – несносный ребенок.

существа, мысль, большая, как море, приходила в движение. Мне кажется, про себя она даже не могла вовсе думать, ей нужен был вопрос, ей нужен был кто-то...

Вчера в постели перед тем, как заснуть, я внезапно понял свою жизнь со времени возвращения из Германии и до встречи с Лялей, как тоже кокетливую игру в уединенного человека, как одну из форм эстетического демонизма. Страннические блуждание по неустроенной стране в костюме охотника с дикаркой и детьми, вызов мещанскому обществу и т. д. – все до точности происходит от ницшеанского сверхчеловека в русском издании. Вот в таком жизненном оформлении развивался талант из его нравственных посылок вовсе другого происхождения, чем эта форма охотника и ницшеанца.

Эта точка зрения на себя, открывшаяся благодаря выходу из этой формы, вместе с тем открывает перспективу и на жизнь Олега и Ляли. Индивидуалистический эстетизм в этом случае принял не брачную форму, как у меня, а, напротив, форму аскетического целомудрия (гнушения браком). В результате этой формы индивидуализма, целомудренного явилась жертвой Ляля; в результате моего брачного индивидуализма-эгоизма – моя несчастная семья.

Мой рассказ «Любовь» является одинаково приложимым выходом из индивидуалистического эстетизма как ко мне, так и к Олегу; этот рассказ содержит весь поворот от эгоистического самоудовлетворения к общественно-брачному состоянию. К тому же самому непременно пришел бы и Олег.

29 Августа. Опять «мысль из окошка» по пути из Москвы в Тяжино: эта мысль была о процессе создания «единственной». Так вот, Ляля мне представляется единственной, что на свете другой подобной быть не может. Но сегодня на почте я видел одну барышню с глазами, похожими на Лялины, и мне подумалось: «А может быть, это я создаю Лялю, как единственную в мире женщину, на самом же деле такие "ляли" встречаются?» Может быть, и все так, кто любит, порождают из себя те прелести, которые я приписываю одной Ляле? Может быть, это

любовь ее кажется такой исключительной только потому, что я *никакой* любви не испытывал, и мне «все благо»? Принимаю, что так, но вместе с тем и утверждаю, что на земле, у людей существует великая любовь, единая и беспредельная. И в этом мире любви, предназначенной человеку для питания души в той же мере, как воздух для крови, я нахожу единственную, которая соответствует моему собственному единству, и только через это соответствие единства с той и с другой стороны вхожу в море всеобщей любви человеческой.

Вот почему даже самые примитивные люди, начиная свою короткую любовь, непременно чувствуют, что не им одним, а всем хорошо на земле жить, и если даже очевидно, что хорошая жизнь не выходит, то все-таки возможно человеку и должно быть счастливым. Итак, только через любовь можно найти себя самого как личность, и только личностью можно войти в мир любви человеческой: любви-добродетели. Иначе: только путем личной любви можно приобщиться любви-добродетели...

А что есть личная любовь? Это есть открытие (откровение?) в себе существа единственного в своем роде, которое единственный раз пришло на землю и больше никогда не повторится. При своей неповторимости эта личность-мгновение содержит в себе весь мир, всю вселенную и стремится за момент своего существования раскрыться как вселенная.

Навстречу этому самоопределению личности движется поток уравнительный, предъявляющий всякому «Хочется» свое «Надо». Этот уравнительный поток размножения, безнравственный сам по себе, вызывает свое внутреннее «Надо» исключительно при столкновении с Личностью и ее «Хочется»: *любовь* и начинается только в момент столкновения этого «Хочется» с «Надо», и в этой борьбе рождается то, что называют талантом, и самое творчество есть превращение личного «Хочется» (любовь личная) в общественное «Надо» (любовь-добродетель).

Мы присели в лесу. Над нами летали мельчайшие мошки. Ляля спросила:

– Эти мошки живут один день?

– Меньше, – ответил я, – это мошки-мгновения.

– Взлетят и умрут?

– Возможно. Только им эти мгновения как вечность. Если бы удалось сознать всю совокупность сил, определяющих взлет этой мушки, нам через это раскрылась бы вся тайна Вселенной.

– И мы тоже так?

– И мы взлетаем на то же мгновенье, только у нас есть человеческая задача вспыхнуть мгновением и так остаться: не умереть.

Ляля сказала о себе:

– Я женщина переделанная.

Ляля увидела в простой мгновенной пятиминутной любви скрытую в ней «всю-любовь», и стала ту любовь переделывать на эту, и через это себя понимать, как женщину переделанную.

Еще мысль в окошко: любовь наша теперь отвечает человеку, приведенному в постоянное движение, и совсем не похожа на прежнюю любовь, рассчитанную на создание уюта. В точном соответствии с этим находится нынешний «вождь» и прежний «монарх» (там и тут «все как один», но тогда в постоянстве, здесь – в движении). Вождь – это монарх мобилизованного человечества. В соответствии с мобилизацией монарха находятся и орудия передвижения (телега и автомобиль).

К обеду мы вернулись из Москвы в Тяжино и успели застать последнее движение на мордочке Диноры. Собачка прожила у нас всего 4 дня, была прекрасна и осталась мечтой. Дочь ее назвали Норой.

30 Августа. Начинать дневник надо, как молитву, т. е. как будто в своих поступках и мыслях даешь отчет Богу. Но я не знаю, возможно ли это. Вспоминаю, однако, что о. Даниил, когда во время молитвы приходили ему разные мысли, записывал их угольком на стенах своей кельи. Так и тут надо молиться и потом главное, что приходит в голову во время молитвы, записывать.

Ляля присела на ходу, и я спокойно смотрел, как шевелятся травки под нею и сверкают орошенные и удобренные.

– До чего мы дошли! – сказал я, – и как все пристойно выходит и хорошо: мы живем, как в раю.

– Не знаю, от чего это у тебя так выходит, – ответила она, – от натуры твоей или от старости.

– Ты же знаешь, – сказал я, – как мы живем: так я и всегда жил, моя страсть переключалась на поэтическое скитание, и остаток всегда был невелик.

Этот незаслуженный намек на старость помимо воли огорчил меня, и я долго не мог изгнать из себя потоки ревности и сомнений.

– Отчего ты пасмурный, что тебя огорчает?

– Меня огорчает, – ответил я, – твой намек на старость, я боюсь, что со мной ты поступишь, как с Олегом, бросишь меня и уйдешь с акробатом.

– После всех наших разговоров! – воскликнула она, – да ты с ума сошел!

И только собралась броситься мне на шею – я засмеялся.

– Провокатор! – засмеялась она.

Ночью меня очень беспокоило желание, но только утром я удовлетворил его так же просто, как Ляля просто орошала траву. Так мы приближаемся и почти уже приблизились к единству пола, т. е. к тому состоянию, которое было до разделения человека на мужчину и женщину.

Новым для меня является то, что половые отношения в процессе брачной жизни совершенно преображаются и строго разделяются на 1) период сближения разных существ и 2) период жизни собственно семейный; первое назовем период любовный, второе – семейный.

31 Августа. Пишу о вчерашнем дне и мучусь тем, что так мало взял себе от его богатств. Тружусь теперь, вспоминая тот день, когда взял все и не могу нигде поравняться силой своего творчества с богатством проходящего дня. И даже то самое лучшее в моих писаниях становится жалким при сравнении с истраченным на него временем и подсчете вдохновенных ми-

нут с часами, днями, неделями рассеяния, наступающего после вдохновения...

Нет, не дни в нашем распоряжении, а только мгновения. Но даже и мгновенья даются немногим, и как подумаешь о них – сердце наполняется благодарностью. (Углем на стене.)

Маленький грипп, первый после встречи с Лялей. Весь день при вынужденном безделии рассказывал анекдоты из своей жизни.

Приступил к обдумыванию «Былины»[137], к решению вопроса – писать или бросить.

1 Сентября. Марья Васильевна поставила свечку перед иконой «Всех святых» со специальным обращением к Ивану Воину, чтобы он помог доставить мне машину. И точно так же, как неделю тому назад по ее молитве нашелся пропадавший месяцами фотоаппарат, пришла ко мне новая машина. После обсуждения решили, что человеку, ходящему перед Богом, как Мар. Вас., это можно допускать, а *пользоваться* этим людям маловерным нехорошо.

Разговор об отношениях матери и дочери: два мира; мать – привязанность к мужу, дочь считает привязанность ограничением души.

Лучше я буду красивой и умной блудницей, чем добродетельной женой (это не из гордости, демонизма, а из религиозного чувства: я перед Богом, а не перед человеком).

Мой вопрос Ляле, когда и как она стала перед Богом. На это она ответила, что началось от религиозных исканий: ее отец, о. Алексей (затворник)[138] как последнее звено в романе с «моряком». А после того встреча с Олегом.

Анализ ожидания жениха в душе девушки (тут вся Ляля) и разгадка всей ее заманки (заманивала доступностью в недоступность...)

Чудилось в тонком сне первом, весной из-под снега вытаяла первая кочка и на кочку села перелетная ранневесенняя птичка Пуночка. Ей так было хорошо на этой кочке, как мудрой и

спокойно-уверенной царице весны: с этой кочки царица начала управление движением весны. В тонком сне я догадывался, что снится о нас: это мы с Лялей должны себе найти точку мудрого спокойствия и управления жизнью своей, направленной к бесспорной радости.

Замечательно, что в тот же день явилась мысль об устройстве постоянного жилья на реке.

2 Сентября. Телеграмма от Ставского, – ехать 3-го на корректуру. Нездоров, посылаю Лялю. Знаменательный разговор с Нат. Арк., из которого стало видно, что старушка вовсе не так зарудела в своей форме и внутри старается, как может, двигаться вперед вслед за дочерью.

Начали с Л. 5-ю главу Былины.

В природе определяется осень. Дождь шел весь день. Ляля поняла, что я не московский житель и что со мной в природе ей будет везде хорошо. Мысль об устройстве на реке крепнет все больше и больше.

3 Сентября. *На стене углем*: Ты просто возьми меня, Господи! И дай свидетельство мне о Себе: дай мне любовь. Раздражение, сомнения, ревность тогда исчезнут: Ты будешь со мной. И я от этого буду бесстрашен. Потому что любовь к Тебе, заключенная в сердце женщины, тогда будет со мной. Убежище мое в боязни, сомнениях. Бесстрашие мое! Не оставь, сохрани, оправдай.

И еще: кто обманывается в ком-нибудь – тот и другого обманывает (Ляля и Мих. Серг.).

Значит, нельзя обманывать, но нельзя и обманываться.

Какое свидетельство в том, что я имел дело с гением, а не преступником, с Христом, а не с Люцифером?

То и другое по существу подобно.

О Христе мне свидетельствует возникающая в сердце моем любовь.

И я думаю, что преступное и гениальное разделяется только перед судом Любви.

Невеста. Ждала Совершенного, и когда пришел жених, *ограничилась* мужем.

Другая невеста тоже приняла жениха несовершенного, но это несовершенство перед Богом приняла как долг и крест для себя.

Третья всю жизнь прождала, и не искала, и не пробовала.

Четвертая и ждала, искала, пробовала и, как Магдалина...

Ездил пробовать машину и раскрыл жульничество: машина реставрирована.

Ляля уехала править верстку к Ставскому.

Написал 5-ю главу «Былины».

Мар. Вас., как прислуга, плохая. Скорее всего и все эти церковницы на работу плохи. Рассказывала о мальчике, который просил у Георгия Победоносца победы в игре в лодыжки[139] и обещался для него украсть горячий пирожок.

Возбуждается в любви лишь к Неизвестному и до тех только пор, пока Неизвестный станет близким: после этого роль полового влечения сыграна, – дальше?.. Дальше: «Лучше я буду красивой и умной блудницей, чем добродетельной женой». Но у нас происходит для нее и для меня небывалое: мы переходим не от Эроса к полу, как все, а наоборот: от пола к Эросу. Может ли это так оставаться навсегда? Не знаю. Знаю одно, что это обязывает меня стать на высоту, на которой пусть Ляли не будет: я буду с Богом...

Возможность измены Ляли на основании прошлого опыта предполагает неправильный путь с моей стороны, или уклон в безбрачие, как с Олегом, или в род, как с Ал. Вас. С моей стороны возможен лишь уклон в сторону художественного творчества и подмена Христа Люцифером – я этого остерегусь. Тогда останется лишь измена ее от жажды лучшей жизни с более

страстным к жизни человеком. Возможно ли этому верить? Почти невозможно. А если... Тогда надо быть готовым остаться с полученным богатством и переработать его как духовную пищу для людей.

Наш путь – это путь сознания и мира душевного (Духа), значит, кто из нас – я или она, отходит от этого пути, он отходит от Духа, и оставшемуся на пути нужно продолжить его. Вот об этом и надо ежедневно молиться, чтобы подготовиться к возможной утрате друга и продолжить его до конца мужественно и без колебаний. Эта молитва должна обеспечить полное бесстрашие и свободу в любви.

4 Сентября. *Углем на стене*. На том же самом пути сближения нашего как телесного, так и духовного, из этого единства плоти и духа в любви рождаются наши дети и наши мысли. И только те мысли действительно настоящие, новорожденно-свои, а не повторение сказанного, которые рождаются, как и дети, от любви, на пути сближения плоти и духа.

В ожидании из Москвы Ляли открыл своей благонравной и почтеннейшей теще слова Ляли: «Лучше я буду красивой умной блудницей, чем добродетельной женой». Теща замерла и, не будучи в силах понять, и, не понимая, стать против Ляли, спросила: «Мих. Мих.! объясните, в чем тут дело?» Я объяснил, что у добродетельных жен муж часто заслоняет Бога, а для блудниц, как Магдалина, путь к Христу более свободен.

Ляля приехала в 5 в., рассказывала, как кромсали мою бедную «Фацелию», имея в виду нравственный уровень современного читателя. Неприятно, что Ляля исключительно по доброте своей бабьей сделалась адвокатом этого современного среднего читателя.

Укрепляюсь в писании «Былины».

5 Сентября. У Ляли нет ни малейшего интереса к жизненной игре, пробовал совершенствовать ее в писании дневника – не принимает, фотографировать – нет, ездить на велосипе-

де – научилась, но бесстрастно, автомобиль ненавидит, сидит над рукописями только ради меня, ради обязанностей высших высшей жены, политикой вовсе не интересуется.

Единственный талант у нее – это любовь, тут она всегда в состоянии готовности, на любовь у нее истрачено все, даже детство. Об этом еще надо подумать, но мне кажется, ее нужно *понуждать* к жизненным интересам. А то ведь единственное, чем она пользуется вполне для себя, это сон от полуночи до восьми утра: тут она живет для себя, во всем остальном она переделана исключительно на любовь, и самая любовь для себя принимается временно и как задача переделать этот материал личной жизни для Бога. Мне чуть-чуть трудновато идти за ней, мне нужно самому очень любить, чтобы не отставать от нее.

Вчера проводили Нат. Арк. и переехали в ту избу, где у нас была весной «неодетая любовь». От радости не знали, за какое чтение взяться на ночь, за материалы к «Былине» или за авву Макария[140]. После некоторых колебаний нащупал, что авва ее интересует больше: это *ее* личное дело, а то для меня, хотя и тоже личное, но не совсем, второй план. После Лествичника Макарий не понравился мне, какой-то Тургенев в отцах и прародитель семинарского стиля.

Расставаясь с Нат. Арк., понял ее бедную на трудном пути за Лялей и пожалел. Мне кажется, я и Лялину любовь к ней теперь понимаю в истоках, похожих на каменистые истоки горных ручьев: камни – это нарушения, Ляля идет путем нарушений, и каждый срыв оставляет в ней боль и заставляет поправлять нарушение, и это вечное стремление выправить нарушение создает ее любовь к матери. Трогательно это бесконечное доверие матери к тирану-ребенку, это постоянное усилие старой женщины понять всю сложную сеть поступков дочери, как путь к добру и правде.

6 Сентября. Грибной день: последние белые с червивыми ножками и много подберезовиков. Весь день с Лялей в лесу, чмокнули машину, поцеловали березку («Не огорчайся, везде и всюду, и всегда Ляля с тобой»).

Подозреваю, что машина у меня ремонтированная и начал раздумывать о жуликах в том направлении, что честность есть наследство религии или необходимое условие благоустроенной жизни, у нас – от религии.

7 Сентября. Ложь есть уничтожение любви, а клятвопреступление – отречение от Бога («Лествица»).

Ходил утром на болото – нет еще дупелей. Но главное – нет прежнего охотничьего трепета. Напротив, когда с Лялей пошли вечером за грибами, то было как на охоте. Так все и продолжается во мне, будто Ляля *послана* мне, до того она необыкновенна.

Вечером, когда мы сошлись с ней в постели и мне захотелось поиграть, я спросил ее разрешения, – она позволила. Я приступил и в тот момент, когда начало происходить, она спросила невнятно:

– Что это?

И я, не оставляя своего удовольствия, ответил:

– Смирение.

– Верно, – ответила Ляля.

Это было жизненным концом моего рассказа «Любовь» в серии «Фацелия».

Св. Писание может быть принято, как наставление детям или же как мудрость. Но надо быть самому мудрым, чтобы понять эту мудрость, и вот отчего всякий читающий св. Писание в меру сил своих становится мудрецом. Секрет этой мудрости состоит в многопланности написанного, неисчерпаемой многопланности, приводящей к относительности всего сказанного. Ляля в этом отношении далеко ушла и может отражать любые атаки буквоедов. «Перевод» св. Писания на язык «Разума» у немоляков свидетельствует о их дерзновении с негодными средствами, о их умопомраченности.

Начала Ляля серьезно думать о покупке домика. Меня стала в связи с этим мучить мысль о «благополучии». Когда я сказал об этом Ляле, она засмеялась: – Мы, – сказала она, – вчера гри-

бов много собрали, так я и то вспомнила, что Ал. Вас. любит соленые грибы, что вот хорошо бы ему послать. Нет, я проверена, в благополучии я не усну...

8 Сентября. Св. Наталия. Ссора. Говорили о жульничестве в связи с машиной, я говорил о том, что жуликов надо гнать от себя, Ляля, что с жуликами надо уметь жить. Я, чувствуя своей болью ее пользование услугами людей, питающих к ней симпатию, и вообще ее практический «демократизм», резко протестовал против обязательного пользования услугами жуликов.

– Но ведь ты мог же все-таки жить так долго с жуликом, – ответила она.

Я взбесился от этого поворота, но овладел собой, как машиной: схватил свой гнев, переключил его на холодное пользование злобой посредством диалектики и очень скоро заставил ее взяться за последнее оружие – слезы.

Я вел машину, Ляля рассказывала о моей непрактичности.

– А я сам все делаю и понимаю, как тяжело работать, когда товарищ ждет с открытым ртом, – сказал Дмитриев.

Меня уязвило это и что Ляля снижается.

– Я вообще, – ответил я, – вероятно, никуда я негодный.

Тогда Ляля вступилась и сказала, что с художника спрашивать нечего: такое уж все художество! А это меня укололо еще больше: я достал эту машину, веду ее, а они мечут в мое художество, в мое «каблуковство». Ночью я все Ляле сказал, и она сделала вид, что удивляется, и указала относительно моей обидчивости на пример Алекс. Ник. Но я, не впадая в гневливость, заставил ее признать в себе, как порок, снижение себя в обращении с низшими людьми и вообще взять половину вины в непрактичности на себя. При обсуждении же смены формы злопамятности гневной на «диалектическую», как худшую, решили, что выходом из этого может быть только молитва, т. е. надо выйти из человека и обратиться за помощью к Богу.

Не удался пирог, и тем погублены были именины. На именинах были две маркизы, аристократическая пара Магницких, Анна Дмитриевна, безумный поэт (полет), безумный латыш

(сошел с ума на точности), Лагунский (моряк). Узнал от Бор. Дм. о подвале в «Литературной газете»: «Родственное внимание»[141].

9 Сентября. Обучение езде по Москве... Обучение Дмитриева сводилось к тому, чтобы достигнуть спокойствия до состояния человека в «нюх собачий, слух кошачий».

В «Новом мире»: слухи об успехе «Фацелии».

Положить начало «не газуй» во все внешние отношения: положить себе, что учишься на машине и гнев – это газ, и «не газуй», значит, сдерживайся.

10 Сентября. Решение купить дом на родине Ивана Калиты. Визит О. В. Перовской.

– Напрасно она красит ресницы, это старомодно.

– А как ты узнала, что она красит?

– На левом глазу у нее две реснички слиплись, а ты разве не заметил?

– Разве это возможно заметить?

– Да, к сожалению, все мужчины таковы: женщины стараются для них, а выходит только для женщин.

– Почему ты сегодня со мною так нежен?

– А я сегодня перебрал в уме наше пережитое и очень много нашел в себе хорошего от тебя, как будто со времени нашей встречи я черпаю из колодца живую воду и все богатею и богатею изо дня в день.

Первое начало плана: ехать в Пржевальск.

11 Сентября. Учился ездить по Москве (Измайловская застава, Дворец Петра I).

12 Сентября. Отвез тещу в Узкое. К вечеру вернулся в Тяжино.

У Ляли болит поясница (прострел), ночью надо с ней быть осторожным. Я с любовью оглаживал ее спящую, и она это чуя-

ла и не отвечала, потому что ей было не до того. Когда же мне попалась кисть руки, и я руку погладил, то она сквозь сон мне ответила:

– Милый ты мой!

Так не раз я замечал, что прикосновение к руке бывает прикосновением к душе, и когда телу не до того, через руку происходит соприкосновение душ.

Сегодня Ляля проговорилась, сказав: «Если только есть тот свет».

– Неужели и ты сомневаешься?

– А как же? разве я не человек? Только если приходят сомнения, я рассуждаю: не будь того света, я бы не жила: тогда бы все было бессмыслицей, и я бы с собой покончила.

– Неужели тебе довольно и такого рассуждения?

– Нет, еще и моя любовь Богу.

И такая вся настоящая вера: ни окончательное «да», ни окончательное «нет», а «верую, помоги моему неверию»[142]. Настоящая вера включает в себя неверие, т. е. настоящая вера есть процесс борьбы с неверием и не будь неверия, не было бы и веры.

13 Сентября. Убил дупеля и коростеля. Вечером пошли гулять, набрали белых грибов на жареное. За ужином Ляля в первый раз в жизни поела белых грибов и пришла в восхищение. Так, она все лето сушила белые грибы и не ела их, не пробовала. Сушила впрок, хотя зимой они будут везде продаваться. Думала о будущем, а о настоящем, чтобы взять и поесть, – ей в голову даже и мысль не приходила. Настоящее она сушила для будущего, и так всю жизнь свою провела! Сердце сжимается от боли, как об этом подумаешь...

Так много было грибов в это лето, что, пожалуй, сушеных в государстве нашем года на два хватит. Но кто своего белого гриба за лето не попробовал, тому зимой не понять, как они вкусны.

Последние три дня думал о любви, как самоусовершенствовании (с гарантией, что любовью, однако, индульгенций

не купишь; индульгенции именно и существуют для замены любви).

14 Сентября. Весь день в лесу за грибами.

15 Сентября. Охотился на болоте. Приезд Бор. Дм., свата.

Сытые осенние воробьи сбились в стаи, и оттого у них стало все по-иному и они не такие. Зяблики, улетая, массой опустились на отдых в нашем садике, кажется, не было веточки, где бы не было птички.

Читал «Былину» свату и понял, что неминуемо (как говорит Мишка: «воленс-неволенс»*) надо ее написать.

16 Сентября. Солнечный день. На земле много разноцветных листьев, но деревья все зеленые. Ходили за грибами и набрали белых. Вечером взошла полная луна. Перед сном были у березки «КВ». Я думал о том, что пусть сейчас в движении нашем скорость еще невелика – этим смущаться не надо: мы остановиться не можем – это раз, и второе, что рано ли, поздно ли наш ручей прибежит в океан. Я просил еще укрепления своей связи со всем Целым умершего, прошедшего люда, просил в настоящем тех встреч, в которых по человеку встречаешься со Все-человеком. Еще просил я света на том темном пути, когда люди прощаются с жизнью, просил, чтобы страшный для всех конец мне преобразился в радость. Я молился, как молятся настоящие христиане, и знал, что все это пришло ко мне через Лялю, и не страшился. Пусть через Лялю, но ведь она-то со мной есть и будет... А если бы ушла, то душа-то ее ведь со мной навсегда.

Из разговора с Бор. Дм. стало ясно, что грех наших попов был в том, что православному человеку они закрыли путь к красоте: положение православия в отношении культуры безвыходное (вся «доброта» христианина как «Запечатленный ангел»[143]).

---

* воленс-неволенс (*нем.* – Jedem das seine) – волей-неволей.

17–18 Сентября. (18 у Л. «тяжино»)

Солнечно-прохладные дни, лунные ночи. Собираем вместе опенки и любим друг друга, кажется нам, все лучше и сильней. Через это впервые преодолевается осенняя грусть и бывалый страх смерти отходит; напротив, чувство конца как будто даже открывает возможности новой радости.

Пробовал думать о Загорске с тем, чтобы все разобрать, понять и, быть может, простить. Но, разбирая, не отходило то неприятное, отнявшее у меня самую возможность думать согласно с сердцем, а мысль, оторванная от сердца, скорее всего и является основным злом человечества. Правда, не эта ли мысль создала материальное неравенство и орудия самоуничтожения? Не этой ли попыткой согласовать мысль свою с жизнью сердца и я создал себе свое писательство? И как, значит, в тайниках души своей люди ждут такого согласия, если даже при моих слабых силах попытки мои обратили на себя внимание общества.

Ночью снился Ал. Вас., сон забыл, но вспомнил из его письма о Разумнике, что он «друг моего недруга». Но Ляля разошлась с ним не из-за меня и не для меня, и если я после всего, что между ними было, нашел Лялю, помог ей и полюбил, то неужели можно меня назвать недругом даже в шутку? Сколько не объясняла мне Ляля и Нат. Арк., я до сих пор не могу понять того чудовищного непонимания души Ляли, которое заставило ее, столь благодарную за всякое добро, оставить мужа. Не могу понять, как это религиозному любящему человеку нельзя любовью своей преодолеть силу, скажем, постельно-родового тяготения. Ответ один, что любовь, как и поэзия, требует таланта, и Ляля в отношении таланта любви требовательна.

А еще я думаю о любви, что «пол» в составе ее есть нечто всеобщее, свойственное общему «Надо» человечества: надо множиться. Но кроме этого общего «Надо» в любви содержится еще личное «Хочется», вот именно в этом и трагедия человека, и вся его борьба, чтобы среди всеобщего «Надо» родилось его личное «Хочется» и определилось новое «Надо» человечества.

Сущность этого процесса определена догматами непорочного зачатия, и невещественной плотью Христа, и учением о преображении мира и его материи. До чего это жизненно, до чего – не «мистика»! Глубочайший смысл Евангелия и состоит в этом выделении эротического происхождения личности, а не одного полового, как в Ветхом Завете. И церковь, я думаю, признала брак таинством, поскольку половые отношения освящены этой личной, или эротической, или Христовой любовью.

Вся религиозная революционность Ляли и состоит в этом требовании для любящих истинно Христова начала. Только при этом условии она может приходить в экстаз полового возбуждения или же снисходительно по- матерински относиться к периодическим требованиям мужа, смотреть на эти отношения целомудренно...

В этом понимании есть одно темное пятно, а именно, что христианин в этом смысле не делается просто из всякого, а таким рождается, подобно таланту. И от бездарного нельзя требовать «христианской любви»; если же требовать, то создается «церковное животное», вскрывающее при первом испытании свою нехристианскую природу (Аксюша) или темно-родовую сущность свою, как Александр Васильевич.

Итак, это «Надо», с которым вступил в борьбу Зуек[144], будит темное, слепое старое «Надо», и у всех строителей будет оно висеть над душой; и природа, в которую попадет Зуек, выступит с этим же «Надо», слепым и страшным. Воплощение этого «Надо» будет в старцах, и Мария Мироновна в процессе борьбы должна быть представлена как Злая Сила, воплощающая в себе и «Надо» подневольно работающих на канале людей. Каждое существо в себе несет это темное «Надо», как проклятие, и перед каждым долг освободиться от него и создать новое «Надо». Выход старухи из цепей старого «Надо» будет сигналом к авралу, в котором это «Надо» спадет со всех.

19 Сентября. Спрашивал себя, вполне ли я освободился от тщеславия, и казалось мне, вполне, но вспомнил боль, когда меня ставят в один ряд с пошляками, вспомнил обиды, умолчания и т. п. Впрочем, думаю, что чувствительность эта еще не

означает тщеславия. Самый факт, что признание моей любви Лялей мне значит много больше, чем признание моих успехов в литературе, указывает на в значительной степени преодоленную мною зависимость от славы. И вообще, если мне на исповеди в чем-нибудь каяться, то надо каяться прежде всего в слабости сознания своей вины (греха).

За обедом я сказал Марье Вас., что если мне придется в рай идти, то без встречи со своими собаками я в рай не пойду. На это Мар. Вас. деликатно сказала: – Рай такой прекрасный, Михаил Михайлович, что вы о собаках забудете.

На эти слова Ляля сказала, что какой-то святой* о всей твари объяснил: что вся тварь воскреснет, в том числе, конечно, и собаки.

20 Сентября. Из меня больше растет наша любовь или из моего друга, но ясно, что она растет: сегодня Ляля мне сказала, что, пожалуй, теперь она без меня и жить не может. И опять о жалости, что она боится – обидят меня.

– Тебя все могут обидеть, и я боюсь за тебя и жалею ужасно. Думала, что буду любить без этой жалости, а выходит, жалею тебя больше всех, жалею и люблю...

До известного возраста человек дорожит чужой мыслью и всасывает в себя чужое. Но с какого-то времени всякая чужая мысль входит не в открытые ворота, а стучится, и ее впускают лишь после проверки – какая это мысль и есть ли в ней толк и надобность. Тогда наступает время, когда господствует своя ревнивая мысль, и человек высшей нормой своей считает требование быть самим собой. И этот период существует лишь для подготовки к выбору вне себя лежащей мысли, которой человек предается.

Пишу главу «Школа радости»: провести мысль о Страшном суде на земле и впоследствии превратить в Аврал, как Страшный суд.

---

* Имеется в виду Симеон Н. Богослов, который говорил об обновлении всей твари в будущем веке.

Может быть сделать аналогию детской «мировой катастрофы» с раскольничьей, детского живого «Надо» с тем мертвым?

Не *там*, а здесь, на земле – это одна из основных идей «Былины», вместо веры – знание (наука), вместо чуда – открытие: гранит – здание, на граните стоит Сутулый.

Зуек в это утро (может быть после прибытия...) проснулся свободным (как мы в 17 году), не было больше Кащея: умер бессмертный.

Падун и Весь-человек: это повторяется, это идея Клавдии, идея Школы радости, и будущее. А настоящее – это Сам-человек, и прошлое – Бог.

Назади какой-то Кащей, впереди Весь-человек, а тут перед глазами Сам-человек.

21 Сентября. В главе о смиренномудрии оба мы нашли себе утешение: оба нашли в себе, своей натуре, в своем прошлом какие-то признаки работы. (Из любви исходят все добродетели и Бог есть любовь.)

Весь день посвящен грибам: во множестве собирали белые и красные. Второй раз видел во сне Ефр. Павл.: 1-й раз печальное, с отсутствующими глазами лицо в окне, 2-й раз будто бы я вхожу в незнакомую комнату, стараюсь захлопнуть за собой дверь, но дверь не захлопывается и за что-то сзади цепляется. Так несколько раз, и, наконец, я с силой резко захлопываю и вижу на постели Ефр. Павл. с очень темно-сердитым лицом. Мы холодно с нею целуемся.

22 Сентября. Москва.

Как вода, переливаясь через край, падает на землю, так и сладость любви, это счастье, достигнув предела, переходит в печаль. Я видел один за другим два сна и получил письмо, сон и действительность совпали – родилась печаль. Ляля заметила это, поняла, но стала еще больше любить.

– Ляля, – сказал я, – мои игрушки перестают меня радовать.

– Это понятно, – ответила она.
– Мое детство проходит.
– Это меня печалит, мне тебя жаль.
– И радость жизни проходит.
– Радость проходит... как плохо! Я тебя порчу.
– Радость детская, – сказал я, – радость через игрушки, через внешний мир, но я в радости не беднею, мою радость теперь составляют не игрушки, а Ляля.

Она была довольна и повторила:
– Я никогда не думала, что могу так любить, мне даже становится страшно.

Мне же, если по-серьезному, это «страшно» любви давно уже понятно и живет во мне: мне страшно маленькому перед чем-то таким, что больше меня. Так было в детстве во время «со страхом и верою приступите»[145].

Читая Иоанна Лествичника, дошел до странного его совета в отношении двух живущих блудно. Святой отец церкви советует на этот случай поссорить между собой блудников: «и блуд прекратится». Замечательно, что Ляля это место перечеркнула резко накрест нестираемым чернильным карандашом. Это она-то и так с отцом Церкви! Меня это восхитило, и я спросил ее, как и почему она посмела?

– Посмела, – ответила она, – потому что сделать так можно. А если сделал, то нельзя говорить об этом и другому советовать. Иногда возможно и даже нужно убить, но сказать об этом нельзя: это все несказуемое.

Словом смиренномудрие называется такое душевное состояние, которое не может быть выражено словом.

23 Сентября. Москва. Ездили в Узкое. Авария.

24 Сентября. Ремонт машины, профилактика (1250 км). Появление Малишевского.

– Я ждала силу, которая покорит меня и освободит меня от вечного страха за все живое и от жалости. Но вот я покорена: я люблю только тебя, но чувство жалости к тебе, страх,

связанный с мыслью о твоей беззащитности испытываю я как никогда.

Так вот проходит любовь свое полукружие от героя к ребенку и начинает свое второе полукружие: каждая мать надеется, что ее ребенок станет героем.

25 Сентября. Дождливое утро. Буду писать «Былину», как Пушкин «Бориса»[146]: если глава не пишется, то ее оставлять и писать следующую. Знаю, однако, что это приведет к безглавию, а безглавие к хаосу, а из хаоса опять будут оформляться главы. В моем распоряжении 6 месяцев (1 Окт. – 1 Апр.) = 180 дней = по 1 стр. в день – 9 листов.

Вечером в Клубе «Международное положение» и перемена ориентации от благополучия к судьбе. Только у робкого или мужественного человека «судьба» сказывается по-разному. У деятельного человека судьба побуждает к деятельности, у робкого – судьба в утешение, у ленивого – в оправдание. Вот было, в кухне завизжала собачка, а я был в постели.

– Что-то делается с собакой, – сказал я, – надо посмотреть, не защемило ли ее, не умерла бы от чего?

– Не ходи, милый, – сказала Ляля, – ну и умрет, значит, судьба.

Услыхав такую «судьбу», я вскочил и побежал скорее вопреки той «судьбе», скорее, скорее собачку спасать! И я ее спас, и моя живая судьба победила судьбу моего ленивого друга.

26 Сентября. Лучше всего мне пишется на том месте, где мой чай. За чаем я никогда не сочиняю, а пишу дневник в полном равенстве себя самого с тем, что записываю: пишу прямо вслед за собой. Вчера вечером все-таки совершилось для меня большое событие, я переменил свою политическую ориентацию. Раньше я думал, что мы постепенно эволюционируем под германский фашизм, они же примирятся с фактом коммунизма. Теперь я подумываю, что Германия, может быть, в процессе своего поражения сама станет коммунистической и вместе с нами станет против Англо-Америки. Так, наверно, и будет,

если между Англией и Германией не будет заключен мир за счет нас.

Но не в том дело, главное дело в моем новом сознании, что вполне достоверна лишь та сущность жизни, которая пришла ко мне через Лялю. В соотношении с этой сущностью, мировая война представляется чем-то вроде игры в шахматы. Все мое отношение с почтением к этой умственной и увлекательной игре, но человек, не играющий в шахматы, во всякое время может улыбнуться этому совершенно пустому занятию. Мало того, может прийти человек, расшвырять шашки, и от этого никому никакого убытка не будет. Точно такое отношение к войне, как к шахматам, должно быть у человека, занятого подлинной жизнью. Кто может расшвырять шашки войны? Только Бог, и человеку, имеющему веру в Бога, надо теперь больше верить и больше просить Его о милости...

27 Сентября. Воздвижение.

Вчера, 26-го Сентября Ляля поехала ко всенощной в Малаховку. 20 лет тому назад за такой всенощной под Воздвиженье произошла встреча ее первая с Олегом. И еще она хотела подготовить... Но когда она приехала туда, то увидала на церкви замок: церковь закрыли. Ляля вернулась ни с чем, но встреча наша была особенно радостной, и я сделал, как надо, и это пришлось как раз в день встречи Ляли с Олегом.

28 Сентября. Из беседы с В. А. Герасимовой узнал о «Страшном суде» над писателями[147], и судьей у них время. И такое время пришло не только к Бахметьеву, Гладкову, Шухову, Толстому, Леонову, а всему свету. Перенесемся душой на войну, и при свете «конца» (светопреставления) ясно видно, что в экономической жизни совершается суд над частной инициативой (капитал) и над общим великим Планом (СССР, Германия), что все сводится тут... Не хочу развивать мысль, но только знаю, что куда не посмотришь, мысль при этом свете во всем работает по-новому и открывает новое.

Вечером пришел некий Беленький, работавший у Черткова. Он рассказал нам, что был мучим в лагере за контрреволюци-

онера Черткова. Только через два или три года невозможных мук выяснилось, что Чертков не был контрреволюционером, и Беленький был выпущен. Узнал от Беленького, что Молочников (толстовец) был арестован и умер в Архангельске от болезни мочевого пузыря. Беленький был уверен, что увидит во мне дряхлого старика, и когда встретились, был поражен моим цветущим видом. Беленький не умнее Молочникова: оба по глупости проиграли на своем толстовстве и чертковстве.

Чувство современности: про себя ведь каждый как-то ориентируется в мировых событиях. Поражает, до чего единообразно ориентируются евреи. Невольно навязываются мысли о еврейском господстве. Итак, 1-я сторона, это Англо-американский капитал (все куплю). 2-я – Германо-итало-японский национализм (все возьму). 3-я – плановое социалистическое хозяйство.

Капитал: частная инициатива, включающая экспансию индивидуализма и духовного космополитизма.

Национализм: индивидуум как представитель народа (народная инициатива).

Социализм: индивидуум как представитель Всечеловека.

Итак, будущий мир должен быть умирен правильным сочетанием элементов человеческого творчества: 1) личности, 2) народности и 3) общечеловеческого хозяйственного плана.

Каждая из борющихся ныне 3-х сторон борется за то, что необходимо для всех трех и чего две другие стороны не принимают. Так, если бы сошлись три человека: экономист, моралист и художник, и каждый стал бы навязывать насильно друг другу свое, исключающее все другое, то и получилась бы картина современной войны.

Переношу в «Былину»: Сутулый, чекист, всечеловеческий план; индивидуалист (частная инициатива) – Черкун; фашист Дегтерев.

Надо немедленно взяться за Лялю, чтобы она в определенное время вставала и более или менее систематично работала.

29 Сентября. С Мишкой и Алекс. Ник. ездили в Узкое. Намечается устройство «школы радости». Новое свиданье с В. Герасимовой.

N. (антисемит) говорил, что «Всечеловек» происходит из разложения национального человека: национальный человек, теряя под собой национальную почву, устанавливает отрицание почвы для всех наций, противопоставляет себя... Он оставляет за собой самый дух материи, ее счет и меру... И талант везде один, одни права, одно желание. Так возник Банк: Всечеловек устроился в Банке.

30 Сентября. Не делаю ли я ошибку, заменяя текущее время жизни работой над «Былиной»? Быть может, вслед за находкой надо было бы и писать об этом? А то не вышло бы потом так, что и вовсе не захочется «зерцала в гадании», если станешь «лицом к лицу»?

Сейчас у нас устанавливается во всех отношениях такое равновесие, что забота остается лишь о том, как бы оно чем-нибудь не нарушилось.

Она не раз говорила, что страсть у нее есть лишь средство сближения, и что раз у нас сближение произошло, то страсть ее вместе с тем угасала и перешла в любовь.

– Да, я люблю, – сказала она, – и страсть моя молчит, но если в тебе страсть погаснет, любовь моя будет расстроена.

В беспредельно широкой этой душе я утонул, как в море, и пусть там где-то на берегу люди, с которыми я жил долго и оставался ребенком, оплакивают меня, как погибшего, – я сам совершенно [очистился], и сетования их для меня непонятны и чужды.

Ночной разговор: – Что мне делать с собой, если ты умрешь, – я не знаю: очень страшно об этом думать. А если я умру, ты что – молиться будешь?

– Не знаю, моя молитва исходит из любви к тебе, желание общения с Богом началось через тебя, если же ты исчезнешь, то может быть и самое желанье быть с Богом исчезнет.

– И тогда?

– Тогда, вероятно, я тоже умру.

– Поэзия, как и любовь, – это явление таланта, а талант от Бога. Вот почему ни поэзию, ни любовь нельзя делать собственностью. Непременно у человека, создавшего себе в поэзии или в любви фетиш, является драма, которая была в любви у Хозе (Кармен), в поэзии у Блока. Словом, талант – это путь, но не сущность.

– А что есть сущность?

– Бог.

И если сущность есть Бог, то подмена ее фетишем порождает собственность, а собственность всегда разрешается драмой.

1 Октября. Вчера я спросил Птицына:

– Вы за что любите Валерию Дмитриевну?

– За ее чисто мужской ум, – ответил он и в свою очередь тоже спросил, за что я ее люблю.

– За чистую женственность, – ответил я, – она ведь женственна, почти как Богородица.

Мы были оба правы, она одинаково могла бы профессором быть и духовной воспитательницей (богородицей). И ум ее был не занят, и сердце не находило ответа. Так это бывает, и, наверно, в таких состояниях рождались пророки. А когда ум определился в университет, то стал ограниченным умом определенного факультета, отсюда пророков нечего ждать.

Надо помнить на каждый день независимо от того, хорошо тебе или плохо, что люди нашей страны живут тяжело и выносят невыносимое...

Счастливо с «Неодетой весной»: дополнительный тираж. Вечером пришел Кристи и решено завтра ехать искать дачу под Звенигородом.

Ночью Ляля успокаивала меня: хотя ей это совсем не надо и непонятно, эта заготовка любви (беременность) к незнакомому существу, но все равно, она уверена, что выйдет все хорошо, и ее старость будет украшена, возможно, гениальным существом. «Ты же сам не знаешь, какой ты, ты ведь мало раскрыл себя».

Написал 2 страницы «Былины», и так будет впредь – непременно и буду записывать.

2 Октября. Солнечный день и первый мороз. В 9–10 выедем в Звенигород. Выехали в 10 утра с Кристи и Магницкой. Ездили в Звенигород, на Николину гору, в Дарьино и в Дунино.

Дача делового человека (Николина гора) и дача вольная (Дунино).

Дача Вышинского и Старухин дом (Дунино). Вечером сквозь строй милиционеров по Арбату без красной лампочки над номером.

При большом движении дух мой был предан движению, и все мое на это уходило. Оставалось в душе почему-то ясное происхождение зла на земле в отношениях людей друг с другом. Зло на земле, думалось мне, при этом движении вперед посредством механизма происходит от механизации человеческих отношений. Ведь как, напр., трудно убить человека по своей личной воле: личное сознание огромнейшего большинства людей не допускает убийства. Но стоит ввести сюда между мною и личностью убиваемого закон, стоит законом снять вину, значит, обезличить акт, значит, механизировать отношения людей, – и только редчайший человек откажется нажать пуговку от провода к электрическому стулу.

И так, с этой колом торчащей в душе моей мыслью я несусь вперед, и мне встает новый вопрос: – Кто может поручиться, что эта машина [не] создана [для] механизации или обезличения множества людей, что только благодаря их духовному убийству я могу нестись вперед со скоростью 60 км в час? И еще вопрос: – Эта социалистическая мечта освободить человека от унизительного, уничтожающего его духовную личность труда не есть ли в сущности своей младенческий лепет протеста замене организма человека механизмом?

И даже больше: эта попытка организации жизни своими средствами – есть попытка разбудить старого ленивого бога[148], обратить на себя его внимание.

3 Октября. Всякий «закон» вплоть до законов природы есть сила дьявольского преображения мира, потому что в су-

честве своем никаких законов нет. Всякий закон при свете родственного внимания исчезает, и на месте его появляются скрытые им личности, творящие незаконно-священную жизнь.

Итак, друзья мои, – есть жизнь вне законов, и о ней мы будем говорить.

Не всякая сущность поддается своему выражению в слове, есть сущности, о которых другим нельзя словом дать понятие, если он лично в этой сущности не имел опыта. В этом случае слово говорит не о понятии, а служит лишь обозначением известного переживания. К таким словам относится «смиренномудрие».

А есть, напротив, слова, несущие в себе понятия ложные. К таким ложным понятиям принадлежит «целомудрие». Огромное большинство людей под этим словом понимают девственность. Но на самом же деле целомудренное существо не обязательно является девственником и не всякое девственное существо является целомудренным.

Целомудрие есть сознание необходимости всякую мысль свою, всякое чувство, всякий поступок согласовать со всей целостью своего существа, отнесенного к Богу.

Бог есть существо лицеродящее и противузаконное.

Сегодня гениально улажен конфликт с двумя прислугами (Мар. Вас. и Саша). Я был счастлив наблюдать практическую мудрость Ляли и вспомнить так же, что даже с Аксюшей она не позволяла никогда себе «выходить из себя». На мои слова об этом она ответила, что эта практическая мудрость не является у нее нравственным делом, а простым расчетом, что «выходить из себя» себе обходится слишком дорого.

4 Октября. Солнце и мороз.

Молитва: Господи, благослови мой день. «Отче!» как молитва о смиренномудрии. «Богородица», как рождение личности, т. е. жизни.

Ляля не мистик и не любит мистику, но религиозна, и в православии своем, как мыслящая личность, свободна. Вот это и есть основа нашего духовного сближения. Почти каждый день я думаю о нашей встрече, как чуде, потому что я не мог ранее предполагать существования подобных людей и подобного глубокого сходства двух.

Мир в огне и неслыханном горе. Глядя со стороны на жизнь, теперь всякий просто глазами видит ее бессмысленность. А изнутри каждый для себя на что-то надеется и, проводив с печалью один день, на другое утро встает и шепчет: «хоть день, да мой!» Так показывается извне бессмысленно-вековечное родовое движение человека, полная тьма. И только, если глядеть с закрытыми глазами внутрь тьмы, показывается непрерывная цепь полных смысла жизненных вспышек: это мы, люди, как личности вспыхиваем, друг другу передавая свет жизни.

Когда через Лялю я узнаю о себе что-нибудь хорошее, меня охватывает довольство, и первое время мне кажется, что она впервые открыла во мне что-то хорошее и становится, будто я, как ребенок, быстро расту и в хорошую сторону. Через некоторое время я, однако, узнаю, что это не я, а она мне раскрывается в своей *доброте* (красоте душевной), и это поднимает меня, и я расту.

1940 года 5-го Октября нашел эту конторскую книгу в сундуке Валерии Дмитриевны и после многих напрасных попыток достать себе нерасплывающейся бумаги решил воспользоваться ею для своего дневника. Кстати, получается некоторая связь меня с прошлым: предки мои были купцы, записывали в такие книги «дела», а я – безделье.

Привез второй воз вещей из Тяжина. Простились с этой деревней, где с 12 Апреля, почти ровно шесть месяцев и мучились, и радовались. За эти шесть месяцев я умер для своей семьи и попал в такую среду, куда стоны и жалобы оттуда не доходят. И до того это похоже на смерть, что бросает свет и на смерть обыкновенную и становится понятным, почему мы

разобщаемся с душами умерших людей: они бы и рады были нам откликнуться, да мы не умеем дать знать о себе им. Однако возможно представить себе, что если жить в настоящей любви, то можно и перекликнуться.

6 Октября. Ляля гораздо больше знает, чем показывает, это происходит у нее преодолением тщеславия.

Сколько людей прошло мимо меня, и сколько раз я слышал от них о себе, что будто бы я не только замечательный писатель, но и хороший человек. Много даже и писали об этом, и все-таки всерьез я ни разу не поверил в то, что я замечательный и хороший. Но вот Ляля пришла и сказала мне, и через нее я это принял и поверил в себя, и узнал, и обрадовался, и поднялся, как при солнечных лучах утром к небу поднимается туман над рекой.

На ночь она читала мне поэтические молитвы Тагора и в меня от руки моей, лежащей у нее на бедре, в душу поступало чувство ее тела, а через молитву оно преображалось и становилось мне, будто видел во сне что-то совершенно прекрасное, а потом пробудился и узнал, что это не сон.

– Почему это, Ляля, – спросил я, – сегодня я чуть-чуть нездоров и вот уже ты меня больше любишь, и я знаю о себе, что заболей ты телом своим, и я сейчас же заболею любовью к тебе. Почему при несчастии с другом любовь усиливается?

– Потому, – ответила она, – что в болезни и несчастьях мы делаемся ближе к Богу, а это и значит любовь.

– Конечно, многое на свете можно подавить, и оно кончится, и многое множество всякого надо подавить, и это хорошо, пусть кончается. Только дух Божий, живущий в человеке, подавить нельзя, и чем больше на него давят, тем он больше плотнеет и усиливается. (NB. Так было в истории с Германией, и так было в личной жизни со мною.)

Бывает, как это было в Тяжине 5-го Окт., вдруг соберутся темные мысли против Ляли, ее прошлое располагается в логи-

ческой связи с неумолимым выводом о необходимости, неизбежности перемены ее ко мне. Тогда любовь ее представляется мне христианской добродетелью, которой награждает она меня за мою любовь, верность и готовность. Уныние охватывает меня, но мое уныние она мгновенно замечает, я ей признаюсь в своих недобрых мыслях – и моя логика ее логикой разрушается, и злое наваждение оставляет меня. После становится так совестно за упрек свой ей в невольных ее грехах. Происхождение таких мимолетных чувств коренится *в подполье* своей личности, чем-то оскорбленной до неверия, до неприятия чуда, каким, несомненно, является в моей жизни приход Ляли. Вспоминаю, что этот процесс сомнений, недоверие были у меня с самого начала, и я боролся с ними и побеждал исключительно раскаянием: каялся ей, и она меня поднимала. В Тяжине 5 Октября были только остатки этого зла. Да воскреснет Бог и расточатся последние враги...[149]

7 Октября. Всю ночь был дождь. Часто возвращался к мысли своей о том, что 12-го Апреля я для прежней семьи своей умер, для себя же возродился и что смерть так и всегда: настоящая кончина («безболезна, непостыдна»[150]) есть возрождение. Настоящая смерть есть прекращение всех обязанностей к людям и свидетельство независимости личности...

Возможно, что новая вещь будет названа «Школа радости» (былина). «Пахан», как беспризорник, обладает характерной чертой, что никогда никому и ни под каким давлением не раскроет другому свое «Я». Эта фигура будет и в Аврале так представлена, что «Я» остается (его смерть в Аврале, рядом со смертью Мироныча).

Надо и Хочется: Сила земного тяготения передается человеку, как Надо. Сколько желаний личных на земле было подавлено тяготением человеческого сердца и разума к этому моральному Надо! Бывает, однако, по этим сложным человеческим моральным законам от личности требуется для своего необходимого движения вперед необходимо сбросить с себя тяготение этого устаревшего Надо и поступать, как самому Хочется.

И мне кажется иногда, что если Надо происходит от земного тяготения, то свою свободу, свое Хочется человек взял от воды: маленький ручеек режет скалу пополам и рассыпает ее, если же великая скала падает на малую воду, то эта вода под тяжестью камня превращается в пар и мельчайшими пузырьками поднимается к небу.

Свою свободу, свое Хочется взял человек от воды, свое Надо он взял от земли. Но, конечно, может быть, человек и не брал себе никакого примера в природе – кто об этом может сказать? Только все-таки, если смотришь из себя в природу, наблюдаешь, думая, как живут звери, птицы, рыбы, как лежат камни, как движется вода, то все свое душевное узнаешь у них и начинаешь их жизнь понимать по нашему необходимому Надо и по нашему свободному Хочется.

Ошибка Олега была в том, что он Лялей пользовался для своего творчества, но был невнимателен к ее личности реальной. Она была для него Прекрасной дамой. Напротив, Александру Васильевичу она была женой и любовницей, а к духовному облику ее он был невнимателен.

– Ты же, – сказала она, – их победил своей цельностью и за то ты меня берешь целиком.

8 Октября. Ляля всегда живет в нравственном треугольнике: 1) она – угол и два угла равнобедренных: 2) Приходящий, которого она любит, как все: живет с ним. 2) Уходящий, которого она тоже любит (жалеет), но жить не может. Сейчас у нее в треугольнике две прислуги, старуха Саша, с которой жить хорошо, и другая Марья Васильевна, плохая прислуга, но прекрасный человек. В таком же треугольнике находятся Ал. Вас. и я.

9 Октября. Получаю страстные письма о «Неодетой весне». Вчера доктор (глазной) в поликлинике признался мне в любви. Медленно и под шумок мое «учение» находит себе путь. Боюсь, что когда через меня все пойдут в природу, я уйду из нее, и мое «быть самим собой» окажется не в том, о чем я писал.

Жизнь моя в Лаврушинском мало-помалу налаживается, и дружба моя с Лялей все растет.

Были вечером в концерте Рахманинова «Колокола»[151]. Удивлялся людям, консерватория, оказалось, является хранилищем людей: я таких людей видел только до революции. Как жаль, что не надумал ни разу сходить в консерваторию. Люди там, независимо от положения в современности, сохраняются в духовной неизменяемости к худшему. А музыка входит в состав религиозной души, и можно даже так поставить вопрос: возможна ли без музыки религиозная и даже вообще душа?

Отцы церкви, вероятно, и собирали свою душу к тому, чтобы без-мысленно, как в музыке, в чувственном бесчувствии постигать сущность всего – Бога. Отсюда и становится видна во всей ясности борьба религиозных людей с Разумом и обожествление Разума. Мир (тишина) на земле возможен лишь при каком-то соотношении молитвенного состояния души с разумным (культура). «Господство» разума приводит к безверной технике и к войне (цивилизация).

Приходила делегация «Пионера», предлагала написать мне декларацию моего натурализма. Я ответил, что в основе современности лежит идея «господства», у меня же «родственное внимание», и показывать свою правду я могу, но рассуждать по поводу нее – мне не дано.

10 Октября. Когда я соблазняю Лялю заниматься литературой, она делает кислое лицо, и когда я вижу кислое лицо и упрекаю ее, то она отвечает обыкновенно: вот, представь же ты себе, что я умерла, – стал бы ты после того с тем же рвением заниматься литературой? Я вспомнил о том, что она вот уже два месяца высматривает себе шляпку, часами примеривает в магазинах в поисках подходящей, что вчера только с торжеством принесла наконец хорошенькую, подумал, но не спросил: «Если бы умер я, неужели бы ты после того с такой настойчивостью искала бы себе шляпку?» И еще я хотел было спросить ее, но постеснялся: «Почему же горе твое коснулось своим губительным дыханием интереса твоего к искусству слова, почему не коснулось оно твоего желания нравиться людям?»

Вечером я показал ей написанное, и она мне ответила так:

– Неправда! до тебя я шляпками не занималась, а теперь это делаю только для тебя.

Вечером был в «Новом мире» на разборе романа Арамилева, и когда какой-то еврей задел описание природы этим скромным человеком и сказал: «это не Аксаков, не Тургенев, не Пришвин», я вступился за Арамилева против Аксакова. Так раздули мы роман за чистоту, за мораль (требует ЦК), на самом же деле роман посредственный и подражательный Горькому. Прокуроры были честнее, правдивее адвокатов. К сожалению, я был адвокатом.

11 Октября. Сегодня еду освобождать Нат. Арк. из санатория «Узкое», где ее чуть-чуть не отравили.

Все наши достижения в области европейской культуры – это внешний вид, и в отделке внешнего вида всегда чувствуется еврейская рука.

Ляля чуть-чуть нездорова, и этого довольно уже, чтобы я почувствовал прилив особенной нежности. Ее душа высвечивает из тела так сильно, что все говорят о ней «добрая», и никто не замечает главное, что при «доброте» она очень умная, что она является редчайшим соединением доброты и ума.

Ездил за тещей в Узкое. Милиционер грузовой машиной помял мне крыло и сам же ругал меня. Чуть ли ни в первый раз в жизни я удержался от вспышки и вел себя как джентльмен. Пусть этот случай будет началом нового поведения с расчетом, что «выходить из себя» стоит себе дорого и ни к чему не ведет.

Ляля устроила квартиру и сдала хозяйство матери. Пришел Александр Михайлович и заметил, что впервые видит уход за мной. И я сам тоже впервые видел, что у меня все как следует быть. (Раньше казалось, что у меня в доме все не «понастоящему».)

Минуты жизни (вся жизнь своя, как минута!) привлекали к себе внимание людей, минуты проходят – и нет больше внима-

ния. И соберись вся жизнь в одну минуту, – явится сокровище в мире, как звезда...

12 Октября. Вечер у Магницких. Разговоры о разгроме молодежи (лишение стипендий, плата за ученье). Признание Старшими разумности этой меры (так за мою жизнь интеллигенция перешла на другую сторону). (Примеры издевательства студентов над профессорами.) Может быть, это последний этап демократических идей Руссо? Впрочем, теперь не в идеях дело: люди смотрят не на идеи, а на жизнь (а жизнь эта есть последствие идей).

13 Октября. По пути к Яковлеву. Оглянулся вокруг себя и увидел, что за эти последние три года выросли мосты, везде асфальт и порядок движения. А между тем, тогда никому из нас не было никакого дела до этого будущего. Каждый занимался собой и думал о себе, вплоть до самых строителей. Никто тогда лично не заботился о будущем, как, напр., даже собака заботится, зарывая остаток пищи. Тогда не заботились, и теперь по неозабоченному идем без чувства удовлетворения.

В этом и есть вся суть современного переворота. Раньше капиталисты, как собаки, заботясь о будущем лично своем, создавали избытки для общества: на этом основан весь капитал: создавать будущее под предлогом и обманом личного дела.

Теперь забота о будущем стала специальностью на 1000 р. месячного жалованья, и сами эти специалисты будущего (плановики) тоже лично в нем не заинтересованы: капиталист создавал для себя, этот плановик создает будущее, как специалист, по чужому велению и не для себя. Так исчезает у каждого надежда на личный выход из не-обходимости, так рождается чиновничий бюрократизм, эгоизм, измельчение душ.

Последний нажим Надо будущего на Хочется, т. е. на личность, на настоящее выразился в закрепощении служащих, в обуздании молодежи, всех художников, всех, у кого еще остается надежда через личное Хочется выйти из необходимости государственного Надо. И замечательно, что сами профессора, художники, вся высшая интеллигенция, страдая лично от принуждения, не могут отказаться от справедливо-

сти всех принудительных мер в отношении студентов, рабочих и т. д.

«Ничего не поделаешь» – в отношении государственного Надо и «хоть денечек, да мой» – в отношении к себе. Так все и совершается в мире наивных существ, определяющих свое бытие на иллюзии своего личного «Я», своего земного короткого «Хочется». Но существует личность человека, независимая от человека, и жизнь, не определяемая физической конечностью. Многие подозревают существование такой личности и в беде своей косятся в ту сторону.

Мой «Аврал» надо представить как нечеловеческий синтез раздробленного человека, в котором каждый отдельный прозревает свое Целое. Три человека: Пахан, и Дегтерев, и Мария Мироновна должны, участвуя в создании Целого, отстоять свою личность, они участвуют в создании Целого как личности, тогда как другие: Сергей Мироныч, Сутулый, Клавдия только выявляют, только оживляются в осуществлении заложенного в них чувства Целого. Аврал у меня будет, как высшая ступень творчества жизни, как Страшный суд, на котором сгорает вся иллюзорность и ограниченность индивидуальности и остается последняя реальность Сущего, и эту сущность мы назовем коммунизмом. Произведение мое «Школа радости» дает путь единства, к которому стремится коммунист во Христе[152], путь индивидуальности к личности, путь раздробленного человека к Цельному.

Пахан – до конца индивидуалист.
Дегтерев – до конца личность.

16-е октября – предельный срок нашего ожидания. Чувствую по особенным небывалым приступам нежности ее, что «тяжино» больше не будет. Неразумно, бессмысленно и жестоко с моей стороны, но если бы я воздержался, то не было бы и любви...

Два моих основных порока: 1) вспыльчивость, 2) заносчивость. Первое надо бросить немедленно, п[отому] что это сто-

ит дороже себе, и, по-видимому, это проходит: на Полянке, в схватке с милиционером я вел себя превосходно. Что же касается заносчивости, то она тем противна, что связана с сознанием убогости среды: как убогие, так я «возношусь» (делегация от «Пионера» – радио).

Смерть Мироныча и смерть Падуна: оба старики и у обоих былина.

14 Октября. Посланы алименты. Написано для радио и телевидения. Ляля встревожена (все решится 16-го). Подумываю о выступлениях для заработка.

15 Октября. Позвониться Яковлеву о поездке в 1 ч. дня. Вечером, гуляя, зашли к Перовской, Ляля у нее сказала, что «любовь» Толстого недостаточна: он ее, как человек порочный, раздробил, на самом же деле любовь едина и неисчерпаема, она, как вода, каждый берет из нее сколько может. Бывшие у Перовских гости стали говорить и обнаружили детское сознание.

«Тяжина» нет и встает вопрос во всей неумолимой силе: да или нет. А я? разве я виноват? Если бы я сделал это рассудительно, я бы доказал тем самым, что не очень-то уж так сильно люблю ее («духовной» любви мы же с ней чураемся; если мы за цельную любовь (с подкладкой), то... я поступил нерассудительно и в то же время я поступил правильно). И еще к этому: она не один раз говорила, что ей «акт» не нужен, но если бы у меня не было влечения к этому, она едва ли бы могла меня полюбить, как она теперь любит. Тут все вышло из дерзновения моего молодого духа: я молод душой и не смотрю на время, а мне 67 лет, я ребенка своего не могу воспитать... Так бесконечное встретилось с конечным, и вот открывается «юдоль земная»[153].

16 Октября. Ляля лежит в тяжкой думе. С одной стороны, она думает так, что умри я – придет Ал. Вас. и будет воспитывать ребенка. – Речь идет не о муже: это все кончено, а

просто по-человечески из-за любви ко мне. С другой: мне тебя жалко...

– Они в любви, – говорила она, – не испытывают самой сущности, что любовь есть условие зарождения личности.

– В примитивной любви это стремление к зарождению личности выражается рождением ребенка, – сказал я. Она смешалась на мгновенье, но, вспомнив Наташу из «Войны и мира», ответила: – Да, это верно для примитивного существа, но для таких, как, например, Наташа, неверно: своими родами она убила в себе возможность рождения личности.

Люди до того пали низко в отношении понимания любви, как это поставлено в св. Писании, что попытки Толстого только приблизиться к существу вопроса захватили людей. На самом же деле попытки эти ребяческие...

Сегодня я склонен к тому, чтобы принять «искушение» и свидетельствовать, что готов все терпеть...

17 Октября. Ночью не спали, и каждый по-своему решал вопрос, быть новому гражданину или не быть.

– Если кому быть – тот не спрашивается об этом.

– Согласна. Чувство радости жизни, страстное желание иметь ребенка было у меня, я с этим родилась, но когда папа умер, я пошла в церковь и...

– И что ты получила?

– Духовную свободу и сознание личности.

– Значит, ты как личность, родилась не от плоти?

– Да, и стала равнодушной к чувственному миру, к этой «плоти» и ее будущему: это все умрет, и дела все сгорят на Суде, останется только бессмертие, и это есть личность. И ты бы должен был это знать и не делать. Так говорил Олег.

– Ну, а если бы он, любя тебя, на мгновенье забылся, и в это мгновенье все бы решилось вне своего желания?

– Он был мальчик, но я тебя понимаю. Если бы ты не забылся, я бы не могла быть уверенной в полноте твоей любви.

– Что же делать, так вышло, значит есть нечто выше нашей воли, зависит не от нас и этому мы должны подчиниться.

– Богу мы должны с благоговением подчиниться, естественному ходу и сказать: да будет воля Твоя!

Мне сейчас думается, что именно потому ты и не любишь Толстого и его Наташу[154]: у него личная жизнь девушки представляется, как личный каприз, девичья смута души перед серьезностью брачной жизни, поглощающей капризное своеволие. То же самое и я проводил в «Кащеевой цепи»: Алпатов созерцал величественный и радостный процесс движения всей жизни в природе, и его узкое своеволие поглощалось расширенной душой.

17-го Вечером: «тяжино» (с опозданием на 1 день). И вот за один день этот сколько пережито! Перед этим была мечта о волшебном путешествии на Иссык-Куль. Мечта была, как детская игра, сметена налетевшей грозой. Открылась перспектива на жизнь, полную скорби, труда и роковых случайностей, как будто был у нас рай и мы были изгнаны и обречены выполнять заповедь: «в поте лица». И когда мы примирились с изгнанием и лишением и перестроились, то вдруг увидели, что Бог только пошутил с нами, постращал, а двери рая открыты.

– Ты как будто не рад? – сказала она.

– Да и ты, – спросил я, – как будто не очень-то рада?

– Нет, – сказала она, – я чувствую облегчение.

Но и то правда, что особенной радости, как думал во время изгнания о жизни в раю, я не почувствовал.

После этого мы смущенно переглянулись и не спеша возвратились в свой рай с этой мечтой о путешествии в сказочный Иссык-Куль.

Вот когда мне стало очень понятно, что, перейдя через страдание в более глубокую жизнь, невозможно вернуться таким же простодушным ребенком на солнечную поверхность земли. Вот отчего и моя Ляля до сих пор не может привыкнуть к моей просторной квартире в четыре комнаты и просит меня променять на маленькую, вот почему, оставаясь в природе, она тоже не чувствует, как я, расширения души и единства с Целым, а пользуется тишиной уединения только чтобы сосредоточиться в чувстве любви. Вот почему, полюбив, я неохотно иду на охоту, и вот почему ушедшие из нашего мира больше в него не могут вернуться.

Девочка играет куклой, как со своим ребенком. Девушка в 17 лет жаждет любви, чтобы родить, а женщина в 40 лет ждет любви для себя и, не рождая, любимого человека превращает в ребенка и становится его матерью. Полюбив, такая женщина-мать осуществляет в настоящем всю полноту жизни и совсем не хочет какого-то чужого будущего с неведомым ей младенцем: такая женщина сопротивляется деторождению. А то бывает, женщина со всей страстью к обладанию настоящим, близким, немедленным и полным счастьем, полюбит Христа, сделается матерью такого Младенца бесплотного. Так неужели и такой богородице можно навязать простую физическую деятельность деторождения, разве можно такую упрекать за [нежелание такого рождения]?

Но как же она, почти такая женщина, любит меня, если, преодолев [нежелание] такого рождения, радостно согласилась идти по этому пути с верой на возможное просветление земной юдоли?

Но может быть в ней еще дремлет отчасти нераскрытая девушка, ожидающая для себя куколки? А то почему же она ночью с упреком спросила меня: «Если мужчина любит женщину, то он хочет иметь от нее ребенка, а ты как будто не хочешь, почему ты не хочешь?» И то, что при аборте я возвращу себе радость к путешествию на Иссык-Куль, – эта мысль ее угнетала: значит, она хотела иметь возле себя мужа, а не путешественника или писателя. Все это я тоже почувствовал вчера на одинокой прогулке, и через это луч света упал на то слепое мгновенье, когда я утратил сознание на мгновенье и поступил, как мужчина: это мгновение не было слепым, я тоже, как и она теперь, тогда в тайне своей тоже хотел. Сознав это, я почувствовал радость и готовность встретить все трудности на этом пути и даже смерть ее. Мне стало, как было в Ельце перед расстрелом[155]: поняв близость смерти, я вдруг стал совсем спокоен и пошел, куда мне указали, к забору.

18 Октября. И вот, когда испытание наше кончилось столь блистательно для нашей любви, и я прочел ей дневник, она особенно обратила внимание на «бесплотное зачатие» и, об-

нимая меня, дивилась, как это можно говорить и [человек] все понимает.

– Наверно, – говорила она, – это самое большое счастье, какое только может испытывать женщина. Она рассказала, что этой ночью в полусне ей было огорчение от мысли о том, что ребеночка не будет. Мучилась она этим, горевала, но вдруг вспомнила, что я же и есть ее ребенок, и очень радовалась.

Начало лекции. Много ли времени нужно, чтобы увидеть: взглянул – вот и все. Другое дело свое видение представить для других людей в понятных словах – вот для этого нужно и время, и опыт, и мастерство.

Подсобная работа. 1) Детфильм: «Неодетая весна», или «Мазай», или «Дом на колесах». 2) Журнал «Погода». 3) «Моя жизнь» в Деткино.

Новые люди. В санатории «Узкое» скука смертельная, потому что больные как малознакомые между собой люди боятся друг с другом свободно говорить. Говорят, на этой почве вынужденного молчания выработался тип людей, не способных вести беседу, и это вовсе не тупые люди, иногда даже очень одаренные, но беседу вести не могут. К этому надо прибавить, что время создало теперь еще и говорунов на официальные темы, ораторы, каких раньше не бывало, и писатели. Даже Замошкин размахнулся юбилейным фельетоном о Сергееве-Ценском совершенно в духе такого говоруна-специалиста. Ляля сказала: «А сколько он этим добра делает!»

19 Октября. Любовь по существу своему непременно одна, только концы ее разные, на одной стороне обнажается любовь в себе, чисто духовная, на другой физическая: ему только бы выбросить семя, ей – только родить. Вся любовь, как вода, каждый берет из нее сколько может зачерпнуть своей посудиной. К воде приходят с ведром, к любви – с душой, бывают и ведра побольше и поменьше, а уж души! вот оттого все по-разному и понимают любовь, что каждый вмещает в себя сколько-то и

о своем говорит. Я же, мои друзья, хочу вам говорить о всей любви, как будто я пришел на берег океана.

Так вот отчего все бывают так глупы, когда говорят о любви: это оттого, что о любви говорят они лишь в меру своего опыта. Речь идет об океане, а они говорят каждый только о том, что мог он зачерпнуть своей личной посудиной. Выхожу, друзья мои, на берег, бросаю свою личную посудину в океан, складываю руки на груди своей, как складывал в детстве своем на молитве, и перед всем океаном, горящим в вечерних лучах, по-детски шепчу о своем личном: «избави меня от лукавого»[156]. Горит передо мной весь океан, я становлюсь на колени...

Сегодня наклюнулся гараж.

Вечером явились Мария Грациановна Дулькейт, Ольга Александровна Немчинова, кинoредактор Воронов, Александр Николаевич, Володя Елагин.

Ляля ходила к Чагину и своим детским голоском высказала, как трудно жить М. М-у. Чагин обещал ей издать «Весну». Я рассердился и решил идти в политбюро и к Ярославскому.

20 Октября. Кончаю на Октябрь продвигать «Школу радости», чтобы перечитать материалы, вдуматься в план, сделать наброски. За октябрь уже сделано (с прошлым) в чистоту 50 стр., т. е. 20 стр. сверх плана.

Спрос на «любовь к делу».

Елагин просил меня написать рассказ о любви какого-нибудь мастера к своему делу. Я вспомнил то время, когда писал «Башмаки»[157] (в 22 году): вон, когда я об этом думал! Сколько же с тех пор нужно было разрушить любви, чтобы сознать это теперь: по одной формуле Маркса без любви ко всему в мире – к родителям, к женщине, к своему мастерству – жить невозможно.

Визит к Новикову-Прибою. Удивительно, что совсем без образования, при очень маленьком таланте Алексей Силыч написал книжицу величиной с Библию[158] и такую замечатель-

ную, что ее перевели на все языки. Но мало того, он сумел себе отстоять в собственность большую, прекрасную квартиру, построить две дачи с мичуринскими садами, сохранить в себе доброту и веселость примитивного человека. Однако нам просидеть у него вечер было труднее даже, чем у Ставского.

Ночью, сравнивая свое положение, свой талант я почувствовал в себе силу и сказал: «Все мне – ничто, на все наплевать, но зато Ляля это мое богатство. – Да и плевать-то не на что, – тихонько спросонья ответила она, – у тебя только Ляля и есть».

Такая реплика была мне так неожиданна, что я растерялся и сказал: «Как же нет ничего, а талант, а слава?» На это она даже и не соизволила ответить, я и без слов понял ответ: «Талант! при маленьком таланте Новиков в сто раз богаче тебя. Слава! – к чему она, если даже ты сам не знаешь, где тебя славят». Горько стало мне на душе, но не за Лялю: она у меня неупрекаемая. Но если неупрекаемая, почти святая нашла для меня этот упрек: «У тебя нет ничего!», то, значит, я заслужил его. И мне вспомнилось положение Л. Толстого, и в этом высоком его положении тоже какая-то сокровенная правда Софьи Андреевны и тот же упрек: «У тебя нет ничего», т. е. нет необходимой доли внимания к материальному миру, в котором ты должен определиться, как хозяин, как муж и отец.

Множество детей, большие заботы о материальной стороне славы своего мужа, природно-женская одаренность и страстность в хозяйстве, графский титул, устремление всей интеллигенции в сторону государственного и общественного саморазрушения создали ореол святой правды вокруг Толстого и унизительной жадности вокруг Софьи Андреевны.

Но вот Ляля, почти отрешенная от земного мира, почти монахиня, как только стала в положение матери (я для нее теперь ребенок), так ощутила некоторую страстность к вещам необходимости и некоторое раздражение ко мне, столь бесстрастному к житейской материализации своего таланта.

К счастью, я не Л. Толстой, и Ляля ошибается, в мою этику входит необходимость внимания и к этой стороне жизни. У меня было довольно для скромной жизни и оттого я мало уделял внимания в эту сторону, хотя ведь я же один без вся-

кой помощи себя обеспечил, Ефр. Павловну, устроил детей и теперь стараюсь... Да, но я все-таки не умею легко взять свое же заслуженное, материально я стою много ниже положения, соответствующего моему таланту. И я слишком барин, слишком художник, слишком ребенок, слишком чудак.

За обедом Ляля не то по доброте своей бесконечной, не то по влюбленности, воскликнула: – Мама, ну, какой же у него прекрасный характер! – Не знаю, – ответила сумрачно теща, – человек, конечно, хороший, но характер... не знаю.

Теща, думаю, более права, чем Ляля, теща ведь смотрит со стороны. Дело в том, что я счастлив и это выправило мой характер: в сторону Ляли мой характер всегда хорош, я всегда весел. С другой стороны, и Ляля обращена ко мне лучшей стороной своего характера. И у нас всегда будет так, будто у нас обоих отличный характер, вернее, до тех пор будет, пока будет любовь.

У москвичей настроение никуда не годится, некоторые думают, будто наши меры взяты с немцев и что немец способен выдержать то, что русскому невмочь. Другие дальше идут: что будто бы для Гитлера сознательно подготовляется страна, как колония. Слух о передвижении войск наших в Румынию (для войны с Германией), что Гитлер в один месяц... и т. п. вздор всякий.

Прочитал Ляле о ее горьком замечании: «у тебя нет ничего, кроме Ляли», и она, как всегда в таком случае, когда я хочу подвести ее к какому-нибудь житейскому закону, все рассеяла: она не хотела сказать, что я был невнимателен к жизни, нет! я в литературном отношении сделал не меньше Силыча, но что меня ограбили свои и оставили ни с чем.

22 Октября. Был Осипов из «Смены» и демонстрировал свою «веру?»

– А что, – спросил я, – в самом деле он так верует?

– Нет, – ответила Ляля, – тут до веры не доходит, но он верит в то, что надо верить, и за это «надо» готов даже сложить голову.

Не верил, но сложил голову за то, во что надо верить.

Александр Васильевич прислал ответ на письмо Ляли к нему с «Фацелией» в доказательство высоты своего чувства. Но Александр Васильевич раскритиковал «Фацелию» и распростился с женой до встречи в Царстве Небесном.

– Эх, Александр Васильевич! прожили вы с Лялей столько лет и не поняли, что она не женщина в Вашем смысле и Ваши притязания к ней грубы и недостойны ее существа. И если Вы действительно верите, что встретитесь с нею в загробном мире, то Вы или не узнаете ее, или же, узнав, впервые познаете и устыдитесь. И о каком «копытце» помышляете Вы, когда читаете «Фацелию»? К Вам, лично к Вам возвращаю я это копытце. Если же Вы вспомните прошлое и что Ляля хоть на короткое время была «женщиной», то ведь Вы знаете, какая она жалостливая: каждого, кто ее растрогает, кого она пожалеет и приголубит, как мать всего живущего...

23 Октября. Первый зазимок.

Наша ласка, когда-то страстная, теперь становится просто любовной игрой, от которой, если надо будет, легко отказаться. И вот, когда прошла для всех обычная иллюзия влюбленности, у нас оказалось – это была вовсе не иллюзия, а средство сближения, самознания, духовного саморазвития и обмена. После этого периода Ляля стала матерью мне, и я вновь родился, весь, по-новому стал жить, забывая даже о своих привычках. И даже характер во мне переменился, и весь я насквозь стал не таким, как был.

Ляля сказала: – Ты только шевели меня, умей своими вопросами вызывать из меня мысли, и ты удивишься тому, что я могу тебе дать.

А у меня это уже само собой давно сложилось, что Ляля знает все, и я давно в тревоге о том, что ленив как-то, сонлив и не умею спрашивать. Лучший образ ее, как ангел у сапожника, до сих пор у меня ничуть не помрачился.

Моя гостья сказала: – Бедная Франция, неужели же нынешняя судьба ее есть последствие революции 1789 года! и если

так, то какие же последствия ждут нас за нашу октябрьскую революцию!

И еще эта гостья сказала: – У нас есть три группы людей: огромное большинство вовсе не верит в наше дело, другая часть верит в то, что Надо верить, и третья сомневается в Надо, но делает вид, что верит.

24 Октября. Снег на крышах и – 4. Вчера ездили устраивать машину в Донгауэровскую*. Сданы очерки в «Погоду». Начал писать сценарий «Дом на колесах».

Ляля говорила о вере людей в «Надо» (надо верить). То бывает, просто верят люди для себя лично, вера как свидетельство личности. А то бывает «два-три собрались во имя Мое»[159] (церковь) и два из них верят непосредственно в Бога, а третий слабо верит и усиливается через двух: вот эта сила не его собственная, а тех двух является, наверно, принудительной, как «надо верить». Если помножить силу тех двух на миллионы, то исчезнет вопрос «верю ли я сам?» и станет: «я должен верить». Вот этим долгом веры и живут комсомольцы и держится все государство, как система принуждения. Но, вероятно, когда приходит Страшный суд государству (Война и Революция), то «надо верить» отпадает и Судья спрашивает: «Как тебе хочется верить?» И в церкви тоже, многие ли верят в тайну, в то, что хлеб становится телом Христа и вино – кровью? Огромное большинство причащается с одной мыслью в то, что надо верить[160].

<*Приписка на полях*: После испытания в любви не страшно испытание в мужестве, слове и т. п.: в любви – все.>

25 Октября. Многие верят потому только, что страшно не верить и остаться ни с чем. Вера в живого Бога у них давно перешла в привычку, охраняющую личное спокойствие. Им кажется, невозможно остаться без Бога, на самом же деле живой Бог только и ждет, чтобы они вышли из пут своих привычек и стали к Нему лицом.

---

* Донгауэровские заводы в Лефортово.

В современности у нас думают так, что немца нам не миновать: будем ему помогать, он превратит нас в колонию, пойдем против – он расколотит и своею рукою возьмет.

Евреи и все присные им ненавидят кровно Гитлера, эта ненависть наполнила половину мира от Ротшильда до русского интеллигентного нищего, женатого на еврейке. С другой стороны, другая половина стала против евреев. Такая огромная ненависть не могла бы возникнуть к маленькому народцу, если бы он не являл собой какую-то определяющую весь наш строй силу: еврей стал знаменем капитала и кумиром демократов – интернациональный человек превратился в еврея. Весь-человек раскололся на две половины – арийца и семита. Мы же стоим на острие независимого от расы коммунистического человека и чуть в одну сторону – мы с евреями; чуть в другую – с арийцами.

Все вовне до того убийственно страшно и духовно пусто, что спасаться возможно лишь в глубине себя.

Бессилие верующих. При таком разложении церкви «верующие» стали бессильными и божье дело было отдано неверующим, которые вместо верующих и строили жизнь на земле и всюду и везде заявляли: мы не на небе, а на земле хотим строить жизнь.

26 Октября. Ввожу в необходимость каждого дня вести вечером обсуждение плана дня следующего, иначе Ляля затрепывается. Вчера, например, ее вызвали на примерку платья в 12 ½, она поехала мерить платье, вспомнила про туфли и еще, и еще, и так, не евши, приехала в 5 вечера, усталая, нервная. Пока она летала, я, чувствуя себя в Москве неуютно, без воздуха, без возможности, как раньше бывало, при первом желании окунуться в лес и набраться сил, придрался к надменно-уверенному тону тещи и вышел из себя; но вскоре опомнился и сам попросил прощения. Вечером теща нажаловалась Ляле, и у нас произошла первая сцена втроем.

Когда было вдвоем, то Ляля умела забрать меня в руки, и я умел ей отдаваться и приходить после объяснения на более

высокую ступень отношений. Теперь непонимание дошло до того, что Ляля даже воскликнула: «Бросаю вас, подыхайте вы все без меня!» Это обобщение меня, основного работника и добытчика, с больною старушкой сразу открыло глаза: это призвание Ляли относиться к мужу, как к ребенку, как к несчастному существу, беззащитному. И если этого нет во мне, она хочет сделать такого меня своим баловством, своим уходом. Так она всех избаловала возле себя, Ал. Вас. – в первую голову, Мич. Серг. и особенно свою мать. Мне же хочется, чтобы она стала на положение друга, равного, товарища, как она стала, было, создавая вместе со мной «Фацелию».

Существо, создающее «Фацелию», в моих глазах есть качественно разное с тем, которое, расстраивая свое здоровье, без всякой особой нужды носится по Москве в поисках тесемочек для моих башмаков. Для нее же оба эти существа объединяются в заботе о своем ребенке или старушке-матери. Вот почему она и обращается на «вы» ко мне и старушке: «Подохните вы без меня!»

Между тем у меня задача сделать Лялю лично счастливой, моя гордость в том, чтобы пробудить в ней долю эгоизма, создать из этого костяк ее хоть какого-нибудь счастья. И вот, пожалуйте, без нее «мы» подохнем! Так в этой маленькой невинной ссоре любящих друг друга людей вскрывается сущность всего христианства, всего «язычества», всего «мужа» и всей «женщины».

Мы отлично помирились, и ночью каждый раз, как я просыпался, осторожно целовал ее волосы, и она, когда просыпалась, целовала меня. Мы на редкость с ней счастливы. Что же касается старушки, конечно, ревнующей дочь ко мне, больной, то в этом надо целиком положиться на Лялю. Не знаю, не знаю, какая цена этой любви, но я знаю, что тут, в отношении к матери, Ляля вся, значит, любя Лялю, мне тоже Надо любить: люблю ли тебя, я не знаю, но все равно мне Надо любить.

Вот теперь, сравнивая это Надо любить с Надо верить комсомольцев, я вижу ясно в том и другом нравственное начало. Мне Надо любить мать, потому что я люблю дочь. И так, может быть, комсомольцу Надо верить в торжество социализма, потому что он любит свою родину, т. е. свой угол рождения,

где своя мать, свой отец, свое солнце и месяц, и свои травки, и свои заборы, и «первых лет уроки». Да, бедные дети с их трогательным «Надо верить», много ли еще вас осталось на русской земле?

Получил «Фацелию» в «Смене» – до того подходяще к молодежи, ко времени, и до того здорово вышло, и до того здорово, что Ляля настаивает послать хозяину как образец и просить его издать для масс «Неодетую весну».

Юбилей Ценского.

Интересны были только две женщины, Ляля и жена А. Толстого, которая особенно понравилась Ляле.

– Интересная женщина, – сказала Ляля.

– И так же, как ты вспыхивает и загорается. Значит, – сказал я, – в Толстом есть же нечто, из-за чего она могла его полюбить.

– Власть его, – ответила Ляля, – сила его славы, денег, положения. Всякая женщина подчиняется этой силе и тут одна оборона от нее – Христос и только-только Христос.

Мы с Лялей на этом вечере были оба довольны друг другом и вообще мы это общество «освоили». Ляле предстоит успех, но она находит, что нам надо пореже бывать «среди этих зверей».

Когда появился Толстой и подошел к нам, я, не вставая, в пол-оборота подал ему руку. Я это сделал частью по дикости (не вставать же мне перед графом), частью из-за отвращения, частью из озорства. Ляля на меня накинулась, как коршун.

– Да это же не светское общество, – ответил я, – тут хоть язык покажи, только бы не терять сознания и расчета.

Ляля бесилась от моего поступка, Толстой ей был тоже противен, но она не хотела моего мальчишества и боялась, самое главное, она просто боялась мести.

– Ты скоро увидишь, – сказал я, – что Толстой мелким бесом перед нами рассыплется.

Все дружно аплодировали, когда я сказал свою речь, и один только Толстой неподвижно и мрачно глядел на меня.

– Вот видишь! – с опаской и укором прошептала Ляля, – для чего тебе нужно было врага: Толстой опять оправится, опять влезет к Сталину и что, если он о тебе там скажет.

Потом, спускаясь по лестнице в зал, мы увидели там Толстого с женой.

– Ты, – сказал я, – сейчас увидишь, что я умнее тебя.

После этого взял и под руку Лялю подвел к Толстому, познакомил его с ней, познакомил с его женой. И Толстой мелким бесом расстилался и звал к себе, к своему камину и повторял: «в конце недели», и говорил нам обоим комплименты, и уходил, и опять подходил, и опять звал.

– Видишь, – сказал я Ляле потом, – все эти подхалимы, карьеристы имеют одну ахиллесову пяту: у них есть смутный страх перед появлением честного и сильного человека, они всегда боятся появления Ревизора. На этом я играл, об этом смутно думал, когда он подошел ко мне.

– Ты умнее меня, – согласилась Ляля, – но это и понятно – мы с мамой столько страдали, так запуганы...

В сионе еврейских литераторов и их безвкусных хозяек мы, старики, были реликтами и неплохими представителями осужденного царского времени: Ценский, Новиков-Прибой, Новиков И. А., А. Толстой и я.

А Замошкин говорил и ставил в заслугу Ценскому изображение какого-то интеллектуального Держиморды. Услыхав это, я за него испугался.

– Не опасно ли? – спросил я Лялю.

– О чем ты думаешь?

– Да вот об этом интел[лектуальном] Держиморде.

– Нет, – ответила Ляля, – никто ничего не выведет, да и Замошкин совсем не думает о том, что тебе пришло в голову.

27 Октября. Званый вечер: Иоаннидис, Шильдкредт, Дмитриев. Беседуя о войне всего человечества, эти ограниченные своим еврейством люди всю свою аргументацию против Гитлера сводили к примерам угнетения им евреев. Они уверены, что наша политика сведется к войне против немцев и что Гитлер погибнет в России, как Наполеон.

28 Октября. Заутренняя молитва.

Госп. И. Х.! помилуй меня!

Г. И. Х.! претвори, как воду в вино, немощи мои в красоту, силу и власть.

Г. И. Х.! соедини красоту, силу и власть, чтобы моя Любимая в Тебе всегда находила меня и во мне всегда встречала Тебя.

Господи, благослови во мне всякую тварь, чтобы она во мне становилась святой и соедини меня со всеми прошлыми людьми, незнакомыми и родными, и всеми, кто когда-то помогал созданию этого дня. И не лиши меня дара создать со всей тварью, со всеми прошлыми и настоящими будущий великий день радости.

– Дети, любите друг друга.

– Не хочется.

– Нечего делать, деточки, хочется, не хочется, а надо любить.

Надо верить и Хочется верить.

Надо любить и Хочется любить.

Не Хочется верить, а Надо.

Не Хочется любить, а Надо.

Мудрость совета «будьте как дети» состоит в том, чтобы всякое Надо взрослого человека, вплоть до «Надо верить, надо любить», стало как у детей: «Хочется верить, Хочется любить». Мудрость жизни всего человека и закон благополучия всего человечества состоит только в том, чтобы Надо каждого человека превратилось в его личное Хочется.

Утром Ляля, как проснулась, позвала и я к ней пришел.

– Ты что делаешь?

– Богу молился.

– А верно ли, что ты перед Богом стоял...

– Как же иначе?

– Может быть ты сам перед собою кривляешься и сочиняешь?

На это я ей стал говорить много, и главная мысль моя была в том, что я Бога через нее принимаю как у ней, так у меня, и если у нее не-Бог, то и у меня не-Бог...

– Милый, – перебила она, – скоро ты перестанешь?

– Как?

– Так, – я давно тебя поняла и думаю о прачке. Поди сейчас, спроси, пришла ли прачка.

Так начался наш день.

29 Октября. –3. Второй зазимок. (Снег летит.)

Какому богу молились наши предки из богатых купцов, наживших себе крупные средства. Нет сомнения, что этого бога они просили помогать в их хищных делах и этому самому богу строили церкви, когда им все удавалось. Этот бог помогал им везде концы с концами сводить и радоваться... и очищать свою душу обращением к Распятому. Именно для очищения совести и был для них Христос...

– Значит, – думал Зуек, – Кащей Бессмертный тоже Христу молится? Вот штука-то.

Говорил по радио для журнала «Пионер». Встреча с Маршаком.

– Я ваша поклонница! – сказала Ляля.

Ей хочется поправить все мои грехи, вообще всю мою некорректность и хорошо одеть.

Решил отдать Ладу Леве, позвонил – он пришел. У нас никого не было, он этим воспользовался и вдруг заявил, как бы шутя, что я ему должен с Апреля за каждый месяц по 200 руб.

– Как это может быть?

– А ты мне обещал, что все будет по-старому.

Мне стало ужасно стыдно, я весь, как рак, стал красным, наверно, п[отому] что почувствовал, как в детстве, пожар на щеках.

– Но позволь, Лева, – сказал я, – если все по-старому, ты прежде всего должен установить какие-то нравственные отношения, вспомни, как ты называл меня, что мне писал. Надо же хотя бы со внешней стороны создать какой-нибудь мост для возможности отношений[161].

30 Октября. Ездили на Николину гору с В. В. Перовским.

В. В. рассказывал Ляле о красоте охоты на рыбу с подсветом: «Красота какая! золотые тростники и на дне каждый камешек виден, и вот рыба стоит, как полено, и ты в нее острогой, и на зубцах остроги ее вытаскиваешь. Такая красота!

– Но почему же, – спрашивает Ляля, – вы говорите, рыба стоит?

– Потому что она спит в воде.

– И вы ее сонную бьете? Не понимаю, что тут красивого: бить сонную рыбу!»

Мы были очарованы одним обрывом на Москве-реке, и очень захотелось тут жить. Установился путь через Семашку и Бородина. Вернулись усталые и расстроенные.

– Помолись, – просила меня Ляля.

Я молился, но только путался: не помогало.

31 Октября. Легкий мороз и солнце. Прошу о здоровье:

– Тебе же Г. лучше, когда я здоровый, я молюсь всем на здоровье.

Ходил к Семашке... Собираюсь к сестрам Барютиным.

Был у сестер. То самое, что я нашел у Ляли как самое для меня важное: это прежде всего неисчерпаемый источник и вообще смутное чувство бесстрашия перед концом своим; то же самое теперь у этих сестер видишь на глаз в их порядке жизни, в устройстве, в утвари, на стертых уголках дверей, столов. Чувство победы человека над суетой и независимость его от внешних событий охватывает, и вот, оказывается, что та Россия, которую я любил и которую будто убили, жива и никогда не умирала.

1 Ноября. Крыша белая от мороза (–5). Восходит солнце. Приступаю вплотную к «Былине».

Наконец-то закинул машину в гараж Алекс. Ивановича Бакулина.

У Ляли, как и у меня отчасти, неприязнь ко всему техническому, и даже когда техника является другом человека, на-

пример, в медицинских лабораториях, она думает о несоответствии технического развития и морального: для нее любить машину – нельзя.

2 Ноября. Весь день шел снег, нападала первая пороша, и у меня впервые лет за сорок не пробудилось охотничьего чувства и не было ни малейшего желания ехать на зайцев. Прошел по Пречистенке, и Зубовской площади, и Крымскому мосту по набережной домой, и все летел и летел снег.

3 Ноября. Моя радость питается рассветом и рождается в заутренний час, а у Нат. Арк. и Ляли – рассвет угнетает. Хорошо, что люди разные (у меня утро, у Ляли вечер).

Думал о единстве всего мира в Боге и преодолении смерти единомыслием в Боге (образ единства и силы в единстве, и красоты – вода: вода – душа природы).

В конце Пречистенки на мраморной доске «Уральские самоцветы» – контора и на доске еще «Шахты». И в этих конторах – абстракциях шахт – сидят люди, которые никогда не видали шахт и все-таки шахтами распоряжаются, и все зависит от них. Вот где источник разделения людей на классы: человек разделен – на шахте и на Пречистенке, и кто на Пречистенке, тот распоряжается, и тут рождается власть.

От многих людей слышу, какую радость испытывали они в первые годы революции и нэпа: я же радость испытывал только один день в Петербурге, когда царь был арестован, и смолкли пулеметы на крышах, и зазвонили в колокола... С тех пор для меня почему-то радости не было. Разобрать – почему.

О. Н. Замошкина, настроенная Левой, сказала, что Ефр. Павл. очень тоскует и просит на полчаса свидания. Ни малейшего нет у меня на это желания и смысла не вижу никакого в этом. Но ложится на сердце очень тяжело.

Вся любовь его в сыне, а сынишка верит в Сталина, как в бога.

– И пусть, – говорит отец, – в бога или в Сталина, не все ли равно, лишь бы верил.

А мальчик стоит за Сталина, как за бога. Вот надвигается воистину Суд, на котором поставлен вопрос о бессмертии Кащея.

Воистину приходит время, когда не люди решают, а боги.

Ляля, повидав обожание мальчика у Замошкиных, еще раз этим подтвердила себе *бессмыслицу* родительской любви и, значит, всего размножения… (Сопоставить наш случай и перспективу возможной привязанности.) Это остаток ереси противников брака.

Война 14-го года осталась морально неоправданной, значит – неконченой, теперь – продолжение…

4 Ноября. Не те «бессмертные», кто оставил после себя на сотни и даже пусть! тысячи лет памятники искусства и научные открытия, а тот бессмертен, кто смерть преодолел усилием духа так, что «плоть» его существа свалилась, как изношенная одежда.

5 Ноября. Углем на стене: Я для того к Тебе прибегаю, чтобы создать и укрепить в себе независимость духа и связать унижающий меня страх перед смертью. Я прошу Тебя дать мне такую независимость духа, чтобы желание жизни на земле определялось пользою моей жизни для людей и сладостью сознания этого, но для себя самого я прошу только радости преодоления страха смерти.

Решил ударность свою перенести с «Былины» на сценарий из-за денег, потому что политическое положение не обеспечивает возможность шесть месяцев работать, не оглядываясь на текущую жизнь.

Написал Леве на тему, что есть чувства более значительные, чем жалость, но писать надо, имея в виду Ваську, который слушает и ест.

Неодетая весна (сценарий).

Магазин Военно-охотничьего общества на Кузнецком мосту. Известный охотник, писатель С. Л. Бутурлин, входит в магазин. Заведующий магазином, отпуская товар, порох, пистоны, пыжи, спрашивает Бутурлина, как и где он собирается в этом году встретить весну. Бутурлин отвечает, что в этом году он поедет в то место, где Некрасов написал свою поэму «Мазай и зайцы». Он имеет сведения, что в этом крае теперь развелось лосей больше, чем при Некрасове было зайцев. Спасать лосей от весеннего разлива Волги теперь стало почетным делом каждого охотника. Но кроме этого он вообще снаряжает поэтическую экспедицию в этот край для поэтического изучения повадок животных во время наводнения. С этой целью он достал себе грузовик и устроил на нем дом на колесах. Этот дом он поставит на самом высоком незатопляемом холму, и когда придут весенние воды, то животные, спасаясь, все непременно приплывут к его острову, все, от мыши и водяной крысы до Лося и Медведя.

Во время рассказа Бутурлина публика окружает знаменитого охотника и среди публики мальчик пионер Петя. Когда Б. уходит из магазина, Петя на улице догоняет его и просит взять его с собой.

6 Ноября. Порочный круг обычного христианского милосердия содержит в себе ту мысль, что со-страдание больше самого страдания, и это порождает культуру условной расслабляющей чувствительности: на грош страдания и на рубль сострадания.

7 Ноября. (–5). Солнце.

Вчера думал о себе, что может быть Ляля меня выдумала и полюбила меня таким, каким я не был...

В полдень вышли все мы и с собаками на улицу, поглядели на землю: пушки везут и сколько! поглядели на небо: все небо закрыли серебряные птицы. Не до красоты нам теперь, но все-таки утешение какое-то в том, что хоть знаешь, на что уходит наша трудная жизнь.

За день сделал либретто сценария «Неодетая весна», а Ляля нарезала пачку рассказов для Маршака.

Основная ошибка многих верующих людей состоит в готовности полагаться на Бога (да будет воля Твоя) и пользоваться этим, чтобы самому уклоняться от обязанности действовать. «Хлеб наш насущный даждь» надо бы дополнить: «и в случае, Тебе нельзя дать, помоги мне самому о себе позаботиться».

8 Ноября. Ездили погулять в Петр.-Разумовское, завернули к Удинцевым. Там в беседе с какой-то ученой дамой рассказывал о карелах, которых я первоначально принял за настоящий русский народ[162]. Явилась догадка, что и другие народности приняли от великорусов лучшее и тоже стали лучше, чем сами русские, потерявшие свою доброту в государственном строительстве.

Отсюда сами собой пришли на память отдельные из евреев, ставшие русскими – православными, напр., Шик и Гершензон. Эти евреи тоже, может быть, нашли своих настоящих евреев в русских христианах, как я нашел настоящих русских в карелах. Как бы ни случилось и того, что наши искренние из коммунистов найдут истинный коммунизм в гонимых коммунистами христианах.

Глубокая осень. Все листья опали. Рыжий кот сидит на мягко устланной листьями земле перед домом. Только не все листки успели слежаться, как бывает после зимы. Многие листики свободно лежат, и даже очень легкий ветерок заставляет их приподниматься. И это движение, и легкий шорох до того делают их живыми, что даже кот ошибается, водит головой то туда, то сюда в подозрении, уж не мыши ли эти листики.

Глубокая, затаенная даже от себя самого тоска где-то почти без боли точит меня, слышу – точит, но ничего не чувствую, как будто нахожусь под местным наркозом. Знаю, это дает о себе знать мое отрезанное прошлое. Не осталось никакого сомнения в том, что это надо было отрезать, и боль сосет не за них, а за себя: как мог я столько лет жить среди людей без всяко-

го «родственного внимания» со своей стороны? Понимаю, что какая-то гордость, рожденная в диком самоволии, заставила меня отстаивать misalliance не только в опыте личной жизни, но и в литературной проповеди. И в этом родилась вся беда...

9 Ноября. Чудо из чудес: у меня был Маршак[163].

10 Ноября. Мороз –7 и солнце. Легла пороша, вполне достаточная для гона, но ни малейшего желания гонять у меня нет. Вчера Маршак сказал: «Удалось бы за это короткое время еще хоть по книжечке выпустить». И тут же: «А, может быть, как-нибудь и проскользнем?» Интересно говорил о том, что Гоголь всегда оставался совершенным и в целом и в деталях, а Лесков уже совершенен в целом был редко, а Ремизов был только в деталях, и что это есть путь вырождения.

А Ляля тут сказала, что этими признаками «вырождения» характерно японское искусство, искусство древней культуры, от которой остается филигранная деталь. Оттого же они так усваивают европейскую цивилизацию, теряя свое, усваивают безрелигиозно. Вот и получается «цивилизация» в собственном смысле слова, т. е. торжество Робота.

На это Маршак, живо обернувшись ко мне, сказал:

– Да она у вас умница!

11 Ноября. День рождения Ляли.

Я сегодня нашел мысль в себе о том, что большевики и церковники ограничены одною и тою же чертой, разделяющей мир небесный (там на небе!) и мир земной (здесь на земле). То же самое «царство» одни видят по ту сторону, другие по другую той же самой черты, проходящей через их собственную душу и ее ограничивающую (тип земного человека – Ставский, тип небесного – Гаврила), оба свое ограничение закрепляют в формы, и, подменяя существо такой формой, поклоняются ей, и призывают других к тому же, и принуждают.

На самом деле черты такой между земным и небесным миром вовсе не существует. В какой-то мере, будучи и на земле, мы можем соприкасаться радостью своей с миром небесным

и содействовать преображению этого мира в тот повседневно. Точно так же и люди живущие, а уж нечего говорить о мертвых святых, они постоянно дарят нас небесной радостью, воплощая ее в жизнь прекрасную здесь на земле. Сущность преодоления смерти в христианстве, я думаю, и состоит именно в преодолении этой черты ограничения. Вкусившему сладость Христову «смерть» становится несущественным физическим явлением, вроде необходимой операции... Человек становится «готовым» во всякое время к этой операции и не очень ее боится, настолько он уверен, что дело не в этом.

Вчера у меня мелькнула мысль о возможности у Ляли мечтательности, что она не верует, а вымечтовывает в себе веру и талантливо об этом рассказывает, а я, дурачок, ей верю. Но сегодня, когда я увидал себя среди старух, похожих на каких-то особенных церковных животных, понял попа, в каких тяжелых условиях он возится с ними, и еще какой сложный путь и я и Ляля должны были пройти каждый отдельно и вместе, – я понял, что нет! это не мечта, а именно самая глубокая реальность, какая только может быть на земле.

Часто я думаю о том, что Ляля выдумала из меня «ребеночка» своего и нянчится с ним... Думаю тоже иногда, до чего мало ей нужно, чтобы чувствовать себя довольной, настолько много в ней материнства. Вместе с этим я задавал не раз себе вопрос о странности ее разрыва с другими.

– Они любили, – отвечала она, – и я любила их и сейчас всех люблю. Но любовь, как большая вода, приходит к ней жаждущий, напьется или ведром зачерпнет, и унесет воды в свою меру. А вода бежит дальше.

Похоже, что мы с ней сошлись, как сходятся два потока... Наша чувственная любовь была тем языком, на котором мы только и могли с ней понять друг друга, и когда поняли...

12 Ноября. В том-то же и есть суть «источника бессмертия», чтобы, вкусив, почувствовать Бога в себе и возле себя, а не за *чертой*, суть в чувстве бесконечности и ничтожности в

сравнении с этим своего телесного конца. Из этого чувства непосредственной близости к бесконечности Бога каким-то образом вытекает более острое желание жить, чем раньше: чувствуя близость смерти, хочется лечиться и одеваться, и участвовать в земной радости. Как же так? Мы все привыкли видеть бесстрашие смерти в равнодушии к телу, а тут, напротив, от близости смерти хочется радостней жить?

Происхождение такого противоречия находится в том воспитанном в нас сознании черты, отделяющей мир здешний и тот. Если есть черта, – надо спешить умереть, если нет черты, надо жить, и с этого же дня творить радость, и тем самым входить в общий поток радости, несущийся к бессмертию и бесконечности. Вполне понятно, однако, что иному при чувстве бессмертия не захочется заботиться о своем внешнем виде. Но на это надо смотреть, как на утрату, как на порок, вытекающий из внушения себе чувства разделения духа и плоти. В себе надо это преодолевать и в таком «аскетизме» видеть просто неряшливость.

Вчера журнал разглядывал «La mode parisienne», выискивал красивейшее платье для Ляли, и вдруг меня осенил смысл и оправдание моды. Это вот то же самое у женщин, что у художника чувство современности. Пусть моему художественному вниманию подлежит яблоко, мышь, дерево, словом, все то, что было и будет, но я, художник, каким я существую теперь, [такого] не было раньше и не будет такого точно впереди. И вот в яблоке, мыши, дереве я должен это выразить так, чтобы меня поняли. А чтобы меня поняли, я должен выразиться на языке современности. Такая диалектика, что, желая выявить себя небывалого, я должен в то же время и быть как все. В этом и есть глубочайший смысл и оправдание моды.

Вечером «Франческа да Римини» Рахманинова[164]. Видел две пары: Толстых и Лосевых.

Написал Ефр. Павловне и Разумнику два крепкие письма.

Ляля до того больна любовью ко мне, что уже вспоминает время своей свободы, когда она не любила.

– Чем же ты, – спросил я, – была занята, когда не любила?
– Я тогда искала, кого бы мне полюбить и ждала.

13 Ноября. Коротким временем страстной любви огромное большинство людей пользуется, чтобы свое Хочется превратить в Надо: рождается дитя, и так двое любящих создают третье, любимое. Коротким временем своей страсти мы воспользовались, чтобы друг друга понять, и наша чувственная любовь стала нашим языком, на котором мы поняли друг друга, и благодаря этому, минуя свое дитя, стали друг в друге находить невещественное третье, ставшее на нашем пути впереди, как любимое Надо.

Я вспомнил свои детские молитвы, стал пробовать молиться этому Надо, и так мое обращение к Богу вышло по-детски просто, и всякие размышления и сомнения я отложил в сторону, опираясь на Лялю: пока Ляля со мной, я чувствую любимое Надо через нее непосредственно.

Так вот и началась моя новая жизнь, в которой самым главным стало чувство бессмертия, не за чертой смерти, а от сего же дня, и бесконечность оказалась в своих руках и такая же реальная, как веревочные вожжи к лошадке, бегущей в Царство Божье, где нет ни конца, ни начала.

Письмо:

«Дорогая Ефросинья Павловна, пришли мне, пожалуйста, с Марьей Васильевной словарь Даля, необходимый мне для работы. Этот словарь Великорусского языка состоит из толстых непереплетенных томов и стоял за стеклом в шкафике в моем кабинете. Еще прошу прислать золотые книжки: английский перевод «Жень-шеня». Хотелось бы мне тоже получить ковер с кругами, но не знаю, хватит ли рук у Марии Васильевны и на ковер.

Ольга Николаевна Замошкина пристает почему-то ко мне с просьбой навестить тебя, но, Ефросинья Павловна, сейчас видеться мне еще тяжело, и знаю, тебе тоже будет не легче. Бог потом рассудит, кто из нас виноват, но я сейчас никакой вины за собой не чувствую, напротив, чувствую себя убитым людьми, которым всю жизнь делал только добро.

Лева пробовал со мной примириться и стал меня навещать. Но я, понятно, после таких оскорблений, потребовал от него если не раскаяния, то хотя бы для формы признания своей вины. Вместо этого он попросил у меня денег и тем самым вскрыл то, из-за чего он хочет со мной примириться.

Вероятно, нас когда-нибудь время рассудит, но сейчас видеться я не могу, я просто болен Вами, не могу».

Посылал Марию Васильевну с письмом в Загорск с просьбой прислать мне книги, необходимые для работы. Ефр. Павл. книг не дала, и Мар. Вас. привезла от нее только новые угрозы. Из этого видно стало, что Е. П. ничуть не продвинулась вперед, как раньше в споре никогда не уступала, так и теперь идет наперекор. Но раньше после спора и вспышки я приходил в состояние расширенной души, и стыдил себя за спор с таким, по существу, маленьким человеком, и кротостью возвращал себе мир, а теперь чувствую, что приехать к ней с утешением не могу. Сколько раз при вспышке ее истерического безумия мелькала у меня мысль о том, что укротить ее можно лишь палкой, что она этой палки ждет, и если бы нашелся такой человек, она бы ходила у него, как шелковая. Но к этому средству укрощения прибегнуть я не мог.

Теперь же ей вместо палки явилось вот это переживание. Мы думали, что она довольно этим бита, но оказалось, нет, и это переживалось нами тяжело, нависала над нашей любовью древняя туча, висевшая над свободой в любви, – туча Дантова ада, Шекспировского Ромео и драм Островского. Лялю охватил такой страх, что она с полчаса была в лихорадке и сгоряча даже пыталась наброситься на меня за письмо: зачем я представил ей Е. П. не такой злой, как она есть. На мгновенье и в Ляле появилась та же адская сила, но через десяток минут она вошла в себя, и дьявол был побежден нашей любовью. Ляля тяготится, конечно, что она должна поддерживать во мне твердость в отношении к Е. П., и ее злит эта миссия, недостойная ее существа. Ее должно злить, что я не могу устранить ее от этого участия в наказании строптивой, ей хотелось бы играть противоположную роль: чтобы я колотил, а она меня уговаривала бить полегче. Ну, так вот и хорошо, вот и конец: буду считать эту попытку

свою окончательной и бросаю их совсем, и отстраняю от себя все упреки совести.

О чрезвычайной простоте форм постижения существа Божия и о затемнении этого мистикой и оккультными знаниями.

О единстве угнетателей свободной любви в отношении своем к обязанностям и слепому размножению человека и что в основе христианства заложено признание личности через признание любви неродовой.

14 Ноября. Ляля написала первую статью и очень удачно.

15 Ноября. Ночью стало совершенно ясно поведение Е. П. Уступив сыновьям относительно «соглашения», она рассчитывала, что я вернусь к тому обещанию моему, когда я уверял ее, что только бы она меня отпустила, и тогда все останется попрежнему, и я буду постоянно ее навещать. Она забывает, что после того она нарушила свое слово. Очень возможно, что мне придется с ней видеться, как это не неприятно. Придется запастись мужеством и проглотить это, первое, из-за того, чтоб оберечь Лялю от возможных эксцессов, второе, чтобы уравновесить хоть сколько-нибудь свое счастье.

Основа моего переворота духовного состояла сначала в том, что исчезла искусственная черта, разделявшая в моей душе любовь чувственную от душевной и духовной: Ляля меня научила понимать любовь в единстве, всю любовь как Целое. Второй этап моего нового миропонимания создался в день великого обряда 11-го Ноября: как в понимании любви исчезла перегородка между грубой любовью и духовной, так в этот день исчезла черта, разделяющая мир земной от посмертного. В этот день смерть потеряла свое прежнее значение, и эта жизнь в своей творческой силе, минуя смерть, соединилась с жизнью бесконечной. Оказалось, что можно смотреть вперед поверх смерти.

Вернулся к «Былине» и осознал всю необходимость фильма («Правда» № 317, статья Кренкеля о приключениях).

Еврейская (и сочувствующих им) агитация против Гитлера и за войну с Германией была в последнее время так заметна, что я перестал верить в эту войну и упрямо твердил: «У нас с Германией долго не будет войны». И вот, когда Молотов уехал в Берлин и начались там банкеты в честь его, те же языки примчали весть: «Дела Германии до того плохи, что схватились за СССР».

С 1-го декабря жизнь в Малеевке: за две недели подготовить надо: 1) Детфильм и консультантов, 2) Кравченко 24-го.

16 Ноября. Сколько занятий моих от близости с Лялей оказались просто забавами, разного рода способами препровождения времени: охота, фотография, разного рода коллекционирование; возможно, отпадает и та радость от сближения с природой, которая, бывало, вступала на смену тоски. Остается пока еще мое утро, наполняемое писанием. Взамен тех брошенных забав и чувства природы стало чувство любви и связанное с нею иное миропонимание человека богатого и удовлетворенного.

Так я пережил три состояния: 1) пролетарской озлобленности с готовностью требовать себе земных благ в силу внешнего равенства всех в отношении распределения земных даров, 2) состояние личного смирения, сознание нищеты своей и радости с благодарностью за получаемое, 3) состояние полного обладания своей земной долей, с обязательством своей готовности идти на страдание с верой в бессмертие личное. Это состояние радости оправдалось готовностью идти на страдание.

Прочитав одно письмо Олега, напечатанное на машинке, вдруг понял не по смыслу, а как-то прямо, машинописью (если бы от руки, может быть и не понял бы), что по существу своему он был поэт, стремившийся выбраться на волю из старых церковных форм христианства.

17 Ноября. Мы еще не были так счастливы, как теперь. Мы даже находимся у предела возможного счастья, когда сущность жизни, радость переходит в бесконечность, в бессмертие, сливается с существом Божьим, и смерть мало страшит. Засыпаю у

нее на груди, слышу: Верил ли ты раньше в бессмертную жизнь за гробом? – Сквозь сон отвечаю: – Я не знал, что верил, но наверно как-нибудь верил. – А теперь? – Ведь я же люблю тебя, значит, верю. А ты всегда верила? – Конечно, всегда. – Ну вот, как же мне тоже не верить?

Ходили в детский театр. На мосту вспомнил, как она мне сказала – Я вас не люблю, но мы очень подходящие люди. Я это вспомнил и сказал:

– Прошлый год здесь ты меня огорчила.

– Помню, – ответила она и попросила об этом больше не говорить.

Я не стал говорить, но вспомнил, как она в тот раз еще мне сказала:

– Я для вас неисчерпаемая, а Вы исчерпаетесь для меня.

Теперь она и слышать об этом не хочет, и оттого-то просит не напоминать.

18 Ноября. Через Яковлева подал на персональную пенсию и рассказал ему о разрыве с семьей. Последняя выходка Е. П. с отказом отдать Даля и новыми угрозами открывает глаза на ее состояние. Отбрасываю в сторону всякую жалость и постараюсь не вступать с ними ни в какие отношения.

19 Ноября. Бывает, ночью, когда лежишь во тьме без сна, какая-нибудь явится мысль, и как светильник в руке: куда ни направишь его, всюду становится светло, так и мысль эта обращается в смутные стороны души, и везде от нее становится ясно. Эта мысль была у меня в сопоставлении похоти и эроса, что не от любви, а от похоти рождаются дети, а от эроса религия, искусство, наука и самая даже любовь. Так я понимаю, а св. Писание об этом говорит просто, что все мы рождены в «грехе» (т. е. от похоти). Так вот и происходит разделение на дух и плоть (рожденное в духе есть дух, рожденное в плоти есть плоть). В то же самое время, откуда же берется эта вера в единство плоти и духа? Или единство это не существует, но достигается воздействием творчества человека, соединяющего дух и плоть в святую плоть? И чувство единства рождается из

готовности к творчеству в том смысле, что нет, но Надо сделать и от себя это зависит.

Психологическое происхождение идей материализма и идеализма тоже есть эрос (идеализм) и похоть (материализм).

Пол и эрос: Глядя на других, я стремился свой эрос подменить тем, что у всех есть, – пол. Из этого получилось страдание: эта подмена есть падение. У Ляли было точь-в-точь, как у меня, – и вот это-то нас и свело. В эросе содержится также и назначение быть личностью, т. е. вождем, напротив, пол поглощает личное и определяет место в роду.

20 Ноября. Туман в Москве, как в Лондоне, тепло и так мокро все, что ночью на улице все отражается, как на реках. Иду получать путевки в Малеевку.

21 Ноября. Были на вечере, посвященном Л. Толстому (30-летие со дня смерти). Жалкие попытки восстановления образа Толстого, толстовство прошло, и даже большевизм, из него вытекающий, прошел, а в новом нет точки опоры для восстановления Толстого.

N. говорил об антисемитизме, вырастающем, конечно, на почве разложения русского культурного слоя: евреи стали на место искусства и церкви...

21–22 Ноября. Читал письма друзей Лялиных о «Фацелии», они захлебываются в попытках быть мудрыми, но чего-то самого простого, единственного, для чего все мною и пишется, они не поняли. При личных встречах с ними никогда нельзя поднимать спор. Еще надо непременно, когда к нам приходит незнакомый гость, следить за Лялей, и когда она хочет «выпрыгнуть», не перебивать ее, не раздражаться, не обижаться, а, напротив, отступив от спора в тишину души, потом очень мягко дать ей понять ее ошибку.

Ночью с Лялей разбирали побег Л. Толстого, и я впервые через Лялю понял слабость в этом поступке, столь долго ка-

завшемся мне героическим. Поняв же через Лялю сущность поступка в слабости, ясно увидел какую-то беспредметность веры Толстого, определяющую и бесцельность его побега. Ясно теперь вижу, что Толстой опоздал уйти от своей семьи и этим обессилил себя самого.

Так и каждый умный человек, упрямо не желающий выйти за пределы своего разума в простую жизнь, которою живут все, будет тем самым всегда ограничен. Тут весь вопрос сводится к тому, чтобы вспомнить в себе ребенка, и по этому живому мостику перейти на ту сторону, откуда все люди настоящие получают свидетельство в предметности своей веры. Так вот Ляля научила меня перейти по тому мостику через любовь свою к источнику любви, к тому, чем люди живы, – и моя детская молитва стала мне дороже всех своих сочинений написанных и всего того, что я еще придумаю.

Вот почему и незачем спорить с людьми: спором ничего не достигнешь и если кого-нибудь переспоришь и покоришь силой своей диалектики, то цены такому насилию нет никакой. Я пишу не для спора, а чтобы вызвать у других людей единомыслие и тем самым увериться в своей правде. Пишешь, вроде как бы сон видишь, написал – и не веришь, и спрашиваешь, – не сон ли? А когда кругом начинают уверять, что так бывает, то при таком единомыслии сон становится явью.

То же самое, что в отношении Ляли является порочною мыслью, то для меня есть целебная сила. Порочностью у Ляли я считаю ее равнодушие ко всякой деятельности, направленной на улучшение жизни людей вообще. Полезной деятельностью Л. признает лишь помощь не людям, живущим на земле, а страдающим лицам. Ее испуг перед земной жизнью так велик, что она охотно бы пошла на то, чтобы я перестал писать для людей и печататься, а писал бы: 1) для денег, 2) как обеспеченный, писал бы для себя. Такое исключительное пассивное отношение к жизни и создает в ее душе 1) состояние лени в отношении себя и 2) беготню на пользу ближнего. С этим состоянием души я борюсь, возбуждая в ней интерес к делу и самолюбие. Напротив, в моей душе так много собранного единства,

требующего деятельного выражения, что некоторая оглядка с сомнением на значительность своего дела углубляет мой плуг с большой пользой для пахоты.

Есть что-то общее в том *облегчении*, которое, бывало, испытывал я, отступая от художественной темы и занимаясь работой для денег, с тем тоже облегчением, которое испытывает Ляля, отступая от себя в пользу любимого. Постепенным упражнением она так в этом наторела, что вся жизнь ее уходит на других, а для себя у нее только Христос, который и есть, как мост от себя к другим. Где-то в сокровенной душе, впрочем, у нее еще таится актриса.

24 Ноября. Одно только знаю, что разлюбить Лялю – это расстаться с самим собой. Где-то сказано в св. Писании: «Не Меня, – а себя потеряли, – возвратитесь в свой дом».

Шурочке был хороший случай выйти замуж – она даже влюбилась, но она подумала: «Надолго ли?» – в смысле долго ли жить на земле, стоит ли? и не вышла: стоит ли силы тратить? – и любовь прошла.

25 Ноября. Сигналы голода в стране. Начало разочарования в поездке Молотова: что-то не удалось, что-то сорвалось.

26 Ноября. Самое жалкое и смешное недоразумение у большинства людей заключается в его «я», которым он обозначает место свое в очереди при распределении земного добра. При этом каждое такое «я» добивается своей доли питания, одежды, славы, как будто оно больше всех и бессмертно.

Смешное же состоит в том, что по существу своему, конечно, это «я» по своим возможностям и бессмертно, и больше всех «я», поскольку эти «я» связываются материально; но вот это-то и смешно, что каждый, завидев материальную свою долю, аргументирует стремление или право свое на обладание именно значительностью и бессмертностью своего «я». И получается, будто святая плоть, неразделенного на дух и материю божественного существа, покрывается частой сыпью, и каждый

прыщик, каждое такое «я», выскакивая в тесноте между другими прыщами, требует своего места во имя всего божественного существа. Ярче всего эта болезненная сыпь выражается при осуществлении советского коммунизма...

...путь спасения каждого прыща состоит не в том, чтобы надуваться и, лопаясь, давать питание другому, а в том, чтобы забыться от своего прыщевого достоинства и вспомнить о всем теле, на котором он сидит...

Приходила умная еврейка и говорила о том, что в нашей жизни исчезла та роскошь страдания, которой одаряет, например, Л. Толстой графиню, мать Пети Ростова. И эта еврейка сказала Герасимовой, потерявшей мужа, убитого на войне: «У вас есть мама, есть нянька, есть легкая работа и вы имеете возможность роскошно страдать. Поглядите на других людей, как они страдают и забудьте страдания».

«Умный пьяница» горячо восстал на эту мораль, сущность которой состоит в обездушении страдающего и замене душевного страдания относительной материальной ценностью. Ляля же восставала против роскоши страдания из-за священного страдания, молчаливого и деятельного.

Расчет времени: 1-го в 9 утра выезжаем в Малеевку. Остается 26, 27, 28, 29, 30 – 5 дней. Итак:

26 – звонок Вьюркову о книге. Оформить. Звонок Гусиной.

28 – Сов. писатель, Детгиз, Госиздат. Фото. Дух. завещание.

29 – В 6 веч. выступление по радио.

Сходить в Детгиз.

Фото: отпечатать и взять с собой.

Детские рассказы из «Капели».

Дневники, что взять с собой.

27 Ноября. То, что я называю «чувством современности», не есть еще религиозное чувство, но оно, по всей вероятности, может быть пробой на религиозное чувство – живое это чувство или определено лишь установленными формами и привычками. Живая вера в Бога и прямое к Нему обращение содержат в себе понимание действительности, ее уразумение.

Словом, верующий человек, если даже и отвернется от жизни, и то от нее не отстанет, и если пожелает только, смысл событий современности находится в его распоряжении.

Неверующие люди глумятся над теми, кто молится. А верующие не могут понять, как это можно жить без религиозного сознания.

28 Ноября. Вчера Федор Куприянович пришел от Ефр. Павл. и находит в ней полный сумбур: с одной стороны, все грозится, с другой, ищет во мне друга. Ничего противоречивого я не нахожу в этом, она желает меня при условии, если я брошу Валерию Дм. И то, что она не дает книг, это тоже понятно: она их придерживает до конца года, когда кончатся мои законные платежи и начнутся добровольные. Держит вещи в обеспечение добровольных платежей.

Стану перед своей совестью и совесть свою поставлю перед Богом, и тогда спрошу сам себя о себе, и тогда получится ответ, что все оправдание мое заключается в любви к Ляле, если это настоящая любовь, то она все оправдает. И тогда тревога моя об оставлении переходит в тревогу за нашу любовь, и это так надо: спокойствие и благополучие есть могила любви.

Ляля охвачена малодушием ввиду того, что Е. П. с сыновьями делают ее виновницей: она просто боится беды и временами буквально трепещет. Это надо понимать, как неизбежное в человеке, не будь этого, на чем бы тогда и показывать духовную силу?

Е. П. похожа на нищенку-осетинку (видел в г. Орджоникидзе), она схватила салфетку в ресторане. Это заметили и велели отдать. Но она так сжала пальцы, что и сама не могла их разогнуть, пришлось разгибать каждый палец отдельно. А еще рассказывали, что будто бы один мальчик осетин влез на плетень к соседу и схватил барана, и когда это заметили и поймали его, то рук своих он освободить не мог, так что пришлось вырезать шерсть из барана. Вот эта хватка делового разума (пользы) не оставляет Е. П. в несчастье: как бы не было велико ее горе, пальца в рот ей не клади. У нас же с Лялей чуть что-нибудь коснулось души, пальчики забываются, и особенно неприятно,

когда они вдруг ни с того ни с сего, когда вовсе и нет надобности, вдруг сожмутся и напомнят о какой-то дикой своей природе. Вот из этого-то, наверно, и возникло христианское представление о греховной природе. Но бедные, бедные Лялины пальчики. Как часто в бессоннице, лаская ее тело, я вспоминаю о пальчиках, найду эти бедненькие существа, трону их, и сразу по телу какой-то пробежит ток жалости, душевного сочувствия совсем другой природы, чем то радостное здоровье и телесная чистота и сила, прибывавшая от соприкосновения с телом. Значит, вот отчего художникам так трудно дается рука.

А. А. с трех рюмок опьянел. Разговор шел о какой-то лестнице. И он вдруг стал утверждать, что назначение лестницы подниматься наверх.

– Но и спускаться! – возразил ему Борис Дм. И они заспорили между собой о назначении лестницы.

Когда они спорили, я подумал, что чувство вечности было всегда лестницей к Богу, и в прежнее время люди ничего делать не могли без мысли о вечности, и эта вечность переходила в прочность создаваемых всеми вещей. При наступлении же революции идея вечности мало-помалу стала покидать людей, и они сами не знали того, что чувства вечности у них давно уже нет, и от нее осталась лестница в какую-то стратосферу, где нет ни Бога, и ничего.

Вот тогда-то, мне чудится, вечность спустилась на землю и стала мгновеньем. Лестница на небо стала ненужной, земля и небо сошлись во мгновеньи. Это священное мгновенье, равное вечности, этот скачок через смерть – вот современное чувство вечности. А несовременные, отставшие все еще спорят о назначении лестницы – подниматься или спускаться.

– Вы все еще, – сказал я спорщикам, – собираетесь куда-то подниматься или опускаться. Бросьте лошадей, поезда, пароходы и самолеты – все ненужно, все чепуха, все ломайте, все бросайте, мы уже прибыли, мы – на месте...

Гослитиздат: 3+5+6=14 + Детиздат: Неодетая весна – 3 + Новый мир – 7=24 + Советский писатель – 8 + Лесная капель – 8 + сборник 20 листов =52.

29 Ноября. Что это значит, если под сенью церкви христианской укрывается такие существа, как тетка Наталья со своей Аксюшкой? Вот это-то и отводит от церкви людей со здоровой нравственностью, это и создало атеизм и разложение.

В 7 ½ выступал по радио с новым рассказом «Мои тетрадки»[165], «Лада» и «Гость». Успех полный и такое чувство, будто или помылся, или побрился хорошо выправленной бритвой.

Чувствую перемену в себе в отношении к людям в издательствах, явилось спокойствие, и кажется, как будто эта перемена связана с ликвидацией вражды с Маршаком, возможно, и глубже: возможно, я, как удовлетворенный в духовной жизни, теперь уже не помещаю себя в равенство, где спорят...

Живешь и раскрывается все глубже и глубже непоправимая испорченность человека, выражение которой теперь этот град бомб над градами и весями: «грех» – это теперь как реальность, а «революция» (франц.) – иллюзия. Вместе с тем встает в памяти прежняя торговля – какой это был клапан, отводящий нечистоты, превращающий всякую мерзость в удобрение. В этом свете торговля а может быть, и весь капитал создавали некоторое равновесие. Теперь у нас люди торговли и капитала стали политиками, литераторами и всякого рода «начальниками». Но Кащей действительно бессмертен, и нам надо считаться с этим бессмертием или же действовать так, чтобы Кащея убить. Кто не верит в то, что Кащея можно убить, тот стоит за Англию, кто верит – стоит за Германию.

2 Декабря. В 9 ½ выехали в Малеевку и к 12 дня прибыли.

3 Декабря. Гуляли в Старую Рузу с Евг. Ник. Черницким. Городище – родина Ивана Калиты. Видел начало своей писательской жизни. Замечание Евг. Ник.: «Когда вы начинали, был народ, а теперь тут только могила Калиты, собирателя Руси, да и то вопрос большой – тут ли его могила».

4 Декабря. Привыкаю к новой обстановке. Задумал детский рассказ «Старый валенок»[166]. Осмотрели в Глухове дачу на лето.

5 Декабря. После оттепели и снега хватил к вечеру мороз. Втроем с Евг. Ник. пошли гулять в Вертошинку. Каждая елочка была осыпана звездами. На полдороги к дому Е. Н. нас оставил и ушел в лес один. И так было явно: он – одинок, мы двое в единстве. Мне стало очень ясно, что вся моя борьба теперь в том, чтобы силу, которую нашел я себе в одиночестве, соединить в целое с силой моего друга. Кажется, теперь будто два бога соединяются, бог вечного бесконечного и бог любви.

Липскеров спросил Л.: – Вы для себя работаете или помогаете М. М-у? Довольно было этого вопроса, чтобы Ляля захотела работать самостоятельно.

Закончил «Дедушкин валенок».

6 Декабря. Из утренней молитвы: жил я одиноким человеком, веруя в Бога, но не мог назвать Его имя. Когда же пришла моя возлюбленная, я сказал: «Господи Иисусе Христе! Сыне Божий, помилуй нас!» И так назвал имя Бога, которому веровал.

Каждый день пишу по одному детскому рассказу и ем как свинья кормленная. Страшно даже за серьезную работу браться: мне кажется... мне сейчас неловко думать о Достоевском: посмотрел бы он на это «творчество», на это счастье...

Ночью прочуял животно-эгоистическую любовь оставленных мною людей, любовь, в которой рождается преступление. Надо быть твердым, холодным и не только извне не оказывать робости перед Левой, но даже изжить это изнутри, как малодушие.

Прекратить попытки душевных разговоров с Замошкиным, равно как и со всеми.

7 Декабря. Здесь (Малеевка) мы с Лялей, Замошкин, Меньшиков и еще один + приехала Караваева, остальные человек десять евреи, влезающие в русское слово. Но пусть даже и никого русских – мы с Лялей – и довольно: рано или поздно ли Россия восстановит свою начатую культуру. Поняв это, я перестал заноситься и на евреев стал смотреть снисходительно, беззлобно.

И вообще, чего тут заноситься-то, разве есть в нашем отрезке времени какое-нибудь мерило всем нашим талантам?

8 Декабря. Утром, когда Ляля вставала, я ей сказал:

– Такое чудо я вижу в нашей встрече, что думаю, недаром это, и у меня растет уверенность, раз мы сошлись, то потом непременно русские люди как-то в чем-то сойдутся, и восстановится начатая нашими отцами культура.

– Не знаю, – ответила Ляля.

– Ты не можешь не знать: раз мы сошлись, среди нас...

– Это я знаю, но я не знаю, здесь ли, на земле совершится то, о чем ты говоришь.

– И здесь на земле и на небе, – сказал я, – разве ты не знаешь, что нет черты, разделяющей небо и землю, как нет черты, разделяющей мое сегодня и завтра (земля и небо), сегодня и завтра нераздельны, потому что вчера мы спасены. Выброси, наконец, эту вредную черту, придуманную для сознания дикарей. Все начинается здесь, и совершается здесь, и продолжается в вечности, хотя самой земли может быть и не будет. Давай жить, чтобы сегодня независимо от того, что *случится*, мы видели свое завтра.

Я рассказал Евг. Ник. как мы работаем с Лялей.

– Да, – ответил он, – какое великое счастье иметь такого друга.

– Дорого стоит такой друг, – сказал я, – надо уметь и взять его и хранить, а это жизни стоит.

Мы ходили с Караваевой смотреть, как она строится. Встретили М. Г. Громова и вместе с ним нашли свой участок. Вечером спорили с Лялей, брать нам участок или подождать. Спорили и расстроились. Убедился, что нервы у меня слабеют, хотя я сам внутри в главном крепну. Это происходит от трудности перехода к новому состоянию моему жизни в двух лицах: я привык отдыхать и набираться духу в одиночестве.

Ляля требует для себя волевого воздействия (послушания), потому что когда-то ею овладело желание спать-умереть и она сама не может преодолеть это состояние.

9 Декабря. Ходили в С. Рузу устраиваться, знакомились с Замойскими: наладили чертей устраивать нам пустыню спасения. Берет сомнение в правильности поступка...

Любовь похожа на море, сверкающее цветами небесными. Счастлив, кто приходит на берег и очарованный согласует душу свою с величием всего мира. Тогда границы души бедного человека расширяются до бесконечности и бедный человек понимает тогда, что и смерти нет и нет того, что называется у бедных людей сегодня и завтра. Исчезает тогда эта черта, разделяющая всю жизнь на «тут» и «там». Не видно «того» берега в море, и вовсе нет берегов у любви.

Но другой приходит к морю не с душой, а с кувшином, и, зачерпнув, приносит из всего моря только кувшин, и вода в кувшине бывает соленая и негодная.

– Любовь – это обман юности, – говорит такой человек и больше не возвращается к морю.

Где два-три собрались, там не только Христос рождается, но и осел, который несет на спине своей багаж любимого человека. Где два сошлись, там к своему Хочется присоединяется Надо в смысле повседневного: люби ближнего, как самого себя. Творчество поглощает всего человека, и с его Христом, и с его ослом. В сущности, «осел» не есть просто герой труда, а это есть необходимость внимания к другому (ближнему). Вот в моей семье внимание было у них на мне, а у меня на себе. Вышло так, что им было такое положение выгодно: из этого проистекало благополучие, и отсюда разложение, безморальное со-стояние...

Стою в раздумье перед тем, что случилось, и вот именно, что оно случилось, произошло или вышло как следствие всех предыдущих моих поступков, и есть первый предмет моего размышления. Оно вышло из того, что я, создавая дальнему, неведомому мне читателю радость, не обращал внимания на своего ближнего и не хотел быть ослом для него. Я был конем для дальнего и не хотел быть ослом для ближнего. Но Ляля пришла, я ее полюбил и согласился быть ослом для нее. Ослиное же дело состоит у человека не просто в перенесении

тяжести, как у простого осла, а в том особенном внимании к ближнему, открывающем в нем недостатки с обязательством их преодолеть. В этом преодолении недостатков ближнего и есть вся нравственность человечества, все его ослиное дело.

Но если человек, имеющий коня, согласится променять его на осла, не зарывает ли он талант свой в землю, не совершает ли он греха против самого Духа?

10 Декабря. У меня все для себя и самое лучшее, что только мне *удается* – мое. Я не делаю, а оно лишь мне удается. Она же все делает для другого, а во имя себя ей ничего не удается. «Cogito, ergo sum»* она переиначивает: «Верю в тебя, значит, я существую». Перед ней я чувствую себя виноватым и неоправданным. И молюсь Богу: «Дай мне, Господи, такую песнь, чтобы она меня перед ней оправдала».

11–12 Декабря. Углем на стене. К Тебе, Владыко, Человеколюбче, от сна восстав... Дай, Господи, мне меру всем вещам в Твоем Имени и рожденным в этой мере словам моим дай вечное дальнее назначение. И прошу о ближнем, чтобы Ты подчинил его мне в добром влиянии без моего человеческого насилия.

Это время пришло, но верю, что не мое это личное время, а всех, в ком жива совесть. Пришло время, просто будто хороший человек постучался в окно, и я, увидев его, позвал к себе, и он стал жить у меня, как друг.

И силы пришли ко мне, будто хороший человек шепнул мне, переходя к другому: встань...

«Пролетарий» в свете выстраданной народом современности есть существо прямо противоположное «нищему духом». Пролетарий – это неудачник, настаивающий на праве своего существования: ты меня породил, и я требую, чтобы ты давал мне средства существования. Вернее же, пролетарий – это неудачник, силой насилия преодолевающий свою неудачу. По-

---

* Cogito, ergo sum (*лат.*) — мыслю, следовательно, существую — утверждение французского философа Рене Декарта.

беда происходит за счет порабощенного духа, а достижение и удовлетворение происходит в обезьянстве: оказывается, что у обезьяны, как у человека, есть мебель и зала, и кабинет, и культурная одежда, и в стеклянной вазочке культурный цветок. Ум пролетария в сравнении с человеческим умом такой же зло-обезьяний, как зло-обезьянья цивилизация в сравнении с культурой.

13 Декабря. Вечер, на котором прославились Замошкин и Меньшиков.

14 Декабря. Мелких писателей я, воспринимая их вообще, презирал и относился к ним свысока. Но довольно было в Малеевке присмотреться к ним, понять их в раз-личии, чтобы то чувство презрения прошло, и я стал относиться к ним снисходительно. Так, при направлении внимания с целью из массы, из типа выбирать личность человека исчезает национальное, кастовое, сословное и всякое групповое и типовое отталкивание.

Лучшее средство уничтожить поэзию – это заставить поэтов писать непосредственно на пользу государства, потому что существо поэзии направлено к спасению личности человека, а не типа его, рода, всяких групп, государств. Вот откуда и происходит вечная борьба поэта и лейтенанта.

Ляля говорит, что она теперь впервые счастлива, но не может преодолеть в себе лень как отцовское наследие. Она просит и меня помочь ей.

NB. Надо помнить это. И вообще каждый день независимо от работы, я должен думать о ней.

15–16 Декабря. Пришел к тому, что какая бы не была моя любовь, какое бы не вышло из этого мне унижение, я не унижусь, а возвышусь в конце концов, как все равно если бы пришла ко мне слава, и она не унизит меня, а послужит моему возвышению. «Во всякое время и во всякой вещи» я, в конце концов, «Я», а то, что кажется возвышением себя, как бы подъемом на гору, это есть возвышение через опыт жизни сознания.

Ложь ее непроизвольная, эта ложь родилась в разделении земли и неба, в лжи сознания черты между «здесь» и «на том свете».

Вот эта мысль, воспринятая мной в знаменательный день, и является основной в деле спасения Ляли. Именно этой мыслью уничтожается ее презрение к земному, гнилое чувство: «дотянуть бы эту жизнь хоть как-нибудь», а «там» начнется настоящая жизнь. Смутная какая-то, вытекающая из существа самой жизни потребность к соучастию в деле приближения себя к тому, настоящему (загробному) миру приводила ее к мысли о постриге. Конечно, ложь вытекала не из идеи пострига, а из того промежуточного состояния между жизнью и смертью, в котором эта жизнь отрицается существом жизни, следующей за постригом (смертью). Это состояние между небом и землей и есть состояние, питающее неизбежную ложь. Наше спасение от лжи должно состоять в признании конца, оставленного нами позади себя: мы уже умерли, и постриг наш уже совершился в смерти Христа. Предстоящая физическая наша смерть – это предстоящая всем нам обыкновенная операция – не имеет больше никакого существенного значения в движении самого нашего сознания. Никакого пострига больше не будет, мы уже состоим во Христе, преодолевшем смерть.

Мы находимся с Лялей в состоянии брачном не потому, что рождаем детей и работаем в поте лица (хотя и от того, и другого не отказываемся), а потому, что включаем эту нашу общую плотскую, земную жизнь в общий путь к Царствию Небесному, и по пути сами же мы, муж и жена, участвуем в деле преображения мира и достигаем радостного дня всеобщего воскресения.

До конца пребывания в этом доме начну биографию Ляли, имея целью восстановление ее личности. Ближайшая моя цель будет достигнута фактом ее горячего участия, в то время, когда эта биография станет автобиографией.

17 Декабря. Мы просто счастливы. И это чудо! Как можно быть счастливым в то время как... Невозможно, и вот вышло чудо, и мы счастливы. Значит, это возможно при всяких условиях.

Мороз –23°. Тишина, иней на солнце садится. Наверху над березами все-таки есть какое-то движение воздуха – там вспыхивают алмазами искры льда. И то же движение передается елкам: веточки как будто дрожат от холода.

18 Декабря. Стало теплеть. Вечером колхоз «Верный путь» сделал постановление, и мы стали владельцами участка на берегу р. Москвы. Председатель сельсовета Анна Кузьминична Волкова, председатель колхоза Пелагея Павловна, Вакханка, церковный староста, антирелигиозник Замойский и пр.

19 Декабря. Сильно болен Борисов, может умереть. Тяжело смотреть, как смерть поглощает человека и со стороны самого человека не видеть сопротивления...

20 Декабря. Я сказал: – Люблю тебя все больше и больше.

А она: – Ведь я же это говорила тебе с самого начала, что ты будешь любить все больше и больше.

Она это знала, а я не знал, я воспитал в себе мысль, что любовь проходит, что вечно любить невозможно и что на время – не стоит труда. Вот в этом и есть разделение любви и наше общее непонимание: одна любовь (какая-то) проходящая и другая – вечная, одна любовь ограничена любовью к детям, как в природе, другая, усиливаясь, соединяется с вечностью, с Богом (в одной человеку необходимы дети, чтобы в них продолжаться, в другой дети не являются необходимостью). Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна были бездетны[167].

Дети, рожденные в свете той и другой любви: в одном случае, любовь к детям есть частность общей любви, в другом – любовь к детям исключает всякую любовь: самое злобное, хищное существо может иметь любовь к детям. Так неужели же и это называется любовью? (Любовь, как только связь.)

Итак, всякая любовь есть связь, но не всякая связь есть любовь, а истинная любовь есть нравственное творчество. Так что можно заключить, что любовь есть одна, как нравственное творчество, а любовь, как только связь, не надо называть любовью, это просто связь. Так вот и цивилизация есть только связь (обезьянник), а культура нравственное творчество.

Вот почему и вошло в нас это о любви, что она *проходит*: потому что любовь как творчество подменялась постепенно любовью-связью точно так же, как культура вытеснялась цивилизацией.

Ляля знала Бога со дня первого сознания, но любовь она постигла только после гибели отца. Девочка в 16 лет почти мгновенно переродилась. Раньше она была эгоистична и к матери относилась почти неприязненно и до того, что отец вынужден был с ней серьезно поговорить, и даже плакал при объяснении с девочкой. Переворот и выразился в том, что Ляля после смерти отца вдруг *поняла* его насквозь, и приняла в себя, и стала отцом или мужем, а мать свою приняла, как жену и дочь. Тут-то вот и возник этот роман дочери с матерью, в котором Ляля и постигла любовь как нравственное творчество, любовь, которая похожа на мост через смерть, любовь, которая не проходит. Вот почему она и знала вперед, когда сходилась со мной, что любовь моя не пройдет, а будет расти. Она знала, что делала, а я принимал и дивился.

Так развивалось у Ляли, благодаря уходу за матерью, чувство любви, как нравственного творчества. Но это нравственное творчество было ограничено натурой матери, это творчество, в сущности, было одностороннее, всю себя Ляля не могла удовлетворить в любви к матери. И когда случилось этому неудовлетворенному остатку, т. е. самой натуре, самой ее неподнятой целине, жаждущей плуга, встретиться с природной ограниченностью, косностью матери, тут вспыхивала злоба, как избыток силы, требующей поглощения, требующей равенства в творчестве. При встрече со мной этот избыток был поглощен. Но зато эта новая любовь, параллельная, непременно явилась бы эгоистической в отношении к любви к матери, если бы сама-то мать не сознала необходимости освободить Лялю от себя и, напротив, помогать ей в творчестве новой нравственной связи. Но старушка за время своего романа была довольно избалована Лялей и теперь при всех усилиях не может поставить себя в положение священной жертвы – единственному средству стать равной стороной в нашем треугольнике.

Так вот и выходит, что Ляля, полюбившая меня, не может, как прежде, всецело отдаваться любви к матери, мать не может всецело пожертвовать любовью для счастья дочери, а я, милостью Божией освобожденный в жизни от тяжкой ноши, никак не могу помочь Ляле возместить в отношении к матери то, что отнято мною же. Самое плохое, что я как-то не чувствую в себе страсти, необходимой для перестройки себя изнутри. Я могу только соединиться с Лялей в разумном внимании, которое должно естественно выходить из отношения к Ляле, из отношений равенства в творчестве любви, как нравственной связи.

А вот еще почему Ляля знала вперед, что моя любовь не пройдет. Погружаясь в дело любви к матери, как бы восстанавливающей в ней отца, она в то же время и тем самым создавала из себя как бы копилку любви, делая для матери, она зарабатывала на себя. Так она скопила в себе огромный капитал, неистощимое свое приданое, обеспечивающее чувство своего избранника. Возможно, что и мое служение искусству было не просто эгоистическое дело, а тоже и оно, как у Ляли ее служение, было заработком для себя настоящего и непреходящего. Возможно, через свое дело я служил себе самому и тоже не растрачивал жизнь, а заключал ее в копилку...

На рассвете Ляля проснулась.

– А все-таки, – сказал я, целуя ее, – любить женщину лучше, чем собаку.

– Я тебе об этом говорила.

– Нет, – сказал я, – ты не о том говорила, я же о другом думаю: бывало, ночью проснешься, Лада встанет с пола, голову положит на постель, а ты ей говоришь, добиваешься: Лада, Лада, ну скажи хоть одно словечко «люблю», я все отдам тебе за это, всю жизнь посвящу. А она молчит.

У Цыганки щенки, и корма ей из столовой не отпускается, и всем людям, служащим в столовой, питаться из нее не полагается. Поэтому все, даже косточки служащие уносят себе. Цыганка получает что-нибудь только от нас, Ляля организовала систематическую помощь голодной собаке, и Цыганка это знает: она отдает

свое предпочтение Ляле. По приказу Ляли мы выносим остатки нашей пищи и отдаем Цыганке возле лесенки в столовую. И каждое утро Цыганка, однако, приходит не в столовую, а в тот дом, где мы спим. Сидит на приступочке и дожидается. Она потому дожидается в спальне, что сознает хорошо: не столовая кормит ее, а люди. И мало того, сознает, кто главный ее кормилец. Сегодня утром я первый вышел из дому. Вижу, Цыганка сидит на лесенке спальни. Я иду в столовую, она не трогается с места. А когда Ляля выходит, она с ней вместе направляется в столовую.

Меньшиков, беллетрист, он же владелец домика в дер. Вертошино, подходит ко мне и спрашивает, как бывшего агронома о возможной помощи фруктовым деревьям во время мороза. Я ему подробно рассказал об окуривании и как это делается.

– А на что это вам, – спросил я, – у вас, наверное, сад?

– Очень большой, – ответил он, – а садовник пьяница.

– У вас садовник? – изумился я.

– Ну да, только пьяница. Однажды он во время мороза ушел в трактир, напился и пьяный вспомнил, что сад может замерзнуть, что надо бы... а он пьян и не может идти.

– Это было в прошлую зиму, – вспомнил я, – прошлогодние морозы?

– Да, – ответил он, – в прошлую зиму страшные были морозы.

– Не каждую же зиму бывают такие морозы: это в сто лет раз, не беспокойтесь. Я думаю, нынешний год зима у нас будет мягкая.

Тут он понял и засмеялся.

Какой у него сад, какой у него садовник! – он это на бумаге посадил и собирает себе материалы.

21 Декабря. Вечером слегка поссорились с Лялей. Я холодно простился с ней и улегся. И только заснул, вдруг мне почудилось, будто она плачет. Прислушался.

– Денечек!

– Что тебе?

Она сидит с открытыми глазами, совсем как подшибленный галчонок.

Вспомнил я, как в детстве подшиб на лету галчонка, вижу – сидит на земле, не падает. Значит жив. Я подошел – не улетает. Посадил его на веточку – уцепился коготками, сидит.

Нехорошо мне стало на него глядя, пошел я домой. После обеда тянет меня посмотреть – что с галчонком, душа не на месте. Прихожу к дереву – вижу, так и сидит, неподвижно. Дал ему червячка – не берет.

Ночь спал плохо, все неподвижный галчонок из головы не выходит. Утром, чуть свет, прибегаю в сад к тому дереву – сидит. Страшно мне стало, зажмурил я глаза – и бежать от него. А в полдень нашел под деревом трупик птички.

Жестокие мы были мальчишки, птичек мучили, соломинку вставляли мухам и пускали летать, но по галчонку плакал безутешно, и вот сколько лет прошло, а как вспомню, даже ночью жаром обдает.

Вот увидал я Лялю, сидит вытянувшаяся в темноте, прислонившись к подушкам. Мне стало ее ужасно жалко.

– Дурачок, дурачок, – сказала она, – с кем ты вздумал бороться!

22 Декабря. Даже в полумраке рассвета она угадала, что я расстроен чем-то, и стала допытываться, и объяснила все тем, что я зажирел, избаловался, сам не знаю от этого, чего хочу и надумываю. Она была строга и собрана. Но когда узнала, что все происходит от беспредметной ревности, бросилась целовать меня и весь день носилась со мной, как с единственным и любимым. И, Боже мой! сколько таится в этой женщине нежности, как беспредельна глубина ее чувства.

Но, конечно, в любви этой у нас с ней разные роли. Моя роль художника растворить ее в своем стремлении к созданию красоты. Если бы мне это вполне удалось, она бы вся ушла в поэму, и остались бы от нее только мощи. Ее же роль – это любовь в моральном смысле, если бы ей удалось достигнуть своего, я бы превратился в ее ребеночка.

И все мои порывы уйти в одиночество – это не более, как попытки мальчика убежать в Америку[168], которой не существует. Она любовью своей оберегает своего от таких опасностей, но теперь для опыта соглашается оставить меня на Февраль одно-

го, потому что знает: нет никакой Америки, и любовь наша от этого опыта только окрепнет.

23 Декабря. Сегодня в 10 у. едем с Громовым искать дом.

Литература, искусство – это выражение лица народа, и понятно, что страдания выражаются тем, что *бледнеет* лицо. Глубокие страдания переживает весь мир, у всех народов бледнеет лицо...

Остается только ниточка связи – это я со своей верой, со своим независимым чувством гармонии, где-то в таинственной глубине своей я люблю тебя, русский народ, я люблю, значит, ты существуешь...

О нашей колонии в Старой Рузе я сказал своему спутнику: – Мне это напоминает мое время, когда я свою жизнь начинал. – Тогда это было понятно, – ответил он, – тогда был народ.

24 Декабря. Читал в Малеевке о Горьком. Федин читал свой рассказ. Федин пишет хорошо, но человек он светский, европейский и произведения его рукотворные.

25 Декабря. Стало довольно противно ходить в столовую, начались сплетни. Так месяц подходит к концу, а больше месяца люди, очевидно, не могут вынести обеспеченную жизнь.

Замошкин сегодня сказал нам: «молодожены». И мне от этого стало противно, да как! Оттого ли противно было, что я попадаю в общее стадо, или оттого, что в тайниках души своей иногда допускаю вопрос: а не есть ли эта наша любовь, как у всех: приходит – уходит.

Вечером читали Блока более двух часов, и ясно предстало люциферо-хлыстовское происхождение этой поэзии[169]. Вспомнилось, в религиозно-философском собрании[170] Розанов из толпы людей вытащил за рукав Блока и сказал мне: «Вот наш хлыст и их много, все хлысты». Правда, эта религиозная распутица, подмена веры в Бога поэзией непосредственным человеком воспринимается как *нездоровье*, гниение; эти слова – здоровье и нездоровье – содержат в себе: здоровье – правду, веру, верный путь, нездоровье – ложь, подмену, ложный путь.

Так все это искусство было на ложном пути, и большевизм в начальной фазе своей был как направляющий бич правды.

Когда вчера я заговорил с Лялей о каком-то прекрасном поэтическом народе русском на Печоре, она стала это отвергать: нет этого, все это умерло, и если воскреснет, то как-нибудь в общей культуре. Если это правда, то и мое наивное сознание о действующем первоисточнике нашей поэзии, устном творчестве народном – устарелое понимание. Так было, и теперь этого нет.

Не только язык народный, как первоисточник моей литературы, – я теряю даже вкус к тому родственному вниманию в природе, о котором столько писал.

– Денечек, – сказал я, – что же это со мной делается!

– Ничего особенного, – отв. она, – ведь ты переменяешься, ты переходишь от природы к самому человеку.

26 Декабря. Ночью думал о «самом человеке», к которому я перехожу со своим чувством природы и очень ясно вижу, что самое главное для этого надо уничтожить в сознании ограду, за которой начинается «тот свет». Есть два сознательных пути в деле разрушения ограды, первое – это самоубийство, второе – признание сего дня как вечности. Вытекающее из этого правило первое: живи как бессмертный!

27 Декабря. На мои слова, «живи как бессмертный», Ляля заметила: «Вот в том-то и беда, что все живут как бессмертные».

И это правда, если мои слова сказать «всем». Напротив, им именно и нужно напоминать и даже пугать смертным часом. Слова же эти, обращенные к себе, получают иное значение только потому, что я смертью до того запуган, до того боюсь ее и не хочу, что на эту ее силу уничтожения призываю как бы вторую – смерть, крестную, т. е. силу, преодолевающую смерть, и уже после того говорю: – Живи как бессмертный, ежедневно разрушая границу этого и того мира, границу, созданную людьми же для воспитания детей.

Ляля раньше верила, что во всех людях что-то есть, и рано или поздно все спасутся, то теперь думает, что люди жизнь свою

так разрушают, что не все спасутся и на Суде будут отвержены. (NB. Иметь в виду при изображении ее жизни.)

N. попросил у меня манную кашу, которая остается у меня от завтрака. – Все равно пропадает, – сказал он, – так лучше уж я ее собаке отдам.

– Как пропадает! – ответил я, – ее съедает какой-нибудь человек.

– Какой?

– Мало ли какой, неизвестный.

– А вам нечего заботиться о неизвестном, подать известной собаке лучше, чем отдать неизвестному человеку.

Федин очень умный светский человек, но его ум и светскость встречаются с очень ограниченным талантом, и от этого получается чрезвычайно заостренное самолюбие. Глубже корректных отношений с ним ни в коем случае не надо входить.

Впервые начинаю приходить сам с собой в равновесие, впервые вижу возможность создать обстановку, в которой не будешь бояться себя.

Видел во сне поломанный сад, в котором я ночевал. Проснулся, хочу чаю, вижу Лева пьет крепкий чай, а мне не дает. Я мечусь по саду, ищу стакан, чайник и не нахожу, а Лева, выпив чай, уходит. Я кричу на него, и он откуда-то присылает ко мне Аксюшу на помощь.

Проснувшись, раздумывал, из какого болота вытащила меня Ляля, и дивился, откуда она набрала в себе сил, чтобы возиться. Дай, Господи, силу оправдать ее доброту.

Из жизни Ляли: она страстно возилась с поэзией и если бы занималась, то из нее наверно что-нибудь вышло бы. Но она вошла в церковь, и связь с поэзией кончилась, и та сила, влекущая к красоте, стала любовью. И Ляля теперь думает, что искусство в существе своем дело мужское, вернее, одно из поприщ чисто мужского действия, как песня у птичьих самцов. А дело женщины – это прямая любовь, и потому понятно, что в сопри-

косновении с огненной силой религии все ее личное сгорело и выявилась сущность ее самой: любовь. То был Страшный Суд ее личности.

Вчера Ляля играла в шарады и увлеклась до того, что после, когда я засыпал, она вздрагивала от смеха: вспоминала.

28 Декабря. Мы уедем из Малеевки 30-го. По приезде в Москву следующие дела:

1) Духовное завещание. 2) Однотомник (ст. о Горьком). 3) О «Доме на колесах» + «Бурундук», 4) Рассказы в детские журналы (распределить). 5) «Дом на колесах» в республиках: 1) запрос в Украину о двух книгах, 2) запрос в другие республики. Найти письмо из Украины, 6) Костюм и пальто. 7) Лыжи купить. 8) Окончить с дачей. 9) Проверка денег всюду. 10) Алименты (с 1 по 10 янв.). 11) Литфонд: о получении письма (комн. 14). 12) Звонок к Маршаку. 13) Ляля пойдет в библиотеку Союза пис. 14) Новые рассказы по радио. 15) Календарь. 16) Диафильм. 17) Проверка «Нового мира». 18) Вечером: ответ Чаковского. 19) 8-го в 12 д. к туристам.

Вчера опыт разговора «умных людей» по плану Ляли. Просто замечательные результаты: она, как «занятая женщина», почти вовсе перестала «выпрыгивать», а я – дичиться и вызывающе огрызаться. В этом свете, напр., Толстой, Маршак и др. являются не как враги, а как животные, которых не следует злить, а, напротив, оглаживать. И вообще среди подобных людей и еще куда худших и страшных надо ходить, как по жердочке над водой.

Светлое морозное утро. Ходил по тропинке взад и вперед с того времени, когда осталась на небе звезда утренняя и до тех пор, пока она не растаяла в свете от солнца. Мне было ясно, что дело художника – это расстановка смешанных вещей по своим первоначальным местам.

Современная сказка (напр., Андерсен) всходит на дрожжах символизма и происходит, вероятно, от дуализма, в котором

материя является образом духа, или, наоборот, дух образом материи. Современная сказка должна исходить из монизма, т. е. дух и материя – одно, и разделения между тем и другим нет, как нет разделения между этим миром и «тем». Все своеобразие моих рассказов-сказок состоит именно в яркой демонстрации этого единства духа и материи и тем самым сильного протеста в отношении символизма и дуализма. Андерсен для меня наиболее противен.

Ненависть к евреям, которая теперь так распространилась среди русских, происходит, может быть, и законно, вследствие того, что евреи занимают лучшие места. Но чувствовать ненависть к личности еврея только за то, что он еврей, – нелепица и признак неудачника. Напротив, русскому человеку нужно так себя ставить, чтобы еврей ему помогал. Для этого надо немногое: надо не чувствовать себя неудачником[171].

Надо написать книгу зарисовок, портретов: напр. Грин, Савенков, всевозможных эпизодов, как «товарищ покойник» и др.

29 Декабря. Вчера после ужина Ляля осталась играть в шарады и мне захотелось в одиночестве почитать. Это за год было первое добровольное расставание. И ничего прошло себе. Я даже и так размышлял, что временная разлука должна входить в наши отношения и вот почему. Как сладость полового акта заключается в том, что та и другая сторона относительно друг друга находятся в неведении и через близость они хотят понять себя («поять»), так точно и страстное писание предполагает неведомого друга, к которому писанное и относится. Но как только этот друг явится, то для чего петь соловью? Но если друг удаляется, то с чем же остаться, как не с тем же страстным желанием близости? Так вот, по-видимому, для успеха в писании необходимо создать искусственное разделение. Впрочем, об этом думать не надо, это выйдет само собой.

Ночью, когда Ляля пришла и заснула, она через несколько времени пробудилась в поту, хотя в комнате было не жарко. «Не туберкулез ли?» – подумал я. И потом в полусне стал думать о возможности совершенного расставания. «Тогда, – ду-

мал я, – писать больше незачем». Что же делать? Умереть только. Но как умереть, если оно не умрется, самому же на себя, вероятно, нельзя.

30 Декабря. Страшная метель. С четырех до семи ехали в Москву.

31 Декабря. К деликатным упрекам Ляли в моем эгоизме (происхождение упрека: Замошкин сказал, что художник всегда эгоист + что я вздумал без совета с Лялей купить медвежью шкуру, а я хотел для нее) прибавилось от Нат. Арк., что я не воспитан женским обществом, что я избалован. В ответ на это я возразил, что если я сделаюсь таким, как они хотят, то я сделаюсь женщиной. Но сделаться женщиной, как сделался преп. Серафим, – это подвиг всей жизни, и если я сейчас этим займусь, то сделаюсь просто бабой, как Александр Николаевич. Ляля стала на мою сторону: «Ты, мама, хочешь, чтобы М. М. стал как папа, но папа ничего не делал. Если же мужчина хочет что-то сделать, то он, с нашей женской точки зрения, неминуемо должен быть эгоистом».

Из этого разговора, не имеющего никакого значения, очень хорошо видно мне себя самого за этот год сожительства с Лялей, и моя радость и мои сомнения.

Письмо от Черемхина Ф. Я., который вызывается на мирные переговоры с Е. П.

«Дорогой Федор Яковлевич,
письмо ваше с предложением быть миротворцем я получил и приветствую Вас в этом начинании. Вы должны иметь в виду, что не я виновник войны и с самого начала только просил Е. П-у предоставить мне свободу в отношениях моих с друзьями. С самого начала я не хотел даже расстраивать свои отношения с Е. П., которые сложились за много лет. Эти отношения сложились не на любви, которой я вовсе не знал, а на привычке. Е. П. тоже никогда не любила меня, а так привыкла к положению жизни со мной, что превратила меня в свою собственность. И вот это собственническое чувство она, не зная вовсе чувства любви, и называет по-своему любовью. На этом

чувстве собственности и возникла в ее душе война с той целью, чтобы удалить от меня и даже погубить [В. Д.]. В этом вся суть ее нападений и вся причина моей обороны. Вот почему я с большой радостью прочитал о том, что вы берете такую "любовь" в кавычки. Напротив, та любовь, какую узнал я, открыла мне целый мир нравственного совершенствования и постоянного движения вперед. Скажу больше, скажу вам такое, что могут понять только очень немногие люди... я начинаю мало-помалу утрачивать животный страх грядущей моей неизбежной смерти. И еще больше того, дорогой Федор Яковлевич, я начинаю ощущать, что вечность начинается не после того дня, когда я умру, а сегодня, сейчас, сию минуту и сие мгновение. Влияние жизни [с В. Д.] сказалось уже на моей деятельности. Я написал книгу о любви, не той любви в кавычках, о которой говорит Е. П., а о настоящей любви так удачно, что большие знатоки литературы говорят, будто никто еще в России так о любви не писал».

Докончили вместе с Лялей, высказав надежду на переворот. Только переворота Ф. Я. никакого не сделает, а, скорее всего, в лучшем случае Е. П. сообразит, что самое выгодное дело для нее – это помириться.

Итак, вот моя Ляля, эта женщина по преимуществу: ее не дисциплинированный систематической работой ум, ее бездельное дарование, способен только схватывать мгновения и выражать их самостоятельно, не складываясь с другими умами. Этот ум предназначен только для осознания в себе женщины, как бездеятельной сущности, ищущей выражения. Эта сложная натура (natura naturata), естество естества ищет зачатия от Духа. На пути искания подмена своего *личного* пути *общим* (по «плоти»). Причины и перипетии подмены. Смысл их. Ее особенность: своего женского назначения она не подменивает мужским назначением. Ее назначение найти своего «Серафима» и через него осуществиться в мире людей как любовь.

Ум женщины не может действовать с тем, чтобы исходить от чужого ума или сложиться с другим умом: в этом и есть дело мужское. Ум женщины индивидуален и бездеятелен (пассивен)[172].

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1940

1941

1 Января. К вам обращаюсь, живые в мертвых, встаньте на помощь мне, вас я вызываю, вас поднимаю именем Бога нашего Иисуса Христа. (Углем на стене.)

Революция мира, стань делом Божьего Суда над живыми и мертвыми, разрушь границу между этим миром и загробным, нет ни того, ни другого, есть вечное разрушение и вечное созидание, и в этом вечном есть божественное мгновение рождения Бога в человеке. (Углем на стене.)

Живые, как же вы не понимаете священное мгновение свое: вы живы только тем, что на вас лег луч Божьего творчества, и в этом свете на помощь стали все живые в мертвых. Спешите понять и успеть соединиться в свете и стать светом мира... (Углем на стене кельи одного монаха на Кавказе.)

3 Января. Думаю о Ремизове и Горьком.

Мое созвучие с Мережковским было в отношении [к] России как к неведомой стране (terra incognita).

Дела на 3-е: Разговор с Мартыновым, с «Новым миром».

Приготовить «Валенок» и статью о Горьком. Узнать в «Детиздате» и пр. В «Смене» – «почему?»*

Финансы на 4 Января:

Гослитиздат	15000 +
Молод. гвардия	3537 +
Фацелия	9000

* Имеется в виду разговор об издании однотомника и выяснении причин приостановки начавшейся публикации «Фацелии» в «Новом мире».

Новый мир	4000
Октябрь	5000
Лисичкин хлеб	2000
Дом на колесах	7000
	45537
Собрать с журналов	4500
на 4 Января	= 50 тыс.

Этого хватит на год при 4 тыс. в месяц.

А на дачу или: Однотомник или написать «Падун».

Вернее же так: если однотомник пройдет, то весь его на дачу, если нет – не строить дачу до написания «Падуна».

5 Января. Искусство создано, чтобы заполнить пустоту между жизнью и смертью...

6 Января. Сочельник. Ходили к Е.Н. Карасевой. Удручающий развал. «Наш Дом», в котором бывает и С.А. Стахович, реликт царской эпохи. Просто удивительно! И вообще «демократия» расплющивается. Неудачно мы провели сочельник, – одно старье. Неудачно все вышло...

В церкви слишком много старого хлама, точно так же, как и в революции, пора создаться синтезу из тезисов: церковь – революция.

7 Января. Рождество. Мороз сломило, близко к оттепели.

Незаметно прошла 1-я неделя Января, за целую неделю написал только подвал в «Кино-газету», продвинул сборник однотомника, учел денежные ресурсы.

Человек, умирая, какое-то слово сказал. И умер человек, и то слово его было услышано, и с этим словом стал жить другой человек из года в год, вспоминая его и к смыслу его прибавляя свой новый смысл.

И когда состарился этот человек, то, умирая, сказал это слово, полное смысла, и третий человек услышал это готовое по-новому слово и стал жить по этому слову, наполняя его новым смыслом.

Вот и я пришел к этому слову и начал жить им, как будто только родился с ним.

Слова этого я не назову, пока не наполню его своим смыслом.

Людей кровь связывает, но этого становится мало, приходит время, когда людей стало связывать слово. Пришел некто и сказал: – Не кровь, а слово! – и отдал кровь свою за слово, и Слово стало плотью. До чего же ясно стало теперь, что в этой войне идет война крови за кровь и слова за слово и что мир может быть только в единстве слова и крови, слово наполнится кровью, и кровь будет оправдана словом.

Все это я сказал в редакции «Октября» критику такими словами: единство материи и духа вовсе не надо понимать метафизически – от этого толку мало! это надо понимать чисто практически. Вот вы служите в редакции и, отслужив свои часы, возвращаетесь домой к личному делу. Понимайте это свое поведение как дуализм. И начинайте жить так, чтобы делать одно дело и на службе, и дома, и для общества, и для себя.

Чаковский, очень неглупый паренек, мне сегодня сказал, что все эти восторженные отзывы обо мне, когда скопятся в достаточном числе, непременно приведут к уничтожающей статье. Почему? или потому, что опыт всего прошлого это подсказывает, или по зависти... Я думаю, что надо помнить слова Фадеева Замошкину: – Вы пишете о всем лучшем у Пришвина, но не хотите смотреть на его тени. – Какие же тени? – спросил Замошкин. – Первое, – ответил Фадеев, – что он держится от нас в стороне.

И это, вероятно, и все: в стороне быть нельзя, всякое твое «в стороне» требует общественной проверки, и если ты взял курс на одинокое накопление мыслей и влияния, то тебе рано ли, поздно ли будет вызов со стороны общества, вызов на чистку, и ты должен будешь дать такое же оправдание, как дал Максим Горький.

Чаковский же намерен своей работой предупредить неизбежный от непонимания взрыв. И, правда, люди восторгаются и не дают объяснения своим восторгам, невольно возникает подозрение. Чаковский единственный умный мой читатель и смотрит в корень вещей.

Мне вспоминается так далеко теперь от себя то благосостояние в Загорске, когда я пришел к «счастью», основанному на отрицательном признаке: нет ничего волнующего.

Как все это умерло, как все это далеко от меня...

Теперь моя радость, мое счастье держится лишь каким-то днем, даже часом, там за этим часом-днем стоит и прямо виднеется враг – это моя смерть, враг, которого я должен сразить, и моя победа мне достанется лишь ценою гибели всех сладких иллюзий, которыми держится «жизнь» так называемая.

Чем больше у моего друга здоровеет душа, тем больше почему-то слабеют нервы. Доктора говорят, что так постоянно бывает с людьми, которых жизнь очень трепала и вдруг перестала хлестать. Так с лошадьми бывает: бежит, пока ее хлещут. Мне надо взяться следить за собой – первое, надо, чтобы она хорошо высыпалась, а второе, чтобы следить постоянно за собой и на ее раздражение никогда не отвечать своим. Так что не ее надо лечить, а себя. А, между прочим, конечно, надо немедленно сводить к докторам и позаботиться об организации жизни в природе.

8 Января. Мой друг А. М. Коноплянцев разделил свою жизнь на две: одна жизнь отдается службе, другая любимому делу. С этой мыслью он стал служить в департаменте народного просвещения и получать по 20-м числам каждого месяца жалованье. После же этой службы для хлеба он занимался литературой для души.

Огромное большинство людей интеллигентных так именно и жили. Мне пришло в голову, глядя на них, что это в корне безнравственное дело – разделять свой труд на «для души» и «для хлеба». Вовсе не понимая тогда всей глубины этого подвига – достигать неразделенной жизни, я стал заниматься только любимым делом, писать, и только писанием зарабатывать себе деньги.

Мне вначале приходилось в газетах и по три копейки писать. Случалось, напишется рассказ, выходящий за пределы

газеты, но тогда второго такого рассказа я не ждал, на него не располагался, а писал с одушевлением газетные строки, испытывая удовлетворение достижением единства жизни своей.

Признание обществом моего искусства явилось не из претензии моей на место художника слова, а исключительно как награда за строгое выполнение идеи неразделенности жизненного труда.

Теперь после десятков лет своей практики я вижу, как трансформировалась в жизни моя первоначальная идея единства труда.

Пришло время, когда это единство внешнее перешло в требование единства в себе, – и когда в советское время застигнутые врасплох писатели взялись приспособляться к идее социализма, я писал «Кащееву цепь», в которой быть самим собой ставилось как императив. После моральной своей победы меня перестал удовлетворять этот императив о себе, и я идею единства труда в «Корне жизни» и «Фацелии» сделал идеей единства духа и плоти в творческой любви.

Теперь остается мне выразить новый этап моей юношеской идеи единства труда. Я хочу вступить в борьбу с величайшим злом, какое только рождалось на пути нравственного сознания человечества. Это зло состоит в проповеди идеи разделения жизни на «в этом мире» и «там». Так после долгой борьбы за единство в труде и за право быть единым в себе я прихожу к новой борьбе за единство жизни этой и «той» и единство самого человека.

9–12 Января. Арамилев сказал, что 11–12 книжка «Нового мира» вышла без «Лесной капели», а вместо этого помещена разносная статья Мстиславского[1]. Началась «заворошка»[2] с участием Федина, Фадеева, Замошкина, Чаковского. И все оказалось скорлупою выеденного яйца. Но роль Ставского неясна.

13 Января. Вчера заканчивали вместе «Дом на колесах», книжку для маленьких детей.

14 Января. Больше и больше кончается история с «Новым миром». Написал умненько Ставскому. Если не ответит, значит, он подлец. И тогда станет легче: подлец, так подлец. Если писательство не есть лов рыбы в мутной воде, не простой расчет на удачу, а нравственное поведение, то первое правило начинающего писателя – это при своей неудаче не вскипать злобой на кого-нибудь; или то же в образах Библии: не сердись на Авеля, если тебе выпадет доля Каина.

Исходя из своего опыта, я считаю первым, что должен зарубить себе на столбе берущий в руки перо человек, это – наметить себе раз навсегда, о чем ему надо писать.

Надо представить себе, будто утратил какое-то до того любимое существо, что жизнь самому стала не в радость. Но когда стал писать, то радость бы явилась[3]. Откуда она взялась? Это не поймешь, и не надо. Важно знать, что радость жизни откуда-то приходит и уходит. Так вот и надо сложить свое поведение так, чтобы искать эту радость и встречать ее, как новую возлюбленную взамен утраченной. Когда же эта радость приходит, то на что бы твой глаз ни упал, все преображается. Значит, первое правило – это что надо писать о любимом.

Второе правило – это что если со стороны придет неудача, то не надо сердиться и не судить ни о ком и ни о чем в свете своей злобы. Это правило в библейских формах должно так выражаться: – Не сердись на Авеля, если выпадет доля Каина. На этих двух правилах я складывал всю гигиену и профилактику своего писательского труда.

Скоро мне стало ясно, что я люблю человека-друга и, значит, я должен писать о человеке-друге. А чтобы выполнить второе правило, мне нужно, чтобы на писание свое поменьше привлекать глаз и подальше быть от человеческой <*зачеркнуто:* толкучки> тесноты.

Из этого правила родилась моя страсть к природе, и в природе родилось третье правило: писатель должен и в пустыне быть самым современным из всех. Это третье правило я старался выполнить сначала наивно ненасытным стремлением к всякому знанию, а потом оказалось, что если только выполня-

ешь первые два правила, пишешь о любимом и не завидуешь злобно, то всякая вещь, созданная тобой, будь это даже собака или цветок, непременно само собой будет современной.

<*На полях:* Творчество как поведение.>

Применяя все эти три правила с большим или меньшим успехом, я стал писать и все написанное читать друзьям и знакомым. Дорого было не то, что говорят люди, а что увидел сам и по-своему понял себя, возбуждаемый их разговором.

И когда я понял свое лучшее, то понял, что лучшее выходило у меня всегда, если я материал брал не из книг или из рассказов людей, а из своих собственных переживаний. В то же время слова и образы, которые приходилось мне брать от народа во время путешествий, почему-то выходили в первом значении как собственные свои. Так родилось в опыте 4-е правило: писателю как человеку надо быть самим собой.

Выполняя строжайшим образом все эти правила, я двигался как черепаха. Вот хотя бы рассказ «Птичье кладбище»[4], сюжет которого состоял в том, что у попа гусь домашний улетел за дикими, а поп во время побега за своим гусем так размахался широкими рукавами, что и сам улетел.

Для этого рассказа я собирал слова и поверья в районе Брыни, записывая все на клочках. А когда приехал в Петербург, то снял себе на Золотоношской улице (район Александро-Невской Лавры) комнату без мебели и стал жить на полу. Так мне было очень удобно работать, потому что массу листков можно было разложить в порядке. Чтобы заучить тысячи слов и сотни пословиц, поговорок, поверий, я разрезал лист на тонкие полосы, склеивал полосы в огромной длины ленту, списывал материал на ленту и скатывал в два ролика. Перекатывая ленту с ролика на ролик, я мог всюду заучивать свой материал, на конках, в амбулаториях, в приемных, на полустанке при ожидании поезда.

Случилось однажды, Ремизов попросил меня занести какие-то книги А. Н. Толстому, который жил недалеко от меня. Толстой уже слышал о моих подвигах в литературе, но не знал меня лично. Увидев меня с книгами Ремизова, он задержал меня у себя, мы немного познакомились и поболтали. К несча-

стью, А. Н. счел это визитом и на другой день, узнав, где я живу, явился с ответным визитом на Золотоношскую улицу.

В своей отличной шубе он остановился на пороге моей комнаты в полном изумлении. В совершенно пустой комнате на полу, подстелив под себя пальто, на животе лежал среди бумаг, записок и длинных лент во всю комнату этот самый «Пришвин».

Мне было до крайности стыдно, что столь блестящий светский молодой человек ворвался в мою мастерскую и сделался свидетелем моей интимнейшей жизни. Я стал рассказывать ему о «Птичьем кладбище», о том, как поп должен улететь за гусями. Толстой, по-своему как-то мигая, строя серьезную мину и в то же время явно сдерживая смех, спросил:

– А ленты-то для чего?

Я скатал ролики и, скатывая и накатывая с одного на другой, показал.

Тут он не мог не расхохотаться и сказал:

– Ну, так написать рассказ невозможно.

– А вот напишу, – сказал я.

– Не напишете, не напишете! – повторял он со смехом, уходя от меня.

Это был для меня до крайности неприятный визит. Кто знает, может быть, из-за этого мы так и не сошлись с ним никогда до близости. Впрочем, встречаясь на разных этапах длинной литературной жизни, вспоминая ролики, мы оба, однако, добродушно смеялись. А когда я однажды, читая у него в Детском Селе свою «Журавлиную родину» собравшемуся обществу...

Я простил ему его смех, не мог же он, столь счастливый писатель, [понять] что ролики мои не были просто способом усвоения материала, а вытекали из всей темы моей жизни, творчества как поведения.

14 Января. Рассказ о Гете, который, чувствуя в себе нечто священное, не мог отдаться женщине. Очевидно, Гете «язычник», за то и «язычник», что упорствовал в своих «букашках», и вот я теперь понимаю, в чем «пантеизм». Значит, Гете недалеко ушел и не мог узнать Бога любви, которого я узнал через Лялю.

Продвижение книги: *Искусство как поведение.*

Что же это, – я или кто-нибудь? Чувствую, конечно, только через «я», но у меня есть вера, что кто-нибудь где-нибудь существует, понимает меня, и я своей поэзией, как по мосту, перехожу к нему, подаю свою руку, передаю себя в продолжение...

Когда нечаянно и в отчаянии возникла во мне эта радостная способность избавляться от себя на какое-то время, я обрадовался этому чувству, как возлюбленной. Записывать себя на бумаге мне стало так же радостно, как любить, и я понимал, что это пришло ко мне вместо того.

Тогда-то вот я и стал думать о тех ошибках моих, из-за которых именно произошла утрата. С твердым намерением я обдумывал свои ошибки, чтобы их не повторять больше и эту новую свою возлюбленную удержать. Тогда возникла во мне тайная жизнь, тщательно оберегаемая мною от чужого глаза, и даже самому близкому другу моему я не мог бы о ней ничего сказать, потому что она вела меня по пути к сознанию, но путь был только влечение, и слов для выражения у меня не было.

Я знал только одно: для охраны радостного удовлетворяющего меня волнения нужно какое[-то] поведение. С тех пор жизнь в искусстве слова определила мое поведение.

А если я только самолюбец и графоман? Нет! этого да не будет. Нет, я не буду писать стихи и молитвы.

Ведь только если я что-то новое скажу, небывалое, я тогда смогу выйти из порочного круга графомании. Я должен что-то увидеть, поехать туда, где никто не бывал[5], найти нетронутый край... (Ах, так вот как возникает в душе человека край непуганых птиц[6], вот отчего едут на полюсы, где нет ничего... это все тоже, как я, хотят утвердить себя в небывалом и сказать о несказанном.) Еду, еду туда! И скажу детям: мне довольно, если дети...

15 Января. На концерте узнал, что за «Фацелию» вызваны были в ЦК Ставский с Гладковым и им дан был нагоняй за какие-то места. После этого они уже страха ради иудейски сняли «Лесную капель» и заказали Мстиславскому освежить новым содержанием его залежалую статью.

Перед исполнением Листа я сказал об этом Ляле, а когда кончился Лист, спросил ее: – Как тебе понравилось? – Она ответила: – Ничего не слыхала, думала о «Фацелии». – И стала упрекать меня за то, что я не слушался ее советов, когда составлялась «Фацелия». Вышел небольшой спор... Начинается все от чувства ее материнства... это привело ее к малодушному страху за меня как писателя.

Если же ей возражать, то она станет возражать вообще против борьбы за свое лицо в современной литературе, тем самым предлагая перенести ее в область более серьезную.

Я это всегда признавал: любовь к ней у меня больше страсти моей к литературе и связанного с ней подвига. Это в принципе, а на деле, когда ясно видишь, что уступать свое мужество приходится не из любви, а от слабости и малодушия. Из Ляли делается что-то вроде Наташи Ростовой, над которой когда-то она издевалась[7]. А еще я боюсь, что страх перед борьбой *здесь* и перенос борьбы *туда* в настоящий мир (где пустыньки и пр.) есть именно то разделение жизни на здесь и там, которое, по-моему, является ядом здоровой нравственности, источником порочного расщепления на дух и материю.

Но самое главное, что омрачает, это здоровье Ляли. Тайные страхи какие-то мучат ее за меня, за мою борьбу, за мое писательство. Возможно, это ставит ее в противоположение с ее религиозными идеалами тишины и гармонии. Буду пробовать на время с ней разлучаться и давать отдыхать от себя.

16 Января. Годовщина нашей встречи. Праздновали с одной бутылкой шампанского и с одним Фединым. Вся беда пришла будто бы от «Шестачихи»[*] (cherchez la femme). Время похоже на 16-й год (а когда пришел 22-й!).

Понял, что на меня смотрят как на чудака-художника с «Фацелией» перед вопросом: что даешь для войны? Перед этим экзаменом моя «Фацелия» выходит с отметкой в – 2. Но из этого не выходит вовсе, что мое положение плохо, Маяковский сдал на 5, но, получив 5, пустил себе пулю в сердце.

[*] Сотрудница «Нового мира».

С большим успехом читал по радио «О чем шепчутся раки»[8]. Удивляюсь, как это писатели, принимая меня за эстета по «Фацелии», не хотят замечать «раков», не хотят [видеть], что язык мой – народный язык и я могу сказать народное свое слово для «всех», что я могу писать и для самого умного читателя, а если надо будет для всех, то напишу и не снижусь.

17 Января. В клубе вечер Ленина. Слова генерала о Гейне, что Гейне о коммунизме[9] так говорил, что лилии в его саду погибнут и соловей перестанет петь, и все-таки он ждет коммунизма. А генерал указал на нас: вот, мол, коммунизм, а и лилии целы, и соловьи поют.

18 Января. Отправил «Дом на колесах» в разные издательства[10].

Разговор с Чаковским о его статье и его вопрос, почему я, писатель, на голову стоящий выше всех пишущих современников, не стою во главе литературы. На этот вопрос я ответил путано. Ляля пришла на помощь и рассказала[*] о моих заметках о Сталине. Решено, что я в своей работе о Горьком открою свои карты как признающего советскую власть. «Иного пути нет». Буду вдохновляться письмами Горького.

21 Января. Сыновья мои виноваты. Спекулируют в отношениях со мной чувством любви, которой на самом деле не имеют: их поведение может вытекать только из нелюбви. Доказательства: I. Непонимание = недоверие к моей личности, выразившееся в борьбе а) нравственной: против моей любви к избранному мною в первый раз в жизни другу, б) материальной: недоверие к моей совести в отношении обеспечения Ефросиньи Павловны. II. Метод борьбы: а) непорядочность («чест-

---

[*] Никаких заметок о Сталине у Пришвина не было, но после прекращения публикации «Фацелии» («Лесная капель») и статьи Мстиславского, когда Чаковский советует Пришвину «признать советскую власть» в печати, т. к. «иного выхода нет», Валерия Дмитриевна, по-видимому, пытается таким образом сгладить остроту ситуации.

ными и нечестными средствами»), б) безжалостное отношение к моему здоровью. III. Неблагодарность.

У Ляли к вечеру повышается температура. – Ляля, – сказал я, – что же делать мне, если ты умрешь? – Похоронишь, – ответила она, – будешь ходить ко мне на могилку, а потом сам умрешь.

Галина пришла благодарить за 1000 рублей. Попалась и наша птичка, хорошо мы ее обработали![11] Как ни разбирали мы поступки Ефр. Павл. с целью увидать человека, и не нашли человека. – Что же ты в ней любил? – спросила Ляля. – Что-то было хорошее, – ответил я. И, подумав, решил: я, обойденный до голода любовью, понятия не имевший о том, чем все люди живут, той общей любовью, которая окружает дорогих людей, как воздух, я приписал этому воздуху личные свойства и относил их к личности Ефр. Павловны, и в ней я любил все то, что у всех есть и на что все не обращают никакого внимания. Вполне возможно, что этот воздух всеобщей любви я переносил в природу и создавал тоже из животных, из деревьев такие же «личности», как Ефросинью Павловну[12].

Кто же прав, скажите мне, я и теперь, когда все понимаю, не могу сказать, где правда. Те ли, кто, имея постоянный доступ к любви, дышат ею, как воздухом, не обращая никакого внимания на нее, не придавая ей, как воздуху, никакой цены, и находят себе существо, стоящее далеко выше всего «среднего». Или же тот прав, кто, будучи голодным, вдохнул в себя аромат черного хлеба и, вкусив черного хлеба, почувствовал силу солнца, его создавшего, и увидел [вечное] солнце в куске черного хлеба.

22 Января. Б. А. Чаковский из «Октября» пишет мой литературный портрет. Очень неглупый молодой человек. Я накачивал его собою пять часов.

23 Января. Пришло название книги о Горьком «*Начало века*»[13]. Сходить в музей Горького и поговорить с Бончем о

«чемреках»[14]. Основное раздвоение: народ (Легкобытов) и интеллигенция (Мережковский)[15].

Основное единство: «я не народник, но я от народа, я ходок от народа», Горький и родина. Значит, основной распад: интеллигенция и народ; а у Горького единство в родине.

Итак, три темы: 1) Интеллигенция (Мережковский). 2) Народ (секта «Начало века»). 3) Родина (Горький, единство).

5-го – 6-го отдать в Литфонд деньги за путевку. 15-го Февраля уеду в Малеевку.

Человек неудачей своей заострен, как иголочка, и мстит за себя всем – и всех, кого только можно уколоть, колет, – таких больше всех.

Другой человек при крайней заостренности своей личности не лишен дара воображения и находит себе удовлетворение в творчестве. По этому пути идут всякого рода мистики, теософы, поэты индивидуалисты и всякого рода сверхчеловеки, преодолевающие препятствия внешней среды.

И, наконец, есть еще люди, которые винят только себя за свою неудачу и так, признав себя лично ответственными за свою беду, пытаются сбросить с себя все лишнее и в окончательном своем ядрышке найти единство с лучшими существами из окружающей их среды, с целью преображения самой среды.

Моим идеалам соответствовал такой упрощающий себя изнутри человек, может быть, немного с лукавой затеей в борьбе: вы, сверхчеловеки, много обещаете, и с вас много спрашивается, а что взять с нас, простецов; и когда в борьбе приходит последний момент, может случиться, что у многодумных будто только пустые слова, а у простеца одно словечко, да туго-натуго налитое собственной кровью[16], и этим словечком решится все дело борьбы.

24 Января. Были в Третьяковке. Познакомились с Рыбниковым и Фонвизиным. Рыбников собирается писать с меня портрет.

Приходила Карасева с книгой о Шаляпине: ей нужно за нее 200 р. Она ведь с детства при мне и помнит мою мать и несчастная, мужа расстреляли...

Но все равно, в ее чувстве ко мне зарождается чувство собственности. Случится, умрет Нат. Арк., – тогда она перенесет на меня безмерное материнство, и этот инстинкт породит собственническое чувство, и мы отгородимся от мира. Ведь из этого же самого инстинкта родилась «любовь» Ефр. Павловны. Вполне можно сказать, что Е. П. наживала добро во имя меня, а когда оказалось, что «имя» исчезло, собственность потеряла всякий смысл и началась война будто бы за вещи. Когда же К[арасева] сказала: «Да вы же хорошо обеспечены, чего же вам еще надо!» – «Его самого», – ответила Павловна. Так вот оказывается, что собственность рождается в любви: любовь производит собственность, а собственническое чувство поглощает любовь.

Какая же должна быть гигиена любви, охрана ее от заражения собственническим инстинктом. Средство это – думать больше о других, чем о себе, но... Вот тут-то и бывает подмена: любимый друг обрастает собственностью, из-за которой не видно самого человека.

Значит, любя своего ребенка, надо не ограничиваться только заботой о его существовании, надо ребенка любить в его безграничном развитии.

Чаковский для «портрета» обобрал меня, но не думаю, что у него получится что-нибудь интересное по существу...

Поворот от сверхчеловека к богоискательству у Мережковских сопровождался поворотом от лирики к эпосу. – Эпос! – сказала Зинаида [Гиппиус]. – А это что? – Пишите, как Толстой. – Почему же не как Пушкин, напр., «Капитанская дочка»? – Как Пушкин труднее, но пусть и как Пушкин. Одним словом, не многоточием пользуйтесь, а ставьте точки[17] <*зачеркнуто:* и само собой получится эпос>.

<*На полях:* Гора Благодать. (Описать ночь с Шаляпиным.)[18] Репин[19].>

У Горького и Шаляпина поражает обилие таланта, и тут же появляется <*зачеркнуто:* обида за себя> мысль о себе: я столь-

ко тружусь, а там даром, и отсюда, из этого «даром» чистейший родник бездумного права на свою долю в распределении благ и обратный поток щедрости.

У Шаляпина это «даром» до того выпирает, что уже и не задевает за себя, как будто не человек на пути, а гора, как на Урале – гора Благодать. – Бога видел! – сказал я Горькому после ночи, проведенной с Шаляпиным. – Такого ли еще мы вам покажем! – воскликнул радостно Горький, как будто он с кем-то («мы») были хозяевами этой горы Благодати.

<*Зачеркнуто:* У Горького в душе был весь Шаляпин, и в то же время.> В какой мере гора Горького могла сравниться с горою Шаляпина, – трудно сказать. Может быть, шаляпинская гора, гора Благодать была и у Горького, может быть, меньше, но так выходило, что Шаляпин артист и артист: ты все пела, это дело![20] Но у Горького при его таланте было не то смущение, не то замешательство при встрече с такими муравьями, как я или Ремизов.

Это прекрасная черта у Горького, это Горький не артист, а человек, это не Моцарт торжествующий, не Шаляпин, а Моцарт, смущенный необходимостью самоограничения.

<*На полях:* Сходить к Ценскому. В музей Горького.>

25 Января. Настала такая пора в любви, что когда прижмешься до того, что через тело чувствуешь душу, то как нечто неприятное принимаешь чувство из нижнего этажа. Как будто отчалили и уже издали смотрим на прежние берега.

Надо очень остерегаться слова «любовь», которое и раньше звучало многосмысленно, а теперь смысл и совсем потерялся.

26 Января. Юбилей общества любителей природы. Масса стариков (академик Зелинский 82 года, и у него 6-месячная дочь). – Жень-шень пьете? – спросил Семашко. – Да! – ответил я, – наш с вами Жень-шень состоит в том, что Вы с 14 лет семью содержали, а я... тоже кое-что могу о себе рассказать. – Верно! – сказал Семашко, – я в 14 лет семью кормил, а теперь в 14 лет автомобилем управляет... – Да еще об этом напишут и прославят, как героя.

Так мы, старики, судили, как во все времена все старики судили правильно. И вот откуда в наше время – гимназия и страх ответа на Страшном Судилище, а здесь при свободе пожалуйте в Красную армию.

Мой друг детства Николай Александрович Семашко, окончив Елецкую гимназию, поступил на медицинский факультет и сделался врачом. Профессия врача потом определила в значительной мере и его поведение: как врач он сделал много добра и, соединив с этой профессией революционную деятельность, сделался потом комиссаром и еще больше добра сделал как народный комиссар по здравоохранению. Я же после всяких колебаний выбрал себе литературу[21], и профессия писателя определила в значительной степени и мое поведение. Самое главное в этой моей профессии было, что она требовала всего человека, и совмещать занятие искусством слова и чем-нибудь еще для меня было невозможно.

Я это вначале пытался было делать, но однажды, записывая в книжечку мысли свои во время молотьбы, не доглядел за работой людей возле машины, и одна девушка чуть не погибла при подаче снопов в барабан паровой молотилки.

Поэзия чрезвычайно мешает всякому делу, – это яд всякого дела до тех пор, пока сама не сделается делом, поглощающим всего человека. Здоровье ли моей натуры, или, может, действительно настоящий талант, но я как только написал свою первую книгу «В краю непуганых птиц», то я весь в этом деле и все мое поведение определяется им, и если бы мне сказали: – А революция? – я бы ответил: – Моя любовь к делу моему.

И вот в 1906 году, когда вышла в превосходном издании моя первая книга «В краю непуганых птиц», мне под величайшим секретом сказали, что из эмиграции тайно приехал Н. А. Семашко и приглашает меня в такое-то место. Я не хотел бы идти, но не мог: не идти значило отказаться от революции, а идти значило быть непонятым: ведь даже и Пушкину было неловко с декабристами, а у меня разве оправдание эта полуэтнографическая книжка «В краю непуганых птиц». Как могу я ответить Семашке[22], чистейшему слуге революции, если он прямо спросит меня, – куда я иду.

Авторский экземпляр я все-таки захватил с собой и отправился. И все было неплохо, пока мы были в обществе, но добрая хозяйка[23], любившая и меня и его одинаково, уложила друзей в одной комнатке.

Заснуть бы, но Недремлющее Око в этом случае уснуть не дает.

Недремлющее Око спрашивает:

– Ты что же теперь делаешь?

Я отвечаю:

– Пишу.

– И это все?

– Да, это все.

– И удовлетворяет?

– Да, я хочу писать о том, что я люблю: моя книга посвящена моей родине.

– Нам не любить теперь надо, а ненавидеть эту родину.

– Елецкую родину и я ненавижу.

– Ты всегда был обывателем, разве я о Ельце говорю.

– Нет, я не обыватель, я только мыслю образами: моя родина не в Ельце, а в Краю непуганых птиц. Я верю, что она существует, что я люблю ее.

– А революция?

– Революция не любовь, а дело, моя любовь включает и революцию.

– Любовью все спекулируют.

– Тем труднее мне доказать. Поверь, если бы можно было сразу, как Рудин[24], я бы ни одного мгновения не задумался и оказался на мгновение на Пресне. Но делать медленно, организовывать, молчать, выжидать, копить в себе силу ненависти, молить неведомого бога о мщении, я к этому делу неспособен.

– К чему же ты способен?

– К такому же медленному накоплению любви в слове. Это тоже нелегко, еще, может быть, и труднее, но я к этому способен. Я это могу...

29 Января. В сущности, делалось то самое, чего и мы хотели, только без нас обходились, и мы огорчение свое за себя бессознательно переносили злобно на тех, кто действовал. На

этом пути и отбирались те, кто стоял за родину, и те, кто стоял за себя под предлогом родины и в сущности своей был неудачным претендентом на трон.

Я тоже стоял за себя, но не был претендентом на трон, и в том, что я искренно не хотел власти для себя, было мое спасение. Но чего же я хотел, если был против того, что делалось?

Конечно, я не сознавал тогда, за что я стою и за что я сержусь, я сознавал только одно, что в моем протесте нет у меня товарищей, что самые близкие, как Ремизов, написавший «Слово о погибели земли русской»[25], <*зачеркнуто:* Иванов-Разумник> стоят в глубине души не за то, за что я стою. Только теперь я могу разобраться в мотивах своего протеста, и только теперь меня поймут, если я об этом скажу.

Я был против самого дела; в то время как мне хотелось игры, я был против того, что делалось, и стоял за то, чтобы все творилось, как в студиях. Между тем я не был эстетом в собственном смысле слова, я был самым чистым ребенком, которому хотелось играть, а не делать, и не хотел понимать революцию как дело.

Мое дело, я сам, было в игре, в поэтической забаве словами и образами. Ни в коем случае я не был претендентом на трон, но я в глубине своей души хотел, наверно, отстоять в революции свое самостоятельное место как поэта. И вот этот детский или донкихотский протест, борьба как бы за физическую силу слова и влекла меня к внутреннему противодействию революции.

Вскоре ход жизненных событий, необходимость молчания образумили меня и заставили ждать. В этом молчании и ожидании мало-помалу только я понял, что делалось именно то, чего мы хотели и сами, только делалось не по-нашему, не как нам Хочется, а как Надо. И вот оно пошло все так, менялись местами Хочется и Надо. Но это не было раздвоение, как в царское время, на службу и личную жизнь: Хочется и Надо стали просто берегами жизни, как у реки: правый и левый берег, а река одна.

Моя полная уверенность была в том, что если мне удастся отстоять свое Хочется, то это и будет как Надо. Я не мог этого проповедовать другим, мало ли что кому Хочется! но я как,

помню, изгнанный гимназист[26] в глубине души сознавал, что Надо было изгнать меня, и в другой гимназии стал учиться как Надо.

Мало-помалу я приобрел полную уверенность в том, что живу и делаю как Надо, и моя борьба обратилась лишь против тех, кто подхалимствовал и говорил пустые слова и кто в глубине души в своем Хочется был претендентом на трон.

30 Января. Чего это я дивлюсь, что прежняя жизнь моя вдруг рассыпалась и не осталось даже и воспоминаний, – почему бы не спросить проще: да была ли жизнь у меня? Так вот и время до революции, – время ли это действительной жизни или время фантастических сновидений? (Учитель чистописания Постников.)

Лева прислал письмо: дурак капитулировал.

31 Января. Тяжино.

1) В 11 у. Лукину о сборнике. 2) Часы взять. 3) Громов в 1 ч. дня. 4) Проявить пленку, сходить к Рыбникову. 4) Начать сборы. Автоперо, чернила, бумага, лента, машинка. Завещание и доверенность. Дневники той поры. В Литфонде: гараж в Малеевке. Лейку починить. Бумага. Лента (Елагину). В «Гослитиздате» доверенность Ляле.

Феофан Яковлевич Черемхин прислал письмо, он понимает мой уход из дома и союз с Лялей как подвиг. А я, весь день раздумывая о письме этом, понял новую жизнь свою как начало подвига, как открывшуюся возможность подвига. В этом свете мне стало ясно, что все остается у меня на месте: я такой же труженик, как и был, и та же природа, те же собаки и все, только свет сознания прибавился и больше ничего; так бывают слова – из тех же самых букв складываются слоги, из слогов слова совершенно одинаковые и в то же время разного значения.

1 Февраля. Почувствовал на улице неохоту к устройству дачи, к фотографии, автомобилю, охоте и всякой технике, точ-

но, как Ляля, и точно, как Ляля, ощутил усталость от грубых людей, мужиков и захотелось общества только равных и природы без обязательств копать землю, сажать сады, строить дачи. В то же время я почувствовал, что, меняя свою «природу» на «духовную», я в этом не расту, что «так-то, мой голубчик Пришвин, жить легче, приятнее». Какие-то смутные упреки совести привели меня в разговоре с Лялей к намекам в эту сторону, и бедная моя подруга расстроилась. Я виноват в том, что причину слабости своей свалил на нее: ведь она меня любит, как никто меня никогда не любил, она стремит меня к духовному движению, она служит в делах моих, как служит самая любящая мать. Нет! я виноват. И я щекой своей небритой отер ее слезинки и целовал ее, а вечером на сон она меня целовала до тех пор, пока я не уснул.

Грудь как у 16-летней девочки, чуть заметные холмики с розовыми сосочками, – по груди совершенная Психея, хотя ей теперь 40 лет. А бедра ее и зад как стог сена вызывают желание у многих. Но стоит найти под одеялом ее ручку, как взволнованная кровь отливает: руки ее – это маленькие сухие косточки, а кончики ног всегда холодные, и кажется, будто это русалочьи ноги и дальше будет холодная вода... (Продолжать собирание материалов к портрету.)

2 Февраля. Алексей Николаевич Рыбников начал писать портрет Ляли в боярском костюме. Ездили прощаться с Бор. Дм. Удинцевым: операция (саркома левого глаза): гнусная серая опухоль с черными пятнами. После письма Ф. Я. Черемхина эти чувства к Удинцеву тоже приближают к единству состава хороших людей.

3 Февраля. – Родина! все мы теперь за родину на языке, а в существе? – В «существе» – можно для *некоторых* и вовсе обойтись без родины, но это не распад, почему? – Потому что родина – это перед людьми, а перед Богом... какой может быть разговор о родине, если там нет ни времени, ни места, где родина – вне времени и вне места. И так является свобода: – А тебе-то какое дело? Зачем тебе в это дело совать свой нос?

Я начинаю быть «добрым», т. е. не раздражать своих врагов, а говорить им приятное, начинаю бить снисходительным...

Это состояние очень похоже на приход в юности того первого понимания необходимости сдерживаться в споре и отвечать, помолчав, когда про себя говоришь: «ладно, помолчу, а там видно будет». Вот это «помолчу» и есть первая стена в укреплении своей свободы. Точно так же вот и эта «родина», разрешите мне воздержаться от разговора: вы говорите, а я, старик, помолчу.

Разделение нас всех неминуемо, но оно должно приходить изнутри и само собой, а не извне быть навязанным обязательством. Истинная свобода и состоит в этом самораспределении, самообразовании... Мы только ведь об этом и спорим теперь, и в этом вся наша война: я хочу быть самим собой, литература для меня есть мое самоопределение, а для них это есть «Бонапарт», им нужно, чтобы на этом пути не возник «Бонапарт» и вообще самовольник. Возможность самопродвижения в этих условиях – это очень точное знание условий необходимости.

Из таких условий сейчас первое – это родина и отечество.

В чувстве природы таится моя родина, в делах моих определяется отечество.

<*Приписка:* Проще говоря, все мое странничество, вся моя охота исходят из моего чувства родины, а собрание сочинений моих – это мой паспорт в отечестве.>

Природа как исходная точка художника и как первичное выражение чувства родины. То и другое определило мое поведение в отношении к русскому слову, и теперь у меня возникло желание пересмотреть начальные годы моего писательства (1905–1914) с точки зрения поведения, вытекающего из сердечного отношения своего к искусству слова.

<*Приписка:* Одним словом, мне хотелось бы представить свое искусство как поведение, как путь из родины в отечество.>

А революция? Я могу доказать, что весь мой юношеский марксизм родился во мне из чувства родины путем замены на-

стоящего будущим. Нельзя было признать свою родину как данное, мы должны были к ней прибавить свое усилие, и вот, когда сделаем, до тех пор нельзя ее признавать как данное, т. е. жить в ней для себя лично. Вот когда мы совершим пролетарскую революцию, после этой мировой катастрофы мы получим настоящую родину, и в ней определится возможность жить не для будущего, как теперь, а быть самим собой.

Если хорошенько разобраться в этом плане движения, то он оказывается очень здоровым планом, естественным движением каждого живого человеческого существа. Правда, каждый же рождается от матери-природы и этим связывает себя в чувстве родины, каждый, выходя из родины, стремится расти и своим творчеством чувство родины превращает в отечество.

Ввести в «Начало века» себя как Адама, которому необходимы три десятины земли. Начать со свидания с Семашкой: Он: – Вы марксист. – Согласен. – Социал-демократ? – С удовольствием. – Чего же еще, действуйте. – Не могу, кроме всего этого я Адам, выгнанный из рая, Адам с заповедью работать над землей, но земля моя занята. Мне нужно всего только 3 десятины. Поглядите на массу людей нашей родины: все они бродят в поисках земли, спросите большинство из них: – Сколько надо? – и большинство ответит: «Всего три десятины». Вот я такой Адам и без земли жить не могу. – Вы обыватель! – В том смысле обыватель, согласен, что я мыслю образами, а вы не обыватель, – вы мыслите, допустим, понятиями. И вы можете от идеи прямо идти к делу: вас идея обязывает. А у меня не идея, а образ, и от образа к делу нужен какой-то люфт, срок или площадь в три десятины.

Умными люди не от книг делаются, но мы, ребята, комсомольцы XX-го века искренне верили в книги и очень много читали. От этого чтения взамен переживания собственная личная мысль попадала в чужую, как вкусная рыбка в железную консервную банку. Вот и мне было, когда я бросил все надуманное и стал заниматься только тем, что мне свойственно, будто вскрыл консервную банку, в которой был заделан мой талант к словесному искусству. Мне было, как будто пришла ко мне моя

желанная возлюбленная, которую я когда-то упустил, и я стал разбирать, почему я ее упустил; и когда понял, то обещался в этот раз уже не упустить и сложить свое поведение так, чтобы на этот раз эта возлюбленная на всю мою жизнь стала моей спутницей жизни.

Неужели же правда, что этот образ, который сейчас я даю на бумаге, люди усвоят себе и станут с ним жить, и он будет определять поведение многих...

Есть вещи и явления, названные кем-то когда-то и потерявшие в движении времени смысл своего имени. И вот весь труд писателя, бывает, сводится к борьбе за настоящее имя тому, что все знают и называют именем, потерявшим всякий современный смысл. В таком-то смысле я и требую от настоящего писателя, чтобы он был *современным,* а из имен, требующих раскрытия в отношении современности, это прежде всех слов *любовь.*

Дереву назначено стоять на корнях и расти вверх, животному двигаться, человеку же и стоять, и расти вверх, и двигаться, и особенно, как человеку, обнимать все сущее сознанием.

Нет, я не на корабле плыву в океан. Там на корабле есть и компас, и руль, и на всяком месте определяются с помощью звезд. Здесь же на моем пути только тропа, по которой шли люди один за другим. Не в океан я плыву, а лесною тропою иду в свое отечество в строгом согласии с теми, кто выбил своими босыми ногами эту извилистую тропинку. За то я так и люблю эти лесные тропы, что они отвечают внутреннему и непостижимому для полного сознания согласию с какими-то настоящими, определяющими движение людьми. Это чувство было у меня с колыбели, и мои бунты и мои открытия имели значение не больше тех исканий, на которые обречен путник, потерявший тропу.

5 Февраля. Мое рождение.

С утра удивительная картина древнего творчества любви... Я почувствовал, что только этим единством (любовью) мож-

но одолеть окаянство единичной воли, что наш коммунизм («внешний двор») и отличается от этого своим «материализмом», включающим веру в разум, способный найти «технику» осуществления любви независимо от доброй воли любящих.

8 Февраля. Определяю ошибку богоискателей и сектантов: у одних философия и поэзия подменяли веру, у других была вера, но не было свободы разума (философии и поэзии). Первым не хватало силы «отвергнуться» от себя (поэзия), другим силы «отвергнуться» хватало, но не было такой силы сознания, чтобы сделать свое богатство понятным, полезным и доступным для всех.

Между тем историческое настоящее таило в себе сокровенную задачу единства сознания и веры, осуществляемого прямым действием. Все сознавали, что это осуществит революция, но каждый не мог принять ее без себя и определял праведность революции признанием ею себя.

– Вы революцию ждете? – спросил я Мережковского.

– В ближайшее время, – ответил он.

(Записаться в партию эсеров[27].)

«Капернаум»[28] и я в нем изобретаю себе второго Адама[29].

– Вы на какой платформе?

Я смутился.

– На христианской или языческой?

– Сам не знаю, – ответил я.

– Ну, конечно, на христианской, – [поддел] Ремизов, – он ведь охотник и только из-за этого не хочет в христиане.

– Будет смеяться, – сказал я.

И рассказал Вяч. Иванову очень искренним тоном о своем втором Адаме и что я *землю* ищу.

– Это искренно, это не придумано?

– Очень искренно, – ответил я, – дайте мне мою землю, и я буду выполнять все заповеди, и тогда я буду иметь свободу разговаривать о всем, что вы хотите. Я – второй безземельный Адам.

Вяч. Иванов взял меня под руку и подвел меня к известной Анне Рудольфовне Минцловой, как я после узнал, великой ок-

культной подвижнице и пророчице. Это была женщина лет 45 с крупными чертами лица и сама крупная дама. Она пила за столиком сельтерскую воду и предложила мне тоже этой воды.

– Вы расскажите о втором Адаме, – сказал Вяч. Иванов.

И ушел. Я же постарался рассказать так, будто действительно от этих трех необходимых мне десятин зависела вся моя вера: я работы ищу.

– А то что это, – говорил я, – все говорят о Боге и ничего не делают, пишут стихи и не верят в них как в оправдание. Я, посмотрите на меня, человек здоровый и здоровье люблю, я хочу оправдать себя.

Она молчала. Стало тягостно. Я спросил:

– А вы что думаете сейчас о моих словах?

Она взяла мою руку, пожала руку так, что у меня по руке побежали, казалось мне, точно так же, как в стакане сельтерской воды, пузырьки.

– Вы нам близки, – сказала она.

Глава «Черный араб» о том, как я вырвался на свободу[30] от богоискателей и от «Русских ведомостей». Изобразить страсть мою к земле.

При моем первом свидании с Горьким[*] в Финляндии меня поразило лицо – фотография, особая тема.

В первый раз, когда я встретился с Горьким и говорил с ним долго в обнимку, из всего нашего разговора больше всего мне дало его признание о литературном искусстве как о *выходе*. – Понимаете, понимаете, тут для нас с вами выход, именно выход...

Вот только не помню, рассказывал ли я ему подлинно о своем безвыходном 2-м Адаме или же он после своего рассказа о тьме русской жизни рассказал про свой личный выход. Но меня этот «*выход*» поразил, и я перевел этот выход на своего 2-го Адама в том смысле, что раз тебе дан талант, то это тебе дан выход не в литературу и славу, а выход из положения 2-го Адама. Кончить: имение нужно продать. Литература как земля,

---

[*] Это произошло в 1913 г. в Финляндии.

как единое дело. Понимаю, почему после восторгался Горький моим выражением о физической силе слова.

Выход Горького, мой – но почему Ремизов «не выход», если он пуще нашего трудился над священной землей?

Вот почему: Ремизов стал против революции и через это стал несовременным. Каждая девочка даже смутно чуяла в революции какую-то правду, а Ремизов остался без притока жизни в слова. Довести до «Лакея Горького».

9 Февраля. Передумываю этого Адама в себе (т. е. страдание за то, что у всех есть, а у тебя нет) и сравнивал с тем, что было у Ляли. Детство ее – с Богом, страдание с людьми и удовлетворение, дающее возможность возвратиться к Богу в пустыню. Происхождение моих «птичек» – это пустыня[31].

10 Февраля. Оккультные знания как рационализация религиозного сознания. Среди сторонников темного православия с Нилусом есть убеждение в том, что Троцкий был антропософом.

Читаю «Анну Каренину». Только теперь понял это место, где описано «падение» Анны: оно показывает, что Толстой не знал настоящей любви и толковал в этой сцене любовь по церковно-библейской традиции. В нашем опыте с Лялей Толстой выходит вместе с Александром Васильевичем.

Так что тема моя теперь не лес, а любовь. Начинаем с Толстого – и к Горькому (бабушка)[32]. И вот где «Хочется» и «Надо».

<*На полях:* Найти «Детство» Горького, посетить Музей Горького.>

11 Февраля.

Решение «Гослита» об издании моего однотомника откладывается до 15 Марта. Значит, и постройка дачи откладывается. Написать Громову.

С. А. Цветков похож на человека, вставшего из гроба без всякого личного желания и с холодным вниманьем вокруг[33].

М. А. Новоселов вливал толстовство в православие[34], это должно было придавать православию действенность.

Принес ли Горький своим вмешательством в общественную жизнь какую-нибудь пользу литературе или навредил? Принес ли пользу или навредил, – все равно: значение Горького заключается только в его художественных произведениях («Детство»).

Так все равно и моя сила состоит в отстаивании своей пустыни, а не в прямой деятельности для человека. И Толстой так, и Гоголь, и так все эти крупнейшие люди отдаются внешнему Надо.

Я сто раз клялся не отдавать первенство за чечевичную похлебку и не отдам.

Надо решить вопрос, возможно ли в такой же серьез, как я пишу о какой-нибудь синичке, написать и о Горьком, и если да, то определить ясно, в чем этот «серьез».

По правде говоря, Ремизова (как и Белого) нельзя читать без тайного подозрения в себе: «а не издевается ли над тобой автор?» Это чувствует каждый имеющий открытый слух к русской речи. Так, наверно, во время *оно* чувствовал себя и живой сказитель, читая ложно-классические вирши.

Ляля сказала вчера: «Неужели не будет мне милости за то, что меня любили такие замечательные люди, как Олег, Новоселов и Михаил Михайлович?»

Коренное свойство Ляли есть то, что она находится в вечном движении, что она смертельный враг всем коснеющим формам. С ней всегда интересно, она всегда в духе, если только ты сам движешься вперед. В ней есть та возрождающая сила, которая вела вперед Ботичелли в борьбе его с Савонаролой[35].

12 Февраля. Знакомство с учеником своим Кременецким.

Из жизни Р[емизова] за границей: «вот все, что мне осталось от России». (Вставить в «Начало века».)

В Музее Горького: мы встретились с ним в 1913 г. в Финляндии. Смотришь на этот музей и думаешь о себе живом: наверно, со стороны и я так же сер и приплюснут, как Горький в этом музее. Огорчился, впрочем, что нет моего портрета в музее, вспомнилась вся эта моя пустынная жизнь во время советского развертывания Горького. Перекликнулось со 2-м Адамом эпохи богоискательства. И стало грустно: вся моя долгая литературная жизнь прошла на задворках где-то. Даже какой-нибудь Гладков и то снимается с Горьким, и в его жизни есть момент, когда он чувствовал себя в обществе, в центре жизни. Я никогда, я всегда был вторым Адамом, которому не хватало земли, чтобы выполнить заповедь Божью, чтобы жить как все.

– А я, – ответила мне на это Ляля, – разве я-то не есть эта твоя желанная земля, которой ты искал, ждал, и разве не все теперь у тебя, и не счастливейший ли ты человек. Вспомни прошлое, до революции, ты тогда только начинал, и нельзя же было тебе равняться, напр., с Блоком! а в советское время ты же сам отказался от работы с Горьким. Нечего тебе грустить, напротив, надо Бога благодарить за свою счастливую жизнь. Я бы тебя, напротив, упрекнула в излишней чувствительности к мнениям и действиям со стороны. Такая зависимость и для всякого унизительна, для тебя же прямо позорна: у тебя же я, и ты стоишь перед вечностью. Люби меня и считай, что на земле у тебя это самое главное.

Чуть шевелясь, заводится замысел о сюжетной кавказской повести о любви.

Музей Горького вызывает в воображении окраинный завоеванный кусок земли, жизнь населения на котором из-за какой-то идейной необходимости подавлена и сведена до предела нищеты. А еще больше этот музей похож на беломорскую «куйпогу»*, т. е. обнажение морского дна во время отлива: было море, был разлив, а теперь что? Какая-то иллюстрация к идее совершенной пустоты земной славы и совершенного бездомья: как будто Горький для того только и жил, чтобы устрои-

* Куйпога – состояние воды между приливом и отливом.

лась горьковская канцелярия. Вспоминается Бетал[36], который в Обкоме устроил себе спальню, повесил трапецию, а залу заседаний превратил в свою гостиную и кабинет. По Музею, путь Горького был обратный: в канцелярию!

13 Февраля. Был у Бонча и вел разговор о «Начале века». Вот люди, показавшие пример обратного компромиссу. Это были рабочие, прозревшие от предательства Гапона («веки поднялись»)... родилась мысль о том, что Бог спит, а если нет Бога, то человек должен надеяться только на себя: Бог есть «резонанс»[37].

Из этого выходит, что и религия есть лишь резонанс человека, а действительность есть нравственные отношения между людьми.

У Щетинина «мудрость» состояла в том, что он берет на себя грех мира: он, его личность, которая собирает личные желания для своекорыстного их использования: он паук, но сознательный: он пьет все личное, частное, пьет «физическое», он потребляет едомое, а неедомое, душевное, духовное, то, что, как воздух и вода, способно сливать в единое все свои капельки, это им остается, и в этом единстве рождается имя человека (рожденна, несотворенна: «вы все сотворенные, тварь, мы рожденные»). Из этого слияния капель, т. е. существ «рожденных», и получается та особенная нравственность, через которую, как через увеличительное стекло, видны все пороки людей.

А если Человек заменил в мире Бога и все Божье взял на себя, то, значит, он и стал человекобогом, а не богочеловеком. Для человекобога религия, искусство лишь «резонанс» и больше ничего («и я делаю ему реверанс»).

Чающие и обещающие[38] (Легкобытов чающий, Щетинин – обещающий). «А вы все (деятели искусства) шалуны, вам надо броситься в наш чан[39], и вы воскреснете вождями народа». Среди шалунов описать Бонча как представителя партии большевиков, строящего «внешний двор». – Нам по пути, – сказал Легкобытов, – вы будете строить внешний двор, а мы внутренний.

Их трагедия была в том, что они, чувствуя глубоко свою правду, не могли найти слов, чтобы сказать ее всем... (быть универсальными). За тем они и шли к интеллигенции и отдавались Бончу <*позднейшая приписка*: принимая его за великий сосуд учености.>

И сейчас мы можем принять их за богочеловеков, т. е. сделать их универсально-современными, если примем, что «Бог», о котором они говорили в 1905 году, есть и для нас «резонанс», а заместитель его, называющий себя «человеком», есть бог (т. е. то, что Блок называет в «12-ти» «Христос»)[40]. Иначе сказать, миссионер, спорящий с сектантом, более ошибается в Боге, чем сектант. И если так посмотреть на Всего человека, о котором говорит интеллигенция, то этот человек, может быть, и окажется истинный Сын Божий, пришедший в мир для его спасения, и распятый, и воскресающий. И что «человек» Горького тоже есть сын Божий («а Бог есть звук»).

Вот в том беда писателя в России во время революции: искусство становится в отношении к жизни как «резонанс».

Все вращается на свете вокруг себя и вокруг чего-нибудь, и только одна мысль человека не вертится, а чертит прямую[41]... и тем отличается человек от всей природы.

– Рассказать вам, как я в это чучело поверил?[42]

«Любите врагов» – в смысле диалектики: Савонарола и Ботичелли, – Ботичелли должен любить Савонаролу, не будь Савонаролы, так был бы не целомудренный Ботичелли, а распутник.

Договор Щетинина с Легкобытовым: – Я твой раб и все отдам тебе и всю твою мудрость возьму себе.

Процесс уверования есть «сознание необходимости», а «осознанная необходимость» порождает свободу. Вот почему «уверенный» (верующий) обладает свободой.

Ляля питает к попам враждебное чувство и переносит их, как переносит живая река свои неподвижные берега: она именно переносит их не в смысле терпит, а как живая вода, протекая, старается размыть берега и перенести их в другое место. Церковь непременно и состоит из таких элементов, как в реке текущая вода и неподвижные берега. В этом смысле и коммунизм разделяется на «Внешний двор» – берега и «Внутренний» – живая творческая вода. Вот мы теперь и ставим вопрос великий и страшный: не есть ли теперь историческая наша церковь лишь берега реки, и не стал ли в церкви живой водой коммунизм в его глубоком смысле[43] (не только «Внешний двор»).

14 Февраля. Был Громов и Коноплянцев. На мои слова: «Не перехвалить бы Горького», Громов сказал: – Горького нельзя перехвалить. – А Коноплянцев стал бояться умаления мною значения богоискателей (эпоха в отношении искусства сильней эпохи Пушкина). Ляля возражала тем, что эпоха действительно красными словами очень сильна, но эти слова не связаны ни с каким поведением. Это была эпоха упадка, и лучшим было предчувствие гибели. На этом фоне упадка единственным бодрым человеком в искусстве слова был Горький. – И Михаил Михайлович, – сказала она, – примыкая к нему, хочет начать возрождение[44].

Я спросил Лялю: – А может быть, это русское отступление от Бога к Человеку и сам Человек, включающий в себя Бога, более религиозно и в существе своем более церковно, чем сама официальная религия и сама церковь? – Конечно, – ответила она, – я об этом давно говорю. – И большевизм?

NB. Возможный ответ: – И большевизм, поскольку в нем содержится… большевизм есть морена, конгломерат элементов самых разнозначащих, собранных движением Ледника[45].

<*Зачеркнуто:* Мать моя была до того уверена, что наша жизнь в существе своем есть великое благо, что на несчастьях и на плохих людях не останавливалась.>

Мои знакомые. (Воспоминания и переоценка.)

Мать моя была человек до того здоровый и радостный, что на несчастьях и на плохих людях не любила надолго останавливаться. Зато ничего, кроме хорошего, о ней не говорили, и только люди, постоянно страдающие душой, совсем хорошие, тонкие люди потихоньку про себя не причисляли Марью Ивановну к людям морального сознания. В детстве я это умел подслушивать и всегда про себя стоял за мать и в тайниках душонки своей дивился несправедливости: мать моя на всех нас работает с утра до ночи, всегда помогает всем, кто к ней обращается, всех выслушивает, всех, выслушав, будоражит своими нравственными выводами, <*приписка:* или совет давала> – так почему же такой-то человек и не имеет нравственного сознания?

Слов, конечно, как я теперь говорю, тогда у меня не было, но смысл был такой, и в этом же роде был и ответ мой: «мать моя так богата радостью, что другие хорошие же, но более бедные люди ей завидуют и бедность свою возмещают якобы более глубоким моральным сознанием». Теперь, когда я, столько лет стоявший безотчетно на стороне матери, вынужден более внимательно отнестись к тем, кого считал тогда «бедными», готов упрекать мать не за ее радость жизни, а только за несовременность ее выражения.

Современным тогда было страдание <*приписка:* не радость>, на которое люди шли за человека (убийство царя Александра II). Современным тогда было именно страдание, и на этой почве вырастали такие писатели, как Глеб Успенский, вызывающие в среде читателей и соответствующий образ поведения: сострадание. Я это до того понимал, что любовь свою к матери соединял в себе с чувством радости жизни и, слыша вокруг себя тонкое осуждение этому как неморальному состоянию души человека, старался любовь эту на людях не выставлять и, притаивая, искать бессознательно ей оправдания.

И так мать моя, в то время человек несовременный, как бы поручила мне чувство свое к ней оправдать своей жизнью и сделать сокровенную сущность ее природы, радость жизни, чувством современным.

Так вот и возникла задача всей моей жизни – сделать так, чтобы образ поведения своего построить не на страдании, а на радости.

<*Зачеркнуто*: Постепенно любовь моя к матери перешла в чувство родины, и моя мать-человек стала матерью-землей.>

Поэтическое чувство природы, которое, как все говорят, лежит в основе моих сочинений, вовсе не было свойственно мне с детства. Тогда я любил только мать свою. Но она была недоступна мне, потому что с утра до ночи работала на Банк, и ей было не до нас пятерых. Я очень любил ее как мать, но не как личность. Черты ее энергичного, загорелого до бронзы лица для меня не являются чертами человеческого лица, отделяющими человека от природы. Ее черты для меня были похожи скорее на межевые черты нашего сада, за которым были поля беспредельные. Из всего этого великого мира лицо моей матери было только доступным для меня, благодаря которому я мог все любить.

Вот почему, только когда постепенно я начал терять свою мать, у меня начало пробуждаться чувство природы, и только когда она умерла, это чувство открыло мне, что через мать свою я любил весь мир, и вот почему теперь мне все равно, какую землю описывать, ту ли, где я родился, или на которую только взглянул: вся земля мне стала родной.

Этот переход от матери-человека к матери-природе я могу проследить прямо на ощупь. Мать моя любила сады насаждать, а я любил воровать яблоки и груши, – с этого началось и перешло в мою агрономию[46], потом в этнографию, а дальше в поэзию. Наверно, я оттого и бросил свою агрономию и перешел к поэзии, что искусство слова больше могло вместить в себя той радости жизни, которая была свойством моей матери.

<*Зачеркнуто*: Как вот теперь я сделаю над собой небольшое усилие и восстановлю в памяти черты моей матушки, то эта женщина и встает даже из гроба личностью.>

Теперь стало так все понятно, что радость жизни, свойственная моей матери, перешла у меня в чувство родины, а потом это чувство при посредстве искусства стало чувством природы. Еще я понимаю теперь, что если в чувстве природы таится мое чувство родины, то в делах моих, направленных к оправданию материнской радости жизни, определяется отечество. Проще говоря, все мое странничество, все виды моей охотничьей ра-

дости исходят из моего чувства родины, а собрание моих сочинений – это мой паспорт в отечество.

Максим Горький в своих письмах не раз называет меня в каком-то очень хорошем смысле человеком упрямым. Да, я был на редкость упрямым в отстаивании необходимости для людей радости жизни. Все мои рассказы, повести, романы, поэмы посвящены одной теме: радости жизни.

<*На полях*: Страдание мое должно быть средством для достижения радости, но не целью же! А у них так выходило, что мы все живем на земле для страдания.>

Феофан Яковлевич – демонстрация разрыва с культурой. И разорвать нельзя с культурой (церковью), и нельзя в ней пребывать[47].

15 Февраля.

Если писать о человеке, то надо спросить себя, – о каком это человеке: о том ли, который в себе самом движется мучительным путем вперед, или о том, для кого ты работаешь (ближний).

Писать о своем внутреннем человеке – это значит писать о страдании, потому что самому в себе нельзя быть довольным собой.

Если же писать о другом человеке, то это значит, свое страдание переделывать в радость. И так оно само собой выходит, если вырвешься из мучительного плена своего одиночества: не только человеку, но и веточке, букашке обрадуешься, и в этой козявке, в этих трепещущих листиках увидишь весь мир так, будто он представляет собой кладовую драгоценностей.

Я мальчишкой замечал это в своей матери, когда меня она не видит, а я уже проснулся и молча слежу за ней в дырочку алькова, разделявшего в комнате ее половину и нашу. Какая странная она бывала одна, какая-то смутная, лоб наморщен, думает-думает и вздрогнет. А когда высунешь голову к ней, она вдруг обрадуется и засияет, совсем будто солнце взошло.

Значит, она тоже была такой же, как я теперь живу и работаю: в себе все очень трудно, а выйдешь из себя и обрадуешься.

Чего же тогда много думать об искусстве как образе нашего поведения? Все поведение художника должно быть таким же, как у всякого живого существа, создающего бесспорные ценности. Это поведение состоит в поисках выхода из неизбежного страдания[48].

Так вот, когда стало мне очень тяжело, я вышел из себя, и когда вышел и оглянулся кругом, обрадовался.

Так происходило во мне внутри, а снаружи было – я бросил все, взял котомку, палку и пошел[49], как это и с Горьким было, странствовать по Руси.

На родину свою я тоже, как на мать, смотрю в дырочку алькова и вижу ее страдания. А когда мне становится невмоготу, я надену на себя котомку, выгляну, и тогда она мне, как мать, улыбается, и душа моя, выбравшись на волю, расширяется.

<*Зачеркнуто:* будто по лесной темной тропинке вышел на большую степную дорогу в полях и над головой поет жаворонок.>

16 Февраля. Была Зина, были с ней на «Хованщине»[50]. Ляля не выносит изображение в операх русской народности. Это ее каприз. Зина подала мысль представить богоискательство как *измену родине*. (Надо подумать.)

Люди смеются...

Юмор – это орудие в борьбе с пошлостью. Вот почему в мещанском обществе смеяться нельзя...

18 Февраля. Работа Рыбникова над портретом[51] движется хорошо. А впрочем, все хорошо.

19 Февраля. 28 – 19 = 9 дней до отъезда. Дела: 1) Четверг 20-го: Завещание, и Литфонд, и бумага, и проверка денег, и для путевки. 2) Заказ шофера Дмитриеву. 3) Взять фото.

Удачливый советский писатель – это кто к советской действительности вовремя сумел стать в бесстрастное отношение. Неудачливый – кто вовремя не сумел отойти, претерпел

неудачи, и потом, когда и рад бы оставаться, как удачливые, в отношении гражданственности бесстрастным, нравственное питание таланта его прекратилось. В большинстве случаев таланта-то и вовсе не было или он был так слаб, что сломился. Тут-то вот и бросить бы и определиться в чем-нибудь другом, но перед слабым человеком вставала «объективная причина»: ему казалось, что не в таланте дело, а в том, что время было против него. А мне казалось всегда, что препятствия времени именно и являются испытанием личности и если ты не мог перепрыгнуть через препятствие, то вини только себя <*приписка*: а не ссылайся на «объективную причину»>.

Много раз я был у конца, и даже, можно сказать, все советское время жизнь моя протекала в настоящем чувстве конца (замерзнуть бы или сгореть), но конечное чувство радости жизни удерживало меня, и потому я хватался за радость и все советское время писал только о радости.

Смутной верой питалась жизнь моя, и когда все вокруг рушилось, эта вера окрепла, очистилась и привела меня к другу. Тогда неожиданно оказалось, что я вовсе не горбатый, каким всегда себя чувствовал, а такой же прямой, как все нормальные люди, и утвердился в том положении, в каком находятся все хорошие люди.

20 Февраля. Осуществлено завещание у старшего нотариуса на Мясницкой.

Вечером с Рыбниковым (жена: Любовь Фед.) были на «Кармен»[52]. Максакова показалась тяжела для Кармен.

Бывает любовь от щедрости – много дано и через край переливается. А то любовь бывает и от скупости: живет человек очень скупо, будто сундук у него есть особый, и он туда все складывает, а сам не ест. Но приходит час, и сундук открывается: душа, ешь, пей и веселись! – и это тоже любовь. А то бывает, для себя от жизни остается только боль, и эта боль собирается, собирается и вдруг сразу вся перешла в страх за жизнь другого, а себе стало хорошо, и вот это хорошее есть тоже любовь.

Эта женщина ходила всегда наполненная желанием любви и ждала только случая, и когда случай пришел, все удивлялись:

такая женщина и пошла за такого мизгиря во всех отношениях. А между тем так всегда, потому что любовь в душе, как в груди молоко: напирает, напирает, только подставь губы и пей.

21 Февраля. Взяли путевку в Малеевку на 6-е Марта, и я радуюсь, что разлука наша еще на неделю отсрочилась. Никогда не думал, что способен на такую любовь: ведь все мои забавы отпали как ненужное.

22 Февраля. В работу вошла «Обезьянья палата»[53]. Вспомнилось, как люди (все, все!) радовались свержению царя. («А я не обрадовался и на улицу даже не вышел», – сказал Ремизов.) Я же радовался (хотя и чего-то боялся). – Ну почему и чему я обрадовался? Распалась Кащеева цепь как нечто вечное, неминучее, неизбежное, все вместе «царь», и теперь жизнь «без этого». Явилось то самое, чем весна света поднимает нас, о чем шумит весна воды и шепчутся потом зеленые листики. Вышел на улицу: все так. Набережная покрыта людьми, и такое легкомыслие у всех в глазах. По телефону голос Разумника: «Только не верьте ничему: вся эта радость кончится кровью». Откуда он знает?

– Скажи, Ляля, почему я не знал? – Потому что, – ответила она, – ты знать не хотел: тебе мало знать, тебе знание нужно было из сердца достать, у тебя женский ум.

Я живу достоверностью сердца, где таится самая сущность всего преходящего в бессловесном сознании. Искусство мое состоит из чередования удачных и неудачных попыток заключить эту достоверность сердца в слова разума.

«Умный пьяница» – это неудачник, усмирявший обиду свою теми средствами, которые рекомендуются Отцами Церкви. Он принадлежит к типу русского человека, утвержденного в чем-нибудь и пришитого в утверждении своем гвоздями железными к дубовой доске.

Наша задача – отвлекать их внимание от искусства, чтобы они в нем не наделали беды: к искусству они находятся в том же соотношении, как неподвижные береговые камни к теку-

щей воде («Философия общего дела» Федорова[54], <*зачеркнуто:* ленинизм>, разного рода избачи, жилотделы, сектанты, ортодоксальные церковники, наша страна кишит такими камнями) <*зачеркнуто:* и на них-то когда-нибудь и утвердится настоящая, незыблемая власть российского государства>.

Вспомнилось из прошлого года, когда я заикнулся о необходимости одиночества как условии творчества, и это она поняла, что любовь к ней противопоставляю любви моей к искусству (свое дело, свою карьеру, т. е. хочу эту любовь к ней сделать не целым своим чувством, а частью). Тогда она заставила меня понять и принять всепоглощающую силу любви. Но после у нас тот же спор принял иную форму, мы рассуждали о Боге: я понимал Бога в рисунке мира, она в любви и говорила мне, что страдание разлучило ее с тем детским пониманием Бога, о котором я говорил.

У меня ночью зачесался кончик носа, но я боялся шевельнуть рукой, чтобы не разбудить. Самым тихеньким шепотком я спросил: – Ты не спишь? – Нет, – отвечала она, – я не сплю, думаю. – О чем же ты думаешь? – Помнишь, прошлый год на прогулке в лесу мы увидели серую лошадь. – Помню, она стояла, а молодая гнедая лежала, и серая, склонив голову, лизала и почесывала гнедую. – Ну, вот, помнишь, хорошо, а я сейчас думаю, что у людей как это трудно: только святые достигают того, что просто дано этим животным. – Но, может быть, у простых сердцем людей, как у животных, тоже бывает без всякого подвига? – Для этого надо быть простыми, – сказала она. – И простота может быть именно в том, чтобы не думать о подвиге. Вот почеши-ка мне нос. – Мы смеялись и радовались и были совершенно, как те две лошади в лесу, гнедая и серая.

23 Февраля. Друзья мои новые, встречаю вас, приветствую и приношу на ваш суд эти удостоверения сердца и посильные домыслы моего сознания.

Вы пришли на смену нашего поколения, и вам дана власть суда, но я, взращенный временем, которое вы призваны судить, счастлив сказать вам, что и в моей душе последние сроки пле-

на моего времени истекают: умерли почти все, кого я любил и кого ненавидел, и я, как ваш современник, тоже по-своему сужу и переоцениваю прошедшее. Значит, друзья мои новые, я тоже участвую и сижу с вами за одним столом в суде времени, который совершается помимо отдельных наших желаний и отдельных воль.

Да, конечно, мы вместе сидим, за одним столом, но вы, сами не сделав еще в жизни ошибок, можете приступить к суду с чистым сердцем, я же, сознавая свои ошибки в прошлом, не могу приступить к суду этому, не осудив прежде всех себя самого.

Я осуждаю себя прежде всего за то наблюдательное спокойствие художника, с которым я проходил через нашу суровую жизнь. <*Зачеркнуто:* Надо бы вовремя положить душу свою за други, как это сделали миллионы моих современников, но я душу свою укрывал и берег.> Положа руку на сердце, я могу сказать, что в поте лица, как Адам, обрабатывал свою землю, не соблазняясь никакими внешними благами, но я проливал пот свой в труде, а не кровь, как сделали это миллионы моих современников.

Было бы мне очень плохо, и я, наверно, не осмелился бы взять голос на этом суде, если бы я ради сохранения души и жизни своей сознательно шел бы на сделки с совестью. Нет! мое сознание всегда упиралось в какую-то изначальную несправедливость, сделанную кем-то при самом моем сотворении. Я всегда, с малолетства принимал с благоговением и переводил на себя самого проклятие изгнанному на землю Адаму в поте лица своего добывать хлеб насущный, доколе... Вот это чудесное «доколе» с детства светило мне через жизнь маяком в том смысле, что мученью моему когда-то все-таки будет конец. Но когда я вышел из детства и оглянулся вокруг себя, то увидел, что при общем положении русского человека просто даже и непристойно удовлетворяться старой заповедью о работе на хлеб насущный в чаянии грядущего «доколе».

Странствуя по родной земле, я всюду встречал этого Адама в поисках земли, на которой он должен бы выполнить заповедь о работе на хлеб насущный в поте лица. Вокруг лежала земля в

необъятных пространствах, но вся эта земля была неудобная, а удобная земля была вся занята, и на ней была теснота. Странствующих в поисках удобной земли было так много, и душа у них была отличной от старого Адама с его древней заповедью. Казалось, будто это народился уже второй Адам, обвиняющий самого Бога в том, что он лишил его самой возможности выполнить заповедь о хлебе насущном.

Всю свою юность я сам, лично задетый этой несправедливостью, соединял свою судьбу с судьбой этого второго Адама и вместе с ним искал себе нравственного выхода, и этот выход был один-единственный, – <*зачеркнуто:* положить душу свою за други> в общей борьбе за жизнь пролить свою кровь.

Но случилось, на пути моих страданий за дело Адамово во мне самом, мой личный талант явился перед моими глазами, как плодороднейшая, невозделанная, никем не занятая земля. И вот я тогда почувствовал страстное желание и необходимость лично для себя в поте лица вырастить сад на этой земле такой же прекрасный, о котором только мечтал второй Адам. Я знал тогда всю правду второго Адама и всем разумом оставался с ним, но душа моя была обращена в сторону создания для людей какого-то возможного прекрасного образа жизни. Все мое поведение было отдано на создание этого образца, и когда пришло время <*зачеркнуто:* положить душу свою> пролить кровь свою за дело второго Адама, я, виноватый, смотрел на его борьбу, а сам для этой борьбы не мог уже найти в себе силы.

Да, все мои силы отданы были на возделывание земли своей в поте лица: <*зачеркнуто:* я пот свой пролил, но не кровь>. Когда же в борьбе определилась победа второго Адама и священной обязанностью его стало оборонять добытую землю, обрабатывать ее, украшать садами и цветами, я стал показывать образцы, созданные своим трудом, и образцы мои были зачтены и поставлены в мое оправдание.

<*Зачеркнуто:* Но я с этого и начинал, с этого суда над самим собой: при всем страстном желании я не мог и не сумел положить душу свою за други своя.> Так можно ли теперь упрекать себя в том, что во время борьбы второго Адама я нашел лично для себя особенный путь в той же самой борьбе?

На это я отвечу только, что как можно осуждать человека, если он не дезертировал с фронта, а внутренние его особенные способности определяли особенный личный выход из положения...[55]

Но когда меня поймут и оправдают, я сам открою, сколько раз я сам, робея за свой личный путь, осуждал себя и подчас ненавидел всего себя за то, что не могу не только пот, но всю душу и кровь свою отдать за други. Сознаюсь на самый конец, что и сейчас в себе самом не вижу конца в поисках оправдания окончательного своего личного пути. Пусть даже все меня оправдают и будут мои памятники на площадях и улицы названы будут моим именем, и я буду за это, конечно, благодарить и кланяться во все стороны, но в самой глубине души все [признание мое кажется, как не свое]. Единственное, за что я держусь, это за то, что следующее новое мое произведение оправдает мой путь навсегда, а если оно опять не удастся, то еще следующее, и еще, и еще, и еще, и еще, словом, как у Адама в его «*доколе*».

Новая глава. На своем пути я вел дневники, старался за собой все записывать. Извлечь теперь из этих тетрадок ценного для современности почти нельзя ничего: до того переменилось за это время самое наше отношение к фактам. Вот если бы, когда записывал, да знать бы точку зрения через 25 лет, вот бы тогда записал! Остается рассчитывать только на ту часть памяти, которая, как сито, отсеивает все мелкое и оставляет на будущее все покрупнее...

24 Февраля. Нет на свете звереныша более противного, чем звереныш-человек, и дети сами по себе, кроме немногих, отвратительны. Но если взрослый человек бывает похож на ребенка, то это во всем человеке самое лучшее. И когда говорят «будьте как дети», то этим не хотят сказать, что дети сами по себе хороши, нет, это относится только к людям взрослым, чтобы они, оставаясь, как взрослые люди, умными и добрыми, в то же время были и просты, как звереныши.

(Написано при воспоминании виденного в Загорске: очень древний священник с большой седой бородой, сгорбившись, шел по улице, вокруг него бесилась куча мальчишек, прыгали,

бросали в старика грязью и все кричали на него: – Поп, поп, поп! – Он шел молча, сгорбившись, и только уж когда грязь ему попадала в лицо, крестился, поднимал голову и повторял вовсе незлобно: – Ах, деточки, деточки!)

Вечером был Л. В. Катынский, который взялся устроить Джони. После его ухода Ляля накинулась, как обыкновенно, на мои парадоксальные разговоры с Катынским. В ней это болезненное состояние, поврежденность, – впредь это надо иметь в виду. Но теперь я этого в виду не поимел и начал огрызаться. Слово за слово, она вывалила на меня миллион упреков за «эгоизм», что мать ее извел собаками, что туфлями по утрам шлепаю и т. д. Разошлись-разбежались и опять сошлись. Но все-таки надо иметь в виду, что мысль о собственной избушке – эта мысль здоровая, что отпуск друг от друга если и не является безусловной необходимостью, то все-таки много поможет, много облегчит жизнь, избавит от разрядок бытовой неприязни, к которым прибегает бытовой человек. Такая разрядка, как сегодня, не привела ни к какому нравственному раздумью, и, мне думается, в наших отношениях это был первый случай, напомнивший мне бесконечное точение Ефр. Павловны. Единственный нравственный вывод, который можно сделать, это поклясться так же, как при клятве не курить, – обходиться без подобных разрядок. Никогда! Обдумать это, имея в виду, что Ляля не Ефр. Павловна и сама пойдет мне навстречу. (Началось в этот раз с того, что Катынский подтвердил трудность держать собак на 6-м этаже. Между тем Ляля всю зиму думала, что, может быть, охотники так делают и ей надо собак терпеть. Она и терпела, и когда Катынский сказал, что «нельзя на 6-м этаже», она сразу уверилась в моем эгоизме, стала на сторону матери и пошла, и пошла...)

25 Февраля. Истоком моего чувства природы оказалось чувство одиночества, и как только явился друг, у меня исчезло желание уединяться в природе и отпала всякая охота заниматься своими игрушками: ружьями, собаками, фотографией, автомобилем.

Я уступил, сознавая свою неправоту, – это очень хорошо. Но, возможно, я уступаю ей иногда и будучи правым, уступаю из-за любви к ней, – это, конечно, тоже очень хорошо: она этим не избалована.

Отдали Джонни в Военное Общество. Ляля теперь днем и ночью видит собачку и жалеет ее. Отдала же она ее из чувства жалости к матери, которую собачка беспокоила. Чувство жалости у Ляли есть настоящая болезнь, и рядом с этой болезнью у нее еще чувство страха. И при наличии таких рабских чувств она живет на свете как человек, питаясь чувством свободы и личного достоинства (как же ей трудно-то!)

26 Февраля. Прошел ровно год, и опять у меня в гостях Клавдия Бор. Сурикова с Бончем. Разговор был о сектантах, о борьбе тех коммунистов и наших за первенство, и как чемреки потерпели поражение, и о том, что вся наша русская жизнь характеризуется этикой всякого рода сектантов и что в подобном положении находятся лишь Индия и Китай. Самое же характерное во всем этом – это вера в возможность духовного перерождения.

Был N., говорил о недобитой интеллигенции, которая по своему гуманизму все еще ориентируется на победу англичан. В советской власти он видит мост к настоящей власти, которая придет после войны. А недобитая интеллигенция держится благодаря евреям. И тут дальше пошел Нилус, а как только появляется аргументом Нилус, в памяти встают еврейские погромы

27 Февраля. По-настоящему русским писателем был только Лесков, – зато он и не был признан (К. Леонтьев, Розанов)[56]. Ошибка народников в том, что они «народ» понимали как простой народ и смотрели в упор на мужиков. Бонч силится оправдать сектантов перед советской властью тем, что они были против царизма. Между тем время переменилось сто раз, и Бонч не понимает, что это «против» почтенно лишь в истории, в настоящем же требуется, чтобы люди были «за» власть, а не против.

Когда коммунисты (Бонч) призвали Легкобытова строить коммуну, Легкобытов потребовал, чтобы Бонч ему подчинился (как «внешний двор»).

Коммунист секты «Начало века» Легкобытов признавал наш коммунизм как «внешний двор» истинного коммунизма и потому, когда они сошлись с Бончем, то Легкобытов потребовал от него подчинения. Бончу это показалось просто смешным, и вся затея рушилась.

Катынский, Семашко и Сурикова сходны тем, что реализуются в добрых делах как люди любезные и тем маскируют идейную свою пустоту («светские люди»).

28 Февраля. Блины. Выступление Умного Пьяницы. В сущности, ни одной мысленки не было, но пьяница, взвинченный вином, замечательно живописал себя. Совершенно лысый, безбровый, хоть шаром покати по всему лицу, по огромному лбу ни одного волоска, на висках склеротическими жилками иероглифы, весь белый, и от переносицы вверх голубыми венами резко написана на лбу ижица. Раскольников, – подумал я сначала, а потом: сатана. – Ана́тема*, – подсказал Рыбников.

Говорит с ожесточением, нападая, утверждая, упирая на логику как истину нерушимую, и в то же время логически до того путано, что просто сразу ничего не поймешь и, ошеломленный путаным парадоксом, только с духом собираешься. Рыбников, слушая, жадно желая возразить, долго не мог вставить слово и только рот кругло открывал, как рыба на берегу.

А мысль начиналась какой-то чертой, разделяющей мир направо и налево. – С этого начнем и пора-пора с этого начать, с этого разделения, – говорил Пьяница, утверждая кулаком по столу, – и ни-ни-ни волоска в сторону: одни летят к чертям, к Люциферу, другие куда следует, первый к Люциферу летит Александр Сергеевич (Пушкин), гениальнейший поэт всего мира...

В сущности, больше он ничего и не сказал, но из-за того только, что сказал темпераментно, Ляля взялась со всей силой

---

* Анатема (*др.-греч.* ἀνάθεμα) – отлучение, анафема; в ряде европейских языков заимствовано через *лат.* anathema – проклятие.

утверждать перед сатаной милосердного Бога любви, а Рыбников поднимать Пушкина как христианского поэта. Мне вспомнился Писарев, разносивший Пушкина, я спросил себя, почему? – и ответил: «Потому что Писарев не чувствовал поэзии Пушкина и не был в ее плену: ему легко было судить».

Так и этот «Анатема», и Феофан Яковлевич, и Легкобытов, и все сектанты, и большевики (Ленин, Крупская, Семашко, и Дуничка, и все наши верующие в социализм бабушки). Подумать только, наша-то многострадальная Русь, утопающая в навозной человечине, и тут будто бы Люцифер, гордый, блистающий красотой дух!

Как бы ни был Умный Пьяница вооружен Отцами и Библией, он, как и чемреки и множество других мнимых контрреволюционеров, целиком укладывается в лоно той самобытной претензии на право переделки всей жизни, приписываемое большевикам (в данном случае это выражается претензией на суд). Сейчас русская история, русская жизнь перед нами стоит – как в зеркале. С ума сойдешь, если станешь смотреть туда. Единственно, что ведет к лучшему, это если стать спиной к зеркалу в сторону солнца, как это сделал Пушкин, в той же стороне и Христос.

Писарев был ужасен для искусства Пушкина тем, что смотрел на это искусство со стороны, и в наше время ужас в том, что все простаки смотрят на нас со стороны, и эта традиция идет исстари от нашего интеллигентского сектантства. Они мерили искусство своей меркой претендентов на трон, пора заговорить самим деятелям русского искусства и представить его изнутри как образ поведения.

1 Марта. <*Зачеркнуто:* «Понимание» написанного (в литературе) то же, что в портретной живописи «сходство». Тут «похож», там «понятно». Но бывает, прочтешь, значительно кажется, а не понимаешь, и там портрет непохож, а чувствуешь, что хорошо.>

– Молюсь не потому, что знаю или верю, я даже почти и не надеюсь. Я молюсь, потому что чувствую значительность самую большую из всего мира моих мыслей и чувств и обращаюсь туда, как меня в детстве учили, с обыкновенной молитвой.

Человеческое тело (плоть) мне всегда было закрытою дверью с железным замком без ключа. В простейших случаях, когда передо мной было действительно только тело и я не чувствовал чего-то за ним, я иногда приходил в чувственное возбуждение, создававшее иллюзию дома родного с открытым для меня входом. Но как только опьянение проходило, я сейчас же опять видел закрытую дверь. Препятствием входа внутрь человека мне всегда было тело его, вызывающее во мне чувство брезгливости. <*Приписка:* NB. Это не брезгливость, а особое чувство страха, стыда и ущемленности тем, что я не могу брать просто, как все.> Я потому и не «взял» Ину Ростовцеву, предоставлявшую в мое распоряжение свое тело, что не мог добиться от нее необходимого для моего входа в ее дом-тело единомыслия.

Только путем духовного единения я мог подобраться к телу Ляли так, что дверь открылась мне совсем нечувствительно и просто сама... Я впервые познал тело человека без брезгливости и без проходящего чарования: тело другого человека мне стало, как свое собственное, и я мог длительно пребывать возле него, потому что тело друга вошло в единство с моим путем единомыслия. Так открывается из моего опыта перспектива на двойную любовь человечества. Первая, Адамова, любовь происходит от возбуждения тела, и благодаря этому создается иллюзия единства двух, очевидно, необходимая для порождения третьего. Когда же проходит любовь-иллюзия, то рожденное третье существо обязывает к поведению, точно отвечающему заповеди Адамовой: в поте лица своего обрабатывай землю. Так любовь-иллюзия переходит в любовь-необходимость, выражаемую русскими народными словами: «стерпится – слюбится».

Я в точности выполнил заповедь Адамовой любви, оставаясь мучительно неудовлетворенным в любви, которую не мог найти, как мне казалось, из-за брезгливости к телу. Я [потому] и терпел Адамову любовь, что необходимая иллюзия для устранения брезгливости здесь сводилась к пяти минутам и все устраивалось почти механически. Никакого раскаяния я тут не чувствовал и держался в этом браке с большим достоинством,

потому что в исполнении Адамовой заповеди был честнее других мне подобных.

Мое же занятие искусством слова в чистоте своей было удовлетворением той жажды единства с другим человеком, которого не мог я достигнуть из-за брезгливости к телу его, часто сопровождаемой даже страхом. Мое занятие искусством было песней любви, которой в Адамовом плену я зазывал к себе неведомую возлюбленную с чистым телом. И жажду этого чистого тела я удовлетворял нежнейшим прикосновением к земле, которая благодаря этому в моих писаниях становилась святою землей – родиной.

Мало-помалу эта песня достигала звучности и силы, преодолевающей пространство и время. И по мере того, как усиливалась моя песня, проходили сроки моего проклятия в Адамовой любви. Совершилось воистину как в библейском проклятии: «в поте лица... доколе не придет». И когда мой друг пришел на мою песнь, то дверь с железным замком открылась, и я впервые вошел в плоть не через плоть, а через дух, и тут разъяснился до очевидности смысл рождения от Духа Свята и Девы. Оказалось, «Христос» есть не образ какой-то бесплотно-духовной любви, а самой обыкновенной земной любви, только не от плоти к плоти, а от духа к плоти, благодаря чему и происходит «спасение» плоти, ее преображение и святость.

Так искусство мое, достигнув как образ поведения своей конечной цели, должно бы смолкнуть. Но, сыграв роль в моей жизни как образ моего поведения, оно стремится вырваться из моего личного опыта и стать достоянием всех, у кого есть уши для слышания и очи для видения. Я из художника-странника, ищущего свой дом, становлюсь художником-хозяином, зовущим в свой дом на свой брачный пир всех, кто имеет уши, чтобы слышать, и очи, чтобы видеть.

Брат несчастный мой Николай, – так вот почему он был такой застенчивый (это моя брезгливость плоти), и вот почему, когда наконец-то он решил было жениться, то, застенчивый до слез, написал письма всем с приглашением на брачный пир. У него ничего не вышло (история с сюртуком). Итак, если «рож-

денный от духа» воплотится, то это воплощение сопровождается «пиром»...

Сборы. Сода, пирамидон, камфара.

Фото. Два аппарата, штатив, темная комната и проч.

1) Костюм спортивный коричневый. 2) Ватный костюм.

3) Пижама 2. 4) Гетры. 6) Синяя фуфайка. 8) Кепка и шляпа.

9) Резиновые сапоги, валенки, ботики, калоши.

10) Пишущая машинка. Кофейник. Термос. ¼ чаю и сахару.

2 Марта. Воскресенье (Прощеное).

Художник выписывает мой нос. Опираясь на локоть, я должен глядеть в окно на крыши домов. И вижу я, что прилетела ворона туда, устроилась на месте антенны и начинает кланяться Москве в разные стороны. Это значит, она токует, кричит вороньим брачным голосом, подзывая себе пару. И видно, что как будто под этот брачный крик птицы черные полянки на крышах начинают разрастаться и снег разбегаться по водостокам.

Кричит, нагибаясь, ворона. Растут и растут черные полянки на крыше. Начинает падать снег большими хлопьями, и все больше и больше.

Кто же победит, тепло на железной крыше или падающий снег. Недолго продолжалась эта первая борьба зимы и весны. Скоро снег начал побеждать, и все пятна на крышах побелели, и стало опять как зимой. Ворона перестала токовать и улетела.

Тогда я встал поглядеть, что за это время сделал художник. Глянул и обмер: нос вылез из портрета и взял с собой всю душу его. Почти совершенно законченный портрет неузнаваемо переменился в дурную сторону и потерял даже сходство со мной.

– Что вы сделали с носом? – спросил я художника.

Он посмотрел на меня, на портрет и вдруг понял свою ошибку: такой нос, как теперь на портрете, стал не от себя, сам по себе нос написан правильно и вполне хорошо. Но, показавшись на полотне во всей своей натуре, нос вызвал напоказ все неправильности лица, все ошибки, допущенные художником, и от этого лицо стало неузнаваемо.

– Мы оставим нос, как он есть, – сказал художник, – а займемся этими ошибками, и вы увидите скоро, что нос сам по себе не при чем.

Мы так и сделали. Художник стал перед мольбертом, я сел за стол и принял обычную позу с глазами, устремленными в окно на московские крыши.

Снег за это время перестал идти. Коты вышли на крыши, оставляя за собой цепочки следов. Два из них, бегая друг за другом вокруг трубы, долго не могли схватиться, пока наконец не появился третий грозный кот черного цвета. Завидев его, пестрый кот убежал, а рыжий принял сражение, и оба кота, схватившись в клубок, забыли о всем, покатились по крыше до края и дальше полетели клубком с десятого этажа.

– Ужасно, – сказал я, – два хороших кота сейчас полетели с десятого этажа.

И поглядел на портрет и обмер. Художник был прав: нос сделался обыкновенным носом, очень похожим на мой, и его цвет сам собою переменился, когда все вокруг него переменилось. Но зато весь портрет был испорчен, и самая идея его, заключенная в глазах, исчезла.

– Ничего, ничего, все вернется! – сказал художник.

И опять он – писать, я – позировать. И через час правда все вернулось на место, но самый нос по-прежнему торчал, как бурак.

3 Марта. Делал примечания к письмам Горького и все время чувствовал какую-то неловкость, как будто Горький не от себя писал, а брал чужие слова, чтобы показаться умным. Я помню, и с живым у меня было точно так при свиданиях, – как будто он или стеснялся что ли, или я не вовремя с ним встретился, или он, рожденный для общества, попадал в личное общение и ему было нехорошо, как рыбе без воды, или он что-то тайное сделал, а я подсмотрел.

Еще может быть и так, что Горький ведь прославился благодаря рассказам о близости своей с народом. А потом он отходил от этой близости и становился далеким. Может быть, он, встречая такого же бродягу, каким был сам, теперь стесняется...[57]

4 Марта. Остается два дня: 4-е, 5-е, – 6-го утром уезжаю в Малеевку.

1) Подсчитать деньги с Лялей (сделано: 50). +

2) Кончить с архивом. (Прислать письмо решительное.) +

3) Написать Ляле NB о 15-м/III.

4) Лекарства взять – взято. +

5) Фото: два аппарата – сделано +

6) Конверты и марки (бумага).

Бумага, лента.

Люди, подобные Горькому, стоят на пороге большого нравственного сознания, но вместо того, чтобы перешагнуть через порог, они открывают какую-то широкую полезную деятельность, получая за это большое признание. Но никакое признание, никакая слава и внешнее преклонение никогда не удовлетворят их и никогда не затрут их памяти о том высоком сознании, которое находится за порогом, через который они переступить не посмели, и этот героический шаг подменили долгим добродетельным путешествием.

Мой вопрос сводится к тому, останется ли Горький большим и когда схлынет революция? Если останется, то ведь о том я буду писать, что останется, а не о том, что нужно для нашего времени.

<*Зачеркнуто:* А может быть, и так объясняется эта не то какая-то тень замешательства, не то виновности в чем-то на лице Горького, что он в тебе ждет друга высокого сознания и ему сейчас трудно отбросить от себя состояние необходимой суеты?>

5 Марта. (1-я неделя поста.)

Концерт Шаляпина, – самый прекрасный, хотя самого Ш. давно уже нет (и уже неудивительно!).

Я предчувствую, но это еще не начало. Когда же совершится то, я объявлю, что сознание «загробной» жизни остается в прошлом, что это вообще даже не сознание, а прием воспитания детей. Нет, вера в Христа должна быть такой, чтобы чувствовать себя спасенным от смерти: сущность человеческая есть богочеловек, и она как таковая едина, а то, что отмирает, это

есть не больше, как процесс шелушения при выздоравливании и складывании в едином человеке (личности) всего человека. Итак, если я принимаю Христа, то тем самым я с той самой минуты, как скажут «приимите, ядите...», начинаю вечную жизнь во всем человеке (Христе) и моя личная смерть теряет значение черты, разделяющей земную жизнь от небесной[58]. <*Зачеркнуто:* Такое сознание сейчас во мне еще... но это план жизни.>

6 Марта. Выезжаю в Малеевку.

В 1 ч. дня приехал. Странно, что я без Ляли, что мне хорошо, а ее нет.

7 Марта. (3 ч. ночи.) ...я подумал, что если Ляля и меня покинет, как покинула мужа своего? Некоторое время я не мог уснуть, переживая воображаемое несчастье, но против унижения своего выдумал тут же в постели и средство: держись в любви своей высоко, чтобы, встав на цыпочки, на большие пальцы, земли касался бы, а концами длинных пальцев руки доставал бы до неба, – в такой любви тебя не унизит никакое несчастие.

Тут не в ней дело, а в себе: в Боге я ее полюбил или под формой Бога, – в своем легкомыслии. Если в легкомыслии, то я перетерплю, как все, а если в Боге, то Бог мне поможет и перенести возможное несчастье.

Это не весна еще, а оттепель. На дороге много снегирей. Немец говорил, что видел трясогузку.

Всеобщим мерилом человека у Бонча до сих пор сохранилась та или другая степень ненависти к царскому режиму. Он так судит по инерции революционного деятеля, хотя теперь уже давно мерой человека служит его производственная деловитость (стахановец). Так человек явно выходит из времени.

7 Марта весь вечер беседовал с немцами-коммунистами*.

* В авторской машинописной копии (1943) пометка: Курелло – переводчик.

Они уверенно ждут революции в Европе, на этом и стоят. А нашего черносотенца если спросить, то он ответит, что ему все равно, придет немец коммунистом или фашистом, лишь бы не еврейский капитал.

– Женское чувство жалости, – это знаете что? Это приготовленный вперед запас нежности для своего будущего ребеночка. Или можно и так понять, что когда женщина носит, то кровь ее питательная переходит к ребеночку. Когда же родится дитя и ему пуп отрежут от матери, то мать питает дитя свое не кровью, а жалостью. И так может быть велик запас этой жалости, что женщина становится кормилицей, кто бы ни пришел с голодной душой, склоняйся, пей и питайся жалостью.

Бывает, живет человек так как-то, вроде даже и вовсе не испробовав в жизни этой материнской жалости. Такой человек, будь ему хоть сколько лет жизни, если доведется ему на себе почувствовать эту жалость-любовь, он себе тут целый мир откроет, ему покажется, будто он впервые только и на свет-то явился и узнал впервые, чем люди живут на земле. Вот вы говорите о каких-то благодетельных силах вроде электричества. Избаловали вас, шалуны мои, вы лучше присмотритесь к несчастным, лишенным материнской питающей жалости, – и вы увидите, что любовь на земле есть единственная достойная удивления сила.

Но вот что нас удерживает от признания любви единственной творческой силой у нас на земле. Это первое, что нас отталкивает, это чувство животной собственности, которой сопровождается творческая сила любви. При любви себя хватает только на свое: так часто вся материнская жалость изливается лишь на свое дитя, а до других детей этой матери дела нет никакого.

И мужская сила направляется на дело обеспечения своего собственного ребенка, и так создается собственность, и начинается война за нее и смерть. Так вот эта смерть-разрушение и закрывает нам вид на созидательную силу любви. Значит, с любовью нас смерть разлучает, и, чтобы познать силу любви, мы должны очистить ее от собственности и порождаемой ею смерти.

Но все об этом уже сказано и сделано, всякий, причащаясь страданию, освобождает себя от смерти. Пусть она и совершится, эта смерть, она больше не повлияет уже на любовь, не осквернит ее собственностью, смерть потеряет свое «жало».

Да, все уже сказано, все сделано, мир любви нам открыт, и каждому из нас в отдельности больше не надо уже его открывать. Мы говорим теперь о том, что есть: мир любви в наших руках и здесь, в этой минуте, а не там где-то в жизни загробной.

И не затем я иду, чтобы найти, а чтобы напомнить себе о забытом.

Не пост определяет мое поведение, а любовь...

Так вот и если она, моя любимая, полюбит другого, чего же мне этого бояться, если я преодолею в себе чувство собственности, связанное со смертью, – пусть уйдет! но она, я знаю, никогда не уйдет, если я буду любить. Меня смущают тени оставленных ею мужей, мне унизительно думать, что я могу остаться в этом ряду. Но это неверно, [они] никогда не любили, как я, и моя любовь никогда меня не унизит. Боже мой! да какая же это мать, завидев другого младенца, бросит и разобьет о камень своего? Возможно ли это? Так невозможно и чтобы Ляля бросила меня и разбила жизнь мою о свое счастье.

8 Марта. Начал писать.

9 Марта. Совсем хорошо писал.

Христос дал нормы брака для всех, имея в виду все племя Адамово. Но насколько отступил от этих норм, имея в виду те или другие личные побуждения, достаточно говорится его отношением к блудницам. Во всяком случае, верующая блудница ему ближе, благополучной брачной пары. А в этом и есть вся трагедия человеческой жизни, что новый человек, идущий вперед (личность), должен сталкиваться и разбивать законы для всех.

10 Марта. Милый Денечек, знаешь, ты, обладая мной, а я тобой в полной уверенности, можем иногда разлучаться. Вот я

взялся за работу – во всю мощь, тебя и нет, а ты со мной. В следующий раз надо тебя отпустить, чтобы ты без меня пожила и была бы, как я теперь, может быть, больше со мной, чем когда ты просто со мной.

11 Марта. Мартовские дни на нуле идут ровные, без морщинки, смотрятся день в день.

Читаю Евангелие от Матфея о браке и удивляюсь, как это не замечают, что Христос очень холодно говорит о нерасторжимости брака, имея в виду лишь «детей адамовых». Для Него же Самого Его любезнейшие дети – это кающиеся блудники, которых Он, конечно, предпочитает строго исполняющим закон о браке. Вот почему «грешнице» моей Христос так же необходим, как рыбе вода. Я сравнительно с нею счастливо-благополучный человек и представить себе не могу, как ей нужен Христос.

12 Марта. Сутки целые без остановки снег и страшная метель.

Ходил в Рузу (3-е письмо Ляле). От нее ничего. Думаю, что она после 15-го должна приехать.

Курелло (немец-коммунист) просвещает меня в политике и с некоторым успехом. Самое главное, это что нравственная деградация совершается и за границей, и еще, может быть, в большей степени, чем у нас. И скорее даже наоборот, надежды о лучшем могут собраться сюда, в наш Союз (пакт с коммунизмом подорвал фашизм). Если же к мировой деградации нравственности через войну еще прибавить деградацию через механизацию, направленную к злу, то... (я думаю о своих достижениях).

Понимаю, почему я всегда презирал людей, вооруженных Нилусом, это те люди, которые не могут чего-нибудь понять из себя, и им нужно какое-нибудь объяснение со стороны. Не потому, что евреи хороши, я стою против погромов, а потому что погром означает внутреннее бессилие. Я надеялся на то, что у Гитлера борьба с евреями есть частность в борьбе с капиталом, а Курелло говорит, что борьба с евреями у него точно на том же основании, как была у наших черносотенцев.

13 Марта. Венгерец (еврей) при имени Гитлер покраснел и сказал: «на 100 % уверен, что Гитлер погибнет». И так все евреи в один голос, и большинство (почти все) pro-английские (т. е. за капитал). А в самой Англии впервые из империалистической шкуры вырос патриотизм.

От Ляли первое письмо, и я успокоился. Чувствую, что Ляля *вся* со мной, как оно и быть должно. Я тоже *весь*. А хорошее не в этом, хорошее в уверенности, что мы *за одно*, и это «за одно» создает в своей душе столь желанное единство миров здесь и там.

Отрешиться от всего и уйти странствовать вполне соответствует «постригу», и, вероятно, это толстовское «отрешусь и начну новую жизнь сначала» происходит отсюда. А мое единство жизни «здесь» и «там» обязывает оставаться на месте и, сохраняя все обязанности к жизни, уходить в себя, заимствуя оттуда свет для тьмы.

14 Марта. Постиг все Евангелие из одной строчки о том, что Бог есть Бог живых, а не Бог мертвых (причем умершие могут быть тоже живыми). О мертвых надо говорить как о живых иногда... Значит, современные живые и современные мертвые.

Коммунисты народ правильный, выполнят Божье дело, но когда кончат назначенное – будут механизированы, т. е. войдут в государственный механизм как мертвые. (Напр., Бонч-Бруевич так и расценивает сейчас все с точки зрения ненависти к царизму: в этом он вырос, сделал карьеру и дальше – стоп! его не слушают больше. Так будет и...)

15 Марта. От весны только свет, и когда утром –20°, то знаешь, – не страшно: в полдень будет 0. Каждый день валит снег. Сорока скучает возле пустого скворечника. В лесу сосны голые, длинные, тихонько бесшумно покачиваются. И среди них есть две сросшиеся, – сто лет вместе росли и теперь тоже вместе покачиваются. Где-то скрипнуло, вот еще и еще... Это те две сросшиеся покачиваются вместе и поскрипывают, как люди, бывает, срослись и живут, и не хотелось бы, а срослись, – вот и скрипят.

16 Марта. Двигаю работу хорошо и тоскую по Ляле.

17 Марта. Приехала Лидия Ивановна Микитова, привезла весть, что Ляля не очень здорова; почти решил: махану-ка к ней завтра, а 20-го с ней вернусь. Махану.

18 Марта. Рассветает, – заря, снег голубой, мартовский. Но только потому, что лет 40 каждую весну света я трепещу, я и теперь что-то чувствую, вернее, не чувствую, а со-чувствую. Все это мое прежнее лучшее, вся радость жизни теперь содержится в Ляле, она без всяких оговорок литературных, поэтических есть та самая, которую ждал я всю жизнь.

Читаю «Новое время»[59], и вдруг глаза увидели что-то о себе: да, не я ли это? Озаглавлено:

Господин в рыбьем пальто

и дальше описывается, как господин какой-то поздней осенью в пальто на рыбьем меху, в высоких грязных сапогах переправляется с Малой Охты в город и, ежась от холода, влезает на верхнее место в конке и едет, и едет, и все стучит зубами, стучит несчастный в рыбьем пальто. А вы знаете, куда он едет? он едет на религиозно-философское собрание, человек этот в рыбьем пальто богоискатель...

Да нет же, нет, говорю я сытому болтуну, я не богоискатель, я это карьеру себе делаю писателя, я вхожу в мир современных идей, – погоди, погоди, вот ты-то вор и обманщик, а [я] еще выращу себе сад на земле, которого у меня никто никогда не отнимет и какого ты не понюхаешь и во сне тебе не приснится.

19 Марта. Лучший день весны света. В поле по насту нога не проваливается. Только больно глазам. По кошачьим хвостам видно, что это последний день света и завтра пойдет к воде.

Сейчас ясно чувствую, что будь во мне пусто (Ляли бы не было), я бы мог и на Кавказ пуститься, и на разное взамен того. Значит, и все мое чудачество было от пустоты. Теперь я занят, и новое в этом мне, что занятость занятней и слаще игрушек, и в то же время в этой занятости я свободней, чем раньше в «свободе».

20 Марта. (3-я неделя поста.)

Сегодня должна приехать Ляля и с ней все лучшее мое, что сдал я ей на хранение: и чувство природы и прекрасного, и мои игрушки, и мою любовь к родине. Две недели разлуки прошли как год. Так сошлись два сродные существа и друг в друга вошли... Ляля стала моим органом, как глаза, уши, только еще сильнее: этим органом я чувствую то, о чем без нее не мог знать и только догадываться и предчувствовать, через нее я чувствую такое невидимое и неслышимое, о чем можно только узнавать по любви и доверию к другим.

Курелло подобен Разумнику и всякому политику: политик, значит, дальше своего носа не видит.

Павлович читала стихи о Блоке. Блок у нее похож на засушенный цветок: двадцать лет пролежал в ее книжке-душе. Теперь на Блока надо бы посмотреть с востока и вообще на всех них, европейцев, хорошо бы поглядеть с востока глазами какой-нибудь бабушки Горького[60]. Ремизов хотел это сделать, но не сумел. Розанов ходил около этого[61].

«Обезьянья палата» – это странный смех, об этом смехе меня Горький спрашивал, когда солдаты фараона с крыши тащили[62]: все смеялись. С другой стороны, как всем хотелось попасть в палату обезьян. – А что это, обезьянья палата? – спросил я Ремизова. – Да ничего, – ответил он, – просто ничего. Игрушки, иконы. Ремизов: все это как проба на людей: в них-то нет ничего, в людях, в разумниках... Нет ничего...

– А у вас талант, вы пишете лучше Горького, разве вы этого не чувствуете, почему вы, рожденный попом, в дьяконы становитесь: вы лакей Горького! – До того было странно видеть Ремизова в таком состоянии, что даже и не обидно. Но, рассудив про себя, что нельзя же и даваться так, я встал и, не прощаясь, вышел в переднюю. Меня, конечно, схватили, усадили, объяснили мне, что «лакей» сказал не в обидном смысле. – О таланте моем, – ответил я, – сказать не могу, какой он, и это не имеет никакого значения, был бы талант: человек не отвечает за то, много ли ему отпустила природа или поменьше. А вот за

поведение свое при таланте каждый из нас отвечает. Вот мы с вами больше сказочками пробиваемся, а Горький открыл нам бабушку: ни в каких европах вы не найдете такую, а она у нас тут в мусоре.

Вечером Ляля приехала, и встреча наша была, как будто после многолетней разлуки мы случайно нашли друг друга в Вест-Индии. На самом деле мы расставались на две недели (6–20 Марта).

Независимость от природы, от рода, от физики земной, от смерти – вот что значит, мы спасены во Христе. Извне никто не спасен: все смертны, изнутри – каждый, прибегающий к Христу, спасается, и этот «каждый» есть личность, а «все» – кто распяли Христа.

Вопрос: «бабушка» (Горького) есть ли христианский образ? Взять христианку З[инаиду], она прежде всего деятельна, а «бабушка» пассивна.

Писатели перед революцией разделяются четко на европейцев: Блок, Мережковский, Гиппиус, скажем, Пяст и т. д., и русских: Розанов, Ремизов[63].

21–22 Марта. Курелло и Караваиха.

Лидия Ивановна Соколова узнала, что в этой местности брюшной тиф. – Пусть не пьют сырой воды – вот и все, – сказал я, – вот если бы сыпной... – Да, – сказала Караваиха, – вот Полонский редактор собрался в командировку, ему выдали новый полушубок, в нем оказалась сыпная вошь, и Полонский умер. – Стали разговаривать о Полонском, между прочим и о том, что он троцкист. – А что такое троцкист? – спросил я Караваиху. – Как что такое? – И начала молотить солому, сто раз обмолоченную. – А вот, – перебил я ее, – слышал я, что Сталин назвал Ивана Грозного троцкистом, вы не слыхали? – Вытаращила глаза и завела. – Иван Грозный, – сказал я ей, – однажды так выразился: «я не русский». До такого отвращения дошел, что отказался от русскости. Значит, ему уже стала родина недо-

рога, ему стала везде родина, а ведь в этом и есть троцкизм. – Ну, что вы, историю нельзя освещать обратно. – Я и не освещаю, я говорю парадоксом. Если хотите, могу иначе: Троцкий однажды вызвал Пильняка и спросил его, почему он вертится возле мужиков: это 17-й век. – А вы, – спросил Пильняк, – тоже недалеко от 17-го века. – Недалеко, – ответил Троцкий, – только потому, что здесь революция, а вот сейчас в Италии начинается, будет там – я туда. – Вот видите, – сказал я, – ему все равно где, лишь бы там была революция, а мне не все равно, у меня есть родина, и будь хоть какая она, я ее не брошу.

Курелло оправдывал время вступления в культурную жизнь огромных масс: миллионные тиражи. А я ему это выступление масс представил как новое обязательство к личности. Вступление масс совершается механически, дело писателя не радоваться этому, а только считаться с этим, как новым долгом отстаивать личность для масс.

<*На полях:* Этюд о семечке – к войне в Гродно[64]. 2-й этюд о стрекозе[65]. И всю эту главу о войне начать 14-м годом, разговором с Горьким: где вы их находите.>

Когда мой друг приезжает ко мне, я бываю счастлив, но пишу хуже. А когда уезжает, мне становится хуже, но писать я начинаю лучше. Неужели самый родник творчества исходит непременно из личной утраты?

23–24 Марта. После метели суточного снегопада опять в тишине подморозило и опять ослепительно сверкают снега. Ездил с Борисовым дом смотреть. Как ни хорош участок, но сердце отваливается от затеи, потому что душа моей жизни Ляля, а ей нужно не то, ей нужен Кавказ.

Ляля настолько женственна, что лучшее мужское втягивает в себя, как насос, и оттого женщинам кажется, будто у нее мужской ум. Но этот ум опять-таки «до того»: до того она женщина, что мужчину как бы воспроизводит в себе. Так она может и написать точно, как я, но в существе все-таки останется:

я – мужчина, она – женщина и мужчиной она может показаться лишь женщинам. И вообще очень возможно, что на всякой мужской работе успешно действующие женщины – это кажущиеся мужчины и в существе своем более женственны, чем сущие женщины.

Курелло изобретает светокнигу: штука в том, что рукопись не будет набираться и печататься, а прямо передаваться светом. Это почище Гуттенберга, это почти Люцифер. А знаете, Розанов написал: «Будь проклят Гуттенберг»[66]. – А так бы и Гитлер сказал, – ответил Курелло.

Все реакционное, как опилки на магните, собирается к Гитлеру: все, и Розанов, и все, все там собирается. На другом полюсе магнита коммунизм. Тут и вся борьба, а демократия – это помесь и компромисс. Итак, три физиономии: Германия, Россия и Америка. Англия подлежит поглощению или Америкой, или Германией.

Саргиджан через Фадеева от Сталина получил заказ реабилитировать Ивана Грозного. – А как, – спросил я, – «Князь Серебряный»[67], что делать с Алексеем Толстым? – Против Алексея Толстого пишет другой, третий... – Я хорошенько не разобрал, против кого пишет третий в деле реабилитации Грозного. Но, желая прощупать, как С[аргиджан] относится ко мне, пишущему совсем от себя и без оглядки на заказ и карьеру, так сказал: – Вот и теперь пишу, стараясь сделать, как бы и у меня вышло поближе к родине что ли... – Я думал, С. ответит: – Вам-то что, старина, вы себе право отвоевали писать от себя. – Но он помялся и промычал: – Да, вы в стороне. – Так расшифровываю, что или у них уже был с Фадеевым разговор о «в стороне», или же Саргиджан, как получивший заказ на Грозного, высоко задрал нос и смотрит на меня как стайный гусь на перелете смотрит на отстающего.

После этого разговора интересно было думать о чувстве современности, необходимом для писателя: именно это чувство современности делает произведение остающимся, но чтобы войти в эту современность, необходимо от нее не зависеть и уж никак не гоняться за ней. – Откажись от мира, – сказал Исаак Сириянин, – и он, как раб, ляжет у ног твоих.

У Ляли какая мечта: взять всю обслугу мою на себя, сделать так в конце концов, чтобы я, не заботясь о существовании, не тревожась страхами и вообще своей зависимостью, писал бы о своем, только о своем. И она в значительной степени к этому приблизилась.

О восточных типах, которых современный писатель должен противопоставить Европе, об исключительной личности Ляли, о горьковской бабушке, о расхождении Ремизова, последнего славянофила, с Горьким.

Курелло – это чистая форма представителя коммунизма, он не хитрит, как у нас, по-восточному, а действительно верит (в «массы»?) и прямо идет им навстречу. Его можно изображать как тип, как героя, но нашего советского коммуниста не изобразишь.

Вот и надо вполне современному писателю найти свои восточные типы, чтобы противопоставить их Европе: чего там не было? не было бабушки Горького и, наверно, не было Ляли. Ее вполне можно представить и чекисткой и церковницей, но в существе своем она ни чекистка, ни церковница. В существе своем она, как и «бабушка», святая мать с назначением родить сына героя. А вот какой это герой – кто? Горький хотел быть им, т. е. хотел соединить европейскую прямоту («активность») с восточной глубиной.

Ремизов как последний славянофил. Был один момент в 17 году, когда Ремизов был с Горьким в согласии. (А на другой день Ремизов проснулся и сказал: нет!)

Основной пункт расхождения Горького и Ремизова:

Горький верит, что жизнь на земле усилием воли может быть сделана лучшей.

Ремизов: лучшей ее может сделать лишь Бог, но не человек. И если это выходит, то это *кажется* только: это обман Люцифера.

<*На полях:* Алексей Максимович уже не может сказать нам, о чем мы с ним говорили при встрече в 1913 году в Мустамяках. Я скажу об этом.>

25 Марта. Какое хорошее слово «отходить» (умирать). Тянет отойти совсем от Союза писателей, поселиться в Глубокой (на Кавказе)[68]. Так мы и сделаем: до Августа отпишусь и в Глубокую на разведку.

26 Марта. С тех пор как создалась наша дружба с Лялей, масса людей, на которых я лениво смотрел, признавая по привычке тоже за людей, превратилась в чурбаны.

Думал о себе, – что и правда заключается в неважной оценке советской властью моего труда, нужен скороуслужливый человек – я непокорно-упрямый и стою на своем, нужны труды как свидетельство государственно-патриотической верности, – нет таких трудов у меня.

Итак, Михаил, благодари за то, что печатают. Не тужи о плохих писателях, – лишь бы писали, придет время, кто-нибудь распишется, и будет хорошо. Ты не с горечью, не с обидой и раздражением смотри на них, не как на товарищей, а как на власть, и будь с ними почтителен и холоден, как с властью. Отними сердце свое оттуда вовсе и отдай тому целиком, кого любишь, и понимай эту любовь не как твое поглощение, но как рождение, и верь в то, что если в тебе что-то содержится для мира, то через любовь твою не только определится, но и выйдет из тебя. Если же тебе наступает время «отходить» («он отходит»), то отходи именно с любовью, а не с обидой, в этом и будет успех твоего ухода, что ты не разрываешь связи, не бросаешь, как убегающий из дома Толстой, а отходишь с миром, именно для того и отходишь, чтобы сохранить мир и согласие.

И еще помни, что, отходя в Глубокую, ты не разрываешь связь и со своей деятельностью, заменяя ее углублением в мудрость прошлого, не тобою сделанного. Внимай этой мудрости, но и будь по-своему проводником ее в современность...

27 Марта. К чему-то подговаривается Панферов – к чему? Дует из этого парня какой-то ветер, не сообразишь, с какой стороны. Назначено свидание в Малеевке, в пятницу.

Вечером были с немцами на Бахе, – какая скучища и немцы и Бах... и вот какое открытие: все немецкое разумно и скучно,

потому что они все необходимое теоретическое, что другие прячут, не доглатывают, и оно у них торчит изо рта. Вот, наверно, почему у них история при всей их одаренности и разумности как-то не складывается.

28 Марта. Ляля не дает мне с вечера рано заснуть, и по утрам я встаю всегда не выспавшись, и мое великолепное рабочее утро пропадает. Переделаться невозможно: я весь пропадаю. Пробовал одиночество, – это значит непрерывное желание с ней видеться и тревога о ней. Не знаю, что делать.

Ляля советует, чтобы не зависеть мне постыдно от того, что напишут о мне... Я боюсь, что на этом пути отпадет вообще охота заниматься сказками. Мой же способ борьбы испытанный, верный и мужественный – это усиливать деятельность и побеждать врагов показом сотворенных вещей, пользоваться пустыней не для отрыва от борьбы, а для собирания сил. До сих пор это мне так удавалось! Я думаю, что и сама Ляля так желает, но она вообще перепугана...

Итак, задача самая насущная – это отстоять свое рабочее утро без малейшего огорчения для моей Ляли.

Ночью мы, как раки, шепчемся[69] и часто мыслим одной головой. Вчера мы шептались о необходимости форм (канонов) для выявления мудрости.

Если бы жили одни мудрецы, то никаких бы для них не надо было делать установлений и форм.

Но живут и составляют большую часть живущих люди немудрые, чающие, готовые отдаться совету первого встречного. И они-то, большая часть людей, и нуждаются в форме, и в этих формах они, сами не думая, получают готовую мысль и делают именно то, что задумали мудрые.

Революция всегда бывает направлена против этих форм именно потому, что самая мудрость, на которой эти формы выросли, их покинула. И революция всегда есть обман, потому что в мертвых формах и нет ничего.

В Зимнем дворце – бронза вместо золота.

Христос говорил для этого притчами: создавал форму для усвоения мысли.

30 Марта. Термометр утром мороз −10, это не мешает весне. Эта температура, как у Ляли ее вечерняя прибавка на +0,5: нет болезни, а температура, и доктора говорят: так бывает у женщин.

Весна перестоялась, всюду в лесах нетронутые глубокие снега, и только где-то кто-то видел на каком-то дереве грачей. Зато в Москве в этом радостном свете и дома и люди преображаются. На Моховой когда-то ночью человек перелез через решетку в Александровский сад и оставил на снегу глубокие следы. Во время оттепели в эти следы, может быть, примыло какие-нибудь семечки, упавшие на снег с деревьев, а может быть, сам человек, тяжестью своего сапога сдавливая снег, соединял между собою семечки, лежащие в разных слоях снега, и превращал свой собственный след в кладовую драгоценностей для птичек?

<*Приписка:* Когда к полудню солнце перемогает мороз, в эти следы начинают собираться капельки тающего снега – и, вскоре застывая в тени колодца, мало-помалу, день ото дня цементируют дно. Сегодня в один след с проникающими в глубину его лучами в полдень собралось столько воды, что это заметили с деревьев веселые воробьи и начали купаться в первой весенней воде.>

Воробьи битком набились в этот след человека, купались, брызгались синими, красными и радужными каплями, доставали себе что-то, выпрыгивали, другие вслед за ними спускались в подвал, дрались, смеялись, чирикали, хохлились, ходили по снегу задиристо, петушками. На мгновение даже радуга вспыхивала в брызгах.

Так один только след человека сделался кладовою сокровищ для птиц. А сколько следов оставил я, десятки лет ожидая прилета своей желанной птицы!

Только теперь мне стало понятным, почему весну света я избрал, сделал для себя лучшим временем года и десятки лет упорно выходил из дома навстречу прилетающим птицам. Я потому избрал себе весну света, что такою весной все в буду-

щем: потому что я ждал. Теперь моя птица прилетела и свила гнездо в моей душе. Я счастлив, я больше не жду своей птицы, и мне довольно этих воробушков: будто это детки наши играют в следу человеческом. Так теперь и вся новая жизнь моя складывается, будто вокруг нас это все дети наши хорошие, или плохие, или ничего себе, но только дети, все дети, играющие в следах человеческих.

31 Марта. Вчера в ½ 9-го вечера приехали с Лялей покупать дом и всю дорогу от Москвы обсуждали, – да покупать ли?

Оказалось, возле дома общежитие с большой детворой. Вся затея отпала.

<*На полях:* Моя и Ваша любовь к родине, Алексей Максимович, больше любви к искусству, – и в этом все.>

Ночью все думал о «бабушке» и родине-матери. Разбирал, почему это, когда хотят человеку о чем-то самом хорошем сказать, говорят: мать или родная земля или даже соединяют вместе и говорят: мать-земля. Мы до того к этому привыкли, что, вовсе и не думая, говорим это. И надо было, чтобы Вы (Алексей Максимович) много раз в своих письмах назвали меня «сын любимейшей своей матери-земли», чтобы я почувствовал необходимость раскрыть в себе значение этих повторяемых и стираемых слов.

Вспоминаю для этого мать свою, как она умирала и как я тоже расставался с той землей, где она меня родила и сад насадила своими руками. В сущности, как все переберешь в себе, «земли»-то и нет никакой, это не земля сама, а любовь к человеку, как бы приподнимающая на воздух все эти родные елки, березки, овражки и яблонки. Не будь у меня матери, никакого чувства я бы не испытывал к земле, это материнская любовь делает землю родной и прекрасной.

Может случиться, что у кого-нибудь и мать-то кое-какая, и никакой земли-то при ней не было, но это ничего не значит, тогда можно из бабушки мать себе сделать, как было у Вас, и даже без бабушки куда-нибудь отвести себе душу.

У нас в Москве один детский Зоопарк, который <*зачеркнуто:* ничего не стоит государству и> содержится трудом беспризорников. Ребята бегают по столовым, выпрашивают пищу и кормят, кто родного и любимого козла, кто динго, кто ястреба, кто антилопу, кто львицу. Ухаживая за животными, дети находят себе какое-то удовлетворение в своих естественных потребностях матери, родной земли, дома, и они, ухаживая за животными, удовлетворяя этим чувство родины, бескорыстно служат государству.

Но совсем не надо быть бескорыстным, чтобы кого-то любить взамен родной матери, можно тоже родиться поэтом, и тогда родную землю можно найти в любой земле и родиной сделать себе стратосферу и там на воздушных шарах утвердить любовь как дело родственной связи со всеми живущими.

<*На полях:* Ляля, когда я стал определять нашу любовь, чтобы поставить ее на место, сказала: – Над чем ты ломаешь себе голову? Наша любовь от Бога, и ты должен это знать раз навсегда, и все будет просто.

Вдруг (беседуя с Лялей) решил: «Родину» кончу тем, что написал, а примусь за 3-ю книгу «Кащеевой цепи» («Любовь»). И еще: найду тему исторического романа и дам ее Ляле. Она будет счастлива и по-моему сделает.>

Приходит время острого зрения, вот как теперь: можно твердые предметы видеть насквозь. Я твердыми предметами сейчас называю наши мнения и оценки, сложенные под давлением времени. Вот теперь с помощью силы родственного внимания, о котором я говорю, можно любого классика нашей литературы «просветить», и станет видно, за что мы его ценили, в чем ошибались и чего в нем вовсе не было, а мы под давлением времени ему навязали.

Чувствуя теперь в себе наличие этого современного, деятельного к переоценке острого зрения, признаюсь, с волнением я подходил к той полочке, где у меня стоят подаренные Вами книги Максима Горького. Я выбрал «Детство» и нашел в книге «Бабушку», перечитал и впервые понял Горького как

поэта матери-земли. Я многих расспрашивал, очень многих о Бабушке, и все мои знакомые узнавали свою подобную старушку. Мне это сразу стало на заметку, что все в ней свое узнают. А еще один писатель тоже, как многие думают, сказал: – Горький и сам от себя сделал что-то с бабушкой. – Я ему ответил на это, что Горький сделал от себя только то, что приподнял свою бабушку и всем показал: больше ничего он не делал, а все увидели в его бабушке мать свою родную со всеми ее сказками и нашей землей родной и прекрасной, несмотря на всю мерзость человеческой помойки, в которой он ведет свою жизнь. Приподнять и показать – вот и все, а на это ушел почти весь Горький.

Вот я о своем задумался, – разве я-то, описывая русскую природу, не о той ли «бабушке» своими словами пишу, не из этого ли же родственного внимания родилась вся эта моя «природа», над которой критики ломают голову и некоторые считают даже без-человечным[70] или обвиняют в том, что «у него вообще человек на втором плане», как будто эта наша с Вами бабушка, показанная березками, букашками и таракашками – не человек.

Да, если мать родная не человек, то кто же человек?

Не *герой* ли бумажный, выдуманный за письменным столом для маленьких детей? Но в том же и было бедствие литературы, предшествовавшей революции: это была литература героев с картонными мечами[71].

<*Приписка:* И когда я настаивал на образе бабушки как самом современном образе чувства родины, мне возражали: не активно...>

1 Апреля. Как раз вышло, что 1-го Апреля началась весна воды. Серый день, на полградуса выше нуля. В лесу запахло березовой и осиновой корой. Ляля уехала в Москву. Завтра иду в Марьино дом смотреть.

В моральной области нет конца разбору и спору о тонкостях и оттенках. И вся эта путаница, как старая разбитая дорога, выбрасывается объездом, так и тут выбрасывается, если ввести Бога.

2 Апреля. Идет дождь («серые слезы»).

То мужское хамское мнение, что каждую женщину можно взять, было бы время и средства, родилось из своей противоположности (нравственной). Женщина по природе своей жалостлива, и каждый несчастный находит от нее утешение (она утешит, а он верхом). Все сводится к материнству: из этого источника пьют и потом бахвалятся: каждую можно взять. Сколько на этом обмане слез пролилось!

3 Апреля. Опять подморозило, и так весь день прошел (кроме полудня), подпертый морозцем.

Забросал Лялю письмами, и взяла оторопь: избалую ее...

Когда Ляля после моей отлучки умоляла меня бросить путевку и жить с ней на Лаврушинском. – Но ведь деньги заплачены... – говорил я. – Вот вздор! – отвечала она. А после того, как мы с нею свиделись и насладились друг другом, и уже в Малеевке я завел речь о том, что, пожалуй бы, нам вместе вернуться на Лаврушинский. – Но ведь деньги заплачены, – сказала она. – Вот вздор! – ответил я. Она же, подумав, сказала: – Ну, и дорого ты мне стоишь!

И такая вся любовь, и чуть упрись и задержи эти волны, все погубишь. Но где же, в чем неколебимая основа любви?

Она отвечает на это, что основа в Боге.

Но пример бедного Александра Вас. говорит обратное: и Бог не помог.

4 Апреля. Обещался Панферов с Лялей приехать, но не верю, – врет («как нынче»).

В «Анне Карениной» счастье Левина не уравновешивает несчастия Анны: высота положительная оказалась много ниже отрицательной, и автор смерть Анны трагически не оправдал.

Стоят светло-морозные дни. Тает лишь в полдни. Хороша весна, когда чего-нибудь ждешь, пусть даже напрасно, лишь бы: все впереди. И хороша весна, когда дождался и быть вместе. Но когда дождался и добровольно разлучился из-за того, чтобы с весной быть без нее, – это вздор.

...но думаю про о. Даниила: «мы цари!» и чувствую питающую силу одиночества и необходимость его. То же ведь и Олег, но Олег... Решение такое: быть на положении ребенка и расти в смирении и восторге – быть ребенком лучше, чем царем.

Отчего это бывает, что ни с того ни с сего начинаешь подыскивать в друге такое нехорошее, за что бы можно было ухватиться и мучиться. Достаточно бывает, напр., что она не напишет или напишет небрежно. Надо покончить с этой ерундой, и чтобы раз навсегда: надо же наконец знать, что Ляля человек очень серьезный.

5 Апреля. Стало теплеть.

Скучаю по Ляле и стараюсь сливать представление о ней с Зиной, а Зина – это почти икона. От этого мне становится легче: недостаток Ляли при этом переносится как бремя, которое необходимо связываешь с подвижнической жизнью и вообще с отношением к Богу. Это не всегда верное представление, но оно в моей православной крови, и потому как представишь себе Лялю как Зину и Зину как икону, сразу миришься со скукой: без этого не проживешь.

Ходил в Нестерово, осмотрел дом и вот уже не могу решить, строиться здесь или бросить эту «природу» и вместе ехать на Кавказ и начинать новую «природу», не в том смысле, что именно кавказскую, а что вместе. Моя природа.

Приехал И.С. Соколов-Микитов из Ленкорани и уезжает на север. – А когда же писать? – Писать, – говорит, – могу лишь на ходу. – Но ведь так же не пишут, надо засесть. – Знаю и не могу. – Больной духом, разоренный человек «отводит душу» на птицах. Как писатель он не движется вперед по той причине, что лелеет свою «формочку», делает из нее себе кумира. И плохо, что больше уже и не верит в него, а лишь пользуется, как источником ренты.

Но если не считать себя нравственным мерилом, а просто случайным счастливцем, то сейчас лафа только нахалам. А И. Соколов застенчив и робок по природе и скромен. Не рекомендовать же ему быть нахалом.

Слышал, что Шолохов написал 4-ю часть «Тихого Дона», в которой герой неблагополучно кончается. Несмотря на пожелание благополучного конца даже со стороны Сталина, Шолохов остался при своем. Все удивляются теперь тому, что для всякого писателя обязательно: быть честным. Некоторые же думают, что Шолохов очень хитер: так показать себя в нарастающем подпольно общественном мнении ему выгодно.

Дождь (второй за весну).

Беседовал с И. Соколовым о Ремизове и его ненависти к Горькому. Главная причина: влияние Достоевского, и, конечно, Ремизов весь вытекает из славянофильской линии. А Горький – это Толстой без Христа...

Ремизов – Достоевский без Церкви.

Достоевский мог бы спорить с Толстым только за Церковь.

А за что спорить Ремизову с Горьким – неужели за власть?

Чем больше служебное место, тем человек на нем чувствует себя умнее, и это потому, что на большом больше людей за него думают. А у писателя не место, а признание общества и слава: ему в славе передается уверенность в поддержке других.

6 Апреля. Теплая ночь, снег оседает, крупится. Слышали в лесу голос канюка*.

Передали устно, что Германия объявила войну Югославии, а мы одновременно заключили с Югославией пакт[72]. Поставлен вопрос, всерьез это мы – воевать с немцами, или это есть очередной дипломатический трюк. Итак, если всерьез... Если не наигрывать в унисон «за родину», а проверить себя и весь народ (столь знакомый и незнакомый) и всерьез. Первый вопрос, что советская интеллигенция, соль земли, если каждого спросить по очереди, думает он сейчас об интересах общества или как себе самому спастись – это не вопрос: скажут так, а поступят иначе. И вообще ни на какой подобный вопрос ответить нельзя, потому что мы не знаем того, что зреет во всем мире, к чему все идет. Если же подслушать «знающих», то убедишься, что они тоже ничего не знают.

---

* Канюк, или сарыч ястребиный – название птицы.

История показала, что нет ничего сильнее в мире племенной связи людей, лишенных земли (разработать).

7 Апреля. Благовещение.

Бездельничаю, играю на биллиарде с ребятами: Соловьев, Жариков, Лосев. А прошлый год в это время шла моя личная страстная неделя (до 12 Апреля). И опять вижу, грачи у гнезд (уже два дня) и птички поют весенними голосами.

8 Апреля. (Вторник 6-й недели.)

Горький должен был представить собой народную совесть в согласии с государственным делом, как было это во время Дмитрия Донского с преп. Сергием. При конце жизни Горького оказалось, что весь «монастырь» его состоит из «врагов народа».

Что же касается совести народа, какой должна бы сделаться литература, то она «ушла в себя». Извне же в отношении к государству литература стала совершенно бессовестной, готовой на все, что закажут и прикажут. Не то ли же самое переживает литература теперь, что переживала православная церковь?

Что же, спрашивается, после того, если подсчитать все, что сделал Горький, с точки зрения народной совести, герой он и мученик или же самозванец, получивший себе соответственный конец?

Ляля говорит, что Бог пропустит Горького в рай, но только и Богу будет неловко: не хочется, но нельзя не пропустить, и Горькому в раю будет тоже очень стеснительно.

Горький есть Толстой без Христа, но в кончине того и другого есть что-то общее: Толстой умирал в обществе корреспондентов всего света, Горький среди разбойников-политиков.

Придворное эстетическое чудовище царского времени, обернувшееся в советское время Демьяном Бедным, – какая зверина!

Итак, если сам Горький в советское время поцеловал боженьку в хвостик[73] (я сейчас не лично о нем говорю: может быть, и не так), то дальнейшее унижение должно дойти до

конца, как и церковное, и там уже где-то таиться в невидимом граде.

9 Апреля. Вчера вечером приехал в Москву.

10 Апреля. (Четверг 6-я неделя.)

Вчера читал Игнатия Брянчанинова, по письму не очень понравилось, потому что это не творчество, а лишь переложение св. Писания, в лучшем случае воспроизведение. Что же касается его личного, того, что он сам дает, то создаваемый им тон аскетизма – не мой тон.

Мне думается, уходить от плотского мира, ненавидя его, и отряхать прах с ног – это не вершина аскетизма, можно не уходить, а *отходить,* любя и преображая природу.

Может быть, аскетизм самоотвержения при неудаче своего выполнения и является источником самомнительного и резкого разделения материи и духа, мира будущего и здешнего.

Напротив, аскетизм моего понимания – это есть то состояние, когда говорят: «человек отходит».

Можно ребенком открыть глаза и начать отходить от мира, оставляя за собой след преображающей деятельности: это, наверно, и называется путем святости, ведущим к свету – из тьмы к радости.

11 Апреля. Так все и продолжается измором, весна на морозце, а Ляля на вечерней температурке. До того изморная весна, что я наплевал на путевку и живу в городе.

Царица Мода, сменяются правители моды, но Мода сама по себе остается, и без нее жить нельзя: что бы это было, если бы не было законодательства в моде. Ты можешь проявить личный вкус лишь в пределах основных установлений: юбки, штанов, кофт, сюртуков и т. п.

<*На полях:* Сегодня: 5 в. Катынский – ружье. 3 ч. – Городецкий – письмо «Новый мир». Прогулка в «Октябрь». Написать Фадееву о прекращении работы.>

Прошлый год в этот день я покинул Ефр. Павловну и увез Лялю на Мазае* в деревню Тяжино. С тех пор прошел год, и весь год не было возле меня моего вечного спутника тоски. Я на целый год собрал из жизни своей долгой пропущенные праздники и весь год праздновал ими, и не было у меня в этот год ни одного дня буднего без поцелуя, без радости.

Так вот отчего, дети мои, сказано «чти отца и мать» и «не прелюбы сотвори»[74] – это значит: берегите свое целомудрие в юности, никогда не поздно будет открыть свой сундук, и беречь надо уметь, и открыть надо с умом, и все это значит: долголетен будешь ты на земле.

12 Апреля. Послал в «Октябрь» «Бабушка Горького».

1) Еду в Малеевку, вернуться во вторник для выступления в среду в «Октябре». (Узнать о машине.)

2) Познакомиться с директором.

3) Письмо Фадееву.

4) Упаковать вещи и сдать на хранение.

5) Письмо Разумнику.

6) Сказать о печке Караваевой.

Вечером приехал в Малеевку, по пути сочинил письмо Фадееву.

Немцы. Как вы думаете, мой друг, если я скажу, что протестанты силу религии используют как силу для практической жизни и этою силой теперь воюют. И к этому я прибавлю догадку свою о том, что рано или поздно окажется, что эта сила-насилие не нужна больше: и для Бога и для мирной жизни является источником скуки. Ни Богу свечка, ни черту кочерга.

13 Апреля. Все морозы, морозы, а снег с полей сбежал, остался лед и проталинки, а как проталина, тут уже и скворцы и зяблики. Я, еще не доехав до Малеевки, узнал о скворцах, увидал из окна поезда на телеграфных проволоках.

Прилет птиц, весна воды – самое интересное время года, но из Малеевки все разъехались, и осталось лишь несколько лю-

---

* Пришвинский Дом на колесах, грузовичок с фургоном.

бителей весны. Для тех лучшее время природы, весна воды – есть весна грязи. Время для них, когда все будет готово, – пользуйся, дачник!

...вдруг вчера, прочитав от Иоанна: «Я – свет миру, кто последует за мною, не будет ходить во тьме»[75], – вдруг узнал в этом Лялю и узнал в тоне мысли, если так можно сказать. Да, Ляля – это человек, созданный Евангелием. Не могу дать себе в этом словесного отчета, как бы это выразить... это в сочетании *твердости* мысли с любовью...

То самое, что люди привыкли видеть мягким, по чем они уже и привыкли ходить, как по мягкому, вдруг является, встает из-под ног твердым, как «не мир, но меч»[76], и человек-песик поджимает хвост. Ляля, как будто скучая, живет в условиях обыкновенной войны, ждет в далеком резерве моральной войны. Евангелие – это моральная война быту.

Начал работу над рассказом «Голубая стрекоза».

Маленькое приветствие в 20 стр. в «Литературную газету»: [показать] рабочие праздники и будни войны. Два друга на войне, один раненый умирает у ручья, другой сидит возле. Зеленая травинка и на ней голубая стрекоза. – Сегодня 1-е мая? – И правда, как ты вспомнил? – Умирающий указал на стрекозу... – Почему-то стало темно. – Вечереет, но я еще вижу. – А я не вижу. И стрекозу видишь? – Она летает над водой: одна в воздухе, другая в воде: другая отражение... – Но почему я не вижу, я и тебя не вижу. А, понимаю: глаза мои умерли и прощай...

Быстро темнело. Один человек лежал мертвый и ничего не видел. Другой силился увидеть стрекозу, но не мог увидеть ее в воздухе на темном фоне леса. Но вдруг он увидел ее в воде, она летала, кружилась, и он радостно...

NB. Передать этим мысль, что жизнь продолжается, что умерший человек стрекозе передал свою радость жизни и другой узнает эту радость, что в этом смысл праздника 1-го мая: победа жизни над смертью.

Говорят, Маршак очень страдает тем, что не дали ему премию: слег в постель. И все, когда говорят, – смеются над этой

страшной зависимостью личности человека от премии. Между тем по существу каждый литератор в какой-то мере находится в таком же глупом положении. Похоже на положение человека, исполненного любви, но зависимого от половых отношений: Маршак любит, но кто-то другой удовлетворил себя его премией.

Надо очень беречься тех, кто похвалой литературным вещам твоим и сочувствием в обидах входит к тебе: этих бойся! Это как вино: придет возбуждение и пройдет. Надо войти в глубину независимости.

Когда станут хвалить тебя – не верь и благодари крепко того, кто хвалит. Когда будут ругать – верь и говори сам себе: все ошибаются, и я тоже ошибся, наверно, а вот следующая книга у меня будет прекрасная.

А я думал, что и Ляля, почти святая, если бы я поддался влиянию какой-нибудь женщины, тоже бы очень страдала, тоже и я стал ей отчасти уже собственностью. Тут и винить нельзя, все в том, в каком тоне происходит борьба за свое: тон делает музыку. Тон у Павловны был кулацкий, а Ляля... ну...

Шишек урожай на елях такой, что иная верхушка, перегруженная шишками, согнулась, как яблоня от спелых плодов.

Урожай еловых шишек такой, что ветки перегруженные гнутся, как на яблонках в урожайные годы.

В феврале метели срывали и сбрасывали на снег шматочки оранжевые сосновой коры.

Мартовские теплые лучи сквозь мороз сильнее нагревали темные шматочки, чем снег, и они там и тут погружались в снег.

Дальше и больше грели лучи, ниже и ниже опускались шматочки.

И вот однажды с утра притюкнул мороз, и солнечный луч, когда стало пригревать, не мог уже проникнуть в глубину колодца, на дне которого лежал шматочек, зато капли тающего снега, стекая сверху, быстро наполнили снежный колодец.

Этого как будто только и ждали разные птички: воробьи, синички, овсянки, зяблики, снегири – и начали забаву купанья в этих колодцах. Брызги летели от множества крылышек, и над каждым колодцем стояла маленькая радуга.

14 Апреля. Так и продолжает весна «температурить». Ночью −5, −6, днем +14.

«Et nunc et semper et in saecula saeculorum»* литургии бывает девизом этих возвышенных неведомых поэтов, которых творения состоят из великолепных эпопей, зарождающихся и погибающих между двумя сердцами. (Бальзак «Погибшие мечтания»**.)

Впервые, раздумывая о Ляле как о высшем существе, вспомнил себя, – что и я могу гордиться собой в отношении моей любви: в этой любви я не только ее открыл, но и себе самому узнал цену.

Что нас особенно сблизило – это устранение помехи любви. Мой поток любви упирался как бы в плотину, и река любви превращалась в стоячую воду, украшенную чистейшими белыми лилиями, – эти лилии и была моя поэзия земли. А плотина – это чувственная сторона любви, действующая отдельно от всей любви: часть выступала за целое и запруживала всю реку любви. Я не знаю теперь, чем устранилась эта помеха: люди ли нашли друг друга, или время пришло? Скорее всего и время пришло, и люди пришлись.

Уже два месяца весны света живу в Малеевке. И когда пришла весна воды, время уборки земли, подготовки майского праздника, большинству не захотелось участвовать в этой уборке, разъехались до дачного времени, и со мной осталась одна молодежь, человек пять. Грустно стало думать, – до чего большинство городских не умеет любить природу, покидает в

---

* Соответствует церковнославянскому: «и ныне, и присно, и во веки веков».

** Имеется в виду роман Оноре де Бальзака «Утраченные иллюзии».

[такое] важное время, когда каждый ручеек, каждая [полянка] готовятся к празднику Мая.

Вчера за круглым столиком молодые писатели, ожидающие майского тепла, стали меня выспрашивать о том, о сем. Я скоро понял, чего им надо: они так смотрят на меня как писателя, что из меня вообще что-то *вышло*, а каждый о себе думает: «неизвестно еще, выйдет ли что-нибудь из меня». <*Зачеркнуто:* Так вот, может быть, я им дам что-нибудь из своего опыта.>

– Вы-то сами, – спросили меня, – чувствуете ли, что чего-то достигли, что-то вышло из вас?

– Я это стал чувствовать, – ответил я, – с тех пор как меня перестал интересовать этот *личный* вопрос и вообще судьба этого маленького человека, свойственный всем нам, литераторам. Славиться не имею теперь ни малейшего желания, а писать еще больше хочется.

– А если не слава, то какой же мотив движет вас вперед?

– Праздник жизни, – ответил я, – жду праздника, всеобщего, вечного в своих повторениях рабочего мая.

И рассказал им, в каких муках, если говорить в образах природы, рождается май начиная с февральских метелей, кончая этим взлохмаченным хламом, который показывается из-под снега: все это надо прибрать к празднику, озеленить, огладить, оветрить, дать расцвести. Так точно и в жизни человеческой совершается праздник – это не передник в рабочем процессе, а венец его, высшее достижение единства себя и [природы]... И когда приходит май, я...

– Я ведь только пишу о природе, – сказал я, – а сам про себя всегда о людях думаю, смотрю, как ручьи работают, и вижу, у них это дело выходит. Так и у меня с писанием выходит: люди радуются, значит, и я участник в создании праздника.

– Не всегда же вам так удается с праздником?

– Не всегда, но, бывает, и удается, вот на днях Маршак по телефону сказал, что разные мои детские рассказы будут напечатаны во всех хрестоматиях в миллионных тиражах. Вот это праздник, этим праздником я и живу.

Ее любили монах и попович, она любила монаха. Но монах ей не мог ответить на *всю* любовь, и она уступила поповичу.

Но *эта* любовь (родовая) для нее была не вся любовь. Теперь, познав *эту* любовь, она бы вернулась к монаху, но он умер. И тогда она начала искать и неудачно пробовать до тех пор, пока не нашла того, чего искала: полную любовь к себе, делающую возможным вполне и самой отдаваться.

Вот так если смотреть со стороны, и так пишет Бальзак.

А я о всем пишу изнутри, т. е. пишу о себе самом и о людях, природе, поскольку соприкасался с ними всей своей личностью.

Сегодня в 7 веч. еду в Москву, завтра в среду быть на вечере «Октября» и тут решить о письме в Президиум.

Мало написал о заре утренней и вечерней – столь характерных для севера.

Яловецкий в свои 60 лет прошел верст сорок до глухариного тока пешком. Ночью случилась стужа со снежной метелью. Но один глухарь прилетел, сел далеко за пределом выстрела и не токовал, а только один раз почесал голову лапкой. Другой день опять был плохой для тока, а на третий Яловецкий вернулся на службу и был в восторге от своей охоты: видел в первый раз в жизни, как глухарь почесал себе голову лапой. Такие были в наше время охотники!

15 Апреля. С вечера моросило, и наступило серое влажное утро. Пришла наконец желанная неделя весны воды, токуют тетерева, а я должен ехать в Москву, потому что мне Ляля дороже весны и без нее теперь мне даже и нет весны в природе. Весна моя – в городе.

Замечательное слово «привязанность»: как я жил с Ефр. Павл., привяжешься и думаешь, будто иначе и жить нельзя, и живешь, и живешь, пока тебя не отвяжут. Тогда вдруг окажется, что жить можно куда лучше, чем было, только ты тогда был привязан, и этого сам не знал. Так отвязали меня, и как ни стараюсь, все смотрю теперь на прошлое со стороны и так безучастно, будто ничего и не было.

Начинаю понимать немецкое Pflicht* как сладость повиновения. Есть это и в русском народе, это овечье начало, есть и козлы, но вся беда, что в нашей истории еще суда не было и козлы от овец не отделены. Теперь пришло время, и они отделяются, пришло время Суда.

Сегодня пакт с Японией[77], значит, война Европы и Азии с Америкой.

Страсть сама по себе, конечно, это Бог с ней, хоть бы ее и вовсе не было, но ведь как раз она почему-то <*зачеркнуто:* оживает при> сопутствует влюбленности в незнакомца или когда свой же человек вдруг показывается героем, т. е. по существу превращается в незнакомца. Именно вот поэтому-то <*зачеркнуто:* недеятельная, безжизненная страсть> бездейственное чувство, бесстрастная любовь возбуждает подозрение в том, что не превратился ли я уже в «мужа», т. е. в третье лицо в ожидании незнакомца. Это вот и тревожит, а страсть сама по себе, да пусть ее хоть зашьют и смолой засмолят, спокойней бы жить только стало, и больше ничего.

<*Зачеркнуто:* Я думаю, что писать о людях со стороны никак не следует: при таланте это есть воровство жизни, при бесталанности, когда единственно с пользой писать можно только о себе, это вздор.> Талант именно и есть способность приближать другого к себе и писать о другом, как о себе. Значит, талант поэта есть сила любви, превращенная в слово.

16 Апреля. Рецидив страха. Узнал, что в ЦК не хотят печатать мой однотомник, и это в совокупности с историей о «Новом мире»** мне представилось со стороны как возвращение РАППа. Посоветовался и решил писать хозяину.

17 Апреля. Письмо товарищу Сталину.

Дорогой Иосиф Виссарионович! В моей деятельности советского писателя вышел такой разлад, что я решаюсь на самое

---

* Pflicht (*нем.*) – долг.

** Сохранились письма М. М. Пришвина в «Новый мир» 1940–1943 гг.: борьба за «Фацелию».

крайнее средство: просить Вашего заступничества и помощи. Попросите любого причастного к литературному аппарату характеризовать Пришвина как писателя, и Вам ответят: Пришвин большой мастер, но пишет о природе, не на текущие темы, он писатель несовременный. Напротив, спросите любого лауреата Сталинской премии, Шолохова, Толстого, Сергеева-Ценского, Новикова-Прибоя, присоедините сюда А. М. Горького, и каждый из них ни в коем случае тему моей жизни мне не поставит в упрек. Разрешите и мне самому постоять за себя. Я считаю для советского писателя современной темой не только самый факт строительства или обороны страны, но и создание в душе нашего советского человека той радости, того праздника жизни, с которым легко и строить новую жизнь, легко, если придется, и умирать за нее. Напряжение сознания современного человека при массовой мобилизации его для творческого действия до крайности нуждается в том соприкосновении с землей, из которого мифический Антей черпал свои силы. Я всю жизнь свою занимаюсь пропагандой этой идеи, почерпнутой из опыта собственной жизни. Я создаю поэзию природы не такую, как понимали ее эстетические поэты 18-го века, а новую, всем доступную, постепенно приближаясь к образцам народного творчества. Спросите пионерские и комсомольские органы печати, – все в один голос Вам ответят: Пришвин один из любимейших писателей молодежи, воспитывающий в ней любовь к родине через любовь к родной природе. Спросите Красную звезду, центральный орган Красной армии, – Вам ответят: охотничьи рассказы Михаила Пришвина создают праздник в душе бойца, наполняют бодростью в суровой борьбе. Я не хвалюсь и не выдумываю, я беру эти слова бесчисленных поступающих ко мне отзывов читателей. Я сам глубоко убежден в том, что моя природа есть и школа жизни, и праздник, необходимый для рабочего, чтобы строить, для воина, чтобы бороться. В мои годы исчезает всякая охота к славе, к самообману, стяжанию, я чувствую «современность» не как заданную тему, а как свою родину в себе самом совершенно так же, как чувствую тело свое и кровь.

Не надо закрывать себе глаза на то, что состояние нашей советской литературы далеко не отвечает запросам той живой со-

временности, о которой я сейчас говорю. Я глубоко убежден в том, что у нас для большого искусства довольно талантов: наша родина ими богата. Причину оскудения словесного искусства я испытываю на себе и, не будучи в состоянии сделать обобщение, представлю Вам конкретный пример, случай с моей последней книгой и моим последним замыслом. Это мое последнее произведение «Лесная капель» именно и вызвало в особенно резкой форме то обвинение в несовременности моей, о котором я Вам пишу. Я был настолько задет этим обвинением, что решился написать такую книгу, которая навсегда зажала бы рот моим врагам, открыла бы моим врагам положительную социально-нравственную сущность моей «природы». Я задумал написать книгу о родине и Горьком. Но пока я в течение двух месяцев отдавался в уединении трудной работе, неведомый враг подорвал осуществимость моего замысла со стороны материальной. Я могу написать в среднем в течение одного года 6 печатных листов художественной прозы, которая оплачивается по тысяче рублей за лист. На эти деньги трудно прожить, приходится заниматься так наз. халтурой или служить. Я поддерживаю возможность заниматься художественной литературой благодаря тому, что по инициативе Горького ежегодно печатается том собрания моих сочинений. В прошлом году я получил деньги за последний, пятый том. Чтобы в новом, 41-м году я мог бы заняться вышеназванной книгой, «Гослитиздат» пришел мне на помощь изданием однотомника избранных моих сочинений, апробированных в доступности массовому читателю. В последние дни я получил сведение, что издание этого однотомника не будет введено в план вследствие несовременности моих сочинений. Таким образом передо мной закрывается возможность даже косвенным путем доказать свою современность, и я должен заниматься не тем, что делал сорок лет. Но, может быть, я во всем ошибаюсь и переоцениваю свой труд?

Все возможно. Я прошу Вас решить это: переходить мне на положение рядового работника, заниматься не своим замыслом, а темой со стороны, или окончить жизнь тем писателем, каким я был 40 лет и не устаю быть им, выпуская каждый год новую оригинальную книгу. У меня есть еще много замыслов, и я очень прошу Вас дать возможность мне их осуществить. Для

этого требуется так немного при моем скромном образе жизни: разрешить издание названного популярного однотомника и повторить предпринятое Горьким издание собрания моих сочинений в пяти томах, выпущенное всего только в десяти тысячах экземпляров. Прошу Вас верить, что только крайняя необходимость заставила меня отнять у Вас время. Искренно преданный – Михаил Пришвин.

Письмо Поскребышеву.

Уважаемый т. Поскребышев!

Посылаю на Ваше рассмотрение письмо <*зачеркнуто:* в котором излагаю, в каких трудных условиях мне приходится отстаивать полезность для современного гражданина моей литературной деятельности>, в котором на своем примере затрагиваю, как мне кажется, вопросы общественного значения. Прошу Вас, если найдете возможным, ознакомить с этим письмом Иосифа Виссарионовича.

18 Апреля. Чаковский читал своего Пришвина – какое-то юношеское сочинительство, стилизация истерическая, но щука приготовлена по-еврейски с перцем, так он пишет: «Оболочки сердец человеческих крепче атомов...» И вот слава-то Богу, что крепче, а то ведь и жить бы нельзя было.

Мне помнится теперь то забываемое царское время, когда многие жили с открытыми сердцами и в Светлое Христово воскресение, бывало, в Москве, если хорошо поглядеть на незнакомого человека, да еще если он немного выпивши, то он возьмет, обнимет тебя и похристосуется.

А то раз, помню, в марте в Москве на какой-то улице увидал свежие зеленые огурцы и начал их торговать. – А сколько, – спрашивает, – вам надо? – Мне, говорю, много надо, десяточка два. – Нечего делать, – говорит и завертывает два десятка и денег не берет, потому что, оказывается, я первый покупатель и для почину продать надо бесплатно.

А то, помню, на Тверской вот дует кто-то меня в спину кулаком, оглядываюсь, незнакомая старуха ругается: – Ай, ты, глухой, кричу и не слышит, скажи, родной...

А то было, я же сам писал в «Русских ведомостях»[78], как десятирожный зверь убьет царя хоботом. Так жили мы тогда с открытыми сердцами, и что из этого вышло?

Ай-я-яй! Вчера Лева позвонил и грубо разговаривал с Лялей. Ее затрясло, а когда я справился с собой, успокоился, и она успокоилась. Это навело меня на большие размышления о поведении в отношении друга: ради него именно и надо уметь побеждать страхи всякие и дурные привычки <*зачеркнуто:* и эта работа должна идти в оправдание любви. (Над этим всерьез начать работу, сделать главным делом.)>

Вот взять свое «ай-я-яй!», как я привык вслух восклицать при всяких неожиданных пустяках. Посажу кляксу и «ай-я-яй!» – а она это даже спящая услышит, вздрогнет, крикнет: «что, что?» будто разбойники пришли или пожар. Вот с этого и надо начать самовоспитание, отвыкать от «ай-я-яй» и освобождать постепенно [ее] от страха.

Сколько жизней таких было, муж весь в деле, а женщина молится в помощь ему, и он ее молитву ни во что ставит, а она в деле его ничего не понимает. Много таких жизней прошло незаметно, но вот прошла жизнь. Микитов и его жена. Говорили о mania religiosa Лидии Ивановны <*приписка:* (Федин утверждает)>, а Ляля повернула вопрос: а если она-то вполне нормально религиозна, они же, ее судьи, муж и К. А. (Федин), ничего не понимают, как не понимал, напр., Чехов на Сахалине...

Вспомнился целый ряд «блудниц» в таком освещении, что блудница-то и делается блудницей в напрасных поисках... поглощение своей личности родом. Впрочем, такое оправдание блудницы содержится и в Евангелии. Вспомнил, думая о Ляле, целый ряд блудниц от Екатерины II до Марии Магдалины и всех оправдал: все они, отвергаемые родом, ищут, блуждая, утверждения своей личности, и не все, но иные находят.

<*Зачеркнуто:* Роман:> Оправдание блудницы.

Невропатолог Ляле сказал: – Наш брат вас не удовлетворял, и вы создали себе в оправдание свою философию, и благодаря этому жизнь у вас до крайности осложнилась.

«Наш брат» – это надо понимать, как мужчины с родовой потребностью. А «философия» Ляли в том, что она противопоставила этому безликому стремлению свою личность. Что же тут нового? Трагедия эта переплетена в одном томе: Ветхий и Новый Завет.

19 Апреля. Вспоминали, как в прежнее время весь народ готовился в этот день к празднику и мы тогда не понимали духовного богатства своего и требовали *отделения* церкви от государства. И вот теперь церковь отделилась: она борется за себя своими средствами, силами, тогда была церковь поповская, теперь церковь духовная. А мы опять недовольны и вспоминаем блаженное время, когда с колокольни Ивана Великого в Светлую ночь раздавался первый благовест и потом за ним все сорок сороков праздновали Светлое Христово Воскресение.

Ляля рассказывала, что в 12-летнем возрасте она чище и лучше понимала Евангелие, чем теперь, умудренная опытом и философией, и даже пример привела: прежде она понимала, не думая, а прямо по евангельскому свету о том, что надо любить врагов. Теперь она того света уже не чувствует, а в рассуждении сбивается. Сравнивая себя в тот же период времени, я вспоминаю себя остолопом, и мне теперь думается, что, может быть, так и должно быть, что Христос без рассуждения, а прямо как Данное может быть воспринят только от девушки. Недаром и Богоматерь-то почитается как венец Божьего создания.

А откуда же и возьмешь эту любовь и эту Мысль, как не от чистого сердца.

<*Зачеркнуто:* Лялин Христос – это чисто женский образ, он рождается в сердце девушки. И если он (N)* принимал его не прямо, как она, а через любовь к ней, то это правильно, иначе и быть не могло.>

И если N через нее понял и принял Христа как реальность, то это не только правильно, а можно и так поставить вопрос: есть ли и еще другой какой-нибудь путь.

---

* Имеется в виду Олег Поль (иеромонах Онисим).

Вчера у Ляли вырвалось: а есть ли эти *«чудеса»,* как о них написано? (Ее манера внезапных сомнений, действенных, *революционно-созидательных* <*приписка:* на ходу: какое-то обнажение самого провода движущейся от сердца мысли: мысль [вдруг] вырвалась из колыбели и спрашивает: почему?>. Ее сомнения как балласт, который сбрасывается, чтобы аэростат мог выше лететь.)

Диалектический момент. Эта ее манера внезапных сомнений, мелькающих на ходу диалектической мысли: она совершенно бесстрашна в таких сомнениях, и если на пути движения Мысли сам Бог станет преградой, мне думается, она и самого Бога смахнет. Меня в ней это восхищает, и эта ее царственная свобода именно и привела меня к Богу.

Лина – это святая современная, и пустыня ее современная. <*Приписка: Чудо*. Кто эта Лина? спросить Лялю> В прежней пустыне была борьба с чертями. Теперь на месте чертей – люди такие. И раз уж черти явились в образе людей, то, конечно, и «чудеса» осовременились.

<*Зачеркнуто:* Намечаю дать характеристику современного чуда.>

И так все переиначилось: и уход в пустыню как уход на службу, и вместо звезд – окна домов с электрическим светом <*зачеркнуто:* (и чудо в дворнике, снимающем фартук перед причастием, и т. п.). И, может быть, прежняя *природа* пустынь, с луной, звездами и водами – теперь значит как соблазн. Так что подвиг Лины надо представить без всяких традиционных, выкраденных поэтами для себя образов природы>. И когда из этого получится городская, выхолощенная, гоголевски беспощадная пустыня, то вот тут-то в этой дьявольской желатине и выявить чудо <*зачеркнуто:* переделка этой желатины в благотворную среду. Или это невозможно? Чехову это было невозможно, потому что если смотреть со стороны, Лина физически разрушается: Чехов описал бы процесс разрушения>.

<*Зачеркнуто: Оправдание* Ляли[79] начать с ее бесспорного падения, в котором и ставится вопрос о ее оправдании.>

Он вел ее к отречению, она же в этом увидела гнушение браком... Оправдание ее в том, что гнушение браком вышло

из поэтической гордости <*зачеркнуто:* и даже прямо из поэзии>, она же, отдаваясь грубому влечению, именно и принимала тем самым на себя грех, т. е. то самое, чем все мы больны, она хотела пострадать, хотела быть как все. <*Приписка:* Но не могла и падала дальше, блуждая в поисках. И ею, как блудницей, соблазнялись.> Она, как падший ангел <*зачеркнуто:* искала Бога в людях, приняла образ блудницы, и ею соблазнялись, и она в поисках обратного пути к духу должна была соблазнять людей и бросать их, пока не найдется>.

Их поняли как секту гнушения браком, но это неправда: они не гнушались, но шли по пути святости. И если бы она не пала, то умерла бы с ним, как святая. И пусть бы она не выдержала и пала, то, если бы он остался в живых, с нею падшей стал бы жить, как с женой, и этот брак его стал бы как путь, обходящий гору, или какое-то иное препятствие, но привел бы его все равно к святости.

С его стороны был просто недосмотр, с ее – уступчивость и, пусть, падение: она не разбилась в этом падении и, может быть, хромая, но опять бы пошла в гору, как идет теперь со мною и надеется еще попасть со мной в те же горы, на те же пути.

20 Апреля. Воскресенье (Пасха).

Скорое воспитание. Солнечный день, влажно задымленный. Мы с Лялей гуляли в Нескучном саду и любовались на детей под ружьем. Те же свистуны, голубятники и хулиганы, взятые под ружье, становятся прекрасными детьми. Секрет в том, что военная игра есть такая же игра, как и уличная, только взятая всерьез: тут тягость труда игрой побеждается, и дети, играя, становятся взрослыми. Возможно, что именно только на этом военном пути и возможно перевоспитать, исправить распущенный ленью и поблажками русский народ, и притом в скорейшее время.

И ты, свободолюбивый гражданин русский, не о свободе мечтай и не свободой соблазняй других, а силой стремления к этой желанной свободе создай ей охрану и помни, что до

сих пор еще мы не вышли из закона: si vis pacem para bellum*. (Командующий ребятишками генерал и 4 гренадера 8-летних, как один из них учит трех в зеленых шлемах.)

Вот немцы чему учат нас, и они могут быть побеждены, если только найдена будет более совершенная сила охраны свободы. Эта война, как река, движется в берегах: моральные берега этой войны создаются из немецких трупов. Ох, и возопили бы «разумники»! NB. А это и есть вопрос наш: симпатию к немцам нельзя высказывать:

1) потому что самые темные русские ждут немцев как освободителей от большевиков, 2) [потому] что некоторые исходят прямо от Нилуса, 3) почти никто не понимает движения русских к внутреннему немцу, т. е. самим быть, как немцы, и этой силой закрепить свободу.

Зрелище нынешней Франции есть живой пример незащищенной от разврата свободы.

<*Приписка:* 6 Марта 43 г. см. ТАСС, где сказано по поводу Польши об уроке войны: славяне против немцев.>

21 Апреля. Отправил письмо (Сталину), которое писалось 5 дней. Я должен был его написать и сделал это до того хорошо, что при неудаче (замолчании) буду не я виноват, а, значит, будет такая моя судьба. И я до того уже и прекратил думать о хорошем исходе, что завел вновь переговоры с Лит. музеем о продаже архива.

22 Апреля. <*Зачеркнуто:* Надо и Хочется – это Ветхий Завет и Новый: все Хочется, вся свобода вышли из Нового Завета, – а блудницы и актрисы [из Ветхого].>

---

* *si vis pacem para bellum (лат.)* – если хочешь мира, готовься к войне. Источник: римский военный историк и теоретик Вегеций Флавий Ренат (кон. IV – нач. V в.), «Краткое наставление в военном деле», 3, Пролог: Qui desiderat pacem, praeparet bellum. «Кто желает мира, пусть готовится к войне». Подобная мысль ранее высказывалась Цицероном (106–43 гг. до н. э.) («Филиппики», VII, 6, 19: Si pace frui volumus bellum gerendum est. «Если мы хотим пользоваться миром, приходится воевать»), авторство же приписывается римскому историку Корнелию Непоту (94—24 гг. до н. э.) («Эпаминонд», V, 4: Paritur pax bello. «Мир создается войной»).

Определилось: 3 Мая в 9.20 веч. выезжаем с Лялей в Весьегонск. Значит, времени от 23 до 2/V = 10 дней. Дела:

1) Соловейчик: командировка в Весьегонск. Сделано.

2) Катынский: ружье.

3) Путевка в Малеевку.

Вечером Скалдин <*приписка:* антропософ-мистик, как и Разумник> читал свой роман[80] <*зачеркнуто:* и доказал возможность писать и не печататься. Это литература...>

<*Зачеркнуто:* ...и вдруг если звонок и меня спрашивают: – Ну, скажи, что хочешь, и помогу: что надо для твоего ума? – Мне нужно что? об этом я написал: нужно, чтобы издавали меня и деньги платили. А что нужно другим? Тоже чтобы печатали. Спросите: – Нельзя же, чтобы всех печатали? – Нельзя, конечно, всех, но можно, чтобы всем стало полегче. Так же точно было при РАППе, – отменили РАПП, и все обрадовались[81]. Теперь у нас стало похуже, чем во времена РАППа, – тогда знал врага в лицо, теперь у врага нет лица и не знаешь, на кого жаловаться. Я бы сейчас всех, причастных к руководству литературой, перегнал бы на другое занятие, например, на бумажные заводы – это раз. Второе – собрал бы лауреатов и им поручил организацию нового руководства. Сразу бы стало легче и запели струны.>

Сергеев-Ценский всю жизнь писал, представляя себя кем-то вроде Печорина. Но пришло время, он сбросил с себя шкуру Печорина, и вдруг оказалось, что он просто Максим Максимыч[82]. И государство оценило это, его «Севастопольская страда»[83] признана была патриотической книгой, и он стал лауреатом Сталинской премии. После этого вспомнился царь Николай I, который почитал как героя нашего времени именно Максима Максимыча. И вот странность! явно, что Николый I прав: настоящий герой Максим Максимыч. Но почему же все-таки на примере Ценского это смешно, что Печорин превратился в Максима Максимыча?

23 Апреля. Дождь весь день. Болит голова.

Скалдин, Разумник и много их помню таких – это надутые знанием лягушки. Сидит лягушка на камне, приготовилась, на-

дулась и ожидает, когда соберутся другие лягушки прослушать ее повесть. Ну вот, дождалась, сотни их высунулись из воды.

– Ква-ква! Начинаю, – сказала она.

– Ква! Начинай! – закричали все.

И заурчали.

Знание дается в помощь пониманию, а понимание рождается из целомудрия <*зачеркнуто:* и веры>. Но эти люди, Скалдин и Разумник, целомудрие возмещают знанием: ничего не выйдет.

24 Апреля. <*Зачеркнуто:* Продолжаю раздумывать о романе Скалдина и антропософах. Знание в помощь вере, или вера в помощь знанию, или святое неведение с обязательством не совать свой нос, куда не следует. У этих людей (антропософы) не хватает силы веры, чтобы поднять все современное Знание в оправдание Бога, и вот эта немочь порождает состояние верознания… (Вера – женск., Знание – мужск.)>

<*Зачеркнуто:* Разумник хочет веру восполнить знанием – очень плохо, но нельзя тоже с верой выступать против знания. Вера должна поглотить знание себе на пользу. А у них знание поглощает веру себе на пользу.>

Христос родился от Девы, и это было раз в истории человечества. Но если взять не историю, а личность, то каждая личность рождается от Девы и Духа.

<*Зачеркнуто:* Роды (Родина) – это женщина.

Дело, деятельность <*приписка:* творчество> (отечество) – это мужчина.

Христос – это деятель. (Вышел сеятель сеять.)

Христос рождается от Девы, но начинается он не от Девы, а от Отца, из безначальности.

Это у Девы как образ: от Девы рождается лишь образ Сущего: человеческий образ Сущего, Дева, рождая, чертит образ Сущего, она прежде всего есть Художница.>

<*Зачеркнуто:* Ляля, конечно, всегда готова родить и как Ева, но она может родить только от любимого: тут она готова.>

Она бунтует лишь против обязательства родить без любви («стерпится – слюбится»). Вот тут-то она бунтует и становится «Христовой невестой». В этом священном восстании женщины и происходит извращенное представление о Христовой невесте как образе безбрачия.

На самом деле Христова невеста – это кто хочет и требует брака лишь с человеком любимым во Христе. С таким человеком для нее возможно и просто родить, как Ева. Пожалуй, именно таких родов и жаждет она, но не может найти любимого, и оттого ей маячит Христос как любимый, как образ нерожденного человека, образ, требующий воплощения.

Христова невеста. Ей маячит Христос как образ нерожденного человека, и оттого-то она и бунтует против брака «стерпится – слюбится». Она стремится родить от любимого во Христе.

Наметилось, что –
26-го вечером выезжаю в Малеевку и там пробуду:
27, 28, 29, а 30-го в 7 веч. вернусь.
Пробуду 1, 2, 3-го вечером и по 11 в Весьегонск.
За дни в Малеевке приблизиться к Падуну.

25 Апреля. Снег, все крыши белые.
Материалы к «Красной звезде»[84].

Визит в долину и в разговоре возможность мира по инициативе Америки ввиду промышленного кризиса после войны и работы на Европу и торжество 3-го смеющегося. И что Германии необходимо за это лето победить.

26 Апреля. Снег валит и валит. Коты дерутся на крышах, оставляя глубокие следы. Но снег сейчас же их вновь закрывает.

Немцы взяли Фермопилы[85], и эта победа взбудоражила Америку. Ведь победа такая – есть абсолютная победа, потому что если и победит кто-либо немца, то он сам должен в немца превратиться в своем отношении к смерти.

Надо бы ехать на охоту в Малеевку, но снег, не хочется. А бывало, разве я обращал на это внимание!

<*Зачеркнуто:* Опросить командиров, кому чего хочется для себя лично, вне обязанностей общественных, семейных [если остались] бы одни на своем [Хочется], называемом Праздник.>

Люди не любят объяснять события общественной жизни глубокими причинами, но глубокие причины действуют, и вот отчего все *выходит* как-то не совсем по-нашему.

27 Апреля. Солнце, но все еще холодно.

Ни спортом, ни туризмом заниматься не пришлось мне, потому что все, из-за чего занимаются спортом и туриствуют, входило в мое повседневное дело – словесно-художественное выражение своего чувства природы. Путешествовал я больше на своих на двоих и охотился вначале, чтобы добывать себе пищу, а после чтобы добывать материалы для своих охотничьих рассказов.

Признаюсь, что в глубине души спорт и туризм и дачничество долго возбуждали во мне чувство, не скажу, чтобы очень доброе. И только не очень давно я понял, что не всякий может усилием собственной воли устроить независимый отдых. Но, признавая теперь спорт как необходимое занятие, я ставлю перед каждым спортсменом идеал – нельзя ли все-таки придумать себе самому свой выход из туризма и спорта, сделаться серьезным путешественником и, вовсе не думая о спорте, достигать здоровья и долголетия.

Все равно ведь и в обычных условиях туризма и спорта весь успех зависит от того, как найдется тот или другой, чтобы развить свои способности лучше других.

Написать «Дятлы»...

Всех птиц я разделяю на два класса: один класс – это птицы, живущие в зависимости от человека, и другой – независимые.

Сколько птичек на свете, столько и у нас в ответ им разных чувств в своих оттенках. Дятел вызывает во мне чувство уверенности и независимости. Лес горит – он долбит. Лес рубят –

ему хоть бы что: долбит. Он похож на тех, кто сказал: «Помирать собирайся – рожь сей».

Были в гостях у дураков <*зачеркнуто:* тыкался, тыкался я в стену и не мог прошибить, схватился за пирог и водку>... С дураками приспособляешься к ним и вдруг очнешься и захватишь себя в дураках...

С дураками <*зачеркнуто:* делаешься в своих глазах сам дураком, т. е., приспособляясь к ним, внезапно> видишь сам себя, как тоже приспособлялся и теперь дуракам говоришь как дурак, чужими словами, недавно схваченными. Напротив, с умными потому и приятно говорить, что чужое <*зачеркнуто:* за свое принимаешь и оттого кажется, будто умнеешь> умное слово вызывает твое: и так умнеешь.

<*Зачеркнуто:* Умный человек тем умен в разговоре, что непременно учитывает «я» собеседника и пусть не понимает его, но учитывает и как непонятное. Это пленяет собеседника... Напротив, неумный человек делает из собеседника «тип» и делает вид, будто знает вперед, что тот скажет. Но и то внимание к индивидууму, и это отношение к типу есть только личное выражение двух творческих мировых сил раз-личения и об-общения.

Увы! первая сила до того себя скомпрометировала, что теперь отступает, и на место ее становится об-общение, все равно – немецкое или русское. Как здоровый человек, любящий жизнь и ее не изведавший, становишься на сторону об-общения, хотя заранее знаешь, что это будет хотя и необходимая и здоровая и единственно возможная, но скучная жизнь.>

Победа в Греции сразу рассеяла легенду о конце Гитлера, и русские люди, т. е. глупо-русские подняли головы. Как это ни <*зачеркнуто:* смешно> странно, но глубочайшее всенародное сочувствие немцам есть своеобразное проявление русского патриотизма (в смысле призвания Рюрика).

<*Зачеркнуто:* Чтобы победить, надо уметь умирать, чтобы умирать, надо любить. У немца между любовью и смертью как мост лежит Pflicht.>

Война как абсолютное зло теперь в сознании многих благодаря немцам переиначивается в силу <*зачеркнуто:* Страшного Суда> Судьбища.

Кажется, что борются два величайших народа, немцы и евреи, непосредственно-национальная сила жизни с силой практического интеллекта (Капитала).

В сущности те, кто не может поверить возможности крушения капитала, похожи на наших елецких купцов, говоривших о вечности: «рубль вечен». Без такой формы зла они себе жизни представить не могут, и все их лучшие мечтания базируются на «рубле». Очень возможно, и сами немцы не знают того, что творят...

<*Зачеркнуто:* Будет ли пытаться Америка, если Германия займет острова, примирить, устроить мирную передышку? Или это уже невозможно вследствие грядущего кризиса и революции?>

28 Апреля. Дождь и довольно тепло. Ехал в Малеевку, смотрел на леса, напоенные влагой, на остатки белые снега в хвойных борах и не мог найти в себе прежнего трепетного соприкосновения с весной: все это осталось назади... И что еще осталось во мне и как будто требует внимания к себе, это и есть все, что осталось мне хорошее от моей прежней семьи.

Вот отчего, когда Ляля вступает на этот путь, уверяет, что она тоже любит природу, мне становится не очень приятно: знаю, что того она дать не может и не тем она сильна. Там игра ребенка, здесь любовь и требование...

Пожалуй, самое характерное у Ляли не доброта ее и нежность, а вспышки внезапные требования правды...

<*На полях:* У нее какая-то особенная память, скажу, моральная: случайно скажешь ей что-нибудь на ходу, и она эту мелочь держит в себе, держит, сто раз забудешь, а она вдруг напомнит...>

Ни малейшего упрека в измене весне я себе не могу сделать, это сделалось не моей же волей, потому что такому, как я, Лялю нельзя не любить. Ни в весне, ни в поэзии не узнавал я себя, я

впервые узнал себя в ней и впервые измерил себя, впервые оценил себя. Часто думаю о том, что какие же они все ничтожные, если не могли оценить такую, как она: ведь ее же нельзя не любить, а они, будучи с ней, любили только себя.

Я опоздал к воде, все лесные ручьи сбежали в реку, и по реке вода ушла в далекое море. Теперь река спокойно и величественно идет в своих берегах.

Я к весне опоздал и чувствую, будто все богатства, какие рождались во мне когда-то весной, сбежали ручьями в одно сердце, широкое, как море, и все, что рождается во мне вновь, все сбегает рекой в это море-сердце. Ничего со мной необычайного не случилось: моя река вошла в берега.

Мысль прикована к загадке истории: скоро, знаем все теперь, что очень скоро прочитаем разгадку, и с трепетом ждем.

Слушал, слушал и дивился этой форме патриотизма: они хотят немцам победы больше, чем себе, в немецком гении чувствуют свое торжество. И в то же время это нельзя назвать пораженчеством, ждут не поражения своего, как в Японскую войну, а возрождения при помощи немцев. Чепуха, но странная.

Надо полагать, что немцы погонят Турцию в Азию, а мы займем проливы, как Польшу. Но что, если турки просто пропустят немцев к Суэцкому каналу?

Американцы работают хорошо на войну, но им едва ли что-нибудь достигнуть: кроме машины, еще должен сделаться человек, способный воевать...

29 Апреля. Малеевка. Пасмурно, внизу гремит ручей, и там по склонам берегов еще белеет в кустах пятнами снег. Поют певчие дрозды. Нет ни малейшего желания охотиться.

Ляля сказала, что Зина всегда мудрая, а у меня это выказывается только в любви или в писаниях.

Великодушное отношение к прошлому с отбором лучшего и благодарностью, с забвением дурного – вот залог движения вперед.

Во мне есть особенно сильное чувство благодарности к месту, где я жил, прямо к самому месту, к оврагу, к дорожке, к дереву, стерегущему на поле вход в лес, к запаху коры, прелой листвы. Вспоминая это, я забываю неприятное. А Ляля, мне кажется, мало благодарна месту, даже если ей было очень хорошо: Тяжино, Малеевку она вспоминает уже с гримасой. Это оттого, что вся любовь ее собралась к одному месту, где не нужно отбирать хорошее и дурное: там все свято. Это можно понять и по себе: так и я после того, как определился в ее сердце, ко всякому другому месту стал довольно равнодушен.

Люди эти, играющие на биллиарде, воображающие себя писателями, ничем не лучше рантье, получающего доход на свой капитал.

Сущность этого процесса, охватившего весь мир, состоит в умении пользоваться лично для себя той силой, которая предназначена для всего Человека. Сила эта заключается в способности человека беречь настоящее для будущего. Для этого и действует принудительная сила государства: скоплять человеческий труд для потомства.

Но какая-то часть людей под предлогом государства пользуется этим трудом каждого для других – для себя лично. И это распространяется на все и во всем, как закон: я не работаю, я режу купоны, сижу в редакциях и в чем угодно, я пользуюсь трудом других. И если я лучше всех в этом успел, я получаю власть над тем, кто работает сам и создает нечто новое. Среди этих людей есть совершенные тупицы, они принуждены весь свой труд с утра до ночи отдавать только на то, чтобы воспользоваться трудом других.

Есть, конечно, ученые-творцы, мы не будем нападать на них. Но те средства, которыми они пользуются для своих открытий, делаются целью для глупеньких, и так во множестве воспитываются образованные дурачки, ничего в мире не видящие, кроме своей специальности.

Вследствие этого сам ученый куда-то исчезает, а дурачки, потеряв разум свой последний в специальности, попадают под власть машины. И так разум человечества помещается в машину, и жизнь не создается, а выходит. Так англичане вооружали немцев на Россию, а немцы пошли на них.

Страшный Суд – надо понимать не как окончательный и единственный акт, а как изначальный процесс, осуществляемый в судьбе каждой личности. Так вот в прошлом году меня судили с Ефр. Павл., Лялю с Алекс. Вас. и т. п.

Страх Божий и есть чувство грядущего Суда.

И если мы верим, что каждому приходит время Суда, то почему же нет Суда целым народам? И если бывает суд народу, то почему нельзя надеяться праведным, что после Суда станет лучше жить? А наши христиане и знать не хотят ни войн, ни революций. Это самообман... А может быть, у них это из-за того, что война берет лучших – лучшие гибнут, и нельзя на этом несчастье строить свое счастье.

30 Апреля. Утро пробыл у лесного потока. Вечером вернулся в Москву.

Ляля заметила, что я свое чувство природы противопоставляю ей, как человеку городскому. Но она сегодня старалась уверить меня, что ее чувство природы не меньше моего, что в природе ей даже много лучше, чем в церкви: люди создавали церковь, но природа нерукотворная.

В природе нас манит все нерукотворное, и наше искусство прикладывается к природе (создание парков) лишь с той целью, чтобы «нерукотворность» природы сделать людям доступнее.

1 Мая. Ездили к Мишке в Петровско-Разумовское, и вспомнил я свое прошлое: больно было очень. Народ на улице веселился, но это был не тот народ, в который можно войти...

2 Мая. Сборы в Весьегонск.

3 Мая. День нашего отъезда в Весьегонск.

Помню время, когда среди маленьких людей в «Госиздате» Накоряков говорил о том, что сейчас для разрешения всех вопросов все стремится к одному пункту и до того сильно, что уже тесно и трудно попасть (к Сталину). Вот это движение к центру, как движется вода к дырочке воронки, и было началом создания личности, власти.

Это ощущение движения народа к созданию власти, к ее личности и через личность (Сталина) к обороне и к внешнему движению надо изобразить в Падуне и в двух планах: народный, как аврал, собирание людей вокруг Сутулого и собирание воды к Падуну.

Наблюдать в Весьегонске: 1) Повадки животных во время наводнения. 2) Движение воды. 3) Отдых в идее: отдых должен быть праздником, а праздник – это пробуждение в душе инициативы, когда самому что-то лично захочется такое, из-за чего не жалко и жизнь отдать. 4) Комплексное охот. хозяйство: сезонно чередующийся ряд возможностей отдыха.

Река – это борьба воды с берегом при конце предопределенном: вода победит и придет в океан. Оттого всегда весело бывает весной смотреть на ручьи: каждый из них уверен в победе, и даже самый маленький не добежит до большой воды и останется в земле, – все равно, рано ли, поздно ли он войдет в зеленые растения, через них паром поднимется и будет с облаком создавать небеса...

Вода в природе всегда побеждает, даже от самого маленького ручья разваливаются со временем горы. Но вот пришел человек, победил воду, заставил ее работать на себя, создавать другие берега. Такая вода говорит о человеке-победителе...

В 9.30 вечера выехали с Савеловского вокзала.

4 Мая. Вновь увидели снег. Овинище. – Ветряк из ведра. Баловство. – А может быть, он динамку вертит. – Это есть. – А из динамки ток в аккумулятор. – И это есть. – А из аккумулятора ток в лампочку, вот и освещение. – Лампочка тоже горит, это есть. – Тогда оказалось, что живая [сила] и освещает элек-

тричеством. А что это есть «баловство» – это [взгляд] из Пошехонья[86]. (Жизнь без инициативы.)

Картина города, уходящего под воду… Картошку выкапывают.

Пока только разлив, но это не простой разлив: он таким и останется… Лось подошел к воде и, может быть, узнал ее: так было и прошлый год и всегда. Может быть, он и напьется этой [большой] воды, не зная, что эта вода уже не уйдет в море, а останется в этом море, сделанном рукой человеческой… (Идея инициативы.)

Мы пришли к заключению, что возникновение инициативы есть праздник человека: и правда же, что может быть лучше того, как в голове является своя затея, из которой рождается дело. Охота: все готово. Время – уничтожить базу. И вдруг является с точки охотница: она бежала за косачом: валенок (докторша будет лечить).

Возле станции Овинище, где мы пересаживались из Ленинградского поезда на Весьегонск, обратил наше внимание небольшой любительский ветряк. Вместо крыльев у него были два жестяные корытца, поставленные так, что ветер, дунув в одно, повертывал к себе другое, дуя в другое, возвращал к себе первое.

– Игрушка, – сказал нам кладовщик, принимая багаж.

– Да, – ответили мы, – но если к этой игрушке приставить динамку…

– Это есть.

– А к динамке аккумулятор.

– Это есть.

– Да провести ток в жилище, да…

– Это есть: горит электрическая лампочка.

– Без керосина обходится хозяин?

– Без керосина.

– Ну так почему же игрушка?

Кладовщик согласился и с этим. А его «игрушка» оказалась выражением его общей инерции, сопротивления духу нового времени.

Так потом и в Весьегонске, этом клюквенном городе, мы узнали этот дух, почивающий на каждом домике. Казалось, многие, многие десятки и сотни лет этот дух однотонной серой обезличенности почивал без движения, как вдруг...

...Из моховых клюквенных болот вышел лось и увидел перед собой, далеко не дойдя до привычной воды реки Мологи, большую воду. Лось по-своему удивился и на длинных ногах с коротким туловищем, вытянув шею с рогатой головой, стал похож на механическое сооружение. На рогах его было много отростков, не первый год он выходил на разлив. Возможно, он понял, что это «спорная» вода разлива обычное явление весны, возможно, он даже и напился этой воды. Но эта вода была не от спора Волги с Мологой: эта вода была от спора Волги с самим человеком. Лось напился воды, которая больше не вернется в речные берега. Все кончено, природа вокруг стала заключена в рамки человеческого разума, и вода стала работать не сама по себе, а на человека. И сам лось, напившись этой воды, приобщился к делу рук человека и вскоре будет зарегистрирован <*приписка:* учтен> в число лосей, найденных таксатором военно-охотничьего хозяйства Весьегонского охотничьего дома отдыха.

На берегу того же подступающего Рыбинского [водохранилища] не только лоси, зайцы, мыши, лисицы и всякие зверушки попали под действие руководимой человеком стихии, но и сами люди, беспечно собиравшие ежегодно хороший урожай со своих огородиков на очень плодородных заливных лугах Мологи.

5 Мая. Шалаш из можжевельника.
Павел Ларионович Ларионов, безрукий: охотсторож.
Ляпунов Иван Семеныч: охотовед.
1) Визирки (ЧТО ЭТО? Дать коммент.).
2) Лыжный след обошли.
3) ?
4) Большая синица.
5) Хорошая большая группа людей.
6) Ночевка (землянка: мох, лапник, муравейник).

Машковцев – проф. биолог.

Гайдаренко Степан Степаныч – герой летчик.

Туржанский Борис Александрович – герой.

Серов Петр Иванович, капитан, слушатель военной академии.

6 Мая. Весенний довольно теплый дождь. Можно надеяться, что наконец-то распустятся деревья.

Появление героев: детский зеленый шум. Кто убил трех волков?

Орех и белка. Маскировка под утку. Отдых в воздухе, а на земле? тучнеешь на воздухе – а на земле походишь и настолько и похудеешь.

Какие уходят и какие приходят назад (с охоты).

Много надо бумаги, чтобы воспроизвести все слышанное мною в охотничьем доме отдыха под Весьегонском на последнем разливе Мологи. Слышал я, будто бы лось вышел из леса и вдруг увидел перед собою целое море воды. Лось будто бы осел назад... и проч. ...

Еще слышал я, рассказывали о повадках животных, как многие бросались от воды в лес, и люди и около Весьегонска стали сносить свои жилища.

На той самой Соколиной горе, где Грозный охотился с соколами, так пришлось, что в наше время устроился охотничий дом отдыха для командиров и бойцов Красной армии. Видно, завет царя Алексея Михайловича: «делу время, потехе час» для всех времен не стареет.

Одному хочется на тягу вальдшнепов – захотел и пошел в светлый березняк под ропот ручья слушать птичек и встречать вечер. Другой захотел и пошел в темный тяжелый сфагновый лес – на глухарей. Третий захотел и пошел к разливу на уток...

Потехе час!

И каждый торопится.

В этот час каждый делает то, что ему самому хочется, и этот час своей воли – кто знает? не он ли именно, этот час, и

определит потом характер тому самому делу, которое требует времени.

Как рассказывал один охотник за столом про охотников...

(Развить мысль о времени: Отправляясь по просьбе редакции для описания охотничьего дома отдыха в Весьегонск на Рыбинском водохранилище, я подумал: «брать мне ружье или не брать?» Долго я колебался, время охотничье, хорошо бы, но знаю, как на охоте – проохотишься, а людей не увидишь. – Скажите откровенно, – спросил я по телефону свою редакцию, – охота вас интересует, природа или же люди? – Конечно, люди, – ответили мне. И это решило: ружья с собой я не взял.

Так и съехались мы в военном доме отдыха, герой Туржанский и Гайдаренко, один полковник, один майор, капитан, военюрист с женой – впрочем, все с ружьями – всем потеха, а я без ружья – мне время: я должен писать о том счастье, какое испытал попадая в потеху.)

Вечером охотники вернулись. Туржанский (герой) орал на обслуживание, на «отсутствие кормовых баз» (а вода только что пришла). После всех пришел «не герой» и принес добычу (повторение темы военюриста).

Характеристика Весьегонского лесного массива, как мрачно-северного.

Командированный «Красной звездой» для описания охотничьего дома отдыха, я скоро напишу в названной газете подробно о своем пребывании в доме с 3-го по 7-е Мая. Что же касается администрации и обслуживающего персонала, то мы можем им выразить искреннюю мою благодарность. Михаил Пришвин.

7 Мая. Дождь. Насморк. День провели как на вокзале, вечером в 7 в. собрались и поехали домой. В Овинище на пересадке [некто] Зыков и рассказал нам о переселении города Весьегонска. Область пожелала перенести город в Телятники за 20 км. Против этого открыли местные люди борьбу. И когда победи-

ли, то Область в отместку перенесла район в Кесьму. Теперь, чтобы деньги получить на переселение, каждому гражданину надо отправляться в отделение Банка в Кесьму. Это требует ровно два дня: 2 часа езды до Овинища, ночь на вокзале в Овинищах, утром пешком за 7 верст в Кесьму – до 12 дня не обделаешь, а в 12 поезд уходит в Весьегонск. Потому опять ночевать на вокзале и на след. день в 12 ч. д. возвращаться в Весьегонск... Переселяется 500 домов, по 10 000 = 5 миллионов получать таким способом. – Что же вы молчите? – Так вот молчим.

В этих бесконечных моховых клюквенных лесах есть особые моховые болота с клюквенными берегами. Разговор шел о странном явлении, что в этих озерах если живет рыба, так уж и живет во всем озере одной породой, карась так карась, окунь так окунь, щука так щука...

– Хорошо, – сказал другой, – понимаю, что карась живет и питается тиной, но как же хищная рыба, скажем, окунь, как же он живет, если один?

– А очень просто, вы сами подумайте.

– Не могу придумать.

– А между тем просто: окунь ест окуня.

– Так и живут.

Что тут удивительного, – окунь ест окуня! а разве не ест человек человека?

Священная клюква. Женщина говорила о своем, о том, что дом 20 000 стоил. – Зачем же, под Москвой можно за 10 тыс. купить и с огородом. – А лес? – спросила женщина, – такого леса там нет.

И оказалось, что лес с запасом клюквы, брусники, грибов [такая статья], что нельзя бросить родину.

И потом же, там все искусственно? – сказала она.

И когда стали разбирать, то у них грибы, клюква, брусника безыскусственны. И что родина – вообще она сама по себе, чувство родины – оно безыскусственно: кто где родился – там Иерусалим.

8 Мая. Снежная метель весь день. Обещают холода до 20-го Мая.

9 Мая. До обеда с трудом писал подвал в газету о Весьегонске. После обеда началась температура.

12 Мая. Температура не повышалась. Свистит и хрипит в горле, голоса нет. Окончил военно-газетную задачу и уверен, что хорошо. (С 3-го Мая вечера по 12 утро – и поездка, и писание.) Молодец! И задачу выполнил, и Лялю проверил в путешествии (молодец!), и на народ поглядел.

«Материализм» теперь в простоте своей люди понимают как метод организации государственной власти, а идеализм как метод воспитания личности. Материализм, постоянно более и более нуждаясь в личности человека, постепенно присваивает те ценности, которые были созданы идеализмом, присоединяя к этим понятиям эпитеты «социалистический», «советский» и т. п., напр., *герой* Советского Союза. Этому присвоению есть предел: нельзя сказать «советский бог».

Шаг не слышен, сердце не стучит, глаз утешен голубым сиянием неба сквозь стволы неодетых деревьев, благодарное сердце узнало возлюбленную в первой лимоннице-бабочке, в первом желто-лучистом цветке, в переплеске ручья и золотой сережке ольхи и в раскатистой песенке зяблика на вербе.

Я слышу шепот возлюбленной, нежное прикосновение и такую уверенность в правде этого моего бытия, что если бы сейчас приблизилась смерть, я бы, мне кажется, нашел в себе силу приблизить возлюбленную и, обнимая ее, безболезненно сбросить ненужное мне больше тело.

Вот оно как будто и случилось, и во мне в моей безмерной радости полного обладания нашлось даже место для маленькой грусти о вечном обмане, в котором находится смерть: ей хочется добыть себе прекрасную человеческую душу, а вместо этого, как злую насмешку, она получает безобразно измененные и достойные только червей останки того, чем был на земле человек.

В обмане, полагаясь на мощь своей собранной жизнерадостности, находятся почти все мужчины, устремленные к женщи-

не. И почти в каждой женщине таится страшный обман, возвращающий самообольщенного к своему ничтожеству.

Холода продолжаются: дождь при +3–4° градусах, природа изнывает, как Ляля от последствий стрептококковой ангины.

Никакого нет ответа на письмо к Сталину, но я и в ус не дую: мы пришли к границе испытаний, возле которой охватывает «все равно».

13 Мая. Закончена операция с Весьегонском: работа отправлена в «Красную звезду». Получено одобрение, и явился просвет в положении Максима Максимыча. Это положение, впрочем, прямо вытекает из молчания на мое письмо. Все складывается так ясно.

Дела предстоящие:
1) Н. В. Боеву – продажа архива (14/V).
2) Кузнецову, Катынскому.

14 Мая. Каждый несоблазненный юноша, каждый неразвращенный и не забитый нуждой мужчина содержит в себе свою сказку о любимой женщине и возможности невозможного счастья. И когда, бывает, женщина является, то вот и встает вопрос: – Не она ли это явилась, та, которую я ждал? – Потом следуют ответы чередой: – Она! – Как будто она. – Нет, не она. – А то бывает очень редко, человек, сам не веря себе, говорит: – Неужели она? – И каждый день, уверяясь днем в поступках и непринужденном общении, восклицает: да, это она! А ночью прикоснется к телу ее, принимая в себя восторженно чудодейственный ток жизни, и уверяется в явлении чуда: сказка стала действительностью, – это она, несомненно, она!

Так изредка в жизни бывает осуществление поэзии, и так случилось со мной.

Приходил из «Красной звезды» Соловейчик Лев Иосифович и отнял у меня надежду выправить свою «общественную» линию работой в газете. Моя ошибка состоит в том, что ориенти-

руюсь в оценке своей работы на читателя, воображая, что там где-то во всей народной массе и таится мой неведомый друг. Они же – кто это они? – вовсе и не считаются с этим читателем, а смотрят на него как на материал, подлежащий оформлению.

Они сидят в своих московских комнатах, как, бывало, сидели на кафедрах наши гимназические учителя, и смотрят на весь народ и народы, как учителя смотрели на класс. И я, рассчитывая на читателя в народе, попадаю в положение ученика, который надеется подзудить весь класс и выгнать учителя и в то же время знает, что даже в лучшем случае, если это удастся, это ни к чему хорошему не поведет.

Так мы все попали в школу, все очень плохо <*зачеркнуто:* буквально> под палкой учимся и «жизнью» считаем только те редкие минуты, когда удается обмануть учителей. Самое же неприятное, что каждый из нас и готов бы учиться и во всем слушаться. Но результаты такого послушания мы видим на положении первых учеников: никого не соблазняет это положение, все знают, что эти первые – ненастоящие. Вывод из этого такой: учись мало-мальски, как-нибудь на три, и шали, конечно, только чтобы не заметили и не выгнали.

Всякая слабость мужчины в отношении с женщиной должна быть оправдана силой действия (мужества): в этом вся диалектика Мужчины и Женщины. Ляля гениально чутка к этому, и если она допускает, то, значит, она верит, что в этом человеке содержится «актив» и ему хорошо отдаваться, потому что в нем ее добро не пропадет.

Евреи все, как один, сговорились добиваться для детей своих положения «белоручек» (все они любят лечиться, любят дачи, «образование»). И получается в результате этого, что во всяком другом народе процент белоручек на чернорабочих ничтожен, какая-нибудь 1/100-я. Напротив, у них какая-нибудь 1/100-я чернорабочих в отношении белоручек. Вот этим практическим пониманием «пользы ученья» они и побеждают без всякого труда и оружия. У нас им обеспечено господство до тех пор, пока народы наши не нарастят свою большую интеллигенцию[87].

15 Мая. Грипп на исходе. Погода получше, какие-то почки напротив распускаются. Говорят, будто в июне холода вернутся и лето будет холодное.

Летом стану писать «Песнь песней».

Вижу твое огорченное лицо и знаю, что тени в глазах исходят от внутреннего страха за успех моей борьбы. Я знаю, что нет бесстрашней тебя, когда придет действительный враг: ты, как грозная мать, станешь перед его лицом. Но зачем ты смущаешься в предчувствии грядущей беды? Разве не ты мне повторяла: «Откажись от мира, и он, как собака, прибежит и ляжет у ног твоих?» Возвращаю эти верные слова тебе: они были у моего сердца, и я к ним присоединил теперь личную мою волю. Пусть эти слова возвратят румянец на твои щеки и разгонят тени из глаз. Но берегись гордости: помни слова, знай свою силу в последней борьбе, но не пользуйся ими, не делай из мира собаку и никогда не воображай себе удовольствия быть господином ее.

В лучах восходящего майского солнца на сияющем небе голубом из моего окна я вижу серебряную птицу и понимаю: это не птица, это человек летит, как птица, наш враг, чтобы разрушить нашу жизнь. Но он не знает нас с тобой, он метит в «военный объект»... Уйдем же скорей от него в подземелье, захватим с собой теплое одеяло, завернемся в него, дорогая...

Утро такое прекрасное, а ты спишь, вставай, мое Солнышко! Ты отвечаешь сквозь сон: – Дай мне сон досмотреть. – Нет, – говорю, – ты мне начни свой сон рассказывать, а я продолжу его и сделаю лучше, чем ты видишь его. Ты видишь случайное сплетение возможного с невозможным, я же покажу путь, на котором невозможное станет ощутимо и действенно, как электричество и радио. Начинай же рассказывать! Ну, вот, хорошо, я слушаю, ты говоришь:

– В некотором царстве я живу царицей над птицами, и по моей улыбке во всякое время восток станет синим – это синие птицы летят, а запад красным – это фламинго, а север белым – это чайки, а юг золотым – это золотистые фазаны. А когда я запла-

чу – небо делается все серым – это все серые птицы летят, наши русские гуси и утки и кулички. А когда я крикну рассерженная, раскаты грома побегут по облакам и молнии перечеркнут небо...

Итак, други, все определилось: я – исключение. Кончено! все это мне говорят, когда я себя ставлю в пример: вы – исключение. Это меня убивает, потому что интимнейшей, заветной мечтой моей было достигнуть блаженства быть, как все.

Есть пора у простодушных людей, когда время останавливается и день за днем проходят без перемен, и всем нам кажется, будто старичок такой или старушка живут какою-то бесконечною жизнью, – эта пора, когда время останавливается, в святоотеческих книгах называется «прочее время живота».

Мне знакома на земле каждая травинка, и я могу назвать каждую букашку и семечко и пташку своим именем, могу также прийти с определителем и по разным признакам найти их латинские имена. Я могу любую жизнь на земле и вещество поставить в цепь причин, могу и беспричинно отнестись к каждому из них с родственным вниманием и понять каждое существо и вещество как единственное в своем роде. Просто нет ничего на земле, на что я бы не обращал свое внимание, но время пришло, и я хочу от земли оторваться и думать о любимом земном мире в свете небесном.

В утренних лучах солнца мимо окна моего пролетает серебряная птица, управляемая человеком, в вечерних лучах она пролетает черным силуэтом.

У Ляли такое отвращение ко всякой технике и такое отсутствие всякого интереса к машинам, что однажды мы с ней, гуляя, прошли в парке культуры под крылом гидроплана и она не обратила на серебряную птицу никакого внимания...

Еще ее отталкивают дети, она видеть не может, как ребенок капризничает, заносится, кричит, требует. Во всем этом детском требовании она видит посягательство на свою духовную личность[88].

Очень возможно, что оба эти отталкивания, и дети, и техника, имеют общее начало: дети всегда любят технику. Дети играют в то, что взрослые делают: взрослые делают (техника), дети играют в технику («поезд пошел»). Но взрослые должны заниматься техникой, потому что без новой техники невозможно выкормить новый приплод человека: рожая новых людей, люди обречены заниматься новой техникой.

...А Лялю именно и отталкивают роды, встающие против ее личности.

...и вот это именно и стало поперек дороги всем, кто идет к благополучию рода, охраняемого государством... личность Христа. Все стало против Христа.

Раньше государство, развиваясь, считалось с личностью Христа, и гражданин в личности Христа видел как бы своего заступника, адвоката. Теперь государство *отделилось* от церкви, и личность человека защищать некому: личность затаилась в себе.

16 Мая. Стало теплеть. Распускаются почки.

Все весенние цветочки и каждый зеленый смолистый лист просят нас об одном – о защите. И если мы хотим наслаждаться счастьем весны, которое они все приносят с собой, мы должны идти на войну за свое любимое и быть готовым, любя, умереть. Все эти цветочки новой весны тем и прекрасны, что пробуждают в нас лучшие силы в борьбе за любимое.

17 Мая. Прошла теплая первая ночь +13°, хватил дождь, потом солнце. В Москве везде распускаются почки, будто 1-е Мая.

Какая бы она ни была милая, эта «мама», но с нею жить необходимо, от нее нельзя уйти, это навек, и это с себя не стряхнешь. Вот почему это любишь – не любишь, хочешь – не хочешь, а Надо и приводит абсолютно свободолюбивую Лялю в бешенство: периодически она должна поднимать восстание против безусловного Надо.

Может быть, и самая потребность Бога является потребностью свободы человека, скованного по рукам железною цепью необходимости.

18 Мая. Солнце, и я здоров.

– Все хорошо, только все-таки жаль, что не встретил тебя, когда мне было 20 лет.

– Меня тогда не было.

– А мне думается, будто ты всегда была и всегда будешь, только я не был таким, чтобы мог встретить тебя.

– Ты не был таким, я это знаю, но как я могла быть до своего рождения – не понимаю. Может быть, ты о душе моей говоришь, что моя душа была в ком-нибудь и так было до моего рождения мне-подобное существо, но не я же сама.

– Нет, именно ты сама, как есть в своей сущности, хотя, может быть, без твоих личных признаков. Ты была всегда, моя подруга, как Бог был всегда: а если был всегда Бог, то и ты была. И как Христос был всегда до своего исторического воплощения, так и ты была, и прежде чем свет стал, ты была.

– Ну, да, я теперь понимаю: моя душа.

– Пусть, но не будем [называть это] как все называют, не понимая, «душа», а ты, просто Ты и все: Ты, моя возлюбленная, была во веки веков, и до сотворения мира была, и все живое началось от Тебя...

Наверно, неплохо людям жилось, если они забыли Христа, «неплохо» в том смысле, что находили себе в жизни внешней достаточное удовлетворение, чтобы забыться в земном от небесного пути.

Придет время, когда кровью будут писать, а не чернилами.

Совершил милую прогулку на Полянке, грипп проходит.

Власть как желание заставлять людей делать такое, чего сам не любишь и не можешь делать. В мире так это необходимо, что в природе складывается у животных и птиц особая форма властелинов-хищников: орлы, ястребы, кобчики, совы. У лю-

дей властная натура даже и одежду себе создает по своему вкусу, и манеры, движения, взгляды.

Ляля в матери ненавидит эту властность и давно бы выбила из нее все претензии, но теща знает, что дочь жалостливая, и привлекает к себе, возбуждая в ней сострадание к своим болезням. Теща при своем властолюбии и невозможности осуществить его – пессимистка, и мы ее зовем Алконост.

Зато Марья Васильевна – это Сирин[89]. Тоже, как и теща, не имея достаточно нравственных сил, чтобы осуществлять свою личность непосредственно, делая все по душе, она перекладывает действие на волю Божию: при колебаниях она пишет записочки, кладет их за икону, молится и вынимает решение. Так сняв со своей души ответственность за поступок, она действует всегда смело, решительно, всегда с ясной совестью и всегда радостно: птица Сирин в красной кофточке.

Что это, христианское послушание или магия?

Одно дело – судить, когда сам в стороне, другое – судить человека, от которого и сам зависишь. Вот отцы-пустынники мыслили-судили по полной личной свободе, а теперь новая нравственность требует от судьи свидетельства близости к обществу, в котором он действует.

Два разных и противоположных мира: там пустыня как престол Божий, здесь человечина как навоз, как почва-гумус, на которой вырастает человек-судья.

Современный человек верит не выдающейся личности, а чему-то вовсе не лично-пустынному, что получается как постановление...

18 Мая. Решено выехать на дачу в воскресенье 25-го.

19 Мая. Человеку нельзя любить как голубю: просто любить и тем жить. Человек если любит, то другой стороной своего существа ненавидит: Бога любит, с чертом борется за любовь свою. Часто самый предмет любви расщепляется: одну сторону любишь, другую ненавидишь, в одной стороне – Бог, в другой черт. Такая любовь у Ляли к матери, повседневная борьба Бога с Дьяволом.

А наша любовь особенная, это как бы любовь в любви, такая любовь, которая, опираясь на Бога, изгоняет заключенное в нас зло в мир внешний. Так получается, будто мы живем на острове, населенном немногими людьми, согласными с нами, а вокруг море сил, от которых мы открещиваемся, и в числе этих сил находится наша личная злая сила, изгнанная общею силой любви. Вот почему стоит только в ком-нибудь из нас заколебаться потенциалу любви, как показывается, ужасно пугая, вся бездна окружающего нас черного мира. И вот почему моя возлюбленная, просыпаясь иногда среди ночи, умоляет меня полусонного:

– Ну, скажи, скажи, ты еще не разлюбил меня?

– О чем ты спрашиваешь, – отвечаю я, – какой повод я дал тебе думать так, сомневаться, неужели не стыдно тебе своих сомнений?

– Мне стыдно, и я все-таки прошу тебя подтвердить, что ты любишь меня.

– Хорошо, я люблю.

– Очень любишь?

– Очень.

– По-прежнему?

– И еще больше, умнее, прежде я волновался за то, что делают все: мне казалось, что я, как они все, не умею и тем как-то виноват. Теперь мне это состояние кажется глупым, и при всей благодарности за прошлое я к нему не хотел бы возвращаться. Я теперь люблю спокойно, уверенно, я не переплываю теперь бурное море, а живу в своем доме, и корабль мой у пристани. А разве ты не видишь этого?

– Вижу, милый, знаю все, но иногда меня охватывает малодушное сомнение, и мне кажется, будто вся огромная внешняя сила и в этой силе наша собственная изгнанная злая сила стремится к нашему берегу. И вот я тогда прошу тебя подтвердить, только подтвердить вслух то, что есть: люблю – вот и все. Мне нужно слышать от тебя это слово. Ну, еще раз повтори.

– Люблю.

– Слава Богу, я вижу, ты со мной.

Весь воздух насыщен страхом войны. Говорят, что евреи очень трусят. И они имеют все основания к этому, бросится ли

Гитлер на нас, или мы будем дружить с немцами. Старые русаки, матерые люди, напротив, вовсе не верят в то, что мы пойдем на немцев, и всю нашу бузу считают представлением для англичан. («Не такие мы дураки!» и «погодите немного: Ирак все скажет».)

Можно в горе от-ходить, спасая только себя, но можно в горе у-ходить, унося с собой все ценное, спасая его не для себя, а для всех.

20 Мая. Тяжино.

Теща не может управиться с прислугами, и это вчера стало предметом обсуждения. Ляля рекомендует матери молиться Богу. Но теща сопротивляется и говорит, что есть обязанности чисто человеческие, в которых человек должен оставаться только человеком. – А если он не может? – спрашивает Ляля. – Тогда он должен лечиться и обойтись с помощью доктора. – А если доктор не поможет? – Если все средства исчерпаны, да, тогда надо обратиться к помощи Божией. На этот крайний случай я берегу молитву, а там, где могу обойтись своими человеческими средствами, остаюсь человеком. Ты же знаешь, мать моя была немка, и я такое разумное отношение к Богу получила по крови. – С кровью надо бороться! – подает реплику Ляля. – Не знаю зачем, – отвечает теща, – я нахожу в нравственном отношении вполне целесообразным оставаться в пределах человеческих возможностей только человеком и не призывать имя Господа моего всуе. – Мамочка, я понимаю, ты в душе протестантка, и оставайся ею, Бог с тобой, но если ты явно не можешь управлять прислугой... – Как не могу? я могу, что вы меня сбиваете... – Нет, мы тебя не сбиваем, ты себя сбиваешь тем, что этим материальным хлопотам придаешь слишком большое значение. – Что же ты рекомендуешь, относиться легкомысленно? – Да, пусть даже и немного легкомысленно. – Попробую! – Не шути, я серьезно говорю, ты в своем, как ты называешь, «человеческом» деле упорствуешь, хотя силы в тебе для дела вовсе уже нет, и это упорство приводит тебя к претензии на власть, ты представляешься барыней и тем отталкиваешь от себя прислугу и меня: я спорю с этим и прошу

тебя, преодолей свою немецкую кровь, свое протестантство, смиряйся и проси помощи Божией и в делах, которые ты по немецкой гордости своей считаешь «только человеческими». – Вы с М. М. два сапога пара, – отвечает теща, – вы можете взять палки и куда-то уйти, и вам кажется, вы можете всегда все бросить на произвол судьбы, а вот попробуйте, бросьте: большая квартира с обстановкой, общественные обязанности, слава – все это требует порядка, забот ежедневных. Да и вы оба тоже просто любите общество, вашей пустыни хватит на три месяца, а потом опять захочется в Москву на Лаврушинский. Я-то это знаю и добросовестно строюсь и предвижу все и берегусь. И вы все это оба знаете, но делаете поэтическое представление и можете, конечно, увлекаться и делать вздор. Лялина жизнь – это пример обольщения себя увлекающей мечтой. – Но ведь есть же такие люди, они могут мечтой жить не хуже, чем вы добросовестным порядком. Вот Михаил Михайлович тебе пример, и раз мы в этом с ним два сапога, то эта пара тебя должна убеждать и радовать.

И еще надо помнить, что надо уничтожить в себе способность обижаться... Вот когда явишься на глаза Ляле, то она как глянет сквозь тебя, так тут все разлетается, как туман. И надо это заметить, что с самого начала так повторялось и она всегда возвращала меня к себе. Сила ее состоит в исключительном *чувстве правды.*

И потом, Михаил, как же тебе не стыдно: ты, который мог выносить столько лет самую сварливую женщину в мире, Ефросинью Павловну, теперь, обласканный, насыщенный любовной заботой вокруг себя...

22 Мая. Подписал договор ехать в Крым на 15 выступлений, за каждое 250 + 100 за Лялино выступление. <*Приписка:* Денег нет!> Еду из-за Ляли, ей нужен морской воздух. Так моя «природа» превратилась в женщину, и за женщиной еду теперь, как за весной. И не раскаиваюсь, не стыжусь: так это и надо.

Проект двухчасовой лекции о себе, в четырех отделах:

10 минут Ляля о Пришвине, 5 отдых, 30 – мое чтение.

Перерыв. Я о себе, Ляля читает.

Лялины 10 минут: тезисы.

Мои 10 минут: тезисы.

Лялины тезисы: 1) Очарованный странник: биографические сведения. 2) Как вышла сказка из жизни Пришвина. 3) Роль народной сказки в творчестве Пришвина. 4) Разветвление творчества: эпос и лирика. 5) Характеристика пришвинского эпоса и лирики. Лирический роман «Кащеева цепь», эпические стихотворения.

<*На полях:* Родина как большой дом.>

Пришвин читает образцы своего охотничьего и детского сказа.

Перерыв.

Пришвин о себе. Путь от книги о картофеле до книги о Фацелии. Научное и художественное изучение природы. Родственное внимание.

23 Мая. И если я хочу жить как писатель, то, любя Лялю, я создам величайшее поэтическое творение, самое нужное для современности: Песнь Песней, песнь радости на развалинах старого мира.

Ляля не раз говорила, наблюдая мою нравственную незащищенность: – Какой талант должен быть, чтобы такому человеку выжить в советское время! – А я сейчас думаю: – Какой нравственной силы должна быть женщина, чтобы...

24 Мая. Я уже в немецком плену и невольный слуга идеи проклятого порядка. Все хорошо у немцев, все разумно, и в то же время рот раздирает от зевков, очень скучно, и в этом ужас всего немецкого: все разумно и все скучно, и хочется прежде всего, страшно хочется удрать.

(Эта идея включить в семейный роман политическую жизнь не новая, но она, по-видимому, еще не изжита, и ей можно пользоваться.)

В представлении немца русские тратят время на искания. (Прислуга скучает, если он устроит порядок: ей нужно искать. Отсюда и... богоискательство.) NB: вот, значит, потому-то и скучно с немцами, что у них все найдено.

Деревья в Москве только теперь одеваются, и стало довольно тепло. В результате сражения Ляли с матерью за меня, – только я оказался серьезно пострадавшим: у них истерия пришла и ушла, а у меня остается нерастворимый осадок возвращенной тоски: впервые чувствовал приступ жестокой тоски. Чувствовал свое моральное падение и каждую неудачную фразу Ляли присоединял как аргумент самоунижения. К этому присоединилось письмо Ставского, и получилось то же самое катастрофическое состояние духа, как было при РАППе.

Ходил по улицам, заглядывал в детские садики, вглядывался в клейкие листики тополей и не получал ни от них, ни от детей помощи. Среди крыш и фабричных труб показался мне где-то крест брошенной церкви, и соединения чувства страдания от образа креста с чувством радости от клейких листиков и детей не произошло. Напротив, [от] креста отделялся Лялин моральный план и становился против моей красоты, и я чувствовал свое моральное бессилие, и становились понятными упреки за мои хорошие писания: нельзя в такое страшное время писать так хорошо.

Особенно горько было вспомнить, что Ляля впервые отказалась выслушать чтение моего дневника. – Написать-то легко, – сказала она, – а ты вот поди, сделай. – Я огрызнулся, что нелегко написать: – Поди-ка напиши! – Впервые услыхал я от нее упрек за работу сознания, направленную к нашим же отношениям с целью создать Песнь Песней. К этому вспомнилось, что на днях она сказала А. М. Коноплянцеву: – Не меня он любит, а символ.

И мне вспомнилось то далекое время, когда я сошелся с неграмотной крестьянкой, и она понимала мое занятие писанием как святое дело. А потом через несколько лет она поняла, что это мое дело направлено куда-то в сторону и что, хотя я в этом велик, как Лев Толстой, но для нее это ничего не значит. Напротив, это дело не только ее не касается, но и чем-то ей лично враждебно. Мало-помалу в ее сознании я-живой человек и я-писатель разделились, и чем больше я делался как писатель, тем больше она ненавидела мое писательство. Так точно было и у Толстого: Софья Андреевна втайне в Толстом ненавидела писателя. Так и Ляля, ухаживая за больной, полупомешанной

матерью, вдруг вспыхнула той же неприязнью и поставила мне даже директиву: – Если у тебя не хватит духу поддержать старушку, то это покажет твою моральную слабость. – Но где мне достать моральную силу, если я подозреваю, что старушка вовсе даже не больна, а просто, как и все в ее положении, эксплуатирует жалостливость дочери. Так и Ефр. Павл. если бы умнее была, разве мог бы я ее бросить! Из жалости к матери Ляля впервые изменила мне, своему поэту-утешителю, ушла в сторону темной морали. Самое же плохое, что никто другой, как она сама расстроила мать и, будучи этим сама угнетена, расстроила меня.

Сегодня вечером, обнявшись на диване, мы приводили друг друга в порядок. Ни малейшего значения своим словам она не придавала и обвиняла меня в том, что я болезненно ковыряюсь и придираюсь к словам и что так нельзя, что мы, любя друг друга, могли бы быть всемогущими.

На этом можно построить тончайший психологический рассказ: вечером на сон грядущий они иногда спорят между собой, но она крепко спит, а он, получив для мысли толчок, иногда продолжает думать всю ночь. А утром она просыпается, здоровая, свежая, и с материнской участливостью и большим огорчением видит страдание в его глазах. – Ничего, ничего! – говорит он, – я не только думал, я кое-что и придумал: рано или поздно мы создадим с тобой Песнь Песней. – Она улыбается ему, поощряет, дает ему ложку своей микстурки, затемняет окошко и говорит: – Ну, спи, не думай, только, пожалуйста, не думай. Скажи: не будешь думать? – Не буду, – отвечает Афанасий Иванович. И ей, как Пульхерии Ивановне, когда Афанасий Иванович грозится, что возьмет саблю и пойдет на войну, так и писатель с его Песней Песней: куда уж тут, только бы уснул. И закрывает телефон одеялом и ходит на цыпочках.

Рассказал Ляле о ее измене моему писательству в пользу морали, и она мне ответила, что как Ефр. Павл., так и Софья Андреевна исходили в конце концов из эгоистических побуждений, она же не может стать против поэзии, потому что это значит стать и против молитвы, это значит отказаться от православия и стать протестантом (не слово, а дело).

25 Мая. Ляля не очень рассчитывает на Крымскую поездку и на заработок от выступлений («какой-то циркач!»). Относительно моего отступления от литературы в надежде, что, как при РАППе, вдруг переменится все к лучшему, она отвечает: – А возможно, не переменится, а ты отступишь, и там это примут, и когда кто-нибудь скажет: «Пришвин», другой спросит: «А разве жив?» – Я согласился и спросил: – А что же делать? – Она ответила: – Нужно писать, но писать вот как ты писал в военную газету. – Но это значит быть репортером и очеркистом, это дальше от литературы, чем лекции.

На Ставского просила не злиться и себя не расстраивать...

– Но где же «любите врагов»? – Это не о тех врагах сказано, – ответила она, – это не твой личный враг, а враг Божий, митрополит Филарет об этом сказал: – Любите врагов своих, боритесь с врагами отечества, ненавидьте врагов Божиих.

Так вот что значит и почему так бывает, что, когда я целиком возненавижу врага, он обыкновенно погибает: моя ненависть обыкновенно доходит до спокойствия и ясного сознания, что жизнь моя может обойтись без этого человека и я хочу и могу жить так, будто его вовсе и нет. Тем самым я отказываюсь от него как врага своего и предаю все отношения с ним на суд Божий. И он погибает, а я все живу и переживаю врагов. Но так было до сих пор, а завтра злая сила, может быть, до меня доберется, и я стану жертвой.

Затянулась весна, дети давно на улице, а деревья все еще неодетые. И сколько белых бумажных змеев повисло на неодетых деревьях, почки только наклюнулись. Теперь, слава Богу, деревья быстро зазеленеют.

Работа над лекцией, тезис: «Очарованный странник в поисках родины». М. М. Пришвин родился в 1873 году, выступил как литератор в 1905 году и, значит, работает уже 36 лет как писатель. Свою родину, Елецкий уезд Орловской губ. он изображает так (из «Кащеевой цепи»: отрывок о черноземе). Эта безотрадная картина родины не является чем-то случайным у Пришвина. Вся русская интеллигенция того времени недо-

вольна была своим отечеством, и огромное большинство стремилось сделать из нее социалистическое отечество. Пришвин тоже отдался этому движению, пережил тюрьму, ссылку, заграничное ученье и опыты с заграничным дипломом работы на легальном пути. Опыт приспособления ему не удался, и он стал писателем. На этом пути он тоже начинает искать свою родину и странствует по северу, в краю непуганых птиц, собирая фольклор. Так любовь к родине приводит его к любви к русскому народному слову, и очарованный странник, по словам Горького, делается одним из лучших мастеров русского слова.

26 Мая. В Москве у Ляли время уходит на обслуживание матери, бегание по Москве в связи с обслуживанием всех нас: тому туфли, тому штаны, тому починка. Словом, не на жизнь, а на заботу о жизни, и как это все оказывается хорошим в будущем.

Сегодня очень тепло, все деревья распускаются.

– Как хорошо!

– Да, дружочек, – говорит она, – купим домик, будем жить, вот будет хорошо!

– Не «будет» надо, – отвечаю, – а есть. Домик у нас и сейчас снят, вот уж скоро июнь, а мы не едем. И мама твоя предпочитает сидеть в Москве. Не знаю, будет ли хорошо с домиком: заботы еще прибавится.

Но по существу все осталось по-прежнему. Раньше моя радость была в поэзии, а тревога относилась к средствам существования своего в поэзии. Теперь Ляля стала на место поэзии, а тревога относится к добыванию средств. Впрочем, это добывание теперь, разложенное на двух, очень смягчилось.

Вчера написал вступительное слово Валерии Лиорко. Взять с собой: 1) Письма Горького. 2) «Бабушку» Горького. 3) «Праздник» («Лит. газета»). 4) Все военные рассказы. 5) 4 тома, «Зверь Бурундук», «Жень-шень», старые изд. «Колобок», «В краю непуг. птиц», «Лисичкин хлеб», «Неодетая весна».

Вечером в 6 ч. выехали в Малеевку покупать дом.

27 Мая. В беседе с Лундбергом о том, что чувство современности входит необходимой составной частью в чувство жизни, питающее творчество; о том, что главный персонаж романа Скалдина епископ представляет собой борьбу знания с верой [и] отстал от времени, Ляля сказала: – Потому отстал, что сейчас борются между собой не знание и вера, а две разные веры.

«Естественная» любовь родителей к детям, эгоистическая эта любовь неминуемо должна вернуться от детей к родителям как горе, если только в любви к детям не содержится высокого, руководящего идеала. (Напр., в семье Удинцевых.) – А как же иначе, если во всей природе новая жизнь теснит и хоронит старую?

Мы шли где-то в лесу по тропиночке, Ляля впереди, я за ней, и я в связи с каким-то разговором нашим думал о материальном узле, которым завязывает жизнь человека – узле необходимости и смерти (наше советское миропонимание – материализм: выражение объекта) и той свободе (идеализме), которую носит в себе человек и борется ею с необходимостью и смертью (выражение субъекта).

Идет борьба не с Богом, не с Христом, а с исторической формой, в которую облекаются людьми эти понятия. В этом смысле и материализм борется с идеализмом. Внутри же, в существе жизни и Бог, и Христос, и Троица, связанные с жизнью субъекта, как были, так и пребывают во веки веков...

Вот почему, и веруя в святость церкви, можно допускать издевательство толпы над церквями, и материализм, и всякое господство объекта: пусть! Субъект как горный ручей: пусть даже валится вся гора на ручей, – он неминуемо выбьется из-под горы и размоет ее до конца.

Пришло время, когда прямо на глазах без всякого промежутка ночной темноты утренняя заря хоронит вечернюю...

Вот почти Июнь, а деревья, как в конце Апреля, только-только распускаются.

Бывало, когда весной мечут пар, как медленно и важно за сохою выступают грачи. Теперь прежний пахарь не шагает за сохой, а сидит на стуле, вертит баранкой, дает ногой газ, и трактор скоро бежит, и за трактором не идут грачи, а летят. Теперь грачам если по-прежнему важно шагать, то все черви, вывернутые трактором, снова под землю уйдут. Не спеши теперь грач, и клюнуть ничего не достанется.

Так, бывало, раньше тоже носили на руках через город покойников, и попы на перекрестках служили, кадили, раскланивались во все стороны, и опять несли и несли с пением на далекое кладбище. Теперь красный гроб ставят на грузовой автомобиль, родственники усаживаются вокруг гроба, и машина мчит умершего со скоростью сорока километров.

Не спеши теперь человек с покойниками, опоздаешь на службу, опоздаешь – уволят и тоже, как грачу, клюнуть ничего не достанется. Неминуемо, как ни бейся, грач ты или человек, за временем надо идти, за временем надо спешить.

Скорей же, скорей!

В Рузе на площади два школьника играли каким-то странным мячом, намекавшим рассеянному глазу на какое-то определенное чувство, связанное с такою формой. Впрочем, там где-то, в глубине себя мы уже знали, какой это мяч, и только не смели сделать мысленное заключение. Когда же мы так приблизились, что услышали шепелявящий звук от падающего на камни мяча, то по этому звуку вдруг узнали в этом мячике человеческий череп. После двух-трех таких ударов череп раскололся на две половинки, и школьники убежали. Повернув палочкой половинку черепа лицом вверх, я даже в такой изуродованной форме не просто кость или землю увидел, а что-то шевельнулось во мне от Шекспира, и, вспомнив Гамлета, я сказал:

– Бедный, неведомый человек, был ты разбойником или это мощи святого, тебе даже «Бедный Йорик» никто не сказал...[90]

28 Мая. Ездили в Рузу к Завед. О[тделом] н[ародного] о[бразования] Василию Ивановичу Тетерину выправлять злое дело Пелагеи Павловны, предс. колхоза. В. И. обещал отка-

заться от покупки дома, если можно будет купить дом в Псареве. Мне вдруг стало ясно, что Лялина московская суета здесь в хлопотах около своего дома может пойти на здоровье, что Ляля вовсе не такая неженка уж. И явилось особенное желание купить дом.

29 Мая. Покачнулось дело с поездкой в Крым.

Блестящий успех Лялиной дипломатии с хозяйкой дома в Псареве.

Мартынов уверяет, что я сгущаю краски и мое положение не так уж и плохо. Завтра в час дня разговор с Чагиным о досрочном договоре.

Завтра Ляля поедет в Старую Рузу покупать дом.

30 Мая. Ляля уехала утром в 8 часов и вернется завтра ночью.

Зелень еще такая, что сквозь нее еще окошки дома видны, а верхушки берез стоят до сих пор вовсе неодетые, и странно в это время видеть грачиное гнездо таким, будто грачи только что прилетели. Видно теперь, как никогда в это время сквозь зелень не видишь, вытянутые шеи молодых грачей, ожидающих прилета родителей, видишь, как прилетают старики с червями в клюве и затыкают рты беспомощным юнцам.

Тут не в страдающей ворчливой старушке дело, а в страдающем Все-человеке – вот эта обобщающая способность умного сердца и есть самая суть христианства.

Есть сестры милосердия на службе: жалованье получают, паек, выходные дни. А есть вольные сестры с утехой в душе тем, что они сами себе хозяйки и хозяева своих добрых дел. Таким типичным кустарем милосердия является Мария Васильевна.

Вот против этого-то кустарничества в литературе и ведется борьба, они хотят взять писателя на службу, как сестру милосердия. Драма писателя состоит теперь в том, что художественное творчество связано с *именем*, для чего надо непременно

осуществлять себя самого. На этом трудном пути имя подменяется плакатом так часто, что становится почти невозможным узнать верное имя среди плакатных кличек. И вот когда тебя не узнают... кричат: «будь как все!», а ты знаешь, что если станешь, как все, это значит сменишь имя на плакат, и тебя тогда уже прямо будут бить за плакат.

31 Мая. В. П. Ставскому.

<*Зачеркнуто:* Дорогой> Владимир Петрович, через редакцию «Нового мира» я получил Ваше резкое письмо и был приведен им в совершенное недоумение. На свидание с Вами для разговора по поводу «Лесной капели» я не пошел, потому что понял, что эта серия рассказов, которою Вы так восхищались, была снята не Вашей волей и разговаривать о том, кто в этом виноват, входить в тайны журнальной политики по принципу своему я не хотел. Помните, я ограничился тем, что по телефону и письмом выразил Вам свое нравственное доверие.

Но совсем другое денежная сторона: раз у нас с Вами был устный договор, и я настолько доверился Вам, что не потребовал письменного, и если редакция потеряла даже рукопись, то почему же не засвидетельствовать, об этом <*зачеркнуто:* в редакции или на суде>? <*Зачеркнуто:* Я не мог допустить, чтобы Вы могли свидетельствовать и при нашей общей нужде в средствах существования не постоять за бесспорные интересы честного человека и старого писателя.>

Наша конституция обеспечивает каждого труженика правом на средства существования, так вот как же я мог подумать, что Вы, член Верховного совета, хорошо понимающий мою работу, не раз ею восхищавшийся, и вдруг откажетесь свидетельствовать о нашем договоре. <*Зачеркнуто:* Однако вся история с «Лесной капелью», со статьей Мстиславского и др. и в особенности> отказ Ваш заявить мое право на вознаграждение за потерянную рукопись настолько непонятен мне с этической и всякой иной стороны, что я даже не могу иметь удовольствия сердиться на Вас и считать Вас своим врагом.

Однако письмо Ваше несомненный факт, и я вынужден был написать в редакцию, что вследствие письма Ставского я снимаю свои претензии за потерю рукописи. Но я должен Вам ска-

зать, писал я это письмо с таким чувством, с каким Цезарь отказался защищаться, увидав среди убийц своих Брута. Говорю это, конечно, лишь по аналогии, потому что не считаю ни себя Цезарем, ни Вас Брутом.

В заключение своего письма предупреждаю Вас, Владимир Петрович, что борьба за «Лесную капель», «Жень-шень» и т. п. для меня есть такая же борьба, как для Вас, военного, борьба за родину на фронте. В нашей литературе не все еще это понимают, потому что не все могут родину чувствовать так, как ее чувствую я, и я знаю, наверное, что с военными людьми у меня больше контакта, чем с литераторами. Чувство природы, вложенное в «Фацелию» и «Лесную капель», вызвавшее глубоко невежественную и, по-моему, антипатриотическую критику т. Мстиславского, иначе было понято моими военными читателями. В ответ на мои очерки в «Красной Звезде» я получил ряд писем от командиров, которые пишут мне, что за каждой веточкой и зверушкой, о которых я пишу, скрывается сердце человека[91].

В свое время в свою защиту я опубликую эти материалы, и Вы их почитаете. Словом, руки я не опускаю и уверен, что порицание меня, может быть, даже предвзятое, будет рассеяно. Поверьте мне, что в борьбе своей меня интересует не «Новый мир» и не Мстиславские, а наша родина, мать-земля, порождающая и цветы и наше искусство. <*Зачеркнуто:* К Вам же лично, как военному храброму и защитнику общей нашей родины, я питаю симпатию особенную.> Я очень боюсь, что литераторы после статей Горького, объясняющих мое творчество, умышленно не хотят понимать, что за моими веточками и зверушками очень прозрачно виден человек нашей родины, и что борьбу с ними мне придется вести серьезную и упорную. Я это подозревал еще во время диктатуры РАППа, когда Вы мне начали оказывать дружескую поддержку и когда я, именно обороняясь, написал «Жень-шень». Связь наша с Вами в этой борьбе, как видите, уже давнишняя. И вот почему нынешняя Ваша недооценка моей «Фацелии» и «Капели» не может ни в коем случае отнять уважение к Вам, доказавшему не словом, а физической кровью свою любовь к родине[92]. Михаил Пришвин.

31 Мая. Вчера Ляля съездила в Старую Рузу, осмотрела дом, и дела наши с покупкой налаживаются. Если удастся достать у Чагина денег, то уговорю в Крым ехать Лялю одну, а сам засяду за «Падун».

Ясно становится, что сокровенное, по всей вероятности, и от себя самих скрытое требование современных руководителей литературы к писателям – это чтобы они могли простому массовому работнику и бойцу заменить священника, т. е. заполнить своим творчеством пустоту души.

Поворот: Чагин <*зачеркнуто:* обещает> распорядился о договоре. В Крым можно не ехать.

Ефр. Павл. переходит на мирную политику.

1 Июня. <*Зачеркнуто:* То в Крым, то в Малеевку...> Утром Ляля пожертвовала Крымом. Но я понял, какой крест она несла из-за матери, и как вдумаешься, все пошло на созидание Лялиной души.

Так и у меня: я-то разве тоже не выдержал испытание (Еврипид. «Ифигения»: «Лучше одиноким остаться, чем жить со сварливой женой»). Поэтому Ляля и требует, чтобы без раскаяния со стороны Ефр. Павл. я ее не прощал. Ляля смотрит при этом на свою мать, которая в страдании каялась и перерождалась. (У Ляли душа росла, а моя душа сохранялась от смирения...)

Политическое положение: Америка знает, что после поражения в Европе будет революция и господином положения станет СССР, как «третий смеющийся». Но почему же, зная это, Америка поощряет Англию продолжать войну? Не потому ли, что мысль не мыслит и действует только сила вещей.

В 5 в. позвали в Националь. Приехал Шолохов. Назначил мне свидание в 10 утра. Что же сказать?

1) Новое мироощущение: герой Земля (Горький) Гейне. Праздник. «Красная звезда». Московская культура: народ и литературная Москва.

2 Июня. Почему телеграмма: уезжаю 3-го. История с «Фацелией», «Новым миром», статьей Мстиславского. Невозможно обороняться: «Правда» не печатает (Бекарюков и Шестакова). <*Приписка:* Нельзя жить без перепечатания. Японцы.> Монография Чаковского. «Смена». Розыски: Федин – Фадеев. Письмо Сталину. Я в городе страдаю. Решаюсь в циркачи. Последний шаг: Шолохов и Сталин. Значит, нет ничего.

После свидания с Шолоховым осталось полное удовлетворение в отношении борьбы за свои дела и в то же время печаль о всех, кому, казалось, живется хорошо: никому не живется хорошо, у всех одно горе.

6–8 листов. Как жить без перепечатки. Борьба рублем: не печатать.

Чагин о N: «Затрудняюсь назвать другого писателя».

Без политики «Фацелия».

Статьи критические, но критику нельзя напечатать. (Коллектив «Правды», Бекарюков.)

Коллектив «Правды» (Шестакова).

«Октябрь» – монография Чаковского.

«Смена» – номер мой.

Федин – Фадеев все говорят, что «журнал дело»: а сами ничего, такой мир теперь писателей.

С Мартыновым: как сказали «Шолохов!» – он побежал к Чагину. Значит, нет ничего...

3 Июня. С утра +2. Снег.

Купил дом в Старой Рузе. И Овчаренко перекупил у Ряховского. Громов рассказывал, что все это время неба не видел (до того было тяжко жить). И правда, вот именно, что [в] угнетенном состоянии неба не видишь...

Pflicht немецкое на русском значит «послушание»: в точности одно соответствует другому, и то и другое из религии, и то и другое соответствует характеру протестанта и православного.

Блестящие и трагические победы немцев <*зачеркнуто:* вызывают восхищение такое же> как борьба индейских племен с цивилизаторами. И не только это похоже по внешности, но и по существу: там и тут выступает сила *рода* в своем простом существе: жить хочется – умирать надо (помирать собирайся – рожь сей). В здоровой крови пульсируют простые слова: жить хочется – умирать надо.

4 июня. Звонил к Шолохову, и ответ был, что разговора о мне еще не было.

5 Июня. Именины мои (23 Мая).

Шолохов звонил: разговаривал с Поскребышевым и другим секретарем. «Дела ваши не так уж плохи. Сердятся за некоторые места “Фацелии” и “Лесной капели”. Но в общем ничего. Решено поговорить с Вами т. Еголину, он человек образованный, литературовед, значит, Вам с этой стороны не будет трудно. А все, что вы просите напечатать, – будут печатать».

Вечером был Алекс. Мих. Коноплянцев, и обсуждался вопрос, крупный человек Ефр. Павл. или мелкий[93]. Так решили, что, если бы крупный, она бы написала: – Прости, ради Бога.

Слухи о том, что Гитлер жмет, что кто-то в правительстве за войну, кто-то против. (Воевать – значит начинать революцию в Европе, не воевать – сдаваться немцам на мирную эксплуатацию страны как колонии.)

6 Июня. Продолжается холод. Приезжал Мосфильм заказывать фильм на тему: «охота как школа разведчиков». Вместе с завед. сценарным отделом Соловьевым (еврей) приезжал режиссер Васильев (русский). Я подумал было, что это тот Васильев (фильм о Чапаеве) и обрадовался, но, узнав после, что не тот, смутился [и] теперь не знаю, что делать.

Любить надо тоже с разумом, а то если слепо полюбишь, скажут: это собачья любовь.

Начало замысла фильма. Парнишка Коля Дедков на лыжах обегает места, которые переходят военно-охотничьему Дому отдыха. Он встречается с командиром, организатором Дома таким образом: командир попадает в яму. Коля спасает его.

7 Июня. От Еголина звонок: в понедельник, 9-го/VI в 11 ч. д.

Защита «Фацелии». Лилии Гейне. Немцы без Маргариты[94].

Германский университет.

Первенство и чечевичная похлебка[95].

Путь к массам: это никак не путь подмены «Фацелии» чечевичной похлебкой.

Мой язык культивируется влиянием принципа германского университета: могу, как «Фацелия», и могу, как «Дедушкин валенок». (Примеры.)

И без сублимации.

Назовите другого писателя. Гонение за своеобразие.

Еголин был причиной моей травли, но моя дипломатия: оправдать причину и все свалить на палачей. Виноваты палачи, стрелочники.

Никто не подозревает, как просто мое писание: пишу точно, как живу[96].

Письма читателей в доказательство простоты моего писательства.

Повторение пройденного:

Защита «Фацелии» – первенства.

Факты разрушения: 1) Сбита Песнь Песней, о которой легко писать. 2) «Падун». 3) «Бабушка». 4) Расстроены отношения с журналами: «Октябрь» – боится. 5) «Смена».

Статья Мстиславского вызывает: «паломничество».

8 Июня. Начинаю понимать всю натуру Ставского. Я раньше думал, что он честный, как Гринев в «Капитанской дочке»,

а оказалось – это не честность в нем, а особенная приверженность к политике как средству самоохраны. Политика, обращенная на самоохрану, в искусных руках представляется как верность Сталину. Никакой натуры, все подмена и симуляция, все «чего изволите» и мечта о собственной даче, где, кажется ему, можно спрятаться и от себя самого. Увы, он глуп: такой дачи нет для покоя. И потому у него в запасе другая мечта – это шестицилиндровый автомобиль для охоты на джейранов: в погоне за антилопами будто бы можно обогнать себя самого. Увы, ни покой, ни движение не помогут: от себя не спрячешься и не убежишь.

Ясно видишь натуру: родился таким дураком и в жизни, как дурак, развивается в дурака опытного и даже образованного. При мысли об этом, что дураками и умными люди родятся и ими так, как родились, так и остаются, встает буддизм с его «ничего не поделаешь» и встает христианство с его верой в возможность переделки натуры и личного спасения.

С этой последней точки зрения даже и Ставского можно спасти, если найти в нем его личную особенность. Вся натура его целиком плохая, он просто по природе дурак, но по христианству в нем должна быть какая-то черта, единственно ему свойственная, благодаря которой добротолюбец может спасти его.

9 Июня. Духов день.

Был у Еголина, и оказалось, что я, написав Сталину, попал в положение хохла, который попросил у Бога сала. Я попросил не реабилитации своего имени у Сталина, а издания книги. Вот это мне и устроили, поручив Еголину мне об этом сказать. А когда я завел у Еголина речь о реабилитации и он прочитал мое письмо к Сталину, то вот тут и оказалось, что в результате всех убийственных волнений мне дали сало. Еголин посоветовал написать Поспелову, редактору «Правды».

<Глубокоуважаемый – *испр. на:*> Уважаемый Иван Петрович, в конце 40-го года журналы и газеты с легкой руки «Нового мира» начали травить меня как писателя, занятого будто бы пустяками во время великих исторических событий.

Многочисленные мои читатели поспешили мне выразить свое сочувствие, а некоторые из них пытались даже выступить со статьями. Однако их статьи не были нигде напечатаны. Самому же мне, писателю, которого А. М. Горький с некоторым свойственным ему преувеличением называл образцовым советским писателем, защищать себя было неловко. Когда поднятая «Новым миром» травля стала угрожать изданию сборника избранных моих сочинений и V-й том сочинений с 40-го года отодвинули на 42-й, я решил просить у Иосифа Виссарионовича Сталина защиты и обратился к нему с письмом, копию которого Вам посылаю.

На днях т. Еголин уведомил меня, что просьба моя относительно издания моих книг полностью будет выполнена, и т. Чагин заключил со мной договор. Но, к сожалению, я свою сложную просьбу о реабилитации моей идеи в письме к т. Сталину конкретно свел к изданию моих книг и очутился в положении хохла, попросившего для себя после смерти сала.

Вот почему по совету т. Еголина я обращаюсь к Вам с просьбой напечатать в «Правде» статью, в которой будет раскрыто, что моя «природа» не есть стихия, в которой писатель укрывается от своих общественных обязанностей, а является выражением чувства родины, самого нам теперь необходимого. Совсем ничего не значит, что это чувство выражается у меня не всегда в образах обороны или строительства. Напротив, я сознательно пишу по-своему, чтобы читатели не спутали меня с теми писателями, которые пишут на эти темы не по личной охоте, а по заказу.

Я мог бы Вам прислать сотни писем читателей военных, комсомольцев, пионеров и даже прямо с фронта (из Финляндии), что мои зверушки, цветочки и все такое читателями принимаются не как «биология», а как выражение общего многим чувства любви к своей родине.

Я прошу еще обратить Ваше внимание на то, что нет почти ни одного детского журнала, в котором не печатал бы я свои рассказы-басни, написанные так, что их печатают в журналах для взрослых и переводят на иностранные языки. В хрестоматиях, в отрывных календарях, в военных газетах («Красная звезда») Вы всюду найдете пропаганду моих образов природы, вос-

питывающих любознательность и мужество. Неужели же этой деятельности почти 70-летнего писателя недостаточно, чтобы защитить его от обвинения в пристрастии к праздным мыслям о природе во время великих исторических событий. Для такой защиты достаточно разрешить Вам написать кому-либо статью в 200 строк, объясняющую мое творчество в названном смысле. Я уверен в том, что в результате Вы, как редактор, получите благодарность такую же, как получает ее редактор «Красной звезды». Но, конечно, не в благодарности дело, а в создании необходимого душевного равновесия для осуществления моих литературных замыслов, по моему глубокому убеждению, гораздо более ценных, чем мною сделано почти за 40 лет.

С уважением, Михаил Пришвин.

10 Июня. Посылать ли письмо Поспелову? А что если Поспелову нельзя или он ничего не понимает, и я останусь с носом? Не лучше ли (раз печатают и раз не трогают)... самому не трогать?

И как это противно самому свои собственные сочинения разъяснять как патриотические!

Семейный треугольник. Я понимаю Лялю. Бывало, в разгар битвы с Ефр. Пав. она вдруг войдет в разум и пристыдит: – Погляди на меня, с кем ты борешься: кто я такая, чтобы ты, знаменитый, со мною боролся и нападал на меня! – Тогда сердце мое сжималось, и мне казалось, что, обижая эту малограмотную женщину, слепо идущую за мной по моим фантастическим дорожкам, я гублю в себе самое мое лучшее, детское, святое существо. Жалость к спутнику жизни охватывала меня, душа расширялась, и вместе с этим возвращалась моя радость жизни. Теперь то же происходит у Ляли с матерью: не ее она любит, а собой дорожит, всем лучшим в себе, прекрасным миром свободы, и ей кажется, что это ее лучшее обеспечено вниманием к страждущему человеку.

Когда я прочел это Ляле, она была довольна, только спросила меня: – А что если не в маме дело, а в том, что я ее раздражаю и мучаю?

– Я люблю тебя за то, что ты меня любишь.

– А я тебя за то, что ты меня. Где же причина?

– Теперь это нельзя понять, теперь это круг, и причины на кругу постоянно меняются местами.

Вечером Емельянов привел героя Василенко, пришел режиссер Васильев, и наметился тематический план фильма «Охота как школа разведки». Буду изображать из себя Максима Максимовича, Лермонтова и завистника его Мартынова. Семья егеря М. М. – следопыта: Коля (Дедков) и дочь Ксения.

11 Июня. Началось тепло.

Потому именно она и не выносит половой агрессии, что мужчина это делает вне себя, что в это время с ним нельзя сговориться, и все вызывает страшное воспоминание из детства, когда кто-то из старших, играя, накрыл подушкой: секунду или две девочка была под подушкой, и эти две секунды ранили психику навсегда.

12 Июня. Была в царское время родина из «Нивы» или «Задушевного слова»[97], а теперь родина – это глубочайшее обоснование своего личного интереса. – Ты обдумай, – сказал А., – с кем тебе будет лучше, с немцами или с евреями. – Конечно, – отвечает Б., – с евреями, потому что евреев рано ли, поздно ли мы вместим и определим им частную, полезную роль в государстве, а немцы нас вместят и нам дадут частную роль германской колонии. – И пусть, – отвечает А., – немцы нас вместят, и мы будем им полезны. Немцы – скучный народ, мы их будем веселить и характер их изменять к лучшему, и с ними наша культура возродится. А евреи возвратят нас через свой интернационал к тому же золотому тельцу цивилизации... – Спор этот между А. и Б. происходит от неверия их в национальную мощь нашего коммунизма, от неверия в ту «родину», которая вступила в дружбу с социализмом...

Родина как орех с семью стальными скорлупами. Молодец из молодцов народился, раскусил орех, и там, оказалось, сидит Зиночка... – у нас, а у немца – Гретхен.

Соловьеву в «Мосфильм»: – Желаете, чтобы я делал фильм, заключайте договор с таким, каков я есть, а на либретто меня пробовать нечего...

Послать деньги Ефр. Павл.

Зеленый шум. Рассказы охотника.

12 Июня. Обещался Матросову из военииздательства собрать книгу «Военно-охотничьи рассказы» и в Июле заключить договор.

13 Июня. Написал либретто «Охота как школа разведки».

Ляля треплется, как куст на ветру. Смотрел в ее утомленное лицо и думал о себе, что пусть в литературе слыву я за мудреца – там это возможно: ведь и вся литература «слывет». Но как человек я еще только на полдороге, какой я еще человек, если терпеть не могу больных и не страдал за болезнь любимого человека и не видал в лицо его смерть. И даже только думая об этом, содрогаюсь от страха, и жизнь после того мне кажется истощенной и ненужной.

Если раздавит на улице всякого человека, то это создает зрелище ужасное... и привлекательное: все бегут, всех влечет поглядеть. И он тоже бежал со всеми, как все, но когда увидел и узнал в убитом человеке свою любимую женщину и толпа это увидела и поняла, то все стали смотреть на него больше, чем на убитую, и он сразу из жадного зрителя стал жертвою жадного созерцания, как будто его страдание было и больше и интереснее картины раздавленного человека.

А в общем если вспомнишь, подумаешь, расспросишь тех, кто помоложе и участвовал в революции душой и телом, то, право, не дурно было, когда все могли жить как *хочется.*

Тяжко было потом подчиняться тому Надо, которое пришло вслед за Хочется. Но мало-помалу пришло сознание: делать-то ведь нечего, нельзя вечно жить как *хочется*. Тут-то вот и началось *послушание,* т. е. добровольное сознательное подчинение необходимости.

Теперь весь вопрос о возможности возрождения и выявления внутреннего патриотизма состоит во времени: когда наступит достаточный срок послушания, тогда сталинская эпоха будет понята как необходимая для нашего народа школа послушания. Если же время послушания будет сорвано, то нас неминуемо немцы подчинят, и мы будем у них в послушании, пока не преодолеем их плен изнутри.

Но кто же может знать о сроке послушания, никто этого не может, и всякий, начинающий говорить о конце послушания, не изжив до конца свою личную заинтересованность, является не пророком, а претендентом на трон. Вот почему я просто жду срока, жду, когда меня позовут.

Кто-то явственно шепнул сзади меня: – Миша! – Я оглянулся, сзади меня никого не было. Страшно мне стало, и я думал, что там *им,* наверно, нельзя почему-то, по каким-то особым, нам непонятным законам нельзя с нами общаться, но случается, как при всяком законе исключение, кто[-то] вырвался, изловчился и, увидев меня, шепнул свое: «Миша!»

14 Июня. Сдал либретто и обрадовался: примут – хорошо, не примут – еще лучше.

Приходил Лева и выпросил 50 руб.: пришлось давать...

Одно утешение за весь день, но большое, это что Ляля любит меня до конца, всей душой, и я тоже...

15 Июня. Тяжино. Едем в штаб управления пионерскими экспедициями.

Весь день на Клязьминском водохранилище. Школьники пекли картошку, лес наполнился дымом от сотен костров. Играл оркестр. Удивительно было видеть, как скоро можно испоганить природу и детям не получить ничего, кроме баловства. Папанин не приехал, мы с Мантейфелем сказали пустые слова о родине.

16 Июня. Теща выздоровела. Ее «классовая теория» в ее устах невыносима, в устах Ляли весьма приемлема. Дело в том, что Ляля очарована старой Россией, в частности, средним дво-

рянством за его христианственность, а теща господством [порядочных] людей над «хамами».

С этим *чем-то* нельзя согласиться и к этому *чему-то* нельзя приспособиться никому: это *что-то* должно пройти, как проходит болезнь. Я старался, сколько мог, очистить свою душу от этой неприязни к *чему-то*, я сбрасывал годы с себя, стремился, совершенствовался, достигал, и ничего не выходило: что-то оставалось между мною и ими.

Только мало-помалу это определилось и стало ясным для *них* и для меня: это что-то, замаскированное словом «природа», было живое чувство к хорошим людям, от которых я произошел, то лучшее, что я храню в себе и чего у *них* нет и без чего им тоже не жизнь, это что-то есть живое чувство родины. Вот это что-то и разделяло нас... Вот почему меня вообще в советское время не трогали, хотя и не любили, и вот почему мне всегда чувствовалось, что если погубят меня, погибну я – погибнет Россия.

В Лялиной душе я, как в зеркале, увидал свою душу во всей ее ясности и простоте.

В Ляле есть женское существо *«в себе»,* и это есть сопротивление всякому действию, понимаемому как насилие над собой. Такая вся техника, и она бежит от всякой техники, как курица от петуха.

17 Июня. Вдруг понял происхождение «что-то», мешающего развиваться свободному искусству и любви к родине. Это то самое, от чего Крупская возмутилась на то, что я своего утенка назвал стахановцем[98]. То самое, что, напротив, поддерживает романы Гладкова. Возможно, это же самое прекратило и деятельность Горького как художника, во всяком случае, стояло на [его] пути. Это же самое побудило удавиться Есенина и застрелиться Маяковского. Это же самое было в РАППе и теперь, переменив личину, создает всеми признаваемое «неблагополучие» в искусстве.

Это «что-то» возникло внутри секты «Революционная интеллигенция» и выражалось в запрете *личной* жизни: сначала, мол, сделаем для *всех*, а после того для себя. Жизнь искусства

с улыбкой обходила этот запрет, но в 17-м году искусство, как выражение личного начала человека, погибло.

С тех пор искусство не может оправиться, и за все 23 года существования советской власти единственный Михаил Пришвин писал от себя, а не на тему извне навязанную. Он скромно начал писать охотничьи рассказы и, когда это у него хорошо вышло, задался целью написать о хороших людях прошлого времени против всеобщего обязательно-отрицательного отношения к прошлому. Так создалась «Кащеева цепь».

Тема «о хороших людях» как чувство родины, в сущности, и есть содержание понятия «*природы*», изображение которой извне является темой Пришвина. Это личное чувство родины в поэтической форме достигло высшего своего выражения в «Фацелии», и тут это живое чувство встретилось с тем пережитком, который сектантская интеллигенция выражала в формуле: «сначала для всех, а потом для личного».

В ближайшее время по выходе в свет книги «Фацелия» надо ожидать статей погромных против себя, но они коснутся лишь поверхности и не смогут вытравить скрытой правды чувства любви к родине, столь необходимого нашему времени. Это будет борьба реакции против современности, и слегка можно надеяться, что это сообразят и прямо-погромных статей не допустят. Но, кроме того, можно чуть-чуть надеяться даже и на то, что произойдет чистка вроде РАППовской и как тогда я выскочил из РАППа с «Жень-шенем», так теперь выскочу с «Фацелией». Если же так не случится и насядет «реакция», то проглотить они меня не проглотят, потому что я ерш и с хвоста если – подавятся, а с головы я не дамся: пусть-ка посмеют разбирать мою «Фацелию» как художественно плохое произведение.

Вся моя задача теперь не расстраиваться от возможно погромных и обидных статей – в этом весь секрет: не обращать никакого внимания, сидеть и сидеть с твердой задачей пересидеть «что-то», как пересидел РАПП. Ни в коем случае, однако, не надо зарывать голову, как страус, в песок, а за всем следить и всякую атаку встречать контратакой. Дело не шуточное, происходит борьба за родину: именно так теперь все и

сходится, что стоять за себя теперь значит для меня – стоять за родину.

Явилась мысль встретить выход «Фацелии» статьей о Родине в «Лит. газете» и направить ее Еголину.

Современная тема (вырезка из газеты):

«Что же сказать о писателе, который сегодня, в эпоху, когда социалистическое творчество народа победно бьет ключом, не умеет замечать и изображать его по-настоящему, уходит от современной темы?»

<*Приписка:* «Из передовой «Лит. газеты» от 15/VI 41.»>

<*Приписка:* Эпиграф.>

Бывает, писатель придет и скажет слово, а 99 слов унесет с собой невысказанных. Но за эти 99 слов невысказанных не он отвечает, а среда, его окружавшая.

Скажите, друг, если вы в жизни своей своими глазами никогда не видали драгоценного камня рубина, но все знаете о нем, а я видел своими глазами рубин и в руках держал, кто из нас ближе к драгоценному камню.

– Я знаю, – вы говорите.

Я же вам говорю:

– А я его видел.

Да, вы знаете о нем от других, из книг, я же сам лично не одним умом, а всем составом своего существа принял в себя его образ...

Так вот и в споре о современности темы, в этих направленных лично ко мне упреках в том, что я ухожу в «край непуганых птиц» от современной темы, я отвечаю и спрашиваю:

– А вы кто такой, знающий о современности по слуху, по газетам, по чтению, или носите в себе образ современности?

Друг мой, давайте согласимся забросить упреки в отношении современности тем, а найдем какой-нибудь иной критерий для оценки художественного произведения. Я знаю хорошо, если вы считаете мое произведение не эстетически только ценным, а органически, то я это готов утверждать тысячами примеров и

фактов о том, что произведение мое современно, что оно могло на вас воздействовать только потому, что внутри этого произведения, будь оно написано о чем угодно и означено какою угодно отдаленной от современности темой, внутренняя тема его всегда современна.

Без современности, заключенной в произведении, не может быть влияния на читателя.

А если внешняя современность темы не есть показатель истинной его современности, то, может быть, мы изберем другой критерий, скажем, влияние на читателя. Но... поработав почти 40 лет в литературе, сколько теперь могу я назвать очень влиятельных писателей, от которых теперь ничего не осталось: куда девался «Санин» Арцыбашева[99]? Этот роман теперь невозможно прочесть.

За эти 40 лет жизни с пером в руке, встречая и провожая карьеры знаменитостей, сколько раз я задавал себе вопрос о той почве, на которой я держусь. Вот, положим, все критики меня хвалят и превозносят – могу ли я это принять и на этом стоять? Конечно, нет: критики могут ошибаться и подменять внутреннюю современность моих произведений своей эгоистической конструкцией. Массовый успех, как я видел по многим, тоже не ручательство за современность.

Позвольте, на чем же стоять честному писателю, не желающему занимать чужое место.

О, друг мой, в этом же и есть весь ужас, весь кошмар существования художника: он вечно идет по канату, каждое мгновенье готовый полететь вниз и разбить себе голову. Только зная это, можно понять, почему во всяком обществе во все времена удачливый артист награждается больше других.

Я думаю, это не всегда его самого награждают, а просто, чувствуя все великие трудности на этом пути, спешат наградить и того, кто на этого хоть мало-мальски похож.

Друг мой, даю вам честное слово, что и сейчас, после 40 лет писательства и всяких признаний, я все еще иду по канату и если могу о чем говорить, то исключительно о балансе своем. Моим балансом было чувство природы и чувство где-то суще-

ствующего друга. Очень недавно я открыл, что чувство природы во мне значило чувство родины и это чувство определяло мое родственное внимание, а чувство друга – это было из моего писательского ожидания читателя. С этими двумя балансами в одной и другой руке я шагал по канату, и достигаемое равновесие я понимал в особом чувстве современности.

В чувстве жизни есть непостижимое для разума противоречие, знаешь, что все люди смертны, все умрут, но о себе *чувствуешь,* будто я в отличие от всех как-нибудь проскочу и миную неминучую беду. Так и в чувстве современности для разума кажется так ясно, что современное, положим, эпохе Пушкина не может быть современным эпохе социализма, но *чувствуешь,* будто современное пройдет, а я как-нибудь с Пушкиным через неминучую смерть проскочу.

18 Июня. Поэзия и политика.

Никогда в литературе так далеко не расходились поэзия и «проза», как в наше время. Да оно и понятно: необязательно для всех обладать музыкальностью или поэтическим чувством, между тем как жить хочется всем. И с точки зрения экономиста или политика, имеющего в виду именно всех, роман, обходящий поэзию, чтобы именно всех ознакомить с задачами современности, – этот роман, имеющий значение доклада для всех, является гораздо более ценным, чем поэтическое произведение, доступное лишь для тех, кто обладает поэтическим чувством.

Одно дело – быть поэтом, другое дело – понимать поэзию, третье – не понимать поэзии и судить ее наравне с «прозою», т. е. докладами для всех на заданные темы.

В голодное время мне пришлось года два зарабатывать себе существование трудом деревенского учителя[100]. А потом вдруг, когда пришел нэп, я послал в редакцию рассказ и получил за него больше, чем я мог бы трудом учителя добыть себе в год.

<*Приписка:* С другой стороны, и так было: за 40 лет написал 5 томов и продал их за 150 тысяч. И написал сценарий «Хижина старого Лувена» и за [один месяц труда] получил 150 тысяч.>

Не раз я обдумывал это и, в конце концов, пришел к выводу, что это правильно: я не прямо за рассказы свои получал плату, а я получал аванс за то произведение, которое я должен дать обществу как настоящий художник. Настоящий артист заслуживает, а я, еще не настоящий, получаю как поощрение и за это должен когда-нибудь расплатиться...

<*Приписка:* Вы скажете, это я только такой, особенный [может глупый человек.] Нет! Я только больше других сознаю, а кто не сознает – тот живет в такой суете от аванса, что никакой [человек] этому состоянию не должен завидовать: [не жить, а бегать и требовать].>

Так вот прошло почти 40 лет литературной деятельности, а я в глубине себя все еще сомневаюсь, оплатил ли я свой аванс, и без этого чувства неуверенности в праве на существование как-то и не могу жить. И теперь, после 40 лет труда, каждый рассказик свой отправляя в редакцию, в глубине себя одеваюсь в рубашку сомнения. Но они прекрасны, эти рубашки, они состоят из крови и нервов настоящего артиста...

И когда я нахожу в себе это сомнение – я артист.

На Ордынке стон, плач, истерика: женщины провожают новобранцев. – Сколько в человеке любви! – сказал я. <*Вымарано:* – Это не любовь, – ответила Ляля, – любовь подавляет эгоистический центр, а это эгоизм.– Неправда, – воскликнула теща, – не все любовь, но в этом плаче есть и такие, кто истинно любит. – Знаю я их, – сказала Ляля, – я их три года видела. – Кого их? – Крестьян: все они свои сундуки любят. Так вот и Ляля, тоже в горячке говорит совершенно противное своей природе*.>

Переезд на дачу. 1) Работа над Горьким. 2) Кавказские тетради. 3) Машинка – лента – бумага, копирка, чернила, резинка, вторая тетрадка чистая. 4) Интимные дневники. 5) Бритвы. 6) Фото. Два аппарата, пленка.

* В авторской машинописи 1943 г. рукой В. Д. Пришвиной приписка: «Я говорила нехорошо, но одно верно было, это протест против сладости отдачи своему горю, в то время как это горе отнимает последние силы у уходящего. Истинная любовь провожает не только на войну, но и на казнь с твердостью, а не с разъедающими душу слезами».

В «Красной звезде» не напечатали мою статью о Горьком из-за того, что в письме Горького от 24 года говорится, что в Германии живется плохо. Вот те и фунт, а давно ли все были уверены, что война на носу.

Когда я наговорю Ляле дерзостей, то она, вспыхнув, вскоре начинает меня жалеть: она угадывает, что я от себя больше страдаю, чем она от моей дерзости. А еще, может быть, она глядит на меня, как на ручного воробышка: вот он вспомнил былую вольную жизнь, встрепенулся, взлететь хотел и одумался: тут везде лежат зернышки, а там их поди искать, и как трудно это и как не хочется... И он нахохлится, а она пожалеет...

Говорят, что от себя уйти невозможно, а еще говорят, будто писатель может куда-то уйти от современной темы.

20 Июня. Валерия[*]. Глухово.

Все эти рыдания женщин у призывного участка, и улыбки в слезах у мужчин, и вопли, и поцелуи взасос – все это еще была не любовь, а скорее начало разрушения эгоистического центра, прикрывающего собою любовь. В момент утраты физически близкого существа в том месте, где прошло разделяющее отсечение, начиналась любовь, и это рождение целебного чувства из боли сопровождалось конвульсиями физического страдания.

– Это еще не любовь! – сказала Ляля.

– Но это рождение любви, – ответил я.

Стал поздравлять, а она: – Подожди, дружок, придет минута, поздравишь, а это не поздравление. Так-то нас и Алек. Ник. поздравляет.

Пришел вечер: я гулял в ржи и нехорошо думал. Когда спать ложились, мы объяснились, и я понял, что я неважный человек.

– Неважный я человек, – сказал я, – и все хорошее мне пришло от тебя. – Это верно, но только задатки у тебя хорошие.

---

[*] 20 июня – именины В. Д. Пришвиной.

И я поздравил ее.

Так можно изобразить именины.

Можно быть несовременным, отставая от времени, но можно, как Пушкин, быть впереди своего времени и, значит, тоже быть несовременным. И еще можно родиться жизнерадостным певцом и музыкантом, когда люди убирают покойника в гроб: по времени нужны рыдания, а он петь и плясать собирается...

21 Июня. Но вот тут и есть главный вопрос: а если он поет и пляшет не для собственного своего удовольствия, а чтобы живые предоставляли мертвым погребать своих мертвецов[101] и взялись бы с большей охотой и покрепче устраивать жизнь. Да, если так, если жизнь продолжается, то один пляшущий будет более современным, чем тысячи плачущих. Если так, то и Пушкин, внешне как бы несовременный своей эпохе, изнутри был ей более современным, чем все его «современники».

Итак, если время мерить не хронологически, а тем, чем оно чревато, то не так-то легко нам будет назвать современную тему.

Я бы и не стал этим заниматься и выказывать претензию на понимание современной темы, если бы уже почти 40 лет не носил в себе *современность* и все 40 лет не знал того, что есть непременно друг, который меня понимает. Вернее скажу, вот именно друг-то мой и был источником моей уверенности в том, что если я напишу хорошо, как следует, то тем самым непременно и буду современным писателем.

Так я и определю, что моя вера в друга была источником уверенности в своем современстве, и эта вера мало-помалу стала привлекать ко мне читателя, и я в этом читателе находил почву для материализации веры своей в друга.

Вчера по приезде в лесу с какой радостью встретили меня друзья мои, и особенно свечки на соснах как будто прямо шептали, узнавая, и спрашивали: где же ты пропадал?

А цветы! все цветы от жарких дней встали, как мертвые воскресли: фиалки, первые цветы и бутоны ландышей сошлись с

мячиками одуванчиков, земляника, акация, ранние весенние цветы сошлись с летними; черемуха, – начало весны – сошлось с концом ее: цвела сирень.

Клава.

– Штрафуют ли? – Нет – раз только было. Не штрафуют, – что я все-таки женщина: улыбнусь, а он и помягчеет. Они к женщинам не такие. – А за что же раз-то вышло? – Да так вышло, сама виновата. Он говорит: порядок, а я ему: ты, деревенская рожа, давно ли из деревни, еще о порядке стал говорить. А он на это: – Ах, так! давай десять рублей. – Не дам, говорю, а он: – Права отбираю. – Подумаешь! – десять рублей и отдала. – Давно ли шофером работаешь? –1½ года, а хочу бросать. – Почему? – Перспективы меняются. – Замуж выходишь? – Похоже на то. – За кого? – За машиниста. – Хорош? – Приглядываемся: гуляем 3 года. – Не пьет? – Вот тут-то и есть. – Да что? – Да что не пьет: самое главное. Дом у него. – Ты с Мишей или уйдешь? – Уйду: дом хороший. Он говорит мне: «Ни одного часу шофером не будешь: каждый час тюрьма может. Ты женщина, ты должна смену готовить». Только я дома сидеть, в мои годы – вот еще, дома! ха-ха-ха: я и портниха хорошая, и хозяйка хорошая. – По любви? – Я этого не понимаю, и бывает ли это? я до 25 лет дожила и не понимаю. Может быть, оно и придет. Это раз в жизни, говорят, бывает. – А как же если ты выйдешь, а он придет? – Я на это вам никак сказать ничего не могу. – А как же поступишь? – Если вышла, так понимаю, надо жить. – А если это один раз и придет? Стала колебаться и говорит: – А то: недорого достался, недорого и расстаться. – А что же, и он тебя не любит? – Нет, он по-другому говорит, только не верю. – Почему же ты не веришь? – По себе сужу: я без сердца иду, значит, и он тоже. Да я и не жалею, он в слезы, а мне хоть бы что. Я их и не жалею, я гуляю и поверну. Извините откровенно, они все по-хорошему гулять не хотят, а мне себя изнашивать неохота. Я приду, сплю, не знаю бюллетени, сплю: приду, сплю. – Что же ты, Клава, тебе так хорошо, а ты замуж выходишь? – И не выходить нельзя, время идет, пропустишь и останешься старой девой. – Ну, ты старой девой... – Жизнь пройдет, и останешься так: и любви не узнаешь, и да и так...

И принялась *хохотать* (мефистофельский смех – выразить: шаг от трагического до смешного).

<*Приписка:* Как там муж – я не знаю, а что хозяйство будет хорошо – это факт. – Да так не из квартиры ли вся эта любовь? – А как же, вы же видели, наш домик разваливается, и Миша сказал: мужа в дом не приводи.>

Красота обыденной жизни (порядка).

22 Июня. Вторые сутки холодно и дождь, зато не летают комары и не выползают клопы из щелей. Рожь выколашивается. Кукушка трудится с утра до ночи, выбивая нам годы. Душа становится на место.

Вчера сам отколотил щиты в своем доме и освободил окошки. Ляля загорается желанием устроить домик.

Начало изучения ландшафта Старой Рузы: мост через р. Москву перейдешь и с шоссе свернешь на тропинку к маленькой лесной речушке Вертушинке. По хорошим кладочкам в три бревна с поручнями переходишь ручей, и перед тобой станет как зеленая ширма высота крутого древнего берега р. Москвы. Налево от мостика вверху высота прямо как ширма стоит, направо она выступает взлобочком, и по взлобочку наша тропинка поднимается круто вверх к церкви на высоте. Почти рядом с церковью, чуть полевей – городище древнее в соснах, самое высокое место, и отсюда с кладбища вид открывается такой замечательный, каких поискать во всей Московской области и едва ли найдешь. Уверяют, будто место это было родиной Ивана Калиты, собирателя Руси, и это до того правдоподобно становится, как глянешь с высоты на лесные угодья, что самому захочется идти с мешком Русь собирать.

У нас с Лялей общая и самая русская черта в характере – это органическая неприязнь ко всякому господству над людьми и даже над имуществом. Вот сейчас Ляля с квартирой в Москве и с домом в Рузе уже начинает тяготиться всем этим. Я же, мне

думается, во всякое время готов кого-нибудь наградить своим имуществом и освободиться от всего. Мы с Лялей лесковские «праведники»[102].

У нас с Лялей чувство красоты опирается на природу, у тещи на порядок. Увидав наш домик, она воскликнула: что это будет, когда к этому присоединится порядок! Был у нас спор об этом долгий. Человек она умный, но ограниченный, и потому держится за порядок. Вся мудрость немца содержится в порядке, этим порядком он и господствует. Русский не выносит порядка и мудрость свою находит в послушании (своеволие – это один из этапов к послушанию).

<*На полях:* Человек есть то, о чем он думает (сказала Ляля, а может быть, Олег).>[*]

А может быть, и в самом деле мы с Лялей и лесковские «праведники» не представляем собою типов народного характера, а нас теперь переживает русский народ как духовных представителей своего средневеково-кустарного прошлого.

Сущность кустаря в том, что создаваемые им вещи суть произведения его личности, единственной и неповторимой.

Напротив, *большой хозяин* (Капитал или Социализм – все равно) создают вещи, независимые от склада способностей и характера их производителя.

Вот я, как художник, чувствую в обезличении продукта смерть всякому искусству, я борюсь за *личность* художника и тем самым борюсь за все искусство, за всю родину свою.

Но именно вот родина моя перестала быть кустарной, и если художник выходит за пределы своего ремесла и хочет представлять всю родину, тем самым он проповедует реакцию.

Если же он, упрямец, все-таки убежден в необходимости проповеди связи *личности* человека и его произведения, то он должен привести доказательства всем понятные в том, что тор-

---

[*] В авторской машинописи 1943 г. рукой В. Д. Пришвиной приписка: «Нет, он сказал так: “любит человека тот, кто любит мысли его”, что, впрочем, по существу то же самое».

жество личности связано с движением вперед общества, а не с реакцией...

...а если человек есть то, о чем он думает, то не все ли равно, что я мысли свои записываю и в этом я – человек, а другой чем-то иначе выражается, и всякий по-своему выразится непременно, и о *личности* вообще думать нечего: личность независима...

Так и решают у нас задачу о личности: создай благоприятные условия для всех, а личность сама собой определится. Но вот пришло время и в искусство, во всем искусстве неблагополучие: личности нет, и нет искусства. Что же из этого, неверна ли теория, – устроить всех, а личность устроится сама, или теория верна, но практика плохая: именно *все* неустроены, потому и личность не *образуется.*

Искусство есть средство образования личности.

Жизненная миссия искусства есть образование личности.

Почему кустарь есть образованное существо без «образования», а пролетарий необразован в образовании? Вероятно, церковь есть мать кустаря, и отсюда пришло его образование, и на этой основе (церковно-народной) развилось искусство.

Война (4 утра 22-го Июня).

Ефимов, механик, сын хозяйки нашей в Глухове, сегодня около двух дня вылез из клети и сказал: – Знаете или не знаете? – И увидев, что не знаю: – Сегодня в 4 утра фашистская Германия... и пр.

И все полетело...

Первое было, это пришло ясное сознание войны как суда народа: дано было почти четверть века готовиться к войне, и вот сейчас окажется, как мы готовились.

Еще подумалось о причинах, что, вероятно, Гессе договорился с англичанами[103], и они согласились мириться за счет России, если немцы сумеют свергнуть коммунизм.

Еще думалось, что немцам будет не так легко, что ведь... Одним словом, через несколько дней все будет видно: если насту-

пление немцев будет задержано, то едва ли у них что выйдет, если же... Ничего не скажешь, суд скажет, все мудрые стали глупенькими перед этим судом.

Мои женщины при своем «вегетативном неврозе» не только не испугались событий, но Ляле как будто только этого и не хватало: – Ты увидишь, – сказала она, – какая будет твоя Калерия-Валерия.

Вечер пришел солнечный, мы с Лялей гуляли вдоль колосящейся ржи, и она меня убеждала в это время внимательней быть в отношениях, копить свое лучшее, теснее сходиться друг с другом. От этого мало-помалу мне стало приходить сознание, что, может быть, мы стоим у порога такой радости, какой я не мог даже предчувствовать.

Не забыть, что в ночь накануне войны Ляля видела сон и рассказала его мне. Видела она на небе бриллиантовый крест и Пресвятую Богородицу, и все в том значении, что наступил конец чему-то и открывается завеса в иной мир.

Я вспомнил, что у Лескова его «Очарованный странник» кончает пророчеством войны, что человек, живущий сердцем, и непременно должен стать пророком. И так я увидел ясно в Ляле своей очарованного странника.

23 Июня. В Малеевке ждут с волнением вестей по радио. Включают проверку времени, и часы в ожидании кажутся, будто это *время шагает*. Но мало было вестей, почти ничего.

Стало казаться, будто мы (!) и можем немцев разбить. Это похоже очень на 14-й год. Но сделается все не по-нашему. Даже и наши праведные страдания не будут на суде этом приняты в оправдание, потому что дело не в нас, а во всем человеке в его существе – вот в чем дело. Поди, узнай время, и не узнаешь, и соврешь, лучше представь себя каким-нибудь жучком на коре дерева или до какого-нибудь глазочка в трещинке, смиришься – и может быть, войдешь в себя и, войдя в себя, что-нибудь увидишь извне.

Раньше я держался того, что за войну кто-то должен ответить и быть наказан. Так я понимал нашу революцию 17-го

года и понимаю войну 41-го года как продолжение той. И в неуклонной охране этой идеи возмездия состоит все значение Сталина, и в восстании на эту идею за легкомыслие гибли враги Сталина. Я так думал, но приходит неизвестный и говорит:

– Взяв на себя право суда над делом войны, вы, гордецы, не найдете виновников, и война на земле будет продолжаться, пока не скажет каждый из нас: я виноват.

– Вы хотите, – я отвечал, – чтобы все внешние дела стали делами *личными* – возможно ли это?

– Возможно, если каждый войдет в себя и не будет ни о чем судить *отвлеченно*: основной грех человека состоит в заботе о *всех*. Нужно так устроить общество, чтобы отношения в нем были только *личные* и все фабрики работали не для *всех,* а на *личный* заказ.

– Значит, не надо и машин, потому что машина содержит в себе идею работы на всех в концентрате. Так получаются две веры, одна вера в безликое человечество, другая в самого человека, в живущую в нем божественную личность, совершенству которой удивляются даже ангелы. Вокруг веры одной нарос капитализм, вокруг другой – коммунизм. Если бы мог коммунизм определиться в личности, а капиталист стал бы работать *для всех,* тогда бы и наступил мир между коммунистами и фашистами.

– Отсюда открывается, что ни в том, ни в другом нет полной правды, и, значит, должна быть война.

– А, в конце концов, должны открыться опять какие-то заманчивые просторы на пути человечества, сделать все отношения между людьми *личными.*

24 Июня. Читал речь Черчилля о нападении на Россию[104] Гитлера и не поверил искренности, как, наверно, у нас и никто не верит. Думаю, что Гитлер войной с Россией хочет заработать себе мир с Англией. А впрочем, как и в 1914 году, чего-то мы не знаем.

25 Июня. Холодные дни. Золотистые северные зори.

– Красиво! – сказал я.

– А я не люблю, – ответила Ляля, – эти зори для оккультистов, в них добра нет, любви, а красота без любви – вот это им,

оккультистам, может нравиться. Может быть, и бог даже есть в этом, только холодный, неправославный.

Зато рожь поднялась во всем безмерном богатстве своем, и так тянет ходить возле нее, и ходить. Желтых цветов – куроcлеп – родилось столько, что как на реку смотришь большую, вроде как Обь какая-нибудь.

– Нет, нет, земная жизнь насквозь погублена, кончается...

– А цветы?

– Цветы не земля, цветы от нездешнего мира. Вот то-то и удивительно, непонятно, как это может быть на земле, откуда это все, – вся природа?

Чирикают трогательно в застрехах молоденькие воробьи. На свежем, дымящемся пыльцою побеге сосны блеснула в булавочную головку капелька ароматной смолы.

– Как это прекрасно, как готов я этому служить. Но почему, дорогая, я не могу ухаживать за человеком... Нет, я, конечно, могу и готов, но личность моя не входит в эту службу целиком: я в этом бываю не весь и от этого не чувствую нравственного удовлетворения.

В Малеевке в ожидании 12-часовой передачи рассказывал Лундбергам о своем *большом* хозяйстве и Лялином *маленьком*, в котором продукт остается в ведении его производителя. А по радио передавали глухо о больших сражениях.

Из Москвы вести: река женских слез. И скоро с фронта, река мужской крови. Расставаясь, плачут даже и молодые парни этими женскими слезами: прошибает мужа, и на время он становится женщиной, и в этот момент будущее геройское дело кажется маленьким. Уложил две перемены, ножик, вилку, ложку, еще кое-что, простился, глянул в последний раз на домик, на две березки, и эти березки пошли с ним и остались в сердце до смерти: в последний миг расставания с жизнью в несказанной красоте и доброте станут перед ним эти березки.

От нас скрыты разумные расчеты, мы не можем понять, какой смысл, даже просто расчет у германского вождя выставить

всех своих рыцарей против нашей несметной азиатской орды. Неужели расчет на крах коммунизма, с которым рано или поздно непременно придется сражаться и самой Америке? Неужели Англия им сказала: «Если свергнете и устроите свой порядок в Азии, мы помиримся». А нам сказала: «Если вы разобьете Германию, берите проливы».

Но если мы разобьем, разве не вспыхнет в Европе революция? Неужели же борьба с Германией закрывает и Англии глаза на борьбу с революцией? Может быть, так и разумно: основной враг, Германия, будет кончен, а с другим после как-нибудь. Впервые понимаю тех, кто давно говорил о неминуемой гибели Гитлера, только они понимали это с точки зрения «вечности рубля» (капитала), а я понимаю гибель из-за расхождения с Россией: наша империя погибла из-за расхождения с Германией[105], они – из-за нас.

Но как провалились мы тогда с нашим патриотизмом...

Сейчас коммунизм до очевидности сидит целиком на *отечестве*, а отечество состоит из очарованных странников, работающих кое-как по случаю на конюшнях человечества...

Теперь у *них* единственная надежда на очарованного странника, в его слепой для настоящего и устремленной в будущее силе. И так странно приходится: сопоставляются сейчас в борьбе эта слепая для настоящего и устремленная в будущее русская неограниченная сила и другая сила – германца, ограниченная злобою дня. Кто скажет теперь, что выдвинет на очередь современность истории: своего очарованного конюха, пророка или же блюстителя злобы дня и порядка, германского рыцаря? Но одно верно, что кто бы ни победил в этой борьбе, истинная победа будет в единстве очарованного конюха с рыцарем злобы дня.

26 Июня. Проходят дни. Вестей мало, но каждый по-своему дополняет своей легендой. Лундберг чуть ли не лично знаком с Лютером и любит его, но... Лютер брак считал раем, но когда у какого-то короля от такого брака не рождалось наследника, он допустил конкубинат[*]...

[*] Конкубинат – внебрачное сожительство.

И так все немцы ставят впереди личности государство: из этой идеи и вышел фашизм. Так было сказано для возражения мне о миссии немцев внести в жизнь порядок и вещи расставить на свои места.

– А что они сделали с Францией![106] – воскликнула Елена Давыдовна, – была веселая страна, и нате вот порядок. Вы понимаете «довлеет дневи злоба его»[107] как порядок, расстановку вещей, а это неверно.

– Если это неверно, то как же вы понимаете?

– Я понимаю «довлеет дневи» как всю жизнь, все ее будущее и прошлое, собранное в текущее мгновенье, похожее на виноградную лозу. Нет, «довлеет дневи» состоит не в расстановке вещей на земле, а в повороте будущего в настоящее.

И еще мы говорили о том, что хотя по внешности коммунизм пользуется теми же приемами, как и фашизм, но по идейному содержанию фашизм и коммунизм противоположны, цель фашизма – государство, цель коммунизма – личность.

А читали речь Черчилля? – Читал, но не понимаю, чему он радуется: победа над Германией означает революцию в Европе и коммунизм с его диктатурой пролетариата. – Этого они не боятся: фашизм себя показал...

(Люди совсем простые, живущие по слуху, говорящие на слух (народ), не верят Англии и боятся заговора, а «разумники» и раньше были с Англией против немцев – эти верят.)

– Ты пишешь и живешь, как бы чувствуя рай на земле.

– Главное – возможность его для человека на земле, ты же все земное считаешь как зло и рай возносишь туда, на после смерти.

– Нет, я думаю, рай начинается здесь и туда продолжается.

– Я тоже так думаю. Но ты слишком часто стоишь опустив руки перед злом и относишь лучшее *туда*, в то время как деятельный человек преодолевает зло частично здесь на земле и надеется, что в будущем его преодолеют. Ты, опустив руки, ждешь спасительной катастрофы, Страшного Суда и прекращения борьбы со злом при торжестве добра. Все это верно, только нужна воинственная деятельность: война. Вот мы с тобой по-

воевали, победили, достигли своего и вновь затеваем борьбу. Я боюсь, что 99 сотых «того света» создано в утешение слабым, убогим, больным, несчастным, неудачникам и только 1/100-я людьми деятельной веры в будущую жизнь и в Бога.

– Благодарю тебя за напоминание о деятельной вере, это все верно. Только я-то говорю ведь о томлении, том самом томлении души ап. Павла, когда он ждал смерти как разрешения этого томления. Немногие могут преодолеть смерть радостью, большинство умирает в томлении.

Весть о войне всех ударила в лоб и всех оглушила, и вот пятые сутки уже мы хотим прийти в себя и не можем. Смутные дни. Но сегодня, на пятые сутки кто-то сказал:

– А если немцы вот уже пятые сутки не могут продвинуться, то, значит, трудно...

К этому кто-то напомнил о рассказе пленного немца. И вроде как бы зашевелилась надежда на спасение. И прежние пустые «патриотические» слова о доблестной Красной армии получили живой смысл.

А не то ли для писателя значит быть *современным* – быть искренним, а быть искренним – быть в личном соприкосновении с тем, о чем пишешь?

Если производитель силою самих вещей (условий современного производства) вынужден разлучиться с продуктом и создаваемая штампованная вещь ничего уже не говорит о творце, то разве этим отрицается творчество? Напротив, человек, окруженный для своих удобств службой безликих вещей, разве тем самым лишается он возможности творчества? Наоборот!

Не поднимается ли голос о помехе творчеству штампованных вещей теми, кто неспособен к творчеству, как поднимается тоже глупцами ссылка на старость, хотя они были всегда дураками и глупость свою прикрывали молодостью.

Как хорошо пошел роман и те же темы, но почему же хочется о том же самом нового, современного? Те же розы, то же яблоко, тот же ветер, та же девушка, а хочется, чтобы о том же

самом написал нам человек. Мало того, хочется посмотреть на него, выразить личное свое восхищение и самому сомкнуться с ним в творчестве. Начиная с Горького сколько таких святых в бескорыстии писем я получил от друзей в то самое время, когда официальные представители называли меня несовременным писателем.

Верно ли вообще для искусства? но для себя чувство своей современности, нужности, полезности и устойчивости я получил только от встречи с читателем-другом.

27 Июня. Бродит в душе, как в целом мире, всходит на тех же самых дрожжах мысль и решение. Сходятся все времена, все мысли к необходимости решения, и знаешь, что нельзя его выдумать, и ждешь сигнала со стороны, и шепчешь: да будет воля Твоя!

Слушали скупое радио, и слова «мы отступили в Шавлинском направлении» зажгли огонек в чьих-то глазах, и я перехватил его и прочитал все, что было на сердце и на уме у этого слушателя. Тут было полное сомнение в нашей победе и уверенность в близкой катастрофе. Я подхватил блеск этого огонька еще при передаче речи Черчилля о том, что немцы сосредоточили *огромные* силы на границе России, и то же при словах Идена о том, что немцы хотят овладеть Россией, чтобы бороться с Англией.

Все счеты забыты, идейные, политические и всякие, не по идеям живешь, а вот домик я купил – и хочется, чтобы не тронули мой домик и квартиру мою в Москве не заняли, где я работаю, где хранятся письма моих читателей, рукописи. Вот это самое, накопляясь в народе, и возбуждает общую всему народу силу, называемую патриотизмом. Но как мало теперь этого самого материала патриотизма, создавшего когда-то *отечественную* войну[108]. Теперь отечество *социалистическое*, т. е. эта сила патриотизма должна произойти не из стихии, а из организованности людей. С этой силой идут фашисты, и этой силой будут сражаться с ними социалисты.

Кто-то, советуясь, высказал мысль, что свободному от службы человеку, писателю, теперь хорошо бы уехать на восток, напр., в Свердловск. – Напрасно, – ответил другой, – теперь война построена вся на организации, а не на вере в стихийные народные силы. Если организация сразу развалится и Москва будет взята, то после Москвы ничему не собраться и останется соглашение с немцами... Спешите собрать свой патриотизм до Москвы.

28 Июня. И еще день в напрасных поисках печника. Кончилась внезапно Малеевка: ночью был вызван директор в Рузу, и ему было велено распустить «творческий дом» и переоборудовать его в дом детей от 2 до 7 лет. Нас поставили на снабжение, и Ляля от этого пришла в восторг.

Статья в газету о родине. Письмо другу на фронт[109].

Редакция «Красной звезды» в Апреле этого года прислала мне письма красных командиров, вызванные моими охотничьими рассказами, помещенными в этой газете. Среди этих писем было одно, которое я причислил к своему золотому фонду. Правда, какой художник может с уверенностью сказать, что слава его скоро не померкнет, что слово его, принятое на короткое время за настоящее золото, не окажется <*зачеркнуто:* подделкой> лигатурой.

В практике своей литературной я находил два выхода из состояния тяжких сомнений. Первый выход был в том, чтобы самому признать все написанное допреж того лигатурой с тем, чтобы следующая книга была непременно золотом. С годами это сильное средство ослабевает, потому что новая книга становится старой и попадает тоже в число лигатурных. Но вот что составляет несомненно золотой фонд и я храню его как надежное основание моей деятельности: этот золотой фонд моей литературной деятельности составлен из писем читателей. Вот одно из таких золотых писем, полученных мною.

Письмо красного командира.

Ну вот, дорогой друг, пришло время ответить мне на Ваше письмо. Я не сомневаюсь, что Вы теперь на войне и, может

быть, умираете за нашу родину где-нибудь в лазарете... Понимаю, что, может быть, Вам теперь не до того, но всякая боль дает своим невольникам отпуск, и тогда вдруг в необычайной красоте, какую в обыкновенной жизни никогда не чувствуешь, встанет родной домик с березками. Мне было даже так, что березки эти навстречу мне протягивали веточки и елки шевелили лапами темными. Вспомните в такую минуту своего старого друга, живущего среди родных вам цветов, и, если сами не можете, попросите сестру прочитать вам это письмо. Друг мой, я убедился, что то чувство природы, которым оба мы одарены, есть не что иное как чувство родины, такое сильное, искреннее, что его можно выразить в *мирное* время образами самой же природы или же во время войны...

Я испытал неприличие славы во время той германской войны. Тогда все газеты меня уговаривали писать о войне, я боролся, как мог, но трудно было быть [отказываться], я писал, и у меня так плохо выходило, что стыдно было читать. После многих напрасных усилий я решил сам на себе испытать весь ужас войны, сделался военным корреспондентом и направился на фронт в Августовские леса[110] под Гродно.

29–30 Июня. Пишу о пережитом в воскресенье в понедельник в 7 утра, когда пришел в свой дом в ожидании печника и впервые начал писать в *своем* доме. Мои первые слова в своем доме, что *свой* дом – это несовременно и уводит в прошлое, из которого вышла современная война. Свой дом – это лозунг фашистов, а у нас «свой» значит «наш». Наше «свой» означает земное основание лестницы вечности. Да, я вечность чувствую: она есть. Но земная жизнь наша, очень короткая, для того только и существует, чтобы успеть установить лестницу в вечность. Каждому дана возможность срубить лестницу, но только каждый должен срубить ее сам. И вот только в этом смысле я называю свой дом: свое собственное начало лестницы, даже просто ступеньки лестницы в наш дом.

Прилетела птичка на подоконник и своими глазенками сверкающе-живыми, своими резкими движениями, перышками, ножками поразила тещу, и она весь день думала о странно-

сти такого напряжения жизни во время ужасного губительства на войне человеческой жизни. А что я высказал желание пить чай 1-го сорта, а не второго, то это она приняла за мою шутку.

– Кушай на здоровье! – говорила мне мать, и, Боже мой! как я уплетал и какое божественное здоровье получил я. Такое здоровье, что в самой жизни земной нашел жизнь небесную.

Убежден, что человек сам в себе содержит вечность и вся земная жизнь для того существует, чтобы он догадался об этом и сам своими руками построил бы себе на земле лестницу в вечность.

Моя семья за эти дни прониклась патриотизмом, не только Ляля, но даже и теща хотят от немцев бежать. И это становится с каждым днем очевидной необходимостью, потому что с немцем дружить хорошо, если же воевать, то надо его победить. Правда, и нам не сладок большевизм, но у нас в силу даже самой идейной незавершенности открыта дверь к движению духа, а немцы, какими они теперь являются, – эгоизм ограниченности, закрытая труба. Что делать? мы должны победить...

Смущает мысль о том, что нашей победой не мы воспользуемся, но это смущение по мере хода войны проходит.

Всех ободряет, что началась вторая неделя войны, а немцы не движутся лавиной, как думали. Является надежда.

1 Июля. Весь день с утра до ночи в поисках печного прибора. В Сельсовете предлагают купить наш дом, но я это отверг, хотя завтра, может быть, дом этот брошу. Не знаю, где придется спасаться, здесь или в Москве. Терпеливо, честно ориентируюсь на нашу победу, доверяя жажде жить нашего народа. Тыловые же люди, конечно, распределяются по-разному...

Государство – «большое хозяйство», семья – малое хозяйство. Россия из кустарно-лично-семейного состояния приведена была выбраться в большое хозяйство (большевики).

Поэтому большое хозяйство поглотило целиком малое хозяйство.

Такой быстрый переворот был необходим, чтобы догнать, а догнать и перегнать было необходимо, чтобы защитить идею коммунизма. И так все четверть века мы жили в состоянии мобилизации для войны. Почти четверть века пели: «это будет последний...»[111] – и вот этот решительный бой наступил.

У нас нет ничего у себя за душой и *все* на войне, и если бы оказалось, что и это *все* не может, если весь человек, вывернутый из себя наружу, не может оборонить себя, тогда прощай Михаил Пришвин со своими птичками и цветочками...

После смерти человек будет тем <*зачеркнуто*: что он при жизни своей заслужил>, к чему он при жизни стремился.

Рожь еще не цветет и легкими колосками своими тянется вверх, каждый колос в росте своем стремится обогнать другой, и все разные, составляют богатое поле. Берегу в себе способность радоваться творчеству жизни и отгоняю всеубивающий вопрос, кому достанется это зерно.

Когда-то смешные стороны немецкого национального характера теперь складываются как ненавистный образ врага. Но я становлюсь на немецкую позицию и представляю себе, как они нас презирают за бедность, беспорядок и грязь. И хочется им «утереть нос».

Чтение Гофмана («Песочный человек»)[112] привело меня к психологическому пониманию образа мирового «Колдуна» (как у Гоголя). Я знаю, как он зарождается во мне ночью от обиды за себя, и на эту обиду я навертываю какой-нибудь чистый, незначительный поступок любимого существа и, мало-помалу разрабатывая (лежа большей частью), образ любимый свожу с пьедестала.

Раньше особая способность расширения души в соприкосновении с природой выводила меня из ночного состояния души. Теперь это делает Ляля. При утренней встрече с нею все мои сомнения рассеиваются, и в убегающем тумане я узнаю фигуру

убегающего моего Колдуна. Этой силой своей удивительной, целебной она победила меня, и в этой силе я познал Бога.

Если даже Кремль – не *свое* русское творчество, а мавританское, если Достоевский исходит из Гофмана[113], то по существу нет ничего *своего.*

Немецкий эгоизм ограниченности.

Мысль вертится между лесом и Москвой – где бы лучше спастись: в Москве или в лесу. К этому все теперь и сводится.

3 Июля. С некоторым трудом под вой женщин, провожающих военные эшелоны на каждой станции, добрались до Москвы. Единственный признак событий в Москве – это люди с противогазными сумками. Пожалуй, еще сокращенное автомобильное движение.

Сговаривался с Емельяновым об оборонном сценарии.

Речь Сталина вызвала большой подъем патриотизма[114], но сказать, действительный это патриотизм или тончайшая подделка его, по совести не могу, хочу, но не могу. Причина этому – утрата общественной искренности в советское время, вследствие чего полный разлад личного и общественного сознания.

Бывало, скажут «копни человека и...», но теперь его ничем не прокопнешь: загадочный двойной человек. Но, может быть, так это и надо? Ну, словом, пережив прошлый год личную войну очень страшную, в этой большой войне я не чувствую себя в зависимости от событий: я как личность не могу ей отдаться вполне. Отчасти это уже и возрастное состояние духа...

Настала жара, и только теперь, в июле, вполне распустилась сирень и расцвели ландыши.

Ночь душная. Москва без огней с высоты моего этажа как темная курящаяся гора пережигаемого угля (у́гольница). Только наверху синеет пролысинка со звездами, все остальное небо в хмаре и сквозь хмару сияние бесформенного месяца. Ляля, увидев такое небо, сказала: – Сегодня ночью будет тревога. – И

не могла уснуть долго, а когда забылась, то вдруг пробудилась и сказала: – Тревога! – Вслед за этим завыла сирена, и в радио голос сказал: – Тревога! – и в дверь ударили кулаком: – Вставайте, тревога!

Мы не спеша вошли в подвал и сидели в нем 1 час, с 2-х до 3-х сонные без всякой тревоги.

4 Июля. В три утра вышли из бомбоубежища, было уже светло.

Приходил N. и говорил мне, что люди у нас заметно изменились к лучшему: всех будто бы объединяет страх за родину. Вот это возвращение к живой, а не наигранной родине и действует на людей так целительно.

Подумав немного, он сказал:

– Это хорошо, что пробудилось чувство родины, это последнее, что отдает «очарованный странник» своему господину.

– Какой очарованный странник?

– А Лесковский. Помните? он даже и в монастырь-то попал на конюшню. Так и тут, кто-то воспользуется слепой патриотической силой, а самого патриота пошлет на конюшню.

Так начался наш спор.

Ляля мучится раздвоением жизни на Москву и Старую Рузу: где собрать лучшие вещи, в Москве или в Старой Рузе, и вообще чего держаться в решительный момент. Если думать о вещах, то ничего нельзя придумать. Надо исходить из того, что сохранить надо жизнь свою и с вещами заранее проститься. Серьезно о сохранении вещей можно думать только тех, без которых нельзя жить: теплой одежды...

Сегодня о Минске ничего не сказали, но было о Березине, что немцы форсируют реку, значит, это было ударом, и Ляля думает: надо базироваться на том, что немцы Москву возьмут...

А есть убеждение тоже и такое, что надо держаться того места, где живешь сам... – А у нас два, что делать? – Надо выжидать, быть *спокойными*, т. е. «а что особенного?» Все скоро определится: не позднее июля.

А Мар. Вас. распространяет слух, будто Москву не будут бомбить «из-за того, что в ней много верующих». Ай же! Какая это государственная ошибка, если верующие граждане ждут защиты веры своей у иноземцев!

5 Июля. («Сплошные переживания».)

Отправил в «Правду» «Моему другу на фронт». Встреча с Рыбниковым, Кристи, Раттай и др. Все стали патриотами, пройдя через школу разумной коллективной работы по эвакуации.

Рыбникову дорога Третьяковка, и, укладывая картины с другими художниками, он нажил в себе уверенность и решимость не давать сокровища русской культуры немцам. Откуда это взялось? Чудо! Случилось такое, чего никак нельзя было ожидать: весь народ поднялся.

И ведь это старики. А молодежь поднимают бабьи слезы. Плачьте, женщины! лейте слезы, как можете: ни одна слеза ваша не пропадет даром. Я знаю по себе самому: именно эти слезы рождали во мне мужество. И как? А как дождь, этот небесный плач, поднимает силу земли, так в человеческой душе женские слезы...

14-й день войны. По замыслу Гитлера в 14-й день должно было им взять Москву, а бои на Березине, за 700–800 верст от Москвы... Москва, как и Ленинград, потихоньку эвакуируются, и уверенно никто не скажет, что Москва не будет взята немцами. Но всякий знает, что Россия останется неразбитой страной и без Москвы, а немцы придут в Москву в существе своем разбитыми. Они и теперь разбиты, потому что их расчет был на ненависти к большевикам. В этом они просчитались, и сами информаторы их просчитались, потому что сами не понимали себя.

С русским человеком произошло то же самое чудесное воскресение, как в секте Щетинина: все члены общины вдруг почувствовали, что плен кончен и мучитель Щетинин им больше не нужен[115]. Так и тут, кончается сектантское воспитание, необходимая государственная школа, и начинается народная жизнь, и каждый, раскланиваясь, благодарит воспитавшего.

6 Июля. Благополучно перебрались в Глухово и с благополучием в душе, полученным от преображения Рыбникова, наслаждались грозой. При такой жаре после ландышей прямо зацвели шиповники.

Но ведь с отчаяния идут люди на смерть и, умирая, именно смертью своей создают наше благополучие. Вот почему надо очень бояться этого чувства благополучия для себя и допускать его только... Я допускаю его в свою душу как удивление «чуду». Наверно, и Гитлер именно на этом и сломает себе шею, ведь умнейший его информатор, и не только умнейший, а мы сами в отношении себя не могли предсказать полнейшего переворота. Никто не думал о маскировке, столь идеальной, что истинное состояние вещей скрылось от немецкого глаза. (В микроскопическом виде то же самое я пережил только при гибели РАППа.)

7 Июля. (15-й день войны.)

После грозы и ливня вечернего из тумана развертывается славный летний день. Еще кукует в лесу кукушка. Каждый день, прибавляясь к пройденным от 22-го, ложится в копилку русской победы, всякое замедление для немца смерти подобно. Пораженцами теперь могут быть только люди заинтересованные в своей индивидуальности...

После объявления войны Ляля написала бывшему мужу христианское письмо с осуждением своих земных ошибок и умоляя о прощении. Он же это письмо понял так, что Ляля теперь сознается ему в своей ошибке относительно меня, снисходительно журит за «Фацелию» и до того нисходит, что советует недвусмысленно быть верной, даже если она сделала этот ошибочный шаг.

Казалось бы, потерпев крушение в отношениях с Лялей, этот грешник должен бы осознать свои ошибки как грехи и как христианин раскаяться в них. А он, напротив, грешницей считает Лялю и упорно читает ей христианскую мораль долга и в этом <*зачеркнуто*: идиотском> упорстве находит самооправдание как христианина. Ляле следовало бы дать ему такой отпор, который не посмел сделать Л. Толстой своему Каренину,

именно указать, что такого рода «христианство» имеет корни в <*зачеркнуто*: пошлейшей мещанской> претензии на родовое господство и прямо противоположно истинному учению Христа. Но Ляля не может этого сделать, потому что по-своему любит его и, жалея оставленного, помимо воли своей сдается ему в плен.

Ляля – это открытый сосуд, наполненный жалостью и готовностью всем делать добро. Ей не хватает крышки для этого сосуда, и вот отчего в него попадает и муха, и бабочка, и червяк, и даже осуществляется древнее наставление: в непокрытых сосудах бес искупается.

8 Июля. (16-й день.)

Сводка благополучия: мы задерживаем противника на Березинском направлении и задерживаем переправу через Днепр.

– Ну, как дела, Иван Федорович?

– Прекрасно, только давайте на карту посмотрим. В сводке говорится, что мы у Березины, и в то же время упоминается Днепр.

Посмотрели и обмерли: где Березина, где Днепр! А по сводке благополучия для глупеньких все хорошо. Это была такая кровная обида, все пошатнулось. Иван Федорович, бывший когда-то заместителем Ленина, сказал:

– Для чего же у нас-то в те годы трудились возле правды…

И он расстроился на весь день. И мне казалось, что свой внутренний враг, с которым я расстался было при грозной опасности, снова вернулся и живет среди нас, прикрываясь патриотическими фразами.

К этому еще Иден в речи своей говорил о мужественной самообороне русских, но ни одного слова не говорил о возможности нашей победы. Из всего этого стало ясно, что надежда на «чудо» в связи с надеждой отстоять домик свой в Ст. Рузе есть самое легкомысленное и ненадежное состояние духа. Стало ясно, что домик надо бросать и утекать пока в Москву. На дальнейшее открываются разные виды: 1) поселиться недалеко от Москвы и участвовать своими статьями в борьбе. 2) Уехать подальше, на Белую к Уралу, жить охотой и дожидаться конца войны. 3) Устроить там где-нибудь старушку и Лялю, а самому вернуться.

Лялю захватила одна мысль удрать подальше, и она ни о чем больше слышать не хочет. Но я ей сегодня в лесу сказал: – Нам с тобой надо очень серьезно подумать, для чего так-то уж очень нам стараться о спасении своей жизни. – Она с этим согласилась, пока мы шли в прохладной тени, а как вышли на солнце, опять повела речь о Белой...

Рожь цветет, какая это богатая рожь, какая сила жизни. После вчерашней грозы согнулся еще пустой колосок, и его ости расположились, как щетинки на спине у ерша, и на каждой остинке блестит множество бриллиантов росы, а под колосом вниз расположились, как подвешенные колокола, скромные цветочки этой ржи.

– Это рай! – воскликнула Ляля, – какой воздух, сколько цветов!

– Цветочки все хорошие, – ответила Феня, – вот только время плохое.

Мы продолжили разговор о рае, что, конечно, рай именно такой, каким он показывается нам на земле во всей доброте, но здесь он только показывается, и вслед за тем все существа его умирают от зла. Наше творчество состоит в борьбе со злом...

Комар сел на руку. Я тронул его, и он упал мертвым. И, подумав, по этому комару я вспомнил о множестве, и в том числе был Маршак.

– Вот кто теперь трепещет! – сказала Ляля.

– Конечно, – ответил я, – но сколько вылетит потом из него комаров!

И потом...

9 Июля. (17-й день.)

Знойно-безоблачные дни. Рожь начинает стеблем светлеть, цветущий легкий колос все еще тянется вверх, но от ветра уже начали ходить волны...

N. сказал: – Патриотизм! да ведь это же шкурный интерес масс, их кровные родовые интересы, – что тут хорошего? – Нет, это не только кровные интересы, тут на помощь им приходят бес-

смертные мертвецы. Пушкин с нами! Преподобный Сергий Радонежский, святой Серафим. Вся родина участвует в борьбе, все мы. – Но ведь и у тех, у немцев вся родина, и у англичан вся родина с Шекспиром. Как же понять эту борьбу? – Как Суд Божий. Мы сделаем все, чтобы победить. – Хорошо, но лучшее, то, что побеждает, победив, ложится в могилу: Пушкин, Шекспир, Гете и лучшие юноши из живых, а те, худшие, мерзостные существа, «эвакуированные» на время войны, появляются и пожинают плоды победы. – Вот против этого идет фашизм с «лучшей расой» и коммунизм с идеалом труженика. Обе идеи в борьбе уничтожат друг друга, и восторжествует еврейский капитал... (Чепуха!)

Тревога идет к нам из Москвы и несмотря на относительно утешительную сводку постепенно охватывает всех, и все только и думают, куда бы им убежать.

Подлость не ветер, она веет сквозь леса, не шевельнув ни листиком, ни былинкой. Все началось так благопристойно под предлогом эвакуации государственных ценностей, а потом с этими ценностями стали утекать и те, кто самих себя считает за ценность, и пошло, и пошло, и до нас докатилась эта волна, и каждый, не изменяя наружному спокойствию, затрясся внутри себя, как осиновый лист.

10 Июля. (18-й день.)

А может быть, это вчерашнее настроение есть только ревность к своему светлому чувству родины как лестницы в мир вечности.

И все-таки печка моя сложена! и все-таки в связи с этим написана «Голубая стрекоза», если только удастся отогнать немцев, то и печь моя, и «Стрекоза» покажутся свидетельством моего мужества.

Ходил к директору просить грузовик для перевозки вещей, а у него будто бы нет машины, и он просил легковую машину для своих вещей.

Какую цену имеет рассказ о геройских делах отдельных летчиков, если войска в этом направлении отступили? Даже и

после сообщения об успехе слушать рассказ о геройстве не хочется. Так обыкновенно, прочитав и прослушав официальную сводку, мы о делах героев не дослушиваем.

11 Июля. (19-й день.)

Церковный брак – это есть узаконенная моральная эксплуатация одного человека другим в целях охраны потомства.

В деревне с усердием налепливали лозунг о дисциплине, и через это показалась наша сила: она в том, что каждому дикарю давался понятный словесный лозунг, за который тот мог держаться и ориентироваться в малом кругу своих интересов.

Для образованных людей эти лозунги ничего не значили, и потому образованные большей частью своей и не сознавали скопление народной массовой силы на случай массового действия на войне.

Эта организующая словесность, конечно, питалась простейшей силой жизни, которой обладает в высокой степени русский народ, это сила «*хочется жить*».

Совершеннейший продукт цивилизации – самолет, танк, пулемет; организация массовых лозунгов – вот сила, о которую разобьется культурно воспитанный немец. В существе своем эта сила та же самая, какая разрушила Римскую империю. Через русских поднимается вся Азия.

Если оглянуться на весь период советского коммунизма, то окажется, что весь этот коммунизм, как и старая народно-крестьянская община, продиктованы государственной необходимостью и значение их не более как принудительной силы.

Вот почему на первое время после возможной победы нам будет непременно легче: по миновании близкой военной опасности не будет такой большой необходимости в принудительной силе.

Второе, почему будет легче, – это что на некоторое время будут держать голос фронтовики, третье, – что к нашей дикой революции присоединятся культурные народы и смягчат [жестокость] коммунизма.

Мудрость жизни состоит в том, чтобы, сохранив во всей силе свое детское «*жить хочется*», приучить себя к мысли о необходимости расставания со всем, чем обладаешь, и даже собственной жизнью. Все, чего страстно хочется – то вечно, а все, что собственное, то смертно.

Если не прийти к религиозному сознанию и не найти оправдание своему терпению в Боге, то после стольких унижений разве можно оправдаться тем, что просто «*хочется жить*»!

Мое «*хочется жить*» начинается в солнечном луче, заключенном в кусочке черного хлеба, кончая лучом родственного внимания, открывающего доброту мира.

Очерк в районную газету.

Небывалое случилось на памяти нас, отцов наших, дедов, а может быть, даже и прадедов. Я слышал, будто бы в метеорологических записях за 250 лет тому назад не было случая, чтобы в Июле месяце под Москвой цвели ландыши! И случись такое за несколько веков до нашего времени, сколько бы суеверий возникло вокруг этого удивительного совпадения редкой катастрофы в мире природы и величайшей войны человечества (двух столь близких народов, немцев и русских, разделенных фанатической фашистской теорией).

И вдруг после таких страшных холодов жара и такой рост трав, что цвет ландышей сошелся по времени с цветом шиповника...

Сила жизни с такой силой вытягивала цветы из земли по направлению к солнцу, что, погостив в растительном обществе часа два-три, я с удивлением и восхищением отмечал везде и во всем перемены и думал о нашем русском народе, сколько вынес он в своей истории холодов, сколько перетерпел и как ему теперь хочется жить.

Есть ли еще в Европе другой такой народ, кому так хочется жить?

И если такой народ вооружен современным страшным оружием и пуще оружия организацией, небывалой в истории, то

какая же сила может ему сопротивляться? Мы должны победить, и мне кажется, мы уже победили: лучшие дивизии немцев разбиты.

Сколько серых слез неодетой весны скопилось по сучкам, по веточкам и почкам и упало на землю, столько теперь на тех же ветках и сучках шумит зеленых листиков и столько цветов на земле под березой...

Я вспомнил юношу на платформе с зенитным орудием. Стон и вой и вопль был в воздухе от деревенских женщин, провожающих эшелон на войну. Слезы рекою лились о всех и о том юноше, который сидел и улыбался возле зенитного орудия.

– Он улыбается! – сказал кто-то возле меня.

И кто-то ответил:

– А ты вглядись и пойми, чего эта улыбка стоит ему!

И вот теперь я смотрю на море радостных цветов под березой, на всю эту улыбку земли и сквозь свои собственные слезы вижу победителя юношу с цветами в руках.

Шел из Глухова в Старую Рузу лесами, и мне показалось в этот солнечный день, что при выходе из леса косцы костер развели и это синий дымок показался в лесном окошечке. Но это не синий дым был, а леса синели на Москве-реке и на милых холмах, похожих на улыбки земли.

Еще не выходя, сам незаметный для птиц на лугу, я увидел на скошенной полянке толстый черный портфель и двух глупых молодых ворон. Старая ворона, их мать, вероятно, услышала мои шаги и своим натужистым криком с березы предупреждала молодых ворон. Но мне казалось, и очень возможно, что это правда была: мне казалось, будто старуха предупреждала глупеньких о портфеле.

– Пор-р-рт-фель! – кричала старуха.

Молодые вороны не слушали, подойдя к портфелю, взобрались на него и сели, как ни в чем не бывало.

Тогда ворона с криком сорвалась с березы, и молодые тоже полетели за ней: на луг вернулись косцы. Они уходили позавтракать всего на полчаса, и когда уходили, ничего на лугу не было, а теперь вот портфель, толстый накругло, как большой

беременный кролик. Все стали как вкопанные от изумления. Кто-то хотел сунуться, его остановили:

– Забыл войну с финнами? там даже часы, а не только портфели взрывались!

– Не бойтесь, – сказал я, набрав в лесу камней.

Я хотел камнями из-за дерева растрепать портфель и обнажить его содержание. Но женщины остановили меня и заставили бросить камни. Страшно казалось не то, что в портфеле может быть мина, а страшен тот, кто положил этот портфель.

– И разве можно касаться такого без милиционера?

Кто-то побежал, и скоро пришел милиционер, моим способом вскрыл портфель с одеялом и переменой белья.

Может быть, это вовсе и не шпион. Догадываюсь, что это собака вытащила портфель из куста, где ночевал и пошел по своим делам кто-то... Все может быть, но какая настороженность, какая организованность, какое особенное чувство к этому ветерку...

Я думаю не о том ветре, даже самом тихом, который отмечает осина трепетом своих листиков. Я думаю о том дьявольском ветре, который проходит с войны через леса, не задев ни одного листика.

12 Июля. (20 дней.) Тяжино.

7 дней немцы стоят на месте. Является подозрение, что их сюда на линию Днепра заманили и теперь начнется наше наступление... Так упавшая волна патриотизма вновь поднимается...

Сегодня утром мы переехали в свой дом в Ст. Рузе.

13 Июля. (21 день войны = 3 недели!)

Еще не совсем отцвела сирень и не замолкла кукушка.

Стручки на акации. Сенокос в разгаре.

Мы вчера переселились в свой домик и мало тревожимся о возможной необходимости бегства. Я думаю, что и тот патриотический искренний пафос скоро кончится, потому что разве все то время, чуть не четверть века мы не находились в состоянии самой ужасной гражданской войны? Разве не

привыкли мы к государственному механизму, который вовсе даже и не считается с наличием того или другого мнения в отдельном гражданине? И вот теперь фронт как последствие, как вывод не из «мнения», а из силы вещей (пусть «общества» даже).

Прошлый год я вел *священную* войну (за свою личность), нынешний год веду *отечественную*...

Что бы ни говорили, но та война больше. А впрочем... вот если Поповы потеряют сыновей на войне отечественной, то ведь едва ли даже полный разгром германской армии может компенсировать их потерю. Я же, в личной войне потеряв сыновей, в любви своей к Фацелии я получаю много больше, чем получал от привязанности своей к сыновьям.

Понимаю теперь, что именно эта борьба моя в литературе за *мнение* и создала мне положение гражданина второго разряда в своем отечестве[116].

«Фацелия» именно потому и провалилась, что она была демонстрацией «мнения», а не лозунгом необходимости общественной. Она свидетельствовала о том, что несмотря ни на что кто-то еще может «дурить»[117].

Слушал с Поповым по радио сводку (утята, гуси, куры, «Кузя» и жеребенок).

14 Июля. Петров день. 22 дня, т. е. четвертая неделя войны.

Иногда в глазах Ляли я чувствую то самое, что бывает у меня, когда я ласкаю свою собачку. – О чем ты думаешь? – спрашиваю. И она мне отвечает, что думает о мне: как это можно жить так беззаботно.

Меня охватывает тогда суеверный страх, как собачку, и мне приходит в голову: – А что если Ляля настолько умна, что смотрит на меня, поэта, как я на собачку, что, может быть, поэзия, вернее, готовность человека жить поэзией и есть именно то

легкомысленное состояние человека, которому настоящий все понимающий человек должен удивляться.

Я дохожу до того, что иногда спрашиваю Лялю, не думает ли она, как я предполагаю. Она тогда смеется. – Но ты же сейчас, – говорю я, – глядела на меня двойным глазом и дивилась, «как можно жить так беззаботно». – Я это нарочно говорила, чтобы тебя подразнить.

И все-таки… я думаю, что *все-таки* есть где-то последняя возможность, последняя граница поэзии, за которой начинается «*жизнь*», и Ляля, определяющая эту «жизнь» как страдание, в конечном своем исходе ведущее к радости, смотрит на поэзию, как смотрят косцы на цветы: жаркий день, комары, едва сил хватает водить косой, а когда устал вконец, присел отдохнуть, то вдруг заметил, что косишь цветы, и такие прекрасные, и так бывает удивительно, что эти цветы могут существовать. Может статься тогда, что эти цветы намекнут на возможность жизни прекрасной… Вот тогда при сопоставлении жизни, как она есть, и той возможно-прекрасной страдающий человек и подумает о жизни загробной и жизни здешней.

Ляля охарактеризовала меня как величайшего эгоиста, стоящего перед необходимостью отречения от него: «В этом твое очарование». Я вспомнил при этом свою мать, жизнерадостную, добрую, сострадательную, с вечным страхом своим перед закрытой для нее мудростью страдания и смерти.

«Язычество» и есть утверждение жизни, а христианство антитеза; синтез – утверждение творчества жизни, творчества бессмертия. Церковь именно и есть организованное созидание человеческого бессмертия в единстве всего человека, а единство всего человека есть Бог. Церковь есть путь человека к Богу. Ученые, поэты и разные хорошие деятели, конечно, и вне церкви работают на пути творчества Бога, но их деятельность ограничена, тогда как церковь создает для понимания всех общий язык.

15 Июля. 23-й день. Сводки очень скупые. Тревожит, что иногда в утренней информации говорится: «Ничего существенного не произошло. По всему фронту *ожесточенные*

бои». А в вечернем: «Ничего существенного. Боевых действий *не было*». Мы ждем нашего наступления, между тем как на линии Днепра как будто все замерло. Боимся, что немцы где-то прорвутся и линия Смоленска полетит, и тогда мы полетим из своего гнезда.

Обсуждения сводок с Поповым. Попов, как и я, как и все настоящие русские, человек *зависимый*. Это значит, что при всем своем уме, образовании и опыте он ничего своего резко не защищает, не говорит «знаю», а *советуется*: «вот я так думаю, а как вы?» И если собеседник сказал что-то новое и неожиданное, тут же и пересматривает свое положение. Такой русский человек подходит к другому человеку с вопросом и готовностью удивления. Я тоже такой, и Ляля такая, и все русские, истинно *советские* люди. Замечал эту задумчивость я и у англичан, но мне кажется, это у них от культурности, тогда как у нас это очень часто и у самых простых людей.

Стоит жаркая, безоблачная погода, быстро убирают сено, урожай, наверно, очень большой. Кукушку больше не слышно...

Сютаев когда-то сказал: «Все в себе *и сейчас*». В этой формуле поражает вторая часть, определяющая действие. Первая часть «в себе» может быть и буддийской, но «сейчас» – это христианство, это есть требование от «себя» готовности к преображению мира действием.

Вот это самое «и сейчас» (т. е. «довлеет дневи злоба его») требует от моей совести писателя сейчас во время такой войны полной связи своего духа с такой «злобой» в том смысле, что я, как писатель, т. е. свидетель нашего «сейчас» давал бы об этом «сейчас» информацию в вечность. Это значит, я должен напрячь все свои силы, чтобы стать на уровне времени («сейчас»).

Я прошу каждый день милости на Суде, который теперь происходит между националистами, коммунистами и демократами. Жду такого мира, от которого коммунизм наш советский

стал бы национальным, а немецкий национализм сделался бы сверхнациональным (не «интер», а именно «сверх»), т. е. творческим ферментом каждого народа.

16 Июля. 24 дня войны.

Бедная Ляля! до чего же она беззащитна в своей жалостливой доброте. Вчера в лавке меня соблазнила коробочка папирос. – Ляля, можно мне папироску? – Как тебе не стыдно! – сказала она, – ты просто не любишь меня, если дал слово, сколько держался и теперь просишь. – Ну, не надо! – ответил я, – благодарю, что напомнила. – После того мы купили умывальник, еще чего-то и собрались уходить. Тут Ляля вдруг что-то вспомнила и говорит: – Может быть, тебе очень хочется покурить? Если очень, то давай купим. Мне правда очень хотелось, но почуяв в ней это движение расслабляющей характер жалости, я ответил: – Не надо, я пошутил, хотел испытать твой характер. Бедная ты...

В этом гонении церковного исторического христианства как возмущенная сила жизни взвились большевизм и фашизм.

В Евангелии то самое главное, что Христос великую мысль свою приводит к возможности ее понимания каждым простым сердцем...

Мысль эта состоит в творческом героическом преодолении смерти.

Но почему эта мысль превратилась в покровительство старых, убогих, калек... В каждом искреннем хорошем человеке, взять в пример брата Николая, есть врожденная брезгливость к этой будто бы христианской морали...

Какое-то отвратительное историческое извращение мысли Христовой. К могучему, сильному человеку обращается Христос, и могучий человек, смиряясь, становится Богом. Но эта сила смирения в руках ничтожного духом и телом спекулянта становится орудием самозащиты и эксплуатации. («Проповедую силу и мощь во Христе!»)

В этой подмене здоровья гнильем и есть «закат» христианской культуры и торжество неуправляемого безбожия.

Верно ли, если скажу, что для православного человека мысль о помощи человеку здоровому покажется нехристианской? Между тем такие времена и настали, в которых не больной, а здоровый нуждается в помощи.

Говорят, что Сталин, уничтожая противника, брал его идею и применял. То же самое делает Англия: Германия берет принцип национального здоровья и героизма, Англия же, уничтожая Германию, практически осуществляет героизм (оборона Лондона).

Это как будто показывает, что не люди борются, а боги (потому что дело в принципе, в идее, и начинающий борьбу за принцип гибнет за посягновение на его присвоение).

И вот почему принцип защиты и торжества здорового творческого человека и нации как питомника подобных героев, провозглашенный Германией, проваливается в самой Германии и торжествует в Англии и, наверно, оплодотворит страны нашего Союза.

Точно так же и коммунизм, начатый нами, вероятно, сделается основой внешнего устройства народов всего мира, а как моральный принцип у нас совершенно исчезнет.

Почему же идея всегда торжествует в *примере* и как *необходимость* (Англия), а не в инициативе своей и свободе (Германия).

Действуя *для себя*, они выходят *из себя*: тогда идея становится жестокой, бесчеловечной и достается другому для себя.

Величайшим ударом для меня было бы, если бы Ляля изменила бы своему высокому мнению обо мне (разочаровалась) и открыла бы меня для меня самого в ничтожестве. У меня, однако, есть уверенность в себе, в том, что в сердцевине своей я настоящий поэт и этому настоящему Ляля никогда не изменит.

Совсем плоховато становится с продовольствием, и начинаем подумывать, что после возвращения И. Ф. Попова из Москвы можно будет и нам туда перебраться, устроить тещу в Москве, а самим захватить провизии и вернуться и жить вдвоем.

Зараз будет решена и проблема продовольствия, и проблема тещи.

17 Июля. 25 д. войны.

Жара продолжается. Небывалая уборка. В сводках показалось Смоленское направление. Волна настроения падает, и вот пришел N. и говорит:

– А если вы считаете, что война – это суд Божий, то почему же лучшие люди умирают, а подлецы спасаются? Нет, Бог тут ни при чем.

Женщина проникает в такие тесные поры жизни, что никакому мужчине в них пролезть невозможно, и если кому и удастся, то это будет не достижение, а падение. То же самое, мало ценного для человечества и в амазонке...

18 Июля. 26.

Вчера после обеда кругом ходили тучи, но дождь не удался. К вечеру стало прохладно. Утро в сплошном сером тумане.

В Ляле самое замечательное и, может быть, единственно ценное – это чувство правды и ясное сознание этого. Знаешь, что при всей шаткости ее повседневных суждений, поступков и настроений в основном своем жизненном деле она руководствуется ясным сознанием правды и непоколебимой готовности за нее постоять. Если бы в ней этого не было, я бы ее разлюбил, потому что моя любовь требует высокого уважения к любимой женщине.

19 Июля. 27 день войны.

Вчера в полдень приехал Попов на машине Панферова, забрал семью и уехал. Ему в Москве сказали, что перед Москвою немцам будет ловушка, но если говорить о личной судьбе, то ее не надо связывать с военным счастьем, а потому не только день, но и час дорог. Кроме того, Фадеев сказал, что мне совершенно необходимо выступить по радио. Решили на завтра все уехать в Москву, а Наташу оставить здесь и Норку. Через неделю или две будет ясно, куда ехать – сюда, назад, или вперед, за Москву на восток.

Сегодня встал рано и к 6 у. уже привел свою машину из Глухова, дом поручил Борисову, кое-какие вещи распихал к старухам: они-то будут сидеть. И колхозники, говорят, тоже спокойно работают, потому что их мысль не двоится о том, куда уходить, где прятаться… Ляля тоже хочет думать, что расчет в сравнении с судьбой дело маленькое и потому лучше положиться на судьбу…

В 9 у. выехали и в 11 д. были на Лаврушинском.

20 Июля. 28 день войны.

В чем переменилось в Москве за три недели моего отсутствия за время войны? По виду ни в чем, и долго казалось, что Попов своим внезапным решением покинуть Рузу вызвал панику. Но по внутреннему содержанию перемена большая. Тогда к нам приходили энтузиасты, и Ляля, как поплавок, прыгала на поверхности, теперь появились нытики, и поплавок больше не прыгает.

Все должно измениться и собраться в себе, и молитва должна сделаться независимой от поэзии, и поэзия независимой от благополучия.

Нытик думает, что немцы победят и посадят русское правительство, которое постепенно распространит свою власть на всю страну.

Энтузиаст думает, что немцы будут разбиты, что в Европе вспыхнет революция и загорится такая жизнь, в которой наши большевики выйдут из своего средостения и начнут борьбу за плановое мировое хозяйство.

Аргументация нытиков – это непорядки у нас в тылу, в Москве, бездеятельность, отлынивание, полная утрата веры в возможность лучшей жизни народа под руководством большевиков…

Энтузиаст считает непорядки жизни пустяками в сравнении с великой целью переустройства жизни народов так, чтобы исключалась самая возможность войны.

Малая правда жизнеустройства борется с большой правдой, как в «Медном всаднике».

Война 14-го года была истоком большевистского движения против войны. По-своему и немцы к тому же стремятся. Англичане же думают, что те и другие фанатики «вечного мира» истребят друг друга. Эта война русских и немцев кует единый народ.

Этот поэт мещанской тишины, строящий победу немцев на том, что у нас во всем беспорядок и безобразие, не может понять того, что именно наше-то безобразие и победит идейно и жизненно безукоризненного немца.

Мой «энтузиазм» и патриотизм чисто шкурного происхождения: я знаю, что компромисс победит, т. е. «демократия», и наша победа будет этапом такой победы демократии.

И такой уж компромисс сам по себе, что он непременно учтет «рабочую ценность» большевизма и фашизма. Словом, никто даром в этой борьбе народов не прольет свою кровь.

N. говорил о том, что отступление может быть продолжено до Урала.

Нам казалось непонятным, почему же это на Малой Бронной нас с Лялей остановил милиционер и потребовал документы. Мы не понимали, и удивленный Раттай стал нас допрашивать:

– А откуда вы шли?

– От Анны Дмитриевны.

– Значит, за ней следят.

– Не думаю. Кстати, мы ее не застали дома.

– А не застав, вы прямо пошли домой?

– Нет, Ляля хотела оставить ей записку, но у нее бумаги не было...

При дальнейшем допросе Раттая оказалось, что я ушел в парк газету читать, а Ляля у прохожих выпрашивала бумаги, я же из парка ее дразнил и при отказе прохожих дать бумагу показывал язык, что потом она писала на улице и пр., и пр.

– Теперь, – сказал Раттай, – я не удивляюсь, что вас остановили.

21 Июля. Казанская. 29-й день страды.

Среди всех этих хороших людей, ныне измученных, исстрадавшихся, изолгавшихся, единственным русским, желающим

России победы над немцами, оказался латыш доктор Раттай. Я думаю, что патриотизм пришел к нему бюрократическим путем: служба требует честности.

Но... чем это плохо? Разве это не лучше того, кто у холодеющей печи своей особы ждет поражения С[тали]на и надеется, что немцы подогреют его лежанку. А сколько и таких еще сохранилось, кто в 14-м году вызвал своим патриотизмом большевизм и теперь становится пораженцем против большевиков. С[тали]н теперь этим людям может сказать, как Христос сказал осуждающим блудницу: – Если кто из вас не грешен в измене родине, пусть первый бросит камень в меня.

Эти новые пораженцы не хотят победы из-за того, что тогда «партия» окончательно восторжествует над <*зачеркнуто*: Россией> русским народом и его истребит совершенно. А я думаю, что народ идет с партией и когда явится победа, то народ будет тем, чем надлежит ему быть, а не тем, что хотят от него устаревшие интеллигенты. У пораженцев такой расчет, что немцы установят правительство, более соответствующее духу русского народа, чем большевики и евреи, что на смену большевизма явится фашизм. Они забывают, что большевики жали их на вооружение против немцев, а немцы-фашисты будут жать их для войны против Англии.

Я лично думаю, что при победителях большевиках мне ближе православный Бог, чем старый кумир, восстановленный немцами...

Ночью видел во сне цветы, и все, что я делал в жизни, показалось тоже цветами, и я стоял вместе с цветами, и коса ходила по нам, и мы падали без крика и стона: в нас было бессмертие и вечность.

Из Лялиной «школы» лучшее – это ее протест сосредоточенности на собственных чувствах. Я это должен усвоить и не «страдать» от пустяков. Но в дело уходить, а не в чувства.

Утром после тревоги приход Рыбникова. Твердое убеждение, что в Москву немцы никогда не придут, что наша победа

фактически уже состоялась, что до осени Москва хорошо защищена от бомбежки, что это возможно лишь сделать с наступлением темных ночей, что Нат. Арк. смело можно оставить в Москве и уехать в Керженец.

Невозможность найти Фадеева и все-таки спокойствие вследствие принятого решения не торопиться и даже съездить в Рузу за вещами.

К вечеру у Чувиляевых провал поездки на Керженец, потому что там в этих хвойных мрачных лесах нет хлеба. Ехать можно только на Каму, куда все едут.

На обратном пути от Чувиляевых пешком по улице Фрунзе услыхали сирену и попали в бомбоубежище, где с Лялей засели надолго. Когда слышались выстрелы из орудий, нам говорили, что это хлопает дверь.

22 Июля. Месяц войны.

В 10 вечера, когда еще было светло, прилетели самолеты врага и сыпали на Москву до 4 утра зажигательные бомбы. Вышли из подвала около четырех, кругом везде были пожары большие и маленькие.

Цел ли наш дом, Нат. Арк., машина? Оказалось, наш дом цел, но одна бомба упала почти возле самой моей машины. Теща, измученная и возмущенная, сказала: – Наши планы провалились! – И сам Рыбников по телефону сказал: – Порядки!

Ходил в «Госиздат» и выяснил, что прилетало 200 самолетов и 17 из них сбито. У Трусова устроил «Стрекозу»[118]. Имел разговор о том, что Сталин уехал на фронт и наступает «решительный бой». – Все элементы родины, – сказал я, – должны создать эту победу, вот и вера народная: говорят, на какой-то площади было допущено всенародное молебствие о победе. – Вот вздор! – Вера вздор? – Да, кто верит, какие-то старухи. – А как же Толстой, Достоевский, и Горький чему-то верил. – А... а... вы про это... – Он смутился и обнажил ту же самую нечувствительность к религии и вере, как, бывало, Лева.

В поисках Фадеева звонил к Еголину и, наконец, нашел, в 6 ч. он назначил мне свидание на дому. Денег не дают, и никто ничего сделать для кого-нибудь не хочет, а все будто бы сделает Фадеев. Какой-то Черкасов из Алма-Аты советует уехать туда.

Дома Ляля в восторге от эвакуации в Алма-Ату. У нее повышенное настроение и по внешности радостное, но это все ueber die Kraft*.

В 6 ч. был у Фадеева. Он предлагает выступить на немецком языке по радио и по секрету сказал, что пожилых заслуженных людей, вроде Нестерова, Москвина, Качалова и др., хотят эвакуировать особым порядком и что я тоже могу с ними...

На мои слова о том, что при спасении родины должен наступить перелом в литературе, должно вместо казенного отношения выступить сердечное свидетельство, да, литература, не как в «Правде», а как сердечное свидетельство.

На этот намек об участии граждан 2-го разряда вроде меня он ответил, что кому надо – и так поймут нашу информацию, и вообще что обойдемся без этого: весь народ хочет победы.

– Сталин уехал, – сказал я, – на днях поведет наступление и все решится: положение Гитлера тяжкое. Мы должны крепко нажать, и немец отступит.

– Мы этого все желаем, – ответил Фадеев, – но ведь делается не всегда по нашему желанию, вот напр., Япония может выступить.

Одним словом, я убедился, что даже каких-нибудь признаков ориентации на мнение «граждан 2-го разряда» не имеется, что если победа, то это будет победа только большевиков. Мы расстались сухо и вовсе даже и не желая понимать друг друга.

В метро после Фадеева (7 ч. 30 м.) объявили тревогу, и я провел час (до отбоя в 8 ½ ч.) и в поисках места на рельсе прошел под землей от ст. Дзержинская до Кировской. Духота, масса людей в подземелье... чужих людей с общей участью <*зачеркнуто*: страх>.

---

* ueber die Kraft (*нем.*) – через силу.

Пришел домой, застал Птицына, который вместе с Лялей старался вкрутить меня в спор о немцах и большевиках. Повторяя про себя заклинание, я вышел из спора благополучно и сказал: – К сожалению, я настолько несовершенный политик и моралист, что немцев и большевиков судить отказываюсь – это Бог рассудит, мне же лично будет легче устроить своих близких людей, если победят большевики. И потому я желаю, чтобы немцев поскорее отогнали.

Не успел я докончить фразу, как загудели сирены, и мы очутились в кочегарке, потому что убежища были переполнены. Началось светопреставление, перед которым вчерашнее было игрушкой. Понимаю, что борьба с самолетами возможна лишь посредством прорыва самого фронта враг[ом] и уничтожения аэродромов. И вот близко, вот наступает день, два, может быть, неделя, две, в которые все решится. Евгений (Птицын) в безумии своем восклицает: «Ужо тебе!»[119] – но Медный Всадник (Фадеев) уверяет, что при управлении массами самое слово должно быть механизировано... И очень получается яркая картина при сопоставлении Птицына с Фадеевым.

– Ты знаешь, Ляля, – сказал я, – чего мне стоило не ввязаться в этот спор с Птицыным...

23 Июля. 31-й день войны.

В ½ 4-го вышли из кочегарки, вокруг Москвы кольцом горели пригороды, медленно опускались аэростаты воздушного заграждения. Всю ночь Ляля праздновала труса и не спала, но когда вернулись, захрапела. Надо скорее их куда-нибудь увезти.

Появился некий Черкасов, по происхождению грек, молодой человек 28 лет. Я его встретил в Госиздате, когда говорил с Фадеевым по телефону, разговорились. Теперь хотим ехать с ним на Белую на моей машине, а вещи отправить по ж.-д.

В 6 ½ в. «тревога». Давка из-за ключа (ключ от входа в газоубежище пропал). Устроились где-то под лестницей: <*зачеркнуто*: полубезумные> расстроенные от утомления и нервного расстройства А. Н. Раттай с Нат. Арк. и тоже Ляля... Если так

еще неделя, и все мы пропали. Надо куда-то укрыть Нат. Арк. с Лялей, а самому соединиться с греком и делать дело.

А когда там у члена ЦК зашел разговор о переезде в Красноярск, то это убежденный коммунист отсоветовал: – А если Япония? – Позвольте, – сказал я, – мы же разобьем, немцы отступят, и Япония не выступит. – Мы все так думаем, но если... разве можно связывать свою личную судьбу с военным счастьем...

А тут предлагают выступить перед Германией по радио...

А тут Рузвельт говорит, что опасность для Америки никогда не бывала так велика: это значит, что там не так-то верят нашей близкой победе.

А там Япония нависла и ждет, как морской рак ждет, когда крупная рыба акула зацепится на крючке перемета и тогда можно ей живой выесть глаза.

А там советский Евгений, обездоленный большевиками, включает свою личность в центр моральной системы и, не смиряясь, на кресте своем грозится: – Ужо тебе!

А там, утекая в дебри лесные, еврейки с младенцами в руках твердят, что Союз ССР не есть Россия, а многонациональное государство (сам слышал).

А там...

Около 7 вечера нас опять бросили в подвалы, около 8 в. выпустили, мы поужинали и в ½ 10-го снова одурелые, в жаре, в грязи сидим бессмысленно до утра...

24 Июля. 32-й день.

Как будто бомбежек было меньше, зато свои так палили, что невозможно было задремать. По лесенке я выбрался из бомбоубежища и попал в рабочие комнаты бюро по охране авторских прав. Там взял счеты вместо подушки, но от зениток, пулеметов, ракетных вспышек не мог заснуть. Пришла Ляля и в ужасе шептала: – Нас арестуют, разве так можно! – За что арестуют? – За то, что мы тут. – Глупенькая, это бюро авторских прав, а я автор. – Уйдем, уйдем, вот летит фугасная бомба. Я боюсь фугасных...

А потом, когда пристыдил: – Ты не разлюбишь меня, что я трусиха: но ведь я это физически, понимаешь, это физически, я с этим сделать ничего не могу, это не грех, это помимо сознания. А придет время, и я в области духовной тебе покажу, я не могу без сознания: [а тут] посадили в яму, не знаю за что, и хотят...

Еще до рассвета стихла стрельба, мы хотели уйти домой, но на нашей лестнице охранники стерегли Луговского для обыска и нас не пропускали. – Значит, и это продолжается.

– А как же, и разве может быть иначе, раз земное зло, заключенное в стеклянном сосуде, разлилось, то оно и будет бежать и все истреблять, пока его не заключат... вы говорите: победа! и я то же говорю, вполне возможно, при условии, если это победа зла... (и т. п. разговоры о том, что *победы* в смысле торжества добра не может и быть).

Несмотря на всю ночь невольного бдения проснулся в 7 у. и, пытаясь уснуть в объятиях моей подруги любимой, чувствовал через ее тело оба потока, нисходящий к судорожной страсти, слепой и жестокой войне вплоть до убийства, и поток, восходящий к добротолюбию. Гений Лялиной любви состоит в направляющей сознательной силе потока любви, мира... Я не гадал об этом умом, а получал в свое же тело этот ток любви, в котором была и поэзия.

И все так прекрасно, только рано или поздно непременно придет Лукавый и будет шептать: счастье твое, что сейчас ты включен в этот поток, но кто-то и до тебя включался и может быть включен и после тебя... и т. д.

Рабочие планы: 1) Черкасова в «Известия»: договор. 2) После 12 свидание с Панферовым в Союзе и Дмитриевым (бензин). 3) Зарегистрировать ружья. 5) Взять два ружья.

Из разговора с Дмитриевым – невозможность из-за бензина и проч. длительной поездки. Установлено ехать в Заозерье (Переславль) за 160 км.

Отправили тещу. Запрещение стоянки машины. Ночевка у Дмитриева в Измайловском. Решено 25-го собраться, а 26-го утром выехать.

Характер бомбежки. 1) Бомбежка зажигательными для паники. 2) С выбором на главных разведкой. 3) С выбором.

25 Июля. 33-й день.

Характер облаков и вообще роль неба: все смотрят на небо. Огромный пожар со стороны Тушина.

4-й день раскапывают и не могут раскопать похороненных в бомбоубежищах людей.

Наше путешествие. Защитная маскировка.

Проехал красный семафор, и милиционер меня не остановил: смотрел на небо. Может быть, некоторых людей война вообще впервые заставила интересоваться небом.

Паника через Дмитриева и Погодина (листовки: если до 28 Москву не сдадите – берегитесь!). Выехать немедленно («часу нельзя пропустить»).

Ужасные сборы. Жизнь на табаке. Приехали в Измайлово.

Весть об успехе нашем на Смоленском фронте. Начало надежды.

Первая ночь в постели.

26 Июля. 34 день.

Почему налета не было? То ли что мы на Смоленском направлении немцев пожали (в газетах: разбита дивизия), то ли что была звездная ночь и самолеты не могли в небе укрыться. (Звезды были такие глупенькие, как глазки только что прозревших щенят).

Начали собираться в 5 утра, в 7 утра выехали через Сокольники, налили машину в колонке возле Виндавского вокзала* и поехали в направлении Загорска.

За отдыхом после Загорска в цветах: как много цветов и вот странно: много бабочек. А почему это странно? И особенно

* В начале XX в. так назывался Рижский вокзал.

непонятно, почему мы, спасенные, чувствуем какую-то неловкость?

Это похоже, как было у Ляли, когда она заключила со мной брачный договор и получила паспорт. Дело в том, что, хлебнув до конца горького вина самой настоящей жизни, самого страдания человеческого и вернувшись на остров спасения, начинаешь понимать, что война, как теперь, не случайность, война только открыла глаза, что сущность – страдание – это всегда и в благополучии мы лишь закрываем глаза.

Машина перегруженная, ехать приходилось медленно по плохой дороге, работать, беспрерывно переключая скорости. Особенно трудно было от Рогатина до Заозерья. До того измучился, что голова кружилась.

Вечером попали на Остров Спасения.

27 Июля. 35 день. Заозерье.

Сняли домик и переехали от борца Ивана Яковл. Бобкова. По радио будто бы сказали, что в Смоленском направлении разбито еще 2 дивизии, но что налет на Москву вчера был и горела Пресня. Разговор о каком-то битом, который вез и будет везти небитого. – А что если откажется? – Вот то-то и страшно. – Ничего страшного: раз уже попробовали, что вышло? и проч.

В царское время богатые села, богатея больше и больше, мало-помалу становились городами. Заозерью только-только бы сделаться городом, как грянула революция. А в советскую власть такие богатые села постепенно пустели. Заозерье сохранилось лучше других...

Каждый день едут и едут из Москвы... Девчонка-комсомолка с воза объясняла народу: – В Москве неплохо: чуть что... и тревога, тревога – все прячутся. И все в порядке. – Так зачем же вы приехали?

Помню: днем германский самолет сбросил бомбу, начался сильный пожар. Женщина с балкона крикнула: – Германский

самолет! – Другая, лежа на траве: – Вот вздор, тревоги же не было.

28 Июля. 36 дней.

Солнечные дни, сушь, но прохладные ночи. Милиционер говорил, что в ту ночь, перед которой мы уехали, в Москве опять бомбили, но что на фронте будто бы разбито еще две немецкие дивизии. Если немцы отступят, мы поедем в Москву и бомбардировка Москвы будет казаться кошмарным *сном.*

В том-то и состоит весь обман жизни: кому *хочется* жить, тот иллюзию считает действительностью, а самую сущность жизни, страдание понимает как случай, неудачу или даже просто как проходящий сон.

Не пора ли наконец покончить с этим заблуждением «передовых умов», что посредством какой-то благодетельной *системы* можно страдание сделать иллюзией, а житейское благополучие действительностью.

Пора наконец понять, что радость, преображающая мир, исходит не от мира сего и что все прекрасное, вся доброта земная появляется нам на земле, когда мы на землю смотрим не по-земному.

Это было море цветов, по которому вел я машину во время своего бегства из Москвы. Я показывал Ляле: – Гляди, гляди! – Но она глядела и не видела. А какие отражения были в Нерли, когда мы проезжали ее берегами, – она смотрела и тоже ничего не видела. Ей было жалко людей, обреченных на страдание, утрата друзей не позволяла ей видеть в этих цветах начало лестницы в вечность.

– А я смотрел и смотрю на коммунизм как на военно-полевую систему организации государственной власти, не коммунизм действовал, а необходимость центральной власти, разбитой революцией. Немцы не понимают того, что большевики у нас заменяют царя и нельзя теперь большевиков заменить царем. Евреи, понимая этот процесс, пользовались возможностью господства и, наверно, в отношении финансовой стороны дела принесли много пользы. В то же самое время, как чуже-

племенники, они явились козлами отпущения и довели эксплуатацию необходимости подчинения русского народа центральной исполнительной власти до последнего предела.

Слушал радио в сельсовете в 12 дня и в 7 веч., вечером пробовали дойти до озера и не дошли: скучновато!

А между тем я корреспондент всего мира и должен давать сигналы бедствия.

Это нервы, поднятые в Москве, теперь опускаются.

29 Июля. 37 дней.

Лукавый мучил меня всю ночь, тот мой собственный Лукавый, который родился вместе со мною и всю жизнь искушал, и я всю жизнь его побеждал, расширяя свою душу в природе.

Читал германскую листовку, русскую и малограмотную, в которой говорилось, что «мы, немцы, вам никакого вреда не хотим, а только хотим избавить вас от жидов и коммунистов и поставить царя».

Полная бессмыслица! и вот это, и еще что будто бы у нас должно не хватить бензину, обещает нам скорое возвращение в Москву и Рузу. А впрочем, ничего мы знать не можем и должны быть готовы ко всему.

30 Июля. 38 дней.

Сегодня в полдневной сводке появилось Ржевское направление, но мы не придали этому значения, пока повар не сказал, что Ржев от Москвы лишь в 160 км. Тогда стало понятно, что наш удар под Смоленском не удался.

Бумагу в Нагорье о сливочном масле решили не посылать.

В Москву в «Известия» тоже.

31 Июля. 39 дней.

И вдруг открылось, что по радио называли не Ржевское, а Новоржевское, т. е. еще более далекое, чем Смоленск. Замечательный пример того, как в заключении и неведении можно быстро перестраиваться. Все мы знаем, что Гитлеру плохо, что план завоевания всего мира неосуществим. И однако стоило

допустить, что Москва будет взята, как завоевание всего мира стало казаться вполне возможным.

Приехал из Москвы Женя, рассказывал, что с 28 на 29 Москву засыпали зажигательными бомбами, что сгорел клуб писателей и разрушены большие дома. Рассказал, что раскопки одних развалин открыли старичка, который благодаря термосу и кило хлеба просидел под кирпичами два дня, был здоров и даже выспался. Еще рассказывал он, что у немцев сейчас нет бензина и танки свои под Смоленском они закопали в землю и ждут.

1 Августа. 41-й день.

Какой-то прорицатель сказал, что 2-го Августа в Ильин день на 42 дне война кончится. Повар в этом так уверился через сына, что достал бутылку шампанского.

У немцев будто бы не хватает бензину, и они свои танки в ожидании бензина закопали в землю. И вот теперь складывается так, что если будет бензин и немцы победят нас, то, завладев Россией до Японии, почему бы им и не завладеть всем миром? А если бензину не хватит и победит пространство (борьба бензина с пространством), то где предел нашим претензиям на мировой коммунизм?

И вот так мы живем на острие, имея с Германией в сущности одну цель: свержение капитализма и основание мирового планового хозяйства. Вот из-за того, что по существу все равно, Германия или Россия, лишь бы не капитал, и получается такое легкое примирение с тем или другим концом этой войны. Кончится же тем, что Америка навяжет миру свой план, в который войдут частично идеи, руководящие Россией и Германией.

Что этот домик в Старой Рузе или квартира в Лаврушинском и нажитые вещи! все пустяки в сравнении с тем великим богатством, которое заключается в любви моей к Ляле: это мое все богатство, и сила, и слава!

Христос в существе своем жесток, потому что принципиален, и Ляля в этом смысле жестокая. Даже мать, с которой она

нянчится днем и ночью, отбрасывается у нее, когда речь заходит о «Надо»: – Что же такое, умрет и умрет.

Да так и все в этой религии страдающего Бога: страдание неизбежно, следовательно, нечего распускать слюни в борьбе со смертью. И так же точно, как с жалостью, расправляется христианин с непосредственным поэтическим чувством: он просто не может чувствовать непосредственную радость бытия, все бытие для него отравлено зрелищем смерти, и радость земную он может принимать только в свете божественной вечности, не безотносительно, как мы, художники, а в отношении к Богу.

Мне нужно сейчас начать писать такую вещь, в которую современные события входили бы как жизненная иллюстрация. Так Олег расправился со своей любовью, когда писал «Остров Достоверности». Трагедия была в том, что он, отдавая любовь свою в жертву сознания, отдал себя самого и бедную Лялю на распятие. Тут его демон и соблазнил его. Ляля права, когда говорит, что я спас ее: из-за Олега она пала, а я поднял ее, и она стала жить, «как все хорошие люди». Мое же чувство целебным является для нее, потому что в нем нет, как у Олега, разделения – оно едино (земля и небо).

2 Августа. 42-й день.

По ромашке «любит – не любит» узнали, как война кончится, и какой-то прорицатель сказал, что все кончится в 42-й день.

Ильин день. Еще землянику берут, и черника поспела. Перепела кричат в поспевающей ржи. Вышли из овса все васильки. Косят траву везде. Возы сена везут по дороге. Очень сухо, – страшная пыль. Стало прохладно и ясно, купаться больше не хочется.

Из московских наблюдений. Три дня осторожно разбирали кирпичи разрушенного дома над бомбоубежищем. Тут где-то в толпе таился и Евгений, тот самый неумирающий Евгений, которого Пушкин изобразил в «Медном Всаднике». Три дня проезжая этим местом, я отрывался от руля, озираясь на страшное место: десятки людей, осторожно работая, разбирали кирпичи

над похороненными людьми. Каждый из нас, внутренне содрогаясь, возмущался медленностью работы: третий день! А на четвертый день, оглянувшись туда, мы увидели забор из фанеры, и по забору безумный Евгений стучал кулаком.

– Ужо тебе! – повторяли мы про себя, как Евгений в «Медном всаднике».

И тут же искали виновника, на кого хотелось бросить эти слова. Мы не были так просты, чтобы все отнести к Гитлеру. Нет, дело было не в Гитлере, а в идее чьей-то, падающей на людей гораздо ужасней, чем фугасная бомба. Идея эта рождалась из суеверного представления о возможности героическим действием изменить и уничтожить злую необходимость человеческого неблагополучия.

Ужасная идея «большой войны» заключалась в том, чтобы миллионами истраченных жизней современных людей создать вечное благополучие будущих людей всего мира... Ужасная идея рождалась не как рождается вся жизнь на земле, в муках, а выходила из спокойного вычисления Среднего посредством арифметической пропорции: среднего несуществующего, которое *должно* существовать. В этом Должном, выведенном арифметически, и состояла ужасная идея, собравшая над городами самолеты, нагруженные зажигательными и фугасными бомбами.

...А Евгений, который стучал кулаком по фанерному забору и грозил кому-то: «Ужо тебе!» – это была живая личность человека, пропущенная при арифметическом вычислении Должного. Безумец грозил безликому математику Цивилизации, а Пушкин заключал: «Да умирится же с тобой и покоренная стихия». Стихия умирится, но Мысль? Никогда! Пусть вся стихия, пусть все благополучное человечество, но сокровенная личность будет в себе вечно наращивать «Не мир, но меч» и какой-то подзаборный скиталец твердить свою подзаборную молитву[120]: – Господи, помоги все понять, ничего не забыть и ничего не простить!

Друг мой! больше, больше укрепляйся в силе родственного внимания, обращенного к тварям земным, вглядывайся в каждую мелочь отдельно и различай одну от другой, узнавая

личности в каждом мельчайшем даже живом существе, выводи из общего, показывай, собирай миллионы их и весь этот великий Собор живых выводи на борьбу против Среднего Должного. Не думай долго, смотри внутренним глазом и открывай.

Вот перед окном моим спеют зернышки в травках и гнутся стебли под тяжестью клюющих семена растений маленьких птиц. Вот прилетели красивые разноцветные щеголеватые щеглы на стойкие стебли каких-то малиновых цветов, распределенных между частыми головками клевера...

Вчера вместе с Лялей напали на унылую тещу и требовали от нее бодрости. Она защищалась от нас тем, что больна от рождения и веселиться не может: болезнь ее будто бы непобедима. Выходило, что сытый голодного не разумеет, а здоровые больного...

3 Августа. День 43-й.

Много есть цветов и птичек, названия которых мне вовсе неизвестны. Но я их всех видел и всех знаю. Так и с людьми тоже, имена им Господи веси, а их самих я знаю, и вы их знаете, так что я буду вам их только показывать, и вы будете их узнавать, а имена им мы будем приклеивать по ходу рассказа.

Не жалко мне было бросить свой домик в Старой Рузе и свою прекрасную квартиру в Лаврушинском. Стал сегодня бриться и увидел впервые, что кожа на моей шее за эти дни начала морщиться, как у стариков. С некоторым страхом я этого ожидал раньше, но теперь мне было не жалко: пусть дом, квартира, пусть шея, пусть все тело, пусть самая жизнь, – не жалко и этого!

Когда нива поспела и колосья согнулись от тяжести зерен, – не верьте колосу, что высоко над нивой стоит: этот колос пустой.

Рожь спеет вместе с малиной. Нынче рожь запоздала, и малина тоже: Ильин день прошел, а все еще она зеленая.

Подружились два жеребенка от разных кобыл и не бегут каждый за своим возом, а в сторонке от матерей всегда рядышком. За то, что они всегда вместе, их прозвали почему-то «панк*и*»...

У нее любовь никак не соединяется со свободой и радостью, ее любовь ближе к службе и долгу и вообще уходу за ближним, внутренне радостному деланию для него... пока мать жива, она будет ее *любить*.

Характерная черта русского народа: очень быстрое, легкомысленнейшее самоуспокоение. Вот уже теперь все бабы на базаре говорят, что в Москве стало легче (Громов прилетел), что вообще война скоро кончится.

Сегодня по пути на базар Ляля, несколько огорченная матерью, легко раздражилась и между прочим сказала мне: – А может быть, если ты будешь показывать такой характер, после войны я уйду от тебя. – И уходи хоть сейчас! – резко ответил я, отдал ей корзину и ушел в лес.

Впервые с нашей встречи я поставил перед собою вопрос: – А если и вправду нам придется разойтись? – С этим мучительным вопросом я завернул на лесную полянку с березами, молодыми соснами, можжевельником в высокой цветущей росистой траве и спросил их: – А если Ляля оставит меня, вы не оставите? – И как бы в ответ прилетела большая оранжевая с черными крапинками бабочка, и я почувствовал в душе своей ответ, – что они все со мною, что если я лишусь своего счастья, то мне, значит, надо только сделать усилие подняться выше этого счастья. И мне представилось, что Ляля живет отдельно и я хожу, читаю свою Песню Песней и нет никакой перемены... Мне стало очень спокойно на душе, и сразу стало ясно решение попросить у нее прощения за невольную резкость. В самом деле, не я ли много раз ей высказывал готовность свою ни в чем не упрекать ее, если она меня оставит, и всегда чувствовать благодарность за время, проведенное с нею. Если же она будет сожалеть о сказанных ею словах, я отвечу ей, что слова эти принесли свою пользу, что я впервые представил себя в разлу-

ке с нею и убедился, что могу, если надо будет, перенести и эту ступень моего нравственного испытания.

– Если бы ты, – сказала она, – не мог бы в этой истории с моим «уходом» стать выше «лукавого», я бы и не пошла за тобой.

А я хорошо помню, как в борьбе с «лукавым» в далекие времена победил его, поставив на место своей утраты мою любовь (писательство). Я тогда еще умел это делать, и Ляля единственная женщина, которая могла это понять, оценить и наградить.

В этом свете самопризнания я больше и больше утверждаюсь в оправдывающей меня необходимости покинуть свою семью. Как мучительно было оторваться, но я *должен* был это сделать. И это их *вина* в том, что они не могли и не захотели понять меня и простить. Не могли или не хотели? все равно виноваты, если и не могли, потому что человек, если при сознании делает зло, – отвечает за него много, но если и без сознания делает злое, то отвечает за него тоже в порядке природной борьбы.

Одна из сущностей Ляли – это что она не может быть ничьей *женой* и то же самое не может подчиниться вполне церковному *обряду*. Для того и другого необходимо, как ей кажется, подчинить свое высшее постороннему низшему. Если принять во внимание, что в состав ее сознания «высшего» непременно входит и поэтическое чувство, то чем же оборониться ей от обвинения в люциферианстве или в разделении ею принципов секты гнушающихся браком?

Ответом на это может быть наша действительная жизнь и наша деятельность, утверждающая, что мы горды на извне (не мир, но меч) и смиренны внутри, что внутреннее величайшее смирение извне может казаться величайшей гордостью.

4 Августа. 43-й день.

Босиком в лес ходили с Лялей и говорили о невозможности для нас как обычных норм церковного брака, так и вообще бытовой церковности.

Вечером Марина пробовала обворожить директора «МТС» и достать бензину.

5 Августа. 44 дня (1½ месяца).

С утра бродил в лесу и думал: – А кто ты такой человек, имеющий право во время войны бродить без троп в лесу, присаживаться на пни и задумываться?

Любовь – это ритм размножения, бежит автомобиль и гудит, так род человеческий звучит любовью.

Но рождение и рост личности тоже сопровождается ритмом, который почему-то называется тем же словом «любовь».

– Почему это? – спросил я Лялю.

– Потому что одно предшествовало другому, та родовая любовь Ветхого Завета и личная Нового Завета.

А я думаю, так было во все времена и обе жизненные силы – сила рода и сила личности – имеют в основе одну и ту же силу, любовь.

5 Августа. 44 дня.

Достали в МТС бензину и собрались ехать за вещами. Но из Москвы приехал инженер и рассказывал, что там люди не спят, что надо за счастье считать огромное быть в тишине, а не стремиться в огонь за вещами. Послушались инженера и ввиду того, что Дмитриева нет и, значит, бензин на обратное возвращение не гарантирован, что, значит, можно застрять в Москве, решили подождать Дмитриева и послать ему телеграмму.

Повар доставил колхозу 1000 пудов сена и гарантировал себе колхозный паек. Он говорит, что не надо было заключать военного союза с Англией, – «зачем это надо было себе руки вязать?» Это единственный теперь, кто высказывается: все молчат. Становится тревожно от неподвижности фронта. Из Москвы люди продолжают бежать и наполнять деревни. Очень повышаются цены: ржаная мука 140 р. пуд, масло 35 р. кило (и говорят: это у нас только, очень недорого, а в Пензе, Уфе 50 р.).

Хорошие признаки. (В «Правде» стали попадаться корреспонденции о героических действиях лиц с еврейскими фамилиями, и целиком было напечатано воззвание *немецкого*

писателя Канторовича. Это они языки немцам показывают – признак хороший.)

Читаю «Остров Достоверности» Олега[121], и мне очень нравится его исходное положение, что философия существует именно для *обыкновенных* людей (не для святых и т. п.)

Я при этом вспомнил, что трудности и усталости при чтении философских книг происходят именно оттого, что вместо просто-понятного дается сложное рассуждение, цель которого привести к тому, что ты сам хорошо знаешь без рассуждения.

Слабость народа, разложение его нравственных сил, а вовсе не евреи.

В Америке, в Англии евреи делают свое специальное дело, как цыгане, кочующие в странах цивилизованных народов: цыгане спекулируют лошадьми, евреи – в банках. А спекуляция одинаково пригодна и в капиталистическом и в коммунистическом обществе.

Если мы победим немцев и Россия встанет как могучее государство, то кто, как не евреи, помогут сколотить ему в трудное время сильную центральную власть? Если же Россия будет разбита и окажется, что она была обглодана евреями, то какой же это народ, если дал себя обглодать, значит, так ему и надо.

Ляля любит мать и Александра Васильевича, жалея их и мучась, а меня любит радуясь.

6 Августа. 45 [дней].

Читаю Олега и вспоминаю себя в его возрасте: какой был я в его возрасте глупенький и сколько мне нужно было пожить, чтобы стать на его точку зрения и любить в мои 68 ту же Лялю, которую любил он в свои 24 года. Должны были пройти десятки лет, чтобы мы с ним стали единомысленниками.

Так и все люди в данный момент находятся на разных ступенях духовного развития, начиная от тех, кто всю свою личность тратят, чтобы родить другую в надежде, что этот сын его взойдет на недоступную ему ступеньку сознания. Для этих людей,

движущихся по ступеням родового сознания, даются и особые «ветхие» законы жизни, и любовь у них между собой движется согласно движению рода.

Другие сосуществующие люди живут на высоких ступенях сознания, и внутреннее управление у них доходит до противоположного смысла (у одних «чти отца», у других «оставь отца и мать свою»[122], одни должны молиться в храме, другим – везде храм и т. д.).

И все эти люди со столь разным сознанием располагаются вовсе не во времени, как нас в школе учили, т. е. что проходит будто бы время Завета одного и наступает Завет другой. Нет, во все времена люди разных Заветов, разных ступеней сознания жили рядом друг с другом, боролись между собой, и в зависимости от этой борьбы складывался характер эпохи.

Наше время теперь характеризуется чертами нижнего (ветхого) сознания, в котором родовая сила переформировалась в государственную, и личность высокого человеческого сознания подавляется представителем родо-государственного сознания. Это варварское движение Германии и России вовсе не имеет свою антитезу в Англии.

Напротив, может быть, именно как следствие подмены культа духовной личности человека цивилизованным спекулянтом, вследствие недоверия масс к этим якобы высшим руководителям и организаторам жизни произошло восстание варварских масс России и Германии.

Никто не должен победить в этой войне, потому что все правы и все неправы. Война эта будет независимо от победы той или другой стороны разрушением обманных перегородок в обществе, революцией: это не может закончиться чем-то старым, это революция.

Подкрапивник-мать, серая птичка, заслышав меня, стала пищать и давать сигналы своим птенцам:

– Опасность!

Я затих, она подсобралась, стала узенькой и молча слетела на луг и мышкой побежала между рядами скошенного сена. Мне было понятно – это мать обежала своих птенцов, каждому шепнула:

– Сиди и молчи!

И так предупредив, явилась ко мне, села рядом со мной и стала непрерывно твердить:

– Опасность!

Помню, мальчиком я на таком близком расстоянии стрелял безжалостно таких птичек дробинкой из рогатки.

Почему же теперь я не могу?

Поглядев на встревоженную птичку, я понял: это мать!

И когда понял, то вспомнил свою мать, которая всех нас выходила и даже всем дала высшее образование.

Но ведь и эта птичка такая же мать, как моя: те же заботы. Мать как мать.

И мне стало так, будто эта птичка лишь какой-то птичий образ одной общей всем матери. И теперь я это понимаю, а тогда я ничего не понимал, был жесток и стрелял в птичку, и сколько раз и как жестоко обижал свою мать!

Как стыдно вспомнить! но и то слава Богу, что вспоминаю и стыжусь. А могло быть и хуже того – всю жизнь проживет человек без стыда.

Книгоиздатель купец Сойкин, когда я принес к нему свою книгу, дал мне гроши.

– Несправедливо! – сказал я. – Книгу я сочинил, и я, автор, получаю ничтожную часть того, что получает издатель.

– Напротив, – ответил Сойкин, – это очень справедливо, вы же получили свое удовлетворение в авторстве...

– Ах, так! – ответил я с негодованием и больше не стал говорить.

А между тем он был очень прав: всякий автор именно тем и автор, что создает *не для себя*. И существует два удовлетворения, одно в том, что делаешь для себя, другое – что не для себя. Тут своего рода эмбрион нации (для себя) и человечества (не для себя).

Велико ли дело в лесу найти себе лопух, а вот случилось, раз в жаркий день очень захотелось мне под картуз холодный лопух подложить. Место было низкое, самое бы расти лопуху, а вот поди, на версту вокруг обшарил лес и не нахожу нигде лопуха. Вдруг вижу...

7 Августа. 46 [дней].

Перестаем слушать радио, потому что все одно и то же слышим каждый день: «ничего существенного» и разные подвиги воинства. Замечательно, что задержка немцев в продвижении вливала в сердце надежду, каждый день задержки считался новым богатством. Так шло до какого-то дня, после чего оценка стала обратная: теперь начинают думать, что немцы *сами* не хотят идти почему-то, а мы *не можем* наступать. Мало-помалу Москва разбегается, и беженцы подумывают о зимовке. Одним словом, раньше мерили свое время на счастливый случай, теперь стали мерить на худой конец.

Читаю философскую разработку темы «Люблю тебя» = «Мы с тобой = Вселенная». Это и будет содержанием моей Песни Песней, т. е. «Мы с тобой как Вселенная».

8 Августа. 47-й день и больше не считаю.

Я потому не хочу больше считать дни войны, что оказывается и правда, – счет ведет не [к] счастливому случаю, а к худому концу. Пришли вести из Москвы, что от 11 [до] 2-х регулярно бывает тревога и все, кто может, из Москвы удирают. В нашем писательском доме на Лаврушинском выбило стекла. Когда-то их вставят и скорее всего вовсе не вставят, а забьют фанерой. Тут-то вот, на этом и скажется наша слабая сторона: у нас не хватит, как в Англии, упорства и культурной возможности отстаивать города.

Слышал, что будто бы Панферов отказался ехать на фронт и за то исключен из партии и отправлен к черту на кулички.

9 Августа. После Белой Церкви (80 верст от Киева) органические пороки нашего советского строя стали глаза колоть. Вот хотя бы эти огромные площади некошеной травы: сами не могут скосить и частному человеку не дают. И эти отцветающие луга, тускнеющее богатство колет глаза, и думаешь: «а ведь и во всем так, кроме *ударного места*». Такая была вся тактика большевиков, в военном деле рассчитанная тоже на удар. А вот

удар не удался, и дома в Москве стоят без стекол, и наверное знаешь: нигде нет этих стекол.

Обсуждаем вопрос, где нам зимовать, здесь – через три недели мы будем отрезаны непроезжими для машины дорогами. Не в Переславль ли перебраться?

Наступает время суровой борьбы за спасение жизни, и надо быть вполне готовым к возможности самого «худого конца». Я буду считать подвигом, победой, великим счастьем, если я в результате борьбы за жизнь напишу свой «Остров Достоверности», как Песнь Песней.

Солнце, холодная роса, тучи воробьев в овсе, и когда их спугнешь, все на сарай – один к одному, тесно рядышком, симпатично до крайности. Сено стало в стога, рожь поспела, повар ладит крюки для своей бригады.

После 11 веч. началась бомбардировка Москвы. Нам хорошо были видны разрывы снарядов зениток...

В газетах ликование англичан и Америки: им удалось стравить...

Мне так было ночью, что какая-то очень тонкая пленка разделяет меня от ясного сознания, понимания современной мировой борьбы. И мне казалось еще, что я должен сделать усилие и *могу* разорвать эту пленку. Я стал делать усилие, и современная борьба стала разбиваться на свои элементы: 1) Личность. 2) Общество. 3) Индивид в подмен личности. 4) «Человечество» в подмен церкви. 5) Нация. 6) Вождь. 7) Власть. 8) Спекуляция (капитал).

11 Августа. Вчера уехал Д[митриев] в Ярославль. Завтра мы выедем в Переславль попробовать найти квартиру, чтобы иметь возможность связи с Москвой через Д[митриева]. Встретимся с Д[митриевым] в Переславле и на волю Божью в Москву за вещами (верим, что Д. нам достанет бензину на обратный путь).

Всего километров – до Переславля – 90

Москвы – 135

Достать в Москве = 40 литров.

Бензинный человек Д[митриев], на него вся надежда: у кого бензин, у того все.

12 Августа. В 8 у. выехали из Заозерья в Москву через Переславль, имея в виду найти возле Переславля место, более связанное с Москвой.

В Усолье встретил П. М. Назарова. Он хочет выгнать свою квартирантку и устроить нам квартиру. Решено переехать в Усолье.

В Переславле остановились в Подгорной слободе у Ивана Сергеевича Холмогорова (его жена, хороший человек тетя Поля, Пелагея Александровна). Вечером полюбовались городом и собором.

13 Августа. Утром из Ярославля приехал Д[митриев]. Вместе с ним вернулись в Усолье. Ничего не решили, купили рыбы. Вечером выехали в Переславль с тем, чтобы ночевать на Кубре, а утром выехать чем свет и приехать в Москву в 8 утра. Так и сделали.

На Кубре ночевали у стога сена с погонщиками эвакуированных из Белоруссии стад. Узнали, что взят Смоленск. Погонщики наняты на 10 дней, но гонят уже 28, босые измученные люди, их семьи остались за эти дни по ту сторону фронта.

– Родина, а где родина? – Так, милый, нельзя думать, – сказал я, – что если моя деревня взята, значит, взята и родина. Мало того, что деревня, пусть Смоленск, пусть даже вся Россия взята, и это еще ничего не значит: есть еще Америка, есть еще весь свет: все против немцев. – Не вам бы это говорить, а говорить т. Ворошилову, это он говорил, что будем воевать на чужой территории... и т. д.

Словом, пораженцы... и постоянное повторение «он» – о немцах и «они» о большевиках, и какие-то «мы» как их пленники. Предлагали дешево барана, поили молоком, Д. жарил рыбу до тех пор, пока не стемнело и не пришлось из-за светомаскировки загасить костер. В[ечер], и лошади, и стога, Дми-

триев под вечным вопросом: даст ли бензин на обратный путь. Сочинили с Лялей под Л. Толстого свое «ебж»[*]: *едб* = если достану бензин, а Ляля читает: если даст Бог.

14 Августа. Рассвет на Кубре и как хорошо умылись.

В Москве по радио люди впервые узнали то, что мы узнали от погонщиков стад, и это их пришибло: Смоленск взят.

Бомба в нашем доме.

Веселая ночевка в Измайлове на лодке, которая за ночь превратилась в резину. Разговор о женском фронте (небывалое) и как за две недели женщины задергались (бунт из-за машины). Жизнь под властью вещей, а вещи спасают из-за детей...

Есть поэтический эгоизм. И есть христианский эгоизм.

Моя «Фацелия» – не родилась ли из почвы поэтического эгоизма?

15 Августа. Героиня Марья Васильевна, ничего не боится и проспала в подвале две фугасных бомбы. – А убьет, значит, так надо. – Возможно, что именно теперь и создалось время для христиан, чтобы смерть претворилась в радость. (Страдание на своей высоте переходит в радость: верю в чудеса, в преображенный мир, но только на время как вспышку вечности, а то есть еще *труд,* который во времени...)

Пробовали ночевать в метро, до тревоги туда не пустили, вернулись в Лаврушинский. Небо в тучах, и «зарницы» играют: это значит, под Москвой воздушный бой, совсем как «воробьиная ночь». В два ночи самолеты врага пробились в Москву, и мы спустились на 1 час в убежище.

16 Августа. Москва – Дворики.

Городецкий втащил меня в кабинет Чагина, и тут был под председательством еврея «всеславянский съезд».

---

[*] В последнее десятилетие жизни у Л. Толстого в письмах и дневнике появилась аббревиатура «ебж» – «если буду жив».

ЕДБ решено: бензин есть. В 5 ¼ ч. выехали из Москвы.

Ночевали в Двориках. Старуха говорила о турецкой войне, о том, что когда дождик, то это от Бога: тела на войне обмывает. И еще что предсказывали еще в то время, что будет такая война, когда всех мужчин перебьют и за редкость будет, когда увидят, где-нибудь на заборе порточки висят («значит, мужичок живет»).

Спали на сене очень хорошо.

<*На полях:* О. Л. Кардовская в Переславле сказала, что Смоленск взят обратно.>

17 Августа. Приехали в Переславль к Холмогоровым и после обеда вернулись в Усолье. Отдыхали до вечера в Сосновом бору и видели длинные тела сосен. С квартирой почти все решено.

18 Августа. Заозерье.

Оставил Лялю с вещами в Усолье и поехал один в Заозерье.

19 Августа. Заозерье.

20 Августа. Заозерье.

Складываемся, чтобы завтра (21-го) уехать в Усолье. Пошел к повару за веревкой, спрашиваю: – Правда, что Смоленск взят обратно? – а он: – Не верьте, Михаил Михайлович, Вязьма взята.

Удивительно, до чего же отчетливо выступают *желания* и личная заинтересованность и противоречия... чисто внешний факт «Смоленск взят обратно» и «Вязьма взята» – и согласно тому или другому надстраивается, колышется туманом, распадается и опять собирается субъективный мир...

Уборка озими в полном разгаре. Грачи табунятся. Вечером вчера солнце из тучек спустило лучи свои вниз, как ножки небесного трона, и черные птицы (грачи) долго летели туда один за другим (грачи табунятся).

Кончил читать Олега «Остров Достоверности», замечательная попытка (а может быть, их было и много) дать святоотечественному опыту метафизическое истолкование.

Песнь Песней будет, как «мы с тобой» (вселенная). Еще замечательна эта работа юноши, [тем] что вся она есть философия любви, которую он переживал.

Чувствую после этого чтения для себя необходимость самому подняться и взяться за дело, поднять на высоту внутреннюю жизнь.

Весь день укладывался для поездки завтра утром в Усолье.

Нет спасенья теперь в одиночестве. Чувствуешь себя как рыбка на сковороде: пусть все далеко и за сковородою ничего не видно, все равно же чувствует рыбка на сковородке, что жарится, и не все ли ей равно, кто ее жарит.

Из Московских впечатлений самое главное, что известие о падении Смоленска всех придавило, все об этом думают, и дума из человека незнакомого и неведомого высвечивает как бы нимбом.

Сытых и самодовольных вовсе не видно, и заметно очень, что средний человек на улице стал лучше.

Только Чагин, председатель всеславянского совещания, показался мне по-прежнему самодовольным.

Подходят решительные моменты в нашей судьбе, и скоро все определится.

21 Августа. Усолье.

В 9 у. выехали из Заозерья и около часу прибыли в Усолье. Борьба за квартиру. Семейство Павла Назарова...

22 Августа. С утра добывали паек у директора «болота». Среди дня теплый дождь и купанье и «все хорошо».

Мысли о героизме московских христиан в оправдание противодействия смерти.

23 Августа. Прошло два месяца войны. Враг на пороге у всех жизненных центров страны. Простые люди ждут переворота («Минина и Пожарского»). «Если только найдутся еще Минины и Пожарские».

Он будто бы вовсе не жесток и «зверства» выдуманы (множество легенд о *его* справедливости). *Они* (большевики) – победи они, и их бы вознесли в оправдание всего прошлого, нет – «не придумать им казни мучительней». И вот мы... существуем ли *мы*?

Утешение наше бор, в котором сосны как встретили однажды восход солнца, так и остались такими всегда горящими свечами.

– Люди в церкви ставят свечи, – сказала Ляля, – а я бы вместо этого сосны сажала: посажу, и будто свечку поставила.

Так росли и росли сосны выше и выше, роняя отжившие сучки, поднимая выше и выше зеленые головки. И когда зеленая крона одной сосны сходилась с другой, то каждая отвертывала сучки свои назад и пропускала другую к свету. Но были две сосны, они росли не близко друг к другу и сучков своих не отвернули. Что-то случилось в природе, может быть, буря, и сосны эти сошлись кронами. И во всем бору только и были эти две сосны такие, что сошлись кронами и слились всеми своими сучками в одну и жили две сосны как одна.

Между соснами летало много стрекоз, и среди них были спаренные.

– Красивы эти стрекозы, – сказала Ляля, – но чувствую в них гадость.

– Сладострастие?

– Вероятно, да.

– Но чем же это плохо, помнишь, у нас было вначале, когда мы были друг другу почти незнакомы.

– Да, у нас было это как средство познать в себе высшее существо, не «Я», как было, а стать «Мы», священное «Мы с тобой».

– Но ведь и они тоже познают себя и сливаются через сладострастие.

– Только чтобы продолжиться...
– Но если...

24 Августа. На «Болоте» надавали нам всяких продуктов, и было очевидно, что это отношение к себе я заслужил и это отношение бесспорное.

Помню, как работала целые дни на поле мать и никто из братьев не мог ей помочь: чтобы ей помогать, нужно было бы превратиться в ее бессловесного раба. Точно так же было и с Ефр. Пав. и с огорчением узнаю этот женский рабочий деспотизм в Ляле. Вероятно, это свойство женщин: или раба, или деспот. И все от недостатка сил: что ни говори, а послушание рабы легче инициативной работы и женский деспотизм легче мужского рабочего великодушия.

Осматривал с вышки Берендеево царство, пришел старик-пожарник и, оглядев сверху торфоразработку, сказал: – А бояться неприятеля может только тот, кто не бывал на войне. Неприятелю рабочего человека незачем трогать, напротив, он рад тем, кто работает...

Подозреваю, что при таких настроениях статьи в «Правде» о германских зверствах действуют в обратную сторону. Вообще в прессе во время этой войны приемы остались точно те же, и это для множества людей сыграло решающую роль, каждый подумал, что и в войне, пусть Отечественной, народ пойдет на поводу, как лишенный доверия. Большевики таким образом ответственность за войну взяли исключительно на себя.

Ночью в хаосе бродячих мыслей и чувств мелькала возможность в своих переживаниях когда-нибудь уловить какую-нибудь кривую нового смысла...

Христианские герои, преодолевающие смертию смерть, подвизаются теперь совершенно так же, как в римские времена, удивляешься им, но в то же время чувствуешь, что эти подвиги не являются полным ответом на запросы современности: как Ветхий Завет, так и Новый Завет одинаково потеряли увлекающую в неизвестное поэзию.

Современным было бы теперь не библейское движение рода в чаянии Мессии и не евангельское преодоление смерти готовностью во всякое время без страха распять свою земную плоть, а соединение того и другого, Ветхого и Нового в действии такого преображения жизни, чтобы сотворенная на земле жизнь являлась бы вечностью, чтобы перед каждым стояла в жизни задача найти на земле начало лестницы к небу.

В красоте таится вечная революция, вечное движение к новому и жестокое преодоление стареющего. Так, если Ляля, глядя на сосны, говорит: «вместо того, чтобы свечки перед иконами ставить, я лучше перед солнцем буду выращивать сосны» – то в этих словах скрывается поэтическая революция...

25 Августа. Теплый день, летний с грозой и ливнем. Нашел первый белый гриб. Ляля подавляет своими хлопотами о вещах, оказывается, теща права: мало того, что вещи надо спасти, их надо хранить. Не знаю, откуда это пришло мне, что за испытанно верное благо всю жизнь считал – это расстаться с тем, что собрал, бросить все и уйти с палочкой. И я такой не один, а множество русских. А вот теперь против этого явилось другое – что вещи надо хранить. Да, надо, надо! и, о Боже, как это скучно.

26 Августа. Серое утро, но сосны, как свечи, горят своим заревым светом. На уступе одного отпавшего сучка, сливаясь с заревым цветом сосновой коры, сидит птичка зарянка.

В верхних этажах бора в множестве синички-корольки, и там у них так хорошо, что и сам как будто поднялся к ним и почувствовал, как что-то неприятно-земное оторвалось во мне.

И вспомнились мне добрые короли счастливых древних времен, когда их умышленно воспитывали в стороне от жизни, чтобы они могли быть для обыкновенных людей примером возвышенно прекрасного человеческого духа, как теперь для меня эти синички-корольки. Смотрю на корольков и сам на время стал королем и вспомнил то время, когда всерьез считал себя царем Берендеем[123].

Вырубка. От лесного пожара на поляне остались чернинки, по чернинкам теперь пошли папоротники. Между этими черными полями, покрытыми папоротником, были кусты можжевельников, Иван-чай, молоденькие березки.

Лесничий тоже согласился с пожарником, что, пожалуй, наш уголок торфяной разработки от войны не пострадает: фронту – не дорога, а победителю торф нужен, как и прежнему хозяину...

Да, наш уголок Усолье является действительно уголком Берендеева царства, где война не имеет никакого смысла именно потому, что в нем все работают и обходятся без политиков и дипломатов.

В Берендеевом царстве люди говорят о себе «мы», часто включая в это «мы» своих лошадей, коров, птиц и вообще всех бессловесных. Этому «мы» простой Берендей противополагает с тайным презрением «они», т. е. те дипломаты и политики, которые ими управляют, и «он», т. е. немец грядущий.

Мне думается, что сочувствие «ему» (немцу), постоянное опровержение «зверств» – это значит как бы перестраховка ввиду нашего поражения. Напротив, презрение тем, кого называют «они», сопровождается тайной надеждой на желанную победу. Я вчера подумал об этом, когда Павел с уверенностью передал мне, что Смоленск и Гомель взяты обратно. – Сам слышал? – спросил я. – Нет, но это верно, – ответил он. А оказалось неверно. Значит ли это, однако, что всем хочется победы, а не только тем, кому это непосредственно выгодно?

Спросил лесничего, несущего вязанку дров: – Много работы? – имея в виду работу лесничего. Он же мне на это ответил: – Работы хватает: то вот надо дров притащить, то накопать картошки, то по дому: у жены ведь не четыре руки.

В Берендеевом царстве не только лесничему, а и каждой зверушке в лесу довольно хлопот, чтобы только себя прокормить.

Берендеево Царство – это реальный мир человека, весь мир, вся вселенная, как «мы с тобой» (ты = Бог).

Это мир людей равных, в котором нет насилия личностей, это мир, который носит в себе, в своей сокровенности каждый мобилизованный воин, несмотря на то, что он честно убивает другого.

Это мир бедного Евгения, который грозит Медному Всаднику, сокровенное «мы», чающее второго пришествия и Страшного Суда, на котором будут судить несудимых на земле победителей.

Этот мир поэзии и религии, ожидающий защиты себя и оправдания временем.

(Берендеево царство как Остров Достоверности).

Дураком у нас называют человека слабого, Ева была дура, а Адам, сильный человек, грешник. Вот почему, когда в нашей жизни с Лялей выходит ошибка и виновницей ее бывает она, я, как Адам, беру вину на себя и говорю: я виноват. Так, например, я зимой поддался натиску Ляли и тещи и отдал Леве Ладу, а теперь сижу без охоты, которой мог бы теперь их отлично кормить. Если бы они понимали, что они делают, отнимая у меня Ладу, они бы не стали отнимать. Значит, они не виноваты, а я должен был понимать и не уступать, значит, я виноват. – Но позвольте, есть ли предел, до которого доходит в глубине это самообвинение? Я думаю, что предел этот наступает там, где кончается атмосфера любви, я отвергаю свою виновность там, где кончается моя любовь, где против меня стоит неживое. Вот почему при ссорах Ляля добивается от меня сознания моей виновности, для нее мое «ты виновата» равнозначно: «он не любит меня».

27 Августа. Сосны сквозь туман встречают солнце, и мы тоже рано встаем из-за того, что вечером нельзя огня зажигать и приходится рано ложиться. Надо подумать о светомаскировке.

Вчера было известие по радио, что англо-русские войска вступили в Иран[124]. Это известие в ночной переработке открыло мне глаза на горестное положение Гитлера: если он займет Россию без нефти, чем он будет воевать? Отсюда вывод: или его из России погонят, или, если наша армия распадется и новое

правительство наше заключит с немцами мир, англичане помирятся с немцами и произойдет давно ожидаемая оккупация и раздел России. И дальнейший вывод относительно себя, что выгодней было мне эвакуироваться в Нальчик.

Типы Заозерья (место, где весело жили московские повара): повар-борец, метрдотель (говорит с «маркизой»[125] о соусах). Все эти люди русские националисты в духе Союза русского народа[126], весьма близкие по складу немцам, ограниченные довольством жизнью. Старинная моя симпатия к немцам, упираясь в эти немецко-русские типы, кончается. Точно так же возникающая вследствие отталкивания от немцев симпатия к англичанам имеет предел свой в Разумнике и подобных типах русской воинствующей интеллигенции. Разумник и повар – антиподы.

Дела: сегодня попытаться исправить замок на машине, завтра съездить за бензином в Переславль, послезавтра (пятница) налить машину на «болоте», а в субботу или воскресенье в Москву (к тому времени определится положение Турции).

Маркиза по-старинному любит пользоваться на русском языке иностранными словами: тенденция, интуиция и др.; новый человек «пролетарий» тоже любит щеголять иностранным словцом, и вот они между собой говорят. Можно сделать очень смешно.

Чем больше общественное бедствие, тем больше, яснее, настоятельней является требование к каждой отдельности думать о себе.

(Курелло – его легенда личного спасения – уйти в горы.)

28 Августа. Если друг твой плачет, ты утешаешь его так, будто сам ты – виновник его слез. И даже если он заставил тебя самого плакать, ты подумаешь, углубишься и вину его примешь опять-таки на себя, улыбнешься и скажешь: это я виноват. И таково свойство любви, чтобы непременно, раз ты любишь, вину принимать на себя. Так если бы и Адама спросить, вино-

вата ли Ева в грехопадении, он бы ответил: – Нет, Ева – слабая женщина, а это я виноват.

И так точно я должен быть таким в наших неудачах с Лялей при одном условии, чтобы не пользоваться правилом «я виноват» как моральным методом, а только быть начеку, помнить всегда, если ты любишь, ты силой любви будешь принимать всегда вину на себя, если же ты упорно не принимаешь вины, значит, ты разлюбил. <*Приписка*: И это наша любовь, а то есть любовь ветхозаветная, когда женщина во всем виновата и муж благодарит Бога, что не создал его женою.> Не оттого ли и Адам в раю в ответе Богу все свалил на жену? Это было свидетельством нелюбви так же, как неспособность раскаяться, вот от этого, верно, и произошла катастрофа, а не от самого яблока.

Вчера к закату солнца я пришел в Тресту на берег Плещеева озера, очистился у воды душою, вспомнил, какие сокровища жизни открыла в душе моей Ляля...

Тут было место скромных и чистых радостей, которые я переживал вместе со своей прежней семьей. И все-таки даже тут совесть моя в отношении их молчала. Даже при усилии я не мог поставить себя в положение виноватого, и это значило, что я их *разлюбил*.

В ответ моему раздумью по поводу занятия Ирана англичанами, как будто я думал вслух, получено две открытки от Александра Николаевича, предупреждающие о возможности в Усолье остаться внутри площади окружения Москвы неприятелем и с советом эвакуироваться в Нальчик.

Надо помнить, что с моим именем <*зачеркнуто*: переждать в лесах> пересидеть до отступления немцев невозможно: выдадут. И еще, что на легальном положении остаться у немцев опасно: потребуют активного выступления. Еще надо помнить, что, по всей вероятности, решающий бой будет за Баку (за бензин) и что в этом бою англичане-американцы бензин отстоят и немцам взять его будет неоткуда.

Остается возможность коварства англичан, которые помирятся с немцами за счет большевиков, но тогда возродит-

ся Германия... Нет, ничего не выходит с Усольем, теще моей с ущемленными нервами хочешь – не хочешь придется ехать в Нальчик, в компании благополучных людей в хороших жилетах.

Ездил в Переславль бензин доставать, испортился в машине замок и заночевал в Веськове у Андрея Дмитр. Комиссарова, инженера. Решил с ним ехать в Москву 8-го Сентября.

29 Августа. С Ботика приехали военные люди, починили замок. К обеду вернулись в Усолье.

Людей хороших гораздо больше, чем нам об этом говорят и чем мы сами об этом думаем тайно. Когда я начинал писать «Кащееву цепь», эта мысль была у меня руководящей, как протест пропаганде вражды. Это был очень острый момент борьбы, и вот теперь я возвращаюсь к тому же: значит, наступает опять очень острый момент в жизни страны.

Ясно становится, что весь этот большевистский социализм и его личные выразители выражали одну практическую мысль о необходимости для русского человека безусловного подчинения необходимости государственного принуждения.

И чему же я сопротивляюсь? Только тому, что это принуждение входит в недра сам*ой* неприкосновенной личности.

30 Августа. Вчера мы были поражены известием по радио, что Днепропетровск пал. Сразу иранская англо-русская операция потеряла свою остроту, как всякое английское вялое военное предприятие: оттуда не будет спасения. Ясно теперь, что наша южная армия разбита вдребезги... и что, может быть, этот удар и был в плане решающим, к чему и сводились операции на всем фронте...

Как-то незаметно, мало-помалу все собеседники наши начали смелеть в разговоре и бросать условный язык намеков. Перестают бояться и теперь после Днепропетровска стали совсем откровенны.

– А за что воевать? – сказал N.

И, вздохнув, сказал:

– Семья имеет корову, мясной налог за корову овца. Его берут в армию и овцу не забыли: он идет на призывной пункт, и рядом с ним ведут его овцу. За что воевать? Ох, тяжело...

Но я очень мало, а Ляля почти ничего не чувствует, и так странно: ей меньше всех жалко родины, и она больше всех уверена в том, что эта гибель есть начало возрождения.

А я в 18-м году потерял наивное чувство родины и сейчас не изнутри, из себя, а глядя со стороны старался извлечь из этого опыта хоть какую-нибудь пользу.

Но мой вялый расчет не удался, а вот «Умный пьяница» сейчас воспрянет[127].

Бедный Разумник! как был ежом, так и остался теперь, только иглы свои раньше направлял против большевиков, теперь же направит их против фашистов.

Боже! до чего бедна, печальна и унижена моя родина.

Спросите ворона, он знает, где падаль лежит.

Смотрю на вещи свои и на людей, измученных спасением своих вещей. Вспоминаю время, когда мы вещи с себя сбрасывали и казалось, так легко без вещей. А вот теперь сама вещь учит человека бережному к себе отношению.

Возвращаюсь к 17 году, и становится так, будто я такой же теперь, каким был, ничему не научился и все 24 года даром прошли (т. е. что все мои писания развивались из прошлого под давлением настоящего, а не зарождались в нем).

В чувстве возмущения прежде всего хочется ударить, и тот, кто, подумав, воздерживается от драки, кажется неприятным дипломатом. В древние времена евреи дрались не хуже немцев, но потом в ходе истории одумались, приспособились и борьбу войной сменили на борьбу посредством спекуляции. Вот почему молодой и воинственный народ немцы так ненавидят евреев: – Все возьму! – говорит германец. – Все куплю![128] – отвечает еврей.

Ляля по природе физической не хозяйка и вообще не практик, но она добросовестно хозяйствует и достаточно практична

в силу своей моральной природы: делает старательно то, что ей не хочется.

Ляля сегодня говорит:

– Мне бы сейчас хотелось с тобой жить так, чтобы двери перед нами открывались-закрывались, чтобы все само делалось, чистилось, укладывалось.

А я отвечаю:

– Мне бы, напротив, хотелось устроиться в натуральном хозяйстве, чтобы делать все самому и не зависеть от людей и машин.

На это она:

– И это тоже очень хорошо!

А в сущности, так и всем хочется: и чтобы все «само» делалось, и чтобы все зависело от себя самого.

31 Августа. Воззвание «к братьям евреям»[129] содержит в себе редкий в еврейской тактике срыв от апелляции к гуманизму в сторону лютой расовой злобы и мести. Такого обнажения подземного кабеля, о котором с детства недоверчиво мы выслушивали сказки, я еще в жизни своей ни разу не видывал. Вероятно, евреям действительно очень плохо приходится. Вторая неловкость в этом воззвании – это что в нем явно неверно утверждается, будто евреи в России наравне с другими национальностями работают в земледелии, на фабриках и в армии. И в то же время в приведенных под воззванием подписях под каждым именем выписано тщательно его привилегированное положение: писатель, профессор, композитор и т. п. Умным людям хватило для этого довольно простоты: ни одного рабочего и красноармейца. Между тем именно в этом неделикатном захвате привилегированных мест и заключается происхождение так называемого антисемитизма. Я помню, в Лейпциге в университете было возмущение немецких студентов, что первые лучшие места в аудиториях захватывали «русские», т. е. русские евреи. Еврей, подписывая свой титул, как будто вовсе не понимает, что если бы не традиции национального быта, воспитывающие отцов и детей в необходимости послушания воле национального коллектива, то на его место профессора из

недр нации стали бы десятки тысяч людей, судьба которых поставила их быть рабочими и крестьянами.

Но почему же в Америке и в Англии еврейская деятельность не противоречит движению интеллигенции и всем находится место? Я думаю, это потому, что в этих больших странах свободного капиталистического развития для деятельности всем находится место. Германия же стеснена внешне в своем промышленном развитии, а в коммунистической России и вовсе нет свободной торговли, отводящей еврейскую деятельность на поля орошения. Спекулятивные способности евреев в <*зачеркнуто*: России> СССР пошли на переработку искусства слова в политику. В коммунистической практике оказалось некуда евреев девать, и они перестроились на управление государством. Но возможно, что в первопричине нашего несчастья виноваты не евреи, а мы, порождавшие блудных детей, начиная с Радищева, и еще больше тот Запад, бывший нашим учителем. Там где-то в судьбах Заката Европы[130] таился источник наших страданий, и еврей, паразитирующий ныне в управлении страной под предлогом интернационала, есть вполне законное следствие начальных причин несоответствия идей французской революции с патриархальным кустарным бытом России. И вот почему я отбрасываю от себя искушение борьбы с евреями и антисемитизм, бороться надо с причинами, а не с последствием. И эти причины сами собой отпадут, когда война всех поставит на свое место[131].

«Телесные труды без чистоты ума то же, что бесплодная утроба и иссохшие сосцы». (Исаак Сириянин. Слово 58.)

«Тот милостив, кто в мысли своей не отличает одного от другого, но милует всех». (Там же.)

Дуня пришла и сказала: – На скамеечке двое сидят, говорят о войне. Я подошла, спрашиваю: что? А они: – Ленинград взят, сказали по радио.

Пошел проверить слух к лесничему. – Говорили по радио, что Ленинград взят? – Нет, по радио не говорили, а слух есть. Пришла на Болото беженка и говорила повару, что Ленинград

взят и бились на улицах 16 часов. Повар в чайную и бух! при парторге: Ленинград взят, бились на улицах 16 часов. – Услыхал это парторг за машинку: – Вы панику сеете, что за безобразие, говори, откуда узнал? – Узнал, – говорит повар, – от беженки. – Веди к беженке. – Приходят к женщине, повар спрашивает: – Ты знаешь, что Ленинград взят? – До точности знаю, взят и бились на улицах 16 часов. – Вот, – сказал повар парторгу, – слышал? – И ушел. – А что парторг с беженкой сделал? – То неизвестно.

Вспоминаю, как я в ЦК бухнул речь против Маршака[132], все думал, что мне конец, а мне хоть бы что! И все я сделал силой народа и знал, что если бить в лоб, то бояться нечего и вся таинственная сказка о силе еврейства есть вздор.

1 Сентября. Радио бормочет бессмысленные сказки о войне для детей, в народе перестают бояться говорить, рассказывают анекдот о еврее, спущенном немцами в Ленинград на парашюте, и др. В особенности часто и много говорят в опровержение германских зверств. Какое жалкое самоуспокоение! что-то станут говорить, когда немцы придут и так сделают, что на свободу и комариком в щелку не вылетишь.

Произошло как будто бы короткое замыкание, и пробки, заполнявшие время от 1917 по 1941 год, перегорели, и в промежутке ничего не осталось. Что значит теперь Сталинская конституция? А я-то, глупенький, старался понимать большевиков как промежуточную («среднюю») школу государственности для примитивных, ленивых и распущенных русских людей... <*Вымарано*: Я ждал от большевиков того, что могли бы нам дать [только немцы].>

Начинают не только вслух выражать недовольство и критику, но показываются и образы людей, которые ожидают очереди для смены нового, внезапно ставшего старым. Это повар Б. (круглый человек), б. офицер П. (человек напрямую).

Ничего не знаем, только слушаем и догадываемся. – Наверно, – сказал он, – это правда, что сдаются массами: кадро-

вые войска разбиты, а это идут разве воины: за что им идти воевать?

N. сказал: – У вас в Москве, может быть, и мелькнул патриотизм, как вкусное блюдо, мы же в деревне на черном хлебе сидим, никакой роскоши себе не позволили и при начале войны знали, чем она кончится. Правда, за что же воевать-то?

Но почему же я, давая <*вымарано*: клятву> когда-то в своей <*вымарано*: подзаборной молитве>, смягчился и стал допускать желание <*вымарано*: победы> тем, кому хотел < *вымарано*: не простить? Я надеялся>, что < *вымарано*: не они, а народ>, великодушно став выше своей обиды, < *вымарано*: победит>. Я перестал так думать, когда переговорил с <*1 нрзб.*> и увидел, что < *вымарано*: они те же> самые < *вымарано*: и Правда их> тоже. С тех пор < *вымарано*: я стал> [сомневаться], а войска отходили.

2 Сентября. Вчера из Москвы получена открытка от Александра Николаевича, что в последнее время он спит спокойно. Это странное спокойствие человека, живущего в Москве, стало в противоречие с нашей внешне спокойной и внутренне мятежной жизнью. Мы подумали: правда ли, что все проиграно? По радио ничего не говорят.

Наша жизнь есть искание вечности и борьба за нее, а не мир: не может быть на земле мира, и гармонические образы жизни создаются как свидетельство веры в то, что вечная жизнь существует где-то.

Но есть люди и в числе их особенно Ляля, которые до того прониклись сладостью вечного, что с некоторым презрением смотрят на земную жизнь и на всякую попытку ее улучшения, – какой-то кокетливый аскетизм...

– Позволь, – сказал я, – возьмем школу аскетизма, положим, Исаака Сириянина, где указано столько средств борьбы с охватывающей человека страстью любви, между тем как мы с тобой вот любим друг друга страстно и нестрастно и этой любовью достигаем именно чистоты помыслов.

– Это благодать, – ответила она.

– А если это есть благодать, а не отречение, то почему же отцы давали столько рецептов спасения посредством отречения и почему они не преподавали благодатную любовь...

– Они писали для особенных людей, их книги для всех должны быть закрытыми и держаться в тайне.

И так мы подошли в своем споре к истине, которая существует только для личности и не может быть достоянием всех.

Можно ли действие русского мороза считать концом развития идеи Наполеона или тоже выстрел жандарма концом Робеспьера! Нет! и Наполеон продолжает как вождь в форме Гитлера завоевывать мир, и Робеспьер в форме Сталина во имя коллектива гильотинировать головы отдельных людей. Только теперь оба эти общественные начала столкнулись не с морозом и случайной волей, а одно с другим, как нож с ножом.

Птицын когда-то победу немцев над нами давал как *логический* вывод их деловитости, я же возражал ему тем, что победить может разумных немцев наше неразумие...

Видимо, он был прав для войны: разумно устроенное войско должно победить неразумное. Но я, вероятно, думал о той далекой победе в культурной борьбе, когда будут меряться между собой не *массы*, а духовные *личности*.

Нет ничего поучительней для понимания немца и русского, как слушать споры Ляли (русской) со своею матерью (немкой).

У Достоевского в «инфернальных» женщинах выведена эта польза бесполезного: это польза не витамина, а самый полет.

Беженцы московские ехали, у них сломалась машина, зашли чаю напиться, рассказали они нам, что в Москве давно уже нет тревоги, а на вопрос наш – почему, ответили: у немцев бензину нет. А из Ленинграда выселили всех, там будет великий бой. Так что мое предупреждение о скорости выводов местных людей оправдалось, и ничего нельзя сказать о конце: на французов выпал мороз, а на немцев, может быть, недостаток бензина.

<*Зачеркнуто*: N. до того осудил будто бы побежденных, до того вдумался в их пороки, в свои страдания в прошлом, что, когда представил себе возможность их победы, испугался и сказал: – Ну, тогда, знаете что? тогда я уеду в Америку.>

3 Сентября. Мы пошли с Лялей болотами на Семино озеро, и она мало-помалу почувствовала болото в его сущности, в первобытности с ихтиозаврами и вдруг сказала: «Нет!» Это значило, что эта природа противоречила ее природе-храму. И как будто болотные черти обступили нас и вовлекли нас в дикий бессмысленный спор. Я не принимал тона ее, она же старалась победить мое недовольство рассуждением, и я ненавидел ее рассуждения. Началось с того, что она несносно часто стала повторять «мечту» уехать куда-то за границу, в Богемию или в Америку: мечта явно «мечта» невыполнимая. Я стал упрекать ее в скуке, она отвергать скуку и оправдываться в чем-то своей страдальческой жизнью. На это я отвечал, что в сравнении с другими страдающими считаю жизнь ее очень счастливой и завидной: она любила и была любима хорошими и даже замечательными людьми. На это она отвечала, что никакой любви вообще не знала, а только страдала. А про меня сказала, что я только раза два справедливо понял ее и записал. – Давно ли ты говорила, – отвечал я, – что только я один тебя понимаю. Это болотные черти тобой овладели, ты сейчас в истерике, в окаянной пустоте. – А когда она, уже подходя к дому, как мне показалось, сказала о нашем духовном неравенстве, то я так стремительно напал на нее, что она отказалась от своих слов и вдруг пришла в себя. И через минуту дома все наваждение слетело с нее, как сон, и без всяких последствий. Да и я сам тоже склонен думать, что все это пустяки. Надо принять во внимание тоже, что сегодня у нее началось «тяжино» и сокровенное, ею самою не сознаваемое *тяготение к настоящему* ребенку, возможно, было подхвачено болотными духами... Между прочим, с этого и началась наша прогулка: она это открыла, и когда я обрадовался и спросил: – А ты радуешься? – она ответила: – Нет, я не радуюсь и того теперь не боюсь: все равно жизнь теперь такая, умереть от того или от этого. А может быть, выйдет и к лучшему?

Вечером вчера пришли в гости два друга Иван Иванович Фокин и Павел Иванович Логинов, трогательные люди.

Одни люди думают (напр., Рыбников, Попов), что при победе все переменится и со старым все будет кончено и начнется новая жизнь. Я сам тоже так думал. Но другие считают, что со старыми формами новой лучшей жизни не сваришь. Таким образом, как и в ту войну, общество разделяется на оборонцев и пораженцев. Но раньше пораженцами были интеллигенты, главным образом, теперь пораженцы – это деревня.

Читал статью Толстого в защиту себя от немецкого радио: обвинения ясные, как и мы его в том же обвиняем. Но Алеша набрал множество примеров германских зверств, и люди, читая об этих зверствах (женщины, посаженные на колы без голов и конечностей), шалеют. Впрочем, Толстой до того себя скомпрометировал, что у нас ему мало поверят и в лучшем случае скажут, что его самого обманули.

<*Вымарано*: И вот ответ на вопрос «есть ли зверства» решает до точности вопрос о политическом настроении, вся деревня, все слухи со всех сторон сходятся к одному, что зверств никаких нет.>

Рассказывали очевидцы из Ростова, что человек с фронта, вышедший из лазарета, на улице резко говорил о положении на фронте и до того резко, что подошел милиционер и потребовал от него документы. Тогда произошел словесный бой фронтовика с милиционером, закончившийся при поддержке народа полной победой фронтовика. Но в то же время рассказывают, что двух красноармейцев за невыполненное распоряжение расстреляли.

N. говорил у нас за победу нашу против пораженцев такими словами: Толстой, Маршак и т. п. корыстные и нечестные люди непременно выдвинутся вперед, потому что их игра была на победу и они обеспечили себя на погибельный конец самолетами. Эти и подобные люди станут во главе и захотят хорошо жить. Тогда возле богатых и мне, труженику, явится работен-

ка, и я буду жить хорошо. Если же победят немцы, то это может быть хорошо лишь с моральной стороны, с житейской же никуда не годится: немцам нужны средства, и им нужно, как и большевикам, весь мир перестроить, а всякое строительство разорительно... Я, мои милые, патриархальные пораженцы, стою за победу.

4 Сентября. Письмо из Архангельска от И. И. Мельникова (читателя):

Мы жили во зле и нашу неправду называли Правдой, и мы были несчастны, потому что все свое должны были отдавать государству на вооружение и ворам для их удовольствия.

Пришло время, и соседнее государство пошло на нас войной для своего обеспечения и обогащения.

Тогда граждане наши в своем нравственном самоопределении разбились на пораженцев, которые устали жить в неправде на обещаниях лучшей жизни в будущем, они смотрели на врага с нравственной точки зрения и в пришествии его старались видеть разумное неизбежное следствие безумия нашего правительства. Они наделяли врага лучшими свойствами человека и даже его бесчеловечные поступки объясняли неизбежным следствием войны. («А мы-то разве не зверствуем».)

Другие граждане, напротив, самый факт вторжения неприятеля в пределы нашей страны сочли зверством, против которого необходимо бороться до полной победы. – Мы сами выбьемся из нашей неправды, – говорили они, – мы не верим в правду суда корыстно заинтересованного в нас соседа.

Первая группа, пораженцев, состоит из людей русских с пассивной натурой, может быть, даже с богатым духовным содержанием, но требующим разумной воли со стороны для своего выявления. Это коренное ядро России натуристой, старой, хранит лютую ненависть к большевикам как неразумным грабителям народа. Это чувство обездоленности усиливается видом благополучия евреев, занимающих методически положения для чистой и приятной работы.

Пораженцы, ожидающие пришествия немцев, пожалуй, не смутятся нисколько даже идеей господства германцев над славянами, потому что в господстве не видят конечной цели и

всегда готовы войти в условие разумного господства с тайной целью в нем лично жить хорошо. «Не в господстве дело, – думают они, – а в себе самом». И даже не скажет «в себе самом», а подмигнет только и намекнет. В конце концов, это духовные люди, какой была всегда Россия, оставившая нам культурные памятники только духа, а не материи.

Характер духовности народа связан с консервативностью и косностью, неверием, что каким-либо внешним материальным устройством можно существенно улучшить жизнь человека.

Вот из этого состояния внешнего застоя начало выводить Россию влияние европейских материальных идей. В результате этого европейского материалистического влияния, в конце концов, пришли энтузиасты материализма, диалектически обожествляющие вещь, совершенные идолопоклонники, уверенные в том, что новое создаваемое ими материальное бытие в скором времени определит сознание и создаст нового совершенного человека.

Мало-помалу все тропинки во внешне лучшую жизнь привели к государству, необходимости государственной власти как таковой. Когда пришло к этому, то те искони веков «духовные» русские люди в новом социалистическом принуждении узнали обыкновенное прежнее знакомое принуждение в смысле: «богу богово, кесарю кесарево» и с улыбкой стали жить по старым пословицам, вроде: на Бога надейся, а сам не плошай, люби ближнего, но не давайся в обман. Не будь евреев и других инородцев, прогрессивный поток к материальному благополучию давно бы загудел куда-нибудь в пропасть, но евреи нашли в России свое отечество и повели всех к материальному благополучию, пользуясь им на первых порах для себя.

И вот теперь решается судьба этой замечательной попытки большевиков не традиционно капиталистическими средствами вывести Россию к материальному благополучию, а новыми, небывалыми в мире.

На всем огромном пространстве страны показывается довольно прилично одетый, элементарно грамотный, начиненный множеством желаний жить хорошо в материальном смысле и совершенно ничего не имущий с убийственным вопросом:

за что воевать, когда дома нет ничего и, может быть, даже нет самого дома.

Мы сейчас в таком состоянии, и пути к нашему богатому югу как будто уже отрезаны. (Днепропетровск давно уже взят, не взят ли Ростов?) Кажется теперь, что русский человек, соблазненный легким входом в материальное благополучие, под предлогом разумного немецкого управления стремится к старорусской косности и неподвижной духовности.

Но я думаю, это падение не во времени и совершиться ему до конца не дадут равнодействующие исторические силы современности.

Вчера теща вставляла в мои штаны заплату, Ляля увидала шов и предложила теще сделать его по-своему. Та спокойно стала ей доказывать, что по ее замыслу сделать нельзя и никто так не делает, и когда доказала, то Ляля, забегав глазами, как озленный зверушка, сказала: – Убирайся ты от меня со всем этим к чертям. – Что это? – спросил я. – Сумасшедшая, – ответила теща. Но это было не сумасшествие, а необходимый для всякого подвижника провал в какой-то ежедневно самой силой подвига собираемый дьявольский мир. Вот если бы не было замысла деятельного добра в отношении матери, а была бы просто благодатная любовь, с которой родятся счастливые люди, то не было бы и этих обрывов. Но замысел деятельного добра должен непременно преодолевать сопротивление и, создавая свет в одну сторону, вызывать тьму с другой стороны. Так в лесу ночью под ясным небом со звездами бывает не страшно, а стоит развести костер, определяющий тьму, как из тьмы показываются страшные фигуры. Так и Ляля не может, с одной стороны, просто ходить в ночи по лесу, зажигает костер, собирает тьму, а из тьмы время от времени черти хватают, и она потом мучится, мучится, и чуть оправилась, чуть мало-мальски достигла благополучия – опять ее черти, и опять она мучится. Так она, ненавидя благополучие, попадает в постоянную культуру жалости, сострадания и сама считает себя одним из самых несчастных людей. В этой истории [дочери] с матерью, мне кажется, самое неуклонное дело руки, создающей шов на штанах, ей показалось косным благопо-

лучием, ей захотелось нарушить это благополучие, выдумать какой-нибудь свой небывалый шов. И когда мать убедила ее, доказала, как дважды два, что в швах все бывалое, что небывалых швов не бывает, она послала ее с ее швами к чертям. А вечером, раздирая рот от скуки, села с нею играть в шашки, ненавистные ее духу, как традиционные швы. Играла, чтобы загладить свою вину.

Большую часть времени провожу в попытке завести машину, которую забило купленное в Переславле скверное горючее.

<*Зачеркнуто*: Есть люди у нас: с иностранной (немецкой) кровью, проживут двести лет в России, ничего немецкого не останется: все у них станет по-русски, но только не в оригинале, а как бы в переводе. Простой народ их всех принимает за немцев, хотя по-немецки они и говорить не умеют: такая моя теща, Раттай, такой Бострем...>

5 Сентября. Эти местные хорошие люди, ожидающие от немцев вроде как бы Суда над неправдой большевиков, напоминают кустарей, переносящих свои личные моральные понятия на *большую* историю, как изображено в «Медном всаднике».

Этот *моральный* конец большевизма ожидался через три дня после Октября и так по сих пор ожидается. Не спорю, возможно, что конец и подходит, но только не по тем мотивам, о которых думает личник (обыватель), и не по тем, которые приводят политики, потому что как начала, так и концы непознаваемы.

Правда, разве можно считать, что случайность, безликая стихийность мороза была концом Наполеона? Почему не сказать, что дело Наполеона продолжается и будет продолжаться до конца, как и наше личное дело, нами начатое, продолжается поверх нашей личной смерти от рака <*зачеркнуто*: чахотки>, гриппа, или катара. Наша индивидуальная смерть чрезвычайно редко совпадает <*зачеркнуто*: как у Христа> с концом дела всей нашей личности или торжеством нашего бессмертного начала.

Нет, я не могу предвидеть ясно настоящего морального конца в этой борьбе народов и свое трепетное ожидание большого Конца как большого и последнего Суда передаю, мой друг, тебе, если ты останешься жить после меня.

Мне теперь кажется, будто мы с тобой по океану на двух льдинках плывем, моя поменьше, твоя побольше, моя раньше разобьется, и я должен тебе поручить себя после моего неизбежного физического конца, а ты, когда сама разобьешься со своей льдиной, попытайся нас поручить следующему носителю, как один поток, сливаясь, поручает другому свою воду нести в океан...

Так и прими это, что не переживу этой борьбы народов до ее морального конца, ты же подвинешься туда ближе, и я, зная неминуемый конец мой, поручаю себя твоему продолжению.

Меня мучит, что я уйду из жизни, не сказав какого-то необходимого слова. Нет, я, конечно, не знаю того большого человеческого Слова, которое как поперечная линия пересекает линию природы. Я не о том большом Слове говорю, а как Евгений или кустарь лелею в себе право и необходимость сказать слово такое, будто я знаю моральный смысл всего неморального для нас, маленьких существ, потока мировых событий. Мне хочется этим своим писанием создать для тебя, плывущей на льдине по океану, возможно, не-призрачный остров достоверности.

Я тебе уже говорил, что будто я сейчас по океану на льдине плыву, и больше того, днем и ночью, пока не сомкну глаз, я теперь слышу шорох этой льдины своей, теряющей ежеминутно твердые частицы свои в теплеющей воде океана. Скоро, вот-вот придет моя последняя весна, и льдина моя сольется со всей водой, огромной водой, стихией, подчиненной совсем иным законам, чем наша мораль человеческая. Меня охватывает безумное желание создать такой Конец своими книгами, который станет перед тобой, тоже плывущей на льдине, как остров достоверности.

Весь день возились на Болоте с машиной, десятки шоферов и трактористов пытались завести ее. Только к вечеру приехал

кладовщик и открыл, что начальник по усердию своему поторопился и налил в машину не бензин, а керосин.

Говорят, что уже сорокалетних берут и не смотрят на здоровье, – будто бы взяли одного с деревянной ногой. Это вовсе не так глупо, как говорят, на войне нужна теперь всякая работа, и человек с деревянной ногой тоже годится. Петю моего, наверно, уже взяли, а у меня от этого в душе ничего не происходит: вот как можно одному человеку при жизни умереть для другого.

6 Сентября. Пытаюсь свозить своих за грибами, и послезавтра (завтра вместо 8-го) празднуем именины тещи Наталии, отправляемся ночевать в Дворики, чтобы утром 9-го быть в Москве.

Теща же у меня необыкновенная, это теплично-комнатное растение: в свои 65 лет она не отличит галку от сороки и может сказать, что грачи у нас зимуют, а сороки улетают в теплые края. Имен для людей у нее не существует твердых, и Петра назовет Павлом, а Павла Петром, и все думают, что это у нее от высокомерия, от «свысока», но это лишь ее стиль маркизы 18 века, не изображаемый ею, а свойственный ее натуре и не имеющий отношения к ее духу. Ее занимает и утешает, что дочь вечно разыгрывает для нее свою любовь к ней и стала в этом такой искусницей, что сама свою игру принимает за любовь.

Итак, мы как рыбы на сковороде: нам из нашей глуши не видно, кто нас жарит, но мы чувствуем, что жаримся, и по этому чувству хорошо можем, конечно, по-своему представить себе состояние мировых дел.

Павел Михайлович воображает свое по одному слову «подступы» к Киеву, а я по тому, как Рузвельт бьет тревогу об опасности для Америки от Гитлера. Раз Рузвельт боится, значит, он не верит, что Гитлер застрянет в России, как Наполеон, а напротив, устроится в России и будет пользоваться ее силами против Америки. Но как можно верить тому, что Гитлер победит Америку и завоюет весь свет...

Можно представить себе очень легко святого в положении сапожника, столяра и любого ремесленника, но я не могу себе представить святого в положении водителя легковой машины, развивающей высокую современную скорость.

И не потому я не могу себе это представить, что водитель трудится меньше сапожника. Нет, я сужу не по труду со стороны, а по своему собственному душевному состоянию, которое испытываю я во время водительства. Я могу назвать это состояние удовлетворением естественного стремления всего живого двигаться.

Мне кажется, всякому живому существу в природе свойственно находиться в состоянии неудовлетворенного движения, потому что каждому хочется расти сильнее, чем может, лететь, бежать, ползти <*приписка:* ползущему бежать, бегущему лететь, летящему парить как Дух Святой над [водами]>. Посмотрите на гусеницу, на божью коровку, бегущую по ладони вашей, как ей хочется бежать сверх сил и как, чувствуешь это, она не может.

А водитель это может: он движется в десятки и сотни раз скорее своей непосредственной возможности. От этого движения сразу же лишаешься воображения, фантазии и весь удовлетворенно сосредоточиваешься на небольшом поле зрения перед машиной. Не могу сказать, чтобы это состояние было неприятно, скорее напротив, оно приятно удовлетворенностью вечного стремления к движению. Но само это движение само по себе без отношения к каким-то глубоким вложенным в натуру человека ценностям является суетой, и состояние души водителя мне представляется состоянием удовлетворенной суеты, в атмосфере которой невозможен подвиг святого.

А в старое время, когда вся Россия была кустарной, я помню...

(Светлое озеро и Алпатов.)[133]

...самое удивительное, было для Алпатова еще в том, что это Светлое озеро мирило раскол с православием, мирило все враждующие между собою евангельские секты, влекло к себе всех верующих и даже вовсе неверующих, привлекало к себе красотой. На том холме, где миссионер официальной церкви готовился к спору об истинной вере с сектантом и старовером,

был небольшой столик, за ним сидел книгоноша и продавал Евангелия, маленькие красные и синие книжечки по восемь копеек.

План 3-й книги «Кащеевой цепи».

Так же, как и 2-я книга «Кащеевой цепи» задумана в двух планах, так и эта: на 1-м плане современность, служащая лирическим введением во 2-й план прошлого Алпатова. Только теперь я хочу в том и другом плане найти свои отдельные сюжеты, сливающиеся один с другим, как в «Корне жизни»[*] сливались и сходились сюжет Хуа-лу и человека.

Новое, «современное» произведение должно быть написано так, чтобы в нем скрещивались все современно-смертельно-жизненные темы, и в то же время так просто было написано, чтобы все могли его понимать.

У этих комнатных, напуганных людей к другим людям все был «подход» и дипломатия.

– Почему мы с тобой при встрече с другими людьми непременно играем, изображая себя? Но, может быть, и все так? Назови кого-нибудь, кто с людьми остается всегда таким, каким он бывает с собой.

– Александр Вас., – ответила она, – никогда никого не играет.

– Но ведь <*зачеркнуто*: он абсолютно бездарен> и хорошего от этого мало, что он показывается именно таким, каков он есть: что, правда, в этом хорошего? Мы же, вероятно, собой недовольны и хотим сделать из себя нечто более интересное, чем мы есть: мы хотим из себя создать легенду о себе, стать выше себя, ты как думаешь?

– Я думаю, что, может быть, это происходит и от страха оказаться перед людьми в голом виде, от сознания невозможности перед всеми раскрыть свою личность.

– Но это же именно и есть глубочайшая причина того, что мы все играем и даем легенду вместо нас самих, в этой невоз-

[*] Первоначальное название книги «Жень-шень».

можности раскрыть перед всеми свое личное, может быть, и таится происхождение всего нашего искусства и невозможности заменить «жизнь» искусством.

Красота в глубочайшем существе своем есть борьба между Богом и дьяволом, и вот почему...

7 Сентября. Собираемся завтра выехать в Москву (с ночевкой в Двориках), а сегодня празднуем Наталью вместо завтра, 8-го.

Теща моя – это зло, парализованное и склоненное в сторону добра посредством умного рассуждения с собой и дипломатией с людьми. Она разделяет общество на «мы» и «пролетарии»: «мы» – это люди культурные, а пролетарии – это хамы. Ее простейшее, чеканно отделанное на немецкий лад бытие осложнилось жизнью в пролетарской среде и христианским влиянием дочери.

Словом «любовь» называются чувства очень разные, одна любовь для Бога, другая любовь для себя.

В одной любви чувство направляется к Христу как разумному началу любви, постигаемому сердцем, в другой чувство направлено к любимому в собственное свое удовлетворение.

В первом случае чувство проходит как бы через принцип, или распределитель, направляющий не туда, куда хочется, а куда надо. Во втором случае любовь *слепая* и направлена прямо туда, куда хочется.

Вот эта трансформация слепого Хочется в сознательное Надо и есть дело разумного начала, постигаемого сердцем, или Христа: в этом и есть вся сущность Христа.

После 12 ночи Ляля засыпает крепким эгоистическим сном, ничем ее тогда не привлечешь к себе, ни мыслью, ни нежностью, она наконец-то, если и не живет, но хоть спит для себя. Но стоит только вздохнуть поглубже или нечаянно прошептать горькое слово, как бы она ни спала, это она услышит и проснется и начнет утешать. – Ты бы, – сказала она раз, – так делал, когда я разосплюсь, и я бы не оставляла тебя.

Вот это чувство жалости, это постоянное состояние готовности к состраданию и есть среда, в которой сгущается как человеческая личность страдающий Бог. У Ляли склонность к этому состоянию была с детства, и 12-летней девочкой она с большим разумением читала Евангелие. Но ряд страшных жизненных ударов в сердце отняли у нее простую, слепую и у многих (сколько хороших людей!) священную радость жизни, или любовь для себя.

Мое чувство любви к ней сопровождалось готовностью создать ей жизнь для себя, которой она не знала. Вначале мне это вовсе не удавалось, мы с ней только страдали. Но теперь она сама созналась, что любит меня для себя, и вот почему я так обрадовался этому признанию.

Но я-то, я сам, какой же я-то христианин, если напрягаю все силы, чтобы удержать свою монахиню в мире обыкновенных радостей и естественных чувств! Не знаю, но мне кажется, будто, так поступая, я больше христианин, чем Олег, горделиво ушедший от брака, или те, кто, не постигая Христа сердцем, сделали из него разумный распределитель душеспасающих добродетелей.

И пусть у меня не сознательная, а слепая любовь, – пусть! Но раз моя слепая любовь удалась, значит, это победа, и если победа, то и суда нет на мне от людей, и я сам, как победитель, опасаясь удовлетворенности и застойного благополучия, приобщаюсь к страданию с такой молитвой, что если все-таки можно обойтись еще сколько-то без страдания, то я буду рад и послужу тебе, Господи, за это великое счастье, сколько у меня хватит сил.

А может быть, настоящий христианин именно тем и настоящий, что ему больше других хочется жить, а знает, что надо страдать. И так он это остро чувствует, что текущую минуту нечаянной радости принимает как вечность.

Наверно, эти минуты в жизни всего мира отмечаются в настоящей красоте как минуты победы борющегося Бога, и так произошли все звезды на небе, и сверкающие алмазы росы на траве, и детские чистые глазки, и живые отражения в едва заметно колеблемой воде...

Восторг на восходе, а вечером снизу с болот поднимается туман и сыростью своей охватывает тело и останавливает мысль. И так долго вечер и ночь ждешь, когда намеком явится свет. – Не от луны ли? – подумаешь. И когда поймешь, что это заря пришла, обрадуешься ей и принимаешь ее, будто теперь-то уж она пришла навсегда, и живешь и пишешь, будто теперь-то уж все кончилось, теперь радость и мысль пришли навсегда. И молишься Богу: – Спаси, Господи, люди Твоя и накажи врагов Твоих, и если я враг, накажи меня первого, и мою страну, мою родину.

Если будешь думать не о самом деле, а о своем первенстве, то никогда первым не сделаешься. А если и случится так, что такие первенцы станут во главе дела, то это именно те первые, о которых говорится, что на место их станут последние. Истинно же первые – которые для дела своего о себе забывают.

Переменили решение выехать в Москву 8-го и выехали вечером 7-го. Ночевали у Комиссарова в Веськове.

8 Сентября. Выехали в 7 у. из Веськова и в 12 д. приехали в Москву. Ночью нас гоняли на 1½ ч. в убежище.

9 Сентября. «Со всех сторон в Москву бегут добрые вести»: мы взяли обратно Оршу, Гомель, Днепропетровск. И моховая (сфагнум, т. е. жизнь, которая обращается в торф и в будущем становится движущей силой) ориентация Алекс. Михайловича.

Вечером получили обратно от Дмитриевых Норку, и в голосе старухи Дмитриевой, а отчасти и у других почуял, как перед 17-м годом, равнодушное «один конец» как предвестник конца войны. Так читаем мы в сердцах людей начало и конец войны.

Встреча с Фединым и новая, третья, назову городская полит. ориентация: ни моховые слухи, ни оптимистические – все неверно: верно, что взяли Ельню и бьются на этом фронте, чтобы отвлечь силы противника с флангов.

Узнал, что Фадеева от Информбюро отдалили и только теперь, значит, поняли, какое вредное дело было это лживое

учреждение в то время, когда надо хоть мало-мальски действовать по правде.

Назначение Афиногенова в Информбюро и перемена курса (возможно ли изменить среднеарифметическому человеку?).

Обращение к «братьям-евреям» в свете репрессий в отношении немцев Поволжья (в том смысле, что не фашисты, а немцы).

Прошел страх «показаться» и надо вообще следить.

Нат. Арк. говорит о Раттае: «во всем он хороший, только характер». И он тоже о ней: только характер. И 40 лет ее любит, носит торты, цветы, а сойдется на 10 минут, и скандал, и опять характер.

А я думаю, что «характер» в этом смысле есть просто зло наше, в котором мы и родимся, и против зла этого есть одна сила любовь, побеждающая «характер». И значит, если виноватить характер, это значит не любить, значит, ни он, ни она друг друга не любят, хотя на словах она «звездочка», а он рыцарь:[134] все это на словах, и поэзия есть тоже «на словах».

Я сам часто бываю близок к этому состоянию безответственных слов, но коррективом возвращения к «делу» (любви) у меня бывает возвращение к себе как виновнику: «я виноват» служит мостом для возвращения от слов к делу. Так было с Ефрос. Павл., а с Лялей бывает и без «моста».

Бывает, я заблуждаюсь в своих чувствах и начинаю открывать у нее несовершенства, но вдруг она покажется сама в своей *правде*, и все мое неверное рассеивается, как сон: она как бы поражает меня в моей слабости и восстанавливает.

У Ляли нет никаких пристрастий к материальным вещам, и не знаю что, природа ли так ее создала, или душевные страдания стерли в ее чувствах страсти.

Визит З. и разговор о господстве.

Отправили Мар. Вас. в Ст. Рузу за вещами. Ночью дважды гоняли в бомбоубежище.

Зина сказала, что после этих страданий будет у нас всех хорошо, но как это выйдет, она сказать не может.

10 Сентября. Ляля советует смотреть на капризы нашей маркизы (капризы маркизы) как на пустяки, и это есть действительно пустяки. А я думаю, что, может быть, за эти «пустяки» надо Бога благодарить, потому что если бы пустяки не приходили к нам со стороны маркизы, то мы бы их находили в наших отношениях. Эти «пустяки» и определяют тот «характер», который предстоит преодолеть любовью. И разве в Ляле и мне мало таких пустяков.

Из того, что всякие пустяки (мой «характер») исчезают при появлении Ляли, рассеиваются, как исчезающие бесы при свете истины, мало-помалу образует мою веру в то, что и не внутри меня, как я раньше думал всегда, а вне меня, как *данное,* существует какая-то благодетельная сила, которой я должен служить.

В Союзе писателей канцелярист еврей, маленький, самого плюгавого вида оказался моим усердным читателем и умно и трогательно, как читатель, высказал ряд мыслей, близких к моим. А сколько раз так было! и как редко встречал я такое понимание в русских. Так выходит, что как гражданин я их ненавижу, а как писатель жить в России без них не могу. Тут идет отрава как бы с двух сторон: отрава национализмом и отрава гражданства моего путем признания со стороны евреев моего творчества. Куда ни кинься, в Москве современной везде находишь еврея...

Жизнь повернулась к нам такой своей стороной, когда поэзия Пушкина, Тургенева и даже Льва Толстого почему-то неприятна и хочется читать Гоголя, Лермонтова и Достоевского...

Тупое море широкого неправильного лба нашего доморощенного фашиста доброго повара N. ... Может быть, такие как раз для настоящего государства нужны, но нам с ними не по

пути, одно недоразумение. Вот почему я покинул Заозерье и приехал в Усолье, где хотя [бы] мои газетные статьи в защиту леса, как отдыха, помнят...

Вечером привезли вещи из Ст. Рузы.

Рассказывали, будто митрополит Владимирский Сергий после 5-летнего заключения попал в дворники в Калуге. На днях будто бы он был вызван, и его переправили в Москву и предложили «работать по своей специальности» в одной из церквей. Никто, однако, не видит в этом даже симптома какого-нибудь поворота, точно так же, как мы, писатели, не придаем значения в Информбюро замене Фадеева Афиногеновым. Изверились.

Полит. ориентация. Моховая версия: это пораженцы и прогерманцы думают, что немцы, свергнув большевиков, установят русское правительство.

Городская версия исходит из того, что немцы будут разбиты и мы должны победить <*зачеркнуто*: с тем, чтобы свергнуть большевиков>. <*Зачеркнуто*: Трудный вопрос для этих политиков ответить конкретно на «за что воюем?» Ведь материального ничего нет, и так выходит, что> мы воюем просто за лучшее будущее, которое представляется жизнью без большевиков, т. е. видимая ценность – отрицательная, а положительные ценности духовные.

11 Сентября. Ляля заболела (ангина или дифтерит?). К вечеру собрался дождь, и ночь наступила такая темная, что А. М. Коноплянцев, уходя от меня, на дворе заблудился, Норка сорвалась с веревочки, и я нашел ее только потому, что она нашла меня: совсем было и простился. Из-за этой тьмы искры трамваев освещали небо так сильно, будто это была гроза или война; многие, почти все, и принимают это за отблески воздушных сражений. Но, слава Богу, что ночь такая темная, в такие ночи не бомбят, а то больную нельзя и в убежище отвести, нехорошо и оставаться в квартире: она боится...

Приходил Попов Ив. Фед., волонтер бельгийской армии в 1914 г., попавший в трудное положение: народ русский по суще-

ству (независимо от нынешней войны) ориентируется на немцев, но никак не на французов, а он это только теперь начинает понимать. (Ах, две души живут...)

Так в общем мы вернулись к знакомому раздвоению, как было в той войне: кто за англичан, кто за немцев и кто за самоопределение (тогда большевики).

Но как бы ни было, что бы ни говорили, война идет сама по себе.

И характерное в этой войне, что отдельный человек вовсе даже и не знает, за кого, за что он жизнь свою отдает.

И еще характерно, что у немцев и у нас отнятая у народной личности воля сконцентрировалась целиком в их вождях, по-видимому, незаменимых. Отними у англичан Черчилля и ничего: его заменят без особого ущерба делу. Отними же у немцев Гитлера, а у нас Сталина, и трудно себе представить войну без них.

Попов рассказывал о Панферове, что в семье он является деспотом и в собственной семье не раскрывается, а ведь нечто таит, и это «нечто» выражается как его превосходство. Так я замечал и у Фадеева то же самое: ну чем он превосходнее меня как писатель, а между тем держится как чем-то меня вообще превосходящий. Одно время я относил это к своему возрасту (старик), но теперь ясно вижу, что корень этого превосходства таится в силе по существу своему злой. А Ставский? Это все господа в самом дурном смысле слова, и господа неразумные; мы же, русские, и я в существе своем ждем «господ» как разумных эксплуататоров наших способностей, из которых главнейшая есть чувство личности своей, гораздо более достойное в ряде человеческих качеств, в том числе и господства даже самого разумного.

<*Вымарано*: Слышал, что у Гитлера есть тоже свои евреи, и вспомнил, как N. говорил, что, пожалуй, самое верное дело для еврея – это было бы устроиться под покровительством Гитлера (там хотя [бы] знаешь, что можно и чего нельзя, у нас же тем и тяжело, что никогда не знаешь, каким способом можно удержаться).>

Очень повторяют из декларации Черчилля–Рузвельта о целях войны: обеспечить народам свободу вероисповедания и слова. Говорят, будто бы они и у нас вели речь об этом и хотели уйти из-за этого, но получили какое-то согласие (чем будто бы и объясняется перемена направления в Информбюро и чудеса вроде производства бывшего митрополита Сергия (владим.) из калужских дворников в московские священники).

Но я как будто и понимаю происхождение такого цинизма: это вызвано отвращением к либерализму, демократизму капиталистического происхождения, предположение, что благо чувства личности, свободы слова и веры уже eo ipso* включено в идею коммунизма, что победивший коммунизм обеспечит это по существу и для всего мира, а не иллюзорно для правящих классов, бросающих крохи благ своих демократии.

Вот из этого-то источника сталинской веры и формируются не в идеальных, а в действующих коммунистах, маленьких людях тот деспотизм, зазнайство, применяемые даже у них в своей семье.

Я помню и в своей юности свое собственное марксистское возносящее зазнайство: летишь, как на самолете. Так теперь и остается: у вождя – фанатизм (идейность), у приспешников – бюрократизм и деспотизм. У фашистов, предполагаю, этот взлет самомнения происходит не на социалистической почве, а на своей национальной («Я – пролетарий!» – у нас, «Я – немец!» – у них).

...и вот тут-то среди этого окаянного взлета идей появился незаметно ползущий в травке синеватый дымок, не смеющий выше травки поднять и головы своей: это сергиянство[135], порожденное православным поповством, это готовность оползти «пролетария» и опять сесть на синодское кресло. Теперь это сергиянство молится о победе в чаянии, что тогда, после победы над немцами русских посредством американского оружия, будет обеспечена свобода вероисповедания.

Своим писательством я доказал, что во всяких внешних условиях, при гнилом царизме и деспотическом коммунизме, можно писать хорошие вещи, точно так же, как и Ляля доказы-

* eo ipso (*лат.*) – тем самым.

вает, что и в сергиянской протухшей церкви можно молиться. Так протухло, так, что является сомнение: – Господи, уже смердит! – Но Бог приказывает, и Лазарь встает. Нет, можно жить с большевиками и делать свое, сколько можешь, им, в сущности, нисколько не мешая. Можно и не быть большевиком и можно молиться в сергиянской церкви, мятежно преображая ее изнутри тем самым, что молишься. Да, но так каждый отдельно может решить вопрос для себя самого, не имея в то же время права сказать другим: – Идите в сергиянскую церковь.

12 Сентября. Определилось, что у Ляли дифтерит (заразилась в бомбоубежище в среду). Предполагаем устроить Лялю в больницу под надзор Ал. Ник. Я же с Мар. Вас. на время съезжу в Усолье для успокоения Н. А.

Заказали сделать очерк в «Лит. газету».

По возвращении в Россию из-за границы, где я учился несколько лет, некоторое время я никак не мог привыкнуть к пыли на зеркальных стеклах магазинов Москвы, к грязи на улицах и везде и всюду. В одном Ленинграде, называвшемся тогда (1902 год) Петербургом...

Моя физическая родина под Ельцом, а Ленинград (он был тогда Петербург) стал родиной моей как писателя:[136] тут на Малой Охте написал я свои первые книги «В краю непуганых птиц» и «Колобок»[137]. Тут на Киновийском проспекте среди свинарников и капустников в деревянной лачуге я начал этот путь свой бродяги писателя.

Есть у нас в стране города, где мне приятно было бы жить, хорошие, милые города, в числе их, как всякому русскому, родная Москва. Но прекрасным городом в нашей стране остается мне один Ленинград: я не по крови люблю его, а за то, что в нем только я почувствовал в себе человека.

<*На полях*: Я не люблю Москву за ее довольство собой, за сладостную приятность дыма отечества[138], за самоудовлетворенность.>

13 Сентября. Провел ночь первую без Ляли, третью ненастную ночь без бомбежки. Но хуже бомбы врывалась мысль о том, что дифтерит яд для сердца и что я могу Ляли лишиться. Допустив эту бомбу разорваться во мне, я вдруг озарился весь изнутри светом огромного счастья, которое испытал я в жизни благодаря ей. Какие удивительные способности души в себе самом открылись мне при встрече с ней, и впервые я стал не чваниться собой, не забываться в творчестве от самопрезрения, а уважать себя как человека.

В то же время я узнал, какие сокровища дремлют в каждой душе в ожидании их «эксплуатации»: напр., совсем как будто маленькие люди, мои братья Николай и Сергей, какими бы они могли быть, если бы встретили свою желанную женщину.

И каким бы стало общество, если бы молодежь воспитывалась не в идеалах земного благополучия, а... теперь только понимаю, какое разрушение производят в душах русской молодежи идеи вульгарного дарвинизма и материализма. И в то же время какую гниль в душах создавало постоянное приспособление православной церкви к государству (венец сему: «сергиянство»).

Кирпотин сказал, что со всех сторон в Москву приходят «добрые вести», а по радио, что оставлен Чернигов. Видимо, «добротность» вестей составляется из трудности победы гитлеризма и решительности Рузвельта и Черчилля.

14 Сентября. Александр Николаевич успокоил меня: Ляля сравнительно легко переносит болезнь.

Намерен быстро починить машину и поехать в Усолье. Предполагаю через неделю отвезти Нат. Арк. в Москву, а Лялю вернуть в Усолье (Мар. Вас. оставлю).

В свете радостной легкости, с которой выходит у Мар. Вас. хозяйство, увидел, как трудно дается Ляле наше хозяйство, осложненное трудностями ухода за Нат. Арк. Почти то же самое испытывал я, когда от хозяйства Е. П. перешел к жизни с Аксюшей. Вероятнее всего, это «облегчение» происходит оттого, что тягости, переносимые домашними работницами, оста-

ются при них, а тут, когда до точности чувствуешь настроение своего близкого человека, – оно передается тебе тоже как тягость. Это «освобождение» того же порядка, как если мужик попадает в трактир и не сам, как дома, помогая жене, ставит самовар, а его подают ему. Так, наверно, и женщины дома отдыхают, когда хозяин уходит в трактир. Через некоторое время в этом облегчении заскучаешь и захочется к «бабам». Но все-таки надо иметь в виду, что с Лялей вдвоем мы жили бы легко, вся трудность в Нат. Арк., и если явится со временем какая-нибудь возможность устроить ее хотя бы вблизи, но отдельно, это надо сделать.

Христ. Мих. Ценская рассказала о мучениях своих при бегстве из Крыма (бежала от татар), о богатейшем урожае, который плохо убирают из-за двойного налога, о Брянске[139] и обходе Москвы. Тягостное чувство получается от встречи вестей с фактическими успехами немцев и наших безобразиях с упрямо оптимистической пропагандой победы при посредстве Америки.

Эта «Америка» стала похожа на ту Америку, о которой мы, гимназисты, мечтали[140], читая на уроках латинского языка Майн Рида. Тот латинский язык теперь похож на печальную необходимость держать экзамен в войне с немцами...

Слова Рузвельта о необходимости обеспечить во всем мире права людей на свободу вероисповедания – слова равносильны полному уничтожению большевиков и звучат как вызов на будущую войну с СССР после поражения немцев.

И вот те, кто не верит в победу немцев над англичанами, смутно надеется на Америку, а другие, веря в немцев, соединяются, говоря автомобильным языком, «напрямую» с победой германской.

Но существуют же большевики, ведут же они, как *<1 нрзб.>* в Америке, блестящую оборону.

Где голос этих людей, долженствующий оправдать наши мучительные труды за 24 года? Этот мужественный голос подменяется текущей ложью, ставшей почти уже и непереносимой.

– А ты-то сам, Михаил, почему ты молчишь?

– Я?

...а что если моя вера в тайные силы русского народа, которые в существе своем стоят выше «господства» (пусть немцев), рождаются в душе в оправдание своей лени браться за беспокойное, неприятное, но необходимое «господство» (власть), что если вся эта славянская распущенность именно и привела страну к большевикам с их запрещением интеллигентской болтовни, именуемой свободой слова и вероисповедания, прикрывающей стремление к бездеятельному покою?

Но ведь за эти-то почти четверть века можно же было одуматься православным мудрецам, перенесшим величайшие страдания? Нашли они в этих мучениях то слово спасительное, которое не могло сопровождать карающую силу большевиков? Вся надежда теперь именно на это слово, и в этом свете настоящего слова, налитого кровью, как теперь понятно презрение, с которым встретил Сталин требование Рузвельта и Черчилля свободы слова. Вот если теперь явится то настоящее Слово, выстраданное и заслуженное, тогда в нем самом будет достаточно силы, чтобы постоять за себя, и большевики как внешняя сила, сделав свое, исчезнут.

...так вот, мой друг, не тужи, что ты не знаешь, что будет завтра: этого никто не знает, ни Гитлер, ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Сталин. Ты находи свое значение и преимущество перед внешними политиками в том окончательном смирении, с которым ты ежедневно, ежечасно ждешь Слова: ты должен быть готов, ты должен все силы свои положить на то, чтобы продвинуться в те первые ряды, откуда первые раньше всех услышат это Слово и через него получат власть и силу внутреннего действия.

Смотрю сейчас издали на мою бедную Лялю, перенесшую в жизни своей столько страданий! Вижу ее в этом дерзком взлете в ту сферу, где живут только святые, и в падении с приспособлением для жизни мамы, вижу все в полной ясности и впервые понимаю выпавшую на мою долю роль ее спасителя.

Как писатель, я теперь должен быть во всей собранности внимания к жизни людей, ходящих в ожидании Слова. Насту-

пает величайший момент жизни народов, когда именно и совершаются чудеса.

15 Сентября. С трудом улавливаю отзвуки смысла всего существующего где-то в недосягаемой глубине души, и то иногда мне это кажется от природной лени...

На ходу почему-то читаю «Село Степанчиково» Достоевского[141], и меня удивляет готовность автора самого гаденького человечка в его ничтожном самолюбьице, показав, не рассердиться, не уничтожить его, а оправдать. И оправдание это заключается в открывании того же «самолюбьица» в положениях, где оно превращается в «честь», «заслугу», «достоинство» и тому подобное.

По Горькому бы, всех носителей этого подполья надо бы сжечь, вымести, потому что «человек – это звучит гордо»[142]; по Достоевскому, если и не поднять и не выправить, то принять во внимание наличие этой гадости у всего человека, свойством самой жизни, разделяемой в своем движении на творчество лучшего и отбросы зловонные. «Все ходят до ветру, и чистеньким видом своим мы лишь прикрываем работу желудка», – так приблизительно сказал бы Достоевский. Так он показывает нам как бы кишки души всего человека, своего рода материю души, состоящей из самолюбия, этого навоза-перегноя, выращивающего высочайшие культуры.

Горький свое «гордо» воплощал в босяках, Достоевский свое «свято» находил в униженных и оскорбленных.

Горький выводил своих героев на фашистско-большевистский путь, Достоевский на путь смирения и христианской святости.

Босяки по внутреннему несознаваемому хотению Горького должны бы стать решением проблемы Достоевского, лучезарным выходом человека на свой истинный путь. Но Горький не вывел человека, потому что сосредоточился на самом человеке.

Я же, наверно, чувствуя органическое отвращение к самоволию, обратился действенно к преображению природы, созданию райской среды, в которую должен войти человек. Я ходил около человека, и мое достоинство состоит в том, что я не

посмел этот трепет души моей разрешить только литературно, как делали Мережковский, Гиппиус и другие богоискатели.

Горький писал о соколе[143], а сам приземлился и мало того! отдал первенство за похлебку. Не только все написанное, а и жизнь его и даже, что всего обиднее, самая смерть его (мнимое отравление) пошли на потребу текущей политики – ужасающее несчастье!

Горький однажды сказал мне, что его роднит с Федоровым[144] *активность*. А я думаю, что это именно *активность*, происходящая все от того же героя того времени сверхчеловека, роднит его с фашизмом и явилась у нас источником бесчеловечного механизма бюрократии.

Достоевского порок, что он культивирует *жалость,* которая является болезненным выходом из страдания взамен любви.

Тут-то в этом месте вообще и врывается сверхчеловек, долженствующий освободить плененного жалостью человека от неминуемой его эксплуатации хищником.

NB. Вспомнить попытки Достоевского показать путь любви (Зосима, Алеша и др.).

Ошибки сверхчеловека: жалость сама по себе недостаточна для дела любви и культивировать ее как таковую вредно, нехорошо, но жалость есть составная часть любви, и без жалости (скрытой) любовь невозможна.

При слабости любви обнаруживается жалость – бессильная любовь. Точно так же и сила, скрытая в любви, когда любовь оставляет человека, превращается в насилие.

Так что и жалость и насилие – это одинаково могут быть продуктом распада любви.

Memento. Теперь, когда нет возле меня Ляли, мне иногда кажется, что она возникла из моего воображения, как «Жень-шень», но только «Жень-шень» книга, и где-то лежит мне ненужная, а Ляля живет, и она не книга, а женщина, и все, что я

написал, располагается как путь к ней. Из этого выходит мое искусство как путь к Богу, потому что не я сотворил женщину для себя, а Бог. Из этого прямо получается, что 3-ю книгу «Кащеевой цепи» я должен написать как путь к Богу и написать ее нет особых трудностей: мне следует только возможно проще и понятнее изобразить словом то, что было со мною в жизни.

Как ни велик Достоевский как писатель и как ни плох Л. Толстой как моралист, он больше Достоевского, и только за свои народные сказки. Больше этих сказок в русской литературе нет ничего.

Слышал: – В нашем доме жили одни богатые и я на чердаке. Вдруг недалеко фугасная бомба упала, все стекла в доме вылетели, и загулял ветер. Все богатые сразу уехали. – Как же так может быть, что все богатые? – Очень просто: раз можешь сразу уехать из Москвы, значит, богат. Подали машины, они и уехали. А я из кусочков сам слепил себе стекло, заклеил его черной бумагой, оставил маленькое окошечко для дневного света, а ночью и этот блинок закрываю и сижу при 7-линейной лампочке.

16 Сентября. Читаю «Село Степанчиково» и вижу, как и в «Бесах»[145], пророческое изображение России: психология идейного деспотизма на почве личного самолюбия Фомы Опискина[*] – разве это не современность? Сразу понимаешь, что такие существа нынешние, как Ставский, Панферов, Павленко (имена им Господи веси), являются точным отображением Фомы Опискина: просто насквозь видно.

Теперь понимаю, откуда взялся этот железный стержень коммуниста: по примеру Опискина.

Большинство героев Достоевского – это формы самолюбия. Решаю прочитать всего Достоевского с выпиской

[*] Главный персонаж повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

решительно всех его героев, больших, маленьких и мельчайших.

Очень хорошо показано происхождение подлости из самолюбия: зацепился за ковер, сконфузился и, чтобы выправить себя в глазах всех, посмеялся над слабым. В этой сцене происхождение деспотизма Опискина.

Смотрел на эти нахальные статуи на крыше дома и чувствовал, что все эти формы произошли от босяков Горького и от Маяковского, и радио такое же, вся информация героическая, – все, все босяки, вставшие, чтобы набить нам всем мозоли на чувствах прекрасного. Чего стоят одни груди у девушек, груди, похожие на дойла...

Самолюбие существует в человеке независимо от его способностей и достоинств. Мало того! самолюбие – такая сила, которая может подавлять в других эти достоинства и способности и являться источником деспотизма. Но без самолюбия не может быть и творчества, и о таком говорят: «у него нет самолюбия».

Так что самолюбие – это движущая сила, это мотор человека, приводящий в движение одинаково и добро и зло.

Есть вещи, о которых все знают, они сами собой подразумеваются и о них никто не говорит. Если же кому-нибудь придет в голову о них подумать и осознать, то окажется, что простейший человек, молча делающий свое дело, спрошенный о них, вдруг как бы проснется и скажет яснее и лучше мудреца. К таким вещам относится и самолюбие, и спрошенный об этом, он скажет: – Вы говорите о самолюбии, но почему же не говорите о зубах, свои зубы или искусственные, а без них никак не обойдешься, так и самолюбие.

В это время народного бедствия спасение своей личной жизни стало в такие определенные обязательные границы, каких раньше в мирной жизни вовсе не было. Спасайся так настойчиво в мирное время – ты был бы эгоистом. А теперь не только можно, но и надо быть эгоистом. Наивный голос в толпе так

прямо и понятно определил: «В это время, милый мой, каждый о себе должен думать, теперь до тебя нет никому дела». – И в то же время это не эгоизм: это роль такая дана каждому: «Животная жизнь! – послышался другой голос в толпе: тебе удалось – и все, а до другого дела нет...»

«Село Степанчиково» – в нем развита тема нравственной эксплуатации одного человека другим человеком (Фома Фомич Опискин), очень близким к человеку из подполья. Читая теперь, думаешь о происхождении деспотизма из самолюбия.

17 Сентября. Александр Николаевич – это автомат любви, выработанный, вероятно, его медицинской профессией на почве его латышского происхождения. Наши до того привыкли к его услугам, что принимают их как должное, в редчайших случаях лишь обращая внимание на самого человечка с дурным характером. Вчера он сидел у Ляли и разговаривал целый час, но я не мог добиться от него, ни о чем они говорили, ни как она себя чувствует, автомат и автомат.

Вчера видел на дворе грузовик с отъезжающими на фронт, среди них был Власов и одна стройная молодая девушка в форме лейтенанта, в высоких смазных сапогах с сумкой, револьвером и пр. Несмотря на форму, она выглядела как женщина и краснела, когда с ней шутили. Их поездка на фронт была мне завидною, и я смотрел на них с балкона, как, бывало, гимназистом, не умея танцевать, из угла глядел на танцующих.

Среди военных был тощий шофер тоже в военной форме, он о чем-то недобрым тоном жаловался кругленькому командиру, а тот фамильярно поглаживал его по плечу и приговаривал: – Нельзя же так, надо же быть *сознательным.* – Товарищ командир, – отвечал шофер, – ведь я уже три дня не обедал. – Командир взял его за руку, и они вдвоем пошли в лифт: вероятно, командир решил его у себя в квартире подкормить.

Одним словом, у них варилось какое-то общее дело, они были вместе, их не разделяли ни мысли «за что воюем», ни заботы о продовольствии. Что бы там ни говорили, но фронт счастливее нынешнего тыла, озабоченного, полуголодно-

го, осыпаемого бомбами и в ожидании эпидемических болезней.

Достоевский в своей литературе дошел до такой человечности, что его повести живут и действуют почти как *сами* люди. Его искусство целиком исходит из христианства, из жалости и сострадания к человеку. Моя Ляля со всеми ее близкими, со всей средой прямо как будто сошла со страниц Достоевского.

18 Сентября. Вчера заболел гриппом, кажется, легким. Ляля пишет, что в ее палате вслух читали больные друг другу «Жень-шень» и она, слушая, снова влюбилась в меня, как вначале (тоже читая «Жень-шень»), и с ней начались от этого явления, «которых ты от меня ждешь». – Вот тебе, – пишет она, – и физиология! и вот тебе пример, что *земля*, в которой находится корень жизни, есть мысль и вдохновение.

Помню, что еще в 1902-м году, когда я жил на хуторе у гр. Бобринского и был влюблен, то записал в дневник себе то же самое, что природа наша находится в духе: «все в духе, а не в “природе”».

По-видимому, та запись была одним из первых симптомов поворота моего обычного сознания массового интеллигентского материализма полуобразованных людей к духовной реальности человека. И этот процесс переделки внушенного чуть ли не в детстве сознания общего на личное совершался медленно в процессе развития моего писательства как личного дела.

И если «Жень-шень» является завершением этого процесса, столь ярким, столь реально законченным, что вызвал из мира навстречу моему сомневающемуся «Я» утвердительное «Ты», значит, личность моя формировалась с 1902 года до «Жень-шеня» (1933 – 1902 = 31 год), а до прихода Ляли 37 лет.

Конечно, в интеллигенции у нас были не только материалистические, но всякие направления, но средний человек, так сказать, простак, на темени которого строится общество, был у нас изначала дарвинист, материалист, марксист и т. п. Недаром же еще недавно Мантейфель показывал мне в Зоопарке обе-

зьяну, которая служит специально для разъездных лекторов, пропагандирующих происхождение человека от обезьяны. Это возвращение человека к обезьяне длинный исторический процесс всего человечества, и пусть он в отдельных умах давно пережит и кажется даже смешным, он не кончится, пока он не кончится в массах, пока наверно не рухнет вся современная цивилизация.

Тут нечего радоваться, как было во время богоискательства, что такой-то отдельный, вроде Шпенглера, все понял и предсказывает Закат Европы[146], – что в этом? если весь мир людей, весь человеческий родовой человек, весь простак неуклонно и медленно движется к обезьяне и ничем его движение не остановишь, пока он не плюхнется в обезьянью грязь.

Радоваться же надо, когда один из таких простаков не одной головой, а всей натурой, пережив обезьянство от начала до конца, возвратился к человеку...

...между прочим, глупо соблазнительно было в материализме, что с ним связана «революция», а с духовностью реакция. Мережковский жизнь свою положил на то, чтобы доказать свою революционность, и помню, как философ Лосский воспрянул и покраснел при слове «революция», не подозревая, что из романтической французской революции, столь прославленной в истории, выйдет у нас «Скверный анекдот» не только, как у Достоевского[147], для генерала, а и для ученого, и художника, и просто хорошего человека, и вообще для всей человеческой личности.

...история теперь очевидно возвращается к «реакции», в том смысле «революционна», т. е. движущим вперед будет идеал человека, а не идеал предка нашего обезьяны. Пора обратиться к Божьему образу человека, а не к этому экскременту его обезьяне.

Пришел доктор Данилов, и мы с ним говорили друг другу о том, как развяжется узел войны и в чем ее смысл, никто сказать верно не может: ни Рузвельт, ни Черчилль, ни Гитлер, ни Сталин, и значит, нечего и добиваться узнать что-нибудь: никто ничего знать не может. Но я думал, что, пожалуй, если бы уда-

лось нам снять печать с уст своих, то оказалось бы, что все мы знаем, в чем дело, только не можем, не смеем сказать...

Учиться литературному мастерству с тем, чтобы написать великие произведения, – все равно что, пользуясь проституткой, учиться любви.

19 Сентября. У Ляли палочек не найдено, мой грипп тоже проходит, на той неделе хорошо бы выехать вместе.

Мне хорошо в лесу, потому что там все живое и растет само, а не как в городе, все сделанное и устроенное рукой человека. Самая красота городская ослабляется во мне жалостью к несчастным или презрением к гордым тупицам, словом, в городе так много намешано всего человеческого, что самая красота упрекает тебя и становится красивостью.

В лесу же ничто не мешает всему живому дивиться и ему сочувствовать. Самое же главное в лесу – это независимость каждого существа от человека: не при его содействии все растет, а само по себе.

Иногда, очнувшись в лесу от своих мыслей, я как бы выгляну из себя и вдруг увижу вокруг деревья, цветы, травы, птиц, муравьев как существ живых, самостоятельных. В особенности молодые сосны или березы, расставленные где-нибудь на лесной поляне, – глянешь на них из себя и вдруг увидишь в каждом свою судьбу, свою борьбу. Тогда открывается в душе родник радости жизни чистый, святой и страстное желание прийти к людям, не понимающим этого, и открыть им непостижимые сокровища жизни, скрытые от них суетой, пустяками.

Всю жизнь, как писатель, я только и делал это, что пытался своим искусством открыть этот мир сокровищ для людей. Возможно, что каждый художник делает то, чего я хочу, но мне кажется, что художник на то и художник, чтобы делать и не знать, чтó он делает. Я же, возможно, как художник очень ограничен, но зато я знаю, что я делаю, и это мое знание делает мое искусство драгоценным, и вот почему люди, привыкшие ценить в искусстве лишь красивость, а не знание и волю, нескоро меня поймут.

Это видно по книге «Жень-шень», с каким священным восторгом ее читают немногие и как равнодушна к ней масса читательская. Видно и по тому, как встретили мою «Фацелию», я хотел открыть мир, за который надо вести священную войну, а они испугались, что открываемый ею мир красоты в природе помешает обыкновенной войне.

Смелость в правде есть в Ляле ее главная черта, унаследованная ею от отца. Сюда же относится и ее готовность открывать тело перед глазами любимого человека и духовная свобода, независимость от форм, даже церковь, где она по-настоящему молится, она называет протухшей и к попам не чувствует ни малейшего благоговения. Для нее священны только Бог, только Христос, весь же остальной мир для нее существует, поскольку он с Богом. Ни малейших суеверий, ни малейшей мистики и даже не любит луну.

...С тех пор как она рассталась с Олегом, ее мучило особое душевное состояние – это женская потребность, что-то вроде искушающей любознательности открыть недозволенную дверь и, может быть, найти там себе женское удовлетворение. С этим чувством она встречала ухаживающих за нею мужчин и дерзала открывать запрещенную дверь, чтобы в конце концов там не находить ничего. Никакого удовлетворения ни физического, ни нравственного в этом она не находила: все, что она встречала, было в неравенстве с нею, чем-то ниже ее и утверждало ее падение. Этому искушению конца не предвиделось, и единственное средство в запасе против такого мученья было уйти из мира, стать монахиней. Ее оскорбляло в мужчинах их родовое хотение, не хватало священной непорочности в этом хотении, единственно способной пробудить в ней ответное мужчине хотение. Ужасающее непонимание и неравенство и новое падение. Она же могла удовлетвориться лишь равным.

<*На полях*: Наступающее сознание неравенства переживалось как свое личное падение.>

По ее признанию, в наших отношениях самое решающее для нее было мое объяснение, что мне от нее *ничего не надо,* что я ничего от нее не жду и всякое хотение от себя отстраняю и что

это самое главное. И действительно, каким-то чудом у нас не произошло никакого падения, при удовлетворении плоти всегда оставалась основная непорочность, целомудрие, и если бы родился ребенок, то он родился бы истинно при непорочном зачатии.

Из этого можно вывести, что евангельское противоречащее современному материализму и биологизму «непорочное зачатие» в существе своем естественно и даже необходимо в интересах той же «евгеники». Другими словами, более современными, непорочное зачатие выражается как духовное равенство*, а порок, падение заключается именно в неравенстве. Если же устранить непорочное зачатие как цель в деятельности пола, а целью сделать производство физического человека, то это неминуемо должно привести к рациональному регулированию производства человека, подобно тому, как это делают спринцовками в конюшнях.

<*На полях*: Я бы сказал еще так по своему опыту, что половые отношения являются священными не потому, что от этого родится ребенок, а потому, что они ведут к духовному единству полов прежде всего и вследствие этого к непорочному зачатию.>

20 Сентября. С ½ 12-го до ½ 2-го ночью была стрельба и тревога, но я пролежал в кровати, – это первый раз за все время. Начинаем привыкать.

Тихий семейный Александр Михайлович открыл мне жизнь свою как цепь романов, притом объяснил, что никогда не вступал с женщиной в связь ради удовлетворения похоти.

Боже мой! до чего же бедна показалась мне моя жизнь, если скромнейший А. М. мог переходить от счастья к счастью, а я только почти в 70 лет получил в первый раз удовлетворение.

Итак, вот вся жизнь моя. В 29 лет безумная, бессмысленная, почти беспредметная любовь без всякого удовлетворения. Эта любовь разрешается разделением моего существа: механическая половая жизнь в самых ограниченных пределах (в неде-

* «Равенство» в смысле духовного соответствия. – *Примеч. В. Д. Пришвиной.*

лю раз, без поцелуев) и на поэзию. И так почти 40 лет (1904 – 1940 = 36), пока эта насыщенная эросом поэзия не сгустилась в «Жень-шене» до страстного зова и не привела в мой дом желанную. Так что из всего романа моей жизни «семейная жизнь» выпадает, и это 36 лет!

Немцы движутся методически, и все более ясно становится, что до зимы еще они захватят Киев (уже в предместьях), Ленинград и Москву, Украину, угольный район… Должны же где-то люди беспокоиться об этом. Но все, кого я встречаю, разводят руками и говорят: Господи веси…

21 Сентября. Радио о зверствах, а шепотом о гуманности.

Мастера тьмы.

Куда ни заедешь, в болота неизмеримые, неисходимые, и где только ни соберется на боровом местечке несколько избушек, всюду окна закрещены бумажными бесполезными полосками.

Вы думаете, так сказывается послушание славянской расы? да ничуть! это оттого, что люди напуганы и недружелюбны: каждый боится, что сосед на него донесет.

То же самое и со светомаскировкой. Почти невозможно угодить тьмою, какая-нибудь ничтожная звездочка просвечивает, и вот усердный, затемнивший себя до дьявольской тьмы, бежит доносить на тебя милиционеру, и тот врывается в квартиру с лифтершами, с дворниками.

Вы подумаете опять: это ради патриотизма, ради общего дела, – и ничуть не бывало, ни малейшей идеи, а то же самое окаянное проявление своего личного торжества над другим: «я затемнился, так затемняйся же и ты, сукин сын».

И так нарастает дьявольская тьма, бесполезная и даже вредная для дела. Говорят, будто немцы вовсе не стесняются со светом и когда надо, зажигают открытые фары. А наши в темноте натыкаются друг на друга, путаются и губят из-за тьмы дело. Все очень понятно, немец затемняется в целях победы, а наш из-за страха ослушаться.

...передавая эти панические слухи с фронта, инженер, бродя глазами по комнате, по белой стене, наткнулся на отдушник, побледнел, вздрогнул и сказал:

– А вы знаете, что в таких отдушниках помещают микрофоны? – Другому стало досадно и жалко труса, он ответил:

– Как вам не стыдно, неужели им теперь есть какое-нибудь дело до нас, болтунов! Вспомните, какими патриотами были несколько дней в начале войны, мы тогда верили, что добиваем Гитлера. Вы даже говорили тогда, что совершилось чудо: народ поднялся и наша победа принесет нам избавление от деспотизма, быть может, заслуженного нами, что в победе будет наше оправдание. Чего же теперь бояться нам? Бояться надо тем, кто вел нас к поражению, если только передаваемые вами слухи справедливы.

Инженер успокоился.

Прожил тридцать шесть с женщиной, вырастил сыновей, и вдруг семья отпала от меня, и так, будто ее не было, и за все тридцать шесть лет я не нажил с ними даже намека на дружбу и благодарность с обеих сторон. Все лопнуло как мыльный пузырь, и ничего-ничего не осталось, ни сожаления, ни упрека.

Неужели же и эти двадцать четыре года самоубеждения в том, что зло деспотической власти нами заслужено и ведет к возрождению народа, восстановлению государства, [неужели] эта мысль о таком государстве безликом такой же мыльный пузырь, как моя придуманная семья без любви?

Нет, я не думаю. Сколько писал я вещей, которые были мною изорваны и брошены в корзину, и ни одной страницы, мне думается, не было без пользы моему делу: неверный шаг всегда заставлял меня одуматься и вернуться на правильную свою дорогу. Так и выдуманная семья привела меня к настоящей любви, так и выдуманный коммунизм должен привести к живому, настоящему.

Да как же хоть на мгновенье может быть затемнено сознание какой-то ненужности: там 36 лет и тут 24. И те 36 был мучительный [путь] невольного творческого отречения, и эти 24 – путь истинно героической борьбы за личность, за истинную

родину. И как там вырвался «Жень-шень» как свидетельство моей личной победы, так и тут непременно мы стоим перед оправданием.

Немцы, англичане, американцы, вся путаница мировой политики – все мелочь перед осуществлением неминуемой воли к торжеству жизни, скоро-скоро врач будет находить радость в своем врачевании, инженер в строительстве, крестьянин в достатке, рабочий в работе своей и все найдут отраду в сочувствии друг к другу. Это будет, осчастливь, Господи, дожить и хоть одним глазком посмотреть.

Все совершится так же внезапно, как было при нэпе: вдруг везде на улицах, в трамваях люди перестали злиться и показались такие хорошие люди, о существовании которых и не подозревал.

Если она для любви своей поднялась на высокую гору и потом, не выдержав высоты этой святой, вынуждена была сойти вниз, то я-то разве со своей парижской невестой тоже не был на такой высоте и тоже потом точно так же не сошелся с женщиной без любви? Совершенно то же самое было со мной, как и с ней. Только я связал себя благодарностью к удовлетворившей меня женщине и долго думал, что для себя в жизни я получил все, отдаваясь делу своей поэтической исповеди неведомому другу. Она же, раз упав, пыталась хвататься за лучшую личную жизнь, и от этого только падала все ниже и ниже, не находя даже того чувственного удовлетворения, которое она когда-то временно нашла[*].

Но я помню, как мучила эта неудовлетворенная плоть и как доволен я был даже той жизнью, которая оставалась мне благо-

[*] Неверно это у М. М. Все мои поступки после «паденья», т. е. брака, исходили из необходимости бороться с внешними событиями, свалившимися на меня в 1932 г. (арест и ссылка. – *Я. З.*), и отстаивать жизнь матери. Ничего для себя не было. Может быть, и было бы, если б я не очутилась в плену у тех страшных событий, значит – не от моей «высоты», а только потому что не до того мне было. Да просто душевное одиночество, со всеми (и с мамой и с А. В.) я была мучительно одинока и несчастна. – *Примеч. В. Д. Пришвиной.*

даря удовлетворению, как я, отдаваясь поэтическим исканиям, всегда помнил о благодарности женщине, освободившей меня от низменных мучений, обрекавших на муку в каждой женщине искать самку.

Эта ночная тьма распространяется и на дух: везде только слухи и официальная ложь. Но никакие слухи не действуют так разрушительно, как сведения по радио о героических подвигах. Сводки Информбюро разрушают весь нравственный мир тыла. Слушать радио никто не может.

22 Сентября. Как в темноте травма общественная была принята за травму семейную и как эта боль от семьи моей старой перешла в боль и страх от событий общественных (Лева и Милиция).

Нервы от гриппа и от всего до того расстроились, что и на собачку свою смотрел я с неприязнью: чего это она все лезет. Мне подумалось о том состоянии души Ляли, когда она не может просто со-радоваться в природе: ей мешает пережитое страдание, и уж если радоваться природе, то по-особому, это радость в любви. Тут вот теперь, очевидно, очень страдая от мысли о Леве (а ничего-то нет!), я Норку гнал от себя. Чтобы хоть на мгновенье отвлечь от себя ее засматривание в мои глаза, я бросил изюминку и сказал: ищи! Она бросилась искать, а я приготовил другую, потом третью. Мало-помалу этими изюминками мое внутреннее внимание вышло из тоски, оторвалось и перешло на Норку. И когда совсем перешло на собачку, я ожил, у меня явилась охота прибрать все в комнате, заняться укладкой, войти в жизнь дня. Так вообще и вся моя литература питалась вот этим вниманием к животным: меня животные в свет вывели.

Лева рассказал о Бостреме, который обнищал до конца и живет продажей вещей. Пришел к нему чей-то кот. Художник накормил его. Кот опять пришел. Художник опять его накормил. Да так и пошло, и пошло. Каждый день кот стал ходить обедать к художнику, а тому хоть и самому есть нечего, да уж

очень легко становилось на душе, когда кот наедался и мурлыкал у него на руках. До того эта дружба [с] художником дошла, что кот перестал уходить и навсегда устроился жить вместе со своим другом. Когда кот обжился, случилось, у соседа вывелись цыплята. Кот заметил цыплят и съел их всех подчистую. Сосед на месте захватил кота и даже поймал. С котом в руке приходит он к художнику и так говорит: – Кот съел моих цыплят, это стоит 40 рублей. Хотите, отдайте деньгами, а нет – я кота повешу. – Боже сохрани! – вскрикнул художник, – не вешайте, подержите кота у себя, я сейчас принесу. – Взял свои штаны, поновее которые, снес на базар и продал. Отдавая вырученные деньги соседу, он сказал: – Я продал свои брюки, надеялся за 40, а удалось только за 20. Может быть, вы согласитесь пощадить кота за 20 р. – Сосед согласился и отпустил кота. А художник немного приврал, он за 25 р. брюки продал, из них 20 отдал за кота, а на 5 р. вместе с ним пообедал[148].

Все хорошее нашей русской земли собралось около православия, но люди эти, как у Нестерова, одухотворенные, но не жизненные. Оттого-то вот у нас и не выходит жизненное государство, как у немцев.

Лесничий, парень необразованный, вполне сочувствовал немцам. – Вот только одно, – сказал он раздумчиво, – они хотят свою расу (германскую) поставить выше славянской. – Значит, – сказал я, – вам хочется, чтобы и немцы победили, и нас бы посадили с собой за один стол? Нет, батюшка, если уж вы, русский, и ждете поражения, то прежде всего должны отказаться от выбора места на пиру и благодарить за все, что вам дают.

По радио, что Киев взяли и вслед за этим героические анекдоты и что наша авиация сбила 60 германских самолетов, потеряв 20 своих. Всегда раза в три-четыре...

А настроение в публике все сгущается. Даже осторожный Ш., когда при нем смело говорят, ничего, улыбается сочувственно и головой кивает, только сам сказать не решается.

…А между тем живая жизнь продолжается, и дом, в который попала бомба и похоронила под кирпичами людей, теперь опять поправляется: кирпичи разобрали, кое-кто остался живой – освободили, убитых похоронили, и опять ходят автомобили с кирпичами и строят дом новый.

Милый Денечек!

Как это ужасно жить без тебя и как хорошо становится, когда подумаешь, что ты завтра будешь со мной. В то же время при этой радости чувствую некоторое угрызение совести: что же это ты за человек, если «без Ляли» жить не можешь, и на что ты нужен Ляле, если сам по себе – ты ничто. Но этот упрек, между прочим, я постоянно чувствую себе по вечерам: меня совесть упрекает в том, что я как человек могу жить только утром и вечером делаюсь тряпкой. Так и тут с тобой: ты для меня мое утро, а без тебя я как вечером – тряпка. Давай же сделаем так: утро я оставляю себе, тут я сам по себе, тот, который достигает чего-то, ждет, стремится, пишет, – вызывает друга, и в ответ этому Утру приходишь ты, мой Денечек, а вечером я ничей, я – нечто жующее, ходящее, слушающее и т. п. животно-нежизненное существо.

Вчера я пережил очень тяжелый вечер, провел почти бессонную ночь. Вышло вот что. Днем Мар. Вас. сказала мне, что звонил Лев Мих. и сказал, что придет. Так она подвела меня и уехала в Ст. Рузу. Сам себе не могу объяснить, почему эта встреча мне представилась невозможностью. Может быть, я боялся несчастья у них и не хотел встречаться с этим лицом к лицу и так зарывал себя, как страус, в песок. Или, может быть, меня ужасала возможность со стороны Левы наглого требования денег? И вот когда раздался звонок, я вздрогнул и в душе моей все пронзилось, как кинжалом, через всю боль, тоску и все пропасти. Звонок повторился резче, длительней, он стал затягиваться на целые минуты, сопровождаться стуками в дверь. Я закусил удила: «ни за что не открою», выключил огонь и лег спать, воображая себе Леву злодеем, мстителем и т. п.

Утром же оказалось, это звонила милиция, увидевшая с улицы светлую щелку в моем окне. А Лева пришел обыкновенный и скромно попросил у меня 100 рублей. На радостях я ему дал.

И вообще вынес впечатление – это у меня все есть еще что-то в душе, у них же процесс этот остановился, они освоились с положением и живут без меня и этой жизнью без меня вполне довольствуются.

23 Сентября. Денно и нощно работать над тем, чего держаться теперь, Москвы или Усолья: это теперь у нас центральный вопрос спасения жизни, а спасти ее надо, потому что могу написать еще много хорошего. Для успешного выполнения задачи выбора 1) частые поездки в Москву. 2) Расширение знакомств на местах.

В науке, как во всей жизни, движут дело вперед личности, таланты – это моторы общественной машины. Но каждый ученый – двигатель в науке – должен пройти школу общего ума, заключенного в методе. При помощи этого научного метода (общего ума) можно в науке работать даже и глупому человеку. В этом смысле учителя социализма потому именно и настаивают на социализме научном, что эту науку могут постигать все.

Цементом, связывающим в методе отдельные умы в общий ум, служит долг (Pflicht), который как раз в русском-то человеке и отсутствует. Это Pflicht привито немцам протестантизмом, а у нас православие дало послушание. Вот почему разбор сражения Германии с Россией приводит к разбору Pflicht и послушания.

Большевики управляли народом, минуя склонность его к послушанию, т. е. охотной отдачи своей личности, как бы великодушной ссуде обществу с верой в ее обогащение через это. <*Вымарано*: Напротив, большевики требовали от русского народа немецкого Pflicht, лишая эту Pflicht души, ее свободного волеизъявления.>

Вот почему немцы идут, не стесняясь давать свет в автомобиле, когда он необходим, не ограничивая личность бойца, когда от него требуется индивидуальная находчивость. Так что сейчас борется не Германия с Россией, не Pflicht с послушанием, а Pflicht... Борьба Германии с настоящей Россией и Азией начнется после этой войны. Тогда мы еще посмотрим, не откроет ли православное послушание путь победы без немецкой цементации личности в долге (Pflicht).

Как это произойдет, неизвестно, только непременно рано ли, поздно ли послушание победит Pflicht, уже по одному тому, что Pflicht есть сила без качества, а цель всякого религиозного послушания есть качество.

Когда я читаю «Жень-шень», то чувствую, как хорошо это написано, и в то же время чувствую, что это не я писал, а моим пером водил кто-то, или что я был вне себя. Настоящее писательство, впрочем, всегда вне себя и всегда не от Я, а от Мы («мы с тобой»).

Большевизм показал нам очертания необходимого для нас внешнего двора нашего храма, всеобщую грамотность, индустриализацию, быть может, даже парламентаризм с его внешней стороны. Дальнейший процесс – это внутренняя переработка поставленных извне задач. Так возвращение к православию неминуемо, потому что в православии у нас все.

После Киева можем ли мы еще победить? Можем, если случится помощь извне: разложение в Германии или десант Англии. И мало ли чего еще может быть, чего мы знать не можем. Нельзя и сказать, что теперь наступает конец большевизму. Никогда, как теперь, не показывалась жизнь в своих двух правдах, заключенных в поговорке «помирать собирайся, рожь сей». На глазах рушатся дома – одна правда, и тут же их опять собирают – другая.

<*Вымарано*: Советский> стиль. Материалы: Босяки Горького, фигуры на домах, перед входом на Сельскохозяйственную выставку («человек – это звучит гордо», – говорит Горький, а еврей изображает), евреи, когда им хорошо и не замечают никого умнее себя (надменность), дикторы в радио («героический», мастера земли и т. п.), фигура Маяковского. Весь этот стиль напрягается чрезвычайно, чтобы создать героическую фигуру пролетария. Словом, <*вымарано*: советский> стиль есть еврейский вариант ложноклассического стиля, прямо противоположный стилю <*вымарано*: англо-> русской простоты.

<*На полях*: В «Вечерней Москве» хотели под портретами написать: «Стрелок и стрелица» (было бы по-русски), а написали: «стрелок и стрелка́».>

Готовимся к возвращению Ляли из больницы и концу ее дифтерита.

При перевозке Ляли наблюдал у женщины-шофера нервную болезнь торопливости (очень понимаю, сам болею и чувствую, насколько автомобиль этому способствует). Сродни этой болезни и болезнь озабоченности мелочами жизни. Ляля не успела слова «здравствуй» сказать после разлуки, как начала доказывать, что согласно новому распоряжению о запрете эвакуированным возвращаться в Москву нам надо получить бумажку, обратную нашей: в том, что мы неэвакуированные. Так и пошло, и пошло все в мелочах, пока уже на следующий день не вскрылась болезненная природа этого возбуждения. Ляля тогда призналась, как тяжело ей было получить известие о моей болезни и, значит, как она меня любит: «просто жить без тебя не могу». – Помню, как увлекательно было знакомиться с новым человеком: куда интересней, чем романы, ведь это свой роман, сам его сочиняешь, сам переживаешь. И вот все кончилось, не нужно мне больше романов: у меня своя жизнь. И так немного нужно женщине, и так это немногое трудно найти.

24 Сентября. Чем страшнее бомбардировка, тем ближе друг. Но это «ближе» не приводит к волнению крови, Боже сохрани! друг мой про себя шепчет молитву Иисусову: Господи И[исусе] Х[ристе] С[ыне] Б[ожий], помилуй мя. Близость под бомбами приводит к сладкому и законченному решению: умереть вместе.

Узнал, что братия обрела олимпийское спокойствие, так или иначе, но гонениям наступает конец[149].

Вести с фронта убийственные, но они рисуют не фактическое положение дела, а настроение тыла, которому никак нель-

зя поддаваться: это настроение такой середины, как Александр Николаевич. Я сказал ему: – А. Н., давно ли вы говорили о нашем отечестве, что оно в надежных руках, что мы всем обеспечены и победа наша бесспорна. – Я честный человек, – ответил А. Н., – и, как честный, доверялся и был убежден в том, что имею дело с честными. Но оказалось, что нас обманывали. – И пошел, и пошел...

И так вся масса тыла. Но те, кто ведет войну, мало и считаются с тылом: что он теперь – оголодненный, отемненный, оглупленный, заключенный в тиски необходимости – может сделать больше того, как скрежетать зубами!

Удержаться теперь без помощи англичан нашему правительству, видимо, невозможно. Но и при их помощи удержаться возможно лишь при наличии истощения немцев. Насколько же [снижается] наше значение в победе англичан над немцами? А может быть, окажется, что выгодней вернуться к немцам? Болтали, будто «комиссия не хочет ехать», но и тоже говорят, будто они здесь. (Кремль освещен, патрульный самолет и проч.), освещение улиц.

Из всего складывается, что мы слишком далеко от Москвы и в Москве, пожалуй, лучше можно спастись, чем в болотах. Согласно с этим начинаем ориентироваться обратно на Рузу.

25 Сентября. Великая путаница с оформлением бумаг в связи с указом 21 Сентября о запрещении ездить в Москву эвакуированным. Тревога о том, что Лялю заразил своим гриппом.

Конец как будто подходит, но никто не знает, какой и когда он будет. Во всяком случае, того конца, которого в панике ждут, не будет: власть крепко держится, и судьба ее определяется, во всяком случае, не мнением отдельных людей, пусть они даже и будут дипломатами. Борьба тем и борьба, что мысль, сознание человека предоставлено на испытание силой: победишь – и будет по-твоему, тебя победят – уходи, а ты, безучастный, не мудрствуй: ничего ты не выдумаешь...

26 Сентября. (Канун Воздвижения: день встречи Ляли с Олегом.)

Сведения о Ленинграде и вывод: Москва должна идти по этому пути. Пошел купить кое-что, оглянулся вокруг себя... да оно уже и есть! продукты исчезают.

Достал пропуск на обратный въезд и стал укладываться.

Ляля меня огорчила, или это путает меня мой лукавый. Вот что было: утром говорю: – Посмотри на мои волосы, не сходить ли постричь их? – Она, не посмотрев, сказала: – Теперь людям не до волос. – И еще под вечер: – Теперь надо о смерти думать, а не... (какие-то хлопоты были о чем-то). – И уже на ночь, когда я высказал намерение взять свой архив, она опять сказала: – Публичные библиотеки горят, а ты думаешь о своем архиве. – Пусть горят публичные, – ответил я, – а свой архив я должен спасать. – Подумав, через несколько часов я ей добавил: – Тебе неприятно, что я должен спасать свой архив, но есть еще бóльшая неприятность для нас: мы должны спасать свой здравый смысл. И вот этот-то самый здравый смысл во время великих трагедий и катастроф бывает прямо наглым, нахальным существом, – с утра я сегодня должен был сургучом заливать дырочку в керосиновом бидоне, обманывать лифтершу, чтобы скрыть от нее хранение бензина в квартире, стричь волосы, собирать в дорогу архив. Все это моя жертва здравому смыслу, и когда ты говоришь, что вот-вот смерть, что теперь не до волос и не до личного архива, когда горят публичные, я...

В первый раз за всю нашу жизнь мы с нею простились на ночь по-светски, поцеловались, пожелали доброй ночи и разошлись. С огорчением я подумал, что она может меня разлюбить, и еще с большим огорчением подумал о себе, что если она разлюбит, – я не Раттай, тогда и я разлюблю. И что тогда будет?

27 Сентября. Воздвижение. Москва.

Нет, этого быть не может, все это вздор, игра измученных нервов. Мар. Вас. может служить живым примером борьбы с нервами. Вот приедем, возьмусь и выйду победителем. Да избави нас от лукавого, и расточатся враги.

Коммунистический факел зажжен...

О, как это малодушно – находить в своем священном друге неприятные мелочи и на них что-то строить, – ничего не построишь на них. Так долой же всю эту дрянь. Собираясь в дорогу, прошу для себя спокойствия, выдержки в сборах и совершенного преодоления болезни торопливости.

Мое долготерпение привело к худому концу. Они собрались только к 2 часам, и в Переславль я приехал в 7-м часу, а по пути в Усолье в темноте мы застряли в грязи у дровяного склада. Сторож отказался помогать: «начальник приказал быть на посту». – А где начальник? – В городе. – Явился бухгалтер и помог. Часа три провели в грязи и приехали к 10 вечера. Нас встретило тепло и деревья, и впервые мне так ясно было, что душа у деревьев горячая. Я даже подумал, что, может быть, эти несчастные люди, изгнанные из городов, прикоснувшись к земле, почувствуют дыхание жизни другой.

28 Сентября. Первый зазимок: в течение часа валил густейший снег.

Есть что-то убедительное в этих словах, когда кто-нибудь говорит: – Никуда я не уеду, а буду оставаться там, где я жил.

Убедительность получается от продолжения этих слов в каждой душе в смысле: – Надо быть ближе к себе самому, а не искать спасения извне.

Душевно расстроенная шоферша страдала болезнью торопливости, и на этой почве у доктора Раттая вышел с ней крупный разговор. Она рулила и плакала и жаловалась со злобой на судьбу за то, что муж ее на фронте и она должна рулить и работать одна на всю семью. Когда же доктор возразил ей, что «мы тоже работаем», она со злобой бросила ему: – Работаете! а сами говорите: вы врачи! – Тут возражать ей было нечего.

Этим началась революция, завистью физических работников к интеллектуальным. И двадцать четыре года прошло показательного труда интеллектуальных работников, и все-таки лежащая в основе социальной революции зависть людей нижепоставленных к более благополучным не изжита: стахановцы и орденоносцы ничем не лучше дворян.

Потому что в основе всякой социальной революции лежит каинова зависть, неминуемо приводящая к убийству. В нравственной основе нашего строя лежит эта зависть, порождающая [деспотизм] и бюрократию. И нигде не видно этого так насквозь, как через чистое стеклышко, как у работников искусства. Вот почему, когда я понял в себе художника и вместе с тем принял в себя образ какого-то поведения для охраны в себе этого художника, то это поведение было обращено против прежнего моего понимания жизни, основанного на зависти.

Мало того! во мне родилось нечто до того далеко лежащее за пределами мира зависти каиновой, что и на земле мне чудился образ жизни, независимой от этой зависти. Вот я и держался всегда этого мира «природы», лежащего за пределами каиновой борьбы.

Четверть века пропаганды зла (каиновой зависти) под предлогом необходимости сознания права всех на достойную жизнь на земле в образе благополучного советского чиновника вот и сделали так, что шоферша завидует врачу, в то время как врач в военное время лишен даже возможности ночевать дома...

29 Сентября. 4 утра. Мои темы: 1) глаза требуют света. 2) Автомобиль и Богородица. 3) Борьба с резкостью моей против повелительного тона Ляли: самому взять на себя заготовку. 4) Как глаза к свету, так и сердце к народу: народ ли в Усолье? И есть ли народ (поведение в сводках, почему в сводке не Сталин?). 5) Поведение большевиков, основанное на силе насилия с выключением силы любви, неминуемо должно вызвать насилие и над ними тех, кто к этой силе приложит больше организующего разума. 6) Схема любви очень проста в своем происхождении: все начинается с женщины, которая (курица) хочет, но убегает = вся поэзия, религия, культура: мужчина – сбросить семя, но не всякая, а моя – и тут чары. А если подумать – (рационально) = колхоз любви. К 5-ому возвращение к рабству и Христос и непременно через деву, которая любовь – насилие без насилия, страсть бесстрастная, невеста неневестная и смерть бессмертная (смертию смерть). Это насилие – честно, а демократия лгунья, проститутка изношенная.

Ночью я проснулся, чувствуя перед глазами своими окна, и хотя перед открытыми глазами было темно и я знал, что окна не должны быть перед моими глазами, все-таки комната строилась в моем воображении так, будто впереди передо мною окна, и где было право, там лево. Так, я знал, что Ляля спит вправо, а представлялось влево. И даже когда она кашлянула вправо, лицо мое, представлялось мне, несмотря на бессмыслицу, обращено было к окнам.

Это представление окон ночью перед лицом и соответственно воображаемое переустройство квартиры не раз повторялось у меня в жизни и, вероятно, бывает у многих. Вероятно, это объясняется действием глазных нервов, требующих удовлетворения светом.

Я думаю, так тоже силой самодействующей души вызывается во мне представление народа. Недавно я рассказывал, что в Усолье я опираюсь на русский народ, что в Усолье нет ни участвующей интеллигенции, ни евреев. На эти мои слова Ляля ответила, что в Усолье только учитель да несколько лиц, кое-что знающих о мне как писателе, и никакого нет народа...

А между тем свет был не только в моих глазах, там за моей синей светомаскировкой в утреннем свете сверкал белизной своей выпавший за ночь снег, такой густой, что в бору можно было понять беличьи следы, а в поле высыпали все наши охотники на заячий малик*.

Так совершалось рождение дня, и так я в комнате, закрытый от света рождения жизни, заканчивал борьбу с тьмою конца ночи: сам лично создавал себе свет там, где его не было, и верил возможности вечного, независимого от солнца света, связанного с моей бессмертной личностью.

Через несколько часов капризные нетерпеливые сосенки стали швырять сверху вниз комья снега и мокрые хлопья эти таять, орошая вечно зеленые листики брусники и черники. Детские верхние мутовочки молодых сосен, растопырив все свои хвоинки, еще долго держали по белому комочку, но и

* Заячьи тропы (охотничье).

эти последние комочки мало-помалу разбежались водой по их оранжевым стволикам.

Сохранив в себе от ночной борьбы с тьмою уверенность в возможности личной победы над смертью, я радовался этой жизни леса и дивился прекрасным подробностям. Вон там белка, заложив за спину хвост, промахнула через дорожку, там на опушке молодого сосняка высыпала частая семья ярко-красных мухоморов.

После Воздвиженья (14 сент. по ст.) комары и мухи вымерли все дочиста, для чего же рождаются теперь в таком количестве мухоморы?

Эта мысль возвращает меня от непосредственной радости жизни к источнику этой радости, и я чувствую, что источником ее была та борьба за жизнь в ночной темноте, вызвавшая во мне необходимость перестановки окна перед глазами, требующими света. И скорее всего моя радость и является как выход из тьмы моей личности, преображающей дикий лес в какое-то прекрасное, гармоническое сообщество живых существ.

Не есть ли этот преображенный лес мое личное творчество, мое нравственное переустройство мира в его красоте, каким была в человечестве церковь: моя личность лес переделала, а личность Христа в церкви преобразила жизнь человечества.

Значит, в особого рода творчестве, свойственном природе моей личности, есть выход моей личности и удовлетворение ее (радость) в гармонической переделке видимого мира.

И отсюда тоже, если идти в мир по Христову пути, возможна для каждого верующего деятельность в переустройстве общественной жизни человечества к лучшему.

Как христианин, достигнувший полноты сознания личного бессмертия, я вхожу в мир для оправдания своей веры делами.

Так создавалась церковь творцами ее, идущими по пути Христа...

Откуда же взялось у Ляли ее постоянное повторение в том, что христианство дает только личный выход без всякого влияния на жизнь общества?

Откуда у нее тоже тяготение к миру загробному с явным презрением к жизни на земле?

И вообще в ней какой-то революционный разрыв между жизнью здесь и там, снимающий с личности ответственность за мир на земле.

Ее ошибки происходят от избытка идейности при недостатке воли для осуществления этих принципов: она слишком принципиальна (интеллектуальна). Вот почему недавно в Москве, не одобряя какую-то мою охоту не то к еде, не то к автомобилю или чему-то еще, она сказала: – Я думаю, теперь надо к смерти готовиться, а ты... – А когда я пожелал спасти свой архив, она тоже сказала: – Публичные библиотеки горят, а ты свой архив спасаешь. – Пусть горят публичные, – ответил я, – а я буду спасать свой.

Тут она договорилась до противоречия себе самой и полного обнажения своего разрыва с обязанностями человека в отношении жизни земной: совершенное подобие раскольничьей эсхатологии: наступает конец мира, бросай все.

А я думаю, что такая «принципиальность», приводящая к разделению мира на «здесь» и «там» с предпочтением мира будущего здешнему, является источником обратно-принципиальному утверждению материально безбожного мира социалистов. Одно ст*о*ит другого, идеализм и материализм одинаково приводят к иллюзии и последующему истреблению жизни на земле.

Я думаю, что единственный свободный путь благодетельного развития человеческого сознания – это постоянная творческая согласованность всяких идей с современностью. Мы должны чувствовать время и быть в идейном равновесии с ним, как птицы знают, не думая, об условиях своего равновесия в воздухе.

Так вот теперь, мне думается, всякий верующий христианин без всяких формальностей посвящения, просто в состоянии отвечающей времени духовной свободы может стать священником и в любом месте, своим личным способом, в полной личной свободе приступить к переустройству вселенной, согласно все-

му опыту на земле христианства. Каждый из верующих должен чувствовать себя предтечей грядущего Христа и действовать не по указке церквей, а непосредственно в личном согласии со знанием времени, в которое должен прийти к людям Христос: это время приблизилось.

30 Сентября. Современность. Где-то скрытое в глубине моего «Я» – «я сам» как творческая монада, и вне меня время, вернее, текущий отрезок времени – мгновенье, соответствующее моей монаде.

Творчество и есть то усилие, которое приводит монаду с «мгновеньем» в отношение со-временности, в котором жизнь располагается как путь...

Есть глупцы, полагающие путем внешнего усвоения знаний, общения с «передовыми» людьми и т. п. стать людьми современными. И есть которые пытаются реализовать себя во времени путем соприкосновения с понятиями, одинаково значительными для всех времен, как Бог, Разум и т. п. Тоже напрасное усилие.

Только соприкосновение своей монады с отвечающим ей мгновеньем дает полную ощутимость жизни, тот свет, в котором отвлеченные «вечные» понятия, как Бог, становятся живыми. Без этой современности своей личной монады, без этого «здесь на земле» не может быть продолжения себя «там» или жизни загробной.

Любила меня Ляля, как только может любить женщина. Но сегодня ночью она заболела, и ей стало не до меня. Пришла ее мать, стала за ней любовно ухаживать, и она – не излучать из себя, а принимать в себя материнскую любовь. Я же, не умея помогать так искусно, как мать, остался в стороне одиноким и ненужным человеком.

Так, наверно, и всякое живое любящее существо, заболевая, умирая, перестает быть источником любви и само нуждается в любовной поддержке.

И так Распятый является не источником любви, а ее собирателем и побудителем. Источник же любви есть Сотворитель всей жизни: там в этом мире во всем и везде, как ручьи, реки,

озера и океаны воды, копятся силы любви и собираются к Распятому, преображаясь в любовь человеческую в сердце Непорочной Девы, Матери всего сущего.

Воздух ветрами своими выдувает камень, и вода его размывает, и морозы дробят, и корни растений всасывают, и ручьи окатывают, и ни воздух, ни вода, ни морозы, ни корни не могут камень и все неживое сделать живым.

Мало того! все сотворенное живое, пожив сколько-то времени, превращается в твердое неживое, и опять по-иному начинается та же вековечная игра и борьба. И так точно в человеческом мире, как в природе с камнем, совершается борьба всех жизненных сил со злом.

Было время, когда нас в школе учили и мы этому верили, что мир человеческий движется вперед в нравственных своих достижениях, и ступени духовной культуры соответствуют материальным достижениям, и люди, которые ездят в поездах железных дорог, стоят на более высокой ступени нравственной культуры, чем древние пешеходы.

Но теперь найдется ли хоть кто-нибудь, кто скажет, что эпохе самолетов, засыпающих города бомбами, соответствует более высокая ступень развития человеческого духа?

Напротив, все очевидцы, весь тыл войны может в один голос сказать, что мы, стреляющие с самолетов бомбами и пулеметами, находимся на более низкой ступени, чем дикари с их луками, стрелами и каменными топорами.

Это свидетельство нашего времени, и в очевидности этого свидетельства единственно и заключается <*зачеркнуто*: вся ценность> весь смысл нашего времени.

Но если так все возвращается к себе с некоторым лишь разнообразием в форме, то, кажется, должен же наступить у человека конец охоте повторять себя во времени. И вот нет! охота не отпадает, благодаря родовой силе...

Марья Васильевна при всяком сомнении в чем-нибудь отсылает к Богу и каждую тревожную мысль этим Богом, как пробкой, закупоривает. Если же все-таки ей приходится вы-

бирать из двух возможных решений одно, то она пишет две записочки, кладет за образ, молится и вынимает одну записку, содержащую то или другое решение. Одним словом, она всеми способами убивает в себе всякое сомнение, страх, колебание и всякую личную мысль.

А разве не то же делает Ляля, когда машина у меня начинает постукивать и я в тревоге решаю вопрос, что это у меня разладилось, в самом ли моторе, в зажигании, в конденсаторе или динамо-машине. В это время Ляля, замечая на лице моем тревогу, сомнение, борьбу мысли, говорит: «Читай Богородицу»*. Так, нужно сказать, очень часто везде и во всем любовь вызывает Бога на помощь в борьбе своей с мыслью.

Но [ни] эта любовь, ни та любовь, заменимая, которая устремлена к облегчению жизни в мелочах (можно заменить ее платными услугами и механизмами), являются любовью только человеческой, а не всего живого мира.

Любовь только человеческая не разлучается с мыслью и не вызывает Бога для облегчения душевной борьбы за новую мысль. Это не обычная любовь-жалость и страх за любимого, а любовь бесстрашная.

Среда окружающих меня христиан, к моему огорчению, показывает мне все людей, заинтересованных в Христе как бы эгоистически, благодаря своему физическому предрасположению: все это люди ушибленные, убогие, униженные и оскорбленные, больные, несчастные и недостаточные. Сколько я их видел, и все «ненормальные».

1 Октября. Перед закатом почитал Ляле из дневника, ее мало заинтересовали мои мысли. – Почему ты людей не изображаешь? – сказала она, – вот как у Гамсуна. – Потом вспомнила Олега: – Какой он был гармонический человек!

Потом она вгляделась в меня, внутрь меня вошла как бы со стороны. Может быть, она не осознала даже того, что увидела, не придала значения этому и тут же забыла. Но мне стало страшно от этого глаза внутрь себя, потому что сам-то это свое

---

* Ну, это уж редко я так. – *Примеч. В. Д. Пришвиной.*

окончательное «я» не могу увидеть, она же это увидела, и что это такое, это «Я» объективное, как любая вещь? А она, разглядев такого меня, вздохнула и с жалостью вспомнила Ал. Вас.

Стесненный и даже почти что задушенный, вышел я в бор, там в холодном свете золотистой зари сосны горели. И мне стало жутко стыдно за себя, за свое существование, и ненавистны мне были исписанные мои бумаги и этот ежедневный труд, в котором я похож был на червяка, ползущего с целью оползти неизвестно зачем земной шар. Страстно захотелось уничтожения себя как писателя и начала жизни совершенно простой, как у всех. Мне захотелось потихоньку от Ляли перетаскать сюда в лес дневники свои и спалить все и не писать ничего нового до тех пор, пока с потребностью писать станет невозможно бороться.

От этой мысли освобождения себя самого из плена писательства мне стало делаться лучше и лучше, пока наконец не кончилось все простой мыслью: – А зачем сжигать дневники, если после меня Ляле хватит на всю жизнь с ними возиться и зарабатывать себе средства существования. При чем тут дневники, если, может быть, и сам ты скоро умрешь: ты здоровей этой мыслью, что и так само собой, без шутовства всесожжения кончишься и не будешь чувствовать себя червяком, оползающим землю. Стань в этом свете неминуемого костра своего, как стоят эти сосны в свете золотистой зари, и подумай про себя, совсем про себя на корне своем в неподвижности полной: разве что-нибудь значит для тебя такого этот ничтожный червячок, этот ты, кого-то из себя представляющий.

Так я прислонился к дереву, слился с ним и мало-помалу стал совершенно спокоен. Мне даже пришла в голову отличная мысль о том, что вот этот выворотень можно подрыть и опрокинуть в то положение, в каком росло дерево. Если же перед тем, как опрокидывать, вырыть яму, обложить кирпичом, процементировать, то можно отлично спрятать тут вещи свои и дневники.

Перед сном в постели Ляля, прижимаясь ко мне и обнимая, говорила: – Можно ли говорить о любви и что-то понимать вообще, если вот так лежишь вместе. Но когда ты мне читаешь и я вижу твои ясные и умные глаза, – я люблю тебя.

Слышал, что в каком-то квартале Москвы не попало ни одной бомбы, и это тем объясняли, что одна женщина каждый день ночью обходила квартал с иконой. Бомбы рядом ложились, а внутрь за черту ни одна не попала.

У Достоевского («Братья Карамазовы») хорошо сказано о чуде, что не от чуда вера приходит, а чудо приходит от веры.

2 Октября. Я прост душой, почти как Иван Дурак, а меня понимают как сложность необычайную («Не понимаю его», – сказала Клавдия Борисовна). Точно так же и Ляля, – чего проще для меня и какая для всех («Ляля очень сложная», – сказала теща). Единственный человек, кто понимает меня как простого, – это Ляля, и я единственный в мире ее понимаю просто как женщину, неудовлетворенную в естественной жажде любви. Но, может быть, в этом и есть сущность любви, что открывает двум любящим в них простейшее, скрытое для всех.

Да и любовь проста, чего проще! сложно томление жаждущих любви, и вот, наверно, это самое томление и создает для всех пелену сложности.

И Ляля, и я для тещи представляем величайшие сложности, и к этому она ежедневно прибавляет свои ночные догадки.

<*На полях:* Ляля – это все, и ум, и мудрость, и красота, и если она бывает не умна, не мудра и не красива – это я виноват, это значит, я покинул ее.>

Читаю «Карамазовых» и догадываюсь, за что Достоевский не попал фигурой на здание Ленинской библиотеки рядом с Горьким, Толстым и другими классиками. Тут не в политике дело, а в существе. Дело, по-моему, в том именно, что Толстой-Горький хотят видеть прекрасное (или доброту мира) в своем естественном и независимом состоянии, тогда как Достоевский ставит прекрасное в человеке в зависимость от греха, то и другое у него, как свет и тень.

Но ведь не может быть тени без света, а свет может обойтись и без тени. Толстой с Горьким вот и хотят нам дать независимый свет, и за то у них роскошно выходит изображение

природы, тогда как у Достоевского за малыми исключениями нет изображения природы, т. е. красоты, независимой от греха человека. Достоевский до конца своей личности погружен в человечину и несвободен в поэзии за пределами греха.

Напротив, Толстой и Горький дают нам мир в ширину по ту сторону греха... и ничего не открывают нам нового в самом человеке, в его любви и грехе. Довольно одних «клейких листиков» Ивана Карамазова[150], чтобы понять, как жаждал сам Достоевский <*зачеркнуто*: чувствовать> постигать этот мир святой, лежащий за пределами человечины, но «осанна» ему не давалась, чуть только шевельнется мысль об осанне, как появляется грех в образе человеческой пошлости.

Борьба за бессмертие умирающей личности в разложенной семье, обществе, государстве и церкви – вот тема Достоевского.

Безграничная радость жизни, независимая от человека, содержащаяся в мире вне человека и дарованная ему в рождении, младенчестве, детстве, вот тема Толстого–Горького.

Социализм в затее своей есть попытка перебросить общество по ту сторону греха в утопический мир безгрешной, так называемой языческой природы.

Есть и правда нечто святое в простоте труда рабочего или крестьянина и просто в здоровье живой жизни, чудесно-простейшим образом разрешающее самые запутанные мудрейшие вопросы жизни.

Есть чувство такое несомненное в нашей душе, дающее уверенность, что святость жизни существовала в мире до человека и дикий человек в своей наивности ей причастен и пользуется ею гораздо больше, чем человек искушенный. Это мы видим на каждом шагу, и это верное и утверждаемое всей мировой поэзией выросло и переродилось в претенциозную, дерзкую и атеистическую систему социализма.

И замечательно, что как только у Толстого и Горького прекращается непосредственное чувство поэзии святости мира и переходит в моральное требование переустройства мира, талант и проникновенность их покидают. Достоевский не делает таких грубых и глупых ошибок, как эти светочи языческого

мира и утверждения святости рождаемой жизни. Но Достоевский и не может выйти за пределы человеческого – только человеческого – мира.

Если отбросить социализм и анархизм, отстегнуть эту рубашку, обнявшую святую поэзию Толстого и Горького, и, может быть, также и мертвечину исторической церкви Достоевского, то у Толстого и Горького остается религия человека-младенца, у Достоевского религия человеческой личности, у тех – поэзия безликого творческого духа, у этого – поэзия личного бессмертия, и там – роды, здесь – смерть.

Если буду жив и найду силу раскрыть себя в своих писаниях, то моей задачей будет из мира природы («Роды») войти в мир человека и Смерть представить как роды личности бессмертной.

Повторяю себе, что Христос является борцом за спасительное (от смерти) сознание, страдающим Богом, но не источником любви.

Со-страдание Матери всего живущего есть единственный источник человеческой любви на земле (жалости).

Сколько безумного чувства было истрачено мною на воображаемую Ину, сколько смирения, труда, чтобы восполнить расхождение воображения и жизни в другой женщине, и вот настало время, имена той и другой женщины не возбуждают во мне больше ни малейшего волнения, лежат будто камни на дожде и ветре... Прощайте!

3 Октября. Представляя себе разрушенный Ленинград[151], мы думаем все, что та же судьба и Москву ожидает в очень недалеком будущем. И уже не очень и страшно, и лишь бы скорее. А тут вот какие-то рабочие привозят кирпич и начинают отстраивать разрушенный бомбами флигель. Редко можно видеть столь яркую картину действия двух противоположных сил. И тут в деревне мы теперь запасаемся капустой, картошкой, несмотря на карканье тещи: – Для чего запасаться, если придется бросать.

У лесничего испортилось радио, на торфоразработку ходить далеко, да так вот и забросили, кстати, ничего нам не говорят: нас бомбили, и мы их бросили и занимаемся спасением собственной жизни. Но это неправда, что кончено наше сопротивление: чем-то все держится, и армия не бежит. В связи с англо-американской комиссией в Москве является возможность ожидать амнистии и некоторых перемен в политике.

Морозом обожгло листики черники и голубики, они покраснели, а лиловый вереск побелел.

С утра до ночи движутся мимо наших окон эшелоны эвакуируемых из Калининской области колхозных стад. Движение скота сопровождается догадками о том, что их гонят на пищу эвакуированным.

Самое невыгодное в советском хозяйстве – это собственность. Советский человек, разумный, никогда ничего своего не заводит, а всем пользуется, занимая какое-нибудь место по своей специальности. Дмитриев как тип советского государственного жулика.

4 Октября. Заказал на зиму 20 кубометров дров с доставкой по 21 р. за кбм. Теща против моих заготовок: – А если бросить придется? Страшная упрямица, и такая же Мария Вас., диккенсовская женщина, на правилах живет, как на пружинах. Все эти женщины с виду в большой дружбе между собой, а внутри каждая ищет в другой повода для своего недовольства. Ляля тем особенно и привлекательна, что всегда стоит в готовности у порога к выходу из этого ограниченного женского мирка, и в то же время остается всегда женщиной.

В сущности своей, может быть, ограничительная природа женщины не «природа» сама по себе, а складывается по необходимости общественной жизни данного исторического отрезка времени. Сама же природа женщины по внутреннему своему устремлению есть движение к неведомому в загадочных переменах. Ограничение этому движению происходит извне: обязанности к детям и отсюда все другие ограничения, как насилие над личностью.

Но если только женщина выбьется на волю из-под родового ига, то вся мужская свобода перед ее свободой кажется детской игрой в тележки и санки.

Предел этой свободы в беспредельности личности Христа и сострадании Богоматери.

Вот это-то и надо знать каждому, кто хочет овладеть женщиной, тут два пути: общий путь – это окружить ее детьми и обычными ограничительными правилами, из которых складывается так наз. женский мир. Другой – это готовность в каждый час жизни расстаться с ней, и эта готовность должна быть жертвенной готовностью перед Богом в глубочайшем сознании, что у Бога жертв напрасных никогда не бывает. Я лично эту необходимость расстаться переношу в свое так называемое творчество, где эта жертва должна найти возмещение. Точно так же и Ляля в своей любви всегда готова к материнству и даже физическому (естественный предел свободы или переход от любви-свободы к любовь-уход за любимым).

Но по существу жизнь состоит из двух сил, называемых в общем любовью: одна сила – это любовь рождающаяся (родовая сила), другая – любовь образующая (сила личности).

На одной стороне – роды, на другой – смерть, роды в смерть и смерть в бессмертие.

Если мне суждено написать 3-ю книгу Кащеевой цепи, то она будет состоять из двух частей: первая часть – какой хороший мальчик родился, и вторая – что из этого мальчика вышло в бессмертие. Вот и все.

Лада, Нерль, Кента, Ярик, Верный, мои собаки, о которых я написал такие рассказы, что каждый скажет о них, как о драгоценностях в сравнении с живыми собаками. Между тем для меня самого драгоценны были сами собаки, а не рассказы о них, и я никогда не мог бы написать хорошего рассказа, если бы не верил в то, что рассказ «списан» с собак, что собаки есть сущность, а рассказ есть мое представление о сущности, и ценность его – в приложении к сущности.

Наоборот, писатель, который на собаку смотрит как на материал его произведения, точно так же, как фабрикант смотрит

на хлопок, этот писатель никогда не напишет такого живого рассказа, как я. Ему помешает «рационализация», вносимая в его «производство» рассказа. Вот это и есть самое трудное на пути художника: 1) удержаться от рационализации своего дела, т. е. не дать творчеству своему стать производством, 2) преодолеть случайное вдохновение и найти его природу, и законы этой иной природы.

5 Октября. Начинаю ходить по лесу с собачкой, боюсь, что страсть моя былая к охоте теперь связана любовью к Ляле: из леса тянет домой, как раньше тянуло из дому на охоту. И только теперь я понимаю, что какой-нибудь фазан – есть образ, манящий выйти из себя, из своего дома и найти себе удовлетворение где-то вне себя, на стороне. Этим чувством открываются неизвестные страны, полюс, народы, делаются великие открытия в области науки. Вся цивилизация осуществляется на этом пути.

Наоборот, стремление домой направлено к себе самому, к духу, к личности, потому что дом есть лишь оболочка или пленка, обнимающая в единство духовную личность самого человека. Вероятно, и вся культура сложилась на этом домашнем пути человека к себе самому. Вместе с Лялей сложился у меня дом как центр моей духовной личности, и вот почему не удовлетворяют меня больше поиски фазана в лесу и постоянно тянет меня из лесу домой.

Но я думаю, что образ фазана шире образа цивилизации, понимаемой нами в противоречии с культурой. Поиски фазана свидетельствуют о юношеском состоянии души, уверенной в существовании счастья за границами своей души в бесконечно широких пространствах мира. Все, кто идут за фазаном, верят, что находка чудесной птицы является счастьем не только для себя, но и для всех (для всего мира), эти люди верят вообще, что усилием для всех (общественная деятельность) можно изменить жизнь людей к лучшему.

Но эта юношеская вера в фазана, это центробежное устремление, предоставленное себе самому без контроля домашней центростремительной силы внутренней культуры, превращается в одностороннее господство над личностью человека, и даже само государство, созданное как будто и для охраны лич-

ности человека, превращает личность в какую-то шестерню государства-машины. И вот это бездушное господство техники над личностью человека и называется цивилизацией.

Однако, охота за фазаном, как юношеское состояние души или «языческая» религия, никак не исчерпывается и не заканчивается с гибелью цивилизации. Социалисты, напротив, в предпринимаемой ими борьбе с цивилизацией именно и стремятся охоту за фазанами в чистом виде сделать движущей пружиной человечества.

Христианская религия личности – это стремление человека внутрь себя самого, почему-то в разладе с центробежной силой охоты на фазана; культ бессмертия личности противопоставлен языческой религии как религии смерти.

Огромные массы людей, именно как массы, вырвались из обаяния церковной легенды, христианство, как сила, управляющая массами, провалилась и стала понятием только для особых личностей.

Вместе с тем померк иллюзорный путь охоты на фазанов и открылся путь не более как улучшающей благополучие для масс цивилизации. И это именно так, потому что цивилизация страшна не бедствиями войн, а именно грядущим благополучием масс и утеснением личности.

Продумать причины падения влияния церкви на массы и возможности новой церкви, обнимающей центробежное и центростремительное движение человечества.

Лялина жизнь[152].
Родилась: 1899 г.
Образы страдания в болезни.
Евангелие.
Смерть отца.
Смерть Олега.
Колпашево.

6 Октября. Снег валом валил весь день и таял, дорога раздрызгла, и по такой-то дороге я с тещей ездил в Переславль дрова покупать и купил 20 кубометров на всю зиму.

Теща моя, разбирая всех людей на свете, ни в ком не находит человека по себе, всегда хуже себя. Помню, как трудно было мне с Ефр. Павл., когда ко мне приходили титулованные и вообще породистые люди. Ефр. Павл. своим каким-то особым демократическим чутьем сразу причуивала «господ» и соответственно этому чутью и держалась, подозревая в каждом из них, даже самом хорошем, злое начало господина, подобное тому «пролетарию», которого теща видит во всяком представителе простого народа.

Та и другая позиция, и тещи, и Павловны, мне глубоко ненавистны, потому что в людях единственной ценностью считаю личность, независимую от класса, сословия, профессии и образования. Я могу об этом писать, потому что всю жизнь свою исповедую это словом, делом и помышлением.

Существо Ляли то же, как и мое, в этом отношении, но ужасные личные несчастья и влияние матери сильно повредили ее истинную природу, наследованную, верно, от отца, как я наследовал это величайшее богатство души от матери. Надо спокойно и вдумчиво бороться с этим загрязнением души у Ляли.

Первое средство для этого, возражать против осуждения простых людей и выставлять со своей стороны хорошее. А так как за женской чуткостью ко злу никогда не угонишься с добром, то в решительных случаях просто делать по-своему, не обращая внимания на «советы».

7 Октября. Вчера весь день валил снег, и очень трудно было по грязи съездить в Переславль. Я не устал, как никогда не устаю от автомобиля, но пришел в то особенное состояние духа, которое, по Исааку Сир., свойственно дьяволам: «дьявол не дает от себя света, свет у дьявола заменяется скоростью».

Начались долгие страшные ночи с кошмарными просыпаниями, когда мысли, будто брошенные камни, летят и падают. И мне чудилось, будто некогда гигантский человек впервые встретился с тьмой, и от этого мысли его стали падать камнями, и весь он распался на камни. И так произошли на земле камни.

Потом я развивал эту тему в полусне, считая, что камни можно мельчить так сильно, что они становятся питанием рас-

тений. Но если размельчить и эту пыль современными способами до величайшей тонкости, то эта пыль, представляющая собой раздробленную мысль, может стать любовью или питанием души человека. Выходя из кошмарного к более ясному сознанию, я стал думать о Христе как источнике мысли, но никак не любви: Христос в Евангелии Сам страдает, но никак и ничем не проявляет сострадательной любви. Это женское чувство, сострадательная любовь, дробит камни – мысли Христовы и превращает в духовное питание человека[153].

После целой недели пропуска времени прочитал газетку (Англо-америк. комиссия) и почувствовал впервые возможность длительной войны при поддержке Америки. Может создаться состояние мерзкой необходимости неволи, обусловленной не нашим русским, а мировым состоянием.

Вчера было сообщение в газетах о том, что Рузвельт на вопрос поляков о свободе совести в России, сослался на соответствующую статью конституции Сталина и сказал, что эта статья в точности соответствует США.

Все понятно, потому что Америке надо поддерживать нашу войну с немцами, а поддерживать можно, лишь поддерживая правительство. Если же дать по-настоящему свободу, то это значит обеспечить мир с немцами.

Американцы должны были убедиться, что ничего другого для нас не может быть лучшего, как наше советское правительство. Но потом, несомненно, будет полегче, и церковь в ближайшее время станет в государстве чем-то вроде пикантного театра для престарелых людей и простого народа.

Ляля больная, перечитывая мои ранние письма к ней, радовалась трепетности чувства моего и шутя сказала, что я ее теперь разлюбил. Я ответил, что любовь моя к ней переменилась по форме, но пройти не могла: если моя любовь к ней пройдет, то от меня ничего не останется, и как тридцать пять лет жизни с Ефр. Павл. были зачеркнуты нашей встречей, так и...

И вот ночью представилось мне, что очарование мое кончилось, Лялю больше я не люблю, и во мне – больше ничего нет, и вся душа, как пустая земля в октябре: деревни разоренные,

скот угнали, поля пустые, где черно, где снежок и по снежку следы кошек.

Наступает страшное время, надо собираться на борьбу самую грубую за жизнь и самую тонкую за смысл ее, надо быть мудрым, как змий. (При слове «змий» вспоминается почему-то Саргиджан на Тверском бульваре: он был не как «змий», а «змей»).

8 Октября. Мы любовь свою с Лялей определили в Боге, и это значит, что любовь эта неразрывна, и если мы друг друга когда-нибудь перестанем любить, это будет значить – мы нарушили свое обещание перед Богом. Мы по совести в Боге сходились, и вот почему наш брак должен быть крепче брака, определяемого только церковным обрядом.

Мне кажется, что и во всем так, и везде Бог и церковь – это прежде всего наше личное состояние души: Бог – это дается по вере нашей, церковь, как дело веры нашей. Начало всего в нас: без веры нашей и без дел церковь и Бог – все мертвое.

И так же народ наш русский, который любил я всю жизнь и которому служил всю жизнь словом, делом и помышлением – этот народ – не дворяне, мужики, пролетарии, интеллигенция и т. п., а то собрание лиц, которое каждый из нас собирает сам и поминает о здравии или за упокой. Как и в брачном союзе, источником нашей нравственной связи является наша уверенность в себе перед Богом, так и связь с народом происходит именно из этого самоопределения среди любимых людей, живых и мертвых.

Ляля была капризной, самовольной девочкой[*], чуть не с колыбели начала она чудить и мучить мать свою необычайными выходками; можно точно определить направление всех ее странствований по градам и весям русской земли: пошла за крестом без креста. В конце концов, измученная неудачами своих дерзновенных попыток, она крест свой нашла в уходе за

[*] Неправда, откуда он это взял? Я была очень тихой и послушной. – *Приписка В. Д. Пришвиной в машинописи 1943 г.*

больной матерью. Тут, в этом месте скрестились все ее неудачи и стали ее крестом. Тут ручки ее несчастные прибиты гвоздиками к древу креста, текут капельки крови, и капают слезы из глаз. Птичка попалась, довольно игры в любовь и религию: повиси на гвоздиках, прими в себя эту необходимость, оглянись вокруг: все порядочные люди висят.

Когда мы с ней робко и трепетно сошлись, она, сливаясь со мной душой своею, озиралась вокруг и так тихо, чтобы даже сам Бог не слышал, поверила мне свою величайшую тайну: она ненавидит крест, на котором распята: она научилась любить на кресте, но самый крест ненавидит. Она изобразила крест свой чертами характера своей матери, предупредила меня, и я в порыве любви своей обещал ей помогать втайне нести этот крест. Она не сомневалась в моей готовности и говорила: – Что значит для тебя, сильного и великодушного, помощь какой-то больной старушке.

Однажды в лесу мы с Лялей начали спорить и в споре так горячо кричать, что даже наступившая гроза не могла нас унять. Этот спор, я помню, начался моим критическим замечанием: теща моя до того не знает русского народа и русской природы, что всякий мужик примет ее за иностранку. Самая манера говорить – будто она переводит с немецкого. А природа: грач, ворона или ворон – ей все равно, а сороки у нее улетают в теплые края.

Ляля мне стала доказывать, что «народ», как я его понимаю, не есть народ, а мужики и вообще пролетариат, а прежнее среднее дворянство, по ее мнению, больше народ, чем мужики. И то же самое природа, это не сороки-вороны, и не елки-березки, и вообще не просто знание и опыт, а особое чувство, пожалуй, религиозное: «в лесу мне, как в храме». Ляля подавила меня своей диалектикой, в конце концов уже ночью в постели я признал правоту ее тезисов – чувство природы не определяется опытом и знанием, и русский народ, во всяком случае, не есть люд, говорящий русским языком.

Умный человек И. А. Рязановский когда-то упрекал меня за Ефр. Павл.: он говорил, что мне надо было отдать ее в пансион

для обучения внешним приемам. Тогда бы я не стыдился, как теперь, принимать у себя людей, не гордился, не дичился в своем одиночестве, и облегчилось бы самое воспитание детей. Так просто! А между тем сколько мучений я вынес из-за того только, что не подчинился благоразумию, понадеялся на какие-то индивидуальные, не то природные силы, не захотел устроиться просто, как все: отдать неграмотную бабу свою в пансион.

Так вот и теперь, напротив, разве можно было тещу свою с ее несовременностью везти в дикие болота к мужикам. Надо было везти ее в Нальчик в пансион. Подумать только, сколько надо было вынести чудачеств, дикости, всяких физических и нравственных лишений, чтобы в серости кошмарной болотной возродиться, как у меня написано, белым водяным лилиям, сколько криводушных людишек пропустить мимо, чтобы обрадоваться какому-то лучшему и создать из них Берендея.

Ой-ой-ой, что я сделал! Мне кажется, будь Ляля одна со мной, мы бы вдвоем дожили бы с ней до той моей берендеевой пустыни, где я открывал сокровища: я ее ничуть не упрекаю, она ведь на кресте.

9 Октября. С утра «осенний мелкий дождичек» брызжет сквозь туман. Давно ли казалось мне, как маленькие дети стоим перед закрытой дверью и надеемся, что сейчас, как откроется дверь, увидим как чудо рождественскую елку. И ведь была такая. Я помню, как открылась дверь и это чудо явилось, и с тех пор ждешь и ждешь и втайне надеешься, что Кащеева цепь человечества может распасться. Так было в 17-м году (февральская революция), когда даже сам царь отказался от трона в пользу Михаила, а Михаил отказался в пользу народа. И вслед за этим видением елки прямо плюхнулись в моросливый Октябрь. И опять подходит новый Октябрь.

После англо-американской комиссии сразу, как по радио, передалось всем, что никакой елки не будет и ничего особенного ожидать нельзя, что Америке очень выгодно помещать свои капиталы в нашу войну и будут продолжать ее до... Вот тут и является это осеннее настроение, в этой войне разрешение социальных вопросов и нашего благополучия выйдет не сразу,

а в неведомой никому длительности, что для самосохранения надо думать о самом худшем, а не о чудесной елке.

...Какой-то Иван Петрович (их много!) просидел 24 года, не теряя надежды, что большевики кончатся, и теперь, не очень даже веря в то, что сам лично переживет, ждал верного конца. И вот нет конца, нет чуда, нет влияния нравственных сил в истории, и сплошной неосенний мелкий дождичек.

Теперь все стало ясно, почему предложения Ивана Петровича, как патриота, были отвергнуты: он предлагал свою помощь спасения России в тайном расчете, что победивший народ в конце концов победит партию. Этот замысел Ивана Петровича был разгадан, и предложение его было отвергнуто. Напротив, та же самая сила, которая когда-то скрутила Ивана Петровича, теперь скрутила фронт и ведет его к победе над немцами.

Есть подпольные мысли у людей, их ночные спутники, порождаемые личным бессилием. Они все идут от лукавого, и их надо в самом начале, как только они заводятся, отгонять от себя молитвой, как бесов. Достоевский дает нам полную картину жизни и влияния этих бессильных перед светом и всесильных ночью существ. Я потому и зову Лялю «Денечек», что она умеет бороться с этими ночными существами, обладающими дипломатическими способностями.

Помню, кажется, Блок мне сказал: «Между тем, как пройдешь через все подполье, то почему-то показывается из этого свет...» И Розанов такой, и целая большая среда особых специфически русских людей сознательно тяготеет к подполью, к этому свету гнилушек.

<*Вымарано*: Теперь после обмана февральской революции и множества другого подобного пора, наконец, убедиться, что надежда на какую-то спасительную перемену извне напрасна, что Кащеева цепь есть [непременная] необходимость жизни человека на земле и действительная перемена к лучшему возможна лишь в себе самом> т. е. внутри самого человека. Надо признать, напротив, что морословая осенняя погода вне себя

более верный вестник грядущей радости, чем хорошая погода. Так и заруби себе на носу, Михаил: вся эта надежда на <*вымарано*: какой-то «народ»>, на перемену через...

И как только я крепко решил полагаться лишь на осенний мелкий дождичек, облака стали просвечиваться, засияло солнце, и захотелось пошататься в лесу.

Огромное Усольское поле окружено сосновыми и еловыми борами. Только теперь, осенью, березки вышли на опушки и золотыми нежными фигурками остановились на темном фоне боров.

Зеленым свежим ковром подошла к опушке бодрая озимь, и множество зверушек и разных птиц собралось в этой опушке с золотыми березками (вальдшнепы, дрозды, заяц, тетерева: утро).

Гоголь силою слова хотел связать нечисть, чтобы освободить от нее красоту и добро. Он этому делу предался с такой силой страсти, что его образы стали живыми существами, как будто автор вывел этих жителей тьмы на свет и они вынуждены были во всей наготе своей остаться между людьми.

10 Октября. На восходе мороз. Токует тетерев. Я заслонил солнце стволом сосны и молюсь на восток, читаю свои детские молитвы, поминаю живых, мертвых, родственников и неродственников, православных и неправославных христиан.

Эта молитва вернулась ко мне через Лялю, она вышла сама собой из моей любви к ней. Нам понадобился Бог, как единственный, кому можно было довериться, и необходимо было освятить и закрепить наш союз. Мы просто призвали Его в свидетели нашего решения, и я, не раздумывая, а получая чувство непосредственно от Ляли из ее сердца, глядя на нее, стал молиться.

Все вопросы о том, есть ли Бог, нужна ли людям церковь и другие карамазовские вопросы я выбросил из головы и сердца: Бог, который живет в сердце моей возлюбленной, не требовал рассуждения. И мне было так, что этим союзом в Боге и был заключен нами тот самый брак, который принято называть

«церковным» в смысле святости его таинственного существа и вытекающих отсюда последствий нерасторжимости. Для меня не было в том недостатка, что брак наш не был закреплен фактической церковью: если самое таинство совершилось в наших сердцах и мы обратились при этом к Свидетелю и даже в церкви помолились, то чем же этот брак хуже церковного? Разве не совершаются в церкви браки чуть ли не ежедневно чисто внешним образом без всякого внутреннего движения в сердцах новобрачных? Для меня не было никаких в этом вопросов. Но Ляля ведь была обвенчана в церкви с А. В., как же встретились в душе ее эти обязательства, взятые ею на себя в церкви видимой, московской, и церкви града невидимого?

По-моему, ей неминуемо нужно прийти к выводу, что обязательства церкви московской не обязательны для тех, кто может входить в церковь невидимую, что в мире существует неузаконенная иерархия свободных личностей, имеющих вход в невидимую церковь, и массы, для которой необходима видимая церковь с ее обрядностью, иерархией, причтом, чудесами и таинствами.

Я прочитал это начало своего «исследования» Ляле и когда упомянул о двух иерархиях, свободных личностей и массы, она коротко заметила:

– Ну, развивай, только не впасть бы в гордость.

Вчера по радио сказали, что немцы взяли Орел. – Носятся слухи... – сказал П. М. и остановился. – В чем дело, П. М., какие слухи? – Носятся, – повторил П. М., – а вспомнить не могу. – Вспомните, голубчик, ну хоть что-нибудь. – Разные слухи носятся, – сказал он, как бы просыпаясь, – вот вспомнилось: на партийном собрании будто бы высказывали некоторые, что дела немцев неважные и они готовы заключить мир на условии отторжения от России прибалтийских стран, Польши, части Финляндии. – А еще что носится?

К роману (3-я часть Кащеевой цепи)

Судьба людей, о которых я буду рассказывать, находится в моих руках, и я ее знаю и буду рассказывать о том, что знаю. Но было время, когда никто не знал, что они должны когда-

нибудь встретиться. Все происходило в большом городе, но было очень похоже, как бывает в горах на узкой тропинке, выбитой железом на камне. На такой горной тропинке двум нельзя разойтись и даже очень трудно повернуть назад, если встретились. Я знаю такую тропинку на родине поэта Коста Хетагурова*. Тропа не длинная, огибает утес на большой высоте и местность безлюдная. Трудно было предположить, чтобы именно в тот момент, когда я вступил на тропу с моей стороны, кто-то с другой вступил бы с другой. Никто не помнит такого случая, но все-таки каждый раз, каждый, вступая на тропу, рассчитывает и непременно, давая знать о себе, орет, стараясь пронести свой человеческий голос сквозь бессмысленный гул Аррадона, любимой реки Коста Хетагурова. Так бывает в горах безлюдье. Но в больших городах, где миллионы живут тесно один возле другого, один над другим, есть такие тропы судьбы, по которым легко и трудно расходиться. Бывает, он спускается по эскалатору, она же поднимается, и оба предназначены друг для друга.

11 Октября. Говорят, что немцы под Можайском. На болоте никто не верит в серьезность англо-американской «помощи». Самая популярная политическая ориентация на болоте в настоящий момент – это что между Германией и Англией состоялось тайное решение о мире и разделе России. Говорят, что Ленинград окружен со всех сторон и сообщения с ним нет. Приходит в голову и простеца, что промышленно-политический центр жизни, если он и не взят, но окружен, не существует больше как руководящий центр жизни. А так как Киев взят, Одесса окружена, Ленинград окружен, Москва окружается, то остается лишь два вида на будущее. Первый вид – это что в такой великой войне Нового Света со Старым, накануне выступления Америки и Японии нынешнее положение России является лишь фактором второстепенного значения и война будет длиться еще долго. Вторая же, болотная перспектива – это что на разделе России все помирятся, и в особенности довольно будет, конечно, самое болото.

---

* В Кабардино-Балкарии Пришвин побывал в 1936 г.

Чувствуем себя совершенно, как рыбы, еще плывущие в воде, но уже не по своей воле: невидимая сеть нажимает сзади с боков, а впереди бьют по воде батогами. Остается еще немного, рыба будет прыгать на сухом берегу, а хозяева разбирать ее на сорта, крупная на жареное, мелкая на уху, а совсем ничтожная бросается в воду обратно. Вот и хочется теперь на болоте каждому попасть в мелкую рыбу.

А мы с Лялей и в ус не дуем. Мы в сторонке от всей массы рыбы, на косом бугорке подпрыгиваем и надеемся с косого бугорка скоро как-нибудь с Божьей помощью в воду свалиться. Марья Васильевна соблазняет нас принять решение по записочке, но мы против записочек, выключающих личный разум как силу божественную.

12 Октября. Во мраке горела полоска зари красная, пересеченная темными стрелками, и невидимый валил снег. И пока я вставал земля стала белая. Последние дни стоят морозы до 8 градусов. Семино озеро замерзло, и если не вернется тепло, рыбки уже больше не съешь.

Павел М. Назаров очень похож на пойнтера, глаза как будто умные, но по-собачьи: этот ум в глаза приходит только через чутье. – В воздухе, – говорит он, – носятся слухи, все слухи, а не пойму и не могу запомнить.

От первого прикосновения до первого признания Ляли в том, что она мне отвечает на мои страстные ласки не более, как мать, когда ребенок просит у нее молочка, прошло довольно времени, которое называю я медовым месяцем: месяц-то во всяком случае был. Но Ляля, вспоминая то время, говорит, что была одна только ночь. И она, пожалуй, права, потому что эта чувственность была мало существенной частью нашей любви.

Ее память в отношении своей жизни работает, как память художника-реалиста: утверждается как реальность не все факты, а только те, которые характеризуют направление сознанья личности. Так может случиться, что какой-нибудь факт из жизни, замеченный всеми, у нее из памяти может вовсе исчезнуть,

провалиться в область того, чего не было. Вот почему, как художник, обладая в высшей степени такой качественно фильтрующей памятью, я ужасно боюсь какого-то возможного суда над собою людей, имеющих имя «все» или «масса», или «пролетариат», или сословная аристократия, или общественное мнение. На этом преследовании обществом личности, ускользающей от правдивого суда по незримым следам, и основана борьба общества с личностью: общество всегда рационально, личность, напротив, пользуется силой Ratio в большинстве случаев только для того, чтобы сделать доступной для всех силу Logos'a. На этой игре понятия с представлением построено все Евангелие.

В романе моем вот и надо изобразить обе силы: силу организованного изучения фактов, этих следов на песке существа, обладающего крыльями. Но вот следы ног кончаются, по обеим сторонам этих последних следов на песке виднеются следы ударов маховых перьев крылатого существа, и дальнейшее преследование его по следам на земле невозможно. Вот в этом-то и открывается для личности возможность борьбы со множеством, со всеми. И в этом смысл смерти Христовой и вознесения крылатого существа: камень от гроба отвален, книжники и фарисеи одурачены, земные следы крылатого существа потеряны. И только верующие, т. е. не все, не массы, не книжники и фарисеи, не аристократия, не пролетариат, а личности знают, что Христос воскрес и через какой-то необходимый срок переживаний обманчивой земной радости всеми придет всех судить, всех живых и мертвых на личность... Это суд Христов в противоположность суду человеческому будет совершаться уже не по земным только следам, а по тем главным, существенным следам крылатой личности, которые ускользали от глаза земного следопыта.

13 Октября. Река еще течет, но заводи застеклились, и пушкинский тяжелый гусь, отражаясь во льду, направился к воде и, достигнув реки, погрузился, захлопал крыльями и загоготал.

14 Октября. (Покров.)

Заря желтая; холодная, непокрытая снегом земля зябнет, и даже любимые зубчики леса, расположенные пилкой на фоне

зари, не говорят ничего моему сердцу, и я молюсь о том, чтобы заря стала зарей, свет – светом и радовал нас, как было в мирное время.

Пока я молился, милая лесная пила стала голубой, заря золотой, а темная пелена облаков над зарей – сиреневой, и в сердце в ответ шевельнулась уверенность в существовании таких огромных богатств на земле, о которых не хочет знать человек, завороженный в злую сторону жизни.

Каждый из нас теперь накануне неведомых событий, как невеста перед пугающей и в то же время сладостной силой насилия: невестой она называется, потому что чувствует неизбежность перехода в иную жизнь, но этой жизни не ведает.

Везде на болоте женщины неслышно кучками обсуждают что-то.

Объявлено: Вязьма взята. А говорят, что взята она в среду и немец теперь под Можайском, а то и ближе еще.

Все у нас стали дипломатами и политиками за счет честного человека. Зато уже больше никто и не верит друг другу.

Если человеческий образ потерян, то можно ли сожалеть о каком-то русском человеке: снявши голову, по волосам не плачут.

15 Октября. За вчерашний день определилось, что в Москву ехать опасно, и машину могут отнять, и в пути можно попасть в бомбежку, и просто могут даже из Москвы и не выпустить. В связи с этим N. за мной из города не приехал.

Люди прячут свое добро, но не от своих разбойников, как в 17-м году, а от немцев. Что же касается своей «шпаны» (включая некоторых сидящих у власти), то этого теперь вовсе не боятся, напротив, ждут не дождутся, когда можно будет вытурить «шпану». Вот так я и дожил: тогда ориентировались на пролетария, на «беднейшего из крестьян», теперь на человека порядка (помни боксера-повара), законности: чистейшая контрреволюция. Теперь этому и время пришло, как будто начиная

с 17-го года посадили в печку пирог, и 24 года он поспевал и теперь поспел окончательно. В том и ужас истории, что не по человеку, не по личности складывается правда, а по времени: сколько до времени было героев, пытавшихся провозгласить то самое, что посажено было в печь и готовилось. И все герои, истинные мученики, погибали в осуждении: «нечего было совать нос», «сидел бы и ждал» и т. п. Да и сейчас еще нельзя определенно сказать, что поспел пирог, но только стало всем ясно, что рано или поздно из печи вынут пирог.

Ездили в Переславль к N. Оказалось, что и в Переславле и в Москве ничего особенного нет, а взрывы бомб, которые у нас на болоте слышатся, – это учебная стрельба, вот и все. N. говорит, что до больших событий остается еще дней 10 и что после Москвы оборона страны станет невозможной. Он говорит, что с Советской властью все кончено, что англичане в Москве, как на пикнике, пьют и речи говорят. Но мы слушаем и думаем не о словах, а о том, кто их говорит. – Если вы служили в НКВД, то как вы думаете выйти из этой заварушки? – А я, служа, никому вреда не делал, кроме пользы, и нас таких 30 % населения, – разве можно всех уничтожить? N. – это тип между Дмитриевым и Катынским. Жена его, светская дама курортного воспитания (Антонида Романовна).

Весь день валил снег. Мы весело ходили за молоком, падали на скользком пути, смеялись. А дома крепко поссорились из-за того, что я чуть не решил назавтра ехать одному и Лялю оставить дома под предлогом ее болезни. Но я, наконец, понял, что Ляля, сама Ляля не оправдывает в глубине своей Лялю раздраженную, истерическую. Она в кровати мне это сама объяснила и сказала мне, что я должен взять вину на себя, потому что я мужчина и должен к ее раздражению относиться милостиво, по-отцовски. Я с этим согласился, принял вину на себя и поклялся (ввести в молитву) существенных отношений никогда не вмешивать в нашу раздраженность и самому никогда при раздражении Ляли не выходить из себя (и не буду, не буду). Между прочим, во время нашего спора я неосторожно сослался на встречу нашу: – Ведь я же, я тебя нашел. На это она отве-

тила: – Так что опять тоже не от тебя и не твоя заслуга, а это я тебя нашла с Божьей помощью. Не ты и не я, а Бог дал.

16 Октября. В 5 утра завел машину. При выезде из сарая в снегу буксовала машина и вертелась. Едва выправил руль. Выехали в 7 часов. Снег завалил на ¼ аршина. Следов машин на пути еще нет. Машина ходуном ходит, как санки, но я доехал благополучно на Лабазную 2, к N. Собрались к 10 у. и выехали в Москву.

Было у нас три предзнаменования опасности нашего пути. Первое у Ляли, что мы с ней ссорились как никогда. Второе у меня как шофера: что под снегом рыхлым гололедица, что скользкий путь. И третье, самое главное, что N. передал мне известие, слышанное им по радио, что немцы прорвали фронт на западном [направлении]. – Это где-то около Ленинграда. – Что вы, – воскликнул я, – если сказано на западном... вы слышали, что на западном? – На западном. – Ну, это значит Москва и ехать нам не надо. – Напротив, – ответил он, – именно теперь в последний раз съездить, все узнать и осесть здесь до конца.

Он это говорил, исходя из сущности своей природы авантюриста, я же, как всегда будучи связан с людьми, не желая своим решением портить им настроение, уступил. Возможно, повлияла и моя склонность к авантюре, как к могучему средству добывать такой материал, о котором бывает необходимо писать. И правда, все написанное мной доставалось мне всегда на почве риска своей жизнью. Именно этот риск и делал потом в моем сознании слово мое необходимым, слово, наливаясь жизнью, делалось вещью, и так получался у меня из собственной жизни свой собственный реализм, который у нас пытались напрасно сделать советским.

Кроме того, я оправдывал свою авантюру возможностью спасти свой архив: N. для этого предлагал свой грузовик. Правда, если бы заглянуть в самую свою сущность, то архива там не было как мотива, а скорее даже «пропади он совсем». В глубине была неразумная тяга к жизни в ее высшем значении: «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья, бессмертья, может быть, залог»[154]. Но эту тягу к бессмертью через гибель невозможно представить для других

логически понятной причиной риска. И это «для других» обращается в оправдание себя, как необходимость вывезти свой архив.

Это путешествие в Москву теперь представляется мне, будто я выхватил из мировой жизни какой-то полный день. И чувство теперь у меня как писателя такое, что только запиши все и ты оставишь людям замечательный памятник. Вот почему, не имея сейчас возможности сидеть над бумагой, я набросаю все только пятнами для своей лишь памяти...

Почему я передал руль N? Боялся замечаний его жены Антониды Романовны. Страшная женщина. Курортное воспитание, мещанство, чекистское воспитание: фиксация духа между двумя опорными пунктами: буржуазия – «они», пролетариат – «мы» (я?).

В этом ограничении она чем-то сходится с нашей Марией Вас., которая в Боге вынимает записочки с «да» или «нет» (а что сверх, то от лукавого).

У нее рабы: муж N. и мать-работница. Избалованная, изнеженная. Жмурится кошечкой с голубыми глазами. Белокурый вихорок надо лбом. Ненавидит собак и животных. Читает литературу, понимая по-своему. Деспотизм, прикрывает болезнями. Я побоялся ее. Когда машина у меня перекрутилась, я отдал руль N. У него больная рука. Служит, ее раб. Еврей, прикрытый поляком. – Еврей – человек компромисса: – Чем я кому-то, лучше я буду себе служить (и перешел с оперативной работы следователя на хозяйственную), и стал служить жене. Он перевертывается, приспособляется, узнает, что на скользкой дороге «первая скорость», и жена, узнав это, кричит, когда надо и не надо «первая скорость».

Не учи и не судим будеши. (К типу рядового коммуниста, особенно женщины, которые устанавливают свою личную диктатуру на повторении чужих, признанных мыслей, к таким принадлежит и бесстрашная Марья Васильевна.)

Автомобиль при потере руля на горе падает в канаву, как подстреленный самолет. Наша машина сорвалась и стала в ка-

наве за телеграфным столбом. Как с той же точки срывались все грузовики и падали, а телеграфный столб их держал, не давая раздавить мою машину. Огромное двойное колесо, я прыгнул и оскользнулся, колесо надо мной, голова как арбуз. – Матерь Божья, – крикнула Ляля, и вслед за тем удар одной машины о другую и крик шофера из машины: «мать твою».

Все живы: чекистка за столбом, N. ныряет под колеса, Ляля в горе.

16-го четверг по снегу из Усолья на машине в Переславль. Из Переславля в 10 утра и в Москве в 4 дня. Катастрофа на скользком пути. Вежливый милиционер: «Пока в Москве ничего, а за дальнейшее не ручаемся». Копченая колбаса и крабы в гастрономе. Александр Николаевич в Райздраве: 2 часа на сборы. Идет пешком к «звездочке». Завтра – поздно, и не выпустят из Москвы. В Наркомате: нарком убежал. В Лаврушинском – Наташа-лифтерша: «В прошлую ночь Кирпотин убежал». 17-го (пятница) от 7 до 2 организовывали отъезд. Обратный скользкий путь. Заправочный пункт и читатели. Без фар и гудка на скользком пути. Для дамы нашей невозможно ночевать в душной избе. В 12 ночи прибыли в Переславль.

18 Октября. Переночевали в Переславле у N. До 2 часов ждали машину (свою отдали в ремонт). Отдыхали дома, выслушивая на месте новости, напр., о том, что немцы заняли пол-Москвы. Так легенда на болоте опережает действительные события. Видели, как у нас в Усолье весело копают окопы (и так странно: по легенде Москва занята, и они этому верят и все-таки копают окопы).

19 Октября. Опять с утра без оттепели валит снег. Я записываю наш исторический день.

Причина Московской паники. Из расспросов в машине вернувшегося с фронта Жданова понятно, что «прорыв на западе» произошел в Медыни. Но, по его словам, на фронте нет сильной паники, полной разрухи. Паника произошла при отъезде правительства. Вслед за правительством бросились бежать все

наркомы с распоряжением сжигать архивы. В Москве стало тепло. Рабочие на заводах были сняты без расчета, платили кое-кому колбасой.

Тут фокус трагедии: возвеличенный «пролетарий» и его антипод живой рабочий. Паника от правительства перекинулась на население. Все бросились за дело спасения жизни двумя средствами: 1) бегством, 2) запасом продовольствия. На площади один приличный гражданин прижал к груди, к хорошему пальто четыре подлещика. – Где получили? – По карточкам. – Другой четыре коробки конфет. Третий вез санки, и за ним шла его жена. Те, кто оставался, были веселые, кто убегал – скучные.

Жена Ив. Вас. Агаша только на 10-й год жизни брачной родила, и когда родила, то сказала: – Теперь я знаю, про что живу.

<*Вымарано*: Советские люди именно> и не знают, про что живут: ни духовного нет, ни материального – а суета.

События: заняты Дмитров, Клин. Отменяется рытье окопов будто бы ввиду того, что воды много в канавах.

Василий Кузьмич, коммунист, пытается бежать в Чкалов: его жена подвела, слишком постаралась проявить себя как коммунистка. Боится ехать на машине газогенераторной: чурочек не хватит. А я боюсь, что N. отдаст своему бывшему начальнику мою машину. Ну, так и быть! но не думаю... В колхозе обещают дать 3 мешка картофеля. Завтра у мельника постараемся спустить отрез на муку.

Иван Васильевич роет глубокую яму для хлеба, придется и нам свое кое-что в ту же яму. Вечером в полной тьме ходили по улице, и не было ни малейшего страха: полный порядок спрятавшихся в норы сусликов. Из всего села только один Сергей Александров, коммунист, грозит перед концом зажечь село. Но это все знают, и малейшая попытка к этому поведет к погрому.

20 Октября. Верую, исповедую, но не стану отвечать на вопросы, дающие лишь материал для неверия. Есть сомнение великое, страдальческое, входящее в состав самой веры, в этом

сомнении верующий только глубже роет окопы для укрепления веры. Но есть сомнение ради неверия, и тут я должен уметь крепко держаться, чтобы не отвечать на вопросы о вере. Таинство причащения, по моей вере, есть раскрытие «слово стало плоть».

Ляля изгнала вовсе мистику из своей веры и благодаря этому при наличии веры удивляет своей ясностью ума и жизненной практичностью, когда это надобится.

Из разговора с Антонидой:

– Терпеть не могу собак и всяких животных в комнате: от них везде нечистота и вред детям.

– Напротив, – сказал я, – в Англии *культивируется* любовь к собаке как средство воспитания детей.

– Ну да, это какие-нибудь культурные собаки.

Культура для коммуниста бесспорная вещь, из-за культуры можно и собаку держать.

– Так что же это такое, культура?

Продолжение описания поездки в Москву.

17-го сам N., природный авантюрист, решил, что ехать назад надо немедленно. Мы даже решили бросить Алекс. Ник. и не дожидаться Мар. Вас. из хлебной очереди.

Так поручил Ляле собираться, а сам поехал с N. в Наркомат, чтобы выручать наш грузовик. Когда приехали, грузовик не готов: не заводится, хоть убей. Решили тут же на дворе зажечь в ведре бензин и нагреть картер: некому за нами смотреть. Пока Кубышкин заводит мотор, N. просит на минуточку заехать в Мосторг. И вот мы у Мосторга. Женщина попала в мануфактурный отдел и какое ей дело, что в Москве непрерывная [сильная] стрельба, и как говорят с фронта: вся-то ненависть поднимается против «бабы», но это вечное: это именно и есть искушение человека, испытание его любви. У нее там в Переславле двое детей, а ей нужен, может быть, ногтевой лак, и она из-за лака может в плен попасть, лишиться детей и нас подведет. Так часа полтора стояли и оказалось, не лак задержал, а сатин.

Дома Ляля собралась. С трудом погрузились. Появляется д-р Сандлер, еврей, просит взять его в Переславль. Он уже дав-

но семью отправил в Чкалов, а сам, чтобы не попасть на фронт, симулировал сумасшествие и засел в психиатрической. Теперь вышел и старается выбраться. Мы ответили, что сами в руках N., и посоветовали ему «предложить». – А что? – спросил, – денег не возьмет, серебро?

Когда уже трогались, артист Г. появляется с женой: у него две машины, но нет шофера. Предлагает N.[155] за 3 тысячи и за машину довезти до Горького. Выбрались в 11 утра, но возле Наркомата ждем коммуниста Жданова: час, два... К нам подходят, глядят на N., просят: – Посадите, мы евреи. N. сажает их на грузовик.

Александр Николаевич отказался ехать и остается, и весь медицинский состав Москвы отказался эвакуироваться: это единственный честный, здравый и целесообразный поступок: помощь нужна и осажденной Москве. Это вышло докторам из самой сущности их честного дела.

Обратный путь: заграждение под Тарасовкой, чуть не услали разгружаться и бросать машины. Спасло, что военный чин оказался читатель. Опять гололедица. Без фар, без гудка и бензина. А Кубышкин бросил. Спор из-за ночевки и пр.

Архивы. У нас в доме не было топлива, а теперь оказалось, все радиаторы горячие и в ванне горячая вода. Топливо явилось от архивов, государство сжигает архивы и позор свой не скрывает: дворники на тележках везут домовые книги, смеются: единственно ценный продукт жизни – слово уничтожается. Государство сжигает свое слово, а я, личность, с великим риском для жизни выхватываю свое Слово.

Вспоминаю, сколько раз в борьбе с «государством» я говорил себе: – Если они убьют меня, значит, это они Россию убьют. – И вот они теперь сжигаются, а я берегу, пусть не Слово, пусть словечко, а все-таки они жгут, а я берегу. И так все теперь, мне подобные, созданные беречь, – прячут добро, берегут, а кому жечь – жжет. (Кто прячет, кто жжет, кто просто бежит.)

Обратная поездка на этом чувстве и основана, удастся спасти архивы, и риск жизнью будет оправдан, нет – мы сделали ошибку.

Это «спасение слова» и будет темой описания путешествия в Москву.

На этом чувстве охраны слова и вообще охраны жизни совершается разделение людей: одни охраняют, другие жгут.

N. сказал: «Немцы идут как консерваторы, большевики – разрушители: сумели все разрушить, но создать ничего не могли».

Но, по-моему, еще рано делать такое заключение.

Психология «беречь» и «жечь».

Беречь — Жечь

Германия, русские немцы-цари, Ив. Вас. и его яма, семья, бегущая на лошади в телеге по-цыгански прихватили для детей как игрушку новорожденного баранчика (эвакуация стад). Различие. Нравственный корректив: личность Христа. Личности создаются природой и воспитываются. Из нашего прошлого (?) – Спасите мою жизнь, – просит коммунист. – Откажитесь от ваших принципов. – Каких? – А вот...

Россия, большевики, Сергей Александров (спалим деревню), Усталая корова в овраге, одни глаза живые: нелюбовь к животным. Безликие образы: «пролетариат» и пр. Смешение. Нравственный корректив: «все» (как все), а вместо личности «беднейший» или стахановец и орденоносец. Личности создаются государством. Из нашего прошлого: (?)

На Болоте слух о том, что коммунисты Москву взорвут и что все метро уже минировано. Эта легенда однородна с тем, что Сережка Александров хочет спалить село Усолье.

21 Октября. Временная зима сходит, все киснет. Вчера весь день посвятили добыванию продовольствия, картофель, сало добыл. Коммунист чрезвычайно волнуется тем, что ему не шлют машину для бегства. В шутливой форме я хотел было показать ему, почему я не коммунист: – Сидит на заборе 15 воробьев, коммунист сделает из них среднее арифметическое, возьмет 1/15-ю всех этих воробьев и скажет «се воробей». Вы спросите: средний воробей еще не личность, дайте мне личность воробья. На это вы скажете, что не имеете возможности дать им работу, но если бы воробьи могли бы работать, то среди них оказались бы отличники, стахановцы и орденоносцы.

Так понимает коммунист личность, я же, как художник, силою родственного внимания нахожу среди 15 живых существ их существенные отличия и достигаю того, что эти 15 окажутся все разными, как люди. Для нас художников нет ничего враждебнее, как отношение к живым существам на основании общих для всех них признаков, что все чирикают и все клюют. Вот почему я не пошел в партию...

Коммунист ничего не сказал мне в ответ: он действительно такой и больше ничего не понимает.

Я перевел разговор на свой архив, что вот какое великое для меня дело: я, хотя и с риском жизнью, но архив свой спас. – Здесь он тоже не в безопасности, – ответил он. И с ненавистью стал говорить о том, что немцы жгут книги, библиотеки, истребляют все дочиста. Я не стал возражать <*вымарано*: а про себя для немца придумал защитную фразу: «Ich bin ein [Schriftsteller], aber kein [Feind]»[*] >.

Этот разговор напомнил мне, что с самого начала я стал против большевиков, наверно, по таланту художника, что пусть это столкновение личного и общественного начала существует во всяком государстве, но только у большевиков это явилось без буфера, и правда их стала ложью. А произошло это у них оттого, что коммунист как духовное существо стал материалистом и личность человеческая, бывшая поводом <*вымарано*: к коммунизму, сделалась> средним числом. Значит, попросту: <*вымарано*: в 1917 году большевики не должны были брать власть>.

Надо помнить на Болоте, что взятие немцами Москвы есть болотное событие, но не конец войны, что даже завоевание всей России немцами есть лишь крупный эпизод всемирной войны, что большевики еще могут питаться союзом с Америкой против Японии.

Открыл занавеску, загасил лампу. В бору еще остались, как весной, пятнышки снега, и основания деревьев окутаны белеющим паром. Невозможно бы узнать – весна это или осень, если

---

[*] «Ich bin ein [Schriftsteller], aber kein [Feind]» (*нем.*) – «Я [писатель], а не [враг]».

бы не память и особое чувство осенней принижающей безнадежности вместо весенней подымающей бодрости.

Мы теряемся, как стволы деревьев в тумане, перед грядущим, возможно ужасным и унизительным. Особенно жутко вспомнить, что в программе фашистов будто бы есть цель уничтожения славян.

Пусть, пусть! Только бы поскорей открылась завеса, скрывающая от нас правду той стороны. Лично мне довольно было бы даже того, чтобы я мог... И вот мне кажется, что как бы ни был немец велик своими победами, меня лично и вообще лично русского ему никогда не победить. Пройдет немного десятилетий тесного соприкосновения русских с немцами, и скрытно-умный и стерегущий глаз русского человека, устремленный на немца, заискрится внутренним смехом.

На мою просьбу дать мне три мешка картофеля, председатель колхоза ответил: – Не понимаю «мешка», выписываю 100 кг. Он обхитрил меня, потому что в 100 кг два мешка, а не три. Узнав об этом, «император» (И. В.) сказал: – Вот сволочь какая, но не горюйте, отпускать будет кладовщик, парень во.

И показав еще большой палец, после того сказал:

– Мировой!

Это значило, что парень мировой за те же деньги – 80 к. кило отпустит мне картофелю еще 100 кило в свою пользу.

Бог не постепенно создавал человека, как сказано в <*зачеркнуто*: Библии> книге Бытия, и не класс за классом и вид за видом, как у Дарвина. С самого начала Бог думал о человеке, и все животные, растения, даже вода и свет, и звезды, и твердь, и земля были начальными этюдами частей всего человека. И когда наконец удалась самая личность человека и он начал жить, то и все пробы его создания вместе с ним, как природа, стали жить по законам их создания в пространстве и времени. Возможно, что для божественной воли все это произошло в одно мгновенье, но нам оно представляется как длинная история человечества, десятки тысячелетий культуры и цивилизации. В этом свете вечности нет ничего смешнее попыток ученых путем изучения костяков животных и сравнения их костей с костями

человека, сравнительной анатомии добраться до обезьяны и от обезьяны до человека...

Почему диктатура пролетариата оказалась столь бесчеловечной?

22 Октября. Земля открылась, и опять все пахнет лесом, сосны, брусника, палый березовый лист. Все события человеческого мира затихли в пространстве. Полная тишина, и вот в этой тишине ворона, приняв таяние зазимка за весну, выразительно по-весеннему крикнула. Для человеческого смысла это не был звук надежды, но вспомнилось далекое прошлое, когда при этом крике вороны ранней весной являлась зеленая надежда на жизнь в каком-то светлом зеленом царстве.

Мы теперь, как суслики, спрятались в норки и тащим себе запасы по зернышку. Ляля и теща подготовляют наши запасы, зашивают продукты в разные резиновые мешочки, чтобы закопать в землю. И наша замечательная любовная переписка, и дневники 40–41 гг. – все пойдет в землю.

Вот и хочется, чтобы не в землю, а людям бы пошла моя жизнь. Но какая может быть надежда на то, что проповедь любви найдет себе место во время войны?

23 Октября. В Усолье все хозяева свое добро закапывают в землю. Это передалось в наш дом, отягощенный вещами. Решено все закопать в ожидании машины и потом отвезти в лес и зарыть. Весь день бегали туда-сюда, весь день не разговор, а шепот сусликов. Присел на минуточку к столу, развернул беседу Ивана Карамазова с чертом и был поражен точно-ясным раскрытием пути сверхчеловека. Я хотел было сказать Ляле об этом открытии своем, она же не стала слушать меня и, увидев, что я читаю, воскликнула: – В такое время читать! – Сказала это с истерической ненавистью, и я понял, что Ляля больна. Но я все-таки ей ответил, что буду продолжать чтение и если она будет меня обрывать, как мальчишку, то и вовсе не стану упаковывать вещи. Через минуту она вышла из этого своего истерического состояния. А вечером пришел Иван Павлович Логинов и своим спокойным отношением внес мир.

Нужно в молитве просить избавить себя от торопливости, но самое трудное в жизни с женщиной, столь резко разделенной на духовное существо и собственно женщину, – это знать, когда надо повиниться перед ней как перед высшим существом и когда отечески останавливать ее, а иногда и прикрикнуть. Начинать надо, конечно, с того, чтобы при истерических состояниях не ввязываться в споры как равный.

Вчера целый день повторялась пушечная стрельба в направлении Калязина, но точно сказать, где теперь немцы, никто не может: газет нет, радио какое-то случайное, слухи строятся и по немецкому, и по русскому радио, всяк сочиняет, как может.

В полдень приехал N., привел из ремонта мою машину и сказал мне так, что машину у меня отнимут непременно: спасти ее нельзя, если только я не отдам ее в пользование в Леспромхоз (т. е. ему). Мне ничего не оставалось, как отдать ее, и я отдал без сожаления, с небольшой надеждой на ее возвращение. Более или менее определяется, что жена его за то сердится на нас, что N. помог мне привезти архив, а я не дал ей времени купить отрез на пальто, за которым именно и ездила она.

N. говорил, что убежавшие из Москвы в панике начальники признаны дезертирами и теперь их ловят. Это обстоятельство (что бежать нельзя) будто бы и задерживает на месте у нас власти.

В Москве объявлено осадное положение чуть ли [не] на другой или на третий день после нашего отъезда. Въезд и выезд запрещены.

Взят Таганрог.

Мы надеемся, что через нас фронт не пойдет и мы [не] окажемся внутри кольца.

Все Усолье закапывается. Мы доверились N. с Иваном Васил. закопать наши вещи в лесу и так недалеко от своей квартиры, чтобы ежедневно можно было проверять яму.

Знаменитые свои тетрадки, спасенные из пожара в Брыни, решившие судьбу мою во время Мамонтова в Ельце[156], теперь я заклеил в резиновый мешок. Мы весь день сегодня заклеивали в мешки и забивали в ящики свои вещи.

Сюжет. Все время было возможно уехать из Москвы, и на добровольную эвакуацию смотрели благожелательно, поощряли ее: государству не надо тратиться. Но пришел такой момент, когда спешная эвакуация долженствовала вызвать опасную панику. В этот наступивший момент 17-го Октября множество начальников, даже и несколько наркомов бежали из Москвы, захватив из касс на дорогу денег, каждый по своему аппетиту. Чтобы остановить опасную панику, были приняты экстренные меры, беглецов признали дезертирами, подлежащими расстрелу, а некоторых оставшихся на месте наградили орденом Ленина. А. Н. Раттай, латыш, старичок, ненавидевший немцев, когда начальство его убежало, решил было пешком уйти из Москвы. Но мы отговорили его, и он остался в Райздраве один и за это был награжден орденом и сделался заведующим Райздравотделом. Теперь, когда Москва окружена немцами и нет больше из нее выезда, наш латыш встречает коренных врагов своих немцев с орденом Ленина на груди.

24 Октября. В уголке за моим столом икона Богородицы, Спасителя и еще маленькие Лялины иконки и Олегов монашеский наперсный крест. Смотрю на иконки и чувствую все прошлое, даже как няня моя в Киев Богу молиться пешком с богомольцами ходила из Ельца. Я чувствую всю родину свою, какую никогда не отнимет от меня никакой враг. И всю эту ясность и уверенность в себе создала во мне Ляля...

В Ляле, как в хрустале, видна ее «женщина», повернутая лицом к Богу: тут насквозь видно, сколько зла самоволия в женщине, если только она не предстоит Богу. (Помни Кащееву мать и Антониду Романовну.)

N. предполагает, что остается всего недели две до конца. Мы вчера с ним объездили на машине лес с целью найти место, чтобы закопать вещи. Иван Вас., сопровождавший нас, посоветовал зарыть в том месте, где мы ежедневно гуляем, значит, можем наблюдать. Оба, директор и мельник, клянутся, что оба они самые верные люди, N. просит верить ему. Очень возможно, что связь со мной N. выгодна и N. для меня делает как надо.

И тем не менее, вернувшись вчера домой, я дневники и часть продуктов зарыл в омшанике у Павла.

Сегодня с утра летит снег и тает. Ходил осматривать лес, где бы можно было устроить вещи. Слышалась отдаленная артиллерийская стрельба. Германская листовка предлагает живущим на шоссе дней на 5 оставить жилища и перебыть в соседних деревнях.

Поиски надежного места укрытия вещей. Ягель, олений мох, сдирается широкими лепешками, пригодными весьма для маскировки. Зеленый мох, в подушках которого сидят сосны, очень легко отстает от дерева и опять прилипает: можно скрывать мелкие вещи. Но в особенности хороши старые пни, сохранившие всю форму пней, но такие трухлявые, что с ними можно делать все, что хочется, иногда даже пересаживать с места на место вместе с обрывками обомшелых корней. Просека лучше тропы, меньше ходят по ней, и мелкий лес, чаща, лучше леса большого. С межевой ямы просеки, идущей с севера на юг, я взял на восток по высокой сосне, вышел на Лялину тропу, по ней влево 3 кочки, против них на той стороне тропы в сосняке густом и мелком поляна, на поляне выворотень...

...в детстве и даже в юности был у меня постоянный страх, что кто-нибудь подсмотрит за мной и застанет врасплох и найдет такое, чего мне никак нельзя никому показать. После я вовсе освободился от этого страха, но зато явились страхи от внешних причин, и так вся жизнь какая-то заячья... Думал я так, выискивая место, прятался, вдруг глухарь поднялся и сел на верхушку сосны и стал из мутовки вытягивать шею и повертывать голову во все стороны. Я так понимал его теперь, выглядывая из мелкого сосняка: не видать ли где человека. А брусничка темно-кровяного цвета, хватившая морозца, еще виднелась кое-где на кочках, и клюква, наверно, не вся обобрана, так не собрались бы бабы за брусникой и клюквой. Вот я выглядывал, а глухарь...

Похоронили под выворотнем возле Лялиной тропы тещино серебро. Тут же рядом наметили место для других вещей.

Разгадка о партизанах. В результате московской паники запрещено эвакуироваться коммунистам. Значит, им придется переходить на партизанское положение.

25 Октября. Погода мягкая, в земле роется легко. Рыли в подвале и на Ляляной тропе.

Под вечер вынес ящик с фотоаппаратами и до темноты успел зарыть. Я выбрал место боровое на краю той же самой болотинки с выворотнем. Тут вокруг старого пня тесно стояли молодые сосенки. Земля тут до того бедная, что местами выступает на свет желтым пятном чистый песок, обрамляемый вереском. Мне это вышло на руку, потому что песок, который я выбрасываю из ямки, если его хорошенько разровнять, помести веником из сосновых мутовок, особенно обсыпать потом желтыми опавшими сосновыми хвоинками, представляется естественным пятном. О маскировке хвоинками меня надоумила Ляля, и я опять подивился ее чувству природы. Вначале, когда она утверждала, что обладает сильнейшим чувством природы, мне это казалось недоразумением: какая это природа, если она не может галку отличить от вороны или грача. Но теперь я так понимаю ее чувство природы, что она чувствует в ней самое главное, все же наше знание природы ей не очень-то и нужно. А если это знание потребуется, то она быстро найдется и сделает все не хуже нас, следопытов. Вот почему она открыла мне сразу лучший способ маскировки песка сосновыми хвоинками.

Вечером приехал на моей машине N. и рассказал о делах на фронте. Теперь стало ясно, что московская паника не случайная, а таким образом складывается наше «блестящее сопротивление»: паника обнаруживает слабость сознания долга, а слабость эта уничтожается репрессией (вот почему политруки). Так что день 17 Октября не является днем поражения, а обычной картиной нашей войны. И, значит, все продолжается по-старому, и, вероятно, даже мне удастся разыскать Госбанк для получения пенсии.

В обеспечение жирами месяца на четыре предлагают купить свинью по 30 р. кило. За мануфактуру добыли зерна ржаного.

И надо! Наш болотный район не может быть полем сражения, немцы идут на Рыбинск – Ярославль, мы должны оказаться в кольце сначала под неограниченной властью местных органов (где теперь Союз писателей, как его найти?), а потом оккупантов.

26 Октября. Неведомый отшельник молится неведомому Богу: – Господи, отстрани от нашей жизни врагов Твоих, а я положу свои силы, чтобы полюбить врагов своих.

Я встал рано, чтобы доделать на песке незаконченную вчера маскировку хвоинками, в темноте вышел из дома из опасения, что по случаю выходного дня бабы выйдут в болото за клюквой и нарвутся на мою работу. Но, к моему счастью, ночью само небо пришло мне на помощь, легла тонкая белая пороша и закрыла все мои вчерашние грехи.

Пробовал Гоголя почитать, поэта самого глубокого, и даже в его глубине теперь не мог найти поэзии, возмещающей жизнь, и все казалось при чтении, что нет и не может быть такого возмещения и если будешь стремиться писать по-серьезному, то всегда с поэзией своей будешь сбоку припеку. Так что для поэзии есть показанное время, и вот чем объясняется, что даже Ляля, принявшая на себя теперь долг ухода за матерью и за мной, зло передернется, когда я иногда пожелаю сказать что-нибудь на литературную тему. Только теперь понимаю, какая ужасная пошлость заключается в ответе крыловского муравья: – Ты все пела, – это дело! так поди-ка попляши! – пошлость и глубочайшее мещанство, объединяющее мораль и буржуазную, и социалистическую. Мне думается все-таки, что великим бы делом могло быть теперь, величайшим, – это поиски слова, опережающего так называемую жизнь. И между тем у нас этому есть образцы, слова Евангелия или даже псалмы Давида царя. Гоголь, наверно, так и сделал, не находя в себе своих слов, обратился к словам божественным и об этом начал переписку с друзьями[157].

<*Приписка*: Даже слово Божественное мертво, если нет творческой личности, его современно воспринимающей. А у Гоголя

так было, что он как творец, как современник, как бог исчезал, внимая слову божественному (развить эту смутную мысль).>

Думают обыкновенно, что если самка убегает от самца, то это она кокетничает с ним, разгорячает в нем пол. Но это не совсем верно: можно и так думать, что убегающее от полового сношения существо как источник личного (духовного) начала свойственно жизненному процессу, что это убегание самки является составным звеном движения всего человечества вперед (прогресса).

Это убегающее существо может быть настигнуто, и то, что убегало, заключается в утробу и выходит потом из нее ребенком. Но оно может быть и не настигнуто и влиять непосредственно (бессеменное зачатие).

<*На первом развороте новой тетради*: Лучшее из этого дневника переписано в исправленном виде на машинке. Но остается много фактического материала о моей жизни в Усолье. И довольно есть среди всего пустяков, необдуманно написанных и подлежащих вычеркиванию.>

26 Октября. Заделал в резину бумаги и зарою в подвале.

Водил Лялю проверить свою работу в лесу. Она очень одобрила мою маскировку...

Начались тяжелые вечера за одним столом при единственной лампе.

<*На полях*: Самолюбие отрицательное свойство.>

27 Октября. Так он молился: Господи, Боже наш, рассей врагов Твоих и я полюблю своих.

NB. Почему-то чуть только «Бог», и фальшиво выходит написанное. Как это мог Толстой пересилить в себе это чувство и наворотить гору отсебятины?

С каждым днем выясняется, что московская паника 17-го Октября, возможно, и характерна для нашей войны, но не це-

ликом, а частично. После такой паники применяются жестокие репрессии, и в общем получается *сопротивление,* которое в Америке теперь называют «*блестящим*».

После паники местные люди начинают мало-помалу одумываться и опять затаиваться в себе и делать вид, будто работают, и в самом деле кое-что делают. Вот казалось, картошка в поле пропала, а прошла паника, обмяк мороз, и опять копают исполу городские и дня через три кончат.

Каждый день с утра до вечера слышен бой под Калязиным все на том же месте, и люди в нетерпении повторяют: – Толкутся на месте, один бы конец. – Мои знакомые отложили желанный и, казалось, столь близкий конец войны до Нового Года. У других являются даже сомнения в силе немцев. Так вот и переменяется склад мыслей в человеческом стаде, как в погоде.

Как оглянешься назад да вспомнишь, то, с одной стороны, удивляешься, до чего все хорошо за советское время обдумано все в пользу человека трудящегося, честного, хорошего, начиная с самой земли, отданной в распоряжение государства. С другой стороны, поражает, с <*вымарано*: какой ненавистью какими рывками, какой истерической суетой выполнялись все эти благие начинания. И так получалось, что произнесенная Правда перерождалась в ложь>.

28 Октября. Скорее, скорее проходите, пролетайте, исчезайте эти дни ужаса в пустоте.

В истинном знании содержится воля Божья, и в «Отче наш» – «да будет воля Твоя». В этой воле включена вся наука. Нет знания без дел, кто знает, тот действует. В этом смысле требования революционеров действий от знания, т. е. что знание отвлеченное есть вера без дел.

Слушая рассказ Ляли о Новоселове Михаиле Александровиче, думал о чувстве времени, которое делает человека современным или живым. Это чувство времени всегда сопутствует таланту художника, независимо от того, изображает ли художник вечную природу или самолет, последнее изобретение чело-

века. В чувство времени, между прочим, входит и самоопределение, т. е. личность человека, как существа небывалого.

По-моему (надо проверить), мать, рождая ребенка, непременно должна в сильнейшей степени испытать в себе это чувство времени, а именно, что и она теперь человек современный или настоящий, и она знает теперь, родив человека, про что она живет, значит, что она чувствует свое существование связанным с личностью рожденного ею существа и в то же время, что она тем самым не отстает от других и им современна.

Мать не может понять, как это дочь ее, когда-то готовясь к постригу, все глядела на себя в зеркало. Перебирая свои сундуки, она с улыбкой осыпает нафталином белое подвенечное платье рядом с черной ряской монашенки-послушницы.

Выстрелы смолкли, и это понято не в пользу немцев. В связи с этим и жизнь выправляется на советский лад: опять стало возможным кое-что и на советские деньги купить. И даже больше того: каждый стал вообще жить так, как будто бы еще возможна в будущем победа советской власти над немцами.

Слова мудрые часто называют *простыми*, потому что такие слова у многих простых людей возбуждают собственную мысль. Услышав эти слова, говорит простец: «вот и я тоже так думал всегда».

Слышал, что в газетах уже напечатано о московской панике как факте и о наказании виновников. Таким образом, нет больше основания опасаться за сказанное на Болоте по приезде из Москвы.

Все складывается так, что надежду на близкое окончание войны следует отбросить и устраивать жизнь свою...

29 Октября. Немного подморозило, в бору сквозь черные стволы разгорается на небе утренняя заря. Кажется, будто этими черными колоннами поддерживается небесный купол. И я чувствую всей душой, какое счастье мое, что могу в этом храме читать свой «Отче Наш» и благодарить Бога за друга своего

и просить рассеять врагов Его, чтобы я мог полюбить врагов своих.

<*Приписка*: NB. Опять с этим «Отче» что-то неладное: это, вероятно, от неверного, неискренного, непродуманного сопоставления «счастья» с «Отче».>

Вчера узнал, что Ахтырка, узнав от меня 18-го о панике в Москве, тут же и разболтал, а когда его партком прижал, сослался на меня; что неприятность миновала меня только потому, что о панике написали в газетах, значит, секрета нет. Ахтырка оправдался тем, что сам же нам все первый и рассказал. Пусть же расплатится за свой глупый язык керосином. Обещался прислать.

Старик шел за телегой, его спросили, он-то, старый, зачем с места поднялся. – Не своей волей иду, – ответил старик, – пришли партизаны, вытолкали меня и на моих глазах дом мой зажгли. Вот я и иду.

С трудом пытался вчера доказать Павлу Назарову возможность истощения немцев и нашего наступления с Кавказа вместе с англичанами. Последний аргумент мой был: – Надо помнить, П. М., что на войне, как и всюду, не всегда делается, как нам хочется. Ведь вам хочется... – А вам? – спрашивает он. – Я не судья и волю свою и желание отстраняю. Я двадцать четыре года честно служил родине и теперь жду суда: времени было достаточно, чтобы правительство наше могло подготовиться; победит – будет хорошо, если же не победит, значит, оно было плохим правительством, и я был обманут. Не я сужу теперь, я только жду решения, стараясь выключить свое желание. Вы же судите, как вам хочется. – После этих моих слов ему пришлось замолчать.

Никогда за все двадцать четыре года не показывалась так ясно сила, лежащая вне нашей воли, вне нашего разума. И сколько же раз было, что вот-вот оборвется советская власть. Но проходило время, и карающая власть обращалась против ее ненавидящих. Тогда смолкали уста, сгибались спины в труде, дробились сердца в суете. Почти четверть века русские прохо-

дили начальную школу послушания до полного признания: не моя воля, а да будет воля Твоя. И вот последнее испытание – эта паника. И что же? все прошло благополучно, паника остановлена, войска собраны для обороны Москвы, наметилась возможность сопротивления, если Москва даже будет оставлена. «Все в порядке» – и продолжается «блестящее сопротивление».

<*Вымарано*: Те несколько патриотических дней, которыми увлек нас Рыбников, в своем роде тоже... расчет патриотов был основан на [забвении розни] между народом и партией, [признании партии] как включенной в народное дело.>

Клады. Сегодня показали листовку «Последний пропуск», в ней говорится, что в последний раз предлагается красным бойцам выбор жизни и смерти, потому что близок конец: армия Ворошилова окружена, Тимошенко сбежал, Южная армия разбита, и германская армия занимает Донбасс.

Хозяин наш 44-х лет получил повестку идти на фронт, и все вообще мужское население выбирается: сегодня для всех женщин наших тяжелый день.

Погрузил в песок три портфеля писем и дневников за все время жизни с Лялей, так что всего 5 кладов: 1) В омшанике – дневники <*приписка*: (2 ящика дневники и мешок с рисом-сахаром)>. 2) Под выворотнем серебро. 3) На бугорке у болотца – ружье. 4) Рядом с ружьем фотоаппараты. 5) В подполье – портфели. 6) Охотоприпасы у лесничего.

Монах и казак. Впервые очень заметил в себе: что в одиночестве мне все по плечу, а в обществе – ничего. Если же и в обществе мне что-либо удавалось, то это удавалось, когда я в общество вносил достигнутое мною в одиночестве.

А есть другой тип человека: он самим обществом и в обществе рождается как работник и вне общества – ничто. Это два типа людей (по Ключевскому, монах и казак) – основные типы деятелей человеческого творчества.

30 Октября. На рассвете пришел Пав. Мих., и Дуня начала по-бабьему рыдать о нем, как по покойнику. Ну и воин Пав. Мих., воин из Болота!

Ну и трудно же теперь нашему хозяину с такими «новобранцами».

К Московской панике 17-го: я ехал спасти архив, N. определиться в Начальстве, жена его – купить отрез.

Вчера вечером теща <*зачеркнуто*: во всей наивности ограниченного человека> спорила с Лялей, выставляя ей, как реальность, свою неудовлетворенность этой жизнью беспорядочно-неряшливой. Ляля, напротив, освещала эту жизнь как переживание, как движение к радости. – Какая тут радость, сплошное страдание: тебе просто самое страдание нравится. – Нисколько: я просто чувствую радость. Представь себе, что теперь пришел бы отец и у него были бы грязные руки, и ты сама в грязи, разве бы ты не забыла эту грязь и беспорядок? – Я бы, конечно, обрадовалась, но не забыла бы немедленно привести все в порядок. Вы же как будто ищете беспорядка в текущем моменте жизни, чтобы извлекать себе радость для будущего. – Не беспорядка, а борьбы за порядок: посмотри вокруг себя, всякая вещь у меня на месте. – В узлах! – А хотя бы в узлах: мой порядок имеет целью движение, как в путешествии, а твой для собственного личного удовольствия. – Нельзя же, мамочка, исходить из личного удовольствия: такая точка зрения погубила Римскую империю...

Помню, еще в году 37 я сказал Ставскому, что нельзя всерьез говорить о литературе, требующей личности, в то время как мы все, даже и самую личность должны отдавать для войны. – Я вас сейчас положу на обе лопатки, – сказал он, – госуд. издательство выпустило Пушкина многомиллионным тиражом – это для войны? – Конечно! – ответил я. – Пушкин же теперь не пишет стихов, издается не сам по себе, а как средство для воспитания чувства родины, необходимого для воина.

Вспоминая этот разговор, представляю теперь выдвижение попов и архиереев: тоже, конечно, в государственных интересах. Итак, весь лично-кустарный строй старой России переделывался на социалистический, все понятия, возникшие в отношении личности, теперь, сохраняя свое прежнее имя, прилагались к обществу. Взять хотя бы Правду как дело совести,

превращенную в газету «Правду». Личнику эта правда общественная казалась ложью, и так эта ложь все росла и росла <*вымарано*: и в ней-то и была революция, непобедимая никакими средствами>.

Может быть, именно оттого и развилась ложь вместо правды, что вождям коммунизма пришлось с ремесленно-феодального берега прыгнуть прямо на этот берег коммунизма без промежуточной опоры на буржуазно-промышленный период истории. Вот почему, вероятно, так удался нэп и так хорошо его вспоминают.

Но, вероятно, все это было известно, а расчет был на промышленную и моральную катастрофу в мире и [на] нашем победном выступлении... Между тем промышленная катастрофа, как показывается сейчас, приводит в этом смысле к реакции, иначе разве возможно было на глазах всего мирового пролетариата немцам расстрелять коммунистов.

Вся катастрофа состоит в разладе личного начала человека и общественного: лично никто не хочет войны, а общественно должен воевать. Так что человек служит обществу против воли своей без любви. Во всем мире в этом отношении великий разлад, и отсюда великая слабость, у одних немцев осталось какое-то Pflicht как мост между личностью и обществом, и этим они побеждают.

Это немецкое Pflicht развилось, конечно, в ущерб личности, и вот почему немец при всем своем знании, умении, храбрости, честности не только французу, но и русскому кажется человеком, как личность, ограниченным. Отсюда, из этой личной ограниченности наше какое-то юмористическое отношение к немцу в домашней жизни и бесспорное уважение к его хозяйству и службе, мастерски выполняемым за счет личного развития.

Даже это откровенное влечение к господству нам, не только русским, но, наверно, и всем народам в мире (не знаю японцев) кажется свойственным только немцу, потому что для всех наверно это «господство» не сладостная цель как для немца, а скорее злая необходимость.

Правда ли, что плановое хозяйство может устранить промышленный кризис и войны? Если это правда, то кому же, как не немцам, ввести в экономическую жизнь план. Англичане с своими владениями вынуждены думать о себе, им не до плана, а немцы со своими планами могут послужить для всех. Но ведь это самый скучный в свете отдел мирового творчества: дело принудительного обеспечения плана, представляющее сущность так называемого господства. Бывало, на майских демонстрациях я смотрел на портреты Ленина и других вождей с чувством жалости: «нигде-то им бедным покоя не дают». А немцев в таком положении почему-то не жалко: им хорошо.

Сегодня после вчерашнего вечера лунно-прекрасного, морозного, определилось утро невозможно-ненастное: хлещет дождь, свирепый ветер, гололедица. Немцы, наверно, хвост поджимают.

31 Октября. Вчера явился на моей машине N. За это время он успел уже много наездить на моей машине, крылья помяты, мотор как-то хрипит. Он подписал со мной договор о том, что я предоставляю машину учреждению, уверяя меня в том, что у него, директора, машину не возьмут и он ее мне сохранит. Теперь же сам говорит, что ему приходится с ней прятаться, ссылаться на меня. Недавно он ездил на ней в Ростов, теперь едет в Москву, чтобы успеть деньги обернуть в золото. Одним словом, жулик первостепенный.

N. небольшой человечек, блондин с узким лицом и светлыми грустно-симпатическими глазами, растительность на лице такая слабая, что думаешь, он дня три не брился, а это у него всегда такие небольшие рыженькие волоски. Сразу видишь что-то нерусское и принимаешь за еврея, но он еврея в себе отрицает и ссылается на поляка. Он чрезвычайно находчив на ходу, энергичен, умен, но стоит ему остановиться, как оказывается, в нем просто нет ничего. Он не партийный, но служил в НКВД, как сам говорит, по хозяйству. Однако он и не просто беспартийный, потому что беспартийность есть некоторое от-

ношение к партии, отчасти моральное состояние, у него же нет морали, и существо его – компромисс, и цель его – так устроить дело, чтобы и овцы были довольны, и волки сыты. Однако в этом искреннем его намерении он столько находит себе клиентов, что угодить им всем бывает невозможно. Вот почему одним он удачно услужит, других надует. Тут, однако, это разделение на получающих от него дары и обманутых происходит не случайно: получающие всегда посильнее. Свои приемы подхода к человеку, способность влезать он, вероятно, взял из практики НКВД. Так вот он взял мою машину на ремонт в гараж и привел мне ее чистенькую, исправленную. Задушевным голосом сообщил, однако, что на машину мою охотятся и неминуемо отнимут. Но ее можно поставить у него в гараже для временного пользования... И вдруг получилось так, что если я ему не отдам машину, то ведь он же и пошлет ее отнять. Так точно он опутывает и своих служащих, создавая из них верных Ричардов: Иван Васил. его раб, потому что если чуть что – и уйдет на фронт. Вся жизнь его – это охота за случаем: никаких жизненных правил, одни только счастливые случаи, которые он находит, как легавая собака, чутьем. Он неуловим, как мышь в копне: довольно сухого листика, чтобы мышка затаилась, маленькая, а источит всю копну...

Сейчас, когда определяется германская оккупация, он мечется, как в «Страшной мести» колдун[158]. Длинная тень легла от всадника, и вся фигура Германца на коне роковой силой тянет к себе бегуна, и все случаи так располагаются один за другим, что бегун устремляется к всаднику. И вот к бегуну протянулась рука, великан поднял его, посадил на ладонь и усмехается: такой мелкий, маленький бесеночек, с такими грустными зеленоватыми глазками. – Пусти меня, я тебе пригожусь! – шепчет бесенок. Всадник ухмыляется. Вот в расчете на такой-то разговор теперь и движется N. навстречу оккупации. Сердце его, однако, неспокойно: по русской практике он хорошо знает, что Всадник ухмыльнется и скажет: – А что в нем, пожалуй, пущу. – В германской же практике еще неизвестно: вдруг возьмет да и зашвырнет.

<*На полях*: От немцев не бежит, «потому что нас таких 30 % населения».>

Сегодня открылось Тульское направление, и верные слухи пришли из Москвы, что немцы сыпят бомбы, а мы строим баррикады и копаем на площадях рвы. Еще слухи о стычках на Японской границе. И показывается перспектива: если Япония выступит и на нее выступит Америка, значит, война продолжается как настоящая мировая война; если же англичане-американцы и тут не выступят, значит, у них относительно раздела нас договор. Читал в какой-то маленькой газетке статью А. Толстого о величайшем патриотизме тыла и проч., но существенным в статье было указание на организацию Гитлером всей Европы для войны с нами, а также и на то, что на юге мы разрушили все сооружения на Днепре и Дону и вообще все, что сделали за 24 года строительства. <*Вымарано*: Глупец сам не знает, что говорит.>

Под вечер выпал снежок, так чуть-чуть припорошило. Невидимкой луна освещала. Конец месяца провел в лесу. – Итак, еще почти два месяца день будет убывать, ноябрь и декабрь.

1 Ноября. Погода охотничья, классическая черная тропа, как в «Войне и мире». Земля в тумане.

Зачем писать мне далекому неведомому и предполагаемому другу, как делал я это много лет подряд, если мой настоящий, живой друг дремлет рядом с моим столом и я могу, когда он проснется, поделиться с ним всеми моими мыслями и мечтами. Единственный побудительный мотив для моего писания теперь – радовать своего друга неперестающим движением моей мысли, неугасающим стремлением моим заключать в какую-то форму текущий хаотический поток жизни.

Теперь каждый вечер я целую свою женщину, кладу голову ей на плечо возле груди, обнимаю одной рукой сверху, другой из-под низу. Тогда мне кажется – я погружаюсь, как бывало на юге, в Черное море, только намного, много лучше и прекрасней – это не вода теплая, даже не тело, а сама любящая душа человека сливается с другой душой. Она поглаживает мою голову, спрашивает: – О чем ты думаешь? – Я ей отвечаю, и мы

советуемся так же свободно, как один человек сам с собой. И так проходят часы, и в этом единстве нашем я большей частью забываю даже о том единственном, из-за чего раньше приходил к женщине.

Чудесные мгновения. Я сказал Ляле: «какие у нас с тобой чудесные засыпанья, такие длительные райские чувства: я раньше этого и не подозревал у людей. – А как же ты думал, люди в любви обходятся? – спросила она. – Я думал, они сходятся на 5 минут и в этом все, а потом опять, когда захочется. – Ну, запиши же, – сказала Ляля, – поди, запиши, это так характерно, так разделяет людей на таких, как ты думал, и как мы...»

Чувиляев. Он собирал в лесу много лет подряд корешки и палочки, имеющие капризную форму птиц, зверей, людей, богов. Может быть, он, потратив на это собирание столько труда, бессознательно руководствовался верой в Бога как в первопричину искусства. Может быть, но будь у него любимая женщина с домашним уютом, не стал бы он таскаться по лесам за корешками.

– Неужели так и все искусство рождается в бездомьи?

– Не понимаю, – сказала теща, – как мог возникнуть вопрос об искусстве, как самоутешении.

– Согласен, – но у меня так вышло. Я писал письма и повести, адресованные к далекому неведомому другу, но когда друг пришел, искусство мое уступило жизни. Я говорю, конечно, не о домашнем уюте, а о жизни, которая значит больше, чем искусство.

– Есть ли такая жизнь?

– А как же. Если бы не было такой жизни, то откуда бы взяться и самому искусству.

В «Фацелии» намечена, но не совсем раскрыта тема первенства жизни перед искусством, я говорю о жизни, преображенной деятельностью человека, такой совершенной, что искусство является перед ней только средством, пройденным путем (как ожидание друга и самый друг).

2 Ноября. Утром в полумраке я увидел на столе в порядке уложенные любимые книги, и стало мне хорошо на душе. Я

подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс, и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в «Слове о полку Игореве». Но вот оно «Слово» лежит, и я знаю, по Слову этому все встанет, заживет. Я так давно занят был словом и так недавно понял, что вполне ясно: не чугуном, а Словом все делается...

Утром за своим чаем, когда на дворе еще вовсе темно, взглянул на книжечки на столе и обрадовался: вот ведь четверть века люди, работая, полуголодные тащили с ругательствами свои гроши на постройку Днепростроя, Донбасса и т. п. И все это взорвано, страна пуста, как во время татар. А вот книжечки эти, Евангелие, Исаак Сириянин, Гоголь, Достоевский – не уничтожишь. Значит, вот где реальность, в слове, а не в чугуне. И так вот в пустой разоренной стране остается Слово, и мы знаем, что есть оно – и страна снова встанет. Да, Слово, «и Слово бе к Богу»... вот, вот теперь это нам надо, и этого довольно: Слово к Богу.

3 Ноября. Так это и осталось на дни, что земля, и лес, и вода остаются в непроходящем легком тумане...

У ели ветки только верхней мутовки смело поднимаются вверх и каждый год, сменяясь, все выше и выше поднимаются на растущем стволе. Остальные ветви, перегружаемые зимой снегом, склоняются и как бы смиряются. Самые же нижние ветки обыкновенно ложатся на землю шатром, снег-поземица обметает, засыпает сверху шатер, и внутри его часто до самой земли остается убежище. Бывает, так и увидишь следок какой-нибудь, идущий под зимний шатер.

Но не всякие ветки смиряются и ложатся в стройном порядке: там и тут, бывает, какая-нибудь непокорная ветка торчит и выдерживает на себе всю тяжесть зимнего снега и не смиряется. Был один такой сук, был он, как и все, какой-то год процарствовал в верхней мутовке, и когда на другой год надо было повиснуть – не смирился, и так прожил непокорным до тех пор, пока дерево не стало высоким, прекрасным. Тогда пришла такая суровая снежная зима, что даже непокорный сук был прижат к самой земле и не воспрянул, когда солнце весеннее осво-

бодило весь лес от снежных завалов. Напротив, когда все, даже самые нижние сучья хоть немного да приподнялись от земли, этот непокорный сук остался лежать. И когда ветер пришел, он, как наказанный, стал от ветра раскачиваться и подметать землю под елкой. Сколько бурь, сколько ветров сквозит через лес, и даже самый незначительный качает наказанный сук и не дает ему никогда покою.

Так образовался под елью чистый ток, как на молотилке, и в тихую погоду этим током пользуются разные птички, зверушки, кто еловую шишку приносит и возится с ней, выбивает клювом зернышки, белка с орешком посидит и оставит скорлупки, глухарь накопает камешков. Каждый день тут видишь какие-то следы. А когда ветер, опять наказанный сук за работу и выметает все, и становится опять чисто под елью, и далеко заметный точок опять привлекает к себе разных птиц и зверушек.

<*На полях*: К рассказу о дереве: метущая ветка.> Одна большая ель спустила до земли нижние ветви, и когда ветер, эти ветви качаются и разметают под собой землю. Так образовался под елью чистый ток, как на молотилке, и в тихую погоду этим точком пользуются разные птички и зверушки, кто еловую шишку принесет и возится с ней, выбивая клювом зернышки, белка с орешком посидит, глухарь с камешком возится, и постоянно, каждый день видишь тут все новые следы. А когда ветер, опять заходят ветви и все выметут.

Угроза жизни, как туман, нависла в воздухе. Дня два-три как заметил перемену в лице Ляли и догадываюсь, что это у нее тревога за жизнь матери.

Можно уже и опасаться, и так это не вовремя. Да, видно, и все мы поддались, несмотря на хорошее питание и воздух. Угроза жизни, как туман, висит в воздухе. И весь день с утра до ночи и ночью слышатся в полукруге горизонта глухие удары. Тут хоть бы какой конец, но именно конца-то нет, между тем как угроза все сильней и сильней и признаки явственнее: то девок везут на трудовой фронт, то новобранцев мальчишек. И вот вчера пришла весть, что надо ружья охотничьи сдавать, нельзя и выйти с ружьем.

N. с машиной пропал, связи теперь у меня прямой нет с городом. Очень возможно, что, предприняв спасение жизни в одиночку, я сделал ошибку. Но, может быть, спасемся и так...

В таких условиях вчера я начал писать роман «Начало века»[159], который будет делом всей моей жизни, и я хочу эту книгу так написать, чтобы весь мир прочел ее и она была бы в оправдание божественного начала, обитающего в душах нашего, по словам немцев (взял из наших газет), обезьяньего племени. Ляля сказала, что начало вышло блестящее.

<*Зачеркнуто*: Какой-нибудь усердный церковник, благоговейно, но без понимания философского о горящей свече, как о человеческой жизни, ставящий свечу, никак не может понимать стоящего над ним мудреца, которому для общения с Богом вовсе и не надо не только свечи ставить, но и в церковь ходить. И мудрец этот перед большим мудрецом тоже как нищий мысли. И так все... Взять хотя бы разобрать, почему это неловко Лялю, нельзя назвать простой *женой*: потому что «жена» в отношении Ляли – это все равно, как верующий со свечкой в отношении того мудреца.>

Есть и у большевиков какая-то правда, и вот отчего ненавидящие их при задержке наступления немцев смущаются больше, чем следует: они смущаются возможности той правды, которую они в злобе своей пропускают...

4 Ноября. Господи! рассей врагов Твоих от лица моего и освободи всю любовь мою ко всему Твоему миру и даже к врагам своим.

Искал врагов своих личных и не мог назвать ни одного, все мои враги, как мне кажется, являются врагами Бога. Так можно и о грехах говорить: их тоже просто нигде не чувствуешь, а надо открыть.

Молитва должна быть своей, даже если слова ее в точности сохраняются как у отцов. Ты же в эти слова неминуемо должен вкладывать свою мысль, волю и желанное исполнение. Если же ты можешь и слова изменять согласно времени, то делай это,

ничего не страшась, потому что новое вино лучше вливать в новые и более надежные мехи. Ничего не надо страшиться, если ты это делаешь для Бога, а не для себя, своей славы и прихоти. <*Приписка*: NB. Все хорошо, но пахнет поповством, и хочется сказать: не учи и не судим будешь.>

Искал врагов личных своих и не мог назвать себе ни одного, все, кого я считаю врагами своими, являются врагами ведущего меня Бога. <*Зачеркнуто*: Когда же я вообразил себе личного врага, как, например, Ефросинья Павловна в отношении неведомой ей Валерии Дмитриевны, то мне представилась простейшей истиной, почти даже вежливостью и опрятностью, необходимостью моя любовь к ней.>

Итак, читая отцов, располагавших мысли свои вокруг греха, я часто искал в себе такого греха и почти горевал о своей бедности в этом отношении. Полноценным человеком в этих книгах признается какой-то вроде разбойника, признавшего Христа[160] на кресте.

Но человек, по природе своей любящий людей, славящий Бога, в учении отцов церкви обходится. И Достоевский предлагает Алешу последствием греха[161], т. е. дурной испорченной природы своей карамазовской. Так все герои христианской церкви, кроме единственного Христа, распятого за свои мысли, за ненависть свою к «греху», непременно исходят от греха.

Исторически все понятно: от «языческой» (бессознательной) прелести природы надо оттолкнуться, чтобы принять в себя новую, Христом освобожденную от греха природу. Но ведь уже 2000 лет официальных исторических люди воспитываются церковью, и, наверно, много воспиталось хороших людей, которые детей своих крестили в святой воде и воспитывали.

Так почему же теперь-то уж современного христианина надо представлять, исходя из дурной языческой греховной природы[162], а не преображенной, безгрешной природы Христовой. Почему истинному христианину вменяется прежде всего непременно мучиться своими грехами, а не первейшей его обязанностью считается молитвенная благодарность за избавление от греха?

Мне кажется иногда, что от прежней далекой страстной борьбы языческого мира с христианским после официальной победы христианства сложился особый тип языческого развратника (вроде Тернавцева и Розанова)[163], открывавшего в христианском учении удовлетворение своей извращенности. (Тернавцев: «Не могу любить народ: он сморкается двумя пальцами».)

И отсюда была навязана современному человеку необходимость (смакование) греха, равно как и *безусловное разделение всего Божьего мира на «здесь на земле» и на «там за гробом».*

Ляля хочет, чтобы я понял жизнь свою с Е. П. как жизнь «языческую», в которой не было «Слова», жизнь «Пана», как изображал ее Разумник[164].

Я это признаю лишь со стороны внешней формы, особой кокетливости охотника своей оригинальностью в мещанском обществе. Все это было отчасти извне и мне теперь просто смешно. В существе же своем все мое поведение определенно было требованием христианской природы, созданной поколениями русских людей.

Я жил с Е. П. не как язычник, в свое удовольствие, а жил, обходя грех, по необходимости, как живет поп с попадьей или Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной, не смея отдаться постоянно живущей в глубине души, влекущей к себе «прелести». Хочется какому-то неведомому другу сказать слово своей переполненной души, а друга этого нет. И вот поп, отдавая свою обыкновенную любовь попадье, несет свое задушевное слово к Богу и от Бога к людям.

Точно так же делал и я, жил с попадьей и писал неведомому далекому другу. И так жило множество хороших русских людей, и среди попов, и дворян, и купцов, и крестьян... Где тут грех, где тут язычество?

А разве не так жил Л. Толстой и просто «все»?

Так что вывод: мы имеем налицо в «природе» христианскую природу, созданную из простой природы трудами христиан на протяжении 2000 лет. Не в «природе» причина моей перемены, а требовании Слова, которому я скромно служил. Слово это, обращенное к «другу», неминуемо должно было воплотиться. И никакого противоречия с природой не вышло бы, если бы не

дурацкий каприз Е. П. Весь скандал простая случайность, но не борьба между языческой природой и Словом.

И так еще, если «природа» не есть только природа Пана, а и Христа (как, напр., весь художественный «пейзаж»), то и Алпатов мог в природе Пана брать для себя христианский слой человека, отстраняя языческий. Гораздо новее и глубже изображать фазы жизни Алпатова не как борьбу язычества с христианством, а как жизнь, согласованную с жизнью Слова: это Слово, если служить ему по правде, освобождаясь от пут природы, ищет нового воплощения, новой «природы».

Надо противопоставлять теперь не «язычество» христианству, а наш родной большевизм и социализм с их верой в знание как силу человека, а не как волю Божию.

Приехал N., и мы ждем его с новостями. Уже знаем, что разбомбили в Москве дом ЦК и сбили с Большого театра коней. Надо ему протереть очки на возможность организации длительного сопротивления – раз. Второе – что машину можно продать.

5 Ноября. Вчера вечером приехал N. и посвятил нас в дела на фронте на подступах к Москве: будто бы на Западном направлении немцы в 30 кил. от Москвы. Все сопротивление исходит от коммунистических дивизий. (Молоко вполне отстоялось: сливки наверху и простокваша внизу. Оттого нам и кажется непонятным наше сопротивление, что мы имеем дело с одной простоквашей.) Выезд из Москвы запрещен всем без исключения. Бухгалтер, посланный в Москву неделю тому назад, пропал. Единственный выход из Москвы, обе восточные железные дороги на Ярославль и на Горький каждый день посыпают бомбами. По-видимому, наступление немцев идет берегом Московского моря на Талдом, и оттуда, вероятно, слышится у нас весь [день] орудийная пальба.

Вчера Ляля ходила на Болото и достала 4 кило мяса по 6 р. (в частной продаже 25 р., а свинина 45 р.), мешок картофелю, луку, через несколько дней обещают масло.

Вот надо взять у себя и у Ляли для изображения встречи Валерии Лиорко и Алпатова следующий психологический материал. Как она, так и я, при внешнем кажущемся здоровье на самом деле слабоваты. Здоровье берется изнутри. Особенно это у Валерии. Цветущий вид держится на здоровье духа. Пусть здоровье духа и будет одним из планов романа.

Помню, что когда я 48 лет тому назад вдруг поверил в марксизм, то именно вдруг явилась решительность, смелость, бесстрашие и жажда борьбы. Тут все как у сектантов: сомнения, колебания отбрасываются, круг идей фиксируется, и за этот счет остановленной мысли освобождается огромная энергия. Этот психический процесс выписан на лицах коммунистов, особенно у женщин. Этой энергией и двигались все Днепрострои, и этой энергией, ныне превращенной просто в борьбу за существование, оказывается сопротивление немцам.

6 Ноября. Завтра в Усолье престол «Всех скорбящих». – То-то у нас, – говорит Агаша, – и хорошо было, что наш праздник «Скорбящей» вместе был с их праздником (советским) и мы празднуем про свое, а они свое. Конечно, многое за это время помешалось, и Сталин и образа, все вместе. Иные образа выносили, а теперь начинают Сталина выносить. У меня же как стояли образа, так и сейчас стоят. (Агаша – тип православной язычницы.)

Ляля весь день стирала белье, а мать весь день ей соболезновала, и в ответ Ляля весь день огрызалась. А чуть мать прихворнет или даже вид покажет, Ляля начинает ей соболезновать. Стирала по-настоящему, как прачка, упивалась трудом и выстирала, и это по результату было настоящее дело. И все-таки смотришь на этот труд и все время думаешь, что это не настоящий труд, а будто «барышня-крестьянка» работает себе в утешение, всем на удивление и матери на соболезнование, – какой-то спектакль! Поглядел на лесничиху, как она картошку чистит: ни одного лишнего порывистого движения, ни малейшей торопливости, спокойно сосредоточена и во всякое время готова, если понадобится, говорить о чем угодно без помехи

своему труду. Наверно, как Ляля, все нервные люди работают, и я такой был, пока не занялся тем, к чему способен. Но я понимаю, что Ляля теперь упивается домашним трудом: она должна это делать, она теперь как все.

Какой-то парень у лесничего говорил: – Ничего не знаем и не можем знать. Тот, кто знает, не скажет, а кто говорит – врет. Кончится все через неделю? возможно. Провоюем со всем миром пять лет? возможно. Ночи начинаются длинные, керосину мало. В темноте лежишь, лежишь, начнешь мечтать, и вся мечта впустую: ничего не выдумаешь.

Но по воздуху чуешь, что события движутся, нарастают. Вот пришло 25 военных автобусов, ремонтная мастерская. Собрались, постояли. Вышел военный, махнул рукой, все тихонько двинулись и стали на опушке нашего леса, почти рядом с нашим домиком. (Неприятное соседство.)

Подгоняли Ив. Вас. дрова возить, пробовали зерна купить, мешок картошки достали. Заготовка психически распределяется на две: одна заготовка, чтобы пережить какое-то переломное событие, не поддающееся точному определению. Сказать «оккупация» слишком грубо и просто, нет! это событие, о котором каждый думает, буду я жить после того или нет, это какой-то *порог* жизни. Пусть это и будет называться «Порог».

Так вот, одна заготовка для Порога, а другая по ходу времени. Острая нужда в керосине, например, на три месяца: с февраля свет бывает раньше, а ведь утро, утро нам дорого. До Порога жизнь неизвестная, страшная, без расчета, без мечты, после же Порога опять можно будет рассчитывать свою жизнь по ходу времен года, с надеждой и радостью дожидаться весны.

Мы ездили в Переславль. В Госбанке пытался наладить получение денег и пенсии. Бухгалтер М. С. Троицкий рассказывал, как он жил эти дни в Москве: «3 часа живешь, а 3 сидишь в убежище». Есть нечего, только по карточкам. Много разрушенных домов, много убитых.

В «Известиях» передовая о решительном бое (последнем) за Москву. В связи со слухами этой статье придают особенное

значение. Очень думают, что этот бой и будет как раз в день праздника 7 Ноября (25 Октября).

У директора Леспромхоза некто из военкомата врал нам о положении на фронте и о себе говорил, что он никуда не уйдет, а организует «партизанский отряд». – Хочу быть героем! – сказал он. А Ляля ему сказала: – Мало того, чтобы хотеть. – А что же еще? – Надо и героем быть в плановом порядке, а то мало ли чего вам захочется. – «Герой» был так туп, что ничего не понял.

– Из каких он? – спросила меня потом Л.

– А что?

– Да что он так нагло врет.

– А Черчилль? и всякие лорды? Тут не происхождение важно, а политика. Стань на его место, и ты будешь врать.

На обратном пути встретили егеря Кирсана с жалкими остатками Завидовского Охотхозяйства. Они едут на лошадях с коровами и собаками уже 24 дня (13-го началась паника, все бросили, взяли кое-что и поехали). Едут в Слободку к Катынскому. «Дальше никуда не поедем». Собаки – одни кости. Коровы ревут с голоду.

7 Ноября (25 Октября). Вспоминаю свою подзаборную молитву и вижу, как сходятся времена: как будто это было вчера.

Народная легенда о споре Сталина с Ворошиловым – что будто бы Ворошилов сказал: – Довольно, не свою льешь кровь, сдавай Москву, а то поверну армию на тебя.

Я думаю, легенда началась от какого-то спора в правительстве, относительно объявления Москвы открытым городом. По-видимому, линия Сталина взяла верх, и потому в «Известиях» напечатали о решительном бое.

Народ ждет решительных действий со стороны немцев именно к «празднику» (сегодня). В связи с этим, с угрозами зимы (сильный мороз на сухой земле), с бомбежкой повседневной на полугоризонте напряжение чувств достигло величайшей степени.

Воспринял Филаретово толкование «врага» по разделению на врага Божия – что с ним борись, и врага личного – люби, и теперь одумался. Если по этой схеме каждый из нас расположит тех, кого он считает врагами, то все личные враги окажутся врагами Божиими, потому что каждый себя считает правым. И когда все враги личные станут врагами Божиими, то тем самым именем Бога открывается сила древней заповеди: око за око и зуб за зуб.

Молчание как Ветхий Завет в ожидании Слова. Отец Валерии, молчун.

Никто не скажет теперь наверно, перейдет ли он живым через Порог, и в этом особенность нашей жизни.

История мировая как анатомический срез текущего мгновения всей жизни.

В этом разрезе окажется налицо и Египет, и Ветхий Завет, и все, что мы знаем о прошлом.

Это история мира налицо, потому что кто хочет, может найти и Авраама как личность: и до сих пор, сколько хотите! и можете найти тоже и рыцаря, и инквизитора.

Точно так же и природа может быть представлена как организм всего человека, в котором каждая отдельная часть выступает с лицом.

Есть птичка одна, представляющая всем видом своим наше Желание, есть птица Надежда, есть наши кишки как Удавы – чего, чего только нет в природе! да и действительно нет ничего не соответствующего чему-нибудь в человеке.

При внимательном разглядывании природы представляется, будто Творец создавал человека этюдами, думая о животе, создал бегемота, о кишках – удавов, и, по-моему, когда доходил до последнего, до его души, создал воду.

В последний момент, когда вода была создана, ему мелькнули все этюды в единстве, и вот этот момент творчества и стал тем, что в книге Бытия названо: И вдунул бессмертную душу.

7 Ноября (вечером). Еще в темноте сегодня утром пошел снег и шел до обеда. Легла хорошая пороша. Никаких новых вестей с фронта не прибыло, но люди их сами себе создавали. Сквозь метель при шуме деревьев звуки орудий не долетали. И люди мечтали: – Не мир ли?

8 Ноября. Есть такой особенный страх близости к человеку, основанный на всеобщем опыте в том, что каждый таит в себе какой-нибудь личный грех и всеми силами старается укрыть его от постороннего глаза красивой завесой.

Встречая незнакомого, мы тоже показываемся ему с хорошей стороны, и так мало-помалу создается общество укрывателей личных грехов от постороннего глаза.

Тут есть наивные, верящие в реальность этой условности между людьми, почти как данную самой природой; есть притворщики, циники, сатиры, умеющие условностью пользоваться как соусом для вкусного блюда. И есть очень немногие, которые, не удовлетворяясь иллюзией, укрывающей грех, ищут пути к безгрешному сближению, полагая в тайниках души, что есть такой Он или Она, могущие соединиться безгрешно и навсегда и жить на земле, как праотцы до грехопадения.

По правде говоря, райская история продолжает повторяться и до сих пор бесчисленно: почти каждая любовь начинается раем...

Социализм есть в своей сущности восстание численно-родового, скажем, ветхозаветного начала против Личности. И это не случайно вышло, что в самом начале революции в театре матрос выстрелил в актера, который читал стихи о Христе[165]. И вот почему в «12-ти»[166] в Харьковском издании вместо «Христос» было напечатано «Матрос», и это вышло правильно: именно матрос, а не Христос.

9 Ноября. Вечером вчера приехал N., передал нам речь Сталина о том, что «победа за нами»[167]. Впечатление на тещу было подобно появлению Ревизора у Гоголя. Да, я думаю, и все Болото притихнет и, может быть, тоже поймет, что в такой большой мировой войне не личное чувство правды и совести и [не]

видимая картина решает дело, а сложная спекуляция заправил войны.

На Болоте уменьшение военных действий Англии считается ее предательством, на самом же деле она как раз тут-то и собирается с духом, потому что при русской численности моторы могут решить судьбы гитлеровского героизма. Да и что вообще самая идея господства одной нации над всеми другими эфемерна...

Однако этот здравый смысл Болота может оправдаться исключительным положением России в наше время...

(Ляля сказала: «об этом преждевременно говорить»).

<*На полях*: Иван Василич Макеев мужик самостоятельный: себе на ногу топор не уронит.>

Вечером мы с N., Троицким и Ив. Вас. (вот компания-то + Валерия!) выехали в Нагорье. Ночь у коммунистической жены леспромхоза («ночами все думаю, думаю...» – переоценивает). Мысли по поводу силосной башни в Нагорье (единственное, во что можно бросить бомбу: сама башня превосходно выстроена, но наполнена до половины, «потому что все равно все сгнивает к весне: окошки вверху недоделаны, и снегом и дождем забивает». Башня создает настроение. Голодный скот ревет без корма. Тут же стали и резать. Собакам жить хорошо.

Утром в 7 выехали. Задержка: баллон спустил, а запасного колеса N. не взял. Базар у Троицы на Нерли: за две недели яйца вдвое, с 8 р. до 15 р. И ничего нет, кроме мяса, мясом завались. Смотреть, как люди толкутся на базаре, скучно, но самому запасаться никогда не наскучит. И вообще это дело никогда не наскучит, потому что чуть не поел, и опять есть хочется («Верующие едоки»).

Насос испортился (лягушка). Из всякого положения выбраться можно. Налили бензин в насос и по шлангу из насоса питали мотор. В деревне мальчики натащили бутылок. Организация: я – бак (держу на коленях 10 бутылок). Ляля – лягушка (подает бутылки), Троицкий – бензинопровод: держит на весу

повыше бутылку и следит, как она опорожняется. Доехали до Нагорья, съели яичницу, напились чаю с клюквой (!) вместо сахара и к 10 в. добрались до Усолья.

Троицкий шептал нам о N.: – Наверно ручки в крови, а то почему же он не выносит одиночества? Он всегда с людьми, всегда на людях. Второе: он беспартийный, но почему же во всем ему такое предпочтение? Вероятно, делая что-то очень трудное, устал и его определили на хозяйственную работу.

Одиночество, т. е. быть самому с собой: ведь это значит быть с Богом наедине: очень трудно. Вот отчего от одиночества бегут к людям. Так складывается «общественность» беспризорников (N. из беспризорников: так бывает человек в ужасе бежит от себя самого и припадает к человекам и тут проклятие Каиново: т. е. лишен одиночества, как общения с Богом, и определен быть всегда с человеком, вернее, с человечиной). N., как начальник, на людях готов последнюю рубашку отдать: конечно, это игра. Но может быть, в этом проклятии человек затем и бежит к человеку, чтобы перед ним себя разыгрывать[168].

10 Ноября. Речь Сталина (давно бы) произвела огромное впечатление и создала на Болоте важный переворот мнений, напр., Павел (этот Павел!) стал утверждать, что Москву немцам взять невозможно, что сопротивление немцам будет продолжаться до нашей победы, что вообще «победа будет за нами».

Так это все во вне, а внутри каждый мелкий собственник, ожидающий тем или другим путем избавления от коммунизма.

Каждый из них судит о мировых событиях по совести и правде, веруя в то, что совесть и правда для всего мира едины и неопровержимы.

Так это все во вне, а внутри у каждого в душе мелкий собственник, ожидающий тем или другим путем избавления от коммунизма. Каждый из них судит мировые события по совести и правде, веруя в то, что совесть и правда для всего мира едины и неопровержимы. Каждый из них, как у Пушкина Евгений, стоит перед Медным Всадником со своей Правдой и сове-

стью, как любой искусный ремесленник перед штампованным производством фабрики.

Похоже, что и у немцев то же отношение к правде и совести, только Гитлер это угадал в своем народе и ввел в свою систему, противопоставляя ее спекулятивному капиталу. Так система с начинкой мелкой собственности противопоставилась системе советской союза <*вымарано*: без всякой начинки> и системе демократического империализма Америки при господстве крупных капиталистов. И во всей этой сложной борьбе чувствуешь, ощущаешь как два фермента – это: 1) национ. человек с его совестью и правдой и ограниченным кругом зрения и 2) человек интернационала социалистического и капиталистического с широким горизонтом. (Еврей у нас потому успевает и потому кажется талантливей русского, что он шире кругозором, чем национ. человек с его правдой и совестью.)

Раньше в России простой человек говорил только по правде и совести, теперь он стал двойным, одно – для себя, другое – для общества. Но из этого вовсе не следует утверждение прежнего как лучшего, оно может быть таким лишь в том случае, если тот строй жизни способен к возрождению, т. е. что, напр., ремесленный строй может заменить машинный в том смысле, [что] не машина будет диктовать людям их нравственный и бытовой строй жизни, а личность.

– Люблю ли я порядок и Закон? о Господи, да я же первый безобразник, но я и тягощусь им и жду закона и порядка вне себя, чтобы закон и порядок остановили меня. Люблю ли я? Как это можно любить, я, может быть, ненавижу это от всей души, и все-таки мне нужно не для себя, а для людей. Я хочу быть безобразником для себя, я безобразник, а кругом берега стоят. Вот зачем я и жду немца, а не для себя. При немце я буду как ручей в берегах и буду бежать и мыть и размывать берега: тогда у меня будет занятие. А когда, как теперь, все безобразничают, то какой мне интерес...

– Сношения с женщиной нам даны с целью сближения, чтобы были два в одну плоть. После того, как двое *познали* друг друга, их сношения стали без познания, а стали чем-то несу-

щественным – эта песенка спета, и если что возможно, то это только на стороне. Так что наше переживание есть общее: через страсть люди познают друг друга и, познав, или расходятся, или вместе живут, как близкие (нераздельно и неслиянно).

Мысль двоится и неожиданно показывается обратной стороной. Скажи эту мысль любя, и это будет одно, скажи во время неприязни, и будет другое. <*Зачеркнуто*: Взять хотя бы «брачных»: во Христе – одно, а в дьяволе – другое.>

– Человек родится, и человек умирает: родится – радость жизни, умирает – страх. Религия рождения, радости жизни – это язычество и Ветхий Завет, смерть и преодоление страха смерти – Христианство. Так мы и живем в этих двух настроениях, радости жизни и страха смерти.

11 Ноября. (Рожденье Ляли 41 год).

Как вспомню силосную башню в Нагорье с ее вонючею, никуда не годною гнилью, так и вся Россия (СССР) встает перед глазами, как сплошная гниль.

<*Зачеркнуто*: Если ты не в силах принять к себе Бога, то полюби верующую женщину, и она создаст тебе путь к Богу, потому что любовь сама по себе и есть путь к Богу.>

<*Зачеркнуто*: Ну, так пусть же пропадет моя родина и с большевиками.>

Вчера я Ляле на ночь сказал, что смотрел на Распятие и думал о смерти, а когда смотришь на цветок или на ручей, то чувствуешь радость жизни и думаешь о детях, о будущем, о светлом пути человека в его возможностях.

– А я с 12 лет думала о Христе, как светлом пути в жизнь и в беспредельность, – ответила Ляля.

И, вероятно, ее чувство Христа вернее моего рассуждения, навеянного, вероятно, Розановым и подобными[169].

Распятие, вероятно, не есть образ смерти, а образ творческого усилия личности, сжимающей плоть свою для прыжка в бессмертие.

Распятие есть образ творчества личности, пренебрегающей в этот момент радостью жизни.

<*Зачеркнуто*: Да, но как ужасны попы, говорящие без соответствия с собственными переживаниями!>

Личный враг – это враг моей личности, которая в Боге. Выходит, что с личным врагом надо бороться, как с врагом Божиим. Но в Евангелии сказано: любите врагов своих. Как понять этих своих, не значит ли этот свой то же, что свойский, т. е. индивидуальный, особенный, а не личный. И «люби», значит, великодушием своим, широтой поглощай эту мелочь, этих лукавых, сажай их с улыбкой себе на ладонь, поглаживай мохнатеньких, подкармливай и обласканных, подщипнув незаметно хвостик, пускай. – А зачем же подщипнуть-то? – А затем подщипнуть, чтобы в другой раз, когда он сделает, может быть, мне хорошо, узнать его и особенно поблагодарить и его и Господа, что допустил меня врага моего полюбить.

Со мной не раз бывало, что я своих врагов поглощал. Вот все время лет 15 помню писателя Бахметьева с завистливоненавистным в отношении меня глазком. Недавно, приехав в Москву, я увидел его в канцелярии ССП. Никогда раньше не здороваясь с ним, я теперь подошел к нему. И нужно было видеть, как этот сморщенный от неудач писатель вдруг весь просиял. Это и было действием любви к врагу свойскому. Такой же еще у меня враг и Гладков.

Но Платонов (Человеков), продавшись в сущности своей тоже свойскому врагу моему Левину, не питая ко мне посвойски ничего дурного, является уже несомненно врагом моей личности, т. е. врагом Божиим. Однажды, поняв Левина как свойского врага, я прямо подошел к нему и сказал: – Простите меня, голубчик. – И он, сморщенный от нравственных побоев, тоже просиял, как Бахметьев. Но было бы с моей стороны преступлением нравственным, если бы я и к Платонову так подошел. Платонова я должен побить[170], как врага Божия. Так вышло, что врага своего еврея я простил, а русского врага буду бить.

Между прочим, «лукавый» в «Отче наш» мне тоже представляется как-то не очень-то Божиим врагом, а скорее тоже свойским, быть может, даже допущенным ко мне волей Божией. И когда я прошу Бога избавить меня от лукавого, то я прошу той знакомой мне щедрости великодушия, которой часто на практике побеждаю врагов свойских.

Прочитал все Ляле, и она сказала так, что все это рационализм, в ней же «любить врага» было как благодатное чувство богатства любви. Теперь она этого не чувствует и не может ясно понять, как это можно любить врага, тогда же ей это было ясно, и она думает, что додуматься до смысла, конечно, можно, только это все будет кругом да около, самый же смысл – это чувство полноты и богатства любви.

– Но я же это богатство знаю по чувству природы. – Да, то природа, и в ней это у тебя тоже от Бога приходило, но у меня было прямо от Бога. Надо Бога чувствовать.

Из поездки в Троицу-Нерль.

<*Приписка*: Это было возле Троицы, когда у нас испортился насос и я, остановив генеральский автомобиль, попросил шофера мне помочь. Генерал красный, нагрузился, волосы пепельные...>

...командир оказался пожилым человеком. Он у себя в машине выпил, раскраснелся и улыбался. Чтобы как-нибудь начать разговор, я сказал: – Вот на базар ездил...

Он сочувственно улыбнулся.

– Все запасаются, – сказал я.

Он еще улыбнулся и ничего опять не сказал. Я priналег на себя, чтобы как-нибудь сдвинуть его с мертвой точки.

– Смотреть на них скучно, – сказал я, – но самому...

Я показал на толпу и на телеги идущих с базара и едущих на базар.

– Да, смотреть скучно, а самому нужно, ничего и так каждому заниматься запасом продовольствия никогда не скучно, почему это? тысячелетия занимаются, и все не скучно? Потому, понимаю я, что есть хочется.

Командир засмеялся. Вгляделся в толпу и вдруг сказал в ответ моему «есть хочется»:

– Глядите, вон и козла тащат.

После того мы сочувственно замолчали и так стояли с полчаса, пока шофер не исправил насос.

Подсыпало снежку, хватил сегодня мороз в –15°, и есть надежда, что это зима.

– Тебе, Ляля, сегодня 41 год, порядочно лет!

– А не все ли равно, 41, 42, 43... Раньше я страшилась лет, а теперь все равно: я нашла тебя, и вся моя тревога кончилась.

Счастливый день: удалось купить на базе 50 кило мяса по 6 р. кило (даром! в Москве, говорят, мясо: 50 р. за кило). Еще нам дали 10 килограмм вермишели, 10 лука, два мешка картошки, 10 кило пшена и 3 кор. спичек. Мы просто богатые.

По слухам, в Москве жизнь мало-мальски налаживается, мы решили подождать недельки две и съездить туда. Возможно, что немцы в самом деле прозевали Москву и теперь хотят удивить чем-то иным.

12 Ноября. Морозное утро с луной и звездами. Собираюсь идти в Купань покупать картошку с целью закопать для голодного лета. По стенам в моей комнате развешаны прикрытые от глаза мешки с мукой. На полу ящики с вермишелью, крупой и пр. Под карнизами окон, где похолоднее, баночки с маслом сливочным, русским, растительным. В подполье зарыты рукописи, сахар и немного рису. Также готова огромная яма, чтобы на случай побега или пожара набросать в нее сложенные чемоданы и закопать. В углу икона Б. Матери, обыкновенно закрытая от постороннего глаза кофточкой.

Теща очень тяготится ссылкой нашей, жаждет общества. – Человек, – сказал я, – везде есть – если захотеть, то можно и тут составить себе общество: Иван Васильевич вовсе неплохой человек. – Но о чем же я буду с ним разговаривать?

Кладовщик показал Ляле пальцем, – идти с ним на склад, а мне моргнул, – посидеть в конторке его, постеречь, не спер бы кто чего. Я остался ждать и глядел из окна, как там на высоком ящике дремал наевшийся мясными остатками кот, как вороны выискивали на земле косточки, а сороки выхватывали у них, и как смешно одураченные вороны пытались некоторое время погоняться за сороками, как пришла курица и долбанула ворону, но самое главное, кот-то, этот философ, невозмутимо глядел на все с высоты.

Послышались глухие удары – это кладовщик рубил для нас корову, и другие в противоположной стороне слышались удары: это где-то самолеты бросали бомбы и зенитки их обстреливали.

Для всякой обыкновенной женщины посвятить какой-то час лукавому разговору с кладовщиком и созерцанию туши коровы – пустяки. Но Ляля устает: по существу все это до крайности чуждо ее душе, и она должна себя понуждать так сильно, что устает больше, чем от физической работы. И в этом вся ее жизнь: она какое-то свое вольное, изящное, прекрасное внутреннее существо должна вечно понуждать и в какой-то нравственной необходимости постоянно подыскивать оправдание такому понуждению. Всем жить легко, потому что бессознательно у них руки-ноги работают, а у Ляли руки-ноги слабенькие, и ей постоянно приходится просить на работу своего Ангела. Так что не за себя ей тяжело, а за своего Ангела.

Какой сегодня сверкающий солнечный день, и небо тоже нежное, и облака почти что летние. Я ходил в Купань покупать картошку.

<*Зачеркнуто*: под влиянием страшных несчастий, отнявших у нее родных людей, отчасти под влиянием матери, народ, как хранилище драгоценностей, расщепился у нее на «хамов» (все простонародье) и аристократов (верующих в Бога, очень немногих, знакомых людей). Отношение же к «хаму» не прямой ясной борьбы, а в чувстве болезненного страха.>

<*Зачеркнуто*: Этот страх перед хамом во время ежовщины охватил всех, и больных, и здоровых. В сущности и мои все знаменитые выступления – я это от страха выбрасывался. (И теперь об этом сам думаю, когда читаю: «И остави нам долги наша», т. е. избавь от ежовского страха.)>

Мороз не меньше как градусов 20 или 25, глубочайшие колеи на осенней торфяной грязи чуть припорошены снегом, и внутри одной из них откуда-то взялась и бежит землеройка, самое маленькое млекопитающее.

Ляля работает по дому целый день. Я ее пожалел, а она: – Ничего не жалей, ведь я же для ближних работаю. – Для ближних. А я разве не для ближних? – Ну, конечно. – Почему же я, несомненно работая для ближних, всегда чувствую, что делаю для себя. Всегда только для себя, а выходит для ближних. Мало того. Если бы мне ту же самую работу предложили делать не для себя, а для ближних, я бы ее делать не мог. Почему? – Потому что я мать, и должна, как мать, думать о ближних. – А я почему все делаю для себя?

Не оттого ли она удовлетворяется работой для ближних, что женщина, а мне нужно, чтобы все проходило через себя, что я мужчина. Ей сладость отдавать ближним, мне сладость взять для себя.

На рассвете иду в Купань к Новожилову покупать картошку, а Ляля повезет мороженую картошку на Болото менять на хорошую.

Чувство своего класса. Помню Ефр. Павл., когда она в каждом госте моем встречала хорошего человека, будь то рабочий, интеллигент или князь. Только мало-помалу она разглядела, что-то взвесила и разделила людей на своих деревенских, может быть, и плохих, но своих, и образованных, уважаемых, почти что святых, как Дун*и*чка, и образованных – прохвостов. Собственно классовое чувство у нее было к людям с внешними отличиями аристократизма. Трубецкие на что уж милые люди, но Ефр. Павл. чувствовала в отноше-

ниях с ними грань и что-то знала тут такое, чего я в себе не понимал.

Единственно я чувствовал себя в шорах класса, когда к нам приезжала старуха кавалерственная дама* и подавала нам каждому по пальцу. Я тогда за маму болел, которая напором какой-то изнутри жизненной силы от встречи с человеком, по доверию к его существу, разбивала все классовые перегородки и вообще не знала их, не понимала, не ведала, как бывало Ефр. Павл. в первой своей молодости, до своего грехопадения.

То святое утешение, которое я называю творческим освобождением меня и, как и мать мою, освобождало от всякого даже внимания к классовым и сословным перегородкам. Мне думается, сам Руссо именно это самое и разумел, когда называл это «природой», и сущность христианства состоит не в этом ли отборе живых творческих людей, создающих новую природу бессмертно живую, в свете которой представители классов кажутся мертвыми глупыми куклами. И вот самое главное, самое существенное, из-за чего я не мог принять большевиков с самого начала и до конца. Я всегда понимал, что культура пролетарская есть культура злобы. Вот почему, еще в 17-м году, встречая большевиков, я писал им, что в рай всех валом всем классом не пустят, что Ангел у врат [в] рай будет лично впускать каждого, спрашивая о его святом имени.

Слышал, что Шаляпин единственный раз в жизни сробел, когда лорды в салоне м-с Грэй при входе его встали. Я понимаю Шаляпина, он привык смотреть на аристократов, как на хамов, и вдруг свидетельство признания высшей природы человека: перед этой высшей природой обыкновенные лорды встают почтительно. Тут, конечно, сробеешь.

14 Ноября. До того забыл свою агрономию, что чуть-чуть не закопал было в землю картошку без воздуха. Вот так и наше чувство веры, надежды тоже требуют воздуха.

15 Ноября. Как будто после речи Сталина неслышными шагами, как тень, вышел на сцену Некто в сером и стал незаметно

* Детское воспоминание – речь идет о Софье Стахович, соседке по имению Пришвиных в Хрущеве под Ельцом.

в уголку. Но мы усмотрели его и, подумав, стали догадываться и разбираться в текущих событиях по-новому. Некто в сером – это тот, от кого зависит названный Сталиным «второй фронт» в Европе, определяющий поражение или победу Красной армии.

Итак, если Некто поможет, мы подожжем европейский костер: тогда в Германии и Франции и всюду в Европе возьмут власть левые и соединятся с Россией. Тогда пожар может перекинуться и к самому Серому. И, значит, вот почему нельзя Серому нам всерьез помогать, он может помогать лишь настолько, насколько сопротивление Красной армии побудит Германию к миру на выгодных для Серого условиях.

Тогда Серый сделает Гитлера жандармом Европы, охраняющим мир от революции. Из всего этого выясняется, что возможность лучшей жизни нашей больше связана с революцией, чем с германской реакцией. И это возможно, если только Германия окажется не в состоянии энергично наступать... И возможно, что Гитлер, взяв Москву и Ленинград, сломит сопротивление... (Жид, Жандарм и Большевик = для игры в «лодочку».)

Одним словом, настроение Болота, ожидающего от немца напрямик исполнения своих желаний, в точности отвечает тем прежним перевалам чаяний конца большевиков: через три дня, через месяц и т. д.

Бытие большевиков определяется никак не нашим личным сознанием правды, не нашей совестью (со-весть): оно есть результат встречи всех мировых сил... И оттуда, из невидимого нам на Болоте источника приходит сила сопротивления.

Победа или поражение Германии определится, когда она поставит правительство в покоренной стране, обрадуются ли тогда ему или зачешут головы...

В Купани я спросил хозяина, нельзя ли где-нибудь в сарае поставить на сохранение автомобиль.

– Отчего же, – ответила хозяйка, – у нас в деревне стоит одна генеральская машина и шофер живет.

– А генерал?

– А генерал в кольце.

– В каком кольце?

– Окружен.

Хозяину показалось это слишком смелым.

– В бабьем кольце, – поправил он жену.

А она в азарт:

– Ни в каком не в бабьем, а просто в кольце под Ленинградом остался генерал, а шофер здесь, и машина у соседа в сарае стоит.

События: вчера вечером лесничий сообщил о ликвидации N. (леспромхоза).

Весь край ждет возвращения Александрова с водкой.

Колонна мото-механической части в лесу. Очень боялись, думали, что это авторемонтная мастерская, что навлечет самолеты неприятеля, а оказалось, это портные.

Вечером явился N. с докладом о Московской поездке. С того и начал, что предупредил о беде в ночь на 14 Нояб. Дело оказалось в том, что в соседнюю с нашим домом школу в 8 ч. веч. 13-го была сброшена фугасная бомба, от которой в нашем доме вылетели все стекла и даже с рамами. Мороз проник в дом, полопались водопроводные трубы, полилась, замерзая, из этажа в этаж вода. Одним словом, наша квартира со всем имуществом погибла, и мы остались только с тем, что увезли с собой. Виды на возможность возвращения, да еще, как мы мечтали, на своей машине, исчезли. И вот горе, а я радовался, что удалось увезти все свои тетрадки, все записочки.

Зимою ведь только хрупкое стекло держит в доме тепло, и при центральном отоплении дом без стекол есть могила. Стекла вылетают от далеко разорвавшейся бомбы, и человек выброшен на улицу. Величайшее злодейство! Но и то величайшее злодейство, что не принимаются меры достаточные против злодейства, и тот злодей, кто, зная об этом, молчал и берег свою жизнь, и, может, больше всех злодей – это ты сам, не отдавший жизнь свою за необходимое огненное слово.

16 Ноября. Попалась газета, из которой видно, что Черчилль вполне искренний и, наверно, хочет делать то самое, о

чем говорит. Но, по-видимому, и в самой Англии думают не все так, как Черчилль, и еще есть Америка. Следовательно, сделается не как хочет Черчилль (правительство подало в отставку – и все), а как оно *выйдет*.

N. приехал из Москвы, мы его спросили: – Ну как? – И он ответил: – Ничего не поймешь. – После трудного молчания добавил: – Те, кто знает, не скажет, а кто не знает и раньше болтал, – тот теперь примолк.

Откуда взялась эта мысль, что если все сбросить с себя и все вновь начать, то это, откуда все начнется, есть природа? Это вышло из веры в изначальный (природный) талант свой. И кто это чувствует, то это верно. Но неверно бывает, когда от себя заключают на других, что и все так, и «всех» помещают в «природу». Так что одна «природа» субъективная: т. е. что «природа» есть я сам изначальный – это верно, а что, напротив, переводят на человека, разглядывая природу со стороны, – эта «природа» внешняя ничего не дает существу человека и чужда ему.

Это, пожалуй, даже и хорошо, что московское мое богатство разрушено, хорошо тем, что в совокупности со всеми другими переживаниями создает почти физическую перегородку между тем, что есть теперь у меня и что было: для них в Загорске я теперь действительно как мертвый.

Со мною, главное, Ляля – и тут все! но я к этому молодецки выхватил из Москвы всего себя как писателя, со всеми моими дневниками и всякими записочками. После спасения всего главного какой интерес мне в обстановке квартиры и всяком таком добре? Больше всего мне жаль, что забыли целых полстопы прекрасной бумаги. И вот все-таки, несмотря на почти что пренебрежительно-насмешливое мое и вполне искреннее отношение к этой собственности, я чувствую, что именно через это сейчас задет в своей совести. Через утрату своего московского жилища я живо почувствовал, что это значит зимою – квартира с выбитыми стеклами, с замороженными водопрово-

дными трубами. Понял я, какая чудовищная жестокость узкого, ограниченного умственного кругозора должна быть у существа, бросающего зимою бомбы на улицы большого города. И что опять слепая же сила валится на наши головы, неразумная даже в отношении поставленных целей немецкого владычества над славянскими народами. Кому, правда, захочется жить с немцами после московского погрома, а подчиняться без всякого «хочется» невозможно. Непонятно кажется, для чего нужна такая демонстрация жестокости, если в Москве уже нет ничего военного, имеющего серьезное значение, и если ее можно окружить и вывести вовсе из сферы действия. Тут или сил нет для этого, или же ограниченность духа германского.

И вроде как бы в самом воздухе Болота возникла какая-то перемена настроений в пользу победы Красной армии, и <*зачеркнуто*: по-моему> вот именно Красной армии <*зачеркнуто*: а не коммунизма>. Возможно, что во время московской паники, во время отъезда правительства произошло нечто серьезное, нам неведомое, что воздействовало на правительство и заставило его решительно заговорить. Но что-то есть... Или может быть и то, что немцы чуть не месяц стоят под Калининым, или речи Черчилля, или все вместе.

Как ждали эти дни вина! вот как ждали! И, наконец, дождались: Алексей Вас. Александров привез бочку из Александрова. Где-то, на каком-то дворе делили, а для избранных «отлили». К избе Александрова Михаила Кузьмича вытоптали тропу любители. И вот тут-то люди «отвели души», и я понял впервые, что это значит – вино для простого человека, я понял, потому что сам впервые в жизни почувствовал свою душу в таком страшном плену.

Исповедь Конюхова, зав. складом, который живет вдвоем с девочкой. Эта девочка взята была из дома беспризорников, когда он еще не разошелся с женой; когда же расходились с женой, то девочка, 3-х лет, выбрала отца. И с тех пор он этим был ушиблен. – Хорошенькая девочка! – сказала Ляля. Он так и вздрогнул: – Вид, вид! – закричал он, – бросьте вид, никакого

вида, можно наплевать на вид: у нее золотуха, голова лысая, в струпьях, противный вид! – и т. д. Он хотел сказать, что внешность всякая отвратительна при сопоставлении с тем внутренним содержанием, которое он ли вложил в нее сам, или понял в ней. (Растление семьи, поэзия Достоевского.)

– У нас бомба попала в квартиру. – Не верьте, надо проверить (даже пьяный не покидает официальной позиции коммуниста).

– Верит ли кто-нибудь в дело коммунизма? – Молодежь верит и должна верить, без веры жить нельзя. – Во что же? – Вот именно во что надо верить и требуют от нее согласно времени: живет и верит. – Сам же он эту веру потерял, когда женился, через тестя кондитера. Этот способный человек изобрел какой-то способ выпечки хлеба, экономический и простой. Из этой борьбы за «способ» зять, комсомолец, понял, что в коммунизме нет ходу личности, и к нему в этом перевороте душевном явилось чувство природы (охотник) и чувство семьи.

<*На полях*: Лесничий ни разу не читал ни Евангелия, ни Библии и напал на путь Личности через тестя своего, кондитера.>

Он был в положении беспризорного с двумя матерями и двумя отцами (отец женился на другой, мать вышла второй раз замуж). Так что беспризорник – это существо, лишенное того, что должно быть у всех: лишенное дома. И весь путь беспризорника, в том числе, может быть, и его комсомольство, есть взамен дома. Мечта о 30 десятинах чернозема («обойдемся без немцев»).

Я опрокинулся со своим прошлым в душу этого лесничего, я – точно такой же, но опередивший его в своем опыте почти на полстолетия. Каждый марксист в той или другой степени бывает беспризорником и совершает свой путь от беспризорности к дому. На этом пути природа как дом. Когда я полюбил Лялю (дом), как мысль о ней вытесняла постепенно мое «родственное» внимание в природе.

<*На полях*: Евреи – это нашедшие свой дом беспризорники!>

Беспризорность (бездомность), неудовлетворенность русских и есть главнейшая их составная часть души, а у немцев обратно: их домовитость и самодовольство (Deutschland ueber alles*).

Так что русский смотрит на немца с тем же чувством, как беспризорник смотрит на разумного и довольного собой хозяина: и хорошо бы себе так, и противно довольство, ограничивающее ум. Война русских с немцами есть война беспризорников с мещанами. Победить беспризорников нельзя силой и заключением в лагери, их нужно соблазнить довольством, как сделает это Америка (если сама устоит).

В этих тяжелых условиях вино является творческим эликсиром, и каждый выпивший ищет слушателя, как писатель читателя. Потребность в собеседнике так велика, что иной единственный свой полулитр выставляет для гостя, чтобы с ним вместе «творить». Вино – это выход из одиночества и молчания... В иных условиях это выход в иллюзию, а в наше время наше Болото – это не иллюзия, это рождение слова.

17 Ноября. Зимка, а не зима: снегу – только закрыта земля, и морозы 2–3 градуса. Слава Богу за раннюю зиму, можно мясо без соли хранить. Убирал дрова.

18 Ноября. Говорят, люди в Москве теперь полусумасшедшие. И не мудрено: такой казни массовой посредством метания бомб в дома больших городов еще не было.

Кто первый придумал это и назвал именем тотальной войны? Он ли, придумщик, взявший меч, отвечает за нее, или тот, кто побудил его прибегнуть к такой войне как к последнему средству?

Да, во время от паники 16-го Октября и до наших дней произошла по непонятным причинам перемена в самоопределе-

* Deutschland ueber alles (*нем.*) – Германия превыше всего (официальный гимн Третьего рейха).

нии, искренно или фальшиво, но многие перестали ориентироваться на немцев: что-то дошло, и надежда стала располагаться больше на Красную армию, что армия эта, если победит, даст нам лучшую жизнь, чем было.

<*Зачеркнуто*: Мне писать больше нечего, как раньше, далекому неведомому другу, мой друг со мной, чего же теперь мне надо еще больше? Никакая бомба не может разрушить дома, в котором мы живем, он недоступен, и если мы существуем, существует Вселенная, да, нас с другом моим достаточно, чтобы построить вселенную, разрушьте ее – и мы ее снова построим.>

Все еще мерещится какой-то благополучный выход, все думаешь, мы ли победим, или немцы, или все разделятся благодушно за наш счет, и мы вернемся к той жизни, когда издавали книги, читали в обществе повести, путешествовали и могли принимать к сердцу дела иных униженных и оскорбленных[171]. Но ближе и ближе подступает к нам та настоящая тотальная война, в которой встанут на борьбу священную действительно все, как живые, так и мертвые. Ну-ка, ну-ка, вставай, Лев Николаевич (Толстой), много ты нам всего наговорил <*зачеркнуто*: когда мы ждали и слушали, вставай, наступает великий Суд всем обещаниям, вставай, защищай себя>.

Вот что становится ясным в отношении немцев, они вполне разумно (разумней нельзя) взвесили недовольство народа русского, недостатки коммунизма идейные и хозяйственные. Но они сделали вывод такой, что стоит толкнуть этот строй, и он рассыплется, как в свое время рассыпалась Российская империя чуть ли не в три дня.

Но вышло, как недавно с Москвой: во время паники 16 Октября стоило выбросить небольшой десант и занять Москву. Но немцы почему-то не сделали, почему? Это выходило за пределы их плана. Так точно вне плана вышла задержка войны в самом начале, и дальше у немцев опять не нашлось инициативы вне плана. По-видимому, они все ждали, что вот подымется народ, свергнет свое правительство, и они водворят у нас разумную и

справедливую жизнь. Но народ слушался и со стоном шел на войну. Народ слушался, народ своим послушанием вышел за пределы немецкого разума. И получилось то, о чем мы спорили когда-то с Птицыным.

– Рассудите, – говорил он, – на одной стороне разум, сила, культура, на другой сплошное безобразие. – Вот именно безобразие-то и победить может, – ответил я, – мы их победим своим безобразием.

И вот теперь пожалуйте, Птицын, с вашим достойным разумом: он упирается в бесформенное, в без-образное. Оказывается, вовсе не существует народа, который бы в СССР мог противопоставить себя как Целое своему правительству. В 200 мил. людей каждая единица стоит лишь за себя в отношении другой соседней единицы, а дальше он подчинен какой-то силе, против которой он и не мыслит сопротивляться и по первой повестке ее готов идти безропотно на смерть. К этому еще, что такой отдельный человек до того беден, до того мало у него есть личного, за что можно стоять...

Вот тут-то немцы и просчитались: народа, о котором они думали, вовсе не существует. Но этому неимущему, безобразному народу хочется жить, очень хочется получить образ, и он стихийно течет в ту сторону. Как всякий беспризорник, этот народ беспризорный стремится к дому и рано или поздно найдет себе этот дом. Пустяком можно соблазнить этот народ, за пустяк какой-нибудь он валом повалит на работу, но невозможно по-немецки взять его силой и заставить работать: не на себя он будет очень плохо работать...

Сегодня иней, снег только-только не тает, так тепло для зимы и такая тишина! Но в тишине беспрерывно орудийная стрельба по сектору Загорск – Талдом – Калязин. Из-за этой стрельбы невозможно было углубиться в себя и в природу, мысль все время вертелась около войны.

19 Ноября. Теща намекнула Дуне о пропавшем ведре. Дуня взбесилась. Произошло то самое, что бывает у нас с каждой прислугой. И вообще у нас с тещей два разных отношения к русскому простому народу: она стремится в каждом человеке

видеть хама, я же, наоборот, всю жизнь свою действенно отдал на то, чтобы в хаме находить человека. У нас теперь был очень крупный разговор, и мне даже мелькнула мысль, чтобы уйти от них в учителя. Я сказал об этом Ляле, она мне ответила: – Значит, ты не выдержал! – Да, – говорю, – мне тяжело, а Бог мне простит. – Но, как же ты можешь покинуть меня? – Я тебя не покину, ты со мной до гроба, та Ляля, которую я люблю, а та, которая есть мое удовольствие, то я потружусь над собой, поработаю и поживу как-нибудь и без удовольствия. – Ведь всего тебе, – говорит она, – и переждать-то, может быть, несколько месяцев. – Ну, – ответил я, – так нельзя понимать время.

Не только несколько месяцев пережидать, а теперь даже один наступающий день нужно считать как *все* время. Никто и никак теперь не может сказать, будет ли за этой жизнью в Усолье какая-нибудь другая, благополучная. Да если бы оно и пришло, то благополучие, то все равно эти дни Суда всего нашего народа, всей нашей культуры, нашего Пушкина, нашего Достоевского, Толстого, Гоголя, Петра Первого и всех нас будут значительней тех будущих дней...

В этом и был столь удивлявший всех пафос моей фотографии. Подумать, как это может удовлетворять беганье в природе в поисках *случайной* композиции, если карандашом, сидя на месте, можно сделать свободнее и лучше. Меня побуждало удивление перед тем, что фотография является как бы доказательством Божьей руки в создании Природы. Но это, конечно, очень наивно, потому что рисунок художника, улучшающий естественный пейзаж, еще более утверждает действительность природы в человеческом деле. Искусство художника тем удивительно, что в натуре он находит свои образы и так выходит, что образы природы, начатые кем-то, продолжаются в его образах. Как будто Бог, начав создавать мир по своим законам и образам, передал продолжение творчества человеку, и сотворение мира не кончилось, а продолжается по сей день, и кто сознает себя участвующим в продолжении Божьего дела, то в этом творчестве он тоже как Бог.

Искусство художника тем удивительно, что в натуре он находит свои образы и так выходит, что образы природы, нача-

тые кем-то, продолжаются в его образах. Как будто Бог, начав создавать мир по своим законам и образцу, передал продолжение творчества человеку, и сотворение мира не кончилось, а продолжается по сей день, и кто сознает себя действительно в продолжении Божьего дела, то в этом творит он тоже, как Бог.

<*Приписка*: А может быть, то, о чем я говорил по поводу моей фотоработы, относится и ко всему моему словесному искусству и еще больше к моей жизни.>

Сегодня тоже мягкая погода, как вчера, только иней еще сильней насел. Сосны в инее, как не совсем поседевшие стальные волосы лет в пятьдесят. В той стороне, верст за 40, откуда вчера весь день слышались беспрерывные орудийные выстрелы, теперь лишь изредка, через час по столовой ложке.

Продолжаю передумывать внушенное мне понятие народ с поправкой на современный русский народ, в том смысле, что наш народ лишен прямой воли: это аморфная масса людей, подчиненных извне единственному закону непротивления злу[172]. Слышал, что немца заставляет умирать на войне его Pflicht, а русского только послушание, вполне отвечающее непротивлению злу. Вот именно в том и разница Pflicht от русского послушания, что там во Pflicht немец слушается с уважением к повелительной силе, чувствуя с нею внутреннюю связь, может быть, даже и происхождение Pflicht из себя самого. А русский слушается только из страха к повелителю, переходящего в сознание, как естественная необходимость непротивления злу.

20 Ноября. Сосны все седеют и седеют. Тишина. Мягко.

То есть Васька этот оказался такой контра, что просто на удивление. Он рассказывал нам, что где-то, не то в Иванове, не то в Ярославле, германский самолет принял школу за Облисполком, снизился, дал очередь из пулемета в окна и положил начисто всех детей. А когда удалось этот самолет подстрелить, то летчик оказался мальчиком, его вели, и он улыбался. Я представил себе одного из мальчиков немецкой школы, такого, к примеру, как всезнающий сын Курелло, – почему ему не вести

самолет? допускаю даже 12-летних мальчишек с их жаждой героизма и дисциплиной немецкой школы. Да, вот откуда он вышел, этот современный немец-воин: из школы. И в наше время, в классической нашей гимназии мы тоже воспитывались чисто на немецкий лад, тоже была дисциплина.

Наши пионеры какие там немцы, много ли знают! но дисциплина и у них есть, и ею теперь все держится в армии, да просто страхом. Итак, допустим, что все население немцев, румын, болгар, австрийцев = 100 мил. Значит, мужчин 50 мил. всех, а без детей до 12, т. е. 12 лет из 60 минус еще 10 лет стариков от 50 – 60 = 50/8 = 16 мил. Из них, скажем, ½ на тыловых работах и ¼ оккупационная армия = 16 – 12 мил. = 4 мил. Это почему-то неверно, у них было 9 мил., а остается 4½ мил. И отсюда ясно, что, если бы возник в Европе второй фронт, немцам пришел бы конец. Значит, все нити войны в руках наших союзников, что захотят, то и сделают. А они хотят – должны верить коммунисты. А они не хотят – верят их противники.

Помню, какой святыней была во мне моя мать. И вот к нам приехала скептическая еврейка Софья Яковлевна, и ей хотелось за столом взять ножку индейки, мать же, кажется, положила ей крылышко. Из этого С. Я. вывела заключение о скупости мамы и время от времени потихоньку от мамы, но при нас, детях, начала зло подсмеиваться. Вот как больно было! но по существу все дело евреев у русских было такое: внедриться в русский быт и разлагать его. От этого получалось, что с какой-то внешней точки зрения, со стороны все у нас достойно смеха, иронии, уничтожения, а что свято – о том и говорить нельзя. Скажи – и с *фактами* в руках докажут обратное.

Интеллигенция наша (3-й элемент) была продуктом разложения семьи, и даже ее особенная героическая нравственность была упадочной, продуктом разложения религии. И вся наша свобода, удаль, которой мы так гордимся, есть растрата наша <*зачеркнуто*: вроде всеобщего мороженого в трудное советское время>.

Мой народ, которого я держался, не будучи народником, был мне вроде как теперь лес: я хожу по лесу и своими образа-

ми как бы пересаживаю в человеческое сознание лес, улучшаю его и тем продолжаю изначальное неведомое мне творчество. Так и народ мне был наш, как для художника. Я по-своему продолжал...

Ляля заметила, что я у лесничего своим чтением имел успех отчасти за счет своего личного достоинства, тем более что после чтения Иван Кузьмич сделал попытку польстить мне сравнением моих рассказов с рассказами Аверченко. Но я не думаю, что Ляля права, потому что я всю жизнь пребываю в подобной среде, и, может быть, самое такое пребывание в, по существу не своей среде ей представляется за счет достоинства. Тут у нас расхождение в чем-то, может быть, в том именно, что она не оправдывает моего доверия ко «всякому» или на счастье, что, мол, я-то, может быть, чем-нибудь и поступлюсь, но зато, может быть, как раз-то и попаду на человека. Вот эту игру вслепую она и не одобряет, а требует во всяком случае выбора.

Сегодня при чтении книги Бытия о жертве Авраама думал я о том, что крепкая связь праотца с Богом выражает не что иное, как особенную силу связи человека того времени с землей, с материей, с вещами. Жертвоприношения в форме сжигания быков или баранов <*зачеркнуто*: в своей наивности> показывают священное отношение человека к жизни: все священно и связано с Богом. Помню, когда я одному еврею рассказал, как одна интеллигентная еврейка с риском для жизни своей подбирала золото, как другая еврейка (елецкие случаи)[173] – он заметил: – Это герои, я думаю, что евреи спасают Россию. – Вот только теперь это понимаю: он указывал на еврейское чувство священности материи, такое, как у Авраама.

Возможно, что концентрация громадных капиталов в руках американских евреев есть современное выражение крепости договора Божьего с Авраамом. Даже и так мне представилось, что весь смысл существования капитала в наше время состоит в утверждении священности материи против исключительной священности и господства Слова (логоса), что самое наличие могущества всемирного небольшого народа еврейского есть современное выражение крепости древней связи Авраама с Богом.

Из всех народов в наше время только немцы, христианский народ, обладают чувством материи, подобным древнееврейскому, и так же воинственны, как иудеи (не есть ли эта воинственность тоже как следствие крепости связи с материей и родом).

Ведь чего хотят немцы? только земли и земли, а земля для возможности движения рода своего («арийского»). Недаром они для этого вначале рядились в «язычество».

Купеческий мальчик Волков[174] бежал в монастырь, а когда его поймали и вернули к делу, он вдруг понял, что если жить, то надо жить богато, и мало-помалу стал миллионером. Немцы – это христианский народ после того, как им тоже, как купеческому мальчику, пришлось жить, хотят жить богато. Отсюда очень ясно, чем им мешают современные владыки материи – евреи.

21 Ноября. Дни проходят, и мы переменяемся, и давно уже нет нас, тех двух, которые встретились в Январе 1940 года. Но мы теперь на страже тех дней, мы их храним. Так и полыхнет по сердцу, когда иногда представишь себе, что прошлое даром прошло. Я думаю, что Ляля, работая весь день, понимает свой труд целиком как охрану добра, сотворенного нами в те прошедшие дни. Так везде и во всем, на земле и на небе один закон в двух фазах: одно дело добыть добро, и другое дело его сохранить. На этом законе создавать и хранить построена и личная жизнь, и вся история. Так и Христос создает, а церковь хранит созданное и распределяет его. Так любовь охраняется браком, так революция и государство, так и вода течет в берегах, так, наверно, и Бог, создав мир, поручил человеку хранить созданное и вновь, продолжая Божье творчество, создавать новый мир и, создавая, его охранять.

Так и стоят прекрасные сосны в своих сединах, и все так же тихо и тепло. Выстрелов почему-то больше почти не слышно. Мы ходим ежедневно на Болото чего-нибудь стрельнуть. Я засел за Библию и решил прочитать ее всю от начала до конца. Мысль, направляемая этой книгой, показывает в особом свете современные события. Ясно становится, что избранный арий-

ский народ в современных условиях повторяет историю Израиля. Только теперь эта война представляется как война обиженной земли против неба.

Даже если и в Боге жить, как праотцы, но понимать жизнь как заботу о хлебе и роде, то теперь после слов «не единым хлебом» и «оставь отца и мать»[175] так по-прежнему жить нельзя. Но вся эта мировая война как будто направлена против Евангелия. В то же время и Слово потеряло силу и отошло куда-то в молчание. И человек, приставленный к машине, потерял волю и смысл. Так что Слово отвечает не из пулемета: оно поражает своим молчанием. Да и правда, каждый из нас не тем подавлен, что среди белого дня самолет, управляемый мальчиком, снижается и, приняв школу за Исполнительный Комитет, из пулемета в окна расстреливает школьников. Или что в центр многолюдного города падает тонна динамита и летят в разные стороны головы, руки, ноги женщин, стариков и детей. Даже и к этому люди привыкают, спасаясь тем, что кого убило, тот не чувствует, а кто остался, тот радуется, что сам уцелел. Не это страшно, а вот страшно всем, что это *можно* и против никто ничего не может сказать.

Слабость Болота: каждому из них ненавистны порядки *лично*, а коммунист в этих условиях должен делать что-то не для себя. Один только о себе (собственник), другой только о людях (чиновник). Так вот и спорят между собой чиновник и собственник:

– Чувствуешь, главное, что мы растворяемся окончательно во лжи и растекаемся в грязь.

– Погодите, нас поддержат союзники.

– Чтобы нас таких Англия допустила Европу устраивать? Об этом и думать нечего.

Падение было в том, что коммунист-революционер потерял лицо и превратился в чиновника и что всякий человек, имевший лицо, стал представлен как враг, частный собственник, хотя бы даже только своего лица. И все растеклось в грязь, т. е. все стало безликим.

Вот откуда и происходит та двойная жизнь, которой жил, напр., чиновник конца империи: как чиновник, на службе он не мог иметь своего лица, закрывался и открывал лицо свое, лишь когда возвращался домой. В наше же время чиновник, вроде писателя Панферова, и в семью возвращается и там лицо не может открыть. Попов рассказывал, как напряженно ведет себя Панферов дома из опасения сказать лишнее.

...Я помню эту «тайну» подполья, главным образом и оттолкнувшую меня от политики. Хранимая тайна и вообще *заговор,* как только кто вступает в него, тем самым уже становится убийцей из-за угла. Каинова печать ложилась на каждого заговорщика. Каждый делался преступником (переступая за черту настоящего) и находил себе оправдание в будущем. Но когда пришло будущее, за которое он отдал душу, сам он был наказан за преступление именно потому, что теперь уже переступать никуда не надо. И на место преступника-революционера был поставлен человек без души и лица: чиновник.

<*На полях*: Был заговор, и совершилось убийство из-за угла. На место убитых сели преступники. И как только *сели*, превратились в чиновников.>

Каин был земледелец, Авель пастух: Каин, как более прогрессивный (земледелец), должен был убить Авеля.

А Исав, зверолов, отдавая первенство умственному домашнему Иакову, поев похлебки, даже и не почувствовал какого-либо лишения. Очень напоминает время, когда агитаторы-коммунисты натравили мужиков на помещиков и как мужики, разорив помещиков, сами остались не при чем и заревели: – Омманили, омманили нас!

История с продажей первенства есть 3-й грех человека: 1) Разделение полов (в раю). 2) Убийство Авеля. 3) Обман (продажа первенства).

А в существе своем капитал разве не есть продажа природного своего таланта и труда, своего первенства. Социалист похож на Исава, требующего возвращения своего первенства.

22 Ноября. <*Зачеркнуто*: Так же как погода держится в равновесии между зимою и осенью на тонком снегу, так и строй жизни нашей между большевиками и немцами.

По вечерам Ляля стирает (могла бы и поднанять на стирку) и меня в это время пробует заставить читать ей Библию, Ветхий Завет. Мы вместе что-нибудь открываем. Вчера заметили, что индивидуальности мужчин там очень ярко очерчены, а женщин нет, более или менее интересны только блудницы. Женщина в нашем смысле появляется лишь в Новом Завете. Еще интересно, что, читая Библию во время войны, поневоле начинаешь по-иному смотреть и на Ветхий Завет, и оттуда на современность. Это теперь самое подходящее время, и так представляется, будто немцы повторяют дело Израиля, избранного народа.>

Когда Ляля похвалила пьяному Конюхову его девочку: – Какая хорошенькая! – он вдруг отверг это резким жестом, как разрубил. – Урод, – сказал он, – виду никакого нет и не может быть, у нее золотуха. Вы содрогнулись бы этому виду. И что мне вид? разве видами живет человек? Не нужно мне виду, не хочу я виду...

Все это предисловие было для того, чтобы открыть нам не «вид», а сущность. Но так, в каком-то плане вся революция бьет против «вида».

<*Зачеркнуто*: Ляля про себя потихоньку допускает, что все наше церковно-народное православие, может быть, и вовсе даже не христианство. Вообще у нее на месте как берега стоят только Христос и Церковь, во всем остальном религиозная мысль не только свободна, а и должна быть свободной.>

Итак, если теперь в мире царствует ужас, то это оттого только, что нет Слова, чтобы назвать своим именем и рассеять мрак светом. Но почему же Слово не может родиться? Потому что Бог поручил Слово человеку, а человек, весь-человек распят и молчит.

23 Ноября. Ни газет, ни радио, и не хочется спрашивать у тех, кто слышал по радио или читал газеты: все одна и та же

песня о том, что на всех фронтах бои. Изредка бухают бомбы в стороне Талдома, Загорска, Калинина – и все! Мы предполагаем, что немцы устраиваются на занятых местах, закрепляются.

Вчера мы поставили вопрос – кем бы Ляля была в Ветхом Завете, Саррой или блудницей. Дело в том, что насколько интересны в Библии мужчины, настолько же однолики все женщины, все Сарры. Женщины особенные в то время попадали в категорию блудниц. От наших женщин достойные библейские женщины отличались полным бесправием в отношении выбора себе мужа: в то время дочерей *отдавали* замуж. Всех же, кто сам выбирал себе мужа, считали блудницами. А Ляля не только выбирала, а прямо искала, пробовала жить, бросала, снова искала, когда же нашла, то оказалась Саррою в отношении найденного лица. И пусть у нее дремали эти способности библейской достойной женщины, все равно, если бы это и было известно, она бы в то время была блудницей, потому что она в поисках своих верила в существование личности, отвечающей ее духу. Напротив, Сарра, лишенная выбора, была определена исключительно на восприятие мужского безликого семени и свою мечту, свою веру, надежду, любовь относила к будущему младенцу – Мессии, т. е. личности.

И, конечно, все в праве выбора, т. е. главное – это *он*, с которым ей жить, а не тот, кого она родит. Отсюда все самоопределение женщины, самоволие.

Читая Библию, отмечать всех блудниц.

В Бытии дочь Иакова Дина была соблазнена начальником одного племени. Начальник любил Дину, и она его любила. Ему предложили обрезаться самому и всему племени. Когда же те обрезались, то во время болезни за Дину все племя было перерезано. Так родовая любовь боролась с любовью свободного *выбора*. Это же показано и у Шекспира в «Ромео».

Варвара Александровна жила с мужем библейски честно и в то же время глядела на все свое потомство иногда как бы со стороны и очень издалека. – Как будто все это и ваше и не

ваше, – сказал я ей, – а настоящее ваше остается при вас. – Это правда, – ответила она. И покраснела. После я узнал от нее же тайну всей ее жизни, что Федора Петровича, с которым она так достойно всю жизнь провела, она никогда не любила. А моя мать, разве не такая? И взять любую самую почтенную христианку, она не может быть окончательно поглощена рождением детей, разве только попадьи, похожие этим на евреек. У попов и евреев вполне сохранился Ветхий Завет.

Право выбора мужа (свободы) определило право выбора профессии и тем самым [привело к] полному освобождению женщины от мужа.

Социализм (большевики) снова ставят *личность*, притом одинаково мужскую и женскую, перед государственной необходимостью, как в древнее время женщина была поставлена перед необходимостью *рода*. Вот почему моя «Фацелия» не пришлась по вкусу ЦК: потому что она содержит в себе декларацию прав личности.

<*Зачеркнуто*: Ляля жила на Оби три года[176], и у нее не осталось от природы никакого хорошего воспоминания: – Знаю, что и хорошее было, особенно закаты, но не до этого было. – Она принимает природу как прекрасную пустыню, как храм, как место исполнения завета человека с Богом. Поэтому не до закатов, если сам человек находится в Концлагере. Моя же «природа» состоит в деле созидания храма, я в природе не молюсь, а только, имея это в виду как цель мою сокровенную, непременно что-нибудь делаю. Если у Ляли чувство природы выражается в «да святится Имя Твое», то мое в «да будет воля Твоя», включая в понятие «Воля» и познание.>

<*Зачеркнуто*: Нет существа более цинично-прожорливого, как зверь Левиафан: просто хищный зверь пожирает самое большее – это теплое кровавое мясо живого существа, а Левиафан жрет самую душу. Вот, кажется, на что святее была война женщин за право выбора себе мужа по своему желанию, и это привело ее к необходимости выбора самостоятельной профес-

сии. И тут она опять через Левиафана попадает в плен, может быть, худший, чем родовая необходимость. Стоит только поглядеть на водительницу трамвая и вспомнить борьбу за право выбора, чтобы покачать головой.>

Я – не пророк и не могу, и не смею устанавливать свет на пути людей, но у меня есть желания, и я должен, и чувствую право свое высказывать свои желания в том смысле, что пусть люди живут так-то и что так надо им, но я выскажу, как мне хочется, чтобы люди жили.

Военный человек поехал в Москву и обещался привезти наши вещи из квартиры, а возможно, и Александра Николаевича.

24 Ноября. За две тысячи лет идея христианства перестала быть переживанием, но необходимым условием жизни всякого порядочного человека, условием порядочности в обществе. В этом смысле мир действительно спасен, вовсе даже нет теперь необходимости веровать в Бога, в Христа. Даже и вовсе некрещеный юноша, воспитываясь в семье, проходя школу, непременно усваивает христианские аксиомы как условия быта порядочного человека. Немцы особенно поспособствовали разумному усвоению и применению в обществе христианской морали. Даже и самая трудная заповедь «люби врагов своих» так проста теперь для выполнения: для этого надо выключить из врагов своих врагов Божиих, которых надо ненавидеть, после этого выключения (порядочный человек ведь служит же какому-то богу) останутся свои собственные личные враги, с которыми порядочный человек просто должен обходиться так, будто он их любит. Весь особенный труд в наше время стать истинным христианином и состоит в том, чтобы отстоять Христа истинного от использования его людьми порядочными во всех отношениях.

<*На полях*: Смутный набросок темы о порядочном человеке, который чувствует себя спасенным.>

После паники московской речь Сталина, преданная общественному пищеварению, наконец, усвоилась в организм душевный, как легенда о порядочном господине с великолепными

подарками и розами. Каждая матушка, бывало, мечтала о таком господине для своей дочки. Эта легенда основана, конечно, в первую очередь для неверующих на вере в случай, для верующих это чудо. Но и вера и неверие в этом смысле исходят из внутренней пустоты, в которую целиком, как данное, не зависящее от внутреннего человека, входит мир внешний. Да и был такой случай в Турции, одна русская девица встретила сына американского миллиардера, и он увез ее в Америку. А разве и Дехтеревы матушка с дочкой в лице Франса не стали жертвой этой легенды о порядочном господине с великолепными подарками и розами? Так вот теперь и у нас в народе после задержки наступления немцев и речи Сталина. Перед этим ждали немцев, но с некоторым страхом каждого оказаться перед судом народа – господина и освободителя. Как бы там ни было <*нрзб.*> это ожидание, но это превращение врага в друга каждому представлялось в некотором смысле нравственным делом. Теперь же, после немецкой заминки в наступлении распространилась легенда о близком конце войны с победой Америки. Говорят, будто бы Америка, победив, все нам даст, все починит разрушенное, все построит вновь и что за это большевики распустят колхозы, дадут свободу торговли и религии (так и передали о свободе этой, рядом религию и торговлю). Вместе с этим из легенды предыдущей о немце как устроителе русского государства выпала всякая нравственная ответственность, и будущее представляется как легенда о порядочном господине с великолепными подарками и розами. <*На полях*: Политические настроения – размазано.>

Был у нас в гостях политрук нашей военной части. Говорил то, что ему полагается: что «Москву не отдадим ни в коем случае». – Значит, вещи можно оставить там? Или сюда перевезти? – Лучше перевезти: бомба все-таки может попасть. Но Москву не отдадим. – Пожалуй, правда, перевезу, а то какая это Москва без вещей. (Ляля толкает под коленку.)

Навестил Павел Иванович Логинов.

Опять с удивлением вспомнили, как вдруг после Московской паники все кругом перестали верить в немцев как изба-

вителей. Причина, вероятно, та, что действительно у них стало мало сил.

25 Ноября. Дела: С N. о машине для перевозки вещей в глушь. Обманув N., спрятать машину у Фокина[*]. 2) Поездка в Переславль за машиной, узнать о деньгах, побывать у Акинина[**]. 3) Дела керосинные. 4) в Хмельники за медом. 5) Ляле «Жень-шень».

Нельзя сказать, чтобы Ляля играла в домашнюю хозяйку: она ее делает из себя, подвизается на этом поприще. Когда я заметил ей, что слишком, что слишком, что можно бы и чем-нибудь другим заняться, более интересным, она иронически напоминает об Ал. Вас., который уговаривал ее бросить хозяйство и заняться литературой. Он не понимал, что *подвиг* в хозяйстве ей обеспечивал *первое место* (лучше 1-м в деревне, чем 2 в городе).

Наш спор с Лялей был в том, что она хотела представить меня как писателя, для которого все в доме, она же домашняя хозяйка, отдавшая себя всю на служение мне и матери. Я же доказывал, что сущность наших отношений есть равенство, что я не писатель, а домашний работник ее души, а отчасти посильно делаю и для дома: заготовляю пищу, ношу дрова и т. д.

– Ты, – говорила она, – делаешь все для себя, ты делаешь все, что тебе по душе. Я же должна делать все.

– Напротив, – ответил я, – вся моя деятельность литературная – это для других, и дома я делаю очень много для вас. Не виноват же я в том, что все это мне *нравится*. Если ты нормальный и здоровый человек, то и тебе должно нравиться делать что-нибудь: любишь и делаешь. Иногда мне мелькает подозрение в том, что ты меня выдумала и делаешь любовь, как делаешь домашнее хозяйство, из принципа, из смысла, совершенно тебе необходимого. Но я отгоняю это подозрение страшное и думаю, что мы люди равные, что ты делаешь для меня, как и я для тебя, как все *для себя,* а не для других.

[*] Фокин – учитель, директор школы.

[**] Председатель райисполкома.

Выходил спор в таком роде, что нам обоим хотелось быть друг для друга женщиной, ей же хотелось видеть во мне мужа-героя, обращенного в своем деле из себя и для всех. Так что это мое мужское дело под формой Я (для себя) и для Всех ей нужно для самооправдания: она, домашняя хозяйка, рождает меня, ходит за мной, умывает, и я *делаю* и тем самым оправдываю дело ее для меня. Ей вот именно и надо, самое главное, чтобы я жил *для себя* (как живет ребенок, писатель, деятель, герой) и в то же время для всех.

Доказательство этому, что радуется она, не когда я что-нибудь сделаю для нашей жизни, дрова принесу, картошку достану и т. п., – напротив, она тут *жалеет,* а радуется, когда я что-нибудь напишу.

26 Ноября. Так и смотрятся день в день, как в зеркале, до того похожие друг на друга, что и время перестаешь замечать и будто так это и надо, и нет в этом ничего особенного. А между тем, какое это благо вместо обычного тяжко сырого грозного дня, когда весь воздух, кажется, бывает пропитан запахом вынутых из воды раков, денечек беленький, чистенький с легким морозцем. И такова вся природа человека, и на этом основана вся его жизнь: когда хорошо – не дорожишь, а потерявши – плачешь. Каким раем представляется теперь наша жизнь в царское время!

Теперь понимаю, что все наше разномыслие с Лялей происходит от разного мироощущения: моего – мир для меня и для других через меня, и ее – мир от меня и я для мира.

Это разночувствие и разномыслие обусловлено раздельностью природы мужской и женской в борьбе за единство двух в третьем. В физической природе эта борьба разрешается рождением третьего, продолжение рода – Ветхий Завет.

И за каким-то пределом, когда над физической природой начнет преобладать духовная и Смерть является препятствием дальнейшему движению, борьба двух разрешается борьбой со смертью за личное бессмертие в духе – это Новый Завет.

Директору Леспромхоза N. Примите телефонограмму: Мих. Мих. Пришвин просит вас приготовить ему легковую

его машину для своей поездки дня на три с целью перевезти свой архив. Поручите механику предусмотреть все, собрать все инструменты, запасную камеру, укрепить запасное колесо, смазать и пр. Дайте знать немедленно, когда можно приехать в Переславль за машиной. Ваш ответ телефонируйте на почту в Усолье.

Вспоминаю, думая о N., некоего Богданова в Алексине в 1920 г.: два образа одной и той же Хлестаковской и Чичиковской сущности: Богданов – Хлестаков, N. – Чичиков. Оба как разрешение в обществе тяжкой борьбы: «Э-э, плюнь, брат». Оба как два конца порванной нитки в клубке. N. не может жить про себя, вечно должен быть на людях, и так как сам всегда на людях, то нельзя быть добросовестным, т. е. сделать выбор в людях и обдумать свое отношение, то угождая одному, неминуемо должен надуть другого (перпетуум мобиле).

До того хочется мира, что когда утром выйдешь из дому и не слышишь буханья орудий и бомб, думаешь – а не мир ли пришел.

Весь вопрос теперь – как понимать речь Сталина: как уверенность в наличии второго фронта или как намек на измену. Если бы это знать! И если бы еще узнать, как живут теперь под немцами на Украине, но *ему* (этому гражданину на Болоте) ничего не надо знать, он знал все сам и молчал. Но что же он знал?

– Ничего, ничего я в своей жизни не знал, – ответил он, – я родился, когда старый строй исчезал, и я как сказку, слушаю о том, как было когда-то хорошо жить. Ничего я не знал на родине своей: война с немцами и ничего не жду я от этой войны. В мире людском я беспризорник и хочу дома больше всего на свете. Мне нужен дом и знать, про что я живу. Не верю больше никаким словам и знаю, что никто в мире нашим словам не поверит и никто нам не даст руку помощи. Я знаю то, что у нас нет ничего. А вы даже этого не знаете.

Сегодня тихо падает снег, сытые вороны и сороки сидят довольные, особенно сороки, круглые с ручкой-хвостиком.

Весь род человеческий, начиная с палеолитического человека, кончая социалистом, проходит школу «суеверия». Нужно было еврейке тысячелетиями опускаться в священную микву*, чтобы заслужить себе современную ванну. Разумное разрешение месячного очистительного процесса женщины есть достижение культурное. К сожалению, вместе с разумным завершением процесса кончается священное к нему отношение, миква священная превращается в ванну, как гигиеническое условие жизни порядочного человека.

Так точно и все блага цивилизации, они очень культурные блага лишь в том случае, если являются личным усердием, личным завершением процесса жизни, творчеством. В наше прежнее время люди до того были настроены к покаянию в незаслуженности своей этих благ, что стремились к Ветхому Завету, к природе, к грубому труду (Толстой).

Всякому по способностям – очень хорошо, но вопрос, кому быть судьей этих его способностей?

Капитал, между прочим, есть система отбора способных людей, осуществляемая конкуренцией.

В прежнее время отбор способных людей предоставлялся им самим, кто сильней, тот и возьмет. Вся эта борьба допускалась в чаянии, что жить хочется и богатому и бедному, что жизнь есть добро, и что как бы там ни было, добро зло одолеет, и что если богатый одолеет, то возле богатого и бедному хорошо.

Это наивное доверие к ходу жизненной борьбы в том, что добро перемогает, и было основанием выбора способных лишь в системе капитала.

Социализм начинается с недоверия к жизни самой по себе и заканчивается в рамках разума.

Читаем Библию, чтобы все прочесть от начала до конца. Прочли Бытие, кончаем Исход. Из Бытия поразило вечернее жертвоприношение Авраама, когда заря подожгла его жерт-

* Миква – источниковая купальня для ритуального омовения.

ву. В Исходе явление Бога на Синайской горе и вообще весь Моисей между Богом и хамом. Может быть, это единственный пример почти полного вскрытия души пророка, его Я, возникающего от соприкосновения с Богом.

27 Ноября. П. М. Назаров, хозяин мой, как медиум, слышит, навостряет ушки и все вбирает и потом передает другим всякий вздор под фирмой радио: – По радио говорят. – Сам слышал?

– Нет, но... И когда уличишь, то он ссылается на какое-то таинственное радио с немецкой стороны. Вчера я ему говорил о том, что сегодня бомбили в сторону Кашина и к Ростову. – А теперь все равно, – ответил он, – раз Гамбург взят, то какой тут Ростов. – Как Гамбург? – Да разве не слышали вы: десант в Гамбурге и еще какой-то город. – Сами слышали по радио? – Не сам, но было по радио, да и все говорят.

Ну вот и остался я на ночь, – верить или не верить? Давай верить, Михаил. Почему не верить? Так оно и должно бы быть. Но если бы правда, какой бы у нас то был переворот! Тогда бы можно было сказать, что не народ победил, а партия, Народ же, лишь поскольку терпел, выносил. А еще черта замечательная, что никто больше словам не верил и никакого голоса в критические дни не было и не пытался никто ободрить народ. А только и нужно-то было сказать о доверии к союзникам. Вот тут было самое слабое место: все думали, что никогда Америка не пойдет с большевиками.

Загадкою для всех было, что если СССР победит немцев и будет в Европе революция, то СССР станет во главе и начнется канитель. Но теперь показывается разрешение загадки: [Америка] в Европу придет раньше, чем СССР (так сказал некто, но что скажет Ахтырка? очень интересно).

Основная ошибка Гитлера была в том, что после покорения Франции он не бросился тот же час на Англию. Покорив Англию, он действительно мог бы молниеносно разбить СССР. И тогда, свив себе гнездо в СССР, он мог бы оставить оккупированные страны Европы. Вторая ошибка его была в недопони-

мании СССР <*зачеркнуто*: в «идеализации» народа> с ориентировкой на молниеносность.

Возможно, что N. не просто жулик, а и сумасшедший. Скорее всего, он не просто обокрал мою квартиру в Москве, а грабил, думая, что квартиру другие разграбят. С ним надо поскорее разойтись миром. И если это даже будет ценою машины, то пусть.

«Гамбург» оказался Ливией: там англичане захватили сколько-то танков – вот и все. (И толкование: – Ничего удивительного, коммунист нарочно слух пустил.)

Стал зарисовывать в лесу и удивлялся себе, зачем я столько лет таскал за собой фотоаппарат. Но, подумав о слове своем, понял, что, может быть, и слово мое тоже переходное искусство и как-то можно гораздо легче и лучше выразить то, что я хочу выразить своим тяжелым искусством. И, может быть, всякое искусство является только ступенькой по лестнице к Богу: за верхней ступенькой искусство вовсе не нужно.

28 Ноября. О, дорогая моя, поверь мне, что никакой более «сладкой» пустыни, чем наша в Усолье, нет ни на Кавказе, ни в Карпатах, как ты мечтаешь. Поверь, что когда мы и попадем туда, может быть, то оттуда наше Усолье и будет нам казаться сладчайшей пустыней. Встань же, друг мой, пораньше, засвети огонек, собирайся в себе на борьбу за сегодняшний день, ибо «довлеет дневи злоба его».

Если бы Вольтера, скептика, и Руссо, идеалиста, посадить в одну комнату жить, кормиться, спать рядом, писать при одной 7-линейной лампе, варить пищу, доставать продовольствие, был ли бы успех в творчестве того и другого в этом подвиге сближения двух людей, идеалиста и скептика. Я думаю, из этого подвига и вышло...

Птичка! что за прелесть, золотые щечки, красный хохолок и глазки огненные, и крылышки, и сердечко – 1000 ударов в

секунду. Но эта птичка – чудо в клетке сидит и тукается о железную проволоку. Ума червивого мальчишки было довольно, чтобы заключить ее в клетку: птичка глупенькая.

О, дорогая моя, бедная птичка, нет! я неправ: нет подвига в смирении перед невольной пустыней, нет и нет! Единственный подвиг в невольной пустыне – это подвиг взяться за ум, тот настоящий, большой единственный ум человека, равного Богу, способного не только клетку со стальными прутьями, но даже и клетку-смерть свою перемочь и разбить. Не будем же, дорогая, смиряться перед подвигом в пустыне Неволи, а создадим сами себе подвиг в том, чтобы выбраться из этой неволи. Принимайся же за дело, приготовь все наши мешочки, запри сундучки, развесь одежду, чтобы все собранное, приготовленное сразу же по первому зову собрать и унести. Создадим идеальный порядок в нашем хозяйстве, он обеспечит нам Исход из Египта.

– Как можете вы так прямо и решительно стать за немцев, исходя из нашей неправды? Помните, в ту войну с Германией стоило бы еще немного удержаться от пораженчества, и мы теперь, по всей вероятности, не были бы в столь бедственном положении. Так и теперь, быть может, Англия готова сделать решительный шаг, еще немного – Германия развалится и кончится война. Если же у нас раньше развалится, то война перекинется в Америку и мы под Германией будем воевать еще сколько-то лет.

– Но если Англия победит, останутся большевики, так лучше же я Германии буду служить, чем им.

– Если большевики победят, они тем докажут себя, свое бытие как государственную необходимость, они сделают великое дело и перестанут быть в ваших глазах тем просто злом, которое вы в них видите. Потерпите же, посидите, помолчите, подумайте про себя углубленно.

N. сказал по телефону, что завтра приедет ко мне и сообщит печальные новости. – О машине же не беспокойтесь, – это значило, что печальные новости, по всей вероятности, относятся к войне. Если бы печаль была относительно длительности вой-

ны в связи с нашим сопротивлением и помощью союзников, то едва ли бы N. сказал об этом по телефону. Если же это новая паника, то на эту панику я отвечу, что еду [в] Куйбышев и буду говорить по радио речь на трех языках, загну о Всеславянском съезде и пр. После того, как он будет оглушен политически, мы прочтем ему письмо о пропаже наших вещей. Предстоит занятная сцена.

Каждая семья окружена своей *тайной,* которая непонятна не только окружающим, но, пожалуй, еще больше непонятна самим членам семьи. Это происходит оттого, что брак есть не «могила любви», как думают, а личная, значит, священная война. Вступая в брак, данное лицо с его волей встречает другую, ограничивающую его волю, и тем самым является «тайна» двух, состоящая в борьбе с неизвестным концом. В этой борьбе случаются как бы обвалы, в которых жизнь рассыпается, и посторонние люди по обломкам могут прочитать тайну семьи. Такой обвал был в семье Льва Толстого.

29 Ноября. Читая детские свои молитвы в заутренний час, вызывал к себе Бога из хаоса мира. И «на небеси» из «Отче Наш» понимал как мое личное признание бытия Божия где-то на небеси: там где-то Он существует в непостижимом для нас образе и состоянии. А когда я читаю «и на земли», то это я о себе говорю, что я, земное существо, жду от Бога Небесного внимания к божественной сущности, содержащейся во мне, прошу Бога Небесного, чтобы Царствие Его снизошло и в меня.

Итак, земля и небо в Молитве Господней означают: 1) Небо – это признание существования Бога вне себя. 2) Земля – это чувство Бога в себе самом.

Та природа, которую мы создаем себе из обыкновенной физической природы, боится пустоты. Чуть задумался в лесу, ушел в себя, как все вокруг тебя, елки, сосны, травинки, кусты превращаются, как и люди, в личные живые существа. Вдруг вернувшись из себя, можно попасть в общество этих существ, и тогда каждая елочка, каждая птичка...

<*Приписка*: Нет людей, и все как люди. Потому что природа человеческая боится пустоты.>

Пока не кончится война, как ни бейся, все равно ничего не поймешь. И ничего не поймешь, пока делается, а только уже когда кончится. Так вот и наша личная жизнь: рост сознания нашего связан со смертью. И когда умрет человек, то все бывает понятно.

Есть ловушка для ближнего, когда я, смиряясь до умаления, говорю: ты больше меня, и я твой слуга. Тем самым я переселяюсь в тебя и там в тебе расту, как паразит, питаясь тобой. И так я мало-помалу пожру всего тебя… Мне думается, так жил Андрей Белый, пожирал Р. Штейнера, святых отцов и через антропософию хотел Бога пожрать, но…

30 ноября. Ночевали у Ожеренкова. Страдает жена коммуниста. Утром радио: еще одна победа. И мы узнали впервые, что три дня тому назад был взят Ростов и теперь отбит нами обратно. За это благодарность Сталина Тимошенке. Приехал Лапин. Думали, даст бензину, и я пошел пешком – догоняйте. И так прошел 30 км до Усолья. При входе в Усолье догнал N. Изругал его и отобрал изуродованную машину. Встреча с Лялей, слезы, радость и пр.

В связи с раздражением на N. начал думать, что жулика поймать невозможно, и что Гоголь неправильно сделал конец Чичикова и Ревизора, и что мы ловим не жуликов, а или честных вместо жуликов, или некоторых. Эту мысль я развил двум идущим со мною старикам. – Жуликов у нас много, – сказал я. Они обрадовались: – Сами так думаем. – А поймать жулика нельзя. – Да разве можно жулика поймать? – И стали развивать эту мысль точно, как я.

Разговор с коммунистами о «королях»: у того керосин, у того мука, у того масло. Короли вступают в обмен и все держат в своих руках. – Теперь это и раньше. Теперь только вскрываются те пороки, которые раньше таились. Теперь многое надо

передумать. – Да, многое, многое. Распределительная практика коммунизма – худшая сторона торговли.

1 Декабря. Вся военная часть ночью перекрасилась в белый цвет и на рассвете «смылась» на фронт. У всех убеждение в том, что в Москве происходит решительный бой. Наш информатор уверяет, что второго фронта не будет, потому что воюют две партии, значит, Англия не пойдет за коммунистов.

Вчера по пути много думал о венце творения – Божьей Матери (Mater – материя, и, поди вот – «материализм». Бог Отец – это муж, и Сын – муж, это Бог, а Mater, венец творения, но все-таки это «тварь»).

И так я перекинулся ко времени своей первой страстной любви, и вдруг все стало так понятно. Эта любовь, эта женщина дала мне задачу сделаться мужем, достойнейшим. Она как бы сказала мне: «Достигни, сделайся мужем, и тогда возлюбленная сама к тебе придет». Так оно и вышло. Удивительно цельная моя жизнь, удивительно простая и ясная.

В связи с матер-материализмом думал, что грех в этом и состоит, что «матер-ия», «ия» превращается в «изм» и что тут-то и рождается в этом обладании плотью жадность-собственность.

Значит, потому и требуется бессеменное зачатие, что дело идет в рождении личности, в то время как в семени передается родовой безликий грех.

Значит, как бы ни были родители прекрасны, их дитя, происходящее от семени, может родиться Хамом и Каином.

Значит, как бы ни любили друг друга, но наше дитя может пойти против нас.

Спрашивается, что же новое в том опыте, который представляется нам как небывалое?

Вот, мне кажется, в чем: нас учили спасаться от греха путем отказа от плоти; так возник аскетизм. Мы же не отказываемся от страсти, но направляем ее к Богу. Мы не возлагаем разрешение вопроса о согласовании духа и плоти на наше дитя, нет, нет, мы наши чувства обращаем непосредственно к Богу, если же и родится дитя, то в отношении его мы сделаем все, что можем.

Мы не против деторождения, как Толстой, но мы не вкладываем в это свою священную надежду, как слепые. Нам довольно нашей любви, мы можем без этого и обойтись. В младенце всегда бывает чудесное соединение отца и матери: глядишь, и то покажется отец, то мать. А после остается больше так, что один ребенок похож больше на мать «вылитый», а другой на отца.

2 Декабря. Хватил мороз. Обдумываю бывшее воскресенье. Нужно было мне старику, хозяину машины, пешком голодным пройти 30 верст днем в метель и ночью при луне, чтоб получить право высказать завладевшему моей машиной тридцатилетнему негодяю всю правду в глаза и наконец-то машину отнять. Благодаря этому жулику я пришел к мысли о жулике, которого невозможно поймать (а впрочем, у Гоголя ни Чичиков, ни Хлестаков не кончаются, а терпят наказание лишь люди, подпавшие их влиянию).

А еще я думал о начальной любезности, проявленной в N. и завлекшей в доверие, и скрытый за этой внешностью глубочайший в своей бессовестности эгоизм. Если любезность N. скрасить и расширить свойственной евреям способностью к усвоению всего, о чем говорят образованные люди, если способность к авантюре и холодному бесчувственному завлечению к себе людей раскрыть в обладании миллионами, то вот и получается царь современного мира человеческого, который создает «цивилизацию» (Телец златой).

Даже бросил курить – и то чувствую удовлетворение и гордость собой. И так вообще самоограничение – мыслей, чувств, страстей сопровождается чувством собственного достоинства и гордостью.

Но есть самоограничение, от которого человек возвышается (жизнь за Бога или даже «жизнь за царя»), и есть, от которого он только на цыпочки поднимается.

Марья Вас., Разумник и тоже вот протопоп Аввакум.

Так что есть аскетизм творческий и есть аскетизм механический, глупый и вредный (отец Ферапонт у Достоевского)[177].

Все зависит: попадешь в великое или смешное: во имя себя или во имя Бога.

Писательство и вообще путь художников есть всегда самоограничение, есть аскетический путь, часто при обратной внешности (Есенин). Но тут-то вот с особенной силой выявляется «во имя», выраженное только в звуках, линиях, образах...

Ветер гнал меня и подхолаживал спину, во мраке, в лесу при слабой луне трудно было выбирать нескользкое место, иногда ошибался, валился на бок. А бывало, покажется: снег перед глазами ярко осветится, как будто сзади неслышно подкатила машина. Оглянешься – нет ничего, и только будто бы вот зайчик мелькнул белый и остановился под темной елью. Смотришь, дожидаешься, не сводя глаз с зайчика, и видишь, как он движется, то ушами поведет, то встанет на лапки, то вперед, то назад, то вбок играет, подпрыгивает. И все это по опыту старому знаешь, что все это не зайчик движется, а тело мое, устремленное к неподвижному белому, содрогается под ударом сердца. Нет, не зайчик, не машина бежит, только верно, что эти глухие удары за лесом – бомба с самолета разрывается, а двойные – это орудия...

Не обманчивый свет ожидаемой машины сверкнул мне, а вдруг с великой ясностью в трогательной простоте мелькнула моя жизнь, эта жизнь истинного поэта, распределенная не по страницам книги, а по самой жизни – по лесам, по родине, по градам и весям.

Какие-то две-три вешки поэтические были поставлены на огромном пространстве, чтоб я прошел непременно по ним в силу своего дарования. И я шел, не зная куда, ощупью; и проходил...

Теперь я хорошо с этого своего этапа вижу свой путь, начиная от той далекой встречи в Париже:[178] тут впервые стал мне вопрос о моей личности, о том, что не повторяется в людях и что есть «я сам», единственный, пришедший в мир единый раз и неповторяющийся.

Встреченная девушка почти сознательно поставила мне задачу: чтобы овладеть мной, ты должен стать мужем (мужчиной), ты должен так материализоваться, оформиться. И я занялся, я писал, и когда нашел себя, поспешил ей даже книги послать. Нет, книги были еще несовершенны, и она уже не та девушка (Дева), а женщина с седеющими волосами.

Я тогда ограничил жизнь свою до крайности, я выключил из нее то радостное, что есть у всех, чем все люди держатся на земле. Может быть, я стал бы маниаком, графоманом, если бы не сила родственного внимания, любовь к природе, создаваемой человеком при помощи Бога. Это была несознаваемая вера, надежда, любовь, определившая ритм жизни, то самое, чем богат всякий немудрящий простак.

Трогательна простота и смирение, оберегавшее меня от искушения славы, учительства, самолюбия, зависти и т. п. бесов, искушающих всякого художника. Смысл всего моего писательства заключался в формировании в себе «мужа» (недаром у немцев «Жень-шень» был назван книгой мужчины). Жень-шень – письмо страстное, вызывающее друга женщину, был свидетельством зрелости мужа, могущего создать себе дом. Замечательно, что Фацелия пришла почти прямо на вызов, и я принял от нее то самое, «чем живут все хорошие люди».

Итак, это был юноша, которому любимая девушка поставила задачу, прежде чем взять ее, сделаться личностью, мужем. Он взялся за это, тем самым сохраняя в себе юношу. И когда достиг какого-то предела (в 68 лет), Фацелия пришла к нему сама, и он получил то самое, из-за чего люди живут на земле: любовь.

Разобрать Алпатова и Валерию как людей, определенных на одиночество (только в одиночку могут работать и не сбиваться) и внутренне жаждущих общества (выхода...).

Бог является к людям не собственным лицом, на которое и не может смотреть человек, а в отличиях людей и разнообразии тварей. Только чудо может показать действие божественной силы сразу для всех.

Бог действует на людей через пророков, но иногда, говорят, бывает чудо: воскрешение мертвых, столпы огненные и облачные, моря расступаются и т. п.

Итак, чудо есть непосредственное действие силы божьей не через личность, а прямо на массу, притом не как сошествие Духа святого на апостолов, организованных лично каждый в отношении к Богу в церковь, но всем верующим и неверующим, прямо массе всей человеческой (как детям).

Для личности вся жизнь состоит из чудес: законы божественной силы, как чудеса, естественны для верующих. Но для неверующих, т. е. для масс, живущих под влиянием законов естества, чудо противопоставляется законам естественным, установленным физикой. Чудо действует всегда против физики, иначе сказать, личность – скажем, Моисей со скрижалями – как таковая, обращается непосредственно к массе и ею постигается (Моисей разбил скрижали и масса его не поняла).

Чудо есть иррациональное разрешение борьбы личности с обществом.

Я в жизни своей постоянно вижу чудеса, т. е. жизненный поток для меня есть поток чудес. Единственное, что я принял за чудо в общем понимании – это был день на Невском, когда свергли царя, мне это было, как будто Кащея посадили на цепь. Но это чудо оказалось обманом, и не радоваться надо было тогда, а плакать перед ужасом наступающих бедствий для людей, оставленных Богом.

Дела сделали: выложили дрова, разрубили мясо, сходили на Болото и заказали Ваське керосин. К вечеру ездили за капустой и опять выкладывали дрова при луне. Ходил при луне на тот конец за молоком (5 р. крынка). На ночь читали вслух книгу Чисел, как никогда не читанное великое произведение. Поразила борьба общего человека с пророком и «Их время оставило, а Бог с нами».

3 Декабря. В эту ночь внезапная перемена погоды: мягко и снег идет. Где-то происходит «решительный бой», а здесь наступила полная тишина и неведение. Всякий, кто под влиянием последних событий возле Москвы поднялся в чаянии близкого

конца, теперь забоялся: опыт показал, как обманчив этот расчет. Каждый дом у крестьян – продовольственная крепость.

Телефонограмма N. Бывшая в вашем пользовании машина не заводится. Прошу немедленно согласно договору прислать мастера и материалы и сдать машину в исправном виде.

Еще раз обещание ваше не выполнено: мастер не приехал.

Из книги Чисел: когда поднялся «общий человек», отстаивая арбузы, дыни, хлеб Египетской земли; другое – восстание левитов, утверждающих, что Бог не только у пророков, но и у каждого в душе Бог: прообраз реформации.

4 Декабря – сильный мороз.

Сегодня после однодневной оттепели хватил мороз. В Усолье прибыло много военных автомобилей и красноармейцев расселяют.

Чтение Библии: Бог един, но люди его по-разному понимают. Евреи – библейский бог, это как поняли египетского бога евреи, а Христос это, по всей вероятности (я догадываюсь), как поняли это тогда египетского бога греки, а потом новое понимание – римское, германское, славянское и, наконец, личное.

Пьяный командир на слова тещи, что бензин нужен для перевозки архива писателя, сказал: – Теперь все такое не перевозят, а жгут. Хорошие же писатели не укрывают архивы, а – на фронте. А впрочем, я знаю, вы не архивы перевозите, а сами бежите.

Чтение Нагорной проповеди у Святого озера[179] поселяет в Алпатове образ его «Прекрасной дамы». Та женщина, которую он ждет, о которой мечтает, которую вызывает, для которой пишет, приобретает черты девушки у Святого озера. Автор же подхватывает эту мечту и показывает читателю, что всякая мечта существует и ее можно даже и показать читателю.

От N. нет вестей, и сегодня позвоню, и если нет – пошлю к чертям.

У N. теперь ушки на макушке, он выжидает, буду ли я на него жаловаться. Готовлюсь к ответу. При случае его хорошо придавить, чтоб не пикнул, – только я не могу. А с писком давить – не стоит.

Если я люблю, то мне кажется, что и все хороши, если мне удалось написать хорошо, я счастлив тем, что достигнутое мной для всех хорошо.

Так и пророки жили: их беседа с Богом для всех правило и счастье. Чувство Бога оправдало личное дело: язычеством это стало называться при утрате чувства Бога. (Вопрос.)

6 Декабря. Частая стрельба в стороне Дмитрова – Талдома. Мороз 30°.

На слова мои, что мы с В. Д. удерем в Половецкое или Хмельники, Павел Иванович, учитель, сказал: в Хмельниках еще только разговаривают об эвакуации, а в Половецком уже клеймят. Вот и поймите, куда удирать. Умнее всего поступили в Купани: там перерезали скот и разделили по трудодням. В Хмельниках завидуют, пока боятся резать, но, наверно, не воздержатся.

Целый ряд неприятностей: первое, что N. оказался подлецом, второе, что торфоразработка ликвидируется...

Из Дмитрова кто-то приехал и сказал, что город взят и немцы направляются к Загорску.

Очень близятся решительные дни, когда мы останемся на произвол судьбы, не исключается, что на морозе и без продовольствия. И даже если удастся спастись, то тоже не выход, потому что не знаем, надолго ли немцы задержатся.

В Библии Ляля видит развитие личных отношений пророков с Богом, которые от самых наивных жертвоприношений в конце превратились в жертву Богу за людей первенца-сына и, наконец, себя самого. Но мрачен и страшен Бог иудейский. Я не сомневаюсь, что наша поповско-родовая религия столь глухая к явлениям личной любви и формам, создаваемым ис-

кусством, происходит оттуда, что о. Матвей, испугавший Гоголя, и Чертков, тупой утюг, – тоже оттуда. А Христос истинный, я думаю, ближе к эллинам, чем к иудеям и через эллинов к Египту.

Глубокая печаль охватила меня – до того, до того хочется жить. На ночь Ляля в постели утешала меня такой любовью умной и великодушной, что и чурбан бы процвел[180].

7 Декабря. Мороз 33°.

Как и ожидали, после «вот-вот немцы придут» волна эта спала и наоборот, учитывая ростовскую нашу победу, морозы, английскую агитацию, вернулись к тому, что немцы, пожалуй, совсем не придут, а если и придут, то от этого прихода не поздоровится.

Н. сказал: – Как вы не понимаете современного положения в Европе. Машинный век закончился превращением в машину самого государства под управлением идейных тиранов. Один из них, Муссолини, кончается, другой – Гитлер тоже близок к концу.

Посидел вечер у Х. и не понравилось. Нет, мы не с этими, слишком уж тут просто, по-библейски, око за око. Но мы много говорили о готовности русских к послушанию за стакан вина (какое – стакан, за папиросу). Этому «все равно: отступать, так отступать, гнать, так гнать». И главное, жить на минимуме. Все сводится к тому, что, пожалуй, вот *это* (чего Гитлер не учел) может и победить. Ошибка у немцев в расчете на молниеносность была в том, что его информировали немцы же и русская интеллигенция, до сих пор еще преувеличивающая значение «рацио», в таких случаях не понимающая своего «сфинкса».

В этом свете настоящего все слова о русском патриотизме: Война и мир, Максим Максимович, Некрасов и все, все являются слабыми попытками облагородить, осмыслить и назвать добрым именем ту силу множества, готовую подчиниться всякой силе – доброй и злой.

У нас до революции было сознание, что если любому преступнику сделать добро и оказать доверие внутреннему его человеку, то он всегда оправдает это доверие.

– Не ищите честных людей, – наставляли люди практичные, – ищите умных воров, чтобы они сознавали это доверие и воровством не разоряли хозяина.

Теперь, в советское время, появился преступник, переступающий через всякую мораль. Вот именно потому я и попался в руки N. Нас воспитали гуманистами Гюго и Достоевский, это хорошо, но мы должны знать кроме того, что как существует природа сильней человека, так и человек существует за пределами того, что мы сами из него сделали.

8 Декабря. 12 лысых мороз сломили[181]: метель.

В дни падения Иерихона блудница Рааф признала Бога[182] и ее одну пощадили. Блудница, существо, переступившее через обычные моральные нормы, единственная могла воспринять новое, стать совершенной.

Старуха Серова, встретившись, сказала мне шепотом, что еще три земли пошли на нас. По проверке оказалось, что Япония объявила войну Англии и Америке. Значит, теперь все человечество, весь земной шар находится в состоянии войны. Вот теперь настало время прекратить мечту о скором конце войны и возвращении к привычной жизни. По всей вероятности, нам не перейти пустыню, разделяющую нас со страной, кипящей млеком и медом[183]. Но мы будем идти в том направлении, мы должны идти.

10 Декабря. Мягкий день, снежный пух по колено в лесу и выше.

Прошло 40 лет с той встречи в Париже, и все-таки ночью видел, будто из Смольного мне прислали пакет в конверте с золотыми образами. Это были ее портреты времени окончания ею Смольного. На портретах она была героиней среди обыкновенных девушек, ее величие было подчеркнуто белыми одеждами на темном фоне других.

Когда проснулся, то вся эта парижская история представилась ясно, как бы со стороны. Вся беда этой любви была в том, что как она и заявляла не раз с того времени, как оправилась от первого увлечения, я принимал ее не за ту, которую видел.

В то же время я знал, что моя Варя, как бы поднимаемая мною, существовала в ней. И, помню хорошо, как разделилась в моем представлении Варя от Варвары Петровны.

Это была борьба за Варю, и она хорошо и правдиво тогда написала, что лучшая я, да, лучшая, осталась с вами.

Так что не очень-то обвиняй себя, Михаил, в глупости: через эту любовь от маленькой «лучшей» женщины родился поэт в тебе. И в то же время из этой истории видишь так ясно, что, конечно, и во всем человеке, как его «лучшее», дремлет возможность творческого мира, что умная трезвая действительность (Варвара Петровна) не есть «лучшее», а, может быть, даже вовсе и не действительность. Теперь в Ляле я нашел как раз то самое, что искал тогда в этой истории.

(Ляля и мать – это в точности Варя и Варвара Петровна.)

Вчера укладывали дрова, и от этой работы Ляля раскисла, я же скрывал, что чувствую боль в сердце. А между тем с наступлением весны наверняка мы должны работать на огороде.

С выступлением Японии стало ясно, что война эта не может кончиться случайным сговором на коротенький мир. Война эта может быть очень длительной.

– Не фашисты, не большевики, не демократы...
– Только пустыня.
– А что это современная пустыня, не Синайская же гора?
– Пустыня – это мы с тобой, наши близкие.

Читали Руфь[184], маленькую историю жизни одной маленькой древней женщины о том, как эта бедная женщина пришла ночью на гумно к богатому человеку и легла у ног спящего на снопах хозяина. Когда же ночью он проснулся, увидел ее и выслушал историю ее жизни, то обещал ей найти мужа, если же не найдет, то сам женится. И женился. Такая маленькая и такая в целомудрии своем священная историйка.

Лес завален снегом, совсем глухой и все-таки никогда не бухали так сильно, как теперь. Полагаем, что звуки доносятся из Дмитрова. Радио скребет и хрипит так, что хоть и не слушай. Газеты местные хоть в руки не бери. От всей мировой войны к нам долетают через глухой лес только выстрелы.

Вчера вспоминали мою старую семью, и Ляля сказала, что вышло все оттого, что они меня не понимали: никогда не думали, на что я способен.

Девора: книга Судей[185] – это женщина, которая овладевает мужским первенством (славой). Иезавель – женское коварство на службе Богу[186].

Вот писал я о наводнении, и как теперь жизнь наша похожа на такое наводнение: весь мир затопило, мы на маленьком островке, вокруг нас спасенные вещи – кое-что и кое-какое продовольствие в мешочках. И мы боимся, как мыши на ветках кустов, сидим и всего боимся. Особенно боимся, что немцы прикажут отдать все и оставить себе по кило, а если обманем – убьют.

<*Приписка*: О, какой вздор, разве нельзя уйти глубоко в себя на совет с Богом и оттуда вернуться с тем знакомым мне светом великодушия, от которого сразу разбегаются все мыши. Разве можно теперь, после встречи с Фацелией, искать в бегстве спасения. Вникни глубоко в себя, войди в свой дом... и все.>

11 Декабря. Мягко, тает – не тает и тихо. Лес глухой.

На ночь вчера Ляля стала искать тряпку, чтобы постелить мне ее возле кровати вместо коврика. Теща посоветовала выпороть рукав из моей старой охотничей куртки, на которой теперь спит Норка, и сделать подстилку. – Она старая, тяжелая и вонючая, – сказала теща. – Но я в ней, – ответил я, – провел лучшие охоты, она мне дорога по воспоминаниям о своей былой воле.

Теща подняла спор, я ей хотел ответить, что ее старинные платья в сундуке тоже не имеют цены. Но платья вам дороги,

потому что вы мечтаете в них сделаться маркизой и попасть на бал, пусть это во сне, но все-таки хорошо. Я же мечтаю о том, что когда всем буду в тягость, одену это рубище и пойду нищенствовать. Ляля прямо окриком остановила этот спор о маркизе и рубище, потом стала на молитву. Я знал, что она молится о возвращении мне моей простой радостной души. После молитвы она легла со мной и старалась всеми средствами своими обласкать меня. Я отвечал ей, и так мы уснули.

Я проснулся с мыслью в голове, что с 42 года мне пойдет 70-й год, и если в близком времени не кончится война, я могу захворать и не только ничего не написать для будущего, но даже, возможно, и стать близким людям в тягость. На этот случай я подумал, что не воспользоваться ли тогда своим охотничьим ружьем, и не уйти ли из дому, и не покончить ли жизнь, питаясь подаянием. Пусть теща умирает с микстурами и грелками, а я так... Можно бы так с Ефр. Павл., а Ляля не пустит, и обмануть ее мне нельзя. Нет. Это странничество и нищенство – старый, наивный и заросший путь в Дом Божий. Им воспользоваться можно, если так *придется*, но никак не идти добровольно. Только наивные люди могут искать Дом Божий на стороне, а не в себе самом, и надо быть безумным растратчиком, чтобы все свои труды просто оставить на земле. Дом Божий в себе самом, и если жить остается недолго, то тем более надо дорожить каждым днем, чтобы успеть все собрать и уложить. Надо работой над собиранием духа в себе с излучением родственного внимания к миру бороться с наступающей старостью, надо ежедневной молитвой, как лопатой железной рыть свою душу до целебных источников. Не микстурами лечусь, не припарками, а душу свою освобождаю.

– Боже мой, какая пустыня, ведь ни одной-то души вокруг нас, – сказал я. – Да, это ужасно, – ответила теща, – нет ничего тяжелее, как жить без людей своего круга. – Круга? Я не о круге говорю, а о единомышленниках. – И я тоже об этом: в своем кругу порядочные люди всегда между собой могут сговориться. – Поняв тещу, я перестал спорить с ней и, напротив, свое внимание пустыни постарался подогнать к ее. – Люди, – сказал я, – в большинстве случаев в одиночестве тяготятся своими мысля-

ми, они хотят чужой мысли вместо своей. – Вот, вот, – обрадовалась теща, – я же именно об этом и говорю, что когда живешь в своем кругу, то всегда получаешь приток мыслей новых и это понятно: есть же люди гораздо умнее тебя и опытнее.

Так что моя пустыня есть питомник личности, а «свой круг» есть форма тяготения к стаду. И у меня тоже есть свои формы стадного чувства: я заставал себя не раз на краю этой сладостной пропасти (мой «марксизм» был опытом броситься в пропасть эту, то же самое и та глупая радость, когда свергли царя).

Вот любовь тем и замечательна, что это тяготение к своей среде, к своему кругу, к своему стаду разрешается лично, и всегда влюбленному кажется, что такая любовь, как моя, совершается на земле в первый раз. И это и есть сущность жизни: космическое беззаконное состояние творчества.

Первая любовь – это когда люди добры, и все на свете прекрасно. В этом беззаконие, потому что это безгрешное состояние, а где нет греха – нет и закона. Это мы люди придумали свои законы движения солнца, на самом деле оно беззаконно. И вообще законы всякого рода свидетельствуют: законы нашего общежития – о нашем несовершенстве, а законы природы – о несовершенстве нашего понимания.

Союз Ляли с матерью то же, что Толстого с Софьей. Андр.: стадность и личность борются у каждого из нас в душе, здесь... находит каждое своего актера: так что обычная внутренняя борьба здесь вовне.

(Закон ограничивает понимание в пределах пространства и времени.)

– По радио немцы везде отступают, а по выстрелам они все ближе, каждый день слышней.

12 Декабря. Таяние. После обеда снежная буря с холодным ветром, к вечеру мороз.

Сейчас идет война всего земного шара, потому что в беде, постигнувшей нас, весь мир виноват. В этом и есть историче-

ская задача большевиков – вскрыть язвы всего мира и нужду в спасении сделать всеобщей.

Перемена в нашем государстве была похожа на перемену в каком-нибудь рабочем поселке, скажем, в 1000 домов; каждый домик – и соединенные теперь в один дом из одного огромного дома с центральным отоплением. Со стороны смотреть: как рационально, какая экономия вещества, а внутри: как неприятно, какая растрата живого человеческого существа.

Всеми чувствуется с самого начала революции какой-то грех. Но стоит хорошенько обдумать любое поначалу возмутительное проявление власти, подняться повыше к источнику власти, как все оказывается разумно и благонамеренно. И тогда возвращаясь к факту греха, начинаешь думать, что источником греха являлось самое оразумливание жизни, превращение личности в часть механизма (восстание Евгения в Медном всаднике).

Вспомнилась борьба Бетала за общий курортный сад с кустарями-садовниками, а также история с трактором на асфальте: – Антонов! вот писатель свидетель, какая у нас идет борьба за кусочек культурной земли.

Так что четверть века ужасающей борьбы с отдельным мнением за единство управляющей государством идеи. Какая это идея? – Бог? – Нет! – Человек? – Нет. – Пролетарий? – Нет! И так без конца поставленные имена – и на все имена – нет! Так, где же «во имя»?

Нас уверяют, что будто это обыкновенное поглощение большим малого, капитал поглощает ремесленников, социализм – единоличное хозяйство. А подставьте под этими словами другие имена, и будет: поглощение личного мнения общим мнением (борьба Евгения – ужо!). (И далее об обобщении, т. е. убивание личного через общее.)

Как началась у нас революция? Пусть об этом дознаются историки, в моем сознании она началась, когда в одном каком-

то (не помню) театре матрос с галерки пустил пулю в артиста за то, что он назвал в каком-то стихотворении имя Христа. По существу, не в актера была направлена пуля, а в имя Христа или в личность человека, в личное мнение. После того было создано единое генеральное мнение, все же отдельные несогласные мнения отсекались, как листья, как сучки на дереве. И раньше всегда власть создавалась в существе своем победой какой-нибудь идеи. Но там идея была замаскирована личностью (Грозный, Петр), теперь же торжествует не личность, а именно мнение, исключающее все другие отдельные. Вот в этом-то управлении единым центром и заключается сила нашего сопротивления.

Почему уголок дикого болотного леса мне больше дает удовлетворения, чем культурнейший парк? Потому что в диком лесу дерево *само* выросло, а в культурном его посадили.

13 Декабря – тихо и морозно (−28°).

Вчера вечером в бурю ходили за мясом, очень устал, расстроился. Довольно было одного замечания тещи, что я с кем-то лишнее болтал и что мне надо быть осторожней, чтобы я вспыхнул и наговорил, и накричал ей всяких дерзостей. Ночью Ляля привела меня в совесть. Ляля не спорит со мной, что нелегко мне держаться корректно с тещей и вечно быть не самим собой. Я ей, между прочим, так представил свое положение: пусть будто не теща, вечно рассуждающая и предупреждающая о несуществующей опасности, а просто, если бы в угол на табуретку безмолвный человек сел и днем и ночью только смотрел на нашу с ней интимную жизнь, слушал интимнейшие наши разговоры, шепот. – Какой бы это ужас был, – сказал я. – Но много ужасней в концлагере, – ответила она. На это я не мог ничего возразить, потому что в это время нормальная жизнь или на войне, или в концлагере. Придется у тещи просить прощенья.

А как же иначе, если ежедневно произносить имя Божье? Приходится действительно равняться по страдающему человеку и углублять борьбу всей жизни за право быть самим собой.

Что это значило раньше? Это значило устроить свою личную жизнь так, чтобы она наиболее способствовала моему творчеству. И так я все устраивал вокруг себя и не подозревал, что придет время, когда право раскрывать вовне свои способности будет исключительной роскошью и, несомненно, «язычеством», если говорить о христианстве.

Отсюда и выходит, что быть самим собой, если я певец, например, далеко не значит, что я должен петь только и в пении своем выражать, раскрывать сокровеннейший и желанный всем идеал, пусть как Пушкин. Даже если я Пушкин или Шаляпин, и то ведь, если весь человек, как теперь, то придется и таким тоже перекопать душу железной лопатой и открыть себя самого где-то глубже, чем в стихах и пении, в таких пластах души, где Хочется (язычество) сменяется в себе... Надо (страданье).

(Любовь как искусство, или Искусство как любовь.)

Вот и теперь, почему я вспыхнул, когда теща намекнула мне на опасность болтовни в наше время? Потому что моя болтовня с народом русским и простодушная и лукавая – это весь мой талант, это вся моя воля. Я как русский писатель весь насквозь из этого состою, и вся моя жизнь была отдана именно этому способу восприятия жизни: через живую, простодушную и лукавую, поскольку я писатель и наблюдатель, болтовню.

Я от матери унаследовал этот живой интерес к чужой жизни, побуждающий каждого раскрывать мне душу. Моя болтовня – это моя охота за словом, за душой. К моему огорчению Ляля этого истока всего моего таланта не понимает, хотя с наслаждением читает мои «Раки» и пр. Но я мирюсь с этим непониманием Ляли, потому что мне того довольно, пожалуй: наглотался я России, земля во рту.

Я все свое лучшее перенес оттуда в душу Ляли, и в ней вижу лучшее, чем моя охотничье-словесная воля. Но ведь я тоже, значит, ради большей любви уступаю любовь свою. А теще так представляется, что за ее кругом «порядочных людей» только хам, она окружает себя суеверным страхом к этому хаму, боится носик высунуть туда из своей скорлупки моллюска. И вот, мне-то, умевшему 24 года прожить вплотную плечом к плечу с этими «хамами», и не только не попасть в концлагерь, а даже

выкопать сильной рукой из души этого хама образы, раскрывающие перед ним его же сокровенно желанный мир, меня такого в надменно высокомерном тоне наша маркиза учит сдержанности в разговоре. – Много лучше, когда вы молчите, – сказала она. А я как раз в то время выпил рюмку водки, и вдруг из меня все поднялось, и я тещу отбрил.

Глупо и плохо вышло потому, что теща, в конце концов, и меня-то боится и по существу добрая и очень порядочная старушка, только смешно хорохорится. Кроме того, Ляля всю жизнь связана с уходом за ней, и теперь душа ее разрывается...

На рассвете я подошел к ее постели и сказал: – Простите меня, Нат. Арк., я больше никогда не буду кричать. – Простите и вы меня, – сказала она, и, обняв, прибавила: – Вы не плохой человек, но расстроенный.

Ума не хватило бы до всего додуматься, но умом понять этого невозможно: это кажется таким, о чем все должны знать, а я не могу даже назвать, о чем идет речь. Но есть где-то внутри себя совершенная уверенность в том, что все настоящие люди это знают и оттуда уже из этого знания делают выводы и судят.

Я помню, что и мама моя около этого думала, и помню как она, прочитав Евангелие, краснея, задавала мне вопрос: – Миша, ты ученый и ты живешь среди умных людей, скажи мне, как это понять: любите врагов своих. – Вроде того это было, что если бы со стыдом признаваясь в чем-то, о чем все говорят, все знают, а она вот то ли глупая, то ли неученая.

Вот и у меня тоже вроде этого было, а когда Ляля пришла, я вдруг все стал понимать. Мало того: я понял, что мучительная застенчивость относительно «самого главного» есть истинно девственное состояние души, что может быть деятельность церкви и сводится к созиданию такого девственного состояния душ относительно «самого главного».

14 Декабря. Друг мой, я звал тебя, и вот ты со мной, ты со мной, и я больше тебя не зову, ты со мной весь день и всю ночь, я чувствую тебя возле себя. – Иногда я боюсь, – сказала она, –

что ты любишь меня поэтически и только, а не как я: люблю; и все мое для тебя. – Но ведь это «все» у меня и есть моя поэзия. – Мало. – Мало! но больше поэзии у меня только ты. Я живу тобой, ты оставишь меня – и жизнь моя кончена. Разве этого мало? – А Бог? – Ты же и есть мой Бог, я говорю Ты – и это значит – Бог.

У Конюхова достали 6 ½ кило сала по 15 р. за кило, а в продаже и по 150 р., пожалуй, теперь не купишь. За это мы дали ему для девочки его приемыша коробочку изюма, и серебряную ложечку, и бумазеи на штанишки («девочкам это необходимо»).

Слухи с фронта благоприятные по радио, и кто-то с фронта по секрету шепнул на ухо, что 20-го начнется наше общее наступление. Нужно верить и понемножку верят. Отменена эвакуация «Красного эха» и ликвидация «Болота».

Понемногу делаем запасы, расходуя на это дело весь день, и чем спокойней от запасов, тем беспокойней с другой стороны: все говорят, будто немцы все отнимают.

О, мысль моя сердечная, крылатая белая птица над черной бездной спокойно парящая...

15 Декабря. −32°. В Президиум Союза писателей.

В свое время мне предложено было через т. Фадеева эвакуироваться с группой пожилых деятелей искусства в г. Нальчик. Не думая, что война затянется и создастся угроза Москве, я отложил поездку в Нальчик и поселился в глухих болотных местах Переславского района, поддерживая связь с московской квартирой поездками раза два в месяц. В настоящее время вследствие отсутствия бензина поездки в Москву стали невозможны, в Москве жить тоже нельзя, так как стекла в моей квартире выбиты. Я оказался отрезанным от центра и обреченным добывать себе средства существования в одиночку. Из уважения к моему имени меня пока на месте снабжают продовольствием, но можно предвидеть, что в скором времени на это будет трудно рассчитывать. Итак, в

настоящее время я бы, пожалуй, решился уехать в Нальчик, имея в виду содействие Союза писателей. Очень прошу сообщить мне: 1) Находится ли еще в Нальчике эвакуированная группа, и если она не в Нальчике, то где и в каких условиях. 2) Возможно ли и каким путем мне уехать и соединиться с названной группой. 3) Сообщите мне подробно условия поездки, имея в виду, что у меня на иждивении жена и больная мать.

Отправлено в Союз писателей через А. Н. Раттай.

16 Декабря. Сильная метель, снегопад. Утром –22°, вечером –12°.

Никакого, как мы думали, у немцев наследственного в протестантизме pflicht нет: все это сказки. Сущность та же самая, что и у нас, и у лошадей в топчаке: будешь ногами шевелить, если под тобой движется бесконечная лента. Мы потому и ошибаемся, что судим идеями 19-го века. Главное, чем нас обманывали в 19-м веке, это идеи всемогущества народа и неприкосновенности личности.

Вчера при чтении Библии теща наконец возмутилась тем, что на каждой странице говорится, что кто-то вошел к женщине, поспал с ней и она зачала и родила. – В том-то и дело, – ответила Ляля, – что тогда это делалось для Бога и в Боге находило оправдание: нового человека рождали в надежде, что родится Бог. Теперь же рождают бессмысленно. Из этого разговора осязательно ясно становится, что от рождения человека в Новом Завете ждать нечего нового, что Бог уже снисходил тут между нами, и нам остается не ждать чего-нибудь от земной жизни, а спасаться от зла, из которого состоит она. Множились в Боге, и лишние уничтожались войнами и эпидемиями, теперь на помощь размножению техника, и эта самая техника извлечения средств существования из природы является средством уничтожения.

– Но ведь Толстой в «Крейцеровой сонате» хотел сказать то же самое.

– Совсем не то: монах живет девственным не потому, что презирает брачную жизнь, а потому что ему свойственна высшая жизнь духа.

– А кто не может?

– Тот живет в родовом плане в Ветхом Завете.

В гараже на Болоте: «черт» – горючее самое скверное, вонючее, но чистый «черт» – ничего: машина заводится скверно, когда «черт» мешают с чем-нибудь. «Смешанный черт» – самое плохое. Рассказ о Вакуле:[187] то был просто черт – креста боится. А смешанный черт (N.) креста не боится.

Отказаться от себя самого – надо было выразить: отказаться от всего плохого и оставить хорошее, свойственное «всем», т. е. тому должному, в чем воспитываются и к чему приводятся все.

Значит, «я сам» есть смешанное чувство, называемое «индивидуальностью», и отказаться от себя самого, от своей индивидуальности это значит просеять все составные части себя самого, отобрать из себя элементы, составляющие личность, в которой «я часть» превращается в «мы».

В моем существе «я сам» чуть ли не с детства моего попало в атмосферу сомнений и колебаний между «хочется» и «надо». Я даже чувствую и всегда чувствовал, что моя самость и недостаточно удовлетворена, подавлена, не выражена. Вот почему впоследствии, когда стало можно, лет уже в тридцать, я восстановил в себе детские забавы, охоту, путешествия, рядился в бога – великого пана.

Под контролем сложной психической борьбы, очень изнурительной, эти явления «самости», детские игры, были мне, как целительное лекарство, и питали всю мою художественную деятельность. Так что борьба у меня была не с самостью, а, напротив, мне надо было воспитывать эту самость, точно так же, как Ляля восстанавливает общением со мной то, чего ей не хватало в ее самости, что есть у всех «хороших людей».

Мне думается даже, что расцветающая самость в сложной психической борьбе между земным и небесным и составляет существо эпохи Возрождения, приход Франциска Ассизского и милостивого любовного взора ко всему живущему (родственного внимания) у некоторых из отцов церкви и старца Амвросия и Зосимы Достоевского.

Что же касается сложной борьбы, заменяющей во мне обычную борьбу с самостью, то она выразилась в борьбе за «мы»: как собор личностей с «мы» стадным. Я очень тонко чувствую соборное «мы», по всей вероятности, пришедшее мне сызмальства из церкви и поэзии русской.

Но в то же время я, как настоящий массово-русский человек, чувствую влечение к темному «мы», сохраняемому нашим народом, возможно, еще со времени массового переселения кочевников, массовых работ в первобытных общинах, массовых нападений, эпидемий и т. п.

Так я, занимая высокое положение писателя «чистой» либеральной профессорской газеты «Русские ведомости», втайне всегда подумывал, не броситься ли мне как-нибудь сразу в «Союз русского народа», или стать церковником, или, как в молодости, в марксизм. Вот меня и поглощала эта смутная борьба между «Мы» как собором и «Мы» как темным стадом народным.

И вот почему, обессиленный этой смутной борьбой, я вернулся к своему детству, как к родной самости, процветающей под контролем той сложной борьбы, и благословенное здоровье души, разделяет темное прошлое «Мы» от светлого должного.

Вот эта борьба за восстановление своей самости преобразила во мне дикую греховную злую природу в природу, создаваемую родственным вниманием человека. Из этого чувства соборности в природе и родился мой голос к другу в книгах «Жень-шень» и «Фацелия», и мой брак, как причастность к жизни всех хороших людей и есть истинный брак, каким он должен быть на земле, а не тот формальный, данный духовно-непросвещенному человеку, как воспитательная норма.

17 Декабря. –15°, а после –32°, очень мягко, снегу подсыпает каждый день по-над настом, и то по колено.

Взяли назад Калинин, Елец, Ливны.

Лесник сказал: – Отступать, так отступать, гнать, так гнать.

Машину занесло. Приходит механик – бандит: увидел – нет компрессии и ушел. Буду сам добиваться компрессии. Смотрел на Ахтырку, как он дипломатически держится с рабочими, и так принял в себя: пора кончать расходоваться на возмущенье.

Живой пример с тещи: она побелеет, а ввязываться в брань не станет. Вот, однако, откуда у них страх перед новым человеком и недоверие (у тещи) – это цена сдержанности.

Русский же человек настоящий говорит: «твою мать» и ничего не боится. Так что матерное слово – это анархическое разрешение дипломатических и моральных запутанностей.

Два полюса: один – претензии тещи к господству путем сдержанности и уразумения, и второй: «мать твою»… Так перед немцем, пока верили в его силу и превосходство разума, робели и себя ни за что не считали. А как поняли, что он слаб: «Твою мать…» И погнали: отступать, так отступать, гнать, так гнать.

Очень, очень возможным становится мое предсказание Птицыну: именно вот дрянью-то своей мы и победим немца. Я это изнутри чувствую вопреки смыслу. Но как поразмыслишь, опять возвращается страх перед силой разума, порядка, плана. Еще же и еще пораздумаешь – и разделится все: бесспорная сила плана в малых делах (рацио), например, при заготовке кирпичей, но в большом плане… что это за план всемирного немецкого господства?

Как подумаешь, так и поднимается оправдание тьмы: гнать, так гнать.

– Пора, пора, мой друг, кончить это, все лезть и лезть по лестнице уже невмоготу, уже спина заболела так, что даже хрустит. Погоди, ты уж очень высоко взобрался, вот площадка, взберись на нее, устраивайся, ложись и гляди вниз на всю эту картину Ветхого Завета, живого и до нашего времени. Ты видишь?

Спорим с тещей о порядке: она «порядок» считает как нечто обязательное для всех. Мы же считаемся с порядком, в котором растет наш внутренний мир, наша личность. – Не нужен мне ваш немецкий порядок, – сказал я теще, – нам нужен уют. – А откуда взяться уюту, если у вас беспорядок? – Надо понять изнутри человека, и это внимание само собой приведет к уюту.

И в то же время в этой недоверчивой рассудительной теще таится какая-то неконфирмированная девочка в беленьком платьице. Стоит только приласкаться к ней, и она всему поверит, и тогда окажется, что все ее рассуждения, недоверчивость, страх, все это выходит на оборону этого наивнейшего существа. И такие все немцы с их сентиментальностью, идеализмом и готовностью всех облагодетельствовать своим порядком.

Приходили христианские просветители и дивили народ русский чудесами, после приходили французы с фокусами, немцы с пользой, и все это создавало какие-то веяния, носители которых получили название интеллигенции.

Когда мы русские говорим об учителях, то всегда думаем о немцах: они были нашими учителями в том смысле, как мы понимали это слово в гимназиях, т. е. что учитель существует до тех пор, пока не выучишься.

Материалы для образа немца: Курелло и его сын, сестры Шмоль, Теща, сотрудник Кельнише Цейтунг («почему немец едет на курорт и наслаждается одиночеством, а русское простонародье валит валом»). Немец – это разумная индивидуальность.

В отношении простого русского народа – у немцев он просто «хам», низшая порода человека. Я это понимаю по теще, представляющей собою разумную индивидуальность, антипод которой и есть тот хам с матерным словом, с «авось», с его навалом массы, безликого слияния неоформленных желаний, и т. п. (Работа из уважения, за водку.) В крови своей я чувствую это хамство, как тяготеющий надо мной хаос, влекущий меня броситься с головой и совестью в какой-то чан кипящий.

18 декабря. Решили написать Новикову в Нальчик и Шолохову в Москву с просьбой о помощи, чтобы выбраться отсюда.

Мягкая погода с легким ветром. Возился с дровами, с машиной, ничего не вышло: так и не завел. Ходили добывать керосин – добыли 10 литров. В Торфкомитете прочитал речь Рузвельта о неудачах с Японией, о том, что это бандиты, а мы под властью Бога. Рузвельт одобряет наше наступление, но о войне говорит, что она будет тяжелая и длительная. Мы же здесь на Болоте думаем, что немцы истощены, и мы их скоро прогоним.

Вечером зашел к лесничему[188], который мечтает о радостной весне, как и я, бывало, удовлетворялся этим. Но теперь разве я не такой? Горе, что я-то такой же, но спутники мои из другого мира, городского. Теща – это мученица, Ляля в вечном надрыве. Я спросил ее сегодня: – В последний год твоей сибирской жизни ты больше жаждала выбраться в Москву, чем теперь? Я думал, она скажет: – Куда же мне рваться теперь – я теперь тебя нашла. Она же ответила: – Не знаю, как тебе сказать: одинаково.

19 Декабря. К вечеру стало морозно.

20 Декабря. Морозно.

Ночью вспоминаю немцев, профессоров своих, вроде Бюхера в Лейпциге: и у нас тоже немало было таких умных людей. Но у немцев этот тип человека, охватывающего знанием весь предмет, распространен не только на вершине знания, у нас же в ограниченном академическом кругу. Продумать до конца и действовать по плану – вот завет этих людей. А у нас все на ура, на случай, на счастье, на множество.

– Пустыня, о которой мы с Лялей говорим, – это значит жизнь личности в противоположность жизни общественной или светской. С пустыней в душе люди рождаются, но, конечно, в той или другой степени она может быть свойственна, если не всем, то многим. Значит, духовный прогресс человечества состоит в культуре человеческой личности.

Алпатов и Валерия в одиночку были способны ко всему, но работа в обществе всегда была для них предметом страха и зависти (потому что «пустыню нелегко переносить»).

21 Декабря. Невелик мороз. Послал письма в Союз, Шолохову, Новикову. Читал Песнь Песней. Боролся с болью в спине.

Мы читали Песнь Песней[189], я впервые понял скрытое в ней чудо: это в том, что в наше время не всегда даже и вслух назвать можно, здесь дается нам как лучшее и превозносится до святости. Сразу понимаешь, откуда взялась наша «песня» и всякая, все из той же Песни Песней.

Мы говорили об этом с Лялей, и она мне напомнила о том, что это было заветной мечтой Олега написать вместе с Лялей современную Песнь Песней. Поговорив об этом, мы улеглись с ней как всегда: она долго не засыпает, лежит с открытыми глазами и думает, я устраиваю голову свою так, что затылок мой лежит на ее плече и рука на груди. Засыпая и просыпаясь, я всегда спрашиваю, о чем она думает, и чаще всего она называет самые обыкновенные житейские дела. Теперь, уснув, я перенесся в Малеевку к тому вечеру, когда Ляля читала Федину мою «Фацелию». Проснувшись, я сказал Ляле: – Сейчас я видел во сне, как ты читала «Фацелию». – А я, – ответила Ляля, – сейчас об этом думала, это вспоминала в подробностях, как тот маленький птичик (птенчик?) пел наверху высокого дерева, и песнь его до земли не долетала. Мы очень подивились совпадению мысли спящего и бодрствующего и казалось, как будто застали врасплох и захватили странствующую по душам любимым уснувшую душу. – А разве, – спросил я, – есть что-нибудь общее между «Фацелией» и Песнью Песней?

– Нет, – ответила она. – Песня Песней поднимает до небес, до святости попираемое ногами людей, и потому она Песнь Песней, а «Фацелия» воспевает прекрасное, и потому она не святая, а просто прекрасная песня.

А когда заснула она, а я, наоборот, лежал без сна и думал, и она просыпалась, и я спрашивал, о чем она во сне думает и где была, она отвечала, что ходила искать Олега, как Суламифь,

спрашивала всех о путях к нему, и все повторялось, как всегда в том сне: Олег ей сурово закрывал к себе все пути. А мне было, когда она мне рассказывала, и как я потом это сам переживал в снах и полуснах, будто видел я почти что осязательно Лялину душу, самую душу без всякой связи с ее телом, ее жизнью. Это виденье потом помогло мне, когда я проследил себе ее в жизни, как духовное существо, совершенно мне ясное.

Чем глубже мы входим в эту войну, похожую на Страшный Суд всему человечеству, тем крепче берется лесничиха Ирина Семеновна за свое хозяйство, за устройство домашней жизни: стирку белья, мытье полов, уход за детьми, печи и кухня – все ей, как утке вода, стряхивается, и опять она тут вся как есть. Напротив, чуждое и неприятное дело домашнего хозяйства для Ляли требует всей ее души, она вся сосредоточивается в себе возле печи, как на молитве и временами от этого ей даже становится радостно на душе.

Ляля сегодня ушла – теща мне говорит: – Худеет Ляля. Лицо у нее стало маленькое. Я прихожу к окончательному выводу: ей необходимо общество, а пустыню – это она на себя натягивает. – Нет, – отвечаю я, – Ляля человек не светский, ни в коем случае, она именно пустынница. – Что не светский – это да, но что пустынница – нет, ей нужно общество, ни одна, ни вдвоем, а именно общество. – Какое же общество у нее было с Олегом? – А как же: Д[аниил] и другие, и разнообразие природы, и путешествия. – Но почему же вы думаете, что в пустыне нет общества и разнообразия: пустыня не обществу противостоит, а светскому обществу, суете. Пустыней называется сумма условий, в которых человек может лично общаться с Богом, и если бы весь мир людей был так сплошь организован, что содействовал бы каждому приближению его к Богу, то этот мир людей, общество и было бы идеальной пустыней. Вот такое-то общество и является потребностью Лялиной души. – Теще пришлось согласиться.

Говорят, что священник приехал в Усолье и сегодня в церкви начнется богослужение. Это приводят в связь с тем, что Руз-

вельт в речи своей войну против немцев собирается вести под властью Бога.

Не успел Рузвельт призвать на помощь войне против немцев имя Божие, как уж к нам в Усолье приехал священник, и приказали ему в сельсовете выдавать хлебный паек.

– Узнайте у человека, какие сны он видит, как к ним сам относится, и вы узнаете всего человека.

– А если он вовсе не видит снов?

– Ну, и тут весь человек, и этим все сказано: снов не видит.

22 Декабря. Метель снежная. Ветер мягкий.

То, что мы русские в просторечии называем «ум», мало имеет общего с тем умом, который переводится на иностранные языки и для всех означает «разум». Наш ум не зависит от образования, развития и всего подобного, относящегося скорее к хитрости, чем собственно к уму.

Первое в нашем уме, что он от природы такой или от Бога, значит, то же, что дар или талант. Второе свойство нашего ума, что он непременно находится в согласии с сердцем. Так что общее понятие разума в нашем языке разбирается на две категории: все, что от разума, – ближе к хитрости, а что ближе к мудрости – [от] сердечного ума.

Сильная метель. У меня болит спина, не могу дрова носить. – Ляля, ты дров заготовь, а я пойду за хлебом. – Погоди, дружок, – просит Ляля, – напейся, чаю, а потом пойдешь. – Нет, – говорит теща, – чай после, а сначала надо за хлебом сходить. Так у нас всегда и во всем. Ляля знает, как мне утром *хочется* чаю и оттого у нее впереди чай, а потом за хлебом. Теща наоборот, она не на человека смотрит, а на порядок: сперва *надо* хлеб, а потом можно чай пить. У тещи это *надо* (пфлихт) от ее предков-немцев, и этим немец сейчас побеждает, потому что все разбаловались в гуманизме, в человека смотрят, а не на то, что *надо* (не единым хлебом).

Ляле это простительно, ее человек это я (ее любимый в Боге человек), и потому ей можно так жить: начинать все с

богочеловека. Но что понимают под человеком демократические страны: Англия, Америка? Не состоит ли их гуманизм из пустых слов свобода, равенство, братство, прикрывающих господство плутократии? И кто этот Бог, защитник демократии против бандитов, к которому взывает Рузвельт?

23 Декабря. Всю ночь валил снег, теперь в лесу, всего только около Николы снегу больше, чем в феврале. Путь по пробитой дорожке в лесу сегодня был прегражден перегруженной снегом веткой сосны.

Кто знает, так и не скажет, а кто скажет, соврет. Но про себя каждый догадывается, каждый политик ...

Вот Рузвельт сказал, что война будет долгая и тяжелая. Мы же говорим, что в эту зиму немцев прогоним. Значит, можно догадываться, что мы попробуем прогнать, но Рузвельт не верит этому, напротив, он думает, что немцы всю Россию займут, организуют ее в единое с собой государство. И вот тогда-то и будет для Америки трудно. А то если бы в действительности (т. е. в сфере действия) немцы, как у нас говорится, чуть-чуть держатся, то как бы мог Рузвельт говорить о тяжелой и долгой войне. Вот почему-то по всему про себя и догадываемся, что, может быть, мы и отгоним немцев куда-нибудь к Днепру на укрепленную линию, а летом они нас снова попрут. Можно опять догадываться, что эта раскачка вперед и назад приведет к перемене правительства у немцев.

Получили свежие газеты, из которых видно, что немцев под Москвой мы с помощью мороза действительно поколотили, что, по всей вероятности, «зверства» у немцев действительно существуют и что при наличии неожиданного для них сопротивления русских и невозможно воевать без зверства. Одним словом ориентация очень многочисленных сограждан в том, что немцы устроят русское государство и жить в нем сразу станет лучше, чем при большевиках, – проваливается.

Да, конечно, N. – это еврей, со всеми еврейскими талантами внешними и со всей еврейской пустотой и глупостью (т. е. хи-

тростью). Это не души, а скрюченные руки падающих людей, хватаются за земные предметы. С холодным расчетом смотрят они на нас, даже самых талантливых, как на рысистых лошадей, а на прочих, как на скотину.

Помню, Разумник даже оговорился: – Не в вас дело (в художнике), а во мне, критике, который определяет ваше полезное значение.

При большевиках («Большое дело», Семашко) прежние русские люди сразу попали к людям «чужим». В этом-то и было самое для них тяжелое, что появилось дело, независимое от души, и с людьми не личные отношения, а деловые. Они были внезапно окружены чужими людьми, все равно, будь это евреи или русские. Появился человек, глядящий на тебя со стороны, с целью извлечь из тебя общественную корысть. Исчезло все наивное, все свое, привычное, нажитое, родственное.

Самое трудное было, в сущности, еще тогда пережито, но при бедности жизни, при поглощении всякого благополучия необходимостью готовиться к войне, трудно было мириться с новым строем. Теперь же, если конституция наша будет осуществляться под надзором Америки и Англии*... Мы теперь, пережившие величайшее страдание, какое только может быть на земле, робеем при мысли о наступающем бессмысленном благополучии, в котором наше страданье окажется и ненужным.

Еврей – это смесительное начало, это компромисс, в этом может быть и есть все его назначение: быть всемирной мешалкой. К сожалению, от смешивания получается разложение национальной культуры с его «цивилизацией».

Бог Ветхого Завета тем отличается от языческого, что Он есть личный Бог и действует неограниченно через личность (пророка), а не как идол – на всех.

Христос же является в таком же противоречии с Ветхим Заветом, как тот с язычеством. Христос действительно относится

* И вот теперь становится видна наивность «кустарей», ожидающих от немцев возвращения русского национализма, хотя ведь так ясно, что каждая нация, как все равно каждый вид животных и растений стремится собой наполнить весь мир.

к нему, как Сын к Отцу. При Отце родовой человек мог общаться с Богом через пророка, теперь же во Христе каждый может, как личность, войти в общение с Богом и даже сам стать Богом. Что-то вроде раскрепощения рабов, люди стали принципиально свободными, принципиально спасенными. Оставалось воспользоваться своими правами.

И вот это поняли, и поднялись все, и это «все» назвалось человеком, и пошло, и пошло все дальше именем не Бога, а человека. Так принципиальная свобода личности каждого превратилась в свободу всех.

24 Декабря. Сочельник Солнцеворота. Мягко, всю ночь подваливал снег и утром продолжался.

Выбирал в лесу елочку. Почему это, когда праздно ходишь в лесу, все елочки кажутся одинаково хороши и совершенно правильны, «идеальных» видишь сколько хочешь и везде.

Когда придешь в лес с целью выбрать себе елочку к Рождеству, то правильных оказывается до крайности мало. Почему это?

Потому что когда смотришь праздно на всех в лесу, то вспоминаешь в себе ту идеальную форму, к которой стремится каждая елка, но потом искривляется в борьбе своей за свет. Невольно в силу нашей собственной природы в мире елок мы создаем себе елок-богов, к совершенству которых стремится каждая ель.

Когда же мы приходим в лес с практической целью найти, срубить и взять с собой для праздника елочку, то бывает очень трудно. А совершенно правильной идеальной формы почти невозможно найти. Радостно, однако, думать, что в нашей природе существует идеальная форма, в приближении к которой мы содействуем природе физической. Прекрасно, ведь именно этим путем обладания совершенной формой в душе своей и способностью выбора создаются не только рождественские елки, а точно так же и эллины-боги в свое время создавали богов.

Итак, я в диком лесу с изуродованными в борьбе за идеальную форму деревьями, прорубаю просеку, даю свет, освобождаю лучшие деревья. А еще лучше, разбиваю на чистом месте

парк и выращиваю деревья исключительно совершенной формы. Спрашивается – почему же все-таки в диком лесу интересней ходить, чем в благоустроенном парке?

(На ходу в Болото). Служитель Слова (литератор) – это как и священнослужитель: интересна жизнь слова, которому он служит, или образ Божий, но совсем не интересна личная жизнь служащего. Наоборот, в большинстве случаев Слово лишь таится в душе человека (личности), а жизнь исходит в случайностях, но определяется именно молчаньем Слова...

З. сама говорит, что другой раз ей хочется пожать руку, погладить по голове, даже и обнять, но она знает: этого делать нельзя, потому что от этого с мужчиной что-то делается. – Значит, сама-то она лично никого не любила? – Нет, но она это распределяет на всех: она ко всем с любовью подходит. – И знаешь, – сказала Ляля, – я бы тоже могла, как Зина, и была бы, если бы не ты: теперь все тебе. – За что же мне? – За то, что ты меня любишь, и понимаешь все во мне, и ценишь.

25 Декабря. Солнцеворот. Утром очень тихо, не слишком морозно. Постепенно небо очищалось и рос мороз, в полдень сияло солнце и мороз дошел до –24°.

К теще нельзя относиться серьезно. Если отбросить ее болезненные страхи, недоверие, некоторые навыки, привычки кое-какие, то ей – и вся она в этом – 16 лет.

Тяжеловато, велика нагрузка на человека, но, слава Богу и Солнцу, завтра день начнет прибывать. Наш роман, как дорога в лесу, разбился на тропы, каждая тропа разбилась на мелкие тропинки, и мало-помалу мы остались одни в лесу на не помятой тропе: без всяких следов той начальной тропы, увлекшей нас в дебри жизни. Мы остались вдвоем. Но кого же мне больше любить. Уж ничто не завлекает на новые поиски. Мы вошли друг в друга и как будто вернулись к тому единому в себе человеку, неразделенному, каким он нам представляется до разделения на мужчину и женщину.

Бывает, я пойму ее в ее возможности, как мать всего живущего, для которого она могла бы быть источником любви, и тогда мне становится неловко: почему это все мне досталось?

Сколько есть женщин (например, Анна Сахновская), которые берут себе профессию именно для того, чтобы любить всех (Дуничка), и в то же время, отдав жизнь всем, остаются неудовлетворенными (нет одного). Это потому так бывает, что профессия не может поглотить всю ее душу материнскую. Тут происходит подмена, точно так же, как большей частью подменой бывает «любовь» и даже материнство случайное. Зина, по-видимому, тем и святая, что свое чувство священного материнства не подменила, как многие, ни профессией (учительницы, докторши), ни случайным материнством. Ляля тоже такая в существе, но ей по природе своей необходимо было пострадать... И меня она потому называет своим спасителем, что я спас ее от состояния, которое она называет блудом (в смысле блуждания).

Болит и болит спина, нельзя дрова пилить, придется смириться до требования числа лет моего возраста и поручить дрова колоть мальчику. Но слово мое, я это чувствую, не зависит от числа, разве только в другую сторону: слово мое становится все крепче в этой борьбе за жизнь всего человека.

– Вы все говорите о качестве человека, а где же сам человек? Возьмите эллинских богов, каждый бог – это качества человека, показанные в специальном их назначении: бог войны, бог огня, бог воды, любви и т. д. Но нет в этих богах ни самого единого бога, ни самого человека, потому что сам человек не качество, а личность, и личность его есть Бог.

Так вот о личности. Сам человек: личность эта в себе не сознаваема, до нее добраться нельзя никаким анализом, она постигается *из себя,* во вне, как Бог, со стороны же личность узнается людьми или в делах (по степени: пуд соли съесть) или же любовью. Множество людей не только пытаются приблизиться к постижению своей личности, но чувствуют к ней страх

какой-то. Иные в своей жизни кого-нибудь встретили хоть раз, кто на мгновенье возбудил в нем внимание в ту сторону. Даже N., и тот рассказывал, что ему будто бы раз в жизни встретился какой-то профессор Голубев и показал ему какую-то возможность настоящей жизни. – Только это раз и было мне, – сказал он, – а больше настоящих людей никогда не видал. У отъявленного негодяя предчувствие живущего в себе самом Бога, объективированное в каком-то проф. Голубеве.

26 Декабря. Весна света[190].

Лютый мороз, наверно, а я знаю, что все-таки на чуть-чуть прибавилось света и тепла от солнца и что дальше изо дня в день будет усиливаться действие этого чуда естественного: зима на мороз, а солнце на тепло.

Теща сказала: – У вас только талант, и все что вы делали – это развивали талант. А Ляля делала больше – она приобрела знания. Я согласился, понимая под знанием Лялину сердечную культуру. Боюсь, однако, что теща не о тех знаниях говорила, по существу ей недоступных. А я думаю, что как Ляля, так и я сильны одним единственным знанием, тайной из тайн всего знания: это что знание, которым начиняли юношей 19 в. во главе с Горьким, не имеет большой цены для ума – свой собственный не забитый знанием таким ум дороже всего.

27 декабря. Ветхий и Новый Завет. Закон всех и закон каждого.

Еще вчера к вечеру потеплело, и началась метель. Всю ночь так несло сверху и снизу, что дорогу опять завалило. И опять сосна, с которой я первой стряхнул снег, начала опускать огромную перегруженную снегом ветвь свою на мою тропу. Наклонившись, я еще мог согнутый пройти под ней.

Ветхий Завет – это история личных отношений человека к Богу. На горе стоит перед Богом личность (пророк), под горой в ожидании «Закона», т. е. договора пророка с Богом, дожидаются все (массы). Вот пророк спускается с горы, в руках у него

скрижали, на которых написан путь каждого к Богу, как личное усилие: его личное Надо. Но всем, т. е. массе хочется жить без усилия личного, а просто брать пример на стороне. Насколько это проще, легче, веселей жить, как хочется, что они, т. е. эти все внизу горы, не могут даже выждать 40 дней пророка и начинают поклоняться золотому тельцу, т. е. жить не по закону для каждого, а по примеру жить, как все, как хочется. Увидев это бедствие, пророк разбивает скрижали, и начинается Божий суд над «язычниками».

Вся история Ветхого Завета состоит в борьбе пророков со всеми (массой) за личность Божью, постигаемую массой через полноту семейно-хозяйственных благ, с одной стороны, и через казни – с другой. Неизменность возвращения масс к религии Ваала и Астарты (жизнь по примеру или кумиру или как хочется) ставит перед читателем Библии вопрос о том пути для каждого, который должен быть включен в договор пророка с Богом. Был ли ясен для каждого этот путь, как личное усилие? Вот и едва ли. Скорее всего пути для каждого не было в договоре, напротив, договор пророка с Богом касался всех (массы), все должны были просто слушаться. И они слушались после казней, а когда несчастье кончалось, то все начинали жить не по закону, а по примеру, значит, как хочется.

Только в Новом Завете наконец-то открывается путь к Богу не только как договор пророка относительно массы, а как усилие, страдание каждого (личности). Христос – это путь каждого к Богу, но никак не путь всех. Происходит как бы великое разочарование Творца в массовом человеке, и Он начинает просто истреблять его всеми средствами, вплоть до потопа, в котором вся масса истребляется и остаются одни праведники. Но и это наивное обновление рода человеческого не могло помочь сущности размножения, т. е. нарастанию массовой человечины по примеру для всех, а не по личному усилию каждого. Только в Новом Завете Бог-Творец наконец-то покидает заботу о всех и в Сыне своем дает путь для каждого (личность), как усилие (страдание).

Тогда-то эти покинутые Богом все, т. е. множимость или склад человечины, отдаются действию законов физических

всей природы, и пророка – вождя этих масс – заменяют экономистами, профессорами, социалистами и вообще людьми знания, людьми образования.

Таким образом, в настоящее время языческий путь удовлетворения масс – [путь] непосредственного общения, обладания земными благами берут на себя социалисты путем подмены закона для каждого законом для всех. Но результат подмены противоположный: закон для каждого приходит путем страдания, закон для всех – путем благополучия.

Письмо Фадееву.

Дорогой Александр Александрович, в свое время Вы хотели устроить мою эвакуацию с группой пожилых деятелей искусства в Нальчик. Я тогда понадеялся на себя, что с большим успехом для себя перебуду под Москвой в знакомых охотничьих моих болотах, как казалось мне, недоступных врагу. Теперь я тут остался без всякой связи с миром и стал прихварывать. Хочу выбраться из болот. Посоветуйте мне что-нибудь, начиная с того, не могу ли я присоединиться хотя бы к той группе и стоит ли это делать (лечиться надо бы на Кавказе). Имейте в виду, что из болот мне без помощи Союза не выбраться: машина моя разбита при бомбежке Москвы, со мной две женщины – жена и мать.

Сколько раз приходилось быть свидетелем, что все голосуют за что-нибудь, а каждый в себе против. Мало того, приходилось, что тот же самый человек дома говорит одно, а на людях другое. Значит, все – это одна определенная принудительная сила, а каждый из всех – другая, ей противоположная.

28 Декабря. До восхода было не очень холодно. Когда же небо расчистилось и взошло солнце, мороз стал усиливаться, и к полудню было не менее 30 градусов. Так бывает зимой, что мороз усиливается днем при солнце.

Скоро Новый год, и у нас это будет уже два года совместной жизни. Из этих двух лет по-настоящему хорошо было только одно лето в Тяжине, время священной личной войны. Огля-

нуться теперь назад: боролось нажитое за 35 лет (привычка) с каким-то мгновением, которое находится вне времени и значит безмерно больше, чем время. Я даже думаю, что время вообще до смешного ничтожно в свете этого мгновенья. Ставится вопрос о всей личности человека, которая во времени только бывает (а то и не бывает) приходит в себя, но в существе своем независима от времени.

Когда-то меня удивляло, что во время революции люди самой нравственной семейной жизни, напр., вроде Семашко (побросали своих жен, с которыми жили по четверть века). Теперь это понятно, люди эти приходили в себя и отбрасывали свое нажитое.

– Что же это такое, – сказал я вчера на ночь Ляле, – казалось бы, вся ценность Логинова в том, что он лет 30 действовал как учитель в крестьянской среде, отстоял сам себя и принес много пользы. А между тем, помнишь, когда мы сказали, что хотим уехать жить на Кавказ, помнишь пустыню?

– Помню, когда ты сказал, что пустыня – это не одиночество, напротив, одиночество бывает у городских людей в суете. Но пустыня истинная – есть общество единомышленников, и даже если живет один человек, он не один, с ним Бог.

– А помнишь, как обрадовался он нашему Кавказу, и вот-вот взял бы все, что нажил, и забросил. Значит, и его нажитое непрочно?

– Еще бы, время теперь такое, во всем люди сомневаются.

Вчера я записал свое общее понимание Ветхого Завета, как борьбу пророков с людскими массами за человеческую личность, борьбу, законченную приходом Спасителя.

Через это понимание мне стала ясна современность, в которой все стали против каждого и ограбили его тело до ниточки и душу до последнего своего искреннего словечка.

Вся жизнь моя представилась мне как борьба за каждого против всех, и любимейшие поэтические творения, вроде Медного Всадника, разве это не выступление Каждого против всех.

Запись свою о всех и каждом я нарочно прочитал Ляле с целью найти в ней единомыслие. Но Ляля зевнула и спросила: – А еще что? И наша работа окончилась. Еще раньше этого так было раз, я ей прочел, она молчала. Я спросил: – Все верно? – Не все, – ответила она, – но есть и верное. Извини, мне как-то не хочется сейчас думать.

Смотрел-дивился формам сосен и елок, засыпанных снегом. Сколько я посвятил времени когда-то их фотографированию из-за того, чтобы установить «факт», что вот как бывает. Я будто фотографировал чудеса. Чудо же состояло в самородном явлении формы.

Когда не находят причины чему-нибудь и не хотят видеть чудо, ссылаются на случай. Я же все такие случаи принимаю, как чудеса.

29 Декабря. Солнечно и морозно (–25°).

Из книги Товита понял происхождение толстовских народных рассказов. Ночью она прошептала: – Ты, милый мой, больше об этом не беспокойся, может быть это и будет то, что надо. И вдруг мне так ясно-ясно стало, что сделаться матерью, возможно, и было ее назначение и несознательная устремленность. Даже самое отталкивание ее духа от рода и родового быта, пожалуй, можно истолковать в своем происхождении, как первичное сопротивление особи женского пола.

Розанов в своих «людях лунного света»[191] слишком поторопился снабдить минусом пол девственниц. Он того не понял, что этот минус, который характерен для всякой женской особи, на первых порах убегающей от самца, таит в себе будущий плюс. Так что если это принять во внимание, то религию Христа надо понимать не концом, а началом, не вырождением, а возрождением[192]. Правда, посмотрите на птиц, понаблюдайте их ранней весной, когда сучки деревьев еще не спрятались в листьях и можно все видеть. Вот он подлетает к ней на сучок, она же от него перелетает на другое дерево, он к ней на другое – она на третье. На каком-то десятом все определяется: она вовсе даже не стремится удрать от него навсегда, ей только нужно время,

она чувствует, не пришло еще ее время. Вот и он это понял: сел неподалеку и запел: и лес наполняется поющими птичками.

В родовом строе Ветхого Завета любовь понимают как «стерпятся слюбятся». В новой любви остается время для выбора каждому по душе, во время которого и совершается непорочное зачатие личности.

Дух стремительный и бесформенный как бы облекается и заключается внутрь сосуда из прозрачного хрусталя. Вот почему новорожденный, если посмотреть на него одними глазами, похож на мать, а если другими глазами проникнуть сквозь форму сосуда – на отца. В новой любви такой младенец, как личность, т. е. оформления единомыслия, является как бы предначертанием физического рождения.

Сопротивление женщины в новой любви усиливается во много раз, чем в старой, и требования к мужской особи возрастает безгранично. Вот чем объясняется, что в нашем вырождавшемся частично дворянстве женщины были гораздо благопристойнее мужчин и все кругом говорили: жених стал никуда.

30 Декабря. Сильный мороз и солнце.

Я рассказал о смерти Ивана Сергеевича Кожухова, как мне об этом передала его жена Клавдия Вас. Умирая, он сказал, и это было его последними словами: – Почему я вас больше не вижу? Это умерли у него глаза, и после того он умер весь, и когда умер, в тот же миг запел соловей. А было это в г. Ейске зимой, соловья в это время быть не могло, Соловей – было прозвище И. С. Кожухова. – Кто же слышал соловья? – спросила теща. – Жена, дети, все слышали. – Это она вам рассказывала, но ведь этого не может быть. Так ведь, Ляля, не может быть?

– То ли бывает, – ответила Ляля. – Но как же зимой соловей? – не может быть. Ляля загадочно улыбнулась, как Джиоконда. – Вероятно, он был очень хороший, чистый человек? – Очень хороший и чистый. – И его все любили? – Очень любили. – Ну так, мама, отчего же ты думаешь, что не мог запеть соловей? –

Потому что дело было зимой, когда соловьи не поют. Но если он был очень хороший человек, то я тоже, пожалуй, готова поверить.

Вчера, как собака, почуял по воздуху какую-то перемену настроения в пользу немцев, то ли, что лесничиха на вопрос мой: как дела, ответила, продвинулись на сколько-то метров. То ли, что морозы ударили, и мы топчемся на месте, и это уже надоело, и подъем искусственный стал ослабевать. То ли сапожник сказал: – А слышали, постреливают опять. Словом, к вечеру я Ляле сказал, что наш подъем начинает ослабевать. Она же на это: – Я ничуть не сомневаюсь в том, что весной немцы будут опять наступать.

Сегодня же утром на рассвете совсем недалеко грохнула бомба, другая, третья. По-видимому, бомбят 11-й завод (40 км).

31 декабря. Сочельник Нового года.

Довольно было услышать взрывы нескольких бомб, чтобы наше Болото опять вернулось к немцам, – что они придут, рано ли, поздно ли, а непременно придут. Такое неустойчивое равновесие, а между тем за месяц нашей бодрости кое-кто уже вернулся в Москву, и слух везде был о том, что к Новому году люксы откроются.

Наш советский патриот Александр Николаевич уже успел, по-видимому, остеклить нашу квартиру и серьезно ждал нашего возвращения.

В глубине ночной душа комариком выползает из-под груды кирпичей и начинает оглядываться на существо вещей, не обращая внимания на то, что говорят люди. Существо вещей – это борьба партий, фашистов и коммунистов. Весь вопрос состоит в том – быть революции в Европе под началом большевиков или реакции под началом фашистов. Если бы не были Гитлером задеты еврейские капиталы, то одолели бы фашисты и все, которых, по словам Рузвельта, защитит «бог» (с малой буквы).

Евреи потому предпочитают большевиков фашистам, что коммунизм неминуемо попадет им в руки, а фашизм голой рукой не возьмешь. И потому они готовы допустить лучше революцию в Европе (все революции начинаются компромиссом), чем господство немцев. Так это все ясно становится, но главного не поймешь, за кого же стоит Бог (с большой буквы).

Ночной разговор с Лялей о том, что она меня и Олега любит за нашу полную преданность чему-то высшему, благодаря чему и она сама через любовь свою получает выход из бытового ограничения личности, – навел меня на понимание ее любви, как искусства.

И правда, постоянно говорят о «мастерстве» любви и о мастерах любви, но нигде не слышно о художниках любви, все равно как художник слова, звука и т. п. В самом деле, не в том ли сущность деятельности художника, что он, схватывая случайное явление или, скажем, мгновенье, как белка на лету своем с дерева на дерево схватывает орех. И вот как белка орех разгрызает, добывая зерно, так и художник останавливает мгновенье и случай превращает в закон. А разве не то ли самое делает художник любви, скажем смелее, Богородица, вскрывающая любовь в существе человеческом, закрытом, как в орехе зерно, скорлупой.

Разговор с Лялей: – На этом пути ты ни о чем не догадаешься, вот лучше бы о том думал, как нам с тобой выбраться из этой беды.

Она права: додуматься ни до чего невозможно, потому что правда раскрывается между борющимися сторонами, значит, только в борьбе можно что-то понять. Но если нельзя понять без борьбы, то как же понять, что делать для своего личного спасения.

Мне сейчас вспомнился художник офортист Мангонари[*], когда он будучи «в градусах» взялся писать портрет одной красивой женщины, в течение сеанса забылся и обошелся с ней не

[*] Мангонари – дореволюционный знакомый Пришвина по Новгороду.

как художник, а как мужчина. Она оказалась вдовствующей попадьей, и он попал к ней в плен, а портрета у них так и не вышло. Можно понять так, что не вышло, потому что она попадьей оказалась. Но если бы она оказалась художником любви и через телесную близость, проникнув, охватила всю душу гравера, и он по воле любви стал бы резать на меди свои картины, то самый факт физического сближения стал бы фактором творчества и женщина – художником любви, как Мангонари – художником офорта.

Новое в этом понимании любви только одно, что связь, как понималась она раньше романтиками за паденье, становится средством сближения двух разнополых в единомысленное существо. С другой стороны, эта же самая связь, возводимая в церковный брак на ступень таинства, развенчивается от обожаемой идольски сущности до обычного средства священного творчества, подобно священным сосудам и действиям.

Одним словом, художник любви является ее производителем, безгранично свободным и щедрым, а не как потребитель любви, собственником ее и кулаком. И вот почему, напр., такому художнику любви, как Зина или моя Ляля, кажется чем-то зазорным выйти замуж и тем ограничить себя...

Производящий человек всегда широк. Собственность возникает не в производстве, а в охране сделанного. Конечная цель производства сделать лучше и больше. А у потребителя одна цель: потребить, и охрана продукта сводится к распределению потребления во времени. Так точно и в области духа, хотя бы в любви, тоже есть безгранично щедрый и свободный производитель и потребитель, ограниченный собственностью[193].

КОММЕНТАРИИ

В 1940–1941 гг. жизнь и творчество Михаила Пришвина определяются двумя событиями: любовь и война. И то, и другое перевернуло его жизнь – и личную и писательскую. 16 января 1940 г. Пришвин познакомился с Валерией Дмитриевной Лебедевой (Лиорко): он искал литературного секретаря, она пришла по рекомендации («27 января 1940. <...> 40-й год начался у меня стремительным пересмотром жизни, что даже и страшно: не перед концом ли?»).

В течение всей жизни в дневнике Пришвина по разным поводам то и дело возникают две женщины: Варвара Петровна Измалкова и Ефросинья Павловна Пришвина. Невеста и жена.

Варвара Петровна Измалкова, Варя – первая любовь, дочь крупного петербургского чиновника, студентка Сорбонны; с ней связаны воспоминания, сны, мечты, неудовлетворенность, сожаление о несбывшемся счастье и сомнения в его возможности и самое главное – творчество. Пришвин уверен, что встреча с Варей сделала его поэтом, что она всегда была и остается его музой, источником его писательства...

Пришвин не раз вспоминал в дневнике, как почти случайно от безысходности записал на листке бумаги перипетии своей первой любви, вспыхнувшей в Париже в далеком 1902 г. и тогда же утраченной, записал – и вдруг почувствовал облегчение («18 Января 1940. Моя первая запись жизни была в 1902 году <...> На клочке бумажки <...> я записывал этапы моей первой любви к девушке, с которой почему-то решил навсегда расстаться»). Так возникает дневник писателя – феноменология развития личности и художественного сознания, так открывается Пришвину путь спасения – в творчестве. В дневнике парижская встреча, в течение многих лет обрастая в процессе рефлексии все новыми и новыми смыслами, оттенками, нюансами, становится настоящей реальной love story. Ранний дневник (1905–1913) представляет собой попытку художника восстановить хронику романа по снам и разрозненным фрагментам воспоминаний, сохранившимся в глубинах памяти. Варе Измалковой не хватило воображения, а ему нужно было ее согласие на все («Вы фантазер! – сказала она <...> Нет же, нет, я не фантазер, но пусть фантазер <...> Своей фантазией я переделаю <...> жизнь» (Ранний дневник. С. 35)). Так с абсолютной точностью они выразили – каждый свое – отношение к миру, а потом разошлись, не понимая, что с ними происходит. Пришвин так никогда и не смог до конца объяснить себе, почему он ее потерял.

В дневнике возникает образ человека, пережившего драму неудавшейся любви как жизненную катастрофу. Любовь выявляет существо его личности – невозможность быть «как все», что первоначально воспринимается им как болезнь. Такой, казалось бы, кратковременный роман вскрывает всю глубину и сложность отношения Пришвина к женщине, обнаруживает в нем натуру художника, становится источником его поэзии. Любовь дает творческий импульс – через впервые сказанное «ты» будущему писателю открывается целый мир («12 Февраля 1940. <...> мало-помалу в больное место, в пустоту стала собираться пустыня с деревьями, цветами, полями, лесами, морями. И я привык этим жить»). Драма любви становится прафеноменом личности художника: с этого момента начинается его путешествие к глубинам своего «я», к миру – природе и народной душе. Любовного страдания хватило почти на целую жизнь. Но спустя два года внутри этой жизни возникла другая – и пусть тот, кто уверен в себе, бросит в него камень...

Ефросинья Павловна Пришвина (Смогалева), Фрося – простая деревенская женщина, сохранившая связь «с природой, народом, русским родным языком». Она – мать его детей, превратившаяся со временем в «злейшую Ксантиппу»; с ней связано повседневное, семейное, родовое, трудные личные отношения с вечным вопросом о необходимости расстаться, непонимание, пережитые вместе труднейшие годы, чувство вины и ответственности за неравный брак («4 Ноября 1941. Я жил с Е. П. не как язычник в свое удовольствие, а жил, обходя грех, как живет поп с попадьей или Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной, не смея отдаться живущей постоянно в глубине души влекущей к себе прелести»). Получается, что все романтическое, поэтическое, эротическое связано с Варей, а реальное, бытовое, родовое – с Ефросиньей Павловной. В дневнике разных лет начиная с 1905 г. одна за другой появляются записи, свидетельствующие о полном одиночестве Пришвина и намерении разорвать порочный круг семейной жизни («20 Августа 1940. Сила же моя была в том, что я свое горе скрывал сам от себя»; «21Августа 1940. Сколько было друзей... только один... понял... мою горькую игру»; «30 Марта 1940. <...> я уже давно живу сам по себе и к ним только езжу»). Подлинная же драма его семейной жизни заключалась, быть может, в том, что он всю свою жизнь с Ефросиньей Павловной промолчал...

Так или иначе, несостоявшийся проект личной жизни Пришвин превращает в состоявшийся проект творчества. Уникальность ситуации состоит в том, что хотя пол и эрос в его практике отрицают друг друга, комплекс, почти обязательно при этом возникающий, у него отсутствует – рассуждая о своем писательстве, он, в частности, отмечает: «и без сублимации». Это особенно необычно для художника, который всегда изломан этим несоответствием, он же, хотя и напряжен до крайности в эротическом чувстве, спокоен и свободен в физическом... Многие так живут и о чем-то втайне мечтают, а Пришвин – писатель, который только об этом тайном и пытается говорить – к примеру, в повести «Жень-шень» («13 Марта 1940.

Вся моя поэзия была как призыв: приди, приди! И вот она пришла, та самая, какую я звал и <...> лучше “той самой” прошлой женщины с какой-то неведомой планеты»).

Встреча с Валерией Дмитриевной осветила его жизнь, выявила смысл многолетнего ожидания единственной женщины, «которая придет и все поймет», поместила субъективный опыт любви в контекст культуры. С ней они вместе строят, создают, сочиняют свою историю любви, а он эту историю записывает и читает ей, что у него получилось («12 Февраля 1940. А если удастся записать за собой все <...> Почему нельзя одновременно и жить и сознавать: день прожил – день записал?»). Подхватывая на лету сказанную мысль, перебивая друг друга, дополняя и развивая свою настоящую love story, исправляя что-то упущенное в повседневной жизни, наполняя ее всеми возможными и невозможным смыслами, они обсуждают происходящее и одновременно страстно и нежно любят друг друга («25 Марта 1940. Не знаю, были ли на свете такие любовники, чтобы во время любви не переставали мыслить и, мысля, не переставали любить»).

Они стараются понять, что творится с этим живым ускользающим чувством, почему оно то уходит, то снова возвращается с новой силой, пульсирует в их душах и вопреки всему растет («7 Марта 1941. <...> любовь на земле есть единственная достойная удивления сила»). И больше всего на свете они боятся потерять любовь, в которой впервые в жизни все сошлось: и физическое, и душевное, и духовное («24 Февраля 1940**.** Я даже в романах о такой любви не читал, о существовании такой женщины только подозревал. Это вышло оттого, что никогда не соприкасался с подлинно религиозными людьми: ее любовь ко мне (едва смею так выразиться) религиозного происхождения»). А она, может быть, только тем и отличается от всех других, встреченных им и не встреченных, что умеет любить художника, и кажется, что только художника она и умеет любить («27 Марта 1940. <...> ее удержит моя вечная способность к игре», «14 Февраля 1940. <...> я почти уверен, что она меня будет любить так же сильно, как и я ее: натура такая же поэтическая и в том же нуждается»).

Так они ведут нескончаемый диалог, пытаясь понять друг в друге все до конца («24 Июня 1949. “Почему же ты не сказал?” – это обычная фраза у Ляли в таких случаях, когда сказать бывает и невозможно, и никто не говорит словами, когда бьются на кулаках. Вот и замечательна эта вера ее в слово, в человека, защищающего себя словами и, пожалуй, умеющего в слове выразить то, что обычные люди решают кулаком»). И он берет на себя труд понимания, прощения, внимания «в труднейшем для мужчины опыте любви».

Пришвин увидел в Валерии Дмитриевне женщину, для которой любовь была событием – встречей с миром *другого* равного человека, оправданием собственной судьбы. Он оценил ее стремление преодолеть стереотипы в отношениях мужчины и женщины, разрушить искусственные границы физического и духовного мира, сделать свою любовь действенной и благотворной. По дневнику писателя мы следим за перипетиями

любовного романа и понимаем, что четырнадцать лет совместной жизни Валерии Дмитриевны и Михаила Михайловича еще раз свидетельствуют миру о том, что настоящая любовь существует. Универсальная логика, которая содержится в их опыте, позволяет говорить о любви к женщине как способе перехода в сферу высшей любви, как пути к спасению личности в жесткой культурно-исторической ситуации середины XX в. в России, где в полном одиночестве существует художник. «7 Августа 1941. Мы с тобой – это Вселенная», – записывает Пришвин и тем самым признает любовь способом борьбы за иной мир, иную реальность, воссоздает пространство, где Слово, которому служит художник и за которое человек в это время расплачивается если не жизнью, то свободой, звучит.

Любовный дискурс – главный и определяющий все остальное в дневнике 1940 г. Не страшась банальности («1 Мая 1940. Вспомни <...> что за все время нашей любви ты не принес мне цветка»), глупостей или провала в обывательскую простоту, отбрасывая ложный стыд, они все прошивают словом – и все начинает складываться. Пришвин утверждает, что единственный способ существования личности в мире – это любовь. В 1940 г. впервые в жизни писатель не только рассуждает о смысле любви в современном мире – он прозревает этот смысл сквозь личность любимой женщины:

– любовь и революция («11 Апреля 1940. У Ляли душа <...> необъятно мятежная <...> лучшие зерна большевистского мятежа в сравнении с ее мятежом надо рассматривать под микроскопом <...> она содержит в себе весь нигилизм и атеизм русской интеллигенции, поднимаемый на защиту истинного Бога <...> против Антихриста»);

– любовь и война («11 Июня 1940. Я дошел в политике до этого: “за Лялю!” И мне вовсе не совестно, потому что довольно было всего – будет, пора! не за Гитлера, не за Англию, не за Америку – за одну единственную державу стою, за Валерию»)*;*

– любовь и религиозный канон («19 Апреля 1940. Наша Святая неделя пришлась на шестой неделе поста»);

– любовь и повседневность («19 Апреля 1940. Так вот в память отца она каждую Вербную должна соединиться с матерью. Но если она сейчас любит – эта любовь живая больше прошлого, покойники могут подождать, а милый ждать не может. И она, отбросив все предрассудки, идет к милому»);

– любовь и измена («18 Мая 1940. Клятва есть посеянная измена <...> просил ее не связывать себя клятвой... пусть она, несвязанная, вечно изменчивая, предоставит мне самому позаботиться о том, чтобы уберечь ее от измены, худшего, что только есть в человеке и женщине»);

– любовь, страсть и красота («22 Июня 1940. Я могу припомнить, как у моей Психеи создавались ее прекрасные глаза, как расцветала улыбка, блестели и капали слезы радости, и поцелуи, и огненное прикосновение, и весь огонь, в котором единился в одно существо разделенный грехом человек»);

– любовь и свобода («24 Июня 1940. <...> всякое раздумье о какой-то личной “свободе” надо отбросить как нелепость, потому что нет свободы большей, какая дается любовью»);

– женатый поэт («21–22 Марта 1941. Когда мой друг приезжает ко мне, я бываю счастлив, но пишу хуже. А когда он уезжает, мне становится хуже, но писать я начинаю лучше. Неужели самый родник творчества исходит непременно из личной утраты?»);

– любовь и литература («14 Февраля 1940. Книгу о любви, конечно, нужно написать, но только <...> если станет вопрос: книга или горячий поцелуй, то <...> бросать книгу в печку. Только при этом условии книга может удасться <...> вот это будет книга, вот это будет любовь»).

Валерия Дмитриевна была человеком, не только свято хранившим духовные основы бытия, но и стремившимся к их воплощению в жизнь. Через несколько дней после встречи с нею Пришвин впервые осознает, что его скитания были связаны с поиском пути всей русской интеллигенции: с трагедией эмиграции, со страданиями на родине, с обретением своего места в этом изменившемся мире. Пришвин приходит к осознанию нового долга русской интеллигенции, который понимает как задачу строить свой дом – свою подлинную жизнь здесь и сейчас. Встреча с Валерией Дмитриевной была для него подтверждением истинности его творческого пути («28 Января 1940. Меня эта мысль, что мы к концу подошли, не оставляет. Наш конец есть конец русской бездомной интеллигенции. Не там где-то за перевалом (за войной, за революцией) наше счастье, наше дело, наша подлинная жизнь, а здесь, и дальше идти больше некуда, тут, куда мы пришли, ты и должен строить свой дом»).

Война нарушила их планы, а то они бы обязательно что-нибудь придумали, к примеру, уехали бы на Кавказ... а теперь они поселились в Усолье под Переславлем-Залесским и провели там два года, устраивая и углубляя свою любовную пустыню (вместо кавказской), в которой и прожили отпущенные судьбой четырнадцать лет – день в день.

Нужно сказать еще об одном. Встреча Пришвина с Валерией Дмитриевной стала вехой на пути богоискательства, которое пунктиром проходит через всю его жизнь с самого детства («<...> нас водили толпой причащаться в гимназии, и мы становились неверующими» (РГАЛИ)), через тернии культурного и религиозно-философского Ренессанса начала XX в. («Вера мужика мне недоступна. Вера Мережковского <...> требует огромного гносеологического аппарата... или же огромного утончения души <...> Мне хочется самому жить, творить не Бога, а свою собственную нескладную жизнь... Это моя первая святая обязанность. Я не религиозный человек. И никто никогда не скажет, что я имею какое-то отношение к Богу... Я люблю творения рук Его» (Ранний дневник. С. 179)), через труднейшие 20-е годы, когда впервые в жизни у него возникает потребность в молитве и он в собственной душе нащупывает точку свободы, ту глубину, где ему никто не указ («наши писания... только пойманные словом обрывки наших молитв неведомому Богу» (Дневники. 1926–1927. С. 64)). Пришвин все еще

не церковный человек, но уже чувствующий силу молитвы и осознающий свое место в мире духовной жизни, очень скромное, но определенное – на пути к Богу («я не знаю, есть ли Бог, но живу я и складываюсь в мыслях и чувствах постепенно, как будто Бог есть, и я верую», «знаю, что тема эта задана мне, и если Бог есть, то Он придет ко мне Сам, и я увижу Его и скажу просто: ну, вот, слава Богу, Ты пришел ко мне, Господи, я тебя давно поджидал» (Дневники. 1926–1927. С. 524)). И так всю жизнь через постоянную рефлексию, которая одновременно была его и писательским и человеческим способом освоения мира («Какой-то внутренний облик того, что называют Богом. Я своею деятельностью этому облику и так молился, и лучшее мое явилось отсюда» (Дневники. 1932–1925. С. 848)). Только теперь надеть крестик, войти в церковь стало легко, потому что рядом была женщина, которой он до конца поверил («13 Апреля 1941. Ляля – это человек, созданный Евангелием <...> как бы это выразить <...> это в сочетании твердости мысли с любовью»; «16 Мая 1940**.** Ляля почувствовала нормативное значение христианских истин и поняла, какое искажение они получают в церковной практике при категорическом требовании их выполнения»).

В эвакуации они вместе начинают читать Библию («21 Ноября 1941. Мысль, направляемая этой книгой, показывает в особом свете современные события»). В связи с чтением в дневнике появляется целый ряд порой глубоких, порой прописных и, может быть, наивных истин. Однако Пришвин стоит на страже одной из них, которая, впрочем, охватывает и определяет все остальные: самое главное – это влить новое вино в старые мехи, внести современные смыслы в известные от века истины. Он понимает (возможно, вслед за Розановым), что даже из этих универсальных истин без человеческого дерзновенного творческого участия уходит живая жизнь («19 Апреля 1941. <...> она совершенно бесстрашна в сомнениях, и если на пути движения Мысли сам Бог станет преградой, мне думается, она и самого Бога смахнет. Меня в ней это восхищает, и эта ее царственная свобода именно и привела меня к Богу»).

Война застала Пришвина в Старой Рузе – они с Валерией Дмитриевной обследуют окрестности, подумывая о покупке домика в этих местах. Первые месяцы войны Пришвин, как и все вокруг, живет в информационном вакууме в ожидании новостей по радио («23–27 Июня 1941. <...> мало было вестей, почти ничего <...> речь Черчилля <...> глухо о больших сражениях <...> скупое радио и слова “мы отступили”»; «8 Июля 1941. <...> задерживаем противника на Березинском направлении и задерживаем переправу через Днепр <...> давайте на карту посмотрим <...> Посмотрели и обмерли: где Березина, где Днепр! А по сводке <...> все хорошо»).

Вероятно, не без основания считается, что Отечественная война 1941–1945 гг. осмыслена или, по крайней мере, постепенно осмысляется в нашей истории и литературе. Но катастрофическое начало войны до сих пор объясняется скорее внешними причинами – внезапностью нападения

фашистской Германии и многократным превосходством сил немецкой армии, – что ставит под сомнение пафос всех двадцати лет подготовки к войне. И об этом в течение первых десяти дней войны Пришвин пишет дважды («22 Июня. 1941. <...> ясное сознание войны как суда народа: дано было почти четверть века готовиться к войне, и вот сейчас окажется, как мы готовились»; «1 Июля 1941. <...> все четверть века мы жили в состоянии мобилизации для войны. Почти четверть века пели: "это будет последний..." – и вот этот решительный бой наступил. У нас нет ничего у себя за душой и все на войне, и если <...> весь человек, вывернутый из себя наружу, не может оборонить себя, тогда прощай Михаил Пришвин со своими птичками и цветочками»). Так или иначе, но дневник начала войны, как, впрочем, и всех последующих лет, – военный дневник писателя – представляет огромный интерес. В момент чтения прошлое вновь становится настоящим, открытым для переживания и понимания, а записи писателя, который не может знать будущего и пишет лишь о том, что видит, подчас проливают на происходящее неожиданный свет.

Умонастроение Пришвина до точности совпадает с тем, что водило его рукой в далеком 1919 г., когда в Гражданскую войну тоже решалась судьба России. Писатель как тот самый телеграфист тонущего «Титаника», который до последней минуты посылал в пространство сигнал, – теперь посылает своим современникам не только SOS, а свое Слово в неведомое будущее («Как счастлив был тот телеграфист, который, стоя по колено в воде утопающего корабля, до последней минуты <...> по беспроволочному телеграфу давал знать о гибели, призывая на помощь. У меня нет телеграфа! я пишу в свой дневник, но завтра я погибну <...> и никто не поймет моих записей, не разберется в них. Я не знаю даже, [как] сохранить эти записи от гибели, почти неизбежной» (Дневники. 1918–1919. С. 360)). Теперь он записывает практически то же самое: Россия снова на краю пропасти («28 Июля 1941. А между тем я корреспондент всего мира и должен давать сигналы бедствия»).

В канун войны, в начале 1941 г., Пришвин будто подводит черту под прошлым – перед новым испытанием... Может быть, не очень складно, но во всяком случае предельно честно писатель выражает суть своего «творческого поведения» – как сложилось оно в советские годы («23 Февраля 1941. Я осуждаю себя прежде всего за то наблюдательное спокойствие художника, с которым я проходил через нашу суровую жизнь. Надо бы вовремя положить душу свою за други, как это сделали миллионы моих современников, но я душу свою укрывал и берег. Положа руку на сердце, я могу сказать, что в поте лица, как Адам, обрабатывал свою землю, не соблазняясь никакими внешними благами, но я проливал пот свой в труде, а не кровь, как сделали это миллионы моих современников. Было бы мне очень плохо, и я, наверно, не осмелился бы взять голос на этом суде, если бы я ради сохранения души и жизни своей сознательно шел бы на сделки с совестью. Нет! мое сознание всегда упиралось в какую-то изначальную несправедливость, сделанную кем-то при самом моем сотворении»). Он ка-

ется в том, что в труднейшее для России время ему выпала роль не борца, а писателя, летописца... но он с этой ролью справился. К кому он обращается? К своим современникам, к будущему читателю, к самому себе? Он выжил, не перестал писать, писал так, как хотел и считал нужным, не лгал, не прятался, не избегал ответственности, не воспевал, не аплодировал, не доносил... но выжил – а тут, наверное, как на войне, вдруг настигает чувство вины перед теми, кто ушел («17 июня 1941. Позвольте, на чем же стоять честному писателю, не желающему занимать чужое место. О, друг мой, в этом же и есть весь ужас, весь кошмар существования художника: он вечно идет по канату, каждое мгновенье готовый полететь вниз и разбить себе голову <...> Моим балансом было чувство природы и чувство где-то существующего друга»). Пришвин осознает трагический аспект положения художника во все времена: его связь с миром не прямая, а опосредованная художественным творчеством, свидетельствующим о его личности, о призвании, о праве на свободу. Где бы географически ни находился писатель, он всегда находится в эпицентре культуры – со своим мироощущением, со своей способностью осваивать время, только пропуская его через себя. Напряжение между большим историческим временем и временем личным, биографическим в предвоенные годы и первые месяцы войны достигает высшей точки, и вопросы, которые больше всего волнуют писателя, снова и снова связываются с главной темой новейшей русской истории: государство и революция («17 Июня 1941. <...> в 17-м году искусство как выражение личного начала человека погибло»; «8 Апреля 1941. Что же касается совести народа, какой должна бы сделаться литература, то она “ушла в себя”. Извне же в отношении к государству литература стала совершенно бессовестной, готовой на все, что закажут и прикажут»).

В дневнике 1941 г. воссоздается нравственно-философская парадигма представителя той части русской интеллигенции, которой в течение четверти века, начиная с 1917 г., удалось выжить и не сломиться, продолжая, вопреки всему, культурно осваивать новую жизнь («11 Сентября 1941. Своим писательством я доказал, что во всяких внешних условиях, при гнилом царизме и деспотическом коммунизме, можно писать хорошие вещи, точно так же, как и Ляля доказывает, что и в сергиянской протухшей церкви можно молиться <...> Можно и не быть большевиком, и можно молиться в сергиянской церкви, мятежно преображая ее изнутри тем самым, что молишься»). Пришвин не занимается общественно-политической деятельностью, он верит, что литература воздействует на жизнь общества одним-единственным путем, через личность («22 Июня 1941. Искусство есть средство образования личности»). В труднейшей культурной ситуации ему удается сохранить веру в непреходящую силу личности, преодолевающей зло. Историософская концепция писателя состоит в утверждении, что история неотделима от современности, и писатель потому обязан быть современным, что ежедневно своим словом восстанавливает в обществе культурную память («23 Декабря 1940. Литература, искусство – это выражение лица народа, и понятно, что страдания выражаются тем, что

бледнеет лицо. Глубокие страдания переживает весь мир, у всех народов бледнеет лицо... Остается только ниточка связи – это я со своей верой, со своим независимым чувством гармонии, где-то в таинственной глубине своей я люблю тебя, русский народ, я люблю, значит, ты существуешь»).

В дневнике 1941 г. писатель не уходит от неразрешимых вопросов современной жизни. Он чувствует, что впервые за все советские годы война заставила – или вскоре заставит – не думать о красных и белых, своих и чужих («27 Июня 1941. Все счеты забыты: идейные, политические и всякие, не по идеям живешь»). Ясно ему и то, что и народу, и власти придется решать самый главный вопрос этого времени: ради чего воевать солдату («11 Сентября 1941. <...> характерное в этой войне, что отдельный человек вовсе даже и не знает, за кого, за что он жизнь свою отдает»). Впрочем, война не остановила работу государственной репрессивной машины («24 Июля 1941. <...> на нашей лестнице охранники стерегли Луговского для обыска и нас не пропускали. Значит, и это продолжается»). Пришвин возвращается из бомбоубежища в Москве, в котором скорее всего провел ночь и тот, кого теперь «стерегут».

Долгожданная речь Сталина, с которой он обратился к народу 3 июля, не прояснила для Пришвина ситуацию с патриотизмом. Он записывает слухи, легенды, мнения разных людей – все об одном, о войне, отмечая неуверенность и кризис доверия к власти в обществе («23 Августа 1941. Простые люди ждут переворота (“Минина и Пожарского”). “Если только найдутся еще Минины и Пожарские”»). Эти простые люди и есть тот самый народ, среди которого Пришвин провел едва ли не бóльшую часть своей жизни в путешествиях и на охоте. И в народе, как волны, сменяют друг друга подъем и падение – то патриотические, то пораженческие настроения («13 Августа 1941. <...> пораженцы... и постоянное повторение “он” – о немцах и “они” о большевиках, и какие-то “мы” как их пленники»; «23 Августа 1941. Он будто бы вовсе не жесток и “зверства” выдуманы (множество легенд о его справедливости). Они (большевики) – победи они, и их бы вознесли в оправдание всего прошлого, нет – “не придумать им казни мучительней”. И вот мы... существуем ли мы?»).

И тем не менее малейший слух об успехе на фронте, зачастую вскоре опровергаемый, приводит к смене общего настроения, которую писатель сразу улавливает («26 Июня 1941. И прежние пустые “патриотические” слова о доблестной Красной армии получили живой смысл»). Пришвин, безусловно, чувствует, как страна ждет сталинских слов, и в то же время знает, что общественная жизнь пронизана страхом и люди привыкли жить двойной жизнью. Вот почему, подавая «сигнал бедствия» (кому? – получается, что нам, первым, кто 70 лет спустя читает этот текст), – он прежде всего остается предельно честным («3 Июля 1941. Речь Сталина вызвала большой подъем патриотизма, но сказать, действительный это патриотизм или тончайшая подделка его, по совести не могу, хочу, но не могу. Причина этому – утрата общественной искренности в советское время, вследствие чего полный разлад личного и общественного сознания»).

Пришвин уверен, что настоящий патриотизм как общенародное чувство, способное творить чудеса в истории, возникает в глубине народной жизни вовсе не от речей, призывов и лозунгов («27 Июня 1941. < ...> вот домик я купил – и хочется, чтобы не тронули мой домик и квартиру мою в Москве не заняли, где я работаю, где хранятся письма моих читателей, рукописи. Вот это самое, накопляясь в народе, и возбуждает общую всему народу силу, называемую патриотизмом. Но как мало теперь этого самого материала патриотизма»). Тем важнее, что он уловил момент зарождения патриотизма, самый исток его: на 14 день войны, когда Красная армия на Западном фронте была уже фактически разгромлена (что знаем теперь мы, но не мог знать Пришвин), он встретился в Москве с хорошим знакомым, художником-реставратором Третьяковской галереи, и вдруг почувствовал в разговоре новый дух, поймал эту поднимающуюся новую волну («5 Июля 1941. Все стали патриотами, пройдя через школу разумной коллективной работы по эвакуации. Рыбникову дорога Третьяковка, и, укладывая картины с другими художниками, он нажил в себе уверенность и решимость не давать сокровища русской культуры немцам. Откуда это взялось? Чудо! Случилось такое, чего никак нельзя было ожидать: весь народ поднялся <...> С русским человеком произошло <...> чудесное воскресение <...> все вдруг почувствовали, что плен кончен <...> и начинается народная жизнь»). Это было только начало поворота к превращению войны в Отечественную – считается, что в июле–августе 1941 г. в народе и армии совершился полный переворот в отношении к войне. И все же очень важно свидетельство Пришвина о том, что патриотическое чувство возникает даже раньше, чем понимание крайней жестокости немецкого оккупационного режима, и что вытекает оно из другого источника.

Первая весть о переменах на фронте пришла из-под Смоленска («25 Июля 1941. Весть об успехе нашем на Смоленском фронте. Начало надежды»; «27 Июля 1941. 35 день. По радио будто бы сказали, что в Смоленском направлении разбито еще 2 дивизии»). Почти месяц, поражая как советское, так и немецкое командование, держался Смоленский фронт («20 Августа 1941. <...> известие о падении Смоленска всех придавило»). Как можно было объяснить, что армия, вначале имеющая в арсенале винтовки, пулеметы, самолеты и танки, потерпела сокрушительное поражение и понесла огромные невосполнимые потери, – а после этого «на смоленской дороге» билась насмерть за каждую пядь земли и целый месяц держала оборону без воздушного и броневого прикрытия?* Никаких подробностей Пришвин не знал, но все почувствовал и понял, и назвал именно теми единственно верными словами, какие только и могли выразить смысл происходящего и на фронте, и в Москве – по всей стране: *случилось чудо, весь народ поднялся, с русским человеком произошло чудесное воскресение, все почувствовали, что плен кончен и начинается народная жизнь.*

---

* См.: *Попов Г. Х.* 1941–1945. Заметки о войне. М.: ООО «Агентство “КРПА Олимп”», 2005. С. 106–109, 128–132.

И это означало, что начинается совсем другая война, Отечественная, и смоленский успех на самом деле становится знаком надежды («29–30 Июня 1941. <...> с немцем дружить хорошо, если же воевать, то надо его победить. Правда, и нам не сладок большевизм, но у нас в силу даже самой идейной незавершенности открыта дверь к движению духа, а немцы, какими они теперь являются, – эгоизм ограниченности, закрытая труба. Что делать? мы должны победить»). Незавершенность заключает в себе шанс, надежду, свободу действий, возможность перемены, предполагает наличие выхода – и под напором жизни, выход действительно нашелся...

Пришвину 68 лет, думать приходится об устройстве жизни и спасении рукописей, но о своей роли писателя, о своем «месте в строю» Пришвин никогда не забывает. Уже 5 июля он отправляет в «Правду» рассказ «Моему другу на фронт» («Голубая стрекоза»), в котором взаимосвязь природы и человека становится важнейшим, если не определяющим моментом в борьбе раненого бойца со смертью – за жизнь. Пришвин продолжает отстаивать свою природу – «птичек и цветочки» – как невидимое, но фундаментальное основание чувства жизни, остро необходимое именно сейчас, в военное время, каждому солдату перед лицом смерти. Как всегда в течение всей писательской жизни, так и теперь на острие войны Пришвин, опережая свое время, в котором природа вытеснена на периферию культуры, отстаивает неразрывное, органическое единство человека с природой, без которого иссякает сама жизнь («31 Мая 1941. <...> борьба за “Лесную капель” для меня есть такая же борьба, как для военного борьба за родину на фронте»; «17 июня 1941. <...> так теперь все и сходится, что стоять за себя теперь значит для меня – стоять за родину»). Нужно сказать, что не только тайный дневник Михаила Пришвина, но и его художественные произведения – уникальное явление в литературе первой половины XX в., когда писатель существовал в жестких рамках идеологического диктата и тотального контроля, а тот, кто выходил за эти рамки, был либо лишен возможности печататься, либо репрессирован («13 Июля 1941. <...> ”Фацелия” именно потому и провалилась, что она была демонстрацией “мнения”, а не лозунгом необходимости общественной. Она свидетельствовала о том, что несмотря ни на что кто-то еще может “дурить”»). Именно так – несмотря ни на что способ его работы и отношение к творчеству не меняются в угоду конъюнктурным требованиям («26 Марта 1941. Думал о себе, – что и правда заключается в неважной оценке советской властью моего труда, нужен скороуслужливый человек – я непокорно-упрямый и стою на своем, нужны труды как свидетельство государственно-патриотической верности, – нет таких трудов у меня. Итак, Михаил, благодари за то, что печатают»). Для писателя крайне важно сохранить традицию, преемственность в современном мире, теряющем культурную память, – он уверен, что в канун войны это становится вопросом выживания народа и государства («22 Июля 1941. <...> при спасении родины должен наступить перелом в литературе, должно вместо казенного отношения выступить сердечное свидетельство, да, литература не как в “Правде”, а как сердечное свидетельство»).

В конце 1930-х гг. в дневнике Пришвина одна за другой появляются записи, связанные с судьбой Германии, фашизмом, личностью Гитлера и его ролью в мировой истории. Безусловно, постоянный интерес писателя к этой теме определяется политической ситуацией в мире, но не в последнюю очередь и его особым отношением к Германии. В 1902 г. Пришвин окончил Лейпцигский университет: связь с немецкой культурной традицией органична для писателя, глубокий интерес к немецкой культуре (философии, музыке, литературе) решающим образом повлиял на его мировоззрение. Германия – страна, которую Пришвин со студенческих лет хорошо знает и любит, возможно, несколько романтизируя, но, пожалуй, все-таки в допустимых пределах, поскольку трезвость взгляда и чувство правды редко когда ему изменяют. В течение всей жизни писателя Германия то и дело по разным поводам возникает в его дневнике как культурный фон, точка отсчета в размышлениях о России. И вот в новой культурной ситуации все оборачивается неожиданной и парадоксальной стороной («1 Июля 1941. Когда-то смешные стороны немецкого национального характера теперь складываются как ненавистный образ врага. Но я становлюсь на немецкую позицию и представляю себе, как они нас презирают за бедность, беспорядок и грязь. И хочется им “утереть нос”»). Пришвин понимает, что немецкому порядку противостоит новый советский порядок («27 Июня 1941. Теперь отечество социалистическое, т. е. сила патриотизма должна произойти не из стихии, а из организованности людей. С этой силой идут фашисты, и этой силой будут сражаться с ними социалисты»). Все это так, но только этого самого порядка, который ежедневно насильственно насаждала репрессивная советская власть, в повседневной жизни никогда не было. Надежда на то, что в армии этот порядок все-таки есть, конечно, теплилась, – но на деле испарилась, как дым. На фоне военных неудач еще очевиднее выступают провалы в тылу, причем Пришвин с уверенностью называет причину: форма собственности, главный принцип организации советского государства. Власть не справляется ни с ситуацией на фронте, ни с ситуацией в тылу, – и тут никаких чудес не происходит («9 Августа 1941. <...> органические пороки нашего советского строя стали глаза колоть. Вот хотя бы эти огромные площади некошеной травы: сами не могут скосить и частному человеку не дают. И эти отцветающие луга, тускнеющее богатство колет глаза, и думаешь: “а ведь и во всем так, кроме ударного места”. Такая была вся тактика большевиков, в военном деле рассчитанная тоже на удар. А вот удар не удался, и дома в Москве стоят без стекол, и знаешь: нигде нет этих стекол»).

В то же самое время, анализируя поворот на фронте, Пришвин обнаруживает, что многое из того, что представляет собой с точки зрения логики современной культуры безусловное преимущество, в данной ситуации не действует («18 Ноября 1941. – Рассудите, – говорил он, – на одной стороне разум, сила, культура, на другой сплошное безобразие. – Вот именно безобразие-то и победить может, – ответил я, – мы их победим своим безобразием»; «17 Декабря 1941. <...> именно вот дрянью-то своей мы и по-

бедим немца. Я это изнутри чувствую вопреки смыслу»). Кажется, будто происходит некий культурный сдвиг, меняются культурные ориентиры – и все, что было в культуре плюсом, на глазах становится минусом: порядку противостоит стихия, плану – хаос, силе – слабость, рацио – чудо. В этой системе координат пришвинские «птички и цветочки» занимают свое законное место. Причем стихия, хаос, слабость, чудо – элементы другой культурной парадигмы, в которой все перечисленное как раз обладает непонятно откуда идущей чудесной силой и разрушает порядок, план, силу и рацио. Поразительно, что с первых дней войны Пришвин понимает, что́ способно выдать русское народное сознание в минуту настоящей опасности. Он уверен в том, что народный дух питает древняя архаическая культура с присущим ей стихийным началом, которое вбирает в себя и хаос, и чудо, и слабость, превращающуюся в силу, – «несметная азиатская орда» не ушла в небытие и она-то, в конце концов, пересилит в этой войне («25 Июня 1941. <...> мы не можем понять, какой смысл, даже просто расчет у германского вождя выставить всех своих рыцарей против нашей несметной азиатской орды»). Безошибочным чутьем русского писателя Пришвин определяет самую суть народной души, глубинно – архаически – связанной с родной природой, землей, домом. Он всегда чувствовал это как самое лучшее в русском человеке, не исчезнувшее ни во время революции, ни в течение последующих лет существования советского государства – новая власть так и не смогла ничего этому противопоставить («5 Июля 1941. Плачьте, женщины! лейте слезы, как можете: ни одна слеза ваша не пропадет даром. Я знаю по себе самому: именно эти слезы рождали во мне мужество. И как? А как дождь, этот небесный плач, поднимает силу земли, так в человеческой душе женские слезы»). В дневниковом тексте сливается в общий поток жизни природное и человеческое, сила земли и народная сила – небесные слезы и «река женских слез». Пришвин уверен, что его кровная связь с народом заключается именно в чувстве природы, и этой-то связи с народом нет у советской власти («16 Июня 1941. <...> то лучшее, что я храню в себе и чего у <u>них</u> нет и без чего им тоже не жизнь, это <u>что-то</u> есть живое чувство родины <...> это <u>что-то</u>, замаскированное словом “природа”, живое чувство к хорошим людям <...> Вот почему меня вообще в советское время не трогали, хотя и не любили, и вот почему мне всегда чувствовалось, что если погубят меня, погибну я – погибнет Россия»).

Во все последующие годы в стихах и песнях, фильмах и воспоминаниях десятки, если не сотни раз появлялся образ солдата, уходящего на фронт – точно такой, какой возник у Пришвина на третий день после начала войны («25 Июня 1941. Уложил две перемены, ножик, вилку, ложку, еще кое-что, простился, глянул в последний раз на домик, на две березки, и эти березки пошли с ним и остались в сердце до смерти: в последний миг расставания с жизнью в несказанной красоте и доброте станут перед ним эти березки»). Пришвин понимает простой расчет немцев: народ, недовольный большевистской властью, поднимется, – и государство, как Российская империя в начале века, рассыплется в прах. Но этого не произошло («18 Ноября

1941. <...> вовсе не существует народа, который бы в СССР мог противопоставить себя как Целое своему правительству <...> отдельный человек до того беден, до того мало у него есть личного, за что можно стоять... Вот тут-то немцы и просчитались: народа, о котором они думали, вовсе не существует. Но этому неимущему, без-о́бразному народу хочется жить, очень хочется получить образ, и он стихийно течет в ту сторону»).

Отдельные записи первой половины 1941 г. свидетельствуют о крайнем напряжении внутренней жизни писателя и в предвоенные месяцы («28 Февраля 1941. Сейчас русская история, русская жизнь перед нами стоит как в зеркале. С ума сойдешь, если станешь смотреть туда. Единственно, что ведет к лучшему, это если стать спиной к зеркалу в сторону солнца, как это сделал Пушкин, в той же стороне и Христос»). Зеркало, зеркальное отражение удваивает изображение и обнажает суть: остраняя жизнь, оно дает возможность находящемуся в жизненном потоке увидеть нечто невидимое. Оказывается, что прямой взгляд в лицо этой жизни ведет человека в безумие, как пушкинского Евгения перед лицом Медного всадника. В то же время зеркало дает возможность просто отвернуться и, отвернувшись, обнаружить спасительный, от века существующий мир космической и божественной гармонии – с солнцем и с Христом.

К концу года (что интересно, в зеркальном отражении: февраль – 5 месяцев до начала войны, ноябрь – 5 месяцев после) писатель начинает чувствовать возникшую в народной душе «потребность в собеседнике», и это – вместе с новым отношением к войне – свидетельствует о сдвиге в культуре. Появление настоящего врага вытесняет из повседневной жизни тот мифический образ внутреннего «врага», который насаждала власть, и означает возврат к человеческому общению, доверию, свободе. В этой ситуации вино, как «творческий эликсир» – пусть даже в небольшом сегменте жизни – служит делу восстановления культуры («16 Ноября 1941. Как ждали эти дни вина! <...> я понял впервые, что это значит – вино для простого человека, я понял, потому что сам впервые в жизни почувствовал свою душу в таком страшном плену <...> В этих тяжелых условиях вино является творческим эликсиром, и каждый выпивший ищет слушателя, как писатель читателя <...> Вино – это выход из одиночества и молчания... В иных условиях это выход в иллюзию, а в наше время <...> это не иллюзия, это рождение слова»[*]).

Переворот в личной жизни и в мироощущении писателя с неизбежностью повлек за собой переворот в творчестве. С одной стороны, его любимый мир зеленой природы как будто опустел («22 Марта 1940. Был на вечерней прогулке, и такая меня тоска охватила, и впервые так был без-

[*] Ср.: «Не с нужды и не с горя пьет русский народ, а по извечной п требности в чудесном и чрезвычайном...» (*Синявский А.* Мысли врасплох. URL: http://e.mail.ru/cgi-bin/msglist).

участен в природе: на закате месяц выходил бледный, большой и словно отворачивался, и так все-все, облака, снег, следы зверей <...> все от меня отвертывается, или я сам отвертываюсь <...> А поди я с Лялей, как бы он запрыгал, заиграл, бессовестный месяц!»; «18 Мая 1940**.** – Ты, – сказала она, – будешь на охоте, только не так часто <...> теперь я твоя природа»). И это так. Но писатель понимает, что именно органическая связь с миром живой природы когда-то спасла его, начинающего писателя, от влияния идей, господствующих в культуре начала XX в., – утопизма, нигилизма, апокалиптических настроений. В послереволюционные годы природа была единственной реальной силой, вопреки всему происходящему свидетельствующей о том, что жизнь полна радости и смысла («весна света»). Благодаря этой силе, которую он постоянно чувствовал, Пришвин и сумел отстоять как свою независимость, самостоятельность в творчестве, так и неприкосновенность своей личности («19 Февраля 1941. Много раз я был у конца, и даже, можно сказать, все советское время жизнь моя протекала в настоящем чувстве конца (замерзнуть бы или сгореть), но конечное чувство радости жизни удерживало меня, и потому я хватался за радость и все советское время писал только о радости»). Пришвин всегда чувствует, что природа принимает живое непосредственное участие в его жизни: месяц «отвертывается», а мог бы «запрыгать» и «заиграть», и вообще он «бессовестный». Десятки дневниковых записей разных лет свидетельствуют о том, что чувство радости жизни писатель черпал только в природе, – и потому вопрос о радости для него отнюдь не праздный. Теперь в лице Валерии Дмитриевны Пришвин получил подтверждение тому, что и сам всегда знал: культура и общество тайно или явно имеют религиозное измерение («30 Января 1941. <...> все остается у меня на месте: я такой же труженик, как и был, и та же природа, те же собаки и все, только свет сознания прибавился и больше ничего»). Самым главным для Пришвина является «розановский» вопрос о духовной подоплеке страдания и радости в христианстве, и полемика на эту тему с Валерией Дмитриевной для него крайне существенна («23 Июля 1940. Страстная радость жизни, выражаемая не греховными “страстями”, а любовью для себя и поэзией, – почему это не от Бога, и даже просто не чудо явления Бога? Почему радостью жизни нельзя постигать Бога, а непременно только страданием? <...> Страдание должно быть средством для достижения радости, но не целью же!»). Он уверен, что ему удастся не только остаться самим собой, но и ее привести к этой священной радости («25 Апреля 1940. Смысл моего будущего искусства, его назначение заключается в том, чтобы привязать Лялю к земной радости»). В этом смысле поразительно внимание писателя к так называемым мелочам: Валерия Дмитриевна впервые в жизни заказывает в ателье платье, и в дневнике неожиданно появляется несколько записей о моде. Жизнь, по Пришвину, не делится на высокую и низкую, он вписывает повседневное, прагматичное в культурный контекст, признает и высоко оценивает социальную роль моды в современной культуре («12 Ноября 1940. Это то же самое у женщин, что у художника чувство современно-

сти <...> желая выявить себя небывалого, я должен в то же время быть как все. В этом и есть глубочайший смысл и оправдание моды»), а затем через моду декларирует значение нормы как важнейшего элемента культуры («11 Апреля 1941. Царица Мода, сменяются правители моды, но Мода сама по себе остается, и без нее жить нельзя: что бы это было, если бы не было законодательства в моде. Ты можешь проявить личный вкус лишь в пределах основных установлений: юбки, штанов, кофт, сюртуков»).

Вопрос с эвакуацией окончательно решился в середине августа переездом в село Усолье под Переславлем-Залесским – знаковое для Пришвина место. В этом краю в середине 1920-х годов сложилось его Берендеево царство («Просто удивительно: вся жизнь целиком ушла в книгу “Родники Берендея”» (Дневники. 1926–1927. С. 17)), здесь он впервые нащупал в собственной душе молитвенную глубину, связанную с творчеством, здесь почувствовал природу в полном единстве с христианской традицией («озеро мне было как икона молящемуся»; «только древний монах, пустынножитель, не оскорбил бы природы» (Дневники. 1926–1927. С. 75, 249)). И вот теперь он здесь вместе с Валерией Дмитриевной – и это удивительно: кажется, что жизнь Пришвина, и личная и писательская, строится как литературный сюжет, все события складываются, связываются в единую цепь, одни и те же мотивы исчезают, чтобы потом вновь возникнуть и зазвучать.

Самое удивительное, что в первый же месяц войны в дневнике возникает неожиданный мотив: Пришвин думает о самом важном, что принесла бы стране победа в войне: о перемене жизни, о возрождении народа и государства («11 Июля 1941. После возможной победы нам будет непременно легче: по миновании военной опасности не будет такой большой необходимости в принудительной силе. Второе, почему будет легче, – это что на некоторое время будут держать голос фронтовики, третье – что к нашей дикой революции присоединятся культурные народы и смягчат жестокость коммунизма»). Кажется, впервые послереволюционная история, которая длится уже четверть века, в эти годы предстает в дневнике в свете идеи возмездия. Он вспоминает свою «подзаборную молитву» о том, чтобы «все понять, не забыть и не простить», возникшую в октябрьские дни 1917 года. И теперь во время ужасной «большой войны», в августовские дни московских бомбардировок снова к нему приходят слова возмездия: «не мир, но меч»... Он понимает, что все решится в этой войне – и верит, не может не верить, что победа будет, жизнь изменится и оправдает прошлое («*21 Сентября 1941.* Это будет, осчастливь, Господи, дожить и хоть одним глазком посмотреть. Все совершится так же внезапно, как было при НЭПе: вдруг везде на улицах, в трамваях люди перестали злиться, и показались такие хорошие люди, о существовании которых и не подозревал»).

Яна Гришина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Собр. соч. 1982–1986.	–	*Пришвин М. М.* Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Художественная литература, 1982–1986.
2. Собр. соч. 2006.	–	*Пришвин М. М.* Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Терра – Книжный клуб, 2006.
3. Собр. соч. 1956–1957.	–	*Пришвин М. М.* Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956–1957.
4. Ранний дневник.	–	*Пришвин М. М.* Ранний дневник. 1905–1913. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007.
5. Дневники. 1914–1917.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1914–1917. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007.
6. Дневники. 1918–1919.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1918–1919. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2008.
7. Дневники. 1920–1922.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1920–1922. – М.: Московский рабочий, 1995.
8. Дневники. 1926–1927.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. – М.: Русская книга, 2003.
9. Дневники. 1928–1929.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. – М.: Русская книга, 2004.
10. Дневники. 1930–1931.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1930–1931. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2006.
11. Дневники. 1932–1935.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1932–1935. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2009.
12. Дневники. 1936–1937.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1936–1937. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010.
13. Дневники 1938–1939.	–	*Пришвин М. М.* Дневники. 1938–1939. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010.
14. Дневниковая проза.	–	*Пришвин М. М.* Дневниковая проза: в 3 т. – М.: Терра – Книжный клуб, 2007.
15. Творить будущий мир.	–	*Пришвин М. М.* Творить будущий мир. М.: Молодая гвардия, 1989.
16. Цвет и крест.	–	*Пришвин М. М.* Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004.
17. Мы с тобой.	–	*Пришвин М. М., Пришвина В. Д.* Мы с тобой: Дневник любви. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2003.

18. Личное дело. – Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2005.
19. Невидимый град. – *Пришвина В. Д.* Невидимый град. – М.: Волшебный фонарь, 2009.
20. Когда били колокола... – *Пришвин М. М.* Когда били колокола...: Фотоальбом. – М.: Индрик, 2011.
21. Путь к Слову. – *Пришвина В. Д.* Путь к Слову. – М.: Молодая гвардия, 1994.
22. РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
23. ЛН – Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
24. Хлыст. – *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). – М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Мф. — Евангелие от Матфея
Лк. — Евангелие от Луки
Мк. — Евангелие от Марка
Пс. — Псалтирь
Исх. — Книга Исхода
Ин. — Евангелие от Иоанна
Быт. — Книга Бытия
Числ. — Книга Чисел
Евр. — Послание к евреям святого апостола Павла
Нав. — Книга Иисуса Навина
Суд. — Книга Судей
3 Цар. — Книга Царств 3

1940

[1] *Жгли в кумирне арчу... – арча* – тюркское название можжевельника; *кумирня* – небольшая буддийская молельня; в семье Пришвиных разжигали арчу и сжигали записочки с загаданным новогодним желанием.

[2] *Павловне пришлось остаться в Москве до утра.* – В течение последних трех лет Пришвин фактически не живет с семьей: Ефросинья Павловна крайне редко бывает в Москве, Пришвин ездит в Загорск, когда возможна охота или другая вылазка в лес. Он не оформляет развода и даже не объявляет о разрыве с семьей, но, судя по дневнику этих лет, погружается в давно задуманное одиночество.

[3] *Работа над «Неодетой весной»...* – здесь и далее идеи и названия глав книги «Неодетая весна» (1940), написанной по материалам путевого дневника 1938 г., когда Пришвин совершил путешествие под Кострому и оказался «в той самой деревне Вежи, где жил некрасовский Мазай, спасавший во время весеннего половодья тонущих зайцев» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 4. С. 241–362).

[4] *...мой роковой роман на всю жизнь...* – имеется в виду Варя Измалкова, дочь петербургского чиновника, студентка Сорбонны, встреча с которой произошла в 1902 г. в Париже во время путешествия Пришвина по Европе после окончания учебы в Лейпцигском университете. Варя стала первой любовью Пришвина, о которой он вспоминал в своем дневнике всю жизнь. Ср.: Ранний дневник. С. 5–174.

В 2009 г. Ирина Германовна Лильп, дальняя родственница Варвары Петровны Измалковой, посетила музей Пришвина в Дунине (филиал ГЛМ), сообщила сведения о ее судьбе после встречи с Пришвиным, а также передала в музей ее фотографии.

[5] *...Станиславский учил ее постоянно* вниманию. – Речь идет об одном из принципов системы К. С. Станиславского сценическом внимании, которое он считал важнейшим элементом творческого состояния, проводником чувства и основой внутренней техники актера.

[6] *...цветы последние милей роскошных первенцев полей.* – Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Цветы последние милей...» (1825).

[7] *Разумник принялся за архив...* – в конце 1930-х годов Пришвин задумывается о судьбе своего архива и особенно дневниковых тетрадей; никому из членов семьи завещать архив он не может, поскольку ни жена Ефросинья Павловна, ни сыновья никогда не принимали участия в его творческой жизни, не выражали интереса к его писательству, не знали, что представляют собой его тетрадки, – были в духовном смысле далеки и от его внутреннего мира, и от литературы. Не придумав ничего лучшего, Пришвин принимает решение продать архив в Литературный музей (директор музея Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич собирает архивы писателей); в связи с необходимостью привести архив в порядок Пришвин начинает искать секретаря – человека, которому можно было бы доверять. Пока же для этой работы писатель пригласил известного литературоведа Разумника Васильевича Иванова (Иванов-Разумник), автора одной из первых серьезных критических статей о Пришвине «Великий Пан» (1910–1911). Дружеские отношения между ними сохранялись с «начала века» до вынужденной эмиграции Иванова-Разумника (1941) и выдержали испытание: Пришвин поддерживал Разумника материально и морально в годы «тюрем и ссылок». При этом Пришвин никогда не разделял его политических взглядов, принципиальности, нетерпимости, нежелания понимать глубину и сложность жизни, независимой от идеологии: они всегда были одновременно и единомышленниками и антиподами. Ср.: *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.

[8] *...я был ⩽...⩾ безлико-общественным существом...* – речь идет о юношеском увлечении марксизмом, когда, будучи студентом Рижского политехникума, Пришвин с 1893 по 1896 г. участвовал в работе марксистского кружка, после чего в 1897 г. следуют арест, годичное одиночное заключение в Митавской тюрьме и высылка на родину в Елец без права продолжать учиться в высшем учебном заведении в России. Мать Мария Ивановна Пришвина добилась разрешения на выезд за границу для продолжения образования. В летописи своей жизни (1918) Пришвин отмечает: «1896. ⩽...⩾ схожусь... с марксистами, перевожу Бебеля. 1897. Попадаю в тюрьму за марксизм. Это один из определяющих моментов жизни... 1898–1900. Высланный на родину в Елец, продолжаю быть марксистом. 1900. В Берлине. Йена, Лейпциг. 1902. Марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком. Сумасшедший год. Весной после окончания в Лейпциге еду посмотреть Париж. Встреча (имеется в виду Варя Измалкова. – *Я. Г.*), последующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение» (Дневники. 1918–1919. С. 366).

[9] *...обслуживает зверя Левиафана. – Левиафа́н* — чудовищный морской змей, упоминаемый в Ветхом Завете (кн. Иова), иногда отождествляемый с сатаной; в переносном смысле – нечто огромное и чудовищное. У Пришвина «Левиафан» устойчивая метафора государства, уходящая корнями

в труд Т. Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). У Гоббса Левиафан – метафора современного государства, в основе которого лежит страх. Ср. у Пришвина: «26 Мая 1937. На государство надо смотреть в таком случае как на необходимость, и если даже от поезда надо посторониться, чтобы он тебя не задавил, то от Левиафана надо почтительно посторониться с вежливым поклоном», «б/д 1938. Никогда в истории человечества Левиафан не достигал такой мощи как в СССР» (Дневники. 1936–1937. С. 592; Дневники. 1938–1939. С. 562).

[10] *...не из любви к Сталину...* – в течение 1930-х годов в дневнике Пришвина появляются десятки самых разных записей о Сталине. К примеру, в 1930 г. он записывает: «2 Марта 1930. Вчера было напечатано распоряжение о том, чтобы в средних школах не мучили детей лишенцев за их лишенство... Так резко выделялись эти строки среди человеконенавистнических, что все это заметили и все об этом говорили <...> В воздухе запахло поворотом: боги насытились кровью. И правда, сегодня напечатана статья Сталина "Головокружение от успехов", в которой он идет сам против себя. Едва ли когда-нибудь доходили политики до такого цинизма: правда, как на это смотреть, если я, напр., отдав приказ об уничтожении колоколов, через некоторое время, когда колокола будут разбиты, стал бы негодовать на тех, кто их разбивал», «1 Апреля. <...> очень много людей в СССР живут Робинзонами <...> среди людоедов. Сталину: Среди ограбленной России / живу бессильный властелин» (Дневники. 1930–1931. С. 43, 64). В 1936 г. в обстановке надежды на перемены, Пришвин все же не обольщается, считая, что стратегия Сталина в большой степени определяется вероятной в скором будущем войной и потому допускает некоторые призрачные послабления в жизни. Он записывает: «20 Февраля. Все возвращается на прежнее место, и родина, и Великороссия, и елка <...> Но все это возвращается сравнительно с прежним как бы в засушенном виде, вроде как бы растения в гербарии» (Дневники. 1936–1937. С. 23). Миф о Сталине как великом вожде в дневнике Пришвина развенчивается, но ракурс этого развенчания оказывается довольно неожиданным и выводит проблему за рамки личности вождя: «5 Июля 1939. Когда гениальный человек является и ведет за собой массы людей, то это, может быть, свидетельствует не так о высоте человека "гениального", как о пустоте масс, которые он ведет <...> мало-помалу стало ясно, до чего же пуст человек масс» (Дневники. 1938–1939. С. 347). И в эти же годы в дневнике появляется вопрос, который, наверное, можно было бы поставить в ряд с известными русскими вопросами «что делать» и «кто виноват» и на который, по Пришвину, рано или поздно с неизбежностью придется искать ответ: «6 Октября 1938. Друзья, так почему же вы живете как заключенные и обреченные, разве победа не в ваших руках? Только захотите, и все будет по-вашему. Если же вы не можете хотеть, то не перекидывайте вашу слабость на всех» (Дневники. 1938–1939. С. 179).

[11] *...лесоводство по Турскому...* – имеется в виду книга профессора (с 1876 г.) кафедры лесоводства Петровской земледельческой и лесной академии, основоположника изучения стационарного леса в России М. К. Турского «Лесоводство», изданная в 1892 г. и выдержавшая несколько переизданий.

[12] *...мысли о «ней»...* – имеется в виду Варя Измалкова.

[13] *...вроде Командора.* – Аллюзия на трагедию А. С. Пушкина «Каменный гость» (цикл «Маленькие трагедии», 1830).

[14] *...об угрозе со стороны Швеции и Норвегии.* – По-видимому, имеется в виду заявление СССР 6 января 1940 г. о фактах поддержки Финляндии Швецией и Норвегией.

[15] *Говорят о самострелке...* – стихия воспоминаний, которая владеет Пришвиным на протяжении всей его жизни, в предвоенные годы естественно выталкивает на поверхность воспоминания и настроения, связанные с Первой мировой войной. В 1914 г. Пришвин совершает две поездки на фронт в качестве военного корреспондента. Ср.: «9 Октября 1914. “Пальчики, пальчики” <...> да вы посмотрите ему в глаза. Вот! Смотрите: это самострел <...> Он (профессор. – *Я. Г.*) уже разобрал с научной точностью самострельные раны <...> он их не выдаст <...> он предлагал всем судящим самим сесть в окопы без пищи на несколько суток и потом судить» (Дневники. 1914–1917. С. 118–119).

[16] *...Марья Моревна существует на свете...* – ср.: «б/д. Вечная невеста моя Марья Моревна. Если бы она стала моей женой, то у нас бы с нею были дети, и все бы у нас стало как у всех и как всегда будет, пока на земле живут люди. Вот отчего так и хочется быть как все и жениться на Марье Моревне. Но на пути естественного моего желания превратить Марью Моревну в жену и создать с ней то самое, что было и есть у всех людей, приходит Кащей и через недоступность Невесты создает небывалое. Вот схема моего личного творчества, краткая история собрания моих сочинений» (РГАЛИ). Прообразом Марьи Моревны в автобиографическом романе «Кащеева цепь» (1927) стала двоюродная сестра Пришвина Марья Васильевна Игнатова, которая в детстве оказала большое влияние как на формирование личности будущего писателя («Двоюродная сестра Маша прельщает неземным (Лермонтов)»), так и на его философию любви («12 Июля 1942. Мне вспомнилась моя вековечная раздвоенность: позор обыкновенной любви и страх перед большой любовью. Еще мальчишкой в 20 лет я в этом сознался Маше, а она мне на это лукаво, как Джиоконда, улыбаясь, ответила: – А ты соедини».) (Дневники. 1918–1919. С. 519; РГАЛИ).

[17] *...вечером Голубой стоит у окна.* – Метафизика голубого и синего цветов играет важную роль в поэтике Пришвина (рассказы «Иван Осляничек», «Голубое знамя», роман «Кащеева цепь», поэма «Фацелия»). В данном случае «Голубой» отсылает к христианскому пониманию света (Ин. 1: 5) – Бог есть свет – и таким образом наполняет метафизическим смыслом связанный со светом голубой цвет. Ср. в автобиографическом романе «Кащеева цепь»: «Тогда показалось <...> будто кто-то третий тихим гостем явился сюда и стоит. – Кто это? – Кого ты видишь? – Вон, Голубой! – Ах, это уже рассветает. – Но отчего же там голубое? – Это всегда так, весной на рассвете так голубеют снега. – Мне показалось, будто кто-то вошел <...> Гость пришел не один, с ним вместе с голубых полей смотрят все отцы от Адама с новой и вечной надеждой: "Не он ли тот мальчик, победитель всех страхов, снимет когда-нибудь с них Кащееву цепь?!"» (Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 77).

[18] ...(*ее зовут Валерия Дмитриевна*). – Так появилась в жизни Пришвина Валерия Дмитриевна Лебедева, его будущая жена, верный друг и помощник.

[19] *...бесследно проходящая юность.* – Имеется в виду роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко» (1894).

[20] *...записывал этапы моей первой любви <...> я сам по собственному желанию сделал ее Недоступной...* – имеется в виду «парижский» роман с Варей Измалковой, отношение к которой у Пришвина приобретало некоторый символистский подтекст: поиск сказочной Марьи Моревны, недоступной («*будь она доступна, я стал бы сам создавать из нее Недоступную*») и нереальной («*любил всю женщину мира, всю Дульсинею», не замечая «обиженную обезличением Альдонсу*»), той, которая позднее в Дневнике будет именоваться Версальской девой, Невестой, Прекрасной дамой, а в лучшем случае Варей, противостоящей реальной Варваре Петровне.

[21] *...возвращаются блудные дети его.* – Лк. 15: 11–32.

[22] *...другие, как Лев Толстой...* – см. статью Розанова «Семья как религия» (1898), написанную по поводу повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» (1889) (*Розанов В. В.* Собр. соч. В мире неясного и нерешенного. М.: Республика, 1995. С. 74. Указано А. Медведевым).

[23] *...Розанов, чувство семьи трансформирует в чувство поэзии...* – о семье как вдохновляющем источнике своего творчества Розанов писал в «Уединенном» и «Опавших листьях» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 95, 169, 464. Указано А. Медведевым).

[24] *...как Лермонтов, являются демонами семьи...* – аллюзия на поэму М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839), в которой семье противостоит сложное демоническое искушение.

[25] *...разрушителями (Гоголь)...* – ср. розановские размышления о «половой загадке» Гоголя (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 417. Указано А. Медведевым).

[26] *...чувство семьи бесспорно <...> Аксаков...* – имеется в виду мемуарно-автобиографическая трилогия С. Т. Аксакова «Семейная хроника» (1856), «Детские годы Багрова-внука» (1858), «Воспоминания» (1856).

[27] *...торфушки...* – профессия сезонных работниц-торфяниц, которые весной работали на подготовке торфа, а летом и осенью на просушке, появилась в 30–40-е гг. XX в.

[28] *Через Бориса Дмитриевича...* – имеется в виду Борис Дмитриевич Удинцев, племянник Мамина-Сибиряка, библиограф, который после возвращения из ссылки (1936) работал в Литературном музее. Он был другом юности Валерии Дмитриевны Лебедевой (Лиорко) и порекомендовал ее Пришвину в качестве секретаря.

[29] *...Чарушин <...> зарисовывая движения животных...* – Е. И. Чарушин иллюстрировал множество известных детских рассказов Пришвина, таких как «Еж», «Предательская колбаса», «Ярик», «Первая стойка» и др.

[30] *...своего ничего не осталось...* – Валерия Дмитриевна родилась в 1899 г. в Витебске, где служил ее отец Дмитрий Михайлович Лиорко, а гимназию закончила в 1916 г. в Москве; в 1918 г. Д. М. Лиорко, бывший офицер, был расстрелян. В 1930 г. был расстрелян ее самый близкий друг, первая любовь Олег Поль (иеромонах Онисим); в 1932 г. В. Д. с мужем оказались сначала на Лубянке, затем в ссылке в Нарыме (Колпашево), а в 1935 г. на строительстве Дмитровского канала. В 1938 г., расставшись с мужем, В. Д. вернулась в Москву; с пропиской в полуподвальной комнатке ее матери и с паспортом после возвращения были постоянные проблемы.

[31] *Старец благословил ее на целомудренную жизнь...* – ср.: «...садитесь-ка завтра на поезд и поезжайте в Зосимову пустынь — это по Ярославской дороге мужской монастырь <...> Там живет в затворе о. Алексей <...> К нему я вас и посылаю... Я увидала в руках у Михаила Александровича [Новоселова] большой медный крест, настолько древний, что вся резьба по металлу на нем стерлась от прикосновений рук и губ <...> — Поезжайте, дохните благодатью, убедитесь, что она не оставила людей <...> О. Алексей с трудом выдвинул ящик, наклонился, долго что-то искал. Наконец поднялся. В руке он держал маленький деревянный образок св. Иоанна Предтечи. — Вот тебе мое благословение на аскетическую жизнь, — сказал он и благословил меня этой иконой первого новозаветного пророка и подвижника, которая у меня сохранилась» (Невидимый град. С. 207–208).

[32] ...«*Я – бог*»... – в 1910-е гг. XX в. в Петербурге Пришвина крайне интересует религиозно-философские искания народа и интеллигенции – сектантов (хлыстов) и символистов, их парадоксальное единство. Ср.: «28 Января 1909. Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедуют теперь декаденты – Легкобытова, Мережковского, Иванова, Рябова... И процесс одинаковый: Я – бог» (Ранний дневник. С. 203).

[33] ...«*Ты – мой возлюбленный*!»... – аллюзия на стихотворение Зинаиды Гиппиус «Молитва» (1897).

[34] *«Мы» – хотел Мережковский.* – Ср.: «20 Декабря 1908. У Мережковского. Был Блок. Блок сказал, что Мережковский, как крестоносец, застрял в Риме. – Мы не донесем, – сказал Мережковский, – я знаю, мы не донесем, но другие донесут. Наш трагизм вот в чем: это не мы, но мы должны говорить – это мы» (Ранний дневник. С. 198).

[35] *...не кровью истекала природа, а словами.* – Ср.: «18 Января 1909. Лекция Мережковского о Лермонтове: <...> Он истекает словами, как кровью» (Ранний дневник. С. 202).

[36] *Мамин умирал, но в этой кузнице, для меня хотя бы ковалась та вера, которая держит меня и сейчас и [это счастье].* – Мамин-Сибиряк умирает в 1912 г., и Пришвин отмечает, что он «не сомкнулся с движением новой литературы» и новое время не задело его; существенно, что причастность Мамина-Сибиряка к традиции русской классической литературы, т. е. к прошлому, расценивается Пришвиным двояко: с одной стороны, именно это приводит к тому, что «Мамина не узнали в лицо» (т. е. к невостребованности в современности), с другой, к устойчивости в утверждении тех архетипических ценностей (дом, родина), которые, по мнению Пришвина, непременно будут снова востребованы (к примеру, архетип блудного сына – должно быть место куда возвращаться). Себя тогдашнего Пришвин ощущает блудным сыном – ищущим и уже с высоты своего теперешнего понимания культуры отмечает, что «время сказывалось, и что умирающему Мамину казалось отвратительным – символизм, то для меня было соблазном, открывающим пути во все стороны». Ср.: «Рел.-фил. общество – мастерская, где выделывались крылья поэтов» (Ранний дневник. 1905–1913. С. 289).

[37] *...с детства я был окружен теми святыми народниками...* – истоки отношения Пришвина к народничеству обнаруживаются в детстве и связаны с образом его двоюродной сестры Евдокии Николаевны Игнатовой, в юности члена народовольческой организации «Черный передел», затем учительницы в деревенской школе, построенной на собственные средства. Через нее Пришвин воспринял идеи народничества, но домашние споры взрослых о народнических идеях, а также сама жизнь и личность Е. Н., ее сомнения стали для него символом кризиса этих идей. Тем не менее в 1918 г.

в летописи своей жизни Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Дун*и*чка (орф. Автографа. – *Я. Г.*) учит любить человека (Некрасов)» (Дневники. 1918–1919. С. 519), а в 1929 г. на книге «Кащеева цепь», подаренной Пришвиным Е. Н. Игнатовой, появилась дарственная надпись: «...в первые дни моего сознания моя великая учительница Дун*и*чка внушила мне долг и любовь к природе и людям».

[38] *...меня спас мой временный, но очень страстный марксизм.* – Речь идет о периоде жизни Пришвина, когда он, будучи студентом Рижского политехникума (1894), стал членом одного из первых студенческих марксистских кружков, организованного В. Д. Ульрихом, и, в частности, занимался переводом книги А. Бебеля «Женщина и социализм». Ср.: «Никакой поэзии не было в книге "Фрау унд Социализмус", но для меня книга пела о женщине будущего» (РГАЛИ). В 1897 г. Пришвин был арестован и помещен в тюрьму города Митавы (ныне Елгава) под Ригой, а в 1898 г. был выслан на родину в Елец без права продолжать образование в России. В 1900 г. Пришвин уезжает учиться в Германию.

[39] *...для меня было соблазном...* – в 1904 г. Пришвин резко и полностью меняет свою жизнь: бросает свой университетский диплом (Лейпцигский университет, агрономическое отделение философского факультета) и профессию агронома, переезжает в Петербург, где становится журналистом и писателем. В 1909 г. писатель уже действительный член религиозно-философского общества, познакомившийся с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, А. М. Ремизовым, В. В. Розановым, А. А. Блоком и др., «*день – год в моем развитии*», отмечает он. Его Дневник этих лет исключительно интересен. Ср.: «Петербург был умственным центром России, сюда были проведены кабели огромной Империи, и здесь... кабель разорвался, сверкая всеми искрами. Религиозно-философское общество собрало сюда весь цвет, здесь мрачная жизнь Руси скрывается, и мы входим в теплицу с цветами среди зимы десятилетия мрачной реакции от 1905 года <...> Я вошел в литературные круги Петербурга, когда писатель покинул старый народный крест и радостно взял в свои руки цвет <...> Я – скромнейший участник и свидетель революционной вспышки нашего искусства – мечтаю сейчас рассеять завесу дыма, навеянную декадентством и модернизмом, и показать всем "тайны образующее" <...> Вы спросите меня, какие же цветы выросли на литературной ниве в это декадентско-революционное время? Отвечаю: никаких. А сделано очень много: нива вспахана, теперь у нас есть литература» (Ранний дневник. 1905–1913. С. 289–290, 300, 303).

[40] *Она была моей мечтой...* – имеется в виду Варя Измалкова.

[41] ...(«*бесчеловечный писатель*»). – Ср.: «*2 Ноября 1908. Вот что говорят о моем писательстве: человека нет*» (Ранний дневник. С. 182). Имеется в виду отзыв З. Н. Гиппиус: «...при всей художественности описания сам

он до последней степени отсутствует, и это делает его очерки или дикими от безмыслия, или просто-напросто этнографическими» (Русская мысль. 1912. № 5. С. 28). В статье «О “Я” и “Что-то”» Гиппиус (псевд. Антон Крайний) назвала Пришвина писателем «без личности», «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца» (Новая жизнь. 1913. № 2. С. 165, 168).

[42] *Приходила моя обезьяна...* – речь идет о писателе, геоботанике А. А. Шахове, который после встречи с Пришвиным тоже решил писать. Опубликованное в воспоминаних письмо Пришвина позволяет представить Михаила Михайловича в живом общении: «Разговор с писателем о природе вдохновил меня. Недолго думая я принялся за повесть о своем путешествии по лесным безлюдным притокам Печоры. Повесть называлась “За синими птицами”. За год перед этим появилась моя научная книга о сельском хозяйстве Печорского края, следовательно, опыт литературной работы у меня был. Я отнес повесть в журнал. Редактор прочитал ее довольно быстро <...> Он отозвался о повести хорошо, нашел ее даже талантливой, но сказал, что в печать она может пойти лишь после значительной доработки. Не все его замечания оказались мне по душе, да и пугала большая работа. Я пошел к Михаилу Михайловичу за советом. “А-а-а... – протянул он неопределенно, когда понял, зачем я пришел. – Значит, и вы собираетесь быть писателем? Да-а... Обычно я читаю только начало и конец рукописи. Для меня этого достаточно, чтобы судить о ней. А вашу повесть прочту всю. – Очень прошу, Михаил Михайлович, укажите все недостатки без стеснения. – О, об этом не беспокойтесь. Я не кривлю душой”. Через три дня Аксюша принесла мне сверток. “Посылаю Вам рукопись и книги с благодарностью, писал Михаил Михайлович. В Вашем произведении нет моста между вымыслом и правдой. Этим мостом должен быть стиль, на который Вы не обращаете внимания и пишете часто, как Бог на душу положит. Хорошая сторона – это бунт против биолого-очеркового письма, но, как всякий бунтарь, только бунтарь, Вы часто сами приходите к тому, против чего взялись бунтовать, например, Вы пишете всерьез такую фразу: “Печорский край – край огромных возможностей в настоящем и будущем”. Таких фраз, не содержащих в себе ни зерна творческого усилия, у Вас множество. Я не считаю удачным это Ваше произведение, пусть оно полежит, и Вы сами скоро это поймете, и когда поймете, то узнаете, что не напрасно трудились, потому что воспользуетесь работой как материалом. В свое время я сам увлекался “Синей птицей” Метерлинка, но уже 30 лет тому назад этот образ был публикой поглощен, и повторять его у себя я не решился, и создал свой образ “непуганых птиц”. И так надо всегда писать своими словами, не употребляя их ни одного без особого художественного контроля, приводящего к своему стилю, то есть в конце концов к собственной, единственной и неповторимой личности. Если у Вас еще есть время, то навестите меня, по телефону мы сговоримся, когда это лучше сделать. Желаю Вам

всего хорошего. Преданный вам *Михаил Пришвин.* Москва, 3 мая 1938 г.”» (Личное дело. С. 169–177).

[43] *...посмотришь «с холодным вниманием»...* – аллюзия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840).

[44] *...распространить «Погорельщину».* – Имеется в виду поэма Николая Клюева «Погорельщина» (1928). В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Клюев читал ее в квартирах знакомых литераторов, артистов, художников, что и стало в конце концов поводом к его аресту (1934). Валерия Дмитриевна встречала Клюева в Колпашеве (Нарым) в годы ссылки. Ср.: Невидимый град. С. 471.

[45] *... «и прочее время живота моего».* – Слова из просительной ектении.

[46] *... «Да воскреснет Бог!»* – начало молитвы Честному Кресту.

[47] *...принесла доказательство своей невиновности.* – В. Д. принесла письма Олега Поля. См. о нем: Невидимый град. С. 239–494.

[48] *...отказался крестик надеть для охраны себя...* – см. об этом в очерке «Мои тетрадки» (1940): «В 1919 году пришел к нам в Елец Мамонтов <...> я чуть-чуть рановато покинул свое убежище: хотя основные войска Мамонтова покинули город, части войск грабили завод настоек и пьяные убивали евреев. Рановато я вышел на улицу. Приехали подводы с десятками вооруженных киргиз, меня приняли за еврея. – Покажи крест! – Я показал паспорт. – Читать не умею, давай крест! – Ах, тот крестик... Бабушка наша принесла этих крестиков множество и на всех надела, но я отказался, и как ни уговаривали, этим способом спасаться не захотел» (Собр. соч. 1982–1986. С. 260).

[49] *...среди множества званных, я один стал избранным.* – Мф. 22: 1–14.

[50] *...жизнь дочери, посвященная матери...* – после гибели отца Дмитрия Михайловича Лиорко в 1918 г. Ляля (детское домашнее имя В. Д.) почувствовала глубочайшую ответственность за мать, которая до конца жизни Натальи Аркадьевны была основой их отношений.

[51] *...расстался с «Иной»...* – героиня автобиографического романа «Кащеева цепь», прототипом которой была Варя Измалкова.

[52] *Оставим буйным шалунам...* – строфа из стихотворения Е. А. Баратынского «Пора покинуть, милый друг...» (1821). Впервые напечатано под заглавием «К. Н. М.». Адресовано Николаю Михайловичу Коншину, командиру Нейшлотского полка и поэту, под началом которого Баратынский служил.

[53] *... «будьте как дети»...* – Мф. 18: 3.

[54] *... пойти с Аксюшей туда, куда надо...* – речь идет о церкви.

[55] *...желаю ли я победы Красной армии...* – в конце 30-х гг. XX в. расклад идеологических сил в обществе меняется: угроза войны упрощает (если не упраздняет) саму возможность выбора: Сталин или Гитлер («19 Марта 1938. ...если война <...> тогда, подняв все из прошлого, я должен буду стать за оборону. Я и сейчас за нее стою, но сейчас я писатель, мне это мешает»). В таком понимании жизни Пришвин, как и почти всегда, оказывается абсолютно одиноким в своем кругу – он записывает об Иванове-Разумнике и о себе: «25 Декабря 1939. В нашу Японскую войну [он] был за японцев, в нашу Германскую (14 г.) за немцев и теперь сочувствует англичанам» – «при царе я был за победу царя, при Сталине – за Сталина»). Но это отнюдь не означает, что он переходит на сторону государства и становится государственником («8 Мая 1938. Был человек, и его от нас “взяли”, как тигры в джунглях, бывает, возьмут человека: взяли без объяснения причины, и мы не знаем, где он»; «13 Октября 1938. Жестокость власти (“без права переписки”) безмерная невозможная – это темное пятно в нашем Союзе: для народа все, для личности – смерть») (Дневники. 1938–1939. С. 46, 493, 87, 188).

[56] *...увела и Гоголя и Толстого от их художества...* – ср.: «б/д. Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на место действия самой жизни, не становиться тем, что делает религия (<...> как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника ставить на разрешение проблемы морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромен, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он – не солнце... Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно все русским большим писателям. Это происходит от того, что посредством художества кажется нельзя сказать всего. Вот в этом и ошибка, потому что «всего» сказать невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать «все», то жизнь человека на земле бы окончилась <...> Претензия на учительство – это склероз великого искусства» (Дневниковая проза. С. 375–376).

[57] *...человек из подполья...* – аллюзия на повесть Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864).

[58] *...резиновая гора в Финляндии...* – речь идет об одном из мифов, утверждающих, что финские фортификационные сооружения (ДОТы) были покрыты толстым слоем резины и снаряды от них отскакивали; на самом деле они были защищены броневыми плитами, установленными

под углом к вертикали, что давало большое количество рикошетов снарядов при обстреле прямой наводкой.

[59] *... «Мгновенье остановись!»* – «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» – слова из трагедии Иоганна Вольфганга Гете «Фауст» (1808), ставшие для Пришвина лейтмотивом в повести «Жень-шень» (1933). Это повесть о любви, в которой обсуждаются две модели поведения, соответствующие двум моделям отношения человека к природе: первобытно-родовая («Всякий охотник поймет мое почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 602) и сложно-современная, соединяющая поэтическое («если приходит прекрасное мгновение <...> хочется <...> мгновенье сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда» (там же), т. е. остановить мгновенье – культурная традиция Гете) – с прагматично-рациональным – организация заповедника с целью добычи оленьих пантов для изготовления лекарства. Охотник противостоит поэту – но поэту, способному к осуществлению реального дела, органично соединяющему в отношении к природе традицию (культуру) и современность (цивилизацию).

[60] *...подобных Евгению (в «Медном всаднике»).* – Аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

[61] *...англичане под Москвой.* – После подписания пакта Молотова – Риббентропа Англия считала СССР союзником Гитлера и, следовательно, своим врагом, поэтому речь шла о бомбардировке Баку с целью разрушения нефтепромысловых предприятий. Этот район был в пределах досягаемости бомбардировщиков дальнего действия при условии возможности полета над территорией Турции. Планам этим не суждено было сбыться, т. к. нападение Германии на Францию в мае 1940 г. кардинально изменило ситуацию в Европе.

[62] *Эта ошибка – ее замужество...* – в 1929 г. Валерия Дмитриевна вышла замуж за их общего с Олегом друга Александра Васильевича Лебедева, чего до конца жизни не могла себе простить. Ср.: Невидимый град. 383–422.

[63] *...она бы вывела его в жизнь...* – ср.: «“4 Июля 1946. Кончилось бы это тем, что он сделался бы писателем, а не монахом, а Ляля была бы ему такой же чудесной женой-другом, как мне. Если бы не умер Олег, она бы вывела его в жизнь и для того применила бы силу женского лукавства”. Но тут я должна со всей силой возразить Михаилу Михайловичу, так не случилось и случиться так не могло: именно это “лукавство”, то есть эта женская (метафизическая) Хитрость, о которой писал и Олег (“Хитрость Софии”) не позволила бы мне “вывести Олега в жизнь”. Она не позволила бы мне никогда нарушить цельность его существа, уже бывшего не от мира

сего. И как это призвание я понимала и ценила в нем!» (Невидимый град. С. 332).

[64] *Рассказ ее из эпохи Института Слова и «Школы радости»...* – см. об этом: Невидимый град. С. 95–160.

[65] *...сон (целовала живых, как мучеников).* – См.: Невидимый град. С. 354.

[66] *Когда ее ссылали, и она сидела на вокзале за решеткой...* – См. об этом: Невидимый град. С. 444.

[67] *...подарить Минеи.* – «Четьи-минеи» (чтения ежемесячные), сборники житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями чествования церковью памяти каждого святого.

[68] *...вихрь Иродиады...* – Мк. 6: 17–28.

[69] *...Женщине дана такая сила и такая власть над людьми...* – аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875).

[70] *...для серии «Фацелия» рассказ «Любовь»...* – сюжет, всплывший из далеких глубин памяти, когда Пришвин в бытность свою агрономом в начале XX в. ездил по Клинскому уезду Московской области «по делам травосеяния», воспроизводит неожиданный разговор с попутчиком о любви; этот разговор в разных вариантах возникает в дневнике Пришвина несколько раз, пока в 1940 г. не реализуется в поэме «Фацелия». Ср.: «1 Марта 1916. Фацелия. Ехали мы с агрономом Зубрилиным осматривать клевера в Волоколамском уезде. Агроном З. <...> жизнерадостный человек, восхищенно показывал мне клевера цветущие, душистые <...> И вдруг среди красного клевера показалось небольшое лиловое поле фацелии – медоносной травы. Странный цвет в наших полях... Неожиданно спросил меня З.: - Сколько вам лет? Я сказал. И он продолжает: – Теперь уже кончено: о н а... – И вдруг зарыдал. Мы остановили лошадей. Он все продолжал рыдать. Сбегал кучер за водой. Он выпил, оправился и стал разговаривать о какой-то сенокосилке новой конструкции. Так это и кончилось, и прошло, и тайна этого <...> семейного человека <...> исчезла и осталась на лиловом поле фацелии среди душистых клеверов с их сладким запахом» (Дневники. 1914–1916. С. 283). Эта дневниковая запись является первоначальным вариантом поэмы «Фацелия» (начало первой части книги «Лесная капель». Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 7–9), в которой трансформация образа утраченного счастья осмысляется через развитие цветовой символики: лиловое поле фацелии становится синим от «синих птиц из далекой страны» – в силу смещения от лилового к синему с аллюзией на пьесу М. Метерлинка «Синяя птица» (1909) символ цвета получает общекуль-

турное наполнение. Завершающая поэму «Фацелия» строка «Вся жизнь, одна ли, две ли ночи» из стихотворения А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) подтверждает значимость литературного контекста. Также ср.: «28 Августа 1935. Давно я не видал таких снов – откликов моей личности на встречу с ней (Измалковой. – *Я. Г.*) почти 40 лет тому назад: ведь сорок лет из года в год непременно снилась. После этого разве я не поэт? А фацелия с пчелами и рыдающий агроном Зубрилин? (слова его: – И ведь больше никогда, никогда не придет!)... Неведомый друг! Как глубоко он скрывается, как невозможно трудна наша встреча! Писать именно и надо об этом...» (Дневики. 1932–1935. С. 775–776).

[71] *...увидел колокольню без колоколов...* – в 1930 г. Пришвин, оказывается свидетелем уничтожения колоколов Троице-Сергиевой Лавры. Ежедневно он фотографирует происходящее и пишет об этом в дневнике. Ср.: Дневники. 1930–1931. С. 5–32, а также фотоальбом «Когда били колокола...» (М.: Идрик, 2011).

[72] *...я не поеду искать дупло, в котором спрятана рукопись...* – незадолго до ареста в 1930 г. Олег Поль (в постриге иеромонах Онисим) спрятал рукопись своей работы «Остров достоверности» в дупле какого-то дерева на Красной поляне на Кавказе.

[73] *(Читать письма).* – Речь идет о письмах Олега.

[74] *...тут с Лялей мой Египет: святая природа.* – В разные годы и по разным поводам Пришвин обращается к В. В. Розанову, одному из самых близких ему в русской культуре писателю и человеку, явно или скрыто цитируя его. Ср.: «3 Июня 1938. С полден из лесу, подоив там своих коров, шли женщины, и говорили они о пустяках, но знали все, потому что все они рожали детей, а некоторые имели уже и внуков. Знали они всю подноготную жизни, и в то же время Земля, наша планета, конечно, для них была плоскостью, полом дома, солнце для них двигалось по небу как огненный шар. 6 Июня 1938. См. выше где-то описание хода женщин с полден, которые "все знают": так вот у них же и Египет, о котором писал Розанов, т. е. от этих молочниц взял Розанов свой Египет и узнал его в образах Древнего Египта». «Коперниковское» открытие Розановым темы пола в конце 1890-х гг. повлекло его историко-культурное погружение в древние восточные культы, «египетские секреты». В «повороте к египетским коровам», «положительно абсолютной» цивилизации Древнего Египта Розанов видел преодоление кризиса безбытийной, «афизиологичной» христианской цивилизации. В 1916–1917 гг. он начал издавать по выпускам книгу «Из восточных мотивов», посвященную Древнему Египту как «корню» всей мировой цивилизации. Уже умирая, Розанов «жаждал» завершить эту книгу: «А работа действительно изумительная. Там есть масса положительных открытий, культ солнца почти окончен» (*Роза-*

нов В. В. Письмо к Н. Э. Макаренко от 20 января 1919 г. // Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 528). П. А. Флоренский считал, что эта книга является «розановским Святая Святых». Древнеегипетская культура, «религия Отца миров и Матери миров», которую Розанов переживал главным образом визуально (через египетскую живопись и скульптуру), в силу своей ярко выраженной органичности стала ключевым источником в его онтологическом мифотворчестве пола, семьи, чадородия, материнства. Онтологию пола, которая питалась у Розанова личным переживанием, он проецировал на древнеегипетскую мифологию, узнавая в ней свой личный опыт: «Я вдруг увидел *все, все, о* чем мечтал, думал, томился. И “на египетское солнце” я взглянул “как на родное себе”. Все, все, все – весь Египет – я открыл внутри себя. Это есть самое поразительное и “Бог меня привел”. Но он привел и *постепенно приводил* именно от чрева матери, и от шалфея, и от спринцовки» (*Розанов В. В.* Письмо Э. Голлербаху от 8 августа 1918 г. // Розанов В. В. Собр. соч. В нашей смуте. М.: Республика, 2004. С. 355). Розановский миф о корове, мечта припасть к ее сосцам, в котором отчетливо проступает египетский культ коровы и молока как архаических символов плодородия, изобилия, благоденствия (выраженных, в частности, в изображении фараона, сосущего в виде младенца молоко Небесной Коровы), основан и на личных наблюдениях Розанова за дойкой коров: «Какое счастье припасть ртом к Матери-природе, и установившись плечами между ног 3-х годовалой телицы, пить молоко из нее без посредства этих глупых кувшинов. Сладко ли будет ей самой это? Я замечал как бы задумчивый экстаз (полная неподвижность) коров, когда их доят крестьянки в поле» (*Розанов В. В.* Эмбрионы. Корова и яблоки (1902) // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. Ст. 1563). Проекция материнского мифа Розанова на древнеегипетскую живопись проявляется в его восприятии Исиды, кормящей грудью Гора, изображение которой Розанов объяснял обожествлением египтянами материнства: «Тут есть мысль: “Ничего прекраснее женщины, кормящей грудью младенца своего, не будет”. Бог сказал. И люди сказали: – Да» (*Розанов В. В.* Собр. соч. Возрождающийся Египет. М.: Республика, 2002. С. 75–76, 176). Изображения египетских богинь с диадемой из коровьих рогов на голове стали визуальным символом розановского мифа о корове-матери. (Комментарий А. Медведева.)

Ср. также: «11 Мая 1952. Трясогузка бегала у нас по огороду, и я вспомнил Розанова в его духовном общении с египтянами: так у них трясогузка была та же самая, но почиталась как священная птица. Вот я думаю, Розанов воскресил сие египетское древнее, и ему казалось все существующее мелким и глупым до того, что он правой рукой “правым” писал, левой же – “левым”» (РГАЛИ).

[75] *Прочитал Ляле «весну света»...* – речь идет не об одноименном рассказе Пришвина «Весна света» (1938), а о записях, которые вошли в книгу «Лесная капель» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 88–89).

[76] *(«Охотник, охотник, отчего ты не схватил ее за копытце»).* – Рефрен, часто сопровождающий воспоминания о первой любви к Варе Измалковой и возникший после поездки Пришвина на Дальний Восток. Ср.: Жень-шень // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 676. См. также коммент. 59. (С. 782 наст. изд.)

[77] *...сравнивать с женой Белого Клавдией Николаевной <...> обе в канонах, одна антропософка, другая православная...* – речь идет о второй жене Андрея Белого К. Н. Васильевой, которая, как и А. Белый, была последователем Р. Штейнера и членом Русского антропософического общества (основано в 1913).

[78] *...«люблю ли ее – я не знаю...»* – строки из стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно... » (1851).

[79] *Два года жизни...* – имеется в виду Михаил Сергеевич Успенский, который работал в той же школе, что и Валерия Дмитриевна и который временно прописал ее в своей квартире, чем, конечно, спас; однако эта ситуация ее крайне тяготила, так как М. С. надеялся на брак с ней. Ср.: Невидимый град. С. 485–490.

[80] *...похожим на того сапожника, который пожалел Ангела...* – аллюзия на рассказ Л. Н. Толстого «Чем люди живы» (1881).

[81] *...на острие ножа, воткнутого в сердце...* – ср.: Пастернак Б. «Свидание» (1949): «Как будто бы железом, / Обмокнутым в сурьму, / Тебя вели нарезом / По сердцу моему <...> И оттого двоится / Вся эта ночь в снегу, / И провести границы / Меж нас я не могу».

[82] *...шестикрылый серафим на перепутье мне явился... страницы злобы и порока.* – Контаминация строк из стихотворений А. С. Пушкина «Пророк» (1826) и М. Ю. Лермонтова «Пророк» (1841).

[83] *...Звезда вечерняя моя...* – строка из стихотворения К. Бальмонта «К Мэри» (1918).

[84] *...невозможное положение для Валерии.* – По-видимому, имеется в виду отсутствие паспорта.

[85] *...мой мезальянс, по словам Герцена, посеянное несчастие.* – Ср.: Журавлиная родина (Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 55).

[86] *...корабль свой в Дриандию...* – аллюзия на рассказ Пришвина «Весна света» (1938). Ср.: «Лужи быстро везде замерзали. Одну я попробовал ткнуть ногой, и стекло разлетелось вдребезги с особенным звуком: др...

др... др... Бессмысленно, про себя, как это бывает у стихотворцев, стал я повторять этот звук, прибавляя подходящие гласные: дра, дря, дри, дриан. И вдруг из этой бессмысленной дряни вышла сначала любимая моя богиня Дриада (душа дерева, лес), а потом и Дриандия, желанная страна, в которую еще утром при звездной пороше начал я свое путешествие. Я так этому обрадовался, что несколько раз вслух, пробуя на звучность, повторил, ни на кого вокруг не обращая внимания: — Дриандия.» Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 568.

[87] *...запись в 1916 г. о том, что я построю дом в Хрущеве и покину эту семью...* – ср. «*29 Декабря 1915.* Семейные сцены проносятся как ураганы в пустынях: но дети, как лес в пустыне – защита от ветра пустыни. Как в голой пустыне показывается на синем небе прозрачным призраком облако счастья, а из этого облака как раз и вырастает ураганная туча. Так и тут какая-нибудь мелочь (упорно, несмотря на все просьбы не пришиваемая пуговица) вдруг переносится в какой-нибудь мир хороший, где пуговицы всегда пришиваются, кажется, что там не должно этого бывать. И вот из этого воображаемого мира счастья рождается раздражение и упрек, а в ответ из женских уст сыплется тысячи «нелогичностей», как камни из вихря засыпают домик жизни. Ураган! И потом... вот это самое удивительное (характер матери) – все слетает, проносится и как ни в чем не бывало. <...> Жизнь трещит по всем швам. Что бы ни было, надо терпеть до устройства хутора. Устрою, а потом, может быть, и прощусь: пусть живут, а я отправлюсь странствовать» (РГАЛИ).

[88] *...нашел в 16 г. запись о фацелии...* – см. коммент. 70. (С. 783 наст. изд.)

[89] *...приедет <...> за «Мазаем».* – «Мазаем» называет Пришвин свой «дом на колесах» («У меня для долгих странствий была оборудована грузовая машина. Одно издательство ее списало, а я приобрел за счет гонорара. Там у меня кузов был превращен в “квартиру” из четырех “комнат”. Рабочий кабинет – раз, спальня – два, фотолаборатория – три и закуток для собак – четыре» (Личное дело. С. 269). В 1938 г. на этой машине Пришвин совершил путешествие по «некрасовским» местам под Костромой во время весеннего разлива. По материалам путешествия была написана книга «Неодетая весна» (1940).

[90] *...все будет изложено по пунктам.* – Черновик письма Ф. К. Чувиляеву (вложен в дневниковую тетрадь), к которому Пришвин обращается с просьбой о помощи в решении семейной проблемы: «7 апреля. Дорогой Федор Куприянович, с самого начала попытки моей создать новую жизнь с женщиной, которая стала моей фактической женой, законно оформленная жена моя Е. П. стала во враждебные и угрожающие отношения. Сыновья мои Лев и Петр поддержали мать свою, и я остался один, не имея даже

возможности спокойно объясниться с раздраженными людьми. Вот почему я решился просить Вас выслушать меня и, если окажется возможным, в свою очередь, сделать попытку убедить моих сыновей, что они имеют дело не с бессовестным человеком, а, напротив, искренно желающим им добра и очень внимательным.

Переменить свою жизнь, с целью выйти из узкого и пережитого мною источника охотничьих впечатлений, изображения животных, природы вообще, я решил еще три года тому назад и, представив соответствующие аргументы т. А. С. Щербакову, получил квартиру в Лаврушинском 17/19. Зная, что жена моя Е. П. в этой новой городской расширенной жизни не только не может мне в чем-либо помочь, но что для нее же самой, с малолетства в провинции и деревне и тишине, моя городская жизнь будет убийственна, я размежевался с ней в отношении имущества. По дарственной с моей стороны она получила мой дом в Загорске со всеми надворными постройками, крупным участком возделанной огородной земли, стоимостью в 1939 году не менее 50–60 тысяч. В то же время на имеющиеся от гонораров за литературные работы средства я обставил свою квартиру хорошей мебелью, ценностью в 25. (Имею оправдательные документы.) Так совершился у нас фактический раздел имущества, начавшийся устройством моей квартиры в 1937 году и дарственной на Загорский дом в 1939 г.

Вам известно, Федор Куприянович, что намеченный мною образ жизни на материальной основе [означенного] раздела удовлетворял весь состав моей семьи. Прописанные у меня в Москве Е. П. и сын Петя для оправдания жилплощади, необходимой мне для архива, лаборатории, приема посетителей, приезжали два-три раза в год для семейных праздников. Я же приезжал в Загорск раз в шестидневку для охоты с сыновьями зимой, питал своими средствами хозяйство Е. П., расширял дом пристройками и хозяйство полезным любительством, вроде пчеловодства, и в самые последние дни – птицеводства. Вам также известно, что Е. П. никогда не оставалась в доме без прислуги и проживающих в ее доме девушек, родственниц с ее Смоленской родины.

Моя новая фактическая жена была моим секретарем, и мы с нею вместе работали как над моими архивами, так и над текущей литературой, вовсе и не думали в чем-нибудь нарушать общий ход жизни моей семьи и оформить наш фактический брак и большую дружбу. Я рассуждал так, что Е. П., старая женщина под 60 лет, с которой я давно уже не могу состоять в брачных отношениях, обеспеченная средствами, вниманием, хорошим отношением к себе сыновей, ни в коем случае не будет в претензии, если узнает о моих отношениях к какой-нибудь женщине, более близких, чем к литературному секретарю.

Но оказалось, я ошибся. Узнав стороной, что я в Москве живу с какой-то женщиной, она возмутилась, созвала сыновей и сумела убедить их, что я в отношении ее являюсь преступником. В самый разгар моей литературной работы, она, постоянно проживая в Загорске, имея там собственный устроенный дом, явилась в Москву, заняла свою "жилплощадь" и своими

истерическими выходками с утра до ночи, с постоянными угрозами повеситься, сразу же прервала во мне литературную работу. Весь состав кремлевских врачей, от терапевтов до психиатра проф. Краснушкина, не нашел в ней кроме атеросклероза, истерии и т. п. никаких особенных болезней, мешающих человеку жить и работать. На предложенный проф. Краснушкиным кремлевский санаторий она отказалась, и также отказалась от ухода сестры, которую я предложил ей через проф. Краснушкина. Теперь, постепенно придя в себя от пережитого аффекта, она вместо того, чтобы ехать в Загорск и приступить к какому-то делу, переехала в лучшую комнату, занятую моими архивами, и объявила, что она из этой комнаты никуда не уедет и если даже поедет в Загорск, то скоро приедет и будет опять лечиться.

Месяц жизни в таких условиях, во время благоприятнейшего моего месяца для творчества, я потерял здоровье, расстроил свои дела, целый ряд договоров, напр., о детском календаре и других, я должен был расторгнуть и возвратить авансы. Еще немного недель такого состояния, и я могу сделаться вовсе неспособным чем-нибудь помогать...

В этих условиях я предложил ей:

1) Уехать в Загорск и заняться выполнением работ в саду.

2) Для ее лечения в Москве предоставить ей вместо моей квартиры две малых [комнаты] в другом доме в очень спокойной и теплой квартире.

3) Ежемесячно навещать ее в Загорске и платить 500 р. в месяц.

Прямого согласия и на эти условия я не получил, напротив, со всех сторон слышу, что она всем заявляет: “Из этой комнаты я никуда не пойду, я больна, пусть лечит, в советском гос-ве нет закона, чтобы бросить больную” и т. п.

Таково фактическое положение вещей, Ф. К., и вот что Вам следует внушить моим детям, с которыми вследствие их раздраженности я не могу говорить:

1) Выступление Е. П. против моих отношений к новой женщине мотивируется тем, что я будто бы человек увлекающийся, новая женщина может завлечь меня, завладеть моим имуществом и бросить. Вследствие этого она и стоит будто бы на страже моих интересов.

Надо убедить Е. П-у в том, что эта ее претензия на опеку ни на чем не основана, п. что все ее имущество до последней нитки происходит исключительно от моего труда, в котором они не принимали и не могут принимать никакого участия. Убедить ее надо в том, что эта опека вытекает из ее мнимого права на мою личность, что по советскому закону каждый гражданин свободен начинать новую жизнь. И если бы так было, то мы вернулись бы к худшим временам Домостроя.

2) Она имеет претензию на мои вещи, на то, чтобы “все пополам” разделить. На это я возражаю, что фактический раздел я уже сделал, притом с огромным перевесом в ее пользу. Допустим, что мы теперь будем делиться по суду. Тогда, в первую очередь, исчезнет сила дарственной, и Загорск делится пополам. Подсчитаем же, что она потеряет, если не примет мое предложение:

Мое предложение: Дом в Загорске: 70000. Месячная рента с меня мин.: 500 р. Жилплощадь в Москве.

Раздел по суду: Половина дома 35000. От ренты откажусь.

Жилплощадь – та же самая, которую я предлагаю, п. что никакой суд не оставит в одной квартире жить и мешать новой жизни враждебно настроенную женщину. Кроме же этого, после такого суда мое положение в общественном мнении не ухудшится (я жену кнутом не стегал). Но положение сыновей, мешающих свободной жизни отца-писателя, может быть скомпрометировано.

Вот еще, что нужно вам внушить сыновьям. Это, чтобы они вникли не только в материальную сторону, но и в духовную. Ведь если они так решительно становятся на сторону матери, то почему же им, взрослым людям, не взять ее под свою охрану? Она же им мать. Почему они требуют всего со стороны писателя, имеющего обязанности прежде всего к литературе, и, отвергнув с презрением его помощь, не поспешат защитить свою мать?

В заключение я советую сделать таким образом. Пусть они в ближайшее же время выберут своего судью, такого же, как Вы, напр., нашего родственника А. М. Коноплянцева, передадут ему все свои претензии. Вы же с Коноплянцевым вынесите окончательный вердикт, и я ему подчинюсь.

Повторяю, что при отказе от моего этого предложения, я вынужден буду действовать официально и готовлюсь выпить эту горькую чашу решительно, и в отстаивании свободы своей личности быть безжалостным и беспощадным».

[91] *...это не Чертков и не о. Матвей.* – Речь идет об издателе, редакторе, душеприказчике Л. Н. Толстого Владимире Григорьевиче Черткове и о духовном наставнике Н. В. Гоголя протоиерее Матфее Константиновском, чье духовное влияние на жизнь и творческую судьбу обоих писателей и в настоящее время вызывает горячие споры и обсуждается литературоведами.

[92] *...похож на царя Аггея...* – «Повесть о царе Аггее и како пострада гордостию» // *Афанасьев А. Н.* Сказания, легенды и притчи. http://pritci.ru/publ/26-1-0-499

[93] *...чувствовал себя на войне в качестве писателя...* – в годы Первой мировой войны Пришвин дважды ездил на фронт в качестве военного корреспондента (Дневники. 1914–1917. С. 96–124, 144–162).

[94] *...(смертию смерть поправ).* – Слова из пасхального песнопения «Христос воскрес из мертвых».

[95] *...своего рода воскрешение мертвых.* – Аллюзия на идею русского религиозного мыслителя Н. Ф. Федорова, выраженную в его статьях, посмертно опубликованных в книге под названием «Философия общего дела»

(1906; 1913). Ср.: «9 Октября 1938. У Федорова в учении “Общего дела” ничего нет больше, чем в Евангелии» (Дневники. 1938–1939. С. 182).

[96] *«Хлеб наш насущный даждь нам днесь».* – Прошение из молитвы Господней.

[97] *...собиралась постричься...* – время от времени после гибели Олега в трудных жизненных обстоятельствах Валерия Дмитриевна возвращалась к идее монашеского пострига – пути, которого хотел для нее Олег, что сделало бы возможным для них «белый брак» в русле идей Владимира Соловьева.

[98] *...необходимость в очень скором брачном оформлении Ляли.* – Речь идет о необходимости получения паспорта Валерией Дмитриевной.

[99] *...в советской власти вечности нет».* – Ср.: «Вы это судите по старому режиму, а в наше время нынче разрешили, завтра отменили или так повелели, что сам не захочешь решенного, вы не смотрите на старое: в советской власти вечности нет» (Журавлиная родина // Собр. соч. 1982–1986. С. 124–125).

[100] *Розанов <...> мне говорил <...> духовенство наше бездарно в отношении поэзии.* – Подробнее об этом: *Розанов В. В.* О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира. Доклад, прочитанный на заседании Религиозно-философского общества 21 ноября 1907 г. // Розанов В. В. Собр. соч. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С. 420–421. (Указано А. Медведевым.)

[101] *«Имущему дается, у неимущего отнимется»...* – Лк. 19: 26.

[102] *...как к «очарованному страннику»...* – аллюзия на повесть Н. С. Лескова «Очарованный странник» (цикл легенд о русских праведниках, 1872–1873).

[103] *...рассказал о превращении Александра Добролюбова.* – По-видимому, речь идет о судьбе поэта-символиста А. М. Добролюбова, который в 1898 г. отрекся от декадентских идей и в крестьянской одежде, с посохом в руках бродил по северным деревням, записывая народные песни, заклинания, плачи и сказания; в 1903 г. в Поволжье основал секту «добролюбовцев», известную введенным им обетом молчания.

[104] *...разговор о романе моем с Козочкой...* – Козочкой называет Пришвин в дневнике Софью Васильевну Ефимову, дочь его соседа по дому в Петербурге на Васильевском острове, где Пришвин в революционные годы снимал квартиру. С С. В. у него был платонический роман. Ср.: Цвет и крест. С. 34–35, 45–46.

[105] *(...отказ мой от физич. любви).* – В разные годы Пришвин называет это свое качество в отношениях с женщинами «физическим романтизмом».

[106] *...рассказ «Альпинист и осел».* – Ср.: «5 Марта 1937. “Альпинист”. Когда поднимается на гору, то смотрит на себя как на осла: это нужно, это бремя он берет на себя и тут встречается с подпольным “Я”, с той “задней мыслью”, которая таится у осла за ушами. Эту заднюю мысль, ослиную, каким-то образом надо преодолеть в себе, чтобы обрадоваться достигаемой высоте. Творчество именно в этом и состоит: выйти за пределы ослиного “Я” и делать, “не работая”. Вопрос: как надо жить, чтобы от ослиной работы перейти к той высоте, где не работают? Ответ: надо ослиное бремя жизни, труда взять лично на себя по примеру Христа <...> Возможно при этом, что и не сам ты взял бремя, а кто-то за тебя это сделал и освободил тебя. Некоторые недовольны тем, что осел имеет заднюю мысль за ушами, но как же ему не иметь ее, если он взял на себя бремя, освободил человека, а тот кричит на него и бьет палкой... <...> Удивляешься большим художникам, как Репин, Суриков – как они могли за короткую человеческую жизнь столько наработать. Загадка разрешается тем, что они не работали: им даром давалось. И вот именно в истории культуры человеческой весь труд пропадает бесследно и остается только то, что выходило даром <...> Осел презрительно называется ослом не за ум: у него ума довольно, вообще осел – умное животное. Нет! мы называем презрительно ослом того, кто несет свое жизненное бремя не свободно, а имеет за своими ослиными ушами какую-то заднюю мысль, злую, с претензией за свой ослиный труд получить признание как за творческий» (Дневники. 1936–1937. С. 480).

[107] *...тема с эпиграфом из Мопассановой «Постели».* – По-видимому, имеется в виду рассказ Мопассана «У постели» (1886).

[108] *Ляля врала...* – известно, что в таких случаях В. Д. говорила, что отец погиб на войне, а о своем заключении не упоминала.

[109] *(23 мая, Михаил).* – 23 Мая – по старому стилю в день св. Михаила Черниговского Пришвин праздновал свои именины; в этот же день именины Ефросиньи Павловны.

[110] *...написать Молотову (о машине).* – В тексте есть черновик письма Молотову: «Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович, Вам, конечно, известно, что значит для меня, писателя, общение с природой. Но, может быть, Вы не знаете, что для эффективного общения мне также необходимо быть в городе. Теперь я переехал в город, но связь с природой обычным путем при моем возрасте мне стало трудно поддерживать. Очень прошу Вас прийти на помощь моему делу и разрешить мне приобрести за свой счет легковую машину М-1».

[111] *...немцы подошли к Парижу...* – в мае германские войска начали массированное наступление на Францию, Бельгию и Голландию. Голландия и Бельгия были мгновенно оккупированы; 22 июня капитулировала Франция.

[112] *...а потом страдания все разрушили...* – жизнь В. Д. (Ляли Лиорко) после революции резко изменилась: в 1918 г. – расстрел отца Д. М. Лиорко, в 1930 г. – расстрел самого близкого ей человека Олега Поля, в 1932 г., – арест по делу ИПЦ, заключение на Лубянке, ссылка в Нарым (Колпашево), три года работы на Дмитровском канале, после чего безуспешные попытки прописаться у матери в Москве и получить паспорт; в течение всех лет постоянная борьба за здоровье матери и служба в сменяющих друг друга конторах.

[113] *...Олег говорил о таком удивлении, что оно свойственно девочкам, что это св. София чертит свои узоры...* – ср.: «Истинное знание о твари доступно женщине. Мужчина может получить его не иначе, как через женщину. Первое знание, софийное знание, раскрывается в ней в детстве. Девочке – не всякой, конечно, а по преимуществу мечтательной – в некоей мере доступно зрение игры Премудрости Божией, которая имела место при создании мира. Бог, замыслив идеи существ, предоставил св. Софии облекать их в образы. Этот мир первообразов воспринимается, как область чистой фантазии; но фантазия это не есть нечто нереальное, воздушное, а касание той первой фантазии, ни от кого не заимствовавшей своих образов, с помощью которой св. София начертывала рисунки вселенной в своей древней творческой игре. Как ни мало бывает прозрение в этот мир, оно наполняет душу особенным удивлением, свойственным только детям и ангелам. Именно об этом удивлении и сказал Спаситель, что надо принимать Царство Божие, как дитя» (*Поль О.* Остров Достоверности // Архив В. Д. Пришвиной).

[114] *«Лесная капель» – материал собран...* – лирическая книга «Лесная капель» возникла из дневниковых записей и состоит из получивших названия миниатюр, организованных в циклы. Лирико-философские миниатюры о любви первого цикла «Фацелия» определяют настроение, мотивы и смыслы всей книги, в которой любовь к женщине расширяется до природы, родины и мира в целом. Исповедальный авторский монолог переводит субъективный опыт любви в культурный контекст. В 1940 г. в журналах «Новый мир» (№ 9), «Смена» (№ 9) печатаются отрывки из «Лесной капели». Однако вскоре в «Новом мире» (№ 11–12) появляется статья С. Мстиславского «Мастерство жизни и мастер слова», в которой упреки в аполитичности и несвоевременности писать о «цветочках и листиках» соседствуют с утверждением, что творчество Пришвина является «органически и непримиримо чуждым мироощущению человека, живущего подлинной, не отгороженной от борьбы и строительства жизнью»

(с. 272). Публикация «Лесной капели» была приостановлена. А в 1943 г. совершенно неожиданно для Пришвина «Лесная капель» была издана. Ср.: «4 Ноября 1943. Прихожу в “Советский писатель”, там мне говорят, что книжка моя о радости, “Фацелия”, напечатана. “Война на носу, – говорили о ней, – а он радуется”. Теперь же понадобилась радость, и книжку напечатали, и в ней о войне ни слова, как будто она давно кончилась» (РГАЛИ). Ср.: А. И. Солженицын в письме от 23 октября 1948 г. писал своей первой жене Н. А. Решетовской из тюрьмы – Марфинской «шарашки»: «Прочти “Фацелию” Пришвина – это поэма в прозе, написанная с задушевностью Чехова и русской природы, — ты читала ли вообще Пришвина? Огромный мастер. В этой “Фацелии” очень красиво проведена мысль о том, как автор — поэма автобиографична – самое красивое и ценное в своей жизни только потому и сделал, что был несчастлив в любви (...) Прочти, прочти обязательно. Вообще читай хороших мастеров побольше – ни одна их книга не проходит бесследно для души» (Человек. 1990. № 2. С. 151).

[115] *...у них «все куплю», а у него «все возьму».* – Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Золото и булат» (1827, перевод анонимной французской эпиграммы).

[116] *...ничто человеческое мне не чуждо.* – (*лат.* Homo sum, humani nihil a me alienum puto) — фраза из комедии римского писателя Теренция «Самоистязатель» (1, 1, 25), которая является переделкой комедии греческого писателя Менандра.

[117] *(Настасья Филипповна из Достоевского).* – Одна из главных героинь романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868).

[118] *Получаю М-1.* – ГАЗ-М-1 («Эмка») — советский легковой автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе с 1936 по 1943 г., был создан на базе одной из моделей автомобиля Форд 1933 г. — Ford-V8-40. Внешне «Эмка» отличалась облицовкой и колесами, внутри вместо мотора V8, как у Форда, стоял двигатель ГАЗ-М, копия мотора от Ford-BB.

[119] *(Покойный о. Даниил <...> сказал <...> с восторгом: «мы – цари!»)* – Кавказский пустынник о. Даниил, о котором Пришвин узнал из рассказов В. Д. и писем Олега Поля, арестованный вместе с Олегом в 1930 г. и расстрелянный. Ср.: «“Мы – цари”, любил говорить о. Даниил, угощая нас “рябчиками” (так называл он блины на закваске, которые были высшей роскошью трапез) и повествуя о трудной, полной жесточайших лишений и опасностей жизни монахов-пустынников» (Невидимый град. С. 309–316).

Эту его привычку записывать мелькнувшую во время молитвы мысль «углем на стене кельи», подхватил Пришвин.

[120] *Ересь гнушения браком...* – гнушение браком в христианской церкви на самом деле считается ересью. Брак как естественный и необходимый союз мужчины и женщины был благословлен самим Иисусом Христом (Брак в Кане Галилейской, Ин. № 1-11) Необходимость и богоугодность брака не раз подчеркивали апостолы. Так ап. Павел в Первом послании Коринф. писал «Ну если не могут воздержаться, пусть вступают в брак ибо лучше вступить в брак нежели разжигаться. (7;10-11) а вступившим в брак не я повелеваю а Господь: Жене не разводиться с мужем... и мужу не оставлять жены своей... А в послании к евреям (13:4) апостол пишет: «Брак же у всех да будет честен». (Указано С. Воробьевым.)

[121] *Татьяна любила Онегина: это любовь. Но... – она любила и Гремина...* – аллюзия на оперу П. И. Чайковского «Евгений Онегин» (1877–1878).

[122] *... закончена книга: Мой дом.* – Рабочее название «Лесной капели».

[123] *Искусство и любовь это самый край бездны, на котором бьются между собой Конец и Начало.* – Свою любовь В. Д. и М. М. пытались осуществить как совместное духовное творчество, как радостное делание, строительство иного мира здесь, на Земле, осуществить любовь, противостоящую смерти. Выражаясь современным языком, их любовь и жизнь как до встречи, так и после была пронизана стремлением превратить реальность в смысл – жизнь в текст, противопоставить энтропийной модели мира семиотическую (В. Руднев). Это проходит лейтмотивом не только через весь Дневник 1940 г., но и через Дневник Пришвина от первого до последнего слова, через все его творчество. И это же является самым главным для Валерии Дмитриевны от первых проблесков сознания в детстве до конца жизни и пронизывает ее автобиографический роман «Невидимый град». Ср.: «Человек семиотического поведения, то есть такой человек, который строит свою жизнь как сообщение, как текст, воспринимает свою будущую смерть не как конечное состояние, не как следствие причинного процесса, не как окончательное увеличение энтропии, не как результат движения от менее вероятного состояния к более вероятному, но как цель, окончательное исчерпание энтропии <...> Смерть для него в этом случае представляет собой скорее рождение. Именно таким является этическое религиозное сознание, приписывающее миру творца, автора, то есть подразумевающее исторический телеологизм и тем самым отрицательное движение от смерти (физиологического рождения) к истинному рождению (физиологической смерти)» (*Руднев В.* Винни Пух Жив! (Предисловие к четвертому изданию) – Винни Пух и философия обыденного языка. Милн А. Winnie Пух, Дом в Медвежьем углу / Пер. с англ. Т. А. Михайловой и В. П. Руднева. М.: Гнозис, 2010. С. 8).

[124] *...новый закон о рабочем дне...* – имеется в виду указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на се-

мидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г.

[125] (*...возвращение к «Падуну».)* – Имеется в виду роман о строительстве Беломоро-Балтийского канала, над которым Пришвин с перерывами работал с 1932 г., который, в конце концов, получит название «Осударева дорога» (1948), будет опубликован после кончины писателя с многочисленными поправками (1957), а в 2006 г. впервые в том первоначальном варианте, который завещал к публикации Пришвин (Собр. соч. 2006. Т. 3. 227–460).

[126] *«Другой уют, другая крыша...»* – неточная цитата из стихотворения И. Уткина. Ср.: «9 Октября 1926. Новость в литературе: Иосиф Уткин написал: “Иной уют, / Иная крыша, / И тот же самый человек / Вам будет на голову выше”. Только еврей мог написать, тут весь еврей. Это всечеловечески гениально: все народы это знают, но стыдятся сказать вслух, а еврею дано. Так противно и так жизненно: с этим ничего не поделаешь. Стих останется жить, как несмотря ни на что остается жить еврей» (Дневники. 1926–1927. С. 142).

[127] *...происхождение у Руссо и Толстого, их мыслей о природе, как существе всего человека...* – по-видимому, имеется в виду близкая Л. Толстому идея Жан-Жака Руссо об изначальной нравственности «естественного человека», живущего в гармонии с природой и не испорченного обществом.

[128] *... смотреть «молодежную» пьесу «Закон жизни»...* – речь идет о нашумевшем фильме «Закон жизни» (1940, режиссеры А. Столпер, Б. Иванов), о нравственном противостоянии разложившегося секретаря обкома комсомола Огнерубова и комсорга мединститута Паромова.

[129] *Разнос моего «Дома» у Ставского.* – По-видимому, имеется в виду «Домик в Загорске».

[130] *... «Ручей» – это произведение «бессмертное»...* – речь идет о рассказе «Лесной ручей», написанном Пришвиным «под диктовку» ручья и включенном в «Лесную капель» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 41–45). Ср.: «Мне постоянно кажется, что есть какой-то свободный вход в природу с какого-то крыльца или конца и что если войдешь с этого входа, то безо всякого труда будешь понимать все. Так однажды я шел ранней весной берегом ручья и это почувствовал. Вынув записную книжку, я на ходу стал записывать все в том порядке, как возникали во мне впечатления. После, дома, переписав с карандаша на машинке, я получил рассказ “Лесной ручей”» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 41–45).

[131] *«Не ищите мученичества», справиться у Павла.* – Вероятно, имеются в виду слова святителя Григория Богослова: «Закон мученичества: щадя

гонителей и немощных, не выходить на подвиг самовольно, но выйдя — не отступать, потому что первое – дерзость, а второе – малодушие» (Творения свт. Григория Богослова. М., 1844. Ч. IV. С. 57).

[132] *...принес книгу, написанную моим другом...* – речь идет о литературном критике Николае Ивановиче Замошкине, который однажды принес Пришвину книгу В. В. Розанова «Опавшие листья» (1913–1915) с дарственной надписью: «Дорогому Михаилу Александровичу Новоселову, собирающему душистые травы на ниве церковной и преобразующему их в корм для нашей интеллигенции. С уважением, памятью и любовью В. Розанов». Замошкин помогал распродавать библиотеку семье своего умершего или арестованного друга. Он не знал Новоселова и, конечно, не подозревал о том, каким близким человеком был М. А. Новоселов для Валерии Дмитриевны. Пожалуй, впервые Пришвин назвал своего гимназического учителя В. В. Розанова, с которым встретился в Петербурге уже начинающим писателем, другом. История взаимоотношений Пришвина с Розановым является одним из интереснейших сюжетов русской культуры начала XX в. Ср.: «Розанов стоял у истоков творческой личности Пришвина: он сыграл решающую роль в двух событиях жизни юного Пришвина («побег из гимназии в Азию» и исключение из гимназии), в которых впервые проявился конфликт между мечтой и действительностью, столь существенный для Пришвина впоследствии. В личности Розанова для Пришвина воплотилась идея самоценности мечты и связанной с ней жизненной трагедии. Импульс в духовном развитии, полученный в гимназические годы, превратился в личную сверхзадачу, которую он решает своим творчеством: спасение мечты и выход из трагедии. Второй период отношений с Розановым связан с деятельностью Религиозно-философского общества в Петербурге, на собраниях которого они встретились (1909). Книга «За волшебным колобком» получает одобрение Розанова, а его завет – «поближе к лесам, подальше от редакций» – Пришвин всегда помнит. Дневниковые записи с несомненностью указывают на глубокие и сложные отношения близости и отталкивания, соединявшие Пришвина с Розановым, которые не определяются словом «личные». Речь идет о преемственности философско-эстетических взглядов и литературного стиля Розанова в творчестве Пришвина» (коммент. В. Гришина. См.: Контекст-1990. М.: Наука, 1990. С. 161–218). В данном случае речь идет об одной из встреч в 1909 г. в Петербурге. Ср.: *Леденев В.* В. В. Розанов и М. М. Пришвин: к истории литературных встреч ученика и учителя // Новый журнал. Кн. 214. Нью-Йорк, 1999.

[133] *Розанов боролся на два фронта, один фронт – ему была безбожная интеллигенция, другой – суеверие церковное.* – Полемика с нигилизмом левой, радикальной интеллигенции пронизывает все творчество В. В. Розанова. См.: «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышления о ходе русской литературы)» (1918) (*Розанов В. В.* Собр. соч. О писательстве и

писателях. М.: Республика, 1995. С. 670–672); о критике Розановым аскетического, «черного» духовенства и христианства как «религии смерти» см.: «В мире неясного и нерешенного» (СПб., 1901; 2-е изд., СПб., 1904), «Около церковных стен» (СПб., 1906), «Темный Лик: Метафизика христианства» (СПб., 1911). (Указано А. Медведевым.)

[134] *...сократовским «познай самого себя» или «будь самим собой».* – Посетив в молодости храм Аполлона в Дельфах, Сократ проникся глубоким смыслом надписи «Познай самого себя», начертанной над входом и известной как «заповедь Дельфийского оракула». В диалоге Платона «Протагор» сообщается, что семь великих мудрецов Древней Греции (Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мисон и Хилон) собрались в храме Аполлона в Дельфах и в результате долгого диспута пришли к абсолютной истине: «Познай самого себя». Отсюда традиционное название этого тезиса – «заповедь Дельфийского оракула». Тезис часто приписывается Сократу.

[135] *С этих страниц, написанных полторы тысячи лет тому назад...* – имеется в виду сочинение преподобного Иоанна Лествичника «Лествица».

[136] *...читали опять авву...* – *авва* (греч. – ἀββᾶ) — арамейско-сирийское слово, соответствующее древнееврейскому «аб» — отец; здесь имеется в виду «Лествица».

[137] *...к обдумыванию «Былины»...* – одно из рабочих названий романа «Осударева дорога».

[138] *...о. Алексей (затворник)...* – речь идет об иеросхимонахе Алексии (Соловьеве, 1846–1928), затворнике Смоленской Зосимовой пустыни, к которому в 1923 г. посоветовал поехать Валерии Дмитриевне Михаил Александрович Новоселов. Ср.: Невидимый град. С. 200–208.

[139] *...в игре в лодыжки...* – специально обработанные кости овечьих ног складывают в кучу и первый игрок, подбросив лодыжку, должен этой же рукой схватить из общей кучи, столько лодыжек, сколько успеет, и этой же рукой поймать подброшенную лодыжку; выигрывает тот, кто наберет наибольшее количество костей.

[140] *...или за авву Макария.* – Речь идет о творениях преподобного Макария Египетского.

[141] *...о подвале в «Литературной газете»: «Родственное внимание».* – Ср.: «Я стал работать в природе и записывать с таким же деловым вниманием, как делают это живописцы в своих этюдах. Я дорожу этими записями, потому что они свидетельствуют о пройденной мною школе родственного внимания, сменившей натурализм моей юности. Когда-то я подходил к

природе с биологическими науками и заменял в себе свободную жизнь образов цепью причин. Конечно, я и теперь не отказываюсь от любознательности и пользуюсь научными дисциплинами, но теперь это ничуть не мешает свободному течению образов в процессе моего родственного внимания к жизни природы. Нужно припомнить, сколько усилий было истрачено плохими педагогами, чтобы непосредственную радость восприятия природы заменить схоластикой, живой образ солнца в каждом цветке вытеснить числом тычинок, лепестков, листиков и прилистников… Вот с этой стороны, простой записи на ходу, мне думается, и должны заинтересовать читателя мои записи. Они «сочинялись» прямо на том месте, где заставала меня мысль» (РГАЛИ).

[142] *…«верую, помоги моему неверию».* – Мф. 9: 23–24.

[143] *…как «Запечатленный ангел»).* – Аллюзия на повесть Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» (1872).

[144] *…вступил в борьбу Зуек…* – здесь и далее персонажи, названия глав, размышления на тему «Хочется», «Надо» и т. д. относятся к проблематике будущего романа «Осударева дорога», над которым Пришвин работает в это время («Падун», «Былина»).

[145] *…«со страхом и верою приступите».* – Возглас дьякона во время Причащения.

[146] *…как Пушкин «Бориса»…* – имеется в виду трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

[147] *…узнал о «Страшном суде» над писателями…* – вероятно, имеется в виду заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросам искусства, которое состоялось 16 сентября 1940 г. и на котором была названа враждебной, клеветнической и запрещена к постановке пьеса Л. Леонова «Метель» (1939).

[148] *…попытка разбудить старого ленивого бога…* – аллюзия на слова «Бог умер» (*нем.*– Gott ist tot), которые появились в книге Ф. Ницше «Веселая наука» (1882). Вопреки бытующему мнению, Ницше не считал, что личностный Бог когда-либо жил, а потом умер в буквальном смысле. Смерть Бога понималась им как нравственный кризис человечества, во время которого происходит утрата веры в абсолютные моральные законы, космический порядок. Ницше предлагает переоценить ценности и выявить более глубинные пласты человеческой души.

[149] *Да воскреснет Бог и расточатся последние враги…* – Пс. 67: 1–2.

[150] *…настоящая кончина («безболезна, непостыдна») есть возрождение.* – Слова просительной ектении.

[151] *…в концерте Рахманинова «Колокола».* – Имеется в виду вокально-

симфоническая поэма для солистов, хора и оркестра С. В. Рахманинова «Колокола» (1913) на стихи Эдгара По (русск. пер. К. Д. Бальмонта).

[152] *...коммунист во Христе...* – в дневнике писателя коммунистическая идея часто рассматривается как парадоксальное развитие христианства, как вариант сектантской психологии, упорно принимающей часть за целое и фанатично внедряющей ее в жизнь.

[153] *...«юдоль земная».* – Долина (*устар.*); обычно в переносном смысле означает жизнь, с ее заботами и печалями, слезами.

[154] *...не любишь Толстого и его Наташу...* – речь идет о Л. Н. Толстом и героине его романа «Война и мир» Наташе Ростовой.

[155] *...в Ельце перед расстрелом...* – имеется в виду эпизод из биографии Пришвина во время нашествия генерала К. К. Мамонтова и взятия им Ельца в августе–сентябре 1919 г. во время Гражданской войны. Ср.: «Приехали подводы с десятками вооруженных киргиз, меня приняли за еврея. – Покажи крест! – Я показал паспорт. – Читать не умею, давай крест! – Ах тот крестик... Бабушка наша принесла этих крестиков множество и на всех надевала, но я отказался, и как ни уговаривали, этим способом спасаться не захотел. – Давай крест! Нету? – Нету. – Давай часы. – И взял у меня часы. Другой взял пальто. Третий навел на меня винтовку. Тогда вдруг оказалось, что умирать-то не очень и страшно, только вспомнились мне в это мгновение тетрадки мои, и вдруг откуда-то пришла ко мне необычайная смелость. – Хабар-бар! – крикнул я. Это было единственное, что я знал по-киргизски. Пьяница опустил винтовку, услыхав родное слово. – Хабар-бар, негодяй! – заорал я на него, а “хабар-бар” означало по-киргизски что-то вроде нашего “здравствуй”» (Мои тетрадки // Собр. соч. 1982–1986. Т. 5. С. 260). Киргизское приветствие в разные годы возникало в жизни писателя. Ср.: Дневники. 1914–1917. С. 545–546.

[156] *...«избави меня от лукавого».* – Последнее прошение молитвы Господней.

[157] *...вспомнил то время, когда писал «Башмаки»...* – в 1923–1925 гг. Пришвин ведет «журналистское исследование» мастерства и быта ремесленников-башмачников, в результате которого появился ряд очерков, а затем книга «Башмаки» (1925). Ср.: «Мне думается, что развитию кооперативного дела служит одним из главных препятствий естественный индивидуализм ручного труда, на одном полюсе которого находится мастер “художник”, закладывающий внутрь башмака бумагу, на другом – волчок, как называется в обувном деле артист, изготовляющий настоящую художественную обувь» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 450).

[158] *Алексей Силыч написал книжицу величиной с Библию...* – имеется

в виду историческая эпопея А. С. Новикова-Прибоя «Цусима» (1932–1935).

[159] *...«два-три собрались во имя Мое»...* – Мф. 18: 20.

[160] *...с одной мыслью в то, что надо верить.* – Далее материал к будущему роману «Осударева дорога»: «Пахан в Былине единственный, кто стал против “Надо” (верить): это *бунт* против “Надо”. Пахан геройски погибает. Можно ли дать такое лицо, которое своей личной верой обходится и не нуждается в “Надо”? (Дегтерев). Но ведь есть и Богом освященное “Надо”, в котором сила является из сложенного “Хочется”: мне хочется и так хочется всем, как в воде капли. То бывает борьба каждого «Хочется» против каждого (капитализм), а то всех “Хочется” против внешней силы (коммунизм). Истинное “Надо” в коммунизме совпадает с отдельным “Хочется”, следовательно, можно представить себе личность, которая вечно занята проверкой своего личного “Хочется” на свою совесть (“Надо”). Так что совесть есть путь личного “Хочется” к общему “Надо”. На этом пути согласия могут быть следующие существа: 1) Сутулый: верит в то, что надо верить, и потому-то он и ограничен и тверд: стоит на скале. 2) Владимир: знает, чувствует, моментами видит совпадение своего “Хочется” с внешним “Надо”, поэтому он юродствует, когда встречается в лоб с “Надо”. 3) Пахан знает одно “Хочется” и молится ему, как Богу. 4) Клавдия – это мать и знает всегда “Надо” настоящее, потому она на всякое расхождение смотрит, как на слабость, и часто не видит, не слышит или не хочет видеть, или видит лишь поскольку это надо обойти – как экскременты на дорожке. 5) Волков (Кукарин, Введенский): такой же индивидуалист, презирающий “Надо”, как и Пахан, но Пахан мелок, и весь внешний, и зависит от всех и показывает себя людям (малиновый берет), но Волков знает Бога и молится ему до кровавого пота, а здесь (украл пирожок). Чистое “Хочется”, доведенное до бога (демона личности), и был бы Демон, если бы на страшном пути не отделывался бы, не оглуплялся благодарностью, вроде «яко насытил мя еси», когда украл пирожок. Это он сообразил заменить жажду к деньгам жаждой к власти. Утро в лагере: в предрассветный час Волков молится своему богу: колдовская сила централизации лучей зла... а потом радио, поет Михайлова <...> Падун. Волков превращается в Кащея Бессмертного».

[161] *... для возможности отношений.* – Несколько дней спустя, пытается написать письмо в ответ на сказанное Львом: «Задумываю письмо к Леве: Милый Лева, я очень огорчаюсь, что не могу помочь тебе материально. Не в том одном дело, что я сам сейчас в очень трудном положении и у меня нет лишних ста рублей. Дело главное в том, что если бы и нашлись средства, я не мог бы их дать тебе по совести. Из-за того, что все вы при моем уходе выразили недоверие ко мне, представлением материального требования вы просто убили меня как человека совести. И я действительно от этого для вас умер. Конечно, душа моя жива, но кто может сказать уверенно, что

и у настоящих мертвых душа не жива? И я считаю себя в отношении вас всех умершим, потому что вы отвергли мою личность, мою душу, лишили меня доверия и возможности для меня сделать для вас себя понятным. Так между мною и вами создалось до точности то же состояние, как между мертвым и живыми».

[162] *...принял за настоящий русский народ...* – речь идет о двух путешествиях Пришвина в 1906 г. в Олонецкую губернию, а в 1907 г. в Карелию и Норвегию. По этим путешествиям были написаны две первые книги «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908).

[163] *Чудо из чудес: у меня был Маршак.* – Об истории вражды и примирения с С. Я. Маршаком см.: Дневники. 1936–1937; Дневники. 1938–1939.

[164] *Вечером «Франческа да Римини» Рахманинова.* – Имеется в виду опера С. В. Рахманинова (1904).

[165] *...с новым рассказом «Мои тетрадки»...* – рассказ «Мои тетрадки» (1940), в котором Пришвин, кажется, впервые говорит о своем Дневнике с читателем («Никакие сокровища в свете не могли бы возместить мне эту кладовую записанных слов и переживаний, хотя я из нее очень мало беру для своих рассказов <...> тетрадками своими я дорожил не для какой-нибудь выгоды, я просто любил их, как люблю все свое ремесло, увлекательное, опасное и трудное <...> в городах, где деньги за слова платили, не за те, что свои, а за те, что по заказу, – там я редко появлялся <...> мои тетрадки есть мое оправдание <...> без тетрадок моих не будет мне оправданья: тетрадки мои, только тетрадки хранят несгораемые слова». Творить будущий мир. С. 37–41.

[166] *...рассказ «Старый валенок».* – Имеется в виду рассказ, который получил название «Дедушкин валенок» (1941).

[167] *Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна были бездетны.*– Аллюзия на повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» (цикл «Миргород», 1835).

[168] *...попытки мальчика убежать в Америку...* – Пришвин часто по разным поводам вспоминает как в 1885 г., будучи гимназистом Елецкой гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майн Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц» – событие это стало поворотным в его судьбе: «тигры, дикари, прерии», т. е. «Америка» Майн Рида – метафора девственной природы, которую Пришвин находил в собственной стране, любил и ценил всю жизнь. В летописи своей жизни (1918) он отмечает: «Побег “в Америку”». Ср.: «Конечно, тут книга виновата, что-то вычитан-

ное... Прочитав книгу, мальчики бегут в неведомую страну, взрослые мальчики из народа начинают странствовать, искать невидимый град». Ср.: О двух крайностях // Собр. соч. 1982–1986. С. 781; также: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 95–111. Ср.: «16 Мая 1932. Вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов – “индейцах”. Мы из-за них бежали в Америку» (Дневники. 1932–1935. С. 132). Ср.: «Никто и никогда не пытался создать подобие энциклопедического словаря, где приводились бы биографии популярных личностей, начавших свою карьеру с того, что в детстве они удрали из дому. В нынешние времена Майн Рид хоть и переиздается, но особой популярностью среди молодежи его книги не пользуются. На рубеже XIX и XX столетий картина была совершенно иная, и русские гимназисты, начитавшись Майн Рида, в массовом порядке удирали “в Америку”. Их ловили... с позором возвращали домой, но они все равно бредили бескрайними прериями, индейцами... и прочей подобной экзотикой» (*Манин Е.* (Филадельфия). Убежавшие к славе // Чайка. 22 июля 2002. URL: www.chayka.org/oarticle.php?id=683 - 21k).

169 *...читали Блока <...> ясно предстало люциферо-хлыстовское происхождение этой поэзии.* – Ср.: *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 480–482.

170 *...в религиозно-философском собрании...* – в октябре 1909 г. Пришвин становится действительным членом Петербургского религиозно-философского общества (1907–1915), что было исключительно важно для него с двух точек зрения. Во-первых, писателя крайне интересовала проблема современного религиозного сознания, которая занимала существенное место в деятельности Религиозно-философского общества. В Петербурге, а также во время путешествия (1908) к Светлому озеру («У стен града невидимого», 1909) Пришвин столкнулся с народным религиозным поиском сектантского толка, с яркими представителями сектантских общин и увидел в этом одну из главных проблем современности. Во-вторых, знакомство с кругом петербургских символистов становится для Пришвина той необходимой «школой», «крещением “огнем и духом” символизма» (А. Блок), которое сыграло важную роль в формировании его художественного стиля («день – год в моем развитии»). См.: Ранний дневник. С. 175–316.

171 *...не чувствовать себя неудачником.* – Ср.: «Проблема заключалась в том, что по официальным марксистским меркам евреи были далеко впереди советского культурного строительства <...> ни один народ СССР не отличался столь мощным представительством в советской элите и не проявлял столь мало интереса как к нападкам государства на его религию, так и к поддержке государством его “национальной культуры”. Никакой другой народ не был таким советским, и никакой другой народ не про-

являл такой готовности к отказу от своего языка, обрядов и традиционных мест проживания. Никакой другой народ, иначе говоря, не был столь меркурианским (сплошь голова и никакого тела) или столь революционным (сплошь молодость и никакой традиции)», («Разница между аполлонийцами и меркурианцами – первостепенное разделение между теми, кто производит пищу, и теми, кто создает понятия и приспособления» (39) *меркурианцы* – народы, которые в истории любого общества играют посредническую роль (евреи, армяне, восточноевропейские немцы, китайцы, индийцы) торговцев, менял, переводчиков (45), пр.); эти качества (создание понятий и приспособлений), так или иначе, были востребованы новым советским государством. «Цель создания этнических кадров, культур, территорий и учреждений состояла в том, чтобы устранить националистические препятствия на пути к социалистическому образованию, урбанизму и интернационализму <…> Новоиспеченная, самоуверенная, жизнерадостная и страстно патриотичная советская интеллигенция 1930-х годов содержала чрезвычайно высокий процент евреев и чрезвычайно незначительное количество их хулителей <…> История еврейского возвышения, еврейского отцеубийства и еврейского обращения в нееврейство не является специфически советской. Специфически советским... является отсутствие конкуренции со стороны старой элиты <…>» (*Слезкин Ю.* Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 266–355). Пришвин, который не раз отмечает в дневнике, что в России «нет средних людей», так и понимает ситуацию (*«21 Сентября 1939.* Из разговора <…> – Вы не шутите с евреями, – сказал я, – во все время строительства нашего еврей играл у нас роль необходимого немецкого среднего человека»), многократно усиленную отсутствием старой русской интеллигенции, в 1920-е годы уничтоженной; но он одновременно понимает, куда приведет такая логика развития общества (*«18 Ноября 1939.* Растет необычайно антисемитизм <…> Сейчас они управляют всей страной, но не будет же так навсегда. Как они этого не хотят видеть? <…> В этом и есть их трагедия: отрыв от земли... Это курьез: все детские журналы в руках евреев, все дикторы в Радио – евреи, и русскому туда не пробиться. Не хочется, но придется их выгонять, а то рано или поздно их выгонит стихия: бить будут. Чудовищно!» (Дневники 1938–1939. С. 427, 476).

[172] *Далее разрозненные черновые записи, вложенные в тетрадь январь – май 1940 г.*

30-го в 12 д. позвонить Шагинян о нашей встрече.

18/1. В комиссионном магазине перед кассой была громадная очередь, и другая очередь с другой стороны тех, у кого деньги были более крупные: в кассе не было денег. Одна дама – очень милая: вся душа в глазах – обратилась ко мне с просьбой разменять пять рублей на три рубля и на два, ей

нужно было два рубля. В моих деньгах нашлось мелких только два рубля, а трех не было. – Возьмите мои два рубля, сказал я милой женщине. – Как? – удивилась она. – Возьмите совсем два рубля, – сказал я. И заглянул глубоко ей в глаза. И я чувствовал – мой взгляд проник в нее. Она смутилась. А я раскаялся: не надо было мне заглядывать в ее глаза. Я держал уже в руке деньги. Я ей протягивал руку с деньгами. Мне она очень нравилась, я бы счастлив был, если бы она взяла. Я готов был отдать ей все, что у меня было, я бы... Нет! – сказала она. И отрицательно покачала головой. И отвернулась. Я умолял ее глазами взять. – Не могу! – сказала она. И улыбнулась, осияв меня светом своим.

Больше всего в этих случаях надо бояться посылать письма: это хуже всего и для меня верная гибель.

Тут надо, как с папиросами, когда я бросил курить: свои папиросы я бросил в нужник. А когда овладел собой настолько, что мог вполне ручаться за себя, то иногда, напр., ко мне приходят друзья, беру у кого-нибудь папиросу и покуриваю. А на другой день хоть бы что.

Так вот и с этим чувством надо добиться быть как с табаком: захочется – покурю, а понадобится – брошу. С чувством, впрочем, будет иначе: раз овладеешь им, то и не захочется.

Впервые понял значение слова «привязались»: во всяком случае я нрзб., что я привязан.

Я знаю, что все «мое» существует для всех, и потому я не стесняюсь ни своего счастья, ни своего богатства: это же счастье – для всех, и богатство – для всех. Так живет в природе всякое существо, и этот хороший закон природы не должен изменяться в условиях жизни человечества, напротив, надо условия жизни изменить в пользу выполнения таких законов

Впервые после встречи с В. пришла ко мне старая верная подруга Тоска. И я ей почти обрадовался после месяца счастья. Мне даже казалось, что весь роман кончился. По старому опыту знаю, что все вернется, то ли вернется уже как <u>свое</u> без [любовного обмана поэзии]

И вот в тоске перебрал я, наверное, все огорчительные мелочи...

Аксюша.
(После того как облегчили свою душу домыслом и сплетней)
Аксюша церковна
Почти как поповна
Аксюша послушна
Аксюша смиренна
Аксюша почти совершенно глупа.

29 Февраля. День ясных решений: Аксюша оказалась ключом ко всему.

Лаврентий Павлович Берия.

3 Марта. Любовь с двумя клапанами.

Я говорил, разделю с ней последний кусок… что если она будет больна, я буду около нее…

И она ответила:

– Но, ведь это же у всех так.

И я ей:

– Вот и прекрасно, что я буду как все, я и счастлив в том, что вот теперь на старости лет, и я тоже буду как все хорошие люди.

Какое великое, возвышенное чувство – любить тебя! Будто поднимаешься на снежную вершину горы, и кругозор становится все шире и шире.

Приду ли, достигну ли когда-нибудь той высоты, которая меня, жителя долин, <*зачеркнуто*: поднимает> так удивляет и так восхищает? Да, я житель долин, и как все в долинах орошается водой, бегущей с вершин, так и я зеленею и процветаю, принимая посылаемую тобой любовь. Меня [поднимает] любовь твоя, и я чувствую, будто из самого сердца моего вырастают цветы, и их тонкие зеленые [стебельки] тянутся к тебе и удивленно глядят на тебя, и ты улыбаешься…

Из меня исходят цветы и к тебе! и это значит, я люблю тебя. Сколько цветов! Ночью невидимо вырастали и утром, и все больше и больше, и вся долина покрывается цветами.

Милая моя, вот как я понимаю нашу любовь.

Потянуло ветром с моря, туманы закрыли вершину, но в долине остались цветы и по-прежнему тянутся к невидимой вершине.

Так и меня жизнь била, когда ты была от меня закрыта. Стремление к неведомой высоте [показали] мне цветы, и ты спрашиваешь, почему я тогда писал о всем бессловесном с такой любовью, на какую не способен был ни один писатель и поэт на свете. И разве эта любовь и тяга к невидимой вершине тоже не человеческое чувство?

А ты хочешь назвать меня бесчеловечным писателем. Нет, все мои бессловесные от какого-нибудь ежа до цветка Иван-да-Марьи выросли из человеческого сердца и тем отличаются от обыкновенного бесчеловечного, встречаемого всюду. Удивляюсь, как ты не хочешь заметить этого, что в ожидании же тебя так вот появились из простых цветов мои человеческие цветы.

…ты говоришь, что от меня было скрыто самое обыкновенное, самое

простое, чем все люди живут, и я вынужден был человеческие чувства свои [искать] среди бессловесных.

2 Апреля. Однажды в самую задушевную минуту я решил Ивану Михалычу задать такой вопрос:

– Валерия Дмитриевна ваша умница, скажите, вы как, по рассудку женились... или страсть вас привела и не обманула.

– По рассудку, – ответил он, – я был начальником службы и ее пригласил к себе как секретаря. Мы с ней остались двое в одной комнате.

– Мы будем с вами, – сказал я, – вечно вдвоем в одной комнате, что если я так и влюблюсь в вас?

– Ничего особенного, – ответила она, – все зависит, во-первых, от формы [выражения] и, во-вторых, от ума женщины.

Мне ответ ее понравился.

Никого больше не пускали в трамвай с передней площадки. Мне пришлось показать водителю орден, и вожатый меня пропустил, и я стал возле него. Когда же мы тронулись, он мне сказал:

– Почему же вы спорили и не показали сразу ордена? – Неловко хвалиться, – ответил я. – Орден дается нашим лучшим людям, – сказал вожатый, – тут стесняться нечего.

И через несколько минут раздумья:

– Дается лучшим, а получается не всегда так. – Вот этого я и стесняюсь, – сказал я. – И он мне в заключение: – Понимаю вас, гражданин.

Глядя на луч пурпурного заката, испытывал я свое новое перо.

Мой любимый трамвай номер двадцать шестой не пришел в этот час запоздалый.

27 Июня. До полудня солнце, после дождь и гроза.

Улей № 1. 11 рамок, 7 с деткой. Поставлено 40 секций: это несколько рано, следовало бы через неделю. Роиться не собираются.

№ 2. Самый сильный, много детки. Скоро надо ставить магазин. Роиться не собираются.

№ 3. 11 рамок. Самая слабая эта. Ранее 7 дней магазин ставить нельзя.

№ 4. 5 рамок: семья собрана из других ульев, матки еще нет.

В июле из № 1 летную пчелу перегнали в № 4 и взяли 17 запечатанных секций. И еще через неделю из № 1 и 2-го взяли 15 секций и сняли магазин.

Август. 1-го в № 4 после 4-х ночей впустили кавказскую матку. При осмотре № 2 в целях выпустить кавказскую матку было обнаружено наличие местной матки, которую 4 ночи перед этим вынули, но она вылезла из коробочки.

Подсчет запасов: меду оставленного. № 1. 9 рамок 1 пуд. № 2. 10 рамок 1 пуд (мед забрушен). № 3. 9 рамок 20 фунтов. № 4. 8 рамок 22 фунта.

Летки заделаны на зиму. Рамки расставлены от пустых до медовых

справа (от летка) налево. Меду взято из всех ульев 4 пуда. В №№ 1, 2, 4 матки кавказские обнаружены и уже червят, в № 3-м матка не найдена, но червя есть. Надо сделать: с 14 Августа начать подкормку №№ 3 и 4 по 20 фунтов песку. Приготовить утепление к Успению.

Расходы по пасеке: 1) Покупка семей – 600 р. 2) Пчеловоду – 300. 3) Новые ульи, медогонка, выписка маток кавказских и мелкое оборудование.

19–22 Авг. Подкормка: на 5 ст. сахару 5 ст. жидкости. За 4 дня скормлено в двух семьях полпуда сахару. Кормушка Ив. Ив-а: простота: рамка, обитая фанерой. Открыт стиль пчеловодства: простота. Спор о дне: отъемное, неотъемное – для чистки лучше отъемное, но для тепла – постоянное. Решение: несколько листов газеты и время от времени вынимать листок: и чисто и показательно. Зимнее выслушивание пчел: палка – на одном конце гвоздь, на другом фанерка, гвоздем к стенке улья, фанерой к уху: телефон. 24 Авг. Сокращение гнезд. Утеплены с магазином № 4 и № 2.

Милый друг мой! Если бы вы только могли проснуться и бесшумно прилететь рано к утреннему часу, когда руки вашего друга разжимают и освобождают действующих лиц великого театра. Если бы вы могли принять к сердцу все эти непонятные голоса и так сосредоточить свое внимание, чтобы услышать первый самый тихий звук дремлющего в полумраке леса... Тогда зачем бы мне мучиться над этими словами, долженствующими раскрыть то, что вы не можете слышать и видеть. Я просто взял бы вас за руку, и в темноте леса мы пришли бы на возвышенность, на еще не затопленное болото. Мы стали бы к дереву и долго бы привыкали и к стуку своего сердца, и к звону своей крови в ушах, и к скрипу кожи своей одежды, и к воспоминаниям с болью из своего прошлого. Когда весь этот круговорот обломков, сопровождающих жизнь каждого человека, пришел бы много раз и встретил бы много раз ваше: «не то, не то!», вот тогда уже в тишине бы услышали вместе первый сокровенный звук крылатого существа раньше других... Я бы тогда вас научил понимать этот щебет как будто очень маленькой птички, и мы бы тогда узнали, когда можно приближаться к этому и когда надо опять замирать, опасаясь даже бульканья пузырьков воды, выступающей из-под сжатого нашими подошвами моха. И тут мы бы с вами приблизились к тому дереву, на которым огромная черная птица Глухарь, и щебетанье маленькой птички встретит первый свет, вот тогда-то, тогда вот театр утра со всеми бы его звуками был бы понятен без слов, и я бы вывел вас на разлив, и тут вы увидели Солнце, встающее из воды... Вот вы видели все, утро природы до конца...

В теле своем чувствую весь тот мир, который мы видим и слышим. Я в себе его чувствую и в моей власти опять раскрыть его и показать всем, и показать всем снова театр, да, театр... что собрано в нас. Не будем... не будем создавать себе богов и кумиров ...

1941

[1] *...разносная статья Мстиславского.* – В статье «Мастерство жизни и мастер слова» критик С. Мстиславский отмечает «несвоевременность обращения к цветочкам и листикам» писателя Пришвина, мировоззрение которого «органически и непримиримо чуждо мироощущению человека, живущего подлинной, не отгороженной от борьбы и строительства жизнью» (Новый мир. 1940. № 11–12. С. 272).

[2] *Началась «заворошка»...* – заворошка (*разг.*) – заварушка, замешательство, осложнение, путаница в каком-то деле. Под таким названием «Заворошка. Отклики жизни» вышел в 1913 г. сборник, состоящий из очерков, а также газетных («Русские ведомости») и журнальных («Заветы») корреспонденций Пришвина в годы столыпинской реформы (Собр. соч. 1982–1986. Т. 1. С. 636–794).

[3] *...когда стал писать, то радость бы явилась...* – в рассуждении о механизме творческой деятельности Пришвин отталкиваясь от собственного опыта, придает ему универсальное значение. Так в центре раннего дневника (1905–1913) писателя оказывается рефлексия относительно собственного психологического опыта: раскрывается история души человека, пережившего драму неудавшейся любви как жизненную катастрофу. Драма любви становится прафеноменом личности художника – с этого момента начинается его путешествие к глубинам своего «я». Пришвин не раз вспоминал, как почти случайно от безысходности записал на листке перипетии своего романа, и вдруг почувствовал... облегчение; так открылся путь спасения – в творчестве, что у Пришвина принимает форму дневника, своеобразной феноменологии личности, феноменологии художественного сознания. Любовь освобождает душу, размыкает замкнутый круг собственного «я», обнаруживает реальность «ты» и универсальность связи «я–ты» с миром. Любовь для художника оказывается единственным способом познания мира («28 Мая 1908. Люди все те же... но так страшно переменился весь свет... Я вижу теперь все, что есть в них внутри... Мало того, я вижу даже вещи... Каждый камень говорит мне свою душу» (Ранний дневник. С. 99)). (Ср.: «3 Января 1940. ...я, не говоря о размере своего таланта, совсем настоящий поэт, чистая валюта, следовательно, по мне можно будет потом разбирать и других».)

[4] *...рассказ «Птичье кладбище»...* – рассказ «Птичье кладбище» впервые опубликован с подзаголовком «Сельские эскизы» в 1911 г. (Собр. соч. 1982–1986. Т. 1. С. 603–622).

[5] *...поехать туда, где никто не бывал...* – см. комментарий 168 к 1940 г.

[6] *...край непуганых птиц...* – свою первую книгу «В краю непуганых птиц» (1907) Пришвин назвал так же, как с друзьями-гимназистами он называл ту страну, в которую они, начитавшись Майн Рида, в 1885 г. бежали.

[7] *...вроде Наташи Ростовой, над которой когда-то она издевалась.* – Ср. запись от 16 октября 1940 г.

[8] *...читал по радио «О чем шепчутся раки».* – Рассказ был опубликован в: Октябрь. 1941. № 2.

[9] *...Гейне о коммунизме...* – ср.: в предисловии к французскому изданию «Лютеции», за несколько месяцев до его смерти, наступившей 17 февраля 1856 г., Гейне сказал также свое последнее слово о коммунизме: «Только с ужасом и трепетом думаю я о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут господства: своими грубыми руками они беспощадно разобьют все мраморные статуи, красоты, столь дорогие моему сердцу, они разрушат все те фантастические игрушки искусства, которые так любили поэты; они вырубят мои лавровые рощи и насадят на их места картофель; лилии, которые не пряли и не работали и, однако же, были одеты так великолепно, как царь Соломон во всем своем блеске, будут вырваны из почвы общества, разве только они захотят взять в руки веретено; роз, этих праздных невест соловья, постигнет такая же участь; соловьи, эти бесполезные певцы, будут прогнаны и – увы! – из моей «Книги песен» бакалейный торговец будет делать пакеты и всыпать в них кофе или нюхательный табак для старых баб будущего. Увы! я предвижу все это, и несказанная скорбь охватывает меня, когда я думаю о погибели, которою победоносный пролетариат угрожает моим стихам, которые сойдут в могилу вместе со всем старым романтическим миром. И несмотря на это – сознаюсь откровенно – этот самый коммунизм, до такой степени враждебный моим склонностям и интересам, производит на мою душу чарующее впечатление, от которого я не могу освободиться; два голоса говорят в его пользу в моей груди, два голоса, которые не хотят замолчать, которые, может быть, в сущности суть не что иное, как подстрекательства дьявола; но как бы то ни было, они овладели мною, и никакие заклинания не могут одолеть их» (http://www.magister.msk.ru/library/personal/mering01.htm).

[10] *...«Дом на колесах» в разные издательства.* – Одно из рабочих названий книги «Неодетая весна» (1940).

[11] *...мы ее обработали!* – В авторской машинописной копии 1943 г. примечание В. Д. Пришвиной: «Через Галину отец велел передать Леве, что тот может у него бывать при условии, если письменно возьмет назад свои прежние “выступления” и извинится. В. П.»

[12] *...такие же «личности», как Ефросинью Павловну.* – В авторской машинописной копии (1943) в этом месте приписка: «Из этого выходит, что с Е. П. я жил в любви, не зная сам лично любви, а в лице Ляли я нашел любовь для себя и через это понял любовь вообще как движущую силу и понял, что эта же сила двигала меня и в жизни с Е. П. Ляля с малолетства понимала любовь как движущую силу, но не имела ее для себя. Я же и не понимал, и не жил для себя. Входя в мою любовь, Ляля знала, с чем она идет и что она ищет для себя. Я же не знал и все себе открывал».

[13] *...название книги о Горьком «Начало века».* – Пришвин познакомился с М. Горьким в 1911 г. Поводом к знакомству послужил восторженный отзыв Горького на повесть Пришвина «Черный араб» (1910), рассказ «Птичье кладбище» (1910) и предложение издать сочинения Пришвина в издательстве «Знание». Встречи с Горьким были нечасты, но многие годы их связывала переписка (см.: ЛН. С. 319–362). До личного знакомства в раннем дневнике Пришвина (1905–1913) Горький возникает, в частности, в рамках обсуждения темы «народ и интеллигенция» на заседании Религиозно-философского общества 26 ноября 1908 г. (повесть М. Горького «Исповедь»). Идея романа (или повести) под названием «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции» впервые возникла у Пришвина в 1909–1910 гг. без всякой связи с личностью или творчеством Горького. Ранний дневник рассматривался писателем как материал для задуманного произведения, по крайней мере, материалы двух папок под названием «Начало века» и «Богоискательство» свидетельствуют, что речь в романе пойдет о религиозно-философских взглядах сектантов и символистов; в раннем дневнике обнаруживается план будущего произведения, множество черновых набросков, вариантов записей, рассуждений, портреты десятков известных и неизвестных участников напряженного духовного поиска – персонажи романа и даже их предполагаемые имена – однако замысел так и не был осуществлен. После революции Пришвин постоянно возвращается к «началу века» (время от времени и к идее романа) и рассматривает революцию, социализм в русле развития религиозного (сектантского) сознания в России («Рев. движение (интеллигенции) в России несомненно отразило в себе характерные черты народного расколо-сектантского движения... В интеллигенции сложились такие же секты, из которых каждая имела претензию на универсальную истину. Победившая всех их секта большевиков до сих пор борется за универсальность (интернационал) и на наших глазах постепенно омирщается...» (Дневники. 1928–1929. С. 507). Книга о Горьком так и не была написана.

[14] *...поговорить с Бончем о «чемреках».* – Чемреки – хлыстовская секта, получившая название от р. Чемрек в Ставропольской губернии, где начинал свою проповедь А. Щетинин (Хлыст. С. 454–486) О глубоком интересе В. Д. Бонч-Бруевича к сектантскому движению в России в начале XX в. см.: Хлыст. С. 631–674. Ср. также: «Передо мной был дом Литературного музея, куда меня давно зазывали, чтобы дешевле купить мои архивы. Я вошел, спросил В. Д. Бонч-Бруевича, которого все звали просто “Бончем”. Меня провели в приемную и быстро потом, с большим любопытством пригласили в кабинет. Я не видал этого литератора, совмещавшего в себе марксизм с интересом к народным религиозным движеньям, лет уже 30. Мы когда-то вместе с ним попадали на такие религиозные сборища. Сектанты открывались ему в расчете, что через него их ученье станет всемирным. На эту приманку он ловил их, как пескарей на червя» (Мы с тобой: Дневник любви. С. 15–16).

[15] *...народ (Легкобытов) и интеллигенция (Мережковский).* – Ср.: «28 Января 1909. Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедуют теперь декаденты: все царства – Легкобытова, Мережковского, Иванова, Рябова... И процесс одинаковый: Я – Бог. И потом образование царства. Ты больше Я» (Ранний дневник. С. 203).

[16] *...одно словечко, да туго-натуго налитое собственной кровью...* – ср.: «22 Мая 1951. Чем я силен? Только тем, что ценное людям слово покупаю сам ценой своей собственной жизни» (РГАЛИ).

[17] *...не многоточием пользуйтесь, а ставьте точки...* – в раннем дневнике обращает на себя внимание особенность пунктуации – часто встречающиеся многоточия, создающие своеобразную стилистику письма Пришвина в это время. Пунктуация, с одной стороны, выявляет дискретность художественного мира раннего Пришвина (многоточия разделяют текст на отдельные фрагменты – кадровая дискретность), с другой стороны, именно этим подчеркивается, усиливается как особая значимость каждого кадра-фрагмента, так и символическая глубина картины в целом. Ср.: «2 Ноября. Отдал рассказ «У стен града невидимого» З. Н. Гиппиус и сегодня ночью все представлял себе: как она мне ответит... И не мог <...> З. Н. стала цитировать из него места <...> – У вас есть способности, вы будете хорошим писателем. – Одним словом, – сказал Философов, – многоточие и восклицательный знак вы должны заменить точками... <...> – Мыслей вам хватит на всю жизнь, – сказал Философов» (Ранний дневник. С. 181).

[18] *(Описать ночь с Шаляпиным.)* – Ср.: «14 Октября 1917. Раз я провел вечер в ресторане в обществе Горького и Шаляпина. Я первый раз тогда видел Шаляпина не в театре. Он был в этот раз нравственно подавлен одной неприятной историей и сидел без всяких украшений, даже без воротнич-

ка, белой глыбой над стаканом вина. Кроме Горького и Шаляпина тут, в кабинете, было человек десять каких-то мне незнакомых и дамы. Разговор был ничтожный. Вдруг Шаляпин словно во сне сказал: – Не будь этого актерства, жил бы я в Казани, гонял бы голубей. – И пошел, и пошел о голубях, а Горький ему подсказывает, напоминает. И так часа два о голубях в ресторане, потом у Шаляпина в доме чуть не до рассвета все о Казани, о попах, о купцах, о Боге, без всяких общих выводов, зато с такой любовью, веселостью. Горький спросил меня после, какое мое впечатление от Шаляпина. Я ответил, что бога видел нашего какого-то, может быть, [полевого] или лесного, но подлинного русского бога. А Горький от моих слов даже прослезился и сказал: – Подождите, он был еще не в ударе, мы еще вам покажем! – Так у меня сложилось в этот вечер, что Шаляпин для Горького не то чтобы великий народный артист, надежда и утешение, а сама родина, тело ее, бог телесный, видимый. Народник какой-нибудь принимает родину от мужика, славянофил от церкви, Мережковский от Пушкина, а Горький от Шаляпина, не того знаменитого певца, а от человека-бога Шаляпина, этой белой глыбы без всяких выводов, бездумной огромной глыбы, бесконечного подземного пласта драгоценной залежи в степях Скифии. Вот бы спросить в то время, имеет ли Горький отечество, любит ли родину. Я бы ответил, что чересчур сильно, болезненно, пожалуй, садически» (Дневники. 1914–1917. С. 518–519).

[19] *Репин.* – Ср.: «Я пришел в Тенишевский зал (в Петербурге) на лекцию Чуковского о Некрасове. Не помню, то ли я рано пришел, то ли запоздал лектор, но вышел значительный промежуток времени между моим приходом в зал и началом лекции. — Смотрите, — сказали мне, — вот и Репин идет. — Я стал у стены. Репин прошел мимо меня и сел в первом ряду. Это был старичок худенький, небольшого росту. Я один раз слышал его выступление на большом съезде художников, и его манера говорить поразила меня и на всю жизнь вдохновила. Он говорил не как ораторы говорят для отвлеченной аудитории, а как говорит кто-нибудь для семьи своей или друзей дома. Мы все во время речи Репина, очень смелой, освобождались от условностей, становились большой семьей почитателей искусства, людьми, родственно связанными своим служением большому делу. С тех пор Репин, конечно, постарел, подсох, но все же это был Репин. Мне вспомнилась его речь, и вдруг захотелось мне перекинуться с ним двумя-тремя фразами. — Как бы мне с ним познакомиться? — спросил я. — С Репиным! Да разве можно знакомиться с Репиным, — у него и незнакомые все знакомые. Подойдите просто к нему и приветствуйте. — Здравствуйте, Илья Ефимович, — сказал я, подсаживаясь к Репину. — Здравствуйте, милый мой, — ответил тот, — что это вас давно не видно? Откуда вы приехали? — Тут я соврал: — Из Ельца, — говорю, — приехал.— Из Ельца! Ну, рассказывайте, как там живопись в соборе — не чернеет? Только пойдемте в буфет чай пить, успеем, пока Чуковский начнет.Так я познакомился с Репиным и сел чай пить как совершенно знакомый, свой человек.

Правда, он не знал моего имени, не знал, чем я занимаюсь. Но в общении с ним меня это не смущало, казалось, будто это все личное мое неважно, а самое главное общее, входящее в каждого человека, составляющее как бы всего человека, — это он знал, и это одно было важно и для него и для меня» (Личное дело. С. 298).

[20] *...ты все пела, это дело!* – Аллюзия на басню И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» (1808).

[21] *Я же <...> выбрал себе литературу...* – в авторской машинописной копии (1943) в этом месте приписка: «Но позвольте, революция ведь тоже есть дело. Вы спросите меня: – Значит, вам из-за литературы пришлось оставить дело революции? – Нет, – отвечу я, – я не мог оставаться в деле революции, но душа революции, движение духа вперед само собою включалось в мою любовь к делу моему: я бы не мог его полюбить, не сохраняя в себе вечную готовность к движению».

[22] *Как могу я ответить Семашке...* – в гимназические годы под влиянием Семашко Пришвин заинтересовался марксизмом. Семашко – прототип персонажа автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь» Несговорова.

[23] *...добрая хозяйка...* – имеется в виду Е. Н. Карасева, елецкая знакомая Пришвина и Семашко.

[24] *...если бы можно было сразу, как Рудин...* – аллюзия на роман И. С. Тургенева «Рудин» (1856), герой которого Дмитрий Рудин погибает на баррикадах.

[25] *...Ремизов, написавший «Слово о погибели земли русской»...* – имеется в виду роман А. Ремизова «Слово о погибели Русской земли» (1918), представляющий Октябрьскую революцию как трагический слом тысячелетней российской государственности и культуры.

[26] *...я, как помню, изгнанный гимназист...* – в 1889 г. Пришвин, гимназист четвертого класса, был исключен из Елецкой гимназии за грубость учителю географии, которым в это время был Василий Васильевич Розанов.

[27] *Записаться в партию эсеров...* – о том, как можно записаться в партию эсеров спросил однажды Пришвина Мережковский.

[28] *«Капернаум»...* – в дневнике 1911 г. много внимания уделяется сектантам Новгорода. Пришвина привлекает стихия свободной мысли собирающихся в новгородском трактире с библейским названием «Капернаум». Он слышит множество голосов, нескончаемый спор людей разных

взглядов, конфессий, занятий; все они примитивные философы, захваченные поиском смысла жизни. В дневнике писателя «Капернаум» – место бесконечного разговора, разноголосицы: дневник заполняется разговорами на тему, которую Пришвин для себя формулирует так: «б/д 1912. Искание в “Капернауме” начала всех начал и споры о первобытном». Не конфессиональность, но изначальная, стихийная религиозность доминируют в духовной атмосфере «Капернаума» (Ранний дневник. С. 622). Ср.: «Капернаум – такое сложное учреждение, с такими разнообразными типами, что нет никакой возможности дать о нем понятие в двух-трех словах. <...> Человек заговорил! Какой глубокий интерес наблюдателю жизни – проследить момент появления слова, момент выхода его из глубины существа, затерявшегося где-то на Соборной улице, приобщения этого существа к человеческому обществу. <...> Чего уже стоит то, что буфетчик “Капернаума” за прилавком, за этим рядом бутылок держит всегда наготове Библию, и гости временами требуют ее к себе из буфета для справок» (О двух крайностях (К характеристике времени) // Собр. соч. 1982–1986. Т. 1. С. 780).

[29] *...изобретаю себе второго Адама.* – В 1918 г. был написан очерк «Второй Адам» (цикл очерков «От земли и городов»: Цвет и крест. С. 206–207).

[30] *Глава «Черный араб» о том, как я вырвался на свободу...* – Пришвин считал, что в повести «Черный араб» (1910) ему впервые удалось преодолеть сопротивление документального материала и создать поэтический образ – лицо степи: «Черный араб» свободный и <...> праздничный» (Собр. соч. 1956–1957. Т. 2. С. 801–802). Повесть была восторженно принята М. Горьким. Пришвин с радостью освобождается от журналистских обязанностей и окончательно утверждается в своем призвании.

[31] *...это пустыня.* – В авторской машинописной копии (1943) приписка: «Хочется жить, а надо умереть, и оттого у каждого его время жизни проходит в борьбе Хочется и Надо. Личность – это хочется, государство – надо: поэзия от личности, служба от государства, поэт всегда в борьбе с государством. Любовь не может быть познанием зла: то не любовь. – А что же любовь? – Это есть, первое, сила жизни без разделения на зло и добро: чаще всего эту силу и называют любовью. А то есть любовь как знание. – Знание чего? – Знание добра».

[32] *...к Горькому (бабушка).* – Имеется в виду персонаж автобиографической трилогии М. Горького «Детство» и «В людях» (1913–1914), «Мои университеты» (1923).

[33] *...с холодным вниманьем вокруг.* – Аллюзия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно...» (1840).

[34] *М. А. Новоселов вливал толстовство в православие...* – о Михаиле Александровиче Новоселове Пришвин узнал от Валерии Дмитриевны, которая в юности Новоселова близко знала. Ср.: «Толстой... заметил Михаила Александровича еще ребенком; юношей Михаил Александрович сам пришел к Толстому и отдался его делу. Он ринулся со всей активностью своей натуры в практическое осуществление толстовских идей: устройство столовых для голодающих и организацию толстовских колоний – осуществление самого быта по принятому на веру учению. Таким он оставался всегда – делом подтверждающим свою веру и, когда понадобилось, не пожалевшим отдать за это и самую жизнь. Однако его духовный голод не был насыщен толстовством. Он говорил мне впоследствии, что Толстой столь же гениален в прозрениях о душевной жизни человека, сколь ограничен в области духа. Какие-то страницы Шопенгауэра стронули Михаила Александровича с места и помогли развязать путы рассудочности. Немного поколебавшись в сторону протестантизма, он вошел в православие, узнал его глубокую жизнь, которая скрыта от всех бытовой и государственной церковностью, и стал в силу своего общественного темперамента апостолом православия. Верность до крайности полюбившейся идее и тут толкнула его на крайний "ангельский" путь. Побыв, однако, послушником в одном из московских монастырей, он скоро понял, что это не его путь. И действительно, при острой своей наблюдательности, ироничности ума, он не вынес бы того требования крайней простоты и отрешенности от всего "человеческого", которые необходимы монаху на его трудном пути личного внутреннего перерождения. Михаил Александрович был слишком жизнедеятелен. И он смиренно вернулся в покинутую им было жизнь, снял послушнический подрясник и занялся делом составления и издания религиозно-философской библиотеки для широкого народа. Темы его изданий не ограничивались одними узкоцерковными вопросами, но сводились к православию как "столпу и утверждению истины". Маленькие книжки в розовой обложке имели широкое хождение в народе» (Невидимый град. С. 198).

[35] *...вела вперед Ботичелли в борьбе его с Савонаролой.* – Ботичелли, находясь под влиянием проповедей Савонаролы, написал два алтарных образа «Оплакивание Христа» (ок. 1495) и «Старая Пинакотека» (ок. 1500). Под влиянием Савонаролы тонкие поэтические работы раннего Ботичелли заменяются религиозными по содержанию и напряженными, трагическими по настроению полотнами.

[36] *Вспоминается Бетал...* – в марте–июне 1936 г. Пришвин совершает поездку в Кабардино-Балкарию и знакомится с Беталом Калмыковым, первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), личность которого вызывала интерес у целого ряда писателей, общественных и государственных деятелей: в разное время в Кабардино-Балкарии побывали И. Бабель, А. Фадеев, Ю. Либединский, М. Кольцов, Н. Тихонов, не говоря

о Н. А. Бухарине, который и уговорил Пришвина ехать к Беталу Калмыкову.

[37] *...Бог спит... Бог есть «резонанс».* – Аллюзия на слова Ф. Ницше «Бог умер» (нем. *Gott ist tot*) – в книге «Веселая наука» (1881–1882). В философии Ницше Пришвин, как и многие исследователи, видит не столько сомнение в существовании Бога, сколько трагичность положения современного человека, который «Бога убил», чему и противопоставляет Пришвин сектантский перевод религиозного в бытовое и повседневное с его обыденной терминологией: «отдыхает, ушел, Его нет». Ср.: «6 Ноября 1908. У хлыстов... Бог – звук. Когда Бог работает, люди спят, и когда Бог отдыхает, люди работают. Когда говорят “Бог” – значит, Он ушел... везде говорят теперь про Бога, значит, Его нет...» (Ранний дневник. С. 183), «13 Ноября 1908. Пав. Мих. [Легкобытов]. Реверансы-резонансы. Христос – и щелк пальцами» (Там же. С. 184).

[38] *Чающие и обещающие...* – ср.: «21 Декабря 1917. На вопрос мой одному крестьянину: “Кому теперь на Руси жить хорошо?» – он ответил: “У кого нет никакого дела с землей”. Солдат ответил: “У кого нет дела с войной”, купец – с торговлей. Словом, всем плохо выходит. Значит, если есть какой-нибудь смысл в событиях, то смысл этот заключается в сознании людей в жертве своим настоящим для будущего. Тогда я опять спросил крестьянина, чем он теперь жертвует. Он ответил, что ему плохо, но жертвы он не приносит. Солдат сказал: “Довольно жертв!” Купец: “Мы сами жертвы, а какому Богу – неведомо”. Так, расспросив разных людей, я не нашел в них смысла текущих событий по их ответам и понял одно: все эти люди ждут или чают чего-то лучшего – огромная масса людей только чающие, как те калеки, которые ожидали движения воды в Силоамской купели. Другая сторона – те, кто обещает спасение, кто жертвует собой, чтобы сдержать обещание,— кто же эти люди, оценкой действий которых историк по старым приемам осветит время, потерявшее [всякий] смысл?» (Дневники. 1914–1917. С. 543–544).

[39] *...надо броситься в наш чан...* – у Пришвина хлыстовский чан становится образом народной жизни, глубины, пучины («пр*о*пасть, пасть»), «коллективного тела» (А. Эткинд), к которому он постоянно обращался. «Варится некое <...> варево, неотвратимое, необходимое, и судить о нем по всей правде невозможно участникам, самим варящимся в этом чане <...> Все крутится и орет от злости и боли, жара и холода, вдруг на одну только минуту отдышка <...> Сколько тут будет веселья, неожиданных мыслей, слов, тут же рожденных, веселья самого искреннего, задушевного, пока старший не крикнет “Ребята, в чан!” – и все опять завертится» (Русский чан (1918) // Цвет и крест. С. 202–204). «Легкобытов стал проповедовать «Начало века» и выступил с предложением интеллигенции броситься в чан народа» (Хлыст. С. 476–477). В Раннем дневнике (1905–1913) Приш-

вина обнаруживается целый ряд записей, в которых революционные идеи, деятели, структуры уподобляются сектантским. Ср.: «б/д. История секты Легкобытова есть не что иное, как выражение скрытой мистической сущности марксизма... получается не земля просто, но земля обетованная... государство будущего вместо обыкновенного государства» (Хлыст С. 454–486); «4 Марта 1917. Трагично положение этой маленькой кучки полуобразованных людей сектантского строя психики, овладевшей властью над всей огромной страной...» (Дневники. 1914–1917. С. 382–383).

[40] *...то, что Блок называет в «12-ти» «Христос»...* – В этой записи Пришвин с определенностью указывает, что «Христос» в поэме А. Блока «Двенадцать» – не евангельский Сын Божий, а Бог сектантски понятый, земной «заместитель». В годы революции Пришвин постоянно подчеркивает типологическую близость марксизма и сектантства и уподобляет парадигму большевистской революции хлыстовской парадигме («15 Июня 1917. И почему вы так нападали на Распутина? Чем этот осколок хлыстовства хуже осколка марксизма? А по существу, по идее, чем хлыстовство хуже марксизма? Голубиная чистота духа лежит в основе хлыстовства, так же как правда материи заложена в основу марксизма. И путь ваш одинаков: искушаемые врагами рода человеческого хлыстовские пророки и марксистские ораторы бросаются с высоты на землю, захватывают духовную и материальную власть над человеком и погибают, развращенные этой властью, оставляя после себя соблазн и разврат. Царь погиб в хлыстовской грязи от раздробления и распыления неба (духовного целого), а вы погибнете от раздробления земли» (Дневники 1914–1917. С. 443; Хлыст. С. 480–482)).

[41] *...одна мысль человека не вертится, а чертит прямую...* – революция вместе с идеей исторического прогресса вносит в русскую жизнь господство естественнонаучного линейного времени, противостоящего циклическому времени природы. Ср.: «23 Февраля 1918. Теленок жует неизменно и через сколько-то жевков становится быком, – если бы за него зацепилось время революции, вот бы чудо случилось настоящее: теленок стал бы мгновенно быком, лошади с плугами помчались бы по нивам, семена, брошенные в пашню эту, в несколько минут становились бы спелыми злаками – вот я тогда бы ответил всему чуду революции и сказал бы, что революция – не светящаяся прозрачная комета, а новая планета, и я променял бы свою землю на эту планету и поселился бы в новом социалистическом отечестве, – но я не верю этому и поклонюсь земле и времени. Конечно, не так даром проходит комета, я помню с детства это явление над убогой нашей деревней, и двор наш помню в сиянии, и слышу, как странно по-прежнему жевали наши домашние животные, не обращая никакого внимания на то, что было в то время на небе. Но люди, даже наши темные люди, дивились небесному явлению, в страхе ожидая какой-то войны ужасной, которая разрушит всю их обыкновенную жизнь, и я знаю теперь, что даже самые

ученые люди считали тысячелетия, высчитывали секунды, прежние ее явления, рылись в пергаментах засыпанных пеплом городов, чтобы узнать, как было у людей, когда тысячи лет тому назад являлась та же самая комета. Пройдет комета, опять астрономы, высчитав число телячьих жевков в минуту, установят обыкновенное телячье время земли мирной, бытия нашей земли и вселенной, но человек будет не тот, – а какой? не тем вернется он, человек, к телячьему времени, он облюбует себе черного бычка, выберет себе такого со звездочкой из многих тысяч бычков и, назвав его священным Аписом, будет строить храм Богу, множителю всякой живности» (Дневники. 1918–1919. С. 43–44).

[42] *Рассказать вам, как я в это чучело поверил?* – Легкобытов о Щетинине. Ср.: Хлыст. С. 454–486.

[43] *...коммунизм в его глубоком смысле...* – имеется в виду довольно распространенное мнение, что смысл коммунизма в его высшем значении подобен христианскому идеалу.

[44] *...хочет начать возрождение.* – На самом деле отношение Пришвина и к эпохе богоискательства, и к личности Горького, и его роли в культуре было намного сложнее. Ср.: Ранний дневник. С. 175–316.

[45] *...большевизм есть морена, конгломерат элементов самых разнозначащих, собранных движением Ледника.* – Историософия Пришвина – это попытка понять смысл культурно-исторической реальности и найти место писателя в этой реальности. Так в дневнике 1931 г. появляются записи, свидетельствующие о том, что сквозь страдание, ложь, мрак и жестокость новой жизни Пришвин обнаруживает смысл происходящего. Речь идет о новой культуре, и писатель понимает, что она уже реально существует, как бы к ней не относиться... И, конечно, можно ненавидеть свое время, но другого не будет – и потому приходится культурно обживать то пространство («*пустое пространство*») и то время («*время стало холодным*»), в котором живешь. Невозможно изменить ход истории, но свидетельствовать о нем – писать, возвращая истинный масштаб попираемым жизнью ценностям, необходимо. По дневнику видно, как писатель прорывается сквозь бессмыслицу к смыслу, без которого невозможно жить. У него хватает мудрости почувствовать присущее революции обновление жизни. Варварское, невыносимое, но сметающее застывшие культурные нормы («ледник»), которые уже были (стали) само собой разумеющимися, утратили живое содержание, воспроизводились механически, формально: традиция, из которой ушла жизнь, обряд, из которого ушла вера. В момент разрушения, уничтожения всех и вся из этой пучины возникает новый – варварский – взгляд на культуру («нечто действительно ценное в революции: как будто мы подходим с открытыми глазами к существу вещей» (Дневники. 1930–1931. С. 320)). Этот взгляд снимает патину

времен и обнаруживает под ней нечто, что оказывается парадоксальным образом совершенно необходимым здесь и сейчас. Понятно, что это «нечто» – культуру (к примеру, русскую классику) начинают идеологически строить, «варварски» использовать... но и культура сама по себе начинает невидимо действовать – облагораживать варвара. Постепенно все уходит в глубокие тайники личности, где вопреки внешнему – истории – невидимо и трагично, жертвенно и героически, но в то же время просто и повседневно совершается возрождение, идет процесс обновления культуры. На это обновление и нацелен Пришвин, на это он и надеется, потому и не встает в позу, а продолжает работать, как и многие люди вокруг него («Да, страдание огромно (кресты без конца) но, конечно, свидание происходит, строится невидимый град и растет» (Дневники. 1930–1931. С. 317)).

[46] *...перешло в мою агрономию...* – в 1902 г. Пришвин закончил агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета и приступил к работе агрономом на хуторе графа Бобринского в Богородицком уезде Тульской губернии, в 1903 г. – в Клинском земстве Московской губернии, в 1904 г. – в вегетационной лаборатории проф. Д. Н. Прянишникова в Петровской сельскохозяйственной академии и, уже переехав в Петербург, в конце 1904 г. еще некоторое время работал по специальности в г. Луге на опытной станции «Заполье», составил ряд сельскохозяйственных книг. В 1905 г. Пришвин круто поворачивает свою жизнь: начинает работать корреспондентом в газете «Русские ведомости» и др. петербургских газетах – становится журналистом и писателем.

[47] *...в ней пребывать.* – В авторской машинописной копии (1943) вариант записи: «Феофан Яковлевич демонстрирует своей жизнью необходимость разрыва с культурой (церковью), в то время как большинство и разорвать-то не может, и не хочет в ней пребывать».

[48] *...из неизбежного страдания.* – В авторской машинописной копии (1943) приписка: «Самый простой выход – это взять палочку и пойти странствовать куда глаза глядят: так вот и пошли по Руси странники, и так сам Горький пошел в свои “люди”. И я сам тоже на родину свою смотрю, как на мать, в дырочку из алькова и вижу ее страдания. Когда же мне становится невмоготу, я надеваю на себя котомку, иду, выгляну из себя, и тогда она мне, как моя мать, улыбается, и душа моя, вырвавшись на волю, расширяется...»

[49] *...я бросил все, взял котомку, палку и пошел...* – в Петербурге Пришвин знакомится с фольклористом Н. Е. Ончуковым и уезжает с экпедицией на Север записывать русские песни и сказки; из поездки он привозит не только записанные материалы, которые вошли в сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (1907), но и путевой дневник, ставший его первой книгой «В краю непуганых птиц» (1907).

[50] *...были <...> на «Хованщине».* – Имеется в виду опера «Хованщина» (народная музыкальная драма) (1883) М. П. Мусоргского.

[51] *Работа Рыбникова над портретом...* – портрет М. М. Пришвина работы А. А. Рыбникова не сохранился, но был опубликован в книге «Весна света» (1954), позднее к 100-летию со дня рождения Пришвина в 1973 г. была выпущена марка.

[52] *...были на «Кармен».* – Имеется в виду опера Ж. Бизе «Кармен» (1875).

[53] *В работу вошла «Обезьянья палата».* – В 1907 г. в Петербурге Пришвин познакомился с Алексеем Михайловичем Ремизовым и вскоре стал членом организованной им «Обезьяньей великой вольной палаты». В шутливой форме игры в «Обезьянью палату» – у Пришвина был чин «резидента заяшного ведомства» – проявлялся серьезный интерес к духовному наследию древней Руси, к национальной мифологии и памятникам народной культуры. Стилистика Ремизова оказала существенное влияние на ряд русских писателей 1920-х гг. (Л. Леонов, Вяч. Шишков, Пришвин и др.), которые выступили приверженцами «орнаментальной» или «гибридной» прозы. В воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, Ремизов отмечает: «Пришвин во все невзгоды и беды не покидавший Россию, первый писатель в России. И как это странно сейчас звучит этот голос из России, напоминая человеку с его горем и остервенением, что есть Божий мир, с цветами и звездами <...> что есть еще в мире и простота, детскость и доверчивость – жив “человек”» (Личное дело... С. 67–70).

[54] *«Философия общего дела» Федорова...* – см. коммент. 95 к 1940 г.

[55] *...личный выход из положения...* – в авторской машинописи 1943 г. приписка: «Еще “Второй Адам”, но в совсем высоком стиле. Как же мне он опротивел! Сколько надумано! М. П. 21/II 43».

[56] *По-настоящему русским писателем был только Лесков, – зато он и не был признан (К. Леонтьев, Розанов).* – Оценивая Н. С. Лескова глубоко русским писателем, Пришвин продолжает В. В. Розанова, считавшего, что Лесков, бросивший гимназию, не нуждался в университетском образовании, сам будучи «с его огромною душою» «своеобразным русским университетом»: «Лесков был огромный, ярко типичный русский ум; в нем “тип”, “русская натура” до того высоко поднялись, что очень и очень могли залить университетское образование, в том смысле, что этому последнему не было места, не было, так сказать, промежутков в природном таланте человека» (*Ибис (Розанов В. В.*). Университет в образовании писателей // Новое время. 1900. 28 мая. № 8710). Розанов видел в творчестве Лескова отражение «русского консерватизма» и русской аисторичности: «Лесков –

ведь до Петра Великого, “официальной России” не признает и не знает; или, точнее, он и официальную-то Россию как-то признает и любит старым московским манером, т. е. в высшей степени неофициально, не манерно, без “ранга” и “службы”» (*Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 г. // Розанов В. В. Собр. соч.: Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 144). Отмечая «замолчанность» писателя в русской критике, Розанов верил, что через четверть века Лесков выйдет из второстепенных писателей и «займет как *совершенно равный* место с Тургеневым, Гончаровым, Островским»: «Русский из русских. <...> “Чертогон” удивителен. И сколько тут русской жизни и русской сути сравнительно с “орхидеями” Тургенева... Орхидеи поблекнут. А наша черемуха будет вечно пахуча» (Там же. С. 145). С точки зрения «русскости» и ее замолчанности Розанова с Лесковым соотносил А. М. Ремизов, возводя лесковский сказ и розановский стиль к «русскому природному языку» протопопа Аввакума («вяканье»): «про Лескова или ничего не говорили (это называется в литературном мире “замораживать”), или выхватывали отдельные чудные слова вроде: “жены переносицы”, “мыльнопыльный завод” и, само собой, в смех, но и не без удовольствия, а самый-то склад лесковской речи, родной и Вам, и Осипову, и Аввакуму – да просто за смехом не вникали» (*Ремизов А. М.* «Воистину». Памяти В. В. Розанова (1926) // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: в 2 кн. / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Фатеева. СПб., 1995. Кн. 2. С. 354). Как русского национального писателя Розанов позиционировал и К. Н. Леонтьева: «Он был редко прекрасный русский человек, с чистою, искреннею душою, язык коего никогда не знал лукавства: и по этому качеству был почти unicum в русской словесности, довольно-таки фальшивой, деланной и притворной. В лице его *добрый* русский Бог дал *доброй* русской литературе *доброго* писателя» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 315). В статье «Неузнанный феномен» (Памяти К. Н. Леонтьева: Литературный сборник. СПб., 1911) Розанов отмечал, что над Леонтьевым тяготеет «“fatum” неизвестности, на который он мне горько жаловался в письмах» (*Розанов В. В.* Собрание сочинений: Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 322). В забвении Леонтьева, не дождавшегося при жизни «и сносной критической статьи о себе», Розанов обвинял «либералов»: «От Южакова до Михайловского – это стена Петрушек за алгеброй <...> Прошел великий муж по Руси – и лег в могилу. Ни звука при нем о нем; карканьем ворон он встречен и провожен. И лег, и умер в отчаянии, с талантами необыкновенными» (Там же. С. 326, 328). Связывая непризнание Лескова и Леонтьева с «русскостью» их творчества, Пришвин продолжил линию славянофильской рефлексии Розанова об этом непризнании, включая в него и самого Розанова. Последний неоднократно сетовал на «печальность и запутанность наших общественных и исторических дел» – парадоксальную для России популярность левой радикальной интеллигенции и забытость правой, консер-

вативной – людей со «старой любовью к старой родине» (Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев, Говоруха-Отрок) (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 338–339). Финансово обеспеченная, «шумная, широкая, могущественная жизнь» «нигилистов и отрицателей России» (Чернышевский, Добролюбов, Стасюлевич, Благосветлов) в восприятии Розанова контрастировала с бедностью патриотов, их «жизнью как *несчастьем и горем*» (Страхов, Достоевский, Леонтьев, Гиляров-Платонов): «Я понял, где корыто и где свиньи и где – терновый венец, и гвозди, и мука. <...> И пошел в ту тихую, бессильную, может быть, в самом деле имеющую быть затоптанною оппозицию» (Там же. С. 457–460). Розанов задумывал издать серию книг под названием «Литературные изгнанники», посвященную забытым представителям русского консерватизма (К. Н. Леонтьев, С. А. Рачинский, Н. Н. Страхов, Ю. Н. Говоруха-Отрок, И. Ф. Романов, Ф. Э. Шперк, П. А. Флоренский, С. А. Цветков) (См.: *Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001; *Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Кн. вторая. П. А. Флоренский. С. А. Рачинский. Ю. Н. Говоруха-Отрок. В. А. Мордвинова. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010). При жизни Розанов опубликовал лишь один том, посвященный Страхову и Говорухе-Отроку (*Розанов В. В.* Литературные изгнанники. СПб., 1913. (Комментарий А. Медведева.)

[57] *...теперь стесняется...* – в авторской машинописной копии (1943) вариант записи: «Делал примечания к письмам Горького ко мне и все время чувствовал неловкость, как будто Горький не от себя писал, а брал чужие слова, чтобы показаться для чего-то умником. Я помню, и с живым у меня было так же: чего-то он стеснялся во мне... Может быть, что Горький прославился-то ведь благодаря близости с такими слоями народа, до которых интеллигенция не спускалась. И Горький жил этим капиталом своей юности и сверх этого ничего не создал. Так не чувствовал ли он, что я это все понимаю? Останется ли Горький большим писателем, когда схлынет революция, которая тащит его, как трактор прицеп? Как это угадать, а ведь если писать о Горьком, то надо писать о том, что останется, а не о том, что нужно для нашего времени».

[58] *...земную жизнь от небесной.* – В авторской машинописной копии (1943) вариант записи: «Слушали прекрасный концерт Шаляпина, хотя самого певца в жизни давно уже нет. Наш собеседник по этому поводу стал говорить о загробной жизни как сказке для детей: ничего за гробом, здесь и там без разделяющей черты. – А как же смерть? – спросили мы. – Вера в Христа должна быть такой, чтобы считать себя спасенными от смерти. – Верь, не верь во Христа, а человек умирает! – Нет, человек как личность не умирает, а что, как видите вы, отмирают особи человеческие, то ведь это как шелушение при выздоровлении: не смерть, а шелушение. Значит, если я принимаю Христа, то с той самой минуты, когда услышу “примите,

ядите...”, я начинаю вечную жизнь во всем человеке (Христе) и моя личная смерть теряет значение черты, разделяющей здешний мир от загробного: все мое и здесь и за гробом одновременно».

[59] *Читаю «Новое время»...* – имеется в виду газета «Новое время» (главный редактор и владелец А. С. Суворин), которая издавалась в Петербурге (Петрограде) с 1868 по 1917 г.

[60] *Павлович читала стихи о Блоке. <...> Теперь на Блока надо бы посмотреть с востока <...> глазами какой-нибудь бабушки Горького...* – бабушка – образ главной героини в автобиографической повести М. Горького «Детство» (1913), прототипом которого была бабушка писателя, А. И. Каширина. В процессе работы над повестью Горький хотел озаглавить ее «Бабушка», но затем вернулся к «Детству».

В «бабушке» Горького Пришвин «узнавал черты матери-родины с такой силой, какой не дает даже воспоминание о любимой моей покойной матери»: «Образ бабушки Горького в великом множестве русских людей вызывает образ любимой родины, радостной и в ее великих прошлых страданиях» (цит. по: *Калустова Н. Г.* Сердце матери и правда революции. М.: Просвещение, 1985. С. 126).

Воплощение заветного идеала народной религиозности, «Святой Руси» в образе горьковской Бабушки видел Д. С. Мережковский: «Бабушка – сама Россия в ее глубочайшей народной религиозной сущности. Отречься от Бабушки, значит, отречься от самой России» (*Мережковский Д. С.* Не святая Русь (Религия Горького) (1916) // М. Горький: pro et contra. Личность и творчество М. Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910-е гг.: Антология. СПб., 1997. С. 854). Бабушка выступает у Мережковского «синтетическим символом» любви миру и любви Бога: «Бабушка любит землю и небо вместе. Да и как ей не любить земли, когда она сама земля?» (Там же. С. 855). Соотнося «Бабушку» с Востоком, а «Дедушку» с Западом, Мережковский видел в этом соотношении символическое выражение антиномичности России, ее «двух душ»: «У России – две души – азиатская, восточная и европейская, западная. На Востоке господствует религия, на Западе – наука. <...> Может быть, Россия – не Восток и не Запад, а соединение Востока с Западом» (Там же. С. 859, 861).

Воплощение Востока в образе Бабушки видел и К. Чуковский в статье «Две души М. Горького» (1924): «Он хорошо понимает, на что поднимает руку. Ведь он, как и мы, спаян кровью с этим проклинаемым, но милым Востоком. Ведь даже его боготворимая бабушка, и все самое поэтичное в ней, есть в сущности тот же Восток. Запада в ней нет ни кровинки: все ее молитвы, ее песни, ее милостыни, созерцания, скитания, ее светлое страдальчество, ее покорливость – все это воплощение Востока, и не без боли же Горький, прославивший ее, как святыню, отталкивает и ее ради новой святыни, святейшей, – ради не-кроткой, не-смиренной, не-поэтической, позитивной, деловитой России. <...> Впоследствии, словно спохватив-

шись, он сделал попытку отречься от бабушки, осудить ее *азиатскую* душу, но попытка ни к чему не привела. Слишком уж обаятельна эта медведеобразная, толстая, нетрезвая, старая женщина, у которой нос ноздреватый, как пемза, а волосы – лошадиная грива. Она сказочница, плясунья, у нее каждое слово талантливое и каждое движение талантливое. Не от нее ли у Горького дар к щегольскому, цветисто-нарядному слогу, к ладным и складным словам, к кудрявому словесному орнаменту? – "Я был наполнен словами бабушки, как улей медом", – говорит он в "Детстве" о себе, и этот мед остался в нем поныне, а его публицистические лозунги умирают один за другим, и что за беда, если он сам сегодня не помнит вчерашних, а завтра, быть может, забудет сегодняшние!» (*Чуковский К. И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2002. Т. 8. С. 185–238).

[61] *Розанов ходил около этого.* – «Коперниковское» открытие темы пола в конце 1890-х гг. определило историко-культурное погружение Розанова в древние восточные культы, «египетские секреты». Древнеегипетская цивилизация как «религия Отца миров и Матери миров», в которой Розанов видел преодоление кризиса безбытийной, «афизиологичной» христианской цивилизации, в силу своей ярко выраженной органичности стала ключевым источником в его онтологическом мифотворчестве пола, семьи, чадородия, материнства (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Возрождающийся Египет. М.: Республика, 2002. С. 7). Сквозь призму «халдейских культов» Розанов начал воспринимать и русскую литературу, в частности, – «идеализм материнства» в поэзии М. Ю. Лермонтова и «мистическое» пролитие крови Раскольниковым (*Розанов В. В.* Из восточных мотивов (1901) // Розанов В. В. Собр. соч.: Возрождающийся Египет. М.: Республика, 2002. С. 295, 300). Египетские рисунки становятся для него лучшими иллюстрациями ко «Сну смешного человека» Достоевского и поэзии Лермонтова («Когда волнуется желтеющая нива») (*Розанов В. В.* Концы и начала, «божественное» и «демоническое», боги и демоны (По поводу главного сюжета Лермонтова) (1902) // Розанов В. В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 82). В 1916–1917 гг. Розанов начал издавать книгу «Из восточных мотивов», посвященную Древнему Египту как «корню» всей мировой цивилизации: *Розанов В.* Из восточных мотивов. Пг.: Сириус, 1916–1917. Вып. 1–3. Этот труд о Египте Розанов планировал издать в 12 выпусках под названием «Возрождающийся Египет». См. коммент. к дневниковой записи от 6 июня 1938 г. (Дневники. 1938–1939. СПб.: Росток, 2010. С. 536–537). (Комментарий А. Медведева.)

[62] *...солдаты фараона с крыши тащили...* – в дни Февральской революции 1917 г. жандармы (фараоны) стреляли с крыш домов.

[63] *Писатели <...> разделяются <...> на европейцев: Блок, Мережковский, Гиппиус <...> и русских: Розанов, Ремизов.* – О восприятии Д. С. Мережковского как «иностранца в России» см. коммент. к дневниковым записям

(«б/д. Розанов как-то увидел его таким гуляющим, покачал головой и сказал: “У нас так не ходят, иностранец какой-то...”»), от 21 октября 1908 г. («Д. С. Мережковский – настоящий иностранец в России...») (Ранний дневник. 1905–1913. С. 309, 177) и от 19 января 1914 г. (Дневники. 1914–1917. С. 558). Имена Розанова и Ремизова Пришвин соотносит в дневниковых записях от 9 февраля и 21 апреля 1927 г. (Комментарий А. Медведева.)

[64] *...к войне в Гродно.* – В годы Первой мировой войны Пришвин дважды ездил на фронт в качестве военного корреспондента и бывал в Гродно (Дневники. 1914–1917. С. 96–124, 144–162).

[65] *...этюд о стрекозе.* – Имеется в виду сюжет 1914 г., всплывший из глубины памяти: в преддверии новой войны Пришвин пишет рассказ «Голубая стрекоза» о событии Первой мировой войны, которое, правда, никаких отличительных признаков войны 1914 г. не имеет. В рассказе граница войны и мира (смерти и жизни) проходит сквозь душу раненого: образ летающей голубой стрекозы оказывается той нитью, которая связывает его с жизнью, а исчезновение стрекозы с очевидностью означает разрыв этой связи (смерть); однако стрекоза, исчезнув из поля зрения в воздухе, возникает в водном отражении, то есть образ зеркально удваивается, а цвет вытесняется светом (отражение – игра света); в отражении видимое совпадает с невидимым, желаемое с действительным – образ стрекозы становится символом победы жизни над смертью. Рассказ «Голубая стрекоза» под названием «Моему другу на фронт» был впервые опубликован в кн.: Вперед за нашу победу. М., 1941.

[66] *...Розанов написал: «Будь проклят Гуттенберг».* – Ср.: «Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушелись “в печати”, потеряли лицо, характер» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 39). Немецкого изобретателя печатного станка Иоганна Гутенберга (Gutenberg, ок. 1399–1468) Розанов мифологизировал как «Мефистофеля-Гутенберга», определившего своим изобретением «печатный», публичный, обезличенный характер литературы Нового времени. См. коммент. к дневниковой записи от 3 мая 1937 г. (Дневники. 1936–1937. С. 929–930). Возможно, источником розановской демонизации Гутенберга были немецкие народные легенды о Фаусте, о которых упоминал Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника»: «Доктор Фауст, по суеверному народному преданию, есть великий колдун, и по сие время бывает обыкновенно героем глупых пиэс, играемых в деревнях или в городах на площадных Театрах *странствующими* Актерами. В самом же деле, Иоанн Фауст жил как честный гражданин во Франкфурте на Майне, около середины пятого-надесять века; и когда Гуттенберг, Майнцкой уроженец, изобрел печатание книг, Фауст вместе с ним пользовался выгодами сего изобретения... и как простолюдины того века приписывали действию

сверхъестественных сил все то, что они изъяснить не умели, то Фауст провозглашен был сообщником дьявольским, которым он слывет и поныне между чернию и в сказках...» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 17). (Комментарий А. Медведева.)

[67] *А как <...> «Князь Серебряный»...* – роман Алексея Константиновича Толстого «Князь Серебряный» (1863) поднимает проблему деспотичной личной власти царя Иоанна Грозного, передает общую атмосферу эпохи с пронизывающим все страхом, жестокостью и попытками противостояния.

[68] *...в Глубокой (на Кавказе).* – Это места в горах, связанные с жизнью кавказских пустынников, куда уехал Олег и куда ездила к нему Валерия Дмитриевна. Ср.: «Медовеевка — было поселение монахов, состоящее из нескольких полян с кельями, разбросанными друг от друга на расстоянии "вержения камня". Она находилась верстах в 30 от Красной Поляны. Там уже издавна обитали несколько уважаемых старцев, и был посредине храм, ничем внешне не отличавшийся от остальных домиков, только в нем никто не жил и туда собирались раза два в год по великим праздникам окрестные пустынники для совместного богослужения и совершения таинства. Это были единственные дни их свиданий. Если кто не приходил — значит заболел или помер. Тогда шли к нему помочь либо похоронить. Такое же поселение было в районе Сухума, глубоко в горах за несколькими хребтами, называлось оно Псху. Там жили раздельно и монахи и монахини. Псху называлась "Глубоко", устав жизни там утвердился весьма суровый, и о Псху говорили с великим почтением. По рассказам о. Даниила, были в те годы на Кавказе еще более глубокие, уединенные поселения монахов. О местоположении их не знал и сам о. Даниил, только известно ему было, что путь туда, почти недоступный, идет по висячим спрятанным в тайниках мостам через пропасти и потоки. И эта "глубочайшая" пустыня была мечтой каждого монаха» (Невидимый град. С. 316–317).

[69] *...мы, как раки, шепчемся...* – аллюзия на только что опубликованный рассказ «О чем шепчутся раки».

[70] *...некоторые считают даже без-человечным...* – имеется в виду отзыв З. Н. Гиппиус на книгу Пришвина «У стен града невидимого», который Пришвин часто в разные годы вспоминает: «При всей художественности описания сам он до последней степени отсутствует, и это делает его очерки или дикими от безмыслия, или просто-напросто этнографическими» (Русская мысль. 1912. № 5. С. 28). В статье «О "Я" и "Что-то"» З. Гиппиус (псевд. Антон Крайний) назвала Пришвина писателем «без личности», «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца» (Новая жизнь. 1913. № 2. С. 165, 168).

[71] *...литература героев с картонными мечами.* – Аллюзия на стихотворение А. Блока «Балаганчик» (1905, «Вдруг паяц перегнулся за рампу / И

кричит: «Помогите! / Истекаю я клюквенным соком! / Забинтован тряпицей! / На голове моей – картонный шлем! / А в руке – деревянный меч!»») или пьесу «Балаганчик» (1906).

[72] *...заключили с Югославией пакт.* – 5 апреля 1941 г., за три часа до нападения Германии на Югославию, в Москве был подписан советско-югославский договор о дружбе и ненападении.

[73] *...поцеловал боженьку в хвостик...* – ср.: очерк «Поцелуйте Боженьку под хвостик!» (1917), опубликованный в газете «Воля народа»: «Напоминает мне анекдот о верующей старушке перед иконой, на которой, между прочим, изображен обыкновенный черт. Старушке-то хорошо, она высокая, ей можно поцеловать Божию Матушку, а маленькой девочке не достать, перед ее губами только черное существо с рогами и хвостом. Старушке древней девочку не поднять, и вот она выходит из затруднения: – Ничего, деточка, ничего, поцелуй Боженьку под хвостик! <...> Они, большевики-то, и тянутся приложиться к ручке Божьей Матушки, но где им достать, маленьким большевикам, великой, уму непонятной святыни. Мы тоже изморились на службе, несчастные, измученные русские люди, не могли поднять большевика до Божьей Матери и сказали: – Поцелуй Боженьку под хвостик! – Большевики поцеловали – и вот уже двенадцатый день на троне сидит Аввадон» (Цвет и крест. С. 109–111).

[74] *...«чти отца и мать» и «не прелюбы сотвори»...* – Исх. 21: 17; седьмая заповедь Закона Божия.

[75] *...не будет ходить во тьме»...* – Иоан. 8: 12.

[76] *...«не мир, но меч»...* – Матф. 10: 34–39.

[77] *Сегодня пакт с Японией...* – имеется в виду заключение годового пакта о нейтралитете между Японией и Советским Союзом в апреле 1941 г.

[78] *...я же сам писал в «Русских ведомостях»...* – сотрудником и совладельцем газеты «Русские ведомости» был двоюродный брат Пришвина Илья Николаевич Игнатов, в этой газете с 1907 по 1915 г. Пришвин публиковал свои корреспонденции (многие из них вошли в книгу «Заворошка», 1913). В 1915 г. Пришвин отмечает, что писание в «Русских ведомостях» – «сплошное притворство», «все это не мое, не мое» (Дневники. 1914–1917. С. 151). Пришвин рассматривает это как «службу», т. е. осознает себя не журналистом, не «общественным деятелем», а писателем, свободно выбирающим, о чем и как писать. Ср. воспоминания Ремизова: «Пришвин корреспондент “Русских Ведомостей”. Под постоянным выговором своего двоюродного брата... Игнатова. “Писать надо с выводами”. А он хотел без выводов, как Чехов» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 322).

[79] *Оправдание Ляли...* – всю свою жизнь Валерия Дмитриевна не могла простить себе свой брак с Александром Васильевичем, считая этот шаг своим падением. Встреча с Михаилом Пришвиным осветила ее жизненный путь, выявила смысл ее поисков и ошибок. Он увидел в Валерии Дмитриевне женщину, для которой любовь была встречей с миром *другого*, равного человека, событием, оценил ее стремление преодолеть стереотипы в отношениях мужчины и женщины, разрушить искусственные границы физического и духовного мира, сделать свою любовь действенной и благотворной.

[80] *Вечером* Скалдин *<приписка: антропософ-мистик, как и Разумник> читал свой роман...* – речь идет о романе А. Д. Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего» (1917). Ср.: «Неудивительно ли, что один из самых острых и ярких романов, написанных в двадцатом веке, более семидесяти лет остается практически непрочитанным, а его автор предан забвению? Именно такая судьба постигла книгу Алексея Скалдина – необыкновенную уже потому, что она представляет собою завершение и эпилог всей русской дореволюционной прозы. Этот роман увлекателен, таинствен, мистичен, независим от привычных литературных традиций, глубок, артистичен, философичен и, сверх всего, это последний шаг прозы серебряного века, последняя его вершина. Но никогда не переиздававшаяся эта книга на протяжении лет оставалась известной лишь малой горстке в основном молчаливых ценителей <...> Имя Анны Рудольфовны Минцловой <...> обращает на себя особое внимание. Говорили, что она – антропософка, последовательница Штейнера <...> Как и Минцлова, вскоре ставшая духовной наставницей Вяч. Иванова, Скалдин был мистик, и этого нельзя не иметь в виду, читая «Странствия и приключения Никодима Старшего». Десятые годы ознаменовались мощной волной мистицизма в России, и литература Серебряного века оказалась в известной степени причастной к подъему этой волны, ее размаху и энергии. <...> Она тяготела к своего рода жречеству, не литературному только, а действенному. Поэты зачисляли себя в ряды – кто масонов, кто штейнеровцев, кто мартинистов. Вячеслав Иванов, несомненно, принадлежал к тайному обществу...” К эзотерической группе принадлежал и Скалдин, хотя данные, которыми мы располагаем, не позволяют с несомненностью сказать, к какой именно» (*Крейд В.* О Скалдине и его романе. URL: http://www.2lib.ru/getbook/10319.html).

[81] *...отменили РАПП, и все обрадовались.* – Имеется в виду Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», в соответствии с которым ассоциация пролетарских писателей (РАПП) была ликвидирована.

[82] *...просто Максим Максимыч.* – Аллюзия на роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838–1840).

[83] *...его «Севастопольская страда»...* – имеется в виду роман-эпопея Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», посвященный героической обороне Севастополя во время Крымской войны 1853–1856 гг.

[84] *Материалы к «Красной звезде».* – «1) Глухарь Яловецкого. 2) Запевка: Говорят: Скажи, с кем ты знаком, и я скажу, кто ты таков. А я говорю: скажи, как проводишь свой отдых-праздник, и я скажу, кто ты такой. Это понятно: потому ведь и называется праздник, что человек освобождается от своих обязанностей, от своего Надо и живет праздно, значит, живет, как ему Хочется. Подумайте, какая это правда: как не объективна сделанная вещь, она еще не говорит о всем человеке. Мало ли было случаев, – человек отлично работал, а когда пришло испытание, взял и главному делу своему изменил, потому что делал малое дело, а в главном таился и притворялся. А в праздник человек освобождается и становится таким, каков он есть. Я знаю одного старого охотника в Загорске, пожилой человек, юрисконсульт, и вот вышли ему майские праздники, и он собрался на глухарей. Не помню точно, в каком это было году, все охотники его помнят: 30-го Апреля была чудесная погода, а в ночь на первое Мая выпал снег, и 1-го Мая бушевала снежная буря. С утра 30-го Апреля в ту весну из Загорска пешком юрисконсульт и его друг бухгалтер вышли <*не дописано*>».

[85] *Немцы взяли Фермопилы...* – имеется в виду Балканская кампания вооруженных сил фашистского блока (Германия, Италия и Венгрия) против Югославии и Греции; 6 апреля 1941 г. Германия вторглась в Северную Грецию и 23 апреля подошла к Фермопилам, прорвала оборону британских войск и сил Содружества в Греции.

[86] *...[взгляд] из Пошехонья.* – Аллюзия на роман Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» (1887–1889).

[87] *...пока <...> не нарастят свою большую интеллигенцию.* – см. коммент. 171 к 1940 г.

[88] *...на свою духовную личность.* – В машинописной копии 1943 г. к этой записи имеется комментарий В. Д. Пришвиной: «Нет, по-моему, мне неприятен неприкрытый эгоизм, пробуждающийся в ребенке, и неприятны взрослые, которые ослеплены пристрастной родительской любовью и своими уступками “слабейшему” развивают в неокрепшей душе зло, а не учат его любви. 5/XI-43».

[89] *...зовем Алконост <...> Сирин.* – Райские птицы, соответственно печали и радости.

[90] *...тебе даже «Бедный Йорик» никто не сказал...* – слова принца Гамлета (В. Шекспир «Гамлет», 1600–1601) над черепом королевского шута, которого Гамлет помнил и любил.

[91] *...скрывается сердце человека.* – Приписка в авторской машинописи в 1943 г.: «Люди, не искушенные в теории литературы, понимают простую символику моих цветочков и видят в них не только цветы родных полей, но и родных людей, требующих их защиты. Они пишут мне, что любовь к родной природе неотделима от любви к родине, что у бойца от моих рассказов создается в душе праздник и с этим праздником бойцу легче умирать <*приписка:* что любовь к родной природе неотделима от любви к родине... Не то ли и Вы сами говорили мне год назад о роли моего “Женьшеня” для Вас в дни Вашего выздоровления на войне>».

[92] *...свою любовь к родине.* – Приписка в авторской машинописи в 1943 г.: «Сегодня узнал от одного крупного общественного деятеля, что в том смысле, как разъясняю я Вам сейчас мое творчество, понимал и разъяснял его другим кроме Горького еще – кто бы Вы думали – Киров».

[93] *...крупный человек Ефр. Павл. или мелкий.* – Приписка в авторской машинописи в 1943 г.: «Копия письма. Дорогая Е. П., мне передали твое приглашение приехать на именины (именины М. М. и Е. П. праздновали в один день – 23 мая. – *Я. Г.*) – благодарю. Только как это ты все не поймешь, что видеть тебя и Петю я не могу до тех пор, пока не получу от вас обоих прямых и серьезных доказательств вашего раскаяния в совершенной вами травле и не поверю в него. А ты как ни в чем не бывало приглашаешь меня на именины... Это не годится. Я готов не только к миру, но и к глубокой дружбе, но и мир, и дружба возможны, если вы изменитесь, т. е. станете добрыми людьми. Бесконечно мне вас жаль, что вы не можете сдвинуться с мертвой точки, и как бы желал я вам обновления. Всего доброго».

[94] *Лилии Гейне. Немцы без Маргариты.* – В связи с разгромом «Лесной капели» аргументом защиты для писателя становится немецкая культурная традиция, рассматривающая произведения Г. Гейне (перевод А. Майкова) «В цветах белоснежных лилий» (цикл «Любовь поэта») и Гете «Фауст» как шедевры, несмотря на любовные и природные мотивы.

[95] *Первенство и чечевичная похлебка.* – Быт. 25: 32–34. Ср.: «15 Мая 1932. Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, чтобы не сорваться и не отдать первенство за чечевичную похлебку» (Дневники. 1932–1935. С. 131).

[96] *...пишу точно как живу.* – Ср.: «Я как живу, так и пишу, свободно и свободно» – творческое кредо А. С. Грибоедова, которое Пришвин принял и как свое собственное.

[97] *...родина из «Нивы» или «Задушевного слова»...* – «Ни́ва» — популярный русский еженедельный журнал середины XIX — начала XX в. с приложениями. Печатался в Петербурге (с августа 1914 — Петрограде) с 1869 по сентябрь 1918 г. в издательстве А. Ф. Маркса. Журнал «Задушевное

слово», один из самых читаемых детских журналов для старшего возраста в дореволюционной России, печатался в Петербурге с 1876 по 1918 г. в издательстве «Товарищество М. О. Вольф».

[98] *...утенка назвал стахановцем.* – После критического замечания Н. К. Крупской о принижении сути стахановского движения рассказ был напечатан под названием «Изобретатель. Рассказ о диком утенке» (1938).

[99] *...куда девался «Санин» Арцыбашева?* – Роман М. П. Арцыбашева «Санин» (1907) – один из наиболее нашумевших в России и за рубежом романов начала XX в.

[100] *...зарабатывать... трудом деревенского учителя...* – в 1920–1922 гг. Пришвин работает учителем в школе села Алексино Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Ср.: «25 Сентября 1920. Ходил в Озерище (волость) за 12 верст от Алексина получать свой месячный учительский паек 1-й категории — 15 фунтов муки, верст пять проплутал, часа два провел в Исполкоме, спорил, ссорился (— Семьям шкрабов не выдают еще! — Как же быть семьям шкрабов? и т. д.). Возвратился домой поздно вечером при луне, в конце концов, очень довольный и прекрасной погодой, и что всетаки 15 ф. достал. В Громове обменял ложку соли на кусок хлеба, нашел на дороге 16 рассыпанных луковиц и, конечно, подобрал их и съел две с хлебом» (Дневники. 1920–1922. С. 93).

[101] *...мертвым погребать своих мертвецов...* – Мф. 8: 21–22.

[102] *...лесковские «праведники».* – Имеется в виду цикл Н. С. Лескова «Праведники», в который вошли такие известные произведения писателя как «Очарованный странник» (1873), «Левша» (1881) и др.

[103] *...вероятно, Гессе договорился с англичанами...* – имеются в виду тайные переговоры Р. Гесса с Англией 10 мая 1941 г. с попыткой заключить мирный договор с Англией и нейтрализовать ее в качестве военного союзника СССР. Договоренности достигнуто не было.

[104] *...речь Черчилля о нападении на Россию...* – имеется в виду речь У. Черчилля вечером 22 июня 1941 г., в которой он выражает предположение, что Советский Союз даст отпор фашистской Германии.

[105] *...империя погибла из-за расхождения с Германией...* – имеется в виду Первая мировая война, которая привела к революции.

[106] *А что они сделали с Францией!* – Имеется в виду капитуляция Франции 22 июня 1940 г. и образование коллаборационистского государства на юге страны во главе с маршалом А. Петеном (1856–1951) и административным центром в г. Виши.

[107] *...«довлеет дневи злоба его»...* – Мф. 6: 34.

[108] *...создавшего когда-то отечественную войну...* – имеется в виду Отечественная война 1812 г.

[109] *Письмо другу на фронт.* – Первоначальное название рассказа «Голубая стрекоза» (1941).

[110] *...направился на фронт в Августовские леса...* – с 15 февраля по 15 марта 1915 г. Пришвин совершил поездку на фронт в качестве военного корреспондента. Ср.: В Августовских лесах. Собр. соч. 1982–1986. Т. 2. С. 602–608.

[111] *...пели: «это будет последний...»* – с 1918 до 1944 г. «Интернационал» (Эжен Потье, 1871, пер. А. Коца, 1902) являлся гимном Советского государства.

[112] *Чтение Гофмана («Песочный человек»)...* – новелла Гофмана «Песочный человек» (1815) входит в цикл «Ночные истории».

[113] *...Достоевский исходит из Гофмана...* – Гофман был одним из сильных увлечений раннего Достоевского. Известно, что 1838 г. Достоевский перечитал всего Гофмана: как произведения переведенные на русский язык, так и не переведенные («Кот Мурр») на языке оригинала.

[114] *Речь Сталина вызвала большой подъем патриотизма...* – ср.: «Хотим мы сегодня признать или не хотим, но ведь именно его речь, начавшаяся словами «Братья и сестры!», в сорок первом вызвала невиданный энтузиазм у людей самых разных возрастов. Они пошли на призывные пункты добровольцами. Вера в слово – огромная вера, если произносит его авторитетный человек. А то, что Сталин был для миллионов авторитетной личностью, отрицать можно либо по скудоумию, либо по злому умыслу» (*Михалков С. В.* // Гласность. 1998. № 5. С. 1).

[115] *...Щетинин им больше не нужен.* – См. об этом: Ранний дневник. С. 175–316, а также: Хлыст. С. 470–471.

[116] *...второго разряда в своем отечестве.* – Приписка М. М. Пришвина с пометкой В. Д. Пришвиной «Вероятно, 1952 год»: «Требует разработки для открытия мысли о борьбе за личность как единственную человеческую реальность с “обстоятельствами места и времени”».

[117] *...кто-то еще может «дурить».* – Поэма «Фацелия» начинается со следующего эпиграфа «В пустыне мысли могут быть только свои, вот почему и боятся пустыни, что боятся остаться наедине с самим собой» и

продолжается как путь лирического героя, который оказывается наедине с самим с собой в мире природы и начинает видеть, слышать и понимать язык пейзажа, вписывает себя в живой макрокосм мироздания: «Бывает, встанешь рано, выйдешь на росу, радость охватит, и тут решаешь, что надо каждое утро так выходить. Почему же каждое? Потому что волна идет за волной...» И путь этот ведет героя от горя к радости, от поражения к победе, от одиночества к любви, ведет к пониманию, что человек не может жить (быть) вне природы и что природы нет вне этого идущего человека (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 7–49).

[118] *...устроил «Стрекозу».* – Имеется в виду рассказ «Голубая стрекоза».

[119] *Евгений <...> в безумии своем восклицает: «Ужо тебе!»* – Аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

[120] *...твердить свою подзаборную молитву...* – очерк Пришвина под названием «Подзаборная молитва» был опубликован в газете «Воля народа» 12 ноября 1917. Ср.: «Раньше у меня было всегда, что понять – значит, забыть и простить. Теперь я хотел бы молиться о мире всего мира, а в душе – только бы не забыть, только бы не простить! <...> твержу свою подзаборную молитву, обращенную к неведомому Богу: – Господи, помоги мне все понять, и ничего не забыть, и не простить!» (Цвет и крест. С. 116–117).

[121] *Читаю «Остров Достоверности» Олега...* – речь идет о философско-богословской работе Олега Поля (иеромонах Онисим), написанной им, в 1926 г. уже монахом, живущим среди кавказских пустынников, и обращенной к Валерии Дмитриевне – тогда Ляле Лиорко.

[122] *...«оставь отца и мать свою»...* – Мф. 19: 5.

[123] *...считал себя царем Берендеем.* – В 1925 г. Пришвин живет в Переславле-Залесском, где пишет книгу «Родники Берендея. Из записок фенолога с биостанции “Ботик”», которая позднее стала первой частью книги «Календарь природы». Ср.: «Путь <...> через Москву, по железной дороге до станции Берендеево. Какие удивительные есть имена, и как они на меня действуют: дворец (музей «Ботик Петра Первого», в котором Пришвин живет. – *Я. Г.*) мне явился сказочным дворцом Берендеева царства, и пошло, и пошло в душе берендить. “Ну, Берендей, – сказал я себе, – думать тебе больше нечего”» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 173). В 1925 г. критика высоко оценила новое произведение писателя: отмечалась «преемственность между исследовательской лирикой Пришвина и пантеистическим раздумьем Кнута Гамсуна или философскою живописью Шеллинга», «записки фенолога» характеризовались как «очаровательная лирическая поэма в прозе» (*Войтоловский Л.* Печать и революция. 1926. № 8). Однако в 1930 г. рапповской критикой книга была подвергнута полному разносу:

«Творимая легенда о берендеевом царстве – это, по-существу, опоэтизация остатков древней дикости, идеализация и идиллизация тьмы и суеверия, оправдания старины, а следовательно, один из способов борьбы против нашей советской культуры» (Ефремин А. Красная новь. 1930. № 9–10).

[124] *...англо-русские войска вступили в Иран.* – 25 августа 1941 г. иранскому правительству были вручены ноты советского и английского правительств о вводе войск союзников на территорию Ирана для борьбы с прогерманским режимом Реза-шаха.

[125] *...говорит с «маркизой»...* – «маркизой» Пришвин иногда называет Наталью Аркадьевну. В раннем дневнике (1905–1913) он так называл мать Марию Ивановну Пришвину.

[126] *...в духе Союза русского народа...* – имеется в виду образованная в начале 1906 г. правомонархическая партия «Союз русского народа».

[127] *...сейчас воспрянет.* – Приписка в авторской машинописи в 1943 г.: «Люди немецкой ориентации, ожидающие крушения существующего строя, воспрянут».

[128] *Все возьму! <...> Все куплю!* – см. коммент. 115 к 1940 г.

[129] *Воззвание «к братьям евреям»...* – 24 августа 1941 г. в Москве в Парке культуры состоялся первый антифашистский радиомитинг представителей еврейского народа, который транслировался по радио за рубеж. На первом митинге в Москве выступили актер и общественный деятель С. М. Михоэлс, кинорежиссер С. М. Эйзенштейн, поэты Перец Маркиш и С. Я. Маршак, писатели И. Эренбург и Д. Бергельсон, архитектор Б. М. Иофан, русский ученый, профессор П. Л. Капица, немецкий писатель Пливье. Они призывали евреев Англии, США и других стран американского континента помочь в борьбе с немецким фашизмом. В выступлении П. Л. Капицы было сказано: «Мировая наука и искусство в своем развитии многим обязана еврейскому народу... Теперь, когда весь культурный и демократический мир поднялся на решительную борьбу с фашизмом, мы твердо верим, что евреи – ученые всего мира – тесно примкнут к этой борьбе и отдадут все свои силы и знания, чтобы избавить мир от гнета фашизма и противостоять стремлениям группы расистских идеологов задавить и уничтожить все остальные народы...» и на этом митинге было принято воззвание «К братьям-евреям всего мира», где прозвучал призыв советских евреев к евреям всего мира развернуть кампанию помощи Красной армии вооружением и медикаментами. Информация о митинге была также опубликована во многих зарубежных газетах. Этот митинг получил широкий отклик во всех странах Запада, противостоявших фашистской Германии. На призыв митинга о помощи откликнулись евреи разных стран, особенно США, Англии и Палестины. В августе 1941 г.

в США развернулась кампания сбора средств в помощь Красной армии и гражданскому населению СССР. В Нью-Йорке был создан Американский комитет еврейских писателей, артистов и ученых, почетным председателем которого был избран Альберт Эйнштейн. Комитет провел ряд митингов, его действия получили в США большой резонанс. С осени 1941 г. в США начинаются первые пропагандистские шаги по сбору средств для оказания помощи СССР в борьбе с фашистской Германией. 27 октября 23 тыс. жителей Нью-Йорка, пришедшие в зал Мэдисон-Сквер Гарден, собрали 270 тыс. долларов. Незамедлительно после митинга 24 августа 1941 г. на призыв советских евреев об оказании помощи СССР откликнулась Всемирная сионистская организация во главе с ее президентом Х. Вейцманом. Он заявил о поддержке инициативы советских евреев. Посол СССР в США в 1939–1941 г. Уманский Константин Александрович писал, что все эти действия – успех пропаганды, связанной с еврейским митингом в Москве 24 августа 1941 г. (http://alvishnev8391.narod.ru/JAC.HTML).

[130] *...где-то в судьбах Заката Европы...* – аллюзия на книгу О. Шпенглера «Закат Европы» (Т. 1, 2. 1918, 1922).

[131] *...война всех поставит на свое место.* – см. коммент. 171 к 1940 г.

[132] *...бухнул речь против Маршака...* – по-видимому, имеется в виду выступление Пришвина на совещании о детской литературе, организованном ЦК ВЛКСМ 15–17 января 1936 г. («15 Января 1936. Бой с Маршаком».) Ср.: «Сейчас наш молодой писатель может не только изучать рассказы Льва Толстого, но он может опереться и на опыт книг для детей, написанных М. Пришвиным («Записки егеря Михал Михалыча» и др.), на повести и рассказы Бориса Житкова, В. Бианки, на книжки, написанные и нарисованные Евгением Чарушиным. Михаил Пришвин – писатель для взрослых. Пожалуй, не всякий ребенок, а только прирожденный натуралист, путешественник и охотник согласится обойтись без внешне законченной фабулы и полюбит книги Пришвина за поэтическое виденье мира, за богатство языка и материала. Но зато всякий писатель, который захочет писать о природе, оценит пришвинские рассказы для детей и многому научится у них» (*Маршак С. Я.* Театр для детей. Статьи, выступления, заметки, воспоминания // Собр. соч.: в 8 т. М.: Художественная литература, 1971. Т. 6). Даже если очень придираться, в этом выступлении Маршака трудно найти какие-то скрытые выпады лично против Пришвина-писателя как для детей, так и для взрослых. Причину того, что Пришвин бросился «в бой», нужно скорее искать в общей атмосфере враждебности, которую он постоянно чувствовал в эти годы («15 Сентября 1932. ...охотничьих моих рассказов больше нигде не печатают», «9 Марта 1933. Авербах <...> возразил: “Пришвину надо не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр его сочинений”»; «26 Апреля 1934. О “Жень-шене” даже рецензии нет нигде»; «24 Августа 1934. Съезд (Первый съезд Союза писателей. – *Я. Г.)* тепленький. Ораторы выжимают из себя силу произносить заранее написанные речи <...> смысл

всего таится где-то <...> на собраниях у Горького, куда меня не зовут. И не выбрали в президиум, и не зовут, и рассказ мой в “Известиях”, кажется, провалился»). Откуда-то этот холодный ветер неприятия дул – Пришвин видит «еврея», но сам себя окорачивает, понимая, что в данном случае не в этом дело. Он не может понять, кто или что против него – а против была сама атмосфера сложившейся жизни, в которой никто никогда не знал, как отзовется его слово, что произойдет в следующий момент и пр. Пришвин считал, что *случайно* не пригласить его не могли и чья-то воля в этом проявилась («24 Августа 1934. Все это, по-видимому, указывает на какую-то линию политики не только в отношении меня»). Конечно, он никогда не знал, что происходит в кулуарах, так как жил и работал вне писательской среды, где это ощущалось ежедневно, но чувствовал враждебное *нечто* абсолютно точно («1 Октября 1932. ...была одно время во мне почти мания преследования, и вдруг как-то я ее понял, рассмотрел, и она прошла») (Дневники. 1936–1937. С. 7; Дневники. 1932–1935. С. 198, 260, 390, 463, 208). Подобные чувства по отношению к литературному окружению испытывал в 1920-е и 1930-е гг. не только Пришвин. Ср.: «Михаил Булгаков <...> писал в дневнике после публичного чтения “Роковых яиц” 28 декабря 1924 года на одном из светских “Никитинских субботников”: “...там сидело человек 30, и ни один из них не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое русская литература... Эти “Никитинские субботники” – затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев”» (цит. по: *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 314).

[133] *(Светлое озеро и Алпатов.)* – Речь идет о путешествии Пришвина к граду Китежу в Керженские леса Нижегородской губернии на Светлое озеро в 1908 г. См.: У стен града невидимого (Светлое озеро) // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 411–511.

[134] *...на словах она «звездочка», а он рыцарь...* – ср.: «10 Сентября 1941. Каждая старуха про себя живет, как будто она и теперь в своей лучшей поре, и это она считает в себе настоящим. А что время в ней изменило снаружи, то вот это и есть; это время – злая сила, закрывающая от новых людей настоящего, внутреннего человека. По-разному относятся старухи к злой силе, но больше сами злятся и ворчат. Но бывает, приходит тот человек, кто знал и любил даже ее в лучшей поре, и вот с таким эта старуха вдруг молодеет и преображается. Но это редкие минуты в общей тягостной жизни старухи... (Начало рассказа о Наталье Аркадьевне и Раттай Александре Николаевиче, которым сойтись не дает “характер”.)».

[135] *...сергиянство...* – ср.: «С ноября 1917 года вновь, впервые после Петра Великого, находился избранный Патриарх всея Руси Тихон (Белавин)... Патриарх Тихон, и не шел на компромисс с новой властью... под конец жизни Патриарх Тихон был под негласным домашним арестом... скончался в 1925 году <...> оставил список пастырей, достойных занять

его престол. С 1925 по 1927 год все они... по очереди следовали в заключение, исчезая там безвозвратно... последним по списку вступил на престол епископ Сергий. И вот он-то не последовал за своими предшественниками, а выбрал другой путь и выступил в центральной печати с воззванием... епископ Сергий провозгласил единство Церкви с советской властью, признавая эту власть народной, народом принятой и потому обязательной и для Церкви, которая никогда не боролась с государственной властью и имела свои, чисто духовные, независимые от мирской жизни цели: "Несть власти, аще не от Бога", и потому "ваши радости – наши радости и ваши печали – наши печали"» (Невидимый град. С. 365–380).

[136] *Ленинград (он был тогда Петербург) стал родиной моей как писателя...* – в конце 1904 г. Пришвин переехал в Петербург и здесь начал свою жизнь «бродяги-писателя»: в Петербурге выходят его первые книги и газетные корреспонденции, здесь он знакомится с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и становится членом Религиозно-философского общества, знакомится и дружески общается с А. М. Ремизовым, встречается с А. Блоком, В. В. Розановым, которого знал гимназистом как преподавателя географии в Елецкой гимназии. Петербургская тема занимает значительное место в творчестве Пришвина («Я начал свою литературную жизнь в городе света... я полюбил Петербург за свободу, за право творческой мечты... этот город света... в своей трагической славе встает передо мной и поднимает меня» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583–587)). В дневнике писателя в разные годы по разным поводам возникают обращения к поэме «Медный всадник», к мифу о Петре, «униженным и оскорбленным» Достоевского, оппозиция «Петербург–Москва» («Я не люблю Москву за ее довольство собой, за сладостную приятность дыма отечества, за самоудовлетворенность»), «Петербург – коренная Россия», «Петербург – Ленинград», мотивы большого города и «маленького человека» в нем, а также неуловимый дух города («Есть у нас в стране города, где мне приятно было бы жить, хорошие, милые города, в числе их, как всякому русскому, родная Москва. Но прекрасным городом в нашей стране остается мне один Ленинград: я не по крови люблю его, а за то, что в нем только я почувствовал в себе человека») (ср.: «петербургский текст», термин В. Н. Топорова). Петербургская тема развивается не только в Дневнике, но и в очерках и художественных произведениях писателя, начиная от первого, утраченного рассказа «Домик в тумане» (1905), рассказа «Голубое знамя» (1918), романа «Кащеева цепь» до рассказа «Город света» (1943). Ср.: Ранний дневник. С. 175–316.

[137] *...книги «В краю непуганых птиц» и «Колобок».* – В Петербурге одна за другой вышли первые книги Пришвина: «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908).

[138] *...за сладостную приятность дыма отечества...* – аллюзия на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824): «И дым отечества нам сладок и приятен» (действ. 1, явл. 7).

[139] *...Ценская рассказала <...> о Брянске...* – в августе 1941 г. фашистские войска оккупировали всю нынешнюю Брянскую область.

[140] *...похожа на ту Америку, о которой мы, гимназисты, мечтали...* – см. коммент. 168 к 1940 г.

[141] *...почему-то читаю «Село Степанчиково» Достоевского...* – повесть Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), где Пришвин, по-видимому, находит созвучие мучающим его мыслям о деспотизме, которому не способны противостоять добрейшие, совестливые, прекраснодушные люди с их отвлеченными рассуждениями о благородстве и возвышенных человеческих качествах. Ср.: «14 Сентября. ...а что если моя вера в тайные силы русского народа, которые в существе своем стоят выше "господства" (пусть немцев), рождаются в душе в оправдание своей лени браться за беспокойное неприятное, но необходимое "господство" (власть), что если вся эта славянская распущенность именно и привела страну к большевикам с их запрещением интеллигентской болтовни, именуемой свободой слова и вероисповедания, прикрывающей стремление к бездеятельному покою?»

[142] *...потому что «человек – это звучит гордо»...* – слова героя пьесы М. Горького «На дне» (1902) Сатина.

143 *Горький писал о соколе...* – имеется в виду «Песня о соколе» (1895).

[144] *...что его роднит с Федоровым...* – см. коммент. 95 к 1940 г.

[145] *...как и в «Бесах»...* – имеется в виду роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871–1872).

[146] *...отдельный, вроде Шпенглера, все понял и предсказывает Закат Европы...* – речь идет о книге Освальда Шпенглера «Закат Европы» (Т. 1. 1918; Т. 2. 1922).

[147] *...«Скверный анекдот» <...> Достоевского...* – рассказ Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» (1862).

[148] *...вместе с ним пообедал.* – Ср.: Наш сад (1952). Собр. соч. 1982–1986. Т. 5. С. 404–410.

[149] *...наступает конец.* – Вариант в авторской машинописи в 1943 г.: «Узнал, что в синоде обрели олимпийское спокойствие, так или иначе, но гонениям на них пришел конец».

[150] *Довольно одних «клейких листиков» Ивана Карамазова...* – ср.: «Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающие-

ся весной листочки, дорого голубое небо... Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь...» (*Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М., 1958. Книга пятая «Pro и contra»).

[151] *Представляя себе разрушенный Ленинград...* – с сентября 1941 г. началась блокада Ленинграда.

[152] *Лялина жизнь.* – В 1918 г. отец В. Д. Дмитрий Михайлович Лиорко был арестован и расстрелян, в 1930 г. был арестован и расстрелян Олег Поль, в 1932 г. В. Д. с мужем А. В. Лебедевым была арестована и выслана в с. Колпашево (Нарым).

[153] *...духовное питание человека.* – В авторской машинописи 1943 г.: «Неправда. Потому что Христос Сам в сострадании».

[154] *...бессмертья, может быть, залог».* – Строки из трагедии А. С. Пушкина «Пир во время чумы» (1830).

[155] *Предлагает N...* – ниже приписка, ср.: «В Москве при нашем отъезде подошел к нам упитанный человек, представитель советского счастья, назвался, с ним была надменная еврейка, эстрадная актриса. – Ты, может быть, сам нас довезешь, – сказал он N, принимая его за шофера. – А машина эта ваша? – спросил N. – Моя, свези меня, я тебе дам три тысячи и машину. – Поезжайте сами, – ответил директор наш. – Я не умею. – Ваша машина и не умеете! – воскликнул N, пристыжая его (и не повез)».

[156] *...тетрадки, спасенные из пожара в Брыни, решившие судьбу мою во время Мамонтова в Ельце...* – ср.: *Пришвин М.* Мои тетрадки // Собр. соч. 1982–1986. Т. 5. С. 259.

[157] *...об этом начал переписку с друзьями.* – Имеется в виду книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

[158] *...как в «Страшной мести» колдун.* – Аллюзия на повесть Н. В. Гоголя «Страшная месть» (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», 1831).

[159] *...начал писать роман «Начало века»...* – далее материал к роману, который задумывался как продолжение автобиографического романа «Кащеева цепь» (1927): «Миллионы лучей вырвались из разорванных туч, когда странники, выйдя из темного леса, завидели Светлое озеро с его холмистыми берегами. И в каждом луче таилась такая сила, что если бы узнать и понять и принять ее совсем чистой детской нетронутой душой, то каждый бы упал на землю и в слезах радости целовал бы ее и вдыхал бы со счастьем благовонный смолистый воздух и святою водой омыл бы лицо

свое. Кому-то когда-то и было так на берегу Светлого озера, и он привел на это место другого, и было другому так, и вот это прекрасное желание оделось в прекрасное сказание, и оно стало образом, в котором каждая чуткая душа возвращалась к детству своему, к тому какому-то первому своему лучу, от которого все началось так ясно, а потом постепенно как бы какою-то серою сеткой закрылось. Вот, наверно, когда идут верующие в чаянии услышать звон из невидимого града и усиливаются изнутри, чтобы отделаться от воспоминаний о всем нажитом, то они и хотят вернуться к первой чистоте детства, к первой встрече с лучом. Алпатов так это понимал хорошо, и никакие законы природы [не мешали] чувствовать невидимый град, таящийся под водой Светлого озера. Самое удивительное было для Алпатова еще в том, что это Светлое озеро мирило раскол с православием, мирило все враждующие между собою евангельские секты, влекло к себе всех верующих и даже вовсе неверующих привлекало к себе красотой. На том холме, где миссионер официальной церкви готовился к спору об истинной вере с сектантом и старовером, был небольшой столик, за ним сидел книгоноша и продавал и продавал священные книги, большое Евангелие, маленькие красные и синие книжечки по восемь копеек».

[160] *...вроде разбойника, признавшего Христа...* – «Благоразумный Разбойник», исповедавший Христа на кресте и спасенный Им (Лк. 23: 40–43), в православной традиции – ключевой образ кающегося грешника, образец истинного покаяния, выражающий кенотический тип русской духовности (Г. П. Федотов). О кенотическом «снисхождении милосердного Бога к недостойному грешнику» как центре православного благовестия, за который «ухватился» русский народ, писал Н. С. Арсеньев: «Снисходящая спасающая любовь Божия, спасающая как раз и грешника, и именно грешника, – вот что поразило раз и навсегда душу русского народа. В этом отношении Достоевский в одной из основных его тем – обращение грешника, прикосновение благодати к сердцу грешника – глубоко народен» (*Арсеньев Н. С.* Духовные силы в жизни русского народа // Арсеньев Н. С. О Жизни Преизбыточествующей. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 253–254). Сравнивая Достоевского с евангельским разбойником как ключевым концептом русской религиозности, феномен Достоевского раскрывал и Розанов: «Был “ближе к Истине” Разбойник на кресте, нежели Платон в Академии» (*Розанов В. В.* Чем нам дорог Достоевский? (1911) // Розанов В. В. Собр. соч. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 536). (Комментарий А. Медведева.)

[161] *...Достоевский предлагает Алешу последствием греха...* – над вопросом Розанова «Да нужен ли грех для спасения, как в “Братьях Карамазовых”?» Пришвин размышляет в Дневнике от 6 декабря 1919 г. (Дневники. 1918–1919. С. 461–462). В Дневнике от 2 октября 1941 г. Пришвин противопоставил «язычников» «Толстого – Горького», утверждающих гуманистическую веру в доброго от природы человека («homme de la nature» – Руссо) и не знающих греха («чувство поэзии святости мира»), христиан-

ству Достоевского, погруженного в человека и ставящего «прекрасное в зависимость от греха». Свою творческую задачу Пришвин видел в единстве, которое не было достигнуто Толстым и Достоевским: «Из мира природы (роды) – войти в мир человека и смерть представить как роды личности бессмертной». См. также запись от 28 января 1944 г. (*Пришвин М.* «Какая остается Россия после бесов». Из дневниковых записей о Ф. М. Достоевском / вступ. заметка, примеч. и публ. Л. А. Рязановой // Дружба народов. 1996. № 11. С. 199). (Комментарий А. Медведева.)

[162] *...исходя из дурной языческой греховной природы...* – ср. с ап. Павлом, говорящим о «смерти» греха в свете Искупления и Воскресения Христа: «Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?» (Рим. 6: 2); «Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6: 10–11); «Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью» (Рим. 6: 14). (Комментарий А. Медведева.)

[163] *...тип языческого развратника (вроде Тернавцева и Розанова)...* – о присущем себе остром сознании греховности Розанов писал в «Уединенном»: «Что же была та стрела, которую постоянно чувствовал в моем сердце? И от которой, в сущности, и происходит вся моя литература. Это – грех мой. Через грех я познавал все в мире и через грех (раскаяние) относился ко всему в мире» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 103). Розанов стремился к преодолению «черного» христианства (грех) и утверждению христианства как «света и радости» (любовь). В старце Зосиме и Ферапонте из «Братьев Карамазовых» Розанов видел выражение «вековечной» истины о «борении двух идеалов – благословляющего и проклинающего, миролобызающего и мироплюющего, поднимающего из скорби и ввергающего в скорбь»: Зосима «преодолел тяжесть греха и не чувствует его, не чувствует в себе и в самом мире <...> не бояться греха, не убегать грешного человека; <...> разливается светозарною любовью на целую природу, на безгрешных животных». По Ферапонту («обратный полюс Зосимы, его благости, его отсутствию тягостного ощущения греха»), «мир именно подавлен грехом» (*Розанов В. В.* Религия как свет и радость (1899) // Розанов В. В. Собр. соч. Около церковных стен. М., 1995. С. 11–13). О разделении на «здешний мир (земной)» и «“тот свет” (идеальный мир)» как результате греха и о кн. Мышкине, соединяющем в любви «небесное» и «земное», Пришвин писал в Дневнике от 27 мая и 9 июня 1921 г. (Дневники. 1920–1922. С. 181, 184). (Комментарий А. Медведева.)

[164] *...жизнь «Пана», как изображал ее Разумник.* – Полемика с Ивановым-Разумником уходит корнями в статью «Великий пан» (1910–1911) – первую серьезную критическую статью, посвященную творчеству Пришвина,

в которой критик отводит писателю важнейшую роль в задаче обновления культуры: «Он (Пришвин. – *ред.*) хочет подойти к решению вечных мировых вопросов, но чувствует, что для этого недостаточно «безумно вопить» (как многие из современных писателей) <...> надо прежде всего суметь слиться с тем миром природы, в котором живешь <...> Перед нами тонко чувствующий чуткий, субъективнейший художник, ищущий <...> у природы ответа на вековечные вопросы духа. Зло мира, грех, смерть». Великий пан, «примитивная стихийная мировая душа», в статье критика вполне обоснованно становится вехой на пути художественного освоения мира Пришвиным («...из всех книг... обрисовывается примитивная, стихийная душа самого автора: примитивная – в смысле «лукавого мудрствования» на пути его духовного поиска – заметим, что речь идет о преображенном художественным видением пантеизме, а не о мировоззрении (пан – бог, исполненный природного вдохновения»). В 1936 г. Пришвин рассуждает в русле давней статьи Иванова-Разумника («6 Марта 1936. Рождение пана – вот чудесная тема, которую можно противопоставить рождению человека. (Страсть к жизни: радость творчества. Творчество как процесс рождения пана.) Рождение человека должно означать муки человеческие при рождении пана. Между тем люди обоготворили смерть свою, отказ от жизни сделали достойнейшим чувством, украшая его «любовью к человеку» вообще и подобными добродетелями» (Дневники. 1936–1937. С. 34)), а также отмечает новый этап в своем мироощущении («7 Мая 1937. Чувствую теперь стыд за длительную эпоху своего кокетства варварством, дикостью, пантеизмом. Противно смотреть на себя. Искупает подлинность и глубина переживания» (Дневники. 1936–1937. С. 564)). Ср.: *Иванов-Разумник Р. В.* Великий пан // Иванов-Разумник Р. В. Творчество и критика. Статьи критические 1908–1922. СПб., 1922.

[165] *...матрос выстрелил в актера, который читал стихи о Христе.* – Пришвин часто обсуждает случай в одном из петербургских театров, в первые революционные годы, который обсуждался в обществе. Ср.: «7 Июля 1935. Нет ни малейшего сомнения в том, что человек живет не о едином хлебе, но если <зачеркнуто: доведен человек до того, что> кто-нибудь из последних сил добывает хлеб, то как сказать ему это “не о едином хлебе”... Напротив, каждый из нас, испытавших крайнюю нужду, знает момент, когда сильное желание хлеба раскрывает его солнечную природу, в которой исчезает разделение жизни сытых людей на заботу о хлебе и еще о чем-то “высшее”. < На полях: Это момент рождения всех пролет. революций. Самое ненавистное существо в это время – кто говорит, что “не о едином хлебе”... (Матрос при слове “Христос” стрельнул в актера). Слова “не о едином хлебе” относятся к сытому человеку, голодному почему-то это сказать нельзя, напротив, голодному надо сказать именно, что в хлебе единство солнца, земли и труда человека.> И вот искушение сатаны... утверждение существа, независимого от хлеба... Вот современная тема, если взять во весь рост: хлеб – это жизнь, это солнце, и ты против (об этом рассказано в Евангелии). Но что может сказать в свою защиту со-

временный человек, положивший свое счастье в дело добывания хлеба?» (Дневники. 1932–1935. С. 745–746).

[166] *...вот почему в «12-ти»...* – речь идет о поэме А. Блока «Двенадцать» (1918).

[167] *...речь Сталина о том, что «победа за нами».* – Имеется в виду речь Сталина на Красной Площади 7 ноября 1941 г.

[168] *...перед ним себя разыгрывать.* – В машинописной копии 1943 г. вариант записи: «Одиночество, т. е. быть самому с собой: ведь это же значит быть с Богом наедине: это ужасно трудно. Вот отчего от одиночества бегут к людям. Так складывается "общественность" беспризорников. (N из беспризорников и такой начальник, что готов последнюю рубашку отдать.) Отсюда происходят все заговорщики, подпольщики и, может быть, сама "религия человечества". Продумать в другой раз это, что, бывает, человек в ужасе бежит от себя и припадает к другому человеку: Каин. И что тут "проклятие" (т. е. что лишен одиночества, т. е. общения с Богом, и [определен] быть всегда с человеком (в человечине)».

[169] *...навеянного, вероятно, Розановым и подобными.* – В православии Розанов видел воплощение культа Голгофы, считая, что все «земное» в нем «монофизично» истреблено и оставлено «только небесное, божественное, сверхъестественное»: «Вообще Голгофа перенесена в самый Вифлеем и вытравила в нем все радостное, легкое, все обещающее и надеющееся. Никогда не видно в православной живописи (самобытной и оригинальной, распространенной повсеместно) и животных около Вертепа Господня: коров, пастухов, маленьких осликов. Вообще, животное начало с страшною силою отторгнуто, отброшено от себя Православием. <...> Так как, в сущности, метафизичнее смерти ничего нет, и ничего нет более противоположного земному, чем умирающее и умершее: то в этой крайности направления Православие и не могло не впасть в какой-то апофеоз смерти, бессознательный для себя и однако мучительный» (*Розанов В. В.* Русская Церковь (1906, 1909) // Розанов В. В. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 337). Культ Голгофы привел, по Розанову, к «искусственному положению брака» в православии: «"Господь в гробу" – какая же мысль о браке?» (*Розанов В. В.* Случай в деревне (1900) // Розанов В. В. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 446). Христианство как метафизику смерти, его антиродовую направленность Розанов стремился преодолеть ветхозаветным и древнеегипетским онтологизмом. Ср.: «24 Января 1940. Розанов боролся на два фронта»; «вот христианство, по Розанову, обыграло жизнь в самом зародыше». (Комментарий А. Медведева.)

[170] *Платонова я должен побить...* – чувство полного социального одиночества, в котором пребывал Пришвин и к которому он привык (ни один

человек, включая друзей, даже не подозревал о том, какой дневник он ежедневно ведет), делало писателя еще более уязвимым при столкновении с непониманием и осуждением – за уход от действительности, равнодушие к проблемам современной жизни, поиск «немедленного счастья», эгоцентризм. С Платоновым Пришвин не вступает в полемику даже на страницах дневника – Платонову чуждо мировоззрение Пришвина: он «является несомненно врагом моей личности». Очень существенно, что о «Неодетой весне» в 1950 г. сам Пришвин так пишет во вступлении к выходящей книге: «Автор должен признаться, что, прочтя через 9 лет свою “Неодетую весну”, он сам теперь неудовлетворен решением задачи. Дело было так: для своего большого романа <...> я должен был добыть своим способом материалы, относящиеся к стихии воды. Для этого я сделал маленькую экспедицию на разлив Волги <...> Дальше надо было ждать времени, когда эти этюды неодетой весны так сживутся с моей душой, что свободной войдут в картину <...> можно было тогда напечатать их такими же набросками с первого взгляда, как они и были. Но я сделал для них сюжетную сцепку. Вот эта привнесенная “сцепка” создала какой-то неприятный теперь для меня привкус, не отвечающий строгой простоте моих переживаний неодетой весны» (Собр. соч. 1956–1957. Т. 3. С. 758); и позднее в дневнике: «24 Декабря 1952. Читаю с огорчением “Неодетую весну” <...> Так плохо, так неприятно написано, что гордость моя самим собой слетела и я представил себя со стороны <...> жалким самолюбивым существом» (Собр. соч. 1956–1957. Т. 6. С. 660). Ср.: «Не укротившись оседлостью в Загорске, автор устроил себе дом на колесах, то есть соорудил на кузове грузового автомобиля жилище “из двойной девятимиллиметровой фанеры” и собрался в путешествие. ...Чтобы использовать крепкий утренний наст и успеть добраться до «страны непуганых птиц и зверей», пора было выезжать. Кот на крыше торопил путешественников, последних же ожидали вдали непуганые птицы и звери. Скажем здесь, между прочим, что настойчивое, постоянное упоминание этой вещи “страны непуганых птиц и зверей” – кажется нам самохарактеристикой испуганного человека; возможно, что у человека есть основание для испуга, возможно, что у него есть причина искать эту “непуганую” страну, созерцая с раздражением, страхом или в отвращении современный человеческий род. Но, несомненно, стремление уйти в “непуганую” страну, укрыться там хотя бы на время, содержит в себе недоброе чувство – отделиться от людей и сбросить с себя нагрузку общей участи из-за неуверенности, что деятельность людей приведет их к истине, к высшему благу, к прекрасной жизни. Эту оговорку мы делаем не по отношению к М. М. Пришвину, а по отношению к философии ухода в страну непуганых птиц и зверей. Мы занимаемся здесь не осуждением, а лишь изложением своего понимания и впечатления. ...Рассмотрим – является ли дорога в страну непуганых птиц и зверей тем путем, на котором хотя бы некоторые, пусть своеобразные, исключительные, люди могут найти свою судьбу, свое счастье и свое жизненное призвание. Эта дорога в страну непуганой природы является давней темой М. М. Пришвина; он давно зовет туда за собой читателей; посмотрим же, есть

ли смысл и польза направляться туда вслед за писателем-путешественником... повесть-путешествие построена в виде серии небольших глав. М. М. Пришвин записывал в эти главы все явления и обстоятельства неодетой весны... описывается блаженная возможность выпить чаю на "темнозорьке" после хорошего сна, когда кажется, "будто в сжатом моем кулаке находится какой-то чудесный театр, и по мере того как зорька разгорается, я разжимаю кулак и показываю на весь мир величайшее действие... Действие это заключается в движении весны по стране непуганых птиц и зверей. Автор описывает это движение первоначальной весны как натуралист и как поэт. Отсутствие внутреннего контроля (а может быть, излишний энтузиазм любителя природы) не позволило ему отобрать факты по их действительному достоинству, и повесть поэтому перегружена мелкими событиями, пустяковыми описаниями сугубо личных, интимных, претенциозных настроений. Это можно объяснить упоенной и упивающейся любовью автора к своему царству природы, царству "Дриандии", которое он хочет сберечь со страстной, плюшкинской скупостью и поэтому закрепляет образ своего царства на бумаге со щедростью, превосходящей поэтическую надобность. ...С точки зрения натуралиста этот способ изложения хорош, с точки зрения поэта – излишне обилен. Два намерения автора – натуралистическое и поэтическое – перемежаются, скрещиваются в повести и мешают одно другому. Где берет преимущество поэтическое воодушевление автора, там получаются стихотворения в прозе, где автор работает как натуралист-наблюдатель, там появляются небольшие открытия из жизни животных и растений. И, наконец, где автор философствует, пытаясь сочетать поэзию, мысль и природу, там у него ничего не получается. В чем философия новой повести М. Пришвина? Пришвин сам определяет ее словами Пушкина: "Так ложная мудрость мерцает и тлеет / Пред солнцем бессмертным ума. / Да здравствует Солнце, да скроется тьма!" Но солнце понимается у Пришвина буквально, как светило на небе и как родоначальник всей земной природы. Человечество и его историческая деятельность несравнимы с деятельностью солнца и его периферией – земной природой. Поэтому лучшим наставником и воспитателем людей остается природа, – причем природа, так сказать, в сыром виде, а не природа, превратившаяся в историю или культуру человечества и "искаженная" последним.

...Однако в этой натурфилософии, кроме ее лживости, есть одно частное, специальное свойство. Человека в глубину природы может увлекать его естественное инстинктивное чувство родства с нею, интерес к гигантскому, вековечному и ежедневно увеличивающемуся опыту жизни несметного мира животных и растений. Это простое, "нефилософское", но истинное и доброе чувство. И в ту же природу можно уйти по-монашески, чтобы спастись в ней, как в скиту, от человеческого общества. Это уже философия и философия социальная, а не философия натуры. В таком отношении к природе скрывается своя социология. Причина происхождения такой социологии заключается в несовершенстве человеческого общества; носителями же этой социологии являются наиболее эгоистические личности, не желающие

преодолевать в ряду со всеми людьми несовершенства и бедствия современного человеческого общества, ищущие немедленного счастья, немедленной компенсации своей общественной ущемленности (лишь кажущейся им благодаря развитому эгоцентризму своей личности) – в природе, среди “малых сих”, в стороне от “тьмы и суеты”, в отдалении от человечества, обреченного в своих усилиях на заблуждение или даже на гибель, как думают эти эгоцентристы. И вот такой человек искусственной походкой уходит в природу и начинает там заниматься ребячеством, пока сам не рассмеется, если он умен. Нет, мы оценим “страну непуганых птиц” и сохраним ее, но смысл нашей жизни находится среди людей, а не среди животных и растений. Из такого «философского» материала, естественно, не могло получиться высокого художественного произведения даже у такого одаренного поэта, каким является М. М. Пришвин. На все наши рассуждения автор может нам ответить, что через природу, через ощущение “лучей великого мира”, он ищет пути к открытию возвышенного образа нового человека. Тогда мы обращаемся к писателю с просьбой – пройти этот путь как можно скорее. И еще одна просьба, если она уместна, – любому писателю не следует быть окончательно убежденным в том, что он все знает, иначе он утратит способность к пониманию» (*Человеков Ф.* 1940. URL: http://tululu.ru/read9807/2/).

[171] *...принимать к сердцу дела иных униженных и оскорбленных.* – Аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861).

[172] *...подчиненных извне единственному закону непротивления злу.* – В начале 1930-х гг., размышляя о фундаментальных категориях добра и зла, Пришвин вырабатывает современную стратегию жизни и работы, определяя этическую норму, не абстрактно-понятную, но трагически-реальную, соответствующую современной жизни. Героическая модель поведения никак не вписывается в новую абсурдную реальность и, по Пришвину, не может быть способом борьбы с ней, потому что любому сопротивлению противостоит смерть. Ситуация тотального принуждения – господства зла как такового, с которым невозможно открыто бороться, – обращает писателя к толстовской идее непротивления злу насилием и попытке оценить современную жизнь в свете этой идеи. У Пришвина нет иллюзий, он понимает, что на самом деле речь идет о самой народной душе с ее традиционной установкой на то, чтобы пережить, переждать, пока «зло перейдет», пока «боги насытятся кровью», и о необходимости изживания подобной установки – «просветления масс» («29 Мая 1930. Непротивление злу. Надо разобраться, какое зло. Тот, кто требует непротивления злу, конечно же, потому прибегает к этому, что непротивление злу представляется единственным средством борьбы. Но если бы хоть какая-нибудь возможность была уничтожить зло прямой борьбой, то, конечно, никто бы не стал говорить о непротивлении. И такого рода зло живет среди нас постоянно: в сущности, это бессильное, не творческое, мелкое повседневное зло. Но есть другой род зла, это большое, творческое зло, вроде, напр., государственности. Это зло так же необходимо для достижения высшей цели, как выжидающая длительность в творчестве или самое время, как срок: с этим ничего не поделаешь и приходится дожидаться, когда время

пройдет. Вот и теперь несомненно, все господство зла обусловлено состоянием в данный момент всего народа. И мы все знаем, что это зло "перейдет", это зло в нашем сознании почти сливается со временем, сроком, необходимым для просветления масс. Борьба с этим злом, определенным для государства на срок, невозможна, и в этом смысле можно говорить о непротивлении. Но это творческое зло рано или поздно должно перейти в добро, и нам при всякой организации, при всяком господстве зла можно стоять на путях добра. Тут в недостижимых для зла недрах совершается постоянно та самая героическая, жестокая борьба, которая рано или поздно придаст постоянному творчеству жизни форму видимого добра. Итак, непротивление злу означает сознание бессилия борьбы со временем или сроком, на который в творчестве жизни необходимо определяется господство зла. А "пассивное сопротивление" есть иначе борьба со злом на путях добра в смысле подготовки... Наш социализм питается разложением государства и является продолжением великой войны: верней всего, это мост между одной и другой будущей войной. Сила его состоит в определенном отношении к факту войны» (Дневники. 1930–1931. С. 125–126).

[173] *...другая еврейка (елецкие случаи)...* – в машинописной копии 1943 г. приписка: «Спасая отца от казаков, побежала за бумажными деньгами, чтоб не давать имевшегося под рукой золота и рисковала этой затяжкой».

[174] *Купеческий мальчик Волков...* – прототип одного из персонажей будущего романа Пришвина «Осударева дорога», бывшего миллионера, разочаровавшегося «во власти рубля». В 1920-е гг. к Пришвину попал уникальный документ – рукописная «Книга для записывания семейных дел и исторических, общих событий, дневников и проч. Дмитрия Ивановича Волкова» (Октябрь. 2003. № 2. С. 141–172).

[175] *...«не единым хлебом» и «оставь отца и мать»...* – Мф. 4: 4, Мф. 10: 37 и Лк. 14: 26.

[176] *Ляля жила на Оби три года...* – речь идет о ссылке в Колпашево (Нарым) в 1932–1935 гг.

[177] *...(отец Ферапонт у Достоевского).* – Имеется в виду персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» о. Ферапонт, противник старца Зосимы и в его лице старчества, которое считал вредным и легкомысленным новшеством.

[178] *...от той далекой встречи в Париже...* – имеется в виду первая любовь Пришвина Варя Измалкова.

[179] *Чтение Нагорной проповеди у Святого озера...* – под влиянием рассказа Валерии Дмитриевне о поездке с отцом к Светлому озеру, где она однажды читала Евангелие старушкам-паломницам; год поездки точно она

вспомнить не могла. Прившин был на Светлом озере в 1908 г. Ср.: «Сказать, что снилась у Светлого озера девочка с большими глазами… нет! Из этого складывался какой-то сон… не девочка с большими глазами, а сама душа ее, и не те известные слова, а слияние слов. Что-то около этого… Но что? Осела забота в душу и повела…» (*Пришвина В. Д.* Путь к Слову. С. 160).

[180] *…и чурбан бы процвел…* – Чсл. 17: 1–8.

[181] *12 лысых мороз сломили…* – имеется в виду бытовавшее в Архангельской области поверье: если в сильный мороз выйти на улицу, насчитать из прохожих двенадцать лысых, то на нос последнего пересядет мороз. Ср.: «28 Декабря 1910. Белев. Треснула изба. Старуха говорит старику: помолись! Вышел старик, стал против месяца и молится: двенадцать лысых, мороз сломите. Уперлись лысые. Треснула изба и села, дыры засветились, матица лопнула. И сломился мороз» (Ранний дневник. С. 414).

[182] *…блудница Рааф признала Бога…* – Евр. 11: 31, Нав. 6: 22–25.

[183] *…со страной, кипящей млеком и медом…* – Исх. 3: 8.

[184] *Читали Руфь…* – Библия. Книга Руфь.

[185] *Девора: книга Судей…* – Девора или Дебора. Суд. 4: 4, Суд. 5: 7.

[186] *Иезавель – женское коварство на службе Богу.* – 3 Цар. 19.

[187] *Рассказ о Вакуле…* – персонаж повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», 1831–1832).

[188] *Вечером зашел к лесничему…* – на обороте приписка: «Лесничий читал свой рассказ, очень наивный и просто совсем как неграмотный. Но в нем сказывается охотничья любовь к природе, и, вспоминая свое время, тоже ведь и я вначале писал плохо. Значит, в общем похоже как и я тоже в лесу начал писать. И все вспомнилось… Меня тоже тогда, как Лялю, тянуло в сторону, и время мое было в будущем. Но я переболел местом и временем, мне место стало везде. После того явилось любовное внимание к жизни, и я стал выбирать из нее хорошее и по этому хорошему, найденному, строить на бумаге возможную жизнь. Так вот теперь ставлю вопрос, есть ли эта найденная в себе самость языческая самость, т. е. удовлетворенность самим собой, своим временем и своим местом? Нет, не временем, не местом в том виде, как они даются, я не удовлетворяюсь, но я на этом же месте создаю другое возможное и из этого настоящего времени делаю другое возможное будущее. Я не бегу, не стремлюсь, не ставлю себя в зависимость от внешней перемены; напротив, именно здесь на своей, на данной земле и в настоящий момент я вместе с этим своим временем и местом, я начинаю насыщать

свою неутолимую потребность двигаться вперед, переделывая это мое настоящее в будущее, и это мое земное место в небесное. Христианское ли это понимание себя или языческое? В христианстве единый Бог, в язычестве идолы, своим множеством бесконечным стремящиеся заместить единство всеобщее настоящего Бога. Идол – это ограничение божественной личности человека, самостью страстной, эгоизмом. 1) Я не сам – я раб. 2) Я сам – индивидуальность (свобода, равенство и пр.). 3) Я сам есть раб Божий – личность – Богочеловек. Вопрос приводит к новому вопросу: есть ли мое писательство служение какому-нибудь идолу. Я думаю, что нет. Так что путь христианина... Ах, вот в чем дело: значит, тогда в своей пустыне, когда я начал свое писательство из любви, я тогда, уже переболев, отказался от своей самости страстной: богатства, славы, общества и т. д. Значит, Бог и тогда был со мной, и я только не называл Его общим именем. Я прошел уже через свою необходимую пустыню, и мне везде на земле стало одинаково, везде место свое и время свое. Я пришел на эту землю из своей пустыни, и земная жизнь, знакомая мне со всех сторон, не является мне идолом. Напротив, я представляю себе возможность, что иной человек из небесной жизни на том свете создает себе идола, которым заслоняет себе вход ко всему живому и прекрасному на земле. Значит, дело не в наименованиях, потому что и сам Христос у человека с физической природой может стать идолом, т. е. ограничением и неподвижностью, порождающей смерть. Главное благое свойство Бога – бесконечное движенье. И главное зло – стремление ограничить это движение – поклонение идолу. – Никакой силы не найдется такой на свете, чтобы могла во имя Христа, значит, лично сделать то, что делают все просто для себя, во имя своей общей самости, своего множества. Социализм в своей сущности именно и есть эта сложенная сила самости общей, противопоставленной личности. Вот, наверно, почему христиане и отказываются от земли, чтобы здесь на земле улучшить жизнь людей: сделать личностями всех невозможно, значит, неизбежно страданье, и победа возможна лишь через страданье сознательное, т. е. отказ от этой жизни для иной (отчасти это я и проделал. См. выше). – Да прямо и никакого терпенья, никакой настойчивости не хватит делать во имя Христа то обыкновенное, что делают все для себя. На этой основе и родятся все чудодеи русские».

[189] *Мы читали Песнь Песней...* – Кн. Песни Песней Соломона.

[190] *Весна света.* – Свет – один из важнейших архетипов поэтики Пришвина, универсальная собирательная ценность (город света, весна света, игра света и тени, архетип солнца др.). Весна света – его любимое время года («26 Июня 1936. Мое время сильнейшей впечатлительности <...> весна света», «13 Декабря 1936. Весь день слегка морозный просверкал, как весной света» (Дневники. 1936–1937. С. 244, 401)). Составляя первую летопись своей жизни в 1918 г., писатель отмечает: «1885. Второй класс <...> Счет годов с весны» (Дневники. 1918–1919. С. 365). Ср.: «2 Марта 1951. В Москве уже лет тридцать и больше я наблюдаю чудесное время, названное

мною весной света <…> Лет пятьдесят я уже веду пропаганду весны света», «30 Декабря 1953. Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям “весну света”» (Собр. соч. 1956–1957. Т. 6. С. 372–373, 794). В 1936 г. в дневнике зарождается рассказ «Весна света» (1938).

[191] *Розанов в своих «людях лунного света»…* – в книге «Люди лунного света. Метафизика христианства» (СПб., 1911) Розанов с позиций брака полемизировал с девственностью как аскетическим идеалом христианства. Половую «силу» Розанов выражал с помощью шкалы чисел от …+7 до –7… (*Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1913. С. 36). (Комментарий А. Медведева.)

[192] *…не вырождением, а возрождением.* – Розанов связывал христианство с концом мира, считая, что оно *«попыталось* отвернуться» от родовой жизни, «и через это потрясти очаги рождения, разрушить недра мира, как бы проколоть иглой *мировой зародыш,* зародышевое *начало мира, зародышевую сущность мира*»: «Попыталось и не успело: ибо люди все-таки рождали <…> их проклинали, звали к *другому* (девство, монашество, аскетизм) – но все-таки они рождали и рождали: и *в этом одном* христианство, как выразился Достоевский, и “не удалось” <…> Но уже *постановка* этой *цели* естественно вела к идее “конца мира”, к распространению чувства, что “*конец* пришел”, “конец *близок*” и даже “*у дверей стоит*”: ибо цель эта именно включала “конец мира”, но не как *существо* и *истину,* а как *зов,* как *пожелание,* как *черный идеал!* Таким образом “бессеменное зачатие”, поставленное как “А” в Евангелии, уже содержит его “0” – конец, катастрофу, “падающие звезды” и “серный огонь неба”, и “восстание мертвецов”, сих “граждан нового века”, и “страшный суд”» (*Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1913. С. 69–70). Ср.: («б/д. 1909–1910. Розанов в своей книге “Люди лунного света” дает нам прямо анатомию психики таких людей: есть люди, выделенные природой из общего языческого мира, где едят, размножаются и дерутся из-за еды, – это “люди лунного света”, христиане, псалмопевцы» (Ранний дневник. С. 310 и коммент. к записи, С. 749). (Комментарий А. Медведева.)

[193] *В 1943 г. Пришвин впервые приступает к созданию машинописной копии и начинает с дневника 1941 г. В процессе работы в подлинник вписывается целый ряд следующих вариантов, приписок, замечаний и пр.*

17 Февраля. Второй Адам (Спиритуалист). Около времени 1905 года я почувствовал себя больным и в то же время, как это ни странно покажется, виноватым перед здоровыми. Никогда я не слыхал о таком душевном состоянии, но сам испытывал в сильнейшей степени, и до того это меня принижало, что иногда глаз поднять не мог на здорового, деятельного и веселого человека. Случалось, превозможешь себя, нарочно весело о чем-нибудь расскажешь, оглянешься: а они все не смеются и так странно глядят на меня. А то, напротив, когда все серьезно что-нибудь обсуждают,

вдруг чему-нибудь своему улыбнешься, и кто-нибудь заметит и спросит: – Чему вы? – Так, ничему, – ответишь. И опять на тебя поглядят как на странного.

В то время я служил в Клинском земстве агрономом (1903 г. – *Я. З.*) и занимался самой здоровой деятельностью: борьбой с кулаками (кула́ки в России до Октябрьской революции — зажиточные крестьяне, пользующиеся наемным трудом, а также занятые в сфере перепродажи готового сельхозтовара, ростовщичества, посредничества. — *Я. З.*). Мы от земства покупали по оптовой цене железо, гвозди, плуги, молотилки, косы, лемеха и всякого рода другие сельскохозяйственные орудия и продавали их крестьянам дешевле, чем кулаки. В этой здоровой, полезной и честной деятельности я был окружен здоровыми людьми и чувствовал себя перед ними униженным и виноватым за свою какую-то отдельную, скрытую жизнь. В этом состоянии доходило у меня до страха перед острыми предметами. <*Зачеркнуто:* В этом и состояла моя болезнь, в этих берегах и билась речка моей души.> А теперь, как раздумаешь об этом далеком времени, то ничего страшного в этом состоянии своей виновности перед здоровыми и не находишь. Живут здоровые люди и судят друг друга в деле, которое вместе все делают. Так и дикие гуси на перелете машут крыльями, а когда один слабее машет, отстает, устал, заболел, не расстраиваться же всем из-за одного. Правда, у людей есть человеческое сочувствие, есть любовь. Но ведь это должен заслужить, и оно, сочувствие к себе, должно само прийти. Если же нет этой любви, то не просить же ее, не требовать, не судить больному здорового. Без любви со стороны здорового, без особенного сочувствия больной человек ведь эгоист, и этого надо стыдиться и виноватиться перед здоровыми.

Однажды в каком-то большом заседании земства один врач стал ко мне приглядываться, а я, почуяв это, прятаться в себя от него. После заседания врач добился от меня искреннего разговора, и на вопрос его, почему я не удовлетворен земской деятельностью, я ответил: – Мы вводим в севооборот клевер, – кто это выдумал? – Не знаю, а кто? – Кто угодно, это все равно, только не я. Поняли? – Нет. – Ну, хорошо: у нас учат неграмотных, – кто выдумал азбуку? Не я. Понимаете? – Не понимаю. – Ну, хорошо, человек болен, я прописываю касторку, опять не я же выдумал касторку, а что от меня прибавляется? Ничего, и от этого я чувствую себя виноватым перед всеми. – В чем же ваша вина? – В том, что все вместе и в деле жизни за одно, а я отдельно от них: какой бы он ни был маленький, за него все, а я, какой бы ни был большой, сам по себе, без связи с ними я маленький, в этом и есть болезнь моя... – Вы большой спиритуалист, – сказал доктор. – Нет, – ответил я, – это не от духа – богатства, а от недостатка какого-то при наличии духа, вот как у наших мужиков. Нигде в мире ни у какого народа нет столько свободной земли, а у нас по всей стране ходоки: земли, земли. Легенда об Адаме. – Ну вот, вы теперь-то меня понимаете: я второй Адам. – Все что угодно, – ответил доктор, – но только вы не агроном. Вы большой спиритуалист.

Вполне и даже очень-очень возможно, что доктор говорил вполне серьезно, что спиритуалист. Но я «спиритуалист» принял за насмешку и о

самой болезни своей ничего ему не открыл. <*Зачеркнуто:* Я был очень искренним с доктором, но самого главного я не сказал, самая главная моя тайна в то время была в том, что я боялся острых предметов.> Время прошло, и боль прошла, или, наоборот, боль моя прошла, и оттого определилось теперь в моем сознании так четко это время конца индивидуализма. По существу я доктору правильно говорил, что страдаю болезнью разобщенности с целым Адамом и оттого по законам природы, как отстающий дикий гусь, погибаю и должен погибнуть, если только на помощь мне придет не стадо гусей, а человек. И то было правдой, что я ищу в себе самом такого человека – личность, которая не была бы, как у гусей, просто особью. И доктор, слушая мою легенду о Втором Адаме, понятно, догадывался о наличии какого-то простого психо-физического состояния, которое питало мой «спиритуализм». Это подпольное состояние, открыть которое мне было невозможно, состояло в том, что [я] боялся острых предметов, тех самых кос, ножей, лемехов, отвалов, которые оптом закупал на Мясницкой в Москве и распространял через земские склады в Клинском уезде. Каждый раз, когда я встречал глазами эти предметы, меня тянуло схватить и убить ближайшего ко мне человека. Тянуло так сильно, что я по выходе из дома и по пути в склад чувствовал нарастание и нарастание страха, переходящего в ужас. На всякий случай, чтобы не убить кого-нибудь, я, уже выходя из дома, заговаривал себя: если этому быть, если этому случиться, то я убью себя. В этом я находил себе спасение: как только глаз мой падал на острый предмет, я шептал: «в себя, в себя!» и тем спасался, но днем ужасно страдал, становилось невозможно работать, особенно когда приходилось считать что-нибудь и мерить: я постоянно сбивался и путал. Однажды дошло до того, что я, войдя в склад и увидев, как один крестьянин выбирает себе косу, выбежал из склада и в холодном поту вернулся домой. Мне пришло тогда в голову написать искренне все о себе, как будто я исповедуюсь какому-нибудь мудрому старцу, и эту исповедь отдать на рассмотрение психиатру. Так я и сделал и написал психиатру прежде всего о причине своего расстройства: об утрате той девушки, которую безумно любил. В жизни своей не знал ничего более трудного и страшного, как это письмо неведомому старцу-психиатру. Не потому ли, спрашиваю себя теперь, открываться в тайне личной любви так страшно, для того это и сделано тысячелетней работой общего, чтобы в человеческом улье поменьше бы рождалось трутней. И вот оттого-то, наверное, и было мне так страшно открыться врачу. Но ввиду смертельной опасности, ежедневных страданий я страх этот преодолел, все написал, закончил описанием боязни острых предметов и поехал в Москву.

Это был известный психиатр, прославленный гуманным своим отношением к бедным людям... Меня впустили к нему даже в тот момент, когда он собрался уезжать куда-то далеко, чуть ли не за границу. В первой комнате стояли его чемоданы, во второй он в пальто и шляпе сидел в ожидании меня за письменным столом. Я сел рядом с ним в мягкое кресло и на вопрос «В чем дело?» подал свою написанную бумажку. Чем он был знаменит, человек этот, я не знаю. Он был до того похож на всякого либерального про-

фессора, что ни одной личной черточки лица не сохранилось у меня в памяти. Он взял мою бумажку, углубился в чтение, повторяя время от времени: так, так, так! При последнем решительном «так!» он сделал одно движение, которое мне и теперь при воспоминании причиняет острую боль. Дело в том, что на обыкновенном письменном столе, какие бывают у врачей и адвокатов, рядом с Эйфелевой башней – пресс-папье, стояла на подставке длинная стальная игла, на которую насаживались бумажки в порядке их поступления. И вот когда профессор сказал свое последнее «Так!», он мгновенным привычным движением руки мое единственное, первое признание на бумаге, мою исповедь, посадил, как жука, на иголку. – Ничего особенного! – сказал он. – Как же ничего, – возразил я, – если я не владею собой. – Принимайте ежедневно, – сказал он, – и регулярно в определенные часы ванну в 27°. Вот и все. – Он торопился. – Но как же работать? – спросил я. – А разве вы в таком состоянии работать можете? – Очень плохо. – Не работайте! – И встал. Я положил на стол золотой империал. Он взял его и положил мне его обратно в карман. Очевидно, я не только работать не могу, как все, но даже лишен права расплатиться за работу других. Пронзенный насквозь, как жужелица какая-нибудь, я вышел, стараясь не глядеть в ту сторону, где на профессорской игле в Эйфелевой башне повисла моя первая рукопись.

22 Февраля. Помню из прошлого года, как я заикнулся было о необходимости одиночества как условия творчества и она поняла, что любовь к ней я противопоставляю любви моей к искусству. Тогда она заставила меня признать всепоглощающую силу любви. После у нас тот же спор принял иную форму: во время лесных наших прогулок, восхищаясь чем-нибудь в природе, я говорил ей, что понимаю Бога лучше всего в рисунках мира. Она же мне отвечала на это, что жизненное страдание разлучило ее с таким чудесным детским пониманием Бога и теперь она видит Бога только в любви.

26 Февраля. Прошел ровно год, и опять у меня в гостях К.Б. Сурикова, для которой написан рассказ о человеке, превращенном в термометр (Реомюр). С ней был Бонч, и весь вечер был ученый разговор о сектантах, о борьбе чемреков-коммунистов с нашими («внешний двор»), о том, что русская жизнь характерна этикой всякого рода сектантов и что в этом же положении находятся Китай и Индия. Самое же главное в этом – наличие веры в возможность духовного перерождения. Во время разговора я хотел сослаться на какую-то записанную мною мысль, не знаю, свою или чужую. Видя, что я не могу повторить в точности эту запись, Ляля быстро порылась в моих бумагах и нашла эту запись. В этот момент К. Б. метнула понимающий взгляд: она поняла, что Ляля не как она прошлый год принимала меня за помешанного. А потом и сервиз превосходный, и картинная теща на место Аксюшки. Одним словом, в этом взгляде ее была заключительная глава нашего с ней Гамсуновского романа. И у меня осталось приятное чувство от поставленной точки.

1 Марта. Не брезгливость к телу, а страх со стыдом, и ущемленность личная тем, что все это делают просто, как хлеб едят, а я не могу. В этом есть какая-то нечистота помыслов: нечистота оттого, что ушел от про-

стого («как все») и не пришел к высокому. Так в примере с Иной Ростовцевой, как справедливы и как унизительны эти самоупреки в том, что не воспользовался, когда она отдавалась. Но замечательна моя жизнь как преодоление этого разделения плоти и духа. Я попробовал найти единство путем смирения перед необходимостью быть как животное, отнесся серьезно, приняв на себя все обязательства: плоть насытилась, но духа это не касалось: дух жил своей отдельной жизнью. И замечательно, что при встрече с Л. я просто не видел ее наружности – до того мне нужен был «дух». И потом по мере духовного сближения как будто глаза открываются, как будто прозрел сам и увидел ее прекрасные глаза, пока наконец не захотелось тронуть ее тело рукой, и наконец-то железная дверь всей моей жизни открылась, и я впервые вошел в плоть не от плоти, а через дух, и тут разъяснился до очевидности смысл слов о рождении от Духа Свята и Девы. Оказалось тогда, что и «Христос» не есть образ какой-то бесплотной, духовной или «платонической» любви, а самой обыкновенной земной любви, только не от плоти к плоти, а от духа к плоти, благодаря чему и происходит «спасение» плоти, ее преображение и святость.

В этом освещении мое искусство, моя призывная песнь к возлюбленной были, конечно, и моим поведением. Но когда моя возлюбленная пришла, кончилась моя роль как художника-странника и я начинаюсь как художник-хозяин, зовущий гостей в свой дом на великий пир. (Потому любящимся и кажутся все хороши, потому что пир в душе и хочется всех звать на пир.)

Брат мой Николай имел душу такую же, как и я, но был несчастен. Он ждал священной встречи с другом. И замечательно, что когда он получил от своей дамы сердца согласие, то этот застенчивый до болезни человек объявил свою свадьбу как пир на весь мир и всем друзьям и знакомым писал об этом (никогда никому ничего в жизни не писал и решился только для пира). Значит, если не от плоти к плоти происходит движение, а от духа к плоти, то такое воплощение сопровождается потребностью пира. Бедный Николай: по пути на этот пир священный из Воронежа в Орел на какой-то пересадке он забыл в вагоне свой новый, только для пира сшитый сюртук и вдруг через это одумался. Можно ли, думал он, наверно, на брачный пир явиться в пиджаке? А потом с пиджака перешел на себя... И... он вернулся в Воронеж, не достигнув Орла. Подозреваю, что и другие братья Сергей и Александр тоже бродили возле этого брачного пира, около того священного союза, который в церкви именуется таинством брака.

7 Марта. Беседовал с немцем-коммунистом Курелло <*примечание:* переводчик>. Революция в Европе для него не предмет веры, а прямой расчет. Все знает, во всем умен, и добр, и даже талантлив (пишет неплохо стихи). Но когда сын его, мальчик, то оказалось, и мальчик такой же, заговорили о птицах, он и всех наших птичек до тонкости знает, и я, птицевед, охотник, оказался перед мальчишкой профаном. Через мальчика понял недостаток отца: нельзя без вреда себе столько знать.

Жалость у женщины та же кровь и молоко для питания ее будущего ребеночка. Пока носит, дитя питается кровью, потом молоком и после молока

жалостью. Присмотритесь к несчастным, лишенным материнской питающей жалости, – и вы увидите, что любовь на земле есть единственная достойная удивления сила. Но только в такой любви всеобщей силы этой хватает на свое, и вся материнская жалость изливается только на свое дитя. И мужская сила направляется на дело обеспечения только своей семьи, и так создается собственность, и начинаются войны за нее, и смерть приходит и разлучает любящих. Да, любовь есть, конечно, единая сила, но дело человека состоит в том, чтобы лишить любовь перехода в ее собственность и порождаемую ею смерть. Но может быть, об этом все сказано, и все сделано, всякий, причащаясь к страданию, освобождает себя от смерти. Пусть она и совершится, она больше уже на любовь не повлияет, не осквернит ее собственностью, смерть потеряет тогда свое жало. Все уже сказано, все сделано, мир любви нам открыт, и каждому из нас в отдельности больше уже не нужно его открывать. Мы говорим теперь о том, что есть: мир любви в наших руках, и нам не нужно его открывать: здесь он, в этой минуте, а не там где-то в жизни загробной.

Я в церковь иду не за тем, чтобы там нечто найти, а только чтобы напомнить себе о забытом.

15 Марта. И вот где-то скрипнуло, еще и еще, и так жалостно, за сердце хватает. Это те две сосны, покачиваясь, стонут... как люди, бывает, живут вместе и стонут.

18 Марта. Рассветает. Лет уже сорок меня волнует мартовский голубой свет, но это волнение не прямое, а по сочувствию к прошлому: ведь сорок лет я смотрел на этот свет в ожидании и вот теперь дождался: Ляля со мной. И не сказка ведь, не поэтические слова о Марье Моревне, а действительность. Никогда не думал всерьез, что так бывает. А сколько, наверно, в жизни, куда ни посмотришь, о чем никогда не подумаешь, и сколько есть закрытых, таинственных людей, которые видят и знают безмерно больше тебя. Жутко вспомнить, в какой нищете зародилась эта желанная, голубая моя мечта. Как было больно, как стыдно было, что я голый хожу и мечтаю. Это было похоже, что сходишь с ума и сам до точности знаешь, как сходишь, как движется болезнь. До того было больно за себя голого, что нищий старик с просьбой куска хлеба ради Христа богачом кажется: этот нищий хоть чем-то живет, и его все понимают: и тот, кто дает и кто гонит. Помню, в Петербурге еду с Малой Охты наверху, на дешевом месте конки и вдруг вычитываю в «Новом времени» статью о себе: не обо мне, конечно, думано, а так приходилось ко мне: я думал, я переводил с сильной болью все на себя. Статья была озаглавлена: «Господин в рыбьем пальто», и дальше описывалось, как этот господин поздней осенью в пальто на рыбьем меху, в высоких грязных сапогах переправляется с Малой Охты в город и, ежась от холода, влезает на верхнее место (дешевое) конки и едет, и стучит зубами, и стынет в рыбьем пальто. – А вы знаете, куда он едет, – спрашивает развязный бытописатель, – он едет на религиозно-философское собрание, человек в рыбьем пальто есть богоискатель...

14 Апреля. (*Разработка*: бывают люди, с колыбели почти струится из них поток любви и не разливается, а упирается во что-то, и эта помеха

становится плотиной, и река любви превращается в стоячую воду, украшенную чистейшими белыми лилиями. И бывает у таких людей, вдруг время ли придет, или жданно-желанный, и вдруг плотина рушится, и вся вода сразу бежит. На меня это очень похоже, да, я такой, у русских этого много, много...)

15 Апреля. Узнал, что у них страсть, возникающая при влюбленности, имеет целью привлечение к себе незнакомца и постижение его. – А когда цель бывает достигнута? – У порядочной и нормальной женщины она должна перейти в материнское чувство. – И мужчине тогда придется мириться с положением ребеночка? – Это самое хорошее положение, и мириться тут не с чем, когда ему нужно, ему дадут молочка: пожалуйста, пей. – А если... – Понимаю, если это его не удовлетворит и он пожелает страсти в любящей женщине, он должен совершить какой-нибудь героический поступок, и тогда дома будет принят опять как незнакомец: в этом же и есть героизм, что в нем человек выходит из круга близкого и привычного, и женщину опять манит даль и преодоление расстояния, и средство для этого... Если бы совсем по правде, то каждый ребенок должен бы рождаться от героя.

18 Апреля. У меня выработалась привычка, чуть что случится, даже просто кляксу посадишь, и «Ай-я-яй», а Ляля, напуганная жизнью, если даже крепко спит, это услышит, просыпается, дрожит, спрашивает в ужасе: что случилось? – Кляксу, – говорю, – посадил. – А она плачет и досадует и упрекает: – Ведь я же тебя тысячу раз просила, брось свою глупую привычку, если только любишь меня. – Не буду, не буду, – отвечаю я с смущенным видом. – Ну, – говорит, – поцелуй меня. – Я целую ее, и она засыпает. Так вот и сживаемся, и так надо, а холостяков действительно надо облагать налогом.

Религиозная мания. Сколько жизней таких прошло незаметно, муж весь в деле, а жена молится в помощь ему, и он ее молитву ни во что не ставит, а она в деле его ничего не понимает: он где-то делает, она кому-то молится. Но вот у такой пары (Иван Серг. Микитов и жена его Лидия Ивановна) умерла любимая дочь. Муж ошалел, жена достала и обвешала кровать всеми иконками. Что он ходит шальной, – это считалось вполне «естественным», а что она погрузилась в молитву и стала ждать чуда, это сочли и муж и друзья (Федин) за ненормальность, за религиозную манию.

29 Апреля. Малеевка. Дождь. Приехал за сапогами до 30-го.

Для поэта жизнь проходила в нежнейших соприкосновениях душевных, как у ребенка с игрушками: ребенок тем и занят, чтобы получать игрушки, играть и ломать, но когда приходит мама, он оставляет игрушки и бросается к маме. Так и этот поэт наш, так и я, моя милая, забросил все игрушки любимые, когда ты пришла.

Еще не приподнялись зеленые лепесточки у зимующих трав, приплюснутые толщиной снега тройные листики земляники лежали, не смея подняться, когда и снег сошел. Только на высокой кочке, на ее макушке, где горячие лучи солнца хорошо пригревали и ветер сдувал влажные пары, одна земляничинка стала подниматься на длинной своей ножке.

Как не замечаешь движения часовой стрелки, когда смотришь в упор на часы, так нельзя было видеть, как стали подниматься и нижние. Но когда я возвращался из Старой Рузы по той же дорожке, то нижние земляники почти все поднялись.

Возле дороги среди зеленеющей озими виднелись в маленьком овражке остатки снега, зеленеющие ряды озими были все кривые, еще не закрылись огрехи человека и лошади, и как будто все поле расписывалось неуверенной рукою ребенка.

Всюду обсохли следы вчерашнего дождя, только блестела каплями одна березка при дороге. Это проезжий сломил с нее прутик, чтобы подстегнуть свою лошадь, усталую на грязной дороге. Теперь из поломанных веток капал березовый сок, разбегался по сучкам, останавливался каплями на конечных острых зеленеющих почках. Живительный сок, нагнетаемый корнями, вытекая из ран, разукрасил все деревцо бриллиантами, и оно далеко сверкало среди волнистых зеленеющих полей.

Слава Богу, мне в церковь не нужно ходить: все лучшее, что люди в церкви находят, дано в нерукотворной природе. И когда мне надо молиться, я замираю в лесу, так затихаю, так притаиваюсь, что вижу, как поднимаются прижатые зимой травы, слышу, как трескается почка и как, прыгая, шлепается первая проснувшаяся лягушка. Я все это собираю и приношу на жертвенник мой, где я сам расту, сам живу, сам, как травы, поднимаю слои слежавшихся надо мной прелых листиков. Сегодня я молюсь и прошу, чтобы мне было легче подниматься и расти, легче было в тех усилиях, которыми приходится поднимать на себе тяжкое прошлое. Я не потому прошу легкого вместо тяжкого, чтобы скорее выпрыгнуть, раньше всех показаться на свет, а только для того, что, истратив много труда, начинаешь переоценивать свое значение, гордиться перед нижестоящими и питать зло к вышестоящим и легко вырастающим. Я прошу: – Улыбнись мне, Матерь Божия, и сдунь с меня, желтенького, старые тяжелые листики... Вспомни, сколько раз соблазнялось сердце мое и сколько раз оно не пошло на соблазн.

30 Апреля. Сегодня солнце вышло для окончательной отделки майского дня. По берегу шумного лесного потока я спустился в глубину леса, нашел на полянке старое поваленное дерево и сел на него и с любовью огляделся в потоке и на берегу.

В потоке этом передо мной был [водоворот]. Это было в воде оттого, что поток разбивался препятствием на два, и когда воды, обойдя препятствие, сходились, то одна вода была сильнее и, встретив другую, закруживала ее так, что пузыри не попадали в поток, а закруживались в заводи. Я смотрел на одну рыбку, которой нужно было подниматься вверх против потока к месту нереста, – как же она обрадовалась заводи с крутящимися по ней пузырями, как без всяких усилий она пересекла ее и блеснула, как серебряный луч. А пузыри все кружились по заводи и, как видно, не без надежды попасть в основную струю. Некоторых счастливцев основной поток принимал, и, попав в быстрину, счастливцы подхватывались, неслись с необычайной быстротой и лопались. Глядя на них, я вспоминал счастлив-

цев на моем долгом пути, поэтов, актеров, художников: сколько их тоже полопалось.

Над шумной водой висели ольховые сережки, каждая в три прижатые друг к другу золотистые пальчика, пушилась верба, и зяблик раскатывался.

На той стороне потока против меня темный лес высокого берега оврагом своим будто рот открыл, и белеющий там в глубине снег белел, как слюна, и как длинный язык высунулся на взлобок луга ручей и разбегался по взлобку, и весь этот взлобок блестел, как серебряный.

Боюсь радости в одиночестве, воздерживаюсь, как, любя одну женщину, удерживаюсь раскрывать свое сердце другой. Я по природе своей однолюб, но сегодня я нашел средство соединить и ее и весну, сегодня я, как лесной ручей мчит воды свои в океан, так и я всю радость весны несу в сердце своей возлюбленной. Сегодня мне даже странно думать, как мог я тяготиться своим одиночеством и какое может быть одиночество, когда все соединяется в одном стремлении бежать в океан, в сердце моей возлюбленной. Нет одиночества, нет разделения, все в одно, все к празднику.

Первый цветок я заметил в ямке на омываемом взлобке против ручья: он выглянул из ямки величиной не больше пуговки от белья: внутри его была своя пуговка, совсем маленькая, и это было само солнце, а вокруг были лучи, и весь цветок, как само солнце, был золотой.

Три часа на солнце у ручья просидел я на бревне, и три часа у меня прошли как три минуточки: я все читал вокруг себя, все узнавал, вспоминал. На моих глазах за три часа я видел, как на высокой кочке поднялась на длинной ножке своей земляника. Я ей сочувствовал и язык ее понимал и переводил на язык человека. – Снег-то сошел, – удивилась она, пробуждаясь от зимнего сна. И стала подниматься выше и выше. И когда совсем поднялась и оглянулась вокруг, то сказала лежащим: – А вы чего же лежите, вставайте, вставайте! – И тогда шевельнулись слежалые листики, и стали из-под них выходить на свет на коротеньких светло-желтых ножках анемоны и примулы: макушками своими они, как атланты, поднимали большие сухие листы, и толстые ножки их от этого кривились.

Нет, я совсем больше не боюсь своего одиночества. Будь теперь со мной возлюбленная, разве мог бы я, обнимая ее, заметить все эти встающие из-под старой листвы живые существа и понять эти шумящие воды? Все эти воды, все эти травы, цветы, поющие птицы и желтые бабочки, – все на свете, весь мир этот – одна моя возлюбленная.

На южной стороне, где снег совсем растаял, над водой на холмике стояла небольшая, но правильная и разубранная шишками елочка. Под ней росло много маленьких елок, а вокруг них высокие березки, ольха и осинки. Их было много, но в неодетом лесу все-таки они прекрасную ель закрыть не могли. (Описать, как постепенно создавалась весна и светолюбивые растения на солнце раскрывали листья, и как они спрятали тенелюбивую красавицу елку, как зяблики с прилету прятались в тени ее сучьев, как дом, как тайна лесная. Описать, как создавалась в лесу густель, как хмель овил осинки, будто у заводи, и образовался омут, и я щуку заметил и освободил бабочку.)

Листки, вложенные в дневниковую тетрадь:

Б/д. Я до того привык, воспринимая действительность, вычитывать из нее поэтическую составную часть, чтобы создавать из этого свои поэмы, до того создаваемый мною таким образом мир поэзии делался трудным для сличения с действительностью, что делать этого я никогда не пытался и вообразить себе возможность сопоставления этих миров не допускал. Даже когда я полюбил женщину, то по привычке разделять поэтическую действительность с живой и тут с самого начала справлялся, не поэт ли я тут, не есть ли эта женщина мой собственный образ, и каждый раз было нет: мой образ вполне отвечал тому, что было в действительности. Мне это совпадение было как чудо. И до сих пор в полусне чудится мне, будто не может быть этого совпадения, что нет ее в действительности, а мне она только поэтически видится в моем полусне. Тогда я просыпаюсь, открываю свет, смотрю и любуюсь, и целую, и обнимаю ее, точно такую, какой она мне снится и поэтически видится. Вот чудо!

(Письмо читателю). В далекое время в беседе с Горьким мы соглашались, что если писать по-настоящему и давать читателю не лигатуру, а золото слова, то надо писать, полузакрыв глаза (слова Горького), неведомому другу (слова мои). И после, если не изменяет память, в каком-то письме Горького ко мне было: «Напишите повесть, полузакрыв глаза, одним духом неведомому другу...» Не сразу после этого письма, но вскоре я написал такую повесть («Корень жизни»), вызвавший целый поток ответных писем от неведомых друзей. Некоторые из этих писем составляют золотой фонд моей литературной деятельности, единственный материал, на котором я строю почти бессознательно уверенность в том, что в литературе я не занимаю чужого места. Я бы мог это доказать, но я не к тому веду речь, чтобы себя выставлять, а чтобы оправдать опубликование одного письма красного командира, полученного мною почти накануне войны через редакцию «Красной звезды». Благодаря этому письму наконец-то я понял происхождение того особенного чувства природы, которое мне создало столько друзей и немногих врагов, не понимавших, как и я сам, происхождения моего чувства природы, укорявших меня за то, что в серьезное время борьбы за существование народов нашей страны я занимаюсь цветами и птицами.

15 Июля. 23-й день войны. Жаркие, безоблачные дни. Скорая уборка сена. Кукушку больше не слышно. Недавно она прокуковала мне жизни 91 год. А мне бы только свет увидеть после войны.

Сводки скупые. И тревожит небрежность информации: то скажут: «ожесточенные бои по всему фронту», а то через несколько часов – что боев нет и ничего нет существенного, как будто «существенность» в том только, что мы не уступаем Днепра. Сидим в своем домике и не чувствуем, что он свой. Теперь свой только день, проживешь день и поблагодари за него...

Сютаев когда-то сказал: все в себе и сейчас. В этой формуле поражает вторая часть, определяющая действие. Первая часть «в себе» может быть и буддийской, но «сейчас» – это христианство, это есть требование от «себя» готовности к преображению мира личным действием.

Применяя к себе как к писателю это «сейчас», я должен напрячь все свои силы, чтобы стать на уровне времени и дать соответствующую информацию в вечность.

Для своего народа жду милости на суде, который теперь происходит над националистами, коммунистами и демократами. Жду от коммунизма, чтобы он стал национальным, а от немецкого национализма, чтобы он стал сверхнациональным, т. е. творческим ферментом каждого народа.

Простые люди. Попов, как и многие хорошие русские люди, человек зависимый. Это значит, что при всем своем уме, образовании и опыте он ничего своего резко не защищает, не говорит просто «знаю», а советуется: «Вот я так думал, а как вы?» И если собеседник сказал что-то новое и неожиданное, тут же и пересматривает свое положение. Такой русский человек подходит к другому с вопросом и готовностью удивления. Я тоже такой, и Ляля такая, и все русские, истинно советские люди. Замечал эту задумчивость и у англичан, но всегда полагал, что это у них от культурности. У нас же это раньше было у простых людей, и в этом смысле и называли того или другого простым, хорошим.

Начало рассказа. Велико ли дело в лесу лопух найти, а вот случилось в жаркий день идти тропинкой, открытой для солнечных лучей, и захотелось мне освежить голову росистым, толстым и сочным лопухом. Ну, и вышел такой грех, что чуть ли не целую версту кругом себя в лесу исходил, – что вы подумаете: нигде нет и нет ни одного лопуха. И вдруг самое чудное вышло, когда я плюнул на лопухи и решил насыпать себе в картуз ольхового листу. Только взялся за Ольшину, как вдруг вижу прямо перед собой лопушиную заросль, густейшую и прохладную. Подошел я к этой кругловине, взял один лопух и вижу – под лопухом вода (рассказ о том, как он в яме захотел искупаться, а вода оказалась от весеннего разлива, и в воде от весны жило 14 больших щук. Ушел богатый и счастливый).

Мать. Подкрапивник среди лета поет самые веселые песенки. А самочка его меня учуяла и стала пищать, подавая сигналы своим птенцам. Я затих, она подобралась, стала узенькой, спрыгнула с ветки и побежала между рядами свежескошенного сена. Предупредив своих птенчиков, она вернулась, заметила меня, села у самой руки на веточке и запищала. Написать, какой я большой (о чем писк).

Как стыдно мне было вспомнить, что мальчишкой я таких птичек сшибал из рогатки дробинкой. Такая нежная маленькая птичка-мать, и я ее убивал, а своей родной матери бросал скверные слова. Как не мог я тогда понимать, что у птички есть дети, что перед Матерью, которая всем и всему свету мать, моя родная мать не больше, как птичка...

Как стыдно вспомнить, но и то слава Богу, а то много и таких, что всю жизнь без стыда проживут.

Думал о романе Попова «Потерянная и возвращенная родина», вспомнил его рассказ о причине его выхода из партии: в 14-м году большевики стали пораженцами, а он поступил волонтером против немцев в бельгийскую армию. По существу и мое расхождение с интеллигенцией относи-

лось к тому же пункту: к чувству родины и вместе с тем восстановлению себя самого. Вся моя литературная деятельность и связанные с нею путешествия, экспедиции и вся личная жизнь семейная с 1904 года и по 1940-й была отдана чувству родины. Сколько я потрудился над этим исканием, и никто не понял меня до сих пор и не оценил, и сам я даже плохо сознавал цену всей моей русской скромности и простоты. Попова надо зарядить своим опытом, чтобы ему удалось полегче разбавить, расплавить свою политику и перелить в поэзию или в философию...

4 Декабря. Из книги Чисел о рыжей юнице, приносимой в жертву. Переживание, записанное только так, чтобы напомнить о себе, записано не навсегда, потому что переживание есть процесс внутренней жизни, имеющей свой конец. Когда кончится переживание, то возвращение к записям не возвратит к самому процессу, который кончился. Запись переживаемого возможна лишь в художественной форме, которая дается вместо жизненного переживания или взамен его, а еще вернее, как результат жертвоприношения. Психологический смысл жертвоприношения состоит в чувствительной утрате для Бога каких-нибудь вещественных благ вроде быка, вплоть до первенца-сына, как было у Авраама с Исааком. Если продолжить – от вещественного к душевному, то самая большая жертва – я сам. Итак, Голгофа целиком вытекает из древнего жертвоприношения: отдавая себя, свою плоть на распятие, человек приносит в жертву Богу себя самого и через это самое делается Богом.

21 Декабря. Опять думал о Разумнике, столь знающем человеке: чуть ли не говорит на древних языках, знает все новое, знает музыку всю, математику всю и философию, и шахматы. Но он не знает чего-то очень простого, к чему сводится необходимость знания. И от этого получается, будто все знания у него как-то не для чего, будто он наворовал чужое и не знает, что же с ним делать. Каждый из нас, конечно, пользуется чужими трудами, опытом и знанием, но каждый имеет право из этого скопленного богатства брать лишь столько, сколько может сделать своим личным достоянием. Если же благодаря памяти или интеллектуальной жадности ты нахватал чужого, то это будет воровство, и ты – вором, и еще глупым вором, потому что эти богатства безмерны, как воздух и вода. Лично-моральный фокус, оправдывающий коллекционирование знаний у Разумника находится как бы вне своей личности, а где-то в народе что ли, в пролетарии или в мужике, или в читателе, обязывающем себя самого к строгому и аскетическому поведению, своего рода к подвигу самовоздержания для ближнего. От этого со стороны кажется, будто Раз. обладает абсолютным знанием, исключающим всякие колебания. Не знаю Л. лично, но думаю, что и Л. был очень близок к типу Р-ка, тоже собиратель на благо воображаемому ближнему. И вот отчего Л. тоже как Р., собирал знания во имя ближнего, а сын стал просто воровать для себя. Л. тоже аскет во имя пролетария всех стран, породил много воров и разбойников во имя себя. К этому следует вернуться, потому что нелепо, почему жизнь для «ближнего» порождает преступников. По-видимому, название «воровство знаний» является

одним из элементов сложного психического комплекса, благодаря которому живой человек, рабочий Иван, например, превращается в функцию «пролетарии всех стран». Все, что называется трудом, есть собирание уже ранее кем-то сделанного. Туга или бремя труда состоит в большем или меньшем усилии собирания, находящегося в зависимости от количества усилий предшественников. Так что в труде мы все являемся собирателями или организаторами богатств, сделанного ранее нас. Всякий труд в большей или меньшей степени есть способность пользоваться трудом предшественников. Но каждый, присваивая в своем труде труды всех, ценит в продукте только свое собственное усилие и так создается собственность (Прудон), т. е. узаконение воровства общего добра во имя себя. Социализм в борьбе с «воровством» переменяет «во имя», т. е. собирание чужого во имя себя делает собиранием во имя всех (государство, общество). В социализме расчет состоит в том, что при выключении мотива «для себя» (эгоизм) богатство настолько увеличивается, что каждый может получить по своим способностям и даже потребностям. Совершается, однако, вместе с этим, как показал опыт наш, какая-то коренная ошибка, вследствие которой богатства оказывается меньше, и люди становятся рабами. Эта ошибка, полагаю, состоит в том, что в мотиве собирания чужого «во имя себя» скрывается не один эгоизм, как воровство. В этот внешний эгоизм, т. е. мотив «для себя» входит скрытая сила личности. Каждый из нас, делая для себя, находится в положении Мефистофеля, который хочет творить зло, а выходит добро. И каждый из нас только по ребячьей наивности работает и собирает для себя. Под этой фирмой «для себя» он против воли своей собирает все для других. Итак, если буржуазное общество собственников в существе своем есть общество воров богатства, принадлежащего всем, то социализм есть общество тоже воров, но только собирающих не втуне лежащие общественные богатства, а личную силу, без которой каждый становится рабом. Конечно, источники личной силы народа исчерпываются, и в далеком будущем человечество должно превратиться неминуемо в общество рабов. Общество воров превратилось в общество рабов, и даже не прежних лукавых, а механизированных, без всякой возможности убежать в какую-нибудь Запорожскую Сечь. Теперь давайте разберем, почему же так личность человеческая, т. е. творческое начало жизни (альтруизм) выступает в форме собирания собственности для себя (эгоизм). Другими словами, почему творческая личность человека находится в закрепощении собирателя собственности и в таком неразрывном, что если восстанешь и разрушишь эксплуататоров, то вместе с ними уничтожишь и творцов жизни.

Указатель имен*

* В алфавитный указатель не включены имена неизвестных по биографическим материалам Пришвина людей, встречи с которыми или редки, или случайны, или ограничены исключительно бытовыми вопросами.

* Ввиду частой упоминаемости в биографических материалах Валерии Дмитриевны Пришвиной в указателе страницы с ее именем не приводятся.

СОДЕРЖАНИЕ

Выражаем глубокую благодарность коллективу
Российского государственного архива литературы и искусства
и особенно сотрудникам читального зала
за помощь в подготовке к изданию многотомного
Собрания дневников М. М. Пришвина

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин
ДНЕВНИКИ
1940–1941

Ведущий редактор	*Е. А. Кочанова*
Редактор	*М. А. Айламазян*
Художественный редактор	*А. К. Сорокин*
Художественное формление	*А. Ю. Титова*
Выпускающий редактор	*Е. Д. Щепалова*
Компьютерная верстка	*С. В. Ветрова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.10.2011
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,2
Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)